

Джеймс Клавелл Сегун

Джеймс Клавелл. СЁГУН.

Двум морякам, капитанам Королевского военно-морского флота, которые любили свои корабли больше, чем женщин, как от них и ожидалось.

ПРОЛОГ

Ветер рвал его на части, у него все болело внутри, и он знал, что если они не пристанут в течение трех дней, то все умрут. «Слишком много смертей в этом плавании, – размышлял он, – Я главный кормчий мертвого флота. Из пяти остался один корабль – из команды в сто семь человек – двадцать восемь, – и теперь только десять из них могут ходить, а остальные близки к смерти, в том числе и командир эскадры. Нет пищи, почти нет воды, а та, что есть, – солоноватая и грязная».

Его звали Джон Блэксорн, и он был один на палубе, за исключением впередсмотрящего на бушприте, съездившегося в укрытии, откуда он оглядывал океан.

Корабль накренился от внезапного шквала, и Блэксорн удержался за ручку морского кресла, прикрепленного около штурвала на юте, пока судно не выпрямилось. Такелаж стонал. Судно водоизмещением двести шестьдесят тонн называлось «Эразмус». Оно имело три мачты и было двадцатипушечным военно-торговым кораблем из Роттердама. Это было единственное судно, которое уцелело из первых экспедиционных сил, посланных из Нидерландов уничтожить врага в Новом Свете. То были первые голландские корабли, которые открыли тайны Магелланова пролива. Четыреста девяносто шесть человек, все добровольцы. Все голландцы, за исключением трех англичан – двух штурманов и одного офицера. У них были приказы: грабить и поджигать испанские и португальские владения в Новом Свете, открывать новые острова в Тихом океане, которые могли бы служить постоянными базами и свидетельствовать о принадлежности территории Нидерландам, а через три года вернуться домой.

Протестантские Нидерланды воевали с католической Испанией более четырех десятилетий, боролись, чтобы сбросить ярмо ненавистных испанских хозяев. Нидерланды, иногда называемые Голландией, или низкими землями, все еще официально оставались частью Испанской империи. Англия, единственный их союзник, первой из стран христианского мира порвала с папским двором в Риме и стала протестантской 27 лет назад, она также воевала с Испанией последние 20 лет и открыто объединилась с Нидерландами уже 10 лет назад.

Ветер посвежел, и судно накренилось. Оно шло без парусов на мачтах, но со штормовыми топселями. Даже в таком положении течение и шторм быстро несли его вперед к темнеющему горизонту.

«Там еще больше штормит, – сказал себе Блэксорн, – и больше рифов и мелей. И незнакомое море. Бог мой! Я всю жизнь ставил себя против моря и всегда побеждал. Я всегда побеждаю. Первый английский кормчий, прошедший когда-либо через Магелланов пролив. Да, первый – и первый кормчий, когда-либо плывший через эти азиатские воды, не считая нескольких негодяев португальцев или безродных испанцев, которые все еще думают, что они владеют миром. Первый англичанин в этих морях... Так много первых мест. Да. И так много смертей за них».

Вновь он попробовал ветер и понюхал его, но на землю не было даже и намека. Он осмотрел океан, но тот был уныло-серым и неприветливым. Ни пятнышка водорослей или света, намекающих о наличии песчаного шельфа. Он увидел верхушку другого рифа далеко по правому борту, но это ничего не сказало ему на этот раз. Вот уже месяц эти выходы угрожали им, но никогда не было видно земли. «Этот океан бесконечен, – подумал он, – Боже всемогущий!» Вот для чего обучали его – плавать в неизвестном море, составлять карту и возвращаться домой. Сколько дней, как они выплыли из дома? Год, одиннадцать месяцев и два дня. Последняя высадка была в Чили, сто тридцать три дня назад, за океаном, который Магеллан первым проплыл – восемьдесят лет назад – и назвал его Тихим.

Блэксорн страдал от голода, а его рот и тело – от цинги. Он напряг глаза, чтобы проверить курс по компасу, и в уме определил примерное положение. Поскольку его курс был нанесен в его руттере – морском журнале, он был в безопасности в этой части океана. И если он был в безопасности, его судно было в безопасности, и тогда они все вместе могли найти Японские острова или даже христианского короля Джона и его Золотую империю, которая, как говорится в легенде, лежит к северу от Китая, где бы Китай ни находился.

«И со своей долей богатств я опять поплыву, уже на запад, домой, первый английский кормчий, когда-либо обогнувший земной шар, и никогда больше не покину дома. Никогда. Клянусь своим сыном!»

Порыв ветра прекратил его праздные мечтания и не дал заснуть. Спать сейчас было бы глупо. «Ты никогда не пробудишься от этого сна», – подумал он и протянул руки, чтобы успокоить ноющую боль в спине, и поплотнее закутался в плащ. Он увидел, что паруса в порядке и штурвал надежно закреплен. Впередсмотрящий не спал. Тогда он спокойно вернулся назад и помолился о том, чтобы появилась земля.

– Спустись вниз, кормчий. Я постою на вахте, если хочешь. – Третий матрос, Хендрик Спец, тащился вверх по сходням, его лицо было серым от усталости, глаза ввалились, кожа в пятнах и болезненно-бледная. Он тяжело наклонился вперед к нактоузу, чтобы стать поустойчивее, тужась, чтобы его вырвало. – Благословенный Боже, будь проклят тот день, когда я оставил Голландию.

– Где твой товарищ, Хендрик?

– В своей койке. Он не сможет выйти, похоже, до судного дня.

– А... адмирал?

– Вымаливает пищу и воду, – Хендрик причмокнул. – Я сказал ему, что зажарю каплуна и принесу ему на серебряной тарелке с бутылкой бренди. Гут!

– Придержи язык!

– Я придержу, кормчий. Но он, глупец, с причудами, и мы погибнем из-за него, – Молодой человек напрягся, и его вырвало пестрой слизью. – Благословенный Боже, помоги мне!

– Спускайся. Вернешься на закате. Хендрик с болезненным видом опустился в другое кресло.

– Там внизу воняет смертью. Я подежурю, если ты не возражаешь. Какой курс?

– Куда потащит ветер.

– Где берег, который ты обещал? Где Японские острова, где, я тебя спрашиваю?

– Перед носом.

– Всегда перед носом! Черт побери! Это не в твоих правилах – плыть в неизвестность. Нам бы теперь вернуться домой невредимыми, с полными желудками, а не гнаться за огнями Святого Эльма.

– Спустись вниз или заткнись.

Хендрик угрюмо отвел взгляд от высокого бородатого человека. «Где мы теперь? – хотел он спросить. – Почему я не могу видеть секретный руттер?» Но он знал, что не задаст вопросов кормчему, особенно этого. «Сейчас, – подумал он, – я хотел бы быть таким же сильным и здоровым, каким я был, когда покидал Голландию. Тогда бы я не ждал. Я бы размазал твои голубые глаза и сбил бы с твоего лица эту сводящую с ума полуулыбку и

отправил тебя в преисподнюю, которой ты заслуживаешь. Потом я бы стал адмиралом и мы направили бы корабль в Нидерланды. Мы хотим одного и того же – командовать на море, контролировать все морские передвижения, управлять Новым Светом и разбить Испанию».

– Может быть, это не Японские острова, – пробормотал внезапно Хендрик, – а мираж.

– Они существуют на самом деле. Между 30-м и 40-м градусами северной широты. Теперь придержи свой язык или спускайся вниз.

– Там, внизу, смерть, кормчий, – пробормотал Хендрик и стал смотреть вперед, оставив судно на волю волн.

Блэксорн заворочался в своем кресле – его тело сегодня болело сильнее. «Ты удачливее остальных, – подумал он, – удачливее, чем Хендрик. Нет, не удачливее. Аккуратнее. Ты сохранил свои фрукты, когда другие беззаботно поедали их вопреки твоим предупреждениям. Так что твоя цинга все еще в умеренной стадии, в то время как у остальных постоянно кровотечения, их мучают поносы, глаза болят и гноятся, а зубы или выпали, или шатаются. Почему мужчины никогда не учатся?»

Он знал, что все боялись его, даже адмирал, а большинство ненавидели. Но это было нормально, так как в море командовал кормчий – это он прокладывал курс и направлял корабль, это он вел их из порта в порт.

Сегодня любое путешествие было опасным, так как немногие имеющиеся карты были так же непонятны, как и бесполезны. И совершенно не было способов определения долготы.

– Найди, как определить долготу, и ты станешь самым богатым человеком в мире, – говорил его старый учитель Альбан Карадок. – Королева, благослови ее Господь, даст тебе десять тысяч фунтов и титул герцога, если ты решишь эту задачу. Говноеды португальцы дадут тебе золотой галеон. И безродные испанцы дадут двадцать! Не видя земли, ты заблудишься, парень. Не видя земли, ты всегда будешь теряться, парень, – Карадок сделал паузу и печально покачал головой. – Ты заблудишься, парень, если не...

– Если у тебя нет руттера! – радостно крикнул Блэксорн, зная, что он хорошо выучил свои уроки. Тогда ему было тринадцать, и он уже год был учеником у Альбана Карадока, штурмана и корабельного плотника, заменившего ему потерянного отца. Карадок никогда его не бил и учил секретам судостроения и жизни в море.

Руттер был и корабельным журналом – маленькой книжкой, содержатся детальные наблюдения кормчего, побывавшего здесь раньше. Там записывался курс по магнитному компасу между портами и мысами, места причаливания и проливы. В ней отмечались отмели и глубины, цвет воды и природа морского дна. Там указывалось, как мы попали сюда и как нам отсюда выйти: сколько дней идти каким курсом, характер ветров, когда они дуют и откуда; время штормов и время хороших ветров, где килевать корабль и где брать воду, где друзья и где враги, отмели, рифы, приливы, гавани, в общем, все необходимое для безопасного плавания.

Англичане, голландцы и французы имели описания своих вод, но воды остального мира посещались только капитанами из Португалии и Испании, и эти две страны считали все свои руттеры секретными. Руттеры открывали путь к Новому Свету или объясняли загадки пролива Магеллана и мыса Доброй Надежды – оба открыты португальцами, поэтому морские пути в Азию охранялись как национальные сокровища португальцами и испанцами, и поэтому за ними с одинаковой яростью охотились их враги – англичане и голландцы.

Но корабельный журнал был хорош, если был хорош кормчий, который его составил, переписчик, который его переписывал, очень редко – печатник, который перепечатывал, или ученый, который переводил. Следовательно, такой журнал мог содержать ошибки. Даже умышленно вводить их. Кормчий никогда не знал этого наверняка. По крайней мере до тех пор, пока сам не попадал в эти места.

В море кормчий был лидером и окончательным судьей над кораблем и его командой. Один он командовал с юта. «Это как крепкое вино, – сказал себе Блэксорн. – Однажды выпив, никогда уже не забудешь и всегда будешь стараться найти, и всегда оно будет тебе нужно. Это одна из вещей, которые сохраняют тебе жизнь, когда другие уже умерли».

Он встал и помочился в шпигаты¹. Позднее, когда в часах на нактоузе высыпался весь песок, он перевернул их и позвонил в судовой колокол.

– Ты сможешь стоять на вахте и не уснуть, Хендрик?

– Да. Я думаю, что смогу.

– Я пошлю кого-нибудь, чтобы сменить впередсмотрящего. Смотри, он стоит на ветру, а не в укрытии. Это не дает ему уснуть.

На мгновение он задумался, сможет ли он привести корабль по ветру и управляться с ним ночью, и, решив что нет, спустился по лестнице и открыл дверь. Трап вел в каюты команды. Кубрик занимал всю ширину корабля и вмещал кровати и подвесные койки для ста двадцати человек. Теплота окружила его, и он был рад этому и не заметил даже зловония трюма, идущего снизу. Ни один из двадцати с лишним человек не двинулся на своей койке.

– Поднимайся, Маетсуккер, – сказал он по-голландски, на смешанном жаргоне, на котором говорят в Нидерландах и которым он владел в совершенстве, так же как и португальским, испанским и латынью.

– Я умираю, – сказал маленький, остролицый человек, съезжаясь в своей кровати. – Я болен. Посмотрите, цинга забрала все мои зубы. Господи Иисусе, помоги нам, мы все погибнем. Если бы не ты, мы бы все сейчас были дома, в безопасности. Я купец. Я не моряк. Я не член экипажа... Возьми кого-нибудь еще. Там Джохан... – Он плакал, когда Блэксорн вытащил его из койки и пихнул в сторону двери. Кровь выступила у него изо рта, он был оглушен. Жестокий удар в бок вывел его из ступора.

– Ты высунешь свою морду на палубу и останешься там, пока не помрешь, или мы не достигнем берега. Моряк открыл дверь и с трудом вышел. Блэксорн посмотрел на остальных, а они смотрели на него.

– Как ты себя чувствуешь, Джохан?

– Достаточно хорошо, кормчий. Может быть, я выживу. Джохану Винку было сорок три, он был главным артиллеристом и другом главного боцмана, самым старым на борту. Он был лыс и беззуб, цвета старого дуба и так же крепок. Шесть лет назад он плавал с Блэксорном на неудачные поиски Северо-Восточного прохода, и они оба знали, кто чего стоит.

– В вашем возрасте большинство мужчин уже умирает, а вы держитесь лучше всех нас. – Блэксорну было тридцать шесть. Винк грустно улыбнулся.

– Это все бренди да бабы и вообще праведная жизнь, которую я вел.

Никто не засмеялся. Потом кто-то указал на койку.

– Кормчий, умер главный боцман.

– Так поднимите тело вверх! Обмойте его и закройте глаза! Ты, ты и ты!

На этот раз люди быстро выбрались из своих коек и все вместе наполовину выволокли, наполовину вынесли труп из кубрика.

– Постой вечернюю вахту, Винк, а ты, Джинсель, – на носу впередсмотрящим.

– Да, сэр.

Блэксорн вышел на палубу.

Он увидел, что Хендрик все еще не спал, так что на корабле все было в порядке. Сменившийся впередсмотрящий, Соломон, в растерянности стоял за ним, скорее мертвый, чем живой, его глаза вспухли и покраснели от режущего ветра. Блэксорн подошел к другой двери и спустился вниз. Коридор привел его в большую каюту на корме, которая служила апартаментами адмирала и пороховым погребом. Его собственная каюта была по правому борту и рядом другая, ближе к бойницам для пушек, которая обычно предназначалась для трех человек. В настоящее время в ней жили Баккус ван Некк, главный купец, Хендрик и юнга Крук. Все они были больны.

Он вошел в большую каюту. Адмирал Паулюс Спилберген лежал на койке в полубессознательном состоянии. Невысокий, краснолицый, обычно очень толстый, сейчас

он был очень худ, кожа на животе вяло свисала складками. Блэксорн взял кувшин с водой из потайного ящика и помог ему отпить немного.

– Спасибо, – слабо сказал Спилберген. – Где земля, где земля?

– Впереди, – ответил кормчий больше не веря в это, потом убрал кувшин, не слушая стенаний адмирала, и вышел, ненавидя его с еще большей силой.

Почти ровно год назад они достигли Тьерра дель Фуэго, ветры благоприятствовали броску в неизвестный Магелланов пролив. Но адмирал приказал высадиться на берег в поисках золота и драгоценностей.

– Ради Бога, поглядите на берег, адмирал! В этих пустынных местах нет сокровищ!

– Легенда гласит, что это место богато золотом, и мы можем объявить эти земли владениями славных Нидерландов.

– Здесь были испанские команды пятьдесят лет назад.

– Может быть, но не так далеко к югу, кормчий.

– Так далеко к югу времена года меняются. В мае, июне, июле и августе здесь мертвая зима. Корабельный журнал говорит, что это время – критическое для прохождения проливов; ветры изменятся через несколько недель, и тогда мы останемся здесь на зиму – это несколько месяцев.

– Через сколько недель, кормчий?

– Журнал говорит, через восемь. Но сезоны не всегда одинаковые.

– Тогда мы поищем пару недель. Это дает нам массу времени, и потом, если надо, мы повернем к северу опять и разграбим несколько городов, а, джентльмены?

– Мы должны попытаться сейчас, адмирал. У испанцев в Тихом океане есть военные корабли. Здешние моря кишат ими, и они ищут нас. Я считаю, мы должны выплыть сегодня же.

Но адмирал не послушался его и поставил вопрос на голосование перед другими капитанами – не перед кормчими, один из которых был англичанин, а трое – голландцы, – и совершил бесполезный выход на берег.

В тот год ветры переменились рано, и они должны были зимовать там; адмирал боялся плыть к северу из-за испанских кораблей. Прошло четыре месяца, прежде чем они смогли выплыть. К тому времени сто пятьдесят шесть человек во флотилии умерли от голода, холода и дизентерии, они съели всю кожу, которой были покрыты снасти. Ужасные штормы в проливе раскидали флотилию. «Эразмус» оказался единственным кораблем, который прибыл на место встречи в Чили. Они ждали остальных месяц и потом, настигаемые испанцами, поплыли в неизвестность. Секретный руттер кончился на Чили.

Блэксорн прошел обратно по коридору и открыл дверь в свою собственную каюту, заперев ее за собой. Кювета была с низкими балками, маленькая и опрятная, и он должен был наклониться, чтобы сесть к столу. Он отпер ящик и аккуратно развернул сверток с остатками яблок, которые так тщательно хранил тайком весь путь от острова Санта-Мария в Чили. Они были мятые и маленькие, с гнилыми боками. Он съел четвертинку одного. Внутри было несколько мелких личинок. Он съел их с мякотью, вспомнив старую легенду, что яблочные черви полезны от цинги наравне с фруктами и что, растертые в желе, они предохраняют зубы от выпадения. Блэксорн жевал фрукты осторожно, так как зубы болели и гнойники были очень чувствительны, потом выпил воды из винного меха. Она была отвратительна на вкус. Он завернул остаток яблок и запер их обратно в ящик.

Крыса пробежала в тени, отбрасываемой масляной лампой, висящей над его головой. Шпангоуты приятно поскрипывали. На полу роились тараканы.

«Я устал. Так устал...»

Он взглянул на свою койку. Длинная, узкая, соломенный тюфяк звал его.

«Давай, поспи часок, – шептал ему дьявол. – Даже десять минут – и ты отдохнешь за неделю. Последние дни ты спишь всего по несколько часов, и большую их часть – наверху, в холоде. Ты должен спать. Спи. Они надеются на тебя...»

– Я не могу. Я посплю завтра, – сказал он вслух и заставил себя отпереть ящик и

вынуть оттуда свой руттер. Увидел, что другой, португальский, был в безопасности и нетронутый, и это обрадовало его. Блэксорн взял чистое перо и начал писать:

«21 апреля 1600 года. Пятый час. Сумерки. 133-й день с момента отплытия с острова Санта-Мария в Чили, на 32-м градусе северной широты. Волна все еще высокая, и корабль идет под теми же парусами. Цвет моря однородный, серо-зеленый, дна не видно. Мы все еще идем по ветру курсом 27 градусов, склоняясь к северо-северо-западу, двигаясь быстро, около двух лиг, по три мили в час. Большие рифы в форме треугольников были видны полчаса на расстоянии в половину лиги к северо-востоку и северу.

Ночью умерли три человека от цинги – парусный мастер Джорис, артиллерист Рейсе, второй матрос де Хаан. Поскольку адмирал все еще болен, мне пришлось приказать опустить их в море без саванов, так как шить их некому.

Сегодня умер старший боцман Риджклов.

Сегодня в полдень я не мог определить склонение по солнцу, и опять из-за облаков. Но я предполагаю, что мы все еще на курсе и земля появится скоро...»

«Но как скоро? – спросил он морской фонарь, который висел над головой, качаясь вместе с кораблем. – Как сделать карту? Должен быть курс, – сказал он себе в миллионный раз. – Как определить долготу? Должен быть курс. Как сохранить свежесть овощей? Что с цингой...»

«Говорят, что ее приносит море, парень», – так считал Альбан Карадок. Это был добродушный человек с большим животом и угловатой седой бородой.

«Но, может быть, варить овощи и сохранять их в виде супа?»

«Плохая идея. Никто не находил еще способа сохранять их».

«Говорят, что скоро отплывает Френсис Дрейк».

«Нет, ты не сможешь отправиться с ним, парень».

«Мне почти четырнадцать. Вы позволили Тому и Уатту записаться к нему, и ему нужен ученик кормчего».

«Им по шестнадцать. Тебе же только тринадцать».

«Говорят, что он собирается найти пролив Магеллана, потом плыть вдоль берегов неисследованных земель – до Калифорнии, чтобы найти проливы Аниан, которые соединяют Тихий и Атлантический океаны. Из Калифорнии все пути ведут к Ньюфаундленду, Северо-Западным проходам, наконец...»

«Предполагаемым Северо-Западным проходам. Никто еще не доказал, что это не просто легенда».

«Он докажет. Он уже адмирал, и мы будем первым английским судном, прошедшим Магелланов пролив, первыми в Тихом океане, – у меня никогда не будет другого такого шанса».

«О да, ты будешь, а он никогда не пробьется секретным маршрутом Магеллана, если только не украдет руттер или захватит португальского кормчего, чтобы тот провел его. Сколько раз говорить тебе – кормчий должен иметь терпение. Научись терпению, парень».

«Ну, пожалуйста!»

«Нет!»

«Почему?»

«Потому что он будет плавать два, три года, может быть, и больше. Слабые и молодые будут получать самую плохую пищу и меньше всех воды. И из пяти вышедших только его судно вернется обратно. Ты не выживешь, парень».

«Тогда я запишусь только на его судно. Я сильный. Он возьмет меня!»

«Слушай меня, парень, я был с Дрейком на «Юдифи», его пятидесятитонном судне, в Сан-Хуан-де-Юлия, когда я и адмирал Хоукинс – он был на «Минионе», – когда мы пробивались из гавани через этих говноедов испанцев. Мы торговали рабами с Гвинеи для испанского Мейна, но у нас не было испанской лицензии на торговлю, и они обманули

Хоукинса и поймали нашу флотилию в ловушку. У них было тринадцать больших кораблей, у нас шесть. Мы потопили три из них, а они потопили наши «Своллоу», «Ангела», «Каравеллу» и «Иисуса из Любека». О да. Дрейк с боем вывел нас из ловушки и привел домой. Если говорить честно, на борту оставалось одиннадцать человек. У Хоукинса – пятнадцать. Из четырехсот восьмидесяти матросов. Дрейк безжалостен, парень. Он хочет славы и золота, но только для себя, и слишком много людей умерло, доказывая это».

«Но я не умру, я буду одним из...»

«Нет, ты отдан в ученичество до 20 лет. Мы подождем еще десять лет, и тогда ты будешь свободен. Но до этого момента, до 1588 года, ты будешь учиться, как строить корабли и как управлять ими, – ты будешь слушаться Альбана Карадока, мастера-корабеля, кормчего и члена Тринити Хаус, или ты никогда не получишь лицензию. А если ты не будешь иметь лицензии, ты никогда не будешь штурманом ни одного английского корабля в английских водах, ты никогда не будешь командовать на юте ни одного английского корабля ни в каких водах, потому что таков закон доброго короля Гарри, упокой, Господи, его душу. Был закон этой великой проститутки Мари Тюдор, пусть ее душа вечно горит в аду, и это закон королевы, пусть она правит в веках, это закон Англии, и это лучший из морских законов, который когда-либо был принят».

Блэксорн помнил, как он ненавидел тогда своего хозяина и Тринити Хаус, монополию, созданную Генрихом VIII в 1514 году для обучения и выдачи разрешений всем английским кормчим и мастерам-корабелям, ненавидел свои двенадцать лет полурабства, без которых, как он знал, он никогда не мог бы получить единственную вещь в мире, которую хотел. И он ненавидел Альбана Карадока еще больше, когда, покрытые немеркнувшей славой, Дрейк и его стотонный шлюп «Голден Хинд» чудесным образом вернулись в Англию после исчезновения на три года. Это был первый английский корабль, совершивший кругосветное путешествие. На его борту был самый богатый груз награбленных богатств, когда-либо привозимый к этим берегам: невероятные полтора миллиона фунтов стерлингов золотом, серебром, пряностями и драгоценностями.

То, что четыре из пяти кораблей погибли, восемь из каждого десятка человек погибли, Тим и Уатт пропали, а экспедицию Дрейка провел через Магелланов пролив в Тихий океан захваченный в плен португальский кормчий, не успокоило его ненависть. То, что Дрейк повесил одного офицера, отлучил от церкви капеллана Флетчера и не мог найти Северо-Западный проход, не уменьшило народного восхищения. Королева оставила ему половину привезенных сокровищ и наградила рыцарским званием. Джентри – мелкопоместные дворяне – и купцы, которые дали деньги на экспедицию, получили триста процентов прибыли и просили взять у них денег на следующее корсарское мероприятие. И все моряки хотели плыть с ним, потому что он много награбил и со своей долей добычи вернулся домой, а немногие выжившие счастливчики были богаты до конца жизни.

«Я бы тоже выжил, – сказал себе Блэксорн. – Я бы выжил. И моя доля сокровищ была бы достаточна, чтобы...»

– Риф впереди!

Он сначала почувствовал, а потом услышал крик. Потом вместе с ревом бури донесся пронзительный вопль.

Блэксорн выскочил из каюты и помчался по лестнице на ют – сердце его колотилось, горло пересохло. Была уже темная ночь, лил дождь, и он возликовал, так как понял, что сделанные много недель назад парусиновые сборщики дождя скоро наполнятся доверху. Открытым ртом он ловил почти горизонтально летящий дождь, чувствуя его сладость... Но откуда этот вопль?

Он увидел Хендрика, парализованного ужасом. Впередсмотрящий Маетсуккер съезжился на носу, крича что-то неразборчивое и указывая вперед. Тогда он тоже посмотрел в море.

Риф был почти в двухстах ярдах впереди – большие черные скалы, о которые разбивались волны ненасытного моря. Пенистая линия прибоя тянулась налево и направо,

время от времени прерываясь. Волна вздымала огромные валы пены и бросала их в ночную темноту. Вырвало фал на форпике и унесло самую высокую перекладину. Мачта дрожала в гнезде, но держалась, и волна безжалостно несла корабль к смерти.

– Все на палубу! – прокричал Блэксорн и с яростью зазвонил в колокол.

Звук вывел Хендрика из ступора.

– Мы погибли! – прокричал он по-голландски. – О Боже, помоги нам!

– Собирай команду на палубу, негодяй! Ты проспал! – Блэксорн толкнул его в сторону лестницы, подошел к штурвалу, освободил веревки, крепящие рукоятки в одном положении, привязался и с трудом закрутил штурвал налево.

Он напряг все свои силы, когда руль ударился о стремительно несущийся поток воды. Весь корабль дрожал. Затем по мере того, как ветер переставал так сильно дуть, нос корабля начал поворачиваться со все увеличивающейся скоростью, и вскоре они стали бортом к ветрам и волнам. Штормовые топсели надулись и отчаянно пытались выдержать вес корабля, все веревки натянулись, как струны, и звенели. Еще одна волна взгромодилась над ними и понесла их параллельно рифу, когда он увидел следующую, еще большую волну. Он предупреждающе закричал морякам, идущим от полубака, и изо всех сил вцепился в руль.

Волна, упав на корабль, накренила его и почти опрокинула, но он встряхнулся, как мокрый терьер, и выскочил из впадины между волнами. Вода каскадами скатывалась в шпигаты. Блэксорн глотнул воздуха. Он увидел, что тело старшего боцмана, лежавшее на палубе для завтрашнего погребения, исчезло и что следующая волна еще больше. Он схватил Хендрика и поднял его, держа и упираясь в борт со стороны волны. Вторая волна с ревом прокатилась через палубу. Блэксорн схватился рукой за штурвал, и вода прошла мимо него. Теперь Хендрик был в 50 ярдах от правого борта. Волна захватила его, отступая, потом подбросила высоко вверх – он момент продержался там, пронзительно крича, – потом унесла, измолотила струей о скалы и поглотила.

Корабль направился в море, пытаясь уйти подальше. Сорвало еще один фок и блок, а снасти бешено крутились, пока их не закрутило о такелаж.

Винк и второй матрос пробрались на ют и наклонились над рулем, пытаясь помочь. Блэксорн мог видеть, как риф стремительно приближался к правому борту. Впереди и слева в нескольких местах были видны проходы.

– Вперед, Винк. Крепи фок!

Фут за футом Винк и два других моряка поднимались по вантам фок-мачты, тогда как остальные упирались в веревки, помогая им.

– Смотрите вперед! – прокричал Блэксорн. Волна вспенилась на палубе и уволокла еще одного моряка, опять выкинув на борт труп старшего боцмана. Нос поднялся из воды и ушел вниз, на палубу хлынула вода. Винк и другой моряк освободили парус. Он резко открылся, хлопнув, как пушечный выстрел, когда ветер заполнил его и корабль накренился.

Винк и его помощники висели, качаясь над морем, потом начали спускаться.

– Риф, риф впереди! – прокричал Винк.

Блэксорн и другие моряки закрутили штурвал вправо. Корабль заколебался, потом повернул и заскрежетал, когда скалы, едва видимые на поверхности воды, прошли вдоль борта корабля. Но это был косой удар, и раскрошился только выступ скалы, а корабль остался цел. Люди вздохнули свободно.

Блэксорн увидел проход в рифе впереди и направил корабль туда. Ветер теперь стал сильнее, море еще яростнее. Корабль накренился от порыва ветра, и колесо вывернулось из его рук. Все вместе они ухватили колесо и опять поставили корабль на курс, но он качался и вертелся как пьяный. Волна хлынула на корабль, ворвалась на полубак, ударив одного моряка о переборку, и палубу залило водой.

– Все к насосам! – прокричал Блэксорн. Он увидел, что двое моряков побежали вниз.

Дождь хлестнул его по лицу, и он скривился от боли. Свет у нактоуза компаса и кормовой огонь давно были погашены. Тут другой порыв ветра сбил судно с курса, рулевой поскользнулся, и колесо снова вырвалось у него из рук. Человек вскрикнул, когда рукоятка

штурвала ударила его в висок, и упал, отдавшись на волю моря. Блэксорн поднял его и держал, пока этот кипящий вал не прошел. Тут он увидел, что моряк был мертв, толкнул его в кресло, и следующая волна смыла его в море.

Проход через рифы был в трех румбах от ветра, и, как ни пытайся, Блэксорн не мог бы пройти. Он с отчаянием искал другой проход, но знал, что его там нет, поэтому дал судну уйти от ветра, чтобы набрать скорость, потом резко отвернул его от ветра. Удалось немного выиграть в расстоянии и удержать курс.

Затем раздалось воющее, мучительное содрогание судна, когда киль скреб по острым выступам рифа под ними, и все на борту представило, как они видят расходящиеся дубовые шпангоуты, и море врывается в трюм. Корабль наклонился вперед, выходя из-под контроля.

Блэксорн закричал, взывая о помощи, но никто не услышал его, поэтому он один боролся со штурвалом, один против волны. Он был отброшен в сторону, но ошупью вернулся обратно, удивляясь смутно, как может так долго удерживать руль.

В самом узком месте прохода море превратилось в сплошной водоворот, окруженный скалами. Громадные волны разбивались о риф, откатывались обратно, ударялись о вновь набегавшие и сталкивались в бешеном вихре. Неуправляемый корабль был втянут боком в этот водоворот.

– Плевать на тебя, шторм! – проревел Блэксорн. – Убери свои говноедские руки от моего корабля!

Колесо закрутилось снова и отбросило его, палуба угрожающе наклонилась. Бушприт ударился о скалу и оторвался вместе с частью такелажа, после чего судно выпрямилось. Передняя мачта изогнулась как лук и сломалась. Люди на палубе бросились на такелаж с топорами, чтобы рубить его, когда судно проскочило в бушующий пролив. Они отрубили мачту, которая ушла за борт, увлекая запутавшегося в такелаже моряка. Человек закричал, попав в ловушку, но никто ничего не мог сделать. Все только следили, как он и мачта появились и исчезли у борта и больше уже не появлялись.

Винк с остальными моряками, которые были на левой стороне судна, оглянувшись, увидели, что на юте Блэксорн как сумасшедший борется с бурей. Они перекрестились и удвоили свои молитвы, некоторые плакали от страха.

Проход на мгновение расширился, и корабль замедлил ход, но впереди он опять угрожающе сужался, и скалы, казалось, выросли, возвышаясь над судном.

Течение отбойной волной било в борт судна, увлекая его за собой, сбивая с курса и бросая на волю судьбы.

Блэксорн перестал проклинать шторм и пытался повернуть штурвал влево, повиснув на нем, – его мускулы свело от напряжения. Но корабль не слушался ни руля, ни волн.

– Поверни, ты, старая шлюха из ада! – Он задыхался, его силы быстро убывали. – Помоги мне!

Напор волн усилился, и он почувствовал, что его сердце разрывается, но все еще противостоял давлению воды на руль. Он изо всех сил напрягал зрение, но то, что он видел, качалось, краски расплывались. Корабль был в самом центре пролива и не двигался, но как раз в это время киль царапнул по глинистой отмели. Удар вернул его к жизни. Обломок руля упал в море. И тут ветер и море объединились, вместе они повернули корабль по ветру, и тот прошел через горловину в укрытие. В бухту, находившуюся впереди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава Первая

Блэксорн проснулся неожиданно. Какое-то мгновение он думал, что видит сон: он на берегу, и комната такая... невероятная: маленькая, очень чистая и устлана мягкими матами. Он лежал на толстом стеганом тюфяке, другой брошен на него. Потолок сделан из полированного кедра, а стены – из кедровых реек в виде квадратов, покрытых непрозрачной

бумагой, что приятно приглушало свет.

Сбоку от него маленький поднос ярко-красного цвета с небольшими мисочками. В одной были холодные вареные овощи, и он проглотил их, едва заметив пикантный вкус. В другой – рыбный суп, и он выпил его. Еще в одной – густая каша из пшеницы или ячменя, он быстро съел и ее, помогая себе пальцами. Вода в странной формы бутылке из тыквы была теплой и необычной на вкус – горьковатая с чабером. Тут он заметил распятие в нише.

«Этот дом испанский или португальский, – подумал он в ужасе. – Это Япония? Или Китай?»

Стенная панель отодвинулась в сторону. Среднего возраста полная круглолицая женщина стояла за дверью на коленях, кланялась и улыбалась. Ее кожа была золотистого цвета, глаза черные и узкие, а длинные черные волосы плотно уложены на голове. На ней было серое шелковое платье, белые носки, обувь на толстой подошве, широкая красная лента была повязана вокруг груди.

– Гошуджинсама, дгокибун ва икага десу ка? – сказала она. Она ждала, он смотрел на нее непонимающе, потом повторила сказанное.

– Это Японские острова? – спросил он. – Япония? Или Китай?

Теперь она смотрела на него не понимая и сказала что-то еще. Блэксорн догадался, что он был голый. Одежды его нигде не было видно. Жестами он объяснил ей, что хочет одеться. Потом показал на чашки для еды, и она поняла, что он все еще голоден.

Она улыбнулась, поклонилась и задвинула дверь.

Он лежал на спине обессиленный, несчастный, с болью в спине и голове. С усилием он попытался собраться с мыслями. «Я помню, как отдавал якорь, – подумал он. – С Винком, я думаю, это был Винк. Мы были в бухте, и корабль уткнулся носом в отмель и остановился. Мы могли слышать шум волн, разбивающихся о берег, но все мы были в безопасности. На берегу были огни, потом я оказался в каюте в темноте. Я ничего не помню. Потом там в темноте появились огни и незнакомые голоса. Я говорил по-английски, потом по-португальски. Один из местных жителей говорил немного по-португальски. Или он был португалец? Нет, я думаю, он был туземец. Я спрашивал его, где мы находимся? Не помню. Потом мы были опять на рифе, пришла еще одна большая волна, меня вынесло в море, и я тонул – и замерзал – нет, море было теплым, как шелковая постель в морскую сажень толщиной. Они, видимо, вынесли меня на берег и положили здесь».

– Наверное, в этой кровати я чувствовал себя так мягко и тепло, – сказал он вслух, – Я никогда не спал до этого на шелку.

Слабость одолела его, и он уснул без сновидений.

Когда Блэксорн проснулся, в керамических мисочках снова была еда, а одежда была сложена рядом аккуратной стопкой. Ее постирали, погладили и заштопали мелкими аккуратными стежками.

Но ножа и ключей не было.

«Мне бы лучше найти нож, и поскорее, – подумал он, – или пистолет».

Его глаза обратились к распятию. Несмотря на его страх, возбуждение усилилось. Всю свою жизнь он слышал от штурманов и моряков о невероятных сокровищах секретной империи Португалии на востоке, о том, как они превратили язычников в католиков и как держали их в рабстве, где золото было так же дешево, как чугун в слитках, и изумруды, рубины, алмазы и сапфиры встречались в таком же количестве, как галька на берегу.

«Если рассказы о католичестве верны, – сказал он себе, – может быть, остальное тоже. О сокровищах. Да. Но чем скорее я вооружусь и вернусь на «Эразмус» к его пушкам, тем лучше».

Он съел всю еду, оделся и стоял, качаясь, чувствуя себя не в своей тарелке, как чувствовал себя всегда на берегу. Его ботинок не было. Он пошел к двери, слегка качаясь, и вытянул руку, чтобы устоять, но легкие квадратные рейки не могли выдержать его веса и расщепились, бумага разорвалась. Он выпрямился. Женщина, которую он задел, смотрела на него из коридора.

– Извините, – сказал Блэксорн, странно смущенный своей неловкостью. Чистота в комнате была как-то нарушена, – Где мои ботинки?

Женщина опять смотрела на него непонимающе. Тогда, не теряя терпения, он на языке жестов спросил у нее о том же; она заторопилась по коридору, стала на колени, открыла другую дверь из реек и поманила его. Рядом послышались голоса и звук бегущей воды. Он прошел в дверь и оказался в другой комнате, также почти пустой. Она выходила на веранду с лестницей, ведущей в маленький сад, окруженный высокой стеной. Сбоку от этого главного входа стояли две старухи, три ребенка в ярко-красных одеждах и старик, очевидно садовник, с граблями в руках. Они все сразу с серьезным видом поклонились ему и держали головы опущенными.

К своему удивлению, Блэксорн увидел, что старик был голый, если не считать короткой узкой набедренной повязки, закрывающей его чресла.

– Доброе утро, – сказал он им, не зная, что сказать. Они стояли не двигаясь, все еще в поклоне. В замешательстве он посмотрел на них, потом снова неуклюже поклонился. Они все выпрямились и улыбнулись ему. Старик поклонился еще раз и вернулся к своей работе в саду. Дети смотрели на него, потом со смехом убежали. Старухи исчезли в глубине дома. Но он чувствовал на себе их взгляды.

Внизу у лестницы он увидел свои ботинки. Прежде чем он поднял их, женщина средних лет опустилась на колени и, к его замешательству, помогла ему обуться.

– Спасибо, – Он подумал минуту, потом указал на себя. – Блэксорн, – сказал он осторожно. Потом он указал на нее, – А твое имя?

Она смотрела на него, не понимая.

– Блэксорн, – повторил он раздельно, указывая на себя. Потом указал на нее, – Как твое имя?

Она нахмурилась, потом сообразила, указала на себя и сказала:

– Онна! Окна!

– Онна! – повторил он, гордый собой, как если бы она была им. – Онна.

Она радостно кивнула. – Онна!

Сад не был похож ни на что виденное им раньше: ручей с маленьким водопадом и мостиком и ухоженные гравийные дорожки, камни, цветы и кусты. «И так чисто, – подумал он. – Так все искусно сделано».

– Невероятно, – сказал он.

– Нефрятнер? – повторила она с готовностью.

– Ничего, – сказал он. Затем, не зная, что еще можно сделать, он махнул рукой, чтобы она уходила. Она вежливо поклонилась и послушно ушла.

Блэксорн сел на теплом солнышке, прислонившись к столбу. Чувствуя себя очень слабым, он наблюдал за тем, как старик полет уже прополотый сад. «Хотел бы я знать, где остальные. Жив ли еще адмирал? Сколько дней я спал? Я могу вспомнить только, как я просыпался, ел и спал и опять ел, неудовлетворенный, как будто это все было во сне».

Дети прибежали обратно, гоняясь друг за другом, и ему было неловко за них при виде наготы садовника, так как когда мужчина наклонялся, то обнажался полностью, но, к его удивлению, дети, казалось, ничего не замечали. Он видел черепичные и соломенные крыши других строений за стеной и далеко в стороне высокие горы. Резкий ветер расчищал небо и гнал облака. Летали на кормежку пчелы, день был удивительно приятный, весенний. Его тело требовало еще сна, но он выпрямился и прошел через дверь в сад. Садовник улыбнулся и поклонился, побежал открыть дверь, поклонился и закрыл ее за ним.

Деревня была расположена вокруг изгибающейся серповидной гавани, смотрящей на восток. Примерно около двухсот домов гнездились у подножия горы, которая шла, понижаясь, к берегу. Выше располагались террасированные поля и грунтовые дороги, которые вели на север и на юг. Ниже набережная была вымощена галькой, и каменный наклонный спуск для судов уходил с берега в воду. Хорошая, безопасная гавань и каменная пристань, мужчины и женщины, чистящие рыбу и плетущие сети, удивительной формы

лодка строилась в северной части. Далеко в море было несколько островов, к западу и к югу. Где-то там, за горизонтом, должны быть рифы.

В гавани было много других лодок необычной формы, большинство из них рыболовные суда, некоторые с одним большим парусом, некоторые с одним кормовым веслом – гребец стоял и отталкивался веслом, а не греб сидя, как сделал бы Блэксорн. Несколько лодок выходило в море, другие направлялись в деревянный док. «Эразмус» был аккуратно поставлен на якорь в пятидесяти ярдах от берега, с тремя носовыми канатами. «Кто это сделал?» – спросил он себя. Вдоль судна стояли лодки, и он мог видеть, что на борту находятся туземцы. Но никого из его команды. Куда они могли деться?

Блэксорн оглядел деревню и осознал, что за ним наблюдает много народу. Когда они увидели, что он заметил их, то сразу все закланялись, и, все еще чувствуя себя неудобно, он поклонился в ответ. С этого момента вокруг началась оживленная деятельность: они ходили взад и вперед, останавливались, торговались, кланялись друг другу, видимо, забыв о нем, и были похожи на разноцветных бабочек. Но по дороге к берегу он чувствовал, что из каждого окна и дверей за ним следят глаза.

«Почему они такие странные? – спросил он себя. – Не только из-за одежды и поведения. Это из-за того, что у них нет оружия, – подумал он удивленно. – Без мечей или ружей! Почему это?»

Открытые лавки, заполненные странными товарами и тюками, вытянулись вдоль маленькой улицы. Чистые деревянные полы лавок были подняты, и продавцы и покупатели стояли на коленях или корточках. Он увидел, что почти все были обуты в башмаки или тростниковые сандалии, некоторые в те же белые носки на толстой подошве, которая раздваивалась, проходя между большим пальцем и остальными, но они снимали башмаки и сандалии снаружи у дома в грязи. Те, что босиком, вытирали ноги и надевали чистые комнатные сандалии. «Это очень правильно, если вдуматься», – сказал он себе почти с благоговением.

Потом он увидел приближающегося мужчину с тонзурой, и страх захватил его, болезненно распространяясь от яичек к желудку. Священник, очевидно, был португальский или испанский, и, хотя его свободная верхняя одежда была оранжевого цвета, четки и распятие на поясе не позволяли ошибиться, как и холодно-враждебное выражение лица. Его одежда была дорожная, в пятнах, европейской формы ботинки испачканы грязью. Он оглянулся на гавань, на «Эразмус», и Блэксорн понял: он догадался, что судно голландское или английское, – новое для большинства морей, легкое, быстроходное торгово-военное судно, обустроенное и усовершенствованное по образцу английских каперов, которые производили такие опустошения на испанских торговых путях. Со священником было десять туземцев, черноволосых и черноглазых, один был одет как и он, за исключением плетеных домашних туфель. Другие носили разноцветные одежды, или свободные брюки, или просто набедренные повязки. Но никто не был вооружен.

Блэксорн хотел было убежать, но у него не было сил, да и спрятаться было негде. Его рост, размеры и цвет глаз делали его иностранцем в этом мире. Он прислонился спиной к стене.

– Кто вы? – спросил священник по-португальски. Это был полный, смуглый, упитанный мужчина лет двадцати пяти, с длинной бородой.

– Кто вы? – Блэксорн посмотрел на него.

– Это нидерландский капер. Ты еретик, голландец. Ты пират. Боже, спаси ваши души.

– Мы не пираты. Мы мирные купцы, если не считать наших врагов. Я кормчий этого корабля. А вы кто?

– Я отец Себастьян. Как вы попали сюда? Как?

– Нас выкинуло на берег штормом. Что это за страна? Это Япония?

– Да, Япония, Япония, – сказал священник нетерпеливо. Он повернулся к одному из мужчин, старшему из всех, небольшому и сутулому, с сильными руками и мозолистыми ладонями; его голова тряслась, волосы, заплетенные в тонкую косичку, были такие же серые,

как брови. Священник, запинаясь, поговорил с ним по-японски, указывая на Блэксорна. Они все были удивлены, и один, как бы защищаясь, перекрестился.

– Голландцы – еретики, бунтовщики и пираты. Как ваше имя?

– Это португальское поселение?

Глаза священника были жесткими и налитыми кровью.

– Староста деревни говорит, что сообщил властям о вас. Ваши проступки известны. Где остальные из вашей команды?

– Мы сбились с курса. Нам только нужно получить пищу, воду и время для починки нашего корабля. Потом мы уплывем. Мы можем заплатить за все...

– Где остальные члены вашей команды?

– Я не знаю. На борту. Я думаю, они на борту.

Священник снова поговорил со старостой, который отвечал и показывал на другой конец деревни, что-то подробно объясняя. Священник повернулся к Блэксорну.

– Они очень строги с преступниками, кормчий. Дайме придет с самураем. Помилуй тебя Бог.

– Кто такой дайме?

– Феодалный властитель. Он владеет всей этой провинцией. Как ты оказался здесь?

– А самурай?

– Воины, солдаты, члены военной касты, – священник говорил с нарастающим раздражением, – Откуда ты пришел и кто ты?

– Я не узнаю вашего акцента, – сказал Блэксорн, выводя его из равновесия. – Вы испанец?

– Я португалец, – вспыхнул священник, охваченный гневом. – Я сказал вам, я – отец Себастьян из Португалии. Где вы так хорошо выучились португальскому языку, а?

– Но Португалия и Испания теперь одна страна, – сказал Блэксорн насмешливо. – У вас один король.

– Мы разные страны. Мы разные народы. Так было всегда. У нас свой собственный флаг. Наши Заморские владения отдельные, да, отдельные. Король Филипп согласился на это, когда он украл мою страну. – Отец Себастьян усилием воли удержал свой гнев, его пальцы дрожали. – Он взял мою страну силой оружия двадцать лет назад! Его солдаты и это дьявольское отродье, испанский тиран, герцог Альба, они разгромили нашего истинного короля. Дьявол! Сейчас царствует сын Филиппа, но он на самом деле не наш король. Скоро мы опять будем иметь своего собственного короля. – Потом он кивнул с горечью. – Вы знаете, что это правда. То, что этот дьявол Альба сделал с вашей страной, то же самое он сделал и с моей.

– Это ложь. Альба был чумой для Нидерландов, но он никогда не завоевывал их. Они все еще свободны. Всегда будут свободными. Но в Португалии он разгромил одну маленькую армию, и вся страна сдалась ему. Не хватило смелости. Вы могли бы разбить Испанию, если бы хотели, но вы никогда не сделаете этого. Нет чести. Нет совести. Кроме как сжигать невинных во имя Бога.

– Мой Бог будет вечно жечь вас в адском пламени! – вспыхнул священник. – Сатана проник к вам на борт и будет уничтожен. Еретики будут уничтожены. Вы будете прокляты перед Богом!

К своему удивлению, Блэксорн почувствовал невольный ужас. «Священники не имеют уха Божьего или не могут говорить Его голосом. Мы свободны от вашего вонючего ярма и собираемся остаться свободными!»

Только сорок лет назад кровавая Мария Тюдор была королевой Англии и испанский Филипп II, Филипп Жестокий, ее мужем. Эта глубоко религиозная дочь Генриха VIII вернула католических священников и инквизиторов и пытки еретиков, восстановила засилье иностранных попов в Англии и повернула все завоевания своего отца и все исторические изменения в пользу римской церкви в Англии против воли большинства. Она правила в течение пяти лет, и королевство было разодрано на части ненавистью, страхом и

кровопролитиями. Но она умерла, и королевой в двадцать четыре года стала Елизавета.

Блэксорна переполняли любопытство и глубокая сыновняя любовь, когда он думал о Елизавете. В течение 40 лет она воевала со всем миром. Она перехитрила и победила попов, Святую Римскую империю, Францию и Испанию, объединившихся друг с другом. Отлученная от церкви, побежденная, обруганная за границей, она привела нас в гавань – безопасную, прочную, отдельную.

– Мы свободны, – сказал Блэксорн священнику. – Вы побеждены. Мы теперь имеем свои собственные школы, собственные книги, собственную Библию, собственную Церковь. Вы – те же самые испанцы. Пададь. У вас те же самые монахи. Молящиеся идолу!

Священник поднял распятие и держал его между собой и Блэксорном как щит.

– О Боже, защити нас от дьявола! Я не испанец, говорю я тебе! Я португалец. И я не монах. Я брат общества Иисуса!

– А, один из них. Иезуит.

– Да. Мой Бог спасет твою душу! – Отец Себастьян бросил что-то по-японски, и мужчина приблизился к Блэксорну. Тот прислонился спиной к стене и сильно ударил его ногой, но остальные толпой накинлись, и он согнулся под ударами.

– Нани кого да?

Схватка сразу прекратилась.

В десяти шагах от них стоял молодой человек. На нем были бриджи, ботинки, легкое кимоно и два зачехленных меча, засунутых за пояс. Один был типа кинжала. Другой, двуручный меч, был длинным и слегка изогнутым. Одна его рука случайно оказалась на рукоятке.

– Нани кто да? – спросил он хрипло и, когда никто не ответил сразу, повторил: – Нани кто да?

Японцы упали на колени, их головы склонились в грязь. Только один священник остался стоять. Он поклонился и начал объяснять, запинаясь, но мужчина презрительно оборвал его и показал на старосту: «Мура!»

Мура, староста, продолжал держать голову склоненной и начал быстро объяснять. Несколько раз он указал на Блэксорна, один раз на корабль и два раза на священника. Теперь на улице прекратилось всякое движение. Все, кто был на виду, стояли на коленях и низко кланялись. Староста кончил говорить. Вооруженный человек надменно допрашивал его еще некоторое время, и он отвечал четко и быстро. Потом солдат что-то сказал старосте и с явным презрением указал на священника, потом на Блэксорна, и седоволосый человек более просто пересказал это священнику, который покраснел.

Мужчина, который был на голову ниже и много моложе Блэксорна, с красивым лицом, слабо покрытым оспинками, посмотрел на незнакомца.

– Онуши иттаи доко кара китанода? Доко но куни но монода?

Священник сказал нервно:

– Касиги Оми-сан спрашивает, откуда ты пришел и какой ты национальности?

– А мистер Оми-сан – дайме? – спросил Блэксорн, с опаской косясь на меч.

– Нет. Он самурай, который отвечает за деревню. Его фамилия Касиги, Оми – его имя. Здесь они всегда сначала называют фамилию. «Сан» означает «благородный», и вы добавляете его ко всем именам из вежливости. Вам лучше научиться быть вежливым и быстрее приобрести хорошие манеры. Здесь они не терпят плохих манер. – Его голос стал строже. – Поторопитесь с ответом!

– Из Амстердама. Я англичанин.

Было заметно, что отец Себастьян был поражен. Он сказал самураю: «Англичанин. Из Англии» – и начал объяснять, но Оми нетерпеливо оборвал его и разразился потоком слов.

– Оми-сан спрашивает вас, не вы ли руководитель. Староста говорит, что живы только несколько еретиков из вашей команды, и большинство из них больны. Среди вас есть адмирал?

– Я руководитель, – ответил Блэксорн, хотя, по правде говоря, теперь на берегу должен

был командовать адмирал. – Я командую, – добавил он, зная, что адмирал Спилберген не мог бы ничем командовать ни на берегу, ни на борту, даже будучи здоровым и сытым.

Новый поток слов самурая.

– Оми-сан говорит, что, раз вы руководитель, вам разрешено свободно ходить по деревне, где хотите, пока не придет хозяин. Его хозяин, дайме, решит вашу судьбу. До тех пор вам разрешается жить как гостю в доме старосты и приходить и уходить, когда угодно. Но вы не должны оставлять деревню. Ваша команда ограничена в передвижениях, им нельзя выходить из дома. Вы поняли?

– Да, где моя команда?

Отец Себастьян показал неопределенно на скопление домов около верфи, очевидно, расстроенный решением Оми и его нетерпением.

– Там! Радуйся свободе, пират. Тебе дьявольски повезло с...

– Вакаримас ка? – Оми обратился непосредственно к Блэксорну.

– Он говорит: «Ты понял?»

– Как будет «да» по-японски?

Отец Себастьян сказал самураю: «Вакаримасу».

Оми презрительно махнул им рукой, чтобы они уходили. Они все сделали низкий поклон. За исключением одного мужчины, который стоял не кланяясь, в нерешительности.

С неуловимой скоростью боевой меч со свистом очертил серебристую дугу, и голова мужчины свалилась с плеч, залив землю фонтаном крови. Тело несколько раз изогнулось в конвульсиях и застыло без движения. Непроизвольно священник отступил на шаг. Ни у кого на улице не дрогнул ни единый мускул. Головы остались наклоненными. Блэксорн остолбенел. Оми небрежно поставил свою ногу на труп.

– Икимаса! – сказал он, махнув рукой, чтобы они ушли. Люди перед ним опять поклонились ему до земли, а затем бесстрастно ушли. Улица стала пустеть.

Отец Себастьян глянул вниз на тело. Он медленно перекрестил его, произнес: «Во имя отца и сына и святого духа» – и оглянулся на самурая, но теперь без страха.

– Икимаса! – Блестящий конец меча опустился на тело. Спустя долгое мгновение священник повернулся и ушел. С достоинством. Оми пристально смотрел на него, потом оглянулся на Блэксорна. Тот повернулся, чтобы уйти, и, отойдя на безопасное расстояние, быстро завернул за угол и исчез.

Оми неудержимо расхохотался. Улица теперь была пуста. Отсмеявшись, он обеими руками схватился за меч и начал методично рубить тело на мелкие куски.

* * *

Блэксорн сидел в маленькой лодочке, лодочник кормовым веслом весело правил к «Эразмусу». Он не беспокоился, как попадет на корабль, так как на главной палубе было видно много людей – все самураи. Некоторые в нагрудниках, но большинство носили простое кимоно, как они называли свою одежду, и по два меча. У всех была одинаковая прическа: верхняя часть головы выбрита, а волосы сзади и по сторонам собраны в косичку, смазанную маслом, сложены вдвое на макушке и плотно завязаны. Только самураям разрешалась такая прическа, и для них она была обязательной. Только самураи могли носить два меча: длинный двуручный боевой меч и короткий, типа кинжала, – мечи тоже были для них обязательны.

Самураи стояли вдоль его корабля, наблюдая за ним.

Охваченный беспокойством, он поднялся по сходням и прошел на палубу. Один самурай, более изысканно одетый, подошел к нему и поклонился... Блэксорн уже был хорошо обучен и поклонился им всем, и все на палубе встретили его дружелюбно. Он все еще был в ужасе от неожиданного убийства на улице, и их улыбки не успокоили его предчувствий. Он прошел по направлению к коридору и внезапно остановился. Поперек двери была приклеена широкая лента красного шелка и сбоку от нее – маленький знак со

странными закорючками. Он поколебался, проверил другую дверь, но и она была опечатана красной лентой и такой же знак прибит гвоздями к перегородке.

Он подошел, чтобы снять шелковую ленту.

– Хотите оке! – чтобы замечание было понятней, самурай-часовой покачал головой. Он больше не улыбался.

– Но это мой корабль, и я хочу... – Блэксорн, глядя на мечи, старался скрыть свое беспокойство. – «Я должен спуститься ниже, – подумал он. – Я должен попасть к руттерам, своему и секретному. Иисус Христос! Если их найдут и отдадут священникам или японцам, мы погибли. Любой суд в мире – за пределами Англии и Нидерландов – приговорит нас как пиратов при таких доказательствах. В моем руттере даны даты, места и количество награбленного, количество жертв на трех наших стоянках в Южной и Северной Америке, число разграбленных церквей, и как мы жгли города и торговые корабли. А португальский бортовой журнал? Это наш смертный приговор, так как он, конечно, краденый.

По крайней мере он куплен у португальского предателя, и по их законам любой иностранец, ставший хозяином любого из таких журналов, позволяющих проходить Магелланов пролив, должен быть приговорен сразу же к смерти. И если руттер найден на борту вражеского корабля, корабль должен быть сожжен и вся команда на борту казнена без всякой жалости».

– Нан но йода? – сказал один самурай.

– Вы говорите по-португальски? – спросил Блэксорн на этом языке.

Человек пожал плечами.

– Вакармимасен.

Другой выступил вперед и тихо поговорил с начальником, который кивнул в знак согласия.

– Португальцы – друзья, – сказал самурай по-португальски с сильным акцентом. Он распахнул ворот кимоно и показал маленькое деревянное распятие, висящее у него на шее.

– Христианин! – Он указал на себя и улыбнулся. – Христианин, – Он указал на Блэксорна. – Христианин ка? Блэксорн поколебался, потом кивнул.

– Христианин.

– Португалец?

– Англичанин.

Мужчина поговорил со своим начальником, потом оба они пожали плечами и опять оглянулись на него.

– Португалец?

Блэксорн покачал головой, не желая соглашаться с ними в чем-нибудь.

– Мои друзья? Где они?

Самурай показал на восточный край деревни:

– Друзья там.

– Это мой корабль. Я хочу спуститься вниз, – Блэксорн сказал им это несколько раз и указал знаками, и они наконец поняли.

– Ах, содесу! Киндзиру, – Они говорили с оживлением, указывая на печать и улыбаясь.

Было совершенно ясно, что ему не разрешат спуститься вниз. «Киндзиру» должно означать запрещение, с досадой подумал Блэксорн. Ну и Бог с ним. Он повернул ручку двери и открыл ее немного.

– Киндзиру!!!

Его рывком развернули, и он оказался лицом к лицу с самураем. Их мечи были наполовину вынуты из ножен. Не двигаясь, мужчины ждали, что он решит. Другие на палубе бесстрастно наблюдали за ними.

Блэксорн знал, что у него нет другого выбора, как повернуть обратно, поэтому он пожал плечами и ушел проверить канаты и всю оснастку как можно тщательней. Превратившиеся в лохмотья паруса были спущены и привязаны, как и положено. Но узлы были другие, отличавшиеся от всех, виденных им раньше, поэтому он просто предположил,

что японцы закрепили корабль надежнее. Он стал спускаться по лестнице вниз, но остановился, почувствовав, как у него выступил холодный пот: все они недоброжелательно рассматривали его, и он подумал:

«Боже мой, как мог я так сглупить». Правда, после его вежливого поклона враждебность сразу же исчезла, все поклонились ему в ответ и опять заулыбались. Но он еще чувствовал, как пот тонкими струйками стекает вниз по спине, и ненавидел все, что связано с японцами, и хотел, чтобы он и вся его команда снова оказались на борту, вооруженными и выходящими в море.

* * *

– Ей-Богу, я думаю, что ты не прав, кормчий, – сказал Винк. Его беззубая ухмылка была широка и непристойна. – Если примириться с помоями, которые они называют пищей, то это самое лучшее место, где я был. Из всех. Я имел двух женщин за три дня, и они похожи на крольчих. Они будут делать все, если ты им покажешь как.

– Это правда. Но ты ничего не сможешь, если не будет мяса или бренди. Во всяком случае, недолго. Мне уже надоело, и меня хватает только на один раз, – сказал Маetsуккер. Его узкое лицо подергивалось. – Эти желтые мерзавцы не поняли, что нам нужно мясо, пиво и хлеб. И бренди или вино.

– Это самое плохое! Боже мой, королевство – за грог! – Баккус Ван-Некк был полон уныния. Он подошел и, встав около Блэксорна, всматриваясь в него. Очень близорукий, он потерял свои последние очки во время шторма. Но даже и с ними он всегда подходил как можно ближе. Он был старостой среди купцов, богач и представлял голландскую Восточно-Индийскую компанию, которая дала денег для плавания.

– Мы на берегу и в безопасности, и я тем не менее не имею выпивки. Некрасивая штука! Ужасная! Ты достал что-нибудь?

– Нет. – Блэксорну не нравилось, когда кто-нибудь стоял близко к нему, но Баккус был друг и почти слепой, поэтому он не отодвинулся. – Только горячая вода с травами.

– Они просто не понимают, что такое грог. Нечего выпить, кроме горячей воды с травами. Боже, помоги нам! Я думаю, во всей стране нет ликера! – Его брови приподнялись. – Сделай мне огромное одолжение, кормчий. Закажи ликеру, а?

Блэксорн нашел дом, который они занимали на восточном конце деревни. Охрана из самураев позволила ему пройти, но его люди подтвердили, что сами они не могут выходить за садовые ворота. В доме было много комнат, как и в его, но он был больше и обслуживался многими слугами различного возраста, как мужчинами, так и женщинами.

В живых осталось одиннадцать его людей. Мертвые были забраны японцами. Большие порции свежих овощей начали излечивать цингу, и все они, за исключением двух, начали быстро поправляться. Эти двое страдали желудочными кровотечениями, и их внутренности были воспалены. Винк делал им кровопускания, но это не помогло. К ночи он ожидал, что они умрут. Адмирал был в другой комнате, все еще очень больной.

Сонк, повар, коренастый маленький человек, говорил со смехом:

«Здесь хорошо, как говорит Джохан, за исключением пищи и отсутствия грога. И с туземцами все нормально, если ты не носишь башмаки в их доме. Эти желтые негодяи приходят в бешенство, если ты не снимаешь ботинок».

– Послушайте, – сказал Блэксорн, – здесь священник, иезуит.

– Боже мой! – Все веселье покинуло их, когда он рассказал о священнике и отсечении головы.

– Почему он отрубил голову этому человеку, кормчий?

– Я не знаю.

– Мы лучше вернемся на корабль. Если паписты схватят нас на берегу...

Теперь всех охватил страх. Саламон, матрос, следил за Блэксорном. Его рот двигался, в углах рта появились пузырьки пены.

– Нет, Саламон, это не ошибка, – Блэксорн ответил на немой вопрос, – Он сказал, что он иезуит.

– Боже, иезуит, или доминиканец, или каким бы он ни был в аду – нет разницы среди этих говноедов, – сказал Винк. – Нам бы лучше вернуться на корабль. Кормчий, ты попросишь об этом самурая, а?

– Мы в руках Бога, – сказал Жан Ропер. Это был один из купцов-авантюристов, узкоглазый молодой человек с высоким лбом и тонким носом. – Он защитит нас от молящихся сатане. Винк оглянулся на Блэксорна.

– А что с португальскими кормчими? Ты не видел их здесь?

– Нет. В деревне не было никаких их признаков.

– Их появится целая толпа, как только они узнают про нас, – сказал Маетсуккер, и юнга Крук застонал.

– Да, и если есть один священник, то скоро будут и другие, – Джинсель облизал сухие губы, – И тогда их Богом проклятые конкистадоры никогда не уедут отсюда.

– Это правильно, – сказал Винк с неохотой, – Они похожи на вшей.

– Боже мой! Паписты! – пробормотал кто-то, – И конкистадоры!

– Но мы в Японии, кормчий? – спросил Ван-Некк, – Он сказал вам это?

– Да. Почему?

Ван-Некк подошел ближе и заговорил тише:

– Если здесь священники и кое-кто из туземцев католики, может быть, верно и другое – про богатства: золото, серебро и драгоценные камни. – Наступила тишина. – Вы видели что-нибудь, кормчий? Какое-нибудь золото? Драгоценные камни на туземцах или золото?

– Нет. Ничего, – Блэксорн мгновение подумал. – Я не помню, чтобы видел что-нибудь. Ни ожерелий, ни бус, ни браслетов. Послушайте, я должен еще кое-что вам сказать. Я был на борту «Эразмуса», но корабль опечатан. – Он сообщил, что случилось, и их беспокойство усилилось.

– Боже, если мы не можем вернуться на корабль, а на берегу священники и паписты... Мы должны найти способ выбраться отсюда. – Голос Маетсуккера задрожал. – Кормчий, что мы собираемся делать? Они сожгут нас! Конкистадоры, эти негодяи, заколют нас своими шпагами...

– Мы в руках Бога, – сказал Жан Ропер самоуверенно. – Он защитит нас от антихриста. Это его обещание. Бояться нечего.

Блэксорн сказал:

– То, как самурай Оми-сан разговаривал со священником, – я уверен, что он ненавидит его. Это хорошо, а? Мне бы хотелось знать, почему священник не носит своей обычной одежды. Почему на нем оранжевая одежда? Я никогда не видел этого раньше.

– Да, это интересно, – сказал Ван-Некк. Блэксорн поглядел на него.

– Может быть, их влияние здесь невелико. Это могло бы нам очень помочь.

– Что нам делать, кормчий? – спросил Джинсель.

– Быть терпеливыми и ждать до тех пор, пока не придет их главарь помещик, этот дайме. Он даст нам уехать. Почему бы ему не поступить так? Мы не сделали им вреда. Мы имеем товары для торговли. Мы не пираты, нам нечего бояться.

– Очень верно и не забывайте, кормчий сказал, что туземцы не все паписты, – проговорил Ван-Некк, больше чтобы успокоить себя, чем других, – Да. Это хорошо, что самурай ненавидит священника. И что вооружены только самураи. Это не так плохо, а? Просто следите за самураями и доставайте обратно свое оружие – это идея. Мы будем на борту до того, как вы узнаете об этом.

– Ну а что случится, если дайме папист? – спросил Жан Ропер.

Никто ему не ответил. Потом Джинсель сказал:

– Кормчий, этот человек с мечом? Он разрубил другого туземца на куски после того, как отрубил ему голову?

– Да.

– Боже мой! Они варвары! Сумасшедшие! – Джинсель был высокий, миловидный юноша с короткими руками и очень кривыми ногами. Цинга унесла все его зубы, – После того, как он отрубил голову, другие сразу ушли? Ничего не сказав?

– Да.

– Боже мой, невооруженного человека убили таким образом? Зачем он сделал это? Почему он убил его?

– Я не знаю, Джинсель. Но ты никогда не видел такой быстроты. Один момент меч был в ножнах, в следующий голова уже покатилаь.

– Боже, спаси нас!

– Боже мой, – пробормотал Ван-Некк. – Если мы не сможем попасть на корабль... Черт побери этот шторм, я чувствую себя таким беспомощным без очков!

– Сколько самураев на борту, кормчий? – спросил Джинсель.

– На борту было двадцать два. Но еще были самураи и на берегу.

– Гнев божий покарает язычников и грешников, и они будут гореть в аду веки вечные.

– Хотел бы я быть уверен в этом, Жан Ропер, – сказал Блэксорн едва слышно, так как чувствовал, что страх перед божьим возмездием проник в комнату. Он устал и хотел спать.

– Ты можешь быть уверенным, кормчий, о да, как я уверен. Я молюсь, чтобы твои глаза открылись правде Бога, чтобы ты понял, что мы здесь только из-за тебя, потому что он оставил нас.

– Что? – спросил Блэксорн с опаской.

– Почему на самом деле ты убедил адмирала плыть в Японию? Этого не было в наших приказах. Мы должны были отправиться в Новый Свет, проводить военные действия в тылу врага, потом вернуться домой.

– Но с севера были испанские корабли, и деваться было некуда. У тебя, что, память отшибло вместе с мозгами? Мы должны были плыть на запад – это было единственное спасение.

– Я ни разу не видел вражеских кораблей, кормчий. Никто из нас не видел.

– Конай, Жан, – сказал Ван-Некк устало, – Кормчий сделал что мог. Конечно, там были испанцы.

– А, это верно, и мы были в тысяче лиг от друзей и во вражеских водах, ей-Богу! – возразил Винк. – Это была правда – и мы поставили на голосование. Мы все сказали «да».

Сонк сказал:

– Меня никто не спрашивал.

– О, Боже мой!

– Успокойся, Джохан, – Ван-Некк попытался снять напряжение. – Мы первыми достигли Японии. Вы помните все эти рассказы, а? Мы разбогатеет, если мы не будем глупить. Мы имеем товары для торговли, и здесь есть золото – должно быть. Где еще мы сможем продать наш груз? Не в Новом Свете, где за нами охотились и где нас грабили. Испанцы знали, что мы вышли из Санта-Марии. Мы должны были покинуть Чили, и нам нельзя было вернуться через пролив – конечно, они залегли, поджидая нас, конечно! Нет, здесь был наш единственный шанс, и это была хорошая идея. Наш груз можно обменять на специи, золото и серебро, а? Подумайте о доходах – в тысячу раз, это обычное дело. Мы на островах пряностей. Вы знаете о богатствах Японии и Китая, вы слышали о них всегда. Мы все слышали. Почему еще мы все записались на это судно? Мы разбогатеет, вы это увидите!

– Мы все мертвецы, как и остальные. Мы в стране Сатаны.

Винк сказал сердито:

– Заткнись, Ропер! Кормчий прав. Не его вина, что остальные умерли. Люди всегда погибают в таких путешествиях.

Глаза Жана Ропера были в крапинку, зрачки крошечные.

– Да, Бог успокоит их души. Мой брат был одним из них.

Блэксорн глядел в фанатичные глаза, ненавидя Жана Ропера. В глубине души он спрашивал себя, действительно ли он плыл на запад, спасаясь от вражеских кораблей. Или

потому, что он был первым английским кормчим, прошедшим пролив, первым в таком положении, готовым и способным кинуться на запад с шансом совершить кругосветное путешествие?

Жан Ропер присвистнул:

– Разве другие умерли не из-за твоих амбиций? Бог накажет тебя!

– А теперь придержи язык. – Слова Блэксорна были мягкими и окончательными.

Жан Ропер оглянулся назад, его продолговатое лицо с выступающими скулами и крупным носом замерло, и он больше не проронил ни слова.

– Вот так. – Блэксорн устало сел на пол и прислонился к одной из стоек.

– Что нам делать, штурман?

– Ждать и готовиться. Их дайме скоро приедет – тогда мы получим все для ремонта корабля.

Винк выглянул в сад: самурай сидел без движения на корточках около ворот.

– Посмотрите на этого негодяя. Сидит часами, не двигаясь, ничего не говорит, даже в носу не ковыряет.

– Но он ни о чем и не беспокоится, Джохан. Совсем ни о чем, – сказал Ван-Некк.

– Да, но все, что мы делаем, – это спим, развлекаемся с девками и едим эти помои.

– Кормчий, он всего один. А нас десять, – сказал Джинсель спокойно.

– Я думал об этом. Но мы еще недостаточно готовы. Еще пройдет неделя, прежде чем мы избавимся от цинги, – ответил Блэксорн встревоженно. – Потом, их слишком много на борту корабля. Мне не хотелось бы заниматься этим без копья или ружья. Вас охраняют ночью?

– Да. Они меняют стражу три или четыре раза. Кто-нибудь видел спящим часового? – спросил Ван-Некк.

Они покачали головами.

– Мы можем попасть на борт ночью, – сказал Жан Ропер. – С помощью Бога мы одолеем варваров и захватим корабль.

– Вынь затычки из ушей! Кормчий только что тебе сказал! Ты не слышал? – с отвращением бросил ему Винк.

– Правильно, – сказал Пьетерсун, артиллерист, соглашаясь, – Прекрати подкалывать старину Винка!

Глаза Жана Ропера сузились еще больше.

– Спасай свою душу, Джохан Винк. И ты свою, Ханс Пьетерсун. День суда приближается. – Он ушел и сел на веранде.

Ван-Некк нарушил молчание:

– Все будет хорошо. Вот увидите.

– Ропер прав. Это жадность привела нас сюда, – сказал юнга Круук, его голос дрожал. – Это божье наказание, что...

– Прекрати! Юнга вздрогнул.

– Да, кормчий. Извини, но...

Максимилиан Круук был самым молодым из них, ему было только шестнадцать, и он записался на судно в плавание потому, что его отец был капитаном одного из судов, и они собирались скопить себе состояние. Но он видел страшную смерть своего отца, когда они грабили испанский город Санта-Магдалена в Аргентине. Добыча была большая, и он видел, что творится насилие, и пытался, ненавидя себя, наслаждаться кровавым запахом убийства. Позже он видел смерть многих своих товарищей и как из пяти кораблей остался один, и теперь он чувствовал себя самым старым среди них.

– Сколько времени мы на берегу, Баккус? – спросил Блэксорн.

– Третий день, – Ван-Некк опять придвинулся вплотную, присев на корточки, – Я не очень хорошо помню, как мы прибыли, но когда я проснулся, туземцы были на борту, очень вежливые и добрые. Дали нам пищи и горячей воды. Убрали мертвых и бросили якорь. Я многого не помню, но думаю, что они отбуксировали нас в безопасное место стоянки. Вы

были в горячке, когда вас перенесли на берег. Мы хотели, чтобы вы были с нами, но они не позволили нам этого. Один из них знал несколько слов по-португальски. Видимо, он у них главный – у него седые волосы. Он не понимает выражения «кормчий», но знает «капитан». Совершенно очевидно, что он хотел отделить от нас нашего «капитана», чтобы мы не беспокоились, что за вами будут хорошо присматривать. За нами тоже. Потом он проводил нас сюда, в основном нас переносили, и сказал, чтобы мы оставались в доме, пока не приедет его капитан. Мы не хотели отпускать тебя с ним, но ничего не могли поделать. Ты не попросишь старосту о вине или бренди, кормчий? – Ван-Некк облизал губы, как будто хотел пить, потом добавил: – Теперь я думаю вот о чем, он упомянул также «дайме». Что произойдет, когда дайме появится?

– У кого-нибудь есть нож или пистолет?

– Нет. – Ван-Некк сказал это, вычесывая вшей из головы с отсутствующим видом, – Они забрали все наше платье, чтобы вычистить его, и не вернули оружие. Я не думал об этом все это время. Вместе с пистолетом они взяли мои ключи. Я держал их все на кольце. От кладовой, сейфа и склада.

– На борту все хорошо заперто. Об этом не стоит беспокоиться.

– Мне не хотелось бы остаться без моих ключей. Это нервирует меня. Черт побери, я мог бы прямо сейчас выпить бренди. Даже флакон зля.

– Святой Боже! Самири изрубил его на куски, да? – сказал Сонк, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Ради Бога, заткнись. Не самири, а самурай. Ты можешь заставить человека выйти из себя, – сказал Джинсель.

– Я надеюсь, этот негодяй священник не появится здесь, – сказал Винк.

– Мы в безопасности во власти нашего доброго Бога. – Ван-Некк все еще пытался придать уверенность своему голосу. – Когда дайме появится, нас выпустят. Мы получим назад наши корабль и оружие. Вот увидите. Мы продадим все наши товары и вернемся в Голландию богатыми и невредимыми. Мы будем первыми голландцами, которые обошли вокруг земного шара. Католики попадут в ад, и это будет их конец.

– Нет, не то, – сказал Винк. – От папистов у меня идут мурашки по коже. Я не могу удержаться от этого. Это и еще мысль о конкистадорах. Вы думаете, их здесь много появится, кормчий?

– Я не знаю, думаю, что да. Я бы хотел иметь здесь всю нашу эскадру.

– Бедняги, – сказал Винк, – по крайней мере мы живы.

Маетсуккер сказал:

– Может быть, они вернулись домой. Может быть, они повернули обратно в Магеллановом проливе, когда мы потерялись во время шторма.

– Надеюсь, ты прав, – сказал Блэксорн. – Но я думаю, что корабли и экипажи погибли.

Джинсель вздрогнул:

– По крайней мере мы живы.

– Если здесь паписты и эти варвары с их ужасными нравами, я бы не дал за наши жизни и п... ду старой проститутки.

– Будь проклят тот день, когда я уехал из Голландии, – сказал Пьетерсун. – Черт бы побрал этот грог! Если бы я не был пьянее уличной шлюхи, я бы лежал со своей старушкой в Амстердаме.

– Будь проклят ты сам, Пьетерсун. Но не проклинай ликер. Это напиток жизни!

– Мы по уши в дерьме, и оно поднимается все выше, – Винк закатил глаза. – Да, очень быстро.

– Я никогда не думал, что мы доберемся до богатых земель, – сказал Маетсуккер. Он был похож на хорька, несмотря на отсутствие зубов. – Никогда. Меньше всего в Японии. Вшивые отвратительные паписты! Мы никогда не выберемся отсюда живыми. Я хочу, чтобы у нас было оружие. Что за гнилая земля! Я ничего не имею в виду, кормчий, – сказал он быстро, когда Блэксорн поглядел на него. – Просто не везет, и все.

Позже слуги принесли опять еду. Всегда одно и то же: овощи, вареные и сырые, с небольшим количеством уксуса, рыбный суп и пшеничная или ячневая каша. Они все отказались от маленьких кусочков сырой рыбы и попросили мяса и ликера. Но их не поняли. Позже, перед заходом солнца, Блэксорн ушел. Он устал от страхов, ненависти и ругани. Он сказал, что вернется после рассвета.

Лавки на тесных улицах были полны. Он нашел свою улицу и ворота своего дома. Пятна крови на земле были затерты, и тело исчезло. «Как будто мне все это приснилось», – подумал он. Садовые ворота открылись, прежде чем он успел прикоснуться к ним.

Старый садовник, все еще в набедренной повязке, хотя на ветру и было холодно, поклонился и улыбнулся: «Кон-банва».

– Хэлло, – сказал Блэксорн, не думая. Он поднялся по ступеням и остановился, вспомнив о своих башмаках. Сняв их, он прошел босиком на веранду, вошел в коридор, но не смог найти свою комнату.

– Онна, – позвал он. Появилась старуха: «Хай?»

– Где Онна?

Старая женщина нахмурилась и показала на себя:

– Онна!

– О, ради Бога! – сказал Блэксорн возбужденно. – Где моя комната? Где Онна? – Он отодвинул другую решетчатую дверь. На полу вокруг низкого столиха сидели за ужином четыре японца. Он узнал одного из них, седоволосого деревенского старосту, который был со священником. Они все поклонились. – О, извините, – сказал он и закрыл дверь.

– Онна! – позвал он.

Старуха подумала с минуту, потом поманила его к себе. Он прошел за ней в другой коридор. Она открыла дверь. Он по распытию узнал свою комнату... Стеганные одеяла уже были аккуратно разложены.

– Спасибо, – сказал он, успокоившись. – Теперь сходи за Онной.

Старая женщина ушла. Он сел; голова и тело болели. Он хотел посидеть на стуле и раздумывал, где они их держат. Как попасть на борт судна? Как достать оружие? Должен быть какой-то выход. Снова слышались шаги, и теперь появились три женщины: старуха, молодая круглолицая девушка и женщина средних лет.

Старая женщина указала на молодую, которая казалась несколько испуганной.

– Онна.

– Нет, – раздраженный Блэксорн встал и показал пальцем на женщину средних лет. – Вот Онна, Боже мой! Ты не знаешь своего имени? Онна! Я голоден. Могу ли я поесть?

Он потерял живот, изображая голод. Женщины поглядели друг на друга. Потом женщина средних лет пожала плечами, сказала что-то рассмешившее всех, подошла к постели и начала раздеваться. Две другие сидели на корточках, широко открыв глаза и чего-то ожидая.

Блэксорн пришел в смятение:

– Что ты собираешься делать?

– Исимасе! – сказала она, снимая пояс и распахивая кимоно. Ее груди были плоские и сухие, а живот огромен.

Было совершенно ясно, что она собиралась лечь с ним в постель. Он закачал головой и сказал, чтобы она оделась, и они все начали тараторить и жестикулировать, а женщина очень рассердилась. Она вышла из своей длинной нижней юбки и, голая, пыталась залезть обратно в постель.

Как только в коридоре появился хозяин, их болтовня прекратилась, и они стали кланяться.

– Нан дза? Нан дза? – спросил он. Старая женщина объяснила, в чем дело.

– Вы хотите эту женщину? – спросил он недоверчиво по-португальски с сильным акцентом, который едва можно было понять, указывая на обнаженную женщину.

– Нет. Нет, конечно, нет. Я только хотел, чтобы Онна дала мне чего-нибудь поесть. – Блэксорн нетерпеливо указал на нее. – Онна!

– Онна означает «женщина», – японец указал на всех трех. – Онна – онна – онна. Вы хотите онну?

Блэксорн устало покачал головой.

– Нет, нет, спасибо. Я ошибся. Извините. А как ее зовут?

– Да?

– Как ее имя?

– А! Ее имя Хаку. Хаку, – сказал он.

– Хаку?

– Да. Хаку!

– Извини, Хаку-сан. Я думал, онна – твое имя. Мужчина объяснил ситуацию Хаку, и она была не очень обрадована. Но он сказал еще что-то, все поглядели на Блэксорна и захихикали, прикрываясь ладонью, а потом ушли, Хаку вышла голая, неся кимоно на руке, с огромным чувством достоинства.

– Спасибо, – сказал Блэксорн, взбешенный собственной глупостью,

– Это мой дом. Мое имя – Мура.

– Мура-сан. Мое – Блэксорн.

– Извините?

– Мое имя – Блэксорн.

– А! Берр-ракк-фон, – Мура несколько раз попытался произнести его, но не смог. Наконец он встал и снова начал рассматривать колосса перед собой. Это был первый варвар, которого он когда-либо видел, не считая отца Себастьяна и другого священника, много лет назад. «Но во всяком случае, – думал он, – священники темноволосые, темноглазые и нормального роста. Но этот человек высокий, с золотистыми волосами и бородой, с голубыми глазами и таинственной бледностью кожи там, где она была закрыта, и краснотой там, где на нее светило солнце. Удивительно! Я думал, все мужчины черноволосые и с темными глазами. Мы все такие. Китайцы такие, а разве китайцы – не весь мир, за исключением земли южных португальских варваров? Удивительно. И почему отец Себастио так ненавидит этого человека? Потому что он поклонник Сатаны? Я бы так не думал, так как отец Себастио мог придумать дьявола, если бы захотел. О, я никогда не видел доброго отца таким сердитым. Никогда. Удивительно! Так голубые глаза и золотистые волосы – метка Сатаны?»

Мура поглядел на Блэксорна и вспомнил, как он пытался допросить его на борту корабля и потом, когда этот капитан упал без сознания, он решил перенести его в свой дом: он ведь командир и должен находиться под специальным присмотром. Они положили его на одеяла и раздели, скорее всего просто из любопытства.

– Его стыдные части довольно впечатляющи, а? – сказала мать Муры – Сейко. – Интересно, какой большой он будет, когда встанет?

– Большой, – ответил он, и все засмеялись: его мать, жена, друзья, слуги и доктор.

– Я думаю, их жены должны быть очень выносливы, – сказала его жена Нидзи.

– Вздор, дочка, – сказала его мать. – Любая из наших куртизанок может с успехом использовать необходимые приспособления. – Она покачала головой в удивлении. – Я никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Правда, странно, а?

Они вымыли его, но он не пришел в сознание. Доктор думал, что неразумно окунать его в ванну, пока он не придет в себя.

– Может быть, нам следует помнить, Мура-сан, что мы не знаем, что из себя представляют варвары, – сказал он с осторожной мудростью. – Поэтому извини, но мы можем убить его по ошибке. Очевидно, его силы на пределе. Нам следовало бы проявить терпение.

– Но как быть со вшами в его волосах? – спросил Мура.

– Они там останутся на какое-то время. Я понимаю, они есть у всех варваров. Извини. Я советую потерпеть.

– Вы не думаете, что нам следует вымыть ему голову? – спросила его жена. – Мы

будем очень осторожны. Я уверена, госпожа присмотрит за нашей работой. Это поможет варвару и удержит наш дом в чистоте.

– Я согласна. Вы можете вымыть его, – сказала его мать наконец. – Но я, конечно, хотела бы знать, какой большой он будет, когда встанет.

Сейчас Мура непроизвольно поглядел на Блэксорна. Потом он вспомнил, что священник говорил им об этих последователях Сатаны и пиратах. «Бог-Отец защитит нас от этого дьявола, – подумал он. – Если бы я знал, что он так ужасен, я бы никогда не привел его в мой дом. Нет, – сказал он себе. – Мы вынуждены обращаться с ним как со специальным гостем, пока Оми-сан не скажет, что надо наоборот. Но мы были очень мудры, известив немедленно священника и Оми-сана. Очень мудры. Я староста, я защищаю деревню, и я один отвечаю за это».

Да. И Оми-сан отвечает за смерть этим утром и нахальство погибшего человека, и совершенно правильно.

– Не будь глупцом, Тамазаки! Ты рискуешь добрым именем деревни! – предупреждал он своего друга-рыбака десятки раз. – Умерь свою нетерпимость. Оми-сан не имеет выбора, кроме как осмеивать христиан. Разве наш дайме не ненавидит христиан? Что еще может сделать Оми-сан?

– Ничего, я согласен, Мура-сан, пожалуйста, извини меня, – Тамазаки всегда отвечал, как обычно, – Но буддисты должны быть более терпимы, а? Разве оба они не дзен-буддисты²? Большинство самураев принадлежит к секте дзен-буддистов, как это и подобает гордым, ищущим смерти воинам.

– Да, буддизм учит терпению. Но сколько можно вам напоминать, что они самураи, и это Ицу, а не Кюсю, и, даже если бы это было на Кюсю, вы все равно не правы. Всегда. А?

– Да. Пожалуйста, извини меня, я знаю, что я не прав. Но иногда я чувствую, что не могу жить и таить стыд в себе, когда Оми-сан так оскорбляет истинную веру.

– А теперь, Тамазаки, ты мертв, так как сделал собственный выбор, оскорбив Оми-сана, отказавшись кланяться ему просто потому, что он сказал: «Этот вонючий священник иностранной религии». Пусть от священника пахнет и истинная вера – иностранная. Мой бедный друг, эта религия не прокормит твою семью и не смует позора с моей деревни.

О, Мадонна, благослови моего старого друга и пошли ему радость на небесах.

«Ожидай от Оми-сана много горя, – сказал себе Мура. – И если это недостаточно плохо, то еще придет дайме». Растущее беспокойство всегда заполняло его, когда бы он ни думал о своем феодале Касиги Ябу, дайме Изу, дяде Оми, – жестокость и бесчестие, способ, которым он обманывал все деревни при выдаче им законной доли их улова рыбы и урожая и доли при помоле. «Когда придет война, – спрашивал себя Мура, – чью сторону примет Ябу – господина Ишидо или господина Торанага? Мы в ловушке между двумя гигантами и в заложниках у обоих».

Северный, Торанага – самый крупный из живущих генералов, хозяин Кванто, Восьми провинций, самый важный дайме в стране, Главный генерал армий на востоке; к западу расположены земли Ишидо – он хозяин замка в Осаке, завоеватель Кореи, защитник наследника, генералиссимус западных армий... А к северу, в сторону Токайдо, проходит Великий прибрежный путь, который связывает Эдо, главный город Торанаги, с Осакой, главным городом Ишидо, – триста миль к западу, куда должны двинуться их легионы. Кто победит в войне? Неизвестно. Поскольку война охватит опять всю империю, союзы распадутся, провинции будут воевать друг против друга, пока каждая деревня не станет воевать с другой, как это уже было. Если не считать последние десять лет. За последние десять лет, это невероятно, но не было ни одной войны, мир по всей империи, впервые в истории.

«Мне начинает нравиться мир», – подумал Мура.

Но человек, который добился мира, мертв. Солдат из крестьян, который стал самураем,

потом генералом и потом самым главным генералом и, наконец, Тайко, абсолютным лордом-протектором Японии, умер год назад, а его семилетний сын слишком молод, чтобы наследовать верховную власть. Так что мальчик, как и мы, заложник. У двух гигантов. И война неизбежна... Теперь даже сам Тайко не сможет защитить любимого сына, его династию, его наследство или его империю.

Может быть, так и следовало. Тайко покориł земли, добился мира, вынудил всех дайме в стране пресмыкаться перед ним, как простых крестьян, перераспределил владения согласно своим желаниям – выдвигая одних помещиков, свергая других, – и потом умер. Он был гигант среди пигмеев. Но, может быть, это правильно, что вся его работа и величие должны были умереть вместе с ним? Разве мужчина не цветок, сорванный ветром, и только горы и море, звезды и эта земля богов являются реальными и вечными?

Мы все в западне, и это факт, что война начнется скоро и что Ябу один будет решать, на чьей мы стороне. И другой факт, что деревня всегда будет деревней, потому что рисовые поля здесь плодородные, море богато рыбой, и это последний факт.

Мура упорно обращался мыслями к этому варварскому пирату, стоящему перед ним. «Ты дьявол, посланный на нас как чума, – подумал он, – и ты не приносишь нам ничего, кроме беды, с того самого времени, как попал сюда. Почему ты не мог подобрать другую деревню?»

– Капитан-сан хочет женщину? – спросил он дружелюбно. По его предложению совет деревни дал распоряжения о других варварах, как с точки зрения вежливости, так и с точки зрения поддержания их занятости до приезда властей. За это деревня будет потом вознаграждена соответствующими рассказами о любовных связях с иноземцами, а не деньгами, которые будут уплачены.

– Женщину? – повторил он, видимо, подразумевая, что если пират стоит на ногах, то такое же положение должно быть и с его внутренностями, его Небесное Копье тепло упаковано перед сном и, как бы то ни было, все приготовления сделаны.

– Нет! – Блэксорн хотел только спать. Но он знал, что этот человек должен быть на его стороне, он заставил себя улыбнуться, указывая на распятие.

– Вы христианин? Мура кивнул.

– И я христианин.

– Священник говорит, что нет. Не христианин.

– Я христианин. Не католик. Но я тем не менее христианин.

Но Мура не мог понять. Не было никакого способа объяснить, но Блэксорн попытался.

– Хотите онна?

– Диме когда придет?

– Диме? Не понимаю.

– Диме, – ах, я имею в виду дайме.

– А, дайме! Ха, дайме! – Мура пожал плечами. – Дайме приедет, когда приедет. Спите. Сначала помойтесь. Пожалуйста.

– Что?

– Помойтесь. Примите ванну, пожалуйста.

– Я не понимаю.

Мура подошел ближе и брезгливо скривил нос.

– Воняет. Плохо. Как от всех португальцев. Вымойся. У нас чистый дом.

– Я буду мыться, когда захочу, и от меня не пахнет! – Блэксорн разозлился. – Каждый знает, что ванны опасны. Ты хочешь, чтобы я схватил простуду? Ты думаешь, я Богом проклятый глупец? Убирайся отсюда и дай мне поспать!

– Вымойся, – приказал Мура, пораженный гневом варвара – высшим признаком плохих манер. Это было связано не с запахом от варвара, хотя он и был, но, по его сведениям, тот не мылся целых три дня, и проститутка совершенно справедливо откажется лечь с ним, как бы много ей ни заплатили. «Эти ужасные иноземцы, – подумал он, – удивительные. Как мерзки их привычки! Ничего. Я отвечаю за тебя. Тебя научат хорошим манерам. Ты будешь мыться

в ванне по-человечески, и мать божья узнает, что она хочет узнать».

– Помойся!

– А теперь убирайся, не то я разорву тебя на куски! – Блэксорн сердито посмотрел на него, указывая на дверь.

Наступила короткая пауза, и появились еще три японца с тремя женщинами. Мура коротко объяснил им, в чем дело, потом сказал окончательно Блэксорну:

– Ванна. Пожалуйста.

– Убирайся!

Мура один вошел в комнату. Блэксорн оттолкнул его рукой, не желая причинить ему боль, только отпихнуть. Внезапно Блэксорн замычал от боли. Каким-то образом Мура ударил его по локтю ребром руки, и рука Блэксорна повисла, моментально парализованная. Разозлившись, он попытался атаковать. Но комната закружилась и он упал плашмя лицом, и тут возникла другая, колющая, парализующая боль в спине, и он больше уже не мог двигаться. «Боже мой...»

Он попытался встать, но ноги у него подгибались. Тут Мура спокойно протянул свой маленький, но твердый, как железо, палец и дотронулся до нервного центра на шее Блэксорна. Боль была ослепляющая.

– Боже мой...

– Ванну? Пожалуйста?

– Да-да, – выдохнул Блэксорн сквозь агонию, ошеломленный тем, что его так легко одолел этот маленький человек и он лежит теперь беспомощный, как ребенок, готовый к тому, что ему перережут горло.

Много лет назад Мура обучился искусству каратэ и дзюдо, так же как фехтованию шпагой и копьем. Это было, когда он был воином и воевал за Накамуру, крестьянского генерала, Тайко – задолго до того, как Тайко стал Тайко, – когда крестьяне могли быть самураями и самураи могли быть крестьянами, или лодочниками, или даже презренными купцами и снова воинами. «Странно, – подумал Мура, отсутствуя глядя вниз на упавшего гиганта, – что почти первым, что сделал Тайко, когда приобрел такую силу, – приказал всем крестьянам перестать быть воинами и сразу же сдать все оружие. Тайко запретил им навсегда иметь оружие и установил жесткую кастовую систему, которая теперь контролировала все в жизни империи: самураи выше всех, ниже их крестьяне, затем лодочники, затем купцы, за ними актеры, парии и бандиты, и, наконец, в самом низу – эти, нелюди, те, кто имел дело с мертвыми телами, обработкой кожи и мертвыми животными, те, кто был также общественными палачами, клеймовщиками и пыточниками. Конечно, любой варвар был ниже всех в этой шкале».

– Пожалуйста, извини меня, капитан-сан, – сказал Мура, низко кланяясь, пристыженный тем, что варвар потерял лицо, упал, стаяв, как грудной ребенок. «Да, я очень сожалею – подумал он, – но это должно было произойти. Ты провоцировал меня своим бессмысленным, чрезмерным упорством, даже для варвара. Ты кричал как безумный, вывел из равновесия мою мать, лишил мой дом покоя, обижал слуг, и моя жена должна была поменять седзи. Мне нельзя было оставить без внимания твой явный недостаток манер. Или позволить тебе поступать в моем доме против моих желаний. Это действительно для твоего собственного добра. Потом, это не так плохо, потому что вы, варвары, не должны терять лицо. За исключением священников – они совсем другое дело. Они все ужасно пахнут, но они помазаны Богом-отцом, так что они имеют большое лицо. Но ты-ты лжец, так же как и пират, лишенный чести. Как удивительно! Заявить, что он – христианин. К сожалению, это тебе совсем не поможет. Наш дайме ненавидит истинную веру и варваров и терпит их только потому, что должен это делать. Но ты не португалец и христианин, следовательно, не защищен законом, да? Так что хотя ты и мертвый человек – или по крайней мере изуродованный, – моя обязанность следить, чтобы ты встретил свою судьбу чистым. Мыться очень хорошо!»

Он помог остальным мужчинам перенести все еще находящегося в

полубессознательном состоянии Блэксорна через весь дом в сад вдоль крытого перехода, которым он очень гордился, в баню. Женщины шли за ним.

Это стало одним из самых больших событий в его жизни. Он знал в то время, что ему придется рассказывать и пересказывать эту историю не доверяющим ему друзьям за баррелями горячего sake³, своим приятелям, рыбакам, сельским жителям, своим детям, которые не сразу поверят ему. Но они в свою очередь будут потчевать этим рассказом своих детей, и имя Муры, рыбака, будет вечно жить в деревне Анджиро, расположенной в провинции Изу на юго-восточном побережье главного острова Хонсю. Все потому, что он, рыбак Мура, имел счастье быть старостой в первый год после смерти Тайко и, следовательно, временно отвечать за вождя незнакомых варваров, которые пришли из восточного моря.

Глава Вторая

– Дайме, Касиги Ябу, хозяин Изу, хочет знать, кто вы, откуда пришли, как оказались здесь и какие акты пиратства вы совершили, – сказал отец Себастьян.

– Я продолжаю утверждать, что мы не пираты.

Утро было ясное и теплое, и Блэксорн стоял на коленях перед платформой на деревенской площади, его голова болела от удара. «Успокойся и заставь свои мозги работать, – сказал он сам себе. – Сейчас на карту поставлены ваши жизни. Ты адвокат, и все. Иезуит твой враг, и он единственный имеющийся переводчик, а ты не можешь узнать, что он говорит, но можешь быть уверен, что он тебе не поможет... Собери все свои мозги, – он почти мог слышать, что говорит старый Альбан Карадок. – Когда море смертоносно и штормы самые сильные, вот когда нужны твои знания. Вот что удерживает тебя живым и твой корабль на плаву – если ты кормчий. Собери все свои знания и выжми сок из каждого дня...»

«Сок сегодняшнего дня – это желчь, – мрачно подумал Блэксорн. – Почему я так отчетливо слышу голос Альбана?»

– Сначала скажи дайме, что мы враги, что мы в состоянии войны, – сказал он. – Скажи ему, что Англия и Нидерланды воюют с Испанией и Португалией.

– Я снова предупреждаю вас, чтобы вы говорили просто и не переворачивали факты. Нидерланды, или Голландия, Низкие земли. Соединенные провинции, как бы ни называли их вы, мерзкие мятежники, – это маленькая мятежная провинция Испанской империи. Вы вождь изменников, которые подняли мятеж против своего законного короля.

– Англия находится в состоянии войны, и Нидерланды... – Блэксорн не стал продолжать, потому что священник больше не слушал его, а переводил.

Дайме был на платформе, невысокий, плотный и очень важный. Он удобно сидел на коленях, пятки были аккуратно подобраны; по бокам стояли четыре помощника, – одним из них был Касиги Оми, его племянник и вассал. Все они носили шелковые кимоно и поверх них разукрашенные одежды, надеваемые на доспехи, с широкими поясами, поднятыми над талией. Плечи были огромные, накрахмаленные. И неизменные мечи.

Мура стоял на коленях в грязи. Он был единственным из деревни, а остальные свидетели – это самураи, пришедшие с дайме. Они сидели правильными молчаливыми рядами. Члены команды парусника располагались сзади Блэксорна и, как и он, были на коленях, сбоку них была стража. Им пришлось принести адмирала, хотя тот и был очень болен. Ему позволили лечь в грязь, хотя он находился в полубессознательном состоянии. Блэксорн поклонился вместе с ними, когда они подошли к дайме, но этого было недостаточно. Самурай пинками заставил их стать на колени и опустить головы в грязь, как крестьян. Он пытался сопротивляться и крикнул священнику, что это не соответствует их обычаям, что он командир и эмиссар их страны и с ним должны соответственно и

обращаться. Но рукоятка меча заставила его подчиниться. Его люди сгрудились в мгновенном порыве, но он приказал им остановиться и стать на колени. К счастью, они послушались. Дайме издал что-то гортанное, и священник перевел это как предупреждение ему говорить правду и отвечать быстро. Блэксорн попросил стул, но священник сказал, что японцы не пользуются стульями и в Японии их нет ни одного.

Блэксорн сосредоточил все свое внимание на священнике, когда он говорил с дайме, стремясь найти подход к нему, способ преодолеть эту опасность.

«В лице дайме чувствуются высокомерие и жестокость, – подумал он, – Держу пари, что он настоящий негодяй. Священник не очень хорошо говорит по-японски. О, видишь это? Возбуждение и нетерпение. Дайме спросил другое слово, более точное. Думаю, что так. Почему иезуит носит оранжевые одежды? Дайме католик! Смотри, иезуит изменился в лице и сильно потеет. Держу пари, дайме не католик? Будь аккуратнее! Может быть, он не католик. В любом случае ты от него не получишь пощады. Как ты сможешь использовать этого негодяя? Как тебе поговорить с ним напрямую? Как ты собираешься переиграть священника? Как дискредитировать его? На что он клюнет? Ну же, думай! Ты достаточно знаешь об иезуитах».

– Дайме говорит, поторопись и отвечай на его вопросы.

– Да, конечно. Прошу прощения. Мое имя Джон Блэксорн. Я англичанин, главный кормчий нидерландского флота. Наш порт Амстердам.

– Флот? Какой флот? Ты врешь. Никакого флота нет. Почему английский кормчий на голландском корабле?

– Все в свое время. Пожалуйста, переведи, что я сказал.

– Почему ты стал кормчим голландского капера? Быстрее! Блэксорн решил блефовать. Его голос внезапно стал твердым – он так и прорезал утреннюю теплоту:

– Дьявол! Сначала переведи, что я сказал, испанец! Ну! Священник вспыхнул.

– Я португалец. Я уже говорил тебе об этом. Отвечай на вопросы.

– Я здесь, чтобы говорить с дайме, а не с тобой. Переводи то, что я сказал, безродное отребье!

Блэксорн видел, что священник покраснел еще больше и что это не осталось незамеченным дайме. «Будь осторожен, – предупредил он себя. – Этот желтолицый негодяй разрежет тебя на кусочки быстрее, чем стая акул, если ты выйдешь из себя».

– Скажи господину дайме!

Блэксорн умышленно низко поклонился в сторону платформы и почувствовал, как холодный пот начал собираться в капли, когда он твердо наметил, что ему делать.

Отец Себастьян знал, что его положение делает его неуязвимым для оскорблений пирата. Он твердо решил дискредитировать англичанина перед дайме. Но впервые это не сработало, и он растерялся. Когда посланец от Муры принес ему известие о корабле в его миссию в соседнюю провинцию, он мучился в догадках. «Это не мог быть голландский или английский корабль! – думал он, – В Тихом океане не могло быть никого на кораблях еретиков, за исключением этого архидьявола корсара Дрейка, и никогда ни одного не было в Азии. Морские пути были секретными и охраняемыми». Он сразу приготовился к отъезду и послал срочное послание с почтовым голубем своему игумену в Осаку, с которым собирался сначала посоветоваться, зная, что сам еще молод, почти неопытен. В Японии он почти новичок, пробыл здесь всего два года, еще даже не посвящен в духовный сан и не компетентен в таком опасном деле. Он бросился в Анджино, надеясь и молясь, чтобы новость оказалась ложной. Но судно было голландским, и штурман англичанин, и все его отвращение к сатанинским еретикам Лютеру, Кельвину, Генриху VIII и сатанинской Елизавете, его незаконнорожденной дочери, переполнило его. И поглотило его разум.

– Священник, переведи то, что говорит пират, – слышал он дайме.

«О, благословенная Мать Божия, помоги мне выполнить твою волю. Помогите мне быть сильным перед дайме и дай мне способности к языкам, дай мне обратить их в истинную веру».

Отец Себастьян собрал все свои силы и начал говорить более уверенно.

Блэксорн слушал внимательно, пытаясь понять слова и смысл. Священник помянул «Англия» и «Блэксорн» и указал на корабль, который спокойно стоял на якоре в гавани.

– Как вы оказались здесь? – спросил отец Себастьян.

– Через Магелланов пролив. Это в ста тридцати шести днях пути отсюда. Скажи дайме...

– Ты лжешь. Пролив Магеллана секретный. Ты прошел вокруг Африки и Индии. Ты должен сейчас же сказать правду. Они будут тебя пытаться.

– Пролив был секретный. Португалец продал нам руттер. Один из ваших собственных людей продал нам его за золото, как Иуда. Вы все дерьмо! Теперь все английские и нидерландские военные суда знают путь через Тихий океан. Там эскадра в двадцать английских линейных кораблей – шестидесятипушечных военных кораблей – прямо сейчас атаковала Манилу. Ваша империя кончилась.

– Ты врешь!

«Да», – подумал Блэксорн, зная, что способа доказать, что это не ложь, нет, если только не сплавать в Манилу.

– Эта эскадра будет нападать на ваши торговые пути и захватывать ваши колонии. Еще один флот будет здесь теперь в любое время. Испано-португальская свинья опять в своем свиномарнике, и член вашего иезуитского генерала у нее в заднице, где ему и место! – Он отвернулся и низко поклонился дайме.

– Бог проклянет тебя и твой недостойный род.

– Ано моно ва нани о машите ору? – нетерпеливо бросил дайме.

Священник заговорил быстрее, более твердо и сказал «Магеллан» и «Манила», но Блэксорн подумал, что дайме и его приближенные не очень хорошо его понимают.

Ябу устал от этого разбирательства. Он глянул на гавань, на корабль, который интересовал его с тех пор, как он получил тайное послание от Оми, и размышлял, не подарок ли это богов, как он надеялся.

– Ты уже осмотрел груз, Оми-сан? – спросил он этим утром, как только прибыл, забрызганный грязью и усталый.

– Нет, хозяин. Я подумал, что лучше всего опечатать корабль до вашего приезда, но трюмы полны ящиками и тюками. Надеюсь, я поступил правильно. Вот все их ключи. Я их конфисковал.

– Хорошо, – Ябу приехал из Эдо, столицы Торанаги, расположенной более чем в ста милях отсюда, в крайней спешке, тайком и с большим личным риском, и это было очень важно, что он добрался так быстро. Путешествие заняло два дня, по отвратительным дорогам, через разлившиеся весной ручьи, частично верхом, частью в паланкине. «Я сразу поеду на корабль».

– Вам следовало бы повидать иноземцев, хозяин, – сказал Оми со смехом. – Они невозможны. У большинства голубые глаза, как у сиамских кошек, золотистые волосы. Но лучшая новость из всех – то, что они пираты...

Оми пересказал ему все, что священник сообщил об этих корсарах, и что сказал пират, и что случилось, и его возбуждение утроилось. Ябу подавил свое нетерпение подняться на борт корабля и сорвать печати. Вместо этого он помылся, переоделся и приказал привести к нему варваров.

– Ты, священник, – сказал он, его голос был резок и смысл едва доходил до отца Себастьяна, плохо знающего язык. – Почему он так зол на тебя?

– Он дьявол. Пират. Он поклоняется дьяволу. Ябу наклонился к Оми, сидящему слева.

– Можешь ты понять, что он говорит, племянник? Он врет? Что ты думаешь?

– Я не знаю, хозяин. Кто знает, во что на самом деле верят варвары? Я допускаю, что священник думает, что пират действительно поклонник дьявола. Конечно, все это вздор.

Ябу снова повернулся к священнику, которого ненавидел. Он хотел, чтобы его можно было сегодня же распять и уничтожить христианство в его районе раз и навсегда. Но он не

мог. Хотя он и другие дайме имели полную власть в своих районах, они все-таки подчинялись власти Совета регентов, военной правящей хунте, которой Тайко официально передал свою власть на время несовершеннолетия своего сына, и подчинялись также указам, которые тот издал во время своего правления и которые официально еще оставались в силе. Один из них, выпущенный много лет назад, касался португальских варваров и указывал, что в пределах разумного к их религии надо проявлять терпимость так, чтобы их священники могли обращать людей в свою веру.

– Ты, священник! Что еще говорит пират? Что он сказал тебе? Быстрее! Ты проглотил язык?

– Пират принес плохие новости. Плохие. О том, что плывут еще пиратские корабли – и много.

– Что он подразумевает под «военными кораблями»?

– Извини, хозяин, я не понял.

– «Военные лодки» не имеет смысла, а?

– А! Пират говорит, другие военные корабли в Маниле, на Филиппинах.

– Оми-сан, ты понимаешь, о чем он говорит?

– Нет, хозяин. Его акцент ужасный, это почти непонятная речь. Он говорил, восточное Японии есть еще пиратские корабли?

– Да, священник! Есть еще пиратские корабли в море? Восточнее? А?

– Да, хозяин. Но я думаю, он врет. Он говорит, в Маниле.

– Я не понимаю, где находится Манила?

– На востоке. Много дней пути.

– Если какие-то пиратские корабли придут сюда, мы устроим приятную встречу, где бы ни была эта Манила.

– Пожалуйста, извините меня. Я не понимаю.

– Неважно, – сказал Ябу. Его терпение пришло к концу, он уже решил, что варвары должны умереть, и наслаждался предстоящим. Очевидно, что эти люди не подпадали под эдикт Тайко, который упоминал «португальских варваров», и, во всяком случае, они были пираты. Сколько он мог себя помнить, он ненавидел этих дикарей, их зловоние и грязь, их омерзительную привычку есть мясо, их глупую религию, высокомерие и отвратительные манеры. Более, чем этого, он стыдился, как каждый дайме, их одержимости этой землей богов. Между Китаем и Японией столетиями шли войны. Китай не давал торговать. Китайская шелковая одежда была жизненно необходима для того, чтобы можно было перенести длинное, жаркое и влажное японское лето. Для целых поколений в Японии было доступно только незначительное количество контрабандной одежды, проходящей через китайскую сеть за огромную цену. Потом, шестьдесят с чем-то лет назад, впервые появились варвары. Китайский император в Пекине дал им маленькую постоянную базу в Макао на юге Китая и согласился торговать шелком за серебро. Япония в изобилии имела серебро. Вскоре торговля стала процветать. Обе страны благоденствовали. Средний класс, португальцы, становились богачами, и их священники – преимущественно иезуиты – стали необходимы для торговли. Только священники могли учиться говорить по-китайски и по-японски и, следовательно, могли выступать как купцы и переводчики. По мере того как торговля процветала, священники становились все нужнее и нужнее. Теперь годовой торговый оборот был огромен и касался жизни каждого самурая. Поэтому приходилось терпеть священников и распространение их религии, иначе варвары могли уплыть и торговля бы прекратилась.

Вот почему к настоящему времени в Японии уже было несколько влиятельных христианских дайме и сотни тысяч новообращенных, большинство которых жили на Кюсю, южном острове, ближайшем к Китаю, на котором находился португальский порт Нагасаки. «Да, – подумал Ябу, – мы должны терпеть священников и португальцев, но не этих варваров, вновь пришедших, невероятно золотоволосых, голубоглазых». Его охватило возбуждение. Теперь наконец он мог удовлетворить свое любопытство, как будут умирать варвары после мучений. Он замучил одиннадцать человек, узнал одиннадцать различных пыток. Он

никогда не задавался вопросом: почему агония других его радует. Он только знал, что это бывает, следовательно, к этому надо стремиться и этим наслаждаться.

Ябу сказал:

– Это судно иностранное, не португальское, а пиратское, конфисковано со всем его содержимым. Все пираты приговорены к немедленной смерти.

Его рот остался открытым, когда он увидел, как пиратский вождь внезапно прыгнул на священника, сорвал деревянное распятие с пояса, разбил его на куски, бросил на землю, закричал что-то очень громко. После этого пират тут же стал на колени и низко поклонился дайме, а стража бросилась вперед, подняв мечи.

– Стойте! Не убивайте его! – Ябу был удивлен, что кто-то мог так нагло вести себя перед ним, проявляя такие плохие манеры. – Эти варвары непостижимы!

– Да, – сказал Оми, недоумевая, что могла бы означать эта сцена.

Священник все еще стоял на коленях, пристально глядя на обломки креста. Все смотрели, как он поднял трясущуюся руку и подобрал оскверненное дерево. Он сказал что-то пирату тихим голосом, почти мягко. Его глаза закрылись, он сложил пальцы в пригоршню, губы его медленно задвигались. Пиратский вожак стоял, не двигаясь, перед сбившейся в кучку командой. Его бледно-голубые глаза смотрели не мигая, как у кошки.

Ябу сказал:

– Оми-сан. Сначала я хочу пойти на корабль. Потом мы начнем. – Его голос стал хриплым, когда он представил удовольствие, которое он пообещал себе. – Я хочу начать с того низенького рыжеголового в конце строя.

Оми наклонился ближе и понизил свой возбужденный голос:

– Пожалуйста, извини меня, но этого раньше никогда не бывало, господин. Ни разу с тех пор, как сюда пришли португальцы. Разве распятие – не их священный символ? Разве они не были всегда особо почтительны со священниками? Разве они не преклонялись перед ними в открытую? Совсем как наши христиане. Разве священники не имеют над ними абсолютной власти?

– Давай о главном.

– Мы все не любим португальцев, господин. За исключением наших христиан, а? Может быть, эти новые варвары большего стоят живыми, а не мертвыми?

– Как?

– Так как они особенные. Они антихристиане! Может быть, умный человек может найти способ использовать их ненависть – или неверие – к нашей выгоде. Они ваша собственность, делайте с ними, что хотите. Да?

«Да. И я хочу их пытать, – подумал Ябу. – Да, но это удовольствие можно получить в любой момент. Слушайся Оми. Он хороший советчик. Но можно ли ему сейчас доверять? Нет ли у него тайной причины так говорить? Подумай».

– Икава Джиккья – христианин, – услышал он голос племянника, назвавшего его ненавистного врага – одного из родственников и союзников, – который властвовал к западу от него. Разве этот мерзкий священник не живет там? Может быть, эти варвары дадут вам ключ ко всей провинции Икава? Или, может быть, Ишидо. Может быть, даже к господству над Торанагой, – добавил Оми деликатно.

Ябу внимательно изучал лицо Оми, пытаясь определить, что скрывается за ним. Потом его глаза вернулись к кораблю. Он не сомневался теперь, что корабль послан ему богами. Но был ли это дар или наказание?

Он отложил свои удовольствия ради безопасности своего клана.

– Я согласен. Но сначала освободи этих пиратов. Научи их манерам. Особенно его.

* * *

– Хорошенькая смерть для Иисуса! – пробормотал Винк.

– Нам следовало бы помолиться, – сказал Ван-Некк.

– Мы только что прочитали одну.

– Может быть, нам лучше произнести другую. Великий Боже на небесах, я бы мог выпить пинту бренди.

Их запихнули в глубокий погреб, один из многих, где рыбаки хранили высушенную на солнце рыбу. Самураи прогнали их толпой через площадь, вниз по лестнице, и теперь они были заперты под землей. Погреб имел пять шагов в длину, пять в ширину и четыре в высоту, с земляными полом и стенами. Потолок был из досок, перекрыт футом земли и имел одну дверь с лестницей.

– Слезь с моей ноги, проклятая обезьяна!

– Убери свою рожу, собиратель дерьма! – сказал Пьетерсун добродушно, – Эй, Винк, отодвинься немного, ты, беззубая старая задница, ты и так захватил места больше всех остальных! Боже мой, я бы выпил холодного пива! Отодвинься!

– Не могу, Пьетерсун. Мы здесь сидим плотнее, чем сельди в бочке.

– Это адмирал. Он занял все пространство. Дайте ему пинка. Разбудите его, – сказал Маетсуккер.

– А? В чем дело? Оставьте меня. Что вы хотите? Я болен. Я лежу. Где мы?

– Оставьте его. Он болен. Ну, Маетсуккер, встань ради Бога. – Винк сердито поднял Маетсуккера и оттолкнул его к стене. Для них не было мест, где можно было бы лечь или просто удобно сесть. Адмирал, Паулюс Спилберген, лежал, вытянувшись во всю длину под дверью с лестницей, где было больше воздуха, его голова покоилась на связанном плаще. Блэксорн облокотился о стену в углу, глядя на дверь вверху лестницы. Команда оставила его одного и с трудом очистила для него место, так как они хорошо знали из долгого общения с ним о его настроении и копившейся взрывной силе, которая всегда скрывалась под его спокойным внешним обликом.

Маетсуккер потерял терпение и ударил Винка кулаком в пах.

– Оставь меня одного, или я убью тебя, ублюдок! Винк бросился на него, но Блэксорн схватил их обоих и оттолкнул так, что они ударились головой о стенку.

– Заткнитесь вы все, – сказал он мягко. Они послушались. – Мы разделимся на смены. Одна смена спит, вторая сидит, и еще одна стоит. Спилберген лежит до тех пор, пока не сможет сидеть. В углу будет галюн.

Он разделил их на смены. Когда они перераспределились, стало более удобно.

«Мы должны будем выбраться отсюда в течение дня или же ослабеем, – подумал Блэксорн, – когда они принесут обратно лестницу, чтобы дать нам пищи или воды. Это будет сегодня вечером или завтра ночью. Почему они поместили нас сюда? Мы не опасны для них. Мы могли бы помочь дайте. Поймет он это? Для меня это был единственный способ показать ему, что наш настоящий враг – священник. Поймет ли он? Священник понял».

– Может быть, Бог и сможет простить тебе твое богохульство, но я нет, – сказал отец Себастьян очень спокойно. – Я не успокоюсь до тех пор, пока ты и твой дьявол не будут уничтожены.

Пот каплями сбегал по его щекам и подбородку. Он вытер его рассеянно, прислушиваясь к происходящему на палубе, как всегда, когда он был на борту и спал или был свободен от вахты и ничего не делал, так, чтобы попытаться услышать опасность до того, как что-то случится.

Мы должны вырваться и захватить корабль. Знать бы, что делает Фелисите. И дети. Надо посчитать, Тюдору теперь семь лет, а Лизбет... Мы уже год, одиннадцать месяцев и шесть дней из Амстердама, тридцать семь дней снаряжались и шли туда из, Чатема, добавим последние одиннадцать дней, которые она прожила до начала погрузки в Чатеме. Это ее точный возраст – если все нормально. Все должно быть хорошо. Фелисите будет готовить и ухаживать за детьми, убираться и разговаривать с ними, когда дети подрастут, такие же сильные и бесстрашные, как их мать. Прекрасно было бы вернуться домой, гулять с ними по берегу, и лесам, и полянам, – вся эта красота и есть Англия.

Годами он учился думать о них как о героях пьесы, людях, которых вы любили и за

которых отдали бы жизнь, пьесы, которая никогда не кончится. Иначе боль от расставания была бы слишком сильной. Он мог чуть ли не сосчитать все дни, которые провел дома за те одиннадцать лет, что был женат. «Их было мало, – подумал он, – слишком мало. «Это трудная жизнь для женщины, Фелисите», – говорил он ей раньше. И она говорила: «Любая жизнь для женщины трудная». Ей тогда было семнадцать лет, она была высокая с длинными волосами...»

Слух предупредил его об опасности.

Люди сидели или склонились к стене, кто-то пытался уснуть. Винк и Пьетерсун, близкие друзья, тихо переговаривались. Ван-Некк и другие смотрели в пространство. Спилберген полуспал-полубодрился, и Блэксон подумал, что он сильнее, чем им казалось.

Наступило внезапное молчание, когда они слышали шаги над головой. Шаги прекратились. Приглушенные голоса на грубом, странно звучащем языке. Блэксон подумал, что он узнал голос самурая – Оми-сана? Да, это было его имя, но он не был уверен. Через момент голоса смолкли и шаги удалились.

– Ты думаешь, они дадут нам поесть, кормчий? – спросил Сонк.

– Да.

– Я бы выпил. Холодного пива, о Боже, – сказал Пьетерсун.

– Заткнись, – сказал Винк. – Ты достаточно сделал, чтобы заставить человека попотеть.

Блэксон чувствовал, что его рубашка вся пропотела. И этот запах! «Ей-Богу, мне бы надо было принять ванну», – подумал он и внезапно улыбнулся, вспоминая. ... Мура и остальные отнесли его в теплую комнату и положили на каменную скамью, его конечности все еще были онемевшими и двигались очень медленно. Три женщины под руководством старшей начали раздевать его, он пытался остановить их, но каждый раз, когда он шевелился, один из мужчин ударял по нерву – и он становился неподвижным, и как он их ни обзывал и ни клял, они продолжали раздевать его, пока он не остался совсем голым. Не то чтобы он стыдился обнажиться перед женщинами, – дело было в том, что он всегда делал это в интимной обстановке, таков был обычай. И ему не нравилось, что его кто-то раздевает, пусть даже эти нецивилизованные люди, дикари. Но быть раздетым публично, как маленький, беспомощный ребенок, и быть везде вымытым, как ребенок, теплой, мыльной душистой водой, когда они тараторили и улыбались, а он лежал на спине, – это было слишком. У него началась эрекция, и чем больше он пытался ее остановить, тем становилось хуже. По крайней мере он так думал, но женщинам так не казалось. Глаза их расширились, а он начал краснеть. «Боже милостивый, один ты, наш единственный, я не могу краснеть!» Но он краснел, и казалось, что это увеличивает его размеры, и старуха захлопала в ладоши в удивлении и сказала что-то, все закивали головами, а она покачала головой с угрожающим видом и еще что-то сказала – они закивали еще старательнее.

Мура что-то сказал с большой серьезностью.

– Капитан-сан, мама-сан благодарит вас, это самое лучшее а ее жизни, теперь она может умереть счастливой! – И он и все они сразу поклонились как один, и тут он, Блэксон, увидел, как смешно это было, и начал хохотать. Они вздрогнули, потом тоже засмеялись. Смех отнял у него последние силы, и старуха немного опечалилась и сказала об этом, и тут снова все вместе расхохотались. После этого его мягко положили в большую ванну, где было много воды, и вскоре он уже не смог ее больше выдерживать, и его, задыхающегося, положили снова на скамью. Женщины вытерли его, а потом пришел слепой старик. Блэксон не знал, что такое массаж. Сначала он пытался сопротивляться этим щупающим пальцам, но потом их волшебная сила покорила его, и вскоре он лежал, чуть ли не мурлыкая, как кошка, когда пальцы нашли узелки и разогнали кровь, этот эликсир, который скрывался под кожей, мускулами и жилами.

После этого его отнесли в постель, слабого, полусонного, и там была девушка. Она была терпелива с ним, и после сна, когда к нему вернулись силы, он овладел ею очень осторожно, хотя так долго воздерживался.

Он не спросил ее имени, и утром, когда Мура, напряженный и очень испуганный, с трудом разбудил его, она ушла.

Блэксорн вздохнул. «Жизнь удивительна», – подумал он.

В погребке опять разворчался Спилберген, Маетсуккер проклинал свою голову и стонал, не от боли, а от страха, мальчик Круук был почти в обмороке, и Жан Ропер сказал:

– О чем ты смеешься, кормчий?

– Пошел ты к черту!

– Кстати, кормчий, – сказал Ван-Некк осторожно о том, что было у всех в голове, – вы очень неразумно атаквали священника перед этим поганым желтым негодяем.

Таково было общее, хотя и осторожно высказанное мнение.

– Если бы этого не случилось, я не думаю, чтобы мы были в этой грязи.

Ван-Некк стоял на расстоянии от Блэксорна.

– Все, что нужно было сделать, – это опустить голову в пыль, когда этот негодяй хозяин оказывается поблизости, и они становятся кроткие, как овечки.

Он подождал ответа, но Блэксорн не ответил, только повернулся к двери на лестнице. Казалось, что никто не сказал ни слова. Но напряжение увеличивалось.

Паулюс Спилберген с трудом поднялся на одном локте.

– О чем вы говорите, Баккус?

Ван-Некк подошел к нему и объяснил все про священника и распятие, и что случилось, и почему они здесь. Его глаза болели сегодня больше, чем обычно.

– Да, это было опасно, кормчий, – согласился Спилберген. – Я бы сказал, совершенно неправильно – передайте мне немного воды. Теперь иезуиты вообще не оставят нас в покое.

– Тебе бы следовало сломать ему шею, кормчий. Иезуиты все равно не оставят нас в покое, – сказал Жан Ропер. – Они противные вши, а мы здесь, в этой вонючей дыре, в наказание божье.

– Это чушь, Ропер, – сказал Спилберген. – Мы здесь потому...

– Это божье наказание! Нам нужно было сжечь все церкви в Санта-Магдалене, а не только те две. Спилберген слабо отмахнулся от мухи.

– Испанские войска перестроились, и нас было меньше одного против пятнадцати. Дайте мне воды! Мы разграбили город, и захватили добычу, и ткнули их носами в грязь. Если бы мы остались и не отступили, нас бы убили.

– Что делать, если мы выполняем волю Бога? Он оставил нас.

– Может быть, мы здесь, чтобы выполнять божью волю, – сказал Ван-Некк успокаивающе, поскольку Ропер был хорошим, хотя и слишком религиозным человеком, умелым купцом и сыном его партнера.

– Может быть, мы сможем показать этим туземцам ложность папизма? Может быть, мы могли бы обратить их в свою истинную веру.

– Совершенно верно, – сказал Стапберген. Он все еще чувствовал слабость, но силы к нему возвращались.

– Я думаю, тебе следовало бы посоветоваться с Баккусом, кормчий. В конце концов, он главный из купцов. Он очень хорош при переговорах с дикарями. Передайте воды, я сказал!

– Ее совсем нет, Паулюс. – Мрачность Ван-Некка увеличилась. – Они не дают нам ни воды, ни пищи. У нас нет даже параша.

– Ну, попросите одну! И немного воды! Боже, я хочу пить! Попросите воды! Вы!

– Я? – спросил Винк.

– Да. Ты!

Винк посмотрел на Блэксорна, но Блэксорн, не обращая на них внимания, смотрел на дверь. Тогда Винк встал под дверью и закричал:

– Эй! Вы там! Дайте нам, ради Бога, воды. Мы хотим есть и пить!

Ответа не было. Он закричал опять. Нет ответа. Постепенно начали кричать и остальные. Все, за исключением Блэксорна. Вскоре голод, жажда, теснота дали себя знать и они завывали как волки. Люк открылся. Они смотрел вниз, на них. Рядом стояли Мура и

священник.

– Воды! И пищи, ради Бога! Выпустите нас отсюда! – завопили они снова.

Оми подошел к Муре, который кивнул и ушел. Минутой позже Мура вернулся, неся большую бочку вдвоем с другим рыбаком. Они опустошили ее, вылив на головы узников отбросы гнилой рыбы в морской воде.

Люди в погребке рассеялись и пытались спастись, но не всем это удалось. Пострадал Спилберген, почти захлебнулся. Блэксорн не двинулся из своего угла. Он только с ненавистью смотрел на Оми.

Тогда заговорил Оми. Стояла подавленная тишина, нарушаемая только кашлем и рыганием Спилбергена. Когда Оми кончил говорить, к люку с опаской подошел священник.

– Вот приказ Касиги Оми. Вы будете вести себя как приличные люди. Вы больше не будете шуметь. Если будете шуметь, в следующий раз в погреб будет вылита пять бочонков. Потом десять, потом двадцать. Вам будут давать пищу и воду два раза в день. Когда вы научитесь вести себя, вам будет позволено выйти в общество людей. Господин Ябу милостиво сохранил вам ваши жизни, позволив вам верно служить ему. Всем, за исключением одного. Один из вас умрет. Вечером. Вы должны выбрать, кто это будет. Но ты, – он указал на Блэксорна, – ты не должен быть выбран. – Чувствуя себя неловко, священник глубоко вздохнул, сделал полупоклон самураю и отступил назад.

Оми посмотрел вниз, в отверстие. Он мог видеть глаза Блэксорна и чувствовал его ненависть. «Потребуется многое, чтобы сломить дух этого человека, – подумал он. – Ничего. Времени достаточно». Крышка люка с шумом опустилась на место.

Глава Третья

Ябу лежал в горячей ванне, более сосредоточенный, более уверенный в себе, чем когда-либо в своей жизни. Корабль показал, как он богат, и это богатство давало ему власть, которую он раньше считал невозможной.

– Я хочу перевезти завтра все на берег, – сказал он, – Перепакуй мушкеты в ящики. Замаскируй все сетью или мешками.

«Пять сотен мушкетов, – подумал он радостно. – И еще порох и патроны, больше того, что имеет Торанага во всех восьми провинциях. И двадцать пушек, пять тысяч пушечных ядер с большим количеством снаряжения. Зажигательные заряды мешками. Все лучшего европейского качества». Мура, ты обеспечишь носильщиков. Игураши-сан, я хочу, чтобы все вооружение, включая пушки, немедленно перевезли в мой замок в Мишима тайно. Ты будешь отвечать за это. – Да, господин.

Они находились в главном трюме корабля, и каждый во все глаза глядел на него: Игураши, высокий, гибкий одноглазый мужчина, его главный вассал, Зукимото, его интендант, вместе с десятью пропотевшими крестьянами, которые открывали ящики под присмотром Муры и его личной охраны из четырех самураев. Он знал, что они не поняли его веселья или необходимости соблюдать тайну. «Хорошо», – подумал он.

Когда португальцы в 1542 году открыли Японию, они привезли мушкеты и порох. Через восемнадцать месяцев японцы научились делать их. По качеству они были хуже европейских образцов, но это не имело значения, так как ружья считались просто забавной новинкой и долгое время использовались только для охоты – и даже здесь лук был более метким оружием. К тому же, что более важно, японское военное оружие было почти ритуальным, – индивидуальные поединки в рукопашную, самым важным и почетным оружием был меч. Использование ружей считалось трусостью и бесчестьем и полностью шло вразрез с кодексом самураев, Бушидо, Путем Воина, который обязывал самурая воевать и умереть честно, всю жизнь хранить безоговорочную верность одному феодалу-господину, не бояться смерти, даже стремиться к ней на своей службе, гордиться своим именем и сохранять его незапятнанным.

Несколько лет Ябу создавал секретную теорию. Спустя много времени, подумал он

радостно, вы сможете расширить ее и ввести в действие: пятьсот избранных самураев, вооруженных мушкетами, подготовленных как единое целое, головной отряд двенадцатитысячного обычного войска, поддерживаемый двадцатью пушками, которые обслуживают специально подготовленные люди, также тренированные как единое целое. Новая стратегия для новой эры! В будущей войне оружие может быть решающим!

«А как же Бусидо?» – всегда спрашивали его духи предков.

«А что Бусидо?» – в свою очередь спрашивал он их.

Они никогда не отвечали.

Даже в самых буйных своих мечтаниях он никогда не думал, что когда-нибудь сможет владеть пятью сотнями ружей. Но теперь они у него оказались бесплатно, и он один знает, как пользоваться ими. Но чью сторону ему принять? Торанаги или Ишидо? Или он должен подождать – и, может быть, станет тогда, победителем?

– Игураши-сан. Ты поедешь ночью и возьмешь хорошую охрану.

– Да, хозяин.

– Это должно остаться в тайне, Мура, или деревня будет уничтожена.

– Никто ничего не скажет, господин. Я могу поручиться за свою деревню. Я не смогу поручиться за дорогу или за другие деревни. Кто знает, где есть шпионы? Но мы ничего не скажем.

После этого Ябу пошел в комнату с драгоценностями. Там хранилось то, что он принял за пиратскую добычу: серебряные и золотые тарелки, кубки, подсвечники и украшения, несколько религиозного содержания картин в богатых, выложенных камнями рамах. В шкафу – женские платья, искусно убранные золотыми нитями и цветными камнями.

– Я расплавлю серебро и золото в слитки и положу в сокровищницу, – сказал Зукимото. Он был аккуратный, педантичный человек лет сорока и не принадлежал к военной касте. Много лет назад он был буддийским воином-священником, но Тайко, Лорд-Протектор, уничтожил его монастырь, во время кампании по очистке своих земель от буддийских противоборствующих монастырей и сект, не признававших его абсолютным сюзереном. Зукимото откупился от преждевременной смерти и стал мелким купцом, бродячим торговцем рисом. Десять лет назад он присоединился к комиссариату Ябу и теперь был незаменим.

– Что касается одежды, может быть, золотая нить и камни имеют большую цену. С вашего разрешения, я упакую и пошлю их в Нагасаки с чем-нибудь, что мне удастся спасти с корабля. – Порт Нагасаки, на самом южном берегу южного острова Кюсю, был официальным хранилищем и торговым рынком португальцев. – Варвары могут хорошо заплатить за эти диковины и безделушки.

– Хорошо. А что в тюках в другом трюме?

– Там теплая одежда. Совершенно бесполезная для нас, господин, вовсе не имеющая рыночной цены. Но это порадует вас. – Зукимото открыл сейф.

В сейфе были двадцать тысяч чеканных кусочков серебра. Испанские дублоны. Высшего качества.

Ябу забарахтался в ванне. Он вытер пот с лица и шеи маленьким белым полотенцем и глубже погрузился в горячую ароматную воду. «Если бы три дня назад, – сказал он себе, – прорицатель предсказал, что все это случится, ему скормили бы его собственный язык за предсказание невозможных вещей».

Три дня назад он был в Эдо, столице Торанаги. Послание Оми попало туда к вечеру. Очевидно, что корабль нужно было обыскать сразу же, но Торанага отсутствовал, он был в Осаке, где у него была стычка с генеральным лордом Ишидо, и в свое отсутствие он пригласил Ябу и всех дружески настроенных соседей-дайме подождать, пока он не вернется. От такого приглашения нельзя было отказаться без самых ужасных последствий. Ябу знал, что он и другие независимые дайме и их семьи были только дополнительной гарантией безопасности Торанаги и, хотя, конечно, это слово никогда не произносилось, они были заложниками безопасности возвращения Торанаги из неприступной вражеской крепости в

Осаке, где проходила встреча. Торанага был президентом Совета регентов, который Тайко назначил на своем смертном ложе, чтобы управлять империей во время несовершеннолетия своего сына Яэмона, которому сейчас было семь лет. Всего было пять регентов, все дайме, но только Торанага и Ишидо имели реальную власть.

Ябу тщательно взвесил все: поездки в Анджино, связанные с ней опасности и неотложные дела, требующие его присутствия. Потом он послал за женой и любимой наложницей.

Человек мог иметь столько наложниц, сколько он хотел, но только одну жену одновременно.

– Мой племянник Оми только что прислал секретное послание: корабль варваров приплыл к берегу в Анджино.

– Один из Черных Кораблей? – Его жена была в большом волнении. Речь шла об огромных, невероятно богатых торговых кораблях, которые ежегодно во время муссона плавали между Нагасаки и португальской колонией в Макао, которая лежала почти в тысяче миль к югу от китайского берега.

– Нет. Но он может быть богатым. Я уезжаю немедленно. Вы скажете, что я заболел и меня нельзя беспокоить некоторое время ни под каким предлогом. Я буду обратно через пять дней.

– Это очень опасно, – предупредила его жена. – Господин Торанага специально приказал нам всем оставаться. Я уверена, он добьется нового компромисса с Ишидо и он слишком силен, чтобы его сердить. Господин, мы не можем гарантировать, что кто-нибудь не догадается, в чем дело. Здесь повсюду шпионы. Если Торанага вернется и обнаружит, что ты ушел, твое отсутствие будет неправильно понято. Твои враги настроят его против тебя.

– Да, – добавила его наложница. – Пожалуйста, извини меня, но ты должен слушать госпожу, свою жену. Она права. Господин Торанага никогда не поверит, что ты не послушался его только для того, чтобы поглядеть на корабль варваров. Пожалуйста, пошли кого-нибудь еще.

– Но это не обычный чужеземный корабль. Это не португальское судно. Слушайте меня. Оми говорит, что эти люди из другой страны. Эти люди говорят между собой на языке, звучащем совсем иначе, у них голубые глаза и золотые волосы.

– Оми-сан сошел с ума. Или он выпил слишком много саке, – сказала его жена.

– Это слишком важно, чтобы шутить... для него и для тебя. Его жена поклонилась, извинилась и сказала, что он совершенно прав, что поправил ее, но что ее замечание не обидная насмешка. Это была маленькая, тоненькая женщина на десять лет старше, чем он, в течение восьми лет она приносила ему по ребенку каждый год, пока живот ее не усох, и пятеро из них были сыновья. Трое стали воинами и храбро погибли в войне против Китая. Еще один стал буддийским монахом, а последнего, которому сейчас было девятнадцать, он презирал.

Его жена, госпожа Юрико, была единственной женщиной, которую он когда-либо боялся, и единственной женщиной, которую он ценил, за исключением покойной матери, – и она правила его домом мягко и осмотрительно.

– Еще раз, пожалуйста, извини меня, – сказала она. – Оми-сан описал, что за груз?

– Нет. Он не осмотрел его, Юрико-сан. Он говорит, что сразу же опечатал корабль, настолько он был необычен. До сих пор здесь не было ни одного судна, принадлежащего не португальцам, да? Он говорит также, что это военный корабль. С двадцатью пушками на палубах.

– А! Тогда кто-то должен поехать туда немедленно.

– Я собираюсь сам.

– Пожалуйста, передумай. Пошли Мицуно. Твой брат умный и осмотрительный. Я умоляю тебя не ехать.

– Мицуно слаб, и я ему не доверяю.

– Тогда прикажи ему сделать сеппуку и разделайся с ним, – сказала она жестко.

Сеппуку, иногда называемое харакири, – ритуальное самоубийство путем вспарывания живота с удалением внутренностей – было единственным способом, с помощью которого самурай мог искупить позор, грех или бесчестье, и был прерогативой только самурайской касты. Все самураи – женщины так же, как и мужчины, – готовились к этому с детства, либо чтобы самим сделать харакири, либо чтобы принимать участие в церемонии в качестве помощника. Женщины совершали сеппуку только одним способом – вонзая нож в горло.

– Позже, не теперь, – сказал Ябу жене.

– Тогда пошли Зукимото. Ему наверняка можно доверять.

– Если бы Торанага не приказал всем женам и наложницам оставаться здесь, я бы послал тебя. Но это слишком рискованно. Я должен ехать, у меня нет выбора. Юрико-сан, ты говоришь мне, что моя казна пуста. Ты говоришь, я не имею кредита у этих мерзких ростовщиков. Зукимото говорит, что мы собираем максимальный налог с крестьян. Мне нужно больше лошадей, оружия, снаряжения, самураев. Может быть, корабль даст мне такую возможность.

– Приказы господина Торанаги были совершенно ясные, господин. Если он вернется и обнаружит...

– Да. Если он вернется, госпожа. Я думаю, он попал в ловушку сам. Господин Ишидо имеет восемьдесят тысяч самураев только вокруг и в самой крепости Осака. Для Торанаги поехать туда с несколькими сотнями человек было актом сумасшествия.

– Он слишком хитрый человек, чтобы рисковать собой без необходимости, – сказала она уверенно.

– Если бы я был Ишидо и он был в моих руках, я бы убил его сразу.

– Да, – сказала Юрико. – Но мать наследника все еще заложница в Эдо, пока Торанага не вернется. Генерал господин Ишидо не осмелится тронуть Торанагу, пока она не вернется в Осаку.

– Я убью его. Жива госпожа Ошиба или мертва – не имеет значения. Безопасность наследника зависит от Осаки. Если Торанага умрет, дела пойдут вполне определенным образом. Торанага – единственная реальная угроза наследнику, единственный шанс, используя Совет регентов, узурпировать власть Тайко и убить мальчика.

– Пожалуйста, извини меня, господин, но, может быть, господин Ишидо может повести за собой трех других регентов, объявить Торанагу изменником, и это будет его концом, а? – спросила его наложница.

– Да, госпожа, если бы Ишидо мог, он бы так и сделал, но я думаю, что этого не может ни он, ни даже Торанага. Тайко очень хитро подобрал пять регентов. Они презирают друг друга так сильно, что им почти невозможно в чем-то найти общий язык. Прежде чем принять власть, пять великих дайме публично поклялись перед умирающим Тайко в вечной верности его сыну и его семье. И они дали публичным священным клятвы согласно анонимному правилу в Совете и дали обет передать все государство в целостности Яэмоиу, когда он достигнет возраста пятнадцати лет. Единодушная клятва означает, что фактически ничего не изменится до тех пор, пока Яэмон не станет правителем.

– Но однажды, господин, четыре регента объединятся против одного из-за ревности, страха или амбиций, а? Четверо решат, что приказов Тайко достаточно для войны, а?

– Да, но это будет маленькая война, госпожа, и один будет всегда разбит, и его земли разделят победители, которые затем назначат пятого регента, и через какое-то время один снова будет против четверых, и опять одного победят, и его земли конфискуют – все как Тайхо планировал. Моя единственная задача – решить, кто будет этим одним на этот раз – Ишидо или Торанага.

– Им будет Торанага.

– Почему?

– Остальные слишком боятся его, потому что знают, что он хочет быть сегуном, хотя очень отрицает это.

Сегун был высший чин, которого мог достичь простой смертный в Японии. «Сегун»

означает Высший Военный Диктатор. Два дайме одновременно не могут носить этот титул. И только его императорское высочество, правящий император, божественный сын неба, который живет в уединении с императорскими семьями в Киото, может дать этот титул.

С назначением сегун получает абсолютную власть: императорскую печать и мандат. Сегун правит от имени императора. Вся власть идет от императора, потому что он происходит непосредственно от богов. Всякий дайме, который противостоит сегуну, автоматически является мятежником, противником трона, парией, и его земли конфискуются.

Правящего императора почитали как божество, так как он был прямым наследником по прямой линии солнечной богини Аматерасу Омиками, одной из дочерей богов Изанаги и Изанамии, которая создала острова Японии из тверди земной. По божественному праву правящий император владел и управлял всей землей, и ему повиновались беспрекословно. Но на практике более шести веков реальная власть осуществлялась вне трона.

Шесть столетий назад в стране был раскол, когда два из трех великих соперников, полукоролевских самурайских семей Миновара, Фудзимото, Такасима, проявили враждебность по отношению к трону и ввергли страну в гражданскую войну. После шестидесяти лет войн Миновара одержал верх над Такасимой. Фудзимото, семейство, которое оставалось нейтральным, пережило это страшное время.

С тех пор, ревностно охраняя свои права, сегуны Миновара правили страной. Они объявили о своем наследственном сегунате и начали выдавать своих дочерей за членов императорской семьи. Император и весь его двор содержались полностью изолированными во дворцах с высокими стенами и садами на маленькой территории в Киото. Они сильно нуждались, а их деятельность ограничивалась наблюдениями за синтоистскими ритуалами – древней анимистической религией Японии и интеллектуальными изысками, такими, как каллиграфия, живопись, философия и поэзия.

Управлять двором Сына Неба было легко, потому что хотя он и обладал всей землей, но доходов не получал. Только дайме, самурай имел доходы и право на налоги. Получалось, что хотя все члены императорского дворца были по рангу выше самураев, все они существовали на содержание, выделяемое двору по решению сегуна, Квампаку, главного гражданского советника, или правящей в это время военной хунты. А великодушных среди них было мало. Некоторые императоры иногда соглашались ставить свою подпись под указами ради пропитания. Бывали случаи, когда денег не хватало даже для коронации.

Со временем сегуны клана Миновара потеряли свою власть над другими, потомками Такасима или Фудзимото. И поскольку гражданские войны продолжались не ослабевая целыми столетиями, император все больше и больше становился креатурой того дайме, который был достаточно силен, чтобы добиться физического обладания Киото. Как только новый завоеватель Киото уничтожал правящего сегуна и его род, он мог в зависимости от того, кто это был, – Миновара или другие, клясться в преданности трону и робко пригласить бессильного императора дать ему вакантное в настоящее время место сегуна. Потом, как и его предшественники, он пытался расширить свои права за пределы Киото, пока его, в свою очередь, не проглатывал еще кто-нибудь. Императоры женились, отрекались или занимали трон по желанию сегуната. Но всегда правящая императорская семья была нетронута и нерушима.

Так было, пока сегун был в силе. До тех пор, пока его не свергали.

В течение столетий многое менялось, страна разделялась на более мелкие части. За последнее столетие ни один дайме не был достаточно силен, чтобы стать сегуном. Двенадцать лет назад крестьянский генерал Накамура захватил власть и получил мандат от тогдашнего императора, Го-Ниджо. Но Накамура не мог получить чин сегуна, как бы сильно он этого ни хотел, потому что по рождению был крестьянин. Он должен был удовлетвориться гораздо меньшим по значению титулом, Квампаку, главного советника, и позже, когда он передал этот титул своему малолетнему сыну Яэмону – хотя и держал всю власть, что было совершенно обычным, – он должен был удовольствоваться Тайко. Согласно

исторически сложившемуся обычаю только потомки вырождающихся древних полукоролевских семей Миновара, Такасима и Фудзимото могли получить титул сегуна.

Торанага был потомком рода Миновара. Ябу мог проследить свою генеалогию до мелкой и незначительной ветви Такасима, достаточной, чтобы он когда-нибудь мог стать верховным правителем.

– Э, госпожа, – сказал Ябу, – конечно, Торанага хочет стать сегуном, но он никогда им не станет. Другие регенты презирают и боятся его. Они не нейтрализуют его, как планировал Тайко. – Он наклонился вперед и внимательно поглядел на свою жену, – Ты говоришь, Торанага собирается поехать к Ишидо?

– Да, он будет изолирован. Но я не думаю, что он погибнет, господин. Я прошу тебя, не нарушай приказ господина Торанаги и не выезжай из Эдо, чтобы посмотреть на этот варварский корабль, – неважно, как необычно говорит об этом Оми-сан. Пожалуйста, пошли Зукимото в Анджио.

– А что, если на корабле слитки? Серебра или золота? Ты доверишь Зукимото или кому-нибудь еще из офицеров?

– Нет, – ответила его жена.

Поэтому он и улизнул из Эдо этой ночью, взяв только пятьдесят человек, и теперь он был богат и силен, как и не мечтал, и имел пленных, один из которых должен был умереть сегодня вечером. Он распорядился, чтобы этот человек был приготовлен позже. Завтра на закате он вернется в Эдо. Завтра вечером пушки и слитки начнут свое тайное путешествие.

– О, пушки! – подумал он радостно. – Пушки и хорошо продуманный план действий дадут мне силы победить Ишидо или Торанагу – кого я выберу. Потом я стану регентом вместо проигравшего, а? Теперь уже самым сильным регентом. А почему бы и не сегуном? Да. Теперь это возможно.

Он позволил себе расслабиться. Как использовать двадцать тысяч серебряных монет? Я могу перестроить замок. И купить специальных лошадей для орудий. И расширить шпионскую сеть. А что, если Икаву Джизкью? Хватит ли тысячи монет, чтобы подкупить поваров Икавы Джизкью отравить его? Более чем достаточно! Пять сотен, даже одна сотня нужному человеку будут вполне достаточны. Кому?

Послеполуденное солнце бросало косые лучи через маленькое оконце, прорубленное в каменных стенах. Вода в ванне была очень горячая и нагревалась дровяной печью, сделанной в каменной стене. Это был дом Оми, он стоял на маленьком холме, откуда была видна вся деревня и пристань. Сад за этими стенами был аккуратный, спокойный и богатый.

Дверь бани открылась. Слепой поклонился.

– Касиги Оми-сан послал меня, господин. Я Суво, его массажист.

Он был высокий и очень худой, лицо морщинистое.

– Хорошо, – Ябу всегда боялся ослепнуть. Насколько он мог себя помнить, ему снилось, что он просыпается в темноте, зная, что солнце светит, чувствуя его тепло, открывает рот, чтобы закричать, зная, что кричать стыдно, но тем не менее кричит. Потом реальное пробуждение и пот, текущий ручьями.

Но этот ужас слепоты, казалось, увеличивал его удовольствие от массажа, который ему делал слепой.

Он мог видеть рваный шрам на правой щеке и глубокий рубец на скуле пониже. «Это разрез от меча, – сказал он себе. – Отчего он ослеп? Он когда-то был самураем? Кому он служил? Он шпион?»

Ябу знал, что человека тщательно обыскали его телохранители, прежде чем разрешили ему войти, поэтому он не боялся спрятанного оружия. Его собственный трофейный меч был под рукой. Древний клинок был сделан кузнечным мастером Мурасама. Он смотрел, как старик снимает свое кимоно и вешает, не ища, на колышек. На груди у него тоже были следы от ударов меча. Набедренная повязка была очень чистая. Он встал на колени, терпеливо ожидая приказаний.

Ябу вышел из ванны и лег на каменную скамью. Старик аккуратно вытер его, вылил на

руки ароматное пахучее масло и начал массировать мускулы на шее и спине дайме.

Напряжение стало проходить по мере того, как сильные пальцы двигались по спине Ябу, с удивительным искусством глубоко ощупывая его спину.

– Хорошо. Очень хорошо, – сказал он немного спустя.

– Спасибо, Ябу-сама, – сказал Суво. «Сама» означает «господин», это обращение обязательно при разговоре со старшими.

– Ты давно служишь у Оми-сана?

– Три года, господин. Он очень добр к старику.

– А до этого?

– Я странствовал от деревни к деревне. Несколько дней здесь, полгода там, как бабочка на летнем ветру.

Голос Суво был обволакивающим, как его руки. Он решил, что дайме хочет с ним поговорить, терпеливо ждал следующего вопроса и отвечал. Частью его искусства было знать, что надо делать и когда. Иногда это говорили ему его уши, но в основном казалось, что его пальцы открывали секреты мужского и женского мозга. Его пальцы говорили ему, что надо бояться этого человека, что он опасен и непостоянен, его возраст около сорока, что он хороший наездник и превосходно владеет мечом. А также что у него плохая печень и что он умрет через два года. Саке и, возможно, афродизиаки – средства, повышающие половую силу, убьют его.

– Вы сильный человек для своего возраста, Ябу-сама.

– Так же, как и ты. Сколько тебе лет, Суво?

Старик засмеялся, но его пальцы не прекращали движения.

– Я самый старый человек в мире – в моем мире. Все, кого я когда-либо знал, давне уже мертвы. Я служил господину Йоши Чикитада, деду господина Торанаги, когда его владения были не больше его деревни. Я даже был в лагере в день, когда его убили.

Ябу умышленно, большим усилием воли держал свое тело расслабленным, но мозг его напрягся, и он стал внимательно слушать.

– Это был трудный дань, Ябу-сама. Я не знаю, сколько мне тогда было лет, но мой голос еще не ломался. Казнил Обата Хиро, сын самого могущественного из союзников. Может быть, вы знаете эту историю, как юноша отрубил голову господину Чикитада одним ударом своего меча. Это был клинок Мурасама, и отсюда пошло поверье, что все клинки Мурасама несчастливы для клана Ёси.

«Он говорит это потому, что мой собственный меч работы Мурасама? – спросил себе Ябу. – Многие знают, что у меня есть такой меч. Или он просто старик, который помнит необычный день своей долгой жизни?»

– А каков был дед Торанаги? – делая вид, что ему неинтересно, спросил он, проверяя Суво.

– Высокий, Ябу-сама. Выше, чем вы, и много тоньше, когда я знал его.

Ему было двадцать пять, когда он погиб, – голос Суво потеплел. – О, Ябу-сама, в двенадцать лет он был уже воин и наш сузерен в пятнадцать, когда его отец был убит в стычке. В это время господин Чикитада уже женился и у него родился сын. Жаль, что он умер. Обата Хиро был его друг и вассал, семнадцати лет, но кто-то отравил ум Обаты, сказав, что Чикитада планирует вероломное убийство его отца. Конечно, это все враки, но это не вернуло Чикитада нам в хозяева. Молодой Обата стал перед телом на колени и трижды поклонился. Он сказал, что сделал это из сыновнего уважения к отцу и теперь хочет искупить оскорбление, нанесенное нам и нашему клану, совершив сеппуку. Ему разрешили. Сначала он своими собственными руками омыл голову Чикитады и с почестями положил ее на место. Потом он вскрыл себе внутренности и умер мужественно, с большими церемониями, – один из наших людей был у него помощником и отделил ему голову одним ударом. Потом пришел его отец, чтобы подобрать его голову и меч Мурасама. Для нас наступило плохое время. Единственный сын господина Чикитада был где-то взят заложником, и наша часть клана попала в тяжелые времена. Это было.

– Ты лжешь, старик. Тебя там не было, – Ябу внимательно посмотрел на старика, который замер в испуге. – Меч был сломан и уничтожен после смерти Обаты.

– Нет, Ябу-сама. Это легенда. Я видел, как отец пришел и забрал голову и меч. Кто бы захотел сломать такое произведение искусства? Это было бы святотатством. Его отец забрал его.

– А что он сделал с головой?

– Никто не знает. Некоторые говорят, что он бросил ее в море, потому что он любил и почитал нашего господина Чикитада как брата. Другие говорят, что он закопал ее и прячет в ожидании внука, Ёси Торанаги.

– А ты что думаешь, куда он дел ее?

– Выбросил в море.

– Ты видел это?

– Нет

Ябу опять лег на спину, и пальцы начали свою работу. Мысль, что кто-то еще знает, что меч не уничтожен, странно поразила его. «Тебе следует убить Суво, – сказал он себе. – Как мог слепой человек узнать клинок? Он похож на любой другой меч Мурасама, а ручка и ножны за эти годы несколько раз поменялись. Никто не мог знать, что твой меч – это тот меч, который со все увеличивающейся таинственностью переходил из рук в руки по мере увеличения мощи Торанаги. Зачем убивать Суво? Тот факт, что он жив, добавлял пикантности во все это дело. Это тебя подбадривает. Оставь его в живых – ты можешь убить его в любое время. Тем же мечом».

Эта мысль обрадовала Ябу, и он еще раз отдался мечтам, чувствуя себя очень спокойно. «Скоро, – пообещал он себе, – я стану достаточно могучим, чтобы носить меч в присутствии Торанаги. Однажды, может быть, я расскажу ему историю моего меча».

– Что случилось дальше? – спросил он, желая, чтобы голос старика снова убаюкивал его.

– Наступили тяжелые времена. Это был год большого голода, и теперь, когда мой господин был мертв, я стал ронином. Ронины были безземельные или не имеющие хозяина крестьяне-солдаты, или самураи, которые, потеряв честь или хозяев, были вынуждены странствовать по стране, пока какой-нибудь другой хозяин не соглашался принять их на службу. Ронину было трудно найти нового хозяина. Пища была редка, почти каждый человек был солдатом, и незнакомым людям редко когда доверялись. Большинство банд грабителей и корсаров, которые наводняли землю и побережье, были ронинами. Этот год был очень плохой, и следующий тоже. Я воевал на любой стороне – битва здесь, стычка там. Моей платой была еда. Потом я услышал, что в Кюсю много еды, поэтому я тронулся на запад. Этой зимой я нашел монастырь. Я договорился, что стану охранником в буддийском монастыре. Я полгода воевал за них, защищая монастырь и их рисовые поля от бандитов. Монастырь находился около Осаки, и в то время – задолго до того, как Тайко уничтожил большинство из них, бандитов было так же много, как и москитов. Однажды мы попали в засаду, и я был оставлен умирать. Меня нашли монахи и залечили мои раны. Но они не могли вернуть мне зрение. – Его пальцы погружались все глубже и глубже.

– Они поместили меня со слепым монахом, который научил меня, как делать массаж и снова видеть пальцами. Теперь мои пальцы видят больше, чем раньше глаза, я думаю. Последнее, что я могу вспомнить из того, что видел, – это широко раскрытый рот бандита, его гнилые зубы, меч в виде сверкающей дуги и после удара – запах цветов. Я видел запах во всех его оттенках, Ябу-сама. Это было очень давно, но я видел цвета запаха. Я видел нирвану, я думаю, и только на одно мгновение, лицо Будды. Слепота – небольшая плата за такой подарок, да? – Ответа не было. Суво и не ожидал его. Ябу спал, как и было задумано. Понравился ли тебе мой рассказ, Ябу-сама? – Суво спросил молча, развлекаясь про себя, как и следует старому человеку. – Все было верно, кроме одного. Монастырь был не возле Осаки, а за вашей западной границей. Имя монаха? Да, дядя вашего врага, Икава Джикья. «Я могу так легко сломать твою шею, – подумал он. – Это бы понравилось Оми-сану... Это

было бы хорошо для деревни. И это была бы расплата – в небольшой мере подарок моему хозяину. Сделать ли это сейчас? Или позже?»

* * *

Спилберген поднял кустистые стебли рисовой соломки, его лицо вытянулось.

– Кто хочет вытянуть первым?

Никто не ответил, Блэксорн, казалось, дремал, облокотясь на угол, из которого он не выходил. Это было на заходе солнца.

– Кто-то должен вытащить первым, – бросил Спилберген. – Давайте, осталось не так много времени.

Им дали еды и бочонок воды и еще один бочонок для параша. Но ничего, чтобы смыть вонючие помои или почиститься. И налетели мухи. Воздух был вонючий, земля в грязи и навозе. Большинство людей разделись до пояса, потев от жары и от страха.

Спилберген вглядывался в лица. Он повернулся к Блэксорну. «Почему, почему они не трогают тебя? А? Почему?»

Глаза открылись, они были холодны как лед. «В последний раз, – я не знаю».

– Это нечестно. Нечестно.

Блэксорн возвратился к своим мыслям. «Должен быть способ вырваться отсюда. Должен быть способ попасть на корабль. Этот негодяй убьет нас всех в конце концов, это так же верно, как то, что Полярная звезда существует. Времени немного, и меня оставили потому, что они что-то замышляют против меня».

Когда закрылся лаз в погреб, все посмотрели на него и кто-то сказал:

– Что мы будем делать?

– Я не знаю.

– Почему оставили вас?

– Не знаю.

– Бог помогает нам, – простонал кто-то.

– Надо навести здесь порядок, – приказал он. – Уберите всю грязь.

– Но нет даже веника и...

– Убирай руками!

Все подчинились его приказу, а он помогал им и как мог почистил адмирала.

– Вот теперь вам будет лучше.

– Как? Как мы должны кого-то выбрать? – спросил Спилберген.

– Не будем выбирать. Мы будем драться с ними.

– Чем драться?

– Ты собираешься идти как овца к мяснику? Ты этого хочешь?

– Не будь дураком – я им не нужен.

– Почему? – спросил Винк.

– Я адмирал.

– Мое почтение, сэр, – сказал Винк с иронией, – может быть, вам следует быть добровольцем. Вот место для добровольца.

– Очень хорошее предложение, – сказал Пьетерсун. – Я буду вторым, ради Бога.

Все сразу согласились, и каждый подумал: «Ради Бога, кто-нибудь, кроме меня».

Спилберген начал их перемешивать и выравнивать соломинки, но увидел безжалостные глаза остальных. Тогда он остановился и стал смотреть вниз, чувствуя тошноту. Потом сказал:

– Нет. Это неправильно по отношению к добровольцу. Это будет потеря шансов. Соломинки, одна короче остальных. Мы отдадим себя в руки Бога. Кормчий, держи соломинки.

– Я не буду. Я не собираюсь в этом участвовать. Я говорю, мы должны бороться.

– Они убьют нас всех. Все слышали, что сказал самурай:

«Наши жизни сохраняются – за исключением одной». – Спилберген вытер пот с лица, согнав рой мух, который потом уселся обратно. – Дайте мне воды. Лучше умереть кому-нибудь одному, чем нам всем.

Ван Некк опустил тыквенную фляжку в бочку и дал ее Спилбергену.

– Нас десять человек. Включая тебя, Паулюс. Хорошие шансы.

– Очень хорошие – если ты не участвуешь, – Винк взглянул на Блэксорна, – Можем мы сражаться с этими мечами?

– Можешь ты кратко идти к этому палачу, если вытащишь?

– Я не знаю.

Ван Некк сказал:

– Мы будем тащить жребий. Пусть нас рассудит Бог.

– Бедный Бог, – сказал Блэксорн. – Глупости, он виноват в этом!

– Как еще мы можем выбрать? – крикнул кто-то.

– Мы не можем!

– Мы сделаем, как говорит Паулюс. Он адмирал, – сказал Ван Некк. – Мы будем тащить соломинки. Так лучше для большинства. Давайте проголосуем. Мы все «за»?

Все согласились. За исключением Винка.

– Я согласен с кормчим. К дьяволу вас с этими помойными ведьмиными соломинками!

В конце концов Винка убедили. Жан Ропер, кальвинист, прочитал молитвы. Спилберген очень точно отломил десять соломинок. Потом одну из них он разломил надвое.

Ван-Некк, Пьетерсун, Сонк, Маетсуккер, Джинсель, Жан Ропер, Саламон, Максимилиан Круук и Винк.

Он опять сказал:

– Кто хочет тянуть первым?

– Как мы это узнаем – кто первым тянет жребий, – что вышла короткая соломинка? Как мы узнаем это? – Голос Маетсуккера был полон ужаса.

– Мы не узнаем. Не наверняка. Нам бы следовало знать наверняка, – сказал юнга Круук.

– Это легко, – сказал Жан Ропер, – Давайте поклянемся, что мы сделаем это во имя Бога. Его именем. Умереть за других во имя Бога. Тогда не о чем беспокоиться. Избранник Божий заслужил вечную славу.

Все согласились.

– Ну, Винк. Делай как говорит Ропер.

– Хорошо, – губы Винка запеклись. – Если... если это выпадет мне, я клянусь господом Богом, что я пойду с ними, – если... если я вытащу жребий. Именем Бога.

Все последовали его примеру. Маетсуккер был так напуган, что ему пришлось подсказывать, прежде чем он понял всю глубину этого кошмара.

Сонк тащил первым. Пьетерсун был следующим, затем Жан Ропер и после него Саламон и Круук. Спилберген чувствовал, что он скоро умрет, и поэтому все согласились, чтобы он не выбирал, но его соломинка была последней, и теперь жребий становился ужасным.

Джинселю повезло. Остались четверо.

Маетсуккер плакал откровенно, но он оттолкнул Винка, взял соломинку и не мог поверить, что это не он.

Рука Спилбергена дрожала, и Круук поддержал ее. Моча незамеченной стекала по его ногам.

«Какую выбрать? – отчаянно спрашивал себя Ван-Некк. – О, Боже, помоги мне!» При своей близорукости он едва мог видеть соломинки сквозь туман. «Если бы я только мог видеть, я, может быть, понял, какую выбрать. Какую же выбрать?»

Он вытянул и поднес соломинку близко к своим глазам, чтобы ясно видеть свой приговор. Но соломинка была длинной.

Винк смотрел, как его пальцы выбирают предпоследнюю соломинку, он уронил ее, но

каждый мог видеть, что она была самая короткая. Спилберген раскрыл свою сжатую в кулак руку, и каждый увидел, что последняя соломинка была длинной. Спилберген потерял сознание.

Все уставились на Винка. Беспомощно глядел он на них, не видя никого. Он чуть пожал плечами и полуулыбнулся, рассеянно отмахиваясь от мух. Потом он сел. Ему освободили место, сторонясь его, как прокаженного.

Блэксорн опустился на колени сбоку от Спилбергена.

– Он умер? – спросил Ван-Некк, его голос был почти не слышен.

Винк пронзительно засмеялся, нервируя всех, но неожиданно смолк.

– Я – единственный мертвец, – сказал он. – Я мертв!

– Не бойся. Ты избран Богом. Ты в руках Бога, – сказал Жан Ропер, его голос звучал уверенно.

– Да, – сказал Ван-Некк. – Не бойся.

– Теперь легко, да? – Глаза Винка переходили от лица к лицу, но никто не мог выдержать его взгляда. Только Блэксорн не отвернулся.

– Дай мне воды, Винк, – спокойно сказал он. – Подойди к бочонку и налей мне воды. Ну же.

Винк смотрел на него. Потом он взял тыквенную бутылку, наполнил водры и подал ему.

– Боже ты мой, кормчий, – пробормотал он, – что же мне делать?

– Сначала помоги мне с Паулюсом, Винк! Делай, что я говорю! Ты хочешь, чтобы все было хорошо?

Винк справился со своей истерикой, и ему помогло спокойствие Блэксорна. Пульс Спилбергена был слабый. Винк послушал его сердце, отвел веки и смотрел некоторое время.

– Я не знаю, кормчий. Господи Боже. Я не могу нормально соображать. С его сердцем все в порядке, я думаю. Ему нужно сделать кровопускание. Но я не могу – не могу сосредоточиться... Дайте мне время. – Он устало замолчал, сел спиной к стене. Его начало трясти.

Крышка люка открылась.

Оми стоял, резко очерченный на фоне неба, его кимоно было окрашено заходящим солнцем в цвет крови.

Глава Четвёртая

Винк пытался заставить ноги идти, но не смог. Он много раз в своей жизни сталкивался лицом к лицу со смертью, но никогда это не было так беспросветно. Все определилось соломинками. «Почему я? – кричал его мозг. – Я не хуже, чем другие, и лучше многих. Господи Боже на небесах, почему я?»

Лестница опустилась. Оми показал жестами, чтобы подошел один человек, и быстро.

– Исоги! Поторопись!

Ван-Некк и Жан Ропер молча молились, их глаза были закрыты. Пьетеусун не мог смотреть. Блэксорн смотрел на Оми и его человека.

– Исоги! – пролаял опять Оми. Еще раз Винк попытался встать.

– Кто-нибудь, помогите мне. Помогите мне встать! Пьетерсун, который был ближе всех, наклонился и просунул руку Винку под мышку и помог ему, тут Блэксорн встал у низа лестницы, твердо поставив ноги в грязи.

– Киндзирю! – крикнул он, используя слово, услышанное на корабле. Сдавленный крик раздался по всему погребу. Рука Оми сжала меч, и он двинулся к лестнице. Блэксорн тут же повернул ее, провоцируя Оми поставить туда ногу.

– Киндзирю! – сказал он опять. Оми остановился.

– Что происходит? – спросил Спилберген, напуганный, как и все остальные.

– Я сказал ему, что это запрещено! Никто из моей команды не пойдет на смерть без

боя.

– Но мы согласились!

– Я-нет.

– Ты сошел с ума!

– Все правильно, кормчий, – прошептал Винк. – Я... мы согласились, и это было честно. Это Божья воля. Я собираюсь – то есть... – Он ошупью пробирался к началу лестницы, но Блэксорн стеной стоял на его пути, повернувшись лицом к Оми.

– Ты не пойдешь без боя. Никто из вас.

– Отойди от лестницы, кормчий! Тебе приказали убираться! – Спилберген, шатаясь, стоял в своем углу, как можно дальше от лестницы. Его голос перешел на визг.

– Кормчий!

Но Блэксорн не слушал.

– Приготовься!

Оми отступил на шаг и что-то прорычал, приказывая своему человеку. Сразу же самурай, сопровождаемый на близком расстоянии двумя другими, начал спускаться по ступенькам, они вынимали мечи из ножен. Блэксорн повернул лестницу и схватился с первым, уклоняясь от его мощного удара мечом, пытаясь задушить его.

– Помогите мне! Ну давайте! Ради ваших же жизней!

Блэксорн изменил захват, чтобы стащить самурая со ступенек, напрягаясь до боли, в то время как второй человек тыкал вниз мечом. Винк вышел из своего каталептического состояния и бесстрашно бросился на самурая. Он помешал удару, который должен был отсечь Блэксорну запястье, удержал размахивающую мечом руку и ударил его другим кулаком в пах. Самурай задышался и отчаянно лягался. Винк, казалось почти не заметил удара. Он вскарабкался по ступенькам и рванулся к человеку, стремясь отнять у него меч, – его ногти рвали тому глаза. Два других самурая были стеснены ограниченным пространством и Блэксорном, но удар одного из них достался Винку в лицо, и он отшатнулся в сторону. Самурай на лестнице ударил Блэксорна мечом, промахнулся, после чего вся команда набросилась на лестницу.

Круук бил кулаком по подъему ноги самурая и чувствовал, что косточка поддается. Человек успел выкинуть свой меч из люка, не желая дать оружие врагу, и тяжело упал в грязь. Винк и Пьетерсун упали на него. Он яростно защищался, а остальные бросились на еще одного появившегося самурая. Блэксорн поднял японский зазубренный кинжал и полез по лестнице. Круук, Жан Ропер и Саламон последовали за ним. Оба самурая отступили и стояли у входа, их боевые мечи были наготове. Блэксорн знал, что его кинжал бесполезен против мечей. Даже в таком положении, когда была такая подмога. В момент, когда его голова появилась над уровнем земли, один из мечей прошел над ним, не достав доли дюйма. Сильный удар невидимого ему самурая сбросил его опять под землю.

Он отпрянул назад, прочь от корчащейся массы дерущихся людей, которые пытались окунуть самурая в вонючую грязь.

Винк ударил его ногой сзади по шее, и тот обмяк. Винк колотил его снова и снова, пока Блэксорн не оттащил его.

– Не убивай его – мы можем использовать его как заложника! – крикнул он и сильно дернул за лестницу, пытаясь стащить ее в погреб. Но она была слишком длинна. Наверху еще один самурай и Оми бесстрастно ждали у люка,

– Ради Бога, кормчий, прекрати это! – задыхаясь, кричал Спилберген. – Они убьют нас всех – ты убьешь нас всех! Остановите его кто-нибудь!

Оми прокричал еще несколько приказов, и сильные руки наверху не дали Блэксорну загородить вход лестницей.

– Берегись! – прокричал он.

Еще три самурая, с ножами, в одних набедренных повязках, быстро прыгнули в погреб. Первые двое сразу набросились на Блэксорна, сбросив его, беспомощного, на пол, пренебрегая собственной опасностью, потом яростно атаковали его.

Блэксорн был сбит нечеловеческой силой. Он не мог пользоваться своим ножом, чувствовал, что его воля к борьбе пропадает, и хотел, как Мура, владеть искусством старосты в рукопашном бою. Он знал, беспомощный, что недолго еще сможет выдержать, но все-таки сделал последнюю попытку и выдернул руку. Жестокий удар каменной руки пришелся ему на голову, а еще один разорвался в его мозгу разноцветными звездами, но он все еще дрался.

Винк долбил по одному самураю, когда третий упал на него сверху из двери, и Маetsуккер вскрикнул, когда кинжал разрезал ему руку. Ван-Некк пытался вслепую ударить сплеча, а Пьетерсун говорил: «Ради Бога, ударьте его, а не меня», но купец не слышал, так как был охвачен ужасом.

Блэксорн схватил одного самурая за горло, его захват сорвался из-за грязи и пота, и он почти встал, как бешеный бык, пытаясь стряхнуть их, когда последний удар свалил его в темноту. Три самурая пробивались вверх, и команда, оставшись без главного, отступила от кружащихся и режущих трех кинжалов; самураи овладели подвалом, подвал теперь был подвластен их мелькающим, как вихри, кинжалам, — они не пытались убить или покалечить, а только хотели вынудить пыхтящих, напуганных людей отойти к стенам, подальше от лестницы, где неподвижно лежали Блэксорн и первый самурай.

Оми с высокомерным выражением лица спустился в отверстие и схватил ближайшего к нему — им оказался Пьетерсун. Он толкнул его по направлению к лестнице.

Пьетерсун вскрикнул и попытался вырваться из хватки Оми, но нож скользнул по его запястью, а другой поранил руку. Пронзительно вопящий моряк был безжалостно прижат спиной к лестнице.

— Боже, помоги мне, это не я должен был идти, это не я, это не я! — Пьетерсун поставил обе ноги на перекладину и все отступал назад и вверх от мелькающих ножей. Потом, крикнув в последний раз «Помогите, ради Бога!», повернулся и, бессвязно мыча, взлетел в воздух.

Оми, не торопясь, следовал за ним.

Один самурай отступил, потом другой. Третий поднял нож, который был у Блэксорна. Он презрительно повернулся спиной, наступил на распростертое тело своего поверженного товарища и поднялся наверх.

Лестница была выдернута наверх. Воздух, небо и свет исчезли. Болты, грохоча, заняли свои места. Теперь остались только уныние и вздымающиеся грудные клетки, нарушенное сердцебиение, бегущий пот и зловоние. Вернулись мухи.

Какое-то время никто не двигался. Жан Ропер получил небольшой порез на щеке, у Маetsуккера было сильное кровотечение, другие были в основном в шоке. За исключением Саламона. Он ощупью добрался до Блэксорна, стащил его с лежащего без сознания самурая. Тот гортанно что-то сказал и показал на воду. Круук принес немного в тыквенной бутылке, помог ему посадить Блэксорна, все еще находящегося без сознания, спиной к стене. Вместе они начали счищать с его лица навоз.

— Когда эти негодяи — когда они упали на него, мне послышалось, как сломались его шея или плечо, — сказал мальчик, его грудь вздымалась. — Он выглядит как мертвец, Боже мой!

Сонк заставил себя встать на ноги и подошел к ним. Аккуратно подвигав голову Блэксорна из стороны в сторону, он ощупал ему и плечи.

— Кажется, все нормально. Подождем, пока он придет в себя и заговорит.

— О, Боже мой, — начал ныть Винк. — Пьетерсун, бедняга, будь я проклят, будь я проклят...

— Ты собирался пойти. Кормчий тебя остановил. Ты собирался идти, как обещал, я видел, ей-богу, — Сонк потряс Винка, но тот не обращал внимания. — Я видел тебя, Винк. — Он повернулся к Спилбергену, отмахиваясь от мух. — Разве не так?

— Да, он собирался. Винк, перестань реветь! Это вина кормчего. Дай мне немного воды.

Жан Ропер зачерпнул воды тыквенной бутылкой, напился и обмыл рану на щеке. «Винк

должен был идти. Он был жертвой Бога. Он был обречен. И теперь его душа погибла. О Господи Боже мой, прояви к нему милосердие, он будет гореть в аду целую вечность».

– Дайте мне воды, – простонал адмирал. Ван-Некк взял бутылку Жана Ропера и передал ее Спилбергену.

– Это вина не Винка, – сказал Ван-Некк устало. – Он не мог встать, разве вы не помните? Он просил кого-нибудь помочь ему подняться. Я был так напуган, что я не мог двигаться и не мог подойти.

– Это вина не Винка, – сказал Спилберген. – Нет. Это его. Они все поглядели на Блэксорна.

– Он сумасшедший.

– Все англичане сумасшедшие, – сказал Сонк. – Ты знал хоть одного нормального? Поскреби любого из них – и ты обнаружишь маньяка и пирата.

– Все они негодяи! – сказал Джинсель.

– Нет, не все, – сказал Ван-Некк, – Кормчий сделал то, что он действительно считал правильным. Он защищал нас и провел десять тысяч лиг.

– Защищал нас? Иди ты знаешь куда? Нас было пятьсот, когда мы отплывали, и пять кораблей. Теперь нас всего девять!

– Это не его вина, что флот растерялся. Это не его вина, что штормы были все...

– Если бы не он, мы бы остались в Новом Свете, ей-Богу. Это он сказал, что мы можем добраться до Японии. О Боже, посмотрите, где мы теперь.

– Мы согласились попробовать доплыть до Японии. Мы все согласились, – устало сказал Ваи-Некк. – Мы все проголосовали.

– Да. Но это он нас убедил.

– Смотрите! – Джинсель указал на самурая, который ворочался и стонал. Сонк быстро скользнул на него, ударил его кулаком в челюсть. Мужчина опять потерял сознание.

– Боже мой! Зачем эти негодяи оставили его здесь? Они могли без большого труда вынести его отсюда. И мы ничего не можем сделать.

– Ты думаешь, они решили, что он мертв?

– Не знаю! Они должны были видеть его. Боже мой, как бы я хотел выпить холодного пива, – сказал Сонк.

– Не бей его, Сонк, не убивай его. Он заложник. – Круук поглядел на Винка, который сидел, согнувшись, у стенки, погруженный в унылое самобичевание. – Бог помогает нам во всем. Что они сделают с Пьетерсуном? Что они сделают с нами?

– Это кормчий виноват, – сказал Жан Ропер. – Один он.

Ван-Некк вгляделся в Блэксорна.

– Теперь это не имеет значения. Понимаете? Чья бы это вина ни была или есть.

Маетсуккер покачался на ногах, кровь все еще текла с предплечья.

– Я ранен. Помогите мне кто-нибудь.

Саламон сделал жгут из куса рубашки и остановил кровь. Рана на бицепсе Маетсуккера была глубокой, но ни вена, ни артерия не были задеты. Мухи начали садиться на рану.

– Проклятые мухи. И Бог проклянет кормчего в преисподней, – сказал Маетсуккер. Все согласились. – Но нет! Он должен был спасти Винка! Теперь на его руках кровь Пьетерсуна, и мы все из-за него страдаем.

– Заткнись! Он сказал, никто из его команды...

Наверху раздались шаги. Открылся люк. Крестьяне начали выливать бочки с рыбными помоями и морской водой в погреб. Они остановились, когда пол был затоплен на шесть дюймов.

* * *

Вопли прорезали ночной воздух, когда луна поднялась высоко.

Ябу сидел на коленях во внутреннем садике дома Оми. Без движения. Он следил за лунным светом в цветущем дереве – ветви взметнулись на фоне светлеющего неба, соцветия теперь были слегка окрашены. Лепесток падал, кружась, а он думал, как прекрасен этот лепесток.

Упал еще один лепесток. Ветер вздохнул и сдул еще один. Дерево едва ли достигало человеческого роста; оно находилось между двумя замшелыми камнями, которые, казалось, росли из земли – так искусно они были размещены.

Вся воля Ябу ушла на то, чтобы сконцентрироваться на дереве и цветах, море и ночи, чувствовать мягкое прикосновение ветра, ощущать запах морской свежести, думать о стихах – и все-таки держать сознание открытым для звуков смертельной муки. Он ощущал слабость в позвоночнике, и только воля делала его крепким, как камень. Сознание этого давало ему уровень чувствительности более высокий, чем нужно обычно, чтобы слышать речь человека. И сегодня вечером его воля была сильнее и яростнее, чем когда-либо.

– Оми-сан, сколько времени еще останется у нас хозяин? – испуганным шепотом спросила мать Оми из дома.

– Я не знаю, – сказал Оми.

– Эти крики так ужасны. Когда они прекратятся?

– Я не знаю.

Они сидели за перегородкой во второй парадной комнате. Первая – комната его матери – была отдана Ябу, и обе они выходили в сад, который был устроен с такими трудами. Они могли видеть Ябу через решетку, дерево бросало красивые узорные тени на его лицо, лунный свет давал отблески на рукоятках его мечей. Он носил черное хаори, или наружный жакет, на своем темном кимоно.

– Я хочу пойти спать, – сказала женщина, вздрогнув. – Но я не могу спать при таких звуках. Когда они прекратятся?

– Я не знаю. Потерпи, мама, – мягко сказал Оми. – Шум скоро прекратится. Завтра господин Ябу вернется в Эдо. Пожалуйста, будь терпеливой, – Но Оми знал, что пытки будут продолжаться до рассвета. Так было запланировано.

Он пытался сконцентрироваться. Поскольку его хозяин медитировал во время воплей, он опять попытался последовать его примеру. Но следующий пронзительный крик вернул его к действительности, и он подумал: «Я не могу. Я не могу пока еще. У меня нет его контроля над собой и энергии».

«Или это власть?» – спросил он себя.

Он ясно мог увидеть лицо Ябу. Он пытался прочесть странное выражение на лице дайма: слабый изгиб полных дряблых губ, пятно слюны в уголках, глаза, погруженные в темные щели, которые двигались только вслед за падающими лепестками. Это было, как если бы он только что достиг оргазма – почти достиг, – не дотрагиваясь до себя. Возможно ли это?

Впервые Оми был так близко от своего дяди, так как он был мелким звеном в цепочке клана, и его владения в Анджино и окружающей области были бедны и незначительны. Оми был самым молодым из трех сыновей своего отца, Мицуно, имевшего шестерых братьев. Ябу был старшим братом и вождем клана Кассили, его отец был вторым по старшинству. Оми был двадцать один год, и у него был сын.

– Где твоя несчастная жена? – недовольно заныла старуха. – Я хочу, чтобы она растерла мне спину и плечи.

– Она должна была навестить отца, ты разве не помнишь? Он очень болен, мама. Давай я тебе это сделаю.

– Нет. Ты можешь послать потом за служанкой. Твоя жена очень невнимательная. Она могла подождать несколько дней. Я проехала такой путь из Эдо, чтобы навестить тебя. Это заняло две недели при ужасной дороге, что же произошло? Я прожила только неделю, и она уезжает. Она должна была подождать! Бездельница, вот она кто. Твой отец сделал очень большую ошибку, устроив твою женитьбу на ней. Тебе следовало бы постоянно требовать,

чтобы она уехала, – развестись с бездельницей раз и навсегда. Она даже не может хорошо промассировать мне спину. В самом крайнем случае, ты бы должен был дать ей хорошую взбучку. Эти ужасные вопли! Почему они не прекращаются?

– Они кончатся. Очень скоро.

– Тебе бы следовало задать ей хорошую порку.

– Да, – Оми подумал о своей жене Мидори, и его сердце подпрыгнуло. Она была такая красивая и изящная, мягкая и умная, ее голос так чист и ее музыка так хороша, как у лучшей куртизанки в Изу.

– Мидори-сан, ты должна немедленно уехать, – сказал он ей тайком.

– Оми-сан, мой отец не так болен, а мое место здесь, ухаживать за твоей матерью, разве не так? – ответила она, – Если придет твой господин дайме, нужно будет подготовить дом. О, Оми-сан, это так важно, самый важный момент во всей твоей службе, да? Если господину Ябу понравится, может быть, он даст тебе владения получше, ты заслуживаешь намного лучшего! Если что-нибудь случится, пока меня не будет, я никогда не прощу себе, это первый раз, что ты имеешь возможность отличиться, и это должно произойти. Он должен приехать. Пожалуйста, нужно так много сделать.

– Да, но мне бы хотелось, чтобы ты уехала сразу, Мидори-сан. Останься там на два дня, потом поторопись опять домой.

Она просила, но он настаивал, и она уехала. Он хотел, чтобы она уехала из Анджино до того, как придет Ябу, и на то время, когда он будет гостем в его доме. Не то чтобы дайме рискнул без разрешения тронуть его жену. Это было бы неразумно, потому что он, Оми, по закону имел бы право, честь и обязанность уничтожить дайме. Но он заметил, как Ябу следил за ней сразу после того, как они поженились в Эдо, и он хотел убрать возможный источник раздражения, все, что могло вывести из себя или смутить его господина, пока он был здесь. Это было так важно, чтобы он поразил Ябу-сама своей сыновней преданностью, предусмотрительностью и советами. И во всем он превзошел все возможное. Корабль был одним сокровищем, команда – другим. Все было совершенно.

– Я просила нашего домашнего ками присмотреть за тобой, – сказала Мидори перед отъездом, имея в виду особого синтоистского духа, который заботился об их доме, – и я послала приглашение в буддийский монастырь прислать монахов читать молитвы. Я сказала Суво, чтобы он постарался, и послала письмо Кику-сан. О, Оми-сан, пожалуйста, позволь мне остаться.

Он улыбнулся и отправил ее к отцу – слезы портили ей косметику.

Оми было грустно без нее, но он был рад, что она уехала. Вопли причинили бы ей еще больше страданий.

Мать его морщилась на ветру, как под пыткой, слабо шевелилась, чтобы облегчить боль в плечах, суставы ее сегодня вечером разболелись. Это морской бриз с запада, подумала она. Все-таки здесь лучше, чем в Эдо. Там слишком болотистая местность и слишком много москитов.

Ей были видны мягкие очертания фигуры Ябу в саду. Тайно она его ненавидела и желала ему смерти. Если бы Ябу умер, Мицуно, ее муж, стал бы главой клана и дайме Изу. Это было бы очень хорошо. Остальные братья, их жены и дети раболепствовали бы перед ней, и, конечно, Мицуно-сан сделал бы Оми своим наследником, когда Ябу умер.

Новая боль в шее заставила ее немного подвигнуться.

– Я позову Кику-сан, – сказал Оми, имея в виду куртизанку, которая терпеливо дожидалась Ябу в соседней комнате с мальчиком. – Она очень умелая.

– Я в порядке, только немного устала, не так ли? Ну, очень хорошо. Она может сделать мне массаж.

Оми вошел в соседнюю комнату. Постель была готова. Она состояла из нижних и верхних покрывал, называемых футонами, которые лежали на татами. Кику поклонилась, попыталась улыбнуться и пробормотала, что она польщена предложением попробовать свое скромное искусство на самой заслуженной матери семейства. Она была даже бледнее, чем

обычно, и Оми мог видеть, что вопли действовали и на нее тоже. Мальчик пытался не показывать страха.

Когда стали слышны первые вопли, Оми должен был приложить огромные усилия, чтобы убедить ее остаться.

– О, Оми-сан, я не могу вынести этого – это ужасно. Так что извините, пожалуйста, дайте мне уйти – я хочу заткнуть уши, но звуки проходят сквозь пальцы.

– Бедный человек – это ужасно, – сказала она.

– Пожалуйста, Кику-сан, пожалуйста, потерпите. Так приказал Ябу-сама, понимаете? Ничего нельзя сделать. Это скоро кончится.

– Это слишком, Оми-сан. Я не могу этого вынести.

По сохранившемуся обычаю сами по себе деньги не могли купить девушку, если она или ее хозяйка хотели отказать клиенту, кто бы он ни был. Кику была куртизанка первого класса, самая известная в Изу; Оми сознавал, что она была несравнима с куртизанками даже второго класса из Эдо, Осахи или Киото, но здесь она была на высоте, законно гордилась собой и считала себя исключительным существом. И хотя он согласился с ее хозяйкой, Мама-сан Дзеоко, платить в пять раз больше обычной цены, он все еще не был уверен, что Кику останется.

Теперь он смотрел, как ее проворные пальцы бегут по шее его матери. Она была красивая, миниатюрная, кожа почти просвечивала и была такая нежная. Обычно в ней ключом била жизнь, была своя изюминка. «Но как сможет такая игрушка быть веселой под гнетом этих стенаний?» – спросил он себя. Ему радостно было следить за ней, радостно представлять ее тело и ее тепло...

Внезапно вопли прекратились.

Оми слушал с полуоткрытым ртом, напряженно ловя малейший шум, он ждал. Он заметил, что пальцы Кику остановились, его мать перестала жаловаться, напряженно прислушиваясь. Он взглянул через решетку на Ябу. Дайме оставался неподвижен, как статуя.

– Оми-сан! – позвал наконец Ябу. Оми встал, вышел на веранду из полированного дерева и поклонился.

– Да, господин.

– Пойди и посмотри, что случилось.

Оми опять поклонился и пошел через сад, вышел наружу, на аккуратно выложенную галькой дорожку, которая вела с холма вниз в деревню и на берег. Далеко внизу он смог видеть огонь около одной из верфей и мужчин около нее. И на площади, которая выходила к морю, он видел люк подвала и четырех стражников.

Подходя к деревне, он увидел корабль, надежно стоящий на якоре, масляные лампы на палубах и на привязанных к нему лодках. Жители деревни – мужчины, и женщины, и дети – все еще выгружали груз и рыболовные лодки, и шлюпки сновали вперед-назад, как множество светлячков. Аккуратные кучки тюков и мешков были сложены на берегу. Семь пушек уже были там, и еще одна на веревках спускалась с лодки на мол и оттуда на песок.

Он передернул плечами, хотя не было намека на ветер. Обычно жители деревни во время своих работ пели, и от хорошего настроения, и потому, что это помогало действовать в лад. Но сегодня вечером деревня была необычно тиха, хотя каждый дом бодрствовал и каждый работал, даже самые больные. Люди сновали взад и вперед. Молча. Даже собаки молчали.

«Раньше так никогда не было, – подумал он, его рука без необходимости сжала меч. – Похоже, что ками деревни оставили нас».

Мура подошел с берега, чтобы встретить его, предупреждая момент, когда Оми открывал дверь в сад. Он поклонился.

– Добрый вечер, Оми-сама. Корабль будет разгружен к полудню.

– Варвар умер?

– Я не знаю, Оми-сама. Я пойду и посмотрю сейчас же.

– Ты можешь пойти со мной.

Мура послушно пошел за ним, отстав на полшага. Оми был странно рад его компании.

– К полудню, говоришь? – спросил Оми, которому не нравилась тишина.

– Да. Все идет хорошо.

– А что с маскировкой?

Мура показал на группы старух и детей около одного из покрытых сетью домов, которые плели толстые маты. Среди них был Суво.

– Мы можем снять укрытия пушки с их повозок и завернуть их. Нам нужно по крайней мере десять человек, чтобы нести одну. К Игураши-сан уже послали за дополнительными носильщиками в соседнюю деревню.

– Хорошо.

– Я забочусь о том, чтобы была сохранена тайна, господин.

– Игураши-сан будет удивлен тем, что нужны носильщики, да?

– Оми-сама, мы истратим все наши мешки для риса, все наше вино, все сети, всю нашу солому для матов.

– Ну и что?

– Как потом мы сможем ловить рыбу и во что грузить наш урожай?

– Ты найдешь способ, – голос Оми стал строже, – Ваш налог увеличивается наполовину в этом сезоне. Ябу-сан приказал это сегодня ночью.

– Мы уже заплатили налог за этот год и за следующий.

– Это обязанность крестьян, Мура, ловить рыбу и пахать, собирать урожай и платить налог. Не так ли? Мура сказал спокойно:

– Да, Оми-сама.

– Староста, который не может управлять своей деревней, не нужен, да?

– Да, Оми-сама.

– Этот крестьянин, он был дурак и непочтителен. Еще есть такие?

– Никого, Оми-сама.

– Надеюсь, что так. Плохие манеры непростительны. Его семья облагается налогом на один коку риса – рыбой, рисом, зерном, чем угодно. Должно быть уплачено в течение трех месяцев.

– Да, Оми-сама.

Оба – и Мура, и самурай Оми – знали, что эта цифра была выше того, что было по средствам семье. У них была только рыбацья лодка и одно рисовое поле в полгектара, которое трое братьев Тамазаки – теперь двое – делили с женами, четырьмя сыновьями, тремя дочерьми и вдовой Тамазаки с ее тремя детьми. Коку соответствовал такому количеству риса, которым семья кормилась в течение года. Около пяти бушелей. Видимо, триста пятьдесят фунтов риса. Весь доход в государстве измерялся коками. И все налоги.

– Куда придет земля богов, если мы забудем о вежливости? – спросил Оми. – И те, что над нами, и те, что под нами?

– Да, Оми-сама. – Мура прикидывал, где взять этот один коку, потому что если не могла платить семья, то должна была заплатить деревня. И где взять еще рисовых мешков, веревок и сети. Кое-что можно было получить в дороге. Деньги можно будет одолжить. Староста соседней деревни ему обязан. А! Разве старшая дочка Тамазаки не шестилетняя красотка и разве шесть лет не самый подходящий возраст, чтобы продать девочку? И разве не самый лучший перекупщик детей в Изу – третий кузен сестры матери, нуждающийся в деньгах, лысый, отвратительный старый хрыч? Мура вздохнул, зная, что теперь ему предстоит ряд яростных торгов. «Не беспокойся, – подумал он, – девочка принесет даже два коку. Она, конечно, стоит гораздо больше».

– Я приношу извинения за неправильное поведение Тамазаки и прошу у вас прощения, – сказал он.

– Это было его плохое поведение, а не твое, – ответил Оми вежливо.

Но оба они знали, что за это отвечал Мура и лучше, что Тамазаки больше нет. Тем не менее оба были удовлетворены. Извинение принесено и учтено, но отклонено. Таким

образом, честь обоих мужчин сохранена.

Они повернули за угол верфи и остановились. Оми колебался, потом показал Муре, что тот может уйти. Староста поклонился и с благодарностью удалился.

– Он мертв, Зукимото?

– Нет, Оми-сан. Он только снова в обмороке.

Оми подошел к большому железному котлу. Жители деревни использовали его для вытапливания ворвани из китов, которых они иногда ловили далеко в море в зимние месяцы, или для варки клея из рыбы, что было типичным деревенским промыслом.

Варвар по плечи был погружен в подогреваемую воду. Его лицо было красным, губы отделены от гнилых зубов.

На закате Оми видел, как Зукимото, надувшись от важности, наблюдал за тем, как варвар был связан по рукам и ногам, как цыпленок, так что его руки были вокруг колен, а локти свободно висели у ног, и опущен в холодную воду. Все это время маленький красноголовый варвар, с которого Ябу хотел начать, что-то бормотал, смеялся и рыдал, а христианский священник читал свои проклятые молитвы.

Потом началось подкладывание дров в огонь. Ябу на берегу не было, но его приказы передавались и немедленно исполнялись. Варвар начал кричать и бредить, потом биться головой, пытаясь разломить ее о железный край котла, пока его не связали. Потом начались опять молитвы, рыдания, обмороки, возвращение к жизни, панические крики, еще до того, как действительно стало больно. Оми пытался следить, как вы бы следили за жертвоприношением мухи, пытаясь не видеть человека. Но он не смог и постарался уйти как можно скорее. Он обнаружил, что не получает удовольствия от мучений. «В этом нет достоинства, – решил он, радуясь возможности узнать правду о том, чего никогда не видел раньше. – В этом нет чести ни для жертвы, ни для мучителя. Достоинство отодвинулось от смерти, а без этого достоинства что было конечной точкой жизни?» – спросил он себя.

Зукимото спокойно потыкал обваренную кипятком мякоть на ноге палочкой, как делают, когда хотят убедиться, готова ли вареная рыба.

– Он скоро придет в себя. Удивительно, как долго он живет. Я не думаю, что они устроены так же, как и мы. Очень интересно, да? – спросил Зукимото.

– Нет, – сказал Оми, ненавидя его.

Зукимото постоянно был настороже, и его вкрадчивость вернулась.

– Я ничего не имел в виду, Оми-сан, – сказал он с глубоким поклоном. – Вовсе ничего.

– Конечно. Господин Ябу доволен, что вы так хорошо все устроили. Необходимо большое искусство, чтобы не дать огню слишком разгореться и все-таки дать его достаточно.

– Вы слишком добры, Оми-сан.

– Ты занимался этим раньше?

– Не совсем этим. Но господин Ябу удостоил меня своим хорошим отношением. Я только пытаюсь порадовать его.

– Он хочет знать, сколько еще проживет этот человек.

– Не доживет до рассвета. При большой осторожности с моей стороны.

Оми задумчиво осмотрел котел. Потом он поднялся на берег к площади. Все самураи встали и поклонились.

– Здесь все успокоилось, Оми-сан, – сказал один из них со смехом, ткнув большим пальцем в сторону люка. – Сначала были слышны разговоры, и голоса были сердитые, и несколько ударов. После два из них, может и больше, плакали, как испуганные дети. Но после этого давно уже тихо.

Оми прислушался. Он мог слышать глухой плеск воды и отдаленное бормотание. Случайный стон.

– А Масиджиро? – спросил он, называя так самурая, который, выполняя его приказы, остался внизу.

– Мы не знаем, Оми-сан. Конечно, он не отзывался. Он, возможно, умер.

«Как мог Масиджиро оказаться таким беспомощным, – подумал Оми. – Поддаться

беззащитным людям, большинство которых были больны! Позор! Лучше бы он умер».

– Завтра не давайте ни воды, ни пищи. В полдень поднимите трупы, понятно? И я хочу, чтобы привели их главаря. Одного.

– Да, Оми-сан.

Оми вернулся к огню и дождался, когда варвар открыл глаза. После этого он вернулся в сад и доложил, что, по словам Зукимото, пытка еще мучительней на ветру.

– Ты посмотрел в глаза этого варвара?

– Да, Ябу-сама.

Оми встал на колени сзади дайме на расстоянии в десять шагов. Ябу оставался неподвижным. Лунный свет затушевывал его кимоно и осветил рукоятку меча так, что она стала похожа на фаллос.

– Что, что ты увидел?

– Безумие. Сущность безумия, я никогда не видел таких глаз. И беспредельный ужас. Мягко упали еще три лепестка.

– Сложи о нем стихи.

Оми пытался заставить свой мозг работать. Потом, желая быть точным, он сказал:

Его глаза
у края преисподней!
Вся боль
Заговорила в них.

Крики неслись вверх, они стали слабее, расстояние, казалось, усиливало их. Ябу сказал:

Если вы позволите
Их холоду настичь,
Вы станете одним из них
В большой, большой
Неизреченной тайне.

Оми долго думал об этом в красоте ночи.

Глава Пятая

Как раз перед первым лучом солнца крики прекратились.

Теперь мать Оми уснула. И Ябу.

Деревня на рассвете все еще не отдыхала. Еще нужно было доставить на берег четыре пушки, пятьдесят бочонков пороху, тысячу пушечных ядер.

Кику лежала под одеялом, следя за тенями на стене седзи. Она не спала, хотя и была утомлена более, чем когда-либо. Тяжелый храп старухи в соседней комнате заглушал мягкое глубокое дыхание дайме рядом с ней. Мальчик беззвучно спал на других одеялах, одна его рука лежала на глазах, закрывая их от света.

Слабая дрожь пробежала по телу Ябу, и Кику задержала дыхание. Но он не проснулся, и это обрадовало ее, так как она поняла, что очень скоро сможет уйти, не беспокоя его. Терпеливо ожидая, она заставила себя думать о приятном. «Всегда помни, дитя, – внушал ее первый учитель, – что думать о плохом – действительно легче всего.

Чем больше о нем думаешь, тем больше накликаешь на себя несчастья. Думать о хорошем, однако, требует усилий. Это одна из вещей, которая дисциплинирует, тренирует.. Так что приучай свой мозг задерживаться на приятных духах, прикосновении шелка, ударах капель дождя о седзи, изгибе этого цветка в букете, спокойствии рассвета. Потом, по прошествии времени, тебе не придется делать таких больших усилий и ты будешь ценить себя, ценить нашу профессию и славить наш мир – Мир Ив».

Она думала о чувственном ощущении ванны, которую скоро примет – оно сотрет эту ночь – и о предупредительной ласке рук Суво. Она думала о том, как будет смеяться с другими девушками и Мама-сан Дзеоко, как они обменяются сплетнями, слухами и анекдотами, и о чистом, о таком чистом кимоно, которое она наденет сегодня вечером, золотом с желтыми и зелеными цветами и подобранной в тон лентой для волос. После ванны она уберет волосы, и из денег, полученных за прошедшую ночь, она сможет очень много заплатить своей хозяйке, Дзеоко-сан, немного послать денег своему отцу, крестьянину на ферме, через менялу, и еще оставить себе. Потом она увидится со своим возлюбленным, и это будет прекрасный вечер.

«Жизнь очень хороша, – подумала она. – Да. Но очень трудно забыть об этих криках. Невозможно. Другие девушки будут так же несчастны, и бедная Дзеоко-сан! Но не думай об этом. Завтра мы все уедем из Анджио и поедem домой в наш милый чайный домик в Мисима, самом большом городе в Изу, который окружает самый большой замок дайме в Изу, где жизнь началась и продолжается. Я сожалею, что госпожа Мидори послала за мной.

Не глупи. Кику, – сказала она себе строго. – Тебе следовало бы извиниться. Ты не сожалеешь, да? Было честью служить нашему господину. Теперь, когда ты удостоена такой чести, твоя цена у Дзеоко-сан станет выше, чем когда-либо, не так ли? Это был опыт, и теперь ты будешь известна как Госпожа ночи рыданий и, если тебе повезет, кто-нибудь напишет балладу о тебе, – может быть, балладу исполнят в самом Эдо. О, это будет хорошо! Тогда, конечно, твой возлюбленный выкупит твой контракт, и ты будешь жить в безопасности и довольстве и родишь сыновей».

Она улыбнулась своим мыслям. «О, что расскажут трубадуры о сегодняшнем вечере во всех чайных домах по всему Изу! О господине дайме, который сидел без движения среди воплей, истекая потом. Что он делал в постели? – захотят узнать все, – А зачем мальчик? И было ли хорошо в постели? Что говорила и делала госпожа Кику и что делал и говорил господин Ябу? Был ли его несравненный пест небольшой или полный? Было ли это один раз, или дважды, или вообще ни разу? Ничего не случилось?»

Тысяча вопросов. Но никто никогда прямо не ответит. «Это мудро, – подумала Кику. – Первое и последнее правило Мира Ив – абсолютная секретность, никогда не говорить о клиенте и его привычках или сколько он платит, и таким образом быть полностью надежной. Если кто-то еще расскажет, ну, это его дело, но при стенах из бумаги и таких маленьких домах и людях, таких, какие они есть, рассказы всегда переходят из постели в балладу – в них не все правда, есть преувеличения, потому что люди есть люди, не так ли? Но ничего от самой госпожи. Может быть, изогнутые дугой брови или нерешительное пожатие плечами, деликатное приглаживание совершенной прически или складки кимоно – это все, что было позволено. И всегда достаточно, если девушка умна».

Когда крики прекратились, Ябу остался неподвижным, как вечность в лунном свете, но потом он встал. Она сразу же заторопилась в другую комнату, ее кимоно шуршало, как будто это шумело ночное море. Мальчик был испуган, он пытался не показать этого и вытирал слезы, появившиеся во время пытки. Она ободряюще улыбнулась ему, силясь казаться спокойной, хотя спокойствия не чувствовала.

Потом в дверях появился Ябу. Он был весь в поту, его лицо строго, глаза полузакрыты. Кику помогла ему снять мечи, пропитанные потом кимоно и набедренную повязку. Она вытерла его, помогла ему надеть просушенное на солнце кимоно и повязала шелковый пояс. Она попробовала заговорить с ним, но он положил ей на губы мягкий палец.

Потом он подошел к окну и взглянул на заходящую луну, словно находясь в трансе, покачиваясь на ногах. Она оставалась спокойной, страха не было, так как чего теперь было бояться? Он был мужчина, она была женщина, обученная быть женщиной, приносить мужчинам удовольствие всеми возможными способами. Но не причинять или терпеть боль. Были другие куртизанки, которые специализировались на этой форме удовольствий. Легкие шлепки тут или там, может быть, и были частью любовных ощущений, получаемых и даваемых, но всегда в пределах разумного, с достоинством, – ведь она была госпожа Ивового

Мира первого класса, с ней никогда не обращались с пренебрежением, всегда с уважением. Но частью ее подготовки было умение держать мужчину покорным, в известных пределах. Иногда мужчина становился неуправляемым, и это было ужасно, так как девушка была одна. И не имела никаких прав.

Ее прическа была безупречна, но аккуратные пряди волос были распущены, спадая на уши так искусно, что наводили на мысль о любовном беспорядке и тем не менее подчеркивали ее чистоту в целом. Черно-красный перемежающийся узор на верхнем кимоно был окаймлен чистым зеленым цветом, что подчеркивало белизну ее кожи, кимоно было туго затянуто на ее тонкой талии широким жестким поясом, оби, радужно-зеленого цвета. Она могла слышать морской прибой и легкий ветерок, шелестящий в саду.

Наконец Ябу повернулся и посмотрел на нее, потом на мальчика.

Мальчику было пятнадцать лет, он был сыном местного рыбака, обучался в соседнем монастыре у буддийского монаха, который был художником, раскрашивающим и иллюстрирующим книги. Он был одним из тех, кто стремился заработать деньги у мужчин, любящих секс с мальчиками, а не с женщинами.

Ябу подошел к нему. Мальчик послушно, теперь также весь полный страха, распустил пояс своего кимоно, двигаясь с заученной элегантностью. Он не носил набедренной повязки, только женскую нижнюю рубашку, которая достигала земли. Его тело было гладким, гибким и почти без волос.

Кику помнила, как спокойно было, когда они трое оказались в тишине комнаты и крики исчезли. Они с мальчиком ждали, чтобы Ябу объяснил, кто из них ему требуется, а Ябу стоял между ними, слегка покачиваясь, переводя взгляд с одного на другого.

Потом он указал на нее. Она изящными движениями развязала оби, размотала его и дала ему упасть. Складки трех ее легких кимоно распахнулись и обнажили прозрачную нижнюю рубашку, которая подчеркивала бедра. Он лежал на постели, и по его знаку они легли с двух сторон от него. Он положил на себя их руки и держал их в одном положении. Он быстро согрелся, показал им, как они должны работать ногтями на его боках, торопя их; его лицо превратилось в маску, – быстрее, быстрее... тут он испустил дикий крик крайней боли. Некоторое время он лежал, часто и тяжело дыша, с плотно закрытыми глазами, потом перевернулся и почти мгновенно уснул.

В тишине они затаили дыхание, пытаясь скрыть свое удивление. Все случилось так быстро.

Мальчик в удивлении изогнул брови.

– Мы сделали что-то не так? Кику-сан? Я имею в виду, – все кончилось так быстро, – прошептал он.

– Мы сделали все, что он хотел, – ответила она.

– Он, конечно, достиг облаков и дождя, – сказал мальчик, – Я думаю, в доме теперь все собираются уснуть.

Она улыбнулась.

– Да.

– Я рад. Сначала я был очень напуган. Это очень хорошо, что удалось ему угодить.

Они вдвоем вытерли Ябу и укрыли его стеганым одеялом. Юноша устало откинулся на спину, полуопершись на один локоть, и зевнул.

– Почему бы тебе тоже не поспать? – сказала она. Юноша плотнее запахнул кимоно и подвинулся коленями к ней. Она сидела сбоку от Ябу, ее правая рука мягко поглаживала руку дайме, облегчая его тревожный сон.

– Мне никогда не приходилось раньше быть вместе с мужчиной и женщиной, Кику-сан, – прошептал мальчик.

– Мне тоже. Мальчик нахмурился.

– Я никогда раньше не был и с девушкой. Я имею в виду, что никогда не имел дела ни с одной женщиной.

– А тебе не хотелось бы со мной? – спросила она вежливо. – Если ты немного

подождешь, я уверена, наш господин не проснется.

Мальчик нахмурился и попросил:

– Да, пожалуйста. – А потом он сказал: – Это было очень странно, госпожа Кику.

Она улыбнулась.

– Кого же ты предпочитаешь?

Юноша долго думал, пока они лежали в объятиях друг друга.

– Это была довольно трудная работа. – Она спрятала голову у него на плече и поцеловала в затылок, чтобы скрыть свою улыбку.

– Ты изумительный любовник, – прошептала она, – Теперь ты должен поспать после такой трудной работы.

Она ласкала его, пока он не заснул, потом перешла на другую постель. Там было холодно, но она не хотела придвигаться к Ябу и беспокоить его. Вскоре ее сторона постели также согрелась.

Тени от сиди становились острее. «Мужчины такие дети, – подумала она. – Так переполнены глупой гордостью. Все муки нынешней ночи так преходящи. Для страсти, которая сама только иллюзия, не так ли?»

Мальчик заворочался во сне. «Почему ты предложила ему? – спросила она себя. – Для его удовольствия – для него, а не для себя, хотя это меня и развлекло, и убило время, и дало ему спокойствие, в котором он так нуждался. Почему бы тебе немного не поспать? Позднее. Я посплю позднее», – сказала она себе.

Когда подошло время, она выскользнула из мягкой теплоты и встала. Ее кимоно лежало в стороне, и воздух охладил ее кожу. Она быстро и аккуратно оделась и повязала пояс. Быстро, привычно поправила прическу и косметику.

Она не произвела ни малейшего шума, выходя из комнаты.

Самурай, стоявший на посту на веранде, поклонился, и она поклонилась в ответ и оказалась в свете поднимающегося солнца. Ее служанка уже дожидалась.

– Доброе утро. Кику-сан.

– Доброе утро.

Солнце было очень ласковое, и оно заслонило все события ночи. «Хорошо быть живой, жить», – подумалось ей.

Она всунула ноги в сандалии, открыла свой малиновый зонтик, прошла через сад на тропинку, которая вела вниз к деревне, через площадь, к чайному домику, который был ее временным жилищем. Служанка шла за ней.

– Доброе утро. Кику-сан, – сказал Мура, кланяясь. Он отдыхал короткое время на веранде своего дома, пил чай, бледно-зеленый японский чай. Его мать обслуживала его.

– Доброе утро. Кику-сан, – повторил он.

– Доброе утро. Мура-сан. Доброе утро, Сейко-сан, как хорошо вы выглядите, – ответила Кику.

– А как вы? – спросила мать, ее старые глаза прошупывали девушку, – Что за ужасная ночь! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, попейте чаю. Ты выглядишь бледной, детка.

– Спасибо, но, пожалуйста, извините меня, я должна сейчас идти домой. Вы и так оказали мне много чести. Может быть, позднее.

– Конечно, Кику-сан. Вы оказали честь нашей деревне, посетив нас.

Кику улыбнулась и сделала вид, что не замечает их прошупывающих взглядов. Чтобы добавить пикантности им и себе, она притворилась, что у нее слегка болит внизу.

«Это пойдет гулять по деревне», – подумала она счастливо, кланяясь, морщась опять и уходя, как если бы стоически скрывала сильную боль, складки ее кимоно покачивались очень изящно, ее наклоненный зонтик придавал ей самое удачное освещение. Она была очень рада, что на ней было это верхнее кимоно и этот зонтик. В пасмурный день это не было бы так эффектно.

– О, бедное, бедное дитя! Она так красива, правда? Что за позор! Ужасно! – сказала мать Муры с душераздирающим вздохом.

– Что ужасного, Сейко-сан? – спросила жена Муры, выходя на веранду.
– Ты не видишь, что эта бедная девушка на пределе? Ты не видишь, как мужественно она пытается спрятать это? Бедное дитя. Только семнадцать лет, и пройти все это!

– Ей восемнадцать, – сухо сказал Мура.

– Через что – это? – спросила одна служанка очень почтительно, присоединяясь к ним.

Старуха огляделась вокруг, чтобы убедиться, что все ее слушают, и громко прошептала:

– Я слышала, – она понизила голос, – я слышала, что она была беспомощна... три месяца.

– Ой, не может быть! Бедная Кику-сан! Ой! Но почему же?

– Мужчина действовал зубами. Я слышала это от надежных людей.

– Ой!

– Ой!

– Но зачем он взял еще и мальчика, госпожа? Конечно, он не...

– А! Разойдитесь! Беритесь за работу, бездельники! Это не для ваших ушей! Уходите, все вы! Мне нужно поговорить с хозяином.

Она прогнала их всех с веранды. Даже жену Муры. И потягивала свой чай, милостивая, очень довольная и напыщенная. Мура нарушил молчание:

– Зубы?

– Зубы. Ходит слух, что крики заставляют его возбуждаться, потому что он был напуган драконом, когда был маленьким, – сказала она поспешно. – Он всегда держит при себе мальчика, чтобы напомнить себе о том, как он был маленьким. Но он использует мальчиков, чтобы истощить себя, иначе он мучает всех. Бедная девочка.

Мура вздохнул. Он зашел в маленький домик во дворе перед главными воротами и непроизвольно пукнул, когда стал облегчаться в ведро. «Хотел бы я знать, что же случилось на самом деле, – спросил он себя, мастурбируя. – Почему Кику-сан больна? Может быть, дайме и правда действовал зубами? Как необычно!»

Он вышел, покачиваясь, чтобы удостовериться, что не испачкал свою набедренную повязку, и пошел через площадь, глубоко задумавшись.

«О, как бы мне хотелось провести ночь с госпожой Кику! Почему бы нет? Сколько Оми-сан заплатил ее хозяйке, – что мы должны будем заплатить в конце концов – два коку? Говорят, что хозяйка, Дзеоко-сан, потребовала и получила в десять раз больше обычной платы. Неужели она получила пять коку за одну ночь? Кику-сан, конечно, стоит этого, да? Ходят слухи, что она в свои восемнадцать лет столь же опытна, как и женщина вдвое большего возраста. Она, видимо, может продлить... О, ее счастье! Если бы мне довелось – как бы я начал?»

Рассеянно он копошился в набедренной повязке, в то время как ноги по хорошо утоптанной тропинке привели его на площадь на погребальное место.

Костер был приготовлен. Депутация из пяти деревенских жителей уже собралась там.

Это было самое приятное место в деревне, где морской бриз летом был самым прохладным, открывающийся вид – самым красивым. Поблизости был деревенский синтоистский храм, аккуратная соломенная крыша на пьедестале для ками – духа, который жил или мог жить там, если бы захотел. Узловатый тис, который рос здесь раньше, чем появилась деревня, был наклонен в сторону ветра.

Позднее по тропинке поднялся Оми. С ним были Зукимото и четыре гвардейца. Он стоял в стороне. Когда он формально поклонился костру и покрытому саваном, почти расчлененному телу, которое лежало на дровах, все они поклонились вместе с ним, чтобы почтить варвара, который умер, чтобы могли жить его товарищи.

По его сигналу Зукимото вышел вперед и зажег огонь. Зукимото попросил Оми об этом, и эта честь ему была предоставлена. Он поклонился в последний раз. И потом, когда огонь разгорелся, они ушли.

Блэксорн наклонился ко дну бочки, аккуратно отмерил полчашки воды и отдал ее Сонку. Сонк попытался выпить ее наконец, но руки его дрожали, и он не смог. Он всосал эту тепловатую жидкость, сожалея об этом, так как в тот момент, когда она проходила через его пересохшее горло и он ощупью пробирался к своему месту у стены, он наступил на тех, чья очередь была сейчас ложиться на его место. На полу теперь были глубокая грязь, зловоние и ужасное нашествие мух. Слабый солнечный свет проникал через доски крышки люка.

Винк был следующим. Он взял чашку и смотрел на нее, сидя около бочонка. Спилберген сидел с другой стороны.

– Спасибо, – пробормотал он уныло.

– Поторопись! – сказал Жан Ропер, рана на его щеке уже нагнаивалась. Его очередь была последней, и, сидя так близко, он чувствовал, как сильно болит горло. – Поторопись, Винк, ради Бога.

– Извини, вот возьми, – пробормотал Винк, протягивая ему чашку и забыв о мухах, которые пятнами облепили его.

– Пей, дурак! Это все, что ты получишь до захода солнца. Пей! – Жан Ропер толкнул чашку обратно ему в руки. Винк не взглянул на него, но послушался с несчастным видом и ускользнул обратно в свой личный ад.

Жан Ропер взял свою чашку воды от Блэксорна, закрыл глаза и молча поблагодарил. Он был один из стоящих, мускулы его ног болели. Чашки едва хватило на два глотка.

И теперь, когда все они получили свою порцию, Блэксорн тоже зачерпнул и с удовольствием выпил. Его рот и язык болели, они горели и были в пыли. Мухи, пот и грязь покрывали его. Грудь и спина сильно ныли от ушибов.

Он наблюдал за самураем, который остался в погребке. Мужчина лежал напротив стены, между Сонком и Крууком, занимая как можно меньше места, и не двигался часами. Он мрачно смотрел в пространство, обнаженный, если не считать набедренной повязки, весь покрытый синяками, с толстым рубцом вокруг шеи.

Когда Блэксорн впервые пришел в сознание, погреб был погружен в полную темноту. Крики заполняли яму, и он подумал, что мертв и находится в ужасных глубинах преисподней. Он чувствовал себя так, как будто его засасывает в навоз, который был липким и текучим сверх всякой меры. Он закричал в страхе и забился в панике, неспособный дышать, до тех пор, пока не услышал: «Все нормально, кормчий, ты не умер, все нормально. Проснись, проснись, ради Бога, это не ад, хотя бы это и могло быть адом. О, Боже, помоги нам!»

Когда он полностью пришел в себя, ему рассказали о Пьетерсуне и бочках морской воды.

– О, Боже, заberi нас отсюда, – простонал кто-то.

– Что они делают с бедным старым Пьетерсуном? Что они сделали с ним? О, Боже, помоги нам. Я не могу выдержать эти крики!

– О, Боже, пусть бедняга умрет. Помогите ему умереть.

– О, Боже, прекрати эти крики! Пожалуйста, останови эти вопли!

Эта яма и вопли Пьетерсуна устроили им проверку, вынудили их глубже заглянуть в себя. И ни одному не понравилось то, что он там увидел.

«Темнота еще усугубляет ситуацию», – подумал Блэксорн. Для тех, кто был в этой яме, ночь казалась бесконечной.

На рассвете вопли прекратились. Когда рассвет просочился к ним, они увидели забытого самурая.

– Что мы будем с ним делать? – спросил Ван-Некк.

– Я не знаю. Он выглядит таким же испуганным, как и мы, – сказал Блэксорн, его сердце забилося сильнее.

– Ему лучше ничего не делать, ей-богу.

– О, Боже мой, вытащи меня отсюда! – Голос Круука достиг крещендо. – Помоги!

Ван-Некк, который был около него, потряс его и успокоил.

– Все нормально, парень. Мы в руках Бога. Он смотрит на нас.

– Посмотри на мою руку, – простонал Маэтсуккер. – Рана уже нагноилась.

Блэксорн стоял шатаясь.

– Мы все станем ненормальными, если не выберемся отсюда через день-два, – сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Воды почти нет, – сказал Ван-Некк.

– Мы определим норму на то, что есть. Немного сейчас – немного в полдень. Если повезет, этого хватит на три раза. Чертовы мухи!

После этого он нашел чашку и раздал всем по мерке воды и теперь пил ее, стараясь делать это помедленнее.

– Так что с этим японцем? – спросил Спилберген. Адмирал лучше, чем остальные, перенес ночь, потому что залепил уши комочками грязи, когда начались вопли, и, располагаясь около бочки, украдкой утолял жажду.

– Что нам делать с ним?

– Ему надо дать воды, – сказал Ван-Некк.

– Черта с два он получит воды, – сказал Сонк. Они все проголосовали и согласились на том, что воды он не получит.

– Я не согласен, – сказал Блэксорн.

– Ты не согласен со всем, что мы говорим? – сказал Жан Ропер. – Он враг. Он варвар, враг, и он чуть не убил тебя.

– Ты чуть не убил меня. Полдюжины раз. Если бы твой мушкет выстрелил тогда в Санта-Магдалене, ты разнес бы мне всю голову.

– Я в тебя не целился. Я целился в этих проклятых прихвостней Сатаны.

– Это были безоружные священники. И времени было достаточно.

– Я в тебя не целился.

– Ты чуть не убил меня дюжину раз, с твоей чертовой вспыльчивостью, с твоим проклятым фанатизмом и Богом проклятой глупостью.

– Богохульство – смертный грех. Поминание имени Господа Бога – грех. Мы в Его руках, не в твоих. Ты не король, и здесь не корабль. Ты не наш командир...

– Но ты будешь делать то, что я скажу!

Жан Ропер огляделся, напрасно ища поддержки среди сидящих в подвале.

– Делай, что хочешь, – сказал он уныло.

– И буду.

Самурай так же хотел пить, как и они, но он замотал головой, когда ему предложили чашку. Блэксорн заколебался, приложил чашку к распухшим губам самурая, но человек оттолкнул чашку, разлив воду, и что-то хрипло произнес. Блэксорн приготовился парировать новый удар. Но он не последовал. Он не делал больше ни одного движения, глядя в пространство.

– Он сумасшедший. Они все сумасшедшие, – сказал Спилберген.

– Тем больше воды останется для нас. Хорошо, – сказал Жан Ропер. – Пусть катится ко всем чертям, как он того заслуживает!

– Как твое имя? Наму? – спросил Блэксорн. Он произнес это еще несколько раз на разные лады, но самурай, казалось, не слышал.

Они оставили его в покое. Но следили за ним, как если бы это был скорпион. Он не смотрел ни на кого. Блэксорну показалось, что он пытается что-то решить для себя, но не мог и представить, что бы это могло быть.

«Что у него на уме? – спросил себя Блэксорн. – Почему он отказался от воды? Почему он остался здесь? Это ошибка Оми? Непохоже. План? Непохоже. Можно ли нам использовать его, чтобы выбраться отсюда? Весь этот мир непонятен, за исключением того, что мы, может быть, останемся здесь, пока они не позволят нам выйти отсюда... если они

когда-нибудь позволят. А если они позволят нам выйти, что дальше? Что случилось с Пьетерсуном?»

По мере того как становилось теплее, появлялись новые рои мух.

«О, Боже, я хочу, чтобы я мог лечь, хочу, чтобы я мог опять попасть в ту ванну – теперь бы им не пришлось нести меня туда. Я никогда не понимал, как важна ванна. Этот старый слепой с его стальными пальцами! Я мог бы час или два принимать его массаж. Что за глупость! Все наши корабли и люди, и все усилия – и для этого. Кругом неудача. Ну, почти. Некоторые из нас пока еще живы».

– Кормчий! – Ван-Некк тряс его. – Ты спишь. Вот он – он уже минуту или больше кланяется перед тобой.

Блэксорн потер глаза, прогоняя усталость. Он сделал усилие над собой и поклонился в ответ.

– Хай? – спросил он коротко, вспомнив японское слово, означающее «да».

Самурай держал пояс от своего изорванного кимоно, обмотав его вокруг шеи. Все еще стоя на коленях, он дал один конец Блэксорну, другой Сонку, наклонил голову и показал им, что надо сильно тянуть.

– Он боится, что мы задушим его, – сказал Сонк.

– Боже мой, я думаю, что он хочет, чтобы мы сделали это, – Блэксорн отбросил пояс и покачал головой. – Киндзиру, – сказал он, думая, как полезно оказалось это слово. Как сказать человеку, который не говорит на твоём языке, что это против твоих правил – совершать убийство, убивать безоружного человека, что ты не палач, что убийство – это преступление перед Богом?

Самурай заговорил снова, явно прося его, но Блэксорн снова покачал головой: «Киндзиру». Мужчина оглянулся вокруг с диким видом. Вдруг он встал на ноги и затолкнул голову глубоко в парашу, пытаясь в ней утопиться. Жан Ропер и Сонк тут же оттащили его, толкая и борясь с ним.

– Пустите его, – приказал Блэксорн. Они послушались. Он указал на парашу. – Самурай, если ты хочешь этого, тогда давай!

Мужчину тошнило, но он понял. Он поглядел на полную бадью: нет, у него не хватит сил держать там голову достаточно долго. Ужасно несчастный, самурай вернулся на свое место у стены.

– Боже, – пробормотал кто-то.

Блэксорн зачерпнул полчаши воды из бочки, встал – его суставы плохо сгибались, – подошел к японцу и предложил ему. Самурай глядел мимо чашки.

– Хотел бы я знать, сколько он сможет выдержать, – сказал Блэксорн.

– Вечность, – сказал Жан Ропер. – Они животные. Они не люди.

– Боже мой, сколько они продержат нас здесь? – спросил Джинсель.

– Столько, сколько захотят.

– Нам следует делать все, что они захотят, – сказал Ван-Некк. – Мы должны, если мы хотим остаться в живых и выйти из этой адовой дыры. Разве не так, кормчий?

– Да, – Блэксорн с радостью мерил тень от солнца. – Самый полдень, часовые сменяются.

Спилберген, Маетсуккер и Сонк начали жаловаться, но он обругал их, заставил подняться на ноги, и, когда все заняли новые места, он с удовольствием улегся. Пол был грязный, мухи – хуже, чем когда-либо, но радость от возможности выпрямиться во весь рост была огромная.

«Что они сделали с Пьетерсуном? – спросил он себя, так как чувствовал смутную тревогу. – О, Боже, помоги нам выбраться отсюда. Я так беспокоюсь».

Наверху раздалися шаги. Открылась крышка люка. Около него стоял священник, сбоку от него – самурай.

– Кормчий! Ты должен подняться. Ты должен идти один, – сказал он.

Глава Шестая

Взоры всех, кто был в яме, устремились на Блэксорна.

– Чего они хотят от меня?

– Я не знаю, – серьезно сказал отец Себастьян, – Но ты должен сразу же подняться.

Блэксорн знал, что у него нет выбора, но он не оставлял спасительной стены, пытаясь справиться с силами.

– Что случилось с Пьетерсуном?

Священник рассказал ему. Блэксорн перевел тем, кто не говорил по-португальски.

– Бог смилостивился над ним, – прошептал Ван-Некк после жуткого молчания. – Бедняга. Бедняга.

– Я сожалею. Я ничего не мог сделать, – священник говорил с большой печалью в голосе, – Я не думаю, что он узнал меня или мог узнать кого-нибудь, когда его опускали в воду. Он потерял разум. Я дал ему отпущение грехов и молился за него. Может быть, с Божьей милостью... Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. – Он перекрестил погреб. – Я прошу вас всех отказаться от ваших ересей и вступить обратно в веру Бога. Кормчий, ты должен подняться.

– Не покидай нас, кормчий, ради Бога! – выкрикнул Круук. Винк, спотыкаясь, подошел к лестнице и начал взбираться по ней.

– Они могут взять меня – не кормчего. Меня, а не его. Скажите ему. – Он остановился беспомощно, обеими ногами упираясь в перекладину. Длинное копьё остановилось в дюйме от его сердца. Он пытался схватить его, но самурай был готов к этому, и, если бы Винк не отпрыгнул обратно, его проткнули бы копьем.

Этот самурай указал на Блэксорна и сделал знак, чтобы он поднимался. Очень грубо. Блэксорн еще не двигался. Другой самурай всунул в погреб длинный колючий шест и пытался выгнать его.

Никто не двинулся, чтобы помочь Блэксорну, кроме самурая в погребке. Он быстро схватился за острие шеста и что-то резко сказал мужчине наверху, который колебался, потом поглядел на Блэксорна, пожал плечами и что-то произнес.

– Что он говорит? Священник ответил:

– Этот японец говорит: «Судьба человека – это судьба человека, а жизнь – только иллюзия».

Блэксорн кивнул самураю, подошел к лестнице и не оглядываясь поднялся по ней. Он отвернулся от болезненно-яркого света, колени согнулись, и он упал на песок.

Рядом с собой он увидел Оми. Священник и Мура стояли около четырех самураев. В стороне толпились несколько жителей деревни, они посмотрели на Блэксорна и отвернулись. Никто ему не помог.

«О, Боже, дай мне силы, – молился Блэксорн. – Я должен встать на ноги и сделать вид, что я сильный. Это единственная вещь, которую они уважают. Будь сильным. Не показывай страха. Пожалуйста, помоги мне».

Он заскрежетал зубами, оттолкнулся от земли и встал, слегка качаясь.

– Какого дьявола вы от меня хотите, грязный маленький негодяй? – сказал он, обращаясь к Оми. Потом добавил для священника:

– Скажи этому негодяю: я дайме в моей собственной стране. И что это за обращение? Скажи ему, что мы с ним не ссорились. Скажи ему, пусть выпустит нас или ему будет хуже. Скажи ему, что я дайме, ей-богу. Я наследник сэра Вильяма Великого, – может, негодяй сразу помрет. Скажи ему!

Ночь была ужасной для отца Себастьяна. Но во время своего бодрствования он ощущал присутствие Бога и почувствовал озарение, которого никогда не испытывал раньше. Теперь он знал, что может быть инструментом Бога против язычников и пиратского коварства. Он знал каким-то образом, что эта ночь была подготовкой для него, он стоял как бы на распутье.

– Скажи же ему!

Священник произнес по-японски:

– Пират говорит, что он господин в своей стране. – Потом выслушал ответ Оми. – Оми-сан говорит, его не интересует, будь ты хоть королем в своей стране. Здесь ты живешь по воле господина Ябу – ты и все твои люди.

– Скажи ему, что он мерзавец.

– Старайся не оскорблять его. Оми снова начал говорить.

– Оми-сан обещает, что тебе дадут вымыться, будут кормить и поить. Если ты будешь себя хорошо вести, тебя не посадят обратно в яму.

– А что с моими людьми? Священник спросил Оми.

– Они останутся там.

– Тогда скажи ему, пусть отправляется к черту. – Блэксорн пошел к лестнице, чтобы спуститься опять вниз. Двое из самураев преградили ему путь и, хотя он сопротивлялся, легко удержали его.

Оми поговорил со священником, потом со своими людьми. Они отпустили его, и Блэксорн чуть не упал.

– Оми-сан предупреждает, если ты не будешь осторожней, они заберут еще одного человека. У них много дров и много воды.

«Если я соглашусь, – подумал Блэксорн, – они найдут способ управлять мной, и я навсегда окажусь в их власти, отныне и навсегда. Я буду должен делать то, что они захотят. Ван-Некк был прав, я должен что-то сделать».

– Что он хочет, чтобы я делал, что значит «быть осторожней»?

– Оми-сан говорит, это означает повиноваться ему. Делать, что они тебе скажут. Есть дерьмо, если они прикажут.

– Скажи ему, пусть идет к черту. Скажи ссать я хотел на него и на всю его страну – и на его дайме.

– Я рекомендую вам согласиться с тем...

– Скажи ему, что я сказал, точно, ради Бога!

– Очень хорошо, но я предупреждал тебя, кормчий.

Оми выслушал священника. Суставы на руке, держащей меч, побелели. Все его люди тяжело переминались, их глаза вонзились в Блэксорна. Потом Оми отдал спокойным голосом распоряжение.

Два самурая мгновенно спустились в яму и вытащили Круука. Они подтащили его к котлу, связали ему руки и ноги, пока другие носили дрова и воду. Они положили оцепеневшего мальчика в залитый водой котел и подожгли дрова.

Блэксорн следил за беззвучными гримасами Круука, и ужас переполнял его.

«Жизнь совсем не имеет цены для этих людей, – подумал он. – Бог проклял их, они наверняка сварят Круука, это так же верно, как то, что я стою на этой покинутой Богом земле».

Дым волнами неся по песку. Морские чайки с кошачьим мяуканьем вились вокруг рыбацких лодок. Кусок дерева выпал из огня и был задвинут самураем обратно.

– Скажи ему, пусть перестанут, – сказал Блэксорн. – Попроси его перестать.

– Оми-сан спрашивает: вы согласились хорошо себя вести?

– Да.

– Он спрашивает: вы будете выполнять все его приказы?

– Насколько смогу – да.

– Он хочет, чтобы вы ответили непосредственно ему. В японском языке слово «да» звучит как «хай». Он спрашивает: вы будете выполнять все приказы?

– Насколько я смогу – хай.

Огонь начал нагревать воду, и ужасный вопль вырвался изо рта юноши. Языки пламени от горящих дров, которые горели в кирпичной кладке внизу, лизали металл. Дров добавили еще.

– Оми-сан говорит, ложись. Немедленно. Блэксорн сделал, как ему приказали.

– Оми-сан говорит, что он не оскорблял тебя лично и у тебя не было повода оскорблять его. Поскольку ты варвар и не знаешь, как себя вести, тебя не убьют. Но тебя поучат хорошему поведению. Ты понимаешь? Он хочет, чтобы ты отвечал непосредственно ему.

Донеслись рыдания мальчика. Они терзали слух, пока юноша не потерял сознание. Один из самураев держал его голову над водой.

Блэксорн посмотрел на Оми. «Помни, – приказал он себе, – помни, что жизнь мальчика только в твоих руках. Да, жизнь всей твоей команды в твоих руках. Да, началась ужасная полоса в твоей жизни, но нет никакой гарантии, что у негодая хватит совести соблюдать сделку».

– Ты понимаешь?

– Хай.

Он увидел, как Оми подтянул свое кимоно, освободив пенис из набедренной повязки. Он ожидал, что тот помочится ему в лицо. Но Оми этого не сделал, а помочился на его спину. «Ей-богу, – поклялся себе Блэксорн, – я запомню этот день и когда-нибудь Оми заплатит за это».

– Оми-сан говорит, это плохие манеры – говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь. Очень плохие. И очень глупо говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь, когда ты безоружен, слаб и не готов позволить своим друзьям или родственникам погибнуть первыми.

Блэксорн ничего не сказал. Он не сводил глаз с Оми.

– Вакаримас ка? – сказал Оми.

– Он говорит: ты понял?

– Хай

– Окиро.

– Он говорит, чтобы ты встал.

Блэксорн встал, боль стучала в висках. Он смотрел на Оми, и тот, обернувшись, посмотрел на него.

– Ты пойдешь с Мурой и будешь выполнять его приказание.

Блэксорн не ответил.

– Вакаримас ка? – резко сказал Оми.

– Хай, – Блэксорн измерил расстояние между собой и Оми. Он представил себе свои пальцы на горле Оми и его лице и молился, чтобы он мог успеть вырвать ему глаза, прежде чем кто-нибудь сумеет оторвать его от этого человека.

– Что с мальчиком? – спросил он. Священник, запинаясь, что-то сказал Оми. Оми глянул на котел. Вода была еще чуть теплой. Мальчик был в обмороке, но невредим.

– Выньте его оттуда, – приказал он. – Приведите доктора, если надо.

Его люди выполнили приказание. Блэксорн подошел к мальчику и приник к его груди.

Оми поманил священника.

– Скажи главарю, что юноша тоже может остаться наверху. Если главарь и юноша будут вести себя хорошо, еще один из варваров сможет выйти завтра из ямы. Потом другой. Может быть. Или не только один. Может быть. Это зависит от того, как будут вести себя те, что наверху. Но ты, – он глянул прямо на Блэксорна, – ты отвечаешь за малейшее нарушение любого правила или приказа. Ты понимаешь?

После того как священник перевел ему все это, Оми услышал, как варвар говорит «да», и увидел, что часть ледящего кровь гнева уходит у того из глаз. Но ненависть осталась. «Как глупо, – подумал Оми, – и как наивно быть столь открытым. Хотел бы я знать, что он сделает, если я буду играть с ним дальше – притворюсь, что нарушаю соглашение».

– Священник, как его имя? Говори медленно. Он послушал, как священник несколько раз произнес его, но оно все еще звучало как тарабарщина.

– Ты можешь произнести это? – спросил он одного из своих людей.

– Нет, Оми-сан.

– Священник, скажи ему, что с этого времени его имя будет Анджин-кормчий. Когда он заслужит, он будет называться Анджин-сан. Объясни ему, что в нашем языке нет звуков,

чтобы правильно назвать его имя. — Оми сухо добавил: — Объясни ему, что это не будет звучать оскорбительно. До свиданья, Анджин, пока.

Они все поклонились ему. Он вежливо ответил на поклон и ушел. Когда он удостоверился, что за ним никто не наблюдает, он позволил себе широко улыбнуться. Так быстро приручить главаря варваров! Сразу раскусить, как управлять им и ими!

«Как необычны эти варвары, — подумал он. — Э, чем скорее Анджин заговорит на нашем языке, тем лучше. Тогда мы узнаем, как сокрушить христианских варваров раз и навсегда!»

* * *

— Почему ты не помочился ему в лицо? — спросил Ябу.

— Сначала я так и хотел, господин, но кормчий — все еще неприрученное животное, вообще опасное. А в лицо... ну, для нас трогать лицо человека — самое сильное оскорбление, не так ли? Поэтому я подумал, что и так я могу столь глубоко оскорбить его, что он потеряет контроль над собой. Поэтому я помочился ему на спину — я подумал, что этого будет достаточно.

Они сидели на веранде его дома, на шелковых подушках. Мать Оми приготовила им чай со всеми церемониями, которые она могла соблюсти, а она была хорошо обучена в молодости. Она с поклоном предложила чай Ябу. Он поклонился и вежливо предложил его Оми, который, конечно, отказался с глубоким поклоном; тогда он принял его и потягивал чай с большим наслаждением, чувствуя полное удовлетворение.

— Я очень доволен тобой, Оми-сан, — сказал он. — Твоя рассудительность исключительна. Твоя подготовка и руководство этим делом превосходны.

— Вы слишком добры, господин. Мои усилия могли быть много больше, намного больше.

— Откуда ты так много узнал про варваров и их характер?

— Когда мне было четырнадцать лет, у меня в течение года был учитель — монах по имени Джиро. Когда-то он был христианским священником, по крайней мере он был учеником священника, но, к счастью, он понял, что это была ошибка. Я всегда помню одну вещь, которую он сказал мне. Он сказал, что христианская религия уязвима, потому что их главный бог, Иисус, сказал, что все люди должны «любить» друг друга; он ничего не говорит о чести или обязанностях, — только о любви. А также, что жизнь священна; «Не убий»! Каково? И другие глупости. Эти новые варвары заявляют, что они тоже христиане, хотя священник и отрицает это, как я понял, они, может быть, только другой секты, и это проявление их вражды, совсем как буддийские секты ненавидят одна другую. Я подумал, что, если они «любят друг друга», может быть, мы сможем управлять их вожаком, убив или угрожая убить одного из его людей.

Оми знал, что этот разговор опасен из-за той мучительной оскверняющей смерти. Он чувствовал, как невысказанное предупреждение его матери пересекло пространство между ними.

— Хотите еще чаю, Ябу-сама? — спросила его мать.

— Спасибо, — сказал Ябу. — Все очень, очень хорошо.

— Спасибо, господин. Но, Оми-сан, варвар погиб ради полезного дела? — спросила его мать, переводя разговор. — Может быть, тебе надо сказать нашему господину, как ты думаешь — постоянно это или временно.

Оми поколебался.

— Временно. Но я думаю, его следует обучить нашему языку как можно быстрее. Это очень важно для вас, господин. Вам, возможно, придется убить одного или двух, чтобы держать его и остальных в повиновении, но к этому времени он поймет, как нужно вести себя. С того времени, как вы сможете непосредственно разговаривать с ним, Ябу-сама, вы сможете использовать его знания. Если то, что сказал Священник, верно — что он вел корабль

десять тысяч ри, – он должен быть больше, чем просто умелец.

– Ты сам больше, чем просто умелец, – засмеялся Ябу. – Ты обучаешь животных. Оми-сан – дрессировщик людей, учитель мужчин!

Оми засмеялся вместе с ним.

– Я попытаюсь, господин.

– Твой надел увеличивается с пятисот коку до трех тысяч. Ты будешь управлять площадью в пределах двадцати ри⁴. Как дальнейший знак моего расположения, когда я вернусь в Эдо, я пошлю тебе двух лошадей, двадцать шелковых кимоно, один комплект брони, два меча и достаточно оружия, чтобы обмундировать еще сто самураев, которых ты наберешь. В случае войны ты немедленно вступаешь в мое личное войско хатамото.

Ябу чувствовал наплыв откровения. Хатамото было специальное войско дайме, которое имело право доступа к своему хозяину и могло носить мечи в присутствии хозяина. Он был доволен Оми и чувствовал себя отдохнувшим, как бы заново рожденным. Спал он хорошо. Когда он проснулся, то был один, как и ожидал, потому что не приказал девушке или мальчику остаться. Он выпил чаю и съел немного рисовой каши. Потом ванна и массаж Суво.

«Это был изумительный эксперимент, – подумал он. – Никогда я не чувствовал себя так близко к природе, деревьям, горам и земле, неизмеримой печали жизни и ее мимолетности. Вопли придавали всему совершенство».

– Оми-сан, в моем саду в Мисима есть камень, который я бы хотел, чтобы вы приняли в дар, также в память этого события и этой чудной ночи и нашего доброго состояния, – сказал он. – Камень привезен из Кюсю. Я пошлю его вам с другими вещами. Я назвал его «Ждущий камень», потому что мы ждали приказа господина Тайко, чтобы атаковать, когда я его нашел. Это было... о, пятнадцать лет назад. Я был в его армии, когда мы разгромили мятежников и подчинили себе весь остров.

– Вы оказываете мне большую честь.

– Почему не поместить его здесь, в вашем саду, и не переименовать его? Почему бы не назвать его «Камень мира с варварами» – в память о ночи и его бесконечном ожидании мира.

– Может быть, вы позволите мне назвать его «Камень счастья», чтобы напоминать мне и моим потомкам о почестях, которыми вы одарили меня, дядюшка?

– Нет, лучше просто назови его «Ожидающий варвар». Да, мне нравится такое название. Это соединит нас вместе – его и меня. Он ждал, как я ждал. Я жив, он умер. – Ябу посмотрел в сад, наслаждаясь. – Хорошо. «Ожидающий варвар»! Это мне нравится. Там у него интересные пятна с одной стороны, которые напоминают мне о слезах, и жилки голубого цвета с примесью красноватого кварца, которые напоминают мне мясо – непостоянство всего этого! – Ябу вздохнул, наслаждаясь своей меланхолией. Потом он добавил: – Это хорошо для мужчины – поставить камень и назвать его. Варвару потребовалось много времени, чтобы умереть, правда? Может быть, он родится заново японцем, – это компенсирует его страдания. Разве это не удивительно. Потом однажды его потомки, может быть, увидят этот камень и будут довольны.

Оми выразил свою сердечную благодарность и возразил, что не заслуживает такого щедрого подарка. Ябу знал, что щедрость была не более той, что тот заслужил. Он легко мог дать больше, но помнил старую поговорку, что можно легко увеличить владение, но уменьшение его вызывает вражду. И предательство.

– Оку-сан, – сказал он женщине, давая ей титул Почетной Матери. – Мой брат должен был раньше рассказать мне о хороших качествах вашего младшего сына. Тогда Оми-сан намного больше преуспел бы к настоящему времени. Мой брат слишком скромн, слишком легкомыслен.

– Мой муж слишком много думает о вас, мой господин, слишком заботится о вас, – ответила она, отдавая себе отчет в скрытом смысле слов. – Я рада, что мой сын имел

возможность порадовать вас. Ведь он только выполнял свои обязанности, не так ли? Это обязанность всех нас, Мицуно-сан и всех нас, – служить.

Лошади застучали копытами на подъеме. Игураши, главный слуга Ябу, быстро прошел через сад.

– Все готово, господин. Если вы хотите быстро вернуться в Эдо, мы должны сейчас выехать.

– Хорошо. Оми-сан, ты и твои люди поедут с конвоем и помогут Игураши-сан проследить, чтобы все было безопасно доставлено в замок, – Ябу заметил, как по лицу Оми прошла тень, – В чем дело?

– Я просто думаю, как быть с варварами?

– Оставь несколько человек, чтобы охранять их. По сравнению с конвоем они не так важны. Делайте с ним, что хотите – бросьте их опять в яму, как тебе удобней. Если получишь от них что-нибудь полезное, извести меня.

– Да, господин, – ответил Оми. – Я оставляю десять самураев и особые инструкции для Муры – они не смогут причинить никому вреда за пять или шесть дней. Что вы думаете делать с самим кораблем?

– Храни его здесь в безопасности. Ты отвечаешь за него, конечно. Зукимото послал письмо продавцу в Нагасаки, предложив ему продать его португальцам. Португальцы могут приехать и забрать его.

Оми колебался.

– Может быть, вам следует поддержать корабль, господин, и пусть варвары обучат наших моряков обращаться с ним.

– Зачем мне нужно варварское судно? – засмеялся Ябу. – Разве я буду грязным торговцем?

– Конечно, нет, господин, – быстро сказал Оми. – Я только подумал, что Зукимото может найти применение для такого корабля.

– Зачем мне нужен торговый корабль?

– Священник сказал, что это был военный корабль, господин. Он, кажется, боится его. Когда начнется война, военный корабль может...

– Наша война будет идти на суше. Море для торговцев, все они презренные ростовщики, пираты или рыбаки.

Ябу встал и начал спускаться по ступеням к садовой калитке, где самурай держал поводья его лошади. Он остановился и посмотрел на море. Колени его ослабли.

Оми проследил за направлением его взгляда. Он увидел корабль, который огибал мыс. Это была большая галера с множеством весел, самое быстрое из японских прибрежных судов, потому что оно не зависело от ветра или прилива. Флаг на вершине мачты нес изображение шлема Торанаги.

Глава Седьмая

Тода Хиро-Мацу, верховный владыка провинций Сагами и Коцукэ, самый доверенный генерал Торанаги и его советник, а также верховный главнокомандующий всех его армий, в одиночестве крупно шагал по замусоренной щепками верфи. Он был высок для японца, под шесть футов, бычьего облика человек с тяжелыми челюстями, который с усилием носил свое шестидесятилетнее тело. Его военное кимоно из коричневого шелка было с пятью гербами Торанаги – три ветвящихся бамбуковых побега. Он носил блестящую нагрудную пластину и стальные защитные наручи⁵. У его пояса висел только короткий меч. Другой, боевой меч он носил в руке и постоянно был готов его обнажить и убивать, чтобы защитить своего господина. Это было его обычаем с пятнадцати лет.

Никто, даже Тайко, не мог изменить его. Год назад, когда Тайко умер, Хиро-Мацу стал

вассалом Торанаги. Торанага отдал ему владения провинции Сагами и Коцуке – две из восьми своих провинций с годовым доходом в пять тысяч коку, а также сохранил за ним его ремесло: Хиро-Мацу был очень хорош для убийств.

Теперь берег был весь заполнен выстроившимися в линию деревенскими жителями – мужчинами, женщинами, детьми – на коленях, с низко склоненными головами. Самураи были выстроены в плотные, правильные ряды. Ябу был перед ними со своими помощниками.

Если бы Ябу был женщиной или более слабым человеком, он знал бы, что ему надо бить себя в грудь, вопить, плакать и рвать на себе волосы. Было слишком много совпадений. Для знаменитого Тода Хиро-Мацу быть здесь, в этот день, значило, что Ябу был предан либо в Эдо одним из его домашних, либо здесь, в Анджири, Оми, одним из людей Оми или одним из деревенских жителей. Он был пойман на непослушании. Враг имел преимущество, зная о его интересе к кораблю.

Он стал на колени и поклонился, и все его самураи последовали его примеру, а он проклял этот корабль и всех, кто плавал на нем.

– А, Ябу-сама, – услышал он голос Хиро-Мацу и увидел его колено на подстилке, положенной для него, и убедился, что он ответил на поклон. Но глубина поклона была меньше той, что требовалась, и Хиро-Мацу не стал ждать, когда он поклонится опять, поэтому было понятно, что Ябу в большой опасности. Он видел, что генерал снова перенес тяжесть на пятки. За спиной его звали Железный Кулак. Только сам Торанага или один из его трех советников имели привилегию поднимать флаг Торанаги. «Зачем посылать такого важного генерала, чтобы поймать меня на отъезде из Эдо?»

– Вы оказали мне честь, приехав в одну из моих бедных деревень, Хиро-Мацу-сама, – сказал он.

– Мой хозяин приказал мне прибыть сюда, – Хиро-Мацу был известен своей прямоотой. У него не было хитрости или коварства, только абсолютная преданность своему господину.

– Я польщен и очень рад, – сказал Ябу. – Я поспешил сюда из Эдо из-за этого корабля варваров.

– Господин Торанага пригласил всех дружественных ему дайме подождать в Эдо, пока он не вернется из Осаки.

– Как наш господин? Я надеюсь, с ним все хорошо?

– Чем скорее господин Торанага окажется в своем замке в Эдо, тем лучше. Чем скорее начнется война с Ишидо, а мы выведем наши армии, отрежем дорогу обратно к замку в Осаке и сожжем ее до кирпичика, – тем лучше.

Щеки старого вояки покраснелись по мере увеличения беспокойства за Торанагу, он не любил уезжать от него. Тайко отстроил крепость в Осаке, чтобы сделать ее неуязвимой. Она была самая большая в империи, с примыкающими друг к другу башнями и рвами с водой, более мелкими башнями, мостами и помещениями для восьмидесяти тысяч солдат в ее стенах. И вокруг стен и огромного города были другие армии, одинаково дисциплинированные и одинаково хорошо вооруженные, все фанатические приверженцы наследника Яэмона.

– Я сто раз говорил ему, что он сумасшедший, если отдал себя во власть Ишидо. Сумасшедший.

– Господин Торанага должен был пойти, не так ли? У него не было выбора. Тайко приказал, чтобы Совет регентов, который правил от имени Яэмона, встречался в течение десяти дней, по крайней мере дважды в год и всегда в главной башне крепости Осаки, приводя с собой за крепостные стены максимум пятьсот слуг. И все другие дайме одинаково должны были посещать крепость со своими семьями, чтобы отдать дань уважения наследнику, также дважды в год. Так что все были под контролем, все были некоторое время беззащитны, и так каждый год. Встречи были обязательны, не правда ли? Если кто-то не приходил, это была измена.

– Измена кому? – Щеки Хиро-Мацу еще больше покраснели. – Ишидо пытается изолировать нашего господина. Слушай, если бы Ишида был в моей власти, как он имеет в

своей власти Торанагу, я бы не колебался ни мгновения – при любых опасностях. Голова Ишидо сразу бы слетела с плеч, и его дух ожидал бы перерождения... – Генерал непроизвольно покрутил по привычке ножны меча, который он носил в левой руке. Его правая рука, грубая и мозолистая, лежала наготове на колене. Он рассматривал «Эразмус», – Где пушки?

– Я отправил их на берег. Для безопасности. Заключит ли Торанага-сама компромисс с Ишидо?

– Когда я покидал Осаку, все было спокойно. Совет должен был собраться через три дня.

– Будет ли столкновение открытым?

– Я бы хотел, чтобы оно было открытым. Но мой хозяин? Если он хочет мира, у него будет мир, – Хиро-Мацу оглянулся на Ябу. – Он приказал всем дружественным дайте дожидаться его в Эдо. Пока он не вернется. Это не Эдо.

– Да. Я чувствовал, что корабль был достаточно важен в нашем случае, чтобы исследовать его немедленно.

– В этом не было необходимости, Ябу-сан. Тебе следовало бы быть более послушным. Ничего не происходит без ведома нашего господина. Он послал бы кого-нибудь осмотреть его. Случилось так, что он послал меня. Сколько времени ты здесь?

– День и ночь.

– Тогда ты два дня ехал из Эдо?

– Да.

– Ты ехал очень быстро. Тебя следует поздравить.

Чтобы выиграть время, Ябу начал рассказывать о своем форсированном марше. Но его мозг был занят более жизненными проблемами. Кто же был шпионом? Каким образом Торанага получил информацию о корабле так же быстро, как и он сам? И кто сказал Торанаге о его отъезде? Как ему следовало вести себя теперь и что делать с Хиро-Мацу?

Хиро-Мацу выслушал его, потом сказал твердо:

– Господин Торанага конфискует корабль и все его содержимое.

Берег охватило потрясенное молчание. Это было Изу, владение Ябу, и Торанага не имел здесь власти. И Хиро-Мацу не имел права приказывать что-нибудь. Рука Ябу сжала рукоятку меча.

Хиро-Мацу ждал с нарочитым спокойствием. Он сделал все точно так, как приказал Торанага, и теперь он выполнил свою миссию. Теперь предстояло убить или быть убитым.

Ябу тоже ждал, что теперь он должен как-то проявить себя. Ждать больше нечего. Если бы он отказался отдать корабль, ему пришлось бы убить Хиро-Мацу – Железного Кулака, потому что Хиро-Мацу – Железный Кулак, ни за что бы не уехал без него. С ним было, наверное, около двухсот отборных самураев. Они также должны были умереть. Он мог пригласить их на берег и обмануть, через несколько часов легко собрать в Анджиго своих самураев, чтобы уничтожить людей Хиро-Мацу, так как он был мастером засад. Но это вынудило бы Торанагу послать против Изу свои войска.

«Ты должен проглотить это, – сказал он себе, – если Ишидо не придет тебе на помощь. А зачем Ишидо выручать тебя, если твой враг Икава Джикья – родственник Ишидо и хочет забрать себе Изу? Убийство Хиро-Мацу будет началом военных действий, так как Торанага из чувства долга будет вынужден выступить против тебя, это развяжет руки Ишидо и Изу будет первым полем битвы. А что с моими ружьями? Мои прекрасные ружья и мои красивые планы? Я потеряю свой шанс навеки, если я пойду против Торанаги».

Его рука была на мече Мурасама, он мог чувствовать, как бьется кровь в жилах и поднимается слепящая волна гнева. Он сразу отбросил возможность умолчать о мушкетах. «Если известили о корабле, то, конечно, сразу же сказали и о грузе, но как Торанаге удалось так быстро получить это известие? Голубиной почтой! Это единственный ответ. Из Эдо или отсюда? Кто здесь имеет почтовых голубей? Почему у него нет таких голубей? Это вина Зукимото – он должен был подумать об этом, не так ли?»

Итак: война или мир?

Ябу призвал злую волю Будды, всех kami, всех богов, которые когда-либо существовали или могли бы быть придуманы, на человека или людей, которые выдали его, на их родителей и их потомков в десяти тысячах поколений. И он уступил.

– Господин Торанага не может конфисковать корабль, потому что он уже подарен ему. Я отправил ему письмо с этим решением. Не так ли, Зукимото?

– Да, господин.

– Конечно, если господин Торанага хочет считать его конфискованным, он может так считать. Но он должен быть подарком, – Ябу был доволен, что его голос звучит так обыденно. – Он будет счастлив, имея такой подарок.

– Благодарю тебя от имени моего господина. – Хиро-Мацу опять поразился предвидению Торанаги. Торанага предсказал, что так все и произойдет и схватки не будет.

– Я не верю в это, – сказал тогда Хиро-Мацу. – Ни один дайме не выдержит такого нарушения его прав. Ябу не вытерпит. Я бы, конечно, не вытерпел. Даже от тебя, господин.

– Но каждый должен выполнять приказы и должен был бы сказать о корабле, не так ли? Ябу следует наказать. Он нужен мне из-за его силы и хитрости – он нейтрализует Икаву Джикья и охраняет мои фланги.

Здесь, на берегу, под сильным солнцем, Хиро-Мацу вынудил себя отвесить вежливый поклон, ненавидя себя за свое двуличие.

– Господин Торанага будет доволен вашим великодушием.

Ябу пристально следил за ним:

– Это не португальский корабль.

– Да, мы тоже слышали об этом.

– И он пиратский, – Ябу заметил, как сузились глаза генерала.

– Что?

Рассказывая о том, что ему поведал священник, Ябу подумал, что если это новость для Хиро-Мацу, так же как и для него, то не значит ли это, что Торанага имеет тот же самый источник информации, что и сам Ябу? Но если он знает о содержимом корабля, тогда шпион – Оми, один из его самураев или житель деревни.

– Там масса одежды. Драгоценности. Мушкетеры, порох, шелк, пули.

Хиро-Мацу заколебался. Потом он сказал:

– Одежда из китайского шелка?

– Нет, Хиро-Мацу-сан, – сказал Ябу, используя обращение «сан». Они были равными дайме. Но теперь, когда он великодушно «подарил» корабль, он чувствовал уверенность, что может использовать менее разделяющее их обращение. Он был доволен, увидев, что это слово не прошло незамеченным стариком.

– Я, дайме Изу, клянусь солнцем, луной и звездами! Это очень необычная, толстая тяжелая одежда, в целом для нас бесполезная, – сказал он. – Все, достойное использования нами, я перенес на берег.

– Хорошо. Пожалуйста, переправь все на борт моего корабля.

– Что? – Ябу чуть не взорвался.

– Все, сейчас же.

– Сейчас?

– Да, извини, но ты, конечно, понимаешь, что я хочу вернуться в Осаку как можно скорее.

– Да. Но хватит ли там места для всего?

– Верни пушки обратно на корабль варваров и опечатай его. В течение трех дней придут лодки, чтобы отвезти их в Эдо. Что касается мушкетов, пороха и пуль, то... – Хиро-Мацу остановился, избегая ловушки, которая, как он понял, может быть устроена для него.

– Там достаточно места для пяти сотен мушкетов, – сказал ему Торанага. – И для всех запасов пороха, и для двадцати тысяч серебряных дублонов. Оставьте пушки на палубе

корабля и одежду в трюмах. Пусть Ябу говорит и распоряжается, не давай ему только думать. Но не раздражай и не проявляй нетерпения в разговорах с ним. Он мне нужен, но я хочу иметь эти ружья и этот корабль. Берегись, он попытается поймать тебя в ловушку, поняв, что мы знаем точное количество груза, а он не должен понять, кто наш шпион.

Хиро-Мацу проклял свою неспособность играть в эти игры.

– Что касается необходимого места, – сказал он коротко, – может быть, вам следует сказать мне, что именно представляет собой груз? Сколько мушкетов, пуль и так далее? А драгоценные металлы, в слитках или в монетах, это серебро или золото?

– Зукимото!

– Да, Ябу-сама.

– Составь список всего груза.

«Я разберусь с тобой позднее», – подумал Ябу.

Зукимото поспешно ушел.

– Вы, должно быть, устали, Хиро-Мацу-сан. Может быть, немного чаю? Для вас все приготовлено. Баня здесь не очень хорошая, но, может быть, она вас освежит.

– Спасибо, ты очень внимательный. Немного чая и баня – это превосходно. Позже. Сначала расскажи мне обо всем, что случилось с того момента, как сюда прибыл этот корабль.

Ябу рассказал ему обо всех событиях, не упомянув о куртизанке и мальчике, что было неважно. Потом по распоряжению Ябу, говорил Оми обо всем, кроме своего тайного разговора с Ябу. И Мура тоже поведал свою историю, пропустив только про эрекцию Анджина, что, как он подумал, хотя и интересно, но может обидеть Хиро-Мацу, у которого желание-то есть, а вот сил, наверное, не хватает.

Хиро-Мацу посмотрел на облако дыма, которое все еще поднималось над погребальным костром.

– Сколько пиратов осталось?

– Десять, сэр, включая их вожака, – сказал Оми.

– Где сейчас вожак?

– В доме Муры.

– Что он делает? Что он сделал сразу же после выхода из ямы?

– Он сразу же пошел в баню, господин, – сказал Мура быстро. – Сейчас он спит как мертвец.

– Вам не пришлось нести его на этот раз?

– Нет, господин.

– Он, видимо, быстро учится, – Хиро-Мацу оглянулся назад на Оми. – Ты думаешь, они могут быть обучены тому, как себя вести?

– Нет, не до конца, Хиро-Мацу-сама.

– Мог бы ты стереть вражескую мочу со своей спины?

– Нет, господин.

– Я бы тоже не смог. Никогда. Варвары очень странные, – Хиро-Мацу опять вспомнил о корабле. – Кто будет следить за погрузкой?

– Мой племянник, Оми-сан.

– Хорошо. Оми-сан, я хочу выехать до сумерек. Мой капитан поможет тебе быстро погрузиться. За три стика.

Эта единица времени соответствовала времени сгорания одного стандартного фитиля, примерно час в одном стике.

– Да, господин.

– Почему бы тебе не поехать с нами в Осаку, Ябу-сан? – Хиро-Мацу сделал вид, что это только что пришло ему в голову. – Господин Торанага будет доволен, если получит все эти вещи из твоих рук. Лично. Пожалуйста, поедem, места достаточно.

Когда Ябу начал протестовать, он позволил ему потянуть время, а потом сказал, как велел Торанага:

– Я настаиваю. От имени господина Торанаги я настаиваю. Ваше гостеприимство необходимо вознаградить.

«Моей головой и моими землями?» – спросил себя Ябу с горечью, зная, что теперь он ничего не может сделать, кроме как принять с благодарностью это предложение.

– Спасибо. Я буду польщен.

– Хорошо. Ну, тогда все улажено, – сказал Железный Кулак с видимым облегчением. – Теперь немного чаю. И ванну.

Ябу вежливо проводил его на холм к дому Оми. Старик вымылся и полежал с удовольствием в парилке. После этого руки Суво оживили его. Немного риса и сырой рыбы с маринованными овощами он съел в одиночестве. Чай пил из хорошего фарфора. Немного подремал.

После трех стиков седзи приоткрылись. Личный телохранитель знал, что это лучше, чем войти в комнату без вызова; Хиро-Мацу уже проснулся. Меч был наполовину в ножнах и приготовлен.

– Ябу-сама ждет на улице, господин. Он говорит, корабль загружен.

– Превосходно.

Хиро-Мацу вышел на веранду и облегчился в ведро.

– Твои люди хорошо работают, Ябу-сан.

– Помогли ваши люди, Хиро-Мацу-сан. Они более чем хорошо работают.

«Да, и к рассвету они будут еще лучше работать», – подумал Хиро-Мацу, потом сказал весело:

– Нет ничего лучше, чем облегчить полный мочевого пузырь, когда в струе столько энергии. Не так ли? Чувствуешь себя молодым. В моем возрасте необходимо чувствовать себя молодым... – Он удобно закрутил повязку, ожидая, что Ябу сделает вежливое замечание, соглашаясь с ним, но тот ничего не сказал. Его раздражение начало расти, но он подавил его.

– Возьми пиратского вожака с собой на корабль.

– Что?

– Ты был настолько великодушен, что подарил корабль и его груз. Команда тоже его груз. Поэтому я заберу вожака пиратов в Осаку. Господин Торанага хочет видеть его. Естественно, ты можешь делать с остальными все, что захочешь. Но на время твоего отсутствия, пожалуйста, удостоверься, что твои слуги поняли, что чужеземцы – собственность моего хозяина, и лучше, чтобы их осталось девять, в добром здравии и живыми и чтобы они были здесь, когда ему потребуются.

* * *

Ябу заторопился на пристань, где должен был находиться Оми.

Когда перед этим он отвел Хиро-Мацу в баню, он прошел по дорожке, петлявшей за погребальной землей. Там он коротко поклонился погребальному костру и пошел вдоль границы террасированных полей, выходящей на небольшое плато высоко над деревней. Уютный храм ками охранял это живописное место. Древнее дерево давало тень и спокойствие. Он пришел сюда, чтобы успокоить свою ярость и подумать. Он не осмелился подойти к кораблю или к Оми и его людям, так как знал, что ему следовало приказывать большинству из них, если не всем, совершить сеппуку, что было бы напрасным; ему следовало уничтожить деревню, что было бы глупо, так как только крестьяне ловили рыбу и растили рис, которые давали благосостояние самураю.

Пока он сидел один и злился и пытался напрячь свой мозг, солнце опустилось и растопило туман на море. Облака, которые закрывали отдаленные горы на западе, на мгновение расступились, и он увидел красоту парящих в воздухе заснеженных пиков. Это зрелище успокоило его, он стал расслабляться, обдумывать и планировать.

«Найди шпиона, – сказал он себе, – Ничто из сказанного Хиро-Мацу не позволяет

понять, был ли предатель отсюда или из Эдо. В Осаке у тебя влиятельные друзья, среди них сам господин Ишидо. Может быть, один из них обнаружит дьявола. Но пошли секретное письмо своей жене сразу же, если доносчик окажется там. Что с Оми? Сделать его ответственным за поиски доносчика здесь? Он сам доносчик. Непохоже, но не невозможно. Более чем вероятно, что предательство началось в Эдо. Дело времени. Если Торанага в Осаке получил информацию о корабле, когда он только прибыл, тогда Хиро-Мацу должен был быть здесь первым. У тебя есть шпионы в Эдо. Пусть докажут, чего они стоят.

А чужеземцы? Теперь они – единственный твой доход от корабля. Как ты можешь их использовать? Ждать, не даст ли ответ Оми? Ты можешь использовать их знание моря и кораблей, чтобы обменять у Торанаги на ружья. Не так ли?

Другая возможность: полностью сделаться вассалом Торанаги. Отдать ему свой план. Попросить его вести ружейный полк – для его славы. Но вассал никогда не ожидает, что господин наградит его за его службу или даже признает ее: служить – это обязанность для самурая, а быть самураем – это бессмертие. Это было бы самым лучшим путем, самым лучшим, – подумал Ябу. – Могу ли я действительно быть его вассалом? Или Ишидо?

Нет, это неблагоприятно. Союзник – да, вассал – нет.

Хорошо, тогда, в конце концов, чужеземцы его единственное достоинство. Оми опять прав».

Он почувствовал, что успокоился, а потом, когда пришло время и посыльный принес известие, что корабль загружен, он пришел к Хиро-Мацу и узнал, что потерял и чужеземцев.

Он вскипел, когда пришел на пристань.

– Оми-сан!

– Да, Ябу-сама?

– Приведи сюда вожака чужеземцев. Я беру его в Осаку. Что касается остальных, то позаботься, чтобы они были под присмотром, пока я буду отсутствовать. Я хочу, чтобы они были в порядке и хорошо себя вели. Сажай их в яму, если сочтешь нужным.

С того самого момента, как прибыла галера, ум Оми был в смятении и был полон беспокойства о безопасности Ябу.

– Позвольте мне поехать с вами, господин. Может быть, я могу помочь.

– Нет, нет, сейчас я хочу, чтобы ты присмотрел за чужеземцами.

– Ну, пожалуйста, может быть, я хотя бы чем-нибудь малым смогу отплатить за вашу доброту ко мне.

– В этом нет необходимости, – сказал Ябу с большей добротой, чем ему бы хотелось. Он помнил, что увеличил жалованье Оми до трех тысяч коку и его владения из-за драгоценных металлов и ружей. Которые теперь исчезли. Но он видел, как озабочен юноша, и чувствовал невольную теплоту к нему.

«С такими подданными я вырежу всю империю», – пообещал он себе. – «Оми будет начальником в одном из моих войск, когда я верну себе мои ружья».

– Когда война начнется – ну, тогда для тебя будет очень важная работа, Оми-сан. Теперь иди и приведи чужеземца.

Оми взял с собой четырех стражников и Муру как переводчика.

* * *

Блэксорн был вырван из сна. Ему потребовалась целая минута, чтобы голова прояснилась. Когда туман отступил, он увидел, что на него смотрит Оми.

Один из самураев снял с него одеяло, другой тряс его, пока он не проснулся, два других несли тонкие, устрашающие на вид бамбуковые палки. Мура держал короткий моток веревки.

Мура встал на колени и поклонился.

– Конничи ва – Добрый день.

– Конничи ва. – Блэксорн вынудил себя опуститься на колени, и, хотя он был голый, он

поклонился с такой же вежливостью.

«Это только вежливость, – сказал себе Блэксорн. – Это их обычай и их понимание хорошего воспитания, так что в этих поклонах нет никакого позора. На наготу не обращают внимания, и это тоже их обычай, и в этом тоже нет никакого стыда».

– Анджин, пожалуйста, одевайся, – сказал Мура.

– Анджин? А, я теперь вспомнил. Священник говорил, что они дадут мне имя Анджин – мистер кормчий – когда я заслужу его.

«Не гляди на Оми, – предупредил он себя. – Еще нет. Не вспоминай деревенскую площадь, Оми, Круука и Пьетерсуна. Всему свое время. Вот что ты поклялся перед Богом сделать: каждому делу свое время. Возмездие будет моим».

Блэксорн увидел, что его одежда опять была вычищена, и благословил того, кто сделал это. Он выполз из своей одежды в банном домике, словно она была зачумлена. Он заставил три раза тереть себе спину. Самой грубой губкой и пемзой. Но он все еще чувствовал жжение мочи.

Он отвел глаза от Муры и посмотрел на Оми. Он почувствовал странную радость от того, что его враг был жив и находится рядом.

Он поклонился, так как увидел такие же поклоны, и задержал голову склоненной.

– Конничи ва, Оми-сан, – сказал он. Не было позора в том, чтобы говорить на их языке, не было стыдно сказать «добрый день» или поклониться первым по их обычаю.

Оми поклонился в ответ.

Блэксорн заметил, что поклон был не совсем такой же, но в данный момент этого было достаточно.

– Конничи ва, Анджин, – сказал Оми. Голос был вежливый, но недостаточно.

– Анджин-сан!

Блэксорн глядел прямо на него. Их характеры столкнулись, и характер Оми проявился, как при игре в карты или кости. «Где ваши манеры?»

– Конничи ва, Анджин-сан, – сказал Оми наконец с легкой улыбкой.

Блэксорн быстро оделся: свободные панталоны с гульфиком, носки, рубашка и пальто. Его длинные волосы были связаны в плотную косичку, а борода пострижена ножницами, одолженными ему парикмахером.

– Так, Оми-сан? – спросил Блэксорн, когда оделся, чувствуя себя лучше, но слишком охраняемым, желая, чтобы он мог уже пользоваться большим количеством слов.

– Пожалуйста, руки, – сказал Мура. Блэксорн не понял и показал это знаками. Мура вытянул свои руки и изобразил связывание их вместе.

– Руки, пожалуйста.

– Нет. – Блэксорн сказал это непосредственно Оми и покачал головой. – В этом нет необходимого сказал он по-английски, – совсем нет необходимости. Я дал свое слово. – Он старался, чтобы голос его звучал мягко и увещающе, потом добавил грубо, копируя Оми: – Вакаримасу ка, Оми-сан? Ты понял?

Оми засмеялся. Потом сказал:

– Хай, Анджин-сан. Вакаримасу. – Он вдруг повернулся и исчез.

Мура и другие посмотрели на него, удивленные. Блэксорн вышел за Оми на солнце. Его ботинки были вычищены. Прежде чем он смог надеть их, служанка «Онна» оказалась уже на коленях и помогла ему.

– Спасибо, Хаку-сан, – сказал он, вспомнив ее настоящее имя.

«Как будет по-японски «спасибо тебе»?» – подумал он. Они прошли через ворота, Оми шел впереди. «Я за тобой, проклятый негодяй, подожди немного! Вспомни, что ты обещал себе? Он не клялся перед собой. Клятва для слабых или глупцов. Разве не так?

Всему свое время. Хватит того, что ты за ним. Ты знаешь это хорошо, и он знает это. Не ошибайся, он знает это достаточно хорошо.»

Четыре самурая встали по бокам Блэксорна, когда он спускался с холма, пристань была еще скрыта от него, Мура шел отдельно на расстоянии десяти шагов, Оми впереди.

«Они собираются упрятать меня обратно под землю? – спрашивал он себя. – Почему они хотели связать мне руки? Разве Оми не сказал вчера? Боже мой, неужели это было вчера? «Если ты будешь хорошо себя вести, можешь не сидеть в яме. Если ты будешь вести себя хорошо, завтра из ямы возьмем еще одного». Может быть. Еще может быть. Разве он не говорил этого? Я себя плохо вел? Интересно, что с Крууком? Парень был жив, когда его относили в дом, где раньше жила команда судна».

Блэксорн чувствовал себя сегодня лучше. Баня, сон и свежая пища начали благотворно сказываться на нем. Он знал, что, если будет аккуратен и сможет отдыхать, спать и есть, то через месяц будет способен пробегать и проплывать милью, командовать кораблем во время битвы и вести его вокруг света.

«Не думай пока об этом! Просто экономь сегодня свои силы. Месяц не так много для надежды, да?»

Ходьба с холма вниз и через деревню утомила его.

«Ты слабее, чем думал... Нет, ты сильнее, чем думал!» – приказал он себе.

Мачты «Эразмуса» возвышались над черепичными крышами, и его сердце забилося быстрее. Улица впереди изгибалась в соответствии с формой холма, выходила на площадь и там кончалась. Зашторенный паланкин стоял на солнце. Четыре носильщика в коротких набедренных повязках сидели на корточках рядом с ним, рассеянно ковыряя в зубах. Как только они увидели Оми, они встали на колени, усиленно кланяясь.

Оми едва кивнул им, проходя мимо быстрым шагом, но тут из красивых ворот вышла девушка и направилась к паланкину. Оми остановился. Блэксорн задержал дыхание и тоже остановился.

Молоденькая служанка вышла с зеленым зонтиком, чтобы укрыть от солнца свою хозяйку. Оми поклонился, девушка поклонилась в ответ, и они весело заговорили друг с другом, – гордое высокомерие тут же слетело с Оми.

На девушке было кимоно персикового цвета, широкий золотой пояс и туфли из позолоченной кожи. Блэксорн видел, как она взглянула на него. Очевидно, они говорили о нем. Он не знал, как реагировать, поэтому решил ничего не делать, а терпеливо ждать, наслаждаясь ее видом, чистотой и теплотой от ее присутствия. Он ломал голову, были ли они с Оми любовниками, или она была его женой.

Оми спросил ее о чем-то. Она ответила и погладила свой зеленый зонтик, который мерцал и плясал в ее руке. Смех девушки был музыкален, а фигурка необыкновенно стройна. Оми тоже улыбнулся, потом повернулся и широко зашагал, снова став самураем.

Блэксорн пошел за ним. Ее глаза остановились на нем, когда он проходил; он сказал:

– Конничи ва.

– Конничи ва, Анджин-сан, – ответила она, и ее голос тронул его: так миниатюрна, едва пяти футов ростом, и так изящна. Когда она слегка поклонилась, бриз отогнул шелк верхнего кимоно и открыл розовое нижнее, что показалось ему удивительно эротичным.

Аромат девушки все еще витал над ним, когда он завернул за угол. Он увидел люк, и «Эразмус», и галеру. Девушка сразу же вылетела у него из головы.

«Почему пусты пушечные порты? Где наши пушки и что, ради Бога, делает здесь галера с рабами, и что случилось в яме?»

Всему свое время.

Сначала «Эразмус»: обломок фок-мачты, которую снес шторм, выступал отвратительным образом. «Неважно, – подумал он. – Мы можем легко вывести судно в море – ночные потоки воздуха и приливные течения без шума помогут нам выйти, и завтра мы можем оказаться у дальнего берега острова. Полдня на установку запасной мачты, потом ставим все паруса и полным ходом в открытое море. Может быть, лучше сразу уйти в безопасные воды. Но кто остался из команды? Мы не сможем вывести корабль без

посторонней помощи. Откуда пришла галера? И почему она здесь?»

Он видел группы самураев и моряков на пристани. Шестидесятилодочный корабль – по тридцать весел на борт – был ухожен и опрятен, весла аккуратно сложены, так что можно отплыть каждую минуту, – и он невольно вздрогнул. Последний раз он видел галеру недалеко от Золотого Берега два года назад, когда весь его флот был вместе: все пять кораблей. Судно было богатым торговым кораблем для прибрежного плавания – португальским – и ушло от него, направившись против ветра. «Эразмус» не смог догнать, захватить или потопить его.

Блэксори хорошо знал побережье Африки. Он был штурманом и хозяином корабля, десять лет служил в лондонской компании по торговле с иностранцами, снаряжающей пиратские корабли для прорыва испанской блокады и торговли с туземным побережьем. Он водил корабли в Западную и Северную Африку, на юг до Лагоса, на север и восток через богатые проливы Гибралтара – даже когда они патрулировались испанцами – до Салерно в неапольском королевстве. Средиземноморье было опасно для английского и нидерландского судоходства. Враждебные военные корабли Испании и Португалии были там в полной силе, и, что еще хуже, Османская Турция заполняла все моря своими галерами и военными кораблями.

Эти плавания оказались очень выгодными для него, и он купил собственный корабль, сорокапятитонный бриг, для торговли на свой страх и риск. Но он затонул, и все пропало. Они оказались под ветром у безветренных берегов Сардинии, когда из-за солнца к ним подкралась турецкая галера. Бой был жестоким, и потом, перед закатом солнца, их зацепили за борт. Он никогда не забудет этот воющий крик «Аллааах», когда корсары, вооруженные шпагами и мушкетами, перелезали через планшир. Он уже вновь собрал своих людей, и те отбили первую атаку, но вторая смела их, и он отдал приказ взорвать пороховые погреба. Его корабль был весь объят пламенем, и он решил, что лучше умереть, чем стать гребцом на галере. Он всегда чувствовал смертельный ужас перед возможностью уцелеть в схватке и стать галерным гребцом – обычная судьба для попавшего в плен моряка.

Когда пороховой погреб взлетел на воздух, взрыв проломил днище его судна и разрушил часть галеры корсаров, в суматохе он смог уплыть на баркасе и спастись с четырьмя членами своей команды. Те, кто не смог плыть с ним на баркасе, вынуждены были остаться, и он до сих пор помнит их крики о помощи. Но Бог отвернул свое лицо от этих людей в тот день, и они либо погибли, либо сели за весла галеры. Бог обратил свое лицо к Блэксорну и еще четверым морякам. На этот раз они смогли добраться до Кальяри на Сардинии. Оттуда они без единого пенни отплыли домой.

Это было восемь лет назад, – в тот год на Лондон опять обрушилась чума. Чума, голод и мятежи голодающих безработных. Его младший брат и вся семья погибли. Но зимой чума кончилась, и он легко получил новый корабль и ушел в море, чтобы поправить свое состояние. Сначала работал для лондонской компании по торговле с чужеземными странами. Потом путешествие в Западную Индию для охоты за испанцами. После этого, немного разбогатев, он стал плавать на кораблях Кииса Веермана, голландца, в его второй экспедиции на поиски легендарного Северо-Восточного прохода в Китай и острова Пряностей в Азии, который, как считалось, находится в Ледяных морях на севере России – страны, где правит царь. Они искали два года, потом Киис Веерман умер в арктических пустынях и с ним восемьдесят процентов команды, а Блэксорн повернул обратно и привел оставшуюся часть экипажа домой. Потом три года назад он явился во вновь создаваемую голландскую Восточно-Индийскую компанию и попросил взять его кормчим в их первую экспедицию в Новый Свет. Ему по секрету сообщили, что они купили за большие деньги контрабандный португальский корабельный журнал, который, как предполагается, открывает секреты Магелланова пролива, и они хотят проверить это. Конечно, голландские купцы предпочли бы воспользоваться услугами своих кормчих, но те были несравнимы по квалификации с английскими, обученными монополистом Тринити Хаус, и огромная стоимость руттера вынудила их поставить на Блэксорна. Это был идеальный выбор: он был

лучшим из оставшихся в живых протестантских кормчих, его мать была голландкой, и он в совершенстве владел голландским. Блэксорн с радостью согласился и принял в качестве вознаграждения за труды пятнадцать процентов прибыли. Он перед Богом поклялся в верности компании и обязался вести их флот и провести его назад домой.

«Боже мой, я собираюсь привести «Эразмус» домой, – подумал Блэксорн. – И с таким количеством людей, которое ты оставишь в живых».

Они пересекли площадь, и, отведя глаза от галеры, он увидел трех самураев, охранявших вход в яму. Они ловко ели деревянными палочками из деревянных мисок. Блэксорн много раз видел, как они это делали, но сам так не смог.

– Оми-сан! – Знаками он показал, что хотел бы подойти и поговорить со своими друзьями. Только на минуту. Но Оми покачал головой, что-то сказал, чего он не понял, и продолжал идти через площадь, вниз к берегу, мимо котла к пристани. Блэксорн послушно шел за ним. «Всему свое время, – подумал он. – Будь терпелив».

Выйдя на пристань, Оми повернулся и позвал часовых от погреба. Блэксорн увидел, как они открыли люк и заглянули туда. Один из них обратился к крестьянам, которые сходили за лестницей, бочкой со свежей водой и спустили все это вниз. Пустую бочку они подняли вверх. И парашу.

«Они там! Если ты будешь терпелив и будешь играть по их правилам, ты сможешь помочь своей команде», – подумал он с удовлетворением.

Около галеры собрались группы самураев. В стороне стоял высокий старик. По уважению, которое оказывал ему этот дайме Ябу, и по тому, как все остальные бросались бежать по первому его знаку, Блэксорн сразу понял его значение. Ему стало интересно, не король ли это у них.

Оми покорно склонился. Старик сделал полупоклон, переведя взгляд на Блэксорна.

Мысленно прокрутив их телодвижения, Блэксорн положил руки плашмя на песчаную почву пристани, как это сделал Оми, и поклонился так же низко, как он.

– Коннити ва, сама, – сказал он вежливо. Он заметил, что старик опять полупоклонился. Между Ябу и стариком начался разговор, потом старик заговорил с Оми. Ябу поговорил с Мурой. Мура показал на галеру.

– Анджин-сан. Пожалуйста, туда.

– Почему?

– Иди! Сейчас же. Туда!

Блэксорн почувствовал, как его охватывает паника.

– Почему?

– Исоги! – скомандовал Оми, махнув рукой по направлению к галере.

– Нет, я не пойду на...

Тут же последовал приказ Оми, и четыре самурая навалились на Блэксорна и зажали ему руки, Мура достал веревку и начал связывать ему руки за спиной,

– Сукины вы дети! – кричал Блэксорн. – Я не собираюсь идти на этот проклятый Богом невольничий корабль!

– Мадонна! Отпустите его! Эй, вы, дерьмоеды, обезьяны, отпустите этого негодяя! Киндзиру, нет? Это кормчий? Анджин, да?

Блэксорн едва мог поверить своим ушам: шумная брань на португальском неслась с палубы галеры. Потом он увидел, как по сходням спускается человек. Высокий, как и он, примерно его возраста, но чернобородый и черноглазый, в небрежной моряцкой одежде, с рапирой на боку и пистолетами за поясом. Украшенный драгоценными камнями крестик висел на шее. Яркая шапочка на голове, на лице сияет улыбка.

– Ты кормчий? Голландский кормчий?

– Да, – услышал Блэксорн свой ответ.

– Хорошо. Хорошо. Я Васко Родригес, кормчий этой галеры. – Он повернулся к старику и заговорил на смеси японского с португальским, называл его Обезьяна-сама и иногда Тода-сама, но то, как это звучало, происходило от Лизоблюда-сама. Дважды он

вытаскивал пистолет, указывал им со злобой на Блэксорна и снова запихивал его за пояс; его японский язык сильно сдабривался вульгарными португальскими словечками, которые понимали только моряки.

Хиро-Мацу отвечал коротко, и самураи отпустили Блэксорна, а Мура развязал его.

– Вот так лучше. Слушай, кормчий, этот человек здесь вроде князя. Я сказал ему, что отвечаю за тебя и прострелю тебе голову так же легко, как и выпью с тобой. – Родригес поклонился Хиро-Мацу, потом улыбнулся Блэксорну. – Поклонись Негодяю-сама.

Как во сне Блэксорн последовал его совету.

– Ты делаешь это совсем как японец, – сказал Родригес с ухмылкой. – Ты действительно кормчий?

– Да.

– Какая долгота Лизарда?

– Сорок девять градусов пятьдесят шесть минут северной долготы – и следует остерегаться рифов на южной и юго-западной стороне.

– Ты кормчий, ей-Богу! – Родригес тепло пожал Блэксорну руку. – Пошли на борт. Там есть что поесть и выпить, вино и грог. Все кормчие должны любить друг друга, мы соль земли. Аминь. Правильно?

– Да, – слабо сказал Блэксорн.

– Когда я услышал, что мы обратно заберем с собой кормчего, я сказал: хорошо. Прошли годы с тех пор, когда я мог поговорить с настоящим кормчим. Пошли на борт. Как ты проскользнул Малакку? Как пробрался через патрули в Индийском океане, а? Чей корабельный журнал ты украл?

– Куда вы повезете меня?

– В Осаку. Великий господин его высочество палач сам хочет посмотреть на тебя.

Блэксорн почувствовал, что паника опять охватывает его.

– Кто?

– Торанага! Господин Восьми Провинций, в какой бы преисподней они ни были! Главный дайме Японии – дайме как князь или верховный правитель, но лучше. Они все тираны.

– Что он хочет сделать со мной?

– Я не знаю, но мы приплыли сюда за этим и, если Торанага хочет посмотреть на тебя, он тебя увидит. Говорят, у него миллион таких косоглазых фанатиков, которые умрут ради чести вытереть ему зад, если это доставит ему удовольствие!

– Торанага хочет, чтобы вы привезли сюда кормчего, Васко, – сказал переводчик. – Привезите кормчего и груз с его корабля. Возьми старого Хиро-Мацу, чтобы осмотреть корабль.

– Да, кормчий, это все конфисковано, я слышал, – твой корабль и все, что было на нем!

– Конфисковано?

– Это могут быть слухи. Японцы иногда конфискуют одной рукой, а другой отдают обратно – или притворяются, что никогда не было такого приказа. Трудно понять этих маленьких сифилитичных негодяев.

Блэксорн почувствовал, что холодные глаза японца вонзились в него, и попытался спрятать свой страх. Родригес проследил за его взглядом.

– Да, они не собираются отдыхать. Времени поговорить достаточно. Пошли на борт.

Он повернулся, но Блэксорн остановил его.

– А что с моими друзьями, с моей командой?

– Что?

Блэксорн коротко рассказал ему о яме. Родригес расспросил Оми на ломаном японском.

– Он говорит, с ними все будет хорошо. Слушай, ни ты, ни я не можем ничего сделать. Ты должен ждать – ты никогда не сможешь договориться с японцами. У них шесть ликов и по три сердца. – Родригес поклонился Хиро-Мацу, как европейский придворный. – Как будто мы при дворе проклятого Филиппа Второго, забери Бог этого испанца пораньше. – Он

направился на корабль. К удивлению Блэксорна, там не было ни рабов, ни цепей.

– В чем дело? Ты болен? – спросил Родригес.

– Нет. Я думал, здесь гребут рабы.

– В Японии их нет. Даже на шахтах. Сумасшедшие, и мы среди них. Ты никогда не увидишь таких сумасшедших, а я объехал земной шар три раза. У нас гребцами самураи. Они солдаты – солдаты этого старого хрыча, – и ты нигде не найдешь рабов, которые гребли бы лучше, или солдат, воюющих более упорно. – Родригес рассмеялся. – Они никогда не утомляются. Мы весь путь из Осаки – триста с лишним морских миль – прошли за сорок часов. Пошли вниз. Мы скоро отдадим швартовы. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

– Да, спасибо, думаю, что так. – Блэксорн глядел на «Эразмус». Он стоял на стоянке в сотне ярдов, – Кормчий, нет никаких шансов подняться на борт, а? Не пустят ли они меня на борт обратно, у меня нечего надеть, всю одежду опечатали в тот момент, когда мы сюда приплыли. Ну пожалуйста. Родригес долго разглядывал корабль.

– Когда вы потеряли мачту?

– Как раз перед тем, как причалили сюда.

– На борту еще есть запасная?

– Да.

– Какой у вас порт приписки?

– Роттердам.

– Корабль был там построен?

– Да.

– Я там был. Плохие отмели, из-за них не причалишь к берегу. У него хорошие обводы, у твоего корабля. Новый – я не видел прежде кораблей такого класса. Мадонна, он быстроходный, очень быстроходный. Очень трудный в управлении, – Родригес смотрел на него. – Можешь ты быстро поставить всю оснастку? – Он повернулся к получасовым песочным часам, прикрепленным к нактоузу.

– Да, – Блэксорн пытался удержать растущую надежду, не показать виду.

– Тогда такие условия, кормчий. Никакого оружия, из рукава или откуда-то еще. Твое слово как кормчего. Я сказал этим обезьянам, что я отвечаю за тебя.

– Согласен, – Блэксорн смотрел, как песок медленно падает через горлышко песочных часов.

– Я разможду голову тебе или при малейшем намеке на попытку обмануть меня или переверну тебе глотку. Если я соглашусь.

– Даю тебе слово как кормчий кормчему, ей-Богу. И черт с этими испанцами!

Родригес улыбнулся и дружески хлопнул его по спине.

– Ты мне начинаешь нравиться, англичанин.

– Откуда ты знаешь, что я англичанин? – спросил Блэксорн, зная, что прекрасно говорит по-португальски и не сказал ничего, что помогло бы отличить его от голландца.

– Я предсказатель. Разве не все кормчие прорицатели? – Родригес засмеялся.

– Ты говорил со священником? Тебе сказал отец Себастьян?

– Я не говорю со священниками, если могу обойтись без этого. Для любого человека более чем достаточно одного раза в неделю. – Родригес молча плюнул в шпигат и подошел к сходням, которые вели на пристань. – Лизоблюд-сама! Исимасо ка?

– Исимасо, Родрига-сан. Има!

– Има, – Родригес задумчиво посмотрел на Блэксорна. – Има – значит «теперь», «сразу же». Мы отплываем сейчас, англичанин.

Песок уже образовал маленькую аккуратную кучку на дне склянки.

– Спроси его, пожалуйста, нельзя ли мне подняться на мой корабль?

– Нет, англичанин. Я не буду спрашивать о таком безнадежном деле.

Блэксорн внезапно почувствовал пустоту. И старость. Он смотрел, как Родригес идет к релингу на юте, – вот он подходит к невысокому моряку, стоящему на носу.

– Эй, капитан-сан. Икимасо? Прими самурая на борт, има! Има, вакаримас ка?

– Хай Анджин-сан.

Родригес тут же позвонил шесть раз в судовой колокол. Капитан начал отдавать приказы морякам и самураям на берегу и на борту. Моряки из трюма поднялись бегом на палубу, чтобы подготовиться к отплытию, и в этой привычной им обоим суматохе Родригес спокойно взял Блэксорна за руку и потянул его в направлении сходней на правом борту, противоположном берегу.

– Там, внизу, лодка, англичанин. Не торопись, не оглядывайся вокруг и не обращай внимания ни на кого, кроме меня. Если я скажу тебе возвращаться, поторопись.

Блэксорн прошел по палубе, спустился по сходням к маленькому японскому ялику. Он слышал сердитые голоса позади и почувствовал, как волосы у него на шее шевелятся: наверху, на корабле, было много самураев, вооруженных луками со стрелами, а некоторые – мушкетами.

– Ты не должен об этом беспокоиться, капитан-сан, я отвечаю за это. Я, Родрига-сан, иши бан Анджин-сан, клянусь Святой Девой. Вакаримас ка? – перекрыл он все другие голоса, но те становились все сердитее.

Блэксорн уже почти был в лодке и увидел, что там не было уключин.

«Я не могу грести как они, – сказал он себе. – Я не могу воспользоваться лодкой. И плыть слишком далеко. Или поплыть?»

Он колебался, определяя расстояние. Если бы он был здоров, он бы не ждал ни минуты. А теперь?

Послышались шаги вниз по сходням, и он поборол в себе желание обернуться.

– Садись на корму, – услышал он, как требовательно произнес Родригес. – Поторопись!

Он сделал, как ему было сказано, и тут же быстро в лодку прыгнул Родригес, схватил весла и, все еще стоя, с большой ловкостью оттолкнулся от корабля.

У входа на трап стоял самурай, очень возмущенный, два других были сбоку с луками наготове. Командир самураев позвал их: несомненно, приказав им отойти.

В нескольких ярдах от корабля Родригес обернулся.

– Прямо идем туда! – прокричал он ему, указывая на «Эразмус». – Пусть самураи будут на борту! – Он твердо повернулся спиной к своему кораблю и продолжал грести, работая веслами по японскому обычаю, стоя в середине корабля.

– Скажи мне, если приготовят стрелы к стрельбе, англичанин! Смотри за ними внимательно. Что они делают сейчас?

– Их капитан очень сердит. Ты ищешь неприятностей, да?

– Если мы не выплывем вовремя. Старый Лизоблюд будет иметь повод для недовольства. Что делает лучник?

– Ничего. Они слушают его. Он, кажется, не может решиться. Нет. Сейчас один из лучников вынул стрелу. Родригес приготовился к остановке.

– Мадонна, они чертовски аккуратны, чтобы рисковать чем-нибудь. Она еще в луке?

– Да, но подожди немного! К капитану кто-то подошел, – я думаю, моряк. Похоже, он что-то спрашивает у него о корабле. Капитан смотрит на нас. Он что-то говорит человеку со стрелой. Теперь лучник убирает ее. Моряк указывает на что-то на палубе.

Родригес украдкой бросил быстрый взгляд, чтобы удостовериться в этом, и задышал легче.

– Это один из моих людей. Он займет его на добрых полчаса, чтобы получить указания, как разместить своих гребцов. Блэксорн подождал, дистанция увеличивалась.

– Капитан опять смотрит на нас. Нет, с нами все в порядке. Он уходит. Но один из самураев следит за нами.

– Пусть следит, – Родригес расслабился, но не сбавил темпа гребли и не посмотрел назад. – Не нравится мне, когда я спиной к самураю или когда у него в руках оружие. Или когда я вижу этих негодяев даже безоружными. Они все мерзавцы!

– Почему?

– Они любят убивать, англичанин. Это их обычай, они даже спят со своими мечами.

Это великая страна, но самураи опасны, как змеи, и гораздо больше.

– Почему?

– Я не знаю, почему, англичанин, но они таковы, – ответил Родригес, радуясь, что может поговорить с равным себе. – Конечно, все японцы отличаются от нас – они не чувствуют боли или холода так, как мы, но самураи намного хуже. Они ничего не боятся, по крайней мере смерти. Почему? Один Бог знает, но это правда. Если их господин говорит «убей» – они убивают; если он говорит «умри» – они все падают на свои мечи или распарывают себе животы. Для них убить или умереть так же легко, как для нас помочиться. Женщины тоже бывают самураями, англичанин. Они будут убивать, чтобы защитить своих хозяев, так они называют здесь своих мужей, или они убивают себя, если им прикажут. Они делают это, разрезая себе горло. Здесь самурай может приказать своей жене покончить с собой, и она по закону обязана это сделать. О Мадонна, женщина значит кое-что еще, и здесь, англичанин, некоторые могут быть лучше всех на земле, но мужчины... Самураи – это пресмыкающиеся, и самое безопасное – обращаться с ними как с ядовитыми змеями. Ты в порядке теперь?

– Да, благодарю. Немного слаб, но все нормально.

– Как проходило ваше плавание?

– Плохо. А самураи – как стать одним из них? Просто достать два меча и выбрить волосы, как они?

– Ты должен родиться самураем. Конечно, есть разные ранги самураев, от дайме наверху этой кучи дерьма до того, что мы называем пехотинцем в ее основании. В основном это наследственное, как у нас. В старые времена, как мне говорили, было как сейчас в Европе – крестьяне могли быть солдатами и солдаты становиться крестьянами, наследственными князьями и дворянами, до короля наверху. Некоторые солдаты из крестьян поднимались до самых высоких рангов. Тайко был таким.

– Кто он?

– Великий деспот, правитель всей Японии; величайший убийца всех времен. Я расскажу тебе о нем когда-нибудь. Он умер год назад и теперь горит где-нибудь в аду... – Родригес сплюнул за борт. – Сегодня самураем можно стать, только родившись им. Это все наследственное, англичанин. Мадонна, ты не представляешь, сколько средств они тратят на наследство, положение в обществе и тому подобное, – ты посмотри, как Оми кланяется этому дьяволу Ябу и оба они пресмыкаются перед старым Лизоблюдом-сама. «Самурай» идет от японского слова, означающего «служить». Но пока они все кланяются и раболепствуют перед вышестоящим, они все равные самураи, с особыми самурайскими привилегиями. Что там происходит на борту?

– Капитан что-то быстро говорит другому самураю и указывает на нас. Что такое с ними?

– Здесь самурай управляет всем, владеет всем, у них собственный кодекс чести и свой свод правил. Высокомерные? Мадонна, ты и не представляешь! Самый низкий из самураев может законно убить любого несамурая, любого мужчину, любую женщину или ребенка, по любому поводу или без повода. Они могут убить законно, чтобы проверить остроту своего поганого меча, – я видел, как они делают это, – а они делают лучшие в мире мечи. Лучше, чем дамасская сталь. Что этот негодяй делает теперь?

– Просто наблюдает за нами. Его лук сейчас за спиной, – Блэксорн передернул плечами. – Я ненавижу этих негодяев даже больше, чем испанцев.

Родригес опять рассмеялся, не переставая грести.

– Если говорить правду, у меня от них моча свертывается! Но если ты хочешь быстро разбогатеть, ты должен сотрудничать с ними, потому что они владеют всем. Ты уверен, что у тебя все нормально?

– Да, спасибо. Что ты говоришь? Самураи владеют всем?

– Да, вся страна разделена на касты, как в Индии. Самураи наверху, крестьяне следующие по важности, – Родригес сплюнул за борт. – Только крестьяне могут владеть

землей. Понимаешь? Но самурай владеет всем, что тот получает. Они владеют всем рисом – это единственный важный вид сельскохозяйственной продукции – и отдают часть обратно крестьянам. Только самураю позволено носить оружие. Для любого, кроме самурая, напасть на другого самурая – преступление, наказуемое немедленной смертью. И каждый, кто видит такое преступление и не сообщает о нем сразу же, тоже отвечает за него вместе с женами и даже детьми. Вся семья приговаривается к смерти, если кто-то не донес. Клянусь Мадонной, они все сатанинское отродье, эти самураи! Я видел детей, изрубленных в котлетный фарш. – Родригес откашлялся и сплюнул за борт. – Даже при этом, если ты знаешь пару таких вещей, это место – небо на земле. – Он оглянулся на галеру, чтобы видеть, что там происходит, потом ухмыльнулся. – Ну, англичанин, ничего себе прогулочка по гавани на лодке, да?

Блэксорн засмеялся. Годы слетели с него, когда он стал ощущать близкое колебание волн, запах морской соли, чаек, кричащих и играющих над ним, чувство свободы, чувство надежной земли после долгого отсутствия.

– Я думал, ты не хочешь помочь мне попасть на «Эразмус»!

– Ох, и зануды эти англичане. Никакого терпения. Слушай, здесь ты не проси японцев ни о чем – самураев или еще кого, они все одинаковые. Если ты попросишь, они начнут колебаться, потом запросят вышестоящего. Здесь ты должен действовать. Конечно, – его сердечный смех разнесся по волнам, – иногда тебя будут убивать, если ты делаешь что-то не так.

– Ты очень хорошо гребешь. Я ломал голову, как пользоваться этими веслами, когда ты пришел.

– Не думал же ты, что я позволю тебе уйти одному. Как твоё имя?

– Блэксорн. Джон Блэксорн.

– Ты когда-нибудь бывал на севере, англичанин? На крайнем севере?

– Я был с Киисом Веерманом на «Дер Лифле». Восемь лет назад. Это было его второе путешествие в поисках Северо-Восточного прохода. А что?

– Я хотел бы послушать об этом – и о всех местах, где ты был. Ты думаешь, этот проход когда-нибудь найдут? Северный путь в Азию, с востока или запада?

– Да. Вы и испанцы блокировали южные пути, поэтому мы пройдем там. Или голландцы. А что?

– Ты был кормчим на судах, плавающих у берегов Берберии? А?

– Да. А что?

– И ты знаешь Триполи?

– Многие кормчие там побывали. Ну и что?

– Я думал, я тебя уже где-то видел. Да, это было в Триполи. Мне тебя показывали. Известный английский кормчий. Тот, кто ходил с путешественником Киисом Веерманом в Полярные моря, был капитаном у Дрейка, а? В Армаде? Сколько тебе тогда было лет?

– Двадцать четыре. Что ты делал в Триполи?

– Я был кормчим на английском капере. Мой корабль был разбит в Индии этим пиратом, Морроу, Генри Морроу – его имя. Он сжег мой корабль до ватерлинии после того, как захватил его и предложил мне работать у него кормчим – его кормчий был бесполезен, так он говорил, – ты знаешь, как это бывает. Он хотел плыть оттуда – мы плавали в районе Испаньолы, когда он захватил нас – на юг вдоль Мейна, потом назад через Атлантику, пытаясь перехватить испанский корабль с ежегодным грузом золота около Канарских островов. Потом через проливы в Триполи, если мы его пропустим, пытаясь найти другую добычу, потом на север в Англию. Он дал мне обычное обещание освободить моих товарищей, дать им пищи и лодки для возвращения, если я присоединюсь к нему. Я сказал: «Конечно, почему бы и нет? При условии, что мы не будем нападать на португальские суда и вы высадите меня на берег у Лиссабона и не украдете мои руттеры». Мы спорили так и эдак – ты знаешь, как это обычно бывает. Потом я поклялся Мадонной, мы оба поклялись на кресте, и вот что вышло. Мы плавали удачно и захватили несколько испанских купцов.

Когда мы были в районе Лиссабона, он попросил меня остаться на борту, дал мне обычное письмо королевы Елизаветы: она заплатит целое состояние любому португальскому кормчему, который примет ее подданство и обучит других своему искусству в Тринити Хаус, она обещала также дать пять тысяч гиней за описание пути через Магелланов пролив или мимо мыса Доброй Надежды.

У него была широкая улыбка, зубы белые и крепкие, черные усы и борода аккуратно подстрижены.

– У меня их не было. По крайней мере, я ему так сказал. Морроу сдержал свое слово, как обычно делают все пираты. Он высадил меня на берег вместе с моими руттерами – конечно, он их скопировал, хотя сам не умел ни читать, ни писать, и даже дал мою долю денег из добычи. Ты когда-нибудь плавал с ним, англичанни?

– Нет. Королева несколько лет назад дала ему звание рыцаря. Я никогда не служил ни на одном из его кораблей. Я рад, что он был честен с тобой.

Они приблизились к «Эразмусу». Самурай насмешливо смотрел на них сверху.

– Это второй раз я работал кормчим у еретиков. Первый раз я был не так удачлив.

– Да?

Родригес положил весла в лодку, и она вплотную подошла к борту. Он повис на причальном канате.

– Поднимайся на борт, а разговаривать предоставь мне. Блэксорн начал карабкаться вверх, пока другой кормчий надежно привязывал лодку. Родригес первым оказался на палубе. Он поклонился, как придворный.

– Конничи ва всем землеедам-сама!

На палубе было четыре самурая. Блэксорн узнал одного из них, сторожа у двери погреба. Они невозмутимо низко поклонились Родригесу. Блэксорн последовал примеру Родригеса, чувствуя себя неуютно и стараясь поклониться как можно правильной.

Родригес направился сразу прямо к трапу. Печати были аккуратно поставлены в нужных местах. Один из самураев остановил его.

– Киндзиру, гомен насай. – Запрещено, извини.

– Киндзиру, да? – сказал Родригес, на вид несколько не испугавшись. – Я Родригес-сан, кормчий Тода Хиро-Мацу-сама. Это печать, – сказал он, показывая на красную печать со странной надписью на ней, – Тода Хиро-Мацу-сама, да?

– Нет, – сказал самурай, покачав головой, – Касиги Ябу-сама!

– Нет? – спросил Родригес. – Касиги Ябу-сама? Я от Тода Хиро-Мацу-сама, который более важный князь, чем ваш педераст и лизоблюд Касиги Ябу-сама, который самый большой пидор-сама во всем мире. Понял? – Он сорвал печать с двери, опустил руку на один из своих пистолетов.

Мечи были наполовину вынуты из ножен, и он спокойно сказал Блэксорну:

– Готовься покинуть корабль. И грубо самураю:

– Торанага-сама! – Он указал своей левой рукой на флаг, который развевался над его фок-мачтой. – Вакаримас ка?

Самураи колебались, мечи их были наготове. Блэксорн приготовился нырять с борта.

– Торанага-сама! – Родригес ударил ногой по двери, планка сломалась, и дверь распахнулась. – Вакаримасу ка?

– Вакаримас, Анджин-сан. – Самураи быстро убрали мечи в ножны, поклонились, извинились и снова поклонились. Родригес сказал хрипло:

– Так-то лучше, – и спустился вниз.

– Боже мой, Родригес, – сказал Блэксорн, когда они оказались на нижней палубе. – Ты каждый раз так делаешь и выкручиваешься?

– Я делаю так редко, – сказал португалец, утирая пот с бровей. – И даже тогда хочется, чтобы это никогда не начиналось. Блэксорн прислонился к переборке.

– Я чувствую себя, как если бы меня лягнули в живот.

– Это единственный путь. Ты должен действовать как король. И даже так ты никогда не

сможешь говорить с самураем. Они опасны, как священник, сидящий со свечой на пороховой бочке.

– Что ты сказал им?

– Тогда Хиро-Мацу – главный советник Торанаги – он более важный дайме, чем местный. Вот почему они позволили войти.

– На что он похож, этот Торанага?

– Длинный рассказ, англичанин. – Родригес сел на ступеньке, вытянул ногу в сапоге и растер колено. – Я чуть не сломал ногу о вашу вшивую дверь.

– Она не была закрыта. Ты мог легко открыть ее.

– Я знаю. Но это было бы не так эффектно. Клянусь Святой Девой, тебе еще много чему надо учиться!

– Ты будешь учить меня?

Родригес убрал ногу.

– Посмотрим, – сказал он.

– От чего это зависит?

– Посмотрим, не так ли? Я много всего рассказал честно – пока я, не ты. Скоро будет твоя очередь. Где твоя каюта?

Блэксорн на мгновение задержал на нем взгляд. Запах под палубой был густой и влажный.

– Спасибо, что ты помог мне попасть на борт. Он пошел на корму. Его дверь была не заперта. Каюта носила следы обыска, все было сдвинуто с места, что можно унести – исчезло. Не осталось книг, одежды, инструментов или гусиных перьев для письма. Его ящик для документов также был открыт. И пуст.

Побелев от гнева, он прошел в кают-компанию. Родригес внимательно наблюдал за ним. Даже тайник был найден и вынесен.

– Они забрали все. Сыновья чумной воши!

– Чего ты ожидал?

– Я не знаю. – Блэксорн прошел в комнату с сейфом. Она была пуста. Так же и со складом. В трюмах были только тюки с шерстяной одеждой. – Проклятые Богом японцы! – Он вернулся в свою каюту и захлопнул ящик для карт.

– Где они? – спросил Родригес.

– Что?

– Твои бумаги? Где твои журналы?

Блэксорн внимательно посмотрел на него.

– Ни один кормчий не будет волноваться из-за одежды. Ты пришел за руттером. Не так ли? Почему ты так удивлен, англичанин? Зачем, по-твоему, я поднялся на борт? Помочь тебе вернуть свои тряпки? Они изношены, и тебе потребуются другие. У меня их много. Но где твои журналы?

– Они исчезли. Они были в моем ящике для карт.

– Я не собираюсь красть их, англичанин. Я только хотел прочитать их и скопировать, если потребуется. Я бы берег их, как свои собственные, так что тебе нечего беспокоиться. – Его голос стал тверже. – Пожалуйста, заведи их, англичанин, у нас осталось мало времени.

– Не могу. Их нет. Они были в моем ящике для карт.

– Тебе не следовало оставлять их там, входя в иностранный порт. Тебе не следовало забывать главное правило кормчих – надежно прятать их и оставлять только фальшивые. Поторопись!

– Они украдены!

– Я тебе не верю. Но я допускаю, что ты спрятал их очень хорошо. Я искал здесь целых два часа – и никаких следов.

– Что?

– Почему ты так удивлен, англичанин? У тебя голова на месте? Конечно, я пришел сюда из Осаки, чтобы посмотреть твои бортовые журналы.

– Ты уже был на борту?

– Мадонна! – сказал Родригес нетерпеливо, – Да, конечно, два или три часа назад с Хиро-Мацу, который хотел сам посмотреть. Он сломал печати, и потом, когда уезжал, этот местный дайме запечатал все снова. Поторопись, ради Бога, – добавил он. – Время идет.

– Они украдены! – Блэксорн рассказал ему, как они попали сюда и как он проснулся уже на берегу. Потом он швырнул свой ящик для книг, взбешенный, как человек, который нашел свой корабль разграбленным. – Они украли! Все мои карты! Все мои журналы! У меня в Англии есть несколько копий, но журнал этого плавания пропал.

– А португальский журнал? Давай, англичанин, признавайся, должен быть еще и португальский.

– А португальский... он тоже исчез. – «Поберегись, – подумал он про себя. – Они исчезли, и это конец. У кого они? У японцев? Или они отдали их священнику? Без бортового журнала и карт ты не сможешь проложить путь домой. Ты никогда не вернешься домой... Это неправда. Ты сможешь найти дорогу домой, если будешь осторожен и если очень сильно повезет... Не глупи! Ты прошел половину пути вокруг света, через враждебные земли, через вражеские руки, и вот у тебя нет ни бортового журнала, ни карт. О, Боже, дай мне силы!»

Родригес внимательно следил за ним. Через какое-то время он сказал:

– Извини, англичанин. Я знаю, что ты чувствуешь – со мной так тоже однажды было. Он тоже был англичанин, тот вор, может быть, его корабль разбился и он горит в аду и будет гореть вечно. Давай вернемся обратно.

* * *

Оми и остальные ждали на пристани, пока галера не обогнула мыс и исчезла. На западе ночные облака уже заволакивали малиновое небо. На востоке ночь соединила небо и море, горизонт исчез.

– Мура, сколько времени займет погрузка всех пушек обратно на корабль?

– Если работать всю ночь, завтра к середине дня, Оми-сан. Если мы начнем на рассвете, мы кончим до захода солнца. Безопасней работать днем.

– Работайте ночью. Сейчас приведи священника к яме. Оми глянул на Игураши, главного заместителя Ябу, который все еще смотрел в сторону мыса, его лицо вытянулось, синевато-багровый шрам на пустой глазнице мрачно темнел.

– Мы рады, что вы остались, Игураши-сан. Мой дом беден, но, может быть, мы сможем сделать его удобным для вас.

– Спасибо, – сказал старик, отворачиваясь от него, – но мой хозяин приказал вернуться сразу же в Эдо, поэтому я вернусь сразу. – Заметно было, что он озабочен. – Хотел бы я быть на галере.

– Да.

– Мне не нравится мысль о том, что Ябу-сама на ее борту только с двумя людьми. Мне это очень не нравится.

– Да.

Он показал на «Эразмус».

– Чертов корабль, вот что это! Правда, много сокровищ.

– Конечно. Разве господин Торанага не обрадуется подарку господина Ябу?

– Этот набитый деньгами грабитель провинций так переполнен собственной важностью, что он даже не заметит того серебра, которое отнял у нашего хозяина. Где твои мозги?

– Я думаю, что только беспокойство о возможной опасности для нашего господина вынудило вас сделать такое замечание.

– Ты прав, Оми-сан. Я не хотел обидеть. Ты был очень умен и помог нашему хозяину. Может быть, ты прав и в вопросе о Торанаге тоже, – сказал Игураши, а сам подумал: «Наслаждайся своим вновь обретенным богатством, бедный глупец. Я знаю своего хозяина

лучше, чем ты, и твое увеличение владений совсем не принесет тебе добра. Твоя удача была платой за корабль, драгоценности и оружие. Но теперь они исчезли. И из-за тебя мой хозяин в опасности. Ты послал письмо и сказал: «Первым осмотри чужеземцев», соблазнив его. Мы должны были уехать вчера. Да, тогда мой хозяин был бы в безопасности сейчас, с деньгами и оружием. Ты предатель? Ты действуешь для себя, или своего глупого отца, или для врагов? Для Торанаги, может быть? Это неважно. Ты можешь верить мне, Оми, ты молодой дурак, ты и твоя ветвь клана Касиги недолго продержитесь на этой земле. Я должен был сказать тебе это прямо в лицо, но тогда я должен был бы убить тебя и лишиться доверия моего господина. Он сам должен сказать, когда это сделать, а не я».

– Спасибо за ваше гостеприимство, Оми-сан, – сказал он. – Я загляну вас повидать, но сейчас у меня свои дела.

– Вы не могли бы оказать мне услугу? Пожалуйста, передайте привет моему отцу. Я был бы очень благодарен.

– Я буду счастлив сделать это. Он прекрасный человек. И я не поздравил еще вас с увеличением ваших владений.

– Вы слишком добры.

– Еще раз благодарю вас, Оми-сан. – Он поднял руку в дружеском приветствии, подозвал своих людей и повел группу всадников на выезд из деревни.

Оми подошел к погребу. Священник был уже там. Оми мог видеть, что тот был в гневе, и надеялся, что он сделает что-нибудь открыто, публично, так, чтобы он мог избить его.

– Священник, скажи чужеземцам, чтобы они вышли из ямы. Скажи им, что господин Ябу разрешил им опять жить среди людей, – Оми говорил намеренно простым языком. – Но малейшее нарушение правил – и двое из них будут снова отправлены в яму. Они должны хорошо вести себя и выполнять все приказы. Ясно?

– Да.

Оми заставил священника повторить ему все, как делал и раньше. Когда он удостоверился, что священник все делает правильно, он приказал ему говорить с моряками.

Люди выходили один за другим. Все были испуганы. Некоторые помогали друг другу. Один был в плохом состоянии и стонал, когда кто-нибудь касался его руки.

– Их должно быть девять.

– Один мертв. Его тело лежит там внизу, в яме, – сказал священник.

Оми минуту размышлял.

– Мура, сожги труп и держи золу вместе с прахом другого чужеземца. Размести их в том же доме, что и прежде. Дай им много овощей и рыбы. И ячневый суп, и фрукты. Вымойте их. Они воняют. Священник, скажи им, что, если они будут себя хорошо вести и слушаться, их будут продолжать кормить.

Оми следил и внимательно слушал. Он видел, что все они реагируют с благодарностью, и с презрением подумал: «Какие глупцы! Я освободил их только на два дня, потом верну их в скудные условия, и тогда они будут есть дерьмо, действительно будут есть дерьмо».

– Мура, научи их правильно кланяться, а потом убери отсюда.

Потом он повернулся к священнику:

– Ну?

– Теперь я уйду. Поеду домой, уеду из Анджино.

– Лучше уезжай и не возвращайся никогда, и ты, и другие, такие, как ты. Может быть, в следующий раз, когда один из вас придет в мои владения, некоторые из моих крестьян или вассалов-христиан будут считаться изменниками, – сказал он, используя скрытую угрозу и классический прием, который самураи, настроенные против христианства, применяли для контроля за неограниченным распространением чуждых догм в своих владениях, поскольку в отличие от иноземных священников их японские новообращенные не были ничем защищены.

– Христиане – хорошие японцы. Всегда. Хорошие вассалы. Никаких плохих мыслей.

– Я рад слышать это. Не забудьте, мои владения протянулись на двадцать ри во всех

направлениях. Вы поняли?

– Я понимаю.

Он проследил, как священник с усилием поклонился – даже чужеземные священники должны иметь хорошие манеры – и ушел.

– Оми-сан, – обратился к нему один из самураев. Он был молод и очень красив.

– Да?

– Пожалуйста, извините меня, я знаю, что вы не забыли, но Масиджиро-сан все еще в яме.

Оми подошел к крышке люка и посмотрел вниз на самурая. Мужчина там сразу встал на колени, уважительно кланяясь.

Два прошедших дня состарили его. Оми взвесил его прошлую службу и будущую судьбу. После этого он взял с пояса молодого самурая кинжал и бросил его в яму.

У подножия лестницы Масиджиро с недоверием смотрел на нож. Слезы потекли по его щекам.

– Я не заслужил такой чести, Оми-сан, – сказал он жалко.

– Да.

– Благодарю вас.

Молодой самурай рядом с Оми сказал:

– Пожалуйста, можно попросить, чтобы вы разрешили ему совершить сеппуку здесь, на берегу?

– Он провинился. Он останется в яме. Прикажите крестьянам засыпать ее. Уничтожьте все следы. Чужеземцы осквернили ее.

* * *

Кику засмеялась и покачала головой.

– Нет, Оми-сан, извините, пожалуйста, но не надо мне больше sake, а то волосы растреплются, я упаду, и где мы тогда будем?

– Мы упадем вместе, будем любить друг друга, – с удовольствием сказал Оми, его голова кружилась от выпитого вина.

– Но я бы стала храпеть, а вы не сможете любить храпящую, противную пьяную девушку. Поэтому извините. Ой, нет, Оми-сама, хозяин нового огромного владения, вы заслуживаете большего, чем это! – Она налила еще одну порцию теплого вина не более наперстка в изящную фарфоровую чашку и протянула ее обеими руками: указательный и большой пальцы левой руки аккуратно держали чашку, указательный палец правой руки касался доньшка. – Вот, потому что вы великолепны!

Он принял чашку и выпил, наслаждаясь ее теплотой и вкусом выдержанного вина.

– Я так рад, что смог убедить вас остаться еще на день, вы так красивы. Кику-сан.

– Вы тоже красивы и нравитесь мне. – Ее глаза мерцали в свете свечи, помещенной в бумажный фонарь среди цветов, свисающих с кедровой балки. Это была лучшая из комнат в чайном домике у площади. Она наклонилась, чтобы помочь ему взять еще риса из простой деревянной мисочки, стоящей перед ним на низком столике, покрытом черным лаком, но он покачал головой.

– Нет, нет, спасибо.

– Такому сильному человеку, как вы, нужно больше есть.

– Я сыт, правда.

Он не предлагал ей ничего, потому что она едва притронулась к салату – тонко нарезанному огурцу и изящно нашинкованной редиске, маринованной в уксусе, – это все, что она съела за ужином. Были еще ломтики сырой рыбы на шариках, рис, суп, салат и немного свежих овощей, приготовленных с пикантным соусом из сои и имбиря.

Она мягко хлопнула в ладоши, седзи тут же раздвинула ее личная служанка.

– Да, госпожа?

– Сьюзен, убери все это и принеси еще sake и новый чайник зеленого чая. И фрукты. Sake должен быть теплее, чем в прошлый раз. Торопись, бездельница! – Она постаралась, чтобы это звучало строго.

Сьюзен было четырнадцать лет: это была милая, старающаяся угодить девушка, ученица-куртизанка. Уже два года Кику отвечала за ее подготовку.

Кику с трудом отвела глаза от чистого белого риса, который она так любила, и подавила свой голод.

«Ты ела до прихода сюда и поешь позже, напомнила она себе. – Да, но даже тогда было слишком мало».

– Госпожа должна иметь умеренный аппетит, очень умеренный аппетит, – говорила обычно ее учительница. – Гости едят и пьют – чем больше, тем лучше. Госпожа так не делает и, конечно, никогда не делает этого с гостями. Как госпожа может говорить или развлекать гостей, играть на сямисене или танцевать, если у нее набит рот? Ты поешь позднее, будь терпелива. Сконцентрируйся на своем госте.

Следя за Сьюзен, критически оценивая ее искусство, она рассказывала Оми истории, которые заставили его смеяться и забыть про все на свете. Юная девушка стала на колени сбоку Оми, расставила маленькие мисочки и палочки для еды на лаковом подносе в том порядке, как ее учили. Потом она взяла пустую бутылку из-под sake, попробовала налить, чтобы убедиться, что она пустая, – считалось дурным тоном встряхивать бутылку – потом встала с подносом, бесшумно подошла к двери из седзи, стала на колени, поставила поднос, открыла седзи, встала, прошла через дверь, опять стала на колени, подняла поднос и перенесла через порог, так же бесшумно положила его и совсем закрыла за собой дверь.

– Мне, правда, скоро придется искать другую служанку, – сказала Кику, не очень расстроившись. «Этот цвет ей идет, – подумала она. – Надо послать в Эдо еще за шелком. Что за стыд думать, что это дорого! Неважно, при тех деньгах, которые заплатят Дзэко-сан за прошлую ночь и за сегодняшнюю, моей доли будет более чем достаточно, чтобы купить маленькой Сьюзен двадцать кимоно. Она такой приятный ребенок и действительно очень грациозная».

– Она создает столько шума на всю комнату – извини.

– Я не заметил ее, только тебя, – сказал Оми, допивая вино. Кику обмахивалась своим веером, улыбка осветила ее лицо.

– Вы делаете мне приятно, Оми-сан. И позволяете чувствовать себя любимой.

Сьюзен быстро принесла sake. И зеленый чай. Ее хозяйка налила Оми вина и передала ему. Девушка беззвучно наполнила чашки. Она не пролила ни капли и подумала, что звук, который издает жидкость, льющаяся в чашку, напоминает тихий звонок, после чего вздохнула задумчиво, но с огромным облегчением, опустила на пятки и стала ждать.

Кику рассказала занимательную историю, которую она слышала от одной из подруг в Мисима, и Оми рассмеялся. Рассказывая, она взяла один из маленьких апельсинов и с помощью своих длинных ногтей раскрыла его, как цветок-дольки апельсина напоминали лепестки.

– Вам нравится апельсин, Оми-сан?

Первым порывом Оми было сказать: «Я не могу разрушить такую красоту». «Но это было бы неуместно, – подумал он, пораженный ее артистизмом. – Как мне похвалить ее и ее безымянного учителя? Как могу я вернуть счастье, которое она дала мне, позволив следить, как ее пальцы создавали нечто столь прекрасное, сколь и эфемерное?»

Он подержал цветок в руках, потом быстро отделил четыре дольки и съел их с наслаждением. Остался новый цветок. Он удалил еще четыре дольки, получилась третья цветочная композиция. Тогда он взял одну дольку и отодвинул вторую, так что оставшиеся три превратились в еще один цветок.

После этого он взял две дольки и заменил оставшиеся в сердцевине апельсина, в центре со своей стороны, словно полумесяц в солнце.

Одну он очень медленно съел. Затем он положил еще одну дольку на ладонь и

предложил ей.

– Это должна съесть ты, потому что это предпоследняя. Это мой подарок тебе.

Сьюзен дышала с трудом. Для кого же была последняя?

Кику взяла дольку и съела. Это было самое вкусное из того, что она когда-либо пробовала.

– Это последняя, – сказал Оми, с серьезным видом кладя ее на ладонь правой руки, – это мой подарок богам, кто бы они и где бы они ни были. Я никогда не съем этой дольки, – разве что из твоих рук.

– Это слишком, Оми-сама, – сказала Кику. – Я освобождаю вас от вашего обета! Это было сказано под влиянием ками, который живет во всех бутылках с саке.

– Я отказываюсь освободиться от обета. Они были очень счастливы вместе.

– Сьюзен, – сказала она, – теперь оставь нас. И пожалуйста, пожалуйста, дитя, сделай это грациозно.

– Да, госпожа. – Молодая девушка вошла в соседнюю комнату и проверила, чтобы futony были удобны, любовные инструменты и бусы для удовольствий были под рукой и цветы в полном порядке. Незаметная складка на и без того уже гладком одеяле была разглажена. После этого, удовлетворенная, Сьюзен села, вздохнула с облегчением, обмахнула жар с лица своим сиреневым веером и, довольная, стала ждать.

В соседней комнате, которая была самой приятной из всех комнат чайного домика, потому что только она одна имела собственный выход в сад, Кику взяла сямисен с длинной ручкой. Это был трехструнный, похожий на гитару инструмент, и первая парящая нота заполнила комнату. Потом она начала петь. Сначала мягко, потом возбуждающе, снова мягко, потом более громко и, сладко вздыхая, она пела о взаимной и неразделенной любви, о счастье и печали.

* * *

– Госпожа? – Шепот не разбудил бы самого чутко спавшего, но Сьюзен знала, что ее хозяйка предпочитает не спать после Облаков и Дождя, как бы они ни были сильны. Она предпочитает отдыхать в спокойной полудреме.

– Да, Сью-чан? – спокойно прошептала Кику, используя «чан», как говорят с любимым ребенком.

– Вернулась жена Оми-сана. Ее паланкин только что пронесли по дорожке к его дому.

Кику взглянула на Оми. Его шея удобно покоилась на обитой войлоком деревянной подушке, руки переплетены. Его тело было сильным и чистым, кожа твердой и золотистой, местами блестящей. Она нежно приласкала его, достаточно, чтобы он почувствовал это сквозь сон, но недостаточно, чтобы разбудить его. Потом она выскользнула из-под стеганого одеяла, собирая свои раскиданные вокруг кимоно.

Кику потребовалось немного времени, чтобы обновить макияж, пока Сьюзен причесывала и укладывала ей волосы в стиле Шимода. После этого хозяйка и служанка бесшумно прошли по коридору, вышли на веранду и через сад на площадь. Лодки, как светлячки, курсировали от корабля чужеземцев к пристани, где еще оставалось семь пушек. Все еще была глубокая ночь, до рассвета было далеко.

Две женщины проскользнули вдоль узкой аллеи между скоплением домов и начали подниматься по тропинке.

Покрытые пятнами пота и усталые носильщики стояли вокруг паланкина на вершине холма у дома Оми. Кику не постучала в садовую дверь. В доме горели свечи и слуги бегали туда и сюда. Она сделала знак Сьюзен, и та сразу же подошла к веранде около передней двери и постучала. Через мгновение дверь открылась.

Кровать матери Оми еще не была разобрана. Она сидела, неподвижно прямая, около маленького алькова. Окно было открыто в сад. Мидори, жена Оми, сидела напротив нее.

Кику стала на колени. Неужели всего лишь вчера она была здесь, напуганная Ночью

Стонов? Она поклонилась сначала матери Оми, потом его жене, чувствуя напряжение между этими двумя женщинами, и спросила себя, почему неизбежно такое недоброжелательство между свекровью и невесткой. Разве невестка в свое время не станет свекровью? Почему она потом всегда обращается со своей невесткой так зло и делает ее жизнь несчастной и почему эта девочка потом делает то же самое?

– Я сожалею, что беспокою вас, госпожа-сан.

– Милости просим. Кику-сан, – ответила старуха. – Ничего не случилось, я надеюсь?

– О нет, я просто не знала, хотите вы или нет, чтобы я разбудила вашего сына, – сказала она, уже зная ответ. – Я думала, лучше спросить вас, как вы, Мидори-сан, – она повернулась, улыбнулась и слегка поклонилась Мидори, которая ей очень нравилась, – как вы добрались?

Старуха сказала:

– Вы очень добры. Кику-сан, и очень предусмотрительны. Нет, оставьте его в покое.

– Очень хорошо. Пожалуйста, извините меня за то, что я так надоедаю вам, но я подумала, что лучше всего спросить. Мидори-сан, я надеюсь, ваше путешествие было не очень тяжелым?

– Прошу прощения, но это было ужасно, – сказала Мидори. – Я рада, что вернулась, я не люблю уезжать. С моим мужем все в порядке?

– Да, все хорошо. Он много смеялся в этот вечер и казался счастливым. Он ел и пил умеренно и крепко спит.

– Госпожа-сан начала рассказывать мне об ужасных вещах, которые произошли, пока меня не было...

– Тебе не следовало уезжать. Ты была нужна здесь, – прервала ее старуха с ядом в голосе. – Или, может быть, нет. Может быть, тебе постоянно следует отсутствовать. Может быть, ты привела к нам плохого kami в дом вместе со своим постельным бельем.

– Я никогда не делала этого, госпожа-сан, – сказала Мидори терпеливо. – Пожалуйста, поверьте мне, что я скорее бы покончила с собой, чем бросила мельчайшее пятно на ваше доброе имя. Пожалуйста, простите мне мое отсутствие и мои ошибки. Простите меня.

– С того времени, как сюда пришел этот чертов корабль, у нас одни неприятности. Это все злой kami. Очень плохой. А где ты была, когда ты так нужна здесь? Сплетничала в Мисима, объедалась и пила sake.

– Умер мой отец, госпожа-сан. За день до моего приезда.

– Ну, у тебя даже не хватило вежливости или предчувствия, чтобы быть у смертного одра твоего собственного отца. Чем скорее ты навсегда уедешь из нашего дома, тем лучше для всех нас. Я хочу чаю. У нас здесь гостя, а ты даже не вспомнила о своем воспитании, не предложила ей освежиться!

– Чай заказан сразу же, в тот момент, как она...

– Но он не подан сразу же!

Седзи открылись. Служанка нервно внесла зеленый чай и сладкие кексы. Сначала Мидори подала старухе, которая резко обругала служанку и стала грызть кекс, прихлебывая питье.

– Вы должны извинить служанку, Кику-сан, – сказала старуха. – Чай безвкусный. Безвкусный! И горячий. Чего еще можно ожидать в этом доме.

– Вот, пожалуйста, возьмите мой, – Мидори аккуратно подула на чай, чтобы охладить его. Старуха недовольно взяла его.

– Почему нельзя было сразу дать хороший чай?

– Что вы думаете обо всем этом? – спросила Мидори Кику. – О корабле и Ябу-сама и Хиро-Мацу-сама?

– Я не знаю, что думать. Что касается чужеземцев, кто знает? Они, конечно, сборище очень необычных людей. И этот великий дайме, Железный Кулак? Очень интересно, что он приехал почти в то же время, что и господин Ябу, да? Ну, вы должны извинить меня. Пожалуй, я должна идти.

– О нет, Кику-сан, я не могу и слышать об этом.

– Но ты же видишь, Мидори-сан, – старуха нетерпеливо прервала ее, – нашей гостье неудобно, и чай ужасный.

– О нет, чай мне понравился, хозяйка-сан, правда. Вы извините меня, я ведь немного устала. Может быть, завтра перед отъездом вы позволите мне навестить вас? Мне так приятно беседовать с вами.

Старуха позволила обмануть себя, и Кику с Мидори вышли на веранду и прошли в сад.

– Кику-сан, вы такая предусмотрительная, – сказала Мидори, держа ее за руку и любуясь ее красотой. – Это очень мило с вашей стороны, спасибо.

Кику на мгновение оглянулась на дом и вздрогнула:

– Она всегда такая?

– Сегодня вечером она была вежлива по сравнению с другими днями. Если бы не Оми и мой сын, клянусь, я отряхнула бы пыль этого дома с моих ног, обрила голову и стала монахиней. Но у меня есть Оми и мой сын, и я все терплю. К счастью, она предпочитает Эдо и не может долго оставаться здесь. Я только благодарю всех kami за это, – Мидори печально улыбнулась, – просто привыкаешь не слушать, вы знаете, как это бывает. – Она вздохнула, очень красивая в лунном свете. – Но это все пустяки. Расскажите мне, что произошло здесь с тех пор, как я уехала.

Именно для этого Кику так быстро пришла в этот дом, так как было очевидно, что ни мать, ни жена не захотят, чтобы Оми разбудили. Она рассказала милой госпоже Мидори все, что могло помочь ей защитить Касиги Оми, так же как она сама пыталась защищать его. Она рассказала ей все, что знала, за исключением того, что происходило наедине с Ябу. Она добавила слухи и рассказы, которые дошли до нее от других девушек или были придуманы ими. И все, что ей рассказал Оми, его надежды, страхи и планы, – все о нем, за исключением того, что произошло у них сегодня вечером. Она знала, что это неважно для его жены.

– Я боюсь, Кику-сан, боюсь за моего мужа.

– Все, что он советовал, было разумно, госпожа. Я думаю, что он все делал правильно. Господин Ябу нелегко награждает кого-либо, и три тысячи коку повышения платы он заслужил.

– Но корабль теперь у господина Торанаги, и все эти деньги у него.

– Да, но для Ябу-сама предложить корабль в качестве подарка было гениальной идеей. Оми-сан подал идею Ябу, – конечно, за это уже плата достаточная, не так ли? Оми-сан должен был зарекомендовать себя как преданный вассал. – Кику немного исказила правду, зная, что Оми-сан был в большой опасности, а с ним и его близкие. «Что будет, то будет, – напомнила она себе. – Но не вредно облегчить опасения приятной женщины».

– Да, я могу это видеть, – сказала Мидори. «Пусть это будет правдой, – молилась она. – Пожалуйста, пусть это будет правдой». Она обняла девушку, ее глаза наполнились слезами. – Спасибо. Ты так добра, Кику-сан, так добра, – Ей было семнадцать лет.

Глава Восьмая

– О чем ты думаешь, англичанин?

– Я думаю, будет шторм.

– Когда?

– Перед закатом. – Дело было около полудня, они стояли на юте галеры под серыми облаками. Шел второй день, как они вышли в море.

– Если бы это был твой корабль, что бы ты сделал?

– Как далеко нам до места? – спросил Блэксорн.

– Прибудем после заката.

– Как далеко до ближайшей земли?

– Четыре или пять часов, англичанин. Но заход в укрытие будет стоить нам полдня, и я не могу решиться на это. Что бы ты сделал?

Блэксорн подумал минуту. Первую ночь галера шла на юг к восточному берегу

полуострова Изу, используя большой парус на мачте в середине корабля. Когда они вышли на траверз самого южного мыса, мыса Ито, Родригес взял курс запад-юго-запад и ушел от безопасного берега в открытое море, направляясь к мысу Шинто, что был в двухстах милях.

– Обычно на таких галерах мы держались побережья – для безопасности, – сказал Родригес, – но это занимает слишком много времени, а время важно. Торанага просил меня свозить Лизоблюда в Анджиро и обратно. Быстро. Меня ждет награда, если мы сделаем это очень быстро. Один из их кормчих хорошо плавает на такие короткие расстояния, но бедный сукин сын до смерти напуган перевозкой такого важного дайме, как Лизоблюд, особенно в открытом море. Они не привыкли плавать по океанам, эти японцы – великие пираты и воины, но только прибрежные мореплаватели. Глубина их пугает. Старик Тайко издал закон, чтобы на тех немногих океанских кораблях, которыми владеют япошки, на борту всегда был португальский кормчий. Этот закон еще действует в стране и по сей день.

– Зачем он издал такой закон?

Родригес пожал плечами.

– Может быть, кто-нибудь надоумил его.

– Кто?

– Твой краденый бортовой журнал, англичанин, был португальский. Чей он был?

– Я не знаю. На нем не было ни подписи, ни имени.

– Где его взяли?

– У главного купца голландской Восточно-Индийской компании.

– А он откуда взял его?

Блэксорн пожал плечами. Родригес засмеялся, но невесело.

– Ну, я и не ожидал, что ты мне скажешь, но, кто бы ни украл, надеюсь, он горит в аду!

– Торанага тебя нанял, Родригас?

– Нет, только приплыли в Осаку, мой капитан и я. Мой капитан предложил меня. Я кормчий. – Родригес замолчал. – Я забываю, что ты враг, англичанин.

– Португальцы и англичане были союзниками много веков.

– А сейчас нет. Пошли вниз, англичанин. Ты устал, и я устал, а усталые люди ошибаются. Поднимемся на палубу, когда ты отдохнешь.

Так Блэксорн оказался внизу, в каюте кормчего, и лег у него на койке. Бортовой журнал Родригеса с описанием маршрута лежал на морском столе, который был прикреплен к переборке, как стул кормчего к юте. Книга была в кожаном переплете и имела подержанный вид, но Блэксорн не стал смотреть ее.

– Почему ты оставил ее? – спросил он сначала.

– Если бы я не оставил, ты бы искал ее. Но ты не тронул ее – даже не поглядел на нее без приглашения. Ты кормчий – не солдат или купец, вор или проститутка со свиным брюхом.

– Я посмотрю его, если позволишь.

– Но не без разрешения, англичанин. Кормчий так не делает. Даже я бы не сделал!

Блэксорн мгновение смотрел на книгу, а потом закрыл глаза. Он спал крепко весь этот день и часть ночи, и проснулся перед рассветом, как всегда. Потребовалось время, чтобы приспособиться к непривычному ходу галеры и дроби барабана, который заставлял весла двигаться как одно. Он удобно лежал в темноте на спине, положив руки под голову. Блэксорн думал о своем корабле, он отбросил в сторону все беспокойство о том, что случится, когда они достигнут берега и придут в Осаку. Всему свое время. Думай о Фелисите и Тюдоре и о доме. Нет, не сейчас. Думай, что если другие португальцы похожи на Родригеса, у тебя появляется хороший шанс. Ты получишь корабль. Кормчие – не враги, и черт со всеми остальными! Но ты не можешь сказать этого, парень. Ты англичанин, ненавистный еретик и антихрист. Католики владеют этим миром. Пока владеют им. Мы и голландцы собираемся разгромить их.

Ну что за вздор все это! Католики и протестанты, кальвинисты и лютеране и прочее дерьмо. Ты родился католиком. Это просто твой рок привел отца в Голландию, где он

встретил женщину, Аннеке ван Дрост, которая стала его женой, и он увидел испанских католиков, священников и инквизицию в первый раз.

«Я рад, что у него открылись глаза, – подумал Блэксорн. – Я рад, что у меня они тоже открылись».

После этого он пошел на палубу. Родригес был в своем кресле, его глаза покраснели от бессонной ночи, два японских моряка, как и прежде, стояли около штурвала.

– Можно я постою эту вахту за тебя?

– Как ты себя чувствуешь, англичанин?

– Отдохнул. Могу я постоять на вахте вместо тебя? – Блэксорн видел, что Родригес рассматривает его. – Я разбуду тебя, если ветер изменится или еще что.

– Спасибо, англичанин. Да, я немного посплю. Держись этого курса. При повороте бери на четыре градуса западней, а при следующем еще на шесть градусов западней. Ты показывай рулевому новый курс на компасе. Вакаримаска?

– Хай! – Блэксорн засмеялся. – Четыре точки западней. Спускайся вниз, кормчий, твоя койка очень удобная.

Но Васко Родригес не пошел вниз. Он только натянул пониже свой морской плащ и глубже уселся в свое кресло. Как раз перед следующим переворотом склянок он мгновенно проснулся, проверил изменение курса, не тронувшись с места, и сразу опять заснул. Еще раз, когда ветер переменял направление, он проснулся и, увидев, что нет никакой опасности, снова уснул.

Хиро-Мацу и Ябу вышли на палубу утром. Блэксорн заметил их удивление, когда они поняли, что он ведет корабль, а Родригес спит. Они не разговаривали с ним, а продолжили свой разговор и позже снова ушли вниз.

Около полудня Родригес поднялся со своего кресла и посмотрел на северо-восток, проверил направление ветра, все его чувства были напряжены. Оба кормчих посмотрели на море, небо и несущиеся облака.

– Что бы ты делал, англичанин, если бы это был твой корабль? – снова спросил Родригес.

– Я бы поплыл к берегу, если бы я знал, где он, – в ближайшую точку. У этого судна небольшая осадка, и в шторм все бы обошлось. Шторм начнется через четыре часа.

– Тайфуна не будет, – пробормотал Родригес.

– Что?

– Тайфун. Это огромные ветры – самые сильные штормы, которые ты когда-либо видел. Но сейчас не сезон тайфунов.

– Когда это будет?

– Не теперь, противник, – Родригес засмеялся. – Нет, не теперь. Но могло быть очень плохо, поэтому я не воспользуюсь твоим хреновым советом. Правь на северо-восток.

Как только Блэксорн указал новый курс и рулевой аккуратно повернул судно, Родригес подошел к поручням и закричал капитану:

– Изоги! Капитан-сан. Вакаримаска?

– Изоги, хай.

– Что это значит? Скорее?

Уголки глаз Родригеса сморщились от удовольствия.

– Тебе не вредно знать японский язык, а? Конечно, англичанин, «изоги» значит скорее. Все, что нужно здесь, это около десяти слов, и тогда ты можешь заставить педераста обоссаться, если захочешь. Если им найти нужные слова, конечно, и если они в настроении. Я спущусь и поем.

– Ты и готовишь тоже?

– В Японии каждый культурный человек должен либо готовить сам, либо лично обучить этому одну из этих обезьян, либо умереть с голоду. Они все едят сырую рыбу, сырые овощи в сладком уксусном маринаде. Но жизнь здесь может быть «писскутер», если ты знаешь, как это сделать.

– «Писскутер» – это хорошо или плохо?

– В основном это очень хорошо, но иногда ужасно плохо. Это все зависит от того, как себя чувствуешь, а ты задаешь слишком много вопросов.

Родригес спустился вниз. Он закрыл дверь своей каюты на засов и тщательно проверил замки на своем ящике для карт. Волос, который он положил так осторожно, все еще был там. И такой же волос, одинаково невидимый всем, кроме него самого, который он положил на обложку своего журнала, также не был тронут.

«Ты не можешь быть слишком осторожным в этом мире, – думал Родригес. – Что страшного в том, чтобы знать, что ты кормчий «Нао дель Трато» – самого большого Черного Корабля того года из Макао? Может, и нет, потому что тогда ты должен объяснить, что это крупное судно, одно из самых богатых, крупнейших судов в мире, более чем в шестнадцать сотен тонн. Ты можешь соблазниться и сказать им все о своем грузе, о торговле и о Макао и всяких вещах, проливающих свет на многое, очень и очень личное, очень и очень секретное. Но мы воюем, мы воюем против Англии и Голландии».

Он открыл хорошо смазанный замок и вынул личный журнал, чтобы, проверить некоторые азимуты на ближайшую гавань. Его глаза наткнулись на запечатанный пакет, который священник, отец Себастьян, дал ему перед тем, как он покинул Анджино.

«А не в нем ли лежат бумаги англичанина?» – спросил он себя опять.

Он взвесил пакет и поглядел на печати иезуита, очень желая сломать их и посмотреть самому. Блэксорн сказал ему, что голландская эскадра прошла через пролив Магеллана и еще немного. «Англичане задают массу вопросов и не охотники отвечать, – подумал Родригес. – Он проницателен, умен и опасен».

«Это его бумаги или нет? Если это они, зачем они святым отцам?»

Он пожал плечами, думая об иезуитах, францисканцах и остальных монахах, священниках и инквизиции. «Есть хорошие священники и плохие священники, и в основном среди них плохие, но они все же священники. Церковь должна иметь священников, и без них, если бы они не вступались за нас, мы заблудшие овцы в сатанинском мире. О Мадонна, защити меня от всех дьяволов и плохих священников!»

Родригес был в своей каюте с Блэксорном в Анджирской гавани, когда дверь открылась и без приглашения вошел отец Себастио. Он кинул взгляд на остатки пищи.

– Ты преломляешь хлеб с еретиком? – спросил священник. – Есть с ними опасно. Они все заразные. Он сказал тебе, что он пират?

– Христианин должен быть великодушен со своими врагами, отец. Когда я был в их руках, они были благородны со мной. Я только возвращаю им их милосердие. – Он стал на колени и поцеловал крест священника. После этого встал и, предлагая вино, сказал: – Как я могу помочь вам?

– Я хочу попасть в Осаку. Вашим кораблем.

– Я пойду и сразу спрошу их. – Он ушел спросить капитана, и просьба постепенно дошла до Тода Хиро-Мацу, который ответил, что Торанага ничего не говорил о доставке иностранного священника из Анджино, поэтому он сожалеет, что не может взять его на борт.

Отец Себастио хотел поговорить с Родригесом наедине, поэтому он выслал англичанина на палубу и потом, в тишине каюты, вынул запечатанный пакет.

– Мне хотелось бы, чтобы вы передали этот пакет отцу-инспектору.

– Я не знаю, будет ли еще его преосвященство в Осаке, когда я попаду туда, – Родригесу не хотелось быть носителем иезуитских секретов. – Я, может быть, вернусь обратно в Нагасаки. Мой адмирал может оставить для меня приказы.

– Тогда отдайте его отцу Алвито. Необходимо быть абсолютно уверенным, что вы отдадите это только в его руки.

– Непременно, – пообещал Родригес.

– Когда вы в последний раз были на исповеди, сын мой?

– В воскресенье, отец.

– Вам не хотелось бы исповедаться мне сейчас?

– Да, благодарю вас, – Он был благодарен священнику, что тот спросил его об этом, так как жизнь на море опасна, и впоследствии он будет, как всегда, чувствовать себя намного лучше.

Теперь, в каюте, Родригес положил пакет обратно, чувствуя большое искушение. «Почему отец Алвито? Отец Мартин Алвито был главный торговец и личный переводчик Тайко в течение многих лет, и следовательно, близок к большинству влиятельных дайме. Он курсировал между Нагасаки и Осакой и был одним из немногих людей и единственным из европейцев, кто имел доступ к Тайко в любое время, – очень умный человек, который в совершенстве говорил по-японски и больше знал о них и их образе жизни, чем любой другой человек в Азии. Сейчас он был самым влиятельным португальским посредником Совета регентов, и Ишиды и Торанаги в частности.

Довериться иезуитам, чтобы получить одного из их людей, – подумал Родригес со страхом, – Конечно, если бы не общество иезуитов, поток ереси никогда бы не прекратился, португальцы и испанцы могли бы стать протестантами, и мы навсегда потеряли бы свои бессмертные души. Мадонна!»

«Почему ты все время думаешь о священниках? – вслух спросил себя Родригес. – Ты знаешь, это же нервирует тебя! Даже если так, то почему отец Алвито? Если в пакете лежат корабельные журналы, значит ли это, что пакет предназначен для одного из христианских дайме, или Ишиде, Торанаге, или просто его преосвященству самому отцу-ревизору? Или для моего адмирала? Или их отправят в Рим для передачи испанцам? Почему отец Алвито? Отец Себастио легко мог отдать это любому другому иезуиту.

И зачем Торанаге нужен англичанин?

В глубине души я знаю, что мне нужно бы убить Блэксорна. Он враг, он еретик. Но есть и еще кое-что. Я чувствую, что этот англичанин опасен нам всем. Почему я так думаю? Он кормчий – и великий кормчий. Сильный. Умный. Хороший человек. Здесь не о чем беспокоиться. Так почему же я боюсь? Он дьявол? Он мне очень нравится, но я чувствую, что мне следует быстро его убить, и чем скорее, тем лучше. Дело не в гневе. Просто защитить других. Зачем?

Я боюсь его.

Что же мне делать? Оставить все на волю Бога? Идет шторм, и это будет сильный шторм.

Боже, покарай меня и мою глупость! Почему я не знаю, что лучше сделать?»

***

Шторм пришел до захода солнца и застал их в море. Земля была в десяти милях. Бухта, куда они так стремились, была хорошо укрыта и далеко впереди, когда они рассматривали горизонт. Там не было отмелей или рифов, которые надо было бы преодолевать, чтобы оказаться в безопасности, но десять миль были десять миль, и волны росли все быстрее, вздымаемые ветром с дождем.

Шторм шел с северо-востока, как обычно, с правого борта, и часто менял направление, шквалы менялись на восточные и северные, без системы, волны были зловещими. Курс галеры лежал на северо-запад, так что они шли правым бортом к волне, сильно качаясь, то попадая в яму, то с ужасным ощущением вылетая на гребень. Галера была судном с мелкой осадкой, построенным для больших скоростей в спокойных водах, и хотя гребцы были мужественны и дисциплинированы, им было трудно удерживать весла в воде и грести с полной отдачей.

– Надо поднять весла и плыть по ветру, – прокричал Блэксорн.

– Может быть, но не сейчас. Где твои конджоне, англичанин?

– Там, где им следует быть, ей-Богу, и где я хочу, чтобы они оставались.

Оба понимали, что если бы они повернули на ветер, они никогда бы не выплыли против него, так как прилив и ветер относят их от укрытия и выносят в море. А если бы они

плыли по ветру, прибой и ветер тоже относили бы их от убежища дальше в море, как и в первом случае, но только быстрее. На юге были большие глубины. На юге не было земли на тысячи миль, а если вы неудачник, то и на тысячу лиг.

Они были привязаны к нактоузу спасательными веревками, и это было очень хорошо, потому что палуба качалась с кормы на нос и с боку на бок. Они висели также и на планширах, как бы сидя верхом.

Все-таки вода в корабль не попадала. Он был сильно нагружен и шел, сидя в воде гораздо глубже, чем когда-либо. Родригес подготовился соответствующим образом в часы ожидания. Все было задраено, люди предупреждены. Хиро-Мацу и Ябу сказали, что они некоторое время побудут внизу, а потом придут на палубу. Родригес пожал плечами и ясно сказал им, что это будет очень опасно. Он был уверен, что они не поняли.

– Что они будут делать? – спросил Блэксорн.

– Кто знает, англичанин? Но они не будут вопить от страха, в этом ты можешь быть уверен.

В кокпите главной палубы с усилием трудились гребцы. Обычно на каждом весле было по два гребца, но Родригес приказал поставить троих, чтобы увеличить усилие, безопасность и скорость. Остальные ждали в трюме, чтобы сменить гребцов, когда он отдаст приказ. На фордеке следил за греблей старший над гребцами, его отбивание такта было медленным, в соответствии с ритмом волн. Галера все еще двигалась вперед, хотя каждый раз качка казалась все более сильной и возвращение в горизонтальное положение все более медленным. Потом шквалы стали более неравномерными и сбили старшину гребцов с ритма.

– Смотреть вперед! – Блэксорн и Родригес прокричали это в одно и то же мгновение. Галера сильно накренилась, двадцать весел ударились о воздух вместо волн, и на борту начался хаос. Ударил первая сильная волна, и орудейный планшир был смыт. Они стали спотыкаться.

– Идем вперед, – приказал Родригес. – Пусть они уберут половину весел с каждой стороны. Мадонна, быстрее, быстрее!

Блэксорн знал, что без спасательных линий он легко мог быть смыт за борт. Но весла необходимо было положить на палубе, иначе бы они были потеряны.

Он развязал узел и устремился по вздымающейся грязной палубе, потом вниз по коротким мосткам на главную палубу. Галера резко отклонилась от курса, и его пронесло вниз, ноги его отпихивали гребцы, которые также развязали свои спасательные веревки и пытались выполнить приказ и положить весла. Планшир был под водой, и одного моряка несло за борт. Блэксорн понял, что его тоже несет. Он ухватился рукой за планшир, почувствовал, как растягивается сухожилие, но держался, потом другой рукой уцепился за поручень и, огушенный, подтянулся обратно. Ноги почувствовали палубу, и он встряхнулся, благодаря Бога, и подумал, что ушла его седьмая жизнь. Альбан Карадок всегда говорил, что хороший кормчий похож на кошку, за исключением того, что кормчий живет по крайней мере десять жизней, в то время как кошка удовлетворяется девятью.

Моряк был у его ног, и он вытащил его из объятий моря, держал его, пока тот не оказался в безопасности, потом помог ему занять его место. Он обернулся назад, на ют, чтобы обругать Родригеса, который выпустил штурвал из рук. Родригес махнул, показал рукой и что-то прокричал, но крик был поглощен шквалом. Блэксорн заметил, что их курс изменился. Теперь они шли почти против ветра, и он знал, что это отклонение было намеренным. «Мудро, – подумал он. – Это даст нам время для того, чтобы организовать по-другому, но этот негодяй мог бы предупредить меня. Мне не нравится без необходимости терять людей».

Он махнул рукой в ответ и бросился на перераспределение гребцов.

Вся гребля прекратилась, за исключением двух весел впереди, которые держали их строго против ветра. Знаками и воплями Блэксорн заставил всех поднять весла в лодку, удвоил число гребущих и опять перешел на корму. Люди держались стойко, и хотя некоторые из них очень ослабли, они оставались на местах и ждали приказов.

Бухта была близко, но все еще казалась на расстоянии в миллион лиг. На северо-востоке небо было темным. Дождь хлестал, порывы ветра усилились. На «Эразмусе» Блэксорн не имел бы оснований для беспокойства. Они легко добрались бы до гавани и могли бы спокойно повернуть на нужный курс. Его корабль был построен и укреплен для любой бури. А эта галера нет.

– Что ты думаешь делать, англичанин?

– Ты будешь делать что захочешь, что бы я ни думал, – прокричал он против ветра. – Но корабль не выдержит, и мы пойдем ко дну как камень, а в следующий раз, когда я пойду вперед, скажи мне, если ты соберешься поставить корабль против ветра. Лучше спокойно поставь корабль по ветру, пока я не привяжусь, и тогда мы оба доберемся до порта.

– Это была рука Бога, англичанин. Волны бросили корму задом наперед.

– Это чуть не отправило меня за борт.

– Я видел.

Блэксорн измерил их дрейф.

– Если мы останемся на этом курсе, мы никогда не вернемся в бухту. Мы пройдем в миле или более от мыса.

– Я хочу остаться на курсе против ветра. Потом, когда подойдет нужный момент, мы попытаемся добраться до берега. Ты умеешь плавать?

– Да.

– Хорошо. А я никогда не учился. Слишком опасно. Лучше утонуть быстро, чем медленно, да? – Родригес непроизвольно поежился. – Святая Мадонна, защити меня от водной могилы! Этот сучий потрох, проститутка, наш корабль, собирается попасть в гавань сегодня вечером. Ты тоже. Мой нос говорит, если мы повернем и поднажмем, то будем сбиваться с курса. Мы к тому же слишком перегружены.

– Нужно облегчить корабль. Сбрось груз за борт.

– Князь Лизоблюд никогда не согласится. Он должен прибыть с грузом или вообще не приплывать.

– Спроси его.

– Мадонна, разве ты глухой? Я же тебе сказал! Я знаю, что он не согласится, – Родригес подошел поближе к рулевому и проверил, понял ли тот, что нужно держать точно против ветра.

– Следи за ними, англичанин. Ты должен вести судно. – Он развязал свой страховочный линь и спустился по трапу, уверенно ступая. Гребцы внимательно следили за ним, пока он шел к капитану-сан на палубу полуяота, чтобы объяснить ему знаками и словами план, который он наметил. Хиро-Мацу и Ябу поднялись на палубу. Капитан-сан объяснил этот план им. Оба они были бледны, но спокойны, их не тошнило. Они посмотрели сквозь дождь в сторону берега, пожали плечами и спустились обратно вниз.

Блэксорн смотрел на вход в порт. Он знал, что план опасен. Они должны были ждать, пока не пройдут точно за ближайший мыс, потом им нужно уйти от ветра, повернуть к северу и бороться за свои жизни. Парус им не поможет. Они должны рассчитывать только на свои силы. Южная сторона бухты была вся в камнях и рифах. Если они ошибутся во времени, то потерпят аварию и будут выброшены на берег.

– Англичанин, иди вперед! Родригес поманил его к себе. Он прошел вперед.

– А что ты думаешь, если поставить парус? – прокричал Родригес.

– Нет. Это больше повредит, чем поможет.

– Тогда оставайся здесь. Если капитан не справится с барабаном или мы его лишимся, ты займешь его место, хорошо?

– Я никогда не плавал на таких кораблях – я никогда не командовал гребцами. Но я попытаюсь.

Родригес посмотрел в сторону земли. Мыс появлялся и исчезал в пелене дождя. Скоро он сможет попытаться. Волны становились все больше, и на гребнях уже появились срывающиеся с них буруны. Течение между мысами казалось дьявольски быстрым. «Проход

здесь не получится», – подумал он и решился.

– Иди на корму, англичанин. Возьми штурвал. Когда я посигналю, иди на восток-северо-восток к этой точке. Ты видишь ее?

– Да.

– Не мешкай и держи этот курс. Внимательно следи за мной. Этот знак обозначает круто на левый борт, этот – круто на правый, а этот – так держать.

– Очень хорошо.

– Поклянись Святой Девой, что ты будешь ждать моих приказов и будешь их выполнять?

– Ты хочешь, чтобы я взял штурвал, или нет?

Родригес знал, что он в западне.

– Я должен доверять тебе, англичанин, а мне не хочется доверять тебе. Иди на корму, – сказал он. Он увидел, что Блэксорн понял, что у него на уме, и ушел. Потом он передумал и позвал его: – Эй ты, надменный пират! Иди с Богом!

Блэксорн повернулся назад и с благодарностью произнес:

– Ты тоже, испанец!

– Ссать я хотел на всех испанцев, и да здравствует Португалия!

– Так держать!

* * *

Они пришли в гавань, но без Родригеса. Его смыло за борт, когда порвался страховочный линь.

Корабль был близок к спасению, когда с севера налетела огромная волна, и хотя до этого начерпали много воды и уже потеряли японского капитана, сейчас их захлестнуло и отбросило к скалистому берегу.

Блэксорн видел, как унесло Родригеса, как он задыхался и боролся со вспененным морем. Шторм и прилив отнесли корабль далеко в южную часть бухты, почти на скалы, и все на борту знали, что корабль погиб.

Как только Родригеса смыло, Блэксорн бросил ему деревянный спасательный круг. Португалец бросился к нему, молотя руками по воде, но тот был недостижим. Сломанное весло ткнулось в Родригеса, и он вцепился в него. Хлынул такой сильный дождь, что последнее, что видел Блэксорн, – это как рука Родригеса сжимала сломанное весло и точно над ними прибой, бьющий об изрезанный берег. Он мог нырнуть с борта, и плыть к нему, и спасти, может быть, было время, но его первой обязанностью было быть с кораблем, и последней его обязанностью было быть с кораблем, а корабль был в опасности.

Поэтому он повернулся спиной к Родригесу.

Волна смыла нескольких гребцов, другие пытались занять их места за веслами. Один из матросов смело отвязал свой страховочный линь. Он прыгнул на палубу полуюта, привязался и возобновил барабанную дробь. Старший запел, задавая ритм, гребцы пытались установить порядок в гребле среди этого хаоса.

– Исоги! – закричал Блэксорн, вспомнив слово. Он всем весом навалился на штурвал, ставя нос против ветра, потом подошел к поручням и, пытаясь ободрить команду, начал отсчитывать: – Раз-два, раз-два. Ну, вы, мерзавцы, давай!

Галера была на камнях, по крайней мере камни были точно за кормой, с левого борта и с правого борта. Весла опускались и толкали галеру, но она пока еще не двигалась, ветер и прилив сопротивлялись, заметно оттаскивая ее назад.

– Ну, давай, мерзавцы! – снова прокричал Блэксорн, – его руки отбивали ритм.

Сначала они сопротивлялись морю, потом победили его. Корабль сдвинулся со скал. Блэксорн держал курс на подветренный берег. Скоро они были в более спокойном месте. Ветер тут был еще силен, но преодолим. Здесь еще свирепствовала буря, но они уже были не в море.

– Отдать правый якорь!

Никто не понял его слов, но все моряки знали, что нужно делать. Они бросились выполнять его приказание. Якорь с плеском погрузился в воду. Он дал кораблю немного пройти, чтобы проверить, тверд ли морской грунт, моряки и гребцы поняли его маневр.

– Отдать левый якорь!

Когда корабль оказался в безопасности, он оглянулся на корму.

Резко очерченная береговая линия была едва видна сквозь дождь. Он оглядел море и прикинул свои возможности.

«Португальский журнал внизу, полузатопленный. Я могу довести судно до Осаки. Я могу привести его обратно в Анджино. Но будут ли они правы, не выполняя моих приказаний? Я не ослушался Родригеса. Я был на юте. Один».

– Правь на юг, – прокричал Родригес, когда ветер и прилив несли их в опасной близости к скалам. – Поворачивай и иди по ветру!

– Нет! – прокричал Блэксорн в ответ, веря, что их единственный шанс – попытаться попасть в гавань и что в открытом море они будут залиты водой. – Мы можем пройти туда!

– Разрази тебя Господь. Ты убьешь всех нас!

«Но я никого не убил, – подумал Блэксорн. – Родригес, ты знал и я знал, что это была моя обязанность решать – если бы там было время решать. Я был прав. Корабль спасен. Остальное не имеет значения».

Он поманил к себе моряка, который бросился с полуюта. Оба рулевых были ранены, их руки и ноги были почти вырваны из суставов. Гребцы были подобны трупам, беспомощно упавшим на свои весла. Другие с трудом поднимались снизу на палубу, чтобы помочь им. Хиро-Мацу и Ябу, оба сильно пострадавшие, были выведены на палубу, но, ступив на нее, оба дайте сразу стали прямо.

– Хай, Анджин-сан? – спросил моряк. Он был среднего возраста, с крепкими белыми зубами и широким обветренным лицом. Свежий синяк красовался у него на щеке в том месте, где волна ударила его о планшир.

– Ты вел себя очень хорошо, – сказал Блэксорн, не заботясь о том, что его слова не будут поняты. Он знал, что его тон говорит сам за себя, так же как и его улыбка. – Да, очень хорошо. Ты теперь капитан-сан. Вакаримас? Ты! Капитан-сан!

Человек уставился на него с открытым ртом, потом поклонился, чтобы скрыть удивление и радость.

– Вакаримас, Анджин-сан. Хай. Аригато годзиемашита.

– Слушай, капитан-сан, – сказал Блэксорн. – Дай морякам поесть и выпить. Горячей пищи. Мы останемся здесь на ночь. – Знаками Блэксорн добился, чтобы тот понял.

«Хотел бы я говорить на вашем варварском языке, – подумал он с удовольствием. – Тогда я мог бы поблагодарить тебя, Анджин-сан, за спасение корабля и вместе с кораблем жизни нашего господина Хиро-Мацу. Ваше могущество дает нам всем новые силы. Без вашего искусства мы бы погибли. Ты, может быть, и пират, но ты великий моряк, и пока ты кормчий, я буду слушаться тебя во всем. Я недостойн быть капитаном, но я попытаюсь заслужить твое доверие».

– Что ты хочешь, чтобы я делал дальше? – спросил он. Блэксорн огляделся по сторонам. Морского дна не было видно. Он мысленно взял пеленги и, когда убедился, что якоря держат и море неопасно, сказал:

– Спусти ялик. И возьми хорошего рулевого. Опять словами и знаками Блэксорн добился, чтобы его поняли.

Ялик был спущен и подготовлен мгновенно. Блэксорн подошел к планширу и собирался спуститься с борта в шлюпку, но хриплый голос остановил его. Он огляделся. Там стоял Хиро-Мацу, сбоку от него Ябу. У старика были сильно ушиблены шея и плечи, но он все равно держал свой длинный меч. У Ябу текла кровь из носа, лицо было ушиблено, кимоно в пятнах крови, и он пытался остановить кровотечение небольшим лоскутом. Оба были бесстрастны, казались нечувствительными к своим травмам и холодному ветру.

Блэксорн вежливо поклонился:

– Хай, Тода-сама?

Снова раздалась хриплая речь, старик указал на ялик своим мечом и покачал головой.

– Там Родригес-сан! – ответил Блэксорн, показав на южный берег. – Я поеду искать!

– Ие! – Хиро-Мацу опять покачал головой и долго говорил, очевидно, отказывая ему в разрешении из-за опасности.

– Я кормчий этого сучьего корабля, и если я хочу на берег, то я еду на берег, – Блэксорн продолжал говорить очень вежливо, но твердо, и было очевидно, что он имеет в виду. – Я знаю, что ялик не продержится на такой волне! Хай! Но я собираюсь попасть на берег – вон туда. Тода Хиро-Мацу, вы видите это место? К той маленькой скале. Потом я собираюсь обойти вокруг полуострова. Я не тороплюсь умереть, и мне некуда теперь бежать. Я хочу найти тело Родригес-сана. – Он поднял ногу над бортом. Меч немного выдвинулся из ножен. Поэтому он тут же замер. Но его взгляд был прежним, лицо спокойно.

Хиро-Мацу стоял перед дилеммой. Он мог понять, что пират хочет найти тело Родригеса, но плыть было опасно, опасно было даже идти пешком, а господин Торанага велел привезти чужеземца в целости и сохранности, что он и собирался сделать. Но было столь же ясно, что собирался сделать этот человек.

Он видел его в разные периоды шторма, стоящего посреди кренящейся палубы как дьявольский дух моря, бесстрашного, и мрачно думал, что лучше встретиться с этим чужеземцем и всеми чужеземцами, подобными ему, на земле, где можно иметь с ними дело на равных. На море они не в нашей власти.

Он мог видеть, что пират терял терпение. «Как они невежливы, – сказал он себе. – Даже при этом мне следует поблагодарить тебя. Все говорят, он один привел судно в гавань, что Родригес растерялся и повел нас от земли, и мы бы наверняка утонули, и тогда бы я провинился перед моим господином. О, Будда, защити меня от этого!»

Все его суставы болели, геморрой воспалился. Он был измучен попыткой стоически держаться перед своими людьми, Ябу, командой, даже этим чужеземцем. «О, Будда, я так устал. Я хочу, чтобы я мог лечь в ванну, и отмокать, и отмокать, и иметь один день на отдых от боли. Только один день. Оставь свои глупые женские мысли! Ты все время испытываешь боль. Вот уже почти шестьдесят лет. Что такое боль для мужчины? Привилегия! Скрывать боль – показатель мужества. Спасибо Будде, ты пока еще жив, чтобы защитить своего господина, хотя уже мог быть мертвым сто раз. Я должен благодарить Будду. Но я ненавижу море. Я ненавижу холод. И я ненавижу боль».

– Стой где стоишь, Анджин-сан, – сказал он, показывая для ясности своим мечом, мрачно наслаждаясь ледяной голубизной огня в глазах этого человека.

Когда он убедился, что кормчий его понял, он глянул на матроса.

– Где мы? Это чье владение?

– Я не знаю, сэр. Я думаю, мы где-то в провинции Изу. Мы могли бы послать кого-нибудь на берег в ближайшую деревню.

– Ты можешь провести нас в Осаку?

– При условии, что мы будем плыть близко к берегу, господин, медленно и с большой осторожностью. Я не знаю этих вод и не могу гарантировать вашу безопасность. У меня нет нужных знаний, и на борту нет никого, кто бы их имел, господин. За исключением этого чужеземца. Если бы это зависело от меня, я бы посоветовал вам спуститься на берег. Мы могли бы достать для вас лошадей или паланкин.

Хиро-Мацу раздраженно покачал головой. Сойти на берег для него было неприемлемо. Это заняло бы слишком много времени – путь шел через горы, а дорог было мало, и следовало идти через многие территории, контролируемые сторонниками Ишидо, врага. Кроме этой опасности, там было много бандитских групп, которые занимали перевалы. Это означало, что он должен был бы взять всех своих людей. Конечно, он мог бы с боями пройти весь этот путь через территории, занятые бандами, но он никогда бы не смог пробиться, если бы Ишидо или его союзники решили блокировать его. Все это задержало бы его, а у него

был приказ доставить груз, чужеземцев и Ябу быстро и безопасным способом.

– Если мы пойдем берегом, сколько это займет времени?

– Я не знаю, господин. Четыре или пять дней, может быть, и больше. Я не уверен в себе, я не капитан, так что прошу прощения.

«Это значит, – подумал Хиро-Мацу, – что я должен сотрудничать с этим чужеземцем. Чтобы не дать ему сойти на берег, я должен был бы связать его. И кто знает, будет ли он сотрудничать, если его связать?»

– Сколько времени мы должны оставаться здесь?

– Кормчий сказал, до утра.

– Шторм к тому времени кончится?

– Наверное, господин, но этого никто и никогда не знает. Хиро-Мацу посмотрел на гористый берег, потом на штурмана, колеблясь.

– Могу я высказать предположение, Хиро-Мацу-сан? – спросил Ябу.

– Да, да. Конечно, – сказал тот раздраженно.

– Как мы видим, для того, чтобы попасть в Осаку, нам нужна помощь пирата, так почему бы не отпустить его на берег, но послать с ним человека, чтобы защитить его, и приказать им вернуться до темноты. Что касается пути по суши, я согласен, что это было бы слишком опасно для вас – я бы никогда себе не простил, если бы что-нибудь случилось с вами. Как только шторм кончится, вам будет безопаснее плыть на корабле, и вы окажетесь в Осаке намного быстрее, не так ли? Наверняка к завтрашнему вечеру.

Хиро-Мацу неохотно кивнул.

– Очень хорошо. – Он подозвал самурая. – Такаташи-сан! Возьми шесть человек и отправляйся со штурманом. Привези обратно тело португальца, если вы его найдете. Но если пострадает хоть одна ресница этого чужеземца, ты и твои люди немедленно совершат сеппуку.

– Да, господин.

– Пошли двух человек в ближайшую деревню и узнай точно, где мы и на чьих землях.

– Да, господин.

– С вашего позволения, Хиро-Мацу-сан, я поведу на берег этот отряд, – сказал Ябу. – Если мы прибудем в Осаку без пирата, я буду так опозорен, что буду вынужден покончить с собой. Мне хотелось бы удостоиться чести выполнять ваши приказы.

Хиро-Мацу кивнул, внутренне удивленный, что Ябу сам сунулся в такое опасное дело. Он спустился в трюм.

Когда Блэксорн понял, что Ябу собирается с ним на берег, сердце его забилося чаще. «Я никогда не забуду Пьетерсуна, или мою команду, или этот погреб – ни крики, ни Оми, ничего из этого. Опасайся за свою жизнь, негодяй».

Глава Девятая

Они быстро достигли земли. Блэксорн собирался править лодкой, но Ябу занял место рулевого и задал быстрый темп, который он выдерживал с трудом. Другие шесть самураев внимательно следили за ним. «Я никуда не сбегу, глупцы», – думал он, не понимая их сосредоточенности, в то время как глаза его автоматически рыскали по всем направлениям, отыскивая мели или спрятанные рифы, измеряя пеленги, его ум фиксировал детали, важные для будущего описания.

Их путь шел сначала вдоль покрытого галькой берега, потом короткое карабканье по выглаженным морем скалам на тропинку, которая окаймляла утес и причудливо тянулась вокруг мыса с южной его стороны. Дождь прекратился, но ветер продолжал дуть. Чем ближе они подходили к открытому участку, тем выше был прибой, обрушивавшийся внизу на скалы, вода каплями стояла в воздухе. Вскоре они промокли.

Хотя Блэксорну было холодно, Ябу и остальные, которые были только в легких кимоно, небрежно заткнутых за пояс, казалось, не чувствовали холода или сырости. Он

подумал, что Родригес прав, и его страх вернулся. Японцы устроены не так, как мы. Они не чувствуют холода или голода, ран или ударов, как мы. Они больше похожи на животных, их нервы притуплены по сравнению с нашими.

Утес вздымался на двести футов. Берег был в пятидесяти футах внизу. Вокруг были одни горы. Не видно было никакого жилья. Прибрежная галька переходила в утесы, гранитные скалы с редкими деревьями на вершинах,

Тропинка нырнула вниз и поднялась по передней части утеса – очень опасный путь, с ровной поверхностью. Блэксорн тащился, наклоняясь против ветра, и заметил, как сильны и мускулисты ноги у Ябу. «Ползи, сукин сын, – думал он. – Ползи, свалишься на скалы вниз. Заставит ли это тебя закричать? Что заставит тебя закричать?»

Напряжением воли он отвел глаза от Ябу и вернулся к обследованию берега. Каждой трещины и расщелины. Ветер с пеной налетал порывами и выбивал слезы из глаз. Волны неслись, кружась и образуя водовороты. Он знал, что почти нет надежды найти Родригеса, – слишком много пещер и укромных мест, которые никогда не удастся осмотреть. Но он сошел на берег, чтобы попытаться. Он должен сделать для Родригеса такую попытку. Все кормчие безнадежно молятся о смерти и захоронении на берегу. Все они видели в море слишком много раздутых, полуобъеденных и изуродованных крабами трупов.

Они обогнули мыс и с удовольствием остановились в затишье. Идти дальше не было необходимости. Если тела не было на подветренном берегу, то оно было затеряно, или ушло под воду, или было унесено в открытое море, на глубину. На расстоянии в полмили на пенящемся берегу приютилась рыбацкая деревушка. Ябу подозревал двух самураев. Они тут же поклонились и вприпрыжку побежали в сторону деревни. Последний обзор окрестностей, потом Ябу вытер дождь с лица, взглянул на Блэксорна и поманил его. Блэксорн кивнул, и они снова двинулись.

Потом, возвращаясь обратно, они увидели Родригеса.

Тело застряло в расщелине между большими камнями, выше прибоя, но частично омывалось им. Одна рука была вытянута вперед. Другая все еще сжимала сломанное весло, которое слабо двигалось под действием прибоя и течения. Это движение и привлекло внимание Блэксорна, когда он боролся с ветром, устало тащась вслед за Ябу.

Единственный путь вниз был по невысокому утесу. Карабкаться предстояло всего пятьдесят или шестьдесят футов, но это было точно по прямой вниз и почти без зацепок для ног и рук.

«А как прилив? – спросил себя Блэксорн. – Вода поднимается, а не убывает. Она опять вынесет его в море. Боже, это, кажется, уж слишком подло. Как быть?»

Он подошел ближе к краю, и Ябу немедленно встал у него на дороге, качая головой, и другой самурай тоже подошел к нему.

– Я только попробую получше разглядеть, ради Бога, – сказал он. – Я не пытаюсь убежать. Куда, к черту, я могу здесь убежать?

Он отступил немного и наклонился. Они проследили за его взглядом и затараторили. Ябу говорил больше всех.

«Надежды никакой, – решил он. – Это слишком опасно. На рассвете мы вернемся сюда с веревками. Если он будет здесь, то я похороню его на берегу». Нехотя он повернулся, и как только он сделал это, край утеса обрушился, и он начал падать. Ябу и остальные тут же схватили его и вытащили назад, и он сразу понял, что они думали только о его безопасности. «Они только пытались защитить меня!»

«Почему они хотят, чтобы я уцелел? Из-за Тора... как его там? Торанаги? Из-за него? Да, но также, может быть, и потому, что на борту нет никого, кто мог бы вести корабль. Вот поэтому они дали мне сойти на берег. Да, это, должно быть, так. Так что теперь я имею власть над этим кораблем, над этим старым дайме и над этим негодяем. Как мне воспользоваться всем этим?»

Он высвободился и поблагодарил их, его глаза устремились вниз.

– Мы должны попробовать достать его, Ябу-сан. Единственный путь – здесь. Через этот

утес. Я достану его, Ябу-сан, сам, я, Анджин-сан!

Он снова подался вперед, как если бы собирался спуститься вниз, и опять они удержали его, и он сказал с притворной обеспокоенностью:

– Мы должны достать Родригес-сан. Смотри! Времени немного, темнеет.

– Ие, Анджин-сан, – сказал Ябу. Он стоял, нависая над Ябу.

– Если ты не позволяешь мне идти, Ябу-сан, тогда пошли одного из своих людей. Или иди сам. Ты!

Ветер метался вокруг них, воя перед утесом. Он увидел, что Ябу поглядел вниз, прикидывая, как спуститься по утесу и сколько осталось светлого времени, и понял, что тот поддается. «Ты попался, негодяй, твое чванство погубило тебя. Если ты начнешь спускаться, ты покалечишься. Но, пожалуйста, не убивай себя, только сломай себе лодыжку или колено, а потом утопись».

Самурай начал спускаться вниз, но Ябу приказал ему вернуться.

– Вернись на корабль. Принеси немедленно несколько веревок, – приказал он. Человек убежал.

Ябу скинул свои сандалии, сплетенные из кожаных ремней. Он снял мечи и надежно укрыл их.

– Следи за ними и чужеземцем. Если что-нибудь случится, я посажу тебя на твои собственные мечи.

– Пожалуйста, дайте мне спуститься, Ябу-сама, – сказал Такаташи. – Если вы пострадаете или потеряетесь, я буду...

– Ты думаешь, ты сможешь пробраться там, где мне не удастся?

– Нет, господин, конечно, нет.

– Хорошо.

– Пожалуйста, подождите тогда веревок. Я никогда не прощу себе, если с вами что-то случится. – Такаташи был низенький и полный, с густой бородой.

«Почему не подождать веревок? – спросил себя Ябу. – Это имело бы смысл. – Он взглянул на чужеземца и коротко кивнул. Он знал, что получил вызов. Он ожидал и надеялся, что это произойдет. – Вот почему я вызвался на это дело, Анджин-сан, – сказал он себе, молча развлекаясь. – Вы действительно очень просты, Оми был прав».

Ябу скинул свое промокшее кимоно и, одетый в одну набедренную повязку, подошел к краю утеса и пощупал его подошвами своих хлопчатобумажных таби. «Лучше не снимать их», – подумал он. Его воля и тело, закаленные жизнью, которую ведут самураи во время подготовки, превозмогали холод. Таби позволяли более твердо опираться – какое-то время. «Тебе потребуются все твои силы и искусство, чтобы спуститься туда живым. Стоит ли?»

Во время шторма и попытки пробиться в бухту он выходил на палубу и, не замеченный Блэксорном, занимал место на веслах. Он с радостью работал наравне с гребцами, ненавидя и запах внизу, и боль, которую он чувствовал. Он решил, что лучше умереть на воздухе, чем задохнуться в трюме.

Сидя вместе с другими на подгоняющем их холоде, он начал следить за кормчими. Он ясно увидел, что на море корабль и все на его борту были во власти этих двух людей. Кормчие были в своей стихии, расхаживая по качающейся палубе так же небрежно, как сам он ездил на галопирующей лошади. Ни один японец на борту не смог бы быть как они. Ни по умению, ни по мужеству, ни по знаниям. И постепенно это понимание переросло в удивительную концепцию: современный корабль чужеземцев, заполненный самураями, управляемый самураями, с капитаном-самураем, с моряками-самураями. Его самураями.

«Если я сначала достану три корабля чужеземцев, я смогу легко контролировать морские пути между Эдо и Осакой. Базируясь в Изу, я могу держать все судоходство в своих руках. Почти весь рис и весь шелк. Не буду ли я тогда судьей между Торанагой и Ишидо? Или, на худой конец, уравнивать их?»

Ни один дайме никогда не выходил в море.

Ни один дайме не имел судов или кормчих.

За исключением меня.

Я имею судно, имел судно, и теперь оно снова будет моим, судно снова – если окажусь достаточно умен. У меня есть кормчий, и следовательно, учитель кормчих, если я смогу забрать его у Торанаги. Если я смогу командовать им.

Если он станет моим вассалом добровольно, он будет учить моих людей. И строить корабли.

Но как сделать из него преданного вассала? Яма не сломила его дух.

Сначала отделить его от остальных и держать его одного – разве не так советовал Оми? Тогда он будет обучен хорошим манерам и выучится говорить по-японски. Да. Оми умный человек. Может быть, даже слишком умный, – я подумаю об Оми позже. Сконцентрируюсь на кормчем. Как управлять чужеземцем-христианином-дерьмоедом?

Что сказал Оми? «Они ценят жизнь. Это их главное божество. Иисус Христос учит их любить друг друга и ценить жизнь.» Могу я вернуть ему обратно его жизнь? Спасти ее, да, это будет очень хорошо. Как согнуть его?»

Ябу был так поглощен своими мыслями, что почти не замечал движения корабля и волн. Волна обрушилась на него. Он увидел, как она накрыла и кормчего. Но у того не было и тени страха. Ябу был поражен. Как мог человек, который смиренно позволил врагу мочиться себе на спину, чтобы спасти жизнь мелкого вассала, как мог этот человек иметь силы забыть такое огромное бесчестие и стоять там на юте, бросая вызов всем богам моря, подобно легендарному герою, – чтобы спасти тех же самых врагов? И потом, когда громадная волна смыла португальца и они попали в такое трудное положение, Анджин-сан удивительным образом смеялся над смертью и дал им силы стянуть судно со скал.

«Я никогда не пойму их», – подумал он.

На краю утеса Ябу оглянулся последний раз.

«Ах, Анджин-сан, я знаю, ты думаешь, я иду на смерть, ты подловил меня. Я знаю, ты бы сам туда не полез. Я внимательно следил за тобой. Но я вырос в горах, здесь, в Японии, мы лазим по горам ради удовольствия и из-за гордости. Так что я поставил себя теперь в мои условия, а не в твои. Я попытаюсь, и если я умру, то это неважно. Но если мне все удастся, тогда ты, как мужчина, поймешь, что я лучше тебя. Ты будешь у меня в долгу тоже, если я принесу тело обратно. Ты будешь моим вассалом, Анджин-сан!»

Он с большим искусством спускался вниз по боковой стороне скалы. На полпути вниз он поскользнулся. Его левая рука задержалась на выступе камня. Это остановило его падение, и он повис между жизнью и смертью. Его пальцы глубоко впивались в землю, в то же время он чувствовал, что его захват не держит, и вжимал кончики пальцев в расщелину, ища другую зацепку. Когда его левая рука соскочила, кончики пальцев ноги нашли расщелину и зацепились, он отчаянно держался за утес, все еще не находя равновесия, прижимаясь к нему и ища зацепку. Потом опора для кончиков пальцев исчезла. Хотя он сумел ухватиться за другой выступ обеими руками, десятью футами ниже, и на мгновение повис на нем, этот выступ тоже не удержал его. Остальные двадцать футов он падал.

Он приготовился к падению как мог, и приземлился на ноги, как кошка, кувыркаясь по наклонной поверхности скалы, чтобы смягчить удар. Он обхватил ободранными руками голову, защищаясь от каменной лавины, которая могла пойти за ним. Но камни не посыпались. Он покачал головой, чтобы отряхнуться, и встал. Одно колено было вывихнуто. Жгучая боль прострелила от ног до внутренностей, и его прошиб пот. Подошвы и ногти кровоточили, но к этому он был готов.

«Боли нет. Ты не будешь чувствовать боли. Стой прямо. Чужеземец наблюдает за тобой».

Струя брызг окатила его, холод помог преодолеть ооль. С большой осторожностью он проскользнул по облепленным морскими водорослями камням, пробрался через расщелины и оказался у тела.

Внезапно Ябу понял, что этот человек все еще живой. Он еще раз удостоверился в этом, потом на мгновение присел. «Нужен ли он мне живым или мертвым? Что лучше?»

Краб поспешно выскочил из-под камня и бултыхнулся в воду. Волны обрушились на него. Он чувствовал, что соль разъедает его раны. Что лучше, живой или мертвый?

Он осторожно поднялся и прокричал:

– Таката-сан! Этот кормчий все еще жив! Отправляйся на корабль, принеси носилки и позови доктора, если на корабле есть хоть один!

Ветер почти заглушил ответ Такатаси: «Да, господин». Ябу посмотрел на галеру, мягко покачивающуюся на якорях. Другой самурай, которого он послал за веревками, был уже около яликов. Он следил, как человек прыгнул в один из них и отплыл. Тут он улыбнулся про себя и оглянулся. Блэксорн подошел к краю обрыва и что-то настойчиво кричал ему.

«Что он пытается сказать?» – спросил себя Ябу. Он увидел, что кормчий указывает на море, но не понял, что это означает для него. Волны были крутые и очень высокие, но ничем не отличались от тех, что были прежде.

В конце концов Ябу перестал пытаться понять Блэксорна и обратил внимание на Родригеса. С трудом он вытащил его вверх на скалы, подальше от прибоя. Дыхание португальца было затрудненное, но сердце билось ровно. Ушибов было много. Расщепленная кость торчала из левой икры. Его правое плечо казалось смещенным. Ябу поискал, нет ли где кровотечения, но не нашел. «Если нет внутренних повреждений, тогда он, может быть, и будет жить», – подумал он.

Дайме был ранен слишком много раз и видел слишком много умирающих и раненых, чтобы не иметь опыта в диагностике таких вещей. «Если Родригеса положить в тепло, – решил он, – дать sake, и лекарственных трав, и много теплых припарок, он будет жив. Может быть, он не будет снова ходить, но он будет жить. Да. Я хочу, чтобы этот человек выжил. Если он не сможет ходить, неважно. Может быть, это даже к лучшему, у меня будет запасной кормчий – этот человек, конечно, обязан мне жизнью. Если пират не захочет сотрудничать, я смогу использовать этого человека. Может, стоит притвориться христианином – это привлечет их ко мне? А что бы сделал Оми? Этот человек умен – Оми. Да, Слишком умен? Оми слишком многое и слишком быстро видит. Если он дальновидный, он должен понять, что его отец станет вождем клана, если я исчезну – мой сын слишком неопытен пока, чтобы выжить одному, – а после отца Оми сам станет вождем клана. Так? Что делать с Оми? Скажем, я отдам Оми чужеземцам? Как игрушку? Что тогда?»

Сверху донеслись тревожные крики. Тогда он понял, на что указывает чужеземец. Прилив! Прилив наступал очень быстро. Он уже захватывал его скалу. Он вскарабкался повыше и поморщился, когда боль молнией пронзила колено. Он увидел, что отметки прибоя над основанием скалы были выше человеческого роста.

Он посмотрел на ялик. Тот был около корабля. По берегу все еще быстро бежал Такатаси. Веревки вовремя не принесут, сказал он себе.

Его глаза внимательно осмотрели местность. Вверх на утес пути не было. Убежища в скалах не было. Никаких пещер. В море были выходы скал, но до них нельзя было добраться. Плавать он не умел, и нечего было использовать как плот.

Люди наверху следили за ним. Чужеземец показал на скалы в море и сделал движения, как будто плавая, но он покачал головой. Он снова все внимательно осмотрел. Ничего.

«Выхода нет, – подумал он, – Теперь ты умрешь. Готовься».

«Карма», – сказал он себе и отвернулся от них, устраиваясь более удобно, наслаждаясь великой истиной, пришедшей к нему. Последний день, последнее море, последний свет, последняя радость, последнее все. Как красиво море и небо, холод и соль. Он начал думать о последней песне-поэме, которую он сейчас по привычке сочинял. Он чувствовал себя счастливым. У него было время все хорошо обдумать.

Блэксорн кричал:

– Слушай, ты, сукин сын! Найди уступ – там должен быть где-нибудь уступ!

Самураи стояли у него на дороге, глядя на него как на сумасшедшего. Им было ясно, что выхода нет и что Ябу просто готовится к хорошей смерти, как сделали бы и они на его месте. И они относились к этому буйству чужеземца так, как они знали, относился бы к

этому Ябу.

– Смотрите все вниз, все вы. Может быть, там есть какой-нибудь выступ!

Один из них подошел к краю обрыва и посмотрел вниз, пожал плечами и поговорил со своими товарищами, они тоже пожали плечами. Каждый раз, когда Блэксорн пытался подойти ближе к краю обрыва, чтобы найти способ спасти Ябу, они останавливали его. Он легко мог столкнуть одного из них и отправить на смерть, ему хотелось этого. Но он понимал их и их проблемы. Думай о том, как помочь этому негодяю. Ты должен спасти его, чтобы спасти Родригеса.

– Эй вы, дрянь, поганые япошки! Эй, Касиги Ябу! Не сдавайся. Сдаются только трусы! Ты человек или баран? – Но Ябу не обращал внимания. Он был так же неподвижен, как скала, на которой он сидел.

Блэксорн поднял камень и с силой бросил в него. Тот незамеченным ушел в воду, а самурай сердито закричал на Блэксорна... Он знал, что они в любой момент могут навалиться и связать его. Но как они это сделают? У них нет веревок.

«Веревки! Нужны веревки! Ты можешь их достать?»

Его глаза наткнулись на кимоно Ябу. Он начал рвать его, пробуя на прочность: то, что надо.

– Давай! – приказал он самураям, скидывая собственную рубашку. – Делайте веревки, ну?

Они поняли, быстро развязали пояса, сняли кимоно и последовали его примеру. Он начал связывать концы, используя также и пояса. Пока они заканчивали с веревками, Блэксорн осторожно лег на землю и подвинулся к краю, заставив двух самураев держать его за лодыжки. Он не нуждался в помощи, просто хотел успокоить их.

Он высунул голову как можно дальше, понимая их беспокойство. После этого он стал осматриваться, как если бы смотрел в море. Участок за участком.

Все гладко. Ничего.

Еще раз.

Ничего.

Снова.

Что это? Как раз выше линии прилива? Это не трещина в утесе? Или тень? Блэксорн передвинулся, остро осознавая, что море почти покрыло скалу, на которой сидел Ябу, и почти все скалы за ним и основание утеса. Теперь он мог видеть лучше.

– Там! Что это?

Самурай встал на четвереньки и посмотрел за пальцем Блэксорна, вытянутым вперед, но ничего не увидел.

– Там! Это не выступ?

Руками он изобразил уступ и двумя пальцами показал человека, стоявшего на нем, и еще одним пальцем сделал длинный узел на плече человека, так что теперь человек стоял на уступе – этом уступе – еще с одним человеком на плече.

– Быстро! Исоги! Объясните это ему – Касиги Ябу-сама! Вакаримасу ка!

Самурай вскочил, быстро заговорил с другими, и они тоже посмотрели. Теперь они все увидели выступ. И начали кричать. От Ябу не было никакого отклика. Он казался похожим на камень. Они продолжали кричать, и Блэксорн почти кричал, но казалось, что никто не издавал ни звука.

Один из самураев коротко поговорил с другими, они все кивнули и поклонились. Внезапно с криком «Банзааай!» он бросился с утеса и полетел к своей смерти. Ябу с усилием вырвался из своего транса, повернулся вокруг и встал.

Другой самурай кричал и что-то показывал, но Блэксорн ничего не слышал и не видел, кроме разбитого тела внизу, уже увлекаемого морем. «Что это за люди? – думал он беспомощно. – Было ли это мужество или помешательство? Этот человек явно совершил самоубийство, без всякого шанса спастись, чтобы привлечь внимание другого, который уже отказался от борьбы за жизнь. Это не имело смысла! Они не признавали смысла».

Он увидел, как Ябу, шатаясь, поднимается. Он ожидал, что тот полезет, оставив Родригеса. «А что бы сделал я? Я не знаю». Но Ябу наполовину полз, наполовину скользил, таща бесчувственного человека с собой через мелкие места, на которые накатывал прибой, к подножию утеса. Он нашел уступ, который был всего в один фут шириной. Чувствуя сильную боль, он толкнул Родригеса на уступ, чуть не упав при этом, потом взгромоздился сам.

Веревка получилась короче на 20 футов. Самураи тут же добавили свои набедренные повязки. Теперь, если Ябу будет стоять, он достанет конец.

Несмотря на всю свою ненависть, Блэксорн восхищался мужеством Ябу. Полдюжины раз волны почти поглощали его. Дважды Родригес срывался, но каждый раз Ябу вытаскивал его. Где ты берешь мужество, Ябу? Или ты просто дьявол? Как и все вы?

Чтобы спуститься вниз на первую площадку, требовалось мужество. Сначала Блэксорн думал, что Ябу действует так из-за бравады, но вскоре понял, что человек бросил вызов скале и почти выиграл. Потом он разбился при падении так же сильно, как и любой упавший. И с достоинством отказался от борьбы.

«Боже мой. Я восхищаюсь этим негодяем и ненавижу его».

Почти час Ябу противостоял морю и своему обессиленному телу. В сумерках вернулся Такатаси с веревками. Они сделали люльку и спустились с утеса с искусством, о котором Блэксорн и не подозревал.

Тут же был поднят Родригес. Блэксорн попытался помочь ему, но японец с густыми волосами уже опустился около него на колени. Он смотрел, как этот человек, очевидно доктор, осматривал сломанную ногу. После этого самурай поддержал плечи Родригеса, пока доктор всем телом налег на ногу, и кость скользнула обратно в тело. Его пальцы ощупали и правильно поставили ее, после чего привязали к шине. Он начал оборачивать вокруг раны травы, когда вытащили Ябу.

Дайме отказался от помощи, махнул рукой доктору, направив его к Родригесу, сел и стал ждать.

Блэксорн глядел на него. Ябу почувствовал его глаза. Два человека смотрели друг на друга.

– Спасибо, – сказал наконец Блэксорн, указывая на Родригеса. – Спасибо, что ты спас ему жизнь. Спасибо, Ябу-сан, – Он почтительно поклонился, – Это за твое мужество, ты, черноглазый сын дерьмовой проститутки.

Ябу чопорно ответил на поклон. Но в глубине души он улыбался.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава Десятая

Их переход от бухты до Осаки был спокойным. Бортовые журналы Родригеса были полные и очень точные. В первую ночь Родригес пришел в себя. Сначала он подумал, что умер, но боль сразу заставила его думать иначе.

– Они вправили ногу и перебинтовали ее, – сказал Блэксорн. – И стянули ремнем плечо. Оно было вывихнуто. Они не делали кровопускания, как я ни пытался заставить их.

– Когда я приеду в Осаку, это могут сделать иезуиты, – измученные глаза Родригеса вонзились в него. – Как я оказался здесь, англичанин? Я помню, что попал за борт, а больше ничего.

Блэксорн рассказал ему.

– Так теперь я обязан тебе жизнью. Черт тебя побери.

– С юта было видно, что мы могли войти в бухту. С носа под твоим углом зрения все отличалось на несколько градусов. С волной нам не повезло.

– Не беспокойся обо мне, англичанин. Ты был на юте у тебя был руль. Мы оба знали

это. Нет, я проклинаяю тебя за то, что я теперь обязан тебе жизнью. Мадонна, моя нога!

От боли у него хлынули слезы. Блэксорн дал ему кружку грога и присматривал за ним всю ночь. Шторм тем временем кончился. Несколько раз приходил японский доктор и заставлял Родригеса выпить горячее лекарство, клал ему на лоб горячие полотенца и открывал иллюминаторы. И каждый раз, когда доктор уходил, Блэксорн закрывал иллюминаторы, так как всем известно, что лихорадка бывает от сквозняка и чем плотнее закрыта каюта, тем безопаснее и здоровее, если мужчина в таком плохом состоянии, как Родригес.

Наконец доктор накричал на него и поставил у иллюминаторов самурая, так что они оставались открытыми. На рассвете Блэксорн вышел на палубу. Хиро-Мацу и Ябу оба были там. Он поклонился, словно придворный.

– Кончива Осака?

Они поклонились в ответ.

– Осака. Хай, Анджин-сан, – сказал Хиро-Мацу.

– Хай! Исоги, Хиро-Мацу-сама. Капитан-сан! Поднять якорь!

– Хай, Анджин-сан!

Он непроизвольно улыбнулся Ябу. Ябу улыбнулся в ответ, потом, хромая, отошел, а Блэксорн подумал, что он только что приветствовал человека, хотя тот дьявол и убийца. «А ты не убийца тоже? Да, но не таким способом», – сказал он себе.

Блэксорн с легкостью вел корабль до цели. Переход занял день и ночь, и только после рассвета следующего дня они были около Осаки. На борт поднялся японский лоцман, чтобы провести судно к пристани, и, освободившись от ответственности, он с радостью спустился вниз, чтобы выспаться.

Позднее капитан растолкал его, поклонился и знаками показал, что Блэксорну следует приготовиться идти с Хиро-Мацу, как только они причалят.

– Вакаримас ка, Анджин-сан?

– Хай.

Моряк ушел. Блэксорн снова растянулся на койке, чувствуя боль во всем теле, потом заметил, что Родригес следит за ним.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, англичанин. Учитывая, что моя нога в огне, голова разрывается, я хочу в сортир, а язык как будто в бочке со свиным дерьмом.

Блэксорн дал ему ночной горшок, потом опорожнил его в иллюминатор и налил кружку грога.

– Ты становишься медицинской сиделкой, англичанин. Это твоя нечистая совесть.

Родригес засмеялся, и было приятно снова услышать его смех. Его взгляд упал на бортовой журнал, который лежал открытым на столе, и к его ящику для карт. Он увидел, что тот открыт.

– Я давал тебе ключ?

– Нет. Я обыскал тебя. Мне нужен был настоящий журнал. Я сказал тебе, когда ты проснулся в первую ночь.

– Это прекрасно. Я не помню, но это честно. Слушай, англичанин, спроси любого иезуита, где в Осаке Васко Родригес, и они проведут тебя ко мне. Приходи навестить меня – тогда ты сможешь скопировать мой журнал, если захочешь.

– Спасибо. Я уже скопировал один. По крайней мере, я скопировал, что мог, и очень внимательно прочитал остальные.

– Твою мать! – сказал Родригес по-испански.

– И твою.

Родригес снова вернулся к португальскому.

– Разговор на испанском вызывает у меня рвоту, хотя на этом языке можно ругаться лучше, чем на каком-либо другом. Там, в моем ящике для карт, есть пакет. Дай его мне, пожалуйста.

– Тот, с иезуитскими печатями?

– Да.

Он дал его Родригесу. Тот изучил пакет, прощупал пальцами нетронутые печати, потом, видимо, передумал и положил пакет на грубое одеяло, под которым он лежал, опять откинув голову на подушку.

– Эх, англичанин, жизнь такая странная.

– Почему?

– Если я жив, по милости божьей, то благодаря еретику и японцам. Пошли сюда этого землееда, чтобы я мог поблагодарить его, а?

– Сейчас?

– Попозже.

– Хорошо.

– Эта ваша эскадра, та, которая напала на Манилу, та, о которой вы рассказали святому отцу, – это правда, англичанин?

– Эскадра наших военных кораблей разбила войска вашей империи в Азии, ты об этом?

– Там эскадра?

– Конечно.

– Сколько кораблей было в твоей эскадре?

– Пять. Остальные рассеялись в море неделю или около того назад. Я пошел вперед в поисках Японии и попал в шторм.

– Ври больше, англичанин. Но я не спорю, мне говорили те, кто брал пленных, сколько. Больше нет кораблей и эскадр.

– Подожди и увидишь.

– Подожду. – Родригес сделал большой глоток. Блэксорн потянулся и подошел к иллюминатору, желая прекратить этот разговор, и выглянул, рассматривая город и берег.

– Я думал, Лондон самый большой город в мире, но по сравнению с Осакой он маленький городишко.

– У них есть дюжины городов типа этого, – сказал Родригес, также радуясь возможности прекратить этот разговор, игру в кошки-мышки, которая никогда не давала пряника без кнута. – Мияко, столица, или Киото, как его иногда называют, самый большой город в империи, вдвое больше Осаки, так говорят. Дальше идет Эдо, столица Торанаги. Ни я, никто из священников или португальцев никогда не был там, – Торанага держит свою столицу на замке – запретный город. Пока, – добавил Родригес, ложась обратно в свою койку и закрывая глаза, его лицо вытянулось от боли. – Пока они не отличаются друг от друга. Вся Япония официально закрыта для нас, за исключением портов Нагасаки и Хирадо. Наши священники попросту не обращают внимания на приказы и ходят, куда пожелают. Но мы, моряки или торговцы, не можем, если нет специального приказа от регентов или великого дайме, например Торанаги. Любой из дайме может схватить один из наших кораблей – как Торанага завладел вашим – за пределами Нагасаки или Хирадо. Таков их закон.

– Ты хочешь сейчас отдохнуть?

– Нет, англичанин. Разговаривать лучше. Разговор помогает отогнать боль. Мадонна, как у меня болит голова! Я не могу нормально думать. Давай поговорим, пока ты не сошел на берег. Возвращайся и навести меня – я очень хотел тебя об этом попросить. Дай мне еще грогу. Спасибо, спасибо, англичанин.

– Почему тебе запрещено ходить куда ты пожелаешь?

– Что? А, здесь, в Японии? Это сделал Тайко – он заварил всю эту кашу. С тех пор как мы первыми пришли сюда в 1542 году, начали работать миссионеры и нести им цивилизацию, мы и наши священники могли двигаться свободно, но когда Тайко получил полную власть, он начал вводить свои запреты. Многие верят... ты не мог бы подвинуть мне ногу, сними одеяло с ноги, она горит... Да, о Мадонна, осторожней. – так, спасибо, англичанин. Да, на чем я остановился? Многие верят, что Тайко был пенис Сатаны. Десять лет назад он выпустил эдикты относительно святых отцов, англичанин, и всех, кто хотел

нести слово Господа. И он изгнал всех, кроме торговцев, десять или двенадцать лет назад. Это было еще до того, как я пришел в эти воды, – я был здесь семь лет назад и с тех пор приходил и уходил. Святые отцы говорят, что это случилось из-за языческих священников – буддистов, – отвратительных, ревностных поклонников идола, этих язычников. Они настроили Тайко против наших святых отцов, совратили его, когда он был уже почти обращен. Да, Великий Убийца сам почти спас душу. Но он упустил свой шанс на спасение. Да... Как бы то ни было, он приказал всем нашим священникам покинуть Японию... Я сказал тебе, что это было десять лет назад?

Блэксорн кивнул, он был рад, что тот говорит так, перескакивая с одного на другое, радуясь возможности слушать и узнавать новое.

– Тайко собрал всех отцов в Нагасаки, где был готов корабль, чтобы отправить их в Макао с письменными приказами никогда не возвращаться под страхом смерти. Потом, так же внезапно, он оставил их в покое и больше не трогал. Я рассказывал тебе, что японцы все с мозгами набекрень. Да, он оставил их в покое, и скоро все стало как раньше, за исключением того, что большинство отцов осталось на Кюсю, где к нам хорошо относятся. Я сказал тебе, что Япония состоит из трех больших островов, Кюсю, Сикоку и Хонсю? И тысяч мелких островков. Есть еще один остров далеко на севере – некоторые называют его материком – Хоккайдо, но там живут только волосатые туземцы.

Япония – перевернутый мир, англичанин. Отец Алвито рассказывал мне, что все стало опять так, как будто ничего не случилось. Тайко стал дружелюбен, как и прежде, хотя он никогда не обращался в нашу веру. Он закрыл церковь и только прогнал двух или трех христианских даиме – но это только, чтобы получить их земли – и никогда не вводил в действие свои эдикты об изгнании священников. Потом, три года назад, он сошел с ума еще раз и казнил двадцать шесть отцов. Он распял их в Нагасаки. Без причин. Он был маньяк, англичанин. Но после убийства двадцати шести он больше ничего не сделал. Вскоре после этого он умер. Это была рука Бога, англичанин. Проклятие Бога было на нем и на его семени. Я уверен в этом.

– У вас здесь много новообращенных? Но Родригес, казалось, не слышал, ушел в свое полубессознательное состояние.

– Они все звери, эти японцы. Я не рассказывал тебе об отце Алвито? Он переводчик – Тсукуку-сан, называют они его, мистер переводчик. Он был переводчиком у Тайко, англичанин, теперь он официальный переводчик Совета регентов. Он говорит по-японски лучше большинства японцев и знает о них намного больше любого живущего здесь человека. Он сказал мне, что в Мияко, это столица, англичанин, есть холм земли высотой пятьдесят футов. Тайко собирал носы и уши всех корейцев, убитых на войне, и закапывал там – это корейская часть материка, западнее Кюсю. Это правда, англичанин! Клянусь Святой Девой, не было таких убийц, как он, – а они все такие же. – Глаза Родригеса были закрыты, а лоб пылал.

– У вас тут много обращенных? – осторожно спросил его Блэксорн снова, отчаянно пытаясь узнать, сколько здесь врагов.

К его удивлению, Родригес сказал:

– Сотни тысяч, и с каждым годом становится все больше. Со времен смерти Тайко мы имеем больше, чем когда-либо, и те, кто были тайными христианами, теперь открыто ходят в церковь. Большая часть острова Кюсю сейчас католическая. Большинство даиме на Кюсю новообращенные. Нагасаки – католический город, иезуиты владеют им, ездят туда и ведут всю торговлю. Вся торговля идет через Нагасаки. Мы имеем там собор, дюжину церквей и еще дюжины распространяются на Кюсю, но здесь, на главном острове, Хондо, их еще немного и...

Боль снова не дала ему говорить. Через мгновение он продолжал:

– На одном Кюсю три или четыре миллиона человек – скоро они все будут католиками. На островах есть еще двадцать с лишним миллионов японцев, и скоро...

– Это невозможно! – Блэксорн тут же обругал себя: почему бы не узнать побольше?

– Зачем бы мне врать? Десять лет назад была перепись. Отец Алвито сказал, что Тайко приказал провести ее, а он должен знать, он был там. Зачем бы ему врать? – Глаза Родригеса были налиты яростью. – Это больше, чем население всей Португалии, Испании, Франции, Испанских Нидерландов и Англии, взятых вместе, и ты можешь добавить сюда всю святую Римскую империю, чтобы сравниться с этим!

«Боже мой, – подумал Блэксорн, – вся Англия не больше трех миллионов. И это с Уэллсом. Если здесь так много японцев, как мы можем иметь дело с ними? Если здесь двадцать миллионов, это означает, что они легко могут собрать армию большей численности, чем все наше население, если только захотят. И если они все такие одержимые, как те, кого я видел – а почему бы им не быть такими, – клянусь ранами Христа, они будут непобедимы. А если они уже частично католики и если иезуиты здесь набрали силу, их число будет увеличиваться, а нет фанатиков больше, чем новообращенные фанатики, так какой шанс здесь у нас и голландцев проникнуть в Азию? Вовсе никакого».

– Если ты считаешь, что это много, то подожди, пока не попадешь в Китай. Там все желтые, все с черными волосами и глазами. О, англичанин, я скажу тебе, ты еще много чего узнаешь. Я был в прошлом году в Кантоне, на распродаже шелка. Кантон – город-крепость в южном Китае, на Жемчужной реке, к северу от нашего города, названного по имени Бога, в Макао. Там в стенах этого города миллион питающихся собаками язычников. В Китае больше людей, чем во всем остальном мире. Должно быть больше. Подумай об этом! – Волна боли прошла по Родригесу, и его здоровая рука легла на желудок. – У меня не было кровотечения? Ниоткуда?

– Нет. Я проверил. Только нога и плечо. У тебя нет внутренних повреждений, Родригес, по крайней мере я не думаю, что есть.

– А насколько плохо с ногой?

– Она промыта и очищена морем. В тот момент перелом был чист и кожа была чистая.

– Ты промыл ее бренди и обжег?

– Нет, они мне не дали – они меня прогнали. Но их доктор, видимо, знает, что делает. Твои люди сразу же придут на борт?

– Да. Как только мы причалим. Наверняка.

– Хорошо. Ты еще расскажешь? О Китае и Кантоне?

– Я, наверное, сказал слишком много. Будет достаточно времени поговорить о них.

Блэксорн видел, как здоровая рука Родригеса играла с запечатанным конвертом, и он опять подумал, что бы это могло значить.

– С твоей ногой все будет нормально. Ты увидишь это на этой неделе.

– Да, англичанин.

– Я не думаю, что будет нагноение – гноя нет, – ты соображаешь нормально, так что с головой тоже все в порядке. Ты поправишься, Родригес.

– Я тем не менее обязан тебе жизнью. – Дрожь прошла по телу португальца, – Когда я тонул, все, о чем я мог думать, это крабы, ползающие в моих глазницах. Я мог чувствовать, как они копошатся во мне, англичанин. Третий раз я попал за борт, и с каждым разом это все хуже и хуже.

– Я падал в море четыре раза. Три раза меня топили испанцы.

Дверь каюты открылась, и капитан, кланяясь, позвал Блэксорна наверх.

– Хай! – Блэксорн встал, – Ты ничем мне не обязан, Родригес, – сказал он мягко. – Ты дал мне жизнь и помог мне, когда я был в отчаянии, и я благодарю тебя за это. Мы расквитались.

– Может быть, но послушай, англичанин, вот тебе немного правды в оплату: никогда не забывай, что японцы имеют шесть лиц и три сердца. Говорят, что они считают, что человек имеет фальшивое сердце во рту, чтобы видеть весь мир, другое в груди, чтобы показывать его своим особо близким друзьям и своей семье, и настоящее сердце – истинное, секретное, которое никому никогда не известно, за исключением его самого, спрятанное только Бог знает где. Они вероломны, если не говорить об их вере, норовисты без надежды на

исправление.

– Почему Торанага хочет видеть меня?

– Я не знаю. Клянусь Святой Девой! Я не знаю. Возвращайся проведать меня, если сможешь.

– Да. Желаю удачи, испанец!

– Ты кашалот! Ну даже так, все равно, иди с Богом.

Блэксорн улыбнулся в ответ, обескураженный, и вышел на палубу. Голова закружилась, когда он увидел Осаку, ее просторы, толпы людей и огромный замок, который царил над городом.

Над громадой замка парила главная башня – поражающее своей красотой центральное здание семи или восьми этажей в высоту, определяемых по конькам с изогнутыми крышами на каждом этаже, с позолоченной черепицей и голубыми стенами.

«Вот где живет Торанага», – подумал он, и ледяная колючка вонзилась в его кишки.

В закрытом паланкине его привезли в большой дом. Там он принял ванну и поел неизменного рыбного супа, сырой и паровой рыбы, немного маринованных овощей и выпил горячего травяного настоя. Вместо пшеничной каши в этом доме ему дали чашку рису. Он видел рис однажды в Неаполе. Он был белый, недробленый, но ему показался безвкусным, его желудок жаждал мяса и хлеба, окорока, пирогов, цыплят, пива и яиц.

На следующий день за ним пришла служанка. Белье, которое дал ему Родригес, было выстирано. Она следила, как он одевается, и помогла ему надеть новые таби – носки-ботинки. Снаружи стояла новая пара тхонгов. Его ботинок не было. Она покачала головой и показала на тхонги, потом на паланкин с зашторенными окнами. Группа самураев сопровождала их. Старший сделал ему знак поторопиться и тоже вошел в паланкин.

Они немедленно тронулись. Занавеси были плотно закрыты. После долгого перехода паланкин остановился.

– Ты не должен бояться, – громко сказал старший и вышел. Перед ним были гигантские каменные ворота замка. Они были сделаны в тридцатифутовой стене с перекрывающимися друг друга зубцами, бастиянами и внешними укреплениями. Огромная, обитая железом дверь была открыта, кованая решетка поднята. За ней был деревянный мост, в двадцать шагов шириной и двести длиной, проходивший надо рвом с водой и кончавшийся у огромного подъемного моста и других ворот, во второй стене, такой же большой.

Повсюду толпились сотни самураев. Все они носили одинаковую серую мрачную форму – кимоно с поясом, каждый с пятью небольшими круглыми знаками различия – по одному на каждой руке, на каждой стороне груди и один в центре спины. Знаки различия были голубого цвета, видимо, цветок или цветки.

– Анджин-сан!

Хиро-Мацу прямо сидел в открытом паланкине, который несли четыре носильщика в ливреях. Его кимоно было коричневым и аккуратным, пояс черный, как и у пятидесяти самураев, окружавших его. Их кимоно также имели пять знаков различия, но они были алого цвета, как и флаг на мачте, отличительный знак Торанаги. Эти самураи носили длинные блестящие пики с маленькими флажками у наконечников.

Блэксорн поклонился, не раздумывая, восхищенный величием Хиро-Мацу. Старик формально поклонился в ответ, длинный меч он свободно держал на коленях и сделал знак следовать за ним.

У ворот вперед вышел офицер. Началось церемониальное чтение пропуска, поклоны и разглядывание Блэксорна, после чего они вошли на мост, по бокам как эскорт шли самураи в серой форме.

Уровень воды во рву был на глубине 50 футов, ров тянулся на 300 шагов в каждую сторону, дальше шли стены, так как там был поворот на север, и Блэксорн подумал: «Боже мой, не хотел бы я попробовать идти здесь в атаку. Защитники могли дать погибнуть гарнизону наружной стены и поджечь мост, тогда они внутри были в безопасности. Боже мой, наружные стены, должно быть, охватывают площадь в квадратную милю и имеют

толщину, видимо, двадцать – тридцать футов, и внутренняя стена такая же. И она сделана из огромных каменных блоков. Каждый из них должен иметь размер десять на десять футов! По крайней мере! И вырезаны очень точно и поставлены на место без всяких скрепляющих растворов. Они должны весить по крайней мере пятьдесят тонн. Это лучше всего, что могли бы сделать мы. Осадные орудия? Конечно, они могли бы разрушить наружные стены, если бы поставить их в соответствующем месте. Но и у защищающих крепость также должны быть лучшие пушки из тех, что можно получить. Их сюда трудно доставить, и нет такой высокой точки, с которой в крепость можно было бы забросить зажигательные снаряды. Если наружная стена взята, защитники могли еще обстреливать атакующих с зубчатой внутренней стены. Но даже если туда бы удалось затащить осадные орудия и направить их на следующую стену, они не смогут пробить ее. Они могут повредить дальние ворота, но что дальше? Как можно пересечь ров с водой? Он слишком большой для обычных способов. Замок должен быть неприступен – при достаточном количестве солдат. Сколько здесь солдат? Сколько горожан найдут себе убежище внутри? Он делает лондонский Тауэр похожим на свинарник. И весь Хемптон Корт уместится в одном углу!»

У следующих ворот состоялась другая церемония проверки документов, и дорога сразу повернула налево вниз по большой улице, образованной линией сильно укрепленных домов за легко защищаемыми стенами разной высоты. Далее улица раздваивалась в лабиринте лестниц и дорожек. Затем были еще одни ворота и новая проверка, еще одна опускная решетка и другой огромный ров с водой, и новые изгибы и повороты, до тех пор, пока Блэксорн, несмотря на всю свою наблюдательность, необычайно хорошую память и чувство направления, не потерялся в этом умышленно устроенном лабиринте. И все время бесчисленные серые смотрели на них с эскарпов, валов и зубчатых стен, парапетов и бастионов. И много было просто идущих, караулящих, марширующих, тренирующихся или ухаживающих за лошадьми в открытых столах. Солдаты повсюду, тысячами. Все были вооружены и тщательно одеты.

Он проклял себя, что не был достаточно умен, чтобы побольше выпросить у Родригеса. Кроме информации о Тайко и новообращенных, которая была достаточно ненадежна, Родригес был молчалив, как только можно – как ты сам, избегающий его вопросов.

«Сконцентрируйся. Ищи улики. Что особенного в этом замке? Он очень большой. Нет, что-то другое. Что? Серые враждебны по отношению к коричневым? Не могу сказать, они все так серьезные».

Блэксорн тщательно наблюдал за ними и сфокусировался на деталях. Слева радовал глаз возделанный сад, с небольшими мостиками, ручьем. Стены были теперь построены ближе друг к другу, улицы стали уже. Они приближались к главной башне замка. Внутри снова слуги. Здесь не было пушек! Вот в чем разница!

Ты не видел ни одной пушки. Ни одной.

Боже мой, на небесах нет пушек, следовательно, нет осадных орудий! Если бы у тебя были современные орудия, а замок не имел защитников, мог бы ты взорвать стены, выбить двери, забросать дождем зажигательных ядер замок, устроить пожар и захватить его?

Ты не смог бы пробраться через первый ров с водой.

Имея осадные орудия, ты мог бы причинить много неприятностей защитникам, но они могли бы вечно держаться здесь – если бы в гарнизоне было достаточно бойцов, хватало бы пищи, воды и вооружения. Как преодолеть рвы? На лодках? На плотках? Он пытался составить план замка. Когда паланкин остановился, Хиро-Мацу спустился на землю. Они были в узком тупике. Огромные, усиленные железом деревянные ворота были пробиты в двадцатифутовой стене, которая являлась частью наружных укреплений, расположенной выше крепости, все еще отстоящей от главной башни замка, которая отсюда была почти не видна. В отличие от всех других ворот эти охранялись коричневыми, единственными из самураев, которых Блэксорн видел в крепости. Было очевидно, что они совсем не обрадованы встречей с Хиро-Мацу.

Серые повернулись и ушли. Блэксорн заметил враждебные взгляды, которыми их проводили коричневые.

Так они были врагами!

Ворота открылись, и он прошел за стариком внутрь. Один. Остальные самураи остались снаружи.

Внутренний двор охранялся коричневыми, здесь был устроен сад. Они пересекли его и вошли в крепость. Хиро-Мацу скинул обувь, и Блэксорн сделал то же самое.

Ковер внутри был в изобилии устлан матами, теми самыми камышовыми матами, чистыми и очень приятными для ног, которые были на полу во всех домах, кроме самых бедных. Блэксорн еще раньше заметил, что все они были одинакового размера, около шести футов на три. Подумай об этом, сказал он себе, я никогда не видел фигурных матов или обрезанных до другого размера. И никогда не было комнат другой формы! Неужели все комнаты имеют прямоугольную или квадратную форму? Конечно! Это значит, что все дома – или комнаты – должны быть построены на точное число матов. Так что они все стандартные! До чего же странно!»

Они поднимались по извивающейся, удобной для обороны лестнице и шли дополнительными коридорами и другими этажами. Всюду было много охраны, всегда коричневые. Лучи солнечного света из амбразур создавали причудливые узоры. Блэксорн мог видеть, что теперь они были высоко над тремя главными окружающими стенами. Город и гавань как нарисованные лежали под ними.

Коридор повернул под острым углом и кончился через пятьдесят шагов.

Блэксорн почувствовал во рту вкус желчи. «Не беспокойся, – сказал он себе, – ты решил, что делать. Ты уже начал».

Толпа самураев с молодым командиром впереди защищала последнюю дверь – каждый правой рукой держался за рукоятку меча, левая лежала на ножнах, все они смотрели на приближающихся людей, недвижимые и готовые к нападению.

Хиро-Мацу был доволен их готовностью. Он лично отбирал этих стражей. Он ненавидел замок и снова подумал, как опасен он для Торанаги, отдавшегося во власть врага. Прямо вчера, только спустившись на берег, он поспешил к Торанаге, чтобы рассказать тому о своей миссии и разобраться, если что-то случилось в его отсутствие. Но все еще было спокойно, хотя шпионы его и доносили об опасных вражеских укреплениях к северу и востоку и о том, что их основные союзники, регенты Оноши и Кийяма, самые крупные из христианских дайме, собирались перейти на сторону Ишидо. Он переменил стражу и пароли и снова просил Торанагу уехать, не подставляться.

В десяти шагах от командира стражи он остановился.

Глава Одиннадцатая

Ёси Нага, командир стражи, был вспыльчивый, опасный юноша семнадцати лет.

– Доброе утро, господин. Я рад вашему возвращению.

– Спасибо. Господин Торанага ожидает меня.

– Да. – Даже если бы Хиро-Мацу и не ожидали, Нага тем не менее должен был бы его пропустить. Тогда Хиро-Мацу был одним из трех человек в мире, которые допускались к Торанаге в любое время дня и ночи без предварительной договоренности.

– Обыщите чужеземца, – сказал Нага. Он был пятый сын Торанаги от одной из его супруг и боготворил своего отца.

Блэксорн спокойно отнесся к этому, поняв, что они собираются делать. Два самурая оказались очень опытными в таких делах. От них ничего не ускользнуло бы.

Нага дал знак остальным своим людям. Они отодвинулись в сторону. Он сам открыл толстую дверь. Хиро-Мацу вошел в огромную комнату для аудиенций. Сразу около двери он стал на колени, положил свои мечи на пол перед собой, положил руки плашмя на пол по бокам и низко наклонил голову, ожидая в таком униженном положении.

Нага, весь настороженный, знаком приказал Блэксорну сделать то же самое.

Блэксорн вошел. Комната была квадратной, сорок шагов в ширину и десять в высоту. Пол покрывали безупречные татами самого высокого качества, толщиной в четыре пальца. В дальней стене было две двери. У помоста, в нише, стояла маленькая глиняная ваза с веткой цветущей вишни, которая и заполняла комнату приятным ароматом.

Обе двери охранялись. В десяти шагах от помоста, окружая его, располагались еще двадцать самураев, сидевшие со скрещенными ногами спиной к помосту.

Торанага сидел на единственной подушке на помосте. Он занимался тем, что с искусством и терпением костореза вправлял сломанное перо в крыле сокола, сидящего с надетым на голову колпачком.

Ни он, ни остальные в комнате не приветствовали Хиро-Мацу и не обратили внимания на Блэксорна, когда они вошли и остановились около старика. Но в отличие от Хиро-Мацу Блэксорн поклонился, как ему показал Родригес, потом, глубоко вздохнув, сел, скрестив ноги, и стал смотреть на Торанагу.

Все глаза обратились к Блэксорну.

В дверном проходе рука Наги уже опустилась на меч. Хиро-Мацу уже схватился за свой, хотя его голова все еще и была склонена.

Блэксорн чувствовал себя как голый, но он уже проявил себя и теперь мог только ждать. Родригес сказал: «С японцами ты должен вести себя как король». И хотя этот поступок был отнюдь не королевский, этого было более чем достаточно.

Торанага медленно поднял взгляд.

Капля пота появилась на виске Блэксорна, так как все, что говорил Родригес ему о самураях, казалось, выкристаллизовалось в одном этом человеке. Он чувствовал, как тонкая струйка пота течет со щеки на подбородок. Он заставил свои голубые глаза смотреть твердо и не мигая, лицо оставалось спокойным.

Взгляд Торанаги также оставался неподвижным.

Блэксорн чувствовал почти ошеломляющую энергию этого человека, доходящую до него. Он заставил себя медленно досчитать до шести, потом наклонил голову и слегка поклонился опять, спокойно улыбнувшись.

Торанага мельком посмотрел на него, его лицо было неподвижно, потом опустил глаза и опять сосредоточился на своей работе. Напряжение в комнате спало.

Сокол был молодой самкой сапсана. Помощник, старый сутулый самурай, стоял перед Торанагой на коленях и держал ее, как будто это было стеклянное изделие. Торанага срезал сломанное перо, вставил тонкую бамбуковую иглу на клею в черенок пера, потом осторожно надел заново отрезанное перо на другой конец бамбуковой лучинки. Он выравнивал угол поворота пера до тех пор, пока тот не стал совершенным, потом завязал перо шелковой ниткой. Маленькие колокольчики на ногах птицы звякнули, и он ее успокоил.

Ёси Торанага, господин Кванто – повелитель Восьми Провинций – глава клана Ёси, главнокомандующий армиями Востока, президент Совета регентов, был невысокий мужчина с большим животом и крупным носом. Брови густые и темные, усы и борода серо-пегие и редкие. На его лице выделялись глаза. Ему было пятьдесят восемь лет, для своего возраста он был силен. Его коричневое кимоно было простой формы, пояс хлопчатобумажный. Но его мечи были лучшими в мире.

– Ну, моя красавица, – сказал он с нежностью любовника. – Теперь ты опять здорова. – Он погладил птицу пером, та сидела с колпачком на глазах на одетом в рукавицу кулаке самурая. Птица вздрогнула и начала удовлетворенно чистить перья. – Мы пустим ее полетать через неделю.

Помощник поклонился и ушел.

Торанага обратил свой взор на двух человек у дверей.

– Добро пожаловать, Железный Кулак. Я рад видеть тебя, – сказал он. – Так это твой знаменитый чужеземец?

– Да, господин. – Хиро-Мацу подошел ближе, оставив по обычаю свои мечи у дверей,

но Торанага настоял, чтобы он принес их с собой.

– Я чувствую себя неудобно, если их нет у тебя в руках, – сказал он.

Хиро-Мацу поблагодарил его. Даже при этом он сидел в пяти шагах от помоста. По обычаю, никто вооруженный не мог безопасно подойти к Торанаге на меньшее расстояние. В переднем ряду часовых стоял Усаги, муж любимой внучки Хиро-Мацу, и он коротко ему кивнул. Юноша низко поклонился, польщенный и обрадованный, что его заметили.

«Может быть, мне следовало его признать официально», – сказал себе Хиро-Мацу, согретый мыслью о своей любимой внучке и своем первом правнуке, которого они подарили ему в прошлом году.

– Как вы доплыли обратно? – заботливо спросил Торанага.

– Все хорошо, благодарю вас, господин. Но должен сказать вам, что я был рад, что сошел с корабля и опять нахожусь на земле.

– Я слышал, у вас теперь новая игрушка, чтобы занять часы праздности, да?

Старик грубо захохотал.

– Я могу только сказать вам, господин, что часы были не праздные. Я так не уставал многие годы.

Торанага посмеялся вместе с ним.

– Тогда нам следует вознаградить ее. Ваше здоровье очень важно для меня. Могу я послать ей подарок в знак моей благодарности?

– Ах, Торанага-сама, вы так добры, – Хиро-Мацу стал серьезным. – Вы могли бы вознаградить нас всех, господин, сразу же покинув это осиное гнездо и вернувшись в свой замок в Эдо, где ваши вассалы могут защитить вас. Здесь вы открыты. В любой момент Ишидо может напасть на вас.

– Я уеду. Сразу же, как закончится собрание Совета регентов. – Торанага повернулся и подозвал склонившего голову португальца, который терпеливо сидел в его тени. – Вы переведете мне сейчас, мой друг?

– Конечно, господин. – Священник с выбритой тонзурой на голове вышел вперед, с привычной грацией на японский манер стал на колени около помоста. Его лицо было худощавым, как и вся фигура, глаза темные и блестящие, вокруг него ощущался свет спокойной безмятежности. На нем было таби и просторное кимоно, которое казалось сросшимся с ним. Четки и резной серебряный крест висели у пояса. Он приветствовал Хиро-Мацу как равный, потом с удовольствием поглядел на Блэксорна.

– Мое имя Мартин Алвито из общества Иисуса, кормчий. Господин Торанага просил меня переводить для него.

– Сначала скажите ему, что мы враги и что...

– Все в свое время, – спокойно прервал его отец Алвито. Потом он добавил: – Мы можем разговаривать по-португальски, по-испански или, конечно, на латыни – как вы пожелаете.

Блэксорн не видел священника, пока тот не выступил вперед. Он был скрыт помостом и другими самураями. Но он ждал его, так как Родригес предупреждал о нем, и то, что он увидел, ему не понравилось: легкая элегантность, аура силы и природная властность иезуитов. Он думал, что священник много старше, учитывая его влиятельное положение и то, как говорил о нем Родригес. Но они были практически ровесниками, он и иезуит. Может быть, священник был несколькими годами старше.

– На португальском, – сказал он, надеясь, что этот язык может дать ему некоторое преимущество. – Вы португалец?

– Я имею честь быть им.

– Вы моложе, чем я ожидал.

– Сеньор Родригес очень добр. Он оказал мне больше доверия, чем я заслуживаю. Вас он описал очень точно. Так же как и вашу смелость.

Блэксорн увидел, как он повернулся и бегло и любезно заговорил с Торанагой, и это еще больше расстроило его. Хиро-Мацу, один из всех людей в комнате, слушал и

внимательно все рассматривал. Остальные как каменные уставились в пространство.

– Сейчас мы начнем. Будьте любезны слушать все, что говорит господин Торанага, не прерывая, – начал отец Алвито. – Потом вы отвечаете. С этого момента я буду переводить почти одновременно с тем, как вы произнесете фразу, так что, пожалуйста, отвечайте с большой осторожностью.

– С какой стати? Я не доверяю тебе.

Отец Алвито немедленно перевел все, что он сказал, Торанаге, и тот заметно рассердился.

«Осторожней, – подумал Блэксорн, – он играет с тобой, как кошка с мышкой! Три золотые гинеи против ломаного фартинга, что он может подловить тебя когда захочет. Независимо от того, правильно или нет он переводит, ты должен произвести хорошее впечатление на Торанагу. Это, может быть, твой единственный шанс».

– Вы можете быть уверены, что я переведу все, что вы скажете, как только могу точнее, – голос священника был мягкий, совершенно уверенный. – Это двор господина Торанаги. Я официальный переводчик Совета регентов, верховного правителя Торанаги и верховного правителя Ишидо. Господин Торанага многие годы доверяет мне. Я предполагаю, что вы будете отвечать правдиво, потому что вы человек, по-видимому, очень проницательный. Я также скажу, что я не отец Себастио, который, возможно, чересчур ревностен и, к несчастью, не очень хорошо говорит по-японски и к тому же не имеет большого опыта жизни в Японии. Ваш внезапный приезд лишил его божьего милосердия, он позволил своему личному прошлому захватить его – его родители, братья и сестры вырезаны самым жестоким образом в Нидерландах вашими соотечественниками – людьми принца Райского. Я прошу у вас прощения за него и взываю к вашему состраданию. – Он по-доброму улыбнулся. – Японский синоним слова «враг» – «теки». Вы можете пользоваться им, если хотите. Если вы покажете на меня и используете это слово, господин Торанага точно поймет, что вы имеете в виду. Да, я ваш враг, Джон Блэксорн. Полностью. Но не ваш убийца. Это вы сделаете сами.

Блэксорн видел, как он объясняет Торанаге, что он сказал, и, услышал слово «теки», произнесенное несколько раз, подумал, действительно ли оно обозначает «враг». «Конечно, так, – сказал он себе. – Этот священник не похож на того».

– Пожалуйста, на время забудьте, что я существую, – сказал отец Алвито. – Я только переводчик, не более, – Отец Алвито сел, повернулся к Торанаге, вежливо поклонился.

Торанага сказал что-то короткое. Священник начал переводить одновременно, на несколько слов запаздывая, его голос был жутким отражением модуляций и внутреннего значения.

– Почему вы враг Тсуку-сана, моего друга и переводчика, который не имеет врагов? – Отец Алвито добавил, объясняя: – Тсуку-сан – мое прозвище, так как японцы не могут произнести моего имени. У них в языке нет звуков «л» или «ц». Тсуку – переименованное японское слово «тсуаку» – переводить. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

– Мы враги, потому что наши страны воюют.

– Да? А какая ваша страна?

– Англия.

– Где это?

– Это островное королевство, тысяча миль к северу от Португалии. Португалия – часть полуострова в Европе.

– Сколько времени вы воюете с Португалией?

– С тех пор, как Португалия стала вассалом Испании. Это случилось в 1580 году, двадцать лет назад. Испания завоевала Португалию, а с Испанией мы воюем почти 30 лет.

Блэксорн заметил удивление Торанаги и его вопросительный взгляд на отца Алвито, который спокойно смотрел в пространство.

– Что он говорит? – резко спросил Блэксорн. Отец Алвито не ответил и продолжал переводить, как и раньше.

– Ты говоришь, Португалия часть Испании?

– Да, господин Торанага. Вассальное государство. Испания завоевала Португалию, и теперь они фактически одна страна с одним королем. Но португальцы служат испанцам по всему земному шару, а в Испанской империи с ними не считаются.

Наступило долгое молчание. Потом Торанага обратился прямо к иезуиту, который улыбался и отвечал в пространство.

– Что он говорит? – резко спросил Блэксорн. Отец Алвито не ответил, но переводил, как и прежде, почти одновременно, виртуозно копируя интонации.

Торанага ответил прямо Блэксорну, его голос был суров.

– Что я сказал, тебя не касается. Когда я захочу, чтобы ты что-то знал, я тебе скажу.

– Прошу прощения, господин Торанага, я не хотел быть грубым. Можно я скажу, что мы пришли с миром...

– Ты не можешь ничего мне говорить сейчас. Ты придержишь свой язык до тех пор, пока я не потребую ответа. Ты понял?

– Да.

«Ошибка номер один. Следи за собой. Ты не можешь делать ошибки», – сказал он себе.

– Почему вы воюете с Испанией? И Португалией?

– Частично потому, что Испания стремится захватить весь мир, а мы, англичане и наши союзники голландцы, отказались быть завоеванными. И частично из-за наших религий.

– А! Религиозная война? Какая у вас религия?

– Я христианин. Наша церковь...

– Португальцы и испанцы тоже христиане! Ты сказал, у тебя другая религия. Что у тебя за религия?

– Я христианин, это трудно объяснить просто и быстро, господин Торанага. Они все...

– Нет необходимости быть быстрым. У меня масса времени. Я очень терпелив. Ты культурный человек – очевидно, что не из крестьян, – так что можешь делать это просто или сложно, как хочешь, а также так долго, чтобы тебя можно было понять. Если ты будешь отклоняться от этого, я отошлю тебя обратно. Ты будешь говорить?

– Моя религия христианская. Есть две основные христианские религии, протестантская и католическая. Большинство англичан протестанты.

– Ты молишься тому же Богу, Мадонне и младенцу?

– Да, господин. Но не так, как это делают католики. «Что он хочет узнать?» – спросил себя Блэксорн. – Он католик? Следует ли отвечать, то, что, как ты думаешь, он хочет услышать, или то, что ты считаешь правдой? Он против христиан? Он не называл иезуитов «мои друзья»? Является ли Торанага сторонником католиков или он сам собирается перейти в католичество?»

– Ты веришь, что Иисус – Бог?

– Я верю в Бога, – сказал он осторожно.

– Не уходи от прямых вопросов. Ты веришь, что Иисус есть Бог? Да или нет?

Блэксорн знал, что любой католический суд в мире давно бы проклял его за ересь. И большинство, если не все, протестантские суды. Даже колебания перед ответом на такой вопрос были признаком сомнения. Сомнение было ересью. Ты не мог отвечать на вопрос о Боге простым «да» или «нет». Должны быть оттенки «да» или «нет». Ты не знаешь о Боге наверняка, пока ты не умер.

– Да, я верю, что Иисус был Бог, но я не узнаю этого наверняка, пока не умру.

– Почему ты разбил крест у священника, когда впервые появился в Японии?

Блэксорн не ожидал такого вопроса. «Неужели Торанага знает все, что случилось с тех пор, как я прибыл сюда?»

– Я хотел показать дайме Ябу, что иезуит, отец Себастьян – единственный там переводчик, – что он мой враг, что ему нельзя доверять, по крайней мере, по моему мнению. Из-за того, что я не был уверен, что он обязательно будет точно переводить, так, как это делает сейчас дон Алвито. Он проклинал нас, как пиратов, например. Мы не пираты, мы

пришли с миром.

– Ах да! Пираты. Я вернусь к пиратству в свое время. Ты говоришь, что вы оба являетесь членами двух христианских сект, оба почитаете Иисуса Христа? Это разве не его главная заповедь – любить друг друга?»

– Да.

– Тогда как вы можете быть врагами?

– Их вера, их версия христианства – фальшивая интерпретация священных текстов.

– А! Наконец-то мы до чего-то добрались. Так вы с ними воюете из-за различных мнений о том что Бог, и что не Бог?

– Да.

– Это очень глупая причина идти на войну. Блэксорн сказал:

– Я согласен. – Он поглядел на священника, – Я согласен всем своим сердцем.

– Сколько кораблей в твоей флотилии?

– Пять.

– И ты старший кормчий?

– Да.

– Где остальные?

– В море, – сказал Блэксорн осторожно, продолжая свою ложь, предполагая, что Торанага сначала задал несколько вопросов Алвито, – Мы потеряли друг друга во время шторма. Где точно, я не знаю, господин.

– Ваши корабли были английские?

– Нет, господин, из Голландии.

– Почему англичан нанимают на голландские суда?

– В этом нет ничего необычного, господин. Мы союзники – португальские кормчие тоже иногда водят испанские корабли и эскадры. Я так понимаю, португальские кормчие водят и ваши океанские суда, согласно вашим законам.

– А нет голландских кормчих?

– Много, господин. Но в таких длительных путешествиях у англичан больше опыта.

– Но почему? Почему они хотели, чтобы ты повел их корабли?

– Возможно, потому, что моя мать голландка, я бегло говорю на их языке и у меня большой опыт. Я был рад такой возможности.

– Почему?

– Это была первая возможность для меня поплавать в этих водах. Ни один английский корабль не собирался плыть так далеко. Это была возможность сделать кругосветное путешествие.

– Ты сам, штурман, присоединился к эскадре из-за своей религии, чтобы воевать против ваших врагов Испании и Португалии?

– Я штурман, господин, сначала и прежде всего. Ни один англичанин или датчанин не были в этих местах. Мы первая торговая эскадра, хотя мы и имеем каперские свидетельства нападать на врагов в Новом Свете. В Японию мы пришли торговать.

– Что такое каперское свидетельство?

– Законное разрешение, выдаваемое королем или правительством, – дающее право воевать с врагом.

– А, ваши враги здесь. Так вы собираетесь воевать с ними здесь?

– Мы не знали, что нас ожидает, когда мы придем сюда, господин. Мы пришли сюда только торговать. Ваша страна почти неизвестна, она – легенда. Португальцы и испанцы очень мало что сообщали об этих местах.

– Отвечай на вопрос – твои враги здесь. Ты собираешься воевать с ними здесь?

– Если они будут воевать со мной.

Торанага недовольно зашевелился.

– Что ты делал в море или в своих странах, это твое дело. Но здесь один закон для всех, и иностранцы находятся на нашей земле только по разрешению. Любое общественное

неподчинение или стычка приводят к немедленной смерти. Наши законы ясны и должны выполняться. Ты понял?

– Да, сэр. Но мы пришли с миром. Мы прибыли сюда торговать. Могли бы мы обсудить вопросы торговли, господин? Мне нужно килевать судно и сделать некоторый ремонт – мы можем за все заплатить. Тогда у меня вопрос...

– Когда я захочу обсудить торговые вопросы или еще что-нибудь, я тебе скажу. Пока будь добр отвечать на мои вопросы. Так ты устроился в экспедицию, чтобы торговать, для заработка, а не по обязанности или долгу? Ради денег?

– Да. Такой у нас обычай, господин. За плату и долю во всех доходах – от торговли и захваченных вражеских товаров.

– Так ты наемник?

– Я был нанят главным кормчим, чтобы вести экспедицию, – Блэксорн чувствовал враждебность Торанага, но не понимал почему. «Что я плохого сказал? Не сказал ли священник такого, что идет мне во вред?»

– Это нормальный обычай у нас, Торанага-сан, – сказал он опять.

Торанага начал что-то обсуждать с Хиро-Мацу, и они обменялись мнениями. Очевидно, соглашаясь друг с другом. Блэксорн подумал, что на их лицах видно недовольство. Почему? «Вероятно, что-то было связано с «наемником», – подумал он. – Что здесь было такого? Разве не за все платят? Как еще вы можете достать денег на жизнь? Даже если ты наследуешь земли, все равно...»

– Ты сказал раньше, что ты пришел сюда, чтобы мирно торговать, – сказал Торанага. – Почему тогда ты везешь столько пушек, так много пороха, мушкетов и пуль?

– Наши испанские и португальские враги очень сильны и могучи, господин Торанага. Мы должны защищаться и...

– Ты говоришь, что ваше вооружение только оборонительное?

– Нет. Мы используем его не только для защиты, но и для того, чтобы атаковать своих врагов. И мы в большом количестве производим его для торговли, наше оружие – лучшее в мире. Может быть, мы могли бы торговать с вами этими или другими товарами, которые мы привезли.

– Кто такой пират?

– Люди вне закона. Человек, который насилует, убивает или грабит для личной выгоды.

– Это не то же самое, что наемник? Это не то, что вы? Пират и вожак пиратов.

– Нет. Правда, мои корабли имели каперское свидетельство от законных властей Голландии, разрешающих нам вести войну во всех морях и местах, которые в данный момент принадлежат нашим врагам. И искать рынки для наших товаров. Для испанцев и большинства португальцев – да, мы пираты и религиозные еретики, но я повторяю, что на самом деле это не так.

Отец Алвито кончил переводить, потом начал спокойно, но твердо говорить что-то Торанаге.

«Как бы я хотел вот так прямо разговаривать с ними», – подумал Блэксорн, чертыхаясь. Торанага взглянул на Хиро-Мацу, и старик задал иезуиту несколько вопросов, на которые тот долго отвечал. Потом Торанага повернулся к Блэксорну, и его голос стал еще жестче.

– Тсукку-сан говорит, что эта Голландия была вассалом испанского короля несколько лет назад. Это верно?

– Да.

– Следовательно, Голландия – ваш союзник – мятежник по отношению к своему законному королю?

– Они воюют с испанцами, да. Но...

– Разве это не мятеж? Да или нет?

– Да, но есть смягчающие обстоятельства.

– Нет «смягчающих обстоятельств», когда это касается мятежа против своего суверена.

– Если вы не победите.

Торанага внимательно поглядел на него. Потом громко рассмеялся. Он что-то сказал Хиро-Мацу сквозь смех, и Хиро-Мацу кивнул.

– Да, господин иностранец с невозможным именем, да. Ты назвал один смягчающий фактор. – Еще одно хихиканье, потом веселое настроение исчезло так же внезапно, как и появилось. – Вы выиграете?

– Хай.

Торанага опять заговорил, но священник не переводил синхронно, как раньше. Он улыбался странным образом, его глаза задержались на Блэксорне. Он вздохнул и сказал:

– Вы уверены?

– Это он говорит или ты говоришь?

– Это сказал господин Торанага. Он сказал это мне.

– Да, скажи ему, да. Я совершенно уверен. Могу я объяснить, почему?

Отец Алвито разговаривал с Торанагой намного больше, чем этого требовал перевод такого простого вопроса. «Так ли ты спокоен, как кажешься? – хотел спросить его Блэксорн. – Как же тебя достать? Как мне справиться с тобой?»

Торанага ответил и вынул веер из рукава.

Отец Алвито начал опять переводить с той же самой жуткой недружелюбностью, с мрачной иронией.

– Да, кормчий, ты можешь мне сказать, почему ты думаешь, что вы выиграете эту войну.

Блэксорн попытался остаться уверенным, понимая, что священник берет над ним верх.

– Мы в настоящее время главенствуем над всеми морями в Европе – над большинством морей Европы, – сказал он, поправляя сам себя. «Не давай отвлечь себя. Говори правду. Изворачивайся, как это уверенно делают иезуиты, но говори правду».

– Мы, англичане, разгромили в боях две огромные военные армады – испанскую и португальскую, и не похоже, чтобы они смогли собрать другие. Наши маленькие острова представляют собой крепости, и мы там теперь в безопасности. Наши морские силы господствуют на море. Наши корабли быстрее, современнее и лучше вооружены. Испанцы не побеждали после более чем пятидесяти лет террора, инквизиции и кровопролитий. Наши союзники безопасны и сильны и, даже более того, они обескровят Испанскую империю и приведут ее к концу. Мы победим, потому что мы владеем морями и потому что испанский король со своим высокомерием не дает свободы другим народам.

– Вы владеете морями? Нашими морями тоже? Морями вокруг наших берегов?

– Нет, конечно, нет, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я, конечно, имел в виду европейские моря, хотя...

– Хорошо, я рад, что это прояснилось. Что ты хотел сказать? Хотя...

– Хотя на всех высоких широтах мы скоро сметем всех врагов, – это Блэксорн произнес очень четко.

– Вы говорите «враг». Может быть, мы тоже враги? Что тогда? Вы попытаетесь потопить наши корабли и опустошить наши берега?

– Я не могу и представить себе, чтобы быть вашим врагом.

– Я думаю, это очень легко представить. Что тогда?

– Если вы выступите против моей страны, мне придется атаковать и попытаться разбить вас, – сказал Блэксорн.

– А если ваш господин прикажет вам напасть на нас здесь?

– Я бы отсоветовал ему. Очень серьезно. Наша королева бы послушалась. Она...

– Вами управляет королева, а не король?

– Да, господин Торанага. Наша королева мудра. Она бы не могла – не отдала бы такой неразумный приказ.

– А если бы отдала? Или если бы ваш законный командир приказал?

– Тогда бы я доверил свою душу Богу, так как я бы наверняка погиб. Так или иначе.

– Да. Ты бы погиб. Ты и все твои войска, – Торанага переждал момент. Потом спросил:

– Сколько времени вы плыли сюда?

– Почти два года. Точнее, один год, одиннадцать месяцев и два дня. Примерное расстояние по морю в четыре тысячи лиг, каждая лига – три мили.

Отец Алвито перевел, потом добавил краткое уточнение. Торанага задумчиво обмахивался веером.

– Я перевел время и расстояние, Блэксорн, в их величины, – вежливо пояснил священник.

– Спасибо.

Торанага опять заговорил, обращаясь непосредственно к нему:

– Как ты добрался сюда? По какому маршруту?

– Через пролив Магеллана. Если бы у меня были мои карты и бортовой журнал, я мог бы очень точно вам все показать, но они были украдены – они были взяты у меня с корабля вместе с каперским свидетельством и всеми моими бумагами. Если вы...

Блэксорн остановился, так как Торанага внезапно заговорил с Хиро-Мацу, который также был удивлен.

– Вы заявляете, что ваши бумаги были взяты – украдены?

– Да.

– Это ужасно, если это верно. Мы ненавидим воровство в Ниппон – Японии. Наказание за воровство – смерть. Это дело будет немедленно расследовано. Кажется невероятным, чтобы кто-то из японцев мог сделать такую вещь, хотя грязные пираты и бандиты есть повсюду.

– Может быть, они были положены на другое место, – сказал Блэксорн. – И положены где-нибудь в укромном месте. Но это большая ценность, господин Торанага. Без моих морских карт я подобен слепому человеку в лабиринте. Вы хотите, чтобы я объяснил вам мой маршрут?

– Да, но позднее. Сначала расскажи мне, почему ты проплыл все это расстояние.

– Мы мирно плыли, чтобы торговать, – повторил Блэксорн, несмотря на его нетерпение. – Торговать и снова вернуться домой. Сделать богаче вас и нас. И попытаться...

– Вас богаче и нас богаче? Что здесь более важно?

– Оба партнера должны иметь выгоду, конечно, и торговля должна быть честной. Мы стремимся к долгосрочным торговым отношениям, мы предложим вам лучшие условия, чем португальцы или испанцы, и окажем больше услуг. Наши купцы... – Блэксорн остановился, так как снаружи в комнату донеслись громкие голоса. Хиро-Мацу и половина часовых сразу же оказались около входа, а другие образовали тесное кольцо, закрывая помост. Самураи у внутренних дверей также приготовились.

Торанага не двинулся. Он разговаривал с отцом Алвито.

– Вы уйдете отсюда, кормчий Блэксорн, через эту дверь, – отец Алвито сказал это с тщательно скрываемой настойчивостью. – Если вы цените вашу жизнь, не делайте резких движений и не говорите ничего. – Он подошел к левой внутренней двери и сел около нее.

Блэксорн легко поклонился Торанаге, который игнорировал его, и осторожно подошел к священнику, полностью отдавая себе отчет в том, что этот разговор для него кончился трагически.

– Что происходит? – прошептал он, садясь. Соседние часовые тут же угрожающе напряглись, и священник быстро что-то сказал им, чтобы успокоить их.

– Ты погибнешь, если еще раз заговоришь, – сказал он Блэксорну, а сам подумал, что чем скорее, тем лучше.

С нарочитой медлительностью он вынул платок из рукава и вытер пот с рук. Ему потребовались вся выдержка и сила духа, чтобы оставаться спокойным и доброжелательным во время этой беседы с еретиком, который был даже хуже, чем предполагали они с отцом-инспектором.

– Вы будете присутствовать? – спросил его отец-инспектор прошлым вечером.

– Торанага специально просил меня об этом.

– Я думаю, это очень опасно для вас и всех нас. Я думаю, вы могли бы сослаться на болезнь. Если вы там будете, вам придется переводить то, что говорит пират, – а судя по тому, что пишет отец Себастио, он дьявол в земном облике, коварный, как иудей.

– Много лучше, если бы мне удалось там побывать, ваше преосвященство. По меньшей мере, я смогу предотвратить наиболее очевидную ложь Блэксорна.

– Зачем он приехал сюда? Именно сейчас, когда все опять стало так хорошо? У них действительно есть другие корабли в Тихом океане? Разве возможно, чтобы они послали эскадру против Испанской Манилы? Не то чтобы я заботился в какой-то мере об этом отвратительном городе или какой-либо колонии испанцев на Филиппинах, но вражеская эскадра в Тихом океане! Это ужасное осложнение здесь для нас в Азии. И если он сможет поговорить с Торанагой, или Ишидо, или с любым другим из влиятельных дайме, ну, это создаст огромные затруднения, по крайней мере.

– Блэксорн – наверняка. К счастью, мы можем управлять им.

– Бог мне судья, но я знаю, а лучше сказать, верю, что испанцы или, вернее, их презренные лакеи францисканцы и бенедиктинцы наверняка направили его сюда, чтобы навредить нам.

– Может быть, и так. Ваше преосвященство. Нет ничего, на что бы не решились монахи, чтобы победить нас. Но это просто их ревность, потому что мы добиваемся успеха там, где они терпят неудачу. Конечно, Бог покажет им их ошибки! Может быть, англичанин сам «уйдет», прежде чем наделает нам вреда. Его журналы покажут, кто он есть на самом деле. Пират и главарь пиратов!

– Прочитай их Торанаге, Мартин. Те отрывки, где он описывает грабежи незащищенных поселков от Африки до Чили и списки всего награбленного и всех убийств.

– Может быть, нам следует подождать, Ваше преосвященство? Мы всегда сможем предъявить их. Давайте надеяться, что он сам погубит себя своим поведением.

Отец Алвито опять вытер ладони. Он мог чувствовать, что Блэксорн смотрит на него. «Боже, смилуйся над ним, – подумал он. – После того, что ты сказал сегодня Торанаге, твоя жизнь не стоит и фальшивой полушки, а душа останется без спасения. Ты будешь распят, даже без улики из твоих записей. Может быть, послать их обратно отцу Себастьяну, чтобы он мог вернуть их Муре? Что может сделать Торанага, если бумаги не будут найдены? Нет, это слишком опасно для Муры».

Дверь в дальнем конце комнаты открылась.

– Господин Ишидо желает видеть вас, господин, – возвестил Нага. – Он здесь в коридоре и желает видеть вас. Прямо сейчас, говорит он.

– Все вы, возвращайтесь на свои места, – сказал Торанага своим людям. Ему тут же повиновались. Но все самураи сели лицом к двери, Хиро-Мацу во главе их, меч в ножнах наготове, – Нага-сан, скажи господину Ишидо, что мы готовы его приветствовать. Проси его войти.

Высокий мужчина крупными шагами вошел в комнату. Десять его самураев – серые – вошли с ним, но по его сигналу они остались у входа и сели, скрестив ноги.

Торанага поклонился с установленной формальной вежливостью, и поклон был возвращен с той же точностью.

Отец Алвито радовался той удаче, которая позволила ему присутствовать. Предстоящее столкновение между двумя противоборствующими лидерами сильно влияло на курс империи и будущее матери-церкви в Японии, поэтому любая косвенная или прямая информация, которая могла помочь иезуитам решить, куда приложить свое влияние, могла иметь громадное значение. Ишидо был дзен-буддист и фанатик-антихристианин, Торанага был дзен-буддист и открыто симпатизировал христианству. Но большинство христианских дайме поддерживали Ишидо, опасаясь – и весьма обоснованно, как считал отец Алвито, возвеличивания Торанаги. Христианские дайме чувствовали, что, если Торанага лишит Ишидо его влияния в Совете регентов, он сам захватит всю власть. И, имея власть, как считали они, он применит указы Тайко об изгнании и удалит сторонников истинной веры.

Если, однако, Торанага будет удален с политической арены, появляется слабая гарантия преемственности, и мать-церковь будет процветать.

По мере того как менялась верность христианских дайме церкви, другие дайме в стране тоже колебались, и равновесие между двумя лидерами постоянно нарушалось, так что не было известно, какая сила фактически преобладала. Даже он, отец Алвито, самый осведомленный из европейцев, не мог сказать наверняка, кто из христианских дайме поддержит их при открытом столкновении или какая группировка будет преобладать.

Он смотрел, как Торанага спустился с помоста, пробираясь среди окружающих его часовых.

– Добро пожаловать, господин Ишидо. Пожалуйста, садитесь сюда, – Торанага показал на единственную подушку на помосте. – Мне хотелось бы, чтобы вам было удобно.

– Спасибо, не беспокойтесь, господин Торанага.

Ишидо Кацунари был худой, смуглый и очень сильный, на год моложе, чем Торанага. Они были старые враги. Восемьдесят тысяч самураев вокруг и в самом замке Осаки делали его очень важным, так как он был начальником гарнизона и, следовательно, командиром охраны наследника, главнокомандующим армиями запада, завоевателем Кореи, членом Совета регентов и формально (после Тайко) главным инспектором армий всех дайме во всем государстве.

– Спасибо, не беспокойтесь, – повторил он. – Мне было бы очень не по себе, если бы мне было удобно, когда вы терпите неудобства. Конечно, когда-нибудь я воспользуюсь вашей подушкой, но не сегодня.

Волна гнева прошла среди коричневых, когда они услышали эту скрытую угрозу, но Торанага ответил вполне дружелюбно:

– Вы пришли в очень подходящий момент. Я только что кончил разговаривать с новым чужеземцем. Тсукку-сан, пожалуйста, скажи ему, чтобы он встал.

Священник выполнил приказание. Он чувствовал враждебность Ишидо через всю комнату. Кроме того, что он был противник христианства, он презирал все европейское и хотел, чтобы империя была полностью закрыта от них.

Ишидо посмотрел на Блэксорна с заметным отвращением.

– Я слышал, что он безобразен, но не понимал, насколько. Ходят слухи, что он пират. Это так?

– Это без сомнения. К тому же он лжец.

– Тогда прежде чем казнить, пожалуйста, отдайте его мне на полдня. Наследник, может быть, развлечется, увидев сначала его голову, – Ишидо грубо расхохотался. – Или, может быть, он обучит его танцевать, как медведя, тогда можно показывать его как чудовище с востока.

Хотя это было верно, что Блэксорн, на диво всем, пришел с восточных морей – в отличие от португальцев, которые всегда приплывали с юга и поэтому назывались Южными Чужеземцами, – Ишидо недвусмысленно намекал, что Торанага, который правил восточными областями, был настоящим чудовищем.

Но Торанага только улыбнулся, как будто не понял.

– Вы человек с большим чувством юмора, господин Ишидо, – сказал он. – Но я согласен, что чем скорее будет уничтожен чужеземец, тем лучше. Он скучен, высокомерен, громкоголос, со странностями, но не представляет никакой ценности и плохо воспитан. Нага-сан, пошли кого-нибудь, чтобы отправить его в тюрьму с обычными преступниками. Тсукку-сан, скажи ему, чтобы он пошел с ними.

– Кормчий, вам следует пойти с этими людьми.

– Куда мне идти?

Отец Алвито заколебался. Он был рад, что он победил, но его противник был смелый, имел смертную душу, которую все-таки следовало спасти.

– Вы будете находиться под стражей, – сказал он.

– Сколько времени?

– Я не знаю, сын мой. Пока господин Торанага не решит, что делать с вами.

Глава Двенадцатая

После того как Торанага проводил взглядом чужеземца, покидающего комнату, он с сожалением отключился от этой темы и перешел к более насущным проблемам Ишидо.

Торанага решил не отпускать священника, зная, что это разозлит Ишидо, несмотря на то что был уверен в опасности его дальнейшего присутствия. «Чем меньше знают иностранцы, тем лучше, – подумал он. – Будет ли дальнейшее влияние Тсукку-сан на христианских дайме против или за меня? До сегодняшнего дня я полностью доверял ему. Но в разговорах с кормчим были некоторые странные моменты, которых я до конца не понял».

Ишидо, умышленно не соблюдая обычных любезностей, сразу перешел к делу:

– Я снова должен спросить, каков ваш ответ Совету регентов?

– Я снова повторяю: как президент Совета регентов я не верю, что какой-либо ответ необходим. Произошло несколько незначительных семейных изменений, и все. Никакого ответа не требуется.

– Вы обручили вашего сына, Нагу-сана, с дочерью господина Масамуне, женили одну из ваших внучек на сыне господина Кийяма. Все браки относятся к бракам феодальных правителей или их близких родственников и, следовательно, не являются незначительными и абсолютно противоречат приказам нашего господина.

– Наш последний господин, Тайко, умер год назад. К несчастью. Да. Я сожалею о смерти моего шурина и предпочел бы, чтобы он был жив и все еще руководил империей. – Торанага с удовольствием добавил, поворачивая нож в незажившей ране: – Если бы мой шурин был жив, без сомнения, он одобрил бы эти семейные связи. Его инструкции касались браков, которые угрожали бы линии его семьи. Я не угрожаю его семье или семье моего племянника Яэмона, наследника. Я удовлетворен своим положением хозяина Кванто. Я не ищу себе дополнительных земель. Я живу в мире с моими соседями и хочу сохранить этот мир. Клянусь Буддой, я не нарушу мира первым.

В течение шести столетий государство опалаяла постоянная гражданская война. Тридцать пять лет назад мелкий дайме по имени Города овладел Киото, подстрекаемый в основном Торанагой. Следующие два десятилетия этот воин захватил половину Японии, наделал гору черепов и объявил себя диктатором – все еще недостаточно сильным, чтобы просить правящего императора дать ему титул сегуна, хотя он отдаленно был родственен ветви Фудзимото. Потом, шестнадцать лет назад, Города был убит одним из своих генералов, и его власть попала в руки его главного вассала и блестящего генерала, крестьянина Накамура.

За четыре неполных года генерал Накамура, которому помогали Торанага, Ишидо и другие, уничтожил всех потомков Города и установил абсолютно полный контроль над Японией, впервые в истории подчинив себе все государство. Во всей своей славе он отправился в Киото поклониться Го-Нидзи, сыну неба. Поскольку он был крестьянин, Накамура принял менее почетную должность Квампаку, главного советника, которую позднее он передал своему сыну, взяв себе титул Тайко. Но каждый дайме кланялся ему, даже Торанага. Невероятно, но на двенадцать лет наступил полный мир. И вот в прошлом году Тайко умер.

– Клянусь Буддой, – повторил Торанага. – Я не нарушу мира первым.

– Умный человек всегда готов к предательству, не так ли? Такие дьяволы есть в каждой провинции. Некоторые из них занимают высокие посты. Мы оба знаем, как велико может быть предательство в сердцах людей. – Торанага выпрямился. – Там, где Тайко оставил единое целое, мы теперь раскололись на мой восток и ваш запад. Совет регентов разделился. Дайме оказались лишними. Совет не может править полной слухами деревней, не говоря уж об империи. Чем скорее вырастет сын Тайко, тем лучше. Чем скорее появится второй Квампаку, тем лучше.

– Или, может быть, сегун? – с намеком спросил Ишидо.

– Квампаку, или сегун, или Тайко, власть все одна и та же, – сказал Торанага. – Какую ценность имеет титул? Власть – единственно важная вещь. Города никогда не стал бы сегуном. Накамура значил больше, чем Квампаку или позже Тайко. Он правил страной, и главное было это. Что из того, что мой шурин был когда-то крестьянином? Что из того, что моя семья очень древняя? Вы генерал, сеньор, даже член Совета регентов.

«Это много значит, – подумал Ишидо. – Ты знаешь это. Я знаю это. Каждый дайме знает это. Даже Тайко знал это. Яэмону семь лет. В семь лет он стал Квампаку. До того времени...»

– В восемь лет, генерал Ишидо. Это наш исторический закон. Когда моему племяннику станет пятнадцать, он станет взрослым и наследует титул. До этого срока мы, пять регентов, правим от его имени. Такова последняя воля нашего господина.

– Да. И он также приказал, чтобы регенты не брали заложников друг против друга. Госпожа Ошиба, мать наследника, заложница в вашем замке в Эдо, залог вашей безопасности здесь, и это также нарушает его волю. Вы формально согласились выполнять его заветы, как сделали все регенты. Вы даже подписали соглашение своею кровью.

Торанага вздохнул.

– Госпожа Ошиба посетила Эдо, где рождает ее единственная сестра. Ее сестра замужем за моим единственным сыном и моим наследником. Место моего сына, пока я здесь, в Эдо. Что может быть более естественно, чем одной сестре посетить другую в такое время? Разве она не стоит этого? Может быть, у меня появится первый внук, а?

– Мать наследника – самая важная госпожа в империи. Она не должна быть... – Ишидо собирался сказать «Во вражеских руках», но подумал, что лучше сказать – «в необычном месте». Он подождал, а потом добавил недвусмысленно: – Совет хотел бы, чтобы вы попросили ее вернуться домой сегодня же.

Торанага избежал ловушки.

– Я повторяю, госпожа Ошиба не заложница и, следовательно, не выполняет мои приказы и никогда не выполняла.

– Тогда позвольте мне поставить вопрос по-другому. Совет требует, чтобы она немедленно прибыла в Осаку.

– Кто это требует?

– Я требую. Господин Судзияма. Господин Оноши и господин Кийяма. Далее, мы все согласились, что будем ждать ее возвращения из Осаки прямо здесь. Вот их подписи.

Торанага побагровел. Он настолько удачно манипулировал Советом, что при голосовании тот всегда разделялся на двух и трех. Он никогда не мог выиграть у Ишидо четыре к одному голосу, но никогда и Ишидо не выигрывал у него. Четыре к одному означают изоляцию и гибель. Почему Оноши предал? И Кийяма? Оба непримиримые враги, даже до того, как они перешли в чужеземную религию. И чем теперь их держит Ишидо?

Ишидо знал, что теперь он победил своего врага. Но для того чтобы победа была полной, нужно было сделать еще один шаг. Для этого он составил план, с которым согласился и Оноши.

– Мы, все регенты, согласны с тем, что пора покончить с желающими узурпировать верховную власть и убить наследника. Предатели должны быть приговорены. Они будут выставлены на улицах как обычные преступники со всеми их потомками и потом все будут казнены. Фудзимото, Такашима, низкорожденные, высокорожденные – не имеет значения кто. Даже Миновара!

Все самураи Торанаги задохнулись от гнева, такое святотатство над полуимператорскими фамилиями было неслыханным, потом молодой самурай Усаги, сводный внук Хиро-Мацу, вскочил на ноги, покраснев от злости. Он вытащил свой боевой меч и бросился на Ишидо, обнаженное лезвие было готово для удара двумя руками.

Ишидо приготовился к смертельному удару и не сделал ни одного движения, чтобы защититься. Он планировал именно это, надеялся на это, и его людям было приказано не вмешиваться, пока он не будет убит. Если он, Ишидо, будет убит здесь, сейчас, самураем

Торанаги, весь гарнизон Осаки сможет вполне обоснованно напасть на Торанагу и убить его, не обращая внимания на заложника. Тогда госпожа Ошиба будет уничтожена в отместку сыновьями Торанаги, и оставшиеся регенты будут вынуждены все вместе выступить против клана Ёси, который, будучи изолированным, будет уничтожен. Только тогда можно будет гарантировать, что наследник и его потомки будут живы и он, Ишидо, выполнит свои обязанности перед Тайко.

Но удара не последовало. В последний момент Усаги пришел в себя и, весь дрожа, вложил меч в ножны.

– Прошу прощения, господин Торанага, – сказал он, низко кланяясь, – Я не мог вынести позора, когда вам нанесли такие оскорбления. Я прошу разрешения немедленно совершить сеппуку, так как я не могу жить с этим позором.

Хотя Торанага остался неподвижен, он был готов помешать удару и знал, что Хиро-Мацу готов к этому и другие готовы тоже и что Ишидо, возможно, будет только ранен. Он понимал также, почему Ишидо вел себя так оскорбительно и вызывающе. «Я отплачу тебе за это, и с большими процентами, Ишидо», – молча пообещал он.

Торанага обратил внимание на стоящего на коленях юношу.

– Как ты осмелился предположить, что слова какого-то господина Ишидо могут хоть в какой-то мере оскорбить меня?! Конечно, ему никогда не следует быть таким невежливым. Как осмелился ты подслушать разговоры, которые тебя не касаются! Нет, тебе не будет разрешено совершить сеппуку. Это честь. У тебя нет чести и нет самодисциплины. Ты будешь распят как обычный преступник сегодня же. Твой меч будет сломан и зарыт в деревне, голова будет наколота на пику, чтобы все могли посмеяться, читая надпись: «Этот человек был рожден самураем по ошибке. Его имя больше не существует!»

Огромным усилием воли Усаги контролировал свое дыхание, но капли пота падали непрерывно, его мучил стыд. Он поклонился Торанаге, принимая свою судьбу с внешним спокойствием.

Хиро-Мацу вышел вперед и сорвал оба меча с пояса своего родственника.

– Господин Торанага, – сказал он мрачно, – с вашего разрешения, я лично прослежу, чтобы ваши приказы были выполнены.

Торанага кивнул.

Юноша поклонился последний раз, потом хотел встать, но Хиро-Мацу толкнул его обратно на пол.

– Ходят самураи, – сказал он. – Так делают мужчины. Но ты не мужчина. Ты будешь ползти к своей смерти.

Усаги молча повиновался.

И все в комнате были тронуты силой самодисциплины юноши и его мужеством. «Он снова будет рожден самураем», – сказали они про себя, довольные им.

Глава Тринадцатая

В эту ночь Торанага не мог спать. У него это бывало редко, так как обычно он мог отложить самые насущные проблемы до следующего дня, зная, что если он доживет до него, то сможет решить их лучшим образом. Он уже давно установил, что спокойный сон может дать ответ на самые сложные головоломки, а если нет, то чего беспокоиться? Разве жизнь – это не капля росы в капле росы?

Но сегодня ночью нужно было обдумать много серьезных вопросов.

«Что делать с Ишидо?

Почему Оноши перешел на сторону врага?

Как быть с Советом?

Не вмешиваются ли опять христианские священники в чужие дела?

Откуда будет исходить следующая попытка убийства?

Когда разделаться с Ябу?

Что я должен делать с чужеземцем?

Сказал ли он правду?

Любопытно, как чужеземец вышел в восточные моря на этот раз. Это предзнаменование? Его просветила карма, которая освещает, как взрыв бочонка пороха?»

Карма – индийское слово, принятое в Японии, как часть буддийской философии. Карма – отношение к судьбе человека в этой жизни, а его судьба обязательно зависела от поступков, совершенных в предыдущем рождении: хорошие дела возвышали, плохие дела – наоборот. Точно так же, как дела этой жизни определяли следующее воплощение. Человек заново рождался в этом мире слез до тех пор, пока после терпения и страданий он не становился наконец совершенным, сходя в нирвану – совершенный мир и никогда не страдая при новом рождении.

«Странно, что Будда, или другой бог, или, может быть, просто карма привели Анджин-сана во владения Ябу. Странно, что они пристали точно к той деревне, где Мура, тайный глава шпионской системы Изу, был внедрен много лет назад под самым носом Тайко и сифилитичного отца Ябу. Странно, что здесь, в Осаке, был Тсукку-сан, переводчик, который обычно живет в Нагасаки. Что в Осаке оказался также и главный священник христиан, и португальский адмирал. Странно, что кормчий Родригес оказался свободным, чтобы плыть с Хиро-Мацу в Анджиро, чтобы вовремя захватить чужеземца живым и получить эти ружья. Теперь там Касиги Оми, сын человека, который принесет мне голову Ябу, если только я пошевелю пальцем.

Как красива жизнь и как печальна! Как быстротечна, без прошлого и будущего, только бесконечное сейчас».

Торанага вздохнул. Одно наверняка: чужеземец никогда отсюда не уедет. Ни живым ни мертвым. Он теперь навеки часть государства. Он уловил приближение почти беззвучных шагов и приготовил меч. Каждую ночь в произвольном порядке он менял спальню, охрану и пароли, пытаясь обезопасить себя от убийц, которых все время ожидал. Шаги прекратились перед седзи с наружной стороны. Вскоре он услышал голос Хиро-Мацу и начало пароля:

– Если истина уже ясна, какая польза в медитации?

– А если истина скрыта? – спросил Торанага.

– Это уже ясно, – ответил Хиро-Мацу как положено. Цитата была взята у древнего буддийского учителя Сарахи.

– Войди.

Только когда Торанага увидел, что это был, и правда, его советник, он опустил свой меч.

– Садись.

– Я слышал, что вы не спите. Я подумал, что вам может что-то потребоваться.

– Нет. Спасибо, – Торанага заметил, как углубились морщины вокруг глаз старика. – Я рад, что ты здесь, старый друг, – сказал он.

– Вы уверены, что все нормально?

– О да.

– Тогда я оставлю вас. Извините, что побеспокоил, господин.

– Нет, пожалуйста, войди. Я рад, что ты здесь. Садись.

Старик сел около двери, выпрямив спину.

– Я удвоил охрану.

– Хорошо.

Немного помолчав, Хиро-Мацу сказал:

– С этим сумасшедшим все было сделано, как вы приказали. Все.

– Спасибо.

– Его жена, моя внучка, как только услышала приговор, попросила разрешения покончить с собой, чтобы сопровождать своего мужа и ее сына в Великую Пустоту. Я отказал и велел ей дожидаться вашего разрешения, – Хиро-Мацу внутри весь кровоточил. Как ужасна жизнь!

– Вы поступили правильно.

– Я официально прошу разрешения покончить с жизнью. В том, что он ввергал вас в смертельную опасность, есть и моя вина. Я должен был определить, что он не годится для такой службы. Это моя вина.

– Ты можешь не совершать сеппуку.

– Пожалуйста. Я официально прошу разрешения.

– Нет, ты нужен мне живым.

– Я повинуюсь вам. Но, пожалуйста, примите мои извинения.

– Ваши извинения приняты.

Через некоторое время Торанага спросил:

– Что с этим чужеземцем?

– Много чего, господин. Во-первых, если бы вы не дожидались этого чужеземца, сегодня вы бы выехали с рассветом и Ишидо никогда бы не захватил вас на таком отвратительном сборище. У вас теперь нет выбора, кроме как объявить ему войну – если вы сможете выбраться из этого замка и вернуться в Эдо.

– Во-вторых?

– И в-третьих, и в-сорок третьих, и в-стосорок третьих? Я не так умен, как вы, господин Торанага, но даже я могу видеть, что все, в чем нас хоть отчасти убедили южные варвары, неверно, – Хиро-Мацу был рад поговорить, это помогало ему унять боль, – Но если есть две христианские религии, которые ненавидят друг друга, и если Португалия является частью более крупной испанской нации, и если эта новая чужеземная страна воюет с ними двумя и побеждает их, и если это такая же островная нация, как и мы, и, самое главное, если он говорит правду и если священник точно переводил все, что говорил чужеземец... Ну, вы можете собрать вместе все эти «если», оценить их сами и составить план. Я не могу, так что простите. Я только знаю, что я видел в Анджиро и на борту корабля. Этот Анджин-сан очень силен умом, хотя и слаб телом в настоящее время, но это из-за длительного путешествия, и командир в море. Я совершенно его не понимаю. Как можно быть таким человеком и позволить кому-то мочиться себе на спину? Почему он спас жизнь Ябу после того, что этот человек сделал с ним, а также жизнь другого своего явного врага, португальца Родригеса? Моя голова кружится от такого количества вопросов, как если бы я был пьян. – Хиро-Мацу помолчал – он очень устал – Но я думаю, нам следует держать его на берегу и принимать всех подобных ему, если они будут приплывать, а потом очень быстро их всех убивать.

– А что с Ябу?

– Прикажите ему совершить сеппуку сегодня вечером.

– Почему?

– Он плохо воспитан. Вы предсказали, что он будет делать, когда я приеду в Анджиро. Он собирался украсть вашу собственность. И он лжец. Не собирайтесь встречаться с ним завтра, как вы хотели. Вместо этого позвольте мне сейчас передать ему этот приказ. Вы должны будете убить его рано или поздно. Лучше теперь, когда он под рукой, без своих вассалов. Я советую не медлить.

Раздался тихий стук во внутреннюю дверь.

– Тора-чан?

Торанага улыбнулся, как он всегда улыбался при звуках этого совершенно особого голоса, звучащего так успокаивающе.

– Да, Кири-сан?

– Я взяла на себя смелость, господин, принести зеленого чая вам и вашему гостю. Пожалуйста, разрешите мне войти?

– Да.

Мужчины ответили на ее поклон. Кири закрыла дверь и занялась разливанием чая. Ей было пятьдесят три года, она была важная госпожа среди фрейлин госпожи Торанаги, Киритсубо-нох-Тошико, по прозвищу Кири, самая старшая из придворных дам. Ее волосы уже седели, талия располнела, но лицо сияло вечной радостью.

– Вам не следовало просыпаться, нет, не в это время ночи, Тора-чан! Скоро уже будет рассвет, и, я полагаю, вы поедете на охоту в горы с вашими соколами, не так ли? Вам нужно поспать!

– Да, Кири-чан! – Торанага с чувством похлопал ее по широкой пояснице.

– Пожалуйста, не зови меня Кири-чан! – засмеялась Кири. – Я старая женщина, и мне нужно оказывать массу уважения. Другие ваши дамы создают мне много неудобств с этим. Киритсубо-Тошико-сан, если вы будете так добры, мой господин Ёси Торанага-нох-Чикитада!

– Вот видишь, Хиро-Мацу. И спустя двадцать лет она все еще пытается командовать мной.

– Извини, но более чем тридцать лет, Тора-сама, – сказала она гордо. – И вы тогда были такой же послушный, как и теперь!

Когда Торанаге было двадцать лет, он был заложником у деспотического правителя Икава Тададзаки, господина Суруга и Тотоми, отца нынешнего Икавы Джикья, который был врагом Ябу. Самурай, ответственный за хорошее поведение Торанаги, только что взял второй женой Киритсубо. Ей было тогда семнадцать лет. И этот самурай, и Кири, его жена, с большим уважением относились к Торанаге, давали ему мудрые советы, и потом, когда Торанага восстал против Тададзаки и присоединился к Городе, он пошел за ним вместе с большим войском и смело сражался на его стороне. Позже, в сражении за столицу, муж Кири был убит. Торанага спросил ее, не станет ли она одной из его жен, и она с радостью приняла это предложение. В те годы она не была толстой, но была такой же заботливой и умной. Ей тогда было девятнадцать лет, ему двадцать четыре, и она была центром его дома. Очень проницательная и способная, Кири многие годы вела его хозяйство и держала дом без бед и огорчений.

«Настолько без огорчений, насколько только может это сделать женщина», – подумал Торанага.

– Ты толстеешь, – сказал он, не упоминая, что она уже была толстая.

– Господин Торанага! Перед господином Тодой! О, простите, я должна совершить сеппуку – или, по крайней мере, побрить голову и стать монахиней, а я-то думала, что я такая молоденькая и стройная! – Она расхохоталась. – Ну ладно, я толстозадая, но что я могу сделать? Просто я люблю поесть, и это проблема Будды и моя карма, не так ли? – Она предложила чаю. – Вот. Теперь я ухожу. Вы не хотели бы, чтобы я прислала госпожу Сазуко?

– Нет, моя предусмотрительная Кири-сан, нет, спасибо тебе. Мы немного поговорим, и я лягу спать.

– Спокойной ночи, Тора-сама. Приятного сна без сновидений. – Она поклонилась ему и Хиро-Мацу и вышла. Они попробовали чай. Торанага сказал:

– Я всегда жалею, что мы не имели сына, Кири-сан и я. Однажды она забеременела, но не выносила. Это было, когда мы были в битве за Нагакуде.

– Ах вот оно что.

– Да.

Это было как раз после того, как диктатор Города был умерщвлен, когда генерал Накамура – будущий Тайко – пытался собрать всю власть в своих руках. В то время исход событий был сомнителен, так как Торанага поддержал одного из сыновей Короги, законного наследника. Накамура выступил против Торанаги около маленькой деревушки Нагакуде, его силы были разбиты, окружены, и он проиграл битву. Преследуемый новой армией, которой теперь на стороне Накамуры командовал Хиро-Мацу, Торанага с большим искусством отступил и избежал новой ловушки. Уйдя в свои родные провинции, он сохранил армию снова готовую к битве. У Нагакуде погибло пятьдесят тысяч человек, очень немногие из них были людьми Торанаги. К чести будущего Тайко, надо сказать, что он прекратил гражданскую войну против Торанаги, хотя и мог ее выиграть. Битва при Нагакуде была единственной, которую проиграл Тайко, и Торанага был единственным генералом, который

когда-либо побеждал его.

– Я рад, что мы никогда не встретились в битве, господин, – сказал Хиро-Мацу.

– Да.

– Ты бы победил.

– Нет. Тайко был самым великим из генералов и мудрейшим, искуснейшим из всех.

Хиро-Мацу улыбнулся.

– Да. За исключением тебя.

– Нет. Ты не прав. Вот поэтому я и стал его вассалом.

– Я сожалею, что он умер.

– Да.

– И Города – он был прекрасным человеком, не так ли? Столько хороших людей погибло. – Хиро-Мацу неосознанно повернулся и покрутил свои потертые ножны, – Ты должен выступить против Ишидо. Это вынудит каждого дайме выбрать, на чьей стороне воевать, раз и навсегда. Мы быстро победим. Тогда ты сможешь разогнать Совет и стать сегуном.

– Я не стремлюсь к этой чести, – резко сказал Торанага. – Сколько раз я должен тебе это говорить?

– Прошу прощения, господин. Но я чувствую, что это было бы лучше всего для Японии.

– Это измена.

– Кому, господин? Измена Тайко? Он мертв. Его последней воле и завещанию? Это только кусок бумаги. Мальчишке Яэмону? Яэмон – сын крестьянина, узурпировавшего власть, присвоившего наследство генерала, родственников которого он погубил. Мы были союзники Города, потом вассалы Тайко. Да. Но они оба мертвы.

– Ты бы посоветовал это, если бы был одним из регентов?

– Нет. Но я не один из регентов, и я очень этому рад. Я только ваш вассал. Я выбрал свое место год назад. Я сделал это свободно.

– Почему? – Торанага никогда не спрашивал его раньше об этом.

– Потому что вы человек, потому что вы Миновара и потому что вы поступаете умно. То, что вы сказали Ишидо, было правильно: мы не такой народ, чтобы нами управлял Совет. Нам нужен вождь. Кого мне выбрать из пяти регентов, чтобы служить? Господина Оноши? Да, он очень мудрый человек и хороший генерал. Но он христианин и больной, его плоть сгнила от проказы, так что он воняет на пятьдесят шагов. Господин Суджийяма? Он самый богатый дайме в стране, его семья такая же древняя, как и ваша. Но он трусливый ренегат, и мы знаем его вечность. Господин Кийяма? Умный, смелый крупный военный и старый товарищ. Но он тоже христианин; и я думаю, мы имеем достаточно богов в своей стране, чтобы не быть столь высокомерными, чтобы поклоняться только одному. Ишидо? Я не люблю эту предательскую крестьянскую пададь все то время, что я знаю его, и единственная причина, по которой я не убил его, это – что он верный пес Тайко. – Его жесткое лицо расплылось в улыбке. – Так что ты видишь, Ёси Торанага-нох-Миновара, ты не даешь мне других шансов.

– А если я не последую твоему совету? Если я буду манипулировать Советом регентов, даже Ишидо, и приведу Яэмона к власти?

– Что бы ты ни сделал, это будет разумно. Но все регенты хотят твоей смерти. Это верно. Я выступаю за немедленную войну. Немедленную. Прежде чем они изолируют тебя. Или, что более вероятно, убьют.

Торанага подумал о своих врагах. Они были сильны и многочисленны.

Возвращение в Эдо заняло бы у него три недели, если ехать по Токкайдской дороге, главной транспортной артерии, которая шла берегом между Эдо и Осакой. Плыть на корабле было более опасно и, может быть, более долго, если только не воспользоваться галерой, которая может идти против ветра и приливов.

Торанага мысленно опять обратился к плану, который он уже продумал, он не мог

найти в нем изъянов.

– Я тайком слышал вчера, что мать Ишидо посетила своего внука в Нагое, – сказал он, и Хиро-Мацу сразу стал весь внимание. Нагоя был огромным городом – государством, которое еще не присоединилось ни к одной стороне. – Госпожа должна быть приглашена аббатом посетить замок Джоджи. Посмотреть, как цветет вишня.

– Немедленно, – сказал Хиро-Мацу. – Голубиной почтой. – Замок Джоджи был известен тремя достопримечательностями: улицей вишневых деревьев, воинственностью своих монахов, исповедующих дзен-буддизм, и открытой неумирающей верностью Торанаге, который много лет назад оплатил строительство замка и с тех пор следил за его содержанием, – Самый разгар цветения прошел, но она будет там завтра. Я не сомневаюсь, что почтенная госпожа захочет остаться там на несколько дней, это так успокаивает. Ее внук также поедет с ней, да?

– Нет – только она. Это сделало бы приглашение аббата слишком очевидным. Дальше: пошли секретным шифром послание моему сыну Сударе: я покину Осаку в то время, как Совет регентов закончит свою работу – через четыре дня. Пошли это с гонцом и продублируй завтра почтовым голубем.

Недовольство Хиро-Мацу было очевидным.

– Тогда не стоит ли мне собрать сразу десять тысяч человек? В Осаке?

– Нет. Людей здесь достаточно. Спасибо, старый друг. Думаю, я теперь сосну.

Хиро-Мацу встал и расправил плечи. Потом, уже у дверей:

– Я могу передать Фудзико, моей внучке, разрешение покончить с собой?

– Нет.

– Но Фудзико – самурай, господин, и вы знаете, как матери относятся к своим детям. Ребенок был ее первенцем.

– Фудзико может иметь еще много детей. Сколько ей лет? Восемнадцать – только что исполнилось девятнадцать? Я найду ей другого мужа.

Хиро-Мацу покачал головой.

– Она его не примет. Я слишком хорошо ее знаю. Это ее внутреннее желание покончить с жизнью. Пожалуйста.

– Скажите вашей внучке, что я не одобряю бесполезную смерть. В прошении отказано.

Через некоторое время Хиро-Мацу поклонился и собрался уходить.

– Сколько времени протянет этот чужеземец в тюрьме? – спросил Торанага.

Хиро-Мацу не обернулся.

– Это зависит от того, насколько жестокий он убийца.

– Благодарю тебя. Спокойной ночи, Хиро-Мацу. – Удостоверившись, что остался один, он тихо произнес: – Кири-сан?

Внутренняя дверь открылась, она вошла и стала на колени.

– Немедленно пошли сообщение Сударе: «Все хорошо». Пошли это скоростными голубями. Выпусти трех из них на рассвете одновременно. В полдень сделай это же еще раз.

– Да, господин. – Она ушла.

«Один пробьется, – подумал он. – По крайней мере четыре погибнут от стрел, шпионов, ястребов. Но если Ишидо не разгадал наш код, послание для него ничего не даст».

Код был очень засекречен. Его знали четыре человека: его старший сын, Небару; его второй сын и наследник, Судара; Кири и он сам. Расшифрованное послание означало: «Не обращать внимания на все остальные сообщения. Действовать по плану пять». По заранее установленной договоренности план пять содержал приказы собрать всех лидеров клана Ёси и их самых доверенных тайных советников немедленно в его столице, Эдо, и провести мобилизацию для войны. Кодовые слова, которые означали войну, были «Малиновое небо». Его убийство или пленение делали «Малиновое небо» неминуемым и начинали войну – немедленное фанатичное нападение на Киото, проводимое Сударой, его наследником, всеми войсками, чтобы захватить эту столицу и марионетку императора. Это проводилось вместе с секретно разработанными, тщательно спланированными восстаниями в пятидесяти

провинциях, которые готовились годами для такого случая. Все цели, перевалы, города, замки, мосты были давно выбраны. Было достаточно оружия, людей и планов, как это лучше сделать.

«Это хороший план, – подумал Торанага. – Но он не удастся, если выполнять его буду не я. Судара проиграет. Не из-за желания рискнуть, или недостатка мужества, или ума, или из-за измены. Просто потому, что Судара не имеет достаточно опыта или знаний и не может увлечь за собой еще не решившихся дайме. А также потому, что осакский замок и наследник Яэмон станут на его пути, это средоточие для всего – вражды и ревности, которые я накопил за пятьдесят два года войны».

Война для Торанага началась, когда ему было шесть лет и он был взят заложником во вражеский лагерь, потом выпущен, потом захвачен другими врагами и опять взят в заложники, чтобы быть выпущенным, и так до двенадцати лет. В двенадцать он повел свой первый отряд и выиграл свой первый бой.

И так много битв. Ни одной не проиграно. Но так много врагов. И теперь они объединились.

Судара проиграет. Ты единственный, кто может победить при «Малиновом небе», может быть. Тайко мог сделать это, конечно. Но лучше будет не доходить до «Малинового неба».

Глава Четырнадцатая

Для Блэксорна это был адский рассвет. Он был ввергнут в битву с приговоренными к смерти. Наградой была мисочка каши. Оба мужчины были обнажены. Когда бы приговоренного ни помещали в эту огромную, Одноэтажную деревянную ячейку-блок, его одежда отбиралась. Одетый человек занимал больше места и мог скрыть оружие под платьем.

Мрачное и душное помещение было пятьдесят шагов в длину и десять в ширину и набито голыми потными японцами. Слабый свет проходил через планки и балки, из которых были сделаны стены и низкий потолок.

Блэксорн едва мог стоять прямо. Его кожа была в пятнах и царапинах от сломанных ногтей мужчин и деревянных заноз от стен. Наконец, он ударил головой в лицо мужчины, схватил за горло и стал бить его головой о балки помещения, пока тот не потерял сознание. Тогда он отбросил тело в сторону и стал пробиваться через потную массу к месту, которое он наметил себе в углу, и приготовился к новой атаке.

На рассвете наступило время еды, и стража начала передавать мисочки с кашей и водой через маленькое отверстие. Впервые им дали еду и питье с тех пор, как он попал сюда в сумерках прошлого дня. Выстроившиеся для получения воды и еды были необычно спокойны. Без порядка никто не мог получить пищи. Потом обезьяноподобный человек – небритый, грязный, усеянный вшами – оттолкнул его и забрал его порцию, пока другие ждали, что произойдет. Но Блэксорн побывал в достаточно многих матросских драках, чтобы быть сбитым одним предательским ударом, поэтому он изобразил беспомощность, потом яростно лягнул его ногой, и бой начался. Теперь, в углу, Блэксорн увидел, к своему удивлению, что один из этих людей предлагает ему мисочку каши и воду, которые он, как ему казалось, уже потерял. Он взял и поблагодарил его.

Углы были самыми излюбленными местами. Балки шли вдоль, по земляному полу, деля комнату на две части. В каждой части было по три ряда людей, два ряда лицом друг к другу, спинами к стене или брусу, еще один ряд между ними. В центральном ряду сидели только слабые и больные. Когда более здоровый человек в наружных рядах хотел вытянуть ноги, он клал их на тех, кто был в середине.

Блэксорн заметил два трупа, распухших и засиженных мухами, в одном из средних рядов. Но ослабевшие и умирающие люди вокруг, казалось, не замечали их.

Он не мог разглядеть ничего вдаль, в этом мрачном, со спертым воздухом помещении.

Солнце уже пекло дерево. Стояло несколько параш, но запах был ужасным, так как больные испражнялись под себя и в места, где они сидели в согбенном положении.

Время от времени стража открывала железную дверь и выкликала имена. Люди кланялись своим товарищам, уходили, но вскоре на их место приходили другие. Все узники, казалось, смирились со своей участью и пытались, как только могли, жить в мире со своими ближайшими соседями.

Одного мужчину около стены начало тошнить. Он быстро был вытолкнут в средний ряд, где сидел согнувшись, наполовину задушенный грузом ног.

Блэксорн закрыл глаза и попытался унять свой ужас и клаустрофобию. Негодяй Торанага! Я молюсь о том, чтобы иметь возможность затащить тебя в такое место на денек.

Негодяи стража! Прошлой ночью, когда ему было приказано раздеться, он дрался с ними с горьким сознанием беспомощности, понимая, что его изобьют, дрался только потому, что не привык сдаваться. И в конце концов он был силой заброшен в эту дверь.

Всего было четыре таких блока-ячейки. Они располагались на краю города, на мощеном участке земли с высокими каменными стенами. За стенами была неогороженная утрамбованная земля около реки. На ней стояли пять крестов. Обнаженные мужчины и одна женщина были привязаны с широко расставленными ногами, на крестах за запястья и щиколотки, и пока Блэксорн шел по периметру вслед за самураями-часовыми, он увидел палача, под смех толпы наискось втыкающего длинные пики в грудные клетки жертв. Потом эти пятеро были сняты с крестов и на их место подвешены другие, вышел самурай и разрубил трупы своим мечом на мелкие куски, смеясь во время этой работы.

Кровавые подонки, гнусные негодяи!

Незаметно человек, с которым подрался Блэксорн, пришел в сознание. Он лежал в среднем ряду. На одной стороне лица запеклась кровь, нос был раздроблен. Внезапно он прыгнул на Блэксорна, ничего не замечая на своем пути.

Блэксорн увидел его приближающимся в последний момент, с большим усилием парировал эту бешеную атаку и свалил его без сознания. Заключенные, на которых он упал, закричали на него, и один из них, тяжеловесный и сложенный как бульдог, рубанул его по шее ребром ладони. Раздался сухой щелчок, и голова человека повалилась набок.

Похожий на бульдога человек поднял полуобритую голову за тонкий, усеянный вшами чуб и опустил его. Он взглянул на Блэксорна, сказал что-то гортанное, улыбнулся голыми беззубыми деснами и пожал плечами.

– Спасибо, – сказал Блэксорн, успокаивая дыхание, думая о том, что не обладает искусством рукопашного боя, каким владеет Мура. – Мое имя Анджин-сан, – сказал он, указывая на себя. – А твое?

– Ах, со дес! Анджин-сан, – бульдог указал на себя и вдохнул в себя воздух. – Миникуй.

– Миникуй-сан?

– Хай, – сказал он и добавил большую фразу на японском.

Блэксорн устало пожал плечами.

– Вакаримасен. Я не понял.

– Ах, со дес! – Бульдог кратко и быстро поговорил со своими соседями. Потом он опять пожал плечами, и Блэксорн пожал плечами, они подняли мертвеца и положили его рядом с другими. Когда они вернулись в свой угол, их места были не заняты.

Большинство заключенных спало или отчаянно пыталось уснуть.

Блэксорну было мерзко, ужасно и страшно смерти. «Не беспокойся, у тебя еще длинный путь, прежде чем ты умрешь... Нет, я не могу жить долго в этой адской яме. Здесь слишком много народу. О Боже, помоги мне выйти отсюда! Почему эта комната плавает вверх и вниз и Родригес выплывает из глубины с пинцетами вместо глаз? Я не могу дышать, не могу дышать. Я должен выбраться отсюда, пожалуйста, пожалуйста, не подкидывай больше дров в огонь. Что ты делаешь здесь, Круук, приятель? Я думал, они освободили тебя и ты вернулся в деревню, но теперь мы здесь, в деревне. А как я оказался здесь? Здесь так

прохладно. И что это за девочка, такая хорошенькая, внизу под досками, но почему они тащат ее к берегу, голые самураи, там еще этот Оми смеется? Почему на песке внизу кровавые отметки, все голые, я голый, ведьмы и крестьяне, дети, котел и мы в котле... О нет, не надо больше дров, не надо больше дров, я утону в жидкой грязи, о Боже, о Боже, о Боже, я умираю, умираю, умираю... «Во имя отца и сына и святого духа». Это последнее причастие, и вы католик, и мы католики, и вы сгорите или утонете в моче и сгорите в огне, в огне, в огне...»

Он вытащил себя из кошмара, его уши ощутили мирное мягкое окончание последнего причастия. На какое-то время он не мог понять, проснулся он или спит, потому что не верил своим ушам, снова слыша благословение на латыни, и его неверящие глаза снова увидели сморщенное старое пугало – европейца, идущего по среднему ряду в пятнадцати шагах от Блэксорна. Беззубый старик носил грязный поношенный халат, у него были длинные грязные волосы, спутанная борода и сломанные ногти. Он поднял руку, как коготь хищника, и подержал над телом полуспрятанный деревянный крест. Луч света осветил его мгновенно. После этого он закрыл мертвецам глаза, пробормотал молитву и, осмотревшись, увидел, что Блэксорн смотрит на него.

– Мать Божья. Это вы на самом деле? – прокаркал он грубо по-испански, крестясь.

– Да, – сказал Блэксорн по-испански. – Кто вы? Старик ощупью пробирался дальше, бормоча про себя. Другие заключенные давали ему пройти и разрешали наступать или шагать через себя, не сказав ни слова. Он смотрел вниз на Блэксорна через слезящиеся глаза, его лицо было в бородавках.

– О, Святая Дева, этот господин живой. Кто вы? Я... Я брат... брат Доминго... Доминго... Доминго из священного... священного ордена святого Франциска... ордена... – после этого его слова представляли собой смесь из японского, латыни и испанского. Его голова подергивалась, и он все время вытирал слюну, которая сочилась изо рта по подбородку. – Сеньор действительно живой?

– Да, я живой на самом деле, – Блэксорн поднялся. Священник еще раз пробормотал о Святой Деве, слезы текли по его щекам. Он снова поцеловал свой крест и хотел опуститься на колени, ища для этого места. Бульдог потряс своего соседа, заставляя его проснуться. Оба сели на корточки, освободив место для священника.

– Клянусь благословенным святым Франциском, мои молитвы услышаны. Ты, ты, ты... я думал, что у меня видения, сеньор, что вы призрак. Да, дух дьявола. Я видел так много, так много... сколько вы здесь, сеньор? Здесь трудно что-либо рассмотреть в темноте, и мои глаза не так хороши... Сколько времени вы здесь?

– Со вчерашнего дня, а вы?

– Я не знаю, сеньор. Давно. Меня посадили сюда, это было в сентябре, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году от рождения нашего Господа.

– Сейчас май. Тысяча шестисотый год.

– Тысяча шестисотый?

Стонущий крик отвлек внимание монаха. Он встал и пошел через тела как паук, ободряя одного там, трогая другого здесь, бегло утешая их по-японски. Он не мог найти умирающего, поэтому он исполнил весь ритуал в той части камеры и благословил всех, и никто не возражал.

– Иди со мною, мой сын.

Не дожидаясь, монах захромал дальше, сквозь массу людей, в темноту. Блэксорн колебался, не желая оставлять свое место. Потом он встал и последовал за ним. Через десять шагов он оглянулся. Его место было уже занято. Казалось невероятным, что он когда-то сидел там.

Он продолжал идти по барaku. В дальнем углу было, как это ни странно, свободное место. Как раз достаточно для того, чтобы улечься небольшому человеку. Там было несколько горшков, чашек и старый соломенный мат.

Окружающие японцы молча наблюдали за ними, дав пройти Блэксорну.

– Это моя паства, сеньор. Они все мои дети у благословенного Господа нашего Иисуса. Я их так много здесь обратил – это Джон, а здесь Марк и Мафусаил... – Священник остановился перевести дыхание. – Я так устал. Устал. Я... должен, я должен... – Его голос затих, и он уснул.

В сумерках принесли еду. Когда Блэксорн собрался встать, один из японцев около него сделал ему знак оставаться на месте и принес доверху наполненную чашку. Другой человек мягко потряс священника, чтобы разбудить, предлагая пищу.

– Ие, – сказал старик, качая головой и улыбаясь, миску он протянул обратно.

– Ие, Фардах-сама.

Священник дал себя уговорить и поел немного, потом встал, его суставы хрустнули, и протянул свою миску одному из тех, кто был в среднем ряду. Этот человек притянул руку священника к своему лбу, и тот его благословил.

– Я так рад повидать еще одного соотечественника, – сказал священник, садясь опять около Блэксорна, его крестьянский голос был низким и шипящим. Он с усилием показал рукой в дальний угол камеры, – Кто-то из моей паствы сказал, что сеньора называют «кормчий», «анджин»? Сеньор кормчий?

– Да.

– Здесь есть кто-нибудь еще из команды сеньора?

– Нет. Я один. Почему ты здесь?

– Если сеньор один – он пришел из Манилы?

– Нет. Я никогда не был в Азии, – осторожно сказал Блэксорн. Его испанский язык был превосходен, – Это было мое первое плавание в качестве кормчего. Я был... Я был за границей. Почему вы здесь?

– Иезуиты заточили меня сюда, сын мой. Иезуиты и их мерзкая ложь. Сеньор был за границей? Ты не испанец, нет – и не португалец... – Монах подозрительно всмотрелся в него, и Блэксорна обдало его зловонным дыханием, – Корабль был португальским? Скажи мне правду, ради Бога!

– Нет, отец. Корабль был не португальский. Перед Богом клянусь!

– О, Благословенная Дева, благодарю тебя! Пожалуйста, простите меня, сеньор, Я боюсь – я старый человек, глупый и больной. Твой корабль был испанский, откуда? Так рад – откуда вы, сеньор? Из Испанской Фландрии? Или из герцогства Бранденбургского, может быть? Откуда-нибудь из наших доминионов в Германии? О, так хорошо опять поговорить наконец на языке моей благословенной матери! Сеньор так же, как и мы, потерпел кораблекрушение? А потом подло брошен в эту тюрьму, подло обвиненный этими дьявольскими иезуитами? Мой Бог проклинает их и показывает им грех их измены! – Его глаза вспыхнули яростью. – Сеньор сказал, что он никогда не был в Азии раньше?

– Нет.

– Если сеньор никогда не был в Азии раньше, то он будет здесь как ребенок в джунглях. Да, здесь можно много чего рассказать! Сеньор знает, что иезуиты только торговцы, незаконно ввозящие оружие и занимающиеся ростовщичеством? Что они командуют здесь всей торговлей шелком, всей торговлей с Китаем? Что ежегодный Черный Корабль стоит миллион золотом? Что они вынудили его святейшество папу отдать им всю власть над Азией – им и их собакам, португальцам? Что все другие религии здесь запрещены? Что иезуиты имеют здесь дело только с золотом, покупая и продавая для наживы – для себя и для варваров – против прямых приказов его святейшества, папы Клементия, короля Филиппа и против законов этой страны? Что они контрабандой ввозят оружие в Японию для христианских князей, подстрекая их к мятежу? Что они вмешиваются в политику и сводничают для князей, лгут и мошенничают и дают лживые свидетельства против нас? Что их игумен сам послал секретное послание нашему испанскому вице-королю в Лусон с просьбой прислать конкистадоров для завоевания страны – они просили об отторжении Испании, чтобы скрыть новые португальские ошибки. Все наши несчастья могут быть отнесены на их счет, сеньор. Это иезуиты лгут, мошенничают и вредят нашему

любимому королю Филиппу! Их ложь привела меня сюда и вызвала казнь двадцати шести святых отцов. Они думают, что, если я был когда-то крестьянином, я не понимаю... но я могу читать и писать, сеньор, я могу читать и писать! Я был одним из секретарей его превосходительства вице-короля. Они думают, что мы, францисканцы, не понимаем... – Он вдруг опять перешел на напыщенную смесь испанского и латыни.

Настроение у Блэксорна поднялось, его любопытство возрастало по мере рассказа священника. Что за оружие? Что за золото? Какая торговля? Какой Черный Корабль? Миллион? Что за вторжение? Какие христианские короли?

«А ты не обманываешь бедного больного старика? – спросил он себя. – Он думает, что ты его друг, а не враг.

Я не лгал ему.

Но ты не имел в виду, что ты его друг?

Я отвечал ему прямо.

Но ты ничего не предложил?

Нет.

Это честно?

Первое правило выжить во враждебных водах – ничего не предлагать».

Вспышка раздражения монаха была для всех неожиданной. Японцы, лежавшие рядом, с трудом подвинулись. Один из них встал, мягко потряс священника и заговорил с ним. Отец Доминго постепенно пришел в себя, его глаза прояснились. Он посмотрел на Блэксорна, узнавая его, ответил японцу и успокоил остальных.

– Извините меня, сеньор, – сказал он, задыхаясь, – Они... они думают, я рассердился на сеньора. Бог простит мне мой глупый гнев! Это было затмение, иезуиты приходят из ада, вместе с еретиками и язычниками. Я много могу рассказать тебе о них. – Монах вытер слюну с подбородка и попытался успокоиться. Он нажал себе на грудь, чтобы облегчить в ней боль. – Сеньор что-то сказал? Твой корабль, он причалил к берегу?

– Да. В некотором роде. Мы доплыли до земли, – ответил Блэксорн. Он осторожно вытянул ноги. Люди кругом, которые смотрели на него и слушали разговор, подвинулись. – Спасибо, – сказал он сразу, – да, как вы говорите «спасибо», отец?

– «Домо». Иногда вы можете сказать «аригато». Женщина должна быть особенно вежлива, сеньор. Она говорит «аригато годзиемашита».

– Спасибо. Как его имя? – Блэксорн показал на человека, который встал.

– Это Гонсалес.

– А какое у него японское имя?

– Ах да. Он Акабо. Но это значит «носильщик», сеньор. У них нет имен. Имена имеют только самураи.

– Что?

– Только самураи имеют имена, имена и фамилии. Таков их закон, сеньор. И каждый должен делать то, что он есть – носильщик, рыбак, повар, палач, фермер и так далее. Сыновья и дочери просто Первая Дочь, Вторая Дочь, Первый Сын и так далее. Иногда они зовут человека «рыбак, который живет у вяза» или «рыбак с больными глазами». – Монах пожал плечами и подавил зевок, – Обычным японцам не разрешают иметь имена. Проститутки дают себе имена типа Карп, Лепесток, Угорь или Звезда. Это странно, сеньор, но таков их закон. Мы даем им христианские имена, настоящие имена, когда крестим их, даем им спасение и слово Божие... – Его слова замерли, и он уснул.

– Домо, Акабо-сан, – сказал Блэксорн носильщику. Человек застенчиво улыбнулся, поклонился и вздохнул. Позднее монах проснулся и произнес краткую молитву.

– Только вчера, сказали, сеньор? Он пришел только вчера? Что случилось с сеньором?

– Когда мы пристали здесь, там был иезуит, – сказал Блэксорн. – А что вы, отец? Вы говорите, они обвиняют вас? Что случилось с вами и вашим кораблем?

– Наш корабль? Сеньор говорит о нашем корабле? Сеньор приехал из Манилы, как мы? О, о, как я глуп! Я помню теперь, сеньор был за границей и никогда не был в Азии раньше.

Клянусь благословенным телом Христовым, хорошо опять поговорить с цивилизованным человеком, на языке моей блаженной матери! Кхе ва, это было так давно. Моя голова болит, болит, сеньор. Наш корабль? Мы давно собирались домой. Домой из Манилы в Акапулько, в страну Кортеса, в Мексику, оттуда сушей до Вера-Круц. А там другой корабль через Атлантику и длинный, длинный путь домой. Моя деревня находится под Мадридом, сеньор, в горах. Она называется Санта-Вероника. Сорок лет я не был там, сеньор. В Новом Свете, в Мексике и на Филиппинах. Всегда с нашими славными конкистадорами, может быть. Дева следит за ними! Я был в Лусоне, когда мы разбили короля местных язычников, Лумалона, и завоевали Лусон и таким образом принесли слово Божье на Филиппины. Много наших новообращенных японцев сражалось с нами даже тогда, сеньор. Такие бойцы! Это было в 1575 году. Мать-церковь хорошо укрепилась там, мой сын, и нигде не было видно грязных иезуитов или португальцев. Я приехал в Японию почти два года назад и должен был вернуться в Манилу, когда иезуиты выдали нас.

Монах замолчал и закрыл глаза, засыпая. Позднее он проснулся снова и, как это иногда бывает со старыми людьми, продолжил, как будто он и не спал:

– Мой корабль был большой галерой «Сан-Филипп». Мы везли груз золотых и серебряных монет стоимостью в миллион с половиной серебряных песо. Нас захватил один из сильных штормов и выбросил на берега Сикоку. Корабль повредил киль на песчаном бере, когда на третий день мы выгрузили драгоценные металлы и большую часть груза. Тут прошел слух, что все конфисковано, конфисковано самим Тайко, что мы пираты и... – Он замолчал во внезапной тишине.

Железная дверь камеры задрожала, открываясь.

Стражники начали выкликать имена из списка. Бульдог, человек, с которым подружился Блэксорн, оказался одним из вызванных. Он вышел, не оглядываясь. Был также выбран один из людей в круге – Акабо. Акабо стал на колени перед монахом, который благословил его, перекрестил и быстро дал ему последнее причастие. Человек поцеловал крест и ушел.

Дверь опять закрылась.

– Они собираются казнить его? – спросил Блэксорн.

– Да, его Голгофа за дверью. Моя Святая Мадонна заберет его и даст ему вечное блаженство.

– Что он сделал?

– Он нарушил закон, их закон, сеньор. Японцы люди простые. И очень жестокие. Они верны одному наказанию – смерти. На кресте, виселице или обезглавливанием. За такое преступление, как поджог, полагается смерть в огне. Они почти не имеют других наказаний – изгнание иногда, для женщин иногда отрезание волос. Но, – старик вздохнул, – в большинстве случаев смерть.

– Вы забыли заключение.

Ногти монаха задумчиво ковыряли струпья на ладони.

– Это не одно из наказаний у них, мой сын. Для них заключение только временное место, где держат людей перед тем, как они решат, что с ними делать. Сюда отправляют только виновных. И только на короткое время.

– Это вздор. А что с вами? Вы же здесь уже год, почти два.

– Когда-нибудь они придут за мной, как за всеми остальными. Это только место передышки между земным адом и великолепием вечной жизни.

– Я не верю вам.

– Не бойся, мой сын. Это воля Бога. Я здесь и могу выслушать исповедь сеньора, дать ему отпущение грехов и успокоить его – великолепие вечной жизни всего лишь в ста шагах, начинающихся от этой двери. Сеньор не хотел бы, чтобы я выслушал его исповедь прямо сейчас?

– Нет, нет – спасибо. Не сейчас, – Блэксорн посмотрел на железную дверь. – Кто-нибудь пытался выбраться отсюда?

– Зачем бы им это делать? Здесь некуда бежать – негде спрятаться. Власти очень строгие. Каждый, кто поможет осужденному, виновным, совершает преступление. – Он слабо махнул рукой в сторону двери камеры. – Гонсалес – Акабо – человек, который сейчас... ушел. Он кагаман. Он сказал мне.

– Что такое кагаман?

– О, это носильщики, сеньор, люди, которые носят паланкины или меньшего размера каги для двух носильщиков, которые напоминают гамак, качающийся на шесте. Он рассказал нам, что его товарищ украл шелковый шарф заказчика, и поскольку он, бедный парень, сам не сообщил о краже, его также лишают жизни. Сеньор может верить мне, тот, кто пытается бежать, или тот, кто помогает кому-то бежать, теряет жизнь вместе со всей своей семьей. Они очень строги, сеньор.

– Ну так что, каждый идет на смерть как овца?

– Другого выбора нет. Это только воля Бога. «Не злись и не паникуй, – предупредил себя Блэксорн. – Будь терпелив. Ты можешь придумать выход. Не все, что говорит священник, верно. Кто бы выдержал столько времени?»

– Эти тюрьмы у них новые, сеньор, – сказал монах. – Говорят, что тюрьмы устроил Тайко несколько лет назад. До него их не было. Раньше, когда человека ловили, он признавался в своем преступлении, и его казнили.

– А если он не признавался?

– Все признавались – чем скорее, тем лучше, сеньор. У нас так же, если вас поймают.

Монах уснул на некоторое время, почесываясь и бормоча во сне. Когда он проснулся, Блэксорн спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, отец, как проклятые иезуиты смогли упрятать божьего человека в эту отвратительную дыру?

– Не о чем и говорить. После того как пришел Тайко и взял все сокровища и товары, наш капитан настоял на том, чтобы мы пошли в столицу и протестовали против этого. Причин для конфискации не было. Разве мы не были слугами самого могущественного католика, короля Филиппа Испанского, правителя самой большой и богатой империи в мире? Самого мощного монарха в мире? Разве мы не были друзьями? Разве не Тайко просил Испанскую Манилу торговать напрямую с Японией? Конфискация была ошибкой.

Я пошел с нашим капитаном, потому что умел немного говорить по-японски – немного в то время. Сеньор, «Сан-Филипп» потерпел крушение и был выброшен на берег в октябре 1597 года. Иезуиты – один из них по имени отец Мартин Алвито, – они осмелились предложить посредничество для нас, там, в Киото, столице. Какая наглость! Наш францисканский игумен, Фриар Браганза, был в столице и был послом – настоящим послом Испании при дворе Тайко! Блаженный монах Браганза, он был там, в столице, в Киото, пять лет, сеньор. Сам Тайко лично просил нашего вице-короля в Маниле прислать францисканских монахов и посла в Японию. Тогда и приехал благословенный монах Браганза. И мы, сеньор, мы на «Сан-Филиппе» знали, что он был верным человеком, не как иезуиты.

После многих-многих дней ожидания мы получили аудиенцию у Тайко – он был миниатюрный, безобразно маленький человек, сеньор, – и мы просили обратно наши товары и другой корабль или отправить нас на другом судне. Все это наш капитан предлагал щедро оплатить. Аудиенция прошла хорошо, как нам показалось, и Тайко отпустил нас. Мы пошли в свой монастырь в Киото и там в течение нескольких следующих месяцев, пока мы ждали его решения, продолжали нести язычникам слово Божье. Мы открыто проводили свои службы, а не как воры в ночи, не так, как это делали иезуиты. – Голос отца Доминго наполнился крайним презрением. – Мы сохранили свои обряды и облачения – мы не скрывались, как делают местные священники. Мы несли слово людям колеблющимся, больным и бедным, не как иезуиты, которые имеют дело только с князьями. Наша конгрегация разрасталась. Мы устроили больницу для больных проказой, свою собственную церковь, и наша паства процветала, сеньор. Сильно увеличилась. Мы собрались обратить в

нашу веру многих их князей, и тогда однажды нас предали.

Однажды в январе мы, францисканцы, были собраны все перед магистратом и обвинены согласно бумаге с печатью самого Тайко в нарушении их законов, нарушении их мира и приговорены к смерти через распятие. Нас было сорок три. Наши церкви по всей Японии были разрушены, все наши конгрегации запрещены – францисканские, сеньор, не иезуитские. Только наши, сеньор. Мы были ложно обвинены. Иезуиты обманули Тайко, сказав, что мы были конкистадорами, что мы хотели вторгнуться на их берега, когда на самом деле это иезуиты просили его преосвященство, нашего вице-короля, прислать армию из Манилы. Я видел это письмо сам! От их игумена! Они были дьяволами, которые притворились служащими церкви и Христа, но они служили только себе. Они страстно желали власти, власти любой ценой. Они прятались за сетью нищеты и благочестия, но под ними они чувствовали себя как короли и копили состояния. Кое-ва, сеньор, правда состоит в том, что мы ревностно относились к нашей пастве, ревностны к нашей вере, ревностны к нашей церкви, ревностны к нашей правде и образу жизни. Дайме Хицен, Дон Франциско, – его японское имя Харима Тадао, но при крещении он был назван Доном Франциско – он вступился за нас. Он был подобен королю, все дайме похожи на королей, он францисканец, и он вступился за нас, но бесполезно.

В конце концов казнили двадцать шесть человек. Шесть испанцев, семнадцать наших японских новообращенных и еще троих. Одним из них был блаженный Браганза, среди новообращенных было трое юношей. О, сеньор, в этот день вера проникла в тысячи японцев. Пятьдесят, сто тысяч человек наблюдали за казнями в Нагасаки, мне говорили об этом. Это был тяжелый холодный февральский день и плохой год – год землетрясений, тайфунов, наводнений, ураганов и пожаров, когда рука Бога тяжело опустилась на великого убийцу в виде землетрясения и даже разрушила его большой замок, Фушими. Это было страшно, но удивительно наблюдать, как перст Божий наказывает язычников и грешников.

И вот они были казнены, сеньор, шесть добропорядочных испанцев. Наша паства и наша церковь были уничтожены, больница закрыта, – Лицо старика было мокро. – Я был один из тех, кто был выбран для мученичества, но мне не была оказана такая честь. Они отправили нас пешком из Киото, и когда мы пришли в Осаку, они поместили нас в одну из наших миссий, а остальным... остальным отрезали по одному уху, потом выставили их на улицах как обычных преступников. Потом святая братия была отправлена на запад. На месяц. Их благословенное путешествие закончилось на горе Нисизаки, возвышающейся над большим заливом Нагасаки. Я просил самурая позволить мне пойти с ними, но, сеньор, он приказал мне вернуться в миссию здесь, в Осаке. Без всякой причины. А потом, через несколько месяцев, мы были помещены в тюрьму. Нас было трое – я думаю, нас было трое, но я один был испанец. Другие были новообращенные, наши братья, японцы. Несколько дней спустя их вызвала стража. Но меня ни разу не вызвали. Может быть, такова воля Бога, сеньор, или, может быть, эти грязные иезуиты оставили меня в живых, чтобы побольше мучить, – те, кто не дал мне шанса на мученичество среди своих. Трудно терпеть, сеньор. Так трудно...

Старый монах закрыл глаза, помолился и плакал, пока не заснул.

Как ни хотелось Блэксорну, он не мог заснуть, хотя ночь наконец и наступила. Его тело чесалось от укусов вшей. Голова была полна ужасными мыслями.

Он понимал с ужасающей ясностью, что выбраться отсюда невозможно, чувствовал, что находится на краю гибели. Глубокой ночью ужас охватил его, и впервые в жизни он сдался и заплакал.

– Да, сын мой? – пробормотал монах, – В чем дело?

– Ничего, ничего, – сказал Блэксорн, сердце его оглушительно забилося. – Спи.

– Не надо бояться. Мы все в руках Бога, – сказал монах и снова уснул.

Ужас оставил Блэксорна. Здесь был ужас, с которым можно жить. «Я выберусь отсюда как-нибудь», – сказал он себе, пытаюсь поверить в эту ложь.

На рассвете принесли пищу и воду. Блэксорн уже пришел в себя. «Глупо вести себя

так, – твердил он себе, – Глупость, слабость и опасность. Не делай этого больше, или ты сломаешься, сойдешь с ума и наверняка умрешь. Тебя положат в третий ряд, и ты умрешь. Будь аккуратен и терпелив, следи за собой».

– Как вы сегодня, сеньор?

– Прекрасно, спасибо, отец. А вы?

– Спасибо, совсем хорошо.

– Как мне сказать это по-японски?

– Домо, дзенки десу.

– Домо, дзенки десу. Вы говорили вчера, отец, о португальских Черных Кораблях – на что они похожи? Вы видели такой корабль?

– О да, сеньор. Это самые большие корабли в мире, почти на две тысячи тонн. Для плавания на одном из них необходимо около двухсот матросов и юнг, а с экипажем и пассажирами он вмещает до тысячи человек. Мне говорили, что эти каракские паруса хороши для попутного ветра и тяжелы в управлении при боковом ветре.

– Сколько у них пушек?

– Иногда по двадцать или тридцать на трех палубах. – Отец Доминго был рад отвечать на вопросы, разговаривать и учить, а Блэксорн в такой же степени был рад слушать и учиться. Отрывочные знания монаха были бесценны и бесконечны.

– Нет, сеньор, – говорил он теперь. – Домо – благодарю вас, а дозо – пожалуйста. Вода – мицу. Всегда помните, что японцы придают большое значение манерам и вежливости. Один раз, когда я был в Нагасаки, – о, если бы только были чернила и бумага с пером! А, я знаю – вот, пишите слова на грязи, это поможет вам запоминать их...

– Домо, – сказал Блэксорн. Потом, после запоминания еще нескольких слов, он спросил: – Сколько уже времени здесь португальцы?

– О, эти земли были открыты в 1542 году, сеньор, в тот год, когда я родился. Их было трое: да Мота, Пьексото, и еще одну фамилию я не могу вспомнить. Они были португальские торговцы, имевшие дела с китайским побережьем и плавающие на китайских джонках из порта в Сиаме. Сеньор был когда-нибудь в Сиаме?

– Нет.

– О, в Азии есть что посмотреть. Эти люди были торговцами, но их захватил сильный шторм, тайфун, и вынес их к земле в Танегасиме на Кюсю. Тогда европейцы впервые ступили на землю Японии, с этого времени началась торговля. Спустя несколько лет Френсис Ксавьер, один из основателей ордена иезуитов, тоже приехал сюда. Это было в 1549 году... плохом году для Японии, сеньор. Первым был один из наших, и мы должны были бы иметь дела с этим государством, а не португальцы. Френсис Ксавьер умер через три года в Китае, одинокий и всеми покинутый... Я сказал сеньору, что иезуиты уже были при дворе императора Китая в месте, называемом Пекином? О, вам следовало бы повидать Манилу, сеньор, и Филиппины! У нас было четыре собора, и почти три тысячи конкистадоров, и почти шесть тысяч японских солдат было размещено на островах, и триста братьев...

Голова Блэксорна была переполнена фактами, японскими словами и фразами. Он спрашивал о жизни в Японии, дайте, самураях и торговле, Нагасаки, войне, мире, иезуитах, францисканцах и португальцах в Азии и об испанской Маниле, и более всего о Черном Корабле, который приплывал раз в год из Макао. Три дня и три ночи Блэксорн сидел с отцом Доминго и спрашивал, слушал, учился, спал с кошмарными снами, просыпался и задавал новые вопросы, узнавая что-то еще.

Потом, на четвертый день, назвали его имя.

«Анджин-сан!»

Глава Пятнадцатая

В полном молчании Блэксорн встал на ноги.

– Исповедуйся, мой сын, говори побыстрее.

– ... Я не думаю... Я... – Блэксорн с трудом понял, что он говорит по-английски, плотно сжал губы и пошел. Монах встал, думая, что он говорил по-голландски или по-немецки, схватил его за руку и захромал вместе с ним.

– Быстро, сеньор. Я дам вам отпущение грехов. Быстрее, ради вашей бессмертной души. Говорите быстро, только то, в чем сеньор признается перед Богом – обо всем в прошлом и настоящем...

Они приближались теперь уже к железным воротам, монах держал Блэксорна с удивительной силой.

– Говорите! Святая Дева наблюдает за вами!

Блэксорн вырвал руку и хрипло сказал по-испански: «Идите с Богом, отец».

Дверь захлопнулась.

День был невероятно холодный и яркий, облака метались из стороны в сторону под легким юго-восточным ветром. Он глубоко вдыхал чистый, удивительно вкусный воздух, и кровь быстрее побежала по жилам. Радость жизни охватила его. Во дворе перед чиновниками, тюремщиками с пиками и группой самураев стояло несколько обнаженных заключенных. Чиновник был одет в темное кимоно и накидку с накрахмаленными, похожими на крылья плечами, на нем была маленькая черная шляпа. Он стоял перед первым заключенным и зачитывал ему приговор по тонкому бумажному свитку. Когда он заканчивал, человек отправлялся за маленькой группой своих тюремщиков к большим воротам. Блэксорн был последним. В отличие от других ему оставили набедренную повязку, хлопчатобумажное кимоно и ременные сандалии на ногах. И его охранниками были самураи.

Он решил бежать при выходе из ворот, но когда приблизился к порогу, самураи еще плотнее окружили его и полностью блокировали. Ворота они достигли вместе. На них глазела большая толпа чистых и щеголевато одетых людей с малиновыми, желтыми и золотистыми зонтиками от солнца. Один человек уже был привязан к кресту, и крест поднят вертикально. У каждого креста ждали два «эта» – палача; их длинные пики блестели на солнце.

Блэксорн замедлил шаг. Самураи подошли совсем близко, торопя его. Он оцепенело подумал, что лучше умереть сразу, быстро, поэтому примерился выхватить ближайший меч. Но это ему не удалось, так как самураи повернули от арены и пошли по периметру площади, направляясь на улицы, которые вели в город и замок.

Блэксорн затаил дыхание, напряженно ожидая, чтобы наконец удостовериться. Они прошли через толпу, которая отступила назад, кланяясь, вышли на улицу, и теперь все уже было наверняка.

Блэксорн почувствовал себя заново родившимся.

Когда он смог заговорить, он спросил: «Куда мы идем?» – не беспокоясь о том, что его слова не будут поняты или что они были произнесены по-английски. Блэксорн чувствовал себя очень легко. Его ноги едва касались земли, ремешки сандалий не терли, непривычное прикосновение кимоно было приятным. «Фактически я чувствую себя очень хорошо, – подумал он, – Может быть, немного прохладно, но так бывало только на юте корабля!»

– Ей-богу, как прекрасно снова поговорить по-английски, – сказал он самураю. – Боже мой, я думал, я уже мертвец; Это ушла моя восьмая жизнь. Вы понимаете это, старина? Теперь я только один, который остался в живых. Ну, ничего! Кормчие имеют по десять жизней, по крайней мере так говорил Альбан Карадок. – Самурай, казалось, становился все недовольней от звуков незнакомой речи.

«Держи себя в руках, – сказал он себе. – Не делай их более раздражительными, чем они есть на самом деле».

Теперь он заметил, что все самураи были серыми. Люди Ишидо. Он спросил отца Алвито об имени человека, который противостоял Торанаге. Алвито сказал «Ишидо». Это было как раз перед тем, как он приказал встать и уйти. Все ли серые – люди Ишидо? Все ли коричневые – люди Торанаги?

– Куда мы идем? Туда? – Он показал на замок, который нависал над городом. – Туда, хай?

– Хай, – командир самураев кивнул своей круглой головой. У него была сидящая борода.

«Что хочет от меня Ишидо?» – спросил себя Блэксорн.

Предводитель самураев повернул на другую улицу, все дальше уходя от гавани. Потом он увидел его – небольшой португальский бриг, его голубой с белым флаг развевался на ветру. Десять пушек на главной палубе, считая кормовые и носовые двадцатифунтовые орудия.

«Эразмус» легко бы справился с ним, – сказал себе Блэксорн. – А что с моей командой? Что они делают, оказавшись опять в деревне? Ей-богу, мне хотелось бы видеть их. Я был так рад, когда расстался с ними в тот день и вернулся обратно в свой дом, где были Онна и хозяин дома – как его имя? А, да. Мура-сан. А что с той девушкой, которая оказалась в моей постели на полу, и с той, ангельски красивой, которая разговаривала с Оми-сан в тот день? А с тем, кто оказался тогда в котле?»

Но зачем вспоминать этот вздор? Это ослабляет мозг. «Тебе нужно иметь очень сильную голову, чтобы жить в море», – говорил Альбан Карадок. Бедный Альбан.

Альбан Карадок всегда казался таким огромным, похожим на Бога, все видящим, все знающим, и так в течение многих лет. Но он умер в страхе. Это произошло на седьмой день сражения с Непобедимой Армадой. Блэксорн командовал стотонным кочем с гафельными парусами, вышедшим из Портсмута с грузом оружия, пороха, ядер и продуктов для боевых галеонов Дрейка. Выйдя из Дувра, те совершали набеги и громили вражеский флот, который стремился в сторону Дюнкерка, где затаились испанские легионы, ждущие переправы, чтобы завоевать Англию. Огромный испанский флот был разбросан штормами и более воинственными, более быстрыми, более маневренными военными кораблями, которые построили Дрейк и Ховард.

Блэксорн участвовал в стремительной атаке рядом с флагманским кораблем адмирала Говарда «Ренаун», когда ветер внезапно переменился и стал штормовым; шквалы его были ужасны, и нужно было решать, пробиваться ли против ветра, чтобы спастись от бортового залпа крупного галеона «Санта-Круз», бывшего перед ним, или уходить по ветру, через вражескую эскадру, остаток кораблей Ховарда, уже почти повернувших, расположенных дальше к северу.

– Давай на север по ветру! – кричал Альбан Карадок. Он был на корабле вторым после капитана. Альбан Карадок настаивал на вступлении в бой, хотя он и не имел права находиться на борту, за исключением того, что был англичанином, а все англичане обязаны быть на борту в это самое трудное время своей истории.

– Стоп! – приказал Блэксорн и повернул румпель к югу, направляясь в центр вражеской флотилии, зная, что другой путь приведет их под пушки галеона, который возвышался сейчас над ними.

Поэтому они и направились на юг, по ветру, мимо галеонов. Канонада с трех палуб «Санта-Круз» прошла над их головами, не причинив им вреда, он тоже сделал два залпа всеми бортами, но это оказалось блошиными укусами для такого огромного судна, и они пронеслись через центр вражеской эскадры. Галеоны по бокам не хотели стрелять, так как боялись попасть друг в друга, поэтому пушки молчали. Его корабль проскользнул и уже спасся бы, когда пушечный огонь с трех палуб «Мадре-де-Диос» обрушился на них. Обе их мачты улетели, как стрелы, люди запутались в такелаже. Исчезла половина главной палубы правого борта, повсюду лежали мертвые и умирающие.

Он увидел Альбана Карадока, лежащего у разбитой вдребезги пушки, такого невероятно маленького без ног. Он успокаивал старого моряка, глаза которого почти отделились от головы, тот душераздирающе кричал. «О, Боже мой, я не хочу умирать, не хочу умирать, помогите мне, помогите мне, помогите мне... О, Боже, больно, помогите!» Блэксорн знал то единственное, что он может сделать для Альбана Карадока. Он поднял лежащую рядом с ним пику и с силой опустил ее.

Потом, много недель спустя, он сказал Фелисите, что ее отец погиб. Он сказал ей

только, что Альбан Карадок был убит мгновенно. Но не сказал, что на его руках кровь, которую никогда не смоешь...

Блэксорн и самураи шли теперь по широкой улице под сильным ветром. Лавок на улице не было, только дома бок о бок, каждый со своим садиком и высокими заборами; дома, заборы и сама дорога – все поразительно чистое.

Эта чистота была удивительна для Блэксорна, потому что в Лондоне и других городах Англии, как и в Европе, отбросы и содержимое ночных горшков выкидывалось прямо на улицы, чтобы их убрали мусорщики, и лежали до тех пор, пока не начинали мешать пешеходам, повозкам и лошадям. Только тогда большая часть городов приступала к уборке. Основными уборщиками Лондона были большие стада свиней, которые ночами бродили по главным улицам города. Масса крыс, стаи собак и кошек и пожары не очищали Лондон. И мухи тоже.

Но Осака была совсем другой. «Как они добиваются этого? – спрашивал он себя. – Никаких выгребных ям, куч конского навоза, ни выбоин от колес, ни грязи, ни отбросов. Только твердо утоптанная земля, подметенная и чистая. Стены деревянные и дома деревянные, чистые и опрятные. И где толпы нищих калек, которые заполняют каждый город у христиан? И группы бандитов и буйных молодых людей, которые обязательно прячутся в укромных местах?»

Люди, мимо которых они проходили, вежливо кланялись, некоторые вставали на колени. Носильщики торопились с паланкинами или одностепенными носилками. Группы самураев – серые, ни разу он не увидел коричневых – небрежно прогуливались по улицам.

Они проходили по улице, где были сплошь расположены магазины, когда у него отказали ноги. Он тяжело повалился и приземлился на четвереньки.

Самураи помогли ему встать, но через мгновение силы совсем оставили его и он не смог идти.

– Гомен насай, дозо га матсу – извините, подождите, пожалуйста, – сказал он, ноги его свело судорогами. Он потер скрюченные мышцы икр и поблагодарил про себя отца Доминго за бесценные вещи, которым обучил его этот человек.

Главный из самураев поглядел на него и что-то произнес.

– Гомен насай, нихон го га ханазе-масен – извините, я не говорю по-японски, – повторил Блэксорн медленно, но четко: – Дозо, га матсу.

– А! Со десу, Анджин-сан. Вакаримасу, – сказал начальник, поняв его. Он отдал короткую команду, и один из самураев куда-то убежал. Через некоторое время Блэксорн встал, попытался идти, хромя, но главный самурай сказал «Ие» и сделал знак подождать.

Самурай скоро вернулся обратно с четырьмя полуобнаженными носильщиками и носилками. Блэксорну показали, как сесть в них и держаться за ремень, свисающий с центрального шеста.

Группа опять тронулась в путь. Скоро Блэксорн почувствовал, что к нему вернулись силы, и он предпочел бы идти, но он знал, что все еще слаб. «Я должен немного отдохнуть, – подумал он, – У меня нет никаких сил. Мне нужно вымыться и поесть настоящей пищи».

Теперь они поднимались по широким ступеням, которые соединяли одну улицу с другой и вели в новый район, который окаймлялся лесом с высокими деревьями и проложенными в нем тропинками. Блэксорну понравилось, что они покинули улицы и шли по хорошо ухоженной мягкой земле между деревьями.

Когда они уже зашли далеко в лес, из-за поворота появилась еще одна группа из тридцати с лишним одетых в серое самураев. После обычного обмена приветствиями между командирами групп все взгляды обратились на Блэксорна. Последовал поток вопросов и ответов, и после того, как эта группа собралась уходить, их вожак спокойно вытащил меч и зарубил вожака самураев, сопровождавших Блэксорна. Одновременно новая группа напала на остальных. Нападение было столь внезапным и так хорошо спланированным, что все десять серых погибли почти в одно мгновение. Никому не хватило времени даже вытащить меч.

Носильщики испуганно упали на колени, прижали лбы к траве. Блэксорн стоял рядом с ними. Вожак самураев, плотный мужчина с большим животом, направил часовых в оба конца тропинки. Остальные подбирали мечи погибших. В это время самураи не обращали на Блэксорна никакого внимания, пока он не собрался уходить. Немедленно раздалась резкая команда вожака, которая ясно показала, что он должен оставаться на своем месте.

По следующей команде все эти новые самураи сняли свои серые форменные кимоно. Под ними была пестрая коллекция лохмотьев и старых кимоно. Все натянули маски, которые уже висели у них на шеях. Один самурай подобрал всю серую форму и исчез с нею в кустах.

«Они, наверное, бандиты, – подумал Блэксорн. – Зачем еще эти маски? Что они хотят от меня?»

Бандиты спокойно разговаривали между собой, наблюдая за ним и вытирая свои мечи об одежду мертвых самураев.

– Анджин-сан? Хай? – Глаза вожака над тряпичной маской были круглые, черные и пронзительные.

– Хай, – ответил Блэксорн, по коже у него побежали мурашки.

Человек указал на землю, явно приказывая ему не двигаться. «Вакаримас ка?»

– Хай.

Они огляделись. Потом один из часовых, стоявших в отдалении, на нем больше не было серой формы, но он был в маске, – на мгновение вышел из кустов в ста шагах от них. Он помахал рукой и снова исчез.

Самураи немедленно окружили Блэксорна, готовясь покинуть это место. Командир разбойников посмотрел на носильщиков, которые дрожали, как собаки перед жестоким хозяином, и еще глубже вдавили головы в траву.

Тогда вожак разбойников пролаял приказ. Четверка, не веря себе, медленно подняла головы. Опять та же самая команда, они поклонились до земли и выпрямились, потом как один встали и исчезли в кустах.

Бандит презрительно улыбнулся и сделал Блэксорну знак идти обратно в город.

Он беспомощно поплелся за ними. Способа убежать не было.

Они были почти на краю леса, когда вдруг остановились. Впереди раздался шум, и еще одна партия из тридцати самураев окружила поворот дороги. Коричневые и серые, коричневые впереди, их вожак в паланкине, несколько вьючных лошадей около него. Они немедленно остановились. Обе группы двигались в боевых рядах, враждебно следя друг за другом, между ними было около семидесяти шагов. Вожак бандитов вышел вперед, встал между ними, его движения были резкими, он сердито закричал на другого самурая, показывая на Блэксорна и туда, где произошла схватка. Он выхватил свой меч и, угрожая, высоко поднял его, очевидно, требуя, чтобы другой отряд уступил им дорогу.

Все его люди выхватили мечи из ножен. По приказу один из бандитов встал сзади Блэксорна, поднял меч и приготовился. Вожак опять запротестовал.

Какое-то время ничего не происходило, потом Блэксорн увидел, что из паланкина выходит человек, и мгновенно узнал его. Это был Касиги Ябу. Ябу крикнул что-то в ответ вожаку, но тот угрожающе замахал мечом, приказывая им уйти с дороги. Когда его тирада кончилась, Ябу отдал короткий приказ и испустил боевой клич; слегка хромя, он бросился в битву, высоко подняв меч; его люди последовали за ним – серые были недалеко.

Блэксорн не успел бы спастись от удара меча, который рассек бы его пополам, но удар запоздал, вожак бандитов повернулся и бросился в кусты, его люди побежали за ним.

Коричневые и серые быстро оказались около Блэксорна, который встал на ноги. Несколько самураев погнались за бандитами, другие побежали по дорожке, остальные заняли оборонительную позицию вокруг него. Ябу остановился у границы кустарника, властно прокричал несколько приказов, потом медленно вернулся – его хромота стала более заметна.

– Со десу, Анджин-сан, – сказал он, тяжело дыша после такого напряжения.

– Со десу, Касиги Ябу-сан, – ответил Блэксорн, используя ту же самую фразу, которая

обозначает что-то вроде «хорошо», или «действительно», или «это верно». Он показал в направлении, куда бежали бандиты.

– Домо, – вежливо поклонившись, как равный равному, ответил он и заговорил снова, благодаря про себя Фриара Доминго. – Гомен насаи, нихон го га ханасе-масен – «Извините, я не могу говорить по-японски».

– Хай, – ответил Ябу, несколько не удивленный, и добавил что-то, чего Блэксорн не понял.

– Тсуаки га имасу ка? – спросил Блэксорн. – У вас нет переводчика?

– Ие, Анджин-сан. Гомен насаи.

Блэксорн почувствовал, что ему немного легче. Теперь он мог общаться напрямую. Его словарный запас был бедноват, но это было начало.

«Э, мне нужен переводчик, – подумал Ябу с воодушевлением. – Клянусь Буддой!»

Мне хотелось бы знать, что случилось, когда вы встретили Торанагу, Анджин-сан, какие вопросы он задавал и что вы отвечали, что вы сказали ему о деревне, ружьях и грузе, корабле и галере, и о Родригесе. Мне хотелось бы знать все, что было сказано, и как это было сказано, и куда вас отправили, и почему вы здесь. Тогда у меня появится идея о том, что было на уме Торанаги, как и о чем он думает. Тогда я мог бы придумать, что сказать ему сегодня. На данный момент я беспомощен.

Почему Торанага захотел увидеть вас, именно вас, сразу как вы прибыли, а не меня? Почему от него не было ни слова, ни приказа с того момента, как мы причалили, и до сегодняшнего дня, кроме обычных, вежливых приветствий и фразы «Я очень хочу повидаться с вами как можно скорее»? Почему он послал за мной сегодня? Почему наша встреча дважды откладывалась? Не из-за того ли, что вы сказали? Или из-за Хиро-Мацу? Или это нормальная отсрочка, вызванная другими неотложными делами?

О, да, Торанага, перед тобой почти неразрешимая проблема. Влияние Ишидо распространяется со скоростью пожара. А ты уже знаешь о предательстве господина Оноши? Ты знаешь, что Ишидо предлагал мне голову Икавы Джикья и его провинцию, если я присоединюсь к нему?

Почему ты собрался именно сегодня послать за мной? Какой добрый ками направил меня сюда, чтобы спасти жизнь Анджин-сана, не только в насмешку надо мной, потому что я не могу разговаривать непосредственно с ним или даже через кого-нибудь еще, чтобы найти ключ к твоему секрету? Почему ты заключил его в тюрьму для смертников? Почему Ишидо хочет освободить его из тюрьмы? Почему бандиты пытались захватить его для выкупа? Выкуп от кого? И почему Анджин-сан еще живой? Этот бандит легко мог разрубить его надвое.

Ябу заметил глубоко врезавшиеся морщины, которых не было на лице Блэксорна, когда он впервые встретился с ним. «Он похож на голодного, – подумал Ябу. – Он словно дикая собака. Но нет никого из его стаи, где же вожак этой стаи, а? О, да, кормчий, я дал бы тысячу коку за надежного переводчика, прямо сейчас.

Я собираюсь стать твоим хозяином. Ты будешь строить мне корабли и учить моих людей. Я должен как-то уладить дело с Торанагой. Если не смогу, это уже не будет иметь значения. В следующей своей жизни я буду лучше подготовлен».

– Хорошая собака! – сказал Ябу вслух Блэксорну и слегка улыбнулся. – Все, что нужно, это твердая рука, несколько костей и немного плетей. Сначала я передам тебя господину Торанаге – после того, как вымою в бане. От тебя воняет, господин кормчий!

Блэксорн не понял этих слов, но почувствовал в его голосе дружелюбие и увидел улыбку Ябу. Он улыбнулся в ответ.

– Вакаримасен. – Я не понял.

– Хай, Анджин-сан.

Дайме отвернулся и взглянул на бандитов. Он сложил руки рупором и крикнул. Мгновенно все коричневые вернулись к нему. Командир самураев в сером стоял в центре дорожки. Он также позвал преследовавших. Никто из бандитов не вернулся.

Когда командир серых подошел к Ябу, они долго спорили, указывали на город и замок, между ними явно не было согласия.

Наконец Ябу переубедил его, держа руку на мече, и сделал Блэксорну знак войти в паланкин.

– Ие, – сказал командир.

Они опять стали в боевую стойку, серые и коричневые нервно задвигались.

– Анджин-сан десу шанджин Торанага-сама...

Блэксорн схватывал то одно, то другое слово. «Ватакуси» означает «я», «хитачи» – «мы», «сандзин» – «заключенный». И потом, он помнил, что говорил Родригес, поэтому он покачал головой и резко прервал их: «Сандзин ие! Ватакуси ва, Анджин-сан!»

Оба уставились на него.

Блэксорн нарушил молчание и добавил на ломаном японском, зная, что его слова грамматически неправильны и звучат по-детски, но надеясь, что они будут поняты. «Я друг. Не пленный. Поймите, пожалуйста. Друг. Так что извините, друг хочет в баню. Баню, понятно? Устал. Голоден. Баня». Он показал на главную башню замка. «Идти туда! Сейчас, пожалуйста. Во-первых, господин Торанага, во-вторых, господин Ишидо. Идти сейчас!»

И с напускной властью в голосе на последнем «има» он неуклюже залез в паланкин и лег на подушки так, что его ноги как палки торчали далеко наружу.

Тогда Ябу засмеялся, и все присоединились к нему.

– Ах, так! Анджин-сама! – сказал Ябу с насмешливым поклоном.

– Ие, Ябу-сама. Анджин-сан, – поправил его удовлетворенно Блэксорн. – Да, ты негодяй. Я знаю теперь кое-что. Но я ничего не забыл про тебя. И скоро я приду на твою могилу.

Глава Шестнадцатая

– Может быть, лучше было бы посоветоваться со мной, прежде чем забирать у меня моего пленного, господин Ишидо, – сказал Торанага.

– Чужеземец был в обычной тюрьме вместе с обычными преступниками. Естественно, я считал, что вы больше им не интересуетесь, иначе бы я не забрал его оттуда. Конечно, я не собирался вмешиваться в ваши личные дела, – Ишидо был внешне спокоен и уважителен, но внутри весь кипел. Он знал, что по неосторожности попал в ловушку. Это было верно, что он должен был первым спросить Торанагу. Этого требовала обычная вежливость. Это бы вовсе ничего не значило, если бы чужеземец был в его власти, в его доме, он просто передал бы чужестранца, если бы этого попросил Торанага. Но несколько его людей были захвачены и с позором убиты, и то, что дайте Ябу и люди Торанага захватили чужеземца, отобрав его у людей Ишидо, полностью меняло положение. Он потерял лицо, в то время как вся стратегия уничтожения Торанага была направлена на то, чтобы поставить его в такое положение.

– Я еще раз приношу вам свои извинения.

Торанага глянул на Хиро-Мацу; извинения звучали для их ушей как самая прекрасная музыка. Оба знали, сколько крови стоило это Ишидо. Они были в большой комнате для аудиенций. По предварительному соглашению присутствовало только по пять телохранителей со стороны каждого из противников, все они были очень надежны. Остальные ждали снаружи. Ябу также ждал снаружи. И чужеземец, которого основательно почистили. Хорошо, подумал Торанага, чувствуя глубокое удовлетворение. Он бегло поразмыслил о Ябу и решил не встречаться с ним сегодня вовсе, но продолжать играть с ним, как кошка с мышкой. Поэтому он попросил Хиро-Мацу отправить того и опять повернулся к Ишидо.

– Конечно, ваши извинения принимаются. К счастью, никакого вреда нанесено не было.

– Тогда я смогу представить чужеземца наследнику, как только он будет доставлен?

– Я пришлю его, как только кончу с ним.

- Могу я спросить, когда это будет? Наследник ждет его этим утром.
- Нам следует быть очень осторожными с этим, вам и мне, не так ли? Яэмону только семь лет. Я уверен, что семилетний мальчик может запастись терпением. Не правда ли? Терпение – это форма дисциплины и требует практики. Не так ли? Я объясню ему это недоразумение сам. Я дам ему этим утром еще один урок плавания.
- Да?
- Да. Вам также следовало бы научиться плавать, господин Ишидо. Это превосходное упражнение и может быть очень полезным во время войны. Все мои самураи умеют плавать. Я настаиваю, чтобы все учились этому искусству.
- Я использую их время для тренировок в стрельбе из лука, фехтовании, верховой езде и стрельбе из ружей.
- Я добавляю сюда поэзию, владение пером, аранжировку цветов, чайную церемонию. Самурай должен быть хорошо сведущ в искусствах мира, чтобы быть сильным в искусстве войны.
- Большинство моих людей уже более чем искусны в этих вещах, – сказал Ишидо, сознавая, что сам он пишет плохо и его познания ограничены. – Самураи рождены для войны. Я хорошо разбираюсь в военном искусстве. В настоящий момент этого достаточно. Этого и повиновения воле господина.
- Урок плавания Яэмона проводится в час лошади⁶. – Вы не хотели бы присоединиться к нашему уроку?
- Спасибо, нет. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки, – сказал Ишидо с намеком.
- Я слышал, ваш командир охраны получил приказ совершить сеппуку.
- Конечно. Бандитов следовало поймать. По крайней мере одного из них следовало взять живым. Тогда мы бы нашли остальных.
- Я удивлен, что такой отряд мог действовать так близко от замка.
- Согласен. Может быть, чужеземец сможет описать их нам.
- Что может знать чужеземец? – Торанага засмеялся. – Что касается бандитов, они были ронины, не так ли? Таких много среди ваших людей. Расследование может дать интересные результаты, правда?
- Расследование проводится. И во многих направлениях. – Ишидо пропустил скрытую насмешку о ронинах, не имеющих господина, почти отверженных наемных самураях, которые тысячами собрались под знаменем наследника, когда Ишидо пустил слух, что он по поручению наследника и его матери принимает их к себе и, что невероятно, прощает и забывает их провинности и их прошлое, а со временем оплатит их преданность с щедростью, свойственной Тайко. Ишидо знал, что это блестящий ход. Это дало ему огромное количество подготовленных людей, это гарантировало их верность, так как ронины знали, что другого такого шанса у них не будет, это привело в его лагерь всех недовольных, многие из которых стали ронинами из-за войн Торанаги и его союзников. И последнее – это отодвинуло опасность увеличения числа бандитов: почти единственный путь, приемлемый для самурая, которому не повезло, – это стать монахом или бандитом.
- Я многого не понимаю в этой истории с засадой, – сказал Ишидо, его голос был полон яда. – Да. Почему, например, бандиты пытались схватить этого чужеземца, чтобы получить за него выкуп? В городе много других, гораздо более ценных людей, ведь именно об этом говорил бандит? Он хотел выкупа. Выкуп от кого? Чего стоит этот чужеземец? Ничего. И как они узнали, где он был? Это только вчера я дал приказ привести его к наследнику, думая, что это развлечет мальчика. Очень любопытно.
- Очень, – сказал Торанага.
- Потом это совпадение, когда господин Ябу оказался рядом и с вашими, и с моими людьми в одно и то же время. Очень любопытно.

– Очень. Конечно, он оказался там потому, что я послал за ним, а ваши люди были там, потому что мы договорились – по вашему предложению, – что это будет хорошая политика и способ начать залечивать разногласия между нами, если ваши люди будут сопровождать моих повсюду, пока я нахожусь здесь с официальным визитом.

– Странно также, что бандиты, которые были достаточно смелы и хорошо организованы, чтобы убить первую десятку без борьбы, действовали как корейцы, когда туда прибыли наши люди. Обе стороны были хорошо подобраны, одинаково вооружены. Почему бандиты не сражались или не взяли с собой варвара сразу же в горы и не глупо ли было оставаться на главной дороге к замку? Очень любопытно.

– Очень. Я, конечно, возьму завтра с собой двойную охрану, когда поеду на охоту с ловчими птицами. Неприятно знать, что бандиты так близко к крепости. Может быть, вам тоже хотелось бы поохотиться? Выпустите одного из ваших ястребов против моих? Я буду охотиться на холмах с северной стороны замка.

– Спасибо, нет. Завтра я буду занят. Может быть, послезавтра? Я прикажу двадцати тысячам человек прочесать все леса, рощи и поляны вокруг Осаки. Через десять дней на протяжении двадцати ри не останется ни одного бандита. Это я вам могу обещать.

Торанага знал, что Ишидо использует бандитов как повод, чтобы увеличить количество своих ловушек в окрестностях. Если он говорит двадцать, это значит тысяча пятьдесят. «Вход в ловушку закрывается, – сказал он себе. – Почему так быстро? Какое новое предательство произошло? Почему Ишидо так уверен?»

– Хорошо. Тогда послезавтра, господин Ишидо – Вы не будете направлять своих людей в мои охотничьи места? Я бы не хотел, чтобы они помешали охоте, – добавил он с намеком.

– Конечно. А чужестранец?

– Он есть и всегда был моей собственностью. И его корабль. Но вы можете взять его, когда я кончу с ним. А потом вы сможете отправить его на казнь, если захотите.

– Спасибо. Да, я так и сделаю. – Ишидо сложил свой веер и спрятал его в рукав. – Он не представляет никакой ценности. Почему я пришел навестить вас, – о, кстати, я слышал, что госпожа, моя мать, находится в монастыре Джоджи.

– Да? Я думал, что для сезона, когда любят цветущей сакурой, уже поздновато. Конечно, они хороши и после расцвета?

– Мы никогда не можем ничего сказать про стариков, у них своя голова, и они по-другому смотрят на вещи, не так ли? Но у нее неважно со здоровьем. Я беспокоюсь о ней. Ей надо быть очень осторожной, она легко простужается.

– То же самое с моей матерью. Надо следить за здоровьем стариков. – Торанага отметил про себя, что надо послать срочное письмо, напомнить аббату, чтобы он тщательно следил за здоровьем старухи. Если она умрет в монастыре, впечатление будет ужасное. Он должен будет стыдиться перед всей империей. Все дайте поймут, что в сложной игре за власть он использовал беспомощную старуху, женщину, мать своего врага, как заложницу и не оправдал возлагаемой на него ответственности. Взятие заложника действительно было опасной игрой. Ишидо почти ослеп от ярости, когда узнал, что его мать, почитаемая им, была в замке Торанаги в Нагое. Полетели головы. Он немедленно привел в действие планы войны с Торанагой и принял важное решение – произвести осаду Нагой и уничтожить дайме Кацамаки, на чьем попечении она была это время, и началась война заложниками. Наконец было послано частное письмо аббату через посредников, что, если она не будет выпущена из монастыря невредимой через двадцать четыре часа, Нага, единственный сын Торанаги, которого можно было захватить, и любая из его женщин, которых можно будет взять в плен, отправятся в деревню прокаженных, где их будут кормить, поить и дадут ему одну из их проституток. Ишидо знал, что, пока его мать находится во власти Торанаги, он должен ходить с большой осторожностью. Но он дал также понять, что, если его мать не будет отпущена, он ввергнет империю в ад.

– Как госпожа, ваша мать, господин Торанага? – вежливо спросил он.

– У нее все очень хорошо, благодарю вас, – Торанага позволил себе показать, как он

счастлив при мысли о своей матери и о бессильной ярости Ишидо. – Она замечательно выглядит для своих семидесяти четырех лет. Я только надеюсь, что и я буду так же силен в ее возрасте.

«Тебе пятьдесят восемь, Торанага, но ты никогда не достигнешь пятидесяти девяти», – мысленно пообещал себе Ишидо.

– Пожалуйста, передайте ей мои самые наилучшие пожелания долгой счастливой жизни. Спасибо и извините, что я был так навязчив. – Он поклонился с величайшей вежливостью и потом, с трудом удерживая все возрастающую радость, добавил:

– О, да, важная вещь, из-за которой я хотел повидать вас: последнее официальное собрание регентов откладывается. Мы не встретимся сегодня вечером.

Торанага продолжал сохранять улыбку на лице, но внутри он окаменел.

– О? Почему?

– Господин Кийяма болен. Господин Судзияма и господин Оноши согласились с отсрочкой. Я тоже. Несколько дней не играют роли, не так ли, при таком важном решении?

– Мы можем провести встречу без господина Кийяма.

– Мы согласились с тем, что нам не следует делать этого, – Глаза Ишидо насмехались.

– Официально?

– Вот наши четыре голоса с печатями.

Торанага закипал. Любая отсрочка представляла для него огромную опасность. Мог ли он обменять мать Ишидо на согласие на немедленную встречу? Нет, потому что потребовалось бы слишком много времени на отправку приказов и он потерял бы большое преимущество из-за пустяка.

– Когда будет проведена встреча?

– Я так понял, что господин Кийяма поправится к завтрашнему дню или, может быть, на следующий день.

– Хорошо. Я пришлю моего личного врача осмотреть его.

– Я уверен, что он примет его. Но его личный врач запрещает ему принимать посетителей. Болезнь может быть заразной, не так ли?

– А что за болезнь?

– Не знаю, мой господин. Это все, что мне сказали.

– Доктор – иностранец?

– Да. Я так понял, что это главный врач христиан. Христианский доктор-священник для дайме-христианина. Наши недостаточно хороши для такого важного дайме, – сказал Ишидо с насмешкой. Беспокойство Торанага увеличилось. Если бы доктор был японец, он бы мог сделать многое. Но с христианским доктором – несомненно, иезуитским священником – идти против одного из них или даже пересекаться с одним из них – это могло объединить всех христиан-дайме, а он не мог допустить такого риска. Он знал, что его дружба с Тсукку-сан не поможет ему в борьбе с христианскими дайме, Оноши или Кийяма. В интересах христиан было выступать единым фронтом. Скорее он должен сблизиться с ними, христианскими священниками, определить их положение, чтобы установить цену их сотрудничеству. «Если Ишидо действительно объединился с Оноши и Кийяма – и все христиане-дайме пойдут за этими двумя, если они действуют все вместе, тогда я изолирован, – подумал он. – Тогда мне остается один путь – выполнить план «Малиновое небо».

– Я навещу господина Кийяма послезавтра, – сказал он, называя крайний срок.

– А зараза? Я никогда бы не простил себе, если бы с вами что-нибудь случилось, пока вы здесь, в Осаке, мой господин. Вы наш гость. Я вынужден настаивать, чтобы вы не ходили.

– Вы можете успокоиться, мой господин Ишидо. Зараза, которая свалит меня, еще не появилась на свет, не так ли? Вы забыли предсказание провидца. – В китайском посольстве, которое приезжало к Тайко восемь лет назад, пытаясь развязать японско-корейско-китайскую войну, был известный астролог. Этот китаец предсказал много вещей, которые впоследствии подтвердились. На одном из роскошных официальных ужинов Тайко просил предсказателя определить время смерти нескольких своих советников.

Астролог предсказал, что Торанага умрет от меча в среднем возрасте. Ишидо, известный завоеватель Кореи, или Чозена, как называли эту страну китайцы, – умрет без болезней, старым человеком, его ноги твердо стоят на земле, он самый известный человек своего времени. Но сам Тайко умрет в своей постели, уважаемым, почитаемым, в старости, оставив здорового сына. Это так обрадовало Тайко, который был еще бездетным, что он решил отпустить посольство обратно в Китай, а не убивать их, как собирался сначала, за их оскорбления в первые встречи. Вместо того чтобы торговаться за мир китайский император через свое посольство только получил предложение «называть его королем государства Ва», как китайцы называли Японию. Поэтому он послал их домой живыми, а не в маленьких ящиках, которые уже приготовил, и возобновил войну против Кореи и Китая.

– Нет, господин Торанага, я не забыл, – сказал Ишидо, очень хорошо помня все это. – Но зараза может быть очень обременительной. Вы можете заболеть сифилисом, как ваш сын Небару, извините, или стать прокаженным, как господин Оноши. Он еще молод, но так страдает. О да, он так страдает.

Торанага был моментально выведен из равновесия. Он очень хорошо знал вред, причиняемый этими болезнями. Небару, его старший из оставшихся в живых сын, получил эту болезнь, когда ему было семнадцать лет – десять лет назад, – и все усилия докторов – японских, китайских, корейских и христианских – не вылечили болезнь, которая уже отразилась на нем, хотя и не убила. «Если я захвачу всю власть, может быть, – пообещал себе Торанага, – я смогу вылечить эту болезнь. Неужели это действительно идет от женщин? Как женщины получают ее? Как это можно лечить? Бедный Небару, если бы не сифилис, ты был бы моим наследником, потому что ты лучший солдат, лучший правитель, чем Судара, и очень умный. Ты должен был сделать много плохого в своей прежней жизни, чтобы нести такую большую ношу в этой».

– Клянусь Буддой, я не хотел бы никому такого, – сказал он.

– Согласен с вами, – сказал Ишидо, зная, что Торанага пожелал бы обе болезни ему, если бы только мог. Он поклонился и ушел.

Торанага нарушил молчание:

– Ну?

Хиро-Мацу сказал:

– Если вы останетесь или уедете сейчас, все равно – плохо, потому что вы преданы и изолированы, ваше величество. Если вы останетесь на встречу – встречи не будет целую неделю, Ишидо мобилизует свои войска вокруг Осаки, и вы никогда не уедете отсюда, что бы ни случилось с госпожой Ошибой в Эдо. Очевидно, что вы преданы и что четыре регента будут решать против вас. В Совете они проголосуют четырьмя голосами против одного, обвинив вас в государственной измене. Если вы уедете, они издадут любой указ, который пожелает Ишидо. Вы связаны тем, что решение будет поддерживаться четырьмя голосами против одного. Вы не сможете сказать как регент ни одного слова против.

– Я согласен.

Наступило молчание.

Хиро-Мацу ждал с растущим беспокойством.

– Что вы собираетесь делать?

– Сначала я собираюсь пойти поплавать, – сказал Торанага с удивительной веселостью. – Потом я посмотрю на чужеземца.

* * *

Женщина спокойно шла через личный сад Торанага в замке, направляясь к маленькой хижине с соломенной крышей, которая так уютно расположилась на полянке среди кленов. Ее шелковое кимоно и оби были самыми простыми и тем не менее самыми элегантными из тех, что могли сделать самые искусные мастера в Китае. Ее волосы по самой последней в Киото моде были собраны высоко и скреплены вместе длинными серебряными шпильками.

Цветной зонтик защищал от солнца ее нежную кожу. Она была тоненькая, всего пяти футов ростом, но очень пропорционально сложена. На шее она носила тонкую золотую цепочку, на которой висело маленькое золотое распятие.

Кири ждала на веранде хижины. Она сидела в тени, ее ягодицы нависали над подушкой. Кири следила, как женщина шла по каменным ступеням, которые были так аккуратно выложены во мху, что казалось, они росли из него.

– Вы более красивы, молоды, чем когда-либо, Тода Марико-сан, – сказала Кири без ревности, отвечая на поклон.

– Я бы хотела, чтобы так оно и было, Киритсубо-сан, – ответила Марико улыбаясь. Она села на колени на кушетку, машинально расправляя кимоно.

– Это правда. Когда мы встречались в последний раз? Два-три года назад? Вы совсем не изменились за те двадцать лет, что я вас знаю. Должно быть, прошло двадцать лет, как мы впервые встретились. Вы помните? Это было на празднике, который устроил господин Города. Вам было четырнадцать, вы только что вышли замуж и были очень красивы.

– И напугана.

– Нет, что вы, не напуганы.

– Это было шестнадцать лет назад, Киритсубо-сан, не двадцать. Да, я помню это очень хорошо. «Слишком хорошо, – подумала она с болью в сердце. – Это был день, когда мой брат прошептал мне, что по его предположению наш уважаемый отец собирается отомстить своему законному господину диктатору Городе и убить его. Своего законного господина!»

– О да, Кири-сан, я помню этот день, и год, и этот час. Это было начало всего этого ужаса. Я никогда не давала никому повода подумать, что я заранее знала о том, что должно было случиться. Я никогда не предупреждала ни своего мужа, ни Хиро-Мацу, его отца, – оба они преданные вассалы своего господина, – что предательство готовилось одним из его самых важных генералов. Хуже того, я не предупредила Города, своего законного господина. Так я нарушила свои обязанности по отношению к своему господину, к своему мужу, к его семье, которые после моего замужества стали моей единственной семьей. О, Мадонна, прости мне мой грех, помоги мне очиститься. Я продолжала молчать, чтобы защитить своего любимого отца, который обесчестил себя на тысячу лет. О, мой Боже, о, Иисус Назаретянин, спаси этого грешника от вечного проклятия...

– Это было шестнадцать лет назад, – спокойно сказала Марико.

– В тот год я вынашивала ребенка господина Торанаги, – сказала Кири и подумала, что если бы господин Города не был подло предан и убит отцом Марико, господин Торанага никогда бы не должен был сражаться в битве у Нагакуде, она никогда бы не простудилась там и ее ребенок не был бы недоношен. «Может быть, – сказала она себе. – А может быть, и нет. Это была просто карма, моя карма, все, что случилось, не так ли?»

– Ах, Марико-сан, – сказала она без злобы, – это было так давно, как будто в другой жизни. Но вы без возраста. Почему я не могу иметь вашу фигуру и красивые волосы и ходить так изящно? – Кири засмеялась. – Ответ простой: потому что я слишком много ем!

– Ну и что из того? Вы пользуетесь расположением господина Торанаги, не так ли? Так что вы вполне удовлетворены. Вы мудры и добросердечны и вполне довольны собой.

– Я бы хотела быть изящной и тем не менее способной много есть и быть любимой, – сказала Кири. – Но вы? Вы недовольны собой?

– Я только инструмент моего господина Бунтаро, на котором он играет. Если господин, мой муж, счастлив, тогда, конечно, я счастлива. Его радость – моя радость. То же самое и с вами, – сказала Марико.

«Да. Но не то же самое, – подумала Кири и тронула свой веер, золотистый шелк которого поймал послеполуденное солнце. – Я так рада, что я не вы, Марико, со всей вашей красотой и блеском, мужеством и знаниями. Нет! Я не могла бы вынести ни одного дня брака с этим ненавистным, безобразным, невежественным, грубым человеком, пусть даже оставшись одна в семнадцать лет. Он так не похож на своего отца, господина Хиро-Мацу. Тот замечательный человек. Но Бунтаро? Как отцы могут иметь таких ужасных сыновей? Я

хочу иметь сына, о, как хочу! Но вы, Марико, как вы можете терпеть такое плохое обращение все эти годы? Как вы вынесли ваши несчастья? Кажется невозможным, чтобы на вашем лице не было от них ни одной тени или хотя бы в вашей душе».

– Вы удивительная женщина, Тода Бунтаро Марико-сан, – сказала она вслух.

– Благодарю вас, Киритсубо Топшко-сан. О, Кири-сан, так хорошо снова встретить вас.

– И вас. Как ваш сын?

– Красивый-красивый. Сарудзи теперь пятнадцать лет, можете представить? Высокий и сильный и очень похож на своего отца, господин Хиро-Мацу дал ему свой надел земли, и вы знаете, что он собирается жениться?

– Нет. На ком?

– Она внучка господина Кийяма. Господин Торанага так хорошо все устроил. Очень хорошая партия для нашей семьи. Я только хочу, чтобы сама девушка была более внимательна к моему сыну, более достойна его. Вы знаете, она... – Марико засмеялась немного застенчиво. – Ну, это звучит у меня как у каждой свекрови. Но я думаю, вы согласитесь, что она еще недостаточно подготовлена.

– У вас будет время для этого.

– О, я надеюсь, что это так. Мне повезло, что у меня не было свекрови. Я не знаю, что я должна делать.

– Вы получите ее ребенком и подготовите ее, как готовите всю свою семью. Не так ли?

– О, я хочу, чтобы все так и было. – Руки Марико-сан без движения лежали на колене. Она наблюдала за стаей стрекоз, пока те не улетели. – Мой муж направил меня сюда. Господин Торанага хочет меня видеть?

– Да. Он хочет, чтобы вы переводили для него.

Марико вздрогнула.

– Кого?

– Нового чужестранца.

– О, а что же отец Тсукку-сан? Он болен?

– Нет. – Кири играла веером. – Я думаю, нам остается только гадать, почему господин Торанага хочет, чтобы здесь были вы, а не священник, как при первом разговоре. Почему это, Марико-сан, мы должны хранить все деньги, платить по счетам, обучать наших слуг, покупать всю еду и товары для дома – даже в большинстве случаев одежду для наших господ, – но они никогда не говорят нам фактически ничего, не так ли?

– Может быть, из-за нашей догадливости.

– Возможно. – Взгляд Кири был ровен и дружелюбен, – Но я думаю, что это будет носить очень личный характер. Так что вы поклонитесь своим христианским Богом, что не разгласите тайну этой встречи. Никому.

День, казалось, терял свою теплоту.

– Конечно, – с трудом сказала Марико. Она ясно поняла:

Кири имеет в виду, что она не должна говорить ничего ни мужу, ни отцу, ни священнику. Если ее муж приказал ей прийти сюда, очевидно по требованию господина Торанаги, то можно ли, чтобы ее долг перед сувереном, господином Торанагой, превысил долг перед священником? А почему переводчиком должна быть она, а не отец Тсукку-сан? Она поняла, что снова против своей воли втянута в своего рода политическую интригу, которая испортит ей жизнь, и снова хотела, чтобы ее семья не была древней и не носила фамилию Фудзимото, чтобы она никогда не рождалась со способностями к языкам, которые позволяли ей выучить почти невозможные португальский и латинский языки, и чтобы она никогда не рождалась вовсе. «Но тогда, – подумала она, – я бы никогда не увидела моего сына, не узнала о младенце Христе, о его вере или о вечной жизни».

«Это твоя карма, Марико, – сказала она себе печально, – просто карма».

– Очень хорошо, Кири-сан. – После этого она добавила, предчувствуя нехорошее: – Я клянусь моим господом Богом, что я не разглашу ничего из сказанного здесь сегодня или в любое время, когда я буду переводить для моего суверена.

– Мне думается также, что вам придется скрывать ваши собственные чувства, чтобы переводить точно то, что сказано. Этот новый чужестранец странный человек и говорит необычные вещи. Я уверена, что мой господин выбрал вас из всех возможных кандидатур по особым причинам.

– Я буду делать то, что скажет господин Торанага. Он никогда не должен опасаться за мою преданность.

– В этом никогда не возникало сомнений, госпожа. Я имею в виду, что вы не причините вреда.

Прошел весенний дождь, покрыл каплями лепестки, мох и листья и кончился, сделав все еще более красивым.

– Я просила бы вас об одолжении, Мариико-сан. Вы не будете так любезны спрятать ваше распятие под кимоно? Пальцы Мариико протестующе взметнулись.

– Почему? Господин Торанага никогда не возражал против моего перехода в эту веру, также и господин Хиро-Мацу, глава нашего клана! И мой муж позволяет мне держать и носить его.

– Да, но распятия приводят этого чужеземца в бешенство, а мой господин Торанага не хочет, чтобы он был таким, он хочет, чтобы он был спокоен.

* * *

Блэксорн никогда не видел таких маленьких людей.

– Конничи ва, – сказал он. – Конничи, Торанага-сама.

Он поклонился, словно придворный, кивнул мальчику, который стоял на коленях, широко открыв глаза, сбоку от Торанаги, и полной женщине, которая была за ним. Они все располагались на веранде, окружающей маленький домик. Домик состоял из одной маленькой комнаты с деревенскими ширмами и тесаными балками под соломенной крышей и кухонного уголка сзади. Он был поставлен на сваях из дерева и поднят на фут или около того над ковром из чистого белого песка. Это был церемониальный чайный дом для проведения чайной церемонии «ча-но-йу» и построен за большие деньги из редких материалов только для этой цели, хотя иногда, поскольку эти дома были изолированы, стояли на отдельных полянках, их использовали для свиданий и тайных разговоров.

Блэксорн подобрал кимоно и сел на подушку, которая лежала на песке ниже и перед ними.

– Гомен насай, Торанага-сама, шхон го га ханазе-масея. Тсуаки го имаси ка?

– Я ваш переводчик, сеньор, – сказала Мариико сразу, на почти безупречном португальском. – Но вы говорите по-японски?

– Нет, сеньорита, только несколько слов или фраз. – Блэксорн был захвачен врасплох. Он ожидал, что переводчиком будет отец Алвито, а Торанагу будет сопровождать самурай и, может быть, дайме Ябу. Но самураев поблизости не было, хотя вокруг сада их было множество.

– Мой господин Торанага спрашивает: может быть, вы предпочитаете говорить по-латыни?

– Как пожелаете, сеньорита, – Как любой цивилизованный человек, Блэксорн мог читать, писать и говорить по-латыни, потому что латынь была единственным языком, на котором проходили обучение все цивилизованные люди.

«Кто эта женщина? Где она научилась такому хорошему португальскому? И латыни! Где еще, кроме как у иезуитов, – подумал он, – В одной из их школ. О, они так хитры! Первое, что они делают, – это строят школы.»

Всего только семьдесят лет назад Игнатий Лойола организовал Общество Иисуса, и теперь их школы, лучшие в христианском мире, распространились по всему свету, и их влияние возводило на трон или низвергало королей. Они имели влияние на Папу. Они заколебались немного во время Реформации и теперь отвоевывали обратно огромные

территории для своей церкви.

– Тогда будем говорить по-португальски, – сказала она. – Мой хозяин хочет знать, где вы научились «нескольким словам и фразам»?

– Там в тюрьме был монах, сеньорита, францисканский монах, и он учил меня. Таким словам, как «пища, друг, ванна, идти, прийти, истинный, фальшивый, здесь, там, я, вы, пожалуйста, спасибо, хотеть, не хотеть, заключенный, да, нет», и так далее. Это только начало, к сожалению. Не будете ли вы так любезны сказать господину Торанаге, что я сейчас лучше подготовлен отвечать на его вопросы, помогать ему и более чем рад тому, что вышел из тюрьмы. За это я ему благодарен.

Блэксорн смотрел, как она повернулась и заговорила с Торанагой. Он знал, что ему следует говорить просто, желательно короткими предложениями и быть осторожнее, потому что, в отличие от священника, который переводил синхронно, эта женщина ждала, пока он кончит, потом давала конспективное изложение сказанного им или версию того, что было сказано, – обычная проблема всех, кроме самых опытных переводчиков, хотя даже они, как это было с иезуитом, позволяли своим личным пристрастиям влиять на то, что было сказано, вольно или невольно. Ванна с массажем, еда и два часа сна освежили его. Банная прислуга, все – женщины, крупные и сильные, массировали его кулаками и мыли голову, заплели волосы в плотную косичку, а парикмахер подстриг ему бороду. Ему дали чистую набедренную повязку и кимоно, пояс и таби с ременными тапочками. Футон, на котором он спал, был такой же чистый, как и комната. Казалось, что все это ему снится, и, просыпаясь после крепкого сна без сновидений, он гадал сначала, что же было сном, настоящее или тюрьма.

Он нетерпеливо ждал, надеясь, что его снова приведут к Торанаге, планируя, что сказать и что открыть из тайного, как перехитрить отца Алвито и как возвыситься над ним. И над Торанагой. Поскольку теперь, после всего, что рассказал ему монах Доминго о португальцах, японских политиках и торговле, он твердо знал, что может помочь Торанаге, который в свою очередь легко может дать ему богатства, о которых он мечтает.

И теперь, избавленный от необходимости противостоять священнику, он чувствовал себя еще более уверенно. Ему нужны только небольшая удача и терпение.

Торанага внимательно слушал похожую на куклу переводчицу.

Блэксорн подумал: «Я мог бы поднять ее одной рукой, а если бы я обхватил ладонями ее талию, мои пальцы бы сомкнулись. Сколько ей лет? Прекрасна! Замужем? Обручального кольца нет. О, это интересно. Она не носит никаких драгоценностей. Кроме серебряных булавок в волосах. Других женщин здесь нет, только эта толстуха».

Он напряг свою память. Две другие женщины в деревне не носили драгоценностей, и он не видел ничего на женщинах в доме Муры. Почему?

И кто эта толстая женщина? Жена Торанаги? Или нянька этого мальчика? Этот парнишка сын Торанаги? Или, может быть, внук? Фриар Доминго говорил, что японцы имеют только одну жену одновременно, но столько наложниц – официальных любовниц, сколько пожелают.

Была ли переводчица Торанаги его любовницей?

Каково было бы с такой женщиной в постели? Боюсь, я бы сломал ее. Нет, она бы не сломалась. Женщины в Англии почти такие же маленькие. Но не похожи на нее.

Мальчик был маленький и прямой, круглоглазый, густые черные волосы заплетены в короткую косичку, макушка не выбрита. Любопытство его казалось безмерным.

Не задумываясь Блэксорн подмигнул. Мальчик подпрыгнул, потом засмеялся, прервал Марико, показал на Блэксорна и заговорил, его терпеливо выслушали, и никто не поторопил. Когда он кончил, Торанага коротко сказал что-то Блэксорну.

– Господин Торанага спрашивает, почему вы сделали это, сеньор?

– О, просто чтобы повеселить паренька. Он ребенок, как и все дети, а дети в моей стране обычно смеются, когда так сделаешь. Мой сын должен быть примерно такого же возраста. Ему семь лет.

– Наследнику семь лет, – сказала Мариико после паузы, потом перевела, что он сказал.
– Наследник? Это значит, что этот мальчик единственный сын господина Торанаги? – спросил Блэксорн.

– Господин Торанага приказал мне сказать, что сейчас вы должны ограничиться только ответами на вопросы. – Потом она добавила: – Я уверена, если вы будете терпеливы, Блэксорн, вам будет предоставлена возможность в конце спросить о том, что вам интересно.

– Очень хорошо.

– Поскольку ваше имя трудно произносить, сеньор, ведь у нас нет многих звуков, которые вы употребляете, могу ли я для господина Торанаги использовать ваше японское имя, Анджин-сан?

– Конечно. – Блэксорн собирался спросить ее, но вспомнил предупреждение и решил быть терпеливым.

– Спасибо. Мой господин спрашивает, есть ли у вас другие дети.

– Дочь. Она родилась как раз перед тем, как я покинул свой дом в Англии. Так что теперь ей около двух лет.

– У вас одна жена или несколько?

– Одна. У нас такой обычай. Как у португальцев и испанцев. Мы не имеем наложниц – официальных наложниц.

– Это ваша первая жена, сеньор?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

– Тридцать шесть.

– Где в Англии вы живете?

– На окраине Чатема. Это небольшой порт около Лондона.

– Лондон – ваша столица?

– Да.

– Он спрашивает, на каких языках вы говорите?

– Английский, португальский, испанский, голландский и, конечно, латынь.

– Что значит «голландский»?

– Это язык, на котором говорят в Европе, в Нидерландах. Он очень похож на немецкий. Она нахмурилась.

– Голландский – язык варваров? Немецкий тоже?

– Обе эти страны – не католические, – сказал он осторожно.

– Извините меня, это не то же самое, что язычники?

– Нет, сеньорита. Христианство разделяется на две самостоятельные и заметно различающиеся религии. Католицизм и протестантство. Есть две версии христианства. В Японии католическая секта. В настоящее время обе секты очень враждебны друг другу, – Он отметил ее удивление и почувствовал нетерпение Торанаги, не участвующего в разговоре. – «Будь осторожен, – предупредил он себя, – Она, конечно, католичка. Переходи к примерам, И будь проще».

– Может быть, господин Торанага не желает обсуждать религиозные вопросы, сеньорита, поскольку отчасти мы говорили о них на нашей первой встрече?

– Вы протестантский христианин?

– Да.

– А католические христиане ваши враги?

– Да, большинство считает меня еретиком и врагом.

Она поколебалась, обернулась к Торанаге и подробно все ему объяснила.

Вокруг, по периметру сада, было много часовых. Все на довольно большом расстоянии, все коричневые. Потом Блэксорн заметил десять серых, сидящих плотной группой в тени, не спуская глаз с мальчика. «Что все это значит?» – ломал он голову.

Торанага вел перекрестный допрос Мариико, потом заговорил прямо с Блэксорном.

– Мой господин желает знать о вас и вашей семье, – начала Мариико. – О вашей стране,

ее королеве и прежних правителях, привычках, обычаях, истории и обо всех других странах, особенно Португалии и Испании. Все о мире, в котором вы живете. О ваших кораблях, оружии, пище, торговле. О ваших войнах и сражениях, и как управлять кораблем, и как вы ведете свой корабль, и что случается в пути. Он хочет понять... извините меня, почему вы смеетесь?

– Только потому, сеньорита, что это, видимо, все, что я знаю.

– Это точно то, что хочет мой хозяин. «Точно» – правильное слово?

– Да, сеньорита. Могу ли я сделать комплимент вашему португальскому языку – он безупречен.

Ее веер слегка вздрогнул.

– Спасибо, сеньор. Да, мой хозяин хочет узнать правду обо всем – и о фактах, и о вашем к ним отношении.

– Я буду рад рассказать ему. Но это может занять некоторое время.

– Мой хозяин говорит, что время у него есть.

Блэксорн взглянул на Торанагу.

– Вакаримасу.

– Вы извините меня, сеньор, но мой господин приказал мне сказать, что ваш акцент не совсем правильный.

Марико показала ему, как это произносить, он повторил и поблагодарил ее.

– Я сеньора Марико Бунтаро, не сеньорита.

– Да, сеньора, – Блэксорн взглянул на Торанагу. – С чего бы он хотел, чтобы я начал?

Она спросила его. Мимолетная улыбка прошла по властному лицу Торанаги.

– Господин говорит: «С начала».

Блэксорн знал, что это была еще одна проверка. С чего, из всех бесконечных вариантов, ему следовало бы начать? Кому он должен был рассказывать? Торанаге, мальчику или женщинам? Очевидно, если присутствует только один мужчина, надо рассказывать Торанаге. Почему здесь эта женщина и мальчик? Это должно что-то значить.

Он решил сосредоточиться на мальчике и женщине.

– В древние времена моей страной правил великий король, который имел волшебную саблю по имени Экскалибур. Его королева была самой красивой женщиной на земле. Его главный советник был колдун Мерлин, а имя короля было Артур, – начал он уверенно, пересказывая легенду, которую так хорошо рассказывал обычно его отец в далеком туманном детстве – Столица короля Артура называлась Камелот. Это было счастливое время, когда не было войн, собирались хорошие урожаи и... – Внезапно он понял, какую огромную ошибку он делает. Сутью всего рассказа была история Джиневры и Ланселота, распутной королевы и преданного вассала, о Мордреде, незаконном сыне короля Артура, который в результате предательства втягивается в войну с отцом, и об отце, который в битве убивает своего сына, только для того, чтобы самому быть смертельно раненным сыном. О, Боже, как он мог быть так глуп? Разве Торанага не похож на великого короля? Разве это не его женщина?

Разве это не его сын?

– Вы больны, сеньор?

– Нет, нет, я прошу прощения, это было только...

– Вы говорили, сеньор, об этом короле и о хорошем урожае?

– Да. Это... как в большинстве стран, наше прошлое скрыто в тумане и легендах, большинство из которых не имеют значения, – сказал он неуверенно, пытаясь выиграть время. Она смотрела на него в недоумении. Глаза Торанаги стали строже, а мальчик зевнул.

– Вы рассказываете, сеньор?

– Да... О да! – Его охватило воодушевление. – Может быть, самое лучшее, что я могу сделать, – это нарисовать карту мира, сеньора, как мы его знаем, – сказал он в спешке. – Вам не хотелось бы, чтобы я сделал это?

Она перевела это, и он увидел проблеск интереса у Торанаги и никакой реакции у

женщины или мальчика. Как они связаны между собой?

– Мой хозяин говорит – да. Я пошлю за бумагой.

– Спасибо. Но это займет всего один момент. Позднее, если вы дадите мне чертежные принадлежности, я могу начертить точную карту.

Блэксорн встал со своей подушки и опустился на колени.

Пальцем он начал чертить на песке грубую карту, вверх ногами, чтобы они могли лучше видеть.

– Земля круглая, как апельсин, но эта карта похожа на кожу, вырезанную в виде эллипса, с севера до юга, в плоском виде, сжатой сверху и снизу. Голландец по фамилии Меркатор изобрел такой способ изображения ровно двадцать лет назад. Это первая точная карта мира. Мы можем даже плавать по ней – или по его глобусу. – Он смело набросал континенты. – Это север и юг, восток и запад. Япония – здесь, моя страна – на другой стороне мира, там. Это все неизвестно и не исследовано... – Его рука очертила территорию в Северной Америке к северу от линии, проходящей через Мексику до Ньюфаундленда, все в Южной Америке, кроме Перу и узкой полосы побережья вокруг континента, потом все к северу и востоку от Норвегии, все восточнее Московии, всю Азию, всю внутреннюю Африку, весь юг Явы и кончик Южной Америки. – Мы знаем побережье, но еще мало. Внутренние части Африки, Америки и Азии почти полностью остаются загадкой – он остановился, чтобы дать ей возможность перевести.

Теперь она переводила более легко, и он чувствовал, что их интерес возрастает. Мальчик зашевелился и придвинулся ближе.

– Наследник хочет знать, где мы на этой карте.

– Здесь. Это Китай, я думаю. Я не знаю, как далеко мы находимся от берега. У меня заняло два года, чтобы плыть отсюда досюда. – Торанага и толстая женщина вытянули шеи, чтобы лучше разглядеть.

– Наследник спрашивает, почему мы такие маленькие на вашей карте?

– Это только масштаб, сеньора. На этом континенте, от Ньюфаундленда до Мексики, почти тысяча лиг, каждая из них равна трем милям. Отсюда до Эдо около сотни лиг.

Наступило молчание, потом они заговорили между собой.

– Господин Торанага хочет, чтобы вы показали ему на карте, как вы пришли в Японию.

– Этим путем. Вот Магелланов пролив – или проход – здесь, на оконечности Южной Америки. Он назван так по имени португальского навигатора, который открыл его восемьдесят лет назад. С тех пор португальцы и испанцы держали этот путь в тайне, исключительно для своего пользования. Мы были первые чужаки, прошедшие через пролив. У меня была одна из их секретных карт, но даже при этом я все-таки должен был ждать целых шесть месяцев, чтобы пройти, потому что дули встречные ветры.

Она переводила то, что он говорил. Торанага смотрел на него, не веря его словам.

– Мой господин говорит, что вы ошибаетесь. Все португальцы пришли с юга. Это их путь, единственный путь.

– Да. Это верно, что португальцы предпочитают этот путь – через мыс Доброй Надежды – так мы называем его, – потому что у них есть дюжины крепостей вдоль всех этих берегов – в Африке, в Индии и на островах Пряностей, чтобы получать там продукты и зимовать. И их галеоны – военные корабли – захватили все морские пути и патрулируют их. Однако испанцы используют пролив Магеллана, чтобы проходить в свои тихоокеанские американские колонии и на Филиппины, или они пересекают материк здесь, в узком перешейке у Панамы, чтобы пройти сушей вместо месяцев плавания по морю. Для нас было безопасней плыть через пролив Магеллана, иначе мы должны были бы пройти через ряд вражеских крепостей. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что теперь я знаю расположение многих из них. Кстати, большинство использует японские войска, – подчеркнул он. – Монах, который многое рассказал мне в тюрьме, был испанец и враждебно относился к португальцам и всем иезуитам.

Блэксорн заметил мгновенную реакцию у нее на лице, и, когда она перевела, на лице

Торанаги. «Дай ей время и говори попроще», – предупредил он себя.

– Японские войска? Вы имеете в виду самураев?

– Их следовало бы назвать ронины, я думаю.

– Вы сказали «секретная карта»? Мой господин хочет знать, как вы получили ее.

– Человек по имени Питер Суйдерхоф, из Голландии, был личным секретарем Примата Гоа – это титул главного католического священника в Гоа – столице португальской Индии. Вы знаете, конечно, что португальцы пытались силой завоевать этот континент. Как личный секретарь этого архиепископа, который был также португальским вице-королем в то время, он просматривал все документы. Через много лет он получил несколько корабельных журналов и карт и скопировал их. Они открыли ему секреты пути через Магелланов пролив и вокруг мыса Доброй Надежды, а также отмелей и рифов от Гоа до Японии через Макао. У меня было описание Магелланова пролива. Оно было вместе с моими документами, которых я лишился вместе с кораблем. Они необходимы мне и могут иметь огромное значение и для господина Торанаги.

– Мой господин говорит, что он отдал приказ найти их. Продолжайте, пожалуйста.

– Когда Суйдерхоф вернулся в Голландию, он продал эти бумаги торговой Восточно-Индийской компании, которой была выдана монополия на исследования Дальнего Востока.

Она холодно посмотрела на него:

– Этот человек был платный шпион?

– Ему было заплачено за эти карты. Да. Это их обычай, это они так награждают человека. Не титулом или землей, только деньгами. Голландия – республика. Конечно, сеньора, моя страна и наш союзник, Голландия, находятся в состоянии войны с Испанией и Португалией, и она продолжается уже годы. Вы понимаете, сеньора, на войне жизненно важно открыть секреты врагов.

Марико повернулась и долго переводила.

– Мой господин спрашивает, почему этот архиепископ нанял врага?

– Про Питера Суйдерхофа говорят, что архиепископ, иезуит, был заинтересован только в торговле. Суйдерхоф удвоил их доходы, так как он был «хранителем». Он был исключительно искусен в торговле – голландцы обычно превосходят в этом португальцев, – поэтому его документы проверялись не очень внимательно. Много людей также имеют голубые глаза и светлые волосы, немцы и другие европейские народы, и они католики, – Блэксорн подождал, пока она переведет, потом добавил осторожно: – Он был главный шпион Голландии в Азии, солдат этой страны, и устроил несколько своих людей на португальские суда. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что без торговли с Японией Португальская Индия не сможет долго прожить.

Торанага смотрел на карту, пока Марико говорила. С его стороны реакции на ее слова не было. Блэксорн усомнился, все ли она перевела.

– Мой господин хотел бы детальную карту мира, на бумаге, как можно скорее, со всеми отмеченными на ней португальскими базами и числом ронинов в каждой. Он говорит, пожалуйста, продолжайте.

Блэксорн знал, что он сделал колоссальный шаг вперед. Но мальчик зевал, поэтому он решил изменить линию поведения, преследуя ту же цель.

– Наш мир не всегда такой, каким он кажется. Например, южнее этой линии, мы называем ее экватором, сезоны обратны тем, что у нас. Когда у нас лето, там зима, когда у нас тепло, они мерзнут.

– Почему это?

– Я не знаю, но это действительно так. Теперь путь в Японию лежит через эти два южных прохода. Мы, англичане, надеемся найти северный путь, либо на северо-восток мимо Сибири, либо на северо-запад вдоль Америки. Я доходил на север до этих мест. Вся земля там покрыта вечным льдом и снегом, и там так холодно большую часть года, что если вы не носите меховых рукавиц, ваши пальцы очень быстро замерзнут. Людей, которые живут там,

называют лапландцами. Их одежды сделаны из кожи с мехом. Мужчины охотятся, а женщины делают всю остальную работу. Частью женской работы является изготовление всей этой одежды. Чтобы сделать ее, они должны много раз разжевать кожу, размягчить ее, прежде чем они смогут ее шить.

Марико громко рассмеялась.

Блэксорн улыбнулся вместе с ней, чувствуя себя теперь более уверенно.

– Это правда, сеньора. Это хонто.

– Сорева хонто десу ка? – нетерпеливо спросил Торанага, – Что – верно?

Сквозь смех она перевела ему, что он сказал. Они также начали смеяться.

– Я жил среди них почти год. Мы были захвачены льдами и должны были ждать, когда он оттает. Их пища – это рыба, тюлени, иногда белые медведи и киты, которых они едят сырыми. Их величайшим деликатесом является сырая китовая ворвань.

– О, полно вам, Анджин-сан!

– Это правда. И они живут в маленьких круглых домах, сделанных целиком из снега, и никогда не моются.

– Что? Никогда? – вспыхнула она.

Он покачал головой и решил не рассказывать ей, что бани были редкостью и в Англии, даже большей редкостью, чем в Испании и Португалии, где был более теплый климат.

Она перевела последнюю фразу. Торанага покачал головой, явно не веря.

– Мой господин говорит, что вы слишком преувеличиваете. Никто не может прожить без мытья. Даже дикари.

– Это правда – хонто, – сказал он спокойно и поднял руку. – Я клянусь Иисусом из Назарета и моей душой, я клянусь, что это правда.

Она наблюдала за ним в молчании.

– Все?

– Да. Господин Торанага хотел правды. Зачем мне лгать? Моя жизнь в его руках. Легко доказать правду – нет, если честно говорить – доказать то, что я сказал, очень трудно: вам нужно поехать туда и посмотреть самим. Конечно, португальцы и испанцы, мои враги, не поддержат меня. Но господин Торанага просил рассказать ему правду. Он может верить тому, что я сказал.

Марико задумалась на мгновение. Потом она тщательно перевела все, что он сказал. Наконец:

– Господин Торанага говорит, это невероятно, чтобы кто-нибудь мог жить без мытья.

– Да. Но там холодные страны. Их привычки отличаются от ваших и от моих. Например, в моей стране все считают, что ванны опасны для здоровья. Моя бабушка, Грэнни Джекоба, говорила: «Ванна – когда ты рождаешься, и другая, когда тебя кладут на стол, чтобы посмотреть на тебя через жемчужные ворота».

– В это очень трудно поверить.

– В некоторые из ваших обычаев тоже очень трудно поверить. Но это правда, что я чаще бывал в бане за короткое пребывание в вашей стране, чем за многие годы до этого. Я охотно допускаю, что я лучше себя чувствую после них. – Он ухмыльнулся. – Я больше не считаю, что ванны опасны. Так что я выиграл, приехав сюда, не правда ли?

После паузы Марико сказала:

– Да, – и перевела.

Кири сказала:

– Он удивителен, удивителен, да?

– Каково ваше мнение о нем, Марико-сан? – спросил Торанага.

– Я допускаю, что он говорит правду или верит, что говорит правду. Очевидно, что он, наверное, может быть очень полезен для вас, мой господин. У нас так мало сведений о том, что находится за пределами нашей страны. Это важно для вас? Я не знаю. Но это почти так же, как если бы он спустился со звезд или вышел из моря. Если он враг португальцам и испанцам, тогда его информация, если ей можно доверять, может быть важной для ваших

интересов, да?

– Я согласна, – сказала Кири.

– А что вы думаете, Яэмон-сама?

– Я, дядя? О, я думаю, он безобразен: мне не нравятся его золотистые волосы и кошачьи глаза, и он вовсе не похож на человека, – сказал мальчик, задыхаясь. – Я рад, что рожден не чужестранцем, как он, а самураем, как мой отец. Можно, мы пойдем еще поплаваем?

– Завтра, Яэмон, – сказал Торанага, раздраженный тем, что не может напрямую разговаривать с кормчим.

Пока они переговаривались между собой, Блэксорн решил, что пришло время уходить. Тут Марико опять повернулась к нему.

– Мой хозяин спрашивает, почему выплыли на север?

– Я был кормчим корабля. Мы пытались найти северо-восточный проход, сеньора. Я знаю, что многие вещи, о которых я вам рассказываю, будут звучать смешно, – начал он. – Например, семьдесят лет назад короли Испании и Португалии подписали важный договор, который разделил владения в Новом Свете, весь неоткрытый мир, между ними. Так как ваша страна попадает на португальскую половину, официально ваша страна принадлежит Португалии, господин Торанага, все вы, этот замок и все в нем отданы Португалии.

– О, пожалуйста, Анджин-сан, извините меня, но это же вздор!

– Я согласен, что их высокомерие невероятно. Но это правда. – Она тут же стала переводить, и Торанага издевательски засмеялся.

– Господин Торанага говорит, что он также мог бы разделить небеса между ним самим и императором Китая, не так ли?

– Пожалуйста, объясните господину Торанаге, что это не одно и то же, – сказал Блэксорн, сознавая, что находится в опасной ситуации, – Это написано в официальных документах, которые дают такому королю право объявить любую открытую землю, если она не католическая, своей собственностью, низложить существующее правительство и заменить его католическим управлением. – На карте он провел линию с севера на юг, которая разделила Бразилию. – Все, что к востоку от этой линии, – португальское, все, что к западу, – испанское. Педро Кабрал открыл Бразилию в 1500 году, поэтому теперь Португалия владеет Бразилией, подавила туземную культуру и официальных властителей и стала богатой страной благодаря золоту и серебру, взятым из шахт и награбленным в туземных храмах. Все остальное в Америке, открытое к настоящему времени, – владения Испании: Мексика, Перу, почти весь этот Южный континент. Они уничтожили народности инков, уничтожили их культуру и поработили сотни тысяч жителей. Конкистадоры имеют современное оружие, туземцы – нет. С конкистадорами пришли священники. Скоро некоторые вожди были обращены в христианство, завоеватели стали пользоваться враждой между ними. Принц пошел на принца, и королевства были захвачены по кускам. Теперь Испания – богатейшая страна в нашем мире, благодаря золоту и серебру инков и Мексики, которые они награбили и отправили к себе в Испанию.

Марико сразу сосредоточилась. Она быстро уловила значение сообщенных Блэксорном сведений. Торанага тоже.

– Мой хозяин говорит, что это очень важный разговор. Как они могли взять себе такие права?

– Они не взяли, – мрачно сказал Блэксорн. – Папа дал им эти права, он наместник Христа на земле. В ответ на распространение слова Божьего.

– Я не верю в это, – воскликнула она.

– Пожалуйста, переведите, что я сказал, сеньора. Это хонто.

Она повиновалась и долго говорила, явно неуверенно. Потом:

– Мой хозяин говорит, вы просто пытаетесь настроить его против своих врагов. Это верно? Речь идет о вашей жизни, сеньор.

– Папа Александр VI провел первую разделительную линию в 1493 году, – начал

Блэксорн, благодаря про себя Альбана Карадока, который вложил в него столько фактов, когда он был молод, и отца Доминго за его информацию о японской гордости и ключи к японскому образу мышления. – В 1506 году папа Джулиус II санкционировал изменения к договору тордесилласа, подписанному Испанией и Португалией в 1494 году, который изменил немного линию границы. Пала Климентай VII санкционировал договор в Сарагоссе в 1520 году, почти 70 лет назад, который установил здесь еще одну границу. – Его палец провел по песку линию меридиана, которая отрезала южную оконечность Японии. – Это дает Португалии исключительное право на вашу страну, все эти страны, от Японии, Китая до Африки, – так, как я сказал. Исключительное право эксплуатировать всех – любыми способами в обмен на распространение католицизма. – Он снова подождал, и женщина поколебалась в нерешительности, он смог почувствовать растущее раздражение Торанаги, когда ему пришлось ждать ее перевода.

Марико вынудила себя заговорить и повторила то, что он ей сказал. Потом она опять слушала Блэксорна, и ей было неприятно то, что она слышала. Разве это действительно возможно? Как мог Его Святейшество сказать такое? Отдать нашу страну Португалии? Это должно быть ложью. Но кормчий клянется господом нашим Иисусом.

– Кормчий говорит, господин, – начала она, – в то время, когда Его Святейшеством папой были приняты эти решения, весь их мир, даже страна Анджин-сана была католической. Раскола еще не было – он не произошел, поскольку эти решения папы были, конечно, объединяющими все нации. Даже при этом, добавляет он, что хотя португальцы имели исключительное право эксплуатировать Японию, Испания и Португалия непрерывно ссорились из-за права владения, так как наша торговля с Китаем давала большие прибыли.

– А каково твое мнение, Кири-сан? – спросил Торанага, так же шокированный, как и другие. Только мальчик остался равнодушным и играл своим веером.

– Он считает, что он говорит правду, – сказала Кири. – Да, я думаю, это так. Но как проверить это – или хотя бы часть?

– Как проверить это, Марико-сан? – спросил Торанага, более всех пораженный тем, как Марико реагировала на то, что было сказано, но довольный тем, что согласился использовать ее как переводчицу.

– Я бы спросила отца Тсуки-сана, – сказала она. – Потом я бы также послала какого-нибудь доверенного вассала в их страны, чтобы проверить все это. Может быть, с Анджин-саном.

Кири сказала:

– Если священник не подтвердит эти заявления, это не обязательно будет означать, что Анджин-сан лжет, не так ли? – Кири была рада, что она предложила взять Марико как переводчицу, когда Торанага искал замену Тсуку-сану. Она знала, что Марико была надежным человеком и что после того, как она поклялась своим иностранным Богом, будет молчать под самым серьезным допросом своего христианского священника. «Чем меньше знают эти дьяволы, тем лучше, – думала Кири. – А как много знает этот чужестранец!»

Кири заметила, что мальчик зевает, и была рада этому. «Чем меньше поймет ребенок, тем лучше», – сказала она себе. Потом она спросила:

– А почему бы не послать за главой христианских священников и не спросить его об этих фактах? Посмотрим, что он скажет. Их лица открыты, и они почти не умеют хитрить.

Торанага кивнул, его глаза остановились на Марико.

– Откуда ты знаешь о северных чужеземцах, Марико-сан, когда говорила, что приказы папы будут выполняться?

– Без сомнения.

– Его приказы исполняются, как если бы это был голос Бога?

– Да.

– Даже здесь, нашими христианами?

– Я думаю, да.

– И даже тобой?

– Да, господин. Если будет прямой приказ от Его Святейшества мне лично. Да, ради спасения моей души. – Ее взгляд был тверд, – Но до этого я буду повиноваться только моему законному господину, главе нашего рода или моему мужу. Я японка, христианка – да, но прежде всего я самурай.

– Я думаю, тогда будет хорошо, если Его Святейшество останется далеко от наших берегов. – Торанага на мгновение задумался. Потом он решил, что делать с чужеземцем, Анджин-саном.

– Скажи ему... – он остановился. Все глаза устремились на тропинку и приближающуюся по ней пожилую женщину. Она была одета в накидку с капюшоном, которые носят буддийские монахи. С ней было четверо в серой форме. Они остановились, и она подошла уже одна.

Глава Семнадцатая

Все низко поклонились. Торанага заметил, что чужеземец подражал им и не встал, не посмотрел на нее, как сделали бы все чужеземцы, за исключением Тсукку-сана, как это принято у них. «Кормчий быстро обучается», – подумал он, все еще ошеломленный тем, что услышал. Десять тысяч вопросов роились в голове, но, согласно своим правилам, он временно отключился от них, чтобы сконцентрироваться на непосредственной опасности.

Кири поторопилась отдать старой женщине свою подушку и помогла ей сесть, потом стала на колени около нее, готовая услужить.

– Спасибо, Киритсубо-сан, – сказала старуха, отвечая на ее поклон. Ее имя было Ёдоко. Она была вдовой Тайко, а теперь, после его смерти, – буддийской монахиней, – Извините, что я пришла без приглашения и помешала вам, господин Торанага.

– Вы никогда не бываете незваной или нежеланной, Ёдоко-сама.

– Спасибо, спасибо. – Она взглянула на Блэксорна и прищурилась, чтобы лучше разглядеть. – Но я думаю, что я все-таки помешала. Не могу разглядеть – кто это? Он чужеземец? Мои глаза становятся все хуже и хуже. Это не Тсукку-сан, да?

– Нет. Это новый чужеземец, – сказал Торанага.

– Ах, так! – Ёдоко посмотрела с более близкого расстояния. – Пожалуйста, скажите ему, что я плохо вижу, отсюда и эта моя невежливость.

Марико выполнила ее просьбу.

– Он говорит, что в его стране многие люди страдают близорукостью, Ёдоко-сама, но они носят очки. Он спросил, есть ли они у нас. Я сказала, что да, некоторые из нас имеют очки – достали их у южных чужеземцев. Что вы носили очки, но теперь нет.

– Да. Я предпочитаю туман, который окружает меня. Да, мне не нравится многое из того, что я вижу теперь. – Ёдоко отвернулась и посмотрела на мальчика, сделав вид, что только что увидела его. – О! Мой сын! Так вот ты где. Я тебя ищу. Как хорошо, что я встретила Квампаку! – Она почтительно поклонилась.

– Спасибо, Первая мама. – Яэмон просиял и поклонился в ответ. – О, если бы ты послушала этого варвара! Он нарисовал нам карту мира и рассказал смешные истории про людей, которые не моются! Никогда в жизни! И они живут в снежных домах и носят шкуры, как дьявольские камни.

Старая госпожа фыркнула.

– Чем меньше они приходят сюда, тем лучше, я думаю, сын мой. Я никогда не понимала их, и они всегда отвратительно пахли. Я никогда не понимала, как господин Тайко, твой отец, мог их терпеть. Но он был мужчиной, и ты мужчина, и ты более терпеливый, чем низменные женщины. У тебя хороший учитель, Яэмон-сама. – Ее старческие глаза метнулись к Торанаге. – Господин Торанага – самый терпеливый человек в империи.

– Терпение важно для мужчины, необходимо для вождя, – сказал Торанага. – И жажда знаний также хорошее качество, да, Яэмон-сама? А знания приходят и из незнакомых мест.

– Да, дядя. О, да, – сказал Яэмон. – Он прав, не так ли, Первая мама?

– Да, да, я согласна. Но я рада, что я женщина и не должна беспокоиться о таких вещах, не правда ли? – Ёдоко обняла мальчика, который перебрался к ней поближе, – Да, мой сын. Почему я здесь? Я пришла за Квампаку. Потому что поздно, Квампаку пора есть и делать письменные задания.

– Я не люблю письменные задания, и я хотел поплавать!

Торанага сказал с напускной важностью:

– Когда я был в твоём возрасте, я тоже ненавидел письменные работы. Но потом, когда мне было уже двадцать лет, я должен был бросить воевать и вернулся в школу. Я ненавидел это ещё больше.

– Вернулся в школу, дядя? После того как ушел из нее? О, как ужасно!

– Вождь должен уметь хорошо писать, Яэмон-сама. Не только понятно, но и красиво, а Квампаку – лучше кого бы то ни было. Как еще можно писать Его Императорскому Высочеству или великим дайме? Вождь должен уметь делать много трудных вещей!

– Да, дядя. Очень трудно быть Квампаку, – Яэмон важно нахмурился. – Я думаю, я сделаю уроки сейчас, а не тогда, когда мне будет двадцать, потому что тогда у меня будут более важные государственные дела.

Они все были очень горды им.

– Ты очень умный, сын мой, – сказала Ёдоко.

– Да, Первая мама. Я мудр, как мой отец, как говорит моя мать. Когда она вернется домой?

Ёдоко подняла глаза на Торанагу.

– Скоро.

– Надеюсь, что очень скоро, – сказал Торанага. Он знал, что Ёдоко прислал за мальчиком Ишидо. Торанага привел мальчика и его охрану прямо в сад, чтобы еще больше разозлить своего врага. А также чтобы показать мальчику иностранного кормчего и тем самым лишить Ишидо этого удовольствия.

– Очень тяжело быть ответственной за моего сына, – сказала Ёдоко. – Было бы очень хорошо, если бы госпожа Ошиба была здесь, в Осаке, снова дома, тогда бы я могла вернуться в храм, правда? Как она и как госпожа Дзендзико?

– Они обе в добром здравии, – сказал ей Торанага, ликуя в душе. Девять лет назад Тайко, в неожиданном приступе дружеских чувств, предложил ему жениться на госпоже Дзендзико, младшей сестре госпожи Ошибы, его любимой супруги.

– Тогда наши дома навеки объединятся, правда? – сказал Тайко.

– Да, господин. Я повинуюсь, хотя я и не заслужил такой чести, – ответил Торанага с почтением. Он хотел породниться с Тайко, но он знал, что хотя Едою, жена Тайко, может это и одобрить, его супруга, Ошиба, ненавидит его и использует все свое огромное влияние на Тайко, чтобы воспрепятствовать их женитьбе. Было бы разумней избежать женитьбы на сестре Ошибы еще и потому, что это давало ей огромную власть над ним, не последним здесь было и то, что она получила бы доступ к его состоянию. Но если бы она была отдана замуж за его сына, Судару, тогда Торанага как верховный правитель рода сохранил бы полностью свою власть. Потребовалось все его искусство, чтобы свести дело к женитьбе Судару на Дзендзико, и теперь, когда это произошло, Дзендзико имеет для него огромное значение как защита от Ошибы, потому что та обожает свою сестру.

– Моя невестка еще не разродилась, ожидалось, что роды начнутся вчера, но я думаю, что, как только опасность пройдет, госпожа Ошиба немедленно вернется.

– После трех девочек Дзендзико пора бы подарить вам внука, не так ли? Я буду молиться о его рождении.

– Благодарю вас, – сказал Торанага; она, как всегда, нравилась ему, он знал, о чем она думает, хотя он не представлял ничего, кроме опасности, ее дому.

– Я слышала, ваша госпожа Сазуко беременна?

– Да. Я очень счастлив, – Торанага почувствовал, как у него стало радостно на душе при мыслях о своей последней наложнице, ее молодости, силе и теплоте. «Я надеюсь, у нас

будет сын, – сказал он себе. – Да, это было бы очень хорошо. Семнадцать лет – хороший возраст для того, чтобы родить первого ребенка, тем более если имеешь такое здоровье, как у нее. Да, я очень счастлив».

– Будда благословляет вас. – Ёдоко почувствовала укол зависти. Казалось нечестным, что Торанага имеет пять взрослых сыновей и четыре дочери и уже пять внуков, да еще ребенок Сазуко, который скоро появится на свет, да и при нескольких наложницах в доме он может иметь еще много сыновей, ему еще предстоит прожить много полноценных лет. А все ее надежды были сконцентрированы на этом единственном семилетнем ребенке, ее ребенке наравне с Ошибой. «Да, он также и мой сын, – подумала она, – Как я ненавидела Ошибу вначале...» Она увидела, что все смотрят на нее, и вздрогнула:

– Да?

Яэмон нахмурился:

– Я спросил, можем ли мы пойти делать уроки, Первая мама? Я два раза тебя спросил.

– Извини, сын мой, я отвлеклась. Вот что случается, когда стареешь. Да, тогда пошли. – Кири помогла ей встать, Яэмон побежал впереди. Серые уже встали, один из них поймал его и заботливо посадил себе на плечи. Четверо самураев, которые сопровождали Ёдоку, ждали отдельно.

– Пройдитесь со мной немного, господин Торанага, пожалуйста. Мне нужно опереться на чью-нибудь сильную руку.

Торанага с удивительной живостью вскочил на ноги. Она взяла его за руку, но не оперлась на нее. «Да, мне нужна сильная рука, Яэмону тоже. Да и стране».

– Я всегда готов служить вам, – сказал Торанага.

Когда они удалились от остальных, она спокойно сказала:

– Становитесь единовластным регентом. Возьмите власть и правьте сами. До тех пор, пока Яэмон не вырастет.

– Завещание Тайко запрещает это, даже если бы я этого и хотел, чего на самом деле нет. Ограничения, которые он наложил в завещании, исключают захват власти одним регентом. Я не стремлюсь к единовластию. Я никогда не стану единственным регентом.

– Тора-чан, – сказала она, используя кличку, которую дал ему Тайко много лет назад, – у нас мало секретов, у вас и у меня. Вы можете сделать это, если пожелаете. Я говорю и за госпожу Ошибу. Возьмите власть до конца своей жизни. Станьте сегуном и делайте...

– Госпожа, то, что вы говорите – это предательство. Я не стремлюсь стать сегуном.

– Конечно, но, пожалуйста, послушайте меня последний раз. Станьте сегуном, сделайте Яэмона единственным наследником – вашим единственным наследником. Он может быть сегуном после вас. Разве это не его генеалогическая линия? Фудзимото – через госпожу Ошибу назад до ее деда Города и через него еще дальше в древность? Фудзимото!

Торанага посмотрел на нее.

– Вы думаете, дайме согласятся с таким заявлением или что Его Высочество Сын Неба может утвердить назначение?

– Нет. Не для самого Яэмона. Но если бы вы были сегуном сначала и усыновили его, то могли бы убедить их, всех их. Мы поддержим вас, госпожа Ошиба и я.

– Она согласна с этим? – спросил удивленный Торанага.

– Нет. Мы никогда не обсуждали этого. Это моя идея. Но она согласится. Я отвечаю за нее. Заранее.

– Это невозможно, госпожа.

– Вы можете управлять Ишидо и всеми ими. Вы всегда можете. Я боюсь, Тора-чан, того, что я слышала. Слухи о войне, о разделении на две группы и начале новых темных веков. Когда война начнется, она будет идти вечно и поглотит Яэмона.

– Да, я тоже так же считаю. Да, если она начнется, она будет последняя и навсегда.

– Тогда возьмите власть! Делайте что хотите, с кем хотите, как хотите. Яэмон хороший мальчик. Я знаю, вы любите его. У него ум отца, и с вашим обучением мы все только выиграем. Он должен получить свое наследство.

– Я не возражаю против него или его преемников. Сколько раз я это должен говорить?
– Наследник будет уничтожен, если вы его активно не поддержите.
– Я поддерживаю его! – сказал Торанага. – Всеми мерами. В этом я согласен с Тайко, вашим последним мужем. Ёдоко вздохнула и плотнее запахнулась в свой плащ.

– Эти старые кости простужены. Так много тайн, войн, предательств, смертей и побед, Тора-чан. Я только женщина и очень одинокая. Я рада, что я посвятила себя теперь Будде и своей следующей жизни. Но в этой я должна защитить моего сына и сказать вам эти вещи. Я надеюсь, вы простите мне мою дерзость.

– Я всегда радуюсь вашим советам и ищу их.

– Спасибо, – Ее спина немного распрямилась, – Послушайте, пока я жива, ни наследник, ни госпожа Ошиба не пойдут против вас.

– Да.

– Вы учтете мое предложение?

– Последняя воля моего хозяина запрещает это. Я не могу идти против моих священных клятв регента.

Они шли в молчании. Потом Ёдоко вздохнула:

– Почему не взять ее в жены?

Торанага остановился на дорожке.

– Ошибу?

– Почему нет? Она вполне достойна как политический выбор. Совершенный выбор для вас. Она красива, молода, крепка, ее родственные связи самые удачные – часть Фудзимото, часть Миновара, она полна солнца и очень жизнерадостна. У вас нет сейчас официальной жены – так почему нет? Это решит проблему преемственности и предотвратит раскол в стране. От нее у вас наверняка будут еще сыновья. Яэмон будет наследовать титул у вас, потом его сыновья или другие ее сыновья. Вы можете стать сегуном. Вы будете иметь власть над страной и власть отца, так что вы можете подготовить Яэмона к вашему пути. Вы формально усыновите его, и он будет таким же вашим сыном, как любой из ваших. Почему вам не жениться на госпоже Ошибе?

«Потому что она дикая кошка, вероломная тигрица с лицом и телом богини, которая думает, что она императрица, и ведет себя как императрица, – сказал себе Торанага, – Ты никогда не сможешь доверять ей в постели. Она словно иголка у тебя в глазу, когда ты спишь, а она должна бы ласкать тебя. О, нет, не ее! Даже если бы я женился на ней только ради ее имени, на что бы она никогда не согласилась. О, нет! Это невозможно! По всем возможным причинам, не последней из которых является то, что она ненавидит меня и ждет моего поражения, моего и моего дома, все время с тех пор, как она родила первый раз, одиннадцать лет назад.

Даже тогда, в семнадцать лет, она пожертвовала собой, чтобы погубить меня. Да, такая мягкая внешне, как первый созревший персик летом, и такая же душистая. Но внутри – это сталь, как у боевого меча; у нее мозг шахматиста, она пускает в ход все свое обаяние, вскоре сведшее с ума Тайко и отвратившее от него всех остальных. Да, она сразу покорила Тайко, когда ей было пятнадцать, когда он впервые официально получил ее. Да, и не забывай, что на самом деле это она соблазнила его, а не он ее, хотя он очень верил в себя. Да, даже в пятнадцать Ошиба знала, чего она хочет и как этого добиться. Потом случилось чудо, давшее наконец сына Тайко, чудо у нее одной из всех женщин, которых он имел в своей жизни. Скольких женщин он имел? По крайней мере сто. Его горностай оросил своим радостным соком больше небесных сводов, чем десять обычных мужчин! Да. И эти женщины всех возрастов и каст, обычные жены или наложницы, от принцессы Фудзимото до куртизанки четвертого класса. Но ни одна из них не забеременела, хотя позже, когда он их выгонял, расторгал брак или они снова выходили замуж после его смерти, они имели детей от других мужчин. Ни одна, кроме госпожи Ошибы.

Но она родила ему сына, когда Тайко было пятьдесят три года, бедное маленькое существо, так быстро заболевшее и умершее. Тайко рвал на себе одежды, чуть не сошел с

ума от горя, проклинал себя, но не ее. Потом, спустя четыре года, она чудесным образом снова родила, удивительно, но снова сына, и на этот раз удивительным образом здорового, ей тогда был двадцать один год. Ошибка Бесподобная называл ее Тайко.

Отец ли Тайко Яэмону или нет? О, я много бы отдал, чтобы знать правду. Узнаем ли мы когда-нибудь? Возможно, нет, но чтобы ни было, я проверять не буду ни тот, ни другой вариант.

Странно, что Тайко, такой проницательный во всем остальном, лишился этого качества относительно Ошибы, любя ее и Яэмона до безумия. Странно, что из всех женщин именно она должна была стать матерью его наследника, она, чей отец, отчим и мать погибли из-за Тайко.

Была ли она достаточно умна, чтобы переспать с другим мужчиной, зачать от него, потом уничтожить его, чтобы обезопасить себя? И не один раз, а дважды?

Могла ли она быть так вероломна? О, да.

Жениться на Ошибе? Никогда».

– Я польщен тем, что вы сделали мне такое предложение, – ответил Торанага.

– Вы мужчина, Тора-чан. Вы легко можете управиться с такой женщиной. Вы единственный мужчина в империи, который может это, правда? Она удивительная партия для вас. Посмотрите, как она сейчас борется за интересы своего сына, а она только беззащитная женщина. Она достойная жена для вас.

– Я не думаю, что она когда-нибудь думала об этом.

– А если думала?

– Я бы хотел знать это. Тайно. Да, это была бы безмерная честь для меня.

– Многие люди считают, что только вы стоите между Яэмоном и его будущим.

– Многие люди глупы.

– Да. Но не вы, Торанага-сама. И не госпожа Ошибка.

«И не вы, моя госпожа», – подумал он.

Глава Восемнадцатая

В самое темное время ночи через стену в сад проник убийца. Его почти не было видно. Он носил тесно облегающую тело черную одежду, его таби были черного цвета, черный капюшон и черная маска скрывали голову. Это был человек небольшого роста, он бесшумно пробежал к каменному укреплению внутри сада и остановился около самой отвесной стены. В пятидесяти ярдах от него двое коричневых охраняли главную дверь. Очень ловко убийца забросил обмотанный тряпками крюк с тонкой шелковой веревкой. Крюк зацепился за каменный карниз амбразуры. Он поднялся по веревке, протиснулся через щель амбразуры и исчез внутри.

Коридор был пустынный, он освещался свечами. Убийца бесшумно спустился вниз, открыл наружную дверь и вышел на зубчатую стену. Еще один искусный бросок, быстрое короткое карабканье, и он оказался в коридоре наверху. Часовые, которые стояли на углах зубчатой стены, не услышали его, хотя и были настороже.

Когда мимо проходили часовые в коричневой униформе, он плотно вжался в нишу в каменной стене. После этого убийца проскользнул по переходу. У угла он остановился. Молча огляделся. Дальняя дверь охранялась самураем. Пламя свечей колебалось в тишине. Часовой сидел, скрестив ноги, он зевнул, облокотился о стену и вытянулся. Его глаза на минуту закрылись. Убийца мгновенно кинулся вперед. Беззвучно. Он сделал петлю из шелковой веревки, которая все еще была у него в руках, уронил ее на шею часового и резко дернул. Пальцы часового еще пытались схватить и оттянуть удавку, но он уже умирал. Короткий удар ножом между ребер, нанесенный с искусством хирурга, – и часовой перестал двигаться.

Убийца открыл дверь. Комната для аудиенций была пуста, внутренние двери не охранялись. Он втащил труп внутрь и опять закрыл дверь. Без колебаний он пересек комнату

и выбрал левую внутреннюю дверь. Она была сделана из дерева и хорошо укреплена. В его правую руку скользнул изогнутый нож. Он мягко, тихонько постучал.

– «...В дни императора Ширикавы...» – сказал он первую часть пароля.

С другой стороны двери донесся лязг стали, вынимаемой из ножен, и ответ:

– «...Жил мудрец по имени Инракуджи...»

– «...Который написал тридцать пятую сутру». У меня срочные послания для господина Торанаги.

Дверь распахнулась, и убийца нанес удар. Нож взметнулся вверх, вонзился в горло первого самурая точно ниже подбородка, так же быстро был вынут и молниеносно поразил в горло второго часового. Слабый поворот – и нож тут же вынимается снова. Оба человека умерли еще на ногах. Убийца подхватил одного и дал ему мягко опуститься на землю. Другой упал, но бесшумно. Кровь хлынула на пол, их тела забились в предсмертных конвульсиях.

Человек заторопился вниз по этому внутреннему переходу. Он был плохо освещен. В это время открылись седзи. Он замер, медленно оглядываясь кругом.

Кири удивленно смотрела на него, стоя в десяти шагах. В ее руках был поднос.

Он заметил, что две чашки на подносе были чистые, пища в них не тронута. Из чайника шел пар. Сбоку потрескивала свеча. Тут поднос упал, рука скользнула из-под оби и появилась с кинжалом, рот у нее открывался, но не издавал ни звука, и он сразу бросился в угол. Открылась дальняя дверь, и выглянул заспанный самурай.

Убийца бросился к нему и прорвал седзи справа, куда он и стремился. Кири закричала, поднялась тревога, и он уверенно побежал в темноте, через эту переднюю, мимо просыпающихся женщин и их служанок, во внутренний коридор в дальнем конце дома.

Здесь была тьма крошечная, но он ощупью двигался вперед, безошибочно находя нужную дверь в начинающейся суматохе. Он открыл дверь и прыгнул на человека, лежавшего на футоне. Но его рука, державшая нож, была зажата, словно тисками, и теперь он был вынужден схватиться врукопашную на полу. Он дрался очень умело, вырвался, опять ударил ножом, но промахнулся, запутавшись в одеяле. Убийца откинул одеяло и бросился на человека, держа нож для смертельного удара. Но человек повернулся с неожиданной ловкостью и сильно пнул его в пах ногой. Боль взорвалась в убийце, в то время как его жертва отскочила на безопасное расстояние.

К этому времени в дверях уже столпились самураи, некоторые из них были с фонарями, и Нага, в одной только набедренной повязке, с взъерошенными волосами, прыгнул между ним и Блэксорном, высоко подняв меч.

– Сдавайся!

Убийца отскочил назад, крикнул: «Наму Амида Бутсу – во имя Будды Амида!» – повернул нож к себе и обеими руками ткнул его себе ниже подбородка. Хлынула кровь, и он опустился на колени. Нага сразу нанес удар. Его меч вихрем описал дугу, и голова свободно покатилась по полу.

В молчании Нага поднял голову и сорвал маску. Лицо было обычным, глаза еще мигали. Он подержал голову: волосы были уложены как у самурая, с узелком на макушке.

– Кто-нибудь знает его?

Никто не ответил. Нага плюнул в лицо, сердито бросил голову одному из своих самураев, сорвал с убийцы одежду, поднял его правую руку и нашел то, что искал. Маленькая татуировка – китайское изображение Амида, особого Будды, было вытравлено под мышкой.

– Кто командир стражи?

– Я, господин, – человек был смертельно бледен.

Нага прыгнул на него, остальные расступились. Командир часовых не сделал попытки уклониться от яростного удара меча, который отрубил ему голову, часть плеча и одну руку...

– Хайябуса-сан, прикажи всем самураям этого караула спуститься во двор, – сказал Нага одному из начальников. – Удвой караулы для новой стражи. Убери отсюда тела. Все

остальные... – Он остановился, так как к двери подошла Кири, все еще с кинжалом в руке. Она взглянула на труп, потом на Блэксорна.

– Анджин-сан не пострадал? – спросила она. Нага взглянул на человека, который возвышался над ним, тяжело дыша. На нем не было видно ни ран, ни крови. Просто заспанный человек, который едва не был убит. Белое лицо, но без внешних признаков страха.

– Ты не пострадал, кормчий?

– Я не понимаю.

Нага подошел и стянул с него ночное кимоно, чтобы посмотреть, не ранен ли кормчий.

– А, теперь понял. Нет. Не ранен, – услышал он слова гиганта и увидел, как он качает головой.

– Хорошо, – сказал он. – Кажется, он не пострадал, Киритсубо-сан.

Он увидел, как Анджин-сан показывает на труп и что-то говорит.

– Я не понимаю вас, – ответил Нага. – Анджин-сан, вы останетесь здесь, – и сказал одному из своих людей: – Принеси ему пищи и воды, если он захочет.

– У этого убийцы была татуировка Амиды, да? – спросила Кири.

– Да, госпожа Киритсубо.

– Дьяволы, дьяволы.

– Да.

Нага поклонился ей, потом посмотрел на одного из испуганных самураев.

– Пойдешь со мной. Возьми голову! – Он ушел, думая, как бы рассказать об этом отцу. О, Будда, благодарю тебя за то, что ты охраняешь моего отца!

* * *

– Он был роннин, – коротко сказал Торанага, – Ты никогда не проследишь, откуда он, Хиро-Мацу-сан.

– Да. Но отвечает за это Ишидо. У него хватило низости сделать это, да? Ниндзя. Использовать эти отбросы, наемных убийц. Пожалуйста, я прошу вас, позвольте мне прямо сейчас вызвать наши войска. Я прекращу это раз и навсегда.

– Нет, – Торанага обернулся в сторону Наги. – Ты уверен, что Анджин-сан не пострадал?

– Нет, господин.

– Хиро-Мацу-сан! Ты понижишь в должности всех часовых из этого караула за невыполнение ими своих обязанностей. Им запрещено совершать сеппуку. Им приказано нести свой позор перед всеми моими солдатами как людям самого низкого класса. Мертвых часовых протащите за ноги через замок и весь город до места казни. Пусть их едят собаки.

После этого он посмотрел на своего сына, Нагу. До этого вечером пришло срочное сообщение из монастыря Джоджи в Нагое об угрозе Ишидо относительно Наги. Торанага сразу приказал сыну не выходить из дома и окружил его стражей вместе с другими членами семьи в Осаке – Кири и Сазуко, которые тоже усиленно охранялись. В послании от аббата добавлялось, что он считает разумным освободить сразу же мать Ишидо и отослать ее обратно в город с ее служанками.

– Я не осмеливаюсь рисковать жизнью ваших славных сыновей таким глупым образом. К сожалению, ее здоровье ухудшилось. Она простужена. Лучше, чтобы она умерла в своем собственном доме, а не здесь.

– Нага-сан, ты в равной мере ответствен за то, что убийца проник сюда, – сказал Торанага, его голос был холоден и горек. – Каждый самурай ответствен, независимо от того, был ли он на страже, спал или проснулся. У тебя отбирается половина твоего годового дохода.

– Да, господин, – ответил юноша, удивленный, что ему позволено все сохранить, в том числе и голову, – Пожалуйста, понизьте меня в должности тоже, – сказал он, – Я не могу жить с таким позором. Я не заслуживаю ничего, кроме презрения, за мою провинность,

господин.

– Если бы я хотел понизить тебя в звании, я бы так и сделал. Тебе приказывается немедленно выехать в Эдо. Ты уедешь с двадцатью людьми сегодня же ночью и сообщишь все своему брату. Ты будешь там в кратчайшее время! Иди! – Нага поклонился и вышел, побледнев. Хиро-Мацу Торанага сказал так же грубо: – Увеличь в четыре раза мою охрану. Отмени мою охоту сегодня и завтра. В день после встречи регентов я покидаю Осаку. Ты сделаешь все приготовления, и до этого времени я останусь здесь. Я не буду встречаться ни с кем без приглашения. Ни с кем.

Он махнул рукой, отпуская всех и будучи в плохом настроении.

– Все могут идти. Хиро-Мацу, ты останешься. Комната опустела.

Хиро-Мацу был рад, что его будут наказывать один на один, так как из всех из них он, как командир охраны, был виноват больше всех.

– Мне нет прощения, господин. Никакого.

Торанага задумался. Гнева больше не было заметно.

– Если бы ты хотел нанять секретным образом кого-то из секты Амида Тонга, как бы ты нашел этих людей? Как бы ты вышел на них?

– Я не знаю, господин.

– Кто должен знать?

– Касиги Ябу.

Торанага выглянул в амбразуру. Слабые признаки рассвета смешивались с темнотой ночи на востоке.

– Приведи его сюда на рассвете.

– Вы думаете, он виноват?

Торанага не ответил, он снова о чем-то размышлял.

Старый солдат наконец не выдержал молчания:

– Пожалуйста, господин, позвольте мне уйти. Я так виноват!

– Такую попытку почти невозможно предотвратить, – сказал Торанага.

– Да. Но нам следовало поймать его снаружи, а не около вас.

– Я согласен. Но я не считаю вас ответственным.

– Я считаю себя виноватым. Вот что я должен сказать, господин, так как я отвечаю за вашу безопасность, пока вы не вернетесь в Эдо. На вас еще будут покушения, все наши агенты сообщают о передвижениях войск. Ишидо мобилизуется.

– Да, – сказал Торанага небрежно, – После Ябу я хочу поговорить с Тсукку-сан, потом с Марико-сан. Удвой охрану Анджин-сана.

– Ночью пришли сообщения, что господин Оноши поставил сто тысяч человек на ремонт укреплений на Кюсю, – сказал Хиро-Мацу, поглощенный тревогами о безопасности Торанаги.

– Я спрошу его об этом, когда мы встретимся.

Терпение Хиро-Мацу лопнуло.

– Я совсем не понимаю вас. Я должен сказать вам, что вы глупо рискуете. Да, глупо. Я не беспокоюсь о том, отрубите ли вы мне голову за то, что я вам говорю, но это правда. Если Кийяма и Оноши проголосуют вместе с Ишидо, вам будет предъявлено обвинение! Вы мертвец – вы рискуете здесь всем, и вы погибли! Уезжайте, пока можете! По крайней мере вы сохраните голову на плечах!

– Я пока еще вне опасности.

– Разве это нападение сегодня ночью для вас ничего не значит? Если вы не поменяете комнату, вы уже мертвец.

– Да, может быть, но, может быть, и нет, – сказал Торанага. – Сегодня ночью и в прошлую ночь у моих дверей было много часовых. И вы также были на страже. Ни один убийца не мог оказаться около меня. Даже этот, хотя он был хорошо подготовлен. Он знал дорогу, даже пароль, не так ли? Кири-сан сказала, что слышала, как он называл его. Так что я думаю, что он знал, в какой я комнате. Но я был ему не нужен. Ему был нужен Анджин-сан.

– Чужеземец?

– Да.

Торанага считал, что для чужеземца после всех необычных происшествий этого утра все еще сохраняется опасность. Очевидно, что Анджин-сан был слишком опасен для кого-то, чтобы оставить его в живых. Но Торанага не предполагал, что нападение осуществят так быстро и в его личном жилище. «Кто предал меня?» Он отбросил возможность утечки информации через Кири или Марико. «Но замки и сады всегда имеют места для подслушивания, – подумал он. – Я в центре вражеской крепости, и там, где у меня один шпион, Ишидо и другие будут иметь их двадцать. Может быть, это был просто шпион».

– Удвой охрану Анджин-сана. Он мне дороже десяти тысяч других людей.

После ухода госпожи Ёдоко в то утро он вернулся в сад чайного домика и сразу заметил внутреннюю слабость Анджин-сана, чересчур яркие глаза и измученный вид. Поэтому он подавил свое собственное возбуждение и почти захватившую его потребность расспрашивать дальше и отпустил его, сказав, что завтра они продолжат. Анджин-сан был отдан на попечение Кири с наказом отвести его к доктору, чтобы восстановить его силы, дать ему пищу чужеземцев, если он захочет, и даже пустить его в спальню, которой пользовался сам Торанага.

– Дай ему все, что ты сочтешь нужным, Кири-сан, – сказал он ей тайком. – Он нужен мне трудоспособным, очень быстро, в разуме и теле.

После этого Анджин-сан попросил, чтобы выпустили из тюрьмы монаха сегодня же, так как он стар и болен. Торанага ответил, что подумает, и отпустил чужеземца, не сказав, что сразу же приказал самураям сходить в тюрьму и привести монаха, который, может быть, одинаково нужен и ему, и Ишидо.

Торанага давно знал об этом священнике, который был испанцем и враждовал с португальцами. Но человек был в тюрьме по приказу Тайко, и он был заключенным Тайко, поэтому Торанага не имея права ни на кого в Осаке. Он умышленно отправил Анджин-сана в тюрьму не только, чтобы притвориться перед Ишидо, что незнакомец не имеет никакого значения, но и в надежде, что любознательный кормчий получит от монаха какие-нибудь сведения.

Первая неудачная попытка убить Анджин-сана в камере была отбита, и сразу же вокруг него была выставлена защита. Торанага наградил своего вассала, шпиона Миникуя, носильщика – ката, безопасно выручив его из тюрьмы и дав ему четырех своих хата и наследственное право работать носильщиками на Токкайдской дороге – крупной дороге по переноске грузов, которая соединяет Эдо и Осаку, между второй и третьей станциями, которые находились на территории Торанаги около Эдо, и тайно отослал его из Осаки в первый же день. В последующие дни другие его шпионы послали сообщения, что варвары подружились, монах говорит, а Анджин-сан задает вопросы и слушает. Тот факт, что Ишидо, возможно, тоже имеет шпионов в камере, не беспокоил их. Анджин-сан защищен и в безопасности. Потом Ишидо неожиданно попытался похитить его под влиянием своих союзников.

Торанага вспомнил об удовольствии, которое получили он и Хиро-Мацу, когда планировали мгновенное «нападение» – бандиты-ронины были одной из небольших отдельных групп его собственных отборных самураев, которые втайне содержались в Осаке и вокруг нее, а также время появления Ябу, который не подозревая действовал как «спасатель». Они вместе посмеялись, зная, что еще раз использовали Ябу как марионетку, чтобы утереть нос Ишидо его собственным дерьмом.

Все шло хорошо. До сегодняшнего дня.

Сегодня самурай, посланный за монахом, вернулся ни с чем.

– Священник мертв, – сказал он. – Когда назвали его имя, он не вышел, господин Торанага. Я пошел за ним, но он был мертв. Заключенные вокруг него сказали, что, когда тюремщик выкликнул его имя, он еще был в агонии. Он был мертв, когда я перевернул его. Пожалуйста, извините меня, вы послали меня за ним, а я не смог выполнить ваш приказ. Я не

знал, нужна ли вам будет его голова или голова вместе с телом, учитывая, что он чужеземец, поэтому я принес тело с головой. Некоторые из преступников были обращены им в христианство. Они хотели задержать труп у них и пытались это сделать, поэтому мне пришлось убить несколько человек и принести труп сюда. Он воняет и весь во вшах, но я положил его на дворе, господин.

«Почему умер монах?» – Торанага спрашивал себя снова и снова. Потом он заметил, что Хиро-Мацу вопрошающе смотрит на него.

– Да?

– Я только спросил, кто хотел бы смерти кормчего.

– Христиане.

* * *

Касиги Ябу шел за Хиро-Мацу по коридору, не чувствуя великолепия рассвета. Чувствовался приятный соленый запах бриза – это напомнило ему его родной город Мисиму. Он был рад, что наконец должен встретиться с Торанагой и ожидание кончилось. Он вымылся и оделся с большой тщательностью. Написал последние письма жене и матери, его завещание было запечатано и оставлено на случай, если его разговор с Торанагой окончится неудачно для него. Сегодня он носил клинок Мурасама в прошедших несколько сражений ножнах.

Они повернули в другой коридор, потом Хиро-Мацу неожиданно открыл усиленную железом дверь и прошел по каменным ступеням во внутреннюю центральную башню этой части укреплений. Здесь было много часовых на посту, и Ябу почувствовал опасность.

Лестницы, закругляясь, вели наверх и кончались на легко защищаемом удобном для обороны редуте. Часовые открыли железную дверь. Он вышел на зубчатую стену. «Хиро-Мацу сказал, чтобы меня сбросили, или мне прикажут прыгнуть самому?» – спросил он себя без страха.

К его удивлению, Торанага был там и, что невероятно, встал, чтобы приветствовать его с радостным уважением, чего он не имел права ожидать, так как Торанага был господин Восьми Провинций, тогда как он был только господином Изу. Подушки были разложены очень заботливо. Под шелковой салфеткой стоял чайник. Богато одетая девушка с квадратным лицом, не очень красивая, низко поклонилась. Ее имя было Сазуко, она была седьмая официальная наложница Торанага, самая молодая, на позднем сроке беременности.

– Как приятно видеть вас, Касиги Ябу-сан. Извините, что заставил вас ждать.

Теперь Ябу был уверен, что Торанага решил отрубить ему голову, так или иначе, так как, по общему мнению, ваш враг никогда не бывает более вежлив, чем когда планирует или уже спланировал ваше убийство. Он снял оба своих меча, положил их на каменные плиты, позволил увести себя от них и усадить на почетное место.

– Я думал, вам будет интересно полюбоваться рассветом, Ябу-сан. Мне кажется, что вид здесь исключительный – даже лучше, чем с главной башни наследника. Не так ли?

– Да, красиво, – сказал Ябу без заминки, он никогда не был в замке на такой высоте до этого момента, замечание Торанаги о «наследнике», он был уверен, означает, что его тайные сношения с Ишидо известны. – Я горжусь, что мне позволено разделить это зрелище с вами.

Перед ними был спящий город, гавань, и острова Авайи тянулись к западу; на востоке береговая линия понижалась, здесь освещение неба усиливалось и пятнами окрашивало облака в малиновый цвет.

– Это моя госпожа Сазуко. Сазуко, это мой союзник, известный господин Касиги Ябу из Изу, дайме, который привез нам чужестранца и корабль с сокровищами! – Она поклонилась и произнесла обычные слова приветствия. Он тоже поклонился, а она снова ответила на его поклон. Сазуко предложила чашку чаю первому Ябу, но он вежливо отклонил эту честь, начиная ритуал, и просил ее отдать чашку Торанаге, который отказался и настаивал, чтобы ее принял Ябу. В конце концов, продолжая ритуал, он, как почетный гость,

позволил убедить себя. Хиро-Мацу взял вторую чашку, его грубые пальцы с трудом держали фарфор, другая рука обхватывала рукоятку меча, лежащего на колене. Торанага взял третью чашку и выпил свой зеленый чай, после чего они все вместе обратились к природе и наблюдали за рассветом. В молчании неба.

Закричали чайки. Послышался шум города. Рождался день.

Госпожа Сазуко вздохнула, ее глаза наполнились слезами.

– Мне начинает казаться, что я – богиня, поднявшаяся так высоко в поисках такой красоты, правда? Так печально, что все это проходит навсегда, господин. Так печально, да?

– Да, – сказал Торанага.

Когда солнце было на полпути над горизонтом, она поклонилась и ушла. К удивлению Ябу, охрана также оставила их. Теперь они были одни. Втроем.

– Я рад, что получил от вас такой подарок, Ябу-сан. Это было очень великодушно, весь корабль и все его содержимое, – сказал Торанага.

– Что бы я ни имел, все это ваше, – сказал Ябу, на которого еще сильно действовал рассвет. «Я бы хотел, чтобы у меня еще было время, – подумал он. – Как элегантно Торанага сделал это! Сделать мне такой подарок в конце». – Благодарю вас за этот рассвет.

– Да, – сказал Торанага, – это мой подарок. Я рад, что он доставил вам такое же удовольствие, какое я получил от вашего. Наступило молчание.

– Ябу-сан. Что вы знаете о секте Амиды Тонга?

– Только то, что знает большинство людей. Это секретное общество десяти: ячейки из десяти человек – вожак и девять, никогда не более, последователей в одном районе, женщин и мужчин. Они клянутся самыми святыми и секретными клятвами господину Будде Амида, проповеднику Вечной Любви, в послушании, чистоте и смерти, проводят свою жизнь в подготовке к тому, чтобы стать совершенным орудием одного убийства, чтобы убить только по приказу своего руководителя, и если они терпят при этом неудачу – не сумеют убить выбранного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, – то сразу отдают свою собственную жизнь. Они религиозные фанатики, которые уверены, что они будут идти прямо из своей жизни в царство Будды. Ни один из них не был пойман живым, – Ябу знал о покушении на жизнь Торанага. К этому времени знала уже вся Осака и все знали, что господин Кванто, хозяин Восьми Провинций, заперся надежно в клетке из стали, – Они убивают редко, секретность у них абсолютная. Нет никакого шанса им отомстить, потому что никто не знает, кто они, где живут или где тренируются.

– Если бы вы хотели их нанять, как бы вы вышли на них?

– Я бы шепнул кому-нибудь в трех местах – в Хейнанском монастыре, у ворот гробницы Амиды и в монастыре Джоджи. В течение десяти дней, если вас сочтут приемлемым заказчиком, на вас выйдут через посредников. Это все так засекречено и умно устроено, что если вы даже захотите их выдать или поймать, то все равно не сможете. На десятый день они запросят деньги, серебряные. Количество зависит от человека, которого нужно убить. Они не торгуются, вы платите то, что они запросят сразу. Они гарантируют только, что один из членов их организации попытается убить нужного вам человека в течение десяти дней. Существует легенда, что, если покушение проходит удачно, убийца возвращается в храм и там, в ходе большой церемонии, он совершает ритуальное самоубийство.

– Вы думаете, что мы никогда не найдем тех, кто заплатил за сегодняшнее покушение?

– Вы думаете, может быть другое?

– Может быть. А может быть, и нет. Они заключают соглашение на одно покушение, не так ли? Но вы благоразумно увеличили вашу охрану – как среди ваших самураев, так и среди ваших женщин. Женщины из секты Амиды учатся пользоваться ядами, а также ножом и удавкой, как говорят.

– Вы когда-нибудь нанимали их?

– Нет.

– А ваш отец?

– Я не знаю, не наверняка. Мне говорили, что Тайко просил его однажды связаться с ними.

– Покушение было успешным?

– Все, что делал Тайко, удавалось. Так или иначе, Ябу почувствовал, что кто-то стоит за ним, и предположил, что это тайно вернулась стража. Он прикинул расстояние до своих мечей. «Попытаться убить Торанагу? – спросил он себя снова. – Я решился, а теперь не знаю. Я изменился. Почему?»

– Что бы вы заплатили им за мою голову? – спросил его Торанага.

– Во всей Азии недостаточно серебра, чтобы соблазнить меня нанять их на такое дело.

– А что бы должен был заплатить кто-то другой?

– Двадцать тысяч коку, пятьдесят тысяч, сто, может быть, и больше, я не знаю.

– Вы бы заплатили сто тысяч коку, чтобы стать сегуном? Ваша родословная восходит к Такасиме, не так ли?

Ябу сказал гордо:

– Я бы не заплатил ничего. Деньги – грязь – игрушка для женщин, чтобы играть с дерьмовыми купцами или для них. Но если бы было возможно невозможное, то я бы отдал собственную жизнь и жизнь жены, матери и всех детей, за исключением моего единственного сына, а также всех моих самураев в Изу и всех их женщин и детей, чтобы побыть сегуном один день.

– А что бы ты отдал за Восемь Провинций?

– Все то же, кроме жизни моей жены, матери и сына.

– А за провинцию Суруга?

– Ничего, – сказал Ябу с презрением. – Икава Джикья ничего не стоит. Если я не получу его голову и все его потомство в этой жизни, я сделаю это в другой.

– А если бы я отдал его тебе? И всех Суруга – и, может быть, следующую провинцию, Тотоми, тоже?

Ябу внезапно устал от этой игры в кошки-мышки и разговора об Амиде.

– Вы решили взять мою голову, господин Торанага, – очень хорошо, я готов. Я благодарю вас за рассвет. Но я не хочу портить такое благородство дальнейшим разговором, так давайте приступим к делу.

– Но я не решил взять вашу голову, Ябу-сан, – сказал Торанага. – Откуда у вас такая мысль? Враг влил вам яд в уши? Может быть, Ишидо? Разве вы не мой самый тесный союзник? Вы думаете, я бы остался с вами здесь, без охраны, если бы я думал, что вы мне враг?

Ябу медленно повернулся. Он думал, что увидит самурая, стоящего за ним, с мечом наготове. Но там никого не было. Он оглянулся на Торанагу.

– Я не понял.

– Я пригласил вас сюда, чтобы мы могли поговорить с глазу на глаз. И полюбоваться на восход. Вам хотелось бы управлять провинциями Изу, Суруга и Тотоми – если я не проиграю эту войну?

– Да. Очень, – сказал Ябу, его надежды снова ожили.

– Вы будете моим вассалом? Признаете меня как своего господина?

Ябу не колебался.

– Никогда, – сказал он. – Как союзника – да. Как моего руководителя – да. Всегда меньшего, чем вы – да. Моя жизнь и все, чем я обладаю, – ваше. Но Изу – мое. Я дайме Изу, и я никогда не отдам власть над Изу никому. Я поклялся отцу, Тайко, который подтвердил право владения, сначала моему отцу, потом мне. Тайко подтвердил, что Изу – мое и моих потомков навсегда. Он был наш суверен, и я поклялся никогда не иметь другого, пока его наследник не достигнет совершеннолетия.

Хиро-Мацу слегка покрутил мечом в руке. «Почему Торанага не даст мне покончить с этим раз и навсегда? Ведь уже договорились. Зачем все эти утомительные разговоры? Я болен, и мне нужно в уборную, я хочу лечь».

Торанага почесал в паху.

– Что Ишидо предлагал вам?

– Голову Джикьи в тот момент, когда вы падете. И его провинцию.

– В обмен на что?

– Поддержку, когда начнется война. Атаковать ваш южный фланг.

– Вы согласились?

– Вы знаете, что я выше этого.

Шпионы Торанага в доме Ишидо сообщили, что велись переговоры о том, что в случае измены последует убийство его трех сыновей: Небару, Судару и Нага.

– Больше ничего? Только поддержку?

– Любыми средствами, которые будут в моем распоряжении, – сказал Ябу осторожно.

– Включая убийство?

– Я намеревался вести войну, когда она начнется, всеми моими силами. Для моего союза. В любом случае я мог гарантировать его успех. Нам нужен один регент, пока Яэмон несовершеннолетний. Война между вами и Ишидо неизбежна. Это единственный способ развития событий.

Ябу пытался понять, что на уме у Торанаги. Он презирал нерешительность Торанага, зная, что он сам был лучше, что Торанага нуждается в его поддержке, что в конце концов он победит его. «Но что делать тем временем? – спрашивал он себя и хотел, чтобы Юрико, его жена, была здесь вместе с ним. Она знала самый правильный путь».

– Я могу быть очень ценным для вас. Я могу помочь вам стать единственным регентом, – сказал он, решив вести игру.

– Почему я должен хотеть быть одним регентом?

– Когда Ишидо нападет, я могу помочь вам победить его. Когда он нарушит мир, – сказал Ябу.

– Как?

Он рассказал им свой план с ружьями.

– Полк из пятисот самураев с ружьями? – взорвался Хиро-Мацу.

– Да. Подумайте об огневой мощи. Все отборные воины, обученные действовать как один человек. Двадцать пушек, также собранных вместе.

– Это плохой план. Отвратительный, – сказал Хиро-Мацу. – Вы не сможете держать все это в тайне. Если мы начнем, враг начнет тоже. И этому ужасу никогда не будет конца. Во всем этом нет ни чести, ни будущего.

– Разве в этой грядущей войне будем участвовать только мы, господин Хиро-Мацу? – ответил Ябу. – Разве мы не заботимся о безопасности господина Торанага? Разве это не обязанность его союзников и вассалов?

– Да.

– Все, что должен сделать господин Торанага, – это выиграть одно большое сражение. Это даст ему головы всех его врагов – и власть. Я говорю, что такая стратегия принесет ему победу.

– А я говорю – нет. Это плохой план и подлый.

Ябу повернулся к Торанаге.

– Новая эра требует переосмысления понятия чести.

Морская чайка парила у них над головами.

– Что сказал о вашем плане Ишидо? – спросил Торанага.

– Я не обсуждал с ним этого.

– Почему? Если вы считаете, что ваш план ценен для меня, он одинаково важен и для него. Может быть, даже больше.

– Вы подарили мне рассвет. Вы не крестьянин, как Ишидо. Вы самый мудрый, самый опытный вождь в империи.

«Какова же настоящая причина? – спрашивал себя Торанага. – Или он сказал и Ишидо то же самое?»

– Если этот план выполнять, то половина людей будет ваша, а половина моя?
– Согласен. Я буду командовать ими.
– А мой человек будет вашим заместителем.
– Согласен. Мне нужен Анджин-сан, чтобы обучать моих людей обращаться с ружьями и пушками.

– Но он останется моей собственностью на все время, и вы будете беречь его так же, как и наследника? Вы будете полностью отвечать за него и обращаться с ним точно так, как я скажу?

– Согласен.

Торанага какой-то момент наблюдал за розовыми облаками. «Этот план – чистый вздор, – подумал он. – Я сам объявлю план «Малиновое небо» и нанесу удар по Киото всеми моими войсками. Сто тысяч против десятикратного превосходства».

– Кто будет переводчиком? Я не могу навсегда отдать Тода Марико-сан.

– На несколько недель, господин? Я вижу, что чужеземец усваивает наш язык.

– Это займет годы. Единственные чужеземцы, которые когда-либо овладевали языком, – это христианские священники, не так ли? Они тратят на это годы. Тсукку-сан провел здесь тридцать лет, правда? Он не научился говорить достаточно быстро, тем более мы не выучим их противные языки.

– Да. Но я обещаю вам, этот Анджин-сан выучится очень быстро, – Ябу рассказал им план, предложенный ему Оми, так, как если бы это была его собственная идея.

– Это может быть слишком опасно.

– Это заставит его быстро выучить язык, не так ли? И потом он приручен.

После паузы Торанага спросил:

– Как вы сможете держать подготовку в тайне?

– Изу – полуостров, там прекрасно можно сохранить все в секрете. Я обоснуюсь около Анджино, южнее и в стороне от Мишимы и границы для большей безопасности.

– Хорошо. Мы сразу же устроим сообщение с помощью голубиной почты между Анджино и Осакой и Эдо.

– Превосходно. Мне нужно только пять или шесть месяцев.

– Нам повезет, если у нас будет шесть дней! – фыркнул Хиро-Мацу, – Вы говорите, что ваша тайная шпионская сеть распалась, Ябу-сан? Конечно, вы получали донесения? Разве Ишидо не мобилизуется? Оноши не мобилизуется? Разве мы не заперты здесь?

Ябу не ответил.

– Ну? – спросил Торанага. Ябу сказал:

– Отчеты показывают, что все это происходит, и даже более того. Если шесть дней, то шесть дней, и такова, значит, карма. Но я верю, вы много умнее, чтобы так попасться здесь в ловушку. Или быть втянутым в войну так быстро.

– Если я соглашусь с вашим планом, вы согласитесь считать меня своим вождем?

– Да. И когда вы победите, я буду считать за честь принять Сурагу и Тотоми навечно в свои владения.

– Тотоми будет зависеть от успеха вашего плана.

– Согласен.

– Вы будете повиноваться мне? При всей вашей гордости?

– Да. Клянусь Бусидо, властелином Буддой, жизнью моей матери и моим потомством.

– Хорошо, – сказал Торанага. – Давайте помочимся в знак заключения договора.

Он подошел к краю зубчатой стены, наступил на край амбразуры, потом на сам парапет. В семидесяти футах под ними находился внутренний садик. Хиро-Мацу затаил дыхание, пораженный бравадой своего хозяина. Он видел, как тот повернулся и жестом пригласил Ябу встать рядом. Ябу повиновался. Малейшее прикосновение могло привести к тому, что они, кувыркаясь, полетят навстречу смерти.

Торанага отвел в сторону кимоно и набедренную повязку, Ябу сделал то же. Они вместе помочились и смешали свою мочу, следя, как она летит в садик под ними.

– Последний договор, который я скреплял таким образом, был с самим Тайко, – сказал Торанага, очень обрадованный тем, что опустошил свой мочевого пузырь. – Это было, когда он решил дать мне Кванто, Восемь Провинций в мое владение. Конечно, в это время враждебный ему Ходзе еще владел ими, так что сначала я должен был завоевать их. Там была последняя оставшаяся оппозиция. Я, конечно, также должен был отдать свои наследственные владения в Имагаве, Овари и Изу сразу же из уважения. Даже при этом я согласился, и мы помочились в честь этого договора. – Он удобно стоял на парапете, широко расставив ноги, расправляя набедренную повязку, как если бы стоял у себя в саду, не возвышаясь, как орел, на такой высоте, – Это была хорошая сделка для нас обоих. Мы захватили Ходзе и отрубили пять тысяч голов в течение года. Уничтожили их и все их отродье. Может быть, вы и правы, Касиги Ябу-сан. Может быть, вы можете помочь мне, как я помог Тайко. Без меня Тайко никогда бы не стал Тайко.

– Я могу помочь вам стать единовластным регентом, Торанага-сама. Но не сегуном.

– Конечно. Это та единственная честь, к которой я не стремлюсь, как бы ни утверждали это мои враги, – Торанага спрыгнул на безопасное место на каменных ступенях. Он оглянулся назад на Ябу, который все еще стоял на узком парапете, поправляя свой пояс. Ему до боли хотелось дать ему пинка за его высокомерие. Вместо этого он сел и громко выпустил ветры. – Вот так-то лучше. Как твой мочевого пузырь. Железный Кулак?

– Измучен, господин, очень измучен. – Старик отошел в сторону и с благодарностью опорожнил мочевого пузырь через зубчатую стену, но не там, где стояли Торанага и Ябу. Он был очень рад, что не скрепил договор с Ябу тоже. «Этим договором я никогда не буду гордиться. Никогда».

– Ябу-сан, все это должно держаться в секрете. Я думаю, вам следует уехать в течение двух-трех дней, – сказал Торанага.

– Да. С ружьями и чужеземцем, Торанага-сама?

– Да. Вы поедете морем, – Торанага посмотрел на Хиро-Мацу, – Приготовьте галеру.

– Корабль готов. Ружья и порох все еще в трюмах, – ответил Хиро-Мацу, его лицо выражало неодобрение.

– Хорошо.

«Ты сделаешь это, – хотел крикнуть Ябу. – Ты получишь ружья, Анджин-сана, все. Ты получишь свои шесть месяцев. Торанага ни за что не начнет войну сразу. Даже если Ишидо убьет его через несколько дней, ты все равно получишь все. О, Будда, сохрани Торанагу, пока я не выйду в море.»

– Спасибо, – сказал он, его искренность была неподдельна, – Вы никогда не имели более верного союзника.

Когда Ябу ушел, Хиро-Мацу повернулся к Торанаге.

– Это плохой план. Мне стыдно за этот ваш договор. Я стыжусь, что с моим советом так мало считаются. Очевидно, я перестал быть вам полезен и очень устал. Это маленькое надутое дерьмо, этот дайме знает, что он обращается с вами как с марионеткой. У него даже хватило наглости носить меч Мурасами в вашем присутствии.

– Я заметил, – сказал Торанага.

– Я думаю, боги заколдовали вас, господин. Вы открыто допускаете такое оскорбление и позволяете Ишидо позорить вас перед всеми нами. Вы препятствуете мне и всем нам защищать вас. Вы отказываете моей внучке, жене самурая, в чести и спокойной смерти. Вы потеряли власть над Советом, ваши враги командуют вами, и вы скрепляете мочой важный договор, самый позорный из всех, о которых я когда-либо слышал, и делаете это с человеком, который замешан в бесчестье, отравлении и измене, как до этого его отец. – Хиро-Мацу трясло от гнева. Торанага не отвечал, просто спокойно смотрел на него, как будто он ничего не говорил. – Клянусь всеми ками, живыми и мертвыми, вы околдованы. – Хиро-Мацу взорвался: – Я спрашиваю вас – и кричу, и оскорбляю вас, а вы только смотрите на меня! Или вы, или я сошли с ума. Я прошу разрешения совершить сеппуку или, если вы не позволите, я обрею себе голову и стану монахом – все, что угодно, только позвольте мне

уйти.

– Вы ничего такого не сделаете. Но пошлете за чужеземным священником, Тсукку-саном.

Глава Девятнадцатая

Отец Алвито спустился с холма во главе своей обычной свиты новообращенных монахов-иезуитов. Все они были одеты как буддийские священники, если не считать повешенных на поясе четок и распятия. Новообращенных было сорок человек, все законнорожденные сыновья самураев-христиан, это были студенты семинарии, которые сопровождали его в Осаку. Юноши были на хороших лошадях под чепраками и вели себя дисциплинированно, как свита любого дайме.

Отец Алвито ехал резвой рысью, задумавшись под теплым солнцем, через парки, городские улицы, направляясь к миссии иезуитов, большому каменному дому, построенному в европейском стиле, который стоял около причалов и возвышался над тесно стоящими дворовыми постройками, складами и магазинами, где торговали или обменивали осакские шелка.

Кортеж простучал копытами через высокие железные ворота в каменных стенах и, оказавшись в мощеном центральном дворе, остановился около главной двери. Слуги уже ждали, чтобы помочь спешиться отцу Алвито. Он соскользнул с седла и бросил им поводья. Шпоры процокали по камням, по крытому переходу к главному зданию. Он завернул за угол, прошел мимо небольшой часовни и через арки во внутренний двор, где были фонтан и уютный садик. Дверь в прихожую была открыта. Алвито отогнал от себя тревогу, успокоился и вошел.

– Он один? – спросил Алвито.

– Нет, нет, он не один, Мартин, – сказал отец Солди. Это был маленький, добродушный, с оспинами уроженец Неаполя, почти тридцать лет бывший секретарем отца-инспектора. В Азии он провел двадцать пять лет. – У Его Святейшества адмирал Феррьера. Да, и с ними павлин. Но Его Святейшество сказал, чтобы вы сразу заходили. Что-нибудь случилось, Мартин?

– Ничего.

Солди что-то промычал и вернулся к затачиванию гусяного пера.

– Ничего, – сказал мудрый отец. – Ну, я скоро узнаю достаточно.

– Да, – сказал Алвито, любивший старика. Потом он подошел к дальней двери.

В камине горел огонь, освещая прекрасную старинную мебель, потемневшую от времени, хорошо отполированную и ухоженную. Небольшая картина Тинторетто «Мадонна с младенцем», которую отец-инспектор привез с собой из Рима, и которая всегда радовала Алвито, висела над камином.

– Вы опять встречались с англичанином? – окликнул его отец Солди.

Алвито не ответил, он стучался в дверь.

– Войдите.

Карло дель Аква, отец-инспектор Азии, личный представитель главы ордена иезуитов, самый главный иезуит и, таким образом, самый важный человек в Азии, был также и самым высоким: шести футов трех дюймов и соответствующей комплекции. Его одеяние было оранжевого цвета, крест изысканной красоты. У него была выбрита тонзура, волосы седые. Ему исполнился шестьдесят один год; по рождению он был неаполитанец.

– А, Мартин, входите, входите. Немного вина? – сказал он, говоря по-португальски с итальянской плавностью речи. – Вы видели англичанина?

– Нет, Ваше Святейшество, только Торанагу.

– Дело плохо?

– Да.

– Немного вина?

– Спасибо.

– Как плохо? – спросил Феррье́ра. У огня на обитом кожей стуле с высокой спинкой сидел капитан «Нао дель Трато», Черного Корабля этого года, худой, легкий и очень грозный. Ему было около тридцати пяти лет.

– Я думаю, очень плохо, капитан. Например, Торанага сказал, что торговля этого года может подождать.

– Очевидно, что торговля не может ждать, да и я тоже, – сказал Феррье́ра. – Я отплываю, когда начнется прилив.

– У вас нет таможенных разрешений. Боюсь, вам придется подождать.

– Я думал, все было оговорено месяцы тому назад, – Феррье́ра снова начал проклинать японские правила, которые требовали, чтобы все перевозки грузов, даже их собственные, имели разрешения на въезд и выезд. – Мы связаны глупыми правилами туземцев. Вы говорили, что эта встреча будет только формальностью – сбором документов.

– Так и должно было быть, но я ошибся. Может быть, мне лучше объяснить...

– Я должен немедленно вернуться в Макао, чтобы приготовить Черный Корабль. Мы уже отгрузили лучших шелков на миллион дукатов на февральскую ярмарку в Кантоне и повезем по крайней мере сто тысяч унций китайского золота. Я думаю, я ясно сказал, что каждое пенни торговцев в Макао и отцов города, которое можно было одолжить, вложено в это важнейшее дело года. И каждое ваше пенни.

– Мы так же, как и вы, осознаем важность этого дела, – наставительно сказал дель Аква.

– Извините, капитан, но Торанага – президент регентского совета, и принято являться к нему, – сказал Алвито, – Он не говорил о наших разрешениях или торговле в этом году, он не одобряет убийств.

– Кто не одобряет, отец? – спросил Феррье́ра.

– Что имеет в виду Торанага, Мартин? – спросил дель Аква. – Это какая-то хитрость? Убийство? Какое это имеет отношение к нам?

– Он сказал: «Почему вы, христиане, хотите убить моего пленника, кормчего?»

– Что?

– Торанага считает, что покушение прошлой ночью было сделано на англичанина, а не на него. Он также говорит, что было другое покушение в тюрьме, – Алвито не сводил глаз с солдата.

– В чем вы обвиняете меня, отец? – сказал Феррье́ра. – Покушение на убийство? Я? В Осацком замке? Я первый раз в Японии!

– Вы отрицаете, что вам что-либо известно?

– Я не отрицаю, что чем раньше умрет этот еретик, тем лучше, – холодно сказал Феррье́ра. – Если англичане и голландцы начнут распространять свою мерзость в Азии, нам будет много неприятностей. Всем нам.

– У нас уже неприятности, – сказал Алвито. – Торанага начал говорить, что он понял у англичанина, какие невероятные доходы получаются от португальской монополии на торговлю с Китаем, что португальцы чрезвычайно завышают цену на шелка, которые только они могут покупать в Китае, расплачиваясь единственным товаром, который китайцы принимают в обмен, – японским серебром, которое португальцы покупают по смехотворно низким ценам. Торанага сказал: «Поскольку отношения между Китаем и Японией враждебные и прямая торговля между нами запрещена, а португальцы одни имеют разрешение на торговлю, на обвинение в «злоупотреблениях» должно быть отвечено португальцами и письменно.» Он «приглашает» вас, Ваше Святейшество, дать отчет регентам об обменном курсе – шелк на шелк, шелк на серебро, золото на серебро. Он добавил, что он, конечно, не возражает, если мы получаем большие прибыли за счет Китая.

– Вы, конечно, откажетесь от такого возмутительного требования, – сказал Феррье́ра.

– Это очень трудно.

– Тогда дайте фальшивый отчет.

– Это создает опасность для всей нашей позиции, которая основывается на доверии, – сказал дель Аква.

– Вы можете доверять японцам? Конечно, нет. Наши доходы должны оставаться в тайне. Ох, этот проклятый Богом еретик!

– Я, к сожалению, должен сказать вам, что Блэксорн, кажется, особенно хорошо информирован. – Алвито непроизвольно посмотрел на дель Акву, его настороженность исчезла на мгновение.

Отец-инспектор ничего не сказал.

– Что еще говорил японец? – спросил Феррьера, делая вид, что не видел, как они обменялись взглядами, желая знать все, что они знают.

– Торанага просил меня дать ему завтра к полудню карту земного шара, показывающую линии раздела между Португалией и Испанией, имена пап, которые утвердили эти договоры, и их даты. В течение трех дней он «требуется» письменное объяснение всем нашим «завоеваниям» в Новом Свете и «чисто в моих собственных интересах» – это были его точные слова, – количество золота и серебра, вывезенного – он фактически использовал слова Блэксорна, – «награбленных», – в Испанию и Португалию из Нового Света. Он также требует другую карту, показывающую границы империй – Испании и Португалии сто лет назад и сегодня, вместе с точным положением основных баз от Малакки до Гоа – он назвал их все точно по порядку; они были выписаны на листке бумаги, – а также количество японских наемников, используемых нами на каждой из наших баз.

Дель Аква и Феррьера пришли в смятение.

– От этого необходимо отказаться наотрез, – прокричал солдат.

– Вы не можете отказать Торанаге, – сказал дель Аква.

– Я думаю, Ваше Преосвященство, вы слишком полагаетесь на его значение, – сказал Феррьера. – Мне кажется, что этот Торанага только еще один деспот среди многих, еще один из убийц-язычников, которого не стоит бояться. Откажите ему. Без нашего Черного Корабля рухнет вся их экономика. Они носят наши шелка, которые мы привозим из Китая. Без этого шелка у них не будет кимоно. Они должны вести торговлю с нами. Я говорю, да сдохни он от сифилиса. Мы можем торговать с христианскими правителями, как их там зовут? – Оноши и Кийяма – и другими христианскими правителями на Кюсю. В конце концов, там Нагасаки, мы там в силе, и вся торговля происходит там.

– Мы не можем, адмирал, – сказал дель Аква. – Вы первый раз в Японии, поэтому у вас нет никаких представлений о наших проблемах здесь. Да, они нуждаются в нас, но мы в них нуждаемся еще больше. Без расположения к нам со стороны Торанаги и Ишидо мы потеряем влияние на христианских правителей. Мы потеряем Нагасаки и все, что мы создали за пятьдесят лет. Это вы поторопились с покушением на этого еретика-кормчего?

– Я открыто сказал Родригесу и всем тем, кто мог слышать меня с самого начала, что англичанин был опасным пиратом, который влияет на всех, с кем он вступает в контакт, которого надо убрать любым возможным способом. Вы сказали то же самое, но другими словами, Ваше Преосвященство. Вы тоже, отец Алвито. Не к тому ли пришло и наше совещание с Оноши и Кийямой два дня назад? Вы не говорили, что этот пират был опасен?

– Да. Но...

– Отец, извините меня, но иногда работу Бога приходится делать солдатам, и у них получается лучше. Я должен сказать вам, что я был очень зол на Родригеса, который не инсценировал «несчастный случай» во время шторма. Он должен был знать это лучше всех нас! Ей-богу, смотрите, что этот дьявольский англичанин сделал с самим Родригесом! Бедный глупец благодарен ему за спасение его жизни, когда это самый простой трюк, чтобы завоевать его расположение. Разве Родригеса не обманули, когда он позволил еретiku-кормчему занять его место на юте, что, конечно, чуть не привело к гибели? Что касается покушения в замке, кто знает, что случилось? Этот японский трюк должен был быть заказан туземцами. Когда я буду планировать его убийство, вы можете быть уверены, что его

уберут.

Алвито потягивал вино.

– Торанага сказал, что он послал Блэксорна в Изу.

– Полуостров на востоке? – спросил Феррьера.

– Да.

– По суше или морем?

– На корабле.

– Хорошо. Тогда я с сожалением должен вам сказать, что в море в ужасный шторм все они могут погибнуть. Алвито холодно произнес:

– И я вынужден вам сказать, капитан, что Торанага сказал, – я передаю вам его точные слова: «Я поставлю вокруг кормчего личную охрану, Тсуку-сан, и если с ним произойдет какое-либо несчастье, оно будет расследовано всеми моими силами и силами всех регентов, и если случайно ответственными за это окажутся христиане или кто-то, хотя бы отдаленно связанный с христианами, возможно, будут пересмотрены указы об изгнании, и очень возможно, что все христианские церкви, школы, места отдыха будут немедленно закрыты».

Дель Аква сказал:

– Упаси Бог, чтобы это случилось.

– Блеф, – сказал Феррьера.

– Нет, вы не правы, адмирал. Торанага умен, как Макиавелли, и вероломен, как царь гуннов Аттила. – Алвито оглянулся на дель Аква. – Нас легко обвинить, если что-то случится с англичанином.

– Да.

– Может быть, нам стоит обратиться к источнику наших проблем? – прямо сказал Феррьера. – Удалить Торанагу.

– Не время для шуток, – сказал отец-инспектор.

– То, что прекрасно работало в Индии, Малайе, Бразилии, Перу, Мексике, Африке, на нашем материке и вообще везде, сработает и здесь. Я сам так делал в Малакке и Гоа дюжину раз с помощью японских наемников, а у меня никогда не было вашего влияния и ваших знаний. Мы используем правителей-христиан. Мы поможем одному из них удалить Торанагу, если он представляет собой опасность. Будет достаточно несколько сот конкистадоров. Разделяй и властвуй. Я свяжусь с Кийямой. Отец Алвито, если вы будете переводчиком...

– Вы не можете равнять японцев с индийцами или другими безграмотными дикарями типа инков. Вы не сможете разделять и властвовать над ними. Японцы не похожи на другие нации. Совсем не похожи, – устало сказал дель Аква. – Я должен официально просить вас, адмирал, не вмешиваться во внутреннюю политику этой страны.

– Я согласен. Пожалуйста, забудьте, что я сказал. Неделикатно и наивно быть таким открытым. К счастью, штормы обычны в это время года.

– Если будет шторм, все в руках Бога. Но вы не атакуете этого кормчего.

– О?

– Нет. И не прикажете кому-либо сделать это.

– Я должен уничтожать врагов моего короля. Англичане – враждебная нация. Паразит, пират, еретик. Если я решу, что его надо уничтожить, это моя работа. Я адмирал Черного Корабля этого года, – следовательно, губернатор Макао этого года с вице-королевскими полномочиями в этих водах на этот год, и если я хочу уничтожить его, или Торанагу, или еще кого-нибудь, я это сделаю.

– Тогда вы сделаете это вопреки моим приказам и, следовательно, рискуете немедленным отлучением от церкви.

– Это вне вашей юрисдикции. Это светский вопрос, а не духовный.

– Положение церкви здесь, к сожалению, так связано с политикой и с торговлей шелком, что все затрагивает безопасность церкви. И пока я живу, клянусь моей надеждой на спасение, никто здесь не будет подвергать опасности будущее матери-церкви!

– Спасибо, что вы так откровенно высказались, Ваше Преосвященство. Я поставлю себе цель стать более сведущим в японских делах.

– Думаю, что вы так и сделаете для нашей общей пользы. Христианство здесь терпят только потому, что все дайме абсолютно уверены, что если они выгонят нас и искоренят нашу веру, Черные Корабли никогда не вернутся обратно. Мы, иезуиты, чего-то добиваемся здесь и имеем влияние только потому, что мы одни говорим по-японски и по-португальски и можем переводить и представлять от их имени в торговых делах. К сожалению для веры, они не верят по-настоящему. Я уверен, что торговля будет продолжаться независимо от нашего положения и положения церкви, так как португальские торговцы более заинтересованы в своих собственных интересах, чем в служении нашему Господу.

– Может быть, собственные интересы церковников, которые хотят заставить нас – даже до того, чтобы просить у его преосвященства официальных полномочий, – вынудить нас плавать в любые порты, куда они решат, и торговать с любым дайме, которого они предпочтут независимо от опасностей, также очевидны!

– Вы забываетесь, адмирал!

– Я не забываю, что Черный Корабль последнего года пропал со всеми людьми между Японией и Малаккой с двумястами тоннами золота на борту и слитками серебра на пятьсот тысяч крусадо, после того как был без необходимости задержан до сезона плохой погоды по вашему личному требованию. Или что эта катастрофа почти разорила всех отсюда до Гоа.

– Это было необходимо из-за смерти Тайко и внутренней политики, связанной с передачей власти.

– Я не забыл, как вы просили три года назад вице-короля Гоа посылать Черный Корабль только в те порты, в которые вы решили. Но он отменил этот приказ как грубое вмешательство в его дела.

– Это был способ повлиять на Тайко, ввергнуть его в экономический кризис в разгар его глупой войны с Кореей и Китаем, за пытки, которые он учинил в Нагасаки, за его безумную атаку на церковь и указы об изгнании, которые он опубликовал, выдворяя нас всех из Японии. Если бы вы сотрудничали с нами, выполняли наши советы, вся Япония стала бы христианской через одно поколение! Что важнее – торговля или спасение душ?

– Мой ответ – спасение душ. Но так как вы просветили меня о японских делах, дайте мне изложить японский вопрос в правильной перспективе. Только серебро Японии дает доступ к китайскому шелку и китайскому золоту. Громадные доходы, которые мы здесь получаем, переправляем затем в Малакку и Гоа и оттуда в Лиссабон, обеспечивают поддержку всех владений в Азии, всех фортов, всех миссий, всех экспедиций, всех миссионеров, всех открытий и покрывают траты на большинство, если не на все события, происходящие в Европе, не дают еретикам победить нас и не пускают их в Азию, которая дала бы им все средства, необходимые, чтобы погубить нас и нашу веру на родине. Что более важно, отец, – испанское, португальское и итальянское христианство или японское христианство?

Дель Аква посмотрел вниз на солдата.

– Раз и навсегда предупреждаю: никогда не вмешивайтесь здесь во внутреннюю политику!

Из огня выпал уголек и затрещал на ковре. Феррьера, оказавшийся ближе всех, отпихнул его ногой в безопасное место.

– И если я соглашусь, что вы предлагаете делать с еретиком? Или Торанагой?

Дель Аква сел, считая, что он выиграл.

– В настоящий момент я не знаю. Но даже думать об удалении Торанаги смешно. Он очень симпатизирует нам и очень приветствует расширение торговли, – его голос стал более уничтожающим, – и, следовательно, увеличение ваших доходов.

– И ваших доходов, – сказал Феррьера, возвращая удар.

– Наши доходы идут на работу для нашего Господа Бога. Как вы хорошо знаете – Дель Аква устало налил еще вина, предложил его успокаивающим жестом.

– Ну, Феррьера, давайте не будем ссориться из-за этого. Это дело еретика – ужасно, да. Но ссоры бесполезны. Нам нужен ваш совет, и ваш ум, и ваша сила. Вы можете поверить мне, Торанага необходим нам. Без его сдерживания других регентов вся эта страна вернется опять к анархии.

– Да, это верно, – сказал Алвито. – Но я не понимаю, почему он еще в замке и согласился отложить совещание. Невероятно, чтобы его перехитрили. Он, конечно, должен знать, что Осака заперта лучше, чем ревнивый крестоносец запирает пояс целомудрия. Он должен был уже уехать.

Феррьера сказал:

– Если это важно, зачем поддерживать Оноши и Кийяму? Разве эти двое не объединились с Ишидо против него? Почему вы им не отсоветуете? Это обсуждалось только два дня назад.

– Они сказали нам о своем решении, адмирал. Мы не обсуждали его.

– Тогда, может быть, вам и следовало бы это сделать. Ваше Преосвященство. Если это так важно, почему не запретить им это? Под страхом смерти.

Дель Аква вздохнул:

– Хотел бы я, чтобы это было так просто. Такие вещи в Японии не делаются. Они ненавидят вмешательство в их внутренние дела. Даже предложение с вашей стороны должно быть сделано с чрезвычайной деликатностью.

Феррьера осушил свой серебряный кубок и налил еще вина, успокоился, зная, что он нуждается в иезуитах, что без них как переводчиков он беспомощен. «Ты должен успешно провести плавание, – сказал он себе, – Ты служил и потел одиннадцать лет на службе у короля и двадцать раз заслужил за преданную службу самый богатый приз, который он в силах дать, – командование ежегодным Черным Кораблем на один год и десятую часть, которую дает это звание, десятую часть всего шелка, всего золота, всего серебра и всех доходов от каждой сделки. Ты разбогатеешь сейчас на всю жизнь, на тридцать жизней, если они у тебя будут, и все от одного плавания. Если ты его выдержишь».

Рука Феррьеры опустилась на ручку рапиры, на серебряный крест, который образовывал участок серебряной филигрании.

– Клянусь кровью Христа, мой Черный Корабль вовремя отплывет из Макао в Нагасаки и потом, с самым дорогим грузом, который был когда-либо на корабле в истории, он в ноябре с муссонами отправится на юг в Гоа и оттуда домой! Христос мне судья, я собираюсь это сделать.

И он добавил про себя: «Даже если я должен буду для этого сжечь всю Японию, и все Макао, и весь Китай, клянусь Мадонной!»

– Наши молитвы с вами, конечно, – ответил дель Аква, имея это в виду. – Мы знаем о важности вашего плавания.

– Тогда что вы предлагаете? Без таможенных документов и разрешения на торговлю я не могу. Мы не можем избежать регентов? Может быть, есть другой путь?

Дель Аква покачал головой.

– Мартин? Ты наш торговый эксперт.

– Извините, но это невозможно, – сказал Алвито. Он слушал с еле сдерживаемым негодованием. «Плохо воспитанный, высокомерный, безродный кретин, – думал он, потом тут же: – О, Боже, дай мне терпения, так как без этого человека и других таких же церковь здесь погибнет». – Я уверен, что в течение дня или двух, адмирал, все будет оформлено. Неделя в крайнем случае. У Торанаги в настоящий момент очень серьезные проблемы. Все будет хорошо, я уверен.

– Я подожду неделю, но не больше. – Скрытая угроза в тоне Феррьеры была пугающей. – Мне хотелось бы добраться до этого еретика. Я бы вырвал из него правду. Торанага не говорил ничего о предполагаемом приходе эскадры? Вражеской эскадры?

– Нет.

– Мне хотелось бы знать истинное положение вещей, потому что при возвращении мой

корабль будет барахтаться, как жирная свинья, в его трюмах будет набито больше шелку, чем когда-либо раньше посылалось за один раз. Мы будем на одном из самых больших кораблей в мире, но я буду без эскорта, так что если хоть один вражеский фрегат застанет нас в море – или эта голландская проститутка, «Эразмус», – мы окажемся в его руках. Он без какого-либо труда заставит меня спустить португальский флаг. Англичанину лучше бы не быть на своем корабле в море, с его ружьями, пушками и залпами всем бортом.

– И веро и соламенте веро, – пробормотал дель Аква.

Феррьера допил свое вино.

– Когда Блэксорна отправляют в Изу?

– Торанага этого не сказал, – ответил Алвито. – У меня создалось впечатление, что скоро.

– Сегодня?

– Я не знаю. Теперь регенты встретятся через четыре дня. Я решил, что после этого.

Дель Аква сказал со значением:

– Блэксорна трогать нельзя. Ни его, ни Торанагу.

Феррьера встал.

– Я вернусь на корабль. Вы поужинаете с нами? Вы оба? Вечером? Есть прекрасный каплун, мясо и вино с Мадейры, даже немного свежего хлеба.

– Спасибо, вы очень любезны. – Дель Аква несколько оживился. – Да, немного хорошей еды не помешало бы. Вы очень добры.

– Вы будете сразу же информированы, как только я что-то узнаю от Торанаги, адмирал, – сказал Алвито.

– Спасибо.

Когда Феррьера ушел и отец-инспектор удостоверился, что его и Алвито не подслушивают, он сказал тревожно:

– Мартин, что еще говорит Торанага?

– Он хотел объяснения, в письменном виде, об инциденте со стрельбой из ружей и по поводу просьбы о присылке конкистадоров.

– Мама миа...

– Торанага был дружелюбен, даже мягок, но... но я никогда не видел его таким раньше.

– Что точно он сказал?

– Я понимаю так, Тсукку-сан, что предыдущий глава ордена христиан, отец да Кунха, написал губернаторам Макао, Гоа и испанскому вице-королю в Маниле, дону Диско-и-Вивера в июле 1558 года по вашему летосчислению, письмо с просьбой прислать несколько сотен испанских солдат с огнестрельным оружием, чтобы поддержать дайме-христиан в мятеже, который главный христианский священник пытался устроить против их законного сюзерена, моего покойного господина Тайко. Кто были эти дайме? Это правда, что солдат не послали, но в Нагасаки было тайно переправлено из Макао большое количество ружей с вашими христианскими клеймами? Верно ли, что потом он тайно захватил эти ружья, когда вернулся в Японию во второй раз как посол из Гоа, в марте или апреле 1590 года по вашему летосчислению, и тайно переправил их из Нагасаки на португальском корабле «Санта-Круз» обратно в Макао? – Алвито вытер пот с рук.

– Он сказал что-нибудь еще?

– Ничего важного, Ваше Преосвященство. У меня не было возможности объяснить – он сразу же отпустил меня. Расставание было вежливым, но все-таки он меня выставил.

– От кого этот проклятый англичанин получил свою информацию? Хотел бы я это знать?

– Эти даты и имена. Вы не ошибаетесь? Он произнес их именно так?

– Нет, Ваше Преосвященство. Имена были написаны на кусочке бумаги. Он показал его мне.

– Почерк Блэксорна?

– Нет. Имена были воспроизведены фонетически на японском, в виде хирагана.

– Мы должны установить, кто переводил для Торанаги. Этот переводчик очень хороший. Конечно, никто из наших? Это не может быть брат Мануэль, нет? – спросил он с горечью, называя христианское имя Масаману Дзиро. Дзиро был сын самурая-христианина, который с детства воспитывался иезуитами и, будучи умным и преданным, был выбран для поступления в семинарию, чтобы подготовиться на настоящего священника четырех обетов, таких среди японцев еще не было. Дзиро был в обществе двадцать лет, потом, совершенно неожиданно, он оставил его перед посвящением в духовный сан и теперь стал неистовым противником церкви.

– Нет. Мануэль все еще на Кюсю, может быть, он веки вечные будет гореть в аду. Он все еще яростный враг Торанаги, он никогда не будет помогать ему. К счастью, он никогда не участвовал ни в каких политических делах. Переводчицей была госпожа Мария, – сказал Алвито, используя христианское имя Тода Марико.

– Вам это сказал Торанага?

– Нет, Ваше Преосвященство. Но я случайно узнал, что она посещала замок и ее видели с англичанином.

– Вы уверены?

– Наша информация абсолютно точна.

– Хорошо, – сказал дель Аква. – Может быть, Бог поможет нам одним из своих неисповедимых способов. Пошлите за ней сейчас же.

– Я уже видел ее. Я постарался сделать это как бы случайно. Она была великолепна, как всегда, почтительна, благочестива, как всегда, но решительно все опровергла заранее, прежде чем я получил возможность спросить ее. Конечно, империя очень скрытная страна, отец, и некоторые вещи по обычаю должны оставаться в тайне. В Португалии и в обществе иезуитов то же самое, не так ли?

– Вы ее исповедник?

– Да. Но она не сказала больше ничего.

– Почему?

– Очевидно, она была предупреждена, и ей было запрещено обсуждать, что случилось и о чем говорилось. Я знаю их слишком хорошо. В этом влияние Торанаги больше, чем наше.

– Ее вера так слаба? Наша подготовка этой женщины оказалась такой незначительной? Конечно, нет. Она такая же преданная и такая же хорошая христианка, как многие женщины, которых я встречал. Однажды она станет монахиней – может быть, даже первой японской настоятельницей монастыря.

– Да. Но она ничего не скажет сейчас.

– Церковь находится в опасности. Это важно, может быть, слишком важно, – сказал дель Аква. – Она должна понимать это. Она слишком умна, чтобы не понимать этого.

– Я прошу вас не подвергать ее веру такому испытанию. Мы должны простить это. Она предупредила меня. Она сказала это так ясно, как если бы написала.

– Может быть, стоит устроить ей испытание. Для ее собственного спасения.

– Это вам решать, приказывать или не приказывать. Но я боюсь, что она должна повиноваться Торанаге, а не нам.

– Я буду думать о Марии. Да, – сказал дель Аква. Он опустил глаза вниз, к камину, тяжесть его кабинета давила на него. Бедная Мария! Этот проклятый еретик! Как нам избежать ловушки? Как нам скрыть правду о ружьях? Как мог игумен и вице-губернатор, такой, как да Кунха, который был так хорошо подготовлен, имел такой опыт, семь лет практической работы в Макао и Японии, – как мог он сделать такую ужасную ошибку?

– Как? – спросил он пламя.

«Я могу ответить», – сказал он себе. Это слишком легко. Вы запаниковали, или вы забыли о божьей славе, или переполнились гордостью и высокомерием, или ошеломлены. А кто бы выдержал в таких условиях? Быть принятым на закате Тайко с особой благосклонностью, на триумфальной встрече, с помпой и всеми церемониями – почти как акт раскаяния со стороны Тайко, который явно был на пути к переходу в христианство. А

потом быть разбуженным в середине той же самой ночи указами Тайко, заявляющими, что все религиозные ордена должны быть высланы из Японии в течение двадцати дней под страхом смерти, никогда не возвращаться в страну и, что еще хуже, все новообращенные в стране должны сразу же отречься, или они подлежат высылке или смертной казни.

Движимый отчаянием, игумен дал дикий совет дайме-христианам на острове Кюсю – Оноши, Мисахи, Кийяме и Хариме в Нагасаки – поднять восстание, чтобы спасти церковь, и написал безумное письмо, прося прислать конкистадоров, чтобы устроить переворот.

Огонь трещал и плясал на железной решетке. «Да, все верно, – подумал дель Аква. – Если бы только я знал, если бы да Кунха сначала проконсультировался со мной. Но как он мог? Шесть месяцев шло письмо в Гоа, и может быть, еще шесть месяцев шел ответ. Да Кунха написал немедленно, но он был игумен, и это он должен был сразу же справиться с этим несчастьем».

Хотя дель Аква отправился немедленно после получения письма, с поспешно приготовленными мандатами от вице-короля Гоа, потребовалось несколько месяцев, чтобы доплыть до Макао и там узнать, что да Кунха мертв и всем святым отцам запрещено появляться в Японии под страхом смерти.

Но ружья уже привезли.

Потом, через десять недель, пришли известия, что церкви в Японии уничтожены не были, что Тайко не ввел в действие свои новые законы. Было сожжено только пятьдесят церквей. Был уничтожен только Тахайяма. И просочилось известие, что, хотя указы официально останутся в силе, Тайко готовится разрешить оставить все как есть при условии, что святые отцы будут менее ревностны в своих крещениях новообращенных, что новообращенных будет меньше и что они хорошо будут себя вести, без шумных общественных молений или демонстраций и без сжигания буддийских церквей фанатиками.

Потом, когда тяжелые испытания, казалось, пришли к концу, дель Аква вспомнил, что ружья для игумена да Кунха доставлены всего несколько недель назад и что они все еще лежат на складе иезуитов в Нагасаки.

Последовало еще несколько недель бешеных усилий, пока ружья не были тайно переправлены обратно в Макао – да, с моей печатью на этот раз, напомнил себе дель Аква, надеясь, что тайна похоронена навеки. Но такие тайны никогда не оставляют вас в мире, как бы вы этого ни хотели и ни молились об этом.

Как много знает этот еретик?

Более чем час Его Преосвященство сидел без движения в своем кожаном кресле с высокой спинкой, глядя невидящими глазами в огонь. Алвито терпеливо ждал около книжного шкафа, сложив руки на коленях. Солнечные лучи ушли с серебряного распятия на стене за спиной отца-инспектора. На одной боковой стене висела маленькая картина, написанная маслом венецианским художником Тицианом, которую дель Аква купил молодым в Падуе, куда отец послал его учиться юриспруденции. Другая стена была уставлена его библиями и другими книгами на латыни, португальском, итальянском и испанском и оттисками печатного станка общества, работающего в Нагасаки, который он заказал и привез сюда за огромную цену из Гоа десять лет назад. Две полки японских книг и брошюр: церковные книги и катехизисы всех сортов, переведенные с помощью тяжелого труда на японский язык иезуитами, работы, переведенные с японского на латынь, чтобы помочь японским последователям христианства выучить этот язык, и, наконец, две небольшие книжечки, которые не имели цены: первая португальско-японская грамматика, итог всей жизни отца Санчо Альвареса, отпечатанная шесть лет назад, и ее спутник, бесподобный португальско-латинско-японский словарь, отпечатанный в прошлом году романскими буквами и шрифтом хирагана. Эта работа началась двадцать лет назад по его приказу, первый словарь японских слов, когда-либо составлявшийся.

Отец Алвито поднял книгу и любовно погладил ее. Он знал, что это было уникальное произведение искусства. Восемнадцать лет он сам составлял такую книгу, и она еще не была готова. Но его книга должна быть словарем с примечаниями, намного более детальными –

почти введение в японский язык и в Японию, и он знал без лишнего тщеславия, что, если он сможет ее закончить, это будет произведение мастера, сравнимое с работой отца Альвареса, что если его имя когда и вспомнят, то это будет связано с его книгой и отцом-инспектором, который был единственным отцом, которого он знал.

– Ты хочешь покинуть Португалию, мой сын, и присоединиться к служащим Богу? – спросил его главный иезуит в первый день, когда они встретились.

– О да, пожалуйста, отец, – ответил он, подняв к нему голову и отчаянно этого желая.

– Сколько тебе лет, сын мой?

– Не знаю, отче, может быть, десять, может быть, одиннадцать, но я могу читать и писать, священник научил меня, я один, у меня нет родных, я ничего не имею...

Дель Аква взял его в Гоа, оттуда в Нагасаки, где он вступил в семинарию общества Иисуса, – самый молодой европеец в Азии, наконец-то нашедший свое пристанище. Потом обнаружился чудесный дар к языкам и он приобрел репутацию хорошего переводчика и торгового советника, первого при Хариме Тадао, дайме надела Хизен на Кюсю, где лежит Нагасаки, а через какое-то время – и при самом Тайко. Он был посвящен в духовный сан и позже даже добился привилегий четвертого обета. Это был специальный обет над обычными обетами нищеты, воздержания и послушания, разрешаемый только элите иезуитов, обет послушания лично папе, – быть его личным оружием для работы во славу Бога, идти туда, куда укажет лично папа, и делать что захочет лично он, стать, как основатель общества баскский солдат Лойола, посвященным, одним из членов режимной воинствующей еkkлeсии, одним из обученных, специальных тайных солдат Бога у его избранника на земле викария Христа.

«Мне так повезло, – подумал Алвито. – О, Боже, помоги мне выдержать».

Наконец дель Аква встал, расправил затекшие члены и подошел к окну. Солнце отражалось от позолоченных черепиц, от устремленной ввысь центральной башни замка, странно элегантного здания, выпячивающего свою прочность. «Замок дьявола, – подумал он. – Сколько времени он простоит, напоминая каждому одного из нас? Только пятнадцать – нет, семнадцать лет назад Тайко назначил четыреста тысяч солдат строить и рыть и обескровил страну, чтобы оплатить все это, этот памятник ему, и через два коротких года Осацкий замок был построен. Невероятный человек! Невероятный народ! И вот он стоит, неприступный. Исключая перст Божий, который он может усмирить в один момент, если пожелает. О, Боже, помоги мне выполнить твою волю».

– Ну, Мартин, у нас, кажется, появилась работа. – Дель Аква начал ходить взад-вперед, голос его стал твердым, как и его походка. – Об английском кормчме: если мы не защитим его, он будет убит, и мы рискуем потерять расположение Торанаги. Если мы сможем защитить его, он скоро повесится сам. Но можем ли мы ждать? Его существование угрожает нам, и не стоит говорить, как много вреда он может принести до этого счастливого дня. Или мы можем помочь Торанаге удалить его. Или, наконец, мы можем обратить его в свою веру.

Алвито вспыхнул:

– Что?

– Он умен, очень много знает о католицизме. Разве большинство англичан не католики в своей душе? Ответ – да, если их король или королева католики, и нет, если он или она протестанты. Англичане очень безразличны в вопросах религии. Они фанатично настроены против нас в данный момент, но это не из-за Армады ли? Может быть, Блэксорн может быть обращен в нашу религию. Это было бы идеальным решением вопроса, к славе Божьей, и спасло бы его еретическую душу от проклятия, к которому он идет.

Дальше Торанага. Мы дадим ему карты, какие он хочет. Объясним о «сферах влияния». Разве эти демаркационные линии не были проведены, чтобы разделить влияние португальцев и их испанских друзей? Скажи ему, что по другим важным вопросам я лично буду считать за честь подготовить их для него и передам ему как можно скорее. Поскольку я должен буду проверить эти факты в Макао, не будет ли он любезен дать достаточно большую отсрочку? И тут же, на одном дыхании скажи: ты рад сообщить ему, что Черный

Корабль отплывет на три недели раньше с самым большим грузом шелка и золота, которые когда-либо перевозили, что наша часть груза и... – Он задумался на мгновение. – И по крайней мере тридцать процентов всего груза будут проданы через лично назначенного Торанагой купца.

– Ваше Преосвященство, адмирал не обрадуется раннему выходу, и ему не понравится...

– Вашей обязанностью будет немедленно получить от Торанаги документы на отплытие Феррьеры. Ступайте и навестите его сразу же, передайте ему мой ответ. Пусть он поразится нашей оперативности, разве это не одно из качеств, которыми он восхищается. Получив документ на выход, Феррьера простит небольшое отклонение во времени – раннее прибытие в сезоне, а что касается купца, какое дело адмиралу до этих туземцев? Он все равно получит свою долю прибыли.

– Но господа Оноши, Кийяма и Харима обычно делят между собой комиссионные за совершение сделок.

– Я не знаю, согласятся ли они.

– Тогда решите эту проблему. На таких условиях Торанага согласится на отсрочку.

– Единственная концессия, в которой он нуждается, – это власть, влияние и деньги. Что мы можем дать ему? Мы не можем отдать ему дайме-христиан. Мы...

– Да, – сказал Алвито.

– Даже если бы мы могли повлиять, я не знаю, чего бы мы хотели. Оноши и Кийяма злейшие враги, но они объединились против Торанага, потому что уверены, что он уничтожит церковь – и их, – если он когда-нибудь получит контроль над Советом.

– Торанага поддержит церковь. Наш реальный враг – Ишидо.

– Я не разделяю вашей уверенности, Мартин. Мы не должны забывать, что так как Оноши и Кийяма христиане, все их сторонники христиане, а их десятки тысяч. Мы не можем обидеть их. Единственная уступка, которую мы можем дать Торанаге, это что-то связанное с торговлей. Он фанатик торговли, но он никогда не будет заниматься ею сам. Так что уступка, которую я предлагаю, может склонить его дать отсрочку, которую мы можем, видимо, продлить до постоянной. Вы знаете, как японцы любят эту форму решения – положить большое бревно, которое обе стороны как бы не замечают, не так ли?

– На мой взгляд, политически неразумно господам Оноши и Кийяме идти сейчас против Торанаги. Они должны следовать старой поговорке о поддержании линии отступления открытой, правда? Я могу предложить им предоставление Торанаге двадцати пяти процентов – тогда каждый будет иметь равные доли – Оноши, Кийяма, Харима и Торанага, это будет небольшой уступкой для смягчения влияния их «временного» объединения с Ишидо против него.

– Тогда Ишидо будет не доверять им и возненавидит нас даже больше, чем когда он обнаружит это.

– Ишидо и теперь безмерно ненавидит нас. Ишидо не доверяет им больше, чем они не доверяют ему, а мы не знаем еще, почему они приняли его сторону. При согласии между Оноши и Кийямой мы можем формально сделать предложение, как если бы это была только наша идея сохранять беспристрастность между Ишидо и Торанагой. Мы можем тайно сообщить Торанаге об их великодушии.

Дель Аква рассмотрел все достоинства и недостатки этого плана.

– Превосходно, – сказал он наконец. – Давайте действовать. Теперь с этим еретиком. Отдайте его морские журналы сегодня же Торанаге. Сразу же пойдите к Торанаге. Скажите ему, что они были присланы нам секретно.

– Как я должен объяснить ему отсрочку в их возвращении?

– Вы и не должны. Просто скажите правду: они были доставлены Родригесом, но никто из нас не понял, что в запечатанном пакете лежат пропавшие бумаги. Действительно, мы не открывали их два дня. Их просто забыли в суматохе с этим еретиком. Журналы доказывают, что Блэксорн был пиратом, вором и убийцей. Его собственные слова раз и навсегда откроют,

кто он такой и что его наверняка ждет правосудие. Скажите Торанаге правду – что Мура дал их отцу Себастьяну, как на самом деле и произошло, который послал их нам, зная, что нам известно, что с ними делать. Это обезопасит Муру, отца Себастьяна, всех. Мы сообщим Муре голубиной почтой, что произошло. Я уверен, Торанага поймет, что мы всеми силами соблюдали его интересы, а не Ябу. Он знает, что Ябу заключил соглашение с Ишидо?

– Я сказал вполне определенно. Ваше Преосвященство. Но ходят слухи, что Торанага и Ябу теперь подружились.

– Я не доверяю этому сатанинскому отродью.

– Я уверен, что Торанага тоже. Никто не сделал больше заговоров против него, чем Ябу.

Их неожиданно отвлекли звуки, сопровождающие ссору за дверью. Дверь открылась, и монах с накинутым капюшоном вошел босиком в комнату, отмахиваясь от отца Солди.

– Благословение Иисуса Христа на вас, – сказал он, его голос прерывался от злости. – Он может простить вам ваши грехи.

– Брат Перес, что вы здесь делаете? – взорвался дель Алвито.

– Я пришел в эту помойную яму Земли, чтобы снова нести этим неверным слово Божье.

– Но вы попадете под действие указа, запрещающего вам возвращаться сюда под угрозой немедленной смертной казни за организацию мятежа. Вы чудом избежали казни в Нагасаки, и вам было предписано...

– Это была Божья воля, и мерзкий языческий указ мертвого маньяка ничего не может сделать со мной, – сказал монах. Это был низенький, худой испанец с длинной неопрятной бородой. – Я здесь, чтобы продолжить дело Божье, – Он взглянул на отца Алвито. – Как торговля, отец?

– К счастью для Испании, очень хорошо, – холодно ответил Алвито.

– Я не трачу время на подсчет доходов, отец. Я трачу его на свою паству.

– Это похвально, – резко сказал дель Аква. – Но тратьте его там, где указал папа, – за пределами Японии. Это исключительно наша провинция. И это португальская, а не испанская территория. Должен ли я напомнить вам, что три папы приказали всем верующим всех исповеданий покинуть Японию, кроме нас? Король Филипп также издал такой указ.

– Поберегите свои легкие, Ваше Преосвященство. Дело Бога выше земных приказов. Я вернулся, и я распахну двери церквей и буду призывать толпы народа подняться против безбожников.

– Сколько раз вас можно предупреждать? Вы не можете вести себя в Японии как в протекторате инков, населенном дикарями из джунглей, у которых не было ни истории, ни культуры. Я запрещаю вам проповедовать и настаиваю, чтобы вы повиновались указам Его Святейшества.

– Мы будем обращать неверных. Слушайте, Ваше Преосвященство, в Маниле еще сотня моих братьев, ждущих отправки сюда, все добрые испанцы, и много наших славных конкистадоров, готовых защищать нас, если потребуется. Мы открыто проповедуем и открыто носим нашу одежду, не прячемся в идолопоклоннические шелковые брюки, как иезуит

– Вы не должны агитировать против властей, или вы разрушите мать-церковь!

– Я заявляю вам в лицо, что мы вернемся в Японию и останемся здесь. Мы будем проповедовать миру, несмотря на вас – несмотря ни на какого прелата, епископа, короля или даже папу, во славу Бога! – Монах хлопнул дверью, уходя.

Покраснев от ярости, дель Аква налил стакан мадеры. Несколько капель вина пролились на полированную поверхность его стола. «Эти испанцы погубят нас всех». Дель Аква медленно выпил, пытаясь успокоиться. Наконец он сказал:

– Мартин, пошли наших людей проследить за ним. И тебе лучше предупредить Кийяму и Оноши сразу же. Не стоит говорить, что случится, если этот глупец станет появляться на публике.

– Да, Ваше Преосвященство, – У двери Алвито заколебался, – Сначала Блэксорн,

теперь Перес. Это слишком много для совпадения. Может быть, испанцы в Маниле знали о Блэксорне и пустили его сюда, чтобы досадить нам.

– Может быть, но, может быть, и нет. – Дель Аква допил свой стакан и аккуратно поставил его. – В любом случае, с помощью Бога и усердия, ни одному из них не удастся повредить святой матери-церкви – чего бы это ни стоило.

Глава Двадцатая

«Пусть я стану проклятым испанцем, если это не жизнь!» Блэксорн лежал, испытывая ангельское блаженство, лицом вниз на толстом футоне, частично закутанный в хлопчатобумажное кимоно, опираясь головой на руки. Девушка перебирала пальцами по его спине, трогая иногда его мускулы, смягчая его кожу и душу, заставляя его чуть ли не мурлыкать от удовольствия. Другая девушка налиwała sake в тонкую фарфоровую чашку. Третья ждала, держа лаковый поднос с бамбуковой корзиной, наполненной сушеной рыбой по-португальски, еще одной бутылкой sake и палочками для еды.

– Нан дес ка, Анджин-сан? – Что это, почтенный кормчий, что вы сказали?

– Я не могу сказать этого на нихон-го, Рако-сан. – Он улыбнулся девушке, которая предложила sake. Вместо этого он указал на чашку. – Как это называется? Намае ка?

– Сабазуки. – Она произнесла это три раза, после чего другая девушка, Аза, предложила рыбы, но он покачал головой. – Ё, домо. – Он не знал, как сказать: «Я уже сыт», поэтому попытался сказать: «Я больше не голоден».

– А! Има хара хетте ва орани, – объяснила Аза, поправляя его. Он произнес фразу несколько раз, и они все засмеялись над его произношением, но в конце концов он добился, что это зазвучало правильно.

«Я никогда не выучу этот язык», – подумал он. Ничто не связывало эти звуки ни с английским, ни даже с латынью или португальским.

– Анджин-сан? – Аза опять предложила ему поднос. Он покачал головой и с серьезным видом положил руку на живот, но взял sake и выпил. Соно, девушка, которая массировала ему спину, остановилась, тогда он взял ее руку, положил на шею и сделал вид, что стонет от удовольствия. Она сразу поняла и продолжила массаж.

Каждый раз, когда он допивал чашку, ее немедленно наполняли снова. «Давай полегче, – подумал он, – это же третья бутылка, и я уже чувствую тепло в пальцах на ногах».

Эти три девушки, Аза, Соно и Рако, пришли на рассвете, принесли зеленый чай, про который Фриар Доминго сказал ему, что китайцы называют его иногда тьи и это национальный напиток в Китае и Японии. Его сон после случая с покушением был очень плохим, но горячий пикантный напиток начал восстанавливать его силы. Они принесли небольшие скатанные горячие полотенца, слегка ароматизированные. Поскольку он не знал, что делать с ними, Рако, старшая из девушек, показала, как пользоваться ими, на собственном лице и руках.

После этого они проводили его вместе со стражей из четырех самураев в парные бани в дальнем конце этой части замка и передали его банщикам. Четыре стражника стоически потели, пока он мылся, ему подстригли бороду, волосы вымыли и уложили.

После этого он почувствовал себя чудесным образом обновленным. Ему дали новое, длиной до колен, кимоно из хлопка, новые таби, девушки снова ожидали его. Они провели его в другую комнату, где были Кири и Марико. Марико сказала, что господин Торанага решил послать Анджин-сана в одну из своих провинций, чтобы он там поправился, и что господин Торанага очень доволен им, и что ему не о чем беспокоиться, так как теперь он на попечении слуг господина Торанага. Будет ли Анджин-сан любезен также начать готовить карты с материалами, которые она должна передать? Скоро будут другие встречи с хозяином, и хозяин сообщил, что скоро она – Марико-сан – будет предоставлена Анджин-сану для ответов на вопросы, которые могут у него возникнуть. Господин Торанага очень заинтересован в том, чтобы Блэксорн узнал побольше о Японии, так как сам он

стремится побольше узнать о том, что находится за границами Японии, о навигации и путях плавания в океане. Затем Блэксорна провели к доктору. В отличие от самураев, его волосы были коротко острижены и без косички.

Блэксорн не любил докторов и боялся их. Но этот доктор был другой: очень вежливый и невероятно чистый. Европейские доктора были в первую очередь цирюльниками – неотесанными, кишачими вшами и грязными, как все остальные. Этот доктор трогал пациента очень аккуратно, вежливо держал руку Блэксорна, щупая пульс, глядел в его глаза, рот и уши, мягко похлопал по спине, коленям, пяткам, все это в спокойной манере. Все, что мог европейский доктор, – это посмотреть на ваш язык, спросить: «Где болит?» – выпустить из вас кровь, чтобы вместе с нею вышла вся зараза, и дать вам дикое количество рвотного, чтобы очистить от грязи ваши внутренности.

Блэксорн ненавидел кровопускания и промывание желудка, и каждый раз от таких процедур ему становилось еще хуже, чем прежде. Но этот доктор не держал скальпеля или таза для кровопускания, вокруг него не было того противного запаха лекарств, который обычно окружал докторов, поэтому его сердце стало биться медленнее, и он немного расслабился.

Пальцы доктора коснулись шрамов на бедре Блэксорна. Тот издал звук выстрела – много лет назад сквозь его плоть прошла пуля. Доктор сказал: «Ах со деду?» – и кивнул. Еще немного прикосновений, глубоких, но безболезненных, в паху и в области желудка. Наконец доктор заговорил с Рако, она кивнула, поклонилась и поблагодарила его.

– Иси бан? – спросил Блэксорн, желая знать, все ли нормально.

– Хай, Анджин-сан.

– Хонто ка?

– Хонто.

Какое полезное слово «хонто». «Это верно? Да, это верно», – подумал Блэксорн. «Домо» – доктор-сан.

– До итасимасите, – сказал доктор, кланяясь. – Заходите еще, не думайте о той ране.

Блэксорн поклонился в ответ. Девушки отвели его дальше, и это было до того, как он лежал на футонах, в расстегнутом хлопчатобумажном кимоно, девушка Соно гладила его по спине, он вспоминал, как он стоял голый перед девушками и самураем, и что он этого не заметил и не чувствовал стыда.

– Нан дес ка, Анджин-сан? – спросила Рако. «В чем дело, уважаемый кормчий? Почему вы смеетесь?» Ее белые зубы сверкали, а брови были выщипаны и подведены в виде дуги. Свои черные волосы она носила высоко подобранными, на ней было кимоно в розовых цветах, с серо-зеленым поясом.

«Потому что я счастлив, Рако-сан. Но как сказать это тебе? Как я могу сказать, что я смеюсь потому, что я счастлив и сбросил всю тяжесть с души, впервые с тех пор, как оставил дом. Потому что моя спина чувствует себя прекрасно – все мои чувства и все во мне прекрасно. Потому что я поговорил с Торанагой и потому что я сделал полных три залпа одним бортом в проклятых Богом иезуитов и шесть залпов еще в этих сифилитичных португальцев!» Тут он вскочил, плотно завязал свое кимоно и начал танцевать матросский танец, напевая матросскую песню, чтобы поддержать темп.

Рако и другие девушки очень возбудились. Седзи тут же открылись, и теперь еще и стража удивлялась на него. Блэксорн танцевал и громко пел до тех пор, пока не обессилел, тогда он расхохотался и рухнул. Девушки захлопали, Рако попыталась повторить, но не смогла, ее волочащееся кимоно мешало. Другие встали и уговаривали его показать им, как это делается, он попытался, три девушки стояли в ряд, следя за его ногами, придерживая кимоно. Но они не смогли, и скоро все стали болтать, хихикать и передразнивать друг друга.

Стража внезапно стала очень серьезной и низко поклонилась. В дверях показался Торанага, с боков у него стояли Марики и Кири и его обычная охрана. Девушки все стали на колени, положили руки на пол плашмя и поклонились, но смех еще не покинул их лиц, не было на них и страха. Блэксорн тоже вежливо поклонился, не так низко, как женщины.

– Коннити ва, Торанага-сама, – сказал Блэксорн.
– Коннити ва, Анджин-сан, – ответил Торанага. Потом он задал вопрос.
– Мой хозяин спрашивает, что вы делали, сеньор? – сказала Мариико.
– Просто танцевал, Мариико-сан, – сказал Блэксорн, чувствуя себя глупо. – Это матросский сольный танец. Его танцуют моряки и поют шанти – песни – при этом. Я был просто счастлив – может быть, из-за sake. Извините, надеюсь, я не огорчил Торанагу-сама.

Она перевела.

– Мой хозяин говорит, что он хотел бы посмотреть танец и послушать песню.

– Сейчас?

– Конечно, сейчас.

Торанага сразу же сел, скрестив ноги, его маленькая свита разместилась в разных местах комнаты; все они ожидающе смотрели на Блэксорна.

«Ну, глупец, – сказал себе Блэксорн. – Вот что бывает, когда расслабишься. Теперь ты должен дать представление, а ты же знаешь, что голос у тебя хуже некуда, а танец твой неуклюж».

Тем не менее он поплотнее повязал пояс кимоно и начал с удовольствием скакать, поворачиваться, лягаться, вертеться, подпрыгивать, – его голос отдавал страстью.

Все молчали.

– Мой хозяин говорит, что он никогда не видел ничего подобного за всю свою жизнь.

– Аригато годзиемасита! – сказал Блэксорн, потев частично от усилий, частично от смущения. Тут Торанага снял свои мечи, отложил их в сторону, подоткнул кимоно повыше за пояс и встал рядом с ним.

– Господин Торанага хочет станцевать ваш танец, – сказала Мариико.

– Да?

– Он просит научить его.

И Блэксорн начал. Он показал основной шаг, потом повторил его снова и снова. Торанага быстро овладел им. Блэксорн был удивлен ловкостью пузатого, с большим задом пожилого человека.

После этого Блэксорн снова начал петь и танцевать, и Торанага присоединился к нему, сначала робко, подбадриваемый зрителями. Потом Торанага сбросил свое кимоно, сложил руки и начал танцевать с той же живостью, что и Блэксорн, который сбросил свое кимоно, запел громче и подобрал темп, почти преодолев гротескность того, чем они занимались, но постаравшись свести все к шутке. Наконец Блэксорн сделал своего рода скачок, прыжок и, подпрыгнув на месте, остановился. Он захлопал в ладоши и поклонился Торанаге, все остальные тоже захлопали своему хозяину, который был очень счастлив.

Торанага сел на центре комнаты, его дыхание было очень спокойным. Рако тут же поспешила к нему с веером, другие подбежали с его кимоно. Но Торанага отбросил свое кимоно в сторону Блэксорна и взял его простое кимоно.

Мариико сказала:

– Мой хозяин говорит, что он был бы рад, если бы вы приняли это как подарок, – Она добавила:

– У нас считается большой честью, если человеку дают даже старое кимоно его суверена.

– Аригато годзиемасита, Торанага-сама. – Блэксорн низко поклонился, потом сказал Мариико: – Да, я понимаю, какая честь мне оказана, Мариико-сан. Пожалуйста, поблагодарите господина Торанагу по всем правилам, так как я, к несчастью, не знаю их еще, и скажите ему, что я буду хранить его подарок, и даже более того, что я очень ценю то, что он сделал для меня, протанцевав со мной наш танец.

Торанага был обрадован даже еще больше. С поклонами Кири и девушки-служанки помогли Блэксорну надеть кимоно их хозяина и показали, как завязать пояс. Кимоно было коричневого цвета с пятью красными крестами, пояс из белого шелка.

– Господин Торанага говорит, что он доволен танцем. Когда-нибудь он, возможно,

покажет вам некоторые из наших танцев. Ему хотелось бы, чтобы вы как можно быстрее научились говорить по-японски.

«Мне бы тоже хотелось этого. Но гораздо больше, – подумал Блэксорн, – я бы хотел надеть свое платье, поесть нашей пищи в своей каюте, на моем собственном корабле с заряженными пушками, и когда пистолеты за поясом и когда ют наклоняется под тяжестью парусов...»

– Вы не могли бы спросить господина Торанагу, когда я смогу вернуться на свой корабль?

– Сеньор?

– На свой корабль, сеньора. Пожалуйста, спросите его, когда я смогу получить обратно свой корабль. И мою команду тоже. Весь наш груз забрали – там было двадцать тысяч монет в восьми сейфах. Я уверен, что он понял, что мы купцы, и, хотя мы пользуемся его гостеприимством, мы хотели бы торговать товарами, которые мы привезли, и потом уплыть к себе домой. Это займет еще восемнадцать месяцев.

– Мой хозяин говорит, что вам нет нужды беспокоиться. Все будет сделано как можно скорее. Вы сначала должны оправиться. Вы выезжаете вечером.

– Простите, я не совсем понял, сеньора.

– Господин Торанага говорит, что вы должны выехать в сумерках, сеньор. Что-нибудь не так?

– Нет, нет, вовсе нет, Мариико-сан. Но час или около того назад вы говорили, что я должен выехать через несколько дней.

– Да, но теперь он говорит, что вы выедете сегодня вечером, – Она перевела все это Торанаге, который что-то снова возразил.

– Мой хозяин говорит, что лучше и удобней для вас выехать сегодня вечером. Не стоит беспокоиться, Анджин-сан, о вас позаботятся особо. Он посылает госпожу Киритсубо в Эдо, чтобы приготовить там все к его возвращению, вы едете с ней.

– Пожалуйста, поблагодарите его от моего имени. Могу я спросить, нельзя ли освободить Фриара Доминго? Этот человек обладает большими знаниями.

Она перевела.

– Мой хозяин говорит: этот человек мертв, он послал за ним сразу после того, как вы вчера попросили об этом, но тот уже был мертв.

Блэксорн ужаснулся.

– Как он умер?

– Мой хозяин говорит, что он умер, когда его вызвала стража.

– О! Бедняга.

– Мой хозяин говорит, что смерть и жизнь – это одно и то же. Душа священника будет ждать сорокового дня и потом возродится снова. Зачем печалиться? Это неизменный закон природы, – Она о чем-то заговорила, но передумала, только добавила: – Буддисты считают, что мы имеем много рождений или воплощений, Анджин-сан. До тех пор, пока мы наконец не станем совершенными и не достигнем нирваны – неба.

Блэксорн на миг отбросил свою печаль и сосредоточился на Торанаге и присутствующих.

– Можно ли мне спросить его, как моя команда? – Он остановился, так как Торанага отвел взгляд. Молодой самурай поспешно вошел в комнату, поклонился Торанаге и ждал.

Торанага сказал:

– Нан дза?

Блэксорн ничего не понял из разговора, кроме того, что ему показалось, что он разобрал прозвище отца Алвито «Тсукку». Он заметил, что глаза Торанаги скользнули по нему, заметил тень улыбки и подумал, не послал ли Торанага за священником из-за того, что он рассказал Торанаге. «Надеюсь, что это так и что Алвито в дерьме по самые ноздри. Он это или не он?» Блэксорн решил не спрашивать Торанагу, хотя ему и очень этого хотелось.

– Каре ни матсу йони, – коротко сказал Торанага.

– Джиойи. – Самурай поклонился и быстро ушел.

Торанага повернулся к Блэксорну:

– Нан дза, Анджин-сан?

– Вы что-то говорили, капитан? – спросила Марико. – О вашей команде?

– Да. Не мог бы Торанага-сама взять их под свою защиту тоже? Проследить, чтобы о них заботились? Их тоже пошлют в Эдо?

Она спросила Торанагу. Торанага заткнул мечи за пояс своего короткого кимоно.

– Мой хозяин говорит, конечно, распоряжения об этом уже сделаны. Вам не стоит о них беспокоиться. И о вашем корабле тоже.

Торанага встал. Все начали кланяться, но Блэксорн неожиданно вмешался:

– Одна последняя вещь. – Он остановился и обругал себя, поняв, что он был невежлив. Торанага явно закончил беседу, они все начали раскланиваться, но были остановлены словами Блэксорна, и теперь все были в замешательстве, не зная, закончить ли поклоны, или подождать, или начинать кланяться снова.

– Нан дза, Анджин-сан? – голос Торанаги был резок и недружелюбен, поэтому он также был мгновенно выведен из равновесия.

– Гомен насай, извините, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я только хотел спросить, будет ли госпоже Марико позволено поговорить со мной до того, как я уеду? Это поможет мне.

Она спросила Торанагу.

Торанага только буркнул что-то властно-утвердительно и ушел, сопровождаемый Кири и личной охраной.

«Обидчивые вы все, негодяи, – подумал Блэксорн про себя. – Боже мой, ты должен здесь быть аккуратней». Он вытер лоб рукавом и тут же заметил огорчение на лице Марико. Рако торопливо предложила маленький носовой платочек, которые они, казалось, держат наготове в неистощимых количествах засунутыми за оби. Потом он понял, что на нем кимоно «хозяина» и что, очевидно, нельзя вытирать вспотевший лоб рукавом хозяина; ей-богу, ты совершил еще одно богохульство! Я никогда не научусь, разве что на небе!

– Анджин-сан? – Рако предлагала sake. Он поблагодарил ее и выпил. Она тут же наполнила чашку. Он заметил, что у всех на лбу блестит пот.

– Гомен насай, – сказал он им всем, извиняясь, взял чашку и в шутку предложил ее Марико. – Я не знаю, вежливо это или нет, но вам не хотелось бы sake? Это можно? Или я должен разбить себе голову о пол?

Она засмеялась.

– О, да, это достаточно вежливо, и не надо, не разбивайте голову. Не надо извиняться передо мной, капитан. Мужчина не должен извиняться перед женщиной. Что бы он ни сделал, все правильно. По крайней мере в это верим мы, женщины. – Она объяснила, что она говорит, девушкам, и она кивнули очень серьезно, но их глаза смеялись. – Вы не могли узнать, Анджин-сан, – продолжала Марико, потом сделала маленький глоток sake и вернула чашку, – Спасибо, но я больше не хочу sake, спасибо вам. Sake сразу бьет мне в голову и в колени. Но вы быстро учитесь – это, наверное, очень трудно для вас. Не беспокойтесь, господин Торанага сказал мне, что он нашел ваши способности исключительными. Он никогда бы не дал вам свое кимоно, если бы он не был очень доволен вами.

– Он послал за Тсукку-саном?

– Отцом Алвито?

– Да.

– Вам следовало бы спросить его самого, капитан. Мне он ничего не говорил. В этих вопросах он очень умен, тогда как женщина не имеет ума или знаний в политических вопросах.

– Ах, со дэсу ка? Я хочу, чтобы все наши женщины были равно мудры.

Марико обмахивалась веером, удобно сидя на коленях, подобрав под себя ноги.

– Ваш танец был превосходен, Анджин-сан. Ваши дамы танцуют так же?

- Нет, только мужчины. Это мужской танец. Танец моряков.
- Поскольку вы хотели задать мне вопросы, можно сначала я вас спрошу?
- Конечно.
- Какая у вас жена?

– Ей двадцать девять лет. Высокая по сравнению с вами. По нашим меркам, во мне шесть футов два дюйма, у нее около пяти футов восьми дюймов, у вас около пяти футов, так что она на голову выше, чем вы, и так же больше во всем – я имею в виду пропорционально. Ее волосы цвета... – Он указал на полированные чистые кедровые брусья, и все глаза повернулись в их сторону, потом вернулись к нему... – Вот такого цвета. Белокурые с красноватым оттенком. Глаза у нее голубые, более голубые, чем мои, голубовато-зеленые. Она носит длинные волосы, в основном распущенными.

Марико перевела это другим, и все они вздохнули, глядя на кедровые брусья, потом снова на него, самураи-часовые так же внимательно слушали. Следующий вопрос задала Рако.

- Рако-саи спрашивает, у нее такое же тело, как у нас?
- Да. Но ягодицы у нее больше и более выпуклые, талия длиннее и... ну, наши женщины вообще более округлые и имеют более тяжелые груди.
- И все ваши женщины – и мужчины – настолько выше, чем мы?
- В целом да. Но некоторые у нас такие же маленькие, как и вы. Я думаю, что ваша миниатюрность восхитительна. Очень приятна.

Аза спросила что-то, и интерес у всех усилился.

- Аза спрашивает: в смысле секса – как ваши женщины по сравнению с нашими?
- Извините, не понимаю?
- О, пожалуйста, извините меня. Секс в интимном смысле. Секс – наше выражение для физического соединения мужчины и женщины. Это более вежливо, чем блуд, правда?

Блэксорн справился со своим смущением и сказал:

– Я имел... э... я имел только один... э... опыт секса здесь. Это было... э... в деревне – и я не помню всего этого слишком ясно, потому что... э-э... я был так истощен нашим путешествием, что наполовину спал, наполовину бодрствовал. Но, как мне показалось, это было вполне удовлетворительно.

Марико нахмурилась.

- Вы любили только один раз с тех пор, как приплыли сюда?
- Да.
- Вы должны чувствовать себя очень скованным, да? Одна из этих женщин будет рада отдаться вам, Анджин-сан. Или все они, если вы пожелаете.
- Что?
- Конечно. Если вы не хотите никого из них, не надо беспокоиться, они, конечно, не будут обижены. Только скажите мне, какого типа женщину вы хотели бы, и мы распорядимся.

– Спасибо, – сказал Блэксорн. – Но не теперь.

– Вы уверены? Пожалуйста, извините меня, но Киритсубо-сан дала четкие инструкции о том, чтобы ваше здоровье было сохранено и улучшено. Как можно быть здоровым без секса? Это очень важно для мужчины, правда? О, конечно, да.

– Спасибо, но, может быть, позднее.

– У вас много времени. Я с удовольствием зайду позднее. У нас будет масса времени для разговоров, если вы пожелаете. Вы еще имеете четыре стика времени, – сказала она ободряюще. – Вам не надо уезжать до захода солнца.

– Спасибо. Но не теперь, – сказал Блэксорн, пораженный прямоотой и отсутствием деликатности в этом предложении.

– Им действительно будет приятно угодить вам, Анджин-сан. О! Может быть, вы предпочитаете мальчиков!

– Что?

– Мальчика. Это очень просто, если это то, чего вы хотите, – Ее улыбка была бесхитростна, ее голос деловит.

– Что это значит? Вы серьезно предлагаете мне мальчика?

– Ну да, Анджин-сан. В чем дело? Я только сказала, что мы пришем сюда мальчика, если вы хотите этого.

– Я не хочу этого! – Блэксорн почувствовал, как кровь прилила к лицу. – Разве я похож на проклятого Богом содомита?

Его слова разнеслись по комнате. Все уставились на него ошеломленно. Мариико низко поклонилась, держа голову у пола.

– Пожалуйста, простите меня, я сделала ужасную ошибку. О, я обидела, тогда как пыталась только сделать приятное. Я никогда не разговаривала с иностранцами, кроме как со святыми отцами, поэтому я не могла узнать ваших... ваших интимных обычаев. Меня никогда им не учили, Анджин-сан, – отцы не обсуждали их. Здесь несколько человек иногда хотят мальчиков – священники время от времени имеют мальчиков, наши и некоторые из ваших – я по глупости предположила, что ваши обычаи такие же, как и наши.

– Я не священник, и это не наш обычай.

Командир самураев Казу Оан наблюдал за всем этим с неудовольствием. Ему были поручены безопасность чужеземца и его здоровье, и он видел своими собственными глазами невероятное благорасположение, которое господин Торанага выказывал Анджин-сану, а теперь Анджин-сан был в ярости.

– В чем дело? – спросил он вызывающе, так как было очевидно, что глупая женщина сказала что-то, что обидело его очень важного подопечного.

Мариико объяснила, что она сказала и что ответил Анджин-сан.

– Я правда не понимаю, что так обидело его, Оан-сан, – сказала она ему.

Оан недоверчиво поскреб свою голову.

– Он стал похож на сумасшедшего быка только потому, что вы предложили ему мальчика?

– Да.

– Тогда извините, но, может быть, вы были невежливы? Может быть, вы сказали что-то не то?

– О нет, Оан-сан. Я совершенно уверена. Я чувствовала себя ужасно. Я совершенно точно провинилась.

– Здесь должно быть что-то еще. Что?

– Нет, Оан-сан. Только это.

– Я никогда не пойму этих чужеземцев, – сердито сказал Оан. – Ради всех нас, пожалуйста, успокойте его, Мариико-сан. Видимо, это потому, что он так долго не имел женщину.

– Вы, – он приказал Соно, – вы дайте еще sake, горячего sake и горячих полотенец! Вы, Рако, погладьте шею этому дьяволу. – Служанки бросились выполнять его указания. Внезапно он сказал:

– Хотел бы я знать, не потому ли это, что он импотент. Его история о приключении в деревне была достаточно туманная, правда? Может быть, бедняга взбесился потому, что он действительно импотент и вы затронули болезненное место?

– Извините, но я так не думаю. Доктор сказал, что он очень силен.

– Если бы он был импотент – это бы все объясняло, правда? Этому мне было бы достаточно, чтобы я раскричался тоже. Да! Спросите его.

Мариико немедленно сделала, как он приказал, и Оан ужаснулся, когда кровь снова бросилась чужеземцу в лицо, и поток омерзительно звучащей чужеземной речи заполнил комнату.

– Он... он сказал «нет», – Мариико перешла почти на шепот.

– И все это означало только «нет»?

– Они... они используют много разных длинных проклятий, когда возбуждены.

Оан начал потеть от беспокойства, так как он отвечал за чужеземца.

– Успокойте его!

Еще один самурай, более старый, сказал с надеждой:

– Оан-сан, может быть, он из тех, кому нравятся собаки, а? Мы слышали странные истории в Корее о поедающих чеснок. Да, они любили собак и... Я вспоминаю теперь, да, собак и уток. Может быть, эти золотоголовые похожи на тех, поедающих чеснок, они так же пахнут, правда? Может быть, он хочет утку?

Оан сказал:

– Марико-сан, спроси его! Нет, может быть, лучше не надо. Пусть успокоится...

Он замолчал. Из дальнего угла приближался Хиро-Мацу.

– Привет, – сказал он отрывисто, пытаясь удержать свой голос от дрожи, потому что старый Железный Кулак, и в лучших обстоятельствах помешанный на дисциплине, в последнюю неделю стал похож на тигра с ошпаренным задом, а сегодня был еще хуже. Десять человек были понижены в звании за неопрятность, вся ночная стража с позором маршировала по замку, двум самураям было предложено совершить сеппуку, так как они опоздали на вахту, а четыре ночных уборщика были сброшены с зубчатой стены, так как рассыпали часть мусорного ящика в саду замка.

– Как он ведет себя, Марико-сан? – услышал Оан возбужденный вопрос Железного Кулака. Он был уверен, что глупая женщина, которая вызвала все это беспокойство, собирается выболтать всю правду, которая наверняка снимет с них головы. К своему облегчению, он услышал, как она говорит:

– Да, господин. Все прекрасно, спасибо.

– Вам приказано отправляться к Киритсубо-сан.

– Да, господин.

Когда Хиро-Мацу пошел дальше со своим патрулем, Марико задумалась, зачем ее отправляют, только ли для того, чтобы переводить разговоры Кири с чужеземцем во время плавания? Едут ли другие женщины Торанаги? Госпожа Сазуко? Не опасно ли для Сазуко плыть теперь морем? Я должна ехать одна с Кири, или мой муж едет тоже? Если он останется – а его обязанность быть с его господином – кто будет присматривать за его домом? Почему мы должны плыть на корабле? Наверняка токайдская дорога еще безопасна. Ишидо не помешает нам? Да, он мог бы – если учесть нашу ценность как заложников, госпожу Сазуко, Киритсубо и остальных. Вот поэтому нас и посылают морем?

Марико никогда не любила море. Даже от одного его вида она чувствовала себя больной. «Но если я должна поехать, я поеду, и там все кончится. Карма». Она перенеслась в мыслях от неизбежного к сиюминутным проблемам с этим непонятным иностранцем, который не вызывал у нее ничего, кроме огорчения.

Когда Железный Кулак исчез за углом, Оан поднял голову, и все они вздохнули. Аза торопливо шла по коридору с саке, Соно сразу за ней с горячими полотенцами.

Все наблюдали за тем, как обслуживали чужеземца. Они видели недовольное выражение его лица и то, как он принял саке и горячие полотенца с холодной благодарностью.

– Оан-сан, почему не послать одну из женщин за уткой? – прошептал старый самурай. – Мы просто положим ее около него. Если он захочет, все будет прекрасно, если нет, он сделает вид, что не видит ее.

Марико покачала головой:

– Наверное, нам не надо так рисковать. Мне кажется, Оан-сан, этот тип чужеземцев испытывает отвращение к разговорам о сексе, да? Он первый из таких, пришедший сюда, так что мы должны найти к нему подход.

– Я тоже так думаю, – сказал Оан. – Он был совершенно спокоен, пока не упомянули об этом, – Он сердито взглянул на Азу.

– Извините, Оан-сан. Вы совершенно правы, это была полностью моя вина, – сказала Аза сразу же, кланяясь почти до полу.

– Да. Я пошлю отчет об этом деле Киритсубо-сан.

– Ой!

– Я действительно думаю, что госпоже также следует сказать, чтобы были осторожней, обсуждая с ним интимные вопросы, – сказала Марико дипломатично. Вы очень мудры, Оан-сан. Но, может быть, Аза оказалась смышленной и избавила госпожу Киритсубо и даже господина Торанагу от ужасного неудобства! Просто подумайте, что бы случилось, если бы Киритсубо-сан сама задала этот вопрос вчера при господине Торанаге! Если бы чужеземец действовал так же и перед ним...

Оан вздрогнул:

– Пролилась бы кровь! Вы совершенно правы, Марико-сан, Азу следует поблагодарить. Я объясню Киритсубо-сан, как ей повезло.

Марико предложила Блэксорну еще sake.

– Нет, благодарю вас.

– Я еще раз приношу свои извинения за мою глупость. Вы хотели у меня что-то спросить?

Блэксорн видел, как они говорили между собой, досадуя, что не может понять их, злясь, что не может обругать их за оскорбления или стукнуть этих часовых головами.

– Да. Вы сказали, что содомия здесь – это нормально?

– О, извините меня, может быть, мы обсудим какие-нибудь другие вещи, пожалуйста?

– Конечно, сеньора. Но сначала давайте кончим эту тему. Содомия здесь считается нормальным, вы сказали?

– Все, что с сексом, нормально, – сказала она вызывающе, раздраженная его невоспитанностью и очевидной глупостью, вспомнив, что Торанага сказал ей, что она должна сообщать ему о вещах, не связанных с политикой, но потом пересказать ему все, о чем они говорили. Она также не терпела от него никакого вздора, так как он был все еще чужеземцем, возможно, пиратом и формально на него распространялся смертный приговор, который в настоящее время был временно отменен, к удовольствию Торанаги. – Сношение совершенно нормально. И если мужчина собирается им заниматься с другим мужчиной или мальчиком, какое кому дело до этого, кроме них самих? Какой от этого вред им или другим – или мне, или вам! Никому!

«Что это я, – подумала она, – глупая пария без мозгов! Глупая торговка откровенничает с каким-то чужеземцем! Нет. Я из касты самураев! Да, это так, Марико, но ты также очень глупа! Ты женщина и должна обращаться с ним, как с любым человеком, которому надо льстить, соглашаться с ним, подлизываться к нему. Ты забыла о своих приемах. Почему он заставляет тебя вести себя с ним как двенадцатилетнюю девочку?» Она умышленно смягчила свой тон.

– Но если вы думаете...

– Содомия-это ужасный грех, дьявольский, проклятая Богом мерзость, и те негодяи, кто занимается этим – отбросы земли! – Блэксорн не слушал ее, все еще страдая от оскорбления, что она поверила тому, что он может быть одним из них.

«Христова кровь, как она могла? Успокойся, – сказал он себе. – Ты говоришь, как изъеденный сифилисом фанатичный пуританин-кальвинист! И почему ты так уж настроен против них? Не потому ли, что они всегда есть на корабле, что большинство моряков испробовали этот путь, поскольку как еще они могли остаться в здравом уме, проводя столько месяцев в море? Не потому ли, что ты сам был соблазнен и ненавидел себя за соблазн? Не потому ли, что, когда ты был молод, тебе самому пришлось защищаться и однажды тебя повалили и чуть не изнасиловали, но ты вырвался и убил одного из этих негодяев, нож попал в горло, тебе было двенадцать, и это была первая смерть в твоём длинном списке смертей?»

– Это Богом проклятый грех – и абсолютно против законов Бога и человека!

– Конечно, это слова христианина, которые применимы к другим вещам! – ответила она ледяным тоном, вопреки себе, охваченная желанием сказать грубость. – Грех? В чем

здесь грех?

– Вам следовало бы знать. Вы католичка, не так ли? Вы были обращены иезуитами?

– Святой отец научил меня говорить по-латыни и по-португальски и писать на этих языках. Я не понимаю, что вы подразумеваете под приверженностью к католичеству, но я христианка, и уже почти десять лет, и нет, они ни разу не говорили с нами о физической близости. Я никогда не читала ваших книг о сексе – только религиозные книги. Секс – грех? Как это может быть? Как может что-то, что дает людям радость, быть грешным?

– Спросите отца Алвито!

«Не думаю, чтобы я решилась», – подумала она в смятении.

– Но мне приказали не обсуждать ничего, что здесь говорится, ни с кем, кроме Кири и моего господина Торанаги. Я просила Бога и Мадонну помочь мне, но они мне не ответили. Я только знаю, что с тех пор, как вы пришли сюда, не было ничего, кроме горя. Если это грех, как вы говорите, почему так много наших священников занимаются этим и всегда занимались? Некоторые буддийские секты даже рекомендуют это как одну из форм молитвы. Надо ограничивать себя только в сезон дождей. Священники не дьяволы, не все из них. И некоторые из святых отцов, как известно, наслаждаются сексом и таким путем тоже. Разве они дьяволы? Конечно, нет! Почему они должны быть лишены обычного удовольствия, если им запрещено иметь дело с женщинами? Глупо говорить, что все связанное с сексом – грех и проклято Богом!

– Содомия отвратительна, против всех законов! Спросите вашего духовника!

«Ты сам отвратителен – ты, – хотелось крикнуть Марико. – Как осмеливаешься ты быть таким грубым и как можешь быть таким глупым! Против Бога? Ты говоришь? Что за глупость! Против твоего дьявольского Бога, может быть. Ты заявляешь, что ты христианин. Нет, ты явный лжец и мошенник. Может быть, ты и знаешь необычные вещи и бывал в диковинных местах, но ты не христианин и богохульствуешь. Ты послан Сатаной? Грехи? Какая ерунда!

Ты говоришь так торжественно о нормальных вещах и ведешь себя как сумасшедший. Ты выводил из себя святых отцов, расстраивал Торанагу, вызывал раздор между нами, расшатывал нашу веру и мучал нас сомнениями в том, что верно, а что нет, зная, что мы не можем немедленно доказать тебе свою правоту.

Я хочу сказать тебе, что я презираю и тебя, и всех варваров. Да, варвары вокруг меня. Не они ли ненавидели моего отца, потому что он не доверял им и открыто просил диктатора Городу выбросить их всех с нашей земли? Разве не чужеземцы отравили ядом мозг диктатора, так что он стал ненавидеть моего отца, своего самого верного генерала, человека, который помогал ему даже больше, чем генерал Накамура или господин Торанага? Разве не чужеземцы стали причиной того, что диктатор оскорбил моего отца, что свело его с ума, заставив поступать необдуманно и стать таким образом причиной всех моих несчастий?

Да, они сделали все это, и даже больше того. Но они также принесли бесподобное слово Божье и в темные часы моей нужды, когда я вернулась из ужасной ссылки в еще более ужасную жизнь, отец-инспектор показал мне путь, открыл мне глаза и душу и крестил меня. Этот путь дал мне силы выдержать, наполнил мое сердце безграничным миром, освободил меня от вечных мук и осчастливил меня обещанием вечного спасения.

Что бы ни случилось, я в руках Бога. О, Мадонна, дай мне мир и помоги этому бедному грешнику преодолеть твоего врага».

– Извините меня за мою грубость, – сказала она. – Вы правы, что рассердились. Я только глупая женщина. Пожалуйста, будьте терпеливы и простите меня, Анджин-сан.

Гнев Блэксорна сразу стал стихать. Какой мужчина мог долго сердиться на женщину, если она открыто признается, что она была не права, а он прав?

– Я тоже прошу прощения, Марико-сан, – сказал он, немного смягчаясь, – но у нас предположить, что мужчина гомосексуалист, педераст, содомит, – это самое сильное из оскорблений.

«Тогда вы все инфантильны, глупы, так же как подлы, грубы и невоспитанны, но что

можно ожидать от чужеземцев», – сказала она себе и произнесла с покаянным видом:

– Конечно, вы правы... Я не имела в виду ничего плохого, пожалуйста, примите мои извинения. О, да, – вздохнула она; ее голос был так медоточив, что даже ее муж сразу успокоился бы, несмотря на самое плохое свое настроение, – о, да, это была полностью моя ошибка.

* * *

Солнце уже достигло горизонта, а отец Алвито все еще ждал в комнате для аудиенции, журналы оттягивали ему руки.

«Проклятый Блэксорн», – думал он.

Первый раз этот Торанага заставил его ждать, первый раз за годы он не ждал никого из дайме, даже Тайко. За последние восемь лет правления Тайко предоставил ему невероятную привилегию немедленного доступа, и так же сделал Торанага. Но у Тайко эта привилегия была заслужена его влиянием в Японии и его дальновидностью в делах. Его знание внутренних скрытых причин событий в международной торговле помогало увеличить еще больше невероятно большое состояние Тайко. Хотя Тайко был почти неграмотен, его способности к языкам были огромны, его знание политики безмерно. Так Алвито посчастливилось сесть в ногах у деспота, чтобы учить и учиться и, если на то будет воля Божья, обращать в свою веру. Это была особая работа, которой он дотошно овладевал под руководством дель Аква, который давал ему лучших учителей из среды иезуитов и португальских купцов, торговавших в Азии. Алвито стал наперсником Тайко, одним из четырех человек – и единственным иностранцем, – которые когда-либо видели помещения с личными сокровищами Тайко.

В нескольких сотнях шагов была главная башня замка, хранилище. Она возвышалась на семь этажей, защищенная множеством стен, дверей и укреплений. На четвертом этаже было семь комнат с железными дверями. Каждая была забита золотыми слитками и ящиками с золотыми монетами. Этажом выше были комнаты с серебром, лопающиеся от слитков и ящиков с монетами. И еще этажом выше были редкие шелка и керамика, а также мечи и другое вооружение – сокровища империи.

«В нашем современном исчислении, – думал Алвито, – стоимость всего этого должна быть по крайней мере пятьдесят миллионов дукатов, больше, чем годовой доход всей Испанской империи, Португальской империи и Европы, взятых вместе. Самое большое личное состояние на земном шаре в наличных».

«Разве это не самое большое достижение? – размышлял он, – Разве тот, кто контролирует Осацкий замок, не контролирует все это немыслимое состояние? И это состояние, соответственно, разве не дает ему власти над всей страной? Не была ли Осака сделана неприступной только для того, чтобы защитить это богатство? Не была ли страна залита кровью, чтобы построить замок в Осаке, сделать его недоступным, чтобы защитить золото, чтобы надежно хранить его до того времени, когда вырастет Яэмон?»

Имея сотую часть этих сокровищ, мы могли бы построить собор в каждом городе, церковь в каждом поселке, миссию в каждой деревне по всей стране. Если бы мы только могли получить его, чтобы использовать во славу Бога!»

Тайко любил власть. И он любил золото за ту власть, которую оно дает над людьми. Сокровища собирались по крохам в течение шестнадцати лет абсолютной власти, из огромных обязательных подарков всех дайме, которые по обычаю ожидалось от них ежегодно, и от его собственных владений. По праву завоевателя Тайко лично владел четвертой частью всей земли. Его личный годовой доход был более пяти миллионов коку. И потому, что он был Господин Всей Японии с мандатом императора, теоретически он владел всеми доходами всех поместий. Он никому не платил налогов. Но все дайме, все самураи, все крестьяне, все ремесленники, все купцы, все грабители, все парии, все чужеземцы, даже «эта», платили налоги добровольно, в большом количестве. Для собственной безопасности.

«Пока состояние недоступно и Осака неприступна, – сказал себе Алвито, – фактически опекун Яэмона, Паемон, будет править до той поры, пока он не вырастет, несмотря на Торанагу, Ишидо или еще кого-нибудь.

Жаль, что Тайко умер. При всех его недостатках мы знали этого дьявола и могли ладить с ним. Жаль на самом деле, что был убит Города, так как он был нашим настоящим другом. Но он мертв, так же как и Тайко, и теперь нам надо покорять новых язычников – Торанагу и Ишидо».

Алвито вспомнил ночь, когда умирал Тайко. Его пригласил Тайко, чтобы провести ночь перед смертью – он вместе с Ёдоко, женой Тайко, госпожой Ошибой, его наложницей и матерью наследника. Они долго смотрели и ждали в спокойствии этой бесконечной летней ночи.

Потом началась агония и подошла к концу.

– Его дух уходит. Теперь он в руках Бога, – сказал он тихо, когда убедился в этом. Он перекрестил и благословил тело.

– Может быть, Будда возьмет к себе моего господина и быстро воскресит его, так что он возьмет Империю обратно в свои руки еще раз, – сказала Ёдоко, тихо плача. Это была миловидная женщина, из рода аристократов-самураев, которая была его верной женой и советницей сорок четыре года из своих пятидесяти девяти лет. Она закрыла глаза и придала телу достойный вид, что было ее привилегией, печально поклонилась три раза и оставила его и госпожу Ошибу.

Смерть была легкой. Тайко болел несколько месяцев, и конец ожидался этим вечером. Несколько часов назад он открыл глаза, улыбнулся Ошибе и Ёдоко и прошептал – его голос был подобен нити:

– Слушайте, это мое предсмертное стихотворение.

Как капля я рожден,

Как капля я исчезну,

Осакский замок и все,

что я достиг, —

Лишь только сон...

В таком же точно сне.

Пред шагом в эту бездну.

Последняя улыбка, такая нежная, этого деспота им – женщинам и ему.

– Берегите моего сына, вы все. – И после этого его глаза закрылись навеки.

Отец Алвито вспомнил, как он был тронут последним стихотворением, таким типичным для Тайко. Когда он был приглашен, то надеялся, что на пороге смерти властелин Японии одумается и примет истинную веру и причастие, над которыми он смеялся столько раз. Но этого не случилось. «Ты навсегда потерял царство Божие, бедняга», – печально пробормотал иезуит, так как всегда восхищался Тайко как военным и политическим гением.

– А что, если ваше царство Божие – это задний проход дикаря? – спросила госпожа Ошиба.

– Что? – Он не был уверен, что правильно расслышал, обиженный ее неожиданной и неприличной недоброжелательностью. Он знал госпожу Ошибу почти двенадцать лет, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать, когда Тайко впервые взял ее в наложницы и она была послушной и сверхслужливой, едва произносящей слова, всегда радостно улыбающейся и счастливой. Но сейчас!

– Я сказала: «А что, если ваше царство Божие находится в заднем проходе дикарей?»

– Помилуй вас Бог! Ваш властелин умер всего несколько минут назад.

– Мой властелин умер, так что и ваше влияние на него закончилось. Не так ли? Он хотел, чтобы вы присутствовали, очень хорошо, – это было его право. Но теперь он в Великой Пустоте и больше не командует. Теперь командую я. Священник, вы воняете, вы всегда воняли, и ваша вонь переходит в воздух. Сейчас же покиньте мой замок и оставьте нас с нашим горем!

Спокойный свет свечи вдруг метнулся по ее лицу. Она была одна из самых красивых женщин в стране. Непроизвольно он сделал движение крестом, как бы защищаясь от овладевшего ею дьявола.

Смех ее был холоден.

– Уходите, священник, и никогда не возвращайтесь. Ваши дни сочтены!

– Не более, чем ваши. Я в руках Бога, госпожа. Лучше бы вы подумали о нем. Вечное спасение может быть и вашим, если вы поверите.

– Что? Вы в руках Бога? Христианского Бога, да? Вы – может быть. А может, и нет. Что вы будете делать, священник, если когда вы умрете, то узнаете, что там нет никакого бога, что нет преисподней и ваше вечное спасение только сон во сие?

– Я верю! Я верю в Бога, и в воскресение, и в Святого Духа, – сказал он вслух. – Христианские обещания верны. Они сбудутся, сбудутся – я верю!

* * *

– Да? Тсукку-сан?

Какое-то время он слушал японскую речь и не понимал ее. В дверном проходе стоял Торанага, окруженный стражей. Отец Алвито поклонился, приходя в себя, с потной спиной и лицом.

– Прошу простить, что пришел без приглашения. Я просто полуночник. Я вспомнил, что мне посчастливилось быть свидетелем многих вещей в Японии. Кажется, что вся моя жизнь прошла здесь и больше нигде.

– Вам повезло, Тсукку-сан.

Торанага устало подошел к помосту и сел на простую подушку. Охрана молча расположилась вокруг него, образовав защитную стенку.

– Вы приехали сюда на третий год Тенчо, не так ли?

– Нет, господин, это был четвертый год, год Крысы, – ответил он, пользуясь их календарем, на запоминание которого у него ушли месяцы. Все годы отсчитывались от определенного года, выбранного правящим императором. Катастрофа или доброе предзнаменование могли закончить или начать новую эру по его прихоти. Ученым приказывалось выбрать название для новой эры с особенно благоприятными предзнаменованиями из древних китайских книг, эта эра могла длиться год или пятьдесят лет. Тенчо означало «Праведность неба». Предыдущий год был годом больших приливов, когда погибло двести тысяч человек. И каждому году было дано имя и номер – одна и та же последовательность, как и у часов дня: Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Козел, Обезьяна, Петух, Собака, Кабан, Крыса, Бык и Тигр. Первый год Тенчо упал на год Петуха, так это и продолжалось, и 1575 год был годом Крысы в четвертый год Тенчо.

– Много всего произошло за это время, не правда ли, старина?

– Да, господин.

– Да, возвышение и смерть Города. Возвышение Тайко и его смерть. А теперь? – Слова отражались от стен.

– Все в руках бесконечности, – Алвито использовал слово, которое одинаково могло означать и Бога, и Будду.

– Ни господин Города, ни господин Тайко не верили ни в каких-либо богов, ни в вечность.

– Разве Будда не сказал, что есть много путей в нирвану, господин?

– О, Тсукка-сан, вы мудрый человек. Как это можно быть таким молодым и таким мудрым?

– Я искренне хочу, чтобы так и было, господин. Тогда я мог бы больше помогать.

– Вы хотели видеть меня?

– Да. Я думал, это достаточно важно, чтобы прийти без приглашения.

Алвито вынул журналы Блэксорна и положил их на пол перед ним, дав объяснение,

которое предложил ему дель Аква. Он видел, как лицо Торанага окаменело, и был рад этому.

– Доказательства его пиратства?

– Да, господин. В журналах даже есть точные слова их приказов, где говорится: «При необходимости приставать к берегу силой и заявлять свои права на любую достигнутую или открытую территорию». Если хотите, я могу сделать точный перевод всех соответствующих мест.

– Сделайте весь перевод. Быстро, – сказал Торанага.

– Там есть и еще кое-что, что отец-инспектор считает нужным сообщить вам.

Алвито рассказал Торанаге все о картах, и отчетах, и о Черном Корабле, как они договорились, и был обрадован, увидев положительную реакцию.

– Превосходно, – сказал Торанага. – Вы уверены, что Черный Корабль выйдет так рано? Абсолютно уверены?

– Да, – твердо сказал отец Алвито. – О, Боже, пусть все произойдет, как мы хотим!

– Хорошо. Скажите вашему сеньору, что я хочу прочитать его отчеты. Да. Я думаю, ему потребуется несколько месяцев, чтобы получить точные факты?

– Он сказал, что он приготовит отчеты как можно скорее. Мы пришлем вам карты, как вы хотели. Нельзя ли будет капитан-генералу побыстрее получить таможенные документы? Это будет очень ценно, если Черный Корабль придет пораньше, господин Торанага.

– Вы гарантируете, что корабль придет рано?

– Ни один человек не может гарантировать ветры и шторма в океане. Но корабль рано выйдет из Макао.

– Вы получите их до захода солнца. Что-нибудь еще? Меня не будет три дня до тех пор, пока не будет вынесено решение на Собрании регентов.

– Нет, господин. Благодарю вас. Я молюсь, чтобы вечность хранила вас, как всегда, – Алвито поклонился и ждал, когда его отпустят, но вместо этого Торанага отпустил своих охранников. Впервые Алвито видел, чтобы дайме был без своей свиты.

– Подойдите и сядьте здесь, Тсукку-сан, – Торанага показал место на помосте около себя.

Алвито никогда раньше не приглашали на помост. Это знак доверия или приговор?

– Война приближается, – сказал Торанага.

– Да, – ответил иезуит и подумал, что война никогда не кончится.

– Христиане господа Оноши и Кийяма непонятно почему идут против моей воли.

– Я не могу отвечать ни за кого из дайме, господин.

– Ходят плохие слухи, не так ли? О них и других дайме-христианах.

– Мудрые люди всегда держат в сердце интересы империи.

– Да. Но тем временем против моей воли империя разделяется на два лагеря – мой и Ишидо. И поэтому все интересы в империи лежат по ту или другую сторону. Середины нет. Где лежат интересы христиан?

– На стороне мира. Христианство – религия, господин, вне политическая идеология.

– Ваш святой отец – глава вашей церкви здесь. Я слышал, вы заявили – вы можете говорить от имени папы.

– Нам запрещено вмешиваться в ваши политические дела, господин.

– Вы думаете, Ишидо симпатизирует вам? – голос Торанаги стал строже. – Он вообще против вашей религии. Я всегда выказывал вам свою симпатию. Ишидо хочет сразу же применить законы Тайко об изгнании и закрыть страну в целом для всех иностранцев. Я хочу расширить торговлю.

– Мы не контролируем никого из дайме-христиан.

– А как мне повлиять на них?

– Я мало что могу посоветовать вам.

– Вы знаете достаточно, старина, чтобы понять, что если Кийяма и Оноши пойдут против меня вместе с Ишидо и остальными из их компании, все остальные дайме-христиане вскоре последуют за ними, тогда против каждого моего воина встанет по двадцать человек.

– Если начнется война, я буду молиться за вашу победу.

– Мне потребуется что-то большее, чем молитвы, если против одного моего человека встанет двадцать.

– А нет способа избежать войны? Она никогда не кончится, если однажды начнется.

– Я тоже так считаю. Тогда потеряют все – и мы, и чужеземцы, и христианская церковь. Но если все дайме-христиане пойдут сейчас со мной – открыто, – тогда войны не будет. Амбиции Ишидо будут постоянно обуздываться. Даже если он поднимет свое знамя и восстанет, регенты могут уничтожить его, как вредителей с рисовых всходов.

Алвито чувствовал, что вокруг его шеи захлестывается петля.

– Мы здесь только для того, чтобы распространять слово Божье. А не вмешиваться в вашу политическую жизнь, господин.

– Ваш предыдущий руководитель предлагал Тайко помощь дайме-христиан Кюсю, перед тем как мы покорили эту часть империи.

– С его стороны это была ошибка. Он не имел разрешения церкви или от самих дайме.

– Он предлагал отдать Тайко корабли, португальские корабли, чтобы перевезти наши войска на Кюсю, предлагал португальских солдат с ружьями, чтобы помочь нам. Даже против Кореи и против Китая.

– Опять, господин, он делал это ошибочно, без всякого разрешения.

– Скоро каждый должен будет выбрать, Тсукку-сан. Да. Очень скоро.

Алвито физически почувствовал, что ему угрожают.

– Я всегда готов служить вам.

– Если я проиграю, вы умрете вместе со мной? Вы совершите джешпи – вы последуете за мной, или пойдете со мной на смерть, как верный слуга?

– Моя жизнь в руках Бога. И смерть тоже.

– Ах, да. Вашего христианского Бога! – Торанага слегка передвинул свои мечи. После этого он наклонился вперед. – Оноши и Кийяма перейдут на мою сторону в течение сорока дней, и Совет регентов отменит указы Тайко.

«Как далеко я могу зайти? – беспомощно спрашивал себя Алвито. – Как далеко?»

– Мы не можем влиять на них, как вы думаете.

– Может быть, ваш руководитель может приказать им. Прикажите им! Ишидо выдаст вас и их. Я знаю, почему он так сделает. Такова воля госпожи Ошибы. Разве она уже не настраивает наследника против вас?

«Да», – хотел крикнуть Алвито. Но Оноши и Кийяма тайно получили клятвенное обязательство Ишидо в письменном виде, назначающее их воспитателями наследника, один из них будет христианин. И Оноши, и Кийяма поклялись священной клятвой, что они убеждены, что вы предадите церковь, сразу как только уничтожите Ишидо.

– Отец-инспектор не может приказать им, господин. Это было бы непростительным вмешательством в ваши политические дела.

– Оноши и Кийяма придут через сорок дней, указы Тайко аннулируются и больше никаких грязных священников. Регенты запретят им появляться в Японии.

– Что?

– Только вы и ваши священники. Никого больше – вонючих, попрошайничающих в черных одеждах – босоногих волосатиков! Тех, которые выкрикивают глупые угрозы и ничего не делают, кроме явных несчастий. Вы сможете иметь все их головы – если захотите – всех тех, кто здесь.

Все существо Алвито кричало об осторожности. Никогда Торанага не говорил так открыто. Один неверный шаг – и ты обидишь его и сделаешь его навсегда врагом церкви.

Подумать только, что предлагает Торанага! Исключительное право для церкви по всей империи! Единственная вещь, которая гарантирует чистоту церкви и ее безопасность, пока она набирает силу. Единственная вещь, которая не имеет цены. Единственная вещь, которой никто не может дать – даже папа! Никто – за исключением Торанаги. При открытой поддержке Кийямы и Оноши Торанага мог разгромить Ишидо и управлять Советом

регентов.

Отец Алвито никогда не думал, что Торанага может быть таким откровенным. Или предложить так много. Могли ли Оноши и Кийяма перекинуться обратно? Эти двое ненавидели друг друга. По причинам, которые знали только они, они объединились против Торанага. Почему? Что заставит их предать Ишидо?

– Я недостаточно подготовлен, чтобы ответить на ваш вопрос, господин, или говорить о таких вещах, не правда ли? Я только говорю, что наша цель – спасти души, – сказал он.

– Я слышал, мой сын Нага заинтересовался вашей христианской верой.

«Угрожает ли Торанага или предлагает? – спросил себя Алвито. – Если он предлагает разрешить Наге принять их веру, – что за удачный это был бы ход; или он говорит: «Если мы не будем сотрудничать, я прикажу ему прекратить?»»

– Господин, ваш сын один из многих благородных людей, которые обращаются к религии.

Алвито внезапно понял всю огромность дилеммы, которую поставил перед ним Торанага. «Он пойман в ловушку – он манипулирует нами», – подумал он радостно. Он должен попытаться! «Что бы мы ни захотели, он должен дать нам, если мы хотим манипулировать им. Наконец, он открыто признал, что дайме-христиане удерживают равновесие власти! Все, что мы захотим! Что еще нам надо? Ничего, за исключением...»

Он умышленно опустил свои глаза на журналы, которые он положил перед Торанагой. Он видел, как его рука протянулась и надежно упрятала их в рукав кимоно.

– Ах да, Тсукку-сан, – сказал Торанага, его голос был мрачным и усталым, – Там новый чужеземец – пират. Враг вашей страны. Они скоро приплывут сюда, в большом количестве, не так ли? Они могут быть приняты хорошо – или же плохо. Как этот пират. Правда?

Отец Алвито понял, что они имели все. Попросить, что ли, голову на серебряном блюде, как голову Иоанна Крестителя, чтобы скрепить эту сделку? Или попросить разрешения построить собор в Эдо или в Осацком замке? В первый раз в своей жизни он чувствовал себя барахтающимся, не способным управлять собой при достижении власти.

«Мы не хотим больше того, что предложено! Я хочу, чтобы я мог сейчас же заключить сделку! Если бы это зависело только от меня одного, я бы рискнул. Я знаю Торанагу, и я бы поставил на него. Я бы согласился попытаться и поклялся бы священной клятвой. Да, я бы казнил Оноши или Кийяму, если бы они не согласились, чтобы выиграть это преимущество для матери-церкви. Две души против десятков тысяч, сотен тысяч, миллионов. Это честно! Я бы сказал – да, да, да, во славу Господа Бога. Но я не могу ничего решить, как вы знаете, я только посланец, и часть моего сообщения...»

– Мне нужна помощь, Тсукку-сан. Она нужна мне теперь.

– Все, что я могу сделать, я сделаю, Торанага-сама. Я вам обещаю.

Тогда Торанага сказал окончательно:

– Я буду ждать сорок дней. Да. Сорок дней.

Алвито поклонился. Он заметил, что Торанага в ответ поклонился ниже и более официально, чем раньше, почти как если бы он кланялся самому Тайко. Священник встал покачиваясь, вышел из комнаты, в коридоре его шаг стал быстрее. Он торопился.

Торанага наблюдал за иезуитом из амбразуры, видел, как он далеко внизу пересек сад. Край сиди опять приоткрылся, но он обругал самурая и приказал страже под страхом смерти оставить его одного. Его глаза напряженно следили за Алвито через крепостные ворота, во дворе и так до тех пор, пока священник не затерялся в лабиринте зданий в замке.

Затем, в уединенной тишине, Торанага начал улыбаться. Потом он подобрал свое кимоно и начал танцевать. Это был матросский танец, которому его научил Блэксорн.

Глава Двадцать Первая

Сразу же после наступления сумерек Кири, тяжело переваливаясь, спустилась по ступенькам, сопровождаемая двумя служанками. Она направилась к носилкам с

зашторенными окошками, стоявшим около садового домика. Большой плащ закрывал ее дорожное кимоно и делал ее еще более толстой, огромная, с широкими полями шляпа была завязана под подбородком.

Госпожа Сазуко терпеливо ждала ее на веранде, она была заметно беременна, Марико стояла около нее. Блэксорн прислонился к стене у крепостных ворот. На нем было коричневое кимоно с поясом, носки таби и военная обувь. На переднем дворе, за воротами, плотным строем стоял эскорт из шестидесяти хорошо вооруженных самураев, каждый третий был с факелом. Перед этими солдатами Ябу разговаривал с Бунтаро, мужем Марико, – низеньким, толстым мужчиной, почти не имевшим шеи. Оба были в кольчугах с луками и колчанами через плечо, а Бунтаро надел еще рогатый стальной военный шлем. Носильщики паланкина и грузовые носильщики в полной тишине терпеливо сидели на корточках около многочисленного багажа.

Слабый бриз принес обещание лета, но, кроме Блэксорна, этого никто не заметил, и даже он ощущал напряжение, охватившее их всех. Он к тому же остро ощущал, что он единственный был без оружия.

Кири взобралась на веранду. – Вам не следует ждать на холоде, Сазуко-сан. Вы можете простудиться! Сейчас необходимо помнить о ребенке. Эти весенние вечера все еще полны сырости.

– Мне не холодно, Кири-сан. Вечер приятный, для меня это только удовольствие.

– Все нормально?

– О, да. Все в порядке.

– Я бы не хотела уезжать. Я ненавижу отъезды.

– Нет нужды беспокоиться, – сказала Марико успокаивающе, присоединяясь к ним. На ней была простая шляпа с широкими полями, но они были более яркие там, где у Кири они были темные. – Радуйтесь, что возвращаетесь в Эдо. Наш господин через несколько дней последует за нами.

– Кто знает, что будет завтра, Марико-сан?

– Все будущее в руках Бога.

– Завтра будет приятный день, и если нет, то нет! – сказала Сазуко. – Кто думает о завтра? Сегодня хорошо. Вы красивы, и нам будет не хватать вас, Кири-сан, и вас, Марико-сан! – Она глянула в сторону ворот, отвлеченная тем, что Бунтаро сердито кричал на одного из самураев, который уронил факел.

Ябу, старший над Бунтаро, номинально был командиром. Он увидел, что пришла Кири, и прошествовал обратно через ворота. Бунтаро шел с ним.

– О, господин Ябу, господин Бунтаро, – сказала Кири с суетливым поклоном. – Извините, что заставила вас ждать. Господин Торанага собирался спуститься, но потом решил не ходить. «Вы можете ехать», – сказал он. Пожалуйста, извините, меня.

– Не стоит извиняться. – Ябу хотел покинуть замок как можно скорее. Покинуть Осаку и вернуться в Изу. Он все еще с трудом верил, что уезжает живым, с чужеземцем, с ружьями, со всем остальным. Он послал срочные послания голубиной почтой своей жене в Эдо, чтобы быть уверенным, что все будет приготовлено в Мишиме, его столице, и Оми – в деревню Анджино. – Вы готовы?

В глазах Кири заблестели слезы.

– Только дайте мне перевести дух, и я спущусь к носилкам. О, я хочу, чтобы мне можно было не уезжать! – Она огляделась кругом, ища Блэксорна, и наконец увидела его в тени, – Кто отвечает за Анджин-сана? Пока мы не погрузимся на корабль?

Бунтаро раздраженно сказал:

– Я приказал ему идти около носилок моей жены. Если она не сможет с ним управиться, то я смогу.

– Может быть, господин Ябу, вам следовало бы сопровождать госпожу Сазуко?

– Стража!

Предупреждающий крик раздался с переднего двора. Бунтаро и Ябу поспешили через

крепостную дверь, тогда как все мужчины толпой кинулись за ними, остальные кинулись из внутренних помещений.

Ишидо спускался по проходу между стенами замка во главе двухсот самураев в серой форме. Он остановился на переднем дворе перед воротами, и, хотя никто с той или другой стороны не проявлял враждебности и ни у кого не было в руках меча или лука со стрелами, все были готовы к бою.

Ишидо поклонился с большим искусством.

– Прекрасный вечер, господин Ябу.

– Да, действительно.

Ишидо небрежно кивнул Бунтаро, который также был небрежен, отвечая с минимально допустимой вежливостью. Оба были любимыми генералами у Тайко. Бунтаро командовал одним из полков в Корее, когда Ишидо был главнокомандующим. Каждый обвинял другого в измене. Только личное вмешательство Тайко предотвратило кровопролитие и кровную месть.

Ишидо рассматривал коричневых. Потом его глаза обнаружили Блэксорна. Он заметил, что человек полупоклонился, и кивнул в ответ. Сквозь ворота он мог видеть трех женщин и еще одни носилки. Его глаза опять остановились на Ябу.

– Кажется, что вы собрались на бой, Ябу-сан, а не просто в почетный эскорт госпожи Киритсубо.

– Хиро-Мацу отдал приказы из-за убийства Амиды...

Ябу остановился, так как Бунтаро воинственно протопал вперед и стал своими огромными ногами в центре ворот.

– Мы всегда готовы к битве, с оружием или без него. Мы можем стоять против любых десяти в одиночку и против пятидесяти поедающих чеснок. Мы никогда не поворачиваемся спиной и не бегаем, как сопливые трусы, оставляя наших товарищей на погибель!

Улыбка Ишидо была наполнена презрением, его голос звучал раздраженно.

– Да? Может быть, ты скоро будешь иметь возможность – встать против настоящего мужчины, а не этих поедающих чеснок!

– Как скоро? Почему не сегодня вечером? Почему не здесь?

Ябу осторожно встал между ними. Он тоже был в Корее и знал, что правда была на стороне обоих и что никому нельзя было доверять, Бунтаро еще меньше, чем Ишидо.

– Не сегодня, потому что мы среди друзей, Бунтаро-сан, – сказал он умиротворяюще, отчаянно желая избежать схватки, которая бы навсегда заперла их в этом замке, – Мы среди друзей, Бунтаро-сан.

– Каких друзей? Я знаю друзей – и я знаю врагов! – Бунтаро повернулся обратно к Ишидо. – Где мужчина – тот настоящий мужчина, о котором вы говорили, Ишидо-сан? А? Или просто мужчина? Дайте мне его – пусть они все выползают из своих нор и становятся передо мной – Тогда Бунтаро, господином Сакуры, – если кто-нибудь из них имеет мужество!

Все приготовились.

Ишидо зло оглянулся назад.

Ябу сказал:

– Сейчас не время, Бунтаро-сан. Друзья или вра...

– Друзья? Где? В этой навозной куче? – Бунтаро плюнул в пыль.

Рука одного из людей в серой форме метнулась к рукоятке меча, десять коричневых сделали то же, пятьдесят серых задержались только на долю секунды, и теперь все они ждали, когда меч Ишидо подаст сигнал к атаке.

В это время из тени сада вышел Хиро-Мацу, прошел через ворота в передний двор, свой боевой меч он держал в руках, наполовину вынув из ножен.

– Друзей можно найти и в навозе, сын мой, – сказал он спокойно. Руки выпустили рукоятки мечей. Самураи на противоположных стенах – серые и коричневые – ослабили натяжение тетивы. – Мы имеем друзей во всем этом замке. Во всей Осаке. Наш господин Торанага все время говорит нам об этом, – Он стоял как скала перед своим единственным

оставшимся в живых сыном, видел жажду крови в его глазах. В тот момент, когда был замечен подходящий Ишидо, Хиро-Мацу занял боевую позицию у внутренних ворот. Потом, когда миновала первая опасность, он со спокойствием кошки отошел в тень. Теперь он смотрел в глаза Бунтаро. – Разве это не так, сын мой?

С огромным усилием Бунтаро кивнул и отступил на шаг. Но он все еще закрывал путь в сад.

Хиро-Мацу обратил свое внимание на Ишидо.

– Мы не ожидали вас сегодня вечером, Ишидо-сан.

– Я пришел засвидетельствовать свое почтение госпоже Киритсубо. Мне не сообщали до последних минут, что кто-то уезжает.

– Мой сын прав. Нам следовало поинтересоваться, среди друзей ли мы? Или мы заложники, которые должны просить о милости?

– Нет. Но господин Торанага и я согласовали протокол на время его визита. Должно быть дано уведомление за день о прибытии и отъезде высоких гостей, чтобы я мог засвидетельствовать соответствующие чувства.

– Решение господина Торанаги было внезапным. Он не считал, что отправка одной из его женщин в Эдо – достаточно важное дело, чтобы докучать вам, – ответил Хиро-Мацу. – Да, господин Торанага только готовится к своему отъезду.

– Это решено?

– Да. В день, когда будет принято решение на встрече регентов. Вы будете информированы о точном времени согласно протоколу.

– Хорошо. Конечно, встреча может быть опять отложена. Господину Кийяме становится даже хуже.

– Отложена? Или не состоится?

– Я только упомянул о том, что это может быть. Мы надеемся иметь удовольствие видеть господина Торанагу долгое время, не так ли? Он поедет со мной завтра на охоту?

– Я потребовал, чтобы он отменил все охоты до собрания. Я не считаю это безопасным. Я не считаю, что какое-либо из этих мест дальше можно считать надежным. Если грязный убийца так легко может пройти через кордон ваших часовых, как легко измена может настичь нас за его стенами?

Ишидо пропустил это оскорбление. Он знал это, и оскорбления еще больше разгорячили его людей, но это ему еще не было нужно. Он был рад вмешательству Хиро-Мацу, так как сам он почти потерял контроль над собою. Мысль о голове Бунтаро в пыли, о его раздробленных зубах захватила его.

– Как вы хорошо знаете, все командовавшие охраной в ту ночь уже отправились в Великую Пустоту. К несчастью, члены секты Амида имеют свои законы. Но они скоро будут уничтожены. Регентов будут просить разделаться с ними раз и навсегда. Теперь, может быть, я могу высказать свои чувства Киритсубо-сан?

Ишидо вышел вперед. Его личные телохранители в серой форме шли за ним. Они все вздрогнули и остановились. Бунтаро держал стрелу наготове, и хотя она была направлена в землю, лук был натянут до предела.

– Серым запрещено проходить через эти ворота. Это согласовано в протоколе!

– Я управляющий Осацким замком и командир охраны наследника! У меня есть право ходить куда угодно!

Хиро-Мацу еще раз овладел ситуацией.

– Верно, вы командир охраны наследника и вы имеете право ходить куда вам захочется. Но через эти ворота с вами может пройти только пять человек сопровождения. Разве это не согласовано с вами и моим хозяином на время его пребывания здесь?

– Пять или пятьдесят, не имеет значения! Это оскорбление...

– Оскорбление? Мой сын не имел в виду оскорбить вас. Он следует приказам, согласованным его сеньором и вами. Пять человек. Пять! – Слово было приказом, и Хиро-Мацу, повернувшись спиной к Ишидо, посмотрел на своего сына, – Господин Ишидо

оказывает нам честь, желая выказать свое уважение госпоже Киритсубо.

Меч старика был на два дюйма вынут из ножен, и никто не знал, обрушится ли он на Ишидо, если начнется схватка, или на голову его сына, если он направит стрелу. Все знали, что между отцом и сыном не было никакой показухи, только взаимное уважение к злобному характеру друг друга.

– Ну, мой сын, что ты скажешь командиру охраны наследника?

Пот стекал по лицу Бунтаро. Через мгновение он сделал шаг в сторону и ослабил натяжение лука, но держал его наготове.

Много раз Ишидо видел Бунтаро в списке соревнующихся в стрельбе из лука. В двухстах шагах от цели он выпускал стрелу и, пока она летела до цели, – следующие пять. Все они попадали в одну точку. Он был бы счастлив приказать атаковать и уничтожить и этих двух, отца и сына, и остальных. Но он знал, что будет актом глупости начать с них, а не с Торанаги и в любом случае может быть, что, когда начнется настоящая война, удастся соблазнить Хиро-Мацу покинуть Торанагу и воевать вместе с ним. Госпожа Ошиба сказала, что она найдет подход к старому Железному Кулаку, когда наступит время. Она клялась, что он никогда не оставит наследника, что она склонит к себе Железного Кулака, отвратит его от Торанаги, может быть, даже устроит так, что он убьет своего хозяина и таким образом избежит конфликта. «Какая тайна, что именно, какие сведения позволяли ей думать, что она одержит верх над ним?» – снова и снова спрашивал себя Ишидо. Он приказал госпоже Ошибе уехать из Эдо, если это удастся, до встречи регентов. Ее жизнь не будет стоить зерна риса после отставки Торанаги, на которую согласились все остальные регенты. Отставка и немедленно сеппука, насильственно, если будет нужно. Если она спасется, хорошо. Если нет, неважно. Наследник будет править через восемь лет.

Он вошел через ворота в сад, Хиро-Мацу и Ябу сопровождали его. За ними шли пятеро охранников. Он вежливо поклонился и пожелал счастья Киритсубо. Затем, удовлетворенный, что все идет как надо, повернулся и ушел со своими людьми.

Хиро-Мацу облегченно вздохнул.

– Теперь вам лучше трогаться, Ябу-сан. Этот рисовый червяк больше не причинит нам беспокойства.

– Да. Сразу же.

Кири вытирала платком пот с бровей.

– Это дьявольский кам! Я боюсь за нашего хозяина. – У нее потекли слезы. – Я не хочу уезжать!

– Господину Торанаге ничего не повредит, я обещаю вам, госпожа – сказал Хиро-Мацу. – Вы должны ехать. Сейчас!

Кири попыталась подавить свои рыдания и распустила плотную вуаль, которая свисала с полей ее широкой шляпы.

– О, Ябу-сама, вы будете сопровождать госпожу Сазуко в замке? Пожалуйста!

– Конечно.

Госпожа Сазуко поклонилась и торопливо ушла. Ябу пошел за ней. Женщина побежала вверх по ступеням. Она уже почти поднялась наверх, поскользнулась и упала.

– Ребенок! – крикнула Кири. – Она не пострадала? Все глаза устремились на распростертую на земле женщину. Марико кинулась к ней, но первым к ней подскочил Ябу. Он поднял ее. Сазуко была больше напугана, но не ушиблась.

– Со мной все в порядке, – сказала она, немного задыхаясь. – Не беспокойтесь, со мной совершенно все в порядке. Это было так глупо с моей стороны.

Убедившись, что она не пострадала, Ябу вернулся на передний двор, готовясь к немедленному отправлению.

Марико вернулась к воротам, очень обрадованная. Блэксорн скучал в саду.

– Что здесь? – спросила она.

– Ничего, – ответил он после паузы. – Что там кричала госпожа Киритсубо?

– Ребенок! Она не пострадала. Госпожа Сазуко беременна, – объяснила она. – Мы все

боялись, что падение может повредить ей.

– Ребенок Торанаги-сама?

– Да, – сказала Марико, оглядываясь на носилки. Кири сидела внутри за прозрачными занавесками, вуаль на ней была опущена. «Бедная женщина, – подумала Марико, зная, что она только пытается скрыть свои слезы. – Я бы так же была напугана, если бы расставалась со своим господином, будь я на ее месте».

Ее глаза обратились к Сазуко, которая еще раз махнула им с верхней ступеньки, а потом вошла внутрь. Железная дверь лязгнула – за ней. «Это звучит как похоронный звон, – подумала Марико. – Увидим ли мы их снова?»

– Что хотел Ишидо? – спросил Блэксорн.

– Он был – я не знаю точного слова. Он осматривал – проводил инспекцию без предупреждения.

– Почему?

– Он комендант замка, – сказала она, не желая упоминать настоящую причину.

Ябу выкрикивал команды в голове колонны, и она тронулась. Марико вошла в свой паланкин, оставив занавески полуоткрытыми. Бунтаро знаками показал Блэксорну, чтобы он шел сбоку. Тот повиновался.

Все ждали, когда пройдет паланкин Кири. Блэксорн смотрел на еле видную закутанную фигуру, слышал сдавленные рыдания. Сбоку шли две испуганные служанки, Аза и Соно. Потом он оглянулся в последний раз. Хиро-Мацу стоял один у маленького садового домика, опираясь на свой меч. Теперь садик был скрыт от его глаз, так как самураи закрыли огромные крепостные ворота. Большой деревянный брус лег на свое место. Охраны на переднем дворе не было. Все стояли на зубчатой стене.

– Что происходит? – спросил Блэксорн.

– Простите, что вы сказали, Анджин-сан?

– Это выглядит так, как будто мы под наблюдением. Коричневые против серых. Ожидаются какие-то неприятности? Большие неприятности?

– О, извините. Это обычное дело – закрывать двери на ночь, – сказала Марико.

Он пошел рядом с ней, когда ее паланкин тронулся, Бунтаро и остаток арьергарда заняли свое место сзади него. Блэксорн следил за паланкином впереди, колеблющейся походкой носильщиков и туманной фигурой за занавесками. Он чувствовал себя очень тревожно, хотя и пытался успокоиться. Когда Киритсубо внезапно вскрикнула, он на мгновение посмотрел на нее. Все смотрели на лежащую на лестнице женщину. Он тоже хотел взглянуть туда же, но увидел, что Киритсубо внезапно бросилась в маленький домик. На мгновение он подумал, что ему изменяют глаза, так как ночью ее темный плащ и темное кимоно, шляпка и темная вуаль делали ее почти невидимой. Он видел, как фигура на мгновение исчезла, потом появилась снова, кинулась в паланкин – и там рывком задернули шторы. На мгновение их глаза встретились. Это был Торанага.

Глава Двадцать Вторая

Маленький кортеж, окружающий два паланкина, медленно двигался через лабиринт замка и бесконечные проверки. Каждый раз были формальные поклоны, документы дотошно проверялись заново, новый командир и группа сопровождающих серых проходили и пропускали их. На каждом посту Блэксорн следил с растущим дурным предчувствием, как капитан охраны подходит поближе, чтобы внимательно рассмотреть через задернутые занавески паланкина Киритсубо. Каждый раз человек кланялся еле видимой фигуре, слушал сдавленные рыдания и через какое-то время давал знак, чтобы они проходили.

«Кто еще знает? – отчаянно спрашивал себя Блэксорн. – Служанки должны знать – это подтверждается тем, что они очень напуганы. Хиро-Мацу, конечно, должен знать, госпожа Сазуко, отвлекающая всех, абсолютно наверняка. Марико? Не думаю. Может ли ему доверять Торанага? Этот короткошей маньяк Бунтаро? Видимо, нет.

Очевидно, это очень засекреченная попытка тайного бегства. Но зачем Торанаге рисковать своей жизнью за пределами замка? Разве не безопасней внутри? Почему такая секретность? От кого он бежит? От Ишидо? Убийц? Или от кого-то еще в замке? Возможно, от всех них, – подумал Блэксорн, желая, чтобы они безопасно добрались до галеры и вышли в море. – Если Торанагу обнаружат, дело будет совсем плохо, бой будет идти смертельный, и пощады просить и давать не будут. Я безоружен, и, даже если бы я имел пару пистолетов или двадцать орудий и сотню отчаянных ребят, серые бы смяли нас. Мне некуда бежать и негде спрятаться. Ты вляпался в дерьмо!»

– Вы устали, Анджин-сан? – участливо спросила Марико. – Если вы устали, я пойду пешком, а вы можете проехаться в паланкине.

– Спасибо, – ответил он угрюмо, ему не хватало его сапог, ременные шлепанцы все еще были непривычны. – С ногами у меня все в порядке. Я просто хотел, чтобы мы уже были в безопасности, на море, только и всего.

– А в море безопасно?

– Иногда, сеньора. Нечасто. – Блэксорн едва слышал ее. Он думал: «Боже мой, надеюсь, я не помешаю Торанаге уйти. Это было бы ужасно! Насколько проще было бы, если бы я не видел его. Мне не повезло, это один из тех несчастных случаев, когда можно разрушить хорошо подготовленный план. Старуха Киритсубо хорошая актриса, и эта молодая тоже. Только потому, что я не понял, что она кричала, я не поддался на эту уловку. Очень не повезло, что я так ясно увидел Торанагу – в парике, накрашенного, в кимоно и плаще, как у Киритсубо, но тем не менее Торанагу»,

На следующем пункте проверки капитан серых подошел ближе, чем раньше, служанки кланялись со слезами и стояли на дороге, не собираясь уступить, как будто просто остановились. Капитан всмотрелся в Блэксорна и отошел. После внимательного рассматривания он заговорил с Марико, которая покачала головой и что-то ответила. Мужчина что-то буркнул и вернулся к Ябу, отдал документы и махнул рукой в знак того, что процессия может двигаться дальше.

– Что он сказал? – спросил Блэксорн.

– Он интересовался, откуда мы, где наш дом.

– Но вы покачали головой. Что же вы ответили?

– О, извините, он сказал – он спросил, не были ли отдаленные предки ваших людей связаны с kami – духом, который живет на севере, на окраинах Китая. До недавнего времени мы думали, что Китай был только еще одной цивилизованной страной на свете, за исключением Японии. Китай такой большой, что он сам похож на целый мир, – сказала она и закрыла на этом тему. На самом деле капитан спросил ее, не думает ли она, что этот чужеземец был потомком Харутвакари, kami, который присматривает за кошками, добавив, что он воняет, как хорек в течке, как, по его предположению, должен вонять kami.

Она ответила, что она так не думает, внутренне стыдясь грубости капитана, так как Анджин-сан не имел запаха, характерного для Тсукку-сана, отца-инспектора или других варваров.

Его запах теперь был почти незаметен.

Блэксорн знал, что она не сказала ему правды. «Я бы хотел разговаривать на их тарабарском языке, – подумал он. – Я бы хотел убраться с этого проклятого острова, назад на «Эразмус», с нормальной командой и большим запасом пищи, грога, пороха, – зарядов, продать товары и плыть опять домой. Когда это будет? Торанага сказал, скоро. Можно ли ему доверять? Как он доставил корабль в Эдо? На буксире? Или его привел португалец? Хотел бы я знать как португалец, не загноилась ли у него нога? Хотелось бы знать, собирается ли он жить с двумя ногами или одной, если его не доконает ампутация, или он близок к смерти. Боже мой, защити меня от ран и докторов. И от священников».

Еще одна проверка. Блэксорн не мог никак понять, как они все могут оставаться такими вежливыми и терпеливыми, все время кланяться, и позволять брать документы, и получать их обратно, всегда улыбаться без признаков раздражения с чьей-либо стороны. Они так

отличаются от нас.

Он взглянул в лицо Мариико, частично скрытое вуалью и широкой шляпой. Он подумал, что она выглядит очень хорошенькой и он рад, что так вышел из себя из-за ее ошибки. «По крайней мере, я больше не буду иметь дела с этим вздором, – сказал он себе. – Вот кровавые мерзавцы!»

После того как он принял утром ее извинения, он стал расспрашивать ее об Эдо и японских обычаях, об Ишидо и о замке. Темы секса он избегал. Она отвечала подробно, но избегала каких-либо политических объяснений, – ее ответы были информативны, но безобидны. Скоро она и служанки ушли, чтобы подготовиться к отъезду, и он остался один с самураями на страже.

Его раздражало такое количество людей вокруг. «Все время кто-нибудь около тебя, – подумал он. – Их слишком много. Они похожи на муравьев. Мне хотелось бы для контраста покоя за закрытой дубовой дверью, причем запор с моей стороны, а не с их. Я не могу дожидаться, когда попаду на борт, потом на воздух, потом на море, даже на эту выматывающую всю душу галеру, похожую на брюхо свиньи».

Сейчас, когда он шел через Осацкий замок, он понял, что увидит Торанагу на своей территории, в море, где он сам был на коне. «У нас будет достаточно времени поговорить, Мариико будет переводить, и я все устрою. Торговые соглашения, корабль, возвращение нашего серебра, цены, если он захочет купить мушкеты и порох. Я составлю соглашение о возвращении на следующий год с полным грузом шелка. Ужасная история произошла с Доминго, но я использую его информацию для добрых дел. Я возьму «Эразмус» и поплыву к реке Перл в Кантоне и прорву португальскую и китайскую блокаду. Верните мне мой корабль, и я разбогатею! Стану богаче, чем Дрейк! Когда я вернусь домой, я позову всех морских волков от Плимута до Зейдер-Зее, и мы возьмем в свои руки торговлю со всей Азией. Там, где Дрейк только подпалил Филиппу бороду, я отрежу ему яйца. Без шелка Макао погибнет. Без Макао умрет Малакка, затем Гоа! Мы можем свернуть Португальскую империю, как ковер. «Вы хотите торговать с Индией, ваше величество? Азией? Африкой? Японией? Так вы можете получить их через пять лет!»

«Входите, сэр Джон!»

Да, рыцарский титул легко достигим, наконец. И, может быть, даже больше. Капитаны и мореплаватели становятся адмиралами, рыцарями, лордами, даже графами. Единственный путь для англичанина, человека из народа, к безопасности, истинной безопасности положения в королевстве – это через милость королевы, через служение ей. И путь к ее расположению был один – привезти ей сокровища, помочь заплатить за войну против вонючей Испании и этого негодяя папы».

«За три года я совершу три путешествия, – мечтал Блэксорн. – О, я теперь знаю о муссонах и штормах, но «Эразмус» пойдет в крутой бейдевинд, и мы возьмем меньше груза. Минуточку... а почему не сделать это все как следует и забыть о небольшом грузе? Почему не захватить Черный Корабль этого года? Тогда у нас будет все!

Как?

Легко – если он не имеет эскорта и мы захватим его неожиданно. Но у меня мало народу. Подожди-ка, в Нагасаки есть моряки! Разве не там все португальцы? Разве Доминго не говорил, что Нагасаки почти как португальский порт? Родригес говорил то же самое! Разве на их кораблях нет моряков, которых вынудили или силой заставили пойти в рейс, которые всегда готовы сбежать с корабля для того, чтобы быстро получить прибыль, независимо от того, с каким капитаном и под каким флагом? Имея наше серебро, я смогу нанять команду. Уверен, что смогу. Мне не нужны три года. Достаточно будет и двух. Еще два года со своим судном и командой, потом домой. Я буду богат и знаменит. И мы расстанемся, море и я, наконец. Навсегда.

Главное – Торанага. Как вести себя с ним?»

Они прошли еще один пункт проверки и повернули за угол.

Впереди была последняя решетка и соответственно последние ворота замка, а за ними

последний подъемный мост и последний ров с водой. В дальнем конце была боевая башня. Многочисленные факелы превращали ночь в день, но с красным освещением.

Тут из тени выступил Ишидо.

Коричневые увидели его почти в тот же самый момент. Их захлестнула враждебность. Бунтаро почти прыгнул на Блэксорна, пробираясь ближе к голове колонны.

– Этот негодяй накличет беду, – сказал Блэксорн.

– Да, сеньор? Извините, вы что-то сказали?

– Я сказал только, что Ишидо, кажется, злит вашего мужа, очень злит.

Она не ответила.

Ябу остановился. С безразличным видом он протянул пропуск капитану у ворот и обратил внимание на Ишидо.

– Я не ожидал снова увидеть вас. Ваша охрана очень строга.

– Спасибо, – сказал Ишидо, следя за Бунтаро и закрытым паланкином за ним.

– Достаточно было один раз проверить наши документы, – сказал Бунтаро, его оружие зловеще звякало. – Самое большое дважды. Что мы – военный отряд? Это оскорбительно.

– Ничего оскорбительного, Бунтаро-сан. Из-за того покушения я приказал усилить охрану. – Ишидо мельком взглянул на Блэксорна и задумался в очередной раз, отпустить ли его или задержать, как того хотели Оноши и Кийяма. Потом он снова посмотрел на Бунтаро. «Падашь, – подумал он. – Скоро твоя голова будет висеть на колу. Как могла такая прелестная женщина, как Мариико, выйти замуж за обезьяну вроде тебя?»

Новый капитан скрупулезно проверял каждого, убеждаясь, что все соответствуют списку.

– Все в порядке, Ябу-сама, – сказал он, когда вернулся к началу колонны. – Пропуск вам больше не нужен. Мы оставили его у себя.

– Хорошо, – сказал Ябу и повернулся к Ишидо. – Мы скоро встретимся.

Ишидо вынул из рукава свиток пергамента.

– Я хотел спросить госпожу Киритсубо, не возьмет ли она это с собой в Эдо. Для моей племянницы. Видимо, я не скоро попаду в Эдо.

– Конечно, – Ябу протянул руку.

– Не беспокойтесь, Ябу-сан. Я спрошу ее. – Ишидо направился в сторону паланкина.

Служанки подобострастно перехватили его. Аза протянула руку.

– Могу я взять ваше послание, господин. Моя хо...

– Нет.

К удивлению Ишидо и всех вокруг, девушки не уступили ему дорогу.

– Но моя хозяйка...

– Отойдите! – прорычал Бунтаро. Обе служанки отступили с рабской покорностью, очень испуганные.

Ишидо наклонился к занавескам.

– Киритсубо-сан, я хотел бы знать, не будете ли вы так добры передать мое письмо в Эдо? Моей племяннице?

Между рыданиями почувствовалось легкое замешательство, и фигура утвердительно кивнула.

– Спасибо, – Ишидо протянул тонкий свиток пергамента к занавеске.

Рыдания прекратились. Блэксорн понял, что Торанага в ловушке. Вежливость требовала, чтобы Торанага взял свиток, и ему нужно было протянуть руку.

Все ждали, когда протянется рука.

– Киритсубо-сан?

Рука все еще не показывалась. Тогда Ишидо сделал быстрый шаг вперед, отдернул в сторону занавеску, и в то же самое мгновение Блэксорн подскочил и начал прыгать вверх-вниз, как сумасшедший. Ишидо и остальные повернулись к нему, ошарашенные.

В какой-то момент Торанага был хорошо виден за спиной у Ишидо. Блэксорн подумал, что Торанага еще может сойти за Киритсубо в двадцати шагах, но здесь, в пяти, это

невозможно, даже если лицо и скрыто вуалью. И в ту бесконечную секунду, когда Торанага еще не задернул занавеску, Блэксорн понял, что Ябу узнал его, Марики – наверняка, возможно, и Бунтаро и, вероятно, кое-кто из самураев. Он бросился вперед, схватил свиток и втиснул его через щель в занавесках, после чего повернулся, бормоча:

– В моей стране считается плохой приметой для принца самому отдавать послания, как обычному простолюдину... плохая примета...

Все это случилось так неожиданно и быстро, что Ишидо не успел вытащить меч, а Блэксорн уже кланялся и буйствовал перед ним, как сумасшедший чертик из ящика; тут Ишидо среагировал и взмахнул мечом, целясь в горло.

Отчаянные глаза Блэксорна нашли Марики.

– Ради Бога, помогите, плохая примета... плохая примета!

Она вскрикнула. Лезвие меча остановилось на волосок от шеи. Марики кинулась объяснять, о чем говорит Блэксорн. Ишидо опустил меч, секунду вслушивался, разбираясь в ее яростной скороговорке, потом закричал с нарастающей злобой и ударил Блэксорна в лицо тыльной поверхностью руки.

Блэксорн пришел в неистовство. Он поднял свои громадные кулаки и бросился на Ишидо.

Если бы Ябу не был так быстр, что успел схватить Ишидо за руку с мечом, голова Блэксорна уже катилась бы в пыли. Бунтаро, долей секунды позже, схватил Блэксорна, который уже протягивал руки к горлу Ишидо. Потребовалось четверо коричневых самураев, чтобы оттащить его от Ишидо, после чего Бунтаро оглушил его, стукнув сзади по шее. Серые бросились на защиту своего хозяина, но коричневые уже окружили Блэксорна и паланкины и через минуту все отступили; Марики и служанки умышленно вопили и причитали, помогая создать еще больший хаос и неразбериху.

Ябу начал умиротворять Ишидо, Марики со слезами повторяла снова и снова в сильной полуистерике, что сумасшедший чужеземец считает, что он только пытался спасти великого полководца, которого он принял за принца, от плохого ками.

– И у них, совсем как у нас, считается самым страшным оскорблением трогать их лица, это и привело его моментально в такое бешенство. Он ничего не понимающий чужеземец, но он дайме в своей стране, и он только пытался помочь вам, господин!

Ишидо выругался и ударил ногой Блэксорна, который только еще приходил в себя. Блэксорн с большим удовлетворением слушал весь этот гвалт. Глаза его прояснились. Серые окружали их, по двадцать человек на одного, мечи были обнажены, но пока никто не погиб и все дисциплинированно ждали приказа.

Блэксорн заметил, что все внимание сфокусировалось на нем. Но теперь он знал, что у него есть союзники.

Ишидо опять повернулся к нему и подошел ближе, что-то крича. Он чувствовал, что коричневые крепче уцепились за него, и знал, что сейчас его ударят, но на этот раз, вместо того, чтобы попытаться освободиться от их рук, как они этого ожидали, он стал падать, потом внезапно выпрямился, вырвался, безумно смеясь, и начал петь, изображая волынку и плясать свой матросский танец. Монах Доминго сказал ему, что в Японии все верят, что сумасшествие вызвано только ками и таким образом сумасшедшие, как все дети и старики, не отвечают за себя и имеют иногда особые привилегии. Поэтому он скакал как безумный, иногда напевая так, чтобы его поняла Марики:

«Помогите... Мне нужна помощь, ради Бога... я долго не могу...» – отчаянно изображая сумасшедшего, зная, что это единственный способ спастись.

– Он сумасшедший, он одержимый! – крикнула Марики, сразу поняв игру Блэксорна.

– Да, – сказал Ябу, все еще пытаясь оправиться от шока после того, как увидел Торанагу, и не зная, играет ли Анджин-сан или действительно сошел с ума.

Марики была на грани срыва. Она не знала, что делать. «Анджин-сан спас господина Торанагу, но как он узнал?» – бессмысленно повторяла она про себя.

В лице Блэксорна не было ни кровинки, если не считать кровавых полос от ударов. Он

прыгал и прыгал, отчаянно желая, чтобы кто-нибудь ему помог, но никто ему не помогал. Тогда, отчаянно проклиная Ябу и Бунтаро как безродных трусов и Марико как глупую суку, он внезапно прекратил свой дикий танец, поклонился Ишидо, как дергающаяся марионетка, и полупошел, полузатанцевал к воротам. «За мной, идите за мной!» – кричал он, его голос почти прервался, он пытался идти, как дудочник из сказки Браунинга.

Серые преградили ему путь. Он закричал на них с наигранной яростью и властно приказал им уйти с дороги, немедленно переключившись на истерический смех.

Ишидо схватил лук и стрелы. Серые рассыпались в разные стороны. Блэксорн был уже почти в воротах. Он повернулся к бухте, зная, что бежать было некуда. В отчаянии он снова начал свой бешеный танец.

– Он сумасшедший, сумасшедший пес! Сумасшедших собак нужно кончать! – Голос Ишидо был полон ярости. Он достал стрелу и прицелился.

Марико сразу кинулась вперед из своего безопасного места у паланкина Торанаги и пошла в сторону Блэксорна.

– Не беспокойтесь, господин Ишидо, – крикнула она. – Не стоит беспокоиться, это мгновенное сумасшествие, может быть, вы мне разрешите... – Подойдя ближе, она увидела, как устал Блэксорн, его сумасшедшую улыбку и испугалась неожиданно для себя. – Я могу помочь теперь, Анджин-сан, – торопливо сказала она. – Мы должны попробовать выйти отсюда. Я провожу вас. Не беспокойтесь, он нас не застрелит. Только перестаньте прыгать.

Блэксорн сразу остановился, повернулся и спокойно пошел на мост. Она шла на шаг сзади него, как и положено по обычаю, ожидая, что сзади полетят стрелы, слыша их.

Тысячи глаз следили за гигантом-сумасшедшим и хрупкой женщиной на мосту, уходящими от них.

Ябу почувствовал, что возвращается к жизни.

– Если вы хотите его убить, позвольте это сделать мне, Ишидо-сама. Не подобает вам лишать его жизни. Генерал не убивает собственными руками. Убивать вместо него должны другие. – Он подошел ближе и понизил голос: – Пусть он живет. Безумие нашло на него после вашего удара. Он дайме в своей стране, и вдруг такой удар, – так говорит Марико-сан, правда? Доверьтесь мне, он ценен нам живым.

– Что?

– Он более ценен нам живым. Поверьте мне. Мы можем покончить с ним в любой момент. Но он нужен нам живым.

Ишидо прочитал на лице Ябу безрассудство и правду. Он опустил лук.

– Очень хорошо. Но однажды он потребуется и мне живым. Я повешу его за пятки над ямой.

Ябу сглотнул и сделал полупоклон. Он нервно махнул кортежу, чтобы он трогался, боясь, что Ишидо вспомнит про паланкин «Киритсубо».

Бунтаро, притворяясь услужливым, взял инициативу в свои руки и дал команду двигаться. Он не задавался вопросом, как это Торанага волшебным образом появился, как ками, среди них, только понял, что его хозяин в опасности и почти беззащитен. Он видел, что Ишидо не спускает глаз с Марико и Анджин-сана, но и при этом он вежливо поклонился ему и встал сзади паланкина Торанаги, чтобы защитить своего хозяина от стрелы, если здесь начнется бой.

Колонна теперь приближалась к воротам. Ябу занял место стражника сзади. В любой момент он ожидал, что кортеж остановят. «Наверняка кто-нибудь из серых видел Торанагу, – подумал он. – Сколько времени пройдет, прежде чем они сообщат об этом Ишидо? Не думает ли он, что я участвую в попытке бегства? Не погубит ли это меня?»

На полпути через мост Марико на мгновение оглянулась.

– Они идут за нами, Анджин-сан, оба паланкина прошли через ворота и сейчас уже на мосту!

Блэксорн не ответил и не обернулся. Он прилагал все усилия, чтобы держаться прямо. Он потерял сандалии, его лицо горело от удара, и в голове стучало от боли. Последние

стражники пропустили его через опускающую решетку и дальше. Они также разрешили пройти и Марику не останавливая ее. А потом прошли и паланкины.

Блэксорн направился вниз с пологого холма, прошел поляну и дальний мост. Только оказавшись в роще, не просматриваемой из замка, он опустился на землю.

Глава Двадцать Третья

– Анджин-сан, Анджин-сан!

В полубессознательном состоянии он позволил Марику помочь ему выпить саке. Колонна остановилась, коричневые тесно стояли вокруг паланкина с зашторенными окнами, сопровождающие их серые стояли впереди и сзади. Бунтаро крикнул одной из служанок, она немедленно достала бутылку из грузовой корзины, приказал своей личной страже не подпускать никого к паланкину Киритсубо-сан и заторопился к Марику.

– С Анджин-саном все в порядке?

– Да, да, думаю, что да, – ответила Марику. Ябу присоединился к ним.

Стараясь избавиться от капитана серых, Ябу сказал небрежно:

– Мы можем пойти, капитан. Оставим здесь несколько человек и Марику-сан. Когда чужеземец придет в себя, она и остальные смогут пойти за нами.

– При всем моем к вам уважении, Ябу-сан, мы должны подождать. Мне поручено передать вас всех на галеру в целостности и сохранности. Всех вместе, – сказал ему капитан.

Они все посмотрели на Блэксорна, поперхнувшегося вином.

– Спасибо, – проворчал он. – Мы в безопасности? Кто еще знает, что...

– Мы в безопасности! – умышленно прервала она его. За ней стоял капитан, и она не доверяла ему. – Анджин-сан, вы теперь в безопасности, и нет нужды беспокоиться. Понимаете? У вас был своего рода припадок. Только поглядите вокруг – вы в безопасности!

Блэксорн сделал как она велела. Он увидел капитана и серых и понял. Теперь к нему быстро возвращались силы, ему помогло вино.

– Извините, сеньора. Это была просто паника. Я, видимо, старею: часто теряю рассудок и никогда потом не могу вспомнить, что случилось. Разговор на португальском утомителен, правда? – Он перешел на латынь. – Они не поймут?

– Наверняка.

– Этот язык легче?

– Возможно, – сказала она, обрадовавшись, что он понял, что нужна осторожность, даже используя латынь, которая была для японцев почти непонимаемым и невыучиваемым языком, за исключением нескольких человек в империи.

Их обучали иезуиты, и большинство из них готовилось к карьере священника. Она была единственной женщиной во всем их мире, которая могла говорить, и читать, и писать по-португальски и на латыни.

– Оба языка трудны, в каждом своя опасность.

– Кто еще знает об «опасности»?

– Мой муж и тот, кто руководит нами.

– Вы уверены?

– Все указывает на это.

Капитан серых беспокойно задвигался и что-то сказал Марику.

– Он спрашивает, здоров ли ты, не пострадали ли руки и ноги. Я сказала, что нет. Они тебя вылечат.

– Да, – сказал он, переходя на португальский язык. – У меня часто бывают приступы. Если кто-нибудь ударяет меня по лицу, я схожу с ума. Извините. Никогда не помню, что при этом происходит. Это перст Божий. – Он увидел, что капитан сосредоточенно смотрит на их губы, и подумал: «Попался, негодяй, бьюсь об заклад, ты понимаешь португальский!»

Соно, служанка, наклонилась к занавеске паланкина. Она послушала и вернулась к Марику.

– Извините, Мариико-сан, но моя хозяйка спрашивает, если этому сумасшедшему лучше, может, мы пойдем дальше? Она спрашивает, не дадите ли вы ему свой паланкин, а то моя хозяйка беспокоится, успеем ли мы до прилива. Все эти беспокойства с сумасшедшим еще больше ее расстроили. Но, зная, что сумасшедшие только наказаны богами, она будет молиться за возвращение ему здоровья и лично даст лекарства, чтобы вылечить его, сразу как только мы окажемся на борту. Мариико перевела.

– Да. Я уже поправился. – Блэксорн встал и зашатался.

Ябу прокричал команду.

– Ябу-сан говорит, что вы поедете в паланкине, Анджин-сан. – Мариико улыбнулась, когда он начал протестовать. – Я действительно очень сильна, и вам не стоит беспокоиться, я пойду около вас, и вы можете поговорить, если вам захочется.

Он позволил им отнести себя в паланкин. Они сразу же тронулись дальше. Качающийся паланкин успокаивал, и он утомленно откинулся на спину. Дождавшись, пока капитан серых ушел во главу колонны, он прошептал на латыни, предупреждая ее:

– Этот центурион понимает какой-то другой язык.

– Да. И я думаю, что кое-что на латыни тоже, – ответила она шепотом так же спокойно. Минуту она шла молча. – Если говорить серьезно, то вы смелый человек. Благодарю вас за то, что вы спасли его.

– Вы еще более смелы.

– Нет, Господь Бог поставил меня на эту стезю и позволил мне быть немного полезной. Я еще раз благодарю вас.

Город ночью был прекрасен. В богатых домах было много цветных фонарей, масляных ламп и свечей, висящих над воротами и в садах, седзи просвечивали восхитительными цветами. Даже бедные дома были приукрашены просвечивающими седзи. Фонари освещали путь пешеходов, и носильщиков, и самураев, едущих верхом.

– Мы сжигаем в наших лампах в домах масло, а также используем свечи, но с наступлением ночи многие ложатся спать, – объяснила Мариико, пока они двигались по городским улицам, извилистым и неровным; пешеходы кланялись, а очень бедные стояли на коленях, пока они не проходили; море блестело в лунном свете.

– У нас то же самое. Как вы готовите? На дровах? – К Блэксорну быстро возвращались силы, и его ноги больше не казались мягкими, как желе. Она отказалась сесть обратно в паланкин, поэтому он лежал там, наслаждаясь свежим воздухом и разговором.

– Мы пользуемся жаровнями с древесным углем. Мы не употребляем такую пищу, как вы, поэтому наша готовка более простая. Просто рис и немного рыбы, в основном сырой или сваренной на древесном угле, с острым соусом и маринованными овощами, может быть, немного супу. Без мяса, мясо – никогда. Мы умеренные люди, мы должны быть такими, так как у нас мало земли, может быть, только пятую часть ее можно возделывать, и нас очень много. У нас считается достоинством быть умеренным даже в пище, которую мы съедаем.

– Вы смелая. Я благодарю вас. Стрелы не полетели потому, что вы защищали меня своей спиной.

– Нет, капитан. Это произошло по воле Бога.

– Вы смелая и красивая.

С минуту она шла молча. «Никто и никогда не называл меня раньше красивой, никто, – подумала она, – Я не смелая и не красивая, мечи красивы, честь красива».

– Мужество красиво, и вы имеете его в избытке.

Мариико не ответила. Она вспоминала это утро и все дьявольские слова и дьявольские мысли. Как человек может быть таким смелым и таким глупым, таким мягким и таким жестоким, таким сердечным и таким отвратительным – все в одно и то же время? Анджин-сан был безгранично смел, когда отвлекал внимание Ишидо от паланкина, очень умен, когда притворялся сумасшедшим, и таким образом вытащил Торанагу из этой западни. Как умно со стороны Торанаги скрыться таким образом! «Но будь осторожна, Мариико, – предупреждала она себя. – Думай о Торанаге, а не об этом незнакомце. Помни, что он

дьявол, и останови эту влажную теплоту в бедрах, которой у тебя раньше никогда не появлялось, об этой теплоте говорят куртизанки, ее описывают иллюстрированные порнографические книжки».

– А, – сказала она. – Мужество красиво, и вы имеете его в избытке. – Тут она опять перешла на португальский. – Латынь такой утомительный язык.

– Вы учили его в школе?

– Нет, Анджин-сан, это было позднее. После замужества я жила далеко на севере довольно долгое время. Я была одна, если не считать служанок и крестьян, и единственные книги, которые у меня были, это на португальском и латыни – грамматика и религиозные книги, а также Библия. За изучением языков очень быстро проходит время, оно хорошо занимало ум. Я была очень счастлива.

– А где был ваш муж?

– На войне.

– Сколько времени вы были одна?

– Мы говорим, что время не имеет единой меры, это время может быть как заморозок, или молния, или слеза, или осада, или шторм, или заход солнца, или даже как скала.

– Это очень умно сказано, – заметил он. Потом добавил: – Ваш португальский очень хорош, сеньора. И ваша латынь. Лучше, чем у меня.

– У вас медоточивый язык, Анджин-сан!

– Это хонто!

– «Хонто» хорошее слово. Хонто – это то, что однажды в деревню забрел святой отец. Мы были похожи на две потерявшиеся души. Он оставался четыре года и очень помог мне. Я рада, что я могу свободно говорить, – сказала она без жеманства. – Мой отец хотел, чтобы я выучила языки. Он считал, что мы должны знать дьявола, с которым нам придется иметь дело.

– Он был мудрый человек.

– Нет. Не мудрый.

– Почему?

– Когда-нибудь я расскажу вам его историю. Она печальная.

– Почему вы были одна целую скалу времени?

– Почему вы не отдыхаете? Нам еще предстоит долгий путь.

– Вы хотите в паланкин? – Он снова собрался встать, но она покачала головой.

– Нет, спасибо. Пожалуйста, оставайтесь где сидите. Мне нравится идти пешком.

– Хорошо. Но вы не хотите больше поговорить?

– Если вам хочется, мы можем поговорить. Что бы вы хотели узнать?

– Почему вы были одна целую скалу времени?

– Меня отослал мой муж. Мое присутствие раздражало его. Он имел полное право так сделать. Он оказал мне честь, не разведясь со мной. Потом он оказал мне даже еще большую честь, приняв обратно меня и моего сына. – Марико взглянула на него. – Моему сыну уже пятнадцать лет. Я уже старая дама.

– Я не верю вам, сеньора.

– Это хонто.

– Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?

– Много, Анджин-сан. Очень много. Мы говорим: возраст подобен заморозку, или осаде, или заходу солнца, иногда даже скале, – Она засмеялась.

«В ней все так изящно», – подумал он, зачарованный ею.

– О, почтенная госпожа, старость выглядит миловидно,

– Женщин, Анджин-сан, большой возраст никогда не красит.

– Вы мудры так же, как и красивы. – Латынь пришла легко, и хотя она звучала более формально и более возвышенно, но была и более интимна. «Следи за собой», – подумал он.

«Никто не называл меня красивой раньше, – повторила она про себя. – Я хотела бы, чтобы это было правдой».

– Здесь не принято обращать внимание на женщин, принадлежащих другим мужчинам, – сказала она. – Наши обычаи очень строги. Например, если замужнюю женщину застанут наедине с мужчиной в комнате с закрытой дверью – тем более, если они одни ведут интимную беседу, – по закону ее муж, или его брат, или его отец имеют право сразу же убить ее. Если девушка незамужняя, отец может в любой момент сделать с ней все, что захочет.

– Это нечестно и нецивилизованно, – сказал он, но минуту спустя пожалел об этом.

– Мы считаем себя вполне цивилизованными, Анджин-сан. – Марико была рада, что ее обидели, так как это разрушало охватившее ее очарование этим человеком и рассеивало всю возникшую между ними теплоту, – Наши законы очень мудры. Есть достаточно много женщин, свободных и незанятых, которые встречаются повсюду, чтобы мужчина мог выбрать себе любую. Это, правда, защита для женщин. Обязанности жены – только по отношению к мужу. Будьте терпеливым, вы еще увидите, как мы цивилизованны и развиты. У женщин свое место, у мужчин свое. Мужчина может иметь только одну законную жену одновременно и, конечно, много наложниц, но женщины у нас имеют намного больше свободы, чем испанские или португальские дамы – судя по тому, что мне рассказывали. Мы можем свободно ходить, куда захотим и когда захотим. Мы можем оставить наших мужей, и если захотим, – развестись с ними. Мы можем отказаться выйти замуж, если захотим. Мы владеем собственным состоянием и имуществом, нашими телами и нашим духом. Мы имеем большие полномочия, если захотим. Кто следит за вашим состоянием, за деньгами в вашем доме?

– Я, естественно.

– Здесь жена присматривает за всем. Деньги для самурая ничто. Настоящий мужчина их презирает. Я веду все дела моего мужа. Он принимает все решения. Я только выполняю его желания и оплачиваю его счета. Это оставляет его абсолютно свободным для выполнения долга перед господином, что является его единственной обязанностью. О да, Анджин-сан, вы должны быть очень терпеливы, прежде чем сможете начать критиковать.

– Это была не критика, сеньора. Просто мы верим в священность жизни: никто не может так просто убить человека, без решения законного суда – суда по законам королевы.

Она не позволила себе смягчиться.

– Вы говорите много вещей, которые я не понимаю, Анджин-сан. Разве вы не сказали «нечестно и нецивилизованно»?

– Да.

– Тогда это как раз и есть критика, не так ли? Господин Торанага просил меня сказать вам, что нехорошо критиковать не зная. Вы должны помнить о нашей цивилизации, нашей культуре, которым уже тысячи лет. Три тысячи из них подтверждены документами. О да, мы древний народ. Такой же древний, как тот, что населяет Китай. На сколько веков назад уходит ваша культура?

– Не так на много, сеньора.

– Наш император, Го-Нидзи, сто седьмой представитель одной непрерывной династии, прямо восходит к Джимму-Тенно, первому обитателю земли, который был потомком пяти поколений земных духов и перед ними семи поколений небесных духов, которые произошли от Ку-Куни-токо-таси-нох-Микото – самого первого духа, который появился, когда небо откололось от небес. Даже Китай не может сказать, что у него такая история. Сколько поколений нынешние ваши короли правят вами?

– Наша королева третья из династии Тюдоров, сеньора. Но она старая и бездетная, так что эта династия прекращается.

– Сто семь поколений до богов, Анджин-сан, – гордо повторила она.

– Если вы верите в это, как вы можете при этом говорить, что вы католичка? – Он увидел, как она вскинула голову, потом пожала плечами.

– Я только десять лет христианка и, следовательно, новичок, хотя и верю в христианского Бога, в Бога-отца, и Сына, и Святого Духа, всем своим сердцем, но наш

император выше всего. Да, я христианка, но прежде всего я японка.

«Не ключ ли это ко всем вам? Что прежде всего вы японцы? – спросил он себя. Он смотрел на нее, удивленный тем, что она сказала. – Их обычаи безумны! Деньги ничего не значат для настоящего мужчины? Это объясняет, почему Торанага был так презрителен, когда я упомянул о деньгах при первой встрече. Сто семь поколений? Невозможно! Немедленная смерть только за то, что ты без всяких задних мыслей побыл в закрытой комнате с женщиной? Это варварство – открытое приглашение к убийству. Они защищают и восхищаются убийцей! Разве это не то, что сказал Родригес? А то, что сделал Оми-сан? Разве он не так убил того крестьянина? Клянусь кровью Христа, я не думал об Оми все эти дни. И о деревне, и о погребке, и как я стоял перед ним на коленях. Забыть его, послушаться ее, быть терпеливым, как она сказала, расспрашивать ее, так как она поможет найти, чем можно привлечь Торанагу для исполнения твоего плана. Теперь Торанага абсолютно у тебя в долгу. Ты спас его. Он знает это, все знают это. Разве она не благодарила тебя за его спасение, не за свое?»

Колонна двигалась к морю через город. Он заметил, как шагает Ябу, и моментально вспомнил крики Пьетерсуна. «Всему свое время», – пробормотал он, больше для себя.

– Да, – говорила Марико. – Вам, должно быть, очень трудно. Наш мир так отличается от вашего. Очень отличается, но очень мудро устроен. – Она смутно видела фигуру Торанаги в паланкине и снова поблагодарила Бога за его спасение. Как объяснить чужеземцу, как поблагодарить его за мужество? Торанага приказал ей объясниться, но как?

– Позвольте мне рассказать вам свою историю, Анджин-сан. Когда я была молодой, мой отец был генералом у дайме по имени Города. В то время господин Города был не великим диктатором, а дайме, все еще борющимся за власть. Мой отец пригласил этого Города и его главных вассалов на пиршество. У него никогда не было так, чтобы не было денег для покупки продуктов, саке, лаковой посуды и татами, которых требовал такой визит согласно обычаю. Если вы думаете, что моя мать была плохо воспитана, то это не так. Каждая крупинка доходов моего отца шла на его вассальных самураев, и хотя официально ему полагалось содержать всего лишь четыре тысячи самураев, ужимаясь, экономя и манипулируя, мать добивалась того, что он выставлял на войну пять тысяч триста воинов, к славе своего сеньора. Мы, его семья, – мать, наложницы отца, братья и сестры, – питались очень скудно. Но что из того? Мой отец и его люди имели самое лучшее оружие и самых хороших лошадей и самое лучшее отдавали их хозяину.

Да, для этого пиршества денег не хватало, поэтому моя мать поехала к мастерам по парикам в Киото и продала свои волосы. Я помню, что они, как расплавленная черная лава, свисали до копчика. Но она продала их. Парикмахеры тут же срезали все волосы, а ей дали дешевый парик, и она купила все необходимое и спасла честь моего отца. Ее обязанностью было оплачивать счета, и она платила. Она выполнила свои обязанности. Для нас наш долг очень важен.

– А что сказал он, ваш отец, когда обнаружил это?

– Что он мог сказать, кроме как поблагодарить ее? Ее обязанность была найти деньги. Спасти его честь.

– Она, видимо, очень любила его.

– Любовь – христианское слово, Анджин-сан. Любовь – христианское понятие, христианский идеал. У нас нет слова «любовь» в вашем понимании. Обязанность, верность, честь, уважение, желание, эти слова и мысли – это то, что есть у нас и в чем мы нуждаемся. – Она взглянула на него и вопреки своим желаниям снова представила тот момент, когда он спас Торанагу, а вместе с ним и ее мужа. «Никогда не забуду, что они попались там в ловушку и погибли бы, если бы не этот человек».

Она убедилась, что вокруг никого нет.

– Почему вы это сделали?

– Не знаю. Может быть, потому... – Он остановился. Так много можно было бы сказать. «Может быть, потому, что Торанага был беспомощен, а я не хотел, чтобы меня

изрубили на куски... Потому, что, если бы его обнаружили, нас бы всех в этой суматохе захватили. Потому что я знал то, чего не знал никто, кроме меня, и я должен был вести эту игру... Потому, что я не хотел умереть – слишком много нужно сделать, чтобы я мог потерять жизнь, а Торанага единственный, кто может вернуть мне корабль и свободу».

Вместо этого он ответил по-латыни:

– Отдайте Цезарю Цезарево.

– А, – сказала она и добавила на том же языке: – А, вот это и я пыталась выразить. Цезарю – Цезарево, а Богу – Богово. То же с нами. Бог есть Бог, и наш император – от Бога. И Цезарь есть Цезарь, и его надо почитать как Цезаря. Ты мудр. Иногда мне кажется, что ты понимаешь больше, чем говоришь.

«А ты не делаешь того, чего клялся никогда не делать? – спросил себя Блэксорн. – Ты не играешь в лицемера? И да, и нет. Я им ничем не обязан. Я пленник. Они украли мой корабль и мои товары, убили одного моего человека. Они варвары – ну, часть из них варвары, а остальные католики. Я ничем не обязан варварам и католикам. Но тебе хотелось бы лечь с ней в постель, и ты говорил ей комплименты, не так ли? А впрочем, к черту всякие мысли!»

Теперь море было уже гораздо ближе, в полумиле. Он мог видеть много кораблей, среди них был и португальский фрегат с ходовыми огнями. Он был идеальной добычей. «С двадцатью отчаянными ребятами я бы мог захватить его». Он повернулся к Марико. Странная женщина со странной семьей. Чем она провинилась перед Бунтаро – этим павианом? Как она могла лечь с ним в постель или выйти за него замуж? Что такое «печаль»?

– Сеньора, – сказал он, придав своему голосу нежность, – ваша мать, должно быть, редкая женщина. Совершить такое!

– Да. Но за то, что она сделала, она будет жить вечно. Теперь она – легенда. Она была самураем, как мой отец был самураем.

– Я думал, что самураем может быть только мужчина.

– О нет, Анджин-сан. Мужчины и женщины одинаково самураи, воины с ответственностью перед своим господином. Моя мать была настоящим самураем, ее ответственность перед мужем была выше всего.

– Она теперь в вашем доме?

– Нет. Ни она, ни мой отец, никто из моих братьев, сестер или еще кто из семьи... Я последняя в моем роду.

– Это был несчастный случай?

Марико внезапно почувствовала усталость. «Я устала говорить по-латыни и на этом мерзко звучащем португальском языке и устала быть учителем, – сказала она себе. – Я не учитель. Я только женщина, которая знает свои обязанности и хочет мирно их выполнять. Я не хочу больше этой теплоты в лоне и этого мужчину, который так сильно выводит меня из равновесия. Я не хочу его».

– В некотором роде это была катастрофа, Анджин-сан. Когда-нибудь я расскажу вам о ней. – Она немного ускорила шаг и отошла от него, ближе к другому паланкину. Обе служанки нервно улыбнулись ей.

– Нам еще далеко, Марико-сан? – спросила Соно.

– Надеюсь, что не очень, – ответила она успокаивающе. Командир серых внезапно появился из темноты с другой стороны паланкина. Она прикинула, что из того, что она сказала Анджин-сану, он смог подслушать.

– Вам не хочется сесть в паланкин, Марико-сан? Вы не устали? – спросил он.

– Нет, нет, спасибо. – Она умышленно замедлила шаг, отвлекая его от паланкина Торанаги. – Я вовсе не устала.

– Как себя ведет чужеземец? Он не надоел вам?

– О нет, он вроде бы успокоился.

– О чем вы говорили?

– О разных вещах. Я пыталась объяснить ему наши законы и обычаи. – Она обернулась в сторону главной башни замка, которая высилась над ними на фоне неба, – Господин Торанага просил меня попытаться вразумить его.

– Ах да, господин Торанага, – капитан взглянул на замок, потом снова на Блэксорна. – Почему господин Торанага так заинтересован в нем, госпожа?

– Я не знаю. Думаю, что из-за его необычности. Они завернули за угол, вышли на другую улицу с домами за садовыми стенами. Народу кругом было мало. С другой стороны были верфи и море. Мачты вырастали над домами, воздух был насыщен запахом морских водорослей.

– А о чем вы еще говорили?

– У них есть очень странные идеи. Они все время думают о деньгах.

– Говорят, у них весь народ состоит только из пиратов-торговцев. Среди них нет самураев. А что от него хочет господин Торанага?

– Извините, но я не знаю.

– Ходят слухи, что он христианин, он говорит, что он христианин. Это так?

– Но он не такой христианин, как мы. Вы христианин, капитан?

– Мой хозяин христианин, поэтому и я христианин. Мой хозяин господин Кийяма.

– Я имею честь хорошо его знать. Он оказал моему мужу честь, обручив одну из своих внучек с моим сыном.

– Да, я знаю, госпожа Тода.

– Господину Кийяме теперь лучше? Я так поняла, что доктора не позволяют ему ни с кем видеться?

– Я не видел его уже неделю. Никто из нас. Может быть, это китайский сифилис. Спаси его, Боже, от этого и прокляни всех китайцев! – Он зло посмотрел в сторону Блэксорна. – Доктора говорят, что чужеземцы принесли эту заразу в Китай, в Макао и оттуда к нашим берегам.

– Мы все в руках Бога, – сказала она по-латыни.

– Ита, амен, – ответил по-латыни капитан – и выдал себя.

* * *

Блэксорн тоже заметил этот его промах, увидел вспышку гнева на лице капитана и услышал, как он что-то сквозь зубы говорит Мариико. Он вышел из паланкина и подошел к ним сзади.

– Если ты говоришь по-латыни, центурион, тогда было бы очень любезно с твоей стороны немного поговорить и со мной. Я хочу побольше узнать о твоей великой стране.

– Да, я могу говорить на этом языке, иностранец.

– Это не мой язык, центурион, но это язык церкви и всех образованных людей в мире. Ты хорошо говоришь на нем. Как и когда ты научился?

Кортеж обогнал их, и все самураи, и серые и коричневые, следили за ними. Бунтаро, шедший около паланкина Торанаги, остановился и повернулся. Капитан поколебался, потом зашагал дальше, и Мариико обрадовалась, что Блэксорн присоединился к ним. Они молча шли какое-то время.

– Центурион бегло говорит по-латыни, очень хорошо, не так ли? – сказал Мариико Блэксорн.

– Да, действительно. Ты учил его в семинарии, центурион?

– Ты тоже, иностранец, – сказал капитан с холодком, не обращая на нее внимания, он не любил вспоминать семинарию в Макао, куда его ребенком отправили по распоряжению Кийямы учиться языкам. – Теперь, когда мы говорим напрямую, скажи мне откровенно, почему ты спросил у этой госпожи: «Кто еще знает...» Кто еще знает что?

– Я не могу вспомнить. Я отвлекся.

– А, отвлекся? Да? Тогда почему ты сказал: «Цезарю – Цезарево»?

– Это была только шутка. Я обсуждал с этой госпожой, кто сочиняет эти истории с картинками, которые иногда трудно понять.

– Да, тут надо многое понять. Что погнало тебя, сумасшедшего, к воротам? И почему ты так быстро оправился от припадка?

– Это произошло с Божьей помощью.

Они шли около паланкина; капитан был взбешен тем, что он так легко попался. Его предупреждал господин Кийяма, его хозяин, что эта женщина очень умна: «Не забывай, что она несет в себе эту склонность к измене, а пират – это отродье сатаны. Следи, слушай и запоминай. Может быть, она выдаст себя и в дальнейшем станет свидетелем против Торанаги перед регентами. Убей пирата в тот момент, когда начнется стычка с засадой».

Стрелы вылетели из ночи, и первая же из них вонзилась в горло капитану. Чувствуя, как его легкие наполняются кровью, а смерть надвигается на него, он в последний момент с удивлением подумал, почему засада оказалась здесь, а не на следующей улице, ближе к верфи, и почему атака была направлена на них, а не на пирата.

Другая стрела попала в стойку паланкина в дюйме от головы Блэксорна. Две стрелы пронзили закрытые занавеси паланкина Киритсубо впереди, а другая попала служанке Азе в грудь. Когда она вскрикнула, носильщики бросили паланкины и присели в темноте. Блэксорн повернулся кругом, ища укрытия, увлекая Марико за собой под опрокинувшийся паланкин, серые и коричневые рассыпались. Град стрел накрыл оба паланкина. Одна воткнулась в землю, где только что была Марико. Бунтаро закрывал паланкин Торанаги всем своим телом, как только мог, стрела ударила его со спины в кожаные доспехи, усиленные кольчугой и бамбуком. После того как град стрел прекратился, он кинулся вперед и сорвал занавески. В грудь и бок Торанаги вонзились две стрелы, но он не был ранен и вытаскивал их из панциря, который носил под кимоно. Потом он сорвал широкополую шляпу и парик. Бунтаро осмотрелся вокруг, ища противника, весь настороже, держа стрелу наготове, пока Торанага не выпутался из занавесок и, вытащив меч из-под одеяла, не вскочил на ноги. Марико пыталась помочь Торанаге, но Блэксорн оттолкнул ее назад с предупреждающим криком, так как стрелы вновь осыпали оба паланкина, убив двух коричневых и одного серого. Еще одна прошла так близко от Блэксорна, что содрала ему кожу со щеки. Следующая пришила кимоно к земле. Служанка Соно суежилась около другой девушки, корчащейся от боли, но мужественно сдерживающей рыдания. Тут Ябу закричал и махнул рукой, отдавая приказ. На одной из черепичных крыш с трудом просматривалось несколько фигур. Последний залп стрел, со свистом вылетевших из темноты, был направлен на паланкины. Бунтаро и остальные коричневые закрыли собой Торанагу. Один из коричневых погиб. Древко прошло через шов в доспехах Бунтаро, и он зарычал от боли. Ябу, коричневые и серые уже были около стены, но нападавшие исчезли в темноте, и, хотя дюжина коричневых и серых бросилась за угол, чтобы достать их, всем было ясно, что это бесполезно. Блэксорн поднялся на ноги и помог встать Марико. Она дрожала, была в шоке, но невредима.

– Спасибо, – сказала она и заторопилась к Торанаге, чтобы помочь ему не попасться на глаза серым. Бунтаро кричал, приказывая своим людям удвоить факелы около паланкина. Тут один из серых сказал: «Торанага!» – и, хотя это было сказано негромко, его услышали все.

В мерцающем свете факелов грим, нанесенный Торанаге, с потеками пота выглядел карикатурно.

Один из офицеров серых торопливо поклонился. Здесь, как ни странно, находился враг его хозяина, свободный, за пределами стен замка.

– Подождите здесь, господин Торанага. Ты, – он указал на одного из своих людей, – сообщи господину Ишидо немедленно. – Самурай тут же убежал.

– Остановите его, – спокойно сказал Торанага. Бунтаро выпустил две стрелы. Гонец упал замертво. Офицер выхватил свой двуручный меч и бросился к Торанаге с устрашающим боевым кличем, но Бунтаро уже был наготове и парировал удар. Серые и

коричневые одновременно выхватили свои мечи, сбились в кучу и кинулись в бой. На улице образовался водоворот сражающихся людей. Бунтаро и офицер серых оказались хорошими фехтовальщиками, они делали ложные выпады и обменивались ударами. Внезапно один из серых прорвался через охрану Торанаги и бросился на него, но Марико тут же подняла факел, кинулась вперед и ткнула им в лицо офицера. Бунтаро разрубил своего противника пополам, повернулся, ударом меча сбил в сторону другого и разрубил еще одного, который пытался достать Торанагу, в то время, как Марико стрелой кинулась назад, уже держа меч в руках, – ее глаза не отрывались от Торанаги и Бунтаро, его безобразного телохранителя.

Четверо серых, держась плотной кучкой, бросились на Блэксорна, который как прикованный стоял около своего паланкина. Он беспомощно смотрел, как они приближаются. Ябу с другими коричневыми бросились наперехват, сражаясь, как черти. Блэксорн отпрыгнул, схватил факел и, вращая его, как булаву, моментально расстроил всю атаку. Ябу убил одного, ранил другого, и тут четверо коричневых кинулись, отгоняя оставшихся двух серых. Не мешкая, Ябу и раненый коричневый еще раз бросились в атаку, защищая Торанагу. Блэксорн кинулся вперед, поднял длинный полумеч-полупику и подбежал ближе к Торанаге. Тот один стоял среди этой шумной битвы, не трогаясь с места и даже не вынув меча из ножен.

Серые бились с удивительной отвагой. Четверо из них объединились для самоубийственной атаки на Торанагу. Коричневые отбили ее и перехватили инициативу. Серые перегруппировались и атаковали еще раз. После этого старший офицер отдал приказ троем отправиться за помощью, а остальным прикрывать это отступление. Трое серых вырвались из схватки, и, хотя их преследовали, а Бунтаро даже застрелил одного, двое серых смогли скрыться.

Остальные погибли.

Глава Двадцать Четвёртая

Они торопливо шли по пустынным окраинным улицам, направляясь к гавани и галере. Их было десять – Торанага, который их вел, Ябу, Марико, Блэксорн и шесть самураев. Остальные под началом Бунтаро отправились с паланкинами и багажом по обычной дороге с приказом идти на галеру. Тело служанки Азы лежало в одном из паланкинов. В момент затишья во время схватки Блэксорн извлек из нее кусок стрелы с зазубренным наконечником. Торанага видел, как хлынула черная кровь, когда она пришла в себя, и следил, недоумевая, как кормчий пытается ей помочь, вместо того чтобы дать ей спокойно умереть с чувством собственного достоинства, а затем – как осторожно кормчий укладывал ее в паланкин. Девушка вела себя очень мужественно, совсем не стонала, только смотрела на него, пока не наступила смерть. Торанага оставил ее как приманку в паланкине с зашторенными окнами, в другой паланкин также как приманка был положен еще один раненый.

Из пятидесяти коричневых, которые находились в эскорте, пятнадцать были убиты и одиннадцать смертельно ранены. Одиннадцать быстро и с почетом отправились в Великую Пустоту, – трое покончили с собой собственноручно, восьмерым помог Бунтаро по их требованию. После этого Бунтаро собрал оставшихся вокруг закрытых паланкинов и они отправились. В пыли лежало сорок восемь серых.

Торанага знал, что он не защищен и это опасно, но был доволен. «Все шло хорошо, – думал он, учитывая все превратности случая. – Как интересна жизнь! Сначала я думал, какое плохое предзнаменование, что кормчий увидел, как я поменялся местами с Кири. Потом кормчий спас меня и вел себя как безумный, очень правдоподобно, и благодаря ему мы спаслись от Ишидо. Я не учитывал, что Ишидо может оказаться у главных ворот, думал, только в главном дворе. Это была моя неосторожность. Почему Ишидо оказался там? Не похоже на Ишидо быть таким осторожным. Кто ему это посоветовал? Кийяма? Оноши? Или Ёдоко? Женщин, которые так практичны, можно было подозревать в такой изощренности».

Это был хороший план – тайное бегство, – и он разрабатывался несколько недель, так как было очевидно, что Ишидо попытается удержать его в замке, настроить против него остальных регентов обещаниями, умышленно принесет в жертву заложника в Эдо – госпожу Ошибу, и использует любые средства, чтобы удержать его под стражей до последнего Совета регентов, где он будет загнан в угол, обвинен и умерщвлен.

– Но вам предъявят обвинение! – сказал Хиро-Мацу, когда Торанага послал за ним, сразу после захода солнца прошлым вечером, чтобы объяснить, что он попытается сделать и почему он, Торанага, колеблется. – Даже если вы спасетесь, регенты так же легко обвинят вас за вашей спиной, как если бы это было в вашем присутствии. Вы будете обязаны совершить сеппуку, когда они прикажут это, а они обязательно прикажут.

– Да, – сказал Торанага, – как президент Совета регентов я обязан сделать это, если четверо проголосуют против меня. Но здесь, – он вынул свиток пергамента из рукава, – здесь мое формальное заявление о выходе из состава Совета регентов. Вы передадите это Ишидо, когда станет известно о моем отъезде.

– Что?

– Если я откажусь от должности, я больше не буду связан своей клятвой регента. Не так ли? Тайко никогда не запрещал мне отказаться от регентства, правда? Отдайте Ишидо также и это. – Он протянул Хиро-Мацу клеймо – официальную печать его президентской канцелярии.

– Но теперь вы полностью изолированы. Вы обречены!

– Вы не правы. Послушайте, завещание Тайко установило Совет из пяти регентов. Теперь осталось четыре. Для того чтобы снова стать законным органом, прежде чем они смогут выполнять указ императора, они должны выбрать или назначить нового члена Совета, правда? Ишидо, Кийяма, Оноши и Суджийяма должны согласиться, так? Ведь новый регент должен подходить им всем? Конечно! Теперь, старина, с кем на земле согласятся разделить власть эти враги? А? И пока они будут спорить, решения не будет и...

– Мы подготовимся к войне, вы больше не будете связаны и сможете здесь капнуть меду, там пролить немного желчи – и эти мерзавцы сожрут сами себя! – поспешно сказал Хиро-Мацу. – Ах, Йоши Торанага-нох-Миновара, вы настоящий мужчина. Я съем свой зад, если вы не самый мудрый на земле!

«Да, это был хороший план, – подумал Торанага. – И все они хорошо сыграли свои роли: Хиро-Мацу, Кири и моя любимая Сазуко. А теперь они намертво заперты в замке и останутся там или будут отпущены. Я думаю, им никогда не позволят уехать. Мне будет жаль потерять их».

Он безошибочно вел свой отряд, шаг был быстр, но размерен, так шагал он на охоте и при необходимости мог непрерывно держать этот темп в течение двух дней и ночи. На нем все еще была дорожная одежда и кимоно Кири, но они были подтянуты, его военные краги выглядели нелепо.

Они пересекли еще одну пустынную улицу и начали спускаться по аллее. Он знал, что тревожное сообщение скоро достигнет Ишидо и начнется очень серьезная охота.

«Времени достаточно, – сказал он про себя. – Да, это был хороший план. Но я не ожидал засады. Это стоит мне трех дней безопасности. Кири была уверена, что она сможет три дня скрывать этот обман. Но теперь все обнаружилось, и я не смогу проскользнуть на корабль и выйти в море. На кого была устроена засада? На меня или на кормчего? Конечно, на кормчего. Но разве стрелы не летели в оба паланкина? Да, но лучники были далеко, и им было трудно разобрать, кто где, поэтому было разумнее и безопаснее расстрелять оба паланкина, просто на всякий случай.

Кто приказал устроить это нападение, Кийяма или Оноши? Или португальцы? Или священники-христиане?»

Торанага повернулся, чтобы проверить, где кормчий. Он увидел, что тот не выглядел усталым, как и женщина, шедшая рядом с ним, хотя обоим и досталось. На горизонте он видел огромную приземистую громаду замка и напоминающий фаллос силуэт главной

башни. «Сегодня уже второй раз я был здесь на волосок от гибели, – подумал он, – Действительно ли замок собирается покарать меня? Тайко достаточно часто говорил мне: «Пока жив Осацкий замок, мой род не прекратится, и ты, Торанага Миновара, получишь эпитафию на его стенах. Осака погубит тебя, мой верный слуга!» – И вечно свистящий насмешливый смех, который выводил из себя».

Жив ли Тайко в Яэмоне? Так или нет. Яэмон – его законный наследник.

Торанага с трудом отвел глаза от замка, повернул за другой угол и скользнул в лабиринт аллей. Вскоре он остановился у стареньких ворот; На столбах была изображена рыба. Он постучался условным стуком, дверь сразу же открылась. Через мгновение ему уже кланялся непричесанный самурай:

– Господин?

– Соберите ваших людей и следуйте за мной, – сказал Торанага и вышел.

– С радостью.

Этот самурай не носил форменного кимоно коричневых, только пестрые лохмотья ронина, но он входил в один из секретных специальных отрядов отборных самураев, которые Торанага тайком переправил в Осаку на случай непредвиденных событий. Пятнадцать человек, одинаково одетых и одинаково хорошо вооруженных, тронулись за ним следом и быстро занимали места в охране спереди и сзади, а другие в это время побежали поднимать по тревоге остальные отряды. Вскоре с Торанагой уже было пятьдесят человек. Еще сто человек прикрывали его с флангов. Другая тысяча должна была приготовиться к рассвету, если в них возникнет необходимость. Он расслабился и замедлил шаг, чувствуя, что кормчий и женщина слишком быстро устанут. Они были нужны ему сильными.

* * *

Торанага стоял в тени склада и рассматривал пристань, галеру и берег в зоне прилива. Ябу и самурай стояли около него. Другие собрались плотной толпой в ста шагах дальше по аллее.

Подразделение из ста серых ожидало около входа на галеру, в нескольких сотнях шагов от них, с другой стороны утоптанной пустой площади, это исключало возможность внезапной атаки. Сама галера была дальше, пришвартованная у столбов каменного мола, который на сотню ярдов тянулся в море. Весла были закреплены на бортах, на палубе можно было с трудом разобрать нескольких моряков и воинов.

– Это наши или нет? – спокойно спросил Торанага.

– Слишком далеко, чтобы сказать наверняка, – ответил Ябу.

Прилив был высокий. За галерой подходили и уходили рыбацьи лодки, фонари на них зажигались для плавания и как приманка для рыбы. К северу, дальше по берегу, располагались ряды вытасенных на берег рыбацких судов разного размера, с ними возились несколько рыбаков. В пятистах шагах к югу, около другого каменного мола, стоял португальский фрегат «Санта-Тереза». При свете факелов толпы носильщиков торопливо загружали его тюками и бочонками. Около них в небрежных позах располагалась еще одна группа самураев. Это было нормально, так как все португальские и другие иностранные корабли в порту согласно закону загружались под постоянным наблюдением. Только в Нагасаки португальские корабли могли свободно загружаться и разгружаться.

«Если охрана здесь будет усилена, мы сможем спать спокойней, – сказал себе Торанага. – Да, но сможем ли мы запереть их и тем не менее во все больших количествах вести торговлю с Китаем? Чужеземцы с юга поймали нас в одну ловушку, из которой мы не выберемся, пока дайте-христиане управляют Кюсю, и священники еще нужны. Лучшее, что мы можем сделать, – это поступать как Тайко. Понемногу уступать им, притворяясь, что собираемся все отобрать, пытаться блефовать, зная, что без торговли с Китаем нам не прожить».

– С вашего разрешения, господин, я бы атаковал немедленно, – прошептал самурай.

– Я против этого, – сказал Ябу, – мы не знаем, наши ли люди на борту... И здесь кругом может быть спрятана тысяча человек. Эти люди, – он указал на серых около португальского корабля, – они поднимут тревогу. Мы не сможем захватить корабль и выйти в море до того, как они блокируют нас. Нам нужно в десять раз больше народу, чем у нас есть сейчас.

– Господин генерал Ишидо скоро узнает обо всем, – сказал самурай, – тогда вся Осака наполнится врагами, которые слетятся на новое поле битвы. У меня сто пятьдесят человек с теми, что на флангах. Этого будет достаточно.

– Не для полной уверенности. Нет, если наши моряки не готовы сесть на весла. Лучше устроить тревогу, чтобы отвлечь серых – и всех тех, кто сидит в засаде. Этих тоже. – Ябу снова указал на людей около фрегата.

– Какую тревогу? – спросил Торанага.

– Поджечь улицу.

– Это невозможно! – запротестовал самурай в ужасе. Поджог был преступлением, наказуемым публичным сжиганием семьи виновного человека, всех ее поколений. Наказание согласно законам было самым жестоким, потому что пожар был самой большой опасностью в любой деревне, поселке или городе империи. Дерево и бумага были их единственными строительными материалами, за исключением черепицы на некоторых крышах. Каждый дом, каждый сарай, каждый навес и каждый дворец представляли собой повышенную пожарную опасность.

– Мы не можем поджечь улицу!

– Что важнее, – спросил Ябу, – разрушение нескольких улиц или смерть нашего хозяина?

– Огонь распространится, Ябу-сан. Мы не можем сжечь всю Осаку. Здесь живет целый миллион народу – и больше.

Мертвенно-бледный, самурай повернулся к Торанаге.

– Господин, я сделаю все, что вы скажете. Вы хотите, чтобы я это сделал?

Торанага только поглядел на Ябу.

Дайме только презрительно ткнул пальцем в сторону города.

– Два года назад он сгорел наполовину, а посмотрите на него сейчас. Пять лет назад был великий пожар. Сколько сотен тысяч пропало тогда? Ну и что? Они же просто лавочники, торгаши, ремесленники и «эта». Это не деревня, заселенная крестьянами.

Торанага долго молчал, определяя направление ветра. Он был слабый и не смог бы раздуть сильного пламени. Может быть. Но пламя легко могло стать наказанием, которое уничтожило бы весь город. За исключением замка. «Ах, если бы оно могло уничтожить только замок, я бы не колебался ни минуты».

Он повернулся на каблуках и подошел к остальным.

– Марико-сан, возьмите шесть самураев и кормчего и идите на галеру. Притворитесь, что вы почти в панике. Скажите серым, что на вас была устроена засада – бандитами или ронинами, вы не уверены, кем именно. Скажите им, где это случилось, что вы были срочно посланы вперед командиром сопровождающих вас серых, чтобы позвать на помощь, что битва все еще продолжается, что вы думаете, что Киритсубо убита или ранена, – пожалуйста, поторопитесь. Если вы их убедите в этом, большинство их уйдет отсюда.

– Я вас поняла, господин.

– Затем, независимо от того, что будут делать серые, поднимайтесь на борт вместе с кормчим. Если наши моряки там и корабль цел и надежен, возвращайтесь к сходням и притворитесь, что падаете в обморок. Это сигнал нам. Сделайте это точно в начале лестницы. – Торанага посмотрел на Блэксорна. – Скажите ему, что вы собираетесь делать, но не упоминайте, что вы собираетесь падать в обморок. – Он отвернулся, чтобы отдать приказы остальным своим людям и специальные секретные инструкции шести самураям.

Когда Торанага кончил, Ябу отвлек его в сторону.

– Зачем посылать чужеземца? Разве не безопаснее оставить его здесь? Безопаснее для

вас?

– Безопаснее для него, Ябу-сан, но не для меня. Он полезная приманка.

– Поджигание улицы будет даже безопаснее.

– Да. – Торанага подумал, что лучше иметь Ябу на своей стороне, чем на стороне Ишидо. Я рад, что не заставил его вчера прыгать с башни.

– Господин?

– Да, Марико-сан?

– Извините, но Анджин-сан спрашивает, что делать, если корабль занят врагами?

– Скажите ему, что необязательно ему идти с вами, если он недостаточно силен.

Блэксорн едва сдержался, когда она передала ему, что сказал Торанага.

– Скажите господину Торанаге, что его план нехорош для вас, что вам следует остаться здесь. Если все будет хорошо, я дам сигнал.

– Я не могу сделать этого, Анджин-сан, это не то, что приказал наш хозяин, – твердо сказала Марико. – Любой план, который он придумывает, отличается большой мудростью.

Блэксорн понял, что спорить не о чем. «Боже, покарай их за это кровожадное, ослиное высокомерие, – подумал он. – Но, ей-богу, каково мужество! И у него, и у этой женщины».

Он следил за ней, стоящей у засады с боевым мечом такой длины, что он был почти вровень с ней, готовой сражаться насмерть за Торанагу. Он увидел, как она умело пользуется мечом, и хотя нападавшего убил Бунтаро, она облегчила ему задачу, заставив того отступить. На ее кимоно еще была кровь, оно было разорвано в нескольких местах, грязь была и на лице.

– Где вы так научились пользоваться мечом? – спросил он, пока они бежали к доку.

– Вам следует знать, что все женщины-самураи очень рано учатся владеть ножом, чтобы защищать свою честь и честь их господ, – сказала она сухо и показала ему, как она прячет свой стилет, готовый к немедленному действию, – но некоторые из нас, немногие, учатся владеть еще мечом и пикой, Анджин-сан. Некоторые отцы считают, что их дочери, так же как и сыновья, должны быть готовы к битве за своих хозяев. Конечно, некоторые женщины более воинственны, чем другие, и рады, когда идут на битву вместе со своими мужьями и отцами. Мои отец и мать решили, что я должна уметь владеть мечом и пикой.

– Если бы не подвернулся тот капитан серых, первая стрела попала бы прямо в вас, – сказал он.

– В вас, Анджин-сан, – уверенно поправила она его, – но вы спасли меня, оттащив в безопасное место.

Теперь, глядя на нее, он знал, что ему не хочется, чтобы с ней что-нибудь случилось.

– Давайте я пойду с самураями, Марико-сан, а вы оставайтесь здесь. Пожалуйста.

– Это невозможно, Анджин-сан.

– Тогда мне нужен нож. Лучше дайте мне два. Она передала это требование Торанаге, который согласился. Блэксорн засунул один под пояс, внутрь кимоно. Другой он привязал, вниз рукояткой, к руке под рукавом, используя для этого полоску шелка, оторванного от обшлага кимоно.

– Мой хозяин спрашивает, все ли англичане носят ножи тайком в рукавах, как вы?

– Нет. Но большинство моряков делают именно так.

– Это необычно – не как у португальцев, – сказала она.

– Лучшее место для запасного ножа – в сапоге. Тогда вы можете нанести хороший удар очень быстро. Если это необходимо.

Она перевела его слова, и Блэксорн заметил, как Торанага и Ябу внимательно поглядели на него, и понял, что им не понравилось то, что он вооружается. «Хорошо бы, – подумал он, – мне удалось остаться вооруженным».

Он опять стал думать о Торанаге. После того, как нападение из засады было отбито и серые перебиты, Торанага через Марико перед всеми коричневыми поблагодарил его за «верность». И больше ничего, ни обещаний, ни соглашений, ни наград. Но Блэксорн знал, что это придет позднее. Старый монах сказал ему, что верность была единственной вещью,

за которую они награждали. «Верность и обязанность, сеньор, – говорил он. – Это их культ, это бусидо. Там, где мы отдаем наши жизни за Бога и его сына Иисуса и Марию, Матерь Божью, эти животные жертвуют собой за жизнь своих хозяев и умирают как собаки. Помните, сеньор, ради спасения своей души они животные».

«Они не животные, – подумал Блэксорн. – И многое из того, что ты сказал, отец, неправда и преувеличение фанатика».

Он сказал Марику:

– Мне нужно знать сигнал – если корабль свободен или если нет.

Она опять перевела Торанаге, на этот раз все было спокойно.

– Господин Торанага говорит, что один из наших солдат сделает это.

– Я считаю, что это трусость – посылать женщину выполнять мужскую работу.

– Пожалуйста, будьте терпеливыми с нами, Анджин-сан. Нет различий между мужчиной и женщиной. Женщины такие же самураи. В этом плане женщина может быть много лучше, чем мужчина.

Торанага коротко спросил ее о чем-то.

– Вы готовы, Анджин-сан? Мы сейчас выходим.

– План плохой и опасный, и я устал быть проклятой священной ощипанной уткой, но я готов.

Она засмеялась, поклонилась Торанаге и побежала. Блэксорн и шесть самураев побежали вслед за ней.

Она бежала очень быстро, и он не смог догнать ее до поворота, когда они завернули за угол и попали на открытое пространство. В тот же миг, как они появились, серые заметили их и бросились вперед. Вскоре они были окружены. Марику лихорадочно затараторила с самураями и серыми. Потом он тоже добавил к этому галдежу, пытая, смесь из португальских, английских и немецких слов, жестами прося их поторопиться, и схватился за трап, ему не было необходимости притворяться, что он задыхается. Он пытался рассмотреть, что происходит внутри корабля, но ничего не видел достаточно отчетливо, только многочисленные головы, появляющиеся у планшира. Он мог видеть бритые макушки многочисленных самураев и не менее многочисленных моряков. Цвета кимоно различить ему не удавалось.

Сзади один из серых быстро заговорил с ним, он повернулся, объясняя, что не понимает, – идите туда, быстро, назад по улице, где продолжается эта проклятая битва. «Вакаримас ка? Убери отсюда к черту свой зад с поджатым хвостом! Вакаримас ка? Там бой идет!»

Марику с безумным видом что-то рассказывала командиру серых. Офицер отошел назад к кораблю и прокричал приказы. Сразу же более сотни самураев, все серые, начали выскакивать из корабля. Он послал нескольких человек к северу вдоль берега, чтобы встретить раненых и помочь им при необходимости. Один был срочно послан за помощью от серых около португальской галеры. Оставив десять человек охранять сходни, он быстрым шагом повел остальных по улице, которая, извиваясь, шла от дока и поднималась вверх в город.

Марику подошла к Блэксорну.

– Как вам кажется, с кораблем все в порядке? – спросила она.

– Он на плаву.

С большим усилием Блэксорн уцепился за канаты сходней и подтянулся на палубу. Марику последовала за ним. За нею поднялись двое коричневых.

Моряки, толпившиеся у прохода через планшир, уступили им дорогу. Четверо серых охраняли ют, еще двое были на палубе полуюта. Все они были вооружены луками со стрелами и мечами.

Марику расспросила одного из моряков. Тот ответил ей с большой любезностью.

– Это все моряки, нанятые, чтобы доставить Киритсубо-сан в Эдо, – сказала она Блэксорну.

– Спросите его... – Блэксорн замолчал, так как он вдруг узнал низенького приземистого моряка, которого он сделал капитаном на галере после шторма, – Конбанва, капитан-сан! (Добрый вечер!)

– Конбанва, Анджин-сан. Ватаси ие, капитан-сан, има, – ответил моряк с ухмылкой, качая головой. Он указал на гибкого моряка с серо-стальной торчащей косичкой, который один стоял на юте, – Имасу капитан-сан!

– Ах, со дес? Хэллоу, капитан-сан! – крикнул Блэксорн и поклонился, потом сказал, понизив голос: – Марико-сан, проверьте, есть ли еще серые на борту в трюме.

Прежде чем она успела что-либо сказать, капитан ответил на поклон и прокричал что-то моряку. Тот кивнул и ответил очень подробно. Некоторые из матросов что-то согласно прокричали. Капитан и все остальные на борту были поражены.

– Ах, со дес, Анджин-сан. – После этого капитан крикнул: – Кейрей! (Что значит – салют!) – Все на борту, кроме самурая, приветственно поклонились Блэксорну.

Марико сказала:

– Этот моряк говорит капитану, что вы спасли корабль во время шторма, Анджин-сан. Вы не рассказали нам о шторме и вашем плавании.

– Там нечего рассказывать. Просто был еще один шторм. Пожалуйста, поблагодарите капитана и скажите, что я счастлив снова оказаться на борту. Спросите его, готовы ли мы отплыть сразу же, как придут остальные. – И тихонько добавил: – Проверьте, есть ли еще серые в трюме.

Она сделала, как он приказал.

Подождал капитан, и она расспросила его, а потом, сопоставив все намеки капитана о важности пребывания Блэксорна на борту, она поклонилась Блэксорну:

– Анджин-сан, он благодарит вас за спасение его корабля и говорит, что они готовы, – добавив тихонько: – Об остальном он не знает.

Блэксорн взглянул на берег. Признаков Бунтаро или колонны на севере не было. Самурай, посланный бегом на юг по направлению к «Святой Терезе», все еще был в сотне ярдов от своей цели, пока еще не замеченный.

– Что теперь? – сказал он, когда уже не смог больше ждать. Она спросила себя: «Корабль в безопасности? Решай».

– Этот человек скоро доберется до места, – сказал он, глядя на фрегат.

– Что? Он показал:

– Это – самурай!

– Так что самурай? Извините, я не могу разобрать на таком расстоянии, Анджин-сан. Я вижу все, что на корабле, кроме серых перед ним – они как в тумане. Кто этот человек?

Он объяснил, добавив по-латыни:

– Теперь он всего в пятидесяти шагах. Его хорошо видно. Нам очень нужна помощь. Кто даст знак? В таком положении его нужно подать как можно быстрее.

– А мой муж, его нигде не видно? – спросила она по-португальски.

Он покачал головой.

«Шестнадцать серых стоят между моим господином и его спасением, – сказала она себе – О Мадонна, защити его!»

Потом, доверившись Богу, но опасаясь, что она принимает неверное решение, она прошла к началу лестницы и сделала вид, что упала в обморок.

Блэксорн не был предупрежден об этом. Он увидел, что ее голова ударилась о деревянные ступеньки. Моряки начали собираться около нее, серые подходили от пристани и с палуб, Блэксорн подбежал к ней. Он поднял ее и понес обратно, на ют.

– Принесите немного воды... воды, хай?

Моряки уставились на него, не понимая. Он отчаянно искал в уме японское слово. Старый монах говорил ему пятьдесят раз. «Боже, да как же это?»

– О, мизу, мизу, хай?

– Ах, мизу! Хай, Анджин-сан. – Человек кинулся за водой. Внезапно раздался

тревожный крик.

На берегу из аллеи выбежали тридцать самураев Торанаги, переодетые ронинами. Серые, которые устремились с корабля на берег, столпились у сходней. Те, которые находились на палубе полуюта и на юте, вытягивали шею, стараясь лучше разглядеть. Неожиданно один из них начал выкрикивать приказы. Лучники приготовили луки. Все самураи, и коричневые, и серые внизу, выхватили свои мечи, и большая их часть метнулась в гавань.

– Бандиты! – крикнул один из коричневых. Сразу же двое из коричневых на палубе разделились, один из них бросился вперед, другой на корму. Четверо на берегу бросились вперед, смешавшись с ожидающими серыми.

– Стойте!

Переодетые ронинами самураи Торанаги бросились в атаку. Стрела попала в грудь одного из них, и он тяжело упал на землю. Тут же коричневые убили серого лучника и напали на другого, но этот самурай оказался проворнее, и они скрестили мечи, серый кричал, предупреждая остальных об измене. Коричневый на юте ранил одного из серых, но трое других быстро расправились с ним и побежали к сходням, моряки рассыпались кто куда. Самураи на нижней палубе отчаянно сражались, зная, что они преданы и что в любой момент они тоже будут смяты нападающими. Командир серых на палубе, крупный плотный мужчина с седой бородой, бросился на Блэксорна и Марику.

– Убейте предателей! – проревел он и напал на них с боевым кличем.

Блэксорн видел, что все они глядят вниз на Марику, все еще лежащую в обмороке, стремясь убить ее, и знал, что если он не сделает что-нибудь как можно быстрее, скоро они оба будут мертвы и что от моряков помощи ждать нечего, потому что только самурай может сражаться с самураем.

Блэксорн вытащил нож, зажал его в руке и, с силой метнув, попал в горло самураю. Два других бросились на Блэксорна, высоко подняв боевые мечи. Он сжал второй нож и стал около Марики, зная, что не сможет бросить ее беззащитной. Углом глаза он видел, что битва у сходней почти выиграна. На мостках внизу держались еще только трое серых, они не давали захватить корабль. Если он сможет остаться в живых меньше чем минуту, он будет спасен и она будет спасена. Убить их, убить негодяев!

Он скорее почувствовал, чем увидел, что меч тянется к его горлу, и отскочил в сторону. Один из серых устремился за ним, другой остановился над лежащей Марику, подняв меч. В этот момент Блэксорн увидел, что Марику приходит в сознание. Она бросилась к ногам ничего не подозревающего человека, свалив его на палубу. Затем, подобравшись к убитому серому, выхватила меч, все еще сжатый в его руке, с криком бросилась на стражника. Сваленный ею серый вскочил на ноги и, яростно взвывая, пошел на нее. Она отступила и храбро отбивалась мечом, но Блэксорн знал, что она погибла, так как мужчина был слишком силен. Каким-то чудом Блэксорн избежал смерти во время очередной атаки своего противника, оттолкнул его ногой и бросил нож в нападавшего на Марику. Он попал в спину, не дав ему точно ударить мечом, после чего Блэксорн оказался на юте, в безвыходном положении, так как один серый шел за ним по пятам, а – другой, который только что вышел победителем из схватки на полуюте, бежал к нему по палубе. Он прыгнул к планширу, пытаясь спастись в море, но поскользнулся на залитой кровью палубе.

Марику посмотрела вверх, побледнев, на огромного самурая, который, шатаясь, все еще блокировал ее в углу, – жизнь быстро покидала его, но все-таки недостаточно быстро. Она нанесла ему удар со всей своей силой, но он парировал его и, захватив ее меч, вырвал его из рук. Он собрал все свои силы и нанес удар, когда одетые ронинами самураи ворвались на сходни через мертвых серых. Один напал на противника Марику, другой выстрелил из лука в сторону юта.

Стрела вонзилась в спину серого, он потерял равновесие, и его меч скользнул за спиной Блэксорна по планширу. Блэксорн пытался отползти в сторону, но самурай схватил его, бросил на палубу и потянулся к глазам Блэксорна. Другая стрела ударила серого в плечо, и

он выронил меч, закричал от боли и злости, тщетно пытаясь выдернуть древко. Третья стрела заставила его скорчиться. Кровь хлынула изо рта, он задышался, глаза его стекленели, но он тянулся к Блэксорну и упал на него в тот момент, когда последний из серых подбежал, пытаясь нанести смертельный удар коротким мечом. Он занес его над совершенно беспомощным Блэксорном, но дружеская рука перехватила меч. Голова противника отделилась от шеи, вверх брызнул фонтан крови. Оба трупа с Блэксорна сняли и подняли его вверх, поставив на ноги. Вытирая кровь с лица, он с трудом разглядел, что Мариико распростерта на палубе, вокруг нее суетится одетый как роннин самурай. Он оттолкнул своих помощников, спотыкаясь, побрел по направлению к ней, но колени его согнулись, и он рухнул на палубу.

Глава Двадцать Пятая

Потребовалось добрых десять минут, чтобы Блэксорн собрался с силами и мог стоять без посторонней помощи. Тем временем самурай, наряженный как ронин, расправился с тяжело ранеными и выбросил в море трупы. Погибло шестеро коричневых и все серые. Они прибрались на корабле и приготовили его к немедленному отплытию, послав моряков на весла и поставив других в ожидании команды поднимать якоря. Количество факелов удвоили, нескольких самураев послали на разведку к северу вдоль берега, чтобы перехватить Бунтаро. Большое количество людей Торанаги отправили к югу, в сторону каменного волнолома, расположенного в двухстах шагах, где они заняли хорошую оборонительную позицию, защищаясь от сотни серых с фрегата, которые, увидев атаку, быстро приближались.

Когда все на берегу было проверено и перепроверено, командир сложил руки рупором и прокричал в сторону берега. Из ночной тьмы тут же появились новые самураи, одетые как ронины, ими командовал Ябу, они образовали две шеренги, загромождающие проход с южной и северной сторон. Потом появился Торанага и в одиночку медленно пошел к сходящим. Он снял женское кимоно и черный дорожный плащ и смыл весь грим. Теперь на нем были доспехи, поверх них простое коричневое кимоно, за пояс были заткнуты мечи. Пространство за ним было загорожено остатками его охраны, вся фаланга мерной поступью направилась к гавани.

«Негодяй, – подумал Блэксорн. – Ты жестокий, хладнокровный, бессердечный негодяй, но в тебе есть величие, – без сомнения».

Перед этим он видел, как Мариико несли вниз, ей помогала молодая женщина, и он предположил, что она ранена, но несильно, потому что всех сильно раненных самураев тут же убивали, если они не могли сделать этого сами, а она была самураем.

Руки у него были очень слабы, но он взялся за штурвал и подтянулся вверх, – ему помог один из моряков; слабый бриз разогнал тошноту, он почувствовал себя лучше. Шатаясь, все еще плохо соображая, он смотрел, что делает Торанага.

В главной башне замка вспыхнул свет, оттуда донеслись слабые звуки набата. Потом со стен замка вдруг полетели в небо огни сигнальные огни.

«Боже мой, они, должно быть, получили сообщение, видимо, узнали о бегстве Торанага!»

В тишине он видел, как Торанага оглянулся назад и вверх. Огни засветились по всему городу. Без лишней спешки Торанага повернулся и поднялся на борт.

Ветер с севера донес отдаленные крики. Бунтаро! Это должен быть он с остатками колонны. Блэксорн всматривался в темноту вдаль, но не мог ничего рассмотреть. На севере расстояние между атакующими серыми и защищающимися коричневыми быстро сокращалось. Он прикинул соотношение сил. В данный момент примерно поровну. Но сколько времени это будет продолжаться?

«Кейрей!» Все на борту встали на колени и низко поклонились, как только Торанага вступил на палубу. Торанага сделал знак Ябу, который сопровождал его. Ябу тут же отдал

команду, приказывая отчаливать. Пятьдесят самураев из фаланги подбежали к сходням, заняли оборонительную позицию, лицом к берегу, приготовив луки.

Блэксорн почувствовал, что кто-то тянет его за рукав.

– Анджин-сан!

– Хай?

Он посмотрел вниз на лицо капитана. Тот разразился потоком слов, указывая на штурвал. Блэксорн понял, что капитан думает, что он будет вести судно, и спрашивает разрешения отдать концы.

– Хай, капитан-сан, – ответил он, – отчаливай! Исоги! – «Да очень быстро», – сказал он себе, удивляясь, как он так легко запомнил это слово.

Галера отошла от пристани, подгоняемая ветром, лодочники гребли очень хорошо. Тут Блэксорн увидел, что серые достигли волнолома и началась суматошная схватка. В этот момент из темноты за рядами стоящих у берега лодок выскочили трое мужчин и девушка, на бегу отбивающиеся от девяти серых. Блэксорн узнал Бунтаро и служанку Соно.

Бунтаро руководил отступлением к пристани, его меч был окровавлен, стрелы торчали из доспехов на груди и спине. Девушка была вооружена пикой, ее шатало, она задыхалась. Один из коричневых остановился, чтобы прикрыть отступление, но серые тут же смяли его. Бунтаро подбежал к ступеням, девушка с последним коричневым держались около него, но тут он повернулся и, как дикий бык, обрушился на серых. Первые двое свалились с десятифутовой пристани, один сломал позвоночник о камни внизу, другой падал с ужасным воплем, его правая рука была отрублена. Серые какой-то момент помешкали, дав время девушке направить на них копьё, но все на берегу знали, что это только жест. Последний коричневый последовал за своим хозяином, очертя голову бросившись на врага. Серые зарубили его, потом кинулись всей кучей.

Лучники с корабля стреляли залпами, убив или покалечив всех атакующих серых, кроме двух человек. Меч отскочил от шлема Бунтаро, ударив его по броне на плече. Бунтаро ударил противника по шее ниже подбородка своей рукой в доспехах, сломав ему шею, и оттолкнул его от себя. Этот человек умер.

Девушка теперь была на коленях, пытаясь отдышаться. Бунтаро не терял времени, чтобы удостовериться, что все серые мертвы, – он просто отрубал им головы одним мастерским ударом и, когда совсем уверился, что пристань безопасна, повернулся к морю и махнул Торанаге рукой, обессиленный, но счастливый. Торанага ответил, тоже очень довольный.

Корабль был в двадцати ярдах от пристани, расстояние до него увеличивалось.

– Капитан-сан, – позвал Блэксорн, жестами давая понять, что дело срочное, – вернитесь к пристани! Исоги!

Капитан послушно прокричал команды. Весла сразу замерли и начали грести в обратную сторону. Ябу тут же поспешил на ют и с жаром заговорил с капитаном. Приказ был ясен.

Корабль не вернулся.

– Ради Бога, ведь еще масса времени. Смотрите! – Блэксорн показал на пустую вытопанную площадку и волнолом, где ронины удерживали серых перед входом на пристань.

Но Ябу покачал головой.

Расстояние уже увеличилось до тридцати ярдов, и в мозгу Блэксорна все кричало: «Да что же с вами, ведь там Бунтаро, ее муж!»

– Вы не можете дать ему погибнуть, ведь он один из вас, – крикнул он Ябу и всему кораблю. – Ему! Бунтаро! – Он повернулся к капитану: – Вернись туда! Исоги!

Но на этот раз капитан беспомощно замотал головой и остался на прежнем курсе, а главный над гребцами продолжал отбивать ритм на большом барабане.

Блэксорн кинулся к Торанаге, который стоял спиной к нему, разглядывая берег и пристань. На пути у кормчего сразу же встали четыре телохранителя, подняв мечи. Он

окликнул его:

– Торанага-сама! Дозо! Прикажите кораблю вернуться! Туда! Дозо! Пожалуйста! Вернитесь!

– Ие, Анджин-сан. – Торанага сразу же указал на факелы в замке и у волнолома и окончательно отвернулся от него.

– Ну, вы, дерьмовые трусы... – начал Блэксорн и замолчал. Он бросился к плану и наклонился над ним, – Вплыв! – закричал он, показывая им жестами. – Плывите же, ради Бога!

Бунтаро понял. Он поднял девушку на ноги и заговорил с ней, почти столкнув ее к краю причала, но она закричала и кинулась перед ним на колени. Очевидно, она не могла плавать.

Блэксорн в отчаянии кинул взгляд на палубу. Не было времени спускать лодку. Слишком далеко, чтобы бросить веревку. Не хватит сил, чтобы доплыть туда и обратно. Нет спасательных жилетов. Как к последнему средству, он подбежал к ближайшим гребцам, по двое гребущим одним веслом, и остановил их. Все весла с левого борта сразу же сбились с ритма, весло стало задевать за весло. Галера неуклюже замедлила ход, барабан перестал выбивать ритм, и Блэксорн показал гребцам, чего он хотел.

Два самурая направились к нему, чтобы остановить, но Торанага приказал им отойти и не вмешиваться.

Блэксорн вместе с четырьмя моряками бросил весло, как дротик, с одного борта галеры. Оно пролетело какое-то расстояние, потом аккуратно легло на воду и по инерции подплыло к пристани.

В это время со стороны волнолома раздался победный клич. Из города к серым спешило подкрепление, и, хотя переодетые ронинами самураи еще сдерживали атакующих, их поражение было только вопросом времени.

– Ну, – кричал Блэксорн. – Исоги-и-и-и!

Бунтаро поднял девушку, показал на весло и на корабль. Она слабо поклонилась. Бунтаро отвернулся от нее и стал следить за сражением, его огромные ноги твердо стояли на пристани.

Девушка что-то прокричала, обращаясь к кораблю. Ей ответил женский голос, и она прыгнула в воду. Вынырнув, она подплыла, молотя руками и ногами по воде, к веслу и ухватилась за него. Весло легко выдержало ее вес, и она поплыла к кораблю. Девушка удержалась, когда ее накрыла небольшая волна, и подплывала к галере. Но вдруг ее охватил страх, она ослабила хватку, и весло выскользнуло из ее рук. Какое-то бесконечное мгновение она барахталась, потом скрылась под водой. И больше не появилась.

Теперь на пристани остался один Бунтаро, он стоял, наблюдая, как то разгорается, то снова затихает сражение. С юга на помощь шло все увеличивающееся подкрепление серых, среди них несколько конников, и он знал, что скоро весь волнолом будет затоплен морем людей. Он внимательно посмотрел на север, запад и юг. Потом повернулся спиной к битве и пошел к дальнему концу пристани. Галера была в безопасности в семидесяти ярдах от ее наиболее выдающихся в море причалов. Все рыбацкие лодки ушли далеко от места битвы и ждали на максимально возможном удалении с обеих сторон гавани, их ходовые огни светились в темноте, словно многочисленные кошачьи глаза.

Достигнув конца пристани, Бунтаро снял свой шлем, лук с колчаном и верхние доспехи, положив их рядом с ножнами. Обнаженные боевой и короткий меч он положил рядом отдельно. Потом, раздевшись по пояс, он поднял свое оружие и выбросил его в море. Боевой меч он рассматривал с особой любовью, потом метнул его со всей силой далеко на глубину. Тот погрузился в воду с громким плеском.

Он церемонно поклонился галере, Торанаге, который сразу же прошел на ют, откуда ему было лучше видно, и поклонился в ответ.

Бунтаро стал на колени, твердо упер короткий меч в камень перед собой, – лунный свет коротко блеснул на лезвии – и сидел неподвижно, словно молясь, лицом к галере.

– Чего он ждет, – пробормотал Блэксорн, галера была жутко неподвижна без боя барабана, – Почему он не прыгает и не плывет?

– Он готовится совершить сеппуку.

Марико стояла рядом, опираясь на молодую женщину.

– Боже мой, Марико, с вами все нормально?

– Нормально, – сказала она, едва слыша его, ее лицо было измучено, но не менее прекрасно.

Он увидел свежую повязку на ее левой руке около плеча, рукав там был оторван, и рука покоилась на перевязи, сделанной из материала, оторванного от ее кимоно. Повязка была в крови, капли ее стекали вниз по руке.

– Я так рад... – тут только до него дошло, о чем она говорила. – Сеппуку? Он собирается убить себя? Почему? У него масса времени, чтобы добраться сюда! Если он не может плавать, смотрите – вот весло, которое легко может выдержать его. Там, около пристани, видите? Вам не видно?

– Да, мой муж умеет плавать, Анджин-сан, – сказала она. – Все, что должны делать офицеры господина Торанаги, он может. Но он решил не плыть.

– Ради Бога, почему?

Внезапный дикий звук донесся с берега, выстрелило несколько мушкетов, стена обороны была пробита, несколько самураев в одежде ронинов упали замертво, но вскоре вновь разгорелись отдельные схватки. На этот раз авангард противника задержали и отбросили назад.

– Скажите ему, пусть плывет!

– Он не поплывет, Анджин-сан. Он готовится умереть.

– Если он хочет умереть, то объясните мне, ради Бога, почему он не идет туда? – Блэксорн пальцем показал в сторону боя. – Почему он не поможет своим людям? Если он хочет умереть, почему он не умрет в бою, как мужчина?

Марико не отводила своих глаз от пристани, опираясь на молодую женщину.

– Потому что он может быть захвачен в плен, и если он поплывет, он тоже может быть захвачен в плен, и тогда враг будет показывать его простым людям, стыдить его, делать другие ужасные вещи. Самурай не может быть захвачен в плен и остаться самураем. Это самый большой позор – быть захваченным в плен врагом, – поэтому мой муж собирается сделать то, что должен сделать мужчина, самурай. Самурай умирает с достоинством. Что самураю жизнь? Ничто. Вся жизнь – страдание, не так ли? Это его право и обязанность умереть с честью, перед свидетелями.

– Что за глупая жертва, – сказал Блэксорн сквозь зубы.

– Будьте терпимее к нам, Анджин-сан.

– Терпимее к чему? К новому вранью? Почему вы не доверяете мне? Разве я не заслужил этого? Вы лжете мне, не так ли? Вы притворились, что упали в обморок, а это был сигнал. Разве не так? Я спрашивал вас, а вы мне солгали.

– Мне приказали... это было приказано, чтобы защитить вас. Конечно, я вам доверяю.

– Вы лжете, – сказал он, зная, что он не прав, но не заботясь об этом, ненавидя этот вздор о жизни и смерти и страстно желая покоя и сна, тоскуя без привычной пищи и питья, своего корабля и своей семьи. – Вы все животные, – сказал он по-английски, зная, что это не так, и отошел в сторону.

– Что он сказал, Марико-сан? – спросила молодая женщина, с трудом скрывая свое раздражение. Она была на полголовы выше Марико, шире в кости, с квадратным лицом и маленькими острыми зубами. Это была Усаги Фудзико, племянница Марико, ей было девятнадцать лет. Марико объяснила ей.

– Что за ужасный человек! Что за отвратительные манеры! Противный, правда? Как вы можете терпеть его около себя?

– Потому что он спас честь нашего господина. Без его отваги, я уверена, господин Торанага был бы схвачен – мы все были бы схвачены. – Обе женщины вздрогнули.

– Боги спасли нас от такого позора! – Фудзико взглянула на Блэксорна, который, облокотившись на планшир, смотрел на берег. Она какое-то время рассматривала его. «Он смотрится, как золотая обезьяна с голубыми глазами – словно создан, чтобы пугать детей. Ужасно, правда?» – Фудзико вздрогнула и отвернулась от него, опять повернувшись к Бунтаро. Через какое-то время она сказала:

– Я завидую вашему мужу, Марико-сан.

– Да, – печально сказала Марико, – но я хотела бы, чтобы был кто-нибудь еще, чтобы помочь ему.

По обычаю при совершении сеппуку всегда помогает второй самурай, он помещается немного сзади стоящего на коленях человека и отрубает ему голову одним ударом, до того, как агония становится невыносимой и неконтролируемой и так унижает человека в этот высокий момент его жизни. Без помощника достойно умереть могут немногие.

– Карма, – сказала Фудзико.

– Да. Я очень его жалею. Единственная вещь, которой он боялся, – не иметь помощника в этот момент.

– Нам повезло больше, чем мужчинам, правда?

Женщины-самураи совершали сеппуку, вонзая нож в горло, и, следовательно, им не нужен был помощник.

– Да, – сказала Марико.

Ветер донес до них стоны и боевые кличи, отвлекая внимание. Оборона на волноломе снова была нарушена. Небольшой отряд из пятидесяти самураев Торанаги, одетых как ронины, прибежал с севера в качестве подкрепления, среди них было несколько конников. Прорыв снова был ликвидирован с помощью яростной атаки, не было отдано или захвачено ни пяди земли с той или другой стороны, но атакующие были отброшены, и какое-то время было выиграно.

«Время для чего? – горько подумал Блэксорн. – Торанага уже в безопасности. Он отплыл. Он предал вас всех».

Опять загремел барабан.

Весла ударили в воду, нос наклонился и стал резать волны, опять появилась струя за кормой. На стенах замка вверх еще горели сигнальные огни. Почти весь город проснулся.

Главные силы серых обрушились на волнорез. Глаза Блэксорна вновь обратились к Бунтаро. «Ты несчастный негодяй, – сказал он по-английски, – ты несчастный, глупый негодяй!»

Он повернулся и спустился вниз по коридору на главную палубу, направляясь к носу корабля, чтобы проверить, не попадут ли они на мель. Никто, кроме Фудзико и капитана, не заметил, что он ушел с юта.

Гребцы работали веслами очень слаженно, и корабль набирал скорость. Море было тихим, ветер был очень легким. Блэксорн ощутил вкус соли и обрадовался ему. Потом он заметил корабли, сгрудившиеся у выхода из гавани в половине лиги впереди. Это были, конечно, рыбацкие суда, но они были набиты самураями.

– Мы в ловушке, – громко закричал он, зная, что в любом случае это могли быть только враги.

По судну прошло какое-то движение. Все, кто следил за битвой на берегу, одновременно вздрогнули.

Блэксорн оглянулся. Серые спокойно очищали волнолом от коричневых, другие в это время неторопливо направились на пристань к Бунтаро, но четверо конников – коричневые – галопом неслись по площадке перед пристанью с северной стороны, с ними была пятая лошадь, которую вел в поводу их командир. Этот человек простучал копытами по широким каменным ступеням пристани вместе с запасной лошадью и помчался по ней, а остальные трое бросились на приближающихся серых. Бунтаро тоже оглянулся, но остался на коленях, и, когда человек подъехал к нему сзади, он отмахнулся, взял нож в обе руки, направив лезвие на себя. Торанага тут же сложил руки рупором и закричал:

– Бунтаро-сан! Уезжай с ними – попытайся спастись! Крик пронесся над волнами и несколько раз был повторен, пока Бунтаро явственно не услышал его. Он поколебался, пораженный, со все еще направленным себе в живот ножом. Снова раздался крик, настойчивый и повелительный.

С усилием Бунтаро переключился от смерти к жизни и холодно обдумал возможность попытки спастись, как ему приказывали. Риск был велик. «Лучше умереть здесь, – сказал он себе. – Разве Торанага не знает этого? Здесь почетная смерть. Там почти наверняка плен. Куда бежать? Триста ри, весь путь до Эдо? Да тебя наверняка схватят!»

Он почувствовал силу в руке, увидел, как у его обнаженного живота ждет уверенно, без дрожи в руке направленный кинжал, и страстно желал приближения освобождающей его смерти, которая наконец искупит все: позор отца, стоящего на коленях перед знаменем Торанаги, когда они должны были хранить верность Яэмону, наследнику Тайко, которому они присягали, позор уничтожения стольких людей, которые честно служили делу Тайко против узурпатора Торанаги, позор женщины, Марико, и ее единственного сына, глубоко испорченных, сын из-за его матери, а она из-за своего отца, чудовищного убийцы, Акечи Дзинсая. И позора от сознания того, что из-за них навеки осквернено его собственное имя.

«Сколько тысяч мук я вынес из-за нее?»

Его душа молила о прощении. Сейчас это было так близко, так легко и так почетно. Следующая жизнь будет гораздо лучше, как она могла быть хуже?

Но при всем при этом он опустил нож и повиновался, снова бросив себя в пучину этой жизни. Его сюзерен приказал ему терпеть дальнейшие страдания и решил не давать ему пока этой попытки. Что еще есть для самурая, кроме выполнения приказов?

Он вскочил, бросился в седло, сжал пятками конские бока и вместе с другим всадником ускакал. Другие всадники, одетые ронинами, выскочили из ночи, чтобы прикрыть их отступление и уничтожить командиров серых. Вскоре они тоже исчезли, за ними поскакало несколько серых на лошадях.

Корабль взорвался смехом.

Торанага, ликуя, стучал кулаком по плану, Ябу и самураи ревели. Даже Марико смеялась.

– Один убежал, а что с остальными мертвыми? – кричал Блэксорн в ярости. – Посмотрите на берег – там, должно быть, три, четыре сотни трупов. Посмотрите на них, ради Бога!

Но его голос не был слышен за смехом.

Потом с носа раздался тревожный крик передсмотрящего, и смех исчез.

Глава Двадцать Шестая

Торанага спросил спокойно:

– Можем мы пробиться через них, капитан? – Он следил за группой рыбацких лодок, в пятистах ярдах впереди, и соблазнительным проходом, который был оставлен между лодками.

– Нет, господин.

– Нам больше нечего делать, – сказал Ябу. – У нас нет выбора.

Он посмотрел назад на толпу серых, которые ждали на берегу и пристани, ветер доносил еле слышимые насмешки и оскорбления.

Торанага и Ябу стояли теперь на полуюте. Барабан молчал, и галера покачивалась на легкой волне. Все на борту ждали, что он решит. Они знали, что надежно заперты в гавани. Опасность на берегу, опасность впереди, ждать тоже опасно. Сеть будет смыкаться все туже и туже, а потом их возьмут в плен. Если потребуется, Ишидо будет ждать несколько дней.

Ябу весь кипел: «Если бы мы сразу кинулись из гавани, мы бы уже прорвались, а не ждали, теряя бесполезно время, этого Бунтаро, мы бы теперь были в безопасности в море, – говорил он себе. – Торанага теряет разум. Ишидо поверит, что я предал его. Я ничего не

смогу делать, если мы не прорвемся сейчас, и даже тогда я должен буду воевать на стороне Торанаги против Ишидо. Я ничего не смогу. сделать. Кроме как принести Ишидо голову Торанаги. А что? Это сделает меня регентом и даст мне Кванто, не так ли? А потом, через шесть месяцев, с мушкетами, вооружив самураев, почему это не даст мне президентства в Совете регентов? Чем не удача! Уничтожить Ишидо и стать верховным главнокомандующим при наследнике, протектором и комендантом Осацкого замка, генералом, распоряжающимся всеми богатствами главной башни, с властью над всей империей во время несовершеннолетия Яэмона и потом вторым после Яэмона. Почему бы и нет? Или даже самая большая удача. Уничтожить Яэмона и после этого стать сегуном. И все за одну голову и при добром расположении богов!»

– Прикажи атаковать посты! – скомандовал наконец Торанага.

Когда Ябу отдал приказания и самураи начали готовиться, Торанага переключил свое внимание на чужеземца, который все еще маячил у полуоткрытого, где он остановился, когда была поднята тревога, облокотившись на короткую грот-мачту.

«Хотел бы я понять его, – подумал Торанага, – то такой смелый, то такой слабый. То очень нужный, то такой бесполезный. В какой-то момент убийца, в какой-то. – трус. То послушный, то очень опасный. Он и мужчина, и женщина. Янь и Инь. Он противоречив и непредсказуем».

Торанага внимательно наблюдал за ним во время бегства из замка, потом во время засады и после нее. От Марико, капитана и других он слышал, что произошло во время схватки на борту. Он был свидетелем удивительных вспышек гнева несколько минут назад, и потом, когда Бунтаро ускакал, он слышал крики и видел вполглаза отвращение на его лице, а затем, когда все смеялись, только злость.

А почему не смех, когда враг поражен? Почему не смех, когда нужно выплеснуть горе, когда карма вмешивается в красивую смерть настоящего самурая, когда карма приводит к бесполезной смерти красивую девушку? Разве не только через смех мы становимся наравне с богами и таким образом можем вынести жизнь и преодолеть весь ее ужас, потери и страдания на этой земле? Как сегодня ночью, наблюдая за всеми этими смелыми людьми, встретившими свою судьбу здесь, на этом берегу, этой мягкой ночью, через карму, распорядившуюся тысячами жизней или только одной.

Разве не только через смех мы остаемся людьми?

Почему кормчий не поймет, что он тоже направляется кармой, как и я, как мы все, как даже этот Иисус Христос. Если все, что про него говорится, – правда, это только его карма заставила его умереть на кресте, как обычного преступника, в бесчестье, вместе с другими преступниками, на горе, как об этом рассказывал чужеземный священник.

Все карма.

Как дико прибавать человека к куску дерева и ждать, пока он умрет. Они хуже, чем китайцы, которые наслаждаются пытками.

– Спроси его, Ябу-сан! – сказал Торанага.

– Господин?

– Спроси его, что делать. Кормчего... Разве это не морское сражение? Разве ты не говорил мне, что кормчий – гений на море? Хорошо, давай проверим, прав ли ты. Пусть он докажет это.

Рот Ябу был сжат в плотную жесткую линию. Торанага мог чувствовать его страх, и это забавляло его.

– Марико-сан, – пролаял Ябу, – спросите кормчего, как выбраться – как пробиться через эти корабли?

Марико послушно отошла от планшера, девушка все еще поддерживала ее.

– Нет, со мной все нормально, Фудзико-сан, – сказала она, – спасибо.

Фудзико отпустила ее и неодобрительно смотрела на Блэксорна.

Ответ Блэксорна был коротким.

– Он говорит – пушками, Ябу-сан, – сказала Марико.

– Скажите ему, что он должен придумать что-нибудь получше, если он хочет сохранить голову!

– Мы должны быть терпеливыми с ним, Ябу-сан, – прервал его Торанага, – Мариико-сан, скажите ему вежливо: «К сожалению, у нас нет пушек. Нет ли другого способа выбраться? По земле невозможно». Точно переведите, что он ответит. Точно.

Мариико так и сделала.

– Извините, господин, но он говорит «нет». Только это:

«Нет». Невежливо.

Торанага сдвинул пояс и поскреб болячку под доспехами.

– Ну тогда, – сказал ин добродушно, – раз Анджин-сан – говорит, пушки, а он знает, что говорит, тогда пушки есть. Капитан, давай туда! – Его жесткий мозолистый палец со злобой нацелился на португальский фрегат. – Приготовь людей, Ябу-сан. Если эти южные чужеземцы не одолжат мне пушку, тогда ты заставишь их. Правильно?

– С большим удовольствием, – послушно сказал Ябу.

– Ты был прав, он гений.

– Но выход нашли вы, Торанага-сан.

– Легко найти решение, давая ответы, не так ли? А что решить с Осакским замком, союзник?

– Это не одно и то же. В этом Тайко был очень силен.

– Да. А что за решение было изменить им?

– Конечно, позорная смерть. Но я не понимаю, почему вы спрашиваете меня об этом.

– Просто пришла такая мысль – союзник, – Торанага взглянул на Блэксорна. – Да, он умен. Мне очень нужны умные люди. Мариико-сан, эти чужеземцы отдадут мне свои пушки?

– Конечно. Почему бы им не отдать? Она не привыкла, чтобы ее не слушались. Сейчас она все еще беспокоилась о Бунтаро. Было бы намного лучше позволить ему умереть там. Зачем рисковать его честью? Она ломала голову, почему в самый последний момент Торанага приказал Бунтаро уходить по суше. Торанага мог так же легко приказать ему плыть к кораблю. Это было бы намного безопасней, и для этого было достаточно много времени. Он мог даже приказать это, когда Бунтаро только пробился к пристани. Зачем ждать? В глубине ее души что-то самое секретное подсказало ей, что ее господин имел веские причины ждать и потом отдать такой приказ.

– А если не отдадут? Вы готовы убивать христиан, Мариико-сан? – спросил Торанага. – Разве это не самое невозможное по их законам: не убий?

– Да, это так. Но для вас, господин, мы с радостью пойдем в ад, мой муж, мой сын и я.

– Да, вы настоящий самурай, и я не забуду, что вы подняли меч, чтобы защитить меня.

– Пожалуйста, не благодарите меня. Если я в самой незначительной мере помогла, то это была моя обязанность. Если кого-то и нужно вспомнить, так это моего мужа или моего сына. Они для меня очень много значат.

– В настоящий момент вы для меня более ценны. Вы можете даже быть еще более ценной.

– Скажите как, господин. И все будет сделано.

– Отбросьте этого иностранного Бога.

– Господин? – Ее лицо окаменело.

– Отбросьте своего Бога. У вас слишком много обязанностей.

– Вы имеете в виду стать отступницей, господин? Отказаться от христианства?

– Да, если вы не сможете отправить этого Бога туда, где ему надлежит быть, – на задворках вашей души, не на главное его место.

– Пожалуйста, извините меня, господин, – сказала она, колеблясь, – но моя религия никогда не вставала в противоречие с моей верностью вам. Я всегда считала религию моим личным делом, все время. Чем я провинилась перед вами?

– Пока еще нет. Но можете.

– Скажите мне, что я должна делать, чтобы угодить вам.

– Христиане могут стать моими врагами, не так ли?
– Ваши враги – мои враги, господин.
– Священники сейчас противостоят мне. Они могут приказать всем христианам воевать со мной.

– Они не могут, господин. Они мирные люди.
– А если они продолжают противостоят мне? Если христиане воюют со мной?
– Вы никогда не должны сомневаться в моей верности. Никогда.
– Это Анджин-сан может говорить правду, а у ваших священников лживые языки.
– Есть хорошие священники и плохие священники, господин. Но вы мой сюзерен.
– Очень хорошо, Мариико-сан, – сказал Торанага. – Я учту это. Вам приказано подружиться с этим чужеземцем, научиться всему, что он знает, сообщать обо всем, что он говорит, научиться думать как он, не «исповедоваться» в том, что вы делаете, с подозрением относиться ко всем священникам, сообщать обо всем, что спрашивают священники или что они говорят. Ваш Бог должен приспособливаться быть где-то еще – между всем – или не быть вовсе.

Мариико отбросила прядь волос от глаз.

– Я могу делать все это, господин, и все-таки оставаться христианкой. Я клянусь вам в этом.

– Хорошо. Поклянись в этом вашим христианским Богом.

– Перед Богом клянусь вам в этом.

– Хорошо. – Торанага повернулся и позвал: – Фудзико-сан!

– Да, господин?

– С вами есть кто-нибудь из слуганок?

– Да, господин, две.

– Отдайте одну Мариико-сан. Пошлите другую за зеленым чаем.

– Там есть саке, если хотите. Чай. Зеленый. Ябу-сан, вам саке или зеленый чай?

– Чай, пожалуйста.

– Принесите саке для Анджин-сана.

Свет упал на маленькое золотое распятие, висевшее на шее у Мариико. Она увидела, что Торанага внимательно смотрит на него.

– Вы... вы хотите, чтобы я не носила его, господин? Снять его?

– Нет, – ответил он, – пусть оно напоминает вам о клятве. Они все следили за фрегатом. Торанага почувствовал, что кто-то смотрит на него, и оглянулся. Он увидел жесткое лицо, холодные голубые глаза и почувствовал ненависть – нет, не ненависть, подозрение. «Как смеет чужеземец подозревать меня?» – подумал он.

– Спросите Анджин-сана, почему он сразу не сказал, что там, на корабле чужеземцев, есть много пушек? Взять их, чтобы выйти из ловушки?

Мариико перевела. Блэксорн ответил.

– Он говорит... – Мариико колебалась, потом торопливо проговорила: – Пожалуйста, извините меня, он говорит, хорошо бы ему пользоваться своей головой.

Торанага рассмеялся:

– Поблагодарите его за его голову. Это самое правильное. Я надеюсь, она останется у него на плечах. Скажите ему, что теперь мы равны.

– Он говорит: «Нет, мы не равны, Торанага-сама. Но дайте мне мой корабль и команду, и я очищу весь океан. От любых врагов».

– Мариико-сан, вы думаете, он имеет в виду, что мы такие же, как все – испанцы и южные чужеземцы? – Вопрос был задан беспечно.

Бриз опять бросил прядь волос ей в глаза. Она устало откинула их назад.

– Не знаю, извините меня. Может быть, так, может быть, нет. Хотите, я спрошу его? Извините, но он... он очень странный. Я боюсь, я не понимаю его. Не во всем.

– У нас масса времени. Да. Со временем он объяснится с нами.

Блэксорн видел, как фрегат спокойно поднял якоря сразу после того, как сопровождавшие его серые в спешке высадились на берег, следил, как они спустили баркас, который быстро отбуксировал корабль от места стоянки у пристани на течение. Теперь корабль находился в нескольких кабельтовых от берега на глубокой воде, в безопасности, легкий носовой якорь спокойно держал его на месте, бортом к берегу. Это был обычный маневр европейских кораблей во вражеских или иностранных портах, где с берега могла угрожать опасность. Он знал также, что там не было и не должно было быть суетного движения на палубе, к этому моменту все пушки были заряжены, мушкеты приготовлены, шрапнель, ядра и цепные заряды лежали в изобилии, abordажные сабли ждали в своих стойках, а вооруженные люди наверху на вантах. Глаза следят за горизонтом по всем направлениям. Галера была замечена в тот момент, как изменила свой курс. Два тридцатифунтовых кормовых орудия, направленных прямо на них, были уже готовы к стрельбе. Португальские артиллеристы – самые лучшие в мире после англичан.

«И они все знают про Торанагу, – сказал он себе с горечью, – потому что они умны и потому что они расспросили своих носильщиков или серых о том, из-за чего весь этот переполох. Или к этому времени проклятые иезуиты, которые знают все, послали им сообщение о бегстве Торанаги и обо мне».

Он почувствовал, как зашевелились его короткие волосы.

– Любая из этих пушек может отправить нас в преисподнюю. Да, но мы в безопасности, так как на борту с нами Торанага. Благодарим Бога за Торанагу. Марико сказала:

– Мой хозяин спрашивает, каков у вас обычай, когда вы хотите подойти к военному кораблю?

– Если у нас есть пушки, мы салютуем. Или можно просигнализировать флажками, прося разрешения встать рядом.

– Мой господин спрашивает, а если у вас нет флажков?

Хотя они еще были вне пределов досягаемости пушечного выстрела, у Блэксорна было такое ощущение, как если бы он уже лез в один из пороховых бочонков, хотя пушечные порты еще были закрыты. Корабль имел восемь пушек с одной стороны на главной палубе, две на корме и две на носу. «Эразмус» мог бы захватить его, – подумал он про себя, – без сомнения, если бы я имел нужную команду. Мне бы хотелось захватить этот корабль... Проснись, прекрати эти мечтания, мы не на борту «Эразмуса», а этот собачий порох, галера и этот португальский корабль единственная наша надежда. Под ее пушками мы в безопасности. Дай Бог удачи Торанаге».

– Скажите капитану, пусть повесит на мачте флаг Торанаги. Этого будет достаточно, сеньора. Это будет выглядеть обычным и объяснит им, кто на борту, но я думаю, что они уже знают, кто здесь.

Флаг был поднят очень быстро. Все на галере, казалось, почувствовали себя уверенней. Блэксорн отметил это изменение. Даже он стал чувствовать себя лучше, оказавшись под флагом.

– Мой хозяин говорит: как сказать им, что мы хотим стать рядом с ними?

– Скажите ему, что без сигнальных флагов он имеет две возможности: ждать за пределами досягаемости пушечного выстрела и послать депутацию на борт к ним в маленькой лодке или идти прямо до тех пор, пока можно будет говорить с борта на борт.

– Мой господин спрашивает, что вы посоветуете?

– Идти прямо к ним. Нет причин для осторожности. Господин Торанага на борту. Он самый важный дайме в империи. Конечно, они помогут нам, – и, о Боже мой!

– Сеньор!

Но он не ответил, тогда она быстро перевела то, что он сказал, выслушала следующий вопрос Торанаги.

– Мой господин спрашивает, фрегат будет что?.. Пожалуйста, объясните вашу мысль и

почему вы остановились?

– Я внезапно понял, что он сейчас в состоянии войны с Ишидо. Разве не так? Так что фрегат может быть не склонен помочь ему.

– Конечно, они помогут нам.

– Нет. Кто сейчас нужнее португальцам, господин Торанага или Ишидо? Если они считают, что Ишидо, они одним выстрелом отправят нас в преисподнюю.

– Не может быть, чтобы португальцы стреляли по японскому кораблю, – сразу же возразила Мариико.

– Поверьте мне, выстрелят, сеньора. И держу пари, что фрегат не даст нам стать рядом с ним. Я бы не дал, если бы я был на нем кормчим. Боже мой! – Блэксорн посмотрел на корабль.

Серые, издеваясь, ушли с пристани и рассеялись по суше параллельно берегу. «Теперь шансов нет», – подумал он.

Рыбацкие лодки злоеюще перекрывали выход из гавани. Шансов там никаких не было.

– Скажите Торанаге, что есть только одна надежда выбраться из гавани. Это надежда на шторм. Может быть, мы проскочим там, где не смогут рыбацкие лодки. Тогда мы сможем проскользнуть через выход из гавани.

Торанага задал вопрос капитану, который долго что-то отвечал, потом Мариико спросила у Блэксорна:

– Мой господин спрашивает: «Вы думаете, будет шторм?»

– Мой нос говорит, что да. Но не сегодня. Дня через два или три. Сможем ли мы прождать так долго?

– Ваш нос говорит? Разве у шторма есть запах?»

– Нет, сеньора, просто такое выражение.

Торанага подумал. Потом он ответил:

– Мы подходим к ним на такое расстояние, чтобы можно было поговорить, Анджин-сан.

– Тогда скажите ему, чтобы заходил прямо с кормы. Таким образом, у них будут самые плохие условия для прицеливания. Скажите ему, что они преданы, – я знаю, как серьезно они относятся к измене, когда затрагиваются их интересы. Они хуже, чем голландцы! Если этот корабль поможет Торанаге спастись, Ишидо выгонит отсюда всех португальцев, а они этим не рискнут.

– Мой господин говорит, что скоро мы узнаем ответ.

– Мы голые, сеньора. У нас нет никаких шансов против этих пушек. Если корабль враждебен по отношению к нам – даже если просто нейтрален, – считайте, что мы потоплены.

– Мой господин говорит, да, но это будет ваша обязанность уговорить их проявить любезность.

– Как я могу это сделать? Я их враг.

– Мой хозяин говорит, на войне и в мирное время хороший враг может быть более ценен, чем хороший союзник. Он говорит, вы знаете, что у них в голове, – вы придумаете, как их убедить.

– Единственный надежный путь – сила.

– Хорошо. Я согласен, говорит мой господин, – пожалуйста, скажите мне, как атаковать этот корабль?

– Что?

– Он говорит: «Хорошо, я согласен. Как бы вы напали на этот корабль, как бы вы захватили его? Мне нужны их пушки». Простите, я непонятно говорю?

* * *

– Я опять повторяю, я собираюсь разнести ее вдребезги, – заявил адмирал Феррьера.

- Нет, – ответил дель Аква, наблюдая за галерой с юта.
- Артиллерист, она уже в пределах пушечного выстрела?
- Нет, дон Феррьера, – сказал главный артиллерист, – еще нет.
- Зачем она идет к нам, если не с враждебными намерениями, Ваше Преосвященство?

Почему она просто не уходит? Дело понятное.

Фрегат был слишком далеко от входа в гавань, поэтому никто на борту не видел приготовившихся к нападению рыбацких лодок.

– Мы ничем не рискуем. Ваше Преосвященство, и выигрываем все, – сказал Феррьера, – мы делаем вид, что мы не знаем, что на борту Торанага. Мы думаем, что это бандиты – бандиты, которых ведет пират-еретик, которые собираются напасть на нас. Не беспокойтесь, будет легко спровоцировать их, когда они окажутся на расстоянии выстрела.

– Нет, – приказал дель Аква.

Отец Алвито повернулся спиной к планширу.

– Галера подняла флаг Торанаги, адмирал.

– Фальшивый флаг! – сардонически добавил Феррьера. – Это старый морской трюк. Мы не видим Торанаги. Может быть, его и нет на борту.

– Нет.

– Боже мой, война будет катастрофой. Это повредит, если не расстроит плавание Черного Корабля в этом году. Я не могу допустить этого! Я не могу, чтобы что-то помешало этому!

– Наши финансовые дела в еще худшем положении, чем ваши, адмирал, – бросил дель Аква, – если мы не будем торговать в этом году, церковь обанкротится, вам понятно? Мы три года не получали ничего из Гоа и Лиссабона, и потеря доходов за прошлый год... Боже, дай мне терпения! Я лучше вас знаю, чем мы рискуем. Ответ – нет!

Родригес сидел, мучаясь болями, в кресле, положив ногу в лубках на мягкий табурет, который удобно стоял около нактоуза.

– Адмирал прав, Ваше Преосвященство. Зачем он подходит к нам, если не с целью нападения? Почему не уходит, а? Ваше Преосвященство, мы очень рискуем.

– Да, и это военное решение, – сказал Феррьера. Алвито резко повернулся к нему.

– Нет, это должен решить Его Преосвященство, адмирал. Мы не должны вредить Торанаге. Мы должны помочь ему.

Родригес сказал:

– Вы мне дюжину раз говорили, что, если когда-нибудь начнется война, она будет длиться очень долго. Война началась, не так ли? Мы видим ее начало. Она наносит вред торговле. Со смертью Торанаги война окончится, и все наши интересы будут в безопасности. Я говорю, нужно ударить по кораблю и отправить его в преисподнюю.

– Мы даже избавимся от этого еретика, – добавил Феррьера, следя за Родригесом. – Мы прекратим войну во славу Бога, и еще один еретик попадет в ад на муки вечные.

– Это будет незаконное вмешательство в их политику, – ответил дель Аква, избегая разговора о настоящей причине.

– Мы вмешиваемся все время. Общество Иисуса известно этим. Мы не простые жестокосердные крестьяне!

– Я и не предполагал иначе. Но пока я на борту, вы не потопите этот корабль.

– Тогда будьте добры сойти на берег.

– Чем скорее этот архиубийца погибнет, тем лучше. Ваше Преосвященство, – предположил Родригес. – Он или Ишидо, какая разница? Они оба язычники, и вы не можете доверять ни кому из них. Адмирал прав, мы никогда не получим снова такой возможности. А что с Черным Кораблем?

Родригес был взят кормчим с условием оплаты в пятнадцатую часть прибыли. Настоящий кормчий Черного Корабля умер от сифилиса в Макао три месяца назад, и Родригес был взят со своего собственного корабля, «Санта-Тереза», и поставлен на новый пост, к его большой радости.

– Сифилис был официальной причиной, – мрачно напомнил себе Родригес, – хотя многие говорили, что тот кормчий был убит ножом в спину при драке с ронином во время скандала в публичном доме. Боже мой, это такая удача! И ничто не должно помешать этому!

– Я полностью принимаю на себя всю ответственность, – сказал Феррьера. – Это военное решение. Мы втянуты в войну между туземцами. Мой корабль в опасности. – Он повернулся к главному артиллеристу. – Мы уже в пределах пушечного выстрела?

– Ну, дон Феррьера, это зависит от того, что вы хотите, – главный артиллерист подул на конец фитиля, от чего он покраснел и заискрился. – Я мог бы попасть сейчас ей в нос или корму или попасть в середину галеры, в зависимости от того, что вы хотите. Но если вы хотите попасть в человека, определенного человека, тогда для более прицельного выстрела надо еще немного подождать.

– Я хочу, чтобы вы попали в Торанагу. И этого еретика.

– Вы имеете в виду англичанина, кормчего?

– Да.

– Кто-нибудь должен показать мне японца. Кормчего я, несомненно, узнаю.

Родригес сказал:

– Если кормчий погибнет при выстреле по Торанаге и это прекратит войну, тогда я тоже за это, адмирал. В других случаях его нужно оставить в живых.

– Он еретик, враг нашей страны, мерзавец, он уже причинил больше неприятностей, чем гнездо гадюк.

– Я уже говорил вам, что, во-первых, англичанин кормчий, в-последних, он кормчий один из лучших в мире.

– Кормчие имеют какие-то особые преимущества? Даже еретики?

– Да, клянусь Богом. Мы используем его, как они используют нас. Это великое расточительство, если мы убьем такого опытного кормчего. Без кормчего нет этой вонючей империи, нет торговли и нет ничего. Без меня, ей-богу, нет ни Черного Корабля, ни доходов, ни пути домой, так что мое мнение чертовски важно.

С верхушки мачты донесся крик:

– Эй, на юте, галера меняет курс!

Галера направлялась на них, но теперь она забирала на несколько румбов влево, глубже в гавань. Родригес тут же закричал:

– Тревога! Правый борт, смотреть в оба! Эй, на парусах! Внимание! Поднять якорь!

Все на корабле сразу бросились выполнять его приказание.

– Что случилось, Родригес?

– Я не знаю, адмирал, но нам надо выйти в открытое море. Эта толстопузая проститутка заходит нам с подветренной стороны.

– Ну и что? Мы можем потопить их в любой момент, – сказал Феррьера, – нам еще надо погрузить на борт товары, и святым отцам надо бы вернуться в Осаку.

– Да. Но ни одно вражеское судно не зайдет мне с наветренной стороны. Оно может обойти кругом и напасть на нас со стороны носа, где у нас только одна пушка.

Феррьера презрительно рассмеялся.

– У нас двадцать пушек на борту! А у них ни одной! Ты думаешь, этот корабль с грязными языческими свиньями осмелится попробовать атаковать нас? Ты просто не в своем уме!

– Да, адмирал, поэтому я все еще и плаваю. «Санта-Тереза» выходит в море!

Паруса освободили, и ветер начал наполнять их, рангоут потрескивал. Обе смены были на палубе у боевых постов. Фрегат тронулся, но его ход был еще очень медленный.

– Ну, давай, сука, – торопил Родригес.

– Мы готовы, дон Феррьера, – сказал главный артиллерист. – Я вижу его через прицел. Но долго у меня это не получится. Который там Торанага? Укажите мне его!

На борту галеры не было факелов; единственным освещением был лунный свет. Галера все еще была со стороны кормы, в ста ярдах, но повернулась теперь влево и направлялась к

дальнему берегу, весла двигались в одном и том же темпе.

– Это кормчий? Высокий мужчина на юте?

– Да, – сказал Родригес.

– Мануэль и Педрито! Возьмите на прицел его и полуют! – Ближайший к ним артиллерист сделал небольшие поправки в наводке. – Который из них Торанага? Быстро! Хелмсмен, два деления вправо!

– Есть два деления вправо, артиллерист!

Помня о песчаном дне и отмелях вокруг, Родригес следил за вантами, готовый в любую секунду отдать управление кораблем главному артиллеристу, который, по обычаю, вел судно во время стрельбы всем бортом.

– Эй, пушки на правом борту, – крикнул артиллерист. – Как только мы выстрелим, мы дадим кораблю уйти из-под ветра. Готовьтесь стрелять всем бортом!

Артиллерийская команда выполнила приказание, все они смотрели на офицеров на юте. И священников.

– Ради Бога, дон Феррьера, кто из них Торанага?

– Кто же из них Торанага, отец? – Феррьера никогда не видел его до этого.

Родригес ясно видел Торанагу на баке в кольце самураев, но он не хотел показывать его. «Пусть это сделают священники, – подумал он, – Ну, святой отец, сыграй роль Иуды. Почему мы всегда должны делать всю грязную работу, я не собираюсь помогать этому сукину сыну даже на ломаный грош».

Оба священника молчали.

– Быстро, ну кто же из них Торанага? – спросил опять артиллерист.

Родригес нетерпеливо показал на Торанагу.

– Там, на полуюте. Маленький, толстый негодяй среди этих негодяев-язычников.

– Я вижу его, сеньор кормчий.

Артиллерийская команда сделала последние приготовления.

Феррьера взял фитиль из рук артиллериста.

– Вы нацелились на еретика?

– Да, адмирал, вы готовы? Я махну рукой, это сигнал к выстрелу!

– Хорошо.

– Стой, не убивай! – Это был дель Аква. Феррьера повернулся к нему:

– Они все язычники и еретики!

– Среди них есть христиане, и даже если они не были бы...

– Не обращайтесь на него внимания, артиллерист! – бросил адмирал. – Мы выстрелим, когда вы будете готовы!

Дель Аква подошел к пушке и встал перед ней. Его туловище возвышалось над ютом и вооруженными моряками, которые лежали в засаде. Его рука была на распятии.

– Я говорю: стой, не убивай!

– Мы убиваем все время, отец, – сказал Феррьера.

– Я знаю, но я стыжусь этого и прошу прощения у Бога, – Дель Аква никогда до этого не был на юте военного корабля с пушками, у которых вставлены запалы, с заряженными мушкетами и пальцами на спусковых крючках, готовых нести смерть. – Пока я здесь, убийства не будет, и я не прощу убийства из засады!

– А если они атакуют нас? Попытаются захватить корабль? – Я буду просить Бога помочь нам победить их!

– Какая разница, сейчас или чуть позже?

Дель Аква не ответил. «Ты не убьешь, – подумал он. – Торанага обещал все, а Ишидо ничего».

– Что делать, адмирал? Сейчас самое время! – крикнул главный артиллерист. – Сейчас!

Феррьера с горечью повернулся спиной к священникам, бросил фитиль и подошел к поручням.

– Приготовьтесь отразить атаку, – прокричал он, – Если они без разрешения подплывут

на пятьдесят ярдов, вам всем будет приказано стрелять, что бы ни говорили священники!

Родригес также был разъярен, но он знал, что он, так же как и адмирал, был бессилен против священника. Сказано – не убий. «Боже мой, а вы сами? – хотел крикнуть он им. – А как же аутодафе? А инквизиция? А как же ваши священники, которые выносили приговоры: «виновен», «колдунья», «сатана», «еретик»? Вспомните две тысячи ведьм, сожженных в одной только Португалии в тот год, когда я отплыл в Азию? А почти в каждой деревне и городе в Португалии и доминионах, куда приезжали и рыскали Божьи Каратели, как гордо называли себя эти инквизиторы в капюшонах, запах горящего мяса тянулся за ними следом?»

Он отбросил свой страх и ненависть и сосредоточился на галере. Он мог теперь хорошо рассмотреть Блэксорна и думал:

«Эх, англичанин, хорошо видеть тебя стоящим там и ведущим судно, такого высокого и самоуверенного. Я боялся, тебя казнят, и рад, что ты спасся, но даже если тебе так повезло и ты не имеешь на борту ни одной маленькой пушки, то я отправлю тебя в преисподнюю, что бы ни говорили эти священники. О, Мадонна, защити меня от всех плохих священников».

* * *

– Эй, на «Санта-Терезе»!

– Эй, англичанин!

– Это ты, Родригес?

– Ага!

– Как твоя нога?

– А, черт бы ее побрал!

Родригес очень обрадовался, услышав добродушный смех, донесшийся через разделявшее их море.

В течение получаса два судна маневрировали, выбирая подходящую позицию, гоняясь друг за другом, поворачиваясь и уходя, галера пыталась зайти с наветренной стороны и прижать фрегат к подветренному берегу, фрегат пытался выйти на свободное пространство, чтобы иметь возможность уйти из гавани, если ему это потребуется. Но никто не мог получить значительного преимущества, а во время этой погони те, кто был на борту фрегата, наконец увидели рыбацкие лодки, сгрудившиеся у входа в гавань, и поняли, что это значит.

– Вот почему он идет на нас! Ему нужна защита!

– Тем больше причин для нас утопить его сейчас, когда он в ловушке. Ишидо будет вечно нам благодарен, – сказал Феррье́ра.

Но дель Аква оставался непреклонным.

– Торанага намного важнее. Я настаиваю на том, что сначала мы должны поговорить с Торанагой. Вы всегда сможете потопить его. У него нет пушек. Даже я знаю, что только пушками можно победить пушки.

Так Родригес позволил развиваться этому безвыходному положению, давая им время для передышки. Оба корабля были в центре гавани, недостижимые для рыбацких лодок и друг друга, фрегат подрагивал на ветру, готовый в любой момент сорваться с места, галера, с поднятыми на палубу веслами, дрейфовала рядом в пределах слышимости. Это произошло только тогда, когда Родригес увидел, что галера подняла весла и повернулась боком к его пушкам; тут он стал под ветер, позволяя галере подойти в пределы голосовой связи, а сам приготовился к следующей серии действий. «Спасибо Богу, благословенному Иисусу, Деве Марии и Иосифу за то, что у нас есть пушки, а у этого мерзавца их нет, – подумал Родригес снова. – Англичанин слишком умен».

– Но хорошо, когда против тебя выступает профессионал. Намного безопасней. При этом никто не делает глупых ошибок и никто не причиняет зла без необходимости.

– Можно подняться на борт?

– Кому, англичанин?

– Господину Торанаге, его переводчице и телохранителям.

Феррьера сказал спокойно:

– Без охраны.

Алвито сказал:

– Он должен прийти с кем-нибудь. Это вопрос престижа.

– Черт с ним, с престижем. Без телохранителей.

– Я бы не хотел, чтобы на борт поднимались самураи. – согласился Родригес.

– Может быть, вы согласны пропустить пятерых? – спросил Алвито. – Только его личная охрана? Вы же понимаете суть дела, Родригес.

Родригес подумал и кивнул.

– Пять человек будет нормально, адмирал. Мы выделим пять человек, как вашу «личную охрану» с парой пистолетов на каждого. Отец, вы продумайте все детали. Лучше, если отец продумает все детали, адмирал, он знает как. Ну, отец, давайте, но рассказывайте нам, что там говорится.

Алвито подошел к планширу и крикнул:

– Вы ничего не добьетесь своей ложью! Готовьте свои души к адским мукам – вы и ваши бандиты. У вас десять минут, потом адмирал будет стрелять и отправит вас на вечные муки!

– Мы плаваем под флагом господина Торанаги, клянусь Богом!

– Это фальшивый флаг, пират!

Феррьера сделал шаг вперед:

– Что за игру вы ведете, отец?

– Пожалуйста, наберитесь терпения, адмирал, – сказал Алвито. – Это только для проформы. Иначе Торанага навсегда обидится, что мы оскорбили его флаг, который мы видим. Ведь это Торанага – он не простой дайме! Может быть, вам лучше вспомнить, что он лично имеет больше войска, чем король Испании!

Ветер завывал в такелаже, шпангоуты нервно поскрипывали. На юте вскоре загорелись факелы, и стало хорошо видно Торанагу. По волнам разнесся его голос.

– Тсукку-сан! Как осмелился ты убежать от моей галеры! Здесь нет пиратов – только те, что там у входа в гавань на рыбацких лодках. Я хочу немедленно подойти к борту!

Алвито закричал в ответ по-японски, разыгрывая удивление:

– Но, господин Торанага, простите, у нас не было и мысли, что это вы! Мы думали, что это только ловкий трюк. Серые сказали, что бандиты-ронины силой захватили галеру! Мы думали, бандиты с английским пиратом плавают под фальшивым флагом. Я немедленно поднимусь к вам.

– Нет. Я сейчас же подойду к вам.

– Прошу вас, господин Торанага, позволить мне подняться к вам, чтобы сопровождать вас. Мой господин, отец-инспектор, здесь вместе с адмиралом. Они настаивают, чтобы мы исправили ошибку. Пожалуйста, примите наши извинения! – Алвито снова перешел на португальский и громко прокричал боцману: «Спусти баркас!» – И опять Торанаге по-японски: – Баркас будет спущен сейчас же, мой господин.

Родригес слушал, как глумлив голос Алвито, и думал о том, насколько труднее иметь дело с японцами, чем с китайцами. Китайцы понимают искусство торговли, компромисса и уступок, вознаграждений. Но японцы наполнены гордостью, а когда гордость мужчины оскорбляется – для любого японца, не обязательно даже самурая, – смерть является лишь малой ценой, заплаченной за оскорбление. «Ну, идите, давайте кончать», – хотелось крикнуть ему.

– Адмирал, я сейчас же отправлюсь к ним, – говорил отец Алвито. – Ваше Преосвященство, если вы тоже поедете, это очень поможет ублаготворить его.

– Я согласен.

– Это не опасно? – спросил Феррьера. – Вас двоих могут использовать как заложников.

Дель Аква сказал:

– В тот момент, когда появятся признаки измены, я прикажу вам, именем Божьим, уничтожить этот корабль и всех, кто на нем плавает, независимо от того, будем ли мы на борту или нет.

Он спустился на ют, оттуда на главную палубу, прошел сзади пушек, – складки его одеяния величественно развевались. В начале трапа он оглянулся и изобразил руками крест. После этого он застучал сапогами по трапу, спускаясь к баркасу.

Боцман отчалил. Все моряки были вооружены пистолетами, под сиденьем боцмана был припрятан бочонок пороха.

Феррьера облокотился на планшир и тихо сказал:

– Ваше преосвященство, привезите с собой еретика.

– Что? Что вы сказали? – Дель Акве нравилось играть с адмиралом, чье постоянное высокомерие смертельно оскорбляло его, так как он, конечно, давно решил захватить Блэксорна и достаточно хорошо слышал. «Какая глупость», – подумал он.

– Привезите с собой еретика, а? – опять сказал Феррьера. С юта Родригес слышал глухое: «Да, адмирал», – и подумал: «Какое злодейство ты задумал, Феррьера?»

Он с трудом повернулся в кресле, его лицо побледнело. Боль в ноге была изматывающей, чтобы терпеть ее, от него требовалось очень много усилий. Кости срастались хорошо, и, слава Мадонне, рана была чистой. Но трещина оставалась трещиной и даже малейшее качание судна было тяжелым испытанием. Он глотнул грогу из сильно опорожненного морского меха, свисающего с колышка на нактоузе. Феррьера наблюдал за ним.

– Ваша нога еще болит?

– Все нормально, – грог ослабил боль.

– Будет ли все нормально для того, чтобы проплыть отсюда до Макао?

– Да. И все время воевать с морем. И вернуться летом, если вы это имеете в виду.

– Да, это то, что я имею в виду, кормчий. – Губы опять сложились в насмешливую улыбку. – Мне нужен здоровый кормчий.

– Я здоров. Нога хорошо заживает. – Родригес отключился от боли. – Англичанин не поднимется на борт по доброй воле. Я не думаю, что он придет.

– Сто гиней за то, что вы не правы.

– Это больше, чем я зарабатываю за год.

– Сможете заплатить после того, как мы прибудем в Лиссабон, из доходов от Черного Корабля.

– Согласен. Ничто не заставит его подняться на борт добровольно. Я стану на сто гиней богаче, ей-богу!

– Беднее! Вы забыли, что иезуиты хотят, чтобы он попал сюда, больше, чем я.

– Почему они хотят этого?

Феррьера оценивающе посмотрел на него и не ответил, все так же криво улыбаясь. Потом, поддразнивая его, сказал:

– Я выведу Торанагу из гавани, если он отдаст мне еретика.

– Я рад, что я ваш союзник и необходим вам и Черному Кораблю, – сказал Родригес. – Я бы не хотел быть вашим врагом.

– А я рад, что мы понимаем друг друга, кормчий. Наконец.

* * *

– Я требую вывести меня из гавани. Мне нужно сделать это быстро, – сказал Торанага через переводчика Алвито дель Акве; кроме них, присутствовали еще Марико и Ябу. Торанага стоял на полуяте, дель Аква – на главной палубе, ниже его, рядом с ним, – Алвито, но и при этом их глаза были на одном уровне. – Или, если вам так удобней, ваш боевой корабль может убрать эти рыбацьи лодки с моего пути.

– Простите меня, но это будет недопустимый враждебный акт, который вы бы не могли

– не могли рекомендовать фрегату, господин Торанага, – сказал дель Аква, разговаривая непосредственно с ним, – он считал, что Алвито переводит синхронно, как всегда. – Это невозможно – открытый акт военных действий.

– Тогда что вы предлагаете?

– Пожалуйста, давайте поднимемся на фрегат. Спросим адмирала. Он примет решение теперь, когда мы знаем ваше желание. Он военный человек, мы нет.

– Приведите его сюда.

– Вам было бы быстрее это сделать, господин. Не говоря, конечно, о чести, которую вы окажете нам.

Торанага знал, что это правда. Несколько мгновений назад они видели, как с южного берега отплыло еще несколько лодок с лучниками, и, хотя в данный момент они были в безопасности, было ясно, что в течение часа выход из гавани будет перекрыт неприятелем.

И он знал, что выбора у него нет.

– Извините, господин, – объяснил ему Анджин-сан ранее, во время неудачной погони, – я не могу приблизиться к фрегату, Родригес слишком искусный кормчий. Я могу прекратить его бегство, если ветер будет держаться, но я не могу загнать его в ловушку, если он не сделает ошибки. Мы должны договориться.

– А он допустит ошибку, и ветер продержится? – спросил Торанага через Мариико. Она ответила:

– Анджин-сан говорит, что мудрый человек никогда не держит пари относительно ветра, если это не ветер торговли и вы не в море. Мы здесь в такой гавани, где горы вызывают завихрения воздуха и его потоки. А кормчий Родригес не допустит ошибки.

Торанага видел, как два этих кормчих применяли всякие свои уловки друг против друга, и знал, без сомнения, что оба они были мастера в своем деле. И он пришел к осознанию того, что ни он, ни его земли и ни сама империя не будут в безопасности, если не заполучат для себя современные корабли чужеземцев и с помощью этих кораблей – контроль над своими морями. Эта мысль поразила его.

– Но как я могу договариваться с ними? Чем можно извинить то, что они так открыто проявили враждебность по отношению ко мне? Теперь моя обязанность похоронить их за оскорбления моей чести.

Тогда Анджин-сан объяснил ему уловку с фальшивыми флагами: как все корабли используют эту хитрость, чтобы сблизиться с врагом или попытаться избежать его, и Торанага был очень обрадован тем, что может быть такое спасующее его честь решение этой проблемы. Теперь Алвито говорил:

– Я думаю, нам следует сразу же отправиться, сэр.

– Очень хорошо, – согласился Торанага. – Ябу-сан, примите командование кораблем. Мариико-сан, скажите Анджин-сану, чтобы он оставался на юте за штурвалом, тогда вы пойдете со мной.

– Да, господин.

По размеру баркаса Торанаге стало ясно, что с ним сможет отправиться только пять телохранителей, что тоже ожидалось, и окончательный план был прост: если он не сможет убедить их, чтобы фрегат помог, тогда он и его телохранители убьют адмирала, их кормчего и священников и запрут в одной из кабин. Одновременно галера нападет на фрегат с носа, как предложил Анджин-сан, и все вместе они попытаются взять фрегат штурмом. Возьмут ли они его, нет ли, в любом случае все решится очень быстро.

– Это хороший план, Ябу-сан, – сказал он.

– Пожалуйста, разрешите мне пойти вместо вас на переговоры.

– Они не согласятся.

– Очень хорошо, но сразу же, как только мы выберемся из этой западни, выселите всех чужестранцев из нашей империи. Если вы так сделаете, вы привлечете на свою сторону больше дайте, чем потеряете.

– Я подумаю об этом, – сказал Торанага, зная, что это вздор, что он должен привлечь на

свою сторону дайме-христиан Оноши и Кийяму и, следовательно, других дайме, или, не выполнив своих обязательств, он будет съеден. – Почему Ябу хочет попасть на фрегат? Какую измену он замышляет, если им не помогут?

– Господин, – говорил тем временем Алвито дель Акве, – можно, я приглашу Анджин-сана сопровождать нас?

– Зачем?

– Мне кажется, что он может захотеть поприветствовать своего коллегу кормчего Родригеса. Этот человек сломал ногу и не может прийти сюда. Родригесу хотелось бы снова повидать его, поблагодарить за спасение, если вы не возражаете.

Торанага не видел причины, почему бы Анджин-сану не следовало идти. Человек был под его защитой, следовательно, ему нечего было опасаться.

– Если он этого хочет, очень хорошо. Мариико-сан, проводите Тсукку-сана.

Мариико поклонилась. Она знала, что ее работа состояла в том, чтобы слушать и сообщать об услышанном, следить за тем, чтобы все, что сказано, было правильно сообщено, без искажений. Она чувствовала себя лучше, ее прическа и макияж были в полном порядке, свежее кимоно было одолжено у госпожи Фудзико, левая рука покоилась в удобной перевязи. Один из матросов, ученик лекаря, перевязал ее рану. Порез в верхней части предплечья не затронул сухожилия, сама рана была чистой. Ванна помогла бы ей еще больше, но на галере условий для этого не было.

Она и Алвито вместе вернулись на ют. Он увидел нож за поясом у Блэксорна и то, как ладно сидело на нем это грязное кимоно. «Насколько он завоевал доверие Торанаги?» – спросил он сам себя.

– Хорошая встреча, кормчий Блэксорн.

– Убирайся к дьяволу, отец! – любезно ответил Блэксорн.

– Может быть, мы еще и встретимся там, Анджин-сан. Может быть, мы там будем. Торанага сказал, что вы можете подняться на борт фрегата.

– Это его приказ?

– Если вы пожелаете, – сказал он.

– Я не хочу.

– Родригесу хотелось бы снова поблагодарить вас и повидаться с вами.

– Передайте ему мое почтение и скажите, что я говорю, что я увижу его в аду. Или здесь.

– Его нога не позволит ему этого.

– Как у него с ногой?

– Заживает. С вашей помощью и при милосердии Божиим, через несколько недель, если Бог того пожелает, он будет ходить, хотя и будет всегда хромать.

– Передайте ему, что я желаю ему всего хорошего. Вам лучше идти, отец, время уходит.

– Родригесу хотелось бы повидать вас. Там есть грог и прекрасный жареный каплун со свежей зеленью и подливкой, свежий хлеб и масло. Будет жаль, кормчий, если пропадет такая еда.

– Что?

– Есть мягкий белый хлеб, кормчий, морские сухари, масло и коровий бок. Свежие апельсины из Гоа и даже галлон вина из Мадейры, чтобы запить все это, или бренди, если вы его предпочитаете. А также и пиво. Потом каплун из Макао, горячий и сочный. Наш адмирал – эпикурец.

– Черт бы вас побрал!

– Он и возьмет, когда это будет угодно ему. Я только сказал о том, что существует на самом деле.

– Что значит «эпикурец»? – спросила Мариико.

– Это человек, который наслаждается пищей и красивым столом, сеньора Мария, – сказал Алвито, называя ее христианским именем. Он заметил, как неожиданно изменилось

лицо Блэксорна. Он почти мог видеть, как заработали слюнные железы, и почувствовал его боль в бушующем желудке. Сегодня вечером, когда он увидел подготовку к ужину в большой каюте, блеск серебра, белые скатерти и стулья, настоящие кожаные стулья, почувствовал запах свежего хлеба, и масла, и сочного мяса, он сам ощутил слабость от голода, а он отнюдь не страдал без пищи или от непривычной японской кухни.

«Как просто поймать человека, – сказал он себе, – все, что вам надо, – это знать правильную приманку».

– Прощайте, кормчий! – Алвито повернулся и пошел к трапу. Блэксорн пошел за ним.

* * *

– В чем дело, англичанин? – спросил Родригес.

– Где еда? Тогда мы сможем поговорить. Сначала еда, которую вы обещали, – сказал Блэксорн, покачиваясь на главной палубе.

– Пожалуйста, пойдемте со мной, – сказал Алвито.

– Куда вы ведете его, отец?

– Конечно, в большую каюту. Блэксорн может поесть, пока господин Торанага и адмирал беседуют.

– Нет. Он может поесть в моей каюте.

– Легче, конечно, пойти туда, где есть пища.

– Боцман! Проследи, чтобы кормчему принесли все сразу же – все, что он захочет, – в мою каюту, все со стола. Англичанин, ты хочешь грога, вина или пива?

– Сначала пива, потом грога.

– Боцман, проследи за этим и отведи его вниз. И послушай, Писаро, дай ему из моего шкафа одежду и сапоги, все, что нужно. И оставайся с ним, пока я не позову тебя.

Блэксорн молча пошел за Писаро, боцманом, большим и сильным мужчиной, вниз по коридору. Алвито пошел было обратно к дель Акве и Торанаге, которые разговаривали через Марико около лестницы, но Родригес остановил его:

– Отец! На минутку. Что вы сказали ему?

– Только что вам хотелось бы повидать его и что у нас на борту много еды.

– Но вы не предлагали ему поесть?

– Нет, Родригес, я не говорил этого. Но вам не хотелось бы предложить поесть кормчему, если он голоден?

– Этот бедняга не голоден, он голодает. Если он поест в таком состоянии, он будет блевать, как обожравшийся волк, потом он будет вопить, как перепившаяся проститутка. Теперь, мне не хотелось бы, чтобы один из нас, даже еретик, ел как животное и вопил как дикий зверь перед Торанагой, понимаете, отец? Не перед этим ссаным сукиным сыном – особенно таким, чистеньким, как промежность сифилитичной проститутки!

– Вы должны научиться быть сдержанным на язык, сын мой, – сказал Алвито. – Он отправит вас в ад. Вам лучше тысячу раз прочитать «Аве, Мария» и поститься два дня. Только на хлебе и воде. Епитимья напомнит вам о его милосердии.

– Спасибо, отец, я так и сделаю. С радостью. И если бы я мог встать на колени, я бы поцеловал крест. Да, отец, этот бедный грешник благодарит вас за ваше Богом данное терпение. Я должен придерживать свой язык.

Феррьера вышел из коридора:

– Родригес, вы спуститесь?

– Я останусь на палубе, пока эта сучья галера будет стоять здесь, адмирал. Если я потребуюсь, я буду здесь, – Алвито собрался уходить, Родригес заметил Марико. – Подождите минуту, отец. Кто эта женщина?

– Донна Мария Тода. Одна из переводчиц Торанаги.

Родригес присвистнул:

– Она хорошенькая?

– Очень хорошенькая.

– Глупо было позволять ей подняться на борт. Почему вы говорите «Тода»? Она одна из наложниц старого Тода Хиро-Мацу?

– Нет. Она жена его сына.

– Глупо было приводить ее на борт. – Родригес подозвал одного из матросов. – Скажи всем, что на корабле женщина, говорящая по-португальски.

– Да, сеньор.

Моряк заторопился уходить, и Родригес снова повернулся к отцу Алвито.

Священник ни в коей мере не был запуган очевидным гневом.

– Госпожа Мария говорит также по-латыни – и так же хорошо. Что-нибудь еще, кормчий?

– Нет, спасибо. Может быть, мне лучше пойти прочитать «Аве, Мария»?

– Да, конечно.

Священник перекрестился и ушел. Родригес сплюнул в шпигат, и один из рулевых вздрогнул и перекрестился.

– Ступай приберей себя к мачте за свою гнилую крайнюю плоть, – прошипел Родригес.

– Да, кормчий, извините, сеньор. Но я нервничаю около этого святого отца. Я не имел в виду ничего плохого.

Юноша увидел, что через горлышко песочных часов прошли последние зерна песка, и перевернул их.

– В полчаса спустись вниз, возьми это проклятое ведро с водой и щетку, уберись у меня в каюте. Скажи боцману, пусть приведет англичанина наверх, и вычисти мою каюту. И для тебя будет лучше, если ты хорошо приберешься в каюте, а то я вытащу у тебя кишки себе для подвязок. И пока ты будешь делать это, читай «Аве, Мария» для спасения своей Богом проклятой души.

– Да, сеньор кормчий, – тихо сказал юноша. Родригес был фанатик, помешанный на чистоте, и его каюта была похожа на корабельный Святой Грааль. Все должно было быть без единого пятнышка, независимо от погоды.

Глава Двадцать Седьмая

– Но ведь должен быть какой-то выход, адмирал, – терпеливо сказал дель Аква.

– Вы хотите совершить открытый акт войны против дружественной нации?

– Конечно, нет. Каждый находившийся в кают-компании понимал, что они оказались в одной ловушке. Любой открытый акт прямо ставил их с Торанагой против Ишидо, чего они хотели избежать, на случай если вдруг в конце концов победителем станет Ишидо. В настоящее время Ишидо контролировал Осаку, столицу Киото и большинство регентов. А теперь, через дайме Оноши и Кийяму, Ишидо контролировал большую часть южного острова Кюсю, порт Нагасаки, главный центр всей торговли, и, таким образом, всю торговлю и Черный Корабль этого года.

Торанага сказал через отца Алвито:

– Какие трудности? Я только хочу, чтобы вы освободили от пиратов выход из гавани, не так ли?

Торанага неудобно сидел на почетном месте – стуле с высокой спинкой за большим столом. Алвито сидел рядом с ним, адмирал напротив, дель Аква сбоку от адмирала. Марико стояла за Торанагой, телохранители-самураи ждали около дверей, напротив вооруженных моряков. Все европейцы понимали, что, хотя Алвито и переводил все, что говорилось в комнате, Марико присутствовала для того, чтобы между ними ничего не говорилось открыто против интересов ее господина и чтобы перевод был полный и точный.

Дель Аква наклонился вперед.

– Может быть, господин, вы можете направить на берег посланника господину Ишидо. Может быть, выход лежит в торговле. Мы могли бы предложить этот корабль как

нейтральное место для переговоров. Может быть, таким путем мы могли бы предотвратить войну.

Торанага презрительно рассмеялся:

– Какая война? Мы не воюем, Ишидо и я.

– Но, господин, мы видели битву на берегу.

– Не будьте наивными! Кого убили? Несколько нищих ронинов. Кто кого атаковал? Только ронины, бандиты и несколько фанатиков.

– А во время засады? Мы поняли, что коричневые сражались с серыми.

– Бандиты атаковали нас всех, и серых, и коричневых. Мои люди сражались только для того, чтобы защитить меня. В ночных стычках ошибки бывают часто. Если коричневые убили серых или серые коричневых, это досадная ошибка. Что такое несколько человек для любого из нас? Ничего. Мы не на войне.

Торанага заметил их недоверие, поэтому добавил:

– Скажите им, Тсукку-сан, что в Японии войны ведут армии. Эти нелепые стычки и попытки политических убийств только пробы, которые заканчиваются, если не удаются. Война началась не сегодня вечером. Она началась, когда умер Тайко. Даже до этого, когда он умирал, не оставляя взрослого сына-наследника. Может быть, даже до этого, когда Города, главный правитель, был убит. Сегодняшний вечер не имеет значения.

Никто из вас не понимает нашего государства или нашей политики. Как вы можете понять? Конечно, Ишидо пытается убить меня. Так же как и многие другие дайме. Они делали так в прошлом и будут делать в будущем. Кийяма и Оноши – оба и друзья и враги. Поймите, если бы я был убит, это бы упростило все для Ишидо, настоящего моего врага, но только на какой-то момент. Я сейчас в ловушке, и если ему повезет, то он получит только временное преимущество. Если мне удастся выбраться, ловушки больше никогда не будет. Но поймите меня правильно, все вы, что моя смерть не отодвинет войны и не предотвратит дальнейшие конфликты. Конфликтов не будет, только если умрет Ишидо. А сейчас нет открытой войны, ни с кем. – Он поудобнее устроился на стуле, – ему не нравился запах пищи, приготовленной на масле, и немытых тел. – Но у нас возникла срочная проблема. Мне нужны ваши пушки. Они нужны мне сейчас. Пираты перекрыли мне выход из гавани. Я говорил до этого Тсукку-сану, что скоро каждый должен будет выбрать, на чьей он стороне. Где сейчас окажетесь вы, ваш руководитель и вся христианская церковь? А мои португальские друзья со мною или против меня?

Дель Аква сказал:

– Вы можете быть уверены, господин Торанага, мы все поддерживаем ваши интересы.

– Хорошо. Тогда сразу же разгоните пиратов.

– Это был бы акт войны, и в этом нет никакой выгоды для нас.

– Может быть, мы могли бы как-то торговаться? А? – сказал Феррьеера.

Алвито не перевел этого, но вместо этого сказал:

– Адмирал говорит, мы только пытаемся избежать вмешательства в вашу политику, господин Торанага, мы торговцы.

Марико сказала Торанаге по-японски:

– Простите, господин, это неправильный перевод. Это не то, что он сказал.

Алвито вздохнул:

– Я только заменил некоторые слова, господин. Адмирал не соблюдает некоторых правил приличия, так как он иностранец. Он не понимает по-японски.

– А вы соблюдаете, Тсукку-сан? – спросил Торанага.

– Я пытаюсь, господин.

– Что на самом деле он сказал?

Алвито перевел.

После паузы Торанага сказал:

– Анджин-сан сказал мне, что португальцы были очень заинтересованы в торговле, но в торговле они не знают правил хорошего тона и не понимают юмора. Я понимаю и приму

ваши объяснения, Тсуку-сан. Но с этого момента, пожалуйста, переводите все точно как говорится.

– Да, господин.

– Скажите адмиралу следующее; «Когда конфликт разрешится, я расширю торговлю. Я хорошо отношусь к торговле. Ишидо – нет».

Дель Аква отметил перемену и надеялся, что Алвито загладил глупость Феррьеры.

– Мы не политики, господин, мы верующие и представляем веру и верующих... Мы поддерживаем ваши интересы. Да.

– Я согласен. Я рассмотрю. – Алвито перестал переводить, его лицо осветилось, и он на момент позволил Торанаге опередить его. – Извините, Ваше Преосвященство, но господин Торанага сказал: «Я рассмотрю вашу просьбу построить церковь, большую церковь в Эдо, как доказательство моего доверия к вашим интересам».

Много лет, с того момента, как Торанага стал господином Восьми Провинций дель Аква прилагал все усилия, чтобы получить такое разрешение. И получить от него это разрешение сейчас для третьего по величине города империи было бесценной уступкой со стороны Торанага. Отец-инспектор знал, что пришло время решить проблему пушек.

– Поблагодарите его, Мартин Тсуку-сан, – сказал он, пользуясь условной фразой, которую он предварительно согласовал с Алвито, договариваясь о том, как себя вести Алвито, такому поборнику веры, – и скажите, что мы всегда будем к его услугам. О, да, и спросите его, что он имел в виду, говоря о соборе, – добавил он для адмирала.

– Может быть, я могу говорить напрямую, господин, одну минуту, – начал Алвито говорить Торанаге, – мой господин благодарит вас и говорит, что то, о чем вы просили, видимо, возможно. Он всегда старается помочь вам.

– Стараться – абстрактное слово и недостаточное.

– Да, господин. – Алвито взглянул на телохранителей, которые, конечно, слушали, не подавая вида. – Но я помню, что вы раньше говорили: иногда бывает разумным стать абстрактным.

Торанага сразу понял его. Он махнул рукой, отпуская свою стражу.

– Подождите снаружи, вы все.

Они неохотно повиновались. Алвито повернулся к Феррьере:

– Нам пока не нужны ваши часовые, адмирал. Когда самураи ушли, Феррьера отпустил своих людей и взглянул на Марику. На поясе у него были пистолеты, а еще один он держал в сапоге. Алвито сказал Торанаге:

– Может быть, господин, вам бы хотелось, чтобы госпожа Марики присела?

Торанага снова понял, что он хотел сказать. Он подумал с мгновение, потом коротко кивнул и сказал не оборачиваясь:

– Марики-сан, возьмите одного из моих телохранителей и найдите Анджин-сана. Оставайтесь с ним, пока я не пришлю за вами.

– Да, господин.

Дверь за ней закрылась.

Теперь они остались одни. Их было четверо.

Феррьера сказал:

– Что предлагается? Что он предлагает?

– Будьте терпеливы, адмирал, – ответил дель Аква; его пальцы дрожали на кресте – он молился об успехе.

– Господин, – начал говорить Алвито Торанаге, – господин, мой повелитель говорит, что все, что вы просите, он попытается сделать в течение сорока дней. Он пошлет секретной почтой ваши слова об успехах в этом деле. Я буду курьером, с вашего позволения.

– А если он не добьется?

– Это произойдет не из-за нежелания помочь, а из-за намерения обдумать. Он дает вам свое слово.

– Перед христианским Богом?

– Да, перед Богом.
– Хорошо. Я сделаю это в письменном виде. Со своей печатью.
– Иногда полные соглашения, деликатные соглашения не следует сводить к письменным, господин.

– Вы хотите сказать, что, если я не дам письменного согласия, вы тоже не дадите?
– Я только напоминаю вам, что вы сами говорили, что самурайская честь более важна, чем кусок бумаги. Отец-инспектор дает вам свое слово перед Богом, свое слово чести, как это делает самурай. Ваша честь очень много значит для отца-инспектора. Я только подумал, что он будет расстроен, если вы ему не поверите. Вы хотите, чтобы я просил его что-то подписать?

Торанага, помолчав, наконец сказал:

– Очень хорошо. Его слово перед Иисусом Христом, да? Его слово перед Богом?
– Я даю его по поручению отца-инспектора. Он клянется на святом кресте, что попытается.

– И вы тоже, Тсукку-сан?
– Я тоже дал вам свое слово, перед моим Богом, на святом кресте, что я буду делать все, чем я смогу помочь ему убедить господ Оноши и Кийяму быть вашими союзниками.

– В свою очередь я сделаю то, что я обещал раньше. На сорок первый день вы можете заложить камень в самый большой христианский собор в империи.

– А можно будет эту землю, господин, выделить нам сейчас же?

– Как только я прибуду в Эдо. А теперь? Что с пиратами? Вы прогоните их сразу же, сейчас?

– Если бы вы имели пушки, вы могли бы сами справиться с этим, господин?

– Конечно, Тсукку-сан.

– Прошу прощения за такую дотошность, господин, но мы должны выработать план. Пушки не принадлежат нам. Пожалуйста, дайте мне минуту времени, – Алвито повернулся к дель Акве. – С собором все улажено. Ваше Преосвященство. – Потом он добавил для Феррьеры, начиная выполнять согласованный план: – Вам следует радоваться тому, что вы не потопили его, адмирал. Господин Торанага спрашивает, не возьмете ли вы десять тысяч дукатов золотом, когда поедете на Черном Корабле в Гоа, чтобы вложить их в золотой рынок в Индии. Мы были бы рады помочь в сделке с помощью наших источников там, поместив это золото для вас. Господин Торанага говорит, половина доходов – ваша.

И Алвито, и дель Аква считали, что ко времени, когда Черный Корабль вернется через шесть месяцев, либо Торанага будет снова президентом Совета регентов и, следовательно, более чем рад, что проведена такая выгодная сделка, либо он будет мертв.

– Вы будете иметь чистой прибыли четыре тысячи дукатов. Без всякого риска.

– А что взамен? Это больше, чем вся ваша годовая субсидия короля Испании всему обществу иезуитов в Азии. В обмен на что?

– Господин Торанага говорит, пираты не дают ему выйти из гавани. Ему лучше знать, пираты это или нет.

Феррьера ответил тем же самым деловитым тоном, что они оба знают только: это будет на выгоду Торанаге.

– Это плохой совет – поверить этому человеку. У его врагов все выигрышные карты. Христиане-дайме против него. Наверняка два самых главных, я слышал это собственными ушами. Говорят, этот японец – реальный враг. Я верю им, а не этому безродному кретину.

– Я уверен, господин Торанага знает лучше нас, кто пираты, а кто нет, – невозмутимо сказал ему дель Аква, зная, какое будет решение, как знал это и Алвито. – Я думаю, вы не возражаете, чтобы господин Торанага сам имел дело с пиратами?

– Конечно, нет.

– У вас на борту много свободных пушек, – сказал отец-инспектор. – Почему не дать их ему тайком? Продайте на самом деле. Вы продаете оружие все время. Он покупает оружие. Четыре пушки будет более чем достаточно. Будет легко перегрузить их с помощью баркаса,

с запасом пороха и зарядов, опять украдкой. Тогда это дело будет решено.

Феррьера вздохнул.

– Пушки, Ваше Преосвященство, бесполезны на борту галеры. У нее нет пушечных портов, нет пушечного такелажа, нет пушечных пиллерсов. Они не смогут воспользоваться пушками, даже если бы у них были артиллеристы, которых у них нет.

Оба священника были поражены.

– Бесполезны?

– Абсолютно.

– Но, конечно, дон Феррьера, они могут приспособить...

– Эта галера непригодна для применения пушек без переделки, которая займет по крайней мере неделю.

– Что такое? – спросил Торанага подозрительно: что-то не то, однако они пытаются это от него скрыть.

– В чем дело, спрашивает Торанага, – сказал Алвито. Дель Алвито знал, что почва уходит у них из-под ног.

– Адмирал, пожалуйста, помогите нам. Пожалуйста. Я прямо прошу вас. Мы получили большие уступки для дела нашей веры. Вы должны поверить мне, и вы должны доверять нам. Вы должны помочь господину Торанаге как-то выбраться из гавани, Я прошу вас от имени церкви. Один собор является огромной уступкой делу веры. Пожалуйста.

Феррьера не позволил себе показать радости такой победы. Мысленно он даже добавил себе значительности своему голосу: «Так как вы просите помочь от имени церкви, Ваше Преосвященство, я, конечно, сделаю все, что вы просите. Я выведу его из этой западни. Но в свою очередь я хочу, чтобы меня назначили адмиралом Черного Корабля на следующий год независимо от того, будет ли удачным этот год или нет».

– Это личное распоряжение короля Испании, его одного. Я не могу назначить на этот пост. Далее: я принимаю ваше предложение относительно золота, но я хочу, чтобы вы гарантировали, что у меня не будет проблем с вице-королем Гоа, или здесь, с золотом, или с Черным Кораблем.

– Вы осмеливаетесь использовать меня и церковь как гарантов?

– Это только деловое соглашение между нами и этой обезьяной.

– Он не обезьяна, адмирал. Вам лучше помнить это.

– Далее: пятнадцать процентов груза этого года вместо десяти.

– Это невозможно.

– Следующее: дать слово, Ваше Преосвященство, перед Богом сейчас, что ни вы, ни один из священников, находящихся в вашем подчинении, никогда не будут угрожать мне отлучением от церкви, если я совершу в будущем акт святотатства, каких еще не было. И далее, ваше слово, что вы и ваши святые отцы будут активно поддерживать и помогать этим двум Черным Кораблям, – также перед Богом.

– И что же еще, адмирал? Конечно, это не все? Наверняка есть что-то еще?

– Последнее: мне нужен этот еретик.

* * *

Марико посмотрела вниз на Блэксорна из дверей каюты. Он лежал в полубессознательном состоянии на полу, пытаясь выbleвать свои внутренности. Боцман облокотился на койку, с воодушевлением разглядывая ее, видны были пеньки его желтых зубов.

– Он отравлен или пьян? – спросила она Тотоми Кану, самурая, стоящего рядом с ней, безуспешно пытаясь закрыть свои ноздри от запаха пищи и рвоты, запаха этого уродливого моряка перед ней и от постоянного запаха трюмов, который пропитал весь корабль. – Похоже, что он был отравлен, да?

– Может быть, и отравлен, Марико-сан. Посмотрите на эту мерзость! – Самурай брезгливо махнул рукой в сторону стола: деревянные тарелки с остатками искромсанных

кусков ростбифа, зажаренного с кровью; половинка скелета бойцового цыпленка; наломанные куски хлеба и сыра; пролитое пиво и масло; блюдо холодного мяса с жирной подливкой и полуопустошенная бутылка бренди.

Никто из них никогда не видел раньше мяса на столе.

– Что вам надо? – спросил боцман. – Здесь нет обезьян, ва-каримасу? В комнате нет обезьян-сан! – Он поглядел на самурая и отмахнулся от него: – Уходи! Писс аут! – Его глаза обратились на Марико: – Как тебя зовут? Имя, а?

– Что говорит этот чужеземец, Марико-сан? – спросил самурай.

Марико отвела свой зачарованный взгляд от стола и сосредоточилась на боцмане.

– Простите, сеньор, я не поняла вас. Что вы сказали?

– А? – рот боцмана открылся еще больше. Это был большой толстый мужчина, со слишком близко поставленными глазами и большими ушами, волосы торчали жалкими черными косичками. Распятие свисало с толстой шеи, за пояс было заткнуто два пистолета. – О, вы можете говорить по-португальски? Японка, которая может говорить на хорошем португальском языке? Где вы научились говорить на цивилизованном языке?

– Меня научил христианский священник.

– Да будь я Богом проклятым сыном проститутки! Мадонна, этот цветок-сан может говорить на нормальном языке!

Блэксорна опять вырвало, и он попытался встать с палубы.

– Вы не могли бы, пожалуйста, вы не могли бы положить его сюда? – Она показала на койку.

– Ага. Если эта обезьяна поможет.

– Кто? Извините, что вы сказали? Кто?

– Он. Этот джеп⁷. Он.

Слова больно ранили ее, и она прилагала все свои усилия, чтобы оставаться спокойной. Марико сделала знак самурая.

– Кана-сан, будь любезен, помоги этому чужеземцу. Анджин-сана надо положить вот сюда.

– С удовольствием, госпожа.

Двое мужчин подняли Блэксорна, и он плюхнулся обратно в койку, с тяжелой головой, глупо гримасничая.

– Его нужно помыть, – сказала Марико по-японски, все еще ошеломленная тем, как боцман назвал Кану.

– Да, Марико-сан. Прикажите чужеземцу послать за слугами.

– Да. – Ее глаза недоверчиво покосились на стол. – Они действительно ели это?

Боцман посмотрел туда же. Он тут же наклонился над столом и оторвал ножку цыпленка, предложив ее Марико.

– Вы голодны? Вот, маленькая цветок-сан, это хорошая вещь. Сегодня она свежая – действительно каплун из Макао.

Она покачала головой.

Медвежье лицо боцмана расплылось в ухмылке, и он ободряюще обмакнул ногу цыпленка в густую подливку и сунул ей под нос:

– Подливка делает его еще вкуснее. Ну, это достаточно приятная вещь, а теперь можно и поговорить. Никогда не удавалось это раньше. Ну, давай, это подкрепит тебя, чего тут считать! Это каплун из Макао, я тебе сказал.

– Нет, нет, спасибо. Есть мясо... есть мясо запрещено. Это против наших законов – и против буддизма, и против синтоизма.

– Но в Нагасаки не так! – засмеялся боцман. – Многие джепы едят мясо все время. Они делают все, когда им это удастся, и грог лакают. Вы христианка, не так ли? Ну, попробуй, маленькая донна. Как узнать, если не попробовать?

– Нет, нет, спасибо.

– Человек не может жить без мяса. Это настоящая еда. Делает вас сильным, так что вы можете прыгать, как горностаи... Вот, – он предложил ножку цыпленка Кане, – хочешь?

Кана с отвращением покачал головой:

– Ие!

Боцман пожал плечами и небрежно отбросил ее обратно на стол.

– «Ие» так «ие». Что у вас с рукой? Повредили в бою?

– Да. Но несильно. – Мариико подвигала ею немного, чтобы продемонстрировать это, и с трудом вытерпела боль.

– Бедняжка! Что вы здесь хотели, донна сеньорита, а?

– Повидать Ан... – встретиться с кормчим. За ним послал господин Торанага. Кормчий пьян?

– Да, это и пища. Бедняга слишком быстро ел и так же быстро пил. Выпил полбутылки одним глотком. Англичане все такие. Не могут переносить свой грог. – Его глаза внимательно рассматривали Мариико. – Я никогда не видел такого маленького цветка, как ты. И никогда не разговаривал с джепом, который может говорить на нормальном языке.

– Вы всех японских дам и самураев называете джепами и обезьянами?

Мориях коротко хохотнул.

– Эх, сеньорита, это сорвалось с языка. Это про обычных сводников и проституток в Нагасаки. Здесь нет ничего обидного. Я никогда не разговаривал с культурной сеньоритой, даже не знал, что такие бывают, ей-богу.

– Я тоже, сеньор. Я никогда не разговаривала с цивилизованными португальцами раньше, только со святыми отцами. Мы японцы, не джепы, понятно? А обезьяны – это животные, правильно?

– Конечно. – Боцман показал свои выбитые зубы. – Вы говорите как донна. Да. Не обижайтесь, донна сеньорита.

Блэксорн начал что-то бормотать. Она подошла к койке и осторожно потрясла его:

– Анджин-сан! Анджин-сан!

– Да-да? – Блэксорн открыл глаза. – О, привет, я сожалею, я... – Но боль и закружившаяся комната заставили его лечь на место.

– Пожалуйста, пошлите за слугой, сеньор, его надо помыть.

– Есть рабы, но не для этого, донна сеньорита. Оставьте англичанина – что такое небольшая рвота для еретика?

– Нет слуг? – спросила она, пораженная.

– У нас есть рабы – черные негодяи, но они ленивы – им никто не доверяет мыть себя, – сказал он с кривой ухмылкой.

Мариико знала, что у нее нет выбора. Господин Торанага может потребовать Анджин-сана тотчас же, и это была ее обязанность.

– Тогда мне нужно немного воды, – сказала она, – помыть его.

– Есть бочка воды. На лестничной площадке внизу.

– Пожалуйста, принесите мне воды, сеньор.

– Пошлите его. – Боцман ткнул пальцем в Кану.

– Нет. Будьте любезны, сходите вы. Сейчас.

Боцман оглянулся на Блэксорна.

– Вы его возлюбленная?

– Что?

– Вы возлюбленная этого англичанина?

– Что такое возлюбленная, сеньор?

– Его женщина. Его подруга, понимаете, сеньорита, его девушка, этого кормчего, его любовница, возлюбленная.

– Нет, сеньор, нет. Я не его возлюбленная.

– Да? Тогда чья же? Этого оран... этого самурая? Или, может быть, этого князя,

который только что поднялся на борт? Тора... что-то, что-то? Вы одна из его?..

– Нет.

– Ни одного из тех, что на борту?

Она покачала головой:

– Пожалуйста, принесите воды.

Боцман кивнул и вышел.

– Это самый безобразный, дурно пахнущий мужчина, которого я когда-либо видел около себя, – сказал самурай. – Что он говорил?

– Он думал, что я одна из наложниц кормчего. Самурай направился к двери.

– Кана-сан!

– Я требую права по поручению вашего мужа отомстить за это оскорбление. Сразу же! Как если бы вы прелюбодействовали с чужеземцем!

– Кана-сан! Пожалуйста, закройте дверь.

– Вы Тода Марико-сан! Как он осмелился оскорбить вас? За оскорбление должно быть отомщено!

– Оно будет отомщено, Кана-сан, и я благодарю вас. Да. Я даю вам это право. Но мы здесь по приказу господина Торанаги. Пока он не даст своего одобрения, было бы неправильно, если бы вы сделали это.

Кана неохотно закрыл дверь.

– Я согласен. Но я официально прошу вас обратиться к господину Торанаге до того, как мы уедем отсюда.

– Да. Благодарю вас за то, что вы заботитесь о моей чести. «Что бы сделал Кана, если бы он знал все, о чем мы здесь говорили? – спросила она себя, ужаснувшись. – Что бы сделал господин Торанага? Или Хиро-Мацу? Или мой муж? Обезьяны? О Мадонна, помоги мне продержаться и сохрани мой разум». Чтобы унять гнев Каны, она быстро переменила тему:

– Анджин-сан выглядит таким беспомощным. Прямо как ребенок. Видимо, чужеземцы не могут пить вино из-за желудка. Совсем как некоторые из наших мужчин.

– Да. Но это не из-за вина. Не может быть. Это из-за того, чтоб он съел.

Блэксорн тяжело завозился, приходя в сознание.

– У них нет слуг на корабле, Кана-сан, так что я должна буду заменить одну из служанок Анджин-сана. – Она начала неуклюже раздевать его, так как у нее еще болела рука.

– Ну-ка, позвольте мне вам помочь. – Кана оказался более ловок. – Я привык делать это для моего отца, который часто страдал от саке.

– Для мужчины хорошо иногда напиться. Это освобождает его от всяческих дьявольских духов.

– Да, но мой отец часто сильно страдал на следующий день.

– Мой муж очень сильно потом болеет. По несколько дней.

Через минуту Кана сказал:

– Может быть, это сам Будда позволил господину Бунтаро спастись.

– Да, – Марико огляделась. – Я не понимаю, как они могут жить в такой грязи? Это хуже, чем у самых бедных наших людей. Я чуть не упала в обморок в той каюте от запаха.

– Это возмутительно. Я никогда не был на борту чужеземного корабля раньше.

– А я никогда не была раньше на море.

Открылась дверь, и боцман принес ведро. Он был шокирован тем, что Блэксорн лежит голый, и, выдернув одеяло из-под койки, накрыл его.

– Он схватит смертельную простуду. Кроме того, стыдно делать это с человеком, даже с ним.

– Что?

– Ничего. Как ваше имя, донна сеньорита? – Его глаза сверкнули.

Марико не ответила. Она сбросила в сторону одеяло и дочиста обмыла Блэксорна, довольная, что можно что-то делать, ненавидя каюту и вонючего боцмана, гадая, о чем говорят в другой каюте: «В безопасности ли мой господин?»

Кончив, она связала в узел кимоно и грязную набедренную повязку.

– Можно это постирать, сеньор?

– А?

– Это надо бы сразу выстирать. Может быть, вы послали бы за рабом, были бы так любезны?

– Это кучка ленивых негодяев, я вам уже сказал. Это займет неделю или даже больше. Выбросьте это, донна сеньорита, они никому не нужны. Наш кормчий Родригес сказал, чтобы я дал ему всю нужную одежду. Вот. – Он открыл шкаф, – Он сказал дать ему все отсюда.

– Я не знаю, как одевать мужчину во все это...

– Ему нужны будут рубашка, брюки, гультфик, носки и ботинки, куртка. – Боцман вынул их и показал ей. Потом с помощью самурая она начала одевать Блэксорна, все еще находящегося в полубессознательном состоянии.

– Как он носит это? – Она держала в руках гультфик в форме мешочка с привязанными к нему тесемками.

– Мадонна, он носит это впереди, вот так. – Боцман, смутившись, показал свой собственный. – Вы привязываете его по этому месту на брюки, как я показал. На его стручок.

Она изучающе посмотрела на боцмана. Он чувствовал ее взгляд и смешался.

Марико надела гультфик на Блэксорна и аккуратно уложила поудобней, вместе с самураем они провели тесемки между ног и завязали их вокруг талии. Она спокойно сказала самураю:

– Это самый нелепый способ одеваться, который я когда-либо видела.

– Это, должно быть, очень неудобно, – ответил Кана, – а священники тоже их носят, Марико-сан? Под своими рясами?

– Я не знаю.

Она отбросила прядь волос от глаз.

– Сеньор, теперь Анджин-сан одет так, как надо?

– Ага, кроме ботинок. Они там вон. Но с ними можно подождать. – Боцман подошел к ней, и ее ноздри заложило от отвращения. Он понизил голос, став спиной к самураю: – Не хотите ли быстренько?

– Что?

– Я схожу по вас с ума, сеньорита, видите ли. Что вы скажете? Там, в соседней каюте, есть койка. Отправьте вашего друга наверх. Англичанин будет в отключке еще час. Я заплачу как обычно.

– Что?

– Вы заработаете монету, даже три, если вам нравится попрыгать, и вы сядете на лучший член отсюда до Лиссабона, а? Что вы скажете?

Самурай заметил ее ужас:

– В чем дело, Марико-сан?

Марико оттолкнула боцмана назад, подальше от койки. Ее речь была прерывистой:

– Он... он сказал...

Кана мгновенно выхватил меч, но его взгляд натолкнулся на стволы двух заряженных пистолетов. Тем не менее он замахнулся для удара.

– Стойте, Кана-сан! – Марико задыхалась. – Господин Торанага запретил всякие стычки до его приказа.

– Ну, обезьяна, иди, ты вонючий обоссанный дерьмовый дурак! Ты! Скажи этой обезьяне поднять свой меч или он будет безголовым сукиным сыном прежде, чем сможет пернуть!

Марико стояла в одном футах от боцмана. Ее правая рука все еще была засунута за пояс, ручка ее стилета все еще лежала у нее в ладони. Но она помнила свой долг и убрала руку.

– Кана-сан, уберите меч. Пожалуйста. Мы должны выполнять приказание господина Торанаги. Мы должны повиноваться ему.

Громадным усилием Кана заставил себя сделать то, о чем она его просила.

– Я собираюсь отправить тебя в ад, джеп!

– Пожалуйста, извините его, сеньор, и меня тоже, – сказала Мариико, пытаясь говорить как можно вежливей. – Это ошибка...

– Этот негодяй с обезьяньим лицом вытащил меч. Это не ошибка, ей-богу!

– Пожалуйста, извините, сеньор, я очень сожалею. Боцман облизал губы.

– Я забуду об этом, если ты будешь хорошо себя вести, маленький цветок. Пошли с тобой в соседнюю каюту, скажи этой обезьяне, чтобы он оставался здесь, и я забуду об этом.

– Как ваше имя, сеньор?

– Пезаро, Мануэль Пезаро, а что?

– Ничего. Пожалуйста, извините нас за это недоразумение, сеньор Пезаро.

– Пошли в соседнюю каюту. Сейчас.

– Что здесь происходит? Что это... – Блэксорн не понимал, проснулся он уже или все еще в ночном кошмаре, но чувствовал опасность. – Что здесь происходит, скажите, ради Бога!

– Этот вонючий джеп бросился на меня!

– Это была ошибка, Анджин-сан, – сказала Мариико. – Я извинилась перед сеньором Пезаро.

– Мариико? Это вы, Мариико-сан?

– Хай, Анджин-сан. Хонто. Хонто.

Она подошла ближе. Пистолеты боцмана не спускались с Каны. Она была вынуждена задеть за него, проходя мимо, и ей потребовалось приложить еще больше усилий, чтобы не выхватить свой нож и не выпустить из него кишки. В этот момент открылась дверь. Молодой штурвальный вошел в каюту с ведром воды. Он удивленно глянул на пистолеты и выскочил обратно.

– Где Родригес? – сказал Блэксорн, пытаясь заставить работать свою голову.

– Наверху, где и следует быть хорошему кормчему, – сказал боцман, его голос звучал раздраженно, – Этот джеп хотел меня зарубить, ей-богу!

– Помогите мне выйти на палубу, – Блэксорн ухватился за борта койки. Мариико взяла его за руку, но не смогла поднять его.

Боцман махнул пистолетом на Кану.

– Скажи ему, чтобы он помог. Скажи ему, что если на небесах есть Бог, то он будет висеть на нок-рее до конца вахты.

* * *

Первый помощник капитана Сантьяго отодвинулся от секретного отверстия в стенке кают-компания, последнее «Ну, тогда все решено», сказанное дель Аквой, все еще звучало в его мозгу. Бесшумно он проскочил через темную каюту, вышел в коридор и тихонько закрыл дверь. Он был высокий, сухоощавый мужчина с живым лицом, он носил напояженную косу в виде свиного хвоста. Его одежда была опрятной, и, как и большинство моряков, он ходил босиком. В спешке он проскочил по коридору, бегом пересек главную палубу и взбежал на ют, где Родригес беседовал с Мариико. Он извинился, наклонившись, прижался ртом к уху Родригеса и начал выкладывать все, что услышал и о чем был послан подслушивать, так, чтобы никто на юте не мог присоединиться к ним.

Блэксорн сидел на палубе на корме, облокотившись на планшир, голова его лежала на согнутом колене. Мариико сидела с прямой спиной, повернувшись лицом к Родригесу, как это принято у японцев, а Кана, самурай, мрачно стоял сбоку. Вооруженные моряки толпились на палубах и расположились в «вороньем гнезде», наверху, еще двое – у штурвала. Корабль все еще был поставлен против ветра, воздух и ночь были чистыми, ореол вокруг луны был больше, дождь недавно кончился. В ста ярдах бортом к кораблю под прицелом его пушек стояла галера, весла были вытаснены на палубу, кроме двух с каждой стороны, которые

удерживали ее на месте; слабое приливное течение относило ее в сторону. Рыбачьи лодки, находившиеся в засаде с неприятельскими лучниками-самураями, приблизились, но еще не нападали.

Марико следила за Родригесом и помощником капитана. Она не могла слышать, о чем они говорят, но даже если бы и могла, ее воспитание заставило бы ее предпочесть не вслушиваться. Интимность в бумажных домах была невозможна без вежливости и предупредительности, без интимности цивилизованная жизнь не могла бы существовать, поэтому всех японцев учили слышать и не мешать. Для общего блага.

Когда она пришла с Блэксорном на палубу, Родригес слушал, что говорил боцман и ее сбивчивое объяснение: это была ее ошибка, она неправильно поняла слова боцмана, и это заставило Кану обнажить меч, чтобы защитить ее честь. Боцман слушал, ухмыляясь, его пистолеты все еще были направлены в спину самурая.

– Я только спросил, не была ли она любовницей англичанина, ей-богу, – она так спокойно умывала его и запихивала в гульфик его сокровища.

– Убери свои пистолеты, боцман.

– Он опасен, говорю я вам. Его надо связать!

– Я прослежу за ним. Иди на нос.

– Эта обезьяна убила бы меня, не будь я попроворней. Вздернуть его на нок-рее! Мы сделаем это в Нагасаки!

– Мы не в Нагасаки – иди отсюда! Живо!

Когда боцман ушел, Родригес спросил:

– Что он сказал вам, сеньора? На самом деле?

– Это – ничего особенного. Извините.

– Я извиняюсь за высокомерие этого человека перед вами и перед самураем. Пожалуйста, передайте самураю, что я извиняюсь перед ним, прошу его прощения. И я официально прошу вас забыть все оскорбления, нанесенные боцманом. Вашему сюзерену или мне не поможет, если на борту произойдут неприятности. Я обещаю вам, что я разберусь с ним по-своему и в удобное время.

Она поговорила с Каной, и под ее нажимом он наконец согласился.

– Кана-сан говорит, что очень хорошо, но, если он когда-нибудь увидит боцмана Пезаро на берегу, он отрубит ему голову.

– Это честно, ей-богу. Да. Домо аригато, Кана-сан, – сказал Родригес с улыбкой. – И домо аригато годзиемашита, Марико-сан.

– Вы говорите по-японски?

– О, нет, только слово или два. У меня жена в Нагасаки.

– О, вы давно в Японии?

– Это мое второе плавание сюда из Лиссабона. Я провел семь лет в этих водах, как говорят – сюда, туда, в Макао и в Гоа. – Родригес добавил: – Не обращайте внимания на этого боцмана – он – эта. Но Будда говорит, даже эта имеют право жить. Правда?

– Конечно, – сказала Марико, имя и лицо этого человека запомнились ей навсегда.

– Моя жена говорит немного на португальском, сейчас почти так же хорошо, как и вы. Вы христианка, конечно?

– Да.

– Моя жена новообращенная. Ее отец самурай, хотя и небогатый. Его сюзерен – господин Кийяма.

– Ей повезло иметь такого мужа, – вежливо сказала Марико, но про себя она подумала, содрогаясь: как можно выходить замуж и жить с чужеземцем? – Несмотря на свои хорошие манеры, она спросила: – А госпожа, ваша супруга, ест мясо, как то, что было в каюте?

– Нет, – ответил Родригес со смехом, его зубы были белые, красивые и крепкие. – И я в моем доме в Нагасаки не ем никакого мяса. В море ем и в Европе ем. Таков наш обычай. Тысячу лет назад, до прихода Будды, у вас тоже был такой обычай, правда? До Будды люди жили по Тао, Пути и ели мясо. Даже здесь, сеньора. Даже здесь. Теперь, конечно, мы знаем

лучше, некоторые из нас, да?

Марико подумала об этом. Потом она сказала:

– Все португальцы называют нас обезьянами? И джепами? За нашими спинами?

Родригес потянул себя за серьгу, которую он носил в ухе.

– Вы же называете нас варварами? Даже нам в лицо? Мы культурные люди, по крайней мере мы так думаем, сеньора. В Индии, земле Будды, они называют японцев «восточными дьяволами» и не позволяют никуда приставать, если они вооружены. Вы называете индийцев «черными» и нелюдями. Как китайцы называют японцев? Как вы называете китайцев? Как вы называете корейцев? Поедающими чеснок?

– Я не думаю, что господин Торанага будет обрадован. Или господин Хиро-Мацу, или даже отец вашей жены.

– Блаженный Иисус сказал: «Сначала выньте сучок из собственного глаза, прежде чем вытаскивать соломинку из моего».

Она снова задумалась о том, что первый помощник горячо шептал кормчему Родригесу: «Это верно, мы насмехаемся над другими людьми. Но мы же граждане земли Богов и избраны богами. Мы одни, из всех народов, защищены божественным императором. Разве не мы, следовательно, совсем особые и выше всех других? А если мы японцы и христиане? Я не знаю. О, Мадонна, дай мне твое понимание. Этот кормчий Родригес такой же странный, как английский кормчий. Почему они такие особенные? Это их воспитание? Это ведь невероятно, то, что они делают, не так ли? Как могут они плыть вокруг Земли и идти по морю так легко, как мы это делаем по земле? Знает ли ответ жена Родригеса? Я бы хотела с ней встретиться и поговорить».

Помощник капитана еще больше понизил голос.

– Что он сказал? – воскликнул Родригес с невольным проклятием, и вопреки себе Марико попыталась прислушаться. Но она не смогла расслышать, что говорил помощник капитана. Потом она увидела, что они оба посмотрели на Блэксорна, и она последовала за ними взглядом, обеспокоенная их тревогой.

– Что еще случилось, Сантьяго? – осторожно спросил Родригес, опасаясь Марико.

Помощник капитана ответил ему шепотом, сложив руки рупором.

– Сколько времени они останутся внизу?

– Они еще будут пить за здоровье друг друга. И за сделку.

– Негодяи! – Родригес схватил помощника капитана за рубашку: – Ни слова об этом, ради Бога. Головой отвечаешь!

– Об этом не стоит и говорить, кормчий.

– Это всегда стоит напомнить, – Родригес посмотрел на Блэксорна. – Разбуди его!

Помощник капитана подошел и грубо растолкал его.

– В чем дело, а?

– Дай ему тумака!

Сантьяго отвесил ему пощечину.

– Боже мой, да я тебя... – Блэксорн вскочил на ноги, его лицо пылало, но он зашатался и упал.

– Черт бы тебя побрал, англичанин! – Родригес бешено ткнул пальцем в двух рулевых. – Бросьте его за борт!

– Что?

– Быстрее, Боже мой!

Пока двое моряков торопливо поднимали Блэксорна, Марико сказала:

– Кормчий Родригес, вы не должны...

Но прежде чем она или Кана смогли вмешаться, эти двое с силой бросили его за борт. Он пролетел двадцать футов и, хлопнувшись животом о воду, исчез в облаке брызг. Через мгновение он появился на поверхности ошарашенный, молотя руками по воде, – ледяной холод освежил его голову.

Родригес пытался выбраться из своего кресла:

– Мадонна, дайте мне руку!

Один из рулевых подбежал ему помочь, в то время как первый помощник капитана взял его рукой под мышку.

– Боже мой, будьте осторожны, помните о моей ноге, вы, дерьмоголовые увальни!

Ему помогли подойти к борту. Блэксорн все еще кашлял и плевался, но теперь, плывя к борту корабля, он выкрикивал проклятия тем, кто бросил его за борт.

– Два деления вправо! – приказал Родригес рулевым. Корабль немного ушел от ветра и удалился от Блэксорна. Он крикнул вниз:

– Остановите, к дьяволу, мой корабль! – Потом энергично приказывал своему первому помощнику: – Возьми баркас, вылови англичанина и отправь его на борт галеры. Быстро. Скажи ему... – Он понизил голос.

Марико была рада, что Блэксорн не утонул.

– Кормчий! Анджин-сан находится под защитой Торанаги. Я требую, чтобы вы немедленно подняли его!

– Одну минуточку, Марико-сан! – Родригес продолжал шептаться с Сантьяго, который кивал, потом умчался. – Извините, Марико-сан, гомен кудасаи, но это было срочно. Англичанина нужно было разбудить. Я знал, что он умеет плавать. Он должен быть в форме, и быстро!

– Почему?

– Я его друг. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

– Да, но Англия и Португалия находятся в состоянии войны. И Испания.

– Да, но кормчие выше войны.

– Тогда кому же вы служите?

– Флагу.

– А не вашему королю?

– И да, и нет, сеньора. Я обязан англичанину жизнью. – Родригес следил за баркасом. – Держите на курсе, а теперь приводите к ветру, – приказал он рулевому.

– Да, сеньор.

Он подождал, проверяя и перепроверя ветер, и мели, и дальний берег. Лотовой выкрикивал глубины.

– Извините, сеньора, что вы сказали? – Родригес глянул на нее на мгновение, потом отвернулся, чтобы проверить положение корабля и баркаса. Она тоже следила за баркасом. Люди, которые вытащили Блэксорна из моря, теперь быстро гребли к галере, работая веслами, сидя, а не стоя. Теперь Анджин-сан был закрыт человеком, который сидел близко к нему, тем, который шептался с Родригесом.

– Что вы сказали ему, сеньор?

– Кому?

– Ему. Сеньору, которого вы послали с Анджин-саном.

– Просто пожелать англичанину всего хорошего и успехов. – Ответ был невыразителен и безлик.

Она перевела Кане сказанное Родригесом. Когда Родригес увидел баркас рядом с галерой, он опять ожил:

– Святая Мария, Матерь Божья... Адмирал и иезуиты поднялись наверх. За ними шли Торанага и его телохранители.

– Родригес! Спусти баркас! Святые отцы собираются на берег, – сказал Феррьера.

– А потом?

– А потом мы выходим в море. Пойдем в Эдо.

– Почему туда? Мы собирались в Макао, – ответил Родригес, изображая невинность.

– Мы отвезем господина Торанагу в Эдо. Сначала.

– Мы? А что с галерой?

– Она останется или пробьется одна.

Родригес казался еще более удивленным и посмотрел на галеру, потом на Марико. Он

увидел проклятие, отразившееся на ее лице.

– Матсу, – спокойно сказал ей кормчий.

– Я сказал – привет, Мария, отец. Я говорил госпоже, что это учит вас терпению.

Феррьеера посмотрел на галеру:

– Что там делает наш баркас?

– Я отправил еретика обратно.

– Что вы сделали?

– Я отправил англичанина обратно. Что за вопрос, адмирал? Англичанин оскорбил меня, и я отправил этого пидора за борт. Мне следовало утопить его, но он умел плавать, поэтому я послал старшего помощника вытащить его и отвезти на его корабль, так как он, видимо, пользуется благосклонностью господина Торанаги. Что здесь такого?

– Привези его обратно сюда.

– Я пошлю вооруженную команду, адмирал. Что вам надо? Он ругался и призывал на нас геенну огненную. На этот раз он по доброй воле сюда не явится.

– Я хочу, чтобы он снова был на борту.

– Да что за проблемы? Разве вы не сказали, что галера останется и будет сражаться или делать что хочет? Так что англичанин по пояс в дерьме. Хорошо. Кому нужен этот пидор вообще-то? Конечно, отцы предпочли бы, чтобы он скрылся с глаз. Да, святые отцы?

Дель Аква не ответил. Алвито тоже. Это нарушало план, изложенный Феррьеерой и принятый ими и Торанагой: чтобы священники сразу же отправлялись на берег, чтобы уладить дело с Ишидо, Кийямой и Оноши, делая вид, что они поверили рассказу Торанаги о пиратах и не знали, что он «спасся» из замка. Тем временем фрегат пойдет к выходу из гавани, оставив галеру пробиваться сквозь рыбацьи лодки. Если будет открытая атака на фрегат, она будет отбита пушками и огнем на поражение.

– Но лодки не должны атаковать нас, – доказывал Феррьеера, – они должны захватить галеру. Вашей задачей, Ваше Преосвященство, будет убедить Ишидо, что мы не имели другого выбора. В конце концов, Торанага президент Совета регентов. В конце концов, еретик должен остаться на борту.

Ни один из священников не спросил почему. А Феррьеера не стал объяснять.

Отец-инспектор положил свою мягкую руку на плечо адмирала и отвернулся от галеры.

– Может быть, это и к лучшему, что еретик там, – сказал он и подумал, как неисповедимы пути Господни.

«Нет! – хотелось крикнуть Феррьеере. – Я хотел видеть, как он будет тонуть». Человек за бортом в море на рассвете – так легко, ни следов, ни свидетелей, так просто, несчастный случай, насколько он себе это представлял. И это было то, что заслужил Блэксорн. Адмирал также знал, как ужасна смерть в море для кормчего.

– Нан дза? – спросил Торанага.

Отец Алвито объяснил, что кормчий на галере и почему. Торанага повернулся к Марику, которая кивнула и подтвердила то, что раньше сказал Родригес.

Торанага подошел к борту и пристально посмотрел в темноту. С северного берега отплыло еще много рыбацких лодок, скоро подойдут и другие... Он понимал, что Анджин-сан создавал политические сложности, и это был простой способ, который дали ему боги, если он пожелает избавиться от Анджин-сана. «Хочу ли я этого? Конечно, священники-христиане будут безмерно рады, если Анджин-сан исчезнет, – подумал он. – А также Оноши и Кийяма, которые так боялись этого человека, что кто-то из них или они оба устроили эту попытку убить его. Откуда такой страх?

Это карма, что Анджин-сан теперь на галере, а не в безопасности, здесь. Так ли? То, что Анджин-сан будет отправлен на дно вместе с кораблем, вместе с Ябу и другими и с ружьями, – это также карма. Ружья я могу потерять, Ябу я могу потерять. Но Анджин-сана? Да. Потому что у меня есть еще пока восемь этих чужеземных варваров в запасе. Может быть, их коллективное знание будет равно или больше того, что у этого одного человека. Очень важно как можно быстрее вернуться в Эдо, чтобы подготовиться к войне, которой

никак не избежать. Кийяма и Оноши? Кто знает, поддержат ли они меня? Может быть, поддержат, может быть, нет. Но кусок земли и некоторые посулы ничто по сравнению с тем, что значат христиане, если они перейдут на мою сторону через сорок дней».

– Это карма, Тсуку-сан. Не так ли?

– Да, господин. – Алвито посмотрел на адмирала, очень довольный. – Господин Торанага считает, что ничего не сделано. Это только воля Бога.

– Да?

На галере внезапно заработал барабан. Весла с силой ударили в воду.

– Что он делает, Боже мой? – заревел Феррье́ра. И когда они наблюдали за галерой, уходящей от них, с вершины мачты вдруг пополз флаг Торанаги. Родригес сказал:

– Похоже, что они извещают эти проклятые рыбацкие лодки в гавани, что господина Торанаги на борту больше нет.

– Что он собирается делать?

– Я не знаю.

– Не знаешь? – спросил Феррье́ра.

– Нет. Но если бы я был на его месте, я бы вышел в море и оставил нас в этой помойной яме или попытался так сделать. Англичанин теперь показывает на нас пальцем. Что будем делать?

– Тебе приказано идти в Эдо. – Адмирал хотел добавить: «Если ты протаранишь галеру – тем лучше», – но удержался, так как их разговор слушала Мари́ко.

Священники, благодаря, отправлялись на берег в баркасе.

– Поднять все паруса! – крикнул Родригес. Его нога болела и сильно пульсировала. – Зюид-тень-зюид-вест! Всем наверх!

– Сеньора, пожалуйста, скажите господину Торанаге, что ему лучше бы спуститься вниз. Это будет безопасней, – сказал Феррье́ра.

– Он благодарит и говорит, что останется здесь. Феррье́ра пожал плечами и подошел к краю полуюта.

– Зарядить все пушки. Шрапнелью! Приготовиться!

Глава Двадцать Восьмая

– Исоги! – кричал Блэксорн, заставляя старшего над гребцами увеличить темп. Он оглянулся назад на фрегат, который надвигался на них, идя в крутой байдевинд под всеми парусами, потом снова вперед, оценивая следующий галс, который они выполняют. Он решал, правильно ли рассудил, так как здесь было очень мало пространства для судов, совсем близко были утесы, так что от удачи до несчастья отделяло всего несколько ярдов. Из-за ветра фрегат, чтобы приблизиться к входу в гавань, должен был делать галс, в то время как галера могла идти как ей заблагорассудится. Но фрегат имел преимущество в скорости. На последнем галсе Родригесу стало ясно, что галере лучше бы уйти с дороги, когда «Санта-Терезе» требуется свободное пространство.

Ябу опять что-то залопотал ему, но он не обратил внимания.

– Не понимаю, вакаримасен, Ябу-сан! Слушай, Торанага-сама сказал, ты, Анджин-сан, ищи-бан има! Я теперь главный капитан! Вакаримасу ка, Ябу-сан? – Он указал курс по компасу японскому капитану, который показывал на фрегат всего в пятидесяти ярдах за кормой, быстро догонявший их на другом курсе, грозящем столкновением.

– Держи курс, ради Бога! – сказал Блэксорн. Бриз охлаждал его пропитанную морской водой одежду, – ему было неприятно, но это помогало проясниться голове. Он проверил небо. Вокруг яркой луны облаков не было, ветер был хороший. «Опасностей отсюда нет, – подумал он. – Боже, пусть луна светит, пока мы не проскочим».

– Эй, капитан! – позвал он по-английски, зная, что это не имеет значения, говори он по-английски, по-португальски или по-голландски, даже на латыни, так как он был один, – Пошли кого-нибудь за sake! Sake! Вакаримас ка?

– Хай, Анджин-сан.

Срочно послали моряка. Убегая, тот посмотрел через плечо, испуганный размером приближающегося фрегата и его скоростью. Блэксорн держал тот же курс, пытаясь вынудить фрегат повернуть, прежде чем он захватит все пространство с наветренной стороны. Но тот без колебаний шел прямо на него. В последнюю секунду фрегат отпрянул с его пути, а когда их бушприт почти навис над его кормой, он услышал приказ Родригеса:

– Держись на левом галсе! Пусть она идет прямо, и оставайся так!

Потом тот крикнул ему по-испански:

– Твой рот у дьявола в зад, англичанин!

– Твоя мать побывала там раньше!

После этого фрегат отошел к дальнему берегу гавани, где он вынужден был повернуться, чтобы поймать ветер и идти галсом к этому берегу еще раз, чтобы снова повернуть, в последний раз, и попасть в выход из гавани.

В какой-то миг галера была так близко, что могла почти коснуться их корабля. Родригес, Торанага, Мариико и адмирал на юте даже отшатнулись. Потом фрегат умчался и их чуть не затянуло его кильватерной струей.

– Исоги, исого, ради Бога!

Гребцы удвоили свои усилия. Блэксорн знаками потребовал увеличить количество гребцов, пока в резерве никого не осталось. Он должен был попасть к выходу из гавани раньше, чем фрегат, иначе они пропали.

Галера сокращала расстояние. Но фрегат тоже. В дальнем конце гавани он повернулся, словно танцор, и Блэксорн увидел, что Родригес поставил еще и топсели, и брамсели.

– Он такой же хитрый негодяй, как все эти португальцы!

Принесли sake, но у моряка его взяла молодая женщина, которая помогала Мариико и случайно оказалась перед ним. Она мужественно оставалась на палубе, хотя было ясно, что это не ее стихия. У нее были сильные руки, волосы хорошо уложены, а кимоно очень дорогое, выбранное с большим вкусом и опрятное. Галера накренилась от удара волны. Девушка покачнулась и выронила чашку. Ее лицо не дрогнуло, но он увидел, что оно вспыхнуло от стыда.

– Пор нада, – сказал он, когда она стала поднимать ее. – Намае каи?

– Усата Фудзико, Анджин-сан.

– Фудзико-сан. Сюда, дайте-ка это мне. Дозо, – Он протянул руку, взял бутылку и выпил прямо из нее, проглотив вино одним глотком, стремясь скорее согреть свое тело изнутри. Он сконцентрировал внимание на новом курсе, вокруг которого были мели, о них ему по приказу Родригеса рассказал Сантьяго. Он перепроверил пеленг на мыс, который давал им свободный, безопасный курс к выходу из гавани, допивая подогретое вино, гадая при этом, почему они дают его теплым, и в таких небольших количествах, и как умудряются его подогревать.

В голове у него теперь прояснилось, и он чувствовал себя достаточно сильным, – надо только соблюдать осторожность. Но он знал, что у него нет никаких резервов, чтобы выбраться, как и у его корабля.

– Саке, дозо, Фудзико-сан. – Он протянул ей бутылку и забыл о ней.

На наветренном курсе фрегат шел слишком быстро и прошел в ста ярдах перед ним, курсом на берег. Он слышал ругань, несущуюся по ветру, и не ответил, сохраняя силы.

– Исоги, Боже мой! Мы погибли!

Возбуждение гонки и ощущение того, что он один и опять командует, – больше силой своей воли, чем по положению, – усиленное редким преимуществом того, что Ябу в его власти, наполнили его бесовским весельем. «Если не получится так, что корабль выскочит и мы вместе с ним, я выброшусь на скалы, чтобы только посмотреть, как ты утонешь, дерьмолицый Ябу! За старого Пьетерсуна!»

Но разве не Ябу спас Родригеса, когда ты не смог? Не он расправился с бандитами, когда ты попал в засаду? И он храбро вел себя сегодня вечером. Да он дерьмолицый, и это

верно.

Ему снова предложили бутылочку саке.

– Дозо, – сказал он.

Фрегат резко остановился, развернулся в крутой байдевинд, и это сильно обрадовало его.

– Я бы не смог сделать лучше, – сказал он ветру, – Но если бы я был на их месте, я бы пробился через лодки, вышел в море и никогда не возвращался. Я бы увел корабль домой и оставил Японию японцам и этим противным португальцам.

Он заметил, что Ябу и капитан смотрят на него, но притворяются, что он им совершенно безразличен.

– Нужно захватить Черный Корабль и взять в добычу то, что он там везет. И отомстить, а, Ябу-сан?

– Нан дес ка, Анджин-сан? Нан дза?

– Иси-бан! Первым! – ответил он, махнув рукой в сторону фрегата. Он осушил бутылочку. Фудзико тут же приняла ее.

– Саке, Анджин-сан?

– Домо, ие!

Оба корабля теперь очень близко подошли к столпившимся рыбацким лодкам, галера направлялась прямо в проход, который был специально оставлен между ними, фрегат выполнял последний галс и поворачивал к выходу из гавани. Ветер здесь посвежел, так как защищавшие гавань горы отодвинулись, открытое море было уже в полумиле впереди. Порывы ветра били в паруса фрегата, ванты хлопали, как пистолетные выстрелы, у носа в кильватере появилась пена.

Гребцы покрылись потом и явно устали. Один гребец свалился. Потом упал еще один. Пятьдесят с лишним самураев, переодетых ронинами, уже заняли боевые посты. Впереди, по обеим сторонам прохода, лучники в рыбацких лодках уже нацеливали свои луки. В большинстве лодок Блэксорн заметил небольшие жаровни, так что когда начнется стрельба из луков, то стрелы будут в основном зажигательными.

Он, как мог, приготовился к битве. Ябу понял, что предстоит схватка, и сразу же сообразил про зажигательные стрелы. Вокруг штурвала Блэксорн поставил защитные деревянные стенки. Он вскрыл несколько ящиков с мушкетами и поставил там тех, кто мог их заряжать, принес на ют несколько небольших мешков с порохом и приготовил запалы.

Когда Сантьяго, первый помощник капитана, подвозил его на баркасе на галеру, то сказал ему, что Родригес собирается помочь ему, если на то будет милость Божья.

– Мой кормчий говорит, скажи ему, что я бросил его за борт, чтобы он протрезвел, сеньор.

– Зачем?

– Потому, просил он передать вам, что на борту «Санта-Терезы» было опасно, вам опасно.

– Чем опасно?

– Вы должны сами пробиваться, – сказал он вам, – если сможете. Но он поможет.

– Почему?

– Ради Святой Мадонны, придержите свой еретический язык и слушайте – у меня мало времени.

После этого первый помощник рассказал ему о мелях и пеленгах, пути через пролив и их плане. И дал ему два пистолета.

– Вы хорошо стреляете? – спрашивает мой кормчий.

– Плохо, – соврал он.

– Идите с Богом, – просил сказать вам мой кормчий напоследок.

– И он тоже, и вы?

– Что касается меня, я бы отправил тебя в ад!

– И твою сестру!

Блэксорн зарядил бочонки, на случай если начнут стрелять пушки и ему придется действовать без плана или если окажется, что план плохой, а также на случай нападения. Даже такой маленький бочонок, с зажженным запалом, подплывший к борту фрегата, потопит его так же точно, как и выстрел всем бортом из семидесяти пушек. «Неважно, что бочонок маленький, – подумал он, – важно, что в нем».

– Исоги, если хотите жить! – крикнул он и взялся за штурвал, благодаря Бога за Родригеса и за то, что светит яркая луна.

* * *

Здесь, на выходе, гавань сужалась до четырехсот ярдов. Глубина воды была большой почти от берега до берега, скальные массивы резко поднимались сразу от моря.

Пространство между затаившимися рыбацкими лодками составляло всего сто ярдов.

«Саита-Тереза» попала теперь в сложное положение, ветер был позади траверза с правого борта, удобно, чтобы идти в кильватере, и они быстро догоняли. Блэксорн держался середины прохода и сделал Ябу знак приготовиться. Все ронины-самураи согласно приказу сидели на корточках ниже планшира, невидимые, пока Блэксорн не отдаст команду, тогда каждый человек – с мушкетом или мечом – кинется к правому или левому борту – туда, куда потребуется. Ябу командовал. Японский капитан знал, что его гребцы гребут в темпе барабана, а старший из гребцов знал, что он должен слушаться Анджин-сана. И Анджин-сан один вел корабль.

Фрегат был в пятидесяти ярдах за кормой, в середине прохода, направляясь прямо на них, и стало очевидно, что они потребуют уступить себе середину прохода.

* * *

На борту фрегата Феррье негромко сказал Родригесу:

– Протарань его.

Он смотрел на Марику, которая стояла шагах в десяти от него, у леера, рядом с Торанай.

– Я не могу – не при Торане же и этой бабе!

– Сеньора! – окликнул ее Феррье. – Сеньора, вам лучше спуститься вниз, вам и вашему господину. Там, на пушечной палубе, ему будет безопасней.

Марику перевела Торане, который немного подумал, потом спустился по трапу на пушечную палубу.

– Черт бы побрал мои глаза, – сказал главный артиллерист, не обращая ни к кому в частности, – Я бы не прочь дать залп всем бортом и потопить кого-нибудь. Это проклятый год, мы не потопили ни одного проклятого пирата.

– Да. Эти обезьяны заслуживают хорошей бани. На юте Феррье повторил:

– Протарань галеру, Родригес!

– Зачем убивать вашего врага, когда за вас это сделают другие?

– Мадонна! Ты совсем как священник! В тебе нет ни капли крови!

– Да, у меня нет настроения убивать, – ответил Родригес также на испанском, – а как ты? В тебе много бойцовой крови, да? А может быть, и испанской?

– Ты собираешься его протаранить или нет? – спросил Феррье на португальском, близость смерти захватила его.

– Если она останется там, где сейчас, то да.

– Тогда, Мадонна, пусть она останется там, где есть.

– Что у тебя на уме насчет этого англичанина? Почему ты так разозлился, что его не было с нами на борту?

– Ты мне не нравишься, и я тебе не доверяю теперь, Родригес. Дважды ты становился, или казалось, что становился, против меня или нас, но с еретиком. Если где-то в Азии

найдется еще один подходящий кормчий, я спишу тебя на берег, Родригес, и уплыву с моим Черным Кораблем.

– Тогда ты утонешь. Над тобой веет запах смерти, и только я могу защитить тебя.

Феррье́ра суеверно перекрестился.

– Мадонна, у тебя такой мерзкий язык! Какое право ты имеешь так говорить со мной?

– Моя мать была цыганка и седьмой ребенок в семье, и я тоже.

– Врешь!

Родригес улыбнулся.

– Ах, мой адмирал, может быть, я и вру. – Он сложил руки рупором и закричал: – Приготовиться! – А затем обратился к рулевому: – Держи прямо за ней, и, если эта пузатая проститутка не уйдет в сторону, потопи ее!

* * *

Блэксорн твердо держал руль, ноги и руки у него болели. Старший над гребцами бил в барабан, гребцы делали последнее усилие.

Теперь фрегат был в двадцати ярдах за кормой, вот уже в пятнадцати, сейчас в десяти. Тогда Блэксорн круто повернул влево. Фрегат чуть не врезался в них, повернул за ними и оказался рядом. Блэксорн резко повернул вправо, чтобы идти параллельно фрегату, в десяти ярдах от него. Потом вместе, борт о борт, они приготовились идти сквозь два ряда врагов.

– Давай, давай, негодяи! – кричал Блэксорн, стремясь остаться точно сбоку, так как только здесь его прикрывали вся громада фрегата и его паруса. Несколько мушкетов выстрелило, потом залп зажигательных стрел обрушился на них, не нанеся серьезных повреждений, но несколько стрел по ошибке попали в нижние паруса фрегата, и там вспыхнул пожар.

Все командиры самураев в лодках в ужасе остановили своих лучников. Никто никогда не атаковал корабли южных чужеземцев до этого момента. Разве не они одни привозили шелка, которые делали терпимой любую летнюю жару и любой зимний холод и радостными каждую весну и осень? Разве не чужеземцы с юга защищены императорскими декретами? Не разозлит ли их поджог одного корабля так сильно, что они попросту никогда больше не приедут снова?

Когда стрельба прекратилась, Блэксорн начал расслабляться. Родригес тоже. План сработал. Родригес предположил, что под его прикрытием у галеры появится шанс, только шанс.

– Но мой кормчий говорит, вы должны подготовиться к неожиданностям, англичанин. – сказал ему Сантьяго.

– Оттолкни этого негодяя в сторону, – сказал Феррье́ра. – Черт возьми, я приказал тебе столкнуть его к обезьянам!

– Пять делений вправо! – поспешно приказал Родригес.

– Есть пять делений вправо! – откликнулся рулевой. Блэксорн услышал команду. Мгновенно он взял на пять градусов вправо и начал молиться. Если Родригес долго будет держаться этого курса, они врежутся в рыбацкие лодки и погибнут. Если он замедлит ход и окажется сзади фрегата, то вражеские лодки окружают и захватят его независимо от того, верят они или нет, что Торанага на борту. Он должен оставаться у борта фрегата.

– Пять делений вправо! – отдал приказ Родригес, как раз вовремя. Он не хотел, чтобы в него снова летели зажигательные стрелы; на палубе было слишком много пороха. – Ну, ты, сутенер, – пробормотал он, обращаясь к ветру, – давай дуй в мои паруса и вытащи нас отсюда ко всем чертям.

Блэксорн снова повернул на пять градусов вправо, чтобы удержаться в таком положении относительно фрегата, и два корабля неслись бок о бок, правый борт галеры почти касался веслами фрегата, весла левого борта почти опрокидывали рыбацкие лодки. Теперь капитан все понял, понял и старший над гребцами, и сами гребцы. Они вкладывали в

весла последние силы. Ябу прокричал команду, и его ронины-самураи бросили свои луки и кинулись помогать, сам Ябу тоже исчез внизу. Борт о борт. Оставалось пройти только несколько сот ярдов. Тут серые на нескольких рыбацких лодках, более смелые, чем остальные, выскочили вперед на их курс и бросили abordажные крюки. Нос галеры потопил эти лодки. Абordaжные крюки были выброшены за борт до того, как они успели зацепиться. Самураи, державшие их, утонули. И ритм гребли на галере не изменился.

– Еще левее!

– Я остерегаюсь это делать, адмирал. Торанага не дурак и все видит, а там впереди риф! Феррьера видел струи около последних рыбацких лодок. «Мадонна, загони его туда!»

– Два деления влево!

Фрегат снова повернул, и Блэксорн сделал то же самое. Оба корабля направились на скопление рыбацких лодок. Блэксорн тоже видел камни. Потонула еще одна лодка, на галеру обрушился еще один залп стрел. Он держал курс как мог дольше, потом закричал:

– Пять градусов вправо! – чтобы предупредить Родригеса, и повернул штурвал.

Родригес провел маневр и отошел в сторону. Но на этот раз он держал курс на сближение, что не входило в их план.

Блэксорн должен был мгновенно выбрать между бурунами и фрегатом. Он мысленно поблагодарил гребцов, которые все еще оставались у своих весел, команду и всех, кто был на борту, кто благодаря своей дисциплинированности дал ему право выбора. И он выбрал.

Он взял еще правее, вытащил пистолет и прицелился:

– Дай дорогу, ей-богу! – крикнул он и спустил курок. Пуля взвизгнула на юте как раз между адмиралом и Родригесом. Когда адмирал шарахнулся от пули, Родригес поморщился:

– Ты, англичанин, сын безмозглой проститутки! Тебе повезло, и это был удачный выстрел, или ты целился, чтобы убить?

Он увидел второй пистолета руке у Блэксорна, и смотрящего на него Торанагу. Он не обратил внимания на Торанагу, как на не имеющего сейчас значения.

«Благословенная Матерь Божья, что же мне делать? Придерживаться плана или изменить его? Не лучше ли убить этого англичанина? Для общего блага? Скажи мне, да или нет? Ответь себе, Родригес, ради своей вечной души! Или ты не мужчина? Тогда слушай: за этим англичанином пойдут другие еретики, как вши, независимо от того, убить его или не убить. Я обязан ему жизнью, и я клялся, что во мне нет крови убийцы – я не убью кормчего».

– Право руля! – приказал он и дал дорогу галере.

* * *

– Мой господин спрашивает, почему вы чуть не протаранили его галеру?

– Это была только игра, сеньора, игра, в которую играют кормчие. Проверить нервы друг друга.

– А зачем стрелял кормчий?

– Тоже игра – проверить мои нервы. Скалы были слишком близко, и, может быть, я толкал англичанина на них. Мы друзья, правда?

– Мой господин говорит, что глупо играть в такие игры.

– Пожалуйста, принесите ему мои извинения. Важно лишь то, что он теперь в безопасности и галера тоже, и я этому очень рад. Пронто.

– Вы придумали это бегство, эту хитрость, вместе с Анджин-саном?

– Так случилось, что он очень умен и точно определяет время. Луна освещала его путь, море благоприятствовало ему, и никто не допустил ошибок. Но почему неприятель не потопил его, я не знаю. На то была воля Господа.

– Воля Господа? – спросил Феррьера. Он смотрел на галеру у них за кормой и не поворачивался.

Они были достаточно далеко от выхода из гавани, в стороне от пути на Осаку, галера в нескольких кабельтовых сзади, не было видно ни одного корабля. Большинство весел на

галере были на время подняты на борт, оставалось только несколько для спокойного хода, пока основная часть гребцов восстанавливала силы.

Родригес не обращал внимания на адмирала Феррьеру. Он был занят Торанагой. «Я рад, что мы на стороне Торанага», – сказал себе Родригес. Во время гонки он внимательно рассмотрел его, радуясь такой редкой возможности. Глаза Торанаги видели все, он наблюдал за артиллеристами и парусами, за стрелками с ненасытным любопытством, задавая через Мариико вопросы морякам или помощнику капитана: «Зачем это? Как заряжается пушка? Сколько пороха? Как вы стреляете? Зачем эти канаты?»

– Мой хозяин говорит, может быть, это была просто карма. Вы знаете, что такое карма, кормчий?

– Да.

– Он благодарит вас за то, что воспользовался вашим судном. Теперь он вернется опять на свое собственное.

– Что? – Феррьера тут же повернулся к ним, – Мы прибудем в Эдо задолго до галеры. Мы будем рады, если господин Торанага останется на борту.

– Мой господин говорит, что вам больше не стоит беспокоиться. Он вернется на своем собственном корабле,

– Пожалуйста, попросите его остаться. Я рад его обществу.

– Господин Торанага благодарит вас, но желает сразу же перейти на свой корабль.

– Очень хорошо, делай, как он говорит, Родригес. Посигналь им и спусти баркас. – Феррьера был разочарован. Он хотел посмотреть Эдо и получше познакомиться с Торанагой, так как многое в его будущем было связано с ним. Он не верил в то, что Торанага говорил о способах избежать войны. «Мы на стороне этих обезьян против Ишидо, хотим мы этого или нет. И мне это не нравится». – Я буду жалеть, что лишусь общества господина Торанаги. – Феррьера вежливо поклонился. Торанага поклонился в ответ и что-то коротко сказал.

– Мой хозяин благодарит вас.

Родригесу она добавила:

– Мой хозяин говорит, что он наградит вас за галеру, когда вы вернетесь с Черным Кораблем.

– Я не заслужил. Это была только моя обязанность. Простите, пожалуйста, что я не встаю со своего кресла – нога болит, вы понимаете? – ответил Родригес, кланяясь. – Идите с Богом, сеньора.

– Спасибо, кормчий. Вам того же.

Ощупью спускаясь по лестнице за Торанагой, она увидела, что боцман Пезаро командует баркасом. По коже у нее побежали мурашки, и ее чуть не вырвало. Она усилием воли удержала спазм, благодарная Торанаге за то, что он велел им всем покинуть этот корабль.

– Хорошей погоды и счастливого пути, – пожелал им Феррьера. Он помахал рукой, приветствие было возвращено, и после этого спустили баркас.

– Уйдешь вниз, только когда вернется баркас, а эта сучья галера скроется из виду, – приказал он главному артиллеристу.

На юте он остановился перед Родригесом и указал на галеру.

– Ты всю жизнь будешь жалеть, что оставил его живым.

– Это в руках Бога. Англичанин «приемлемый» кормчий, если вы сможете переступить через свою религию, мой адмирал.

– Я учел это.

– И?

– Чем скорее мы будем в Макао, тем лучше. Засеки время, Родригес. – Феррьера спустился вниз.

Нога Родригеса болезненно пульсировала. Он сделал глоток из меха для грога. «Феррьера может отправиться в ад, – сказал он себе. – Но, ради Бога, только после того, как мы доберемся до Лиссабона».

Ветер слегка изменил направление, облака достигли лунного нимба, недалеко шел дождь, рассвет испещрил небо. Он все внимание отдал своему кораблю, парусам и его положению. Полностью успокоившись, он посмотрел на баркас. И наконец на галеру.

Родригес выпил еще рому, довольный, что его план сработал так хорошо. Даже и пистолет выстрелил, что и решило все дело. И он был доволен своим решением.

«Я должен был это сделать. и я это сделал. Тем не менее, англичанин, – сказал он себе, – Адмирал прав. С тобой в рай пришла ересь».

Глава Двадцать Девятая

– Анджин-сан?

– Хай? – Блэксорн выбирался из глубокого сна.

– Вот еда. И чай. Какой-то момент он не мог вспомнить, кто он и где он. Потом узнал свою каюту на борту галеры. Столб света пронизывал темноту. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Барабанный бой не был слышен, и даже в глубоком сне его чувства подсказали ему, что якорь брошен и его корабль в безопасности, недалеко от берега, а море спокойно.

Он увидел служанку, несущую поднос, Мариико рядом с ней – рука ее больше не на перевязи, – а он лежит в койке кормчего, той же самой, что и во время плавания с Родригесом из деревни Ааджиро в Осаку, и теперь она была почти такой же, кстати, как его собственная койка в каюте на «Эразмусе». «Эразмус»! Было бы прекрасно снова вернуться на него и повидаться с ребятами.

Он с наслаждением потянулся и взял чашку зеленого чая, предложенную Мариико.

– Спасибо. Это прекрасно. Как ваша рука?

– Намного лучше, спасибо. – Мариико согнула ее, чтобы показать, как она работает. – Ранена была только мякоть.

– Вы выглядите гораздо лучше, Мариико-сан.

– Да, мне теперь лучше.

Когда она на рассвете вернулась с Торанагой на судно, то была близка к обмороку.

– Лучше оставайтесь наверху, – сказал он ей, – Болезнь пройдет тогда быстрее.

– Мой господин спрашивает, почему выстрелил пистолет?

– Это была только шутка, игра двух кормчих, – сказал он ей.

– Мой хозяин выражает свое восхищение вашим искусством в морском деле.

– Нам повезло. Луна помогла. И команда была изумительная. Мариико-сан, вы не могли бы спросить капитана, знает ли он эти воды? Извините, но скажите Торанаге-сама, что я не могу больше без сна. Или, может быть, мы можем лечь в дрейф на часок или около того? Я должен поспать.

Он смутно помнил, как она говорила ему, что Торанага сказал, что он может пойти вниз, так как капитан-сан вполне может справиться, потому что они поплывут в прибрежных водах и не будут выходить в море.

Блэксорн опять потянулся и открыл иллюминатор каюты.

Скалистый берег был в двухстах ярдах с небольшим.

– Где мы?

– У берега провинции Тотоми, Анджин-сан. Господин Торанага хотел поплавать и дать отдохнуть гребцам несколько часов. Завтра мы будем в Анджиро.

– Рыбацкой деревне? Это невозможно. Сейчас полдень, а на рассвете мы были на выходе из Осаки. Это невозможно!

– О, это было вчера, Анджин-сан. Вы проспали день, ночь и еще половину дня, – ответила она, – Господин Торанага сказал, чтобы вам не мешали спать. Теперь он думает, что вам, чтобы окончательно проснуться, надо хорошо поплавать. После еды. Еда состояла из двух чашек риса и поджаренной на древесном угле рыбы с темным, уксусно-сладким соусом, который, по ее словам, делали из перебродивших бобов.

– Спасибо – да, я хотел бы поплавать. Почти тридцать шесть часов? Неудивительно, что я так хорошо себя чувствую, – он с жадностью взял поднос у служанки. Но есть стал не сразу. – Почему она так испугана? – спросил он.

– Она не испугана, Анджин-сан. Просто немного нервничает. Пожалуйста, извините ее. Она никогда не видела до этого так близко чужеземцев.

– Скажите ей, когда бывает полная луна, чужеземцы отрачивают рога, а изо рта у них вылетает огонь, как у драконов.

Марико засмеялась.

– Конечно, я этого не скажу, – Она указала на стол. – Тут зубной порошок, щетка, вода и свежие полотенца. – Потом добавила по-латыни: – Я рада, что вы уцелели, что касается нашего путешествия, то вы вели себя очень смело.

Их глаза встретились и на мгновение остались в таком положении. Она вежливо поклонилась. Служанка поклонилась. Дверь за ними закрылась.

«Не думай о ней, – приказал он себе. – Думай о Торанаге или Анджино. Почему мы завтра останавливаемся в Анджино? Высадить Ябу? Тем лучше! В Анджино будет Оми. Так что с Оми? Почему не попросить у Торанаги голову Оми? Он должен мне одну или две награды. Или почему не попросить разрешить поединок с Оми-сан? Как? На пистолетах или мечах? На мечах у меня нет шансов, а если взять пистолет, это будет убийство. Лучше ничего не делать и ждать. У тебя скоро будут шансы отомстить им обоим. Ты сейчас наслаждаешься милостями Торанаги. Будь терпелив. Спроси себя, что тебе от него нужно. Скоро мы будем в Эдо, так что у тебя не так много времени. А что с Тораногой?»

Блэксорн пользовался палочками для еды так, как он видел, ими пользуются заключенные в тюрьме, поднимая чашку с рисом ко рту и заталкивая слипшийся рис с края чашки в свой рот палочками. С кусками рыбы было труднее. Он был все еще недостаточно искусен, поэтому пользовался пальцами, радуясь, что ест один, зная, что есть пальцами перед Марико или Тораногой да и перед любым японцем было бы очень невежливо.

Когда был съеден последний кусочек, он все еще был голоден.

– Пойти взять еще пищи, – сказал он вслух. – Боже мой на небесах, как бы мне хотелось свежего хлеба, яичницы, масла и сыру...

Он вышел на палубу. Почти все были обнажены. Некоторые из мужчин обсыхали, другие принимали солнечные ванны, несколько человек стояли, перегнувшись через борт. В море около борта самураи и моряки плавали и плескались как дети.

– Коннити ва, Анджин-сан.

– Коннити ва, Торанага-сама, – сказал он. Торанага, совершенно голый, поднимался по лестнице, которая вела в воду.

– Соната ва едзимато ка? – сказал он, показывая на море, плеская водой себе на живот и плечи, разогревшись на ярком солнце.

– Хай, Торанага-сама, домо, – Блэксорн отвечал, думая, что у него спрашивают, не хочет ли он поплавать.

Торанага опять указал на море и что-то коротко сказал, потом подозвал Марико, чтобы та перевела. Марико спустилась с полуюта, закрывая голову малиновым зонтиком, ее домашнее белое хлопковое кимоно было небрежно подпоясано.

– Торанага-сама говорит, что вы выглядите очень отдохнувшим, Анджин-сан. Вода бодрящая.

– Бодрящая, – сказал он, вежливо поправив ее, – да.

– Ах, спасибо – бодрящая. Он говорит, поплавайте. Торанага небрежно наклонился над планширом, освобождаясь от воды в ушах с помощью маленького полотенца, а когда в левом ухе осталась вода, он опустил голову вниз и запрыгал на левой ноге, пока она не вылилась. Блэксорн заметил, что Торанага мускулист и подтянут, несмотря на свой живот. Чувствуя себя неловко, стесняясь Марико, он снимал рубашку, галстук и брюки, пока не оказался совсем голым.

– Господин Торанага спрашивает, все ли англичане такие волосатые, как вы? Волосы

такие белокурые?

– Некоторые да, – ответил он.

– Мы... наши мужчины не имеют волос на груди, руках. Не так много. Он говорит, что вы хорошо сложены.

– Он тоже. Пожалуйста, поблагодарите его. Блэксорн отошел от нее к началу трапа, стесняясь ее и молодой женщины, Фудзико, которая сидела на коленях на полу под желтым зонтиком; рядом с ней была служанка, также наблюдавшая за ним. Тогда, чувствуя, что он не сможет поддержать свое достоинство, если пойдет дальше, он нырнул с борта в бледно-голубую воду. Это был прекрасный прыжок! Холод моря подействовал на него опьяняюще. Песчаное дно оказалось в трех саженях, – рядом с ним колыхались водоросли, многочисленные стаи рыб не боялись пловцов. У дна его погружение замедлилось, он перевернулся и поиграл с рыбкой, потом вынырнул и поплыл к берегу ленивым, легким, но очень быстрым оверармом, которому его научил Альбан Карадок.

Маленькая бухта была пустынной: много скал, узкая полоса гальки и никаких признаков жизни. Горы на тысячи футов поднимались в голубое бездонное небо.

Он лежал на камнях, загорая. К нему подплыли четыре самурая и расположились поблизости. Они улыбались и махали ему рукой. Когда он немного спустя поплыл обратно, самурай последовали за ним. Торанага все еще не хотел выпускать его из виду.

Он поднялся на палубу. Его платье исчезло. Фудзико и Марико с двумя служанками все еще сидели на палубе. Одна из служанок поклонилась и предложила ему маленькое полотенце, которое он взял и начал вытираться, отвернувшись к планширу.

«Успокойся, – приказал он себе. – Ты спокойно чувствуешь себя голым в запертой комнате с Фелиситой, не так ли? Это ты смущаешься только на публике, когда вокруг женщины – когда она здесь. Почему? Они не замечают обнаженности, и это, в общем, разумно. Ты в Японии. Ты должен делать так же, как они. Ты будешь похож на них и води себя как король».

– Господин Торанага говорит, вы плаваете очень хорошо. Вы научите его такому же способу? – сказала Марико.

– Я буду рад, – сказал он и заставил себя повернуться и облокотиться, как облокачивался Торанага. Марико улыбалась над ним. «Она выглядит такой хорошенькой», – подумал он.

– А как вы ныряете в море? Мы никогда не видели этого раньше. Мы всегда прыгаем. Он хочет научиться нырять, как вы.

– Сейчас?

– Да. Пожалуйста.

– Я могу научить его – по крайней мере, я могу попытаться.

Служанка держала наготове кимоно для Блэксорна, он с благодарностью скользнул в него, завязав сразу пояс. Теперь, полностью успокоившись, он объяснил, как нырять, как поджимать голову между руками, распрямляться и выныривать, остерегаться удара животом о воду.

– Лучше начинать с низа лестницы и сначала как будто бы падать головой вниз, не прыгая и не разбегаясь. Мы так учим детей.

Торанага слушал и задавал вопросы, а потом, когда все понял, сказал через Марико:

– Хорошо. Я думаю, я понял.

Он поднялся на лестницу. Прежде чем Блэксорн смог остановить его, Торанага уже летел в воду в пятнадцати футах под ним. Живот шлепнул о воду с ужасным звуком. Никто не засмеялся. Торанага, отплеываясь, забрался на палубу и попытался снова. И опять он шлепнулся животом. Другим самураям тоже не повезло.

– Это нелегко, – сказал Блэксорн, – у меня ушло много времени, чтобы научиться. Давайте отдохнем и попробуем завтра снова.

– Господин Торанага говорит: «Завтра есть завтра. Сегодня я буду учиться нырять».

Блэксорн сбросил свое кимоно и показал снова. Самурай попробовали, как он. И опять

у них не получилось. У Торанага тоже. Шесть раз. После очередной демонстрации ныряния Блэксорн взобрался к подножию лестницы и увидел среди остальных Марико, раздетую, готовящуюся прыгать. Ее тело было превосходно, повязка на предплечье свежая.

– Подождите, Марико! Лучше попробуйте отсюда. Для первого раза.

– Очень хорошо, Анджин-сан.

Она спустилась к нему, миниатюрное распятие подчеркивало ее наготу. Он показал, как наклоняться и нырять в море, взяв ее за талию, повернул так, чтобы она вошла в воду головой.

Теперь Торанага попытался прыгнуть с уровня ватерлинии, и довольно успешно. Марико попробовала снова, и прикосновение ее кожи согрело его, он моментально последовал за ней, и прыгнул в воду, и командовал ныряльщиками, пока не охладился. Потом он снова взбежал на палубу и стал у планшира, показывая им смертельный прыжок, который казался ему более легким, зная, что для Торанага жизненно важно добиться успеха.

– Но вы держитесь прямо, хай? Как меч. Тогда у вас не может не получиться.

Прыжок получился чисто, он вышел из воды и стал ждать. Вышло несколько самураев, но Торанага махнул им, чтобы они отошли в сторону. Он крепко сцепил руки вверх, выпрямил позвоночник. Грудь и бедра у него покраснели от удара о воду. Как и показывал Блэксорн, он упал вперед. Голова первой вошла в воду, ноги немного закинуло, но все-таки это был прыжок, и первый успешный прыжок у всей компании. Когда он вынырнул, его приветствовали одобрительным ревом. Он повторил снова, на этот раз намного лучше. За ним стали прыгать остальные мужчины, одни удачно, другие нет. После них попробовала Марико.

Блэксорн увидел тугие маленькие груди, тонкую талию, плоский живот и округлые ноги. Гримаса боли прошла по ее лицу, когда она подняла руки над головой. Но она держалась прямо, как стрела, и смело прыгнула, чисто войдя в воду. Кроме него, почти никто ничего не заметил.

– Это был прекрасный прыжок. Действительно прекрасный, – сказал он, подавая руку, чтобы помочь ей подняться на площадку у трапа. – Теперь вам стоит остановиться. У вас может открыться порез на руке.

– Да, спасибо, Анджин-сан. – Она стояла рядом с ним, слегка касаясь его плеча, очень довольная собой. – Это редкое ощущение – падение вперед, в таком прямом положении можно побороть свой страх. Да, это действительно очень редкое ощущение, – Она поднялась вверх и надела кимоно, которое ей приготовила служанка Одевшись, она отправилась вниз, аккуратно вытирая лицо.

«Боже мой», – подумал он.

* * *

В тот же день на закате Торанага послал за Блэксорном. Он сидел на полуяте на чистых футонах около маленькой жаровни с древесными углями, сверху дымились кусочки ароматного дерева. Его использовали для благовоний и отпугивания налетающих к сумеркам комаров и москитов. Кимоно Торанаги было выглажено и вычищено, огромные крылообразные плечи накрахмаленной накидки придавали ему угрожающий вид. Ябу тоже был одет официально. Присутствовали также Марико и Фудзико. В охране молча сидели двадцать самураев. В специальных держателях горели факелы, галера все еще спокойно покачивалась, стоя на якоре в заливчике.

– Саке, Анджин-сан?

– Домо, Торанага-сама. – Блэксорн поклонился и принял от Фудзико маленькую чашечку, поднял ее, приветствуя Торанагу, и выпил. Чашка была немедленно налита снова. На Блэксорне было форменное кимоно коричневых, он чувствовал себя в нем легче и свободнее, чем в своей обычной одежде.

– Господин Торанага говорит, что мы останемся здесь на вечер. Завтра мы придем в

Анджиро. Ему хотелось бы услышать еще о вашей стране и вообще о других странах.

– Конечно. Что бы ему хотелось узнать? Прекрасный вечер, не правда ли? – Блэксорн устроился поудобнее, остро ощущая ее женственность. Слишком ощущая. «Странно, я сейчас чувствую это сильнее, когда она одетая, чем когда она была голышом».

– Да, очень. Скоро будет жарко, Анджин-сан. Лето – плохое время. – Она передала Торанаге то, что он сказал. – Мой господин говорит, что в Эдо много болот, москиты летом ужасны, но весна и осень красивы, – да, действительно сезоны рождения и смерти года очень красивы.

– В Англии климат умеренный. Плохие зимы могут быть только раз в семь лет. И лето тоже. Неурожаи примерно один раз в шесть лет, хотя иногда бывает два плохих года подряд.

– У нас тоже бывают неурожаи. Неурожайные годы всегда плохи. А как сейчас в вашей стране?

– За последние десять лет у нас три раза было плохие урожаи – не хватало солнца, чтобы созрело зерно. Но это в руках Всевышнего. Англия сейчас очень могущественна. Мы процветаем. Наш народ трудится очень много. Мы производим всю одежду, все оружие, большую часть шерсти в Европе. Немного шелка поступает из Франции, но качество его плохое, и его покупают только очень богатые.

Блэксорн решил не говорить им о чуме или бунтах и восстаниях, вызванных загоразиванием общинных земель при переводе их в частную собственность и оттоком крестьян в города и поселки. Вместо этого он рассказал им о добрых королях и королевах, знаменитых ораторах и мудрых парламентариях и об успешных войнах.

– Господин Торанага хочет знать, чтобы окончательно убедиться. Вы говорите, что только морское могущество защищает вас от Испании и Португалии?

– Да. Только это. Владычество на наших морях обеспечивает нам свободу. Без превосходства на морях разве вы не будете беззащитны от нападений внешнего врага?

– Мой господин согласен с вами.

– А на вас были нападения тоже? – Блэксорн увидел, как она слегка нахмурилась, поворачиваясь к Торанаге, и напомнил себе, что надо ограничиваться ответами, а не вопросами.

Когда она опять заговорила, то была более серьезна.

– Господин Торанага говорит, что мне следует ответить на ваш вопрос, Анджин-сан. Да, на нас дважды нападали. Более трехсот лет назад – это было в 1274 году по вашему летосчислению – монголы Кублайхана, который завоевал Китай и Корею, выступили против нас, когда мы отказались подчиняться их властям. Несколько тысяч человек высадились в Кюсю, но наши самураи смогли удержать их, и немного спустя они удалились. Но спустя семь лет они пришли снова. На этот раз нападение осуществлялось с помощью почти тысячи китайских и корейских судов с двумястами тысяч вражеского войска: монголы, китайцы, корейцы – в основном кавалерия. В истории Китая это были самые большие силы, которые они когда-либо собирали для вторжения на чужую территорию. Мы оказались беспомощны против такого громадного войска, Анджин-сан. Они опять начали высаживаться в бухте Хаката в Кюсю, но прежде чем они смогли развернуть все свои армии, с юга пришел большой ветер, тайфун, и уничтожил весь их флот и все, что было на нем. Тех, кто остался на берегу, быстро перебили. Это был камикадзе, божественный ветер, Анджин-сан, – она сказала это с полной уверенностью, – камикадзе, посланный богами, чтобы защитить землю богов от иностранного вторжения. Монголы больше не вернулись, и примерно через восемьдесят лет правления их династия Чин была изгнана из Китая. – И Мариико добавила с большим убеждением: – Боги снова защитили нас от них. Боги будут всегда защищать нас от вторжений. В конце концов, это же их земля, правда?

Блэксорн представил себе огромное число кораблей и людей, участвовавших во вторжении, испанская армада, – выступившая против Англии, показалась ему несерьезной.

– Нам тоже помогал шторм, сеньора, – сказал он с той же серьезностью. – Многие считают, что он был послан Богом – конечно, это было чудо, – и кто знает, может быть, так и

было, — Он взглянул на жаровню, там потрескивали угли и плясало пламя. Потом он добавил: — Монголы почти поглотили нас всех в Европе тоже. — Он рассказал ей, как орды Чингисхана, внука Кублай-хана, прошли почти до ворот Вены, прежде чем его нападение было остановлено и его погнали обратно. Следом за ним тянулись горы черепов — люди тогда верили, что Чингисхан и его солдаты были посланы Богом, чтобы наказать мир за его грехи.

— Господин Торанага говорит, что он был просто дикарем, который был очень хорош в военном деле.

— Да. Но при этом мы в Англии радуемся тому, что мы были на острове. Мы благодарим Бога за это, и за пролив, и за наши военные корабли. При том, что Китай так близок и так силен, если вы с Китаем в состоянии войны — я удивляюсь, что у вас нет большого военного флота. Вы не боитесь еще одного нападения?

Марико не ответила, но перевела Торанаге, что он сказал. Когда она кончила, Торанага заговорил с Ябу, который кивнул и что-то ему ответил, также серьезно. Они вдвоем поговорили некоторое время. Марико ответила еще на один вопрос Торанаги, потом снова заговорила с Блэксорном.

— Чтобы контролировать ваши моря, сколько требуется кораблей?

— Я не знаю точно, но сейчас у королевы, наверное, сто пятьдесят линейных кораблей. Это корабли, специально построенные только для войны.

— Мой господин спрашивает, сколько кораблей в год строит ваша королева?

— От двадцати до тридцати военных кораблей, самых лучших и самых быстроходных в мире. Но корабли обычно строят частные компании купцов и затем их продают короне.

— Ради прибыли?

Блэксорн вспомнил мнение самураев о прибыли и деньгах.

— Королева великодушно платит больше того, что они стоят на самом деле, чтобы поощрить исследования и новые способы строительства. Без королевской милости это было бы почти невозможно. Например, «Эразмус», мой корабль, — нового класса, английский проект, построенный по лицензии в Голландии.

— А вы можете построить здесь такой корабль?

— Да. Если у меня будут плотники, переводчики и все материалы и время. Сначала я построю корабль поменьше. Я никогда не строил сам корабль полностью, так что сначала я должен попробовать... Конечно, — добавил он, пытаясь сдержать свое возбуждение, по мере того как он развивал эту идею, — конечно, если господин Торанага хочет корабль или несколько, может быть, можно будет наладить торговлю. Может быть, он сможет заказать несколько военных кораблей в Англии. Мы могли бы сплавить за ними отсюда — оснастить и вооружить их по его желанию.

Марико перевела. Интерес Торанаги увеличился. У Ябу тоже.

— Он спрашивает: могут наши моряки научиться плавать на таких кораблях?

— Конечно, дайте только время. Мы могли бы договориться, чтобы морские специалисты — или один из них — остались у вас на год. Потом он мог бы разработать для вас программу подготовки моряков. Через несколько лет вы бы могли иметь военно-морской флот. Современный военно-морской флот. Ничуть не хуже других.

Марико переводила некоторое время. Торанага спросил ее, чем-то заинтересовавшись, потом Ябу.

— Ябу-сан спрашивает: правда, ничем не хуже других?

— Да. Лучше, чем тот, что у испанцев. Или у португальцев. Воцарилось молчание. Торанага, очевидно, был увлечен этой идеей, хотя и пытался скрыть это.

— Мой господин спрашивает, вы уверены, что это можно будет устроить?

— Да.

— Сколько это займет времени?

— Два года мне плыть домой, два года строить корабль или корабли и два года плыть обратно. Половина стоимости должна быть уплачена вперед, остальное — при передаче

кораблей.

Торанага задумчиво наклонился вперед и положил еще ароматических поленьев в жаровню. Все следили за ним и ждали. Потом он довольно долго говорил с Ябу. Марико не переводила, о чем был разговор. Блэксорн знал, что лучше не спрашивать, как ему ни хотелось принять участие в разговоре. Он наблюдал за ними всеми, даже за девушкой, Фудзико, которая также внимательно слушала, но ничего не мог понять. Он знал, что это была блестящая идея, которая могла принести огромный доход и гарантировала его безопасное возвращение в Англию.

– Анджин-сан, сколько кораблей вы могли бы привести?

– Флотилия из пяти кораблей – это было бы самым лучшим. Можно предполагать, что мы потеряли бы один корабль в шторм, бурю или в результате нападения испанцев или португальцев – я уверен, что они будут очень стараться помешать вам завести свои военные суда. Через десять лет господин Торанага мог бы иметь флот из пятнадцати-двадцати кораблей. – Он дал ей перевести это, потом медленно продолжал: – Первая флотилия могла бы доставить вам плотников, корабелов, артиллеристов, моряков и капитанов. Через десять-пятнадцать лет Англия могла бы поставить вам, господин Торанага, тридцать современных военных кораблей, более чем достаточно, чтобы главенствовать в ваших внутренних водах. И к тому времени, если бы вы пожелали, вы могли бы, видимо, строить сами здесь корабли для их пополнения. Мы будем, – он хотел сказать «продавать», но потом заменил это слово, – моя королева почтет за честь помочь вам организовать ваш собственный военно-морской флот, если вы пожелаете, мы обучим моряков и будем снабжать снаряжением.

«О, да, – подумал он ликующе, – конечно же, мы будем управлять им и снабжать его, Адмиралтейство и королева предложат вам прочный союз, выгодный вам и выгодный нам, – который частично будет и торговый. А потом вместе, друг Торанага, мы выгоним испанских и португальских собак из этих морей и будем владеть ими вечно. Это может быть самый большой торговый пакт, который когда-либо завершала нация, – подумал он ликующе. – И с англо-японским флотом, расчистившим эти моря, мы, англичане, будем управлять японо-китайской шелковой торговлей. Это даст миллионы ежегодно!

Если я смогу протащить это, я поверну ход истории. У меня будут богатства и слава, о которых я и не мечтал. Я стану основателем династии. И стать основателем династии – это самая лучшая вещь, которую может постараться сделать человек, даже если это ему и не удастся».

– Мой хозяин говорит, очень жаль, что вы не говорите на нашем языке.

– Да, но я уверен, что вы переводите прекрасно.

– Он говорит это не в порицание мне, Анджин-сан, а просто как замечание. Это верно. Для моего господина было бы намного лучше говорить напрямую, как я могу говорить с вами.

– У вас есть словари, Марико-сан? И грамматики – португальско-японские или латино-японские грамматики? Если бы господин Торанага мог помочь мне с книгами и учителями, я бы попытался выучить ваш язык.

– У нас нет таких книг.

– Но у иезуитов есть. Вы сами сказали.

– Ах! – она поговорила с Торанагой, и Блэксорн увидел, как у Ябу и Торанаги загорелись глаза, а по лицам расплылись улыбки.

– Мой господин говорит, вам надо помочь, Анджин-сан.

По приказу Торанаги Фудзико дала Блэксорну и Ябу еще саке. Торанага пил только зеленый чай, как и Марико. Не удержавшись, Блэксорн спросил:

– Что он сказал на мое предложение? Каков его ответ?

– Анджин-сан, лучше быть более терпеливым. Он ответит, когда ему захочется.

– Пожалуйста, спросите его сейчас. Марико неохотно повернулась к Торанаге:

– Пожалуйста, извините меня, господин, но Анджин-сан с большим почтением

спрашивает, что вы думаете о его плане. Он очень скромен и очень вежливо просит дать ответ.

- Он получит ответ в подходящее время. Мариико сказала Блэксорну:
- Мой господин говорит, он рассмотрит ваш план и тщательно обдумает все, что вы сказали. Он просит вас быть терпеливым.
- Домо, Торанага-сама.
- Сейчас я собираюсь лечь спать. Мы выплываем на рассвете. – Торанага встал. Все проводили его вниз, остался только Блэксорн. Блэксорн остался один с ночью.

* * *

При первых признаках рассвета Торанага выпустил четырех почтовых голубей, которые были присланы на корабль вместе с багажом, когда корабль готовился в плавание. Птицы дали два круга, потом разделились: два направились домой в Осаку, два – в Эдо. В зашифрованном послании Киритсубо был приказ передать Хиро-Мацу, чтобы они предприняли все попытки для того, чтобы сразу же мирно уехать из замка. Если этого им не дадут, они должны будут запереться в своих помещениях. В момент взлома двери они должны поджечь эту часть замка и совершить сеппуку.

Шифрованное письмо сыну Сударе в Эдо сообщало, что он сбежал, находится в безопасности, и содержало приказ продолжать секретные приготовления к войне.

- Выходите в море, капитан.
- Да, господин.

К полудню они пересекли границу между провинциями Тотоми и Изу и были напротив мыса Ито, самой южной точки полуострова Изу. Ветер был попутный, качка умеренная, единственный грот прибавлял скорости.

Потом, ближе к берегу, в глубоком канале между основным островом и маленькими скалистыми островками, когда они повернули к северу, на берегу раздался зловещий грохот.

Все весла остановились.

- Что это. Господи... – Глаза Блэксорна метнулись к берегу.

Внезапно через утесы проползла громадная трещина, и миллионы тонн горной породы лавиной обрушились в море. Вода, казалось, на момент вскипела. Небольшая волна дошла до галеры, потом вернулась. Лавина прекратилась. Снова грохот, теперь более низкий и раскатистый, но отдаленный. С утесов посыпались обломки. Все напряженно слушали и ждали, следя за грудью утеса. Крики чаек, шум прибоя и ветра. Потом Торанага сделал знак старшему среди гребцов, который сразу же поднял колотушку. Заработали весла. Жизнь на корабле опять стала нормальной.

- Что это? – спросил Блэксорн.
- Просто землетрясение. – Мариико недоумевала: – У вас нет землетрясений?
- Нет. Никогда. Я не видел их раньше.
- О, у нас они бывают часто, Анджин-сан. Это было ничего, просто маленькое. Главный центр удара был где-то не здесь, даже, может быть, далеко в море. Или может быть, что он был как раз здесь, только слабый, вот и все. Вам повезло увидеть маленькое землетрясение.

– Это было так, как будто тряслась вся земля. Я могу поклясться, что я видел... Я слышал о землетрясениях. В Святой земле, в Турции, они иногда бывают. Боже мой! – Он судорожно вздохнул, его сердце все еще колотилось. – Я могу поклясться, что я видел, как качался весь утес.

– О, да, Анджин-сан. Когда вы на земле, это самое ужасное чувство, которое бывает в мире. Оно бывает без предупреждения, Анджин-сан. Землетрясения идут волнами – иногда боковыми, иногда вверх-вниз, иногда быстро идут три или четыре удара. Иногда маленькое землетрясение сопровождается большими через день. Здесь нет определенной системы. Самое сильное землетрясение, в которое я попадала, было ночью, шесть лет назад, близ

Осаки, на третий день месяца падающих листьев. Наш дом обрушился на нас, Анджин-сан. Мы не пострадали, ни я, ни мой сын. Мы откопали себя. Удары продолжались в течение недели или больше, некоторые были сильными, некоторые – очень сильными. Новый замок Тайко в Фудзими был разрушен полностью. Сотни тысяч людей пропали в этом землетрясении и во время пожаров, которые начались после него. Это самая большая опасность, Анджин-сан, – пожары, которые происходят после землетрясения. Наши города и поселки умирают так легко. Иногда сильные землетрясения происходят далеко в море, и есть легенда, что они вызывают рождение Больших Волн. Они бывают десяти или двадцати футов высотой. Это всегда без предупреждения и в разные сезоны. Большая Волна приходит из моря, обрушивается на наши берега и мчится через внутренние районы. Могут исчезнуть целые города. Несколько лет назад такой волной был частично разрушен Эдо.

– Это у вас обычное явление? Каждый год?

– О, да. Каждый год в этой Стране Богов у нас происходят землетрясения на суше. И пожары, и наводнения, и Большие Волны, и ужасные штормы – тайфуны. Природа очень жестоко относится к нам, – В уголках глаз у нее собрались слезы. – Может быть, именно поэтому мы так любим жизнь, Анджин-сан. Видите ли, мы так живем. Смерть – часть нашего воздуха, моря, земли. Вам следует знать, Анджин-сан, в этой Стране Слез смерть – часть нашей жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава Тридцатая

– У тебя все готово, Мура?

– Да, Оми-сан, думаю, что да. Мы выполнили все ваши приказания очень точно – Все то, что приказал Игураши-сан.

– Надеюсь, а то вечером здесь уже будет другой староста, – сказал Игураши, главный из помощников Ябу, от недосыпа у него покраснел и налился кровью единственный глаз. Он вчера прибыл из Эдо с первой группой самураев и специальными инструкциями.

Мура не ответил, только кивнул, не поднимая глаз от земли. Они стояли на берегу возле пристани перед рядами молчащих, сильно испуганных и смертельно уставших жителей деревни – все мужчины, женщины и дети, за исключением больных и младенцев, ждали прибытия галеры. Они были одеты в самое лучшее. Вся деревня отдраена и блестела, порядок был наведен такой, какой бывает в день перед Новым годом, когда, по древнему обычаю, вся империя наводит чистоту. Рыбачьи лодки расположены правильными рядами, сети тщательно уложены, веревки смотаны в ровные бухты. Прибрежный песок вокруг залива был аккуратно разрыхлен граблями.

– Ничего не случится, Игураши-сан, – сказал Оми. Он практически не спал последнюю неделю, с того самого момента, как из Осаки с почтовым голубем Торанаги пришли приказы от Ябу. Он сразу же мобилизовал всю деревню, всех трудоспособных жителей на расстоянии двадцати ри и готовил Анджиро к приезду самураев и Ябу. И теперь, когда Игураши шептал ему по большому секрету, только для его ушей, что великий дайме Торанага в сопровождении его дяди успешно избежал ловушки Ишидо, он был доволен, что потратил на все это так много денег. – Не стоит вам так беспокоиться, Игураши-сан. Это мой надел и за него отвечаю я.

– Да, конечно, – Игураши презрительно махнул Муре рукой, чтобы тот ушел. И потом спокойно добавил: – Вы отвечаете. Но не обижайтесь, я бы не пожелал вам увидеть нашего господина в гневе. Если мы что-нибудь забыли или эти говноеды что-то сделали не так, наш господин еще до конца завтрашнего дня превратит весь ваш надел к северу и югу отсюда в громадные навозные кучи. – Он широко зашагал к командиру своего отряда.

В это утро из Мисимы, вотчины Ябу на севере, прибыли последние отряды самураев.

Теперь они расположились на берегу, на площади и склоне горы, с развевающимися на легком ветру знаменами и сверкающими пиками. Здесь было три тысячи отборных самураев армии Ябу. Пятьсот кавалеристов.

Оми не тревожился. Он сделал все возможное и лично проверил все, что можно было проверить. Если он что-то забыл, значит, это карма. «Но все шло нормально и препятствий не предвидится», – подумал он возбужденно. Пятьсот коку было потрачено – больше, чем весь годовой доход Оми до того, как Ябу увеличил его надел. Он колебался, когда решал, сколько потратить, но Мидори, его жена, сказала, что они не должны скупиться, так как расходы незначительны по сравнению с той честью, которую господин Ябу оказывает им. – А когда здесь господин Торанага, кто знает, какие новые возможности могут открыться перед вами? – шептала она.

«Она была так права», – подумал Оми, гордясь своей женой.

Он еще раз осмотрел берег и деревенскую площадь. Все казалось в полном порядке. Мидори и его мать ждали под навесом, который был приготовлен к прибытию Ябу и его гостя Торанаги. Оми заметил, что язык его матери молотит не переставая, и пожелал Мидори выдержать постоянные упреки. Он расправил складки на своем безупречном кимоно, поправил мечи и посмотрел на море.

– Слушай, Мура-сан, – прошептал осторожно рыбак Уо, – я так боюсь, ты знаешь, если мне нужно было помочиться, я мочился на песок.

– Да ничего, старина, – Мура сдержался, чтобы не рассмеяться.

Уо был широкоплечий, горообразный мужчина с огромными руками и сломанным носом, у него всегда было какое-то болезненное выражение лица, – Я так не думаю, мне кажется, я сейчас немножко испорчу воздух, – Уо был известен своим юмором, силой и способностью пускать ветры.

– Э-э, может быть, лучше не надо, – хохотнул невысокий высохший рыбак Хару, – один из этих дерьмоголовых может обидеться.

Мура присвистнул.

– Вам же приказали не вспоминать самураев, пока они не окажутся около деревни. «Ох-хо-хо, – подумал он устало, – надеюсь, все сделали и ничего не забыли». Он взглянул на склон горы у бамбукового частокола, окружающего временную крепость, которую они соорудили с такой скоростью и огромным трудом. Триста человек копали, строили, носили. Она была расположена на холме, сразу под домом Оми, меньшего размера, чем его дом, но с черепичной крышей, с временным садиком и маленьким банным домиком. «Видимо, сюда переедет Оми, а свой отдаст господину Ябу», – подумал про себя Мура.

Он оглянулся на мыс, откуда теперь в любой момент могла показаться галера. Скоро на берег вступит Ябу, и тогда они все будут в руках богов, всех kami. Бога отца, его святого сына и Святой Мадонны, ох-хо!

– Святая Мадонна, защити нас! Не оставь нас своей милостью. Всего несколько следующих дней! Защити нас, нашего господина и повелителя! Я зажгу пятьдесят свечей, а мои сыновья обязательно будут приведены в истинную веру, – пообещал Мура.

Сегодня Мура был очень рад, что он христианин; он мог ходатайствовать перед единым Богом, и это было дополнительной защитой его деревне. Он стал христианином в молодости из-за своего сюзерена, который перешел в эту веру и сразу же приказал всем своим людям стать христианами. И когда, двадцать лет назад, его господин был убит в битве на стороне Торанаги, сражаясь с войсками Тайко, Мура остался христианином в память об этом человеке. «Хороший солдат имеет только одного повелителя, – думал он, – одного настоящего повелителя».

Ниндзин, круглолицый мужчина с прекрасными зубами, был особенно озабочен присутствием самураев: – Мура-сан, прошу прощения, но то, что вы делаете, очень опасно. Этим утром было небольшое землетрясение, это знак богов, предзнаменование, Вы делаете ужасную ошибку. Мура-сан.

– Что сделано, то сделано, Ниндзин. Забудьте об этом.

– Как я могу? Это было в моем погребке и...

– Кое-что есть и в моем погребке. У меня у самого масса всего, – сказал Уо, больше уже не улыбаясь.

– Нигде ничего нет. Ничего, друзья, – сказал Мура осторожно, – ничего не было. – По его приказу тридцать коку риса были украдены у самураев и теперь тайно хранились в деревне вместе с другими припасами, снаряжением и оружием.

– Не надо оружия, – протестовал Уо, – рис да, конечно, но не оружие!

– Идет война.

– Иметь оружие не разрешается, – кричал Ниндзин. Мура фыркнул: – Это новый закон, ему всего двадцать лет. До этого у нас было то оружие, которое только хотели, и мы не были привязаны к деревне. Мы могли ходить, куда захотим, делать, что хотим. Мы могли быть крестьянами, солдатами, рыбаками, купцами, даже самураями – некоторые могли, вы знаете, это же правда.

– Да, но теперь другое время, Мура-сан, совсем другое. Тайко приказал, чтобы все стало по-иному!

– Скоро будет, как было всегда. Мы будем снова воевать.

– Тогда давай подождем, – просил Ниндзин, – ну, пожалуйста. Пока это противозаконно. Если закон изменится, то это карма. Тайко издал закон – не иметь оружия. Никакого. Под страхом немедленной казни.

– Да откройте вы все глаза! Тайко умер! И я вам говорю, скоро Оми-сану придется готовить людей к войне, и большинство из нас должно будет пойти воевать, понимаете? Мы ловим рыбу и воюем, все в свое время. Разве не так?

– Да, Мура-сан, – согласился Уо, подавляя свой страх, – до Тайко мы не были так привязаны к одному месту.

– Нас поймают, они нас поймают, – Ниндзин даже вспотел. – Они не пощадят нас. Они сварят нас, как сварили этого чужеземца.

– Помалкивай об этом чужеземце!

– Послушайте, друзья, – сказал Мура, – у нас больше никогда не будет такой возможности. Это послано нам Богом. Или богами. Мы должны прятать каждый нож, стрелу, пику, меч, мушкет, щит, лук, какой только сможем достать. Самураи подумают, что их украли другие самураи – разве они не собрались здесь со всей Идзу? А эти самураи разве могут действительно доверять еще кому-нибудь? Мы должны отобрать их право на войну. Мой отец был убит в бою – как поступал он, так поступили и с ним! Ниндзин, в скольких битвах ты участвовал – двенадцати, да? Уо, а ты? В двадцати? Тридцати?

– Больше. Разве я не служил у Тайко, чтоб ему было пусто в другой жизни? Да, прежде чем он стал Тайко, он был человеком. Это точно! Потом что-то изменило его, правда? Ниндзин, не забывай, что Мура-сан староста! И нам не следует забывать, что его отец был тоже старостой! Если староста говорит, вооружайтесь, значит, нужно вооружаться.

Теперь Мура убедился, что он поступил правильно, что новая война будет длиться очень долго и их мир опять будет таким, каким он был всегда. Деревня будет здесь, вместе с лодками и ее жителями. Потому что все люди – крестьяне, дайме, самураи и даже эта – все люди должны есть, а в море можно надеяться на рыбу. Так что солдаты-поселяне будут время от времени отвлекаться от войны, как всегда, и спускать свои лодки...

– Смотри! – сказал Уо и непроизвольно взмахнул рукой во внезапно наступившей тишине. Галера огибала мыс.

* * *

Фудзико с униженным видом стояла перед Торанагой на коленях в кают-компании, которую он занимал во время своих плаваний; они были одни.

– Я прошу вас, господин, – умоляла она, – не склоняйте меня к этому.

– Это приказ.

– Я повинуюсь, конечно, но я, я не могу это сделать...

– Не можешь? – вспыхнул Торанага, – Как ты осмеливаешься спорить! Я тебе приказал быть наложницей кормчего, и ты осмеливаешься спорить со мной?

– Извините, господин, простите великодушно, – быстро сказала Фудзико, слова прямо хлынули из нее. – Это не значит, что я спорю с вами. Я только хотела сказать, что я не могу исполнить это надлежащим образом. Я прошу вас понять меня. Простите, меня, господин, но это невозможно – быть счастливой или изображать счастье, – она наклонила голову, достав до футона, – я смиренно прошу вас разрешить мне сделать сеппуку.

– Я уже говорил, что не одобряю бессмысленной смерти. Вы мне нужны.

– Но пожалуйста, господин. Я хочу умереть. Я смиренно прошу вас. Я хочу соединиться со своими мужем и сыном.

Голос Торанаги обрушился на нее, перекрыв все звуки на галере:

– Я уже отказал вам в этой чести. Вы не стоили бы ее. И только из-за вашего деда, так как Хиро-Мацу мой старый друг, я терпеливо выслушиваю ваши неприличные отговорки. Достаточно этого вздора, женщина.

– Я почтительно прошу вашего разрешения постричься в монахини. Будда будет...

– Нет. Я дал вам другой приказ. Выполняйте его!

– Выполнять? – спросила она, не поднимая глаз, лицо ее окаменело. Потом, наполовину про себя: – Я думала, мне приказано возвратиться в Эдо.

– Вам приказано быть здесь, на этом корабле! Вы забыли о вашем положении, вы забыли о своем происхождении, вы забыли о своих обязанностях! Я недоволен вами. Идите и готовьтесь.

– Я хочу умереть, пожалуйста, дайте мне присоединиться к ним, господин.

– Ваш муж родился самураем по ошибке. Он был моральным уродом, поэтому его потомство также уродливо. Этот глупец чуть не погубил меня. Присоединиться к ним? Что за вздор! Вам запрещено совершать сеппуку! А теперь уходите!

Но она не двигалась.

– Может быть, мне лучше послать вас к эта. В один из их домов. Может быть, это напомнит вам о ваших манерах и ваших обязанностях.

Дрожь охватила ее, но она вызывающе бросила в ответ:

– По крайней мере, они японцы!

– Я ваш сюзерен. Вы должны выполнять мои приказы. Фудзико колебалась. Потом она пожала плечами:

– Да, господин, прошу прощения за мои плохие манеры.

Она положила руки на футон, низко наклонила голову, голос ее звучал покаянно. Но в глубине души она не была с ним согласна, и оба они знали, что она собирается сделать.

– Господин, я искренне извиняюсь, что беспокою вас, за то, что разрушила вашу «ва», вашу гармонию, и за свои плохие манеры. Вы были правы. А я была не права.

Она встала и тихонько направилась к двери.

– Если я разрешу вам, что хотите, – сказал Торанага, – вы в свою очередь сделаете, что я хочу, но искренне, всем сердцем?

Она медленно оглянулась:

– Но сколько времени, господин? Я прошу у вас разрешения узнать, сколько времени я должна быть наложницей чужеземца?

– Год.

Она отвернулась и взялась за ручку двери.

Торанага сказал:

– Полгода.

Рука Фудзико замерла. Дрожа, она оперлась головой о дверь.

– Да. Благодарю вас, господин. Спасибо.

Торанага встал и подошел к двери. Она открыла ее для него, поклонилась ему через дверь и закрыла ее потом за ним. И только после этого заплакала. Она тоже была самураем.

* * *

Торанага вышел на палубу, очень довольный собой. Он достиг того, что хотел, с минимальными хлопотами. Если женщину слишком уж прижать, она выйдет из повиновения и покончит с собой без разрешения. Но теперь она попытается угодить, и важно, что она охотно станет наложницей кормчего, по крайней мере на вид, а шесть месяцев будет более чем достаточно. «С женщинами много легче иметь дело, чем с мужчинами, – подумал он удовлетворенно. – Намного легче, в определенных вещах, конечно».

Тут он увидел самураев Ябу, столпившихся вокруг бухты, и его хорошее настроение улетучилось.

– Добро пожаловать в Идзу, господин Торанага, – сказал Ябу. – Я вызвал сюда несколько человек, чтобы они сопровождали вас.

– Хорошо.

Галера была еще в двухстах ярдах от дока, плавно подходя к нему, но уже можно было видеть Оми и Игураши, футоны, навес.

– Все сделано так, как мы и говорили в Осаке, – говорил Ябу, – но почему бы вам не остаться здесь со мной на несколько дней? Это была бы большая честь для меня и могло бы оказаться очень полезным. Вы бы выбрали двести пятьдесят человек для мушкетного полка и встретились бы с их командиром.

– Для меня бы не могло быть ничего более приятного, но я должен ехать в Эдо как можно быстрее, Ябу-сан.

– Два или три дня? Оставайтесь. Несколько дней отдыха, хорошей еды и охоты.

Торанага отчаянно искал выход. Остаться здесь с пятьюдесятью самураями охраны было бы неразумно. Он был бы целиком во власти Ябу. По крайней мере Ишидо был предсказуем и связан определенными правилами. Но Ябу? «Ябу вероломен, как акула, и ты не должен искушать акул, – сказал он себе. – И тем более никогда в их родных водах. И никогда, рискуя своей жизнью». Он знал, что сделка, совершенная с Ябу в Осаке, стоит не больше, чем их моча, долетевшая до земли, так как Ябу считает, что он может больше получить от Ишидо. И Ябу подарит голову Торанаги Ишидо на деревянном блюде, как только поймет, что получит за это намного больше того, что готов предложить Торанага. Убить его или сойти на берег? – выбор был только такой.

– Вы слишком добры, – сказал он. – Но я должен как можно быстрее попасть в Эдо. «Никогда не думал, что у Ябу было время собрать столько народу. Неужели он сумел разгадать наш шифр?»

– Пожалуйста, разрешите мне быть настойчивым, Торанага-сама. Здесь в окрестностях очень хорошая охота. У меня есть ловчие соколы. Немного поохотиться после такого заточения в Осаке было бы неплохо, правда?

– Да, заманчивое предложение. Очень жаль, что мои соколы остались там.

– Но они ведь не пропали. Хиро-Мацу, конечно же, привезет их с собой в Эдо?

– Я приказал ему сразу же выпустить их, как только нам удастся уехать. К тому времени, когда они прилетят в Эдо, они потеряют навыки и будут не способны к охоте. Одно из немногих моих правил: соколов, которых я сам готовил, только выпускать, а не отдавать другим хозяевам. Так они повторяют только мои ошибки.

– Это хорошее правило. Мне хотелось бы узнать и другие. Может быть, сегодня вечером, за ужином?

«Мне нужна эта акула, – с горечью подумал Торанага. – Убить его сейчас было бы преждевременно».

На берег были переброшены два каната. Галера стала бортом к берегу. Весла подняли на галеру. На берег был спущен трап, и Ябу встал на верхней ступеньке.

Самураи, стоявшие плотными рядами, издали свой боевой клич. «Касиги! Касиги!», – их рев спугнул всех чаек, которые с противным звуком взмыли в небо. Самураи, все как

один, поклонились.

Ябу поклонился в ответ, повернулся к Торанаге и широко повел рукой: – Прошу на берег.

Торанага глянул на плотные ряды самураев, на жителей деревни, распростертых на песке, и спросил себя: «Неужели я умру от меча, как мне и предсказал астролог? Конечно, первая часть предсказания выполнена, мое имя написано на стенах Осаки».

Он отогнал прочь эту мысль. Сходя по трапу, он громко и повелительно крикнул своим пятидесяти самураям, которые теперь носили коричневую форму, как и он сам:

– Всем оставаться здесь. Вы, капитан, будьте готовы к немедленному отплытию! Марико-сан, вы останетесь в Анджино на три дня, возьмите кормчего и Фудзико-сан, сходите сейчас же на берег и ждите меня на площади, – тут он, к удивлению Ябу, еще больше повысил голос. – Готовьтесь, Ябу-сан, сейчас я проведу смотр вашим полкам! – Он шел вслед за Ябу по ступенькам трапа со всем высокомерием боевого генерала, каким он и был.

Не было генерала, который бы выиграл больше битв, чем он, был более искусен в военном деле, чем он. За исключением Тайко, а Тайко был мертв. Ни один генерал не сражался в большем количестве битв, не был так вынослив и не потерял так много людей в битвах. И он никогда не был побежден.

По берегу разнесся удивленный гул, когда его начали узнавать. Эта инспекция была слишком неожиданной. Его имя передавалось из уст в уста, и тихий шепот, и страх, который он внушал, радовали его. Он слышал шаги Ябу за собой, но не оглядывался.

– А, Игураши-сан, – сказал он с добродушием, которого на самом деле не чувствовал. – Рад повидаться с вами. Давайте, пойдем, вместе посмотрим ваших молодцов.

– Да, господин.

– А вы, должно быть, Оми-сан. Ваш отец мой старый товарищ по оружию. Вы тоже пойдете со мной.

– Да, господин, – ответил Оми, вырастая прямо на глазах от оказанной ему чести. – Благодарю вас.

Торанага резко ускорил шаг. Он увлек их за собой, чтобы не дать им украдкой переговорить с Ябу, зная, что его жизнь зависит от того, удержит ли он инициативу в своих руках.

– Вы были с нами в битве при Одаваре, Игураши-сан? – спросил он, уже зная, что это там самурай потерял глаз.

– Да, господин. Имел такую честь. Я был с господином Ябу, и мы были на правом крыле войска Тайко.

– О, у вас было очень почетное место – там было самое пекло.

– Мы разгромили врага, господин. Мы были единственными, кто выполнил свой долг, – несмотря на то, что Игураши ненавидел Торанагу, он был благодарен ему.

В это время они оказались перед строем первого полка. Голос Торанаги был очень громок:

– Да, вы и люди Идзу очень помогли нам тогда. Может быть, если бы не вы, мы бы и не победили Кванто! А, Ябу-сама? – добавил он, внезапно останавливаясь, дав Ябу еще один титул, а таким образом и дополнительно почтив его при всех.

Ябу был выведен из равновесия неожиданной лестью. Он уже сожалел о своем необдуманном предложении Торанаге о проведении инспекции своих войск.

– Может быть, но я сомневаюсь. Тайко приказал уничтожить клан Беппу. Поэтому он и был уничтожен, – сказал он.

Это было десять лет назад, когда только очень мощный и древний клан Беппу, управляемый Беппу Дзенсемоном, противостоял объединенным силам генерала Накамуры, в будущем Тайко, и Торанаги – последнее главное препятствие на пути Накамуры к полному владычеству в империи. Столетиями Беппу владели Восемью Провинциями, Кванто. Сто пятьдесят тысяч человек осаждало их город – замок Одавара, который сторожил перевал,

ведущий через горы в невероятно богатые рисоводческие равнины с другой стороны перевала. Противостояние длилось одиннадцать месяцев. Новая наложница Накамуры, знатная госпожа Ошиба, прекрасная молодая женщина, едва достигшая восемнадцати лет, появилась во дворе своего господина с ребенком на руках, и Накамура впал в детство от радости при рождении своего первенца. С госпожой Ошибой пришла ее младшая сестра, Дзендзико, которую Накамура предложил отдать в жены Торанаге.

– Господин, – сказал Торанага, – я, конечно, буду польщен, если наши дома еще больше сблизятся, но вместо меня на госпоже Дзендзико пусть лучше женится мой сын и наследник Судару.

У Торанаги заняло много времени, чтобы убедить Накамуру, пока тот, наконец, согласился. Когда об этом решении было сообщено госпоже Ошибе, она сразу же сказала: – При всем моем к вам уважении, господин, я возражаю против этого брака.

Накамура засмеялся:

– Я тоже! Судару только десять, а Дзендзико тринадцать. Тем не менее они помолвлены, и на его пятнадцатилетие поженятся.

– Но, господин, Торанага уже ваш сводный брат, не так ли? Этого ведь достаточно для ваших родственных связей. Вам нужны более тесные связи с Фудзимото и Такасимой и даже при императорском дворе.

– Они там все дерьмоголовые при дворе и все в заложниках, – сказал Накамура своим грубым крестьянским голосом, – слушай, О-чан, у Торанаги семьдесят тысяч самураев. Когда мы разгромили Беппу, он получил Кванто и у него стало еще больше народу. Моему сыну потребуются вожди типа Ёси Торанаги, как я нуждаюсь в нем. А в один прекрасный момент моему сыну потребуется Ёси Судару. Лучше пусть Судару будет дядей моему сыну. Ваша сестра помолвлена с Судару, и он некоторое время будет жить с нами, не так ли?

– Конечно, господин, – сразу же согласился Торанага, отдавая своего сына и наследника в заложники.

– Хорошо. Но послушай, сначала ты и Судару поклянетесь в вечной преданности моему сыну.

Так и случилось. Потом во время десятого месяца осады этот первый ребенок Накамуры умер от лихорадки или заражения крови, а может, от злых ками.

– Может быть, все боги прокляли Одавара и Торанагу, – бушевала Ошиба. – Это Торанага виноват, что мы здесь – он хочет Кванто. Это его вина, что наш сын мертв. Он ваш враг. Он хочет вашей и моей смерти! Отправьте его на тот свет или заставьте работать. Пусть он ведет солдат в атаку и заплатит своей жизнью за жизнь нашего сына! Я требую возмездия...

Так Торанага пошел в наступление. Он взял Одаварский замок, заложив мину под стену, взорвав ее и проведя лобовую атаку. После этого убитый горем Накамура вдребезги разнес этот город. После его падения и охоты на Беппу империя была покорена, и Накамура стал первым Квампаку, а потом Тайко. Но в боях за Одавара погибли очень многие.

«Слишком многие», – подумал Торанага, вернувшись после мыслей об Одаваре на берег Авджиро. Он посмотрел на Ябу:

– Жаль, что Тайко умер, не правда ли?

– Да.

– Мой сводный брат был великим вождем. И большим учителем тоже. Как и он, я никогда не забываю друзей. Или врагов.

– Скоро и господин Яэмон станет взрослым. Он унаследовал дух Тайко. Господин Тора... – Но прежде чем Ябу смог остановить эту инспекцию, Торанага уже двинулся дальше, и ему ничего не оставалось, как следовать за ним.

Торанага шел по рядам, источая добродушие, обращаясь то к одному, то к другому, узнавая некоторых, его глаза никогда не оставались безучастными, когда он извлекал из памяти лица и имена. Он мог дать каждому человеку почувствовать, по крайней мере на мгновение, что генерал глядит на него одного, может быть, даже разговаривает с ним, как с

одним из своих друзей. Торанага делал то, что он должен был делать, то, что он делал тысячу раз, – он управлял людьми силой своей воли.

К тому времени, когда они обошли весь строй, Ябу, Игураши и Оми были измотаны. Но Торанага был неутомим, и прежде чем Ябу смог остановить его, он взошел на самую удобную точку и встал там один, высоко над остальными.

– Самураи Идзу, вассалы моего друга и союзника, Касиги Ябу-сами! – выкрикнул он своим зычным голосом. – Я имею честь быть здесь с вами. Я удостоен чести видеть часть сил Идзу, часть войск моего большого союзника. Слушайте, самураи, темные облака собираются над империей и угрожают миру Тайко. Мы должны защитить то, что нам дал Тайко, пресечь измену в высших сферах! Пусть каждый самурай будет готов! Пусть каждое оружие будет острым! Вместе мы будем защищать его волю! И мы одолеем! Боги Японии помогут нам! Они уничтожат без сожаления всех, кто противостоит приказам Тайко! – Здесь он поднял обе руки, издал свой боевой клич «Касиги!» и, невероятно, он поклонился войскам и замер в таком положении.

Все смотрели на него. Потом «Торанага!» ревом донеслось до него и возвращалось снова и снова. И самураи поклонились в ответ.

Даже Ябу поклонился, захваченный силой момента.

Прежде чем Ябу успел выпрямиться, Торанага стал спускаться с холма, все убыстряя шаг. – Иди с ним, Оми-сан, – приказал Ябу.

Ябу самому не подобало бежать за Торанагой.

– Да, господин.

Когда Оми ушел, Ябу спросил Игураши:

– Какие новости из Эдо?

– Госпожа Юрико, ваша жена, прежде всего просила сказать вам, что по всему Кванто идет колоссальная мобилизация. Внешне все спокойно, но внутри все кипит. Она считает, что Торанага готовится к войне – внезапной атаке, может быть, против самой Осаки.

– А что слышно об Ишидо?

– Ничего до нашего отъезда. Это было пять дней назад. Никаких слухов о бегстве Торанаги. Я услышал об этом только вчера, когда ваша госпожа отправила почтового голубя из Эдо.

– А, Зукимото уже наладил эту связь?

– Да, господин.

– Хорошо.

– Его послание гласило: «Торанага успешно сбежал из Осаки с нашим господином на борту галеры. Готовьтесь принять их в Анджино». Я решил, что это лучше держать в секрете ото всех, кроме Оми-сана, но мы все подготовили.

– Как?

– Я объявил о военных «учениях», господин, по всему Идзу. В течение трех дней будут блокированы все дороги и перевалы, если вы этого хотите. Там у нас на севере есть якобы пиратский флот, который может напасть на любое судно без сопровождения днем или ночью, если вы этого захотите. А здесь для вас и гостя, какой бы он ни был важный, есть место для жилья, если вы захотите остановиться.

– Хорошо. Что еще? Есть еще какие-нибудь новости? Игураши не хотелось говорить о новостях, которых он не понимал:

– Мы приготовились здесь ко всему. Но этим утром из Осаки пришло шифрованное сообщение: «Торанага отказался от должности в Совете регентов».

– Невероятно! Почему он это сделал?

– Я не знаю. Я не могу понять, но это так. Но это должно быть правдой, потому что мы прежде никогда не получали неверной информации из этого источника, господин.

– Госпожа Сазуко? – осторожно спросил Ябу, упомянув самую молодую наложницу Торанаги, чья служанка была его платной осведомительницей.

Игураши кивнул:

– Да. Но я совсем не понимаю этого. Теперь регенты выразят ему свое недоверие, не так ли? Они прикажут ему покончить с собой? Это было сумасшествием подать в отставку, да?

– Ишидо должен был вынудить его сделать это. Но как? Об этом не было никаких разговоров. Торанага никогда не подписал бы это сам! Вы правы, это поступок сумасшедшего. Он погиб, если он это сделал. Это, видимо, фальшивка.

Ябу в смятении сошел с холма и смотрел, как Торанага пересек площадь по направлению к Мариико и чужеземцу, около которых была и Фудзико. Потом Мариико пошла куда-то вместе с Торанагой, остальные ждали на площади. Торанага шагал быстро и решительно. Затем Ябу заметил, как он дал ей маленький пергаментный свиток, и страшно заинтересовался, что в нем и что при этом говорилось. «Какую еще уловку планирует Торанага», – спросил он себя, желая, чтобы здесь с ним была его жена Юрико, готовая помочь ему своими мудрыми советами.

У пристани Торанага остановился. Он не поднялся на корабль под защиту своих людей. Он знал, что окончательное решение должно быть принято на берегу. Он не мог убежать. Еще ничего не было решено. Он смотрел, как подходят Ябу и Игураши. Плохо дающееся Ябу спокойствие о многом сказало Торанаге.

– Да, Ябу-сан?

– Вы останетесь здесь на несколько дней, господин Торанага?

– Мне лучше сразу уехать.

Ябу сделал знак всем отойти так, чтобы их не было слышно. Через мгновение они вдвоем остались на дороге.

– У меня плохие новости из Осаки. Вы отказались быть председателем Совета регентов?

– Да. Я подал в отставку.

– Тогда вы убили себя, погубили ваше дело, всех ваших вассалов, всех ваших союзников, всех ваших друзей! Вы похоронили Идзу и убили меня!

– Совет регентов, конечно, может отобрать ваши земли и вашу жизнь, если они захотят.

– Клянусь всеми богами, живыми, мертвыми и теми, что должны родиться... – Ябу с усилием сдерживал свои чувства, – Извините меня за плохие манеры, но вы заняли странную позицию... – не было реальной цели, из-за которой стоило не скрывать своих чувств, это считалось бы неприличным и портило репутацию. – Тогда вам лучше остаться здесь, господин Торанага.

– Я предпочел бы уехать немедленно.

– Здесь вы или в Эдо, какая разница? Приказ регентов придет немедленно. Я думаю, вы хотите сразу же совершить сеппуку. Я почел бы за честь быть у вас помощником.

– Благодарю вас. Но пока еще не прибыло официального приказа, моя голова останется там, где она есть.

– Какое значение имеют день или два? Приказ придет неизбежно. Вы можете положиться на меня.

– Спасибо. Да, я понимаю, зачем вам была бы нужна моя голова.

– Моя голова полетит тоже. Если я отправлю вас к Ишидо или убью вас, и раскаюсь, это может задобрить его, в чем я очень сомневаюсь.

– Если бы я был на вашем месте, я бы мог потребовать вашу голову. К сожалению, это вам не поможет.

– Я склонен согласиться. Но стоит попытаться, – Ябу со злостью сплюнул в пыль. – Я заслуживаю смерти за то, что был так глуп, что вмешался в эти дерьмовые игры за власть.

– Ишидо никогда не стал бы раздумывать, отрубить ли вам голову. Но сначала он возьмет Идзу. О да, Идзу пропадет, если он получит власть.

– Не смейтесь надо мной. Я знал, что подобное должно было случиться!

– Я не смеюсь над вами, мой друг, – сказал ему Торанага, радуясь, что Ябу ведет себя так недостойно, – я только сказал, что если к власти придет Ишидо, то Идзу получит его

родственник Икава Джикья. Но, Ябу-сан, Ишидо не имеет власти. Пока, – и он рассказал ему, как другу, почему он отказался от регентства.

– Совет обезглавлен! – не мог поверить в это Ябу.

– Теперь нет никакого Совета. Он не будет функционировать, пока в нем снова не будет пяти членов, – улыбнулся Торанага. – Подумайте об этом, Ябу-сан. Сейчас я сильнее, чем когда-либо. Ишидо нейтрализован – и Джикья тоже. Вы получите столько времени, сколько вам нужно, чтобы подготовить ваших стрелков из ружей. Сейчас у вас есть Суруга и Тотоми. Через несколько месяцев вы увидите голову Джикья на конце копья вместе с головами всех его родственниками и вступите во владение своими новыми землями, – он резко повернулся и крикнул: – Игураши-сан! – и пятьсот человек слышали его команду. – Приведите сюда почетный караул! Пятьдесят человек! Сразу же! – Он не хотел давать Ябу передышку, чтобы тот не понял огромных изъянов в его доводах: что если Ишидо и нейтрализован и не имеет власти, то голова Торанаги на деревянном блюде представит для Ишидо подарок огромнейшей ценности, да и для Ябу тоже. Или еще лучше, связанный как простой уголовник и переданный живым у ворот замка в Осаке, Торанага принесет Ябу ключи к Кванто.

Пока строился почетный караул, Торанага громко говорил Ябу:

– В честь этого случая, Ябу-сама, может быть, вы примете это как знак дружбы. – Тут он вынул из ножен свой боевой меч, подержал его плашмя на руках и преподнес Ябу.

Ябу принял меч как во сне. Это был бесценный дар. Это было наследие Миновары, известный всей стране меч, которым Торанага владел уже пятнадцать лет. Он был подарен ему Накамурой перед собравшимися со всей империи самыми важными дайме, если не считать Беппу Дзенсемона, как часть платы за тайное соглашение.

Это случилось вскоре после битвы при Нагакуде, задолго до появления госпожи Ошибы. Торанага только что победил генерала Накамуру, будущего Тайко, когда тот еще только рвался наверх. Без мандата, формальной власти или официального титула достижение абсолютной власти все еще было под вопросом. Вместо того чтобы собрать громадное войско и разделаться с Торанагой, что было его обычной тактикой, Накамура решил с ним примириться. Он предложил Торанаге договор о дружбе и тесном союзничестве и, чтобы скрепить его, взять в жены свою сводную сестру. Это была уже побывавшая замужем женщина среднего возраста, не выносившая ни Накамуру, ни Торанагу. Торанага согласился на этот договор. Муж женщины, один из вассалов Накамуры, благодарный богам за то, что ему предложили развод, а не сеппуку, с радостью отослал ее обратно к сводному брату. Торанага немедленно женился на ней со всеми почестями и церемониями, на которые только был способен, но в тот же день заключил тайный пакт о дружбе с очень могущественным кланом Беппу, открытыми врагами Накамуры, которые в это время все еще высокомерно сидели в Кванто, что очень беспокоило Торанагу.

Вскоре после этого Торанага охотился с соколами в своих владениях и ждал неминуемой атаки Накамуры. Но ее не было. Вместо этого, как ни удивительно, Накамура послал свою уважаемую и любимую мать в лагерь Торанага как заложницу, но официально как бы для того, чтобы навестить свою падчерицу, новую жену Торанага, и в свою очередь пригласил Торанагу на большую встречу всех дайме, которую он устраивал в Осаке. Торанага думал долго и мучительно, но все-таки принял приглашение, предположив со своим союзником Беппу Дзенсемоном, что неразумно было бы ехать им обоим. Затем он тайно послал шестьдесят тысяч самураев в Осаку на случай предполагаемой измены Накамуры и оставил своего старшего сына, Нобору, на попечении его новой жены и ее матери. Нобора сразу же натащил громадную кучу сухого, как трут, хвороста к стенам их резиденции и прямо сказал им, что подожжет все это, если с его отцом что-нибудь случится.

Торанага улыбнулся, вспоминая. В ночь перед тем как он должен был приехать в Осаку, Накамура, что было совершенно необычно, нанес ему тайный визит, один и без оружия.

– Хорошая встреча, Тора-сан.

– Рад вас видеть, господин Накамура.
– Слушайте, мы слишком долго воевали вместе, мы знаем слишком много тайн, мы слишком много раз мочились в один горшок, чтобы еще хотеть облить свои ноги или ноги друг друга.

– Согласен, – осторожно сказал Торанага.

– Тогда слушайте – я на лезвие меча от того, чтобы захватить всю империю. Чтобы получить полную власть, я должен завоевать доверие древних кланов, хозяев наследственных наделов, современных наследников Фудзимото, Такасимы и Миновары. Как только я получу власть, любой дайме или все три вместе могут мочиться кровью, если я только этого пожелаю.

– Я всегда уважал вас.

Маленький обезьянолицый человек от всей души расхохотался:

– Вы честно выиграли битву при Нагакуде. Вы лучший генерал, какого я когда-либо знал, вы величайший дайме в государстве. Но сейчас нам пора прекратить все эти игры. Слушайте: я хочу, чтобы завтра вы поклонились мне перед всеми дайме как вассал. Я хочу вас, Ёси Торанага-нох-Миновара, в качестве добровольного вассала. Публично. Не целуя мне зад, но вежливо, скромно и почтительно. Если вы мой вассал, то остальные будут давить друг друга, чтобы броситься головой в пыль. Ну, а те немногие, кто этого не сделают, пусть берегутся.

– Это сделает вас властелином всей Японии?

– Да. Впервые в истории. Я думаю, что без вас мне это не удастся. Но послушайте: если вы мне поможете, вы будете первым в государстве после меня. Любые почести. Все, что хотите. Для нас двоих всего хватит.

– Да?

– Да. Сначала я получу Японию. Потом Китай. Потом вы будете владеть Японией – провинцией моего Китая!

– Ну а сейчас, господин Накамура? Я в вашей власти, не так ли? Вы с огромной вашей силой передо мной, а Беппу угрожает мне сзади.

– Я с ними скоро посчитаюсь, – сказал воин-крестьянин. – Эта высокомерная падаль не захотела приехать – они прислали обратно мой пергамент с приглашением, измазанный птичьим дерьмом. Вы хотите их земли? Все Кванто?

– Мне ничего не надо ни от них, ни от кого-нибудь еще, – сказал Торанага.

– Лжец, – добродушно сказал Накамура. – Слушайте, Тора-сан. Мне почти пятьдесят. Ни одна из моих женщин ни разу не рожала. Я купаюсь в роскоши, у меня есть все, и за свою жизнь я переспал с сотней, двумя сотнями женщин, всех типов, всех возрастов, всеми способами, но ни одна из них никогда не рожала, даже мертвого. У меня нет сыновей и никогда не будет. Такова моя карма. У вас четверо живых сыновей, и кто знает, сколько дочерей. Вам сорок три года, так что вам заделать еще дюжину сыновей так же легко, как лошади нагадить, и это ваша карма. Вы к тому же Миновара, и это тоже ваша карма. А если, скажем, я усыновлю одного из ваших сыновей и сделаю его моим наследником?

– Сейчас?

– Вскоре. Скажем, в течение трех лет. Раньше это не было важно, но теперь другое дело. Наш последний господин Города имел глупость дать себя убить. Теперь земли мои, то есть могут быть мои. Ну, соглашайтесь.

– Вы официально усыновите его через два года?

– Да. Доверьтесь мне – наши интересы сходятся. Послушайте: через два года я публично объявлю одного из ваших сыновей своим официальным наследником. Таким образом, мы разделим все. Наша соединенная династия укрепитесь на будущее. Выигрыш будет огромным. Сначала Кванто, да?

– Может быть, Беппу Дзенсемон позволит мне признать вашу власть.

– Я не соглашусь на это, Тора-сан, вы просто хотите получить их земли.

– Мне ничего не нужно.

Смех Накамуры звучал очень весело:

– Да. Но вам придется. Кванто необходимо вам. Эти земли расположены в безопасности за горами, их легко оборонять. Сзади они находятся под защитой моря. С дельтой вы можете контролировать самые богатые рисовые земли в империи. Доход в два миллиона коку вам обеспечен. Но не делайте своей столицей Камакуру. Или Одавату.

– Камакура всегда была столицей Кванто.

– Почему вы ничего не говорите о Камакуре, Тора-сан? Разве не там святые гробницы ваших семейных охранителей ками, возраст которых шестьсот лет? Разве это не Хасиман, ками войны, божество Миновары? Ваши предки мудро выбрали ками войны для молитв.

– Гробница только гробница, и ками войны, как известно, никогда не остаются ни в одной из гробниц.

– Я рад, что вам ничего не надо, Тора-сан, значит, вас не постигнет разочарование. Вы похожи в этом на меня. Но Камакура не годится вам в столицы. К ней ведут семь перевалов, и ее трудно будет оборонять. И она расположена далеко от побережья. Послушайте, вам лучше и безопасней забраться дальше в горы. И вам нужен морской порт. Я уже сейчас могу назвать один – Эдо – в настоящее время это рыбацкая деревушка, но вы превратите ее в большой город. Удобна для обороны, идеальна для торговли. Что касается Одавары, мы сметем ее с лица земли в назидание остальным.

– Это будет нелегко.

– Да, но это хороший урок для всех других дайме.

– Взять этот город штурмом будет очень трудно.

Опять веселый смех:

– Вам необходимо объединяться со мной. Я бы прошел через ваши нынешние владения – вы же знаете, что вы на линии фронта с Беппу? Вместе с вами они могли бы продержаться против меня год, два, даже три. Но я все равно бы покончил с ними. Но зачем на них тратить столько времени? Они все мертвы – кроме вашего пасынка, если вы пожелаете – а, я знаю, вы с ними заключили союз, но он не стоит и миски с конским дерьмом. Так каков ваш ответ? Выигрыш будет огромным. Сначала земли Кванто – они ваши, потом вся Япония. Потом Корея – это будет легко. Потом Китай – тяжело, но не невозможно. Я знаю, крестьянин не сможет стать сегуном, но ваш «сын» будет сегуном, и он может сесть на Трон Дракона в Китае тоже, или это будет сын вашего «сына», а теперь кончим этот разговор. Каков ваш ответ, Ёси Торанага-нох-Миновара, – вы мой вассал или нет? Все остальное мне неважно.

– Давайте помочимся в знак совершения сделки, – сказал Торанага, поняв, что выигрывает все, что хотел и планировал. И на следующий день перед ошарашенным сборищем гордых дайме он смиренно предложил свой меч, свои земли, свою честь и свое наследство рвущемуся к власти крестьянину-военачальнику. Он просил Накамуру позволить стать его вассалом. И он, непобедимый Торанага, униженно склонил свою голову прямо в пыль. Будущий Тайко сразу же проявил великодушие и подарил ему Кванто, как будто эти земли уже были завоеваны, объявив войну Беппу за их оскорбления императора. К тому же он передал Торанаге меч, который был недавно захвачен в одной из императорских сокровищниц. Меч был выкован мастером кузнечного дела Мийоси-Го несколько веков назад и с тех пор принадлежал самому знаменитому воину в истории, Миноваре Еситомо, первому сегуну.

Нет, Торанага не забыл этот день. И он припомнил другие дни: несколько лет спустя, когда госпожа Ошиба родила мальчика, и другой, когда, невероятное дело, после смерти первенца у Тайко родился второй сын, Яэмон. И весь план рухнул. Это карма. Он видел, с каким почтением держит Ябу меч его предка.

– Он такой острый, как о нем говорят? – спросил Ябу.

– Да.

– Вы оказываете мне великую честь. Я буду беречь ваш бесценный дар, – Ябу поклонился, понимая, что после такого подарка он будет первым в стране после Торанаги.

Торанага поклонился в ответ, а затем, безоружный, пошел к трапу. Он напряг всю свою

волю, чтобы скрыть ярость и не споткнуться, и молился, чтобы скупость Ябу еще несколько мгновений держала его в этом загипнотизированном состоянии.

– Отчаливайте! – приказал он, поднимаясь на палубу, повернулся к берегу и бодро помахал рукой.

Кто-то нарушил молчание и выкрикнул его имя, потом и остальные подхватили этот крик. Слышался общий гул одобрения той чести, которой был удостоен их господин. Умелые руки вывели корабль в море. Гребцы быстро налегли на весла. Галера уходила.

– Капитан, прямым ходом в Эдо!

– Да, господин.

Торанага оглянулся назад, его глаза шарили по берегу, каждую секунду ожидая опасности. Ябу стоял около пристани, все еще ошеломленный таким подарком. Марико и Фудзико ждали около навеса рядом с другими женщинами. Авджин-сан был на краю площади, где ему было приказано дожидаться, – прямой, огромный и, конечно же, взбешенный. Их глаза встретились. Торанага улыбнулся и помахал рукой. Ему ответили, но холодно, и это очень развеселило Торанагу.

* * *

Блэксорн уныло подошел к пристани.

– Когда он вернется, Марико-сан?

– Я не знаю, Анджин-сан.

– Как мы попадем в Эдо?

– Мы останемся здесь. По крайней мере я останусь здесь на три дня. Потом мне приказано выехать туда.

– Морем?

– Сушей.

– А я?

– Вам придется остаться.

– Почему?

– Вы интересовались нашим языком. И здесь для вас есть работа.

– Какая работа?

– Извините, я не знаю. Господин Ябу скажет вам. Мой господин оставил меня здесь на три дня, чтобы переводить.

Блэксорна охватили мрачные предчувствия. Его пистолеты были еще у него за поясом, но не было ни ножей, ни пороха с зарядами. Все осталось в каюте на борту галеры.

– Почему вы не сказали мне, что мы останемся? – спросил он. – Вы просто сказали, что мы идем на берег.

– Я не знала, что вы тоже не вернетесь на галеру, – ответила она. – Господин Торанага сообщил мне это всего минуту назад, на площади.

– Почему тогда он не сказал мне лично?

– Я не знаю.

– Я думал, что еду в Эдо. Там моя команда, мой корабль. А что с ними?

– Он только сказал, что вы останетесь здесь.

– Как долго?

– Неизвестно, Анджин-сан. Может быть, это знает господин Ябу. Пожалуйста, потерпите, скоро все выяснится.

Блэксорн видел Торанагу, стоящего на юте и наблюдающего за берегом.

«Как он ребячлив, – сказала себе Марико, – говорит все, что думает. И как необыкновенно умен Торанага, сумев избежать этой западни».

Фудзико с двумя служанками стояла около нее в тени навеса рядом с матерью и женой Оми, которых она немного знала. Сейчас все они глядели на галеру. Та быстро набирала скорость, но была еще в пределах полета стрелы. Марико должна была не пропустить

момент. «О, Мадонна, дай мне сил», – молилась она, сконцентрировав все внимание на Ябу, одновременно продолжая разговаривать с Блэксорном.

– Господин Торанага очень мудр. Какая бы ни была причина, это был хороший поступок, – она посмотрела в голубые глаза и жесткое лицо, зная, что Блэксорн не понимает того, что здесь происходит, – Пожалуйста, будьте терпеливей, Анджин-сан. Вам нечего бояться. Вы его любимый вассал и под его...

– Я не боюсь, Мариико-сан. Я просто устал быть заложником. И ничей я не вассал.

– «Слуга» лучше? Или как вам назвать человека, который работает на другого или служит другому с какой-то специальной... – Тут она увидела, как лицо Ябу налилось кровью.

– Ружья, ружья все еще на галере! – крикнул он. Мариико поняла, что настал тот самый момент.

– Прошу прощения, господин Ябу, – сказала она, не обращая внимания на его гнев, – нет необходимости беспокоиться о ваших ружьях. Господин Торанага просил извиниться за его поспешность, но у него неотложные дела в Эдо по вашему общему плану. Он сказал, что вернет галерею тотчас же. С пушками и с дополнительным запасом пороха. А также с двумястами пятьюдесятью людьми, которых вы просили у него. Они будут здесь через пять или шесть дней.

– Что?

Мариико терпеливо и вежливо снова объяснила все, что велел сказать ей Торанага. Потом, когда Ябу наконец ее понял, она вынула из рукава свиток пергамента: – Мой господин просил вас прочитать это. Оно касается Анджин-сана. И Мариико церемонно подала ему свиток.

Но Ябу не взял свиток. Его глаза снова обратились к галере. Теперь она уже была далеко, вне пределов досягаемости, и двигалась очень быстро. «Но какое это имеет значение, – подумал он удовлетворенно, теперь уже не беспокоясь. – Ружья быстро вернуться ко мне, я избежал ловушки Ишидо, у меня самый знаменитый меч Торанага, и скоро все дайте в государстве признают мое новое положение в армиях востока – второго после самого Торанага!» – Ябу еще мог видеть Торанагу и еще раз махнул ему, и тот ответил. После этого Торанага ушел с юта.

Ябу взял свиток и вернулся в настоящее. И к Анджин-сану.

Блэксорн смотрел на него, стоя в тридцати шагах, и чувствовал, как у него на затылке шевелятся волосы от пронизывающего взгляда Ябу. Он слышал, как Мариико что-то весело говорила Ябу, но это не успокоило его. Его рука украдкой сжала пистолет.

– Анджин-сан, – окликнула его Мариико, – подойдите, пожалуйста, сюда.

Когда Блэксорн приблизился к ним, Ябу взглянул на него, оторвавшись от пергамента, и кивнул довольно дружелюбно. Кончив читать, он протянул листок обратно Мариико и что-то коротко сказал, обращаясь к ним обоим.

Мариико почтительно предложила бумагу Блэксорну. Он взял ее и подивился непостижимости их характеров.

– Господин Торанага говорит, добро пожаловать в эту деревню. Эта бумага за печатью господина Торанага, Анджин-сан. Вы храните ее. Он оказывает вам большую честь. Господин Торанага назначил вас хатамото. Это специальный слуга из его личного штата служащих. Вы находитесь под его абсолютной защитой. Господин Ябу, конечно, признает это. Я объясню вам позже ваши права. Господин Торанага дает вам жалованье в двадцать коку в месяц. Это около...

Ябу прервал ее, широким жестом показывая в сторону Блэксорна, потом деревни, и долго что-то говорил. Мариико перевела:

– Господин Ябу повторяет, что вам здесь рады. Он надеется, что ваше пребывание здесь будет удобным. Вам будет предоставлен дом. И учителя. Он просит вас как можно быстрее выучить японский язык. Сегодня вечером он задаст вам несколько вопросов и скажет вам об одной специальной работе.

– Пожалуйста, спросите, что за работа?
– Я посоветую вам быть немного более терпеливым, Анджин-сан. Сейчас не время, правда.

– Хорошо.

– Вакаримас ка, Анджин-сан? – спросил Ябу. – Вы поняли?

– Хай, Ябу-сан. Домо.

Ябу отдал приказ Игураши распустить войско, потом направился к жителям деревни, которые все еще лежали, распростерты на песке.

В этот теплый прекрасный весенний полдень он встал перед ними, все еще держа в руках меч Торанага. Его мечи висели на ремне. Ябу указал мечом на Блэксорна и обратился к ним с речью, которую внезапно оборвал. Среди жителей деревни послышался ропот. Мура поклонился и несколько раз сказал Блэксорну: «Хай».

– Вакаримас ка? – спросил Мура, и они все ответили: «Хай», их голоса смешались со звуком волн, бьющих о берег.

– Что происходит? – спросил Блэксорн Марико, но Мура прокричал: «Кейрей!», жители деревни низко поклонились, затем еще раз Ябу и еще раз Блэксорну. Ябу широко зашагал от них, не оглядываясь.

– Что здесь происходит, Марико-сан?

– Господин Ябу сказал им, что вы почетный гость, что вы также очень заслуженный слуга Торанага и находитесь здесь главным образом для того, чтобы выучить наш язык. Деревня отвечает, Анджин-сан, за ваше обучение. Все здесь должны помогать вам. Он сказал им, что если в течение шести месяцев они не научат вас достаточно хорошо говорить по-японски, деревня будет сожжена, а перед этим все мужчины, женщины и дети будут распяты.

Глава Тридцать Первая

День клонился к закату, тени удлинились, море покраснело от заходящего солнца, дул легкий ветерок.

Блэксорн поднимался по тропинке от деревни, направляясь к дому, который Марико еще раньше показала ему и сказала, что в этом доме он будет жить. Она собиралась проводить его, но он отказался и отправился на мыс, чтобы побыть одному и подумать.

Он быстро обнаружил, что умственные усилия сейчас слишком тяжелы для него. Он облил голову морской водой, пытаясь освежить ее, но и это не помогло. Наконец, он встал и бесцельно пошел назад по берегу, за пристань, через площадь и деревню, вверх к дому, где он теперь должен жить и где, он помнил, раньше ни разу не был. Высоко вверх, возвышаясь над холмом, тянулось другое жилище, частично с соломенной крышей, частично под черепицей, за высоким частоколом, с многочисленными часовыми у тяжелых ворот.

Самураи расхаживали по деревне или стояли группами и разговаривали. Большинство их уже направлялось за своими офицерами аккуратными группками вверх по тропинкам и через холм к своим местам стоянок. Те самураи, которых встретил Блэксорн, отвечали на его рассеянное приветствие. Жителей деревни он не видел.

Блэксорн остановился перед воротами. На самой двери были вырезаны своеобразные узоры в виде красивых фигур, сквозь которые небольшой ухоженный садик за ними выглядел очень привлекательно. Прежде чем он успел открыть дверь, она распахнулась внутрь и из-за нее ему поклонился испуганный старик.

– Конбанва, Анджин-сан, – его голос жалобно дрожал. – Добрый вечер.

– Конбанва, – ответил он, – Слушай: старик, э... о намае ка?

– Намае ватаси ва, Анджин-сан? Ах, ватаси Еки-я... Еки-я. – Старик чуть не пустил слюну от облегчения.

Блэксорн несколько раз повторил имя, чтобы запомнить его, и добавил «сан», но старик энергично замотал головой: – Ие, гомен насаи! Ие «сан», Авджин-сама. Ёки-я! Ёки-я!

– Хорошо, Ёки-я, – но Блэксорн про себя задумался, почему не «сан», как у всех остальных?

Он махнул рукой, отпуская его. Старик быстро захромал прочь.

– Я должен быть более внимателен к ним, – сказал Блэксорн вслух.

Через открытые седзи вышла робкая служанка и низко поклонилась.

– Конбанва, Анджин-сан?

– Конбанва, – ответил он, смутно узнавая ее, поскольку видел где-то на корабле. Он отослал ее.

Раздался шелест шелка. Из глубин дома появились Фудзико и Марико.

– Удалась прогулка, Анджин-сан?

– Да, Марико-сан, – его взгляд, не останавливаясь ни на чем, переходил от предмета к предмету.

– Не хотите ли чаю? Или, может быть, sake? Ванну? Вода горячая, – Марико нервно засмеялась, смущаясь его взгляда. – Банный домик еще не совсем отделан, но мы надеемся, что вам будет удобно.

– Сake, пожалуйста. Для начала немного sake, Марико-сан. Марико пошептала с Фудзико, которая исчезла в доме.

Служанка молча принесла три подушки и удалилась. Марико изящно устроилась на одной из них.

– Садитесь, Анджин-сан, вы, наверное, устали.

– Спасибо.

Он присел на ступеньки веранды, не сняв своих тапочек. Фудзико принесла две бутылочки sake и чайную чашку, как ей приказала Марико, а не тонкую фарфоровую, которыми они пользовались обычно.

– Лучше дать ему сразу много sake, – сказала Марико, – но господин Ябу хочет видеть его сегодня вечером. Ванна и sake его немного успокоят.

Блэксорн выпил предложенную ему чашку подогретого вина, не чувствуя вкуса. И потом другую, третью.

Они следили, как он поднимался на холм через щель в седзи.

– Что с ним? – спросила Фудзико, встревожившись.

– Он расстроен тем, что сказал господин Ябу насчет деревни.

– Почему это его должно беспокоить? Его жизнь вне опасности.

– Чужеземцы думают не так, как мы, Фудзико-сан. Например, Анджин-сан считает, что жители деревни такие же люди, как любые другие, как самураи, некоторые из них даже лучше самураев.

Фудзико рассмеялась:

– Что за вздор? Как крестьян можно равнять с самураями?

Марико не ответила. Она продолжала наблюдать за Анджин-саном. «Бедняга», – подумала она.

– Бедная деревня! – верхняя губа Фудзико презрительно изогнулась, – Глупо жертвовать крестьянами и рыбаками! Касиги Ябу-сан глупец! Как может чужеземец выучить наш язык за полгода? Сколько времени потратил Тсукку-сан? Более двадцати лет, не так ли? А разве это не единственный иностранец, который может общаться даже на разговорном японском?

– Нет, не единственный, хотя он говорит лучше всех из тех, кого я когда-нибудь слышала. Да, для них это трудно. Но Анджин-сан умный человек, и господин Торанага сказал, что за полгода вынужденной изоляции, находясь среди японцев, в гуще нашей жизни, он скоро станет похож на одного из нас.

Лицо Фудзико оставалось неподвижно.

– Посмотри на него, Марико-сан, такой некрасивый. Такой чудовищно чужой. И все-таки однажды именно он войдет в меня и станет моим господином и хозяином.

– Он очень смелый человек, Фудзико, он спас жизнь господину Торанаге и очень нужен

ему.

– Да, я знаю, и это уменьшает мою неприязнь к нему, но он мне чужой. Все равно я приложу все усилия, чтобы поменять его на кого-нибудь из наших. Я молюсь, чтобы Будда помог мне.

Марико хотела спросить свою племянницу, в чем причина такой внезапной перемены? Почему она согласилась служить Анджин-сану и так безоговорочно подчиняться господину Торанаге, когда лишь сегодня утром отказывалась повиноваться, клялась, что покончит с собой или убьет чужеземца, как только он уснет? Что обещал ей Торанага, что она так изменилась?

Но Марико знала, что лучше не спрашивать. Торанага не считал нужным рассказать ей об этом. От Фудзико ничего не узнаешь. Девушка была хорошо воспитана своей матерью, сестрой Бунтаро, которая в свою очередь получила воспитание от отца, Хиро-Мацу.

«Интересно, удастся ли господину Хиро-Мацу покинуть Осаку, – спросила она себя. Она очень хорошо относилась к старому генералу, своему свекру, – и что с Кири-сан и госпожой Сазуко? Где Бунтаро, мой муж? Схватили ли его? Или он успел покончить с собой?»

Марико смотрела, как Фудзико наливает остатки sake. Эта чашка была выпита так же как и остальные, без всякого выражения.

– Дозо. Сакэ, – сказал Блэксорн. Принесли еще sake. И оно кончилось.

– Дозо. Сакэ.

– Марико-сан, – сказала Фудзико, – господину не следует пить так много. Он опьянеет. Спросите его, пожалуйста, не хочет ли он теперь принять ванну. Я пошлю за Суво.

Но Блэксорн не хотел принимать ванну.

Фудзико приказала принести еще sake, а Марико тихонько попросила служанку: – Принеси немного жареной рыбы.

Новая бутылочка sake была опустошена с той же молчаливой сосредоточенностью. Пища не соблазнила его.

Принесли еще вина, было выпито еще две бутылочки.

– Пожалуйста, принесите Анджин-сану мои извинения, – сказала Фудзико, – в доме больше нет sake. Пусть он извинит меня за такое упущение. Я послала служанку достать еще в деревне.

– Хорошо. Он выпил более чем достаточно, хотя и кажется, что это на него совсем не подействовало. Почему бы вам сейчас не уйти, Фудзико? Теперь подходящий момент поговорить с ним по вашему делу.

Фудзико поклонилась и ушла, благословляя обычай вести важные дела через третьих лиц. Таким образом, сохранялось достоинство обеих сторон.

Марико объяснила Блэксорну ситуацию с вином.

– Сколько времени понадобится, чтобы достать еще?

– Немного. Может быть, вам пока стоило принять ванну? Я прослежу, чтобы его подали сразу, как принесут.

– Торанага ничего не говорил о своих планах, касающихся меня, перед отъездом? О морских делах?

– Нет. Извините, он ничего не говорил об этом, – Марико искала признаки опьянения. Но, к ее удивлению, это никак не проявлялось, не было даже легкого оживления, проглатывания слов. От того количества вина, которое он выпил за столь короткое время, любой японец давно бы уже был пьян: – Вам не нравится вино, Анджин-сан?

– Оно слишком слабое. Оно не пьянит.

– Вы стремитесь забыться?

– Нет – решить.

– Все будет сделано.

– Мне нужны книги, бумага и ручка.

– Завтра я предоставлю вам все это.

– Нет, сегодня же вечером, Марико-сан. Я должен начать сейчас.

– Господин Торанага сказал, что он пришлет вам книгу – что вы просили? – Грамматику и словари, составленные святыми отцами.

– Сколько это займет времени?

– Не знаю. Но я буду здесь три дня. Может быть, за это время смогу быть вам полезной.

И Фудзико-сан здесь, чтобы поддержать вас, – она улыбнулась, радуясь за него, – мне выпала честь сказать вам, что она будет вашей наложницей, и она...

– Что?

– Господин Торанага просил ее быть вашей наложницей, и она согласилась. Она будет...

– Но я не согласен...

– Что вы говорите? Извините, я не понимаю...

– Я не хочу ее. Ни как наложницу, ни вообще около меня. Я считаю ее безобразной.

Марико уставилась на него:

– Но что же тогда делать?

– Пусть она уезжает.

– Но, Анджин-сан, вы не можете отказаться! Это будет ужасным оскорблением для господина Торанаги, для нее, для всех! Что она вам сделала плохого? Ничего! Усаги Фудзико...

– Слушайте меня! – слова Блэксорна рикошетом носились по веранде и всему дому. – Скажите ей, пусть уезжает!

– Простите, Анджин-сан, вы не правы, что сердитесь. Вы...

– Я не сержусь, – холодно произнес Блэксорн, – как вы не можете взять себе в головы, что я устал быть марионеткой? Я не хочу этой женщины, я хочу получить обратно мой корабль и команду и забыть все это! Я не останусь здесь на шесть месяцев, мне не нравятся ваши обычаи. Это ужасно, что один человек угрожает похоронить всю деревню, если я не научусь японскому языку, а что касается наложницы – это хуже, чем рабство, и это чертовое оскорбление – наметить такое дело, не спросив предварительно моего согласия!

«Что же теперь делать? – беспомощно спрашивала себя Марико. – Что же делать с наложницей? И Фудзико вовсе не безобразна. Как он не понимает?» Потом она вспомнила предупреждение Торанаги: «Марико-сан, вы лично отвечаете, во-первых, за то, чтобы Ябу не смог помешать моему отъезду после того, как я отдам ему свой меч, а во-вторых, за то, чтобы Анджин-сан послушно остался в Анджино».

– Я сделаю все, что смогу, господин. Но, боюсь, что Анджин-сан доставит мне хлопот.

– Обращайтесь с ним как с ястребом. Это ключ к нему. Я приручаю ястреба в два дня. Вам даю три».

Она отвернулась от Блэксорна и напрягла весь свой ум. «Он кажется похожим на ястреба, когда злится, – подумала она, – у него тот же пронзительный крик, бессмысленная ярость, а когда спокоен – то же высокомерие, тот же немигающий взгляд, та же самая углубленность в себя, с той же непроходящей прорывающейся внезапно злобностью».

– Я согласна. С вами обошлись ужасно, и вы вправе рассердиться, – сказала она успокаивающе. – Да, и конечно же, господину Торанаге следовало у вас спросить, но он ведь не знает ваших обычаев. Он только пытался оказать вам честь, как сделал бы для любого заслужившего это самурая. Он сделал вас хатамото, это почти то же, что рыцарь, Анджин-сан. Во всем Кванто их только около тысячи. А что касается госпожи Усаги Фудзико, он только пытался услужить вам. У нас, Анджин-сан, это бы рассматривалось как большая честь.

– Почему?

– Потому что ее родословная очень древняя, и она очень образованная. Ее отец и ее дед дайме. Конечно, она из самураев, но, – деликатно добавила Марико, – вы окажете ей большую честь, взяв ее в наложницы. Ведь она нуждается в новом доме и новой жизни.

– По какой причине?

– Она недавно овдовела. Ей только девятнадцать лет, Анджин-сан, но она потеряла мужа и сына и переполнена угрызениями совести. Ей необходимо начать новую жизнь.

– Что случилось с ее мужем и ребенком?

Марико заколебалась, огорченная невежливой прямоотой Блэксорна. Но она понимала, что это была его обычная манера поведения:

– Они были приговорены к смерти. Пока вы будете здесь, потребуется кто-то, кто должен будет ухаживать за вашим домом. Госпожа Фудзико будет...

– Почему их приговорили к смерти?

– Ее муж чуть не послужил причиной смерти господина Торанаги. Пожалуйста...

– Торанага приговорил их к смерти?

– Да, но он был прав. Спросите ее, она так же думает, Анджин-сан.

– Сколько лет было ребенку?

– Несколько месяцев, Анджин-сан.

– Торанага приговорил ребенка к смерти за то, что сделал его отец?

– Да. Таков наш обычай. Пожалуйста, будьте терпимей к нам. В некоторых вещах мы не свободны. Наши порядки отличаются от ваших. Видите ли, по закону, мы принадлежим нашему сюзерену. По закону, отец распоряжается жизнями своих детей, жены и наложниц, а также слуг. По закону, его жизнь принадлежит его сюзерену. Таков наш обычай.

– Так что отец может убить любого в доме?

– Да.

– Тогда вы нация убийц.

– Нет.

– Но ваш обычай прощает убийство. Я думал, вы христиане.

– Я христианка, Анджин-сан.

– А как же заповеди?

– Я не могу этого объяснить, правда. Но я христианка, и самурай, и японка, и одно не противоречит другому. Пожалуйста, постарайтесь нас понять.

– Вы отдадите своих детей на смерть, если Торанага вам это прикажет?

– Да. У меня только один сын, но, я думаю, что да. Мой долг так поступить. Это закон – если мой муж с этим согласится.

– Надеюсь, Бог сможет простить всех вас.

– Бог понимает, Анджин-сан. О, он нас поймет. Может быть, он тоже откроет вам глаза. Извините, я не могу ясно это объяснить, – она обеспокоенно посмотрела на Блэксорна. – Анджин-сан, вы для меня загадка. Ваши обычаи мне непонятны. Может быть, нам следует быть терпимей друг к другу. Госпожа Фудзико, например. Она будет присматривать за вашим домом и вашими слугами. Будет исполнять ваши прихоти – все, что захотите. Ведь кто-то должен делать это. Вам не надо будет спать с ней, если вас это волнует – если вы не находите ее пригодной для этого. Вам даже нет необходимости быть вежливым с ней. Она будет служить вам, как вы захотите, любым способом, какой вас устроит.

– Я могу обращаться с ней, как мне захочется?

– Да.

– Я волен спать или не спать с ней?

– Конечно. Она найдет кого-нибудь, кто будет приятен вам для удовлетворения ваших телесных нужд, если захотите, или она не будет в это вмешиваться вообще.

– Могу я прогнать ее? Приказать ей уйти?

– Если она оскорбит вас, да.

– А что тогда будет с ней?

– Обычно в таких случаях с позором возвращаются в дом родителей, которые могут или принять или не принять обратно. Кто-то, подобно госпоже Фудзико, возможно, предпочтет убить себя, а не терпеть такой стыд. Но она... вам следует знать, что настоящий самурай не может покончить с собой без разрешения его господина. Некоторые, конечно совершают самоубийство, но они нарушают свой долг и не могут считаться самураями. Я бы

не убила себя, несмотря ни на какой стыд, если бы мне не разрешил мой господин Торанага или мой муж. Господин Торанага запретил ей покончить с жизнью. Если вы отошлете ее, она станет неприкасаемой – эта.

– Но почему? Почему ее семья не примет ее обратно?

Марико вздохнула:

– Извините, Анджин-сан, но если вы отошлете ее назад, позор будет столь велик, что ее никто не примет.

– Из-за того, что она осквернена? Потому что была около чужеземца?

– О, нет, Анджин-сан, только потому, что она не справилась со своими обязанностями, – сразу же сказала Марико. – Она теперь ваша наложница – ей приказал господин Торанага, и она согласилась. Вы теперь хозяин дома.

– Я?

– Да, вы, Анджин-сан. Вы теперь хатамото. У вас есть состояние. Господин Торанага дал вам жалованье двадцать коку в месяц. На эти деньги самурай обычно содержит кроме себя еще двух самураев. Но это не ваши проблемы. Я прошу вас, пожалуйста Фудзико, будьте милосердны. Она хорошая женщина. Простите ей ее безобразность. Она будет хорошей наложницей.

– У нее нет дома?

– Да. Это ее дом, – Марико сдерживала себя. – Пожалуйста, примите ее. Она может многому научить вас. Если вы предпочитаете смотреть на нее как на пустое место, все равно позвольте ей остаться. Примите ее и потом, как глава дома, согласно нашему закону, убейте ее.

– Вы мне советуете убить ее?

– Вовсе нет, Анджин-сан. Но жизнь и смерть – это ведь одно и то же. Кто знает, может быть, вы окажете Фудзико большую услугу, лишив ее жизни. Это теперь ваше право перед законом. Ваше право также сделать ее неприкасаемой.

– Так, я опять пойман в ловушку, – сказал Блэксорн, – в любом случае она погибнет. Если я не выучу вашего языка, будет казнена вся деревня. Если я поступаю не так, как вы хотите, всегда убивают кого-нибудь невинного. Выхода нет.

– Есть очень легкое решение, Анджин-сан. Умереть. Вы не должны терпеть то, чего нельзя вынести.

– Самоубийство – это сумасшествие и смертельный грех. Я думал, вы христианка.

– Я же сказала, что я христианка. Но у вас, Анджин-сан, тоже есть много способов почетной смерти. Вы насмехались над моим мужем, что он не хотел умереть в бою, да? Это не наш обычай, а, наверное, ваш. Так почему вы не сделаете этого? У вас есть пистолет. Убейте господина Ябу. Вы ведь считаете, что он чудовище.

Он посмотрел на ее безмятежное лицо, чувствуя, несмотря на свою ненависть, как она красива: «Это слабость, умереть без всякой цели. Лучше сказать, глупость».

– Вы считаете себя христианином. Поэтому вы верите в сына Божьего – Иисуса на небесах. Смерть не должна пугать вас. А что касается «цели», то это не нам судить, имеет смысл или нет. Для смерти всегда найдется причина.

– Я в вашей власти. Вы знаете это. Я тоже.

Марико наклонилась вперед и, жалея, дотронулась до плеча:

– Анджин-сан, забудьте о деревне. Может случиться миллион вещей, прежде чем кончатся эти шесть месяцев. Приливная волна, или землетрясение, или вы вернете обратно свой корабль и уплывете, или Ябу погибнет, или мы все умрем, или что-то еще случится, кто знает? Оставьте Богу Богово и карму карме. Сегодня вы здесь, и не в ваших силах изменить это. Вы живы и здоровы. Посмотрите на этот закат, красиво, правда? Этот закат есть только сейчас. Завтра не существует. Посмотрите. Это так красиво и никогда не повторится снова. Это бесконечность жизни. Забудьтесь в этом, останьтесь наедине с природой и не беспокойтесь о будущем, вашем, моем или всей деревни.

Он поддался обману безмятежности ее слов. Посмотрел на запад. По небу

расплывались громадные пурпурно-красные пятна.

Он смотрел на солнце, пока оно не исчезло.

– Я хочу, чтобы вы стали моей наложницей, – сказал Блэксорн.

– Я принадлежу господину Бунтаро, и, пока он не умер, я не могу думать или говорить о том, что может быть в мыслях или на словах.

«Карма, – подумал он, – Принимаю ли я карму? Свою? Ее? Их? Ночь красива. И вот есть она, и она принадлежит другому. Красивая. И очень умная: оставить проблемы Бога Богу и кармы – карме. Ты пришел сюда без приглашения. Ты в их власти. И какой ответ?». «Ответ будет, – сказал он себе, – потому что Бог на небесах и Бог везде».

Послышался шум шагов. По тропинке на холм поднимались двадцать самураев с факелами, во главе их – Оми.

* * *

– Извините, Анджин-сан, но Оми приказал вам отдать пистолеты.

– Скажите ему, пусть идет к черту!

– Не могу, Анджин-сан, я не осмеливаюсь. Блэксорн свободно держал одну руку на пистолете, устремив свой взгляд на Оми. Он умышленно остался сидеть на ступенях, ведущих на веранду. Десять самураев стояли в садике сзади Оми, остальные – около ожидающегося их паланкина. Как только Оми без приглашения вошел в дом, Фудзико появилась откуда-то из дальних комнат и теперь, побледнев, стояла на веранде за спиной у Блэксорна.

– Господин Торанага не возражал, и все эти дни мои пистолеты были при мне.

Марико сказала, нервничая;

– Анджин-сан, Оми-сан прав. У нас существует порядок, что в присутствии дайме нельзя быть вооруженным. Это не должно задевать вас. Ябу-сан ваш друг. Вы здесь его гость.

– Скажите Оми-сану, что я не отдам ему мои пистолеты. Она не стала переводить, и его охватил гнев, и он покачал головой: «Ие, Оми-сан! Вакаримас ка? Ие!»

Лицо Оми застыло. Он прорычал приказ. Два самурая выступили вперед. Блэксорн выхватил пистолеты. Самураи остановились. Оба пистолета были направлены прямо в лицо Оми.

– Ие, – сказал Блэксорн. И потом Марико: – Скажите ему, пусть он отменит приказ, или я спущу курки.

Она подчинилась. Никто не двигался. Блэксорн медленно поднялся на ноги, не спуская пистолетов с цели. Оми был абсолютно спокоен, его глаза следили за кошачьими движениями Блэксорна.

– Анджин-сан, вы должны встретиться с господином Ябу. Вы не можете идти туда с пистолетами. Вы хатамото, вас охраняют, и вы к тому же гость господина Ябу.

– Скажите Оми-сану, если он или его люди подойдут ко мне на десять шагов, я разнесу ему башку.

– Оми-сан в последний раз предлагает сдать пистолеты.

– Ие.

– Почему не оставить их здесь, Анджин-сан? Бояться нечего. Никто их не тронет...

– Вы считаете меня дураком?

– Тогда отдайте их Фудзико-сан!

– Что она может сделать? Он заберет их у нее – тогда я беззащитен.

Голос Марико стал жестким:

– Почему вы не слушаете, Анджин-сан? Фудзико-сан – ваша наложница. Если вы прикажете, она будет защищать ваши пистолеты, рискуя жизнью. Это ее долг. Я больше не буду вам повторять, но Тода-нох-Усаги-Фудзико – самурай.

Блэксорн все свое внимание сосредоточил на Оми, с трудом понимая то, что она

говорит.

– Скажите Оми-сану, что мне не нравятся такие приказы. Я гость господина Торанаги. Вы «просите» гостей что-нибудь сделать. Вы не приказываете им и не вламываетесь в дом мужчины без приглашения.

Марико перевела все это. Оми слушал без всякого выражения, потом что-то коротко ответил, глядя на недрогнувшие стволы.

– Он говорит: – Я, Касиги Оми, просил вас отдать мне пистолеты и пойти со мной, потому что Касиги Ябу-сама приказал доставить вас к нему. Но прежде я должен забрать ваше оружие. Так что извините, Анджин-сан, я в последний раз вам приказываю сдать его мне.

Блэксорн почувствовал тяжесть в груди. Он был в ярости от собственной глупости, но не мог уступить и сказал себе: «Если мне суждено сейчас умереть, то Оми умрет первым, ей-богу!»

Он чувствовал себя хорошо, хотя немного кружилась голова. Потом в его ушах зазвенели слова Марико: «Фудзико – самурай, она ваша наложница!» И его мозг начал работать. Он нашел выход.

– Подождите секундочку! Марико-сан, пожалуйста, скажите Фудзико-сан следующее: «Я отдаю вам свои пистолеты. Вы должны охранять их. Никто, кроме меня, не должен прикасаться к ним».

Марико сделала, как он просил, и он услышал, как Фудзико ответила: «Хай».

– Вакаримас ка, Фудзико-сан? – спросил он ее.

– Вакаримас, Анджин-сан, – сказала она тонким прерывающимся голосом.

– Марико-сан, пожалуйста, скажите Оми-сану, теперь я пойду с ним. Пусть он извинит меня за это недоразумение. Я прошу прощения.

Блэксорн отступил назад, потом повернулся и передал Фудзико пистолеты. Пот бисером выступил у нее на лбу. Он обратился к Оми, радуясь, что все закончилось: – Теперь мы можем идти?

Оми что-то сказал Фудзико и протянул руку. Она покачала головой. Оми отдал короткий приказ и два самурая двинулись по направлению к ней. Она быстро засунула один пистолет за пояс, взяла другой обеими руками и направила его на Оми. Курок слегка отошел, и спусковой крючок пришел в движение.

– Угоки на! – сказала она. – Дозо!

Самураи послушались и остановились.

Оми заговорил быстро и рассерженно, она слушала и потом ответила мягко и вежливо, но не отводя пистолета от его лица. Спусковой крючок был спущен уже наполовину. Закончила она очень просто:

– Ие, гомен насаи, Оми-сан! – Нет, извините, Оми-сан.

Блэксорн ждал.

Самураи чуть приблизились к ней. Курок отошел уже на опасное расстояние, почти до верхней точки своей дуги. Но рука ее оставалась твердой.

– Огоку на! – приказала она.

Никто не сомневался, что она спустит курок. Даже Блэксорн. Оми что-то коротко сказал ей и своим людям. Они отошли, она опустила пистолет, но все еще держала его наготове.

– Что он сказал? – спросил Блэксорн.

– Только, что он сообщит об этом случае Ябу-сану.

– Хорошо, скажите ему, что я сделаю то же самое, – Блэксорн повернулся к ней: – Домо, Фудзико-сан. – Потом, вспомнив, как Торанага и Ябу разговаривали с женщинами, он повелительно буркнул Марико: – Пойдемте, Марико-сан... икамасо! – И он повернулся к воротам.

– Анджин-сан! – окликнула его Фудзико.

– Хай? – Блэксорн остановился. Фудзико поклонилась ему и быстро стала что-то

говорить Марико.

Глаза Марико расширились, потом она кивнула и ответила, поговорила с Оми, который также кивнул, явно взбешенный, но сдерживаясь.

– Что происходит?

– Минуту, Анджин-сан.

Фудзико что-то крикнула, ей ответили из дома. На веранду вышла служанка. В руках она несла два меча. Самурайских меча.

Фудзико с почтением взяла их в руки, с поклоном предложила их Блэксорну, что-то тихо сказала.

Марико перевела: – Ваша наложница справедливо указала, что хатамото, конечно, должен носить два самурайских меча. Более того, это его долг. Она считает, что вам не подобает приходить к господину Ябу без мечей – это будет невежливо. По нашим законам, носить мечи – это обязанность. Она спрашивает, не согласитесь ли вы пользоваться этими, недостойными вас, пока не купите себе свои собственные.

Блэксорн посмотрел на нее, на Фудзико, потом снова на нее:

– Вы хотите сказать, что я самурай? Что господин Торанага сделал меня самураем?

– Я не знаю, Анджин-сан. Но никогда не было хатамото, который не был бы самураем, – Марико повернулась и спросила Оми. Тот нетерпеливо покачал головой и что-то ответил. – Оми-сан такого не знает. Конечно, носить мечи – особая привилегия хатамото во всех случаях, даже в присутствии господина Торанага. Это его долг. Только хатамото имеет право требовать немедленной аудиенции с господином...

Блэксорн взял короткий меч и заткнул его за пояс, потом другой, длинный боевой меч, точно такой же, как у Оми. Вооружившись, он почувствовал себя лучше.

– Аригато годзиемасита, Фудзико-сан, – сказал он спокойно.

Та опустила глаза и тихонько ответила. Марико перевела:

– Фудзико-сан говорит: – Если разрешите, господин, поскольку вы должны быстро и хорошо выучить наш язык, она почтительно хочет указать, что «домо» более чем достаточно для мужчины. «Аригато», с добавлением или без добавления «годзиемасита» – излишняя вежливость, это выражение, которое употребляют только женщины.

– Хай. Домо. Вакаримас, Фудзико-сан, – Блэксорн впервые внимательно посмотрел на нее, как бы заново узнавая. Он увидел пот на лбу и блеск на руках. Узкие глаза, квадратное лицо и зубы, как у хорька. – Пожалуйста, скажите моей наложнице, что в данном случае я не считаю «аригато годзиемасита» ненужной вежливостью по отношению к ней.

* * *

Ябу еще раз взглянул на мечи. Блэксорн сидел перед ним на почетном месте, скрестив ноги на подушке, с одной стороны от него сидела Марико, сзади него стоял Игураши. Они находились в главной комнате крепости.

Оми кончил рассказывать.

Ябу пожал плечами:

– Ты вел себя неправильно, племянник. Это обязанность наложницы защищать Анджин-сана и его имущество. Конечно, он теперь имеет право носить мечи. Да, ты неправильно провел это дело. Я ясно дал понять, что Анджин-сан здесь мой почетный гость. Извинись перед ним.

Оми немедленно опустился перед Блэксорном на колени и поклонился:

– Извините меня за ошибку, Анджин-сан. – Он слышал, что у чужеземцев принято извиняться. Он поклонился еще раз и спокойно вернулся назад на свое место. Но внутри себя он не был спокоен. Теперь он был полностью поглощен идеей: убить Ябу.

Он решил сделать неслыханную вещь: убить своего сюзерена и главу своего клана. Но не потому, что он был вынужден публично извиниться перед чужеземцем. В этом Ябу был прав. Оми знал, что он был без необходимости ретив, хотя Ябу по глупости предложил ему

отобрать пистолеты сразу же в этот вечер. Он знал, что ими можно было пожертвовать и оставить пока в доме, чтобы затем украсть или позднее как-нибудь испортить.

И Анджин-сан был совершенно прав, отдав пистолеты своей наложнице, сказал он себе, так же как и она тоже была права, поступив таким образом. Она, конечно, спустила бы курок, ее цель была ясна. Не было секретом, что Усаги Фудзико ищет смерти. Оми также знал, что, несмотря на его решение убить Ябу, он пошел бы на смерть, и его люди отобрали бы у нее пистолеты. Он умер бы достойно, как положено встречать смерть, и мужчины и женщины рассказывали бы его трагическую историю следующим поколениям. Песни и стихи и даже пьеса Нох, все такое возвышенное, трагическое и смелое, о трех из них: преданной наложнице и преданном самурае, которые оба достойно умерли из-за жестокого чужеземца, который пришел из восточных морей.

Нет, решение Оми не имело ничего общего с этим публичным извинением, хотя и эта несправедливость добавилась к той ненависти, которая теперь мучила его. Главная причина была в том, что сегодня Ябу публично оскорбил мать и жену Оми перед крестьянами, продержав их в ожидании несколько часов на солнце, как простых крестьян, а потом отпустил, даже не выразив им никакого почтения.

– Это ничего не значит, мой сын, – сказала его мать, – это его право.

– Он наш сюзерен, – Мидори, его жена, говорила это со слезами стыда на щеках.

– И он не пригласил никого из вас приветствовать его и его офицеров в крепости, – продолжал Оми, – на угощении, которое вы устроили. Только еда и sake стояли одно коку!

– Это наша обязанность, сын мой. Наша обязанность делать все, что пожелает господин Ябу.

– И приказ, касающийся отца?

– Это не приказ пока еще. Это слух.

– В письме отец говорит, что он слышал, будто бы Ябу собирается приказать ему обрить голову и стать священником или совершить сеппуку. Жена Ябу тайком хвасталась этим!

– Это нашептал вашему отцу шпион. Нельзя так доверять шпионам. Извини, но твой отец не всегда мудр, мой сын.

– А что будет с вами, мама, если это окажется правдой?

– Все, что ни случится, это карма. Ты должен принимать ее.

– Нет, эти оскорбления невыносимы.

– Пожалуйста, мой сын, принимай их как есть.

– Я дал Ябу ключи от корабля, научил его, как вести себя с чужеземцами и как выбраться из ловушки Торанаги. Моя помощь значительно повысила его престиж. С этим символическим подарком меча он теперь второй в армиях востока после Торанаги. И что мы получили взамен? Одни грязные оскорбления.

– Принимай свою карму.

– Ты должен, мой муж, я прошу тебя, слушаться госпожу, твою мать.

– Я не смогу жить с этим позором. Я отомщу, а потом убью себя, и эти оскорбления будут смыты.

– Последний раз, мой сын, я прошу тебя, принимай свою карму.

– Моя карма – уничтожить Ябу.

Старая госпожа вздохнула:

– Очень хорошо. Ты мужчина. Ты имеешь право решать. Что будет, то будет. Но убить самого Ябу еще ничего не значит. Мы должны составить план. Его сын также должен быть убран, и еще Игураши. Особенно Игураши. Тогда твой отец будет главой клана, так как это его право.

– Как мы это сделаем, мама?

– Мы составим план, ты и я. И будем терпеливыми. Потом мы должны посоветоваться с твоим отцом. Мидори, ты тоже можешь дать совет, но постарайся не давать глупых, ладно?

– А как же господин Торанага? Он подарил Ябу свой меч.

– Я думаю, что Торанага хочет только, чтобы Идзу было сильным вассальным княжеством. Он больше не хочет искать союзников, как это делал Тайко. Ябу полагает, что он союзник, но, кажется, Торанага не любит союзников. Наш клан будет процветать как вассальный по отношению к Торанаге. Или как вассал Ишидо! Кто выберет, а? И как осуществить убийство?

Оми вспомнил, какая волна радости охватила его, когда было принято окончательное решение.

Он чувствовал ее и сейчас. Но на лице его ничего не отразилось, он смотрел, как служанки, тщательно подобранные в Мисиме для Ябу, разносили зеленый чай и вино. Оми посмотрел на Ябу и Анджин-сана, Марику и Игураши. Все ждали, когда заговорит Ябу.

Комната была большая, в ней было много воздуха, достаточно для того, чтобы здесь могло собираться за ужином с вином и беседой до тридцати человек офицеров. Было еще много комнат и кухонь для охраны и слуг, имелся и сад, окружающий дом, и хотя все было искусственное или временное, построено было прекрасно и к сроку и удобно для обороны. Расходы были сделаны из увеличившегося надела Оми и совсем его не беспокоили. Это был его долг.

Он выглянул через открытые седзи. На переднем дворе было много часовых. Конюшня. Крепость окружал ров. Частокол был устроен из гигантских стволов бамбука, плотно подогнанных друг к другу. Большие центральные столбы поддерживали черепичную крышу. Стены были сделаны из легких раздвигающихся перегородок – седзи, некоторые в виде ставень, большинство их покрыто, как обычно, промасленной бумагой. Добротные плахи для пола были сделаны из бревен, подобранных в зоне прибоя, пол был покрыт татами.

По распоряжению Ябу Оми объехал четыре деревни, собирая материал для строительства крепости и другого дома, а Игураши достал хорошие татами, футоны и прочие вещи, которые нельзя найти в деревне.

Оми был горд своей работой, на плато за холмом был готов полевой лагерь для трех тысяч самураев, которые охраняли дороги, ведущие в деревню и к берегу моря. Теперь деревня была надежно защищена со стороны суши. С моря всегда возможно было предупредить сюзерена о необходимости скрыться.

«Но я не сюзерен. Кому я буду служить теперь? – спрашивал себя Оми. – Икаве Джикиэ? Или непосредственно Торанаге? Даст ли мне Торанага в обмен то, что я хочу? Или Ишидо? До Ишидо так трудно добраться. Но теперь ему можно многое рассказать...»

Сегодня в полдень Ябу вызвал Игураши, Оми и четырех капитанов и начал осуществлять тайный план подготовки пяти сотен самураев, цель которого – научить их владеть огнестрельным оружием. Игураши был назначен командиром, Оми должен был командовать одной из сотен. Они обдумали, как включать людей Торанаги в свои отряды, когда те приедут, и как нейтрализовать этих чужаков, если они окажутся изменниками.

Оми предложил на другой стороне полуострова создать еще одно строго секретное соединение из трех отрядов по сто самураев в каждом, которые будут тайно готовиться в качестве резерва.

– Кто будет командовать людьми Торанаги? – спросил Игураши.

– Это не имеет значения, – сказал Ябу, – я назначу пять офицеров-адъютантов, которым будет приказано при необходимости перерезать ему глотку. Паролем для убийства этого командира и всех чужаков будет «Сливовое дерево». Завтра, Игураши-сан, вы подберете мне таких людей. Я утверждаю каждого лично, никто из них тем не менее не должен быть посвящен в мой план.

Теперь, когда Оми наблюдал за Ябу, он испытывал экстаз мести. Убить Ябу будет легко, но убийство должно быть хорошо рассчитанным. Только тогда его отец или его старший брат смогут установить контроль над кланом и Идзу. Ябу подошел к главному:

– Марику-сан, пожалуйста, скажите Анджин-сану, я хочу, чтобы завтра он начал учить моих людей стрелять из ружей, я хочу научиться вести бой, как они, чужеземцы.

– Но, простите, ружья будут доставлены только через шесть дней, Ябу-сан, – сказала

Марико.

– Для начала их достаточно и у моих людей, – ответил Ябу, – начинать надо завтра.

Марико поговорила с Блэксорном.

– Что он хочет знать о войне? – спросил тот.

– Он сказал: «Все».

– Что в особенности?

Марико спросила Ябу.

– Ябу-сан спрашивает, принимали ли вы участие в сражениях на суше?

– Да. В Нидерландах. Один раз во Франции.

– Ябу-сан говорит: «Превосходно». Он хочет знать стратегию боя у европейцев, как ведутся битвы в ваших странах. Детально.

Блэксорн на мгновение задумался. Потом он сказал: – Скажите Ябу-сану, я могу обучить любое количество его людей, мне понятно его желание. Он много узнал от монаха Доминго о том, как воюют японцы. Монах был сведущ и весьма озабочен. «В конце концов, сеньор, – сказал старик, – это важно знать, разве не так, как ведут войны язычники? Каждый отец должен защищать свою паству. И разве наши доблестные конкистадоры не авангард нашей матери-церкви? Я был с ними перед сражениями в Новом Свете и на Филиппинах. Я знаю войну, сеньор. Это был мой долг – Божья воля – изучать войну. Может быть. Бог послал вас ко мне, чтобы я научил вас, на случай, если я умру. Слушайте, моя паства здесь, в этой тюрьме, была моими учителями в японском военном деле. Поэтому теперь мне известно, как воюют их армии и как их можно победить. И как они могут победить нас. Помни, сеньор, я скажу тебе по секрету: никогда не соединяй японскую ярость с современным оружием и современными методами. Или на земле они погубят нас».

Блэксорн поручил себя Богу. И сказал: – Передайте господину Ябу, что я могу ему помочь. И господину Торанаге. Я могу сделать их армии непобедимыми.

– Господин Яоу говорит, что если ваша информация окажется полезной, он увеличит ваше жалованье, которое дал вам Торанага, с двухсот сорока коку до пятисот коку через месяц. Поблагодарите его.

– Спасибо. Но скажите, что я сделаю для него все это при следующих условиях: он должен отменить свой декрет об этой деревне, через пять месяцев вернуть обратно мой корабль и команду.

Марико сказала:

– Анджин-сан, вы не можете заключать с ним сделку, как торговец.

– Пусть сделает мне одолжение. Как почетному гостю и благодарному вассалу.

– Ябу-сан говорит, что деревня – это ерунда. Жителям деревни необходим огонь под задом, чтобы заставить их что-то делать. Они не стоят вашего беспокойства. Что касается корабля, то это на усмотрение господина Торанага. Он уверен, что вы скоро его получите обратно. Он просит меня передать ваше требование господину Торанаге сразу же, как я приеду в Эдо. Я это исполню, Анджин-сан.

– Пожалуйста, извинитесь перед господином Ябу, но я настаиваю на отмене этого декрета. Сегодня же вечером.

– Он же только что сказал нет, Анджин-сан. Это будет не очень красиво с вашей стороны.

– Да, я понимаю. Но, пожалуйста, скажите ему снова. Для меня это очень важно... я прошу.

– Он говорит: «Вы должны быть терпеливы. Жители деревни – это не ваша проблема».

Блэксорн кивнул: – Благодарю вас. Я понял. Пожалуйста, поблагодарите Ябу-сана и скажите ему, что я не могу жить с таким стыдом.

Марико побледнела:

– Что?

– Я не могу жить со спокойной совестью, зная, что деревню ждет такая участь. Я обещан. Это против моих христианских принципов. Я сейчас же совершу самоубийство.

– Самоубийство?

– Да. Я так решил.

Ябу прервал:

– Нан дза, Мариико-сан?

Запинаясь, она перевела все, что сказал Блэксорн. Ябу спрашивал еще, она отвечала. Потом Ябу сказал: – Если бы не ваша реакция, это могло бы быть шуткой, Мариико-сан. Почему вы так озабочены? Почему вы думаете, что он способен совершить это?

– Я не знаю, господин Ябу. Он кажется... Я не знаю... – Ее голос замер.

– Что вы скажете, Оми-сан?

– Самоубийство противно христианскому учению, господин. Они никогда не кончают самоубийством, как мы. Как делают самураи.

– Мариико-сан. Вы ведь христианка. Это правда?

– Да, господин. Самоубийство – смертельный грех.

– Игураши-сан? Что вы думаете?

– Это блеф. Он не христианин. Помните первый день, господин? Помните, что он сделал со священником? И что он позволил сделать с ним Оми-сану, чтобы спасти мальчика?

Ябу улыбнулся, припомнив тот день и вечер, который за ним последовал:

– Да, согласен. Он не христианин, Мариико-сан.

– Но извините, я не понимаю, господин. Что за история со священником?

Ябу рассказал ей, что случилось в первый день между священником и Блэксорном.

– Он оскорбил крест? – спросила она, явно пораженная.

– И бросил его обломки в пыль, – добавил Игураши. – Это все блеф. Если эта история с деревней так опозорила его, как он может оставаться здесь после того, как его обесчестил Оми, помочившись на него?

– Что? Извините меня, господин, – сказала Мариико, – но я снова ничего не понимаю.

Ябу сказал Оми:

– Расскажи, что произошло.

Оми так и сделал. Она была в шоке от этой истории, но ничем не показала этого.

– После этого Анджин-сан был полностью усмирён, Мариико-сан, – закончил Оми, – без оружия он всегда смирный.

Ябу отпил саке: – Скажите ему следующее, Мариико-сан: само убийство – не в обычае чужеземцев. Это против его христианского Бога. Так как же он может покончить с собой?

Мариико перевела. Ябу внимательно следил за тем, что отвечал Блэксорн.

– Анджин-сан с великим смирением извиняется, но он говорит, обычай или нет, но этот позор слишком велик, чтобы его вынести. Он говорит, что... что он в Японии, он хатамото и имеет право жить согласно нашим законам, – ее руки дрожали. – Вот что он сказал, Ябу-сан. Он имеет право жить по нашим законам.

– Чужеземцы не имеют прав.

Она ответила:

– Господин Торанага назначил его хатамото. Это дает ему право, да?

Бриз тронул седзи, они зашуршали.

– Как он может совершить самоубийство? А? Спросите его.

Блэксорн вынул короткий, острый, как игла, меч и аккуратно установил его на татами, направив на себя.

Игураши сказал спокойно: – Это блеф! Кто слышал, чтобы варвар поступил, как цивилизованный человек?

Ябу нахмурился, от возбуждения у него замедлился ритм сердцебиений: – Он смелый человек, Игураши-сан. В этом нет сомнения. И странный. Но это? – Ябу хотел посмотреть на сам акт, стать свидетелем проявления характера чужеземца, посмотреть, как он пойдет на смерть, пережить с ним экстаз ухода. Усилием воли он остановил нахлынувшее чувство собственного удовольствия. – А вы что посоветуете, Оми-сан? – спросил он хрипло.

– Вы сказали в деревне, господин: «Если Анджин-сан не научится удовлетворительно».

Я советую вам сделать небольшую уступку. Сказать ему, что все, чему он научится в течение пяти месяцев, будет удовлетворительно, но он должен в свою очередь поклясться своим Богом, что никогда не расскажет об этом в деревне.

– Но он не христианин. Как эта клятва может связать его каким-то обязательством?

– Я считаю, что он своего рода христианин. Он против Черных Мантий, и вот это важно. И пусть он поклянется именем своего Бога, что он приложит все свои умственные усилия к учению. Поскольку он очень умен, он за пять месяцев сделает большие успехи. Таким образом, ваша честь будет спасена, его – существует она или нет – тоже спасена. Вы ничего не потеряете, а только выиграете. Очень важно, что он по своей собственной свободной воле станет вашим союзником.

– Вы считаете, что он убьет себя?

– Да.

– А вы, Мариико-сан?

– Я не знаю, Ябу-сан. Извините, я ничего не могу посоветовать вам. Несколько часов назад я бы сказала нет, он не совершит самоубийства. Теперь я не знаю. Он... с тех пор, как сегодня вечером за ним пришел Оми-сан, он стал... другой.

– А как думаете вы, Игураши-сан?

– Если вы уступите ему сейчас, а он наверняка блефует, он будет использовать этот же самый трюк каждый раз. Он хитер, как лисица-ками. Все равно в один прекрасный день вам придется сказать «нет», господин. Я бы советовал вам сказать это сейчас. По-моему, он вас надувает.

Оми покачал головой: – Господин, пожалуйста, извините меня, но я должен повторить, вы очень рискуете. Если это блеф – а это вполне может быть – этот гордый человек исполнится ненависти при всей своей внешней покорности и не станет помогать вам. Он требовал чего-то как хатамото, титул которого ему присвоен, он говорит, что он хочет жить согласно нашим обычаям по своей собственной воле. Разве это не огромный шаг вперед, господин? Я советую проявить осторожность. Используйте его к вашей выгоде.

– Я так и хочу, – хрипло сказал Ябу.

Игураши произнес: – Да, он необходим нам, мы не обойдемся без его знаний. Но его поведение должно быть контролируемым – вы это много раз говорили, Оми-сан. Он варвар. Этим все сказано. Да, я знаю, что он теперь хатамото и с сегодняшнего дня может носить два меча. Но это не делает его самураем. Он не самурай и никогда им не станет.

Мариико знала, что она одна могла бы понять Анджин-сана лучше всех. Но он был непредсказуем. Его поведение не поддавалось логике и ставило ее в тупик.

Зеленые глаза Блэксорна глядели куда-то вдаль. На лбу блестели капельки пота. «Неужели это от страха? – подумал Ябу, – страх, что его игра будет разгадана? Неужели он блефует?»

– Мариико-сан?

– Да, господин?

– Скажите ему... – горло Ябу внезапно пересохло, грудь заболела, – скажите Анджин-сану, что приговор деревне остается.

– Господин, извините меня, пожалуйста, но я бы убедительно просила вас послушаться совета Оми-сана.

Ябу не глядел на нее, он видел только Блэксорна. Жилка на его лбу запульсировала. «Анджин-сан настаивает на своем. Ну и пусть. Давайте посмотрим: варвар он или хатамото».

Голос Мариико был еле слышен: – Анджин-сан, Ябу-сан говорит, что приговор деревне остается в силе.

Блэксорн слышал слова, но они не трогали его. Он чувствовал себя спокойным и уверенным. Жизнь переполняла его. Он ждал их решения. Остальное он предоставил Богу. Он был погружен в свои мысли, в его голове звучали слова Мариико:

«Есть легкое решение – умереть. Выжить здесь вы можете, живя согласно нашим порядкам...» ... Приговор деревне остается в силе.

«И вот теперь я должен умереть.
Мне следует бояться. Но я не боюсь.
Почему?

Я не знаю. Мне известно только, что с того момента, как я действительно решил, что единственный способ жить здесь по-человечески — это поступать согласно их обычаям, рисковать жизнью, может быть, умирать — страх смерти пропал. «Жизнь и смерть — одно и то же...» Оставить карму карме. Я не боюсь умереть.»

За сядзи начал капать легкий дождь. Он опустил взгляд на нож.

«Я прожил хорошую жизнь», — подумал он.

Глаза Блэксорна вернулись к Ябу. — Вакаримас, — сказал он очень отчетливо, и хотя это слово произнесли его губы, казалось, что говорил кто-то еще.

Никто не двинулся с места.

Он видел как бы со стороны, как его правая рука подняла нож. Потом его левая рука также обхватила рукоятку, лезвие стояло твердо и было нацелено в сердце. Теперь слышался только звук его уходящей жизни, он становился все громче и громче, пока он не смог больше слушать. Его душа требовала вечной тишины.

Крик привел в действие все рефлексy. Его руки безошибочно направили нож в цель.

Оми был готов остановить его, но он не ждал такого внезапного и яростного рывка Блэксорна. Оми двумя руками схватился за нож Блэксорна, его пронзила боль, и из левой руки закапала кровь. Он со всей силой хотел помешать кормчему сделать последнее усилие. И тут ему помог Игураши. Вместе они остановили удар. Нож отвели. Тонкая струйка крови бежала по коже Блэксорна в том месте, куда вошел кончик ножа.

Марико и Ябу не двигались.

Ябу сказал: — Скажите ему, что деревня вне опасности, Марико-сан. Прикажите ему — нет, просите его поклясться именем своего Бога, как сказал Оми-сан.

* * *

Блэксорн медленно приходил в себя. Он смотрел на них непонимающим взглядом. Потом стремительный поток жизни вновь обрушился на него, но он все еще думал, что он мертвый, а не живой.

— Анджин-сан? Анджин-сан?

Он увидел, как двигаются ее губы, и услышал ее слова, но все его чувства были сконцентрированы на дожде и ветре.

— Да? — он почти не слышал собственный голос, но чувствовал запах дождя, слышал стук капель и ощущал вкус морской соли в воздухе.

— Я жив, — сказал он себе удивленно. — Я жив, и это настоящий дождь на улице и ветер настоящий, с севера. Вот жаровня с углями, и если я подниму чашку, в ней будет жидкость и она будет иметь вкус sake. Я не умер. Я жив!

Остальные сидели молча и терпеливо ждали, отдавая должное его мужеству. Ни один человек в Японии никогда не видел ничего подобного. Все безмолвно спрашивали себя, что же теперь собирается делать кормчий. Сможет ли он сам встать и уйти? Как бы я вел себя на его месте?

Служанка принесла бинты и перевязала Оми руку, глубоко разрезанную лезвием, остановив кровотечение. Все было очень чинно. Время от времени Блэксорн слышал, как Марико спокойно произносила его имя, пока сами они потягивали чай или sake, смакуя и наслаждаясь их вкусом.

Для Блэксорна это состояние вне жизни, казалось, продлится вечно. Но потом его глаза стали видеть. И уши слышать.

— Анджин-сан?

— Хай? — ответил он, преодолевая величайшую усталость, которую когда-либо испытывал.

Марико повторила то, что сказал Оми, как будто это исходило от Ябу. Она должна была повторить это несколько раз, прежде чем удостоверилась, что он все понял.

Блэксорн собрал остатки своих сил, победа расслабила его.

– Моего слова достаточно, так же как для меня достаточно его. Тем не менее я поклянусь именем Бога, как он хочет. Как только Ябу-сан поклянется своим богом, чтобы в равной степени подкрепить договор со своей стороны.

– Господин Ябу клянется Буддой.

Блэксорн произнес слова клятвы, как этого хотел от него Ябу. Он выпил немного зеленого чая. Никогда он не казался ему таким вкусным. Чашка оказалась очень тяжелой, и он не смог долго держать ее в руках.

– Прекрасно, когда идет дождь, правда? – спросил он, следя за исчезающими капельками дождя, удивленный ясностью своего видения.

– Да, – сказала она мягко, зная, что его чувства были на такой высоте, какой никогда не достигает тот, кто не был на грани жизни и смерти и, благодаря неведомой карме, снова чудесным образом вернулся к жизни.

– Почему бы вам теперь не отдохнуть, Анджин-сан? Господин Ябу благодарит вас и говорит, что разговор продолжится завтра. Сейчас вам следует отдохнуть.

– Да. Спасибо, это было бы прекрасно.

– Вы можете встать?

– Думаю, что смогу.

– Ябу-сан спрашивает, не нужен ли вам паланкин?

Блэксорн подумал об этом. Наконец он решил, что самурай должен ходить пешком.

– Нет, спасибо, – сказал он, хотя ему так хотелось лечь, закрыть глаза и сразу же уснуть. В то же время он знал, что стоит ему только уснуть, как кошмар вернется, ему снова придется пережить эту сцену.

Он медленно поднял нож и стал внимательно рассматривать его. Потом он засунул его в ножны, потратив на это немало усилий.

– Простите, что я так медлителен, – пробормотал он.

– Не извиняйтесь, Анджин-сан. Сегодня вечером вы родились заново. Мы знаем, это требует большой силы духа. Большинство людей после этого не имеют сил даже на то, чтобы встать. Можно, я вам помогу?

– Нет, нет, благодарю вас.

– В этом нет никакого стыда. Я бы сочла за честь помочь вам.

– Спасибо. Но я хочу попробовать сам.

Но он не смог встать сразу. Ему пришлось опереться руками, чтобы встать на колени и потом подождать, пока придут силы. Наконец он встал на ноги. Все поклонились ему.

Блэксорн пошел, шатаясь как пьяный, ему удалось сделать несколько шагов. Он схватился за столб и мгновение держался за него. Его качало, но он шел сам, без посторонней помощи. Как мужчина. Одну руку он держал на рукоятке большого меча, голова его была высоко поднята.

* * *

Ябу сделал большой глоток саке. Когда он смог говорить, то сказал Марико:

– Пожалуйста, проводите его. Проследите, чтобы он благополучно добрался домой.

– Да, господин.

Когда она ушла, Ябу повернулся к Игураши: – Ты глупая кучка дерьма!

Игураши тут же в раскаянии склонил голову до самой циновки.

– Блеф, ты говоришь? Твоя глупость стоила бы мне очень дорого.

– Да, господин, вы правы. Я прошу немедленной отставки до конца моих дней.

– Это будет слишком хорошо для тебя! Ступай и живи в конюшнях, пока я тебя не позову! Спи вместе с глупыми лошадьми! Ты лошадиноголовый глупец!

– Слушаюсь, господин.

– Убирайся! Оми-сан будет теперь командовать ружейным полком. Пошел вон!

Свечи мерцали и трещали. Одна из служанок пролила немного sake на маленький лакированный столик перед Ябу, и он долго ее ругал. Затем выпил еще вина. – Блеф? Блеф, – сказал он. – Глупец! Почему вокруг меня одни глупцы?

Оми ничего не сказал, в глубине души хохоча до слез.

– Но только не ты, Оми-сан. Твои советы очень хороши. С сегодняшнего дня твой надел будет удвоен. Шесть тысяч коку. На следующий год тридцать ри вокруг Анджино присоединишь к своему наделу. Оми поклонился до футона. «Ябу заслуживает смерти, – подумал он презрительно, – им так легко манипулировать».

– Я ничего не заслужил, господин, я только выполнил свой долг.

– Да, но сюзерен должен вознаграждать за верность и выполнение долга, – Ябу носил сегодня меч Ёситомо. Ему доставляло огромное удовольствие дотрагиваться до него. – Сузу, – позвал он одну из служанок, – пришли сюда Зукимото!

– Как скоро начнется война? – спросил Оми.

– В этом году. Может быть, у нас есть шесть месяцев, а может быть уже нет. А что?

– Возможно, госпоже Марико следует остаться здесь больше чем на три дня. Чтобы помочь вам.

– Зачем?

– Ее устами говорит Анджин-сан. За полмесяца с ее помощью он сможет подготовить двадцать человек, которые обучат сотню, а те остальных. Тогда будет неважно, будет ли он жить или умрет.

– Почему?

– Вы собираетесь снова дразнить Анджин-сана, как только представится такой случай. В следующий раз результат может быть другим, кто знает. Вы можете захотеть его смерти, – оба знали также, как и Марико с Игураши, что для Ябу клятва любыми богами не имеет никакого значения и, конечно, он не имел намерения держать свое обещание, – вам может потребоваться оказать на него давление. Когда вы получите информацию, что вам толку в том, кто ее представил?

– Никакого.

– Вам нужно освоить стратегию ведения военных действий чужеземцами, но вы должны сделать это очень быстро. Господин Торанага может прислать за кормчим, поэтому нужно как можно дольше держать здесь и эту женщину. Полмесяца хватит для того, чтобы выпотрошить из него все его знания.

– А Торанага-сан?

– Он согласится, если это ему правильно преподнести, господин. Оружие принадлежит вам обоим. И ее постоянное присутствие здесь важно также и с других точек зрения.

– Да, – сказал Ябу с удовлетворением, мысль о том, чтобы задержать ее здесь как заложницу, пришла ему в голову еще на корабле, когда он планировал выдать Торанагу Ишиде. – Тогда Марико, конечно, будет под защитой. Очень плохо, если она попадет в чьи-то злые руки.

– Да. И, вероятно, ее можно использовать для давления на Хиро-Мацу, Бунтаро и весь их клан, даже на Торанагу.

– Вы набросайте письмо о ней.

Оми сказал, решившись на это по первому наитию:

– Моя мать получила сегодня известие из Эдо, господин. Она просила меня сказать вам, что госпожа Дзендзико подарила Торанаге его первого внука.

Ябу сразу же стал очень внимателен. Внук у Торанаги! Внук обеспечивает Торанаге установление его династии. Мне необходимо получить мальчишку в заложники?

– А что с госпожой Ошибой? – спросил он.

– Она выехала из Эдо три дня назад. Сейчас она уже в безопасности во владениях господина Ишидо.

Ябу размышлял об Ошибе и ее сестре Дзендзико. Они такие разные! Ошибка, такая живая, красивая, остроумная, безжалостная, самая желанная женщина в империи и мать наследника. Дзендзико, ее младшая сестра, спокойная, задумчивая, плосколицая и некрасивая, и с той же безжалостностью, которая уже стала легендой. Она унаследовала ее от матери, одной из сестер Городы. Сестры любили друг друга, но Ошибка терпеть не могла Торанагу и его семью, тогда как Дзендзико ненавидела Тайко и Яэмона, его сына. «Действительно ли Тайко отец сына Ошибы? – спросил себя Ябу. Этот вопрос втайне задавали себе все дайме в эти годы. – Чего бы я ни отдал, чтобы обладать этой женщиной».

– Теперь госпожа Ошибка больше не заложница в Эдо. Это имеет свои хорошую и плохую стороны, – сказал Ябу осторожно. – Правда?

– Хорошую, только хорошую. Теперь Ишидо и Торанага очень скоро начнут войну, – Оми умышленно опустил «сама» в этих именах. – Госпожа Марико должна оставаться здесь для вашей защиты.

– Посмотрим. Составь письмо для Торанаги. Сузу, служанка, осторожно постучала и открыла дверь. Зукимото вошел в комнату.

– Где все те подарки, которые я приказал доставить из Мисимы для Оми-сана?

– Они все на складе, господин. Вот список. На конюшне можно выбрать двух лошадей. Хотите, чтобы я сделал это прямо сейчас?

– Нет, Оми-сан выберет их завтра, – Ябу глянул на тщательно составленный список: двадцать кимоно (второго сорта), два меча, комплект доспехов (после ремонта, но в хорошем состоянии), две лошади, вооружение для сотни самураев – один меч, шлем, нагрудник, лук, двадцать стрел, одно копьё на каждого (высшего качества). Общая цена – четыреста двадцать шесть коку. Кроме того, камень под названием «Ожидающий варвар».

– Ах, да, – сказал он, приходя в хорошее настроение при воспоминаниях об этой ночи. – Камень, который я нашел в Кюсю. Ты хочешь дать ему другое название. «Ожидающему варвару», да?

– Да, господин, если это еще интересует вас, – сказал Оми. – Но не окажете ли вы мне завтра честь, выбрав место для него в саду? Я не нашел там достаточно хорошего места.

– Я решу это завтра, – Ябу отдыхал, вспоминая историю этого камня, и те давние дни, знаменитого властелина, Тайко, и последнюю Ночь Стонов. Им овладела меланхолия. «Жизнь так коротка, печальна и жестока», – подумал он и посмотрел на Сузу. Служанка нерешительно улыбнулась в ответ. Она была красавица с овальным лицом, очень деликатная, как и две другие. Их троих принесли в паланкине из его дома в Мисиме. Сегодня вечером они все были босиком, их кимоно были из лучшего шелка, кожа очень белая. «Интересно, – подумал он, – что мальчики могут быть так грациозны, во многих отношениях более женственны, более чувственны, чем девушки». Потом он заметил Зукимото: – Чего ты ждешь? Убирайся!

– Да, господин. Вы просили напомнить о налогах, – Зукимото поднял свое потеющее туловище и с радостью поспешил уйти.

– Оми-сан, удвойте все налоги, – сказал Ябу.

– Будет исполнено, господин.

– Грязные крестьяне! Они совсем не хотят работать. Все они лентяи. Я защищаю их от бандитов, которые рыщут по дорогам, от морских пиратов, обеспечиваю им хорошее правление, а что делают они? Они все дни проводят за тем, что пьют зеленый чай, саке и едят рис. Моим крестьянам пора жить самостоятельно!

– Да, господин, – сказал Оми.

После этого Ябу опять вернулся к теме, которая так интересовала его:

– Анджин-сан удивил меня сегодня вечером. А тебя?

– О, да, удивил, господин. Более чем вас. Но вы поступили очень мудро, заставив его покончить с собой.

– Вы думаете, Игураши был прав?

– Я только восхищаюсь вашей мудростью, господин. Вам следует иногда говорить ему

«нет». Я думаю, вы правильно сделали, сказав это сегодня вечером.

– Я был уверен, что он убьет себя. Рад, что вы были наготове. Я надеялся на вашу предусмотрительность. Анджин необычайный человек для чужеземца, да? Жаль, что он иностранец и такой наивный.

– Да.

Ябу зевнул. Он принял у Сузу чашку с саке. – Полмесяца, ты говоришь? Марико-сан следовало бы остаться здесь хотя бы на это время, Оми-сан. Тогда я решу, как поступить с ними. Ему скоро надо будет дать еще один урок. – Он засмеялся, показывая свои плохие зубы. – Если Анджин-сан учит нас, и нам следовало бы поучить его, не так ли? Ему надо научиться, как правильно совершать сеппуку. На это стоит посмотреть! Я думаю, что дни чужеземца сочтены.

Глава Тридцать Вторая

Двенадцать дней спустя, после полудня, из Осаки прибыл курьер. С ним было десять самураев. Лошади их были взмылены и еле дышали. На флагах, прикрепленных к пикам, был знак всемогущего Совета регентов. Было жарко, облачно и влажно.

Курьером был худой, сильный самурай высшего ранга, один из главных военачальников Ишидо. Его имя было Небару Дзозен, он был известен своей жестокостью. Серое форменное кимоно Небару было изорвано и грязно, глаза красны от усталости. Он не стал ни есть, ни пить и грубо потребовал немедленной встречи с Ябу.

– Извините за вторжение, Ябу-сан, но мое дело очень срочное, – сказал он. – Я прошу у вас прощения. Мой господин интересуется, во-первых, почему вы обучаете солдат Торанаги вместе со своими и, во-вторых, почему они упражняются с таким количеством оружия?

Ябу покраснел, но сдержался, зная, что Дзозен имеет особые инструкции и что такой недостаток манер говорит о шатком положении власти. К тому же он был очень расстроен еще одной утечкой своих секретных сведений.

– Мы вас приветствуем, Дзозен-сан. Вы можете заверить своего хозяина, что я всегда всем сердцем стою на страже его интересов, – сказал он с вежливостью, которая не обманула никого из присутствующих.

Они разговаривали на веранде крепости. Оми сидел сразу же за спиной Ябу, Игураши, которого несколько дней назад простили, расположился ближе к Дзозену, а тот окружил себя самыми надежными часовыми.

– Что еще говорит ваш господин?

Дзозен ответил: – Мой господин очень будет рад тому, что ваши интересы – это его интересы. Теперь о ружьях и обучении солдат: он хотел бы знать, почему сын Торанаги Нага стал вторым командиром. Почему так важно, чтобы здесь был сын Торанаги, со всей вежливостью спрашивает господин генерал Ишидо. Его интересуют все его союзники. Почему, например, чужеземец, видимо, отвечает за подготовку? Подготовку к чему? Да, Ябу-сама, все это очень интересно, – Дзозен более удобно расположил свои мечи, радуясь, что со спины он защищен своими людьми. – Далее: Совет регентов снова встречается в первый день нового месяца. Через двадцать дней. Вы официально приглашаетесь в Осаку подтвердить вашу клятву в верности.

Желудок Ябу опустился:

– Я так понял, что Торанага-сама отказался от должности регента?

– Да, Ябу-сан, он действительно подал в отставку. Но его место занял господин Ито Терузуми. Мой господин будет новым президентом Совета регентов.

Ябу был охвачен паникой. Торанага сказал, что четверо регентов никогда не сговорятся о пятом регенте. Ито Терузуми был мелкий дайме провинции Негато на западе Хонсю, но его семья была древней, их род шел от династии Фудзимото, так что он вполне был приемлем как регент, хотя это был слабый, изнеженный человек, не имеющий своего мнения. – Я буду польщен, получив такое приглашение, – сказал Ябу, пытаясь выиграть время, чтобы все

обдумать.

– Мой господин считает, что вы захотите выехать сразу. Тогда вы попадете в Осаку на официальное собрание. Он приказал мне сообщить вам, что все дайте получили такое же приглашение. Так что все имеют возможность прибыть в нужное время, через двадцать один день. Церемония Созерцания Цветка будет открыта самим Его Императорским Величеством, императором Го-Нидзи, оказавшим честь такому событию, – Дзозен протянул официальный свиток.

– Он с печатью Совета регентов.

– Мой господин послал это приглашение сейчас, зная, что как верный вассал покойного Тайко, как верный вассал Яэмона, его сына и наследника и законного правителя империи после достижения совершеннолетия, вы поймете, что новый Совет, конечно, одобрит его поступок.

– Конечно, будет очень почетно присутствовать на официальном собрании, – Ябу старался контролировать выражение своего лица.

– Хорошо, – сказал Дзозен. Он вытащил другой свиток, развернул его и поднял вверх. – Это копия письма о назначении господина Ито, подписанная и утвержденная другими регентами, господами Ишидо, Кийяма, Оноши и господином Судзияма, – Дзозен не старался скрыть торжествующий взгляд, зная, что это полностью закрывает ловушку для Торанаги и всех его союзников и в равной степени делает неуязвимыми его и его людей.

Ябу взял свиток. Его пальцы дрожали. Сомнений в его подлинности не было. Он был завизирован госпожой Ёдоко, женой Тайко, которая подтверждала, что документ верен и составлен в ее присутствии, что это одна из шести копий, которые были разосланы по империи, и что именно эта копия составлена для властелинов Микава, Ивари, Тотоми, Сугура, Идзу и Кванто. Она была датирована одиннадцатью днями назад.

– Властелины Ивари, Микава, Суруга и Тотоми уже оповещены. Вот их печати. Вы не последний, но один из моего списка. Последний господин Торанага.

– Пожалуйста, поблагодарите вашего господина и скажите ему, что я с нетерпением жду встречи с ним и поздравляю его, – сказал Ябу.

– Хорошо. Я потребую подтверждения этого в письменном виде. Давайте не будем откладывать.

– Уже вечерет, Дзозен-сан. После ужина.

– Очень хорошо. А сейчас мы можем пойти и посмотреть на занятия.

– Сегодня их нет. Все мои люди на форсированном марше, – сказал Ябу. В тот момент, когда Дзозен прибыл в Идзу, весть об этом тут же дошла до Ябу, который сразу же приказал всем прекратить стрельбы и продолжать только те виды военной подготовки, которые можно проводить бесшумно и то на большом расстоянии от Анджино. – Завтра вы можете пойти со мной, если хотите.

Дзозен посмотрел на небо. Был уже конец дня.

– Хорошо, я могу немного поспать. Но я вернусь к ночи, с вашего разрешения. Тогда вы и ваш командир, Оми-сан, и второй командир, Нага-сан, расскажут мне, чтобы и мой господин был в курсе о подготовке воинов, оружии и всем остальном. И какая роль в этом отведена чужеземцу.

– Да, конечно, – Ябу сделал знак Игураши, – распорядитесь о помещении для дорогого гостя и его людей.

– Спасибо, но в этом нет необходимости, – сразу же сказал Дзозен. – Для самурая достаточно футона на земле, хватит и седельного потника. Только ванну, если вы не против... Я поставлю лагерь на гребне горы, если вы не возражаете, конечно.

– Как вам будет угодно.

Дзозен чопорно поклонился и ушел, окруженный своими людьми. Все они были вооружены до зубов. Два лучника оставались с лошадьми.

Как только они все ушли, лицо Ябу исказилось от ярости:

– Кто меня предал? Кто? Где шпион?

Мертвенно побледнев, Игураши махнул рукой охране, чтобы она отошла и не подслушивала. – Утечка информации, господин, – сказал он, – должно быть из Эдо. Здесь секретность абсолютная.

– Ох! – сказал Ябу, чуть не порвав на себе кимоно, – я предан. Мы окружены. Идзу и Кванто тоже. Ишидо победил. Он выиграл.

Оми быстро сказал:

– Не за двадцать дней, господин. Пошлите сразу же письмо господину Торанаге. Сообщите ему, что...

– Глупец! – прошипел Ябу, – Торанага, конечно, уже знает, там, где у меня один шпион, у него пятьдесят. Он бросил меня в ловушке.

– Я так не думаю, господин, – бесстрашно сказал Оми, – Ивари, Микава, Тотоми и Сугура его враги, не правда ли? И все, кто в союзе с ними. Они никогда не предупредят его, так что, может быть, он еще не знает. Сообщите ему и предложите...

– Ты разве не слышал? – закричал Ябу. – Все четыре регента согласны с назначением Ито, Совет теперь снова имеет силу закона, и он собирается через двадцать дней!

– Ответ на это очень прост, господин Ябу-сан. Предложите Торанаге, чтобы он сразу же организовал убийство Ито Терузуми или кого-то из остальных регентов.

Рот Ябу раскрылся в удивлении: «Что?»

– Если вы не хотите сделать этого, пошлите меня, дайте мне попытаться. Или Игураши-сана. Если господин Ито будет мертв, Ишидо снова придется начинать сначала.

– Не знаю, сошел ты с ума или еще что, – сказал Ябу беспомощно. – Ты понимаешь, что ты только что сказал?

– Господин, прошу вас, будьте терпеливы со мной. Анджин-сан передает нам бесценные сведения, не так ли? Гораздо более того, о чем мы только могли мечтать. Теперь и Торанага знает то же самое благодаря нашим рапортам и, видимо, тайным отчетам Наги. Если мы сможем выиграть достаточно времени, наши пятьсот и еще три сотни ружей дадут нам абсолютный перевес в битве, но только в одной. Когда враги, кто бы они ни были, увидят, как можно использовать людей и огневую мощь, они быстро обучатся этому. Но они проиграют первую битву. Одна битва, – если это нужная битва, – даст Торанаге окончательную победу.

– Ишидо не нужна никакая битва. Через двадцать дней у него будет мандат императора.

– Ишидо сын крестьянина. Он не воин, а обманщик и бросает своих товарищей в бою.

Ябу внимательно посмотрел на Оми, его лицо покрылось пятнами: – Ты понимаешь, что говоришь?

– Так он поступал в Корее. Я там был. Я видел это, и мой отец видел это. Ишидо бросил Бунтаро-сана, и мы должны были сами пробиваться к своим. Он просто вероломный крестьянин – собака Тайко на самом деле. Мы не можем доверять крестьянам. Но Торанага – он из рода Миновары. Ему можно доверять. Я бы советовал вам считаться только с интересами Торанаги.

Ябу недоверчиво покачал головой: – Ты глухой? Ты не слышал, что сказал Небару Дзозен? Ишидо победил. У Совета будет власть через двадцать дней.

– Может быть, он и будет иметь власть.

– Даже если убьют Ито? Это невозможно.

– Конечно, я мог бы попытаться, но я не успеваю по времени. Никто из нас не сможет, во всяком случае не за двадцать дней. Но Торанага смог бы, – Оми знал, что сует голову в пасть дракона, – я прошу вас учесть это.

Ябу вытер лицо руками, он весь был мокрый. – После этих вызовов, если Совет соберется, а меня там не будет, я и весь мой клан погибнем, включая и тебя. Мне нужно два месяца по крайней мере, чтобы подготовить полк. Даже если бы мы их уже подготовили, Торанага и я никогда бы не смогли выиграть войну против всех остальных. Нет, ты не прав, я должен поддержать Ишидо.

Оми сказал: – Вы не должны выезжать в Осаку в течение десяти дней, даже

четырнадцати, если потом двинетесь форсированным маршем. Сразу же известите Торанагу об Небару Дзозене. Вы спасете Идзу и дом Касиги. Я прошу вас. Ишидо выдаст вас и уничтожит. Икава Джикья – ваш родственник, да?

– А как быть с Дзозеном? – воскликнул Игураши. – И с ружьями? Большая стратегия? Он хочет узнать об этом всем сегодня вечером.

– Расскажите ему. С подробностями. Он только слуга, – сказал Оми, начиная командовать им. Он знал, что всем рискует, но он должен был попытаться защитить Ябу от союза с Ишидо и поражения любыми способами, какие у него были. – Откройте ему все свои планы.

Игураши яростно запротестовал: – В тот момент, когда Дзозен узнает, чем мы занимаемся, он пошлет письмо господину Ишидо; очень важно, чтобы этого не было. Ишидо выкрадет у нас все планы и тогда с нами будет кончено.

– Мы выследим посланца и убьем его, когда нам это будет нужно.

Ябу вспыхнул: – Это письмо было подписано самой высокой властью нашей страны! Ты должен сойти с ума, чтобы предлагать мне такое! Это поставит меня вне закона!

Оми покачал головой, сохраняя уверенность на лице: – Я считаю, Ёдоко-сама и другие обмануты, как обмануто его императорское высочество, предателем Ишидо. Мы должны защищать ружья, господин. Мы должны остановить любого посланца...

– Молчать! Ты сошел с ума!

Оми поклонился, выслушивая этот выговор. Но потом он поднял глаза и сказал спокойно: – Тогда, пожалуйста, разрешите мне совершить сеппуку, господин. Но прежде позвольте мне закончить. Я нарушу свой долг, если не попытаюсь защитить вас. Я прошу об этом последнем одолжении как преданный вассал.

– Кончай!

– Сейчас не работает Совет регентов, так что сейчас нет и официальной защиты для этого оскорбляющего, плохо воспитанного Дзозена и его людей, если вы не считаетесь с этим незаконным документом, составленным благодаря, – Оми собирался сказать «слабости», но заменил слово и продолжал говорить спокойным повелительным тоном, – благодаря обману, господин. Совета нет. Они не могут приказывать вам или кому бы то ни было что-то делать. С того момента, когда он соберется, да, они могут, и тогда вы должны повиноваться. Но сейчас, кто будет подчиняться до того, как будут изданы официальные указы? Только союзники Ишидо, ведь так? Разве не Ивари, Микава, Тотоми и Сугура командуют своими родственниками и открыто сотрудничают с ним? Этот документ однозначно говорит о войне, но я прошу вас вести ее на своих условиях, а не на условиях Ишидо. Он заслуживает только презрения! Торанагу никогда не побеждали в сражениях, а Ишидо побеждали. Торанага избежал участия в этих самоубийственных наступлениях в Корею. Ишидо нет. Торанага проявляет интерес к кораблям и торговле. Ишидо нет. Торанага хочет иметь военно-морской флот, как у варваров, – разве вы не помогаете ему в этом? Ишидо нет. Ишидо изолирует империю от внешнего мира. Торанага будет держать ее открытой. Ишидо отдаст Икаве Джикья ваш наследственный надел Идзу, если победит. Торанага отдаст вам всю провинцию Джикья. Вы главный союзник Торанаги. Разве он не подарил вам свой меч? Разве не вы владеете огнестрельным оружием? Оно гарантирует одну победу с большим преимуществом. Что даст взамен крестьянин Ишидо? Он посылает невоспитанного ронина-самурая с приказами, специально рассчитанными на то, чтобы опозорить вас в вашей собственной провинции! Я говорю, Торанага Миновара – ваш единственный выбор. Вы должны идти с ним, – он поклонился и ждал в полной тишине. Ябу взглянул на Игураши: – Ну?

– Я согласен с Оми-саном, господин, – лицо Игураши отражало его беспокойство, – что касается убийства посыльного – это будет опасно, потом уже нельзя будет отступать. Дзозен, конечно, пошлет завтра одного или двух человек. Они могли исчезнуть, быть убитыми бандитами, – он остановился посреди предложения. – Почтовые голуби! На вьючных лошадях Дзозена было две корзины!

– Мы отправим их сегодня ночью, – сказал Оми.

– Как? Они будут охраняться.

– Я не знаю, но они должны быть убиты или выпущены до рассвета.

Ябу сказал:

– Игураши, сейчас же отправь человека следить за Дзозеном. Смотри, не пошлет ли он своих голубей сегодня.

– Я предлагаю послать всех наших соколов и сокольников сразу прямо на восток, – быстро добавил Оми.

– Он заподозрит обман, если увидит, что его птицы погибли или покалечены, – сказал Игураши.

Оми пожал плечами:

– Но они должны быть остановлены.

Игураши взглянул на Ябу. Ябу кивнул:

– Делай.

Когда Игураши вернулся, он сказал:

– Оми-сан, мне в голову пришла одна мысль. Многие из того, что вы сказали, было правильно, о Джикье и господине Ишидо. Но если вы посоветовали, чтобы гонцы «исчезли», то зачем вообще играть с Дзозеном? Зачем сообщать ему что-то? Почему не убить сразу же?

– А действительно, почему? Вдруг это развлечет Ябу-саму? Я согласен, ваш план лучше, Игураши-сан, – сказал Оми.

Теперь оба глядели на Ябу.

– Как я смогу сохранить ружья в тайне? – спросил он их.

– Перебить Дзозена и его людей, – ответил Оми.

– А больше никак?

Они покачали головой.

– Может быть, я смогу договориться с Ишидо, – сказал Ябу, пытаясь придумать способ выбраться из ловушки. – Вы правы относительно времени. У меня есть десять дней, самое большое четырнадцать. Как быть с Дзозеном и все-таки оставить время для маневра?

– Было бы мудро сделать вид, что вы собираетесь ехать в Осаку, – сказал Оми, – но не вредно было бы сразу же поставить в известность Торанагу. Один из наших голубей мог бы вылететь в Эдо до захода солнца.

Игураши сказал:

– Вы бы, конечно, могли сообщить господину Торанаге о Дзозене, его приезде и о том, что через двадцать дней будет совещание регентов. А об остальном, об убийстве господина Ито, слишком опасно писать, даже если... Слишком опасно, правда?

– Я согласен. Об Ито промолчим. Торанага сам об этом догадается. Это ведь очевидно, так?

– Да, господин. Немыслимо, но очевидно.

Оми молча ждал, его мозг отчаянно искал решение. Глаза Ябу остановились на нем, но он этого не боялся. Его совет был обоснован и предлагался только для защиты клана, семьи и Ябу, главы клана в данный момент. То, что Оми решил убрать Ябу и поменять вождя клана, не мешало ему давать Ябу умные советы. И теперь он уже приготовился умереть. Если Ябу был так глуп, чтобы не воспринимать очевидную правоту его идей, тогда скоро некому будет руководить кланом. Карма.

Ябу наклонился вперед, все еще не решаясь:

– Есть ли какой-нибудь способ убрать Дзозена и его людей без опасности для меня?

– Нага. Как-нибудь спровоцировать Нагу, – просто сказал Оми.

* * *

В сумерках Блэксорн и Мариико подъехали к воротам своего дома, сопровождаемые слугами. Оба устали. Она ехала по-мужски, в широких брюках и накидке с поясом. От

солнца ее защищали широкополая шляпа и перчатки. Даже крестьянские женщины пытались защитить свои лица и руки от лучей солнца. Белизна кожи свидетельствовала о знатном происхождении.

Слуги-мужчины взяли поводья и увели лошадей. Блэксорн отпустил своих сопровождающих и на сносном японском приветствовал Фудзико, которая, как обычно, гордо восседала на веранде.

– Можно, я приготовлю вам зеленый чай, Анджин-сан, – церемонно, как обычно, сказала она, и он, как всегда, ответил: – Нет. Сначала я приму ванну. Потом саке и немного еды. И, как обычно, он ответил на ее поклон, прошел через коридор на заднюю сторону дома и вышел в садик, затем по извивающейся дорожке дошел до бани, сделанной из плетня, обмазанного глиной. Слуга взял его одежду, он вошел и сел нагишом. Другой слуга вымыл его щеткой, намылил, вымыл голову и сполоснул водой, чтобы смыть мыльную пену и грязь. Потом, уже совсем вымывшись, он потихоньку, так как вода была горячей, спустился в огромную ванну с железными стенками и лег.

– Боже мой, это прекрасно, – ликовал он, позволяя теплу проникать в мускулы; глаза его были закрыты, по лбу обильно бежал пот.

Послышался звук открывающейся двери и голос Суво: «Добрый вечер, хозяин», следом за этим полился поток японских слов, который он не мог понять. Но сегодня вечером он слишком устал, чтобы разговаривать с Суво. И ванна, как много раз объясняла ему Марико, «не только для очистки кожи. Ванна – это дар богов, завещанное нам богами наследство для радости и наслаждения».

– Помолчи, Суво, – сказал он, – сегодня вечером хочется подумать.

– Да, хозяин, – сказал Суво. – Прошу прощения, но вам следовало сказать: «Сегодня вечером я хочу подумать».

– Сегодня вечером я хочу подумать, – правильно повторил Блэксорн фразу по-японски, пытаясь удержать в голове почти непонятные для него звуки, радуясь, что его поправили, но слишком утомленный всем этим.

– Где книжка по грамматике и словарь? – спросил он Марико первым делом в то утро. – Ябу-сама позаботился об этом?

– Да. Пожалуйста, потерпите, Анджин-сан. Ее скоро привезут.

– Ее обещали прислать с галерой и солдатами. И не привезли. Солдаты прибыли, с ружьями, но без книг. Мне повезло, что вы здесь. Без вас ничего бы не получилось.

– Было бы трудно, но получилось бы, Анджин-сан.

– Как мне сказать: «Нет, вы все делаете неправильно! Вы должны все бегать как одна команда, целиться и стрелять как одна команда»?

– С кем вы говорите, Анджин-сан? – спросила она. Он снова почувствовал, как в нем поднимается неудовлетворенность:

– Это очень трудно, Марико-сан.

– О, нет, Анджин-сан, японский очень простой язык по сравнению с другими языками. Нет артиклей, нет «зе», «э» или «эн». Нет спряжений глаголов и инфинитивов. Все слова правильные, кончаются на «масу» и вы можете сказать все, что угодно, используя только настоящее время, если захотите. Для вопроса надо только добавить после слова «ка». Для отрицания надо только заменить «масу» на «масен». Что может быть легче? «Юкимасу» означает «я иду», но также и «вы, он, она, оно, мы, они идут или пойдут», или даже «могут сходить». Даже множественное и единственное числа одинаковы. «Тсума» означает жену или жен. Очень просто.

– Хорошо, какая разница между «я иду» – юкимасу и «они пошли» – юкимасу?

– В интонации, Анджин-сан, и самом тоне. Слушайте: юкимасу – юкимасу.

– Но они оба звучат как одно и то же.

– Ах, Анджин-сан, это потому, что вы думаете на вашем собственном языке. Поймите, японец должен думать по-японски. Не забывайте, что наш язык – язык неопределенный. Все очень просто, Анджин-сан. Просто измените ваше представление о мире. Японцы только

изучают новое искусство, они отделены от всего мира... Это все так просто.

– Это все дерьмо, – пробормотал он по-английски и почувствовал себя лучше.

– Что вы говорите?

– Ничего. Но то, что вы говорите, не имеет смысла.

– Изучайте письменные знаки, – сказала Марико.

– Я не могу. Это слишком долго. Они не имеют смысла.

– Послушайте, они очень простые, Анджин-сан. Китайцы очень умные. Мы позаимствовали у них письмо тысячу лет назад. Смотрите, этот иероглиф, или символ, обозначает «свинья».

– Он не похож на свинью.

– Однажды так обозначили, Анджин-сан. Давайте я вам покажу. Вот. Добавьте иероглиф «крыша» над «свиньей» и что мы имеем?

– Свинья и крыша.

– Но что это обозначает? Новый иероглиф?

– Я не знаю.

– «Дом». Раньше китайцы считали, что свинья под крышей и была дом. Они не буддисты, они едят мясо, поэтому свинья для них, крестьян, представлялась богатством, отсюда и хороший дом. Отсюда и иероглиф.

– Но как это сказать?

– Это зависит от того, китаец вы или японец.

– Ох!

– Действительно, – засмеялась она. – Вот еще один иероглиф. Символ «крыша», символ «свинья» и символ «женщина». Крыша с двумя свиньями под ней обозначает «довольство». Крыша с двумя женщинами под ней означает «разлад». Понятно?

– Абсолютно нет!

– Конечно, китайцы не очень сведущи во многих вещах и их женщин не воспитывают так, как у нас. В их домах нет согласия, верно?

Блэксорн думал сейчас об этом, на двадцатый день своего нового рождения. Нет. Здесь не было разлада. Фудзико была преданной домоправительницей, и вечерами, когда он шел спать, футоны уже были перестланы, она сидела на коленях около них, терпеливо, безмолвно. На Фудзико было спальное кимоно, похожее на дневное, только более мягкое и с одним свободным пояском вместо жесткого оби на талии.

– Благодарю вас, госпожа, – говорил он, – спокойной ночи.

Она кланялась и молча уходила в комнату через коридор, рядом с той, где спала Марико. Тогда он залезал под тонкую шелковую москитную сетку. Раньше он таких никогда не видел. Там он с удовольствием растягивался на спине, слушая жужжание насекомых за сеткой, и думал о Черном Корабле, о том, как важен Черный Корабль для Японии.

Без португальцев не было бы торговли с Китаем. И не было бы шелка для одежды и этих сеток. Даже сейчас, когда влажный сезон только начинался, он знал им цену.

Если ночью он начинал ворочаться, почти тут же служанка открывала дверь, чтобы спросить, не надо ли ему чего-нибудь. Один раз он не понял. Он отмахнулся от служанки, вышел в сад и сел на ступенях, глядя на луну. Через несколько минут Фудзико, взъерошенная и заспанная, подошла и молча села позади него.

– Могу я чем-нибудь быть вам полезной, господин?

– Нет, спасибо. Пожалуйста, идите в постель. Она сказала что-то, чего он не понял. Он снова показал ей, что она может идти, Фудзико что-то резко сказала служанке, которая как тень ходила за ней. Вскоре пришла Марико.

– С вами все нормально, Анджин-сан?

– Да. Я не знаю, почему она побеспокоила вас. Боже мой, я только смотрю на луну, я не мог спать. Я только хотел немного подышать свежим воздухом.

Фудзико что-то запинаясь говорила Марико, ей было не по себе, она была огорчена раздражением, прозвучавшим в его голосе. – Она говорит, вы велели ей идти спать. Она

только хотела сказать, что у нас не принято, чтобы жена или наложница спали, пока не спит их хозяин, вот и все, Анджин-сан.

– Тогда пусть она изменит свои обычаи. Я часто не сплю ночью. Просто так. Это морская привычка – я очень плохо сплю на берегу.

– Да, Анджин-сан.

Марико объяснила, и обе женщины ушли. Но Блэксорн знал, что Фудзико не ляжет спать и не уснет, пока он не спит. Она всегда была на ногах и ждала, когда бы он ни вернулся в дом. Иногда по ночам он ходил в одиночку по берегу. Даже хотя он и настаивал на том, что ему надо побыть одному, он знал, что за ним идут и наблюдают. Не потому, что боялись, что он попробует бежать. Просто потому, что у них был обычай всегда сопровождать важных гостей. В Анджиро он был важным гостем.

Временами он терпел ее присутствие. После того как Марико сказала: «Думайте о ней как о скале, сиди или стене. Ее долг – служить вам».

С Марико было по-другому.

Он был рад, что она осталась. Без нее он никогда не начал бы обучение солдат, оставленный один на один со сложностями военной стратегии. Он благодарил ее, отца Доминго, Альбана Карадока и других своих учителей.

«Я никогда не считал, что войны ведутся с хорошими намерениями», – снова думал он. Однажды, когда его корабль вез груз английской шерсти в Антверпен, испанские войска напали на город и все вышли на баррикады и дамбы. Вероломная атака была отбита, испанская пехота обстреляна и отступила. Тогда он впервые увидел Вильяма, герцога Оранского, который маневрировал полками как шашками. Атакуя, отступая в притворной панике, чтобы снова перегруппироваться, снова атакуя, паля из ружей душераздирающими, рвущими уши залпами, прорываясь через строй противников, оставляя их умирающими и вопящими. Запах крови, пороха, мочи лошадей и навоза переполнял вас, дикая фантастическая радость убийства овладевала вами и удесятеряла ваши силы.

– Боже мой, как прекрасно побеждать, – сказал он вслух, сидя в ванне.

– Что, хозяин? – окликнул его Суво.

– Ничего, – ответил он по-японски, – я не разговаривал – я думал, просто думал вслух.

– Я понимаю, хозяин. Прошу прощения.

Блэксорн позволил себе расслабиться.

Марико. Да, она была бесценной помощницей.

После той первой ночи, когда он чуть не убил себя, они ни о чем не говорили. Что было говорить?

«Я рад, что нужно так много сделать», – думал он. Времени думать у него не было, за исключением этих нескольких минут в ванне. Никогда не хватало времени, чтобы все сделать. Имея приказ сосредоточиться на подготовке и обучении, а не на своей учебе, он хотел и пытался учиться, нуждаясь в этом, чтобы выполнить обещание, данное Ябу. Времени никогда не хватало. Вечно уставший и вымотанный к ночи, мгновенно засыпающий на закате, чтобы встать на рассвете и ехать на плато. Обучая солдат все утро, он скудно питался, всегда голодный, всегда без мясного. Потом ежедневно после полудня и до ночи – иногда до очень позднего времени – с Ябу, Оми, Игураши, Нагой, Зукимото и остальными офицерами он разговаривал о войне, отвечал на вопросы о военном деле. Как вести войну, какова война у чужеземцев, и какова она у японцев. На суше и на море. Слушатели всегда что-то записывали. Много-много записывали.

Иногда с одним Ябу.

Но всегда присутствовала Марико – часть его – разговаривала с ним. И с Ябу. Марико теперь по-другому относилась к нему, он больше не был для нее чужаком.

В другие дни заново переписывались все записи, всегда с проверкой, очень дотошной, пересматривались и проверялись опять, до тех пор, пока через двенадцать дней и около ста часов подробных утомительных объяснений не получилось наставление по военному делу. Точное. И смертельное.

Смертельное для кого? Не для нас, англичан или голландцев, которые придут сюда с мирными целями и только как торговцы. Смертельное для врагов Ябу и для врагов Торанаги, для наших врагов испанцев и португальцев, когда те попытаются завоевать Японию. Как они это делали повсеместно. На всех вновь открытых территориях. Сначала приходят священники. Потом конкистадоры.

«Но не здесь, – подумал он с удовлетворением. – Эту страну уже не завоеешь, через несколько лет все, что он им рассказал и чему научил, распространится уже по всей Японии».

– Анджин-сан?

Она поклонилась ему:

– Ябу-ко ва киден но го усеки о конва хитсу тосену то осерареру, Анджин-сан.

Слова медленно проступали в его мозгу: «Господин Ябу не хочет видеть вас сегодня вечером».

– Иси-бан, – сказал он блаженно. – Домо.

– Гомен насаи, Анджин-сан. Анатава.

– Да, Марико-сан, – прервал он ее, тепло воды высасывало из него энергию. – Я знаю, мне бы надо сказать это по-другому, но я не хочу больше говорить сейчас по-японски. Не сегодня вечером. Сейчас я чувствую себя как школьник, покинувший школу на рождественские каникулы. Вы понимаете, что это первые свободные часы с тех пор, как я прибыл сюда?

– Да, да, понимаю, – криво улыбнулась она, – а вы понимаете, сеньор главный кормчий Блэксорн, что это будут первые свободные часы, которые с момента приезда сюда выпали мне?

Он засмеялся. На ней были толстый хлопчатобумажный купальный халат со свободным поясом и полотенце на голове. Каждый вечер, когда ему начинали делать массаж, она принимала ванну, иногда одна, иногда вместе с Фудзико.

– Ну вот, теперь у вас есть свободное время, – сказал он и начал вылезать из ванны.

– Ой, пожалуйста, я не хотела беспокоить вас.

– Тогда присоединяйтесь ко мне. Это замечательно.

– Благодарю вас. Я едва могу дождаться, когда можно смыть грязь и пот, – она сняла халат и села на маленькое сиденье. Слуга начал намыливать ее, Суво терпеливо ждал у массажного стола.

– Это скорее напоминает школьные каникулы, – сказала она счастливо.

Первый раз Блэксорн видел ее обнаженной в тот день, когда они купались, и был сильно поражен. Теперь ее нагота сама по себе не трогала его в физическом смысле. Живя рядом в японском доме, где стены были из бумаги, а комнаты имели многоцелевое назначение, он видел ее раздетой и полураздетой уже много раз. Он даже видел однажды, как она присела помочиться.

– Это ведь нормально, Анджин-сан? Тела естественны, различия между мужчинами и женщинами естественны, да?

– Да, только мы, э-э, просто мы воспитаны по-другому.

– Но теперь вы здесь, и наши обычаи – это и ваши обычаи.

Нормальным было мочиться или испражняться на открытом месте, если не было уборных или других отхожих мест, просто приподнимая или расстегивая кимоно, сидя на корточках или стоя, все при этом вежливо ждали, не вглядываясь, иногда загораживаясь для уединения. Почему нужно было уединяться? И тут же крестьяне собирали испражнения и смешивали с водой для удобрения своих посадок. Человеческие испражнения и моча были единственными существенными источниками удобрений в империи. Лошадей и волов было очень немного, а других животных-источников удобрений не было. Поэтому каждая частица человеческих экскрементов собиралась и продавалась по всей стране.

И после того как вы видели высокорожденных и простолюдинов, расстегивающих или задирающих одежду, стоящих или сидящих на корточках, вам немногому оставалось

удивляться.

– Хорошо, – сказала она, очень удовлетворенная, – скоро вы полюбите сырую рыбу и свежие водоросли, и тогда вы действительно станете хатамото.

Служанка облила ее водой. После этого, уже чистая, Марико вошла в ванну и легла напротив него с длинным вздохом наслаждения. Маленькое распятие качалось у нее между грудей.

– Как вам это удастся? – спросил он.

– Что?

– Так быстро забираться в ванну. Вода слишком горячая.

– Не знаю, Анджин-сан, но я попросила подкинуть дров и подогреть воду. Для вас Фудзико всегда проверяет воду – мы называем ее прохладной.

– Если это прохладная, то я голландский дядюшка!

– Что?

– Ничего.

От горячей воды их клонило в сон, и они лежали, развалясь, в ленивых позах, не произнося ни слова.

Потом она спросила: – Чем бы вы хотели заняться сегодня вечером, Анджин-сан?

– Если бы мы были в Лондоне... – Блэксорн остановился. «Мне бы не следовало думать о них, – сказал он себе, – или о Лондоне. Это все кончилось. Этого не существует. Существует только то, что здесь».

– Если? – Она посмотрела на него, сразу заметив, как он изменился.

– Мы бы пошли в театр и посмотрели пьесу, – сказал он, справившись с собой, – у вас здесь бывают представления?

– О, да, Анджин-сан. У нас очень любят всякие представления. Тайко любил ставить их для увеселения своих гостей, даже господину Торанаге они нравились. И конечно, есть много гастрольных групп для простых людей. Но наши представления не совсем то, что ваши, я так считаю. Здесь наши актеры и актрисы носят маски. Мы называем эти представления «Но». Там много музыки, много танцев, они в основном очень печальные, очень трагические, есть исторические пьесы. Иногда комедии. Мы бы посмотрели с вами комедию или, может быть, религиозную пьесу?

– Нет, мы бы пошли в театр «Глоб» и посмотрели что-нибудь, написанное человеком по фамилии Шекспир. Он мне нравится больше, чем Бен Джонсон или Марло. Может быть, мы бы посмотрели «Укрощение строптивой» или «Сон в летнюю ночь», «Ромео и Джульетту». Я водил свою жену на «Ромео и Джульетту», и ей очень понравилось. Блэксорн рассказал ей сюжеты этих пьес.

Марико нашла их очень непонятными: – По нашим понятиям, очень неразумно для девушки не слушаться родителей. Но так печально. Плохо и для девушки, и для юноши. Ей было только тринадцать? Ваши дамы так рано выходят замуж?

– Нет. Обычно в пятнадцать или шестнадцать лет. Моей жене было семнадцать, когда мы поженились. А сколько было вам?

– Ровно пятнадцать, Анджин-сан, – тень прошла по ее лицу при этих словах. – А после театра куда бы мы пошли?

– Я бы повел вас поесть. Мы бы пошли в «Стоне шоп хаус» на Феттер-лейн или «Чешир чиз» на Флит-стрит. Это все гостиницы, где подают особые кушанья.

– А что бы мы ели?

– Я бы не хотел вспоминать, – сказал он с ленивой улыбкой, возвращаясь к настоящему, – я не помню. Мы находимся здесь, и я радуюсь сырой рыбе, и карма есть карма, – он глубже опустил в воду. – Великое слово карма. И хорошая идея. Вы очень помогли мне, Марико-сан.

– Я рада немного помочь вам, – Марико расслабилась в тепле, – Фудзико сегодня вечером достала для вас специальную пищу.

– Да?

– Она купила – я думаю, у вас это называется фазан. Это большая птица. Один из сокольников поймал для нее.

– Фазан? Вы действительно имеете его в виду? Хонто?

– Хонто, – ответила она, – Фудзико просила их поймать его. И просила меня рассказать вам об этом.

– И как он будет приготовлен?

– Один из солдат видел, как их готовят португалцы, и рассказал Фудзико-сан. Она просит вас не огорчаться, если готовка не очень удастся.

– Но как она это делает – как повара его приготовят? – Он поправился, так как слуги и готовили и убирались.

– Ей сказали, что сначала кто-то должен снять с него перья, потом вынуть кишки, – Марико с трудом сдерживала брезгливость. – Потом птицу либо режут на маленькие кусочки и жарят с маслом, либо варят с солью и специями, – она сморщила нос. – Иногда птицу покрывают глиной и кладут на угли и пекут ее. У нас нет печей, Анджин-сан. Так что его изжарят. Надеюсь, что все получится.

– Уверен, что это будет прекрасно, – сказал он, считая, что получится, конечно, несъедобно.

Она засмеялась: – Вы так плохо притворяетесь иногда, Анджин-сан.

– Вы не понимаете, как важна еда! – он непроизвольно улыбнулся. – Вы правы. Мне не следует так интересоваться едой. Но я не могу сдержать голода.

– Скоро сможете. Вы даже научитесь, как пить зеленый чай из пустой чашки.

– Что?

– Сейчас не место и не время объяснять, Анджин-сан. Для этого вы должны быть бодрым и внимательным. Необходимы спокойный заход солнца или рассвет. Я когда-нибудь покажу это вам. Ах, как хорошо лежать здесь, не правда ли? Ванна прямо дар богов.

Он слышал, как слуги за стеной подбрасывали дрова в печь. Он терпел увеличивающуюся температуру, пока мог, потом выскочил из воды с помощью Суво и лег, задыхаясь, на толстое полотенце. Пальцы старика ощупали спину. Блэксорн чуть не закричал от удовольствия: «Как хорошо!»

– Вы так сильно изменились за последние дни, Анджин-сан.

– Я изменился?

– О, да, с вашего нового рождения, очень сильно. Он пытался вспомнить первую ночь, но мало что ему припомнилось. Каким-то образом ему самому удалось добраться до дому. Фудзико и служанки помогли ему лечь в постель. После крепкого сна без сновидений он проснулся на рассвете и пошел поплавать. Потом, обсохнув на солнышке, он поблагодарил Бога за то, что тот дал ему силы, и за лазейку, которую подсказала ему Марико. Позже, возвращаясь домой, он здоровался с крестьянами, про себя зная, что теперь они свободны от обязанности, наложенной на них Ябу, и что он тоже свободен от этой угрозы.

Потом, когда появилась Марико, он послал за Мурой.

– Марико-сан, пожалуйста, скажите Муре следующее: «У нас есть проблема, у вас и у меня. Мы решим ее вместе. Я хочу поступить в деревенскую школу. Учиться говорить вместе с детьми».

– У них нет школы, Анджин-сан.

– Нет?

– Нет. Мура говорит, что в нескольких ри к западу отсюда есть монастырь и монахи могут вас научить читать и писать, если вы захотите. Но здесь деревня, Анджин-сан. Здешним детям надо научиться ловить рыбу, плавать на лодке по морю, вязать сети, сажать и выращивать рис и овощи. И конечно, родители и бабушка с бабушкой сами учат своих детей, как всегда.

– Так как же мне тогда учиться, когда вы уедете?

– Господин Торанага пришлет книги.

– Мне нужно больше, чем книги.

– Все будет хорошо, Анджин-сан.
– Да. Может быть. Но скажите старосте, что если я сделаю ошибку, все – даже дети – должны поправлять меня, сразу же. Я им приказываю.

– Он благодарит вас, Анджин-сан.

– Здесь кто-нибудь говорит по-португальски?

– Он говорит, что нет.

– А кто-нибудь поблизости?

– Ие, Анджин-сан.

– Марико-сан, мне нужен будет кто-нибудь, когда вы уедете.

– Я передам ваши слова Ябу-сану.

– Мура-сан, вы...

– Он говорит, вы не должны прибавлять «сан», когда говорите с ним или вообще с кем-нибудь из крестьян. Они ниже вас. Неправильно говорить «сан» кому-нибудь ниже вас.

Фудзико также поклонилась ему до земли в этот первый день:

– Фудзико-сан приветствует вас в вашем доме, Анджин-сан. Она говорит, вы сделали ей большую честь и просит вас простить за грубость тогда на корабле. Она считает честью для себя быть вашей наложницей и управлять вашим домом. Она говорит, что если вы будете носить те мечи, то она будет очень рада. Они принадлежали ее отцу, а он мертв. Своему мужу она их не предлагала, так как у него были свои мечи.

– Поблагодарите ее и скажите, что я польщен тем, что она стала моей наложницей, – сказал он.

Марико тоже поклонилась ему:

– Анджин-сан, мы глядим на вас новыми глазами. Наш обычай таков, что мы иногда ведем себя очень серьезно. Вы открыли мне глаза. Очень на многое. До сих пор вы для меня были просто чужеземцем, варваром. Пожалуйста, простите меня за мою глупость. То, что вы сделали, доказывает, что вы самурай.

Он вырос в своих глазах в этот день. Но близость к смерти изменила его больше, чем он сам это понимал, и напугала его навеки, больше, чем все остальные ситуации, когда он смотрел смерти в лицо.

«Ты надеялся на Оми? – спросил он себя. – Что Оми не даст убить тебя? Разве ты не давал ему много раз почувствовать это?»

– Я не знаю, я только рад, что он был начеку, – честно ответил себе Блэксорн. – Наступила другая жизнь!»

– Это моя девятая жизнь. Последняя! – сказал он вслух; пальцы Суво сразу же остановились.

– Что вы сказали, Анджин-сан?

– Ничего. Так, ничего, – ответил он, чувствуя себя неловко.

– Я не сделал вам больно, хозяин? – спросил Суво.

– Нет.

Суво сказал что-то еще, чего Блэксорн не разобрал.

– Дозо?

Марико ответила из ванны: – Он хочет теперь помассировать вам спину.

Блэксорн повернулся на живот, повторил эту фразу по-японски и сразу же позабыл ее. Сквозь пар он видел Марико, она глубоко дышала, слегка откинув назад голову, кожа на теле у нее порозовела.

«Как она выдерживает такую жару, – спросил он себя. – Тренировка, я думаю, с самого детства».

Пальцы Суво ласкали его, он почти моментально уснул. «О чем я думал?»

– Ты думал о своей девятой, своей последней жизни, и ты испугался, вспомнив это суеверие. Здесь все другое и это навсегда. Сегодня – это всегда. Завтра может случиться очень многое. Пока я буду жить по их законам.

– Я буду жить».

* * *

Служанка принесла закрытое блюдо. Она держала его высоко над головой, как это было у них заведено, так что ее дыхание не загрязняло пищу. Она стала на колени и поставила его на обеденный столик перед Блэксорном. На другом маленьком столике были чашки и палочки для еды, чашки для саке и салфетки, изящный букет цветов. Фудзико и Марико сидели перед ним. В волосах у них были цветы и серебряные гребни. Кимоно Фудзико было с зелеными рыбками на белом фоне, оби золотистого цвета. Марико надела черное с красным узором из тонких серебристых хризантем и оби в красную с серебристым шахматную клетку. Обе, как всегда, надушились. Для отпугивания ночных насекомых зажгли курильницу с благовониями.

Блэксорн имел достаточно времени, чтобы успокоиться. Он знал, что любое выражение неудовольствия с его стороны нарушит очарование этого вечера. «Если бы можно было ловить фазанов, все пошло бы по-другому», – подумал он. У него была лошадь и ружья, можно было бы охотиться и самому, если бы только было время.

Фудзико наклонилась и сняла крышку. Маленькие кусочки жареного мяса имели весьма привлекательный вид. У Блэксорна от запаха потекли слюнки.

Он медленно взял кусочек мяса палочками для еды, стараясь не уронить, и начал жевать мякоть. Она была жесткая и сухая, но он так давно обходился без мяса, что оно показалось ему превосходным. Еще один кусок. Он вздохнул с удовольствием:

«Иси-бан, иси-бан, ей-богу!»

Фудзико покраснела и налила ему саке, стараясь спрятать лицо. Марико обмахивалась малиновым веером, украшенным изображениями стрекоз. Блэксорн большими глотками выпил вино и съел еще один кусок, налил еще и по ритуалу предложил свою полную чашку Фудзико. Она отказалась, также по обычаю, но сегодня он настоял, поэтому она осушила чашку, слегка поперхнувшись. Марико также отказывалась и также была вынуждена выпить. Потом он опять приступил к фазану, пытаясь есть такими маленькими кусочками, какие только мог отрезать. Женщины едва притронулись к своим маленьким порциям овощей и рыбы. Это не удивило его, так как, по обычаю, женщины ели до или после мужчин, так чтобы за ужином все внимание можно было уделять только хозяину.

Он съел всего фазана и три чашки риса и прихлебнул еще саке, что тоже считалось признаком хорошего воспитания. Он утолил свой голод впервые за несколько месяцев. Во время еды он покончил с шестью бутылочками горячего вина, Марико и Фудзико поделили между собой две. Теперь они раскраснелись и хихикали с глупым видом.

Марико засмеялась и прикрыла рот ладонью: – Я бы хотела уметь пить саке как вы, Анджин-сан. Вы пьете саке лучше всех, кого я знаю. Я держу пари, что вы могли бы выпить больше всех в Идзу! Я могла бы выиграть на вас кучу денег!

– Я думал, самураи не любят такие игры.

– О, да, не любят, абсолютно точно, они же не купцы или крестьяне. Но не все самураи таковы и многие, как вы говорите, многие держат пари как южные вар... как португальцы.

– Женщины тоже держат пари?

– О, да, очень многие. Но только между собой и с другими господами и всегда так, чтобы не узнали их мужья! – она весело перевела все это Фудзико, которая еще больше раскраснелась.

– Ваша наложница спрашивает, англичане тоже заключают пари? Вам нравится спорить?

– Это наше национальное развлечение, – и он рассказал им о скачках, кеглях, травле быков собаками, охоте на зайцев с собаками, охоте с гончими и с хищными птицами, новых театральных группах и каперских свидетельствах, стрельбе, метании стрел, лотереях, кулачных боях, картах, борьбе, игре в кости, шашки, домино и времени ярмарок, когда ставишь фартинг на число и заключаешь пари с колесом удачи.

– Но где вы находите время на жизнь, войну, на любовь? – спросила Фудзико.

– Ну, для этого всегда есть время, – их глаза на мгновение встретились, но он не смог прочесть в них ничего, кроме счастья и, может быть, небольшого опьянения.

Марико попросила его спеть матросскую песню для Фудзико, он спел, и они похвалили и сказали, что это самое лучшее из всего, что они когда-либо слышали.

– Выпейте еще саке!

– О, вы не должны наливать, Анджин-сан, это женская обязанность, разве я вам не говорила?

– Да. Налейте еще, дозо.

– Я лучше не буду. Я думаю, я свалюсь, – Марико усиленно заработала веером, и поток ветра разрушил ее безукоризненную прическу.

– У вас красивые уши, – заметил он.

– У вас тоже. Мы с Фудзико-сан думаем, что ваш нос тоже совершенен, достоин дайме.

Он ухмыльнулся и ловко поклонился им. Они поклонились в ответ. Складки кимоно Марико слегка отошли на шее, обнажив край алого нижнего кимоно и натянувшись на груди, это сильно возбудило его.

– Саке, Анджин-сан?

Он протянул чашку, его пальцы не дрожали. Она наливала, глядя на чашку, сосредоточенно высунув кончик языка между губ.

Фудзико тоже неохотно взяла чашку, хотя и сказала, что уже не чувствует ног. Ее тихая меланхолия в этот вечер исчезла, и она опять казалась совсем юной. Блэксорн заметил, что она не так безобразна, как он считал раньше.

* * *

Голова Дзозена гудела. Не от саке, а от той невероятной военной стратегии, которую так открыто описывали ему Ябу, Оми и Игураши. Только Нага, второй командир, сын заклятого врага, не сказал ничего и весь вечер оставался холодным, высокомерным, жестким, выделяясь характерным для семьи Торанаги крупным носом на худом лице.

– Удивительно, Ябу-сама, – сказал Дзозен. – Теперь я понимаю причину такой секретности. Мой господин оценит это. Мудро, очень мудро. А вы, Нага-сан, весь вечер молчите. Мне интересно и ваше мнение.

– Мой отец считает, что необходимо учитывать все военные возможности, Дзозен-сан, – ответил молодой человек.

– А ваше личное мнение?

– Я послан сюда только повиноваться, наблюдать, слушать, и учиться. Не высказывая своего мнения.

– Но как второй командир – я бы сказал, как знаменитый заместитель командира – вы считаете, что этот эксперимент получился удачным?

– На это вам могут ответить Ябу-сама или Оми-сан. Или мой отец.

– Но Ябу-сама сказал, что сегодня вечером каждый может говорить свободно. Что здесь скрывать? Мы же все друзья, не так ли? Сын такого знаменитого отца должен иметь и свое мнение. Да?

Глаза Наги насмешливо сузились, но он ничего не ответил.

– Можно говорить свободно, Нага-сан, – сказал Ябу. – Что вы думаете?

– Я думаю, что при неожиданности эта идея позволит выиграть одну схватку или, может быть, одну серьезную битву. Учитывая внезапность. Но потом? – голос Наги стал ледяным. – Потом все стороны станут использовать ту же тактику и бессмысленно погибнет огромное количество воинов, подло убитых людьми, которые даже не знают, кого они убивают. Сомневаюсь, что мой отец на самом деле одобрит их использование в настоящей битве.

– Он сказал это? – сразу спросил Ябу, забыв о Дзозене.

– Нет, Ябу-сама. Таково именно мое мнение, конечно.

– Но мушкетный полк – вы не одобряете его? Он вам не по душе? – мрачно спросил Ябу.

Нага взглянул на него плоскими глазами рептилии: – При всем моем к вам уважении, раз уж вы спрашиваете мое мнение, да, я нахожу это отвратительным. Наши предки всегда знали, кого они убили или кто их победил. Это бусидо, наш кодекс, кодекс воина, кодекс настоящего самурая. Всегда побеждает настоящий мужчина. А теперь? Как вы докажете своему господину свою доблесть? Как он может наградить за мужество? Стрелять – это смело, но также и глупо. Где здесь особая доблесть? Пушки против нашего кодекса самураев. Так воюют чужеземцы, так воюют крестьяне. Вы понимаете, что даже мерзкие купцы и крестьяне, даже эта, могут вести такую войну? – Дзозен засмеялся, и Нага продолжал даже еще более напористо: – Несколько сумасшедших крестьян могут убить любое количество самураев, только лишь имея достаточное количество ружей! Да, крестьяне могут убить любого из нас, даже господина Ишидо, который хочет сесть на место моего отца.

Дзозен не сдержался: – Господин Ишидо не хочет захватывать земли вашего отца. Он только стремится защитить империю, сохранить ее для законного наследника.

– Мой отец не угрожает господину Яэмону или государству.

– Конечно, но вы говорили о крестьянах. Господин Ишидо был когда-то крестьянином. Я тоже был крестьянином. И ронином!

Нага не хотел ссориться. Он знал, что не может противостоять Дзозену, чьи способности во владении мечом и секирой были широко известны: – Я не собираюсь оскорблять вас или вашего хозяина или еще кого-то, Дзозен-сан. Я только сказал, что мы, самураи, все должны быть уверены в том, что крестьяне никогда не будут иметь ружей, или никто из нас не будет в безопасности.

– Купцы и крестьяне никогда не смогут причинить нам неприятностей, – сказал Дзозен.

– Я тоже так думаю, – добавил Ябу, – и, Нага-сан, я согласен и кое с чем из того, что вы сказали. Но ружья – современное оружие. Скоро все боевые действия будут вестись с использованием ружей. Я согласен, это отвратительно. Но это способ ведения современной войны. И потом все станет как всегда – побеждать будут всегда самые смелые самураи.

– Нет, извините, но вы не правы, Ябу-сама! Что сказал нам этот проклятый варвар – сущность их войны в стратегии? И потом он открыто признает, что все их армии состоят из наемников и призываемых на военную службу. Наемники! Нет чувства долга перед их господами. Солдаты воюют только за плату и военную добычу, чтобы насиловать и обжираться. Разве он не говорил, что их армии – это армии крестьян? Вот что ружья принесли в их мир и что они принесут нам. Если бы я имел власть, я бы отрубил этому чужеземцу голову сегодня же вечером и навсегда объявил все ружья вне закона.

– Так думает ваш отец? – слишком быстро спросил Дзозен.

– Мой отец не говорит мне или кому-то еще о том, что он думает, как вы наверняка знаете. Я высказываю только свое личное мнение, – ответил Нага, сердясь на себя, что попался в ловушку, все-таки вступив в разговор. – Я прислан сюда, чтобы повиноваться, слушать, а не говорить. Я бы не стал отвечать, если бы вы не спросили. Если кого-то из вас я обидел, я прошу прощения.

– Извиняться не стоит. Меня интересовала ваша точка зрения, – сказал Ябу. – Почему кто-то должен обижаться? Это обсуждение, не так ли? Среди командиров. Вы бы объявили ружья вне закона?

– Да, я думаю, было бы разумно очень пристально следить за каждым ружьем на нашей земле.

– Всем крестьянам запрещено иметь оружие какого-либо вида.

Дзозен посмеивался над этим стройным худеньким юношей, презируя его: – Интересные у вас идеи, Нага-сан. Но вы ошибаетесь относительно крестьян. Они ничего не значат для самураев, только снабжают нас. Они не более опасны, чем кучка навоза.

– Минуточку! – сказал Нага, его обуяла гордость. – Вот почему я бы сейчас объявил ружья вне закона. Вы правы, Ябу-сан, что новая эра требует новых методов. Но из-за Анджин-сана, этого чужеземца, того, что он говорит, я бы пошел намного дальше, чем наши сегодняшние законы – Я бы выпустил законы, по которым каждый, кроме самураев, застигнутый с оружием или пойманный при торговле им, немедленно лишался бы жизни вместе со всеми членами семьи во всех поколениях. Далее, я бы запретил изготавливать и ввозить ружья. Я бы запретил чужеземцам носить ружья или привозить их в нашу страну. Если бы я имел власть, – к которой я не стремлюсь и никогда не буду иметь, – я бы полностью удалил чужеземцев из нашей страны, кроме нескольких священников. Порт, необходимый для торговли с заграницей, я бы обнес высоким забором и поставил бы стражу из самых надежных воинов. Последнее, я бы отправил этого дерьмоголового Анджин-сана на смерть сразу же, чтобы его мерзкое знание не распространилось по нашей стране. Он – как зараза.

Дзозен сказал: – Ах, Нага-оан, наверное, хорошо быть таким молодым. Вы знаете, мой господин согласен со многим из того, что вы сказали о чужеземцах. Я слышал, он говорил много раз: «Уберите их, вышвырните их, выгоните их пинками под зад в Нагасаки и держите их там взаперти!» Вы бы убили Анджин-сана, да? Интересно. Моему господину Анджин-сан тоже не нравится. Но для него, – он остановился. – Ах, да, интересная мысль о ружьях. Можно, я расскажу моему господину об этом? Вашу идею о новых законах?

– Конечно, – Нага успокоился и стал теперь вежливей, чем когда излагал все, что накопилось у него на душе с первого дня пребывания в Анджино.

– Вы сообщили свое мнение господину Торанаге? – спросил Ябу.

– Господин Торанага не спрашивал моего мнения. Я надеюсь, что он удостоит меня чести и поинтересуется моим мнением, – ответил Нага сразу же с полной искренностью, интересуясь про себя, заметили ли они ложь.

Оми сказал: – Поскольку это свободное обсуждение, господин, то я скажу, что этот чужеземец – сокровище. Я считаю, мы должны учиться у чужеземцев. Мы должны узнать все о ружьях и военных судах, все что они знают о них. Мы должны использовать их знания, и даже сейчас некоторые из нас должны начинать учиться думать, как они, чтобы мы вскоре могли перегнать их.

Нага сказал уверенно: – Что они знают, Оми-сан? Да, ружья и корабли. Но что еще? Как они могли бы победить нас? Среди них нет самураев. Разве этот Анджин открыто не заявляет, что даже их короли – убийцы и религиозные фанатики? Нас миллионы, их пригоршня. Мы сможем разбить их одними голыми руками.

– Этот Анджин-сан на многое открыл мне глаза, Нага-сан. Я вдруг обнаружил, что наша земля и Китай – это еще не весь мир, это только очень небольшая его часть. Сначала я подумал, что чужеземец только забавен. Теперь я так не думаю. Я благодарю богов за него. Я думаю, что он спас нас, и я знаю, что мы можем многому научиться у него. Он уже дал нам власть над южными чужеземцами – и Китаем.

– Что?

– Тайко проиграл войну потому, что их было слишком много против нас, мужчин против мужчин, стрел против стрел. Обладая ружьями и пользуясь новой военной стратегией, мы можем взять Пекин.

– С вероломством этих чужеземцев, Оми-сан!

– Со знаниями чужеземцев, Нага-сан, мы могли бы взять Пекин. Тому, кто завоеует Пекин, подчинится весь Китай. И тот, кто завоевал Китай, может завоевать весь мир. Мы должны научиться не стыдиться получать знания, откуда бы они ни шли.

– Я уверен, мы не нуждаемся ни в чем со стороны.

– Не обижайтесь, Нага-сан. Я говорю, что мы должны защищать эту страну богов любыми средствами. Наш первый долг – защитить эту уникальную страну, которой мы владеем на земле. Только здесь земля богов, правда? Только наш император божественного происхождения. Я согласен с тем, что этот чужеземец должен замолчать. Но его не надо

убивать. Изолировать его здесь, в Анджино, на длительный срок, пока мы не узнаем у него всего, что он знает.

Дзозен задумчиво почесался: – Мой господин узнает ваши мнения. Я согласен с тем, что чужеземец должен быть изолирован. А также с тем, что подготовку нужно немедленно прекратить.

Ябу вынул из рукава свиток: – Здесь полный отчет для господина Ишидо. Когда господин Ишидо пожелает прекратить подготовку солдат, то подготовка конечно, прекратится.

Дзозен принял свиток: – А господин Торанага? Что с ним?

Его глаза обратились к Наге. Нага ничего не сказал, только смотрел на свиток.

Ябу сказал: – Вы можете спросить у него самого о его мнении. У него есть аналогичный отчет. Я думаю, вы уедете в Эдо завтра? Или вам хотелось бы посмотреть, как мы готовим солдат? Я, к сожалению, должен вам сказать, что наши люди еще не очень хорошо обучены.

– Мне бы хотелось посмотреть одну атаку.

– Оми-сан, распорядитесь. Вы поведете людей.

– Да, господин.

Дзозен повернулся к своему помощнику и дал ему свиток:

– Масумото, отвези это немедленно господину Ишидо. Выезжай сразу же.

– Слушаюсь, Дзозен-сан.

Ябу сказал Игураши:

– Дай ему проводников до границы и свежих лошадей.

Игураши с самураем тут же вышли.

Дзозен потянулся и зевнул. – Пожалуйста, извините меня, – сказал он, – но это из-за того, что я несколько дней не слезал с лошади. Я должен поблагодарить вас за этот необычайный вечер, Ябу-сама. Ваши идеи с дальним прицелом. И также ваши, Оми-сан и Нага-сан. Я похвалю вас господину Торанаге и моему господину. Теперь, если вы меня извините, я очень устал, дорога из Осаки очень длинная.

– Конечно, – сказал Ябу, – как в Осаке?

– Хорошо. Помните этих бандитов, которые атаковали вас на суше и на море?

– Конечно.

– Мы захватили четыреста пятьдесят человек в ту ночь. Многие носили форму Торанаги.

– У ронинов нет понятия чести. Никакой.

– У некоторых есть, – сказал Дзозен, обидевшись. Он жил, вечно стыдясь того, что когда-то был ронином, – Некоторые носили даже форму наших серых. Никто не спасся. Все погибли.

– И Бунтаро-сан?

– Нет. Он, – Дзозен запнулся. Это «нет» выскочило случайно, но теперь, когда он его произнес, он не стал возражать. – Нет. Мы не знаем наверняка – его головы не нашли. Вы ничего не слышали о нем?

– Нет, – сказал Нага.

– Может быть, он и был схвачен. Они просто разрезали его на куски и раскидали их повсюду. Мой господин хотел бы узнать о нем, если вы получите новости. В Осаке сейчас все нормально. Идут приготовления к встрече регентов. Ведутся большие приготовления к празднованию новой эры и, конечно, к чествованию всех дайме.

– А господин Тода Хиро-Мацу? – вежливо спросил Нага.

– Старина Железный Кулак все так же силен и сердит, как всегда.

– Он все еще там?

– Нет. Он выехал со всем семейством вашего отца за несколько дней до моего отъезда.

– А двор моего отца?

– Я слышал, что госпожа Киритсубо у госпожа Сазуко просили разрешения остаться с

моим господином. Доктор посоветовал госпоже остаться на месяц. Он считает, что дорога будет не очень благоприятна для ожидаемого ребенка, – для Ябу он добавил, – она же упала тогда вечером, когда вы уезжали, правда?

– Да.

– Надеюсь, ничего серьезного, – спросил Нага, очень озабоченный.

– Нет, Нага-сан, ничего серьезного, – сказал Дзозен, потом опять обратился к Ябу: – Вы сообщили господину Торанаге о моем приезде?

– Конечно.

– Хорошо.

– Новости, которые вы нам сообщили, его очень заинтересуют.

– Да. Я видел почтового голубя, он сделал круг и улетел на север.

– У меня сейчас налажена такая служба, – сказал Ябу, не упомянув, что его голубь тоже был замечен и что соколы перехватили его около гор, что послание расшифровали: «В Анджиго все как сообщалось. Ябу, Нага, Оми и чужеземец здесь».

– Я уеду утром, с вашего разрешения, после атаки. Вы не дадите мне свежих лошадей? Я не должен заставлять ждать господина Торанагу. Я поеду повидаться с ним. Так повелел мой господин в Осаке. Я надеюсь, вы проводите меня, Нага-сан.

– Если мне прикажут, я поеду, – Нага говорил, опустив глаза, но весь сгорал от подавляемой ярости.

Дзозен ушел от них и вместе с телохранителями поднялся на холм к своему лагерю. Он переставил часовых и приказал своим людям спать, вошел в маленькую палатку в кустах, которую они поставили от дождя. При свете свечей под москитной сеткой он переписал составленное ранее письмо на тонкий листок рисовой бумаги и добавил: «В действии пятьсот ружей. Планируется массированная внезапная атака – полный отчет послан с Масумото». После этого он поставил дату и погасил свечи. В темноте выскользнул из-под сетки, вынул из корзины одного из голубей и положил письмо в маленький контейнер у него на лапке. Потом прокрался к одному из своих людей и протянул ему птицу.

– Выпусти его где-нибудь в кустах, – прошептал он, – спрячь его где-то, где он мог бы безопасно просидеть до рассвета. Будь осторожней, здесь везде у них глаза. Если остановят, скажи, что я приказал вести патрулирование, но сначала спрячь голубя.

Самурай исчез молча, как таракан.

Довольный собой, Дзозен поглядел вниз в сторону деревни. У крепости и на противоположной стороне в доме, где жил Оми, горели огни. Как раз под ним в доме тоже горело несколько огней, этот дом сейчас занимал чужеземец.

– Этот щенок Нага прав, – подумал Дзозен, отмахиваясь рукой от москитов. – Чужеземец – это мерзкая зараза.

* * *

– Спокойной ночи, Фудзико-сан.

– Спокойной ночи, Анджин-сан.

Седзи за ней закрылись. Блэксорн скинул кимоно и набедренную повязку, надел более легкое ночное кимоно, залез под москитную сетку и лег.

Он задул свечу. Глубокая темнота окружила его. Дом теперь совсем успокоился. Маленькие ставни были прикрыты, но он мог слышать прибой. Луна была закрыта облаками.

Вино и смех вызвали в нем сонливость и эйфорию, он слушал шум волн и чувствовал себя плывущим, его мозг затуманился. В деревне внизу вдруг залаяла собака. «Хорошо бы завести собаку, – подумал он, вспомнив своего домашнего бультерьера. – Интересно, жив он еще? Его имя было Грог, но Тюдор, его сын, всегда звал его «Огог».

– Ах, Тюдор, мой мальчик. Как давно это было. Хотел бы я повидать вас всех – хотя бы написать письмо и послать его домой. «Давай посмотрим, – подумал он. – Как бы я его начал?»

«Мои дорогие! Это первое письмо, которое я смог отправить домой с тех пор, как мы высадились в Японии. Теперь у меня все хорошо, так как сейчас я представляю, как жить по их законам. Пища здесь ужасная, но сегодня вечером мне как раз достался фазан. Скоро я получу обратно свой корабль. С чего мне начать вам свой рассказ? Сегодня я что-то вроде феодала в этой незнакомой вам стране. У меня дом, лошадь, восемь служанок, домоправительница, мой собственный парикмахер и моя собственная переводчица. Я теперь чисто выбрит и бреют меня каждый день. Стальные лезвия для бритья у них, наверняка, самые лучшие в мире. Мое жалование огромное – достаточное, чтобы накормить в течение года двести пятьдесят японских семей. В Англии это было бы почти как тысяча гиней в год! В десять раз больше моего жалования, получаемого в голландской компании...»

Кто-то начал открывать седзи. Его рука нащупала под подушкой пистолет, он насторожился. Потом ощутил почти неслышимый шелест шелка и запах духов.

– Анджин-сан? – донесся легчайший шепот, наполненный обещанием.

– Хай? – спросил он, вглядываясь в темноту, но ничего не видя.

Шаги приблизились. Блэксорн слышал, как женщина встала на колени, откинула сетку и забралась к нему под полог. Она взяла его руку и подняла ее к своей груди, потом к губам.

– Марико-сан?

В темноте она сразу же закрыла пальцами его губы, стараясь, чтобы он не шумел. Он кивнул, понимая, как сильно они рискуют. Он держал ее за тонкое запястье и водил по нему губами. В темноте его другая рука нашла и стала гладить ее лицо. Она один за другим целовала его пальцы. Волосы Марико были распущены и доставали ей до пояса. Его руки скользили по ее телу, он ощущал дивную легкость шелка, под кимоно ничего не было.

На вкус она была изумительна. Он тронул языком ее зубы, потом провел им вокруг глаз, открывая ее для себя таким образом. Она распустила пояс накидки и дала ей упасть, дыхание ее стало совсем слабым. Она придвинулась плотнее. Потом начала ласкать его руками и губами. С большей нежностью, страстью и опытом, чем он себе мог представить.

Глава Тридцать Третья

Блэксорн проснулся на рассвете. Один. Сначала он был уверен, что это был сон, но запах ее духов все еще ощущался, и он понял, что это было в действительности.

Осторожный стук в дверь.

– Хай?

– Охайо, Анджин-сан, гомен насай, – служанка открыла седзи для Фудзико, потом внесла поднос с зеленым чаем, миску рисовой каши и сладкий рисовый кекс.

– Охайо, Фудзико-сан, домо, – сказал он, благодаря ее. Она всегда сама приходила с завтраком, открывала сетку и ждала, пока он ел, а служанка раскладывала свежее кимоно, таби и набедренную повязку.

Он пил зеленый чай, размышляя, знает ли Фудзико о прошедшей ночи. По ее лицу ничего нельзя было понять.

– Икага дес ка? – спросил Блэксорн. – Как вы?

– Окагасама де дзенки дес, Анджин-сан. Аната ва? – Очень хорошо, спасибо, а вы?

Служанка вынула чистое белье из шкафа и оставила их одних.

– Аната ва еки немутта ка? – Вы хорошо спали?

– Хай, Анджин-сан, аригато годзиемасита! – Она улыбнулась, дотронулась рукой до головы, делая вид, что она болит, показывая, что она была пьяна и спала как каменная. – Аната ва?

– Ватаси ва еки немуту. – Я спал очень хорошо. Она поправила его: «Ватаси ва еки немутта».

– Домо. Ватаси ва еки немутта.

– Ей! Тайхеней! – Хорошо. Очень хорошо.

Потом из коридора донесся голос Марико, окликающий: «Фудзико-сан?»

– Хай, Марико-сан? – Фудзико подошла к седзи и приоткрыла их. Он не мог видеть Марико и не понял, о чем они говорили.

«Надеюсь, никто не знает, – подумал он, – Я буду молиться, чтобы это осталось в секрете, только между нами. Может быть, было бы лучше, если бы это был просто сон».

Блэксорн начал одеваться. Вернулась Фудзико и стала на колени, застегивая ему пояс.

– Марико-сан? Нан дза?

– Нане мо, Анджин-сан, – ответила она. – Ничего важного.

Она подошла к токонома – углублению в стене, украшенному свисающими лентами с рисунками и цветами, где всегда лежали его мечи, и принесла их. Он засунул их за пояс. Мечи больше не были для него чем-то нелепым, хотя он и хотел бы научиться носить их менее неловко.

Фудзико сказала ему, что их подарили отцу за храбрость после особенно кровавой битвы на дальнем севере Кореи, семь лет назад, во время первого вторжения. Японские армии победоносно прошли через всю страну, тесня их на север. Потом, когда они подошли к реке Ялу, через границу хлынули орды китайцев, вступили в войну с японцами на стороне корейцев и благодаря своей многочисленности разгромили их. Отец Фудзико был в арьергарде, который прикрывал отступление к горам севернее Сеула, где они повернули и начали безнадежное сражение. Эта и вторая кампания были самыми дорогостоящими военными экспедициями из всех, которые когда-либо устраивались в государстве. Когда в прошлом году Тайко умер, Торанага от имени Совета регентов сразу же приказал остаткам их армий возвращаться домой, к великому облегчению большинства дайме, которым не нравилась кампания в Корее.

Блэксорн вышел на веранду. Он надел свои сандалии и кивнул слугам, собравшимся поклониться ему, как это было заведено.

День был серенький. Небо было закрыто облаками, с моря дул теплый влажный ветер. Каменные ступени, спускающиеся в гравий дорожки, намочили от дождя, шедшего всю ночь. Около ворот стояли лошади и десять сопровождающих его самураев. И Марико.

Она уже сидела на лошади, одетая в бледно-желтую накидку поверх бледно-зеленых брюк, шляпу с широкими полями и вуаль с желтыми лентами и перчатки. В гнезде на седле уже был наготове зонтик от дождя.

– Охайо, – сказал он официальным тоном, – охайо, Марико-сан.

– Охайо, Анджин-сан. Икага део ка?

– Окагесама де дзенки десу. Аната ва? Она улыбнулась: «Еги, аригато годзиемасита». Она не дала ему никакого намека на то, что между ними что-то изменилось. Но он ничего и не ожидал, во всяком случае не при посторонних, зная, как это было опасно. Он почувствовал ее запах, и ему хотелось поцеловать ее прямо здесь, перед всеми.

– Икимасо! – сказал он и повернулся в седле, делая знак самураям проехать вперед. Он свободно пустил лошадь за ними, и Марико заняла место рядом с ним. Когда они остались одни, он расслабился.

– Марико.

– Хай.

Тогда он сказал по-латыни:

– Ты очень красивая, и я люблю тебя.

– Я благодарю тебя, но вчера вечером было выпито так много вина, что мне не кажется, что я сегодня действительно красивая, а любовь – это ваше христианское слово.

– Ты красивая христианка и вино на тебя не подействовало.

– Благодарю тебя за ложь, Анджин-сан, благодарю тебя.

– Нет, это мне нужно благодарить тебя.

– О, почему?

– Просто так. Я от всей души благодарю тебя.

– Если вино и мясо делают тебя таким добрым, утонченным и галантным, – сказала она, – тогда я должна сказать твоей наложнице, чтобы она перевернула небо и землю, но

каждый вечер угощала тебя ими.

– Да. Я хотел бы, чтобы все было точно так же.

– Ты какой-то счастливый сегодня, – сказала она, – В самом деле, почему?

– Из-за тебя. Ты знаешь, почему.

– Я не представляю, Анджин-сан.

– Нет? – поддразнивал он.

– Нет.

Он оглянулся. Они были совсем одни, можно было говорить без опаски.

– Почему это «нет» сразу тебя расстроило? – спросила она.

– Глупость! Абсолютная глупость! Я забыл, что самое умное – это осторожность. Это из-за того, что мы были одни и я хотел поговорить об этом. И, честно говоря, поговорить еще кое о чем.

– Ты говоришь загадками. Я не понимаю тебя.

Он снова попал в тупик:

– Ты не хочешь поговорить об этом? Совсем?

– О чем, Анджин-сан?

– О том, что произошло сегодня ночью.

– Я проходила ночью мимо твоей двери, когда с тобой была моя служанка Кой.

– Что?

– Мы, твоя наложница и я, мы подумали, что она будет для тебя хорошим подарком.

Она понравилась тебе?

Блэксорн пытался прийти в себя. Служанка Марико была похожа на нее фигурой, но моложе и совсем не такая хорошенькая, но хотя было совершенно темно и пусть голова у него была затуманена вином, конечно, это была не служанка.

– Это невозможно, – сказал он по-португальски.

– Что невозможно, сеньор? – спросила она на том же языке. Он опять перешел на латынь, так как сопровождающие теперь были уже недалеко, ветер дул в их направлении:

– Пожалуйста, не шути со мной. Никто же не может подслушать. Я ощутил твое присутствие и запах духов.

– Ты думаешь, это была я? О, нет, Анджин-сан. Я была бы польщена, но это никак невозможно... как бы я этого ни хотела, – о, нет, нет, Анджин-сан. Это была не я, а моя Кой, служанка. Я была бы рада, но я принадлежу другому человеку, даже если он и мертв.

– Да, но это была не ваша служанка, – он подавил свой гнев, – но, впрочем, считайте, как вам хочется.

– Это была моя служанка, Анджин-сан, – сказала она успокаивающе. – Мы надушили ее моими духами и сказали ей: ни слова, только прикосновения. Мы ни на минуту не думали, что вы решите, что это я! Это был не обман, а просто мы попытались облегчить ваше положение, зная, как вас смущают разговоры о физической близости, – она глядела на него широко открытыми невинными глазами. – Она понравилась тебе, Анджин-сан? Ты ей очень понравился.

– Шутка в таких важных делах иногда оказывается не смешной.

– Очень важные вещи всегда будут делаться с большой серьезностью. Но служанка ночью с мужчиной – это пустяк.

– Я не считаю, что ты мало значишь.

– Я благодарю тебя. Я тоже так думаю о тебе. Но служанка с мужчиной ночью – это их личное дело и не имеет никакого значения. Это подарок от нее ему и иногда от него ей. И больше ничего.

– Никогда?

– Иногда. Но это личное любовное дело не должно иметь большого значения для тебя.

– Никогда?

– Только когда мужчина и женщина соединяются вместе вопреки требованиям закона этой страны.

Он сдержался, поняв наконец причину ее запираательства.

– Извини меня. Да, ты права. Мне никогда не следовало об этом говорить. Я извиняюсь.

– Почему извиняешься? За что? Скажи мне, Анджин-сан, эта девушка носила распятие?

– Нет.

– Я всегда ношу его. Всегда.

– Распятие можно снять, – сказал он автоматически на португальском, – это ничего не доказывает. Его можно позаимствовать, как духи.

– Скажи мне последнее: ты действительно видел девушку? Разглядел ее черты?

– Конечно. Пожалуйста, давай забудем, что я когда-либо...

– Эта ночь была очень темная, луна была закрыта облаками. Скажи правду, Анджин-сан. Подумай! Ты действительно видел девушку?

«Конечно, я видел ее, – подумал он возмущенно. – Черт возьми, подумай хорошо. Ты не видел ее. Твоя голова была затуманена. Это могла быть служанка, но ты знал, что это была Мариико, потому что ты хотел Мариико и держал в голове только Мариико, считал, что и Мариико также хочет тебя. Ты глупец. Проклятый глупец».

– По правде говоря, нет. На самом деле я действительно должен извиниться, – сказал он. – Как я могу заслужить у вас прощение?

– Не надо извиняться, Анджин-сан, – спокойно сказала она, – я много раз говорила вам, что мужчина не извиняется никогда, даже когда не прав. Вы были не правы, – ее глаза подсмеивались над ним. – Моя служанка не нуждается в извинениях.

– Благодарю вас, – сказал он смеясь. – Вы заставили меня почувствовать себя немножко менее глупо.

– Прошли, наверное, годы с тех пор, когда вы последний раз смеялись. Такой серьезный Анджин-сан опять становится мальчиком.

– Мой отец говорил мне, что я родился старым.

– Вы?

– Он так считал.

– А какой он был?

– Он был прекрасный человек. Владелец корабля, капитан. Испанцы убили его в месте, называемом Антверпен, когда они уничтожили этот город. Они сожгли его корабль. Мне было шесть лет, но я помню его большим, высоким, добродушным человеком с золотистыми волосами. Мой старший брат, Артур, ему тогда было ровно восемь... У нас тогда были плохие времена, Мариико-сан.

– Почему? Пожалуйста, расскажите мне. Пожалуйста!

– Все было очень обыденно. Каждое пенни наших денег было связано с кораблем, и он был потерян... и, ну, вскоре после этого умерла моя сестра. Она фактически умерла от голода. Это был голод 1571 года, и снова пришла чума.

– У нас иногда бывает чума. Оспа. Вас было много в семье?

– Нас было трое, – сказал он, радуясь, что разговор ушел от еще одной неприятной темы, – Вилья, моя сестра, ей было девять лет, когда она умерла. Артур, следующий – он хотел быть художником, скульптором, но ему пришлось стать учеником каменщика, чтобы помочь вырастить нас. Он был убит во время Армады. Ему было двадцать пять, бедный глупец, он только что поступил на корабль, необученный, совсем новичок. Я последний из Блэксорнов. Сейчас жена и дочь Артура живут с моей женой и детьми. Моя мать еще жива, так же как и старая бабушка Жакоба – ей семьдесят пять и она тверда, как английский дуб, хотя она и ирландка. По крайней мере они все были живы, когда я отплывал два года назад.

Снова нахлынула боль. «Я буду думать о них, когда поплыву назад домой, – пообещал он себе, – но не раньше этого времени».

– Завтра будет шторм, – сказал он, посмотрев на море, – сильный шторм, Мариико-сан. Потом через три дня будет хорошая погода.

– Сейчас сезон штормов. Большую часть времени облачно и идет дождь. Когда дождь прекращается, бывает очень влажно. Потом начинаются тайфуны.

«Хотел бы я быть на море опять, – подумал он, – был ли я когда-нибудь на море? Был ли на самом деле корабль? Что такое реальность? Мариико или служанка?»

– Вы не очень веселый человек, да, Анджин-сан?

– Я слишком долго был моряком. Моряки всегда серьезны. Мы привыкаем следить за морем. Мы всегда следим за морем и ждем несчастья. Отведи глаза от моря на секунду, и оно подхватит твой корабль и превратит его в щепки.

– Я боюсь моря, – сказала она.

– Я тоже. Старый рыбак сказал мне однажды: «Человек, который не боится моря, скоро утонет, так как он выйдет в море в день, когда ему бы не следовало этого делать». Но мы боимся моря, поэтому мы будем тонуть снова и снова, – он взглянул на нее. – Мариико-сан...

– Да?

– Несколько минут назад вы убедили меня, что... ну, скажем, я поверил. Сейчас я не убежден. Так где правда? Хонто. Я должен знать.

– Уши для того, чтобы слышать. Конечно, это была служанка.

– Служанка. Могу я просить ее всякий раз, как мне захочется?

– Конечно. Но умный человек не стал бы.

– Потому что я могу быть разочарован в следующий раз?

– Может быть.

– Я думаю, трудно обладать служанкой и терять служанку, трудно ничего не говорить...

– Секс – это удовольствие тела. Ничего говорить не надо.

– Но как я скажу служанке, что она красива? Что я люблю ее? Что она наполняет меня экстазом?

– Это, видимо, не любовь для служанки. Не здесь, Анджин-сан. Эта страсть даже не для жены или наложницы, – ее глаза вдруг метнулись в сторону, – но только для кого-нибудь типа Кику-сан, куртизанки, которая так красива и заслуживает этого.

– Где я могу найти эту девушку?

– В деревне. Я почту за честь действовать как ваш посредник.

– Ей-богу, я думал, вы это и имеете в виду.

– Конечно. Человек нуждается в разных видах страсти. Эта госпожа достойна любви, если только вы сможете это выдержать.

– Что вы имеете в виду?

– Она очень дорогая.

– Любовь не покупается. Это не стоит ничего. Любовь не имеет цены.

Она улыбнулась:

– Секс всегда имеет свою цену. Необязательно в деньгах, Анджин-сан. Но мужчина платит всегда за секс тем или иным образом. Истинная любовь – мы называем ее долгом – это чувство души к душе и не нуждается в таком выражении – в физическом выражении, за исключением, может быть, дара смерти.

– Вы не правы. Я хотел бы показать вам мир таким, как он есть.

– Я знаю мир, как он есть и каким он будет вечно. Вы хотите снова эту презренную служанку?

– Да. Вы знаете, что я хочу...

Мариико весело засмеялась:

– Тогда она придет к вам. На закате. Мы приведем ее, Фудзико и я!

– Черт бы ее побрал, я думаю, и вас тоже, – он засмеялся вместе с ней.

– Ах, Анджин-сан, как хорошо видеть вас смеющимся. С того момента, как вы приехали сюда в Анджиро, вы сильно изменились. Очень сильно изменились.

– Нет. Не так сильно – Но прошлой ночью я видел во сне мечту. Этот сон был совершенством.

– Бог совершенен. И иногда также закат, или восход луны, или цветение первого крокуса в этом году.

– Я вас совсем не понимаю.

Она откинула вуаль на шляпе и посмотрела прямо на него:

– Однажды другой мужчина сказал мне: «Я совсем не понимаю вас», а мой муж сказал: «Прошу прощения, господин, но никто не может понять ее. Ни ее отец не понимает ее, ни наши боги, ни ее чужеземный Бог, ни даже мать не понимает ее».

– Это был Торанага? Господин Торанага?

– О, нет, Анджин-сан. Это был Тайко. Господин Торанага понимает меня. Он понимает все.

– Даже меня?

– Вас очень хорошо.

– Вы уверены в этом?

– Да. О, совершенно уверена.

– Он выиграет войну?

– Да.

– Я его любимый вассал?

– Да.

– У него будет мой корабль?

– Да.

– А когда я получу обратно свой корабль?

– Вы не получите.

– Почему?

Ее серьезность исчезла:

– Потому что вы будете иметь свою «служанку» в Анджино и будете так часто заниматься любовью, что у вас не хватит сил уехать, даже уползти на коленях, когда она попросит вас подняться на ваш корабль и когда господин Торанага попросит вас подняться на борт и покинуть нас!

– Вот вы опять уходите! То такая серьезная, то наоборот!

– Это только ответ вам, он ставит некоторые вещи на свои места. Ах, но прежде чем вы оставите нас, вам следует повидать госпожу Кику. Она достойна великой страсти. Она такая красивая и талантливая. Для нее вы должны сделать что-то необычное!

– Я склоняюсь к тому, чтобы принять вызов.

– Никакого вызова нет. Но если вы готовитесь стать самураем, а не варваром, если вы готовы воспринимать любовную встречу как она есть, тогда я почти за честь действовать как ваш посредник.

– Что это значит?

– Когда вы будете в хорошем настроении и готовы к совершенно особому удовольствию, скажите вашей наложнице, чтобы она попросила меня.

– А причем здесь Фудзико-сан?

– Потому что это долг вашей наложницы смотреть, чтобы вы были всем довольны. Этот наш обычай упрощает жизнь. Мы восхищаемся простотой, поэтому мужчина и женщина могут заниматься любовью с той единственной целью, для которой она и предназначена: важная часть жизни, конечно, но между мужчиной и женщиной есть и более важные вещи. Подчинение для кого-то. Уважение. Долг. Даже эта ваша «любовь». Фудзико «любит» вас.

– Нет, она не любит!

– Она отдаст за вас свою жизнь. Что еще можно отдать?

Он наконец отвел от нее глаза и посмотрел на море. Волны бурунами обрушивались на берег, так как ветер усилился. Он опять повернулся к ней.

– Так ничего и не сказано? – спросил он. – Между нами?

– Ничего. Это очень мудро.

– А если я не согласен?

– Вы должны согласиться. Вы здесь. Это ваш дом.

* * *

Атакующие пять сотен всадников галопом вылетели на гребень холма, держась неровным строем, спустились на каменистое дно долины, где в боевом порядке располагались две тысячи «защитников». Каждый всадник имел за спиной мушкет и патронташ, кресала и пороховницы. Как и большинство самураев, они были одеты в пеструю смесь кимоно и прочих тряпок, но имели всегда самое лучшее оружие из того, что могли себе позволить. Только Торанага и Ишидо, копируя его, настояли на том, чтобы их войска были одеты в форму и еще придирались к тому, как они были одеты. Все другие даиме считали это глупым растратыванием денег, ненужным нововведением. Даже Блэксорн был согласен с этим. Армии Европы никогда не носили единой формы – какой король мог позволить это своей войску, кроме своей личной охраны?

Блэксорн стоял на склоне холма с Ябу, его помощниками, Дзозеном и его людьми и Марико. Это была первая полномасштабная репетиция атаки. Он ждал с нетерпением. Ябу был непривычно напряжен, Оми и Нага находились почти что в состоянии войны. Особенно Нага.

– Что с ними со всеми? – спросил он Марико.

– Может быть, они хотят выслужиться перед своим господином и его гостем.

– Он тоже даиме?

– Он очень важный, один из генералов господина Ишидо. Было бы очень хорошо, если бы сегодня все прошло нормально.

– Я бы хотел, чтобы мне сказали заранее, что будет смотреть.

– Какое бы это имело значение? Все, что вы могли, вы сделали.

«Да, – подумал Блэксорн, наблюдая за этими пятьюстами. – Но они пока еще не готовы. Конечно, Ябу это тоже знает, все знают. Так что если будет какое-то осложнение, то это карма», – сказал он себе уверенно и нашел в этой мысли некоторое утешение.

Нападающие набрали скорость, защитники стояли под знаменами своих капитанов, подшучивая над «врагом», как они обычно делали, растянувшись в свободном строю шеренгой в три или четыре человека. Скоро атакующие должны будут спешиться на расстоянии полета стрелы. Тогда самые храбрые воины с обеих сторон начнут со свирепым видом подходить к противнику, бросая вызов самыми оскорбительными намеками о своем превосходстве и благородном происхождении. Начнутся отдельные вооруженные стычки, постепенно увеличиваясь в количестве участников, пока один из командиров не отдаст приказ об общей атаке, и тогда каждый человек начнет сражаться сам за себя. Обычно большинство побеждает меньшинство, тогда вводятся резервы и снова идет бой, пока нервы одной стороны не выдержат и несколько отступающих трусов не соединятся в массу отступающих, в результате чего другая сторона побеждает. Обычным делом была и измена. Иногда целые полки, следуя приказам своих командиров, переходили на сторону противника, приветствуемые как союзники – всегда желанные, но никогда не надежные. Иногда побежденные командиры ускользали, чтобы перегруппироваться для нового сражения. Иногда воюющие сопротивлялись до смерти, иногда со всеми церемониями совершали сеппуку. В плен попадали редко. Некоторые просились на службу к победителям. Иногда их принимали, но часто отказывали. Смерть была уделом побежденных, быстрая для смелых и позорная для трусов. Таков был характер всех боев в этой стране, даже самых больших битв, солдаты здесь были такие же, как и везде, за исключением того, что они были намного более свирепы и лучше подготовлены к смерти за своих господ, чем где-либо еще в мире. Топот копыт разнесся по долине.

– Где командир атакующих? Где Оми-сан? – спросил Дзозен.

– Среди своих солдат, – ответил Ябу.

– Но где его знамя? И почему он не надел доспехи и плюмаж? Где командирское знамя? Они как будто кучка грязных бандитов!

– Всем офицерам приказано оставаться без знаков различия. Я вам говорил. И пожалуйста, не забывайте, мы делаем вид, что битва разгорается, что это часть большой битвы, с резервами и вооружением...

Дзозен взорвался:

– Где их мечи? Ни один из них не носит мечей! Самураи без мечей? Их перережут!

– Потерпите!

Теперь атакующие спешили. Первые воины вышли из рядов обороняющихся, чтобы показать свою храбрость. Против них вышло равное число вражеских солдат. Потом внезапно неуклюжая масса атакующих разбилась на пять дисциплинированных фаланг, каждая из четырех рядов по двадцать пять человек, три фаланги впереди и две в резерве, в сорока шагах сзади. Как один они обрушились на врага. На расстоянии выстрела они вздрогнули и остановились по команде, передние ряды выстрелили, залпом оглушив окружающих. Были слышны вопли умирающих. Дзозен и его люди рефлекторно вздрогнули, потом с ужасом следили за тем, как передние ряды стали на колени и начали перезаряжать ружья, а вторые ряды выстрелили над ними, третий и четвертый ряд сделали то же самое. При каждом залпе падало все больше защитников. Долина наполнилась криками, стонами, возникла неразбериха.

– Вы губите своих людей! – Дзозен кричал, перекрывая весь этот гам.

– Это холостые заряды, не настоящие. Они все живы, но вообразите, что это настоящая атака с настоящими пулями! Смотрите!

Теперь защитники «оправились» от первого шока. Они перегруппировались для фронтальной атаки. Но к этому времени передние ряды перезарядили ружья и по команде выстрелили еще одним залпом с колена, потом второй ряд выстрелил через них, немедленно встал на колени для перезарядки, тогда стали стрелять третий и четвертый ряды, и хотя многие мушкетеры действовали медленно и ряды смешались, легко было вообразить, какую ужасную бойню могут произвести более подготовленные люди. Контратака захлебнулась, потом была отбита, и защитники отступили в притворном смятении назад к подъему, где как раз стояли наблюдатели. Многие «мертвые» остались на земле.

Дзозен и его люди были шокированы:

– Эти ружья пробьют любую линию!

– Подождите. Битва еще не окончилась.

Защитники снова перегруппировались, и теперь их командиры призывали их к победе, подтягивали резервы и приказали начать окончательную общую атаку. Самураи кинулись вниз с холма, издавая свои ужасные боевые кличи, и обрушились на противника.

– Теперь они победят, – заявил Дзозен, захваченный, как и все, реальностью этой учебной битвы.

И он был прав. Фаланги не удержались на своих позициях. Они рассыпались и побежали перед боевыми криками настоящих самураев с их мечами и пиками, и Дзозен и его люди добавили свои презрительные крики, когда отряды кинулись убивать. Мушкетеры кинулись вперед, пробежали триста шагов, потом внезапно по команде фаланги перегруппировались, на этот раз в виде буквы U. Вновь слышались звуки разящих залпов. Атакующие заколебались, потом остановились. Ружья продолжали стрельбу, но все на склоне знали, что в реальных условиях две тысячи солдат уже погибли бы.

Сейчас, в тишине, защитники и атакующие начали строиться. «Трупы» встали, оружие было собрано. Начались смех, стоны. Многие хромали, а несколько человек были тяжело ранены.

– Я поздравляю вас, Ябу-сама, – сказал Дзозен с большой искренностью, – теперь я понимаю, что все это значит.

– Стрельба была не очень хороша, – сказал Ябу, внутренне довольный, – потребуется несколько месяцев, чтобы подготовить их.

Дзозен покачал головой:

– Я бы не хотел атаковать их сейчас. Если, конечно, они будут с настоящим

вооружением. Никакая армия не сможет выдержать их удар – никакой строй. Ряды никогда не остаются сомкнутыми. Через промежутки вы можете направить обычные войска и кавалерию и прорвать фланги как старый свиток бумаги. – Он поблагодарил всех камии за то, что ему удалось увидеть одну атаку. – Наблюдать за этим было ужасно. В какой-то момент я подумал, что бой был настоящий.

– Им было приказано вести себя как в настоящей битве. А сейчас вы можете провести смотр моим мушкетерам, если захотите.

– Спасибо. Это было бы большой честью для меня. Защитники отошли в свои лагеря, расположенные на дальней стороне горы. Пять сотен мушкетеров ожидали внизу, около дороги, которая шла через склон, а потом спускалась к деревне. Они разделились по отрядам, перед которыми встали Оми и Нага, оба уже опять были с мечами.

– Ябу-сама?

– Да, Анджин-сан?

– Прекрасно, не так ли?

– Да, хорошо.

– Спасибо, Ябу-сама. Я доволюствуюсь.

Марико автоматически поправила его:

– Я доволен.

– Ах, извините. Я доволен.

Дзозен отвел Ябу в сторону:

– Этому всему вас научил Анджин-сан?

– Нет, – солгал Ябу, – но так воюют все чужеземцы. Он только учит наших людей заряжать мушкеты и стрелять из них.

– Почему не сделать, как советует Нага-сан? Вы теперь знаете все, что вам надо? Зачем рисковать, вдруг это разойдется дальше? Он – чума. Очень опасен, Ябу-сама. Нага-сан был прав. Это верно – крестьяне легко могут научиться вести такую войну. Избавьтесь от этого чужеземца немедленно.

– Если господин Ишидо хочет его голову, он должен только сказать мне об этом.

– Я прошу. Сейчас, – в его голосе снова зазвучали резкие ноты, – я говорю от его имени.

– Я подумаю над этим, Дзозен-сан.

– И также от его имени я прошу, чтобы все ружья у этих солдат были немедленно отобраны.

Ябу нахмурился, потом переключил свое внимание на отряды мушкетеров. Они приближались к холму, их прямые, аккуратные ряды, как всегда, казались смещными, но только потому, что такой порядок движения оставался еще здесь необычным. В пятидесяти шагах они остановились. Подошли только Оми и Нага, Они отсалютовали старшим.

– Для первого случая все было хорошо, – сказал Ябу.

– Благодарю вас, господин, – ответил Оми. Он немного хромал, его лицо было грязно, в синяках и пыли. Дзозен сказал:

– В настоящей битве ваши войска должны носить мечи, Ябу-сан, правда? Самураи должны носить мечи – в конце концов у них ведь могут кончиться боеприпасы, не так ли?

– Мечи будут им мешать при наступлении и отступлении. О, они будут носить их, как обычно, чтобы избежать всяких неожиданностей, но перед первой же атакой они избавятся от них.

– Самураю всегда будет нужен меч в настоящей битве. Но все-таки я рад, что вы никогда не будете так атаковать, или, – Дзозен хотел добавить «или применять этот грязный, недостойный способ ведения войны», но вместо этого он сказал: – Или мы все будем должны отказаться от наших мечей.

– Может быть, мы и откажемся, Дзозен-сан, когда пойдем на настоящую войну.

– Вы откажетесь от вашего клинка Мурасами? Или даже от подарка Торанаги?

– Чтобы победить, да. Иначе – нет.

– Тогда тебе придется убегать как можно быстрее, чтобы спастись, когда мушкет заклинит или отсыреет порох, – Дзозен засмеялся своей шутке. Ябу был серьезен.

– Оми-сан! Покажите ему! – приказал он. Оми тут же отдал приказ. Его люди сейчас же выхватили короткие штыки-ножи в чехлах, которые почти незамеченными висели у них сзади на поясах, и вставили их в гнезда на дулах мушкетов.

– В атаку!

Самураи тут же издали свой боевой клич: «Касигииии!» Лес обнаженной стали замер в шаге от них. Дзозен и его люди нервно рассмеялись от внезапной, неожиданной угрозы.

– Хорошо, очень хорошо – сказал Дзозен. Он подошел и потрогал один из штыков. Тот был очень острый. – Может быть, вы и правы, Ябу-сама. Давайте надеяться, что его не придется испытать в бою.

– Оми-сан! – окликнул Ябу. – Постройте их. Дзозен-сан собирается провести им смотр. Потом возвращайтесь в лагерь. Марико-сан, Анджин-сан, следуйте за мной! – он крупно зашагал вниз по склону через ряды самураев, его помощники, Блэксон и Марико пошли следом за ним.

– Постройте их на дороге. Снимите штыки! Половина людей тут же исполнила приказание, развернулась и стала опять спускаться вниз по склону. Нага и его двести пятьдесят самураев остались там, где они были, штыки все еще угрожающе были выставлены вперед. Дзозен рассвирепел:

– Что здесь происходит?

– Я считаю ваши оскорбления недопустимыми, – зло сказал Нага.

– Это вздор. Я не оскорблял вас или кого-нибудь еще! Ваши штыки оскорбляют мое положение! Ябу-сама!

Ябу повернул назад. Теперь он был с другой стороны самураев Торанаги.

– Нага-сан, – холодно спросил он. – Что все это значит?

– Я не могу простить этому человеку оскорбления моего отца и меня.

– Он под защитой. Вы не можете трогать его сейчас! Он под знаком регентов!

– Прошу прощения, Ябу-сама, но это дело между Дзозен-саном и мною.

– Нет. Вы подчиняетесь моим приказам. Я приказываю вам отдать команду вашим людям вернуться в лагерь. Ни один человек не двинулся. Начался дождь.

– Прошу прощения, Ябу-сан, но это дело между мной и Дзозен-саном, и что бы ни случилось, я освобождаю вас от ответственности за мои действия и действия моих людей.

Сзади Наги один из людей Дзозена выхватил свой меч и замахнулся, собираясь ударить по его незащищенной спине. Залп из двадцати мушкетов тут же снес ему голову. Эти двадцать стрелявших встали на колени и начали перезаряжать ружья. Второй ряд приготовился стрелять.

– Кто приказал зарядить боевые патроны? – закричал Ябу.

– Я. Я, Ёси Нага-нох-Торанага!

– Нага-сан! Я приказываю вам отпустить Небару Дзозена и его людей. Отправляйтесь в лагерь и будьте там до тех пор, пока я не проконсультируюсь с господином Торанагой по поводу вашего неподчинения!

– Конечно, вы информируете господина Торанагу, и карма есть карма. Но я сожалею, господин Ябу, что сначала умрет этот человек. Все они должны умереть. Сегодня!

Дзозен пронзительно закричал:

– Я под защитой регентов! Вы ничего не добьетесь, убив меня.

– Я отстою свою честь, не так ли? – сказал Нага. – Я расплачусь за ваши насмешки над моим отцом и за ваши оскорбления в мой адрес. Но вы все равно должны были погибнуть. Не так ли? Я не мог более ясно выразиться прошлой ночью. Сейчас вы видели атаку. Я не могу рисковать, дав Ишидо узнать все это, – его рука метнулась в сторону поля битвы, – весь этот ужас!

– Он уже знает! – выпалил Дзозен, радуясь своей дальновидности в предыдущий вечер, – он уже знает! Я отправил письмо, тайно, с почтовым голубем на рассвете! Вы ничего

не добьетесь, убив меня, Нага-сан!

Нага сделал знак одному из своих людей, старому самураю, который тут же вышел вперед и бросил задушенного голубя к ногам Дзозена. За ним на землю была брошена также отрубленная голова самурая Масумото, посланного Дзозеном вчера с письмом для Ишидо. Глаза были все еще открыты, губы растянуты в злобной гримасе. Голова покатилась. Она кувыркалась по камням, пока не остановилась у скалы.

Стон сорвался с губ Дзозена. Нага и все его люди засмеялись. Даже Ябу улыбнулся. Еще один самурай Дзозена сделал выпад в сторону Наги. Двадцать мушкетов выпалили по нему, и стоящий рядом с ним, который даже не двинулся, тоже упал смертельно раненым и забился в агонии.

Смех прекратился.

Оми сказал:

– Я прикажу своим людям атаковать, господин? Нам будет легко оттеснить Нагу.

Ябу вытер капли дождя с лица:

– Нет, этим ничего не добьешься. Дзозен-сан и его люди уже мертвы, что бы я ни сделал. Это его карма, как и у Наги своя карма. Нага-сан! – окликнул он, – последний раз приказываю вам отпустить их всех!

– Пожалуйста, извините меня, но я должен отказаться.

– Очень хорошо. Когда это все закончится, подайте мне рапорт.

– Да. Должны быть официальные свидетели, Ябу-сама. Для господина Торанаги и господина Ишидо.

– Оми-сан, вы останетесь. Вы подпишете свидетельство о смерти и подготовите его отправку. Нага-сан и я подпишем его.

Нага указал на Блэксорна:

– Пусть он тоже останется. Тоже как свидетель. Он отвечает за их смерти. Он должен быть их свидетелем.

– Анджин-сан, подойдите сюда! К Наге-сану! Вы поняли?

– Да, Ябу-сан. Я понял, но почему, простите?

– Быть свидетелем.

– Извините, не понимаю.

– Марико-сан, переведите ему слово «свидетель» и что он должен свидетельствовать то, что здесь должно произойти, потом поезжайте за мной. – Пряча охватившее его огромное чувство удовлетворения, Ябу повернулся и уехал.

Дзозен пронзительно закричал:

– Ябу-сама! Пожалуйста! Ябу-самаааа!

* * *

Блэксорн наблюдал за происходящим. Когда все кончилось, он пошел домой. В доме была тишина, над деревней опустилась какая-то завеса. Ванна, казалось, не помогла ему почувствовать себя чистым. Саке не удалило грязи изо рта. Благовония не перебили запаха смрада в ноздрях.

Позже за ним прислал Ябу. Атака была разобрана, момент за моментом. На разборе были Оми, Нага и Марико. Нага, как всегда, холодный, внимательный, редко комментирующий, спокойный заместитель командира. Никто из них, казалось, не был тронут тем, что случилось.

Они работали до захода солнца. Ябу предложил ускорить подготовку. Немедленно должна была быть создана вторая команда из пятисот человек. Через неделю еще одна.

Блэксорн шел домой один, ужинал в одиночестве, захваченный своим ужасным открытием: они не знали чувства греха, все они были без совести, даже Марико.

В эту ночь он не мог спать. Он вышел из дома. Шквальные порывы ветра срывали пену с гребней волн, гремели обломками деревенских построек. Собаки выли, задрав головы

вверх или рыскали в поисках съестного. Крыши из рисовой соломы шевелились, словно живые существа. Громыхали ставни, мужчины и женщины, молчаливые, как призраки, старались закрыть и закрепить их. Был высокий прилив. Все рыбацкие лодки находились гораздо выше обычного. Все было задраено. Он прошелся берегом, потом повернул к своему дому, ему пришлось идти, согнувшись, против ветра. На дороге никого не было. Хлынул дождь, и он вскоре весь промок.

Фудзико ждала его на веранде, ветер налетал на нее, трепал пламя в масляной лампе с абажуром. Никто не спал. Слуги сносили ценные вещи в низкую глинобитную постройку на заднем дворе.

Шторм пока еще не достиг угрожающей силы.

Черепица на коньке крыши свободно изгибалась под натиском ветра, вся крыша ходила ходуном. Одна пластинка черепицы соскользнула и разбилась с громким стуком. Слуги засуетились, некоторые приготовили ведра с водой, другие пытались починить крышу. Старый садовник Ёки-я с помощью детей привязывал хрупкие кусты и деревца к бамбуковым колам.

На дом обрушился еще один шквал.

– Похоже, скоро сдует нас всех, Мариико-сан.

Она не ответила, ветер трепал одежды на ней и Фудзико, выдувал слезы из глаз. Он посмотрел на деревню. Теперь повсюду летали обломки. Ветер прорвался через щель в бумажных седзи одной из жилых комнат, и вся стена исчезла, оставив только решетчатый каркас. Противоположная стена рассыпалась, затем обрушилась крыша.

Блэксорн беспомощно повернулся, и тут ветром уничтожило седзи в его комнате. Эта стена исчезла, то же произошло с противоположной. Скоро все стены покрылись клочьями бумаги. Дом стал прозрачным, но опоры устояли и черепичная крыша не сдвинулась. Постели, фонари и маты раскидало и понесло в разные стороны, слуги гонялись за ними.

Шторм разрушил стены всех домов в деревне. Некоторые из домов были уничтожены полностью. Тяжело пострадавших не было. На рассвете ветер утих, и мужчины и женщины начали восстанавливать свои дома.

К обеду стены дома Блэксорна были восстановлены, половина деревни также имела нормальный вид. Легкие решетчатые стены требовали немного работы. Черепичные и соломенные крыши требовали большего труда, но он видел, как люди помогали друг другу, работали весело, быстро и с большой сноровкой. Мура бегал по деревне, советуя, командуя, давая поручения и проверяя. Он поднялся на холм, чтобы посмотреть, как идут дела.

– Мура, вы сделали... – Блэксорн искал слова, – вы очень легко с этим справляетесь.

– Ах, спасибо, Анджин-сан. Нам повезло, что не было пожаров.

– Вы часто гореть?

– Извините: «У вас часто бывают пожары?»

– У вас часто бывают пожары? – повторил Блэксорн.

– Да. Но я приказал деревне приготовиться. Приготовиться, вы понимаете?

– Да.

– Когда налетают эти бури... – Мура замер и глянул через плечо Блэксорна, потом он низко поклонился.

К ним подходил своей легкой подпрыгивающей походкой Оми, его глаза дружески смотрели только на Блэксорна, как будто Мура вообще не существовал.

– Доброе утро, Анджин-сан, – сказал он.

– Доброе утро, Оми-сан. У вас дома все в порядке?

– Все нормально. Спасибо, – Оми посмотрел на Муру и грубо сказал: – Люди должны ловить рыбу или работать на полях. Женщины тоже. Ябу-сама увеличил налоги. Вы хотите опозорить меня перед ним своей ленью?

– Нет, Оми-сан. Пожалуйста, извините меня. Я сейчас же распоряжусь.

– Этого вообще не следовало говорить. В следующий раз я не буду разговаривать.

– Я прошу прощения за мою глупость, – Мура торопливо ушел.

– У вас сегодня все нормально, – сказал Оми Блэксорну, – а ночь прошла спокойно?

– Сегодня все нормально, спасибо. А как у вас?

Оми говорил очень долго. Блэксорн не ухватывал всего сказанного, только отдельные слова то тут, то там, как это было и в разговоре Оми с Мурой.

– Простите, я не понял.

– Отдыхаете? Как вам показалось вчера? Атака? Учебный бой?

– Ах, понятно. Да, я думаю, все прошло хорошо.

– А свидетельство?

– Простите?

– Выступление свидетелем? Ронин Небару Дзозен и его люди? Уже забыли? – Оми изобразил удар штыком и засмеялся. – Вы были свидетелем их смерти. Смерти! Вы понимаете?

– Ах, да. Честно говоря, Оми-сан, я не люблю убийства.

– Карма, Анджин-сан.

– Да, карма. Сегодня будут учения?

– Да. Но Ябу-сама хочет поговорить с вами. Позже. Понимаете, Аджин-сан? Только поговорить, – терпеливо повторил Оми.

– Только поговорить. Понял.

– Вы начинаете очень хорошо говорить на нашем языке.

– Спасибо. Трудно. Мало времени.

– Да. Но вы умный человек и очень стараетесь. Это важно. У вас будет время, Анджин-сан, не беспокойтесь, я вам помогу, – Оми видел, что многое из того, что он говорит, не доходит до Блэксорна, но не обращал на это внимания, так как Блэксорн все равно улавливал суть, – я хочу быть вашим другом, – потом повторил это более отчетливо, – вы понимаете?

– Друг? Я понимаю «друг».

Оми показал на себя, потом на Блэксорна:

– Я хочу быть вашим другом.

– Спасибо. Очень польщен.

Оми снова улыбнулся, поклонился как равный равному и ушел.

– Дружить с ним? – пробормотал Блэксорн, – он забыл? Я не забыл.

– Ах, Анджин-сан, – сказала Фудзико, подбегая к нему, – вам не хочется поесть? За вами скоро придет Ябу-сама.

– Да, спасибо. Много разрушать? – спросил он, указывая на дом.

– Извините меня, но вам следует говорить: «Много разрушений?»

– Много разрушений?

– Фактически ничего не пострадало, Анджин-сан.

– Хорошо. Много пострадать?

– Извините меня, но нужно сказать: «Много раненых?»

– Спасибо. Раненых много?

– Нет, Анджин-сан. Никто не ранен.

Внезапно Блэксорн устал от постоянных поправок.

– Я голод. Давайте есть!

– Да, сейчас. Но извините, вам следует сказать: «Я голоден». – Она дождалась, пока он не сказал правильно, и убежала.

Он сел на веранде и стал следить за Ёки-я, старым садовником, собиравшим обломки и опавшие листья. Он видел женщин и детей, приводящих в порядок деревню, и лодки, выходящие в море из гавани. Остальные жители деревни потянулись на поля, хотя ветер и мешал им. «Хотел бы я знать, какие налоги они платят, – спросил он себя, – мне бы не хотелось быть здешним крестьянином. Да и не только здесь – нигде».

На рассвете он был поражен кажущимся опустошением деревни. – Такой шторм вряд ли повредил бы дом в Англии, – сказал он Марико. – Конечно, это был сильный шторм, но

не самый мощный. Почему бы вам не строить дома из камня или кирпича?

– Из-за землетрясений, Анджин-сан. Любое каменное здание, конечно, было бы расколото и обрушилось бы, возможно, убив или ранив его обитателей. При нашем типе построек повреждений мало. Вы посмотрите, как быстро все будет восстановлено.

– Да, но они пожароопасны. И что случится, когда начнутся большие ветры? Тайфуны?

– Тогда будет очень плохо.

Она рассказала о тайфунах и сезонах тайфунов – с июня до сентября, иногда они начинаются раньше, иногда позже. И о других природных катастрофах.

Несколько дней назад произошло небольшое землетрясение. С жаровни упал котелок и перевернулся, но угли были сразу потушены. Один дом в деревне был охвачен огнем, но, к счастью, огонь не успел распространиться. Блэксорн никогда не видел такой ожесточенной схватки с огнем. В деревне мало кто обратил на этот случай внимание. Они только посмеялись и продолжали заниматься своими делами.

– Почему люди смеялись?

– Мы считаем, что стыдно и невежливо показывать сильные чувства, особенно страх, так что мы прячем их в смехе или улыбке, хотя мы не должны показывать и этого.

«Некоторые из вас показывают», – подумал Блэксорн.

Показал это Небару Дзозен. Он умирал недостойно, плача от страха, прося его помиловать. Убивали его медленно и жестоко. Ему разрешили бежать, потом аккуратно проткнули штыком среди общего смеха, снова заставили бежать и подрезали поджилки. После этого ему позволили уползти, потом медленно вспороли живот, пока он кричал, а кровь и слизь вытекали из него, и так оставили умирать.

После него Нага обратил внимание на остальных самураев. Трое людей Дзозена тут же встали на колени, обнажили свои животы, поставили перед собой короткие мечи, чтобы совершить сеппуку. Трое их товарищей встали сзади них как помощники, обнажив длинные мечи, они взяли их обеими руками. Нага и его люди их больше не трогали. Как только самураи, стоящие на коленях легли на свои мечи, они вытянули шеи, и три меча, опустившись, одним ударом отрубили им головы. В упавших головах клацнули зубы, и все стихло. Тут же налетели мухи.

После этого на колени встали еще два самурая, последний из оставшихся стоял наготове как помощник. Первый из вставших на колени был обезглавлен тем же способом, что и его товарищи, как только опустился на нож. Другой сказал: – Нет. Я, Хирасаки Кенко, знаю как умирать – как следует умирать самураю.

Кенко был гибкий молодой человек, надушенный и миловидный, бледнолицый, волосы его были хорошо смазаны маслом и плотно заплетены в косичку. Он почтительно взялся за свой меч и частично обмотал лезвие поясом, чтобы удобнее было держаться за него рукой.

– Я осуждаю смерть Небару Дзозен-сана и этих его людей, – твердо сказал он, кланяясь Наге. Он кинул последний взгляд на небо и в последний раз ободряюще улыбнулся своему помощнику: «Сайонара, Тадео». После этого он глубоко погрузил свой нож с левой стороны себе в желудок. Он обеими руками сделал полный разрез поперек, вынул его и глубоко погрузил его снова, как раз над пахом и резко рванул вверх в полном молчании. Его вспоротые внутренности вывалились на колени, и, когда его ужасно искаженное агонией лицо ткнулось вперед, помощник опустил вниз свой меч, блеснувший широкой дугой.

Нага сам поднял за косичку голову этого самурая, отер ее от грязи и закрыл глаза. Потом он приказал своим людям проследить, чтобы голова была вымыта, упакована и отправлена Ишидо со всеми почестями, с полным отчетом о мужестве Хирасаки Кенко.

Последний самурай опустился на колени. Не было никого, кто бы помог ему совершить сеппуку. Он тоже был молод. Его пальцы дрожали, его охватил страх. Дважды он выполнял свои обязанности по отношению к своим товарищам, дважды рубил головы с большим искусством, спасая их от пытки болью и позора страха. И только что он ждал смерти своего любимого друга, который умер, как полагается самураю, принеся себя в жертву в гордой тишине, потом он опять рубил чисто, с совершенным искусством. Он никогда не убивал до

этого случая.

Он направил глаза на меч, обнажил живот и молил богов послать ему мужество его любовника. Навернулись слезы, но усилием воли он стянул лицо в замершую улыбающуюся маску, развязал свой пояс и обмотал им часть лезвия. Поскольку юноша честно выполнял свой долг, Нага сделал знак своему заместителю.

Самурай вышел вперед и поклонился, представившись по всем правилам: – Осараги Нампо, капитан девятого легиона господина Торанаги. Почту за честь быть вашим помощником.

– Икимо Тадео, первый офицер, вассал господина Ишидо, – ответил юноша, – Спасибо. Я почту за честь принять вашу помощь.

Смерть его была быстрая, безболезненная и почетная.

Головы были подобраны. Потом вновь вернулся к жизни Дзозен. Его руки судорожно пытались заправить кишки обратно в живот.

Его оставили собакам, которые пришли из деревни.

Глава Тридцать Четвёртая

В час лошади, в одиннадцать часов утра, десять дней спустя после смерти Дзозена и всех его людей, группа из трех галер огибала мыс у Анджино. Они были набиты войсками. Торанага сошел на берег. Рядом с ним был Бунтаро.

– Сначала я бы хотел посмотреть на учебную атаку, Ябу-сан, первых пятисот обучаемых, – сказал Торанага. – Не откладывая, сейчас же.

– Может быть, завтра? Мне потребуется время, чтобы подготовиться, – сказал Ябу любезно, в душе он был взбешен внезапностью появления Торанаги и зол на своих шпионов, не сумевших предупредить его. Он едва успел примчаться на берег с почетным караулом. – Вы, наверное, устали...

– Нет, благодарю вас, – сказал Торанага намеренно резко, – мне не нужны защитники или сложные построения, крики или показательные смерти. Вы забыли, старина, я играл в пьесах «Но» и достаточно много их поставил, чтобы уметь использовать свое воображение. Я не ронин-крестьянин. Пожалуйста, прикажите сразу же выступить.

Они стояли на берегу около пристани. Торанага был окружен отборными телохранителями, остальные высаживались с причалившей галеры. Еще тысяча самураев с тяжелым вооружением находились на двух галерах, которые ждали на рейде. День был теплый, небо безоблачно, на море была небольшая волна, на горизонте дрожало легкое морево.

– Игураши, посмотри-ка! – Ябу спрятал свой гнев. С тех пор, как было отправлено первое донесение о прибытии Дзозена одиннадцать дней назад, поступило только несколько незначительных сообщений из Эдо от его собственных шпионов и ничего, кроме редких возмутительно бессодержательных ответов Торанаги на его более важные сигналы: «Ваше сообщение получено и внимательно изучается», «Удивлен сообщениями о моем сыне. Пожалуйста, дождитесь дальнейших инструкций». Затем, четыре дня назад: «Виновные в смерти Дзозена будут наказаны. Они должны оставаться на своих постах, но держите их под арестом, пока я не проконсультируюсь с господином Ишидо». И вчера, как бомба: «Сегодня получил официальное приглашение нового Совета регентов из Осаки на цермонию открытия выставки цветов. Когда вы собираетесь выехать? Сообщите немедленно».

– Ведь это не означает, что Торанага действительно поедет? – спросил озадаченный Ябу.

– Он вынужден сделать это, – ответил Игураши, – во всяком случае он испытывает вас.

– Да, вероятно, – сказал Оми.

– Почему нет новостей из Эдо? Что случилось с нашими шпионами?

– Похоже, что Торанага накрыл Кванто одеялом, – сказал ему Оми, – может быть, он знает, кто ваши шпионы!

– Сегодня десятый день, господин, – напомнил Ябу Игураши. – Все готово для вашего отъезда. Вы собираетесь ехать или нет?

Сегодня здесь на берегу Ябу благодарил охранявших его ками, которые убедили его принять совет Оми оставаться до последнего возможного момента, еще три дня.

– Относительно вашего последнего письма, Торанага-сама, того что пришло вчера, – сказал он. – Вы, конечно, не поедете в Осаку?

– А вы?

– Я признаю вас как своего вождя. Конечно, я ждал вашего решения.

– Мне решить легко, Ябу-сама. Но вам трудно. Если вы поедете, регенты наверняка обвинят вас в убийстве Дзозена и его людей. Ишидо действительно очень сердит, и справедливо. Не так ли?

– Я не виноват в этом, господин Торанага. Убийство Дзозена – как ни заслуживал он этого – было совершено вопреки моим приказам.

– Это сделал Нага-сан, да? Иначе, конечно, вы должны были бы сделать это сами. Я поговорю с Нага-саном позднее, но пойдемте, мы можем продолжить разговор в пути. Не нужно тратить время, – Торанага взял быстрый темп, телохранители держались вплотную к нему. – Да, у вас действительно дилемма, старина. Если вы поедете, вы потеряете голову, потеряете Идзу и, конечно, весь ваш род Касиги отправится на казнь. Если вы останетесь, Совет издаст такое же постановление, – он оглянулся на Ябу, – может быть, вам следует сделать то, что вы предлагали, когда я последний раз был в Анджино, сделать мне. Я буду счастлив быть вашим помощником. Может быть, ваша голова улучшит Ишидо настроение, когда я увижу его.

– Моя голова ничего не значит для Ишидо.

– Я так не думаю.

Их прервал Бунтаро:

– Простите меня, господин. Где вы хотели разместить моих людей?

– На плато. Устройте там свой постоянный лагерь. Двести человек охраны будут стоять со мной у крепости. Когда отдадите все распоряжения, присоединяйтесь к нам. Я хочу, чтобы вы посмотрели на учения. – Бунтаро торопливо ушел.

– Постоянный лагерь? Вы остаетесь здесь? – спросил Ябу.

– Нет, только мои люди. Если атака так хороша, как я слышал, мы сформируем девять штурмовых батальонов по пятьсот самураев в каждом.

– Что?

– Да. Я привез с собой еще тысячу отборных самураев для вас. Вы обеспечите еще одну тысячу.

– Но нет достаточного количества ружей и подготовка...

– Ну, извините, вы не правы. Я привез тысячу мушкетов и вдоволь пороха и пуль. Остальное прибудет в течение недели вместе с еще одной тысячей человек.

– У нас будет девять штурмовых батальонов?

– Да, они составят один полк. Командиром будет Бунтаро.

– Может быть, было бы лучше, если бы командовал полком я. Он будет...

– О, не забывайте, что Совет состоится через несколько дней. Как вы сможете командовать полком, если собираетесь в Осаку? Вы готовы ехать?

Ябу остановился: – Мы союзники. Мы договорились, что вы старший, и помочились в знак договоренности. Я соблюдал и соблюдаю ее. Сейчас я спрашиваю, какой у вас план? Мы воюем или нет?

– Никто не объявлял мне войны. Пока.

Ябу страстно желал выхватить свой меч работы Ёситомо и выпустить кровь из Торанаги прямо здесь на песке, покончив с ним раз и навсегда, чего бы это ни стоило. Он чувствовал дыхание телохранителей вокруг себя, но не заботился сейчас об этом: – Разве Совет не предвещает вашей смерти тоже? Вы сами сказали об этом. Как только они встретятся, вы должны будете повиноваться. Так?

– Конечно, – Торанага сделал знак телохранителям, чтобы они отошли, легонько оперся о свой меч, широко и твердо расставив свои массивные ноги.

– Тогда каково же ваше решение? Что вы предлагаете?

– Сначала посмотреть атаку.

– Потом?

– Потом поехать поохотиться.

– Вы собираетесь в Осаку?

– Конечно.

– Когда?

– Когда мне захочется.

– Вы имеете в виду, не тогда, когда захочется Ишидо.

– Я имею в виду, когда это захочется мне.

– Мы будем изолированы, – сказал Ябу, – мы не можем воевать со всей Японией, даже имея штурмовой полк, и мы, видимо, не сможем подготовить его за десять дней.

– Да.

– Тогда какой у вас план?

– Что на самом деле произошло у Дзозена с Нагой?

Ябу рассказал все как было, опустив только тот факт, что Нага был спровоцирован Оми.

– А мой чужеземец? Как себя вел Анджин-сан?

– Хорошо. Очень хорошо, – Ябу рассказал ему о попытке самоубийства в первый вечер и как он склонил Блэксорна на свою сторону, к их общей выгоде.

– Это было умно, – медленно сказал Торанага. – Я никогда не думал, что он попытается совершить сеппуку. Интересно.

– Повезло, что я приказал Оми быть наготове.

– Да.

Ябу нетерпеливо ждал дальнейшего, но Торанага молчал.

– Эту новость о том, что господин Ито станет регентом, я вам сообщил, – сказал наконец Ябу. – Вы знали об этом до моего письма?

Торанага ответил не сразу:

– До меня доходили слухи. Господин Ито – лучший выбор для Ишидо. Бедный глупец всегда радуется, когда его возносят, а потом снова оказывается носом в чужом анусе. У них собирается хорошая компания.

– Его голос погубит вас тем не менее.

– Если Совет состоится.

– А, так у вас есть план?

– У меня всегда есть план – или планы – разве вы не знаете? Но вот вы, каков у вас план, союзник? Если вы хотите ехать, то поезжайте. Если вы хотите остаться, оставайтесь. Выбирайте! – он пошел дальше.

* * *

Марико протянула Торанаге свиток, тесно исписанный иероглифами.

– Это все? – спросил он.

– Да, господин, – ответила она, недовольная теснотой каюты и вообще тем, что она опять находится на борту, даже если корабль и стоит в гавани. – Здесь повторяется многое из того, что есть в военном руководстве, но я записывала каждый вечер все, что происходило. Это почти как дневник всего, что случилось или было сказано с того времени, как вы уехали.

– Хорошо. Кто-нибудь еще читал его?

– Нет, насколько я знаю, – она стала обмахиваться веером. – Наложница Анджин-сана и слуги видели, как я писала, но я все время держала это под замком.

– И каковы ваши выводы?

Марико заколебалась. Она взглянула на дверь каюты и закрытый иллюминатор.

Торанага сказал:

– На борту только мои люди.

– Да, господин. Я только вспомнила, что Анджин-сан говорил, что на борту корабля нет секретов. Так что простите, – она задумалась на минуту, потом продолжала более уверенно. – Мушкетный полк выиграет одно сражение. Чужеземцы могут победить нас, если они высадутся, силой пушек и ружей. У нас должен быть военно-морской флот, как у них. Все знания, которыми обладает Анджин-сан, имеют для вас огромное значение, так что это должно держаться в секрете, это только для ваших ушей. В чужих руках это знание будет смертельно для нас.

– Кто еще в курсе того, что он рассказывает?

– Ябу-сан знает много, но Оми-сан знает больше – он более догадливый. Игураши-сан, Нага-сан и солдаты, конечно, понимают стратегию, не отдельные мелкие детали, и никто не постиг всего, что знает Анджин-сан о политике и вообще о мире. Ну, я больше всех остальных. Я записывала все, что он говорил, спрашивала, комментировала. Как могла. Конечно, он только рассказывал нам об определенных вещах, но его познания огромны и память почти совершенна. При его терпении он может дать вам точную картину мира, описать его обычаи, опасности... если он говорит правду.

– А он говорит правду?

– Я считаю, что да.

– Каково ваше мнение о Ябу?

– Ябу-сан – очень вспыльчивый человек без каких-либо угрызений совести. Он не ценит ничего, кроме своих собственных интересов. Долг, верность, традиция ничего для него не значат. Его ум вспыхивает до больших озарений, даже гениальности. Он одинаково опасен и как враг, и как союзник.

– Это все исправляемые качества. А что против него?

– Плохой администратор. Его крестьяне устроят бунт, если только получат оружие.

– Почему?

– Грабительские, незаконные налоги. Он берет семьдесят пять из ста частей риса, рыбы, всего остального. Он начал брать налог с головы, с земли, с лодки, с каждой продажи, с каждого барреля sake – в Идзу со всего берутся налоги.

– Может быть, я возьму его или его управляющего к себе в Кванто. Ну, то что он делает здесь, это его дело, у его крестьян никогда не будет оружия, так что нам нечего беспокоиться об этом. Я мог бы все еще использовать Идзу как базу, если будет необходимость.

– Но, господин, шестьдесят частей – официальный предел.

– Это был официальный предел. Тайко сделал его законным, но он мертв. Что еще о Ябу?

– Он умерен в еде, его здоровье, видимо, прекрасное, но Суво, массажист, говорит, что у него проблема с почками. У него есть любопытные привычки.

– Какие?

Она рассказала ему о Ночи Стонов.

– Кто сказал вам об этом?

– Суво. А также жена и мать Оми-сана.

– Отец Ябу тоже варил своих врагов. Трата времени. Но я могу понять, что ему иногда это нужно бывает делать. А его племянник, Оми?

– Очень проницательный. Очень умный. Очень способный. Абсолютно предан своему дяде.

– Семья Оми?

– Его мать соответственно очень плохо относится к Мидори, его жене. Жена – самурай, мягкая, сильная и очень хорошенькая. Все преданные вассалы Ябу-сана. В настоящее время у Оми-сана нет наложницы, хотя Кику, самая известная куртизанка в Идзу, почти стала его наложницей. Если бы он мог выкупить ее контракт, я думаю, он бы ввел ее в свой дом.

– Он поможет мне против Ябу, если мне это потребуется?

Она подумала об этом. Потом покачала головой.

– Нет, господин, я так не думаю. Я думаю, что он вассал своего дяди.

– Нага?

– Как самурай – лучше быть не может. Он сразу понял опасность Дзозен-сана и его людей для вас и заблокировал все до тех пор, пока не проконсультировался с вами. При том, что он ненавидит мушкетный батальон, он тренирует свое войско так, что они добьются совершенства.

– Я думаю, он был очень глуп – стал марионеткой Ябу.

Она поправила складку на кимоно, промолчав.

Торанага обмахнулся веером. – Теперь что скажете об Анджин-сане?

Она ожидала этого вопроса, и вот он задан, все умные фразы, которые она подготовила, вылетели у нее из головы.

– Ну?

– Вы должны судить по этому свитку, господин. В некоторых вещах он непостижим. Конечно, его воспитание и происхождение ничего общего не имеют с нашими. Он очень сложный и вне нас – вне моего понимания. Он бывает очень открытым. Но с тех пор, как он попытался сделать сеппуку, он изменился. Он стал более скрытен. – Она рассказала о том, что сказал и сделал в этот вечер Оми. И об обещании Ябу.

– Ах, его остановил Оми – не Ябу-сан?

– Да, Оми.

– И Ябу следовал совету Оми?

– Да, господин.

– Так Оми его советник. Интересно. Но Анджин-сан, конечно, не ожидает, что Ябу сдержит свое обещание?

– Да, абсолютно.

Торанага засмеялся: – Как по-детски!

– Христианская «совесть» очень глубока в его душе, так что, извините, он не может избежать своей кармы, одна часть которой в том, что им в целом управляет ненависть к смерти тех, кого он называет «невинными». Несколько ночей он плохо спал и целыми днями едва разговаривал со всеми.

– Эта «совесть» есть у всех чужеземцев?

– Нет, хотя она должна была бы быть у всех чужеземцев-христиан.

– Он лишится когда-нибудь этой «совести»?

– Я так не думаю. Но до тех пор он будет беззащитен, как ребенок.

– А его наложница?

Она рассказала ему всю историю с Фудзико.

– Хорошо, – он был рад, что его выбор Фудзико и весь план оказались так удачны. – Очень хорошо. Она превосходно себя вела в этой истории с пистолетами. А каково его поведение, какие у него привычки?

– В основном нормальное, за исключением его удивительного смущения в вопросах секса и упорного нежелания обсуждать самые обычные функции человеческого организма, – она также описала его необычную потребность в уединении и его отвратительные привычки в питании. – В остальном он внимательный, рассудительный, живой и способный ученик, очень интересуется нашими обычаями и нами. Я объяснила ему кое-что о нашей жизни, и нашей истории, о Тайко и проблемах, встающих сейчас перед нашим государством.

– Вы рассказали ему о наследнике?

– Да, господин. Что-нибудь неправильно?

– Нет, я говорил вам, чтобы вы учили его. Как его японский?

– Сравнительно неплохо. Временами он говорит на нашем языке совсем хорошо. Он талантливый ученик, господин.

– А в вопросах секса?

– У него одна из наших служанок, – сразу сказала она.

– Он сам ее выбрал?

– Ее послала ему наложница.

– И?

– Я так поняла, что в целом все было нормально.

– Ах! Так у нее не было никаких трудностей?

– Нет, господин.

– Но он пропорционально сложен?

– Девушка сказала: «О, да», она сказала «даже чрезмерно».

– Превосходно. По крайней мере в этом его карма хороша. Это проблема массы людей

– Ябу, Кийямы. Маленькие члены. Несчастье родиться с маленьким членом, – он взглянул на свиток, потом с треском закрыл свой веер. – А как вы, Марико-сан?

– Хорошо, благодарю вас, господин. Я очень рада, что вы так хорошо выглядите. Могу я поздравить вас с рождением внука?

– Да, благодарю вас. Я доволен. Мальчик хорошо сложен и кажется здоровым.

– А госпожа Дзендзико?

Торанага хмыкнул: – Она сильна, как всегда, – он поджал губы, задумавшись на минуту. – Может быть, вы могли бы рекомендовать для ребенка приемную мать⁸? Боюсь, будет нелегко найти нужного человека. Госпожа Дзендзико – не самая легкая в общении, правда?

– Я уверена, вы найдете подходящего человека, господин. Я, конечно, подумаю об этом, – ответила Марико, зная, что советовать в таком деле глупо, так как ни одна женщина не могла бы удовлетворить сразу и Торанагу, и его сноху.

– Спасибо. А вы сами, Марико-сан?

– С удовольствием, господин. Благодарю вас.

– А ваша христианская совесть?

– Здесь нет никаких проблем, господин. Я сделаю все, что вы пожелаете. С большим удовольствием.

– Здесь нет никого из священников?

– Нет, господин.

– А вам не нужен священник?

– Было бы хорошо исповедаться и получить благословение. Действительно, мне бы этого хотелось – исповедаться в сделанном и получить благословение.

Торанага внимательно посмотрел на нее. Ее глаза были бесхитростны. – Вы хорошо поработали, Марико-сан. Пожалуйста, продолжайте так же.

– Да, господин, спасибо. Еще одно – Анджин-сану нужна книга по грамматике и словарь.

– Я послал к Тсукку-сану за ними, – он заметил, что она нахмурилась. – Вы не уверены, что он их пришлет?

– Он выполнит вашу просьбу, конечно. Может быть, не так быстро, как вам бы хотелось.

– Я скоро узнаю об этом, – добавил Торанага с угрозой. – Ему осталось только тринадцать дней.

Марико сильно удивилась: «Что?» – спросила она, не понимая

– Тринадцать? Ах, да, – грубо сказал Торанага, пытаясь выправить свою ошибку, – когда мы были на борту португальского судна, он просил разрешения посетить Эдо. Я согласился, поставив условием, чтобы это было в течение сорока дней. Осталось тринадцать. Разве сорок дней – это не то время, которое этот бонза, этот пророк, этот Моисей провел на горе, собирая заповеди «Бога», которые были выбиты на камне?

– Да, господин.

– Вы верите, что это было?
– Да. Но я не понимаю, как и почему.
– Пустая потеря времени – это обсуждение «дел Бога». Не так ли?
– Если вы стремитесь к фактам, да, господин.
– Пока вы ждете этот словарь, вы не пытались сделать свой?
– Да, Торанага-сама. Боюсь, он не так хорош. К сожалению, видимо, для этого было слишком мало времени, столько проблем. Здесь – везде, – добавила она подчеркнуто.

Он согласно кивнул, зная, что ей очень хотелось бы спросить о многих вещах: о новом Совете и назначении господина Ито, что будет с Нагой и скоро ли начнется война. – Мы счастливы, что ваш муж опять с нами. Правда?

Ее веер замер:

– Я не надеялась, что он останется живым. Я каждый день молилась и зажигала курильницу в память о нем.

Бунтаро рассказал ей этим утром, как еще один отряд самураев Торанага прикрывал его отступление от берега и ему удалось без проблем пробраться пригородами Осаки. Потом, собрав по дороге пятьдесят человек и запасных лошадей, под видом бандитов, спешным порядком через холмы и по нехоженным тропинкам они устремились в Эдо. Дважды преследователи настигали его, но сил для окружения у них не хватало, и он пробивался. Один раз он попал в засаду и потерял всех своих людей, кроме четверых, и снова спасся, уйдя глубже в леса, передвигаясь ночью, днем отсыпаясь. Ягоды и вода из ручьев, немного риса, захваченного в уединенных крестьянских домах, потом снова скачка, с преследователями по пятам. У него ушло двадцать дней для того, чтобы добраться до Эдо. С ним пробилось всего двое.

– Это было почти чудо, – сказала она. – Я думала, что мной овладел ками, когда увидела его рядом с вами на берегу.

– Он умен. Очень силен и очень умен.

– Могу я узнать, что известно о господине Хиро-Мацу, господин? Обо всех, оставшихся в Осаке? Госпоже Киритсубо и госпоже Сазуко?

Торанага уклончиво сообщил ей, что Хиро-Мацу прибыл в Эдо за день до его выезда оттуда, хотя его дамы решили остаться в Осаке. Причиной такой задержки было здоровье госпожи Сазуко. Необходимости в таких сложностях не было. Оба – и Марико, и он – знали, что это была только форма для сохранения хорошей мины при плохой игре, так как генерал Ишидо никогда бы не позволил уехать двум таким ценным заложницам после того, как из его рук вырвался Торанага.

– Сигата га най, – сказал он. – Карма, нех? – Ничего нельзя было сделать. Карма, не так ли?

– Да.

Он поднял ее свиток. – Сейчас я должен прочитать это. Благодарю вас, Марико-сан. Вы справились с этим превосходно. Пожалуйста, приведите утром в крепость Анджин-сана.

– Но господин, я должна приготовить дом для моего мужа. Ему нужны дом и слуги.

– Это будет трата времени, денег и вообще все это лишь на очень короткое время. Он будет со своими солдатами или в доме Анджин-сана – где он пожелает, – он заметил вспышку возмущения. – Нан дза?

– Мое место с моим господином. Служить ему.

– Ваше место там, где нужно мне. Не так ли?

– Да, пожалуйста, извините меня. Конечно.

Она ушла.

Он внимательно изучил ее свиток и руководство по военному делу. Потом перечитал отдельные отрывки в свитке Марико. Затем надежно убрал их, поставил часовых у каюты и вышел наверх на палубу.

– Но, господин, теперь, когда мой хозяин здесь, я буду должна...

– Ваш муж уже согласился, что пока я здесь, все останется как раньше и вы будете

работать переводчицей. Ваша первая обязанность – несколько следующих дней быть при Анджин-сане.

Было утро. День обещал быть теплым и облачным. Он отменил ранее намеченную встречу с Анджин-саном и поехал на плато с сотней самураев охраны. Там он взял своих соколов и трех ястребов и уехал на охоту за двадцать ри. К полудню он уже добыл трех фазанов, двух больших вальдшнепов, зайца и пару перепелов. Он послал вальдшнепа и зайца Анджин-сану, остальное в крепость. Некоторые из его самураев не были буддистами, и он терпимо относился к их вкусам. Сам он съел чуть-чуть холодного риса с рыбным пюре и немного маринованных водорослей с пучком имбиря. Потом свернулся калачиком на земле и уснул.

* * *

Был уже конец дня, когда Блэксорн, весело насвистывая, устроился в кухне. Вокруг него стояли главный повар, помощник повара, резчик овощей, резчик рыбы и их помощники, все улыбались, но в глубине души были обижены, потому что здесь в кухне был их хозяин со своей хозяйкой, а также потому, что им сказали, что он собирается оказать им честь, показав, как надо разделывать и готовить пищу по его способу. И, наконец, из-за зайца.

Он уже повесил фазана снаружи дома под скатом крыши, дав строгие инструкции, чтобы никто его не трогал. – Вы понимаете, Фудзико-сан? Не трогая кроме мене? – спросил он с напускной серьезностью.

– О, да, Авджин-сан. Они все поняли. Только, к сожалению, простите меня, но вам следовало сказать: «Никто не должен трогать, кроме меня».

– Теперь, – сказал он, ни к кому в частности не обращаясь. – Высокое искусство кулинарии. Урок первый.

– Досо гомен насаи? – спросила Фудзико.

– Миру! – Смотри!

Чувствуя себя снова молодым – одной из его первых обязанностей по дому было чистить дичь, которую они с братом с большим риском добывали браконьерством в поместьях вокруг Чэтэма, – он выбрал длинный изогнутый нож. Суси, шеф-повар, побледнел. Это был его любимый нож, со специально отточенным лезвием, позволяющим придавать такое совершенство ломтикам сырой рыбы. Вся прислуга знала это, и все они затаили дыхание, улыбаясь больше для того, чтобы спрятать свое смущение.

Блэксорн разрезал желудок зайца и аккуратно вывалил все Потроха. Одна из молоденьких служанок скривилась в потугах на рвоту и выбежала. Фудзико решила лишиться ее месячной зарплаты, желая в то же время быть такой же крестьянской девушкой и иметь возможность так же спокойно убежать из кухни.

Они смотрели остановившимися глазами, как он отрезал передние и задние лапы, потом засунул передние лапы обратно под кожу, в разрез, облегчив себе снятие шкуры с ног. То же самое он проделал с задними ногами и, отделив кругом шкуру, чтобы можно было просунуть голые задние ноги в разрез, ловким рывком натянул ее на заячью голову. Он положил почти ободранного зайца на разделочный стол и отрубил голову с внимательными трогательными глазами. Потом вывернул шкуру на наружную сторону и отложил ее в сторону. По кухне пронесся вздох. Он не слышал его, так как весь сосредоточился на своем занятии. Еще одна служанка выбежала вон.

– Теперь мне нужен котелок, – сказал Блэксорн с довольной улыбкой.

Никто ему не ответил. Они просто смотрели все с теми же застывшими улыбками. Ему попался на глаза большой железный котел. Блэксорн поднял его окровавленными руками, наполнил водой из деревянной бочки, потом повесил над жаровней, устроенной в яме среди земляного пола, окруженной камнями. Положил туда куски мяса.

– Теперь немного овощей и специй, – сказал он.

– Дозо? – хрипло спросила Фудзико.

Он не знал японских слов, поэтому просто оглянулся вокруг. Там в корзинах была морковь, несколько корнеплодов, напоминающих турнепс. Блэксорн их все почистил, порезал и вместе с солью и темным соусом добавил в суп.

– Еще бы сюда несколько луковиц, чеснок и портвейн.

– Дозо? – опять беспомощно спросила Фудзико.

– Котаба сиримасен. – Я не знаю слов.

Она не поправила его, только подняла ложку и предложила ему. Он покачал головой: «Саке». Помощник повара вышел из оцепенения и дал ему маленький деревянный бочонок.

– Домо, – Блэксорн налил полную чашку, потом добавил другую, чтобы не ошибиться. Ему хотелось самому выпить из бочонка, но он знал, что это считается дурным тоном, особенно если пить холодным и без всех церемоний, тем более здесь, в кухне.

– Боже мой, как мне хочется пива, – сказал он.

– Дозо годзиемасита, Анджин-сан?

– Котаба сиримасе, но этот огонь слишком уж разошелся. Исибан, ней? – он указал на свистящий котелок.

– Хай, – сказала она, не поняв.

– Окури тсукаи аригато Торанага-сама, – сказал Блэксорн. – Пошлите кого-нибудь поблагодарить господина Торанагу. – Никто не поправил его плохой японский.

– Хай, – оказавшись на улице, Фудзико поспешила в отдельный маленький домик, который уединенно стоял около центрального выхода в сад. Ей было очень плохо.

– Вы здоровы, хозяйка? – спросила ее служанка, Нигатсу. Это была среднего возраста пухлая женщина, она присматривала за Фудзико всю ее жизнь.

– Убирайся. Но сначала принеси мне немного зеленого чая. Нет, тебе же придется идти через кухню... ох, ох, ох!

– У меня здесь есть чай, хозяйка. Мы подумали, что вам потребуется чай, и вскипятили его на другой жаровне. Вот!

– Ох, ты у меня такая умная! – Фудзико с любовью ущипнула Нигатсу за круглую щеку, другая служанка в это время обмахивала ее веером. Она вытерла рот бумажным полотенцем и с благодарностью устроилась на веранде на подушках: «Ох, уже лучше!» Ей действительно стало лучше на открытом воздухе, в тени. Легкое послеполуденное солнце отбрасывало резкие тени, мелькали бабочки, море было далеко внизу, спокойное и блестящее на солнце.

– Что происходит, хозяйка? Мы даже не осмелились подглядывать.

– Ничего особенного. Хозяин – хозяин... так, ничего особенного. У него непонятные нам обычаи, но это наша карма.

Она взглянула в сторону и увидела, как ее главный повар чинно идет через сад, и ее сердце упало. Он перемененно поклонился, строгий, худой, маленький человек с большими ногами и очень неровными зубами. Прежде чем он смог произнести хотя бы слово, Фудзико сказала, вымученно улыбаясь: – Закажите в деревне новые ножи. Новый горшок для риса. Новую разделочную доску, новые бочки для воды – всю кухонную утварь. То, что брал хозяин, держите для его личных целей. Вы отведите ему отдельное место, постройте отдельную кухню, если хотите, где он может готовить по своему вкусу, пока вы не научитесь.

– Благодарю вас, Фудзико-сан, – сказал повар. – Извините меня, что я вас прерываю, но я знаю в соседней деревне прекрасного повара. Он не буддист и даже был с нашей армией в Корее, так что он знает, как готовить для хозяина, намного лучше, чем я.

– Когда мне потребуется другой повар, я вам скажу. До тех пор вы будете здесь главным поваром. Вы приняты на это место на шесть месяцев, – сказала ему Фудзико.

– Да, госпожа, – сказал повар с показным достоинством, хотя внутри у него все бушевало, так как Фудзико-нох-Анджин была не из тех, с кем можно было своевольничать. – Пожалуйста, извините меня, но я был нанят поваром. Я горд тем, что я повар. Но я никогда не нанимался быть мясником. Эта – мясники. Конечно, у нас здесь не может быть эта, но

этот другой повар не буддист как я, мой отец, его отец и отец его отца, госпожа, и они никогда, никогда... Извините, но этот новый повар будет...

– Вы будете готовить здесь, как вы всегда готовили. Я нахожу, что вы это делаете превосходно, как подобает мастеру-повару в Эдо. Я даже послала один ваш рецепт госпоже Киритсубо в Осаку.

– О? Благодарю вас. Вы оказали мне слишком большую честь. А какой рецепт, госпожа?

– Мелкие свежие угри и медузы с резаными устрицами с капелькой сои, которых вы так прекрасно готовите. Превосходно! Лучшее из всего, что я когда-либо пробовала.

– О, большое спасибо за похвалу, хозяйка, – рассыпался он в благодарностях.

– Но ваши супы оставляют желать много лучшего.

– О, извините!

– Я поговорю об этом с вами позднее. Спасибо, повар, – сказала она, стараясь от него отделаться.

Но маленький повар держался храбро: – Пожалуйста, извините меня, хозяйка, но, ох-ко, при всем моем уважении, если хозяин... когда хозяин...

– Когда хозяин прикажет вам приготовить или разделать или что-то еще, вы постараетесь как можно быстрее все сделать. Тотчас же. Как и подобает всякому верному слуге. Так как вам может потребоваться много времени, чтобы стать в этом профессионалом, вам лучше договориться временно с другим поваром, что он будет посещать вас в тех редких случаях, когда хозяин захочет поесть своей пищи.

Его честь профессионала не пострадала, повар с улыбкой поклонился: – Благодарю вас. Пожалуйста, извините меня за мою назойливую просьбу.

– Конечно, вы платите за второго повара из собственного жалованья.

Когда они остались одни, Нигатсу хихикнула, закрывшись рукой: – Ох, хозяйка-чан, можно мне сделать вам комплимент. Главный повар чуть не пустил ветры, когда вы сказали, что он должен еще и платить!

– Спасибо, Нанни-сан, – Фудзико почувствовала запах почти готового зайца. «Что, если он попросит меня поесть с ним? – спросила она себя и чуть не пала духом. – Даже если он не попросит, я все равно должна буду прислуживать ему. Как мне избежать этого чувства тошноты? Ты не будешь чувствовать тошноту, – приказала она себе. – Это твоя карма. Ты должна полностью сосредоточиться на своей ужасной предыдущей жизни. Да. Но помни, теперь все прекрасно. Еще осталось только пять месяцев и шесть дней. Не думай об этом, думай только о своем хозяине, он смелый, сильный мужчина, хотя у него и отвратительные привычки в еде...»

У ворот процокали копытами лошади. Бунтаро слез с коня и махнул рукой, отпуская своих людей. Потом, взяв с собой только одного своего личного телохранителя, крупными шагами прошел через сад. Он был весь пыльный и потный. В руках нес свой огромный лук, за спиной у него висел колчан. Фудзико и ее служанка приветливо поклонились, хотя и ненавидели его. Ее дядя был известен своими дикими необузданными приступами ярости, во время которых он мог обругать кого-нибудь без всякого повода, почти с любым затеять ссору. В большинстве случаев страдали только его слуги или его женщины. – Пожалуйста, проходите, дядя. Как мило, что вы сразу навестили нас, – сказала Фудзико.

– Здравствуй, Фудзико-сан. Слушай, что это за смрад?

– Мой хозяин готовит себе дичь, которую прислал ему господин Торанага, – он показывает моим несчастным слугам, как ее готовить.

– Если он хочет готовить, я полагаю, что он может, хотя... – Бунтаро брезгливо сморщил нос. – Да, хозяин может делать все, что захочет в своем доме, если он не мешает соседям.

По закону, неприятный запах мог вызвать жалобы, и это могло очень плохо кончиться при несговорчивых соседях. Низшие рангом опасались обеспокоить соседей более высокого ранга. Иначе могли полететь головы. Вот почему по всей стране каждое сословие старалось

селиться обособленно, если это было возможно, крестьяне рядом с крестьянами, купцы на своих собственных улицах, а эта изолированно жили в стороне от остальных. Их непосредственным соседом был Оми. «Он выше рангом», – подумала она.

– Я от всей души надеюсь, что мы никому не причинили беспокойства, – с усилием сказала она Бунтаро, гадая, какого дьявола он еще придумал. – Вы хотите видеть хозяина? – Она собралась встать, но он остановил ее.

– Нет, пожалуйста, не мешай ему, я подожду, – сказал он церемонно, и ее сердце упало. Бунтаро не соблюдал никаких правил хорошего тона, и его вежливость была подозрительна.

– Извините, что приехал так вот, запросто, не дожидаясь приглашения, – говорил он, – но господин Торанага сказал мне, что мне, может быть, разрешат пользоваться вашей баней и останавливаться в вашем доме. Время от времени. Вы не спросите потом у Анджин-сана, не разрешит ли он?

– Непременно, – сказала Фудзико выдерживая обычный этикет, недовольная самой идеей пребывания Бунтаро в ее доме. – Я уверена, что он почтет за честь, дядя. Можно мне предложить пока вам зеленого чая или саке?

– Саке, пожалуйста.

Нигатсу поспешно положила на веранде подушку и убежала за саке, как ни хотелось ей остаться.

Бунтаро протянул лук и колчан телохранителю, сбросил свои пыльные сандалии и протопал на веранду, вытащив из-за пояса свой боевой меч, сел, скрестив ноги, и положил меч на колени.

– Где моя жена? С Анджин-саном?

– Нет, Бунтаро-сан, извините, ей было приказано явиться в крепость, где...

– Приказано? Кем приказано? Касиги Ябу?

– Нет, господином Торанагой, когда он вернулся с охоты после обеда.

– Господином Торанагой? – Бунтаро сдержался и сердито посмотрел через бухту на крепость. Рядом со знаменем Ябу развевался флаг Торанаги.

– Может быть, послать кого-нибудь за ней?

Он покачал головой:

– Для нее еще будет время, – он вздохнул, глядя на свою племянницу, дочь младшей сестры. – Мне повезло, что у меня такая образованная жена, не так ли?

– Да, господин. Ее устами говорит Анджин-сан, чьи знания нам так необходимы.

Бунтаро смотрел на крепость, когда ветер опять принес запах из кухни:

– Напоминает Нагасаки или Корею. Они там все время готовят мясо, варят или жарят. Вонь – вы никогда не нюхали ничего подобного. Корейцы животные, как людоеды. Запах чеснока пропитывает вашу одежду и волосы.

– Это должно быть ужасно.

– Война хорошо начиналась. Мы легко могли победить, дойти до Китая и принести цивилизацию в обе страны, – Бунтаро раскраснелся, голос его стал прерывистым. – Но не сумели. Мы проиграли и вернулись с позором, потому что нас предали. Предали грязные изменники, сидящие на высоких должностях.

– Да, как это ни печально, но вы правы, Бунтаро-сама, – сказала она успокаивающе, спокойно произнося эту ложь, зная, что ни один народ на земле не смог бы завоевать, а тем более цивилизовать Китай, который был цивилизованным государством уже с древнейших времен.

Жила на лбу Бунтаро запульсировала, он стал говорить почти для себя одного:

– Они расплатятся. Все эти изменники. Надо только подождать около реки достаточно долго, пока тела ваших врагов не поплывут мимо, не так ли? Я буду ждать, и я скоро плюну на их головы, очень скоро. Я пообещал это себе, – он посмотрел на Фудзико. – Я ненавижу предателей и изменников. И всяких лжецов!

– Да, я с вами согласна. Вы так правильно говорите, Бунтаро-сама, – сказала она, похолодев, зная, что его ярости не бывает предела. Когда Бунтаро было шестнадцать, он

убил свою собственную мать, одну из младших наложниц Хиро-Мацу, за ее предполагаемую неверность, пока его отец, Хиро-Мацу, был на войне, воюя против диктатора, господина Города. Потом, годом позже, он убил своего старшего сына от первой жены за предполагаемые оскорбления и отослал жену к ее семье, где она умерла от своей собственной руки, не вынеся позора. Он делал ужасные вещи со своими наложницами и Марики. Он бурно поссорился с отцом Фудзико и обвинил его в трусости в Корее, дискредитировав перед Тайко, который приказал ему обрить голову и стать монахом, после чего тот вскоре умер от пьянства, снедаемый стыдом.

Фудзико пришлось напрячь всю свою волю, чтобы казаться спокойной.

– Мы были так рады, услышав, что вы спаслись от врага, – сказала она.

Принесли sake. Бунтаро начал усиленно пить. Спустя некоторое время Фудзико встала:

– Пожалуйста, простите меня, я на минуточку. – Она пошла на кухню предупредить Блэксорна, что Бунтаро просит разрешения расположиться в их доме, и сказать ему и слугам, что нужно делать.

– Почему здесь? – раздраженно спросил Блэксорн. – Почему он остановится здесь? Это необходимо?

Фудзико попыталась объяснить ему, что Бунтаро нельзя было отказать. Блэксорн мрачно отвернулся к своей стряпне, а она со стесненным сердцем вернулась к Бунтаро.

– Мой хозяин говорит, что он польщен тем, что может принять вас в этом доме. Его дом – ваш дом.

– Каково быть наложницей чужеземца?

– Я воображала себе что-то ужасное. Но что касается Анджин-сана, то он хатамото и, следовательно, самурай. Я первый раз стала наложницей, я предпочитаю быть женой. Анджин-сан такой же, как все люди, хотя, действительно, некоторые его привычки очень странные.

– Кто бы мог подумать, что представительница нашего дома будет наложницей чужеземца – даже и хатамото.

– У меня не было выбора. Я только повиновалась господину Торанаге и деду, вождю нашего клана. Доля женщины – повиновение.

– Да, – Бунтаро допил чашку sake, и она снова наполнила ее, – послушание важно для женщин. И Марики-сан послушная, не так ли?

– Да, господин. – Она взглянула в его безобразное, как у обезьяны, лицо. – Она не принесла вам ничего, кроме чести, господин. Без госпожи, вашей жены, господин Торанага ничего не смог бы узнать от Анджин-сана.

Он криво усмехнулся:

– Я слышал, вы сунули пистолеты прямо в лицо Оми-сану.

– Я только выполняла свой долг, господин.

– Где же вы научились пользоваться пистолетом?

– Я никогда до этого не имела дела с оружием. Я не знала даже, заряжены ли пистолеты. Но я потянула за курки.

Бунтаро засмеялся:

– Оми-сан тоже так думал. Она снова наполнила его чашку.

– Я не понимала, почему Оми-сан не попытался отнять их у меня. Его господин приказал ему взять их, но он этого не сделал.

– Я бы взял.

– Да, дядя. Я знаю. Но, извините меня, я бы все-таки спустила курки.

– Ты бы промахнулась!

– Да, возможно. С тех пор я научилась стрелять.

– Он научил вас?

– Нет. Один из офицеров господина Наги.

– Почему?

– Мой отец никогда не позволял своим дочерям учиться владеть мечом или пикой. Он

думал, и я считаю, что это правильно, что нам следует тратить время на изучение более деликатных вещей. Но иногда женщине требуется защищать своего хозяина и свой дом. Пистолеты очень хорошее оружие для женщины. Они не требуют силы и больших тренировок. Так что теперь я, может быть, буду немного более полезной для моего хозяина, так как наверняка смогу снести голову любому, чтобы защитить его и честь своего дома. Бунтаро осушил свою чашку:

– Я испытал гордость, когда услышал, что вы таким образом выступили против Оми. Вы были правы. Господину Хиро-Мацу понравится ваш поступок.

– Благодарю вас, дядя. Но я только выполняла свой долг, – она церемонно поклонилась. – Мой господин спрашивает, не окажете ли вы ему честь, поговорив с ним сейчас, если вам будет угодно.

Он поддержал ритуал:

– Пожалуйста, поблагодарите его, но сначала нельзя ли мне принять ванну? Если его это устроит, я повидаяюсь с ним, когда вернется моя жена.

Глава Тридцать Пятая

Блэксорн ждал в саду. Он надел коричневое форменное кимоно, подаренное Торанагой, засунул за пояс мечи, заряженный пистолет спрятал под поясом. Из торопливых объяснений Фудзико и слуг он понял, что должен принять Бунтаро со всеми церемониями, потому что этот самурай был важным генералом и хатамото, и вообще первым гостем в доме. Поэтому он принял ванну, быстро переоделся и явился на заранее подготовленное место.

Бунтаро он видел вчера мельком, когда тот только приехал. Он был занят с Торанагой, Ябу и Марико целый день, Блэксорн оказался один и организовывал срочную демонстрацию атаки с Оми и Нагой. Атака получилась вполне успешной.

Марико вернулась домой очень поздно. Она коротко рассказала ему о спасении Бунтаро, когда за ним несколько дней охотились люди Ишидо, как он ускользнул от них и после этого прорвался сквозь враждебные провинции в Кванто.

– Это было очень трудно, но ему это удалось, Анджин-сан. Мой муж очень сильный и смелый человек.

– А что будет теперь? Вы уедете?

– Господин Торанага приказывает, чтобы все оставалось, как было. Ничего не должно измениться.

– Вы изменились, Марико. Из вас ушла искра.

– Это ваше воображение, Анджин-сан. Я просто почувствовала облегчение от того, что узнала, что он жив, когда уже была уверена, что он погиб.

– Да. Но теперь все по-другому, не так ли?

– Конечно. Я благодарю Бога, что мой супруг не попал в плен, что он жив, чтобы служить господину Торанаге. Извините меня, Анджин-сан. Я сегодня устала. Я прошу прощения, я очень-очень устала.

– Я ничем не могу помочь?

– Что вы можете сделать, Анджин-сан? Кроме того, что быть счастливым за меня и за него. На самом деле ничего не изменилось. Ничего не кончилось, потому что и не начиналось. Все идет как было. Мой муж жив.

«Ты не хочешь, чтобы он был мертв? – спросил себя Блэксорн в саду. – Нет. – Тогда зачем этот спрятанный пистолет? Ты чувствуешь свою вину? – Нет. Ничего не начиналось. – Разве? – Нет. – Ты думаешь, что ты взял ее. Это не то же самое, что взять ее на самом деле?»

Он увидел Марико, выходящую из дома в сад. Она казалась ожившей фарфоровой статуэткой, идя на полшага сзади Бунтаро, который выглядел еще более огромным рядом с женой. Ее сопровождали Фудзико и служанки.

Он поклонился:

– Ёкосо еде кудасарета, Бунтаро-сан, – Добро пожаловать в мой дом, Бунтаро-сан.

Все стали кланяться. Бунтаро и Мариико сели на подушки напротив него. Фудзико уселась за его спиной. Нигатсу и служанка, Кой, начали разносить чай и саке. Бунтаро взял саке, Блэксорн тоже.

– Домо, Анджин-сан. Икага дес ка?

– Ие. Икага дес ка?

– Ие. Кова дзосуну сабереру ени натта на. – Хорошо. Вы уже делаете успехи в японском.

Блэксорн вскоре стал терять нить разговора, так как Бунтаро глотал слова, говорил быстро и неразборчиво.

– Извините, Мариико-сан, я не понял.

– Мой муж говорит, что он хочет поблагодарить вас за попытку спасти его. С тем веслом. Вы помните? Когда мы бежали из Осаки.

– Ах, со дес! Домо. Пожалуйста, скажите ему, что я думаю, что мы все-таки должны были пристать к берегу. Времени было достаточно. Служанка утонула зря.

– Он говорит, это была карма.

– Это была напрасная смерть, – ответил Блэксорн и пожалел о своей грубости. Он заметил, что она не перевела этих слов.

– Мой муж говорит, что наступательная стратегия хороша, действительно превосходна, на самом деле.

– Домо. Скажите ему, что я рад, что он спасся невредимым. И что он командует полком. И конечно, что мне приятно принимать его здесь.

– Домо, Анджин-сан. Бунтаро-сан говорит, да, план наступления хорош. Но что касается его, он всегда будет носить свой лук и мечи. Он пошлет стрелу на большее расстояние, с большей точностью и быстрее, чем пулю из мушкета.

– Завтра я буду стрелять вместе с ним, если он пожелает, и мы посмотрим.

Блэксорн заметил, что глаза Бунтаро метались от Мариико к нему и обратно.

– Спасибо, Мариико-сан. Скажите ему, что мне хотелось бы увидеть, как он стреляет.

– Вы проиграете, Анджин-сан. Могу предупредить вас, чтобы вы даже не пытались, – сказала она. – Он спрашивает, умеете вы обращаться с луком?

– Да, но не как настоящий лучник. Луки у нас уже довольно давно устарели. Кроме арбалетов. А что касается морского боя, здесь мы применяем только пушки, мушкеты или абордажные сабли. Иногда мы используем зажигательные стрелы, но только для вражеских парусников и на близком расстоянии.

– Он спрашивает, как вы ими пользуетесь и как вы их делаете, эти зажигательные стрелы? Они отличаются от тех наших, которые использовали против нас на галере в Осаке?

Блэксорн стал объяснять, начались обычные утомительные прерывания и переспрашивания. К этому времени он уже привык, что они так невероятно дотошны в вопросах о войне, но считал утомительным объясняться через переводчика. Даже при том, что Мариико была прекрасным переводчиком, она редко точно переводила то, что он сказал. Длинный ответ всегда сокращался, некоторое из того, что говорилось, конечно, слегка изменялось, и возникало непонимание. И тогда приходилось пускаться в ненужные повторения.

Но без Мариико, он чувствовал, он никогда бы не стал для них столь ценным. «Только знания удерживают меня здесь, а не в яме, – напомнил он себе, – но это не проблема, потому что еще надо многое им сказать и выиграть сражение, настоящее сражение, и победить. До тех пор ты в безопасности. И ты собираешься вернуть корабль. И возвратиться домой. Целым и невредимым».

Он взглянул на мечи Бунтаро и его телохранителя, потрогал свои, почувствовал масляную теплоту пистолета и понял, что он никогда не будет в безопасности в этой стране. Ни он, ни кто-нибудь другой, даже Торанага.

– Анджин-сан, Бунтаро-сан спрашивает, если он пришлет вам завтра своих людей, вы сможете им показать, как делаются эти стрелы?

– Где мы можем достать смолу?

– Я не знаю, – Мариико устроила перекрестный допрос, чтобы выяснить, где она обычно встречается, на что похожа, как пахнет и чем ее можно заменить. Потом она долго разговаривала с Бунтаро. Фудзико сидела все время молча, ее глаза глядели и уши слушали, не пропуская ничего. Служанки, легко управляемые малейшим движением ее веера, постоянно меняли пустые бутылочки саке на полные.

– Мой муж говорит, что обсудит это с господином Торанагой. Может быть, где-нибудь в Кванто и есть смола. До этого мы о ней никогда не слышали. Если нет смолы, то у нас есть густое масло – китовое, – которое может заменить смолу. Он спрашивает, вы пользуетесь боевыми ракетами, как китайцы?

– Да. Но они считаются очень ценным оружием, его применяют в случае осады. Турки пользовались ими, когда воевали против рыцарей Сент-Джона на Мальте. Ракеты используют обычно для того, чтобы вызвать пожар и панику.

– Он просит рассказать подробнее об этой битве.

– Это было сорок лет тому назад, в самом большом... – Блэксорн остановился, его мозг заработал. Это была самая большая осада, которую пережили в Европе. Шестьдесят тысяч турок-мусульман, сливки Оттоманской империи, выступили против шести сотен христианских рыцарей, поддерживаемых несколькими тысячами мальтийских союзных войск, в заливе у их большого укрепленного замка Святого Эльма на небольшом островке Средиземноморья. Рыцари успешно противостояли шестимесячной осаде и, что вообще невероятно, вынудили врага с позором отойти. Эта победа спасла все Средиземноморское побережье и, таким образом, и христианство от опустошения ордами неверных.

Блэксорн внезапно понял, что эта битва дает ему один из ключей к Осацкому замку: как окружить его, как атаковать, как прорваться через ворота и как захватить замок.

– Вы продолжаете, сеньор?

– Это было сорок лет назад, на самом большом внутреннем море у нас в Европе, Мариико-сан, Средиземном море. Это была просто осада, как и много других осад, о ней не стоит и говорить, – соврал он. Это знание было бесценно, конечно, его не стоило выдавать так легко, совсем не сейчас. Мариико много раз объясняла, что Осацкий замок неумолимо стоит между Торанагой и победой. Блэксорн был уверен, что решение проблемы с Осакой может дать ему обратный пропуск в Европу, со всеми богатствами, которые только могут потребоваться в этой жизни.

Он заметил, что Мариико чем-то обеспокоена.

– В чем дело, сеньора?

– Ничего, сеньор, – она начала переводить то, что он сказал. Но он понял, что она догадалась, что он что-то скрывает. Его отвлек запах тушеного мяса.

– Фудзико-сан?

– Хай, Анджин-сан?

– Сокузи ва мадака? Куаку ва... сазо куфуку де оро, нех? – Когда ужин? Гости проголодались.

– Ах, гомен насаи, хи га курете кара ни итасимасу. Блэксорн увидел, как она показала на солнце, и понял, что она сказала: «После заката». Он кивнул и хмыкнул, что японцы сочли за вежливое: «Спасибо, я понял». Мариико снова повернулась к Блэксорну:

– Моему мужу хотелось бы, чтобы вы рассказали ему о битвах, в которых участвовали.

– Они все в том руководстве по военному делу, Мариико-сан.

– Он говорит, что прочитал его с большим интересом, но там содержатся только краткие данные. В ближайшие дни он хочет узнать обо всех ваших сражениях. А об одном сейчас, если вы не возражаете.

– Они все в военном руководстве. Может быть, завтра, Мариико-сан, – ему нужно было время, чтобы обдумать ослепившую его мысль об Осацком замке и этой битве, ему надоело разговаривать, он устал от перекрестного допроса, но больше всего он хотел есть.

– Пожалуйста, Анджин-сан, может быть, вы расскажете снова, еще раз, для моего

мужа?

Он услышал в ее голосе осторожный намек, мольбу и сжалился над ней:

– Конечно. Какая из них, по-вашему, ему понравится?

– Та битва в Нидерландах. Около Зеландии – вы это так произносите?

– Да, – сказал он.

И он начал рассказывать о битве, которая была похожа на все другие битвы, в которых люди гибли из-за ошибок и глупости командиров.

– Мой муж говорит, что здесь не так, Анджин-сан. Здесь командиры очень хорошие, или они очень быстро гибнут.

– Конечно, моя критика распространяется только на европейских командиров.

– Бунтаро-сама говорит, он расскажет вам как-нибудь на днях о наших войнах и наших командирах, особенно о господине Тайко. Честный обмен на вашу информацию, – сказала она уклончиво.

– Домо, – Блэксорн сделал легкий поклон, чувствуя, что глаза Бунтаро впадают в него: «Что на самом деле хочет от меня этот сукин сын?»

* * *

Обед оказался сущим наказанием. Для всех. Еще на выходе из сада, когда они переходили на веранду для еды, появились дурные предзнаменования.

– Извините меня, Анджин-сан, но что это? – показала Марико. – Мой муж спрашивает, что это такое, вот там?

– Где? Ах, это! Это фазан, – сказал Блэксорн. – Господин Торанага прислал его мне вместе с зайцем, которого мы приготовили по-английски и съели – по крайней мере я, хотя там было достаточно для всех.

– Спасибо, но... мы, мой муж и я, мы не едим мяса. Но почему фазан висит там? При такой жаре, не надо ли его убрать и приготовить?

– Вот так и надо готовить фазана. Вы вешаете его, чтобы мясо дошло.

– Что? Таким образом? Извините меня, Анджин-сан, – сказала она, вспыхнув, – извините, но это быстро сгниет. Тем более он еще в перьях и не... очищен.

– Мясо фазана сухое, Марико-сан, так что его приходится подвешивать на несколько дней, может быть пару недель, в зависимости от погоды. Потом вы ошипываете его, чистите и готовите.

– Вы оставляете его на воздухе? Гнить? Прямо так...

– Нан дза? – нетерпеливо спросил Бунтаро. Она виновато заговорила с ним, он вздохнул, потом встал, посмотрел на фазана и ткнул в него пальцем. Несколько мух взлетело с жужжаньем, потом они снова уселись на фазана. Фудзико нерешительно объяснила что-то Бунтаро, и он вспыхнул.

– Ваша наложница говорит, что вы приказали никому не трогать его, кроме вас? – спросила Марико.

– Да. Разве вы не подвешиваете у себя дичь? Не все же у вас буддисты?

– Нет, Анджин-сан, я не думаю, чтобы кто-то подвешивал.

– Некоторые люди считают, что фазана нужно подвешивать за хвостовые перья до тех пор, пока он не упадет, но это бабушкины сказки, – сказал Блэксорн. – Правильнее подвешивать за шею, тогда все соки остаются, где им и положено быть. Некоторые дают ему висеть, пока шея не оторвется, но я лично не люблю такое мясо. Мы привыкли... – Он замолчал, так как она вдруг позеленела.

– Нан дес ка, Марико-сан? – быстро спросила Фудзико.

Марико объяснила. Они все нервно засмеялись, Марико встала, слабым движением смахнула пот со лба: – Извините, Анджин-сан, вы не разрешите мне на минуту...

«Ваша пища такая странная, – хотел сказать он ей. – Ну, вот хотя бы вчера, этот сырой моллюск – белое, слизистое, почти безвкусное, пережеванное мясо без ничего, только с

соевым соусом? Или эти рубленые шупальцы осьминога, тоже сырые, с холодным рисом и водорослями? А эта ваша почти живая медуза с желто-коричневым «торфу» в бульоне – с заквашенными бобовыми стручками, которые выглядят как собачья блевотина? О, да, подано на хрупком красивом блюде, но все же выглядит как собачья блевотина! Да, ей-богу, этого достаточно, чтобы человека замутило!»

В конце концов они перешли на веранду, и после обычных бесконечных поклонов, незначительных разговоров, зеленого чая и саке начали подавать еду. Маленькие подносики с пустым рыбным супом, рисом и сырой рыбой, как всегда. И потом его тушеное мясо.

Блэксорн поднял крышку горшка. Поднялось облако пара, золотистые шарики жира заплясали по блестящей поверхности. Густая вызывающая слюну подливка покрывала куски нежного мяса и жира. Он с гордостью предложил его гостям, но все покачали головами и попросили его есть одного.

– Домо, – сказал он.

Считалось правилом хорошего тона пить суп прямо из маленьких лакированных чашечек, а все твердое есть палочками. На подносе лежал черпак. С трудом сдерживая голод, он налил себе в чашку и начал есть. Потом он увидел выражение их глаз.

Они следили за ним с зачарованным видом, безуспешно пытаясь скрыть чувство тошноты, охватившее почти каждого. Его аппетит сразу начал исчезать. Он пытался не замечать их, но не мог, его желудок возражал. Скрывая свое раздражение, он отставил свою чашку, закрыл крышку и грубо сказал, что ему не нравится.

– Фудзико спрашивает, может быть, его тогда выбросить, – с надеждой сказала Марико.

– Да.

Фудзико и Бунтаро расслабились.

– Вам не хочется еще рису? – спросила Фудзико.

– Нет, спасибо.

Марико обмахивалась веером, ободряюще улыбаясь, она снова налила чашку саке, но Блэксорн не смягчился и на будущее решил готовить тайком в горах, есть в одиночку и только охотиться в открытую.

«Бог с ними, – подумал он, – Если Торанага может охотиться, я тоже могу. Когда я увижусь с ним? Сколько мне еще ждать?»

– Черт с ними и с Торанагой, – сказал он по-английски вслух и почувствовал себя лучше.

– Что, Анджин-сан? – спросила тут же Марико по-португальски.

– Ничего, – ответил он, – я только интересуюсь, когда я повидаю господина Торанагу.

– Он мне не сказал. Очень скоро, я полагаю. Бунтаро громко прихлебывал саке и суп, как это и было принято у японцев. Это начало раздражать Блэксорна. Марико оживленно разговаривала со своим мужем, который бурчал, едва обращая на нее внимание. Она ничего не ела, и это, а также то, что обе они, Марико и Фудзико, чуть ли не пресмыкались перед Бунтаро, а он сам тоже должен был считаться с незваным гостем, очень раздражало Блэксорна.

– Скажите Бунтаро-саме, что в моей стране хозяин произносит тост в честь почетного гостя, – он поднял свою чашку со зловещей улыбкой. – Долгих лет жизни и счастья! – и выпил.

Бунтаро выслушал объяснения Марико. Он кивнул, соглашаясь, поднял в свою очередь чашку, улыбнулся сквозь зубы и осушил ее.

– Ваше здоровье! – опять произнес тост Блэксорн. И так несколько раз.

– Ваше здоровье!

На этот раз Бунтаро не выпил. Он поставил полную чашку и посмотрел на Блэксорна своими маленькими глазками. Потом позвал кого-то со двора. Седзи тут же раскрылись. Его телохранитель, всегда бывший настороже, поклонился и протянул его огромный лук и колчан. Бунтаро взял его и что-то быстро и горячо сказал Блэксорну

– Мой муж говорит, что вы хотели видеть, как он стреляет, Анджин-сан. Он думает, что завтра будет слишком поздно. Сейчас подходящее время. Вот там ворота вашего дома. Он спрашивает, какой столб вы выбираете?

– Я не понимаю, – сказал Блэксорн. Главные ворота находились на расстоянии в сорок шагов, через сад, но сейчас они были совсем не видны через закрытые седзи правой стены.

– Левый или правый столб? Пожалуйста, выберите, – она была как-то странно настойчива.

Почувствовав что-то нехорошее, он посмотрел на Бунтаро. Тот сидел сам по себе, забыв о них, квадратный безобразный тролль, смотрящий в пространство.

– Левый, – сказал он, заинтригованный.

– Хилари! – сказала она.

Бунтаро тут же выхватил стрелу из колчана, все так же сидя, поднял лук на уровень глаз и выпустил стрелу с дикой, почти сказочной плавностью. Стрела метнулась к лицу Марико, тронула прядь волос, пролетела мимо и исчезла, пройдя через бумагу седзи в стене. Вторая стрела была пущена почти до того, как исчезла первая, потом еще одна, каждая из них проходила в дюйме от лица Марико. Она оставалась спокойной и недвижимой, сидя, как всегда, на коленях.

Пролетела четвертая, последняя стрела. Молчание было наполнено отголосками звона тетивы. Бунтаро выдохнул и медленно откинулся назад, лук он положил на колено. Марико и Фудзико вздохнули и с улыбками стали кланяться и хвалить Бунтаро, он кивнул им и слегка поклонился. Все посмотрели на Блэксорна. Он знал, что был свидетелем почти что чуда. Все стрелы прошли через одну и ту же щель в седзи.

Бунтаро вернул лук телохранителю и поднял свою маленькую чашку. Он мгновение смотрел на нее, потом поднял, повел ею в сторону Блэксорна, выпил и что-то хрипло сказал, снова став таким же грубым.

– Мой муж просит, пожалуйста, пойдите и посмотрите.

Блэксорн несколько мгновений думал, пытаясь успокоиться: – В этом нет необходимости. Конечно, он поразил цель.

– Он говорит, что ему бы хотелось, чтобы вы в этом убедились.

– Я уверен.

– Пожалуйста, Анджин-сан. Вы окажете ему честь.

– Мне не надо оказывать ему честь.

– Да. Но могу ли я смиренно присоединиться к нему со своей просьбой?

Снова мольба в ее глазах.

– Как мне сказать: «Это было чудесное зрелище?» Она сказала. Он повторил ее слова и поклонился. Бунтаро небрежно поклонился в ответ.

– Попросите его, пожалуйста, пойти со мной посмотреть стрелы.

– Он говорит, что ему хотелось бы, чтобы вы одни посмотрели. Он не хочет идти, Анджин-сан.

– Почему?

– Если он стрелял точно, вам следует самому посмотреть на это. Если нет, вам тоже следует увидеть это одному. Тогда ни он, ни вы не испытаете смущения.

– А если он промахнулся?

– Он не промахнулся. Но по нашему обычаю, точность в таких исключительных обстоятельствах неважна по сравнению с грацией, которую показывает лучник, благородством движения, его силой при стрельбе сидя и отрешением от выигрыша или проигрыша.

Стрелы были в пределах одного дюйма одна от другой, все в середине левого столба. Блэксорн оглянулся на дом и мог видеть, на расстоянии сорока шагов с лишним, маленькое аккуратное отверстие в бумажной стене, которое было искрой света в темноте.

«Почти невозможно быть таким точным», – подумал он. От того места, где сидел Бунтаро, он не мог видеть сада или ворот, а снаружи была еще и темная ночь. Блэксорн

обернулся к столбу и поднял фонарь повыше. Одной рукой он попытался вытащить стрелу. Стальной наконечник слишком глубоко вонзился в дерево. Он мог вырвать древко, но не стал этого делать.

Блэксорн колебался. Наблюдавший за ним телохранитель подошел, чтобы помочь, но он покачал головой: «Ие, домо» и вернулся в дом.

– Марико-сан, пожалуйста, скажите моей наложнице, что мне бы хотелось, чтобы стрелы остались в этом столбе навсегда. Все стрелы. Чтобы напоминать мне о великом стрелке из лука. Я никогда не видел такой стрельбы. – Он поклонился Бунтаро.

– Благодарю вас, Анджин-сан, – она перевела, и Бунтаро поклонился и поблагодарил за комплимент.

– Саке! – приказал Блэксорн.

Они пили еще. Много больше, чем прежде. Бунтаро пил теперь как-то беззаботно, саке сильно действовало на него. Блэксорн украдкой следил за ним, потом отвлекся, думая о том, как человек может так прицелиться и пустить стрелы с такой невероятной точностью. «Это невозможно, – думал он, – и все-таки я видел, как он сделал это. Интересно, что делают сейчас Винк и Баккус? – Торанага сказал ему, что команда сейчас в Эдо, там же и «Эразмус». – Боже мой, как бы мне хотелось повидать их и подняться обратно на борт».

Он глянул на Марико, которая что-то говорила своему мужу. Бунтаро слушал, потом, к удивлению Блэксорна, он увидел, что лицо самурая исказилось ненавистью. Не успел он отвести свой взгляд, как Бунтаро взглянул на него.

– Нан дес ка? – слова Бунтаро прозвучали почти как обвинение.

– Нани-мо, Бунтаро-сан. – Ничего. – Надеюсь загладить свою оплошность, Блэксорн предложил всем саке. Женщины снова взяли чашки, но пили очень умеренно, Бунтаро сразу же покончил со своей чашкой, выражение его лица было ужасным. Потом он обратился с длинной речью к Марико.

Выйдя из себя, Блэксорн спросил:

– Что с ним? Что он говорит?

– О, извините, Анджин-сан. Мой муж спрашивает о вас, вашей жене и наложницах. И о ваших детях. И о том, что случилось после того, как мы выехали из Осаки. Он, – она остановилась, подумала и добавила другим тоном: – Он очень интересуется вами и вашими взглядами.

– Меня тоже интересуют он и его взгляды, Марико-сан. Как вы с ним встретились, вы и он? Когда поженились? Вы... – Бунтаро перебил его нетерпеливым потоком слов на японском.

Марико сразу перевела, что он сказал. Бунтаро подошел и плеснул саке в две чайные чашки, налив их доверху, потом сделал знак женщинам, чтобы они взяли другие чашки.

– Мой муж говорит, что иногда чашечки для саке бывают слишком маленькими, – Марико налила доверху и остальные чайные чашки. Она стала пить мелкими глотками из одной, Фудзико из другой. Послышалась еще одна, более воинственная речь, улыбки застыли на лицах Марико и Фудзико.

– Ие, дозо гомен насаи, Бунтаро-сама, – начала Марико.

– Има! – приказал Бунтаро.

Фудзико взволнованно начала что-то говорить, но Бунтаро одним взглядом заставил ее замолчать.

– Гомен насаи, – прошептала Фудзико, извиняясь, – дозо, гомен насаи.

– Что он говорит, Марико-сан?

Она, казалось, не слышала Блэксорна: «Дозо гомен насаи, Бунтаро-сама, ватаси...»

Лицо ее мужа покраснело: «Има!»

– Извините, Анджин-сан, но мой муж приказывает мне сказать – ответить на ваши вопросы – рассказать вам о себе. Я сказала ему, что не думаю, что семейные дела следует обсуждать так поздно ночью, но он приказывает. Пожалуйста, потерпите, я сейчас начну, – она сделала большой глоток саке. Потом другой. Пряди волос, свободно свисавшие у нее на

глаза, колыхались от слабого движения воздуха, создаваемого веером Фудзико. Она осушила чашку и отставила ее. – Моя девичья фамилия Акечи. Я дочь генерала Акечи Дзинсаи, политического убийцы. Мой отец предательски убил своего сюзерена, диктатора Городу.

– Боже мой! Почему он это сделал?

– Какая бы ни была причина, Анджин-сан, это не имеет значения. Мой отец совершил самое большое преступление в нашей стране. Моя кровь испорчена, как и кровь моего сына.

– Тогда почему... – он остановился.

– Да, Анджин-сан?

– Я только хотел сказать, что я понимаю, что значит... убить сюзерена. Я удивлен, что вы остались в живых.

– Мой муж оказал мне честь...

Бунтаро опять злобно прервал ее, она извинилась и объяснила ему, о чем спросил Блэксорн. Бунтаро презрительно махнул ей рукой, чтобы она продолжала.

– Мой муж оказал мне честь, отослав меня, – продолжала она тем же спокойным тоном, – я просила разрешения совершить сеппуку, но он лишил меня такой возможности. Это было... Я должна объяснить, что разрешить совершить сеппуку – это право его или господина Торанаги. Я тем не менее почтительно просила его каждый раз в годовщину этого предательства. Но он в своей мудрости всегда отказывал мне, – Ее улыбка была чудесна, – мой муж оказывает мне честь каждый день, каждый миг, Анджин-сан. Если бы я была на его месте, я бы не смогла даже разговаривать с такой... опозоренной личностью.

– Вот почему вы последняя в вашем роду? – спросил он, вспомнив, что она сказала о катастрофе по пути из Осацкого замка.

Марико перевела вопрос для Бунтаро и вернулась опять к рассказу.

– Хай, Анджин-сан. Мой отец и его семья были схвачены в горах Накамурой, генералом, который потом стал Тайко. Это Накамура привел армии возмездия, они перебили все войска моего отца, двадцать тысяч человек, всех. Мой отец и его семья попали в засаду, но у него было время помочь им всем, моим четверем братьям и трем сестрам, моей матери и двум наложницам. Потом он совершил сеппуку. В этом он был самурай, и все они были самураями, – сказала она, – они, не колеблясь, стали перед ним на колени, один за другим, и он убил их всех. Все умерли достойно. И он умер благородно. Два брата и один дядя моего отца участвовали вместе с ним в заговоре против их сюзерена. Они тоже попали в ловушку и также умерли достойной смертью. Ни один из Акечи не остался в живых, чтобы встретиться лицом к лицу с ненавистью и насмешками врага, кроме меня, но, простите меня, Анджин-сан, я не права – настоящие враги были мой отец, его братья и дядя. Из врагов только я осталась в живых, живой свидетель подлой измены. Я, Акечи Марико, осталась в живых потому, что была замужем и поэтому принадлежала к семье моего мужа. Мы жили тогда в Киото. Я была в Киото, когда погиб мой отец. Мятеж длился только тринадцать дней, Анджин-сан. Но пока живы люди на этих островах, имя Акечи будет опозоренным.

– Сколько времени вы уже были замужем, когда это случилось?

– Два месяца и три дня, Анджин-сан.

– И вам тогда было пятнадцать?

– Мой муж оказал мне честь, не разведясь со мной и не выгнав меня, как ему следовало бы сделать. Он отослал меня в деревню на севере. Было холодно, Анджин-сан, это в провинции Сенай, такой там холод.

– Сколько времени вы там прожили?

– Восемь лет. Господину Городе было сорок девять лет, когда он совершил сеппуку, чтобы не попасть в плен. Это было почти шестнадцать лет назад, Анджин-сан, и большинство его потомков...

Бунтаро снова прервал ее, его голос хлестал как плеткой.

– Пожалуйста, извините меня, Анджин-сан, – сказала Марико, – мой муж совершенно точно указывает, что мне достаточно было сказать, что я дочь предателя, что длинные объяснения не нужны. Конечно, некоторые объяснения необходимы, – добавила она

осторожно. – Пожалуйста, не обращайтесь внимания на плохие манеры моего мужа, и я прошу вас, не забывайте об ушах, которые все слышат, и о восьмирядном заслоне. Простите меня, Анджин-сан, я отвлеклась. Вы не можете уйти, пока он не ушел, или не пить. Не ухудшайте ситуации. – Она поклонилась Фудзико. – Дозо гомен насаи.

– До итасимасите.

Марико поклонилась Бунтаро и вышла. Запах ее духов какое-то время еще ощущался в воздухе.

– Саке! – сказал Бунтаро и дьявольски улыбнулся. Фудзико наполнила чайную чашку.

– Ваше здоровье, – сказал Блэксорн в смятении.

Больше часа он произносил тосты в честь Бунтаро, пока не почувствовал, что и у него кружится голова. Но тут Бунтаро потерял сознание и лег на кучу разбитых им вдребезги чайных чашек. Седзи мгновенно распахнулись, вошли телохранитель и Марико. Они подняли Бунтаро с помощью неизвестно откуда возникших слуг и вынесли его в комнату напротив. Комнату Марико. Вместе со служанкой Кой она начала раздевать его. Телохранитель сдвинул седзи и сел снаружи, взявшись за рукоятку обнаженного меча.

Фудзико ждала, глядя на Блэксорна. Вошли служанки и начали ликвидировать устроенный Бунтаро беспорядок. Блэксорн с трудом поднял руки и развязал свою косичку. Потом он выпрямился и вышел на веранду, сопровождаемый своей наложницей.

Ночной воздух был напоен запахами моря и освежил его. Он присел на ступеньку и задумался.

Фудзико села на колени сзади него и наклонилась вперед: – Гомен насаи, Анджин-сан, – прошептала она, кивая в сторону дома, – вакаримас ка? Вы меня поняли?

– Вакаримас, сигата га най, – тут он, заметив ее плохо скрываемый страх, потрепал ее за волосы.

– Аригато, аригато, Анджин-сама.

– Анатава суймин има, Фудзико-сан, – сказал он, с трудом находя нужные слова. – Ложись теперь спать.

– Досо гомен насаи, Анджин-сама, суймин, нех? – сказала она, показывая ему в сторону его комнаты, ее глаза молили.

– Ие. Ватаси егу има. – Нет, я хочу поплавать.

– Хай, Анджин-сама, – она послушно повернулась и позвала кого-то. Прибежали двое слуг, молодые люди из деревни, известные как хорошие пловцы.

Блэксорн не возражал. Сегодня вечером, он знал, его возражения будут бессмысленны.

– Ну, как-нибудь, – сказал он громко, шаткой походкой спускаясь с холма, следом за ним шли те двое, его голова была тупой от алкоголя, – во всяком случае я уложил его спать. Теперь он ей ничего не сможет сделать.

* * *

Блэксорн проплавал с час и почувствовал себя лучше. Когда он вернулся, Фудзико ждала его на веранде с чайником свежесваренного зеленого чая. Он выпил немного чая, потом пошел спать и мгновенно уснул.

Звук голоса Бунтаро, полный злобы, разбудил его. Правая рука Блэксорна сразу сжала рукоятку заряженного пистолета, который он всегда держал под футоном, сердце его громко забилося от внезапности такого пробуждения.

Бунтаро замолчал. Начала говорить Марико. Блэксорн мог понять только несколько слов, но почувствовал ее увещевание и просьбу, не жалкую или скулящую, или даже близкую к слезам, но в ее обычной твердой и безмятежной манере. Снова взорвался Бунтаро.

Блэксорн постарался не слушать.

– Не вмешивайтесь, – сказала она и была права. У него не было никаких прав, а у Бунтаро их было много, – я прошу вас быть осторожным, Анджин-сан. Помните, что я говорила вам об ушах, которые все слышат, и о восьмирядном заслоне.

Он послушно лег на спину, его кожа похолодела от выступившего пота. Он вынудил себя думать о том, что она сказала.

– Видите ли, Анджин-сан, – сказала она ему в тот необыкновенный вечер, когда они кончили последнюю из многих последних бутылочек саке и он шутил о постоянном недостатке уединения – вокруг всегда люди, стены бумажные, всюду за тобой следят глаза и уши, – здесь вы должны научиться сами создавать себе уединение. Мы с детства научены исчезать внутри себя, создавать непроницаемые стены, за которыми мы живем. Иначе мы бы, конечно, сошли с ума и поубивали друг друга и самих себя.

– Какие стены?

– О, мы имеем бесконечные лабиринты, где можно спрятаться, Анджин-сан. Ритуалы и обычаи, всевозможные табу. Даже наш язык имеет такие нюансы, которых нет у вас, которые позволяют нам вежливо избегать вопросов, если мы не хотим отвечать на них.

– Но как вы закрываете уши, Мариико-сан? Это невозможно.

– О, это очень легко, если тренироваться. Конечно, подготовка начинается с тех пор, как ребенок начинает говорить, так что очень скоро это для нас уже вторая натура – как еще могли бы мы выжить? Сначала мы начинаем освобождать свой мозг от людей, поднимаясь на другую плоскость. Очень помогает наблюдать за закатом солнца или слушать дождь. Анджин-сан, вы замечали, что у дождя бывают разные звуки? Если вы действительно слушаете, тогда настоящее исчезает, не так ли? Слушать, как опадают цветы и растут камни, – исключительно полезные упражнения. Конечно, вы не предполагаете видеть вещи, они только знаки, послания вашему «хара», вашему центру, чтобы напомнить вам о бренности жизни, помочь вам приобрести «ва», гармонию, Анджин-сан, совершенную гармонию, которая составляет самое сокровенное качество всей японской жизни, все искусство, все... – она засмеялась. – Теперь вы видите, что я выпила слишком много саке, – кончиком языка она очень соблазнительно дотронулась до своих губ. – Я шепну вам по секрету: не обманывайтесь нашими улыбками и мягкостью, нашим церемониалом, вежливостью, ласковостью и вниманием. Под ними мы можем быть на расстоянии в миллионы ри, в безопасности и одиночестве. Вот к чему мы стремимся – к забвению. Одна из первых когда-либо написанных поэм – это Кодзико, наша первая историческая книга, которая была написана около тысячи лет назад, может быть, она объяснит вам, о чем я говорю:

Поднялось восемь облаков, Чтоб было куда спрятаться влюбленным. Ограда из восьми рядов в провинции Изумо Скрывает эти восьмирядные покровы. О, как прекрасен ты, заслон в восемь рядов. Мы бы, конечно, сошли с ума, если бы не было этого восьмирядного заслона, наверняка!

«Помни о восьмирядном заслоне, – сказал он себе под нарастающую, kloкочущую ярость Бунтаро. – Я ничего не знаю о ней. Фактически и о нем. Думай о мушкетном полке, доме, Фелисите, как вернуть корабль, о Баккусе, Торанаге или Оми-сане. Что делать с Оми? Должен ли я мстить ему? Он хочет стать моим другом, он изменился после той истории с пистолетами...»

Звук удара ворвался в его сознание. Потом донесся голос Мариико, раздался второй удар. Блэксорн в тот же миг вскочил на ноги и распахнул седзи. Телохранитель грозно стоял лицом к нему в коридоре около двери в комнату Мариико с мечом наготове.

Блэксорн уже был готов броситься на самурая, когда в дальнем конце коридора распахнулась дверь. Фудзико с распущенными волосами, струящимися по ее ночному кимоно, подошла, не обращая внимания на звуки рвущейся ткани и еще одной затрепины. Она вежливо поклонилась телохранителю, встала между ними, смиренно поклонилась Блэксорну и взяла его за руку, увлекая обратно в комнату. Он видел непреклонную готовность самурая, а у него был только один пистолет с одним зарядом, так что пришлось отступить. Фудзико прошла за ним и закрыла за собой седзи. Затем, страшно напуганная, предупреждающе покачала головой, приложила палец к губам и снова качала головой, умоляюще глядя на него.

– Гомен насаи, вакаримас ка? – выдохнула она.

Но он весь был поглощен тем, что происходит за стеной соседней комнаты, которую ему было так легко разломать.

Она тоже посмотрела на стену, потом втиснулась между ним и стеной и села, сделав ему знак сделать то же самое.

Но он не мог сидеть, он стоял, готовясь к броску, который должен был погубить их всех, взбешенный стоном, раздавшимся после еще одного удара.

– Ие! – Фудзико тряслась в ужасе.

Он махнул ей рукой, чтобы она отошла.

– Ие, ие, – снова попросила она.

– Има!

Фудзико тут же встала, сделала ему знак подождать, кинувшись за мечами, которые хранились перед такомома, маленькой нишей в стене комнаты. Она подняла большой меч, трясущимися руками вытащила его из ножен и намеревалась уже идти за Блэксорном. В это мгновение раздался последний удар. Распахнулись еще одни седзи, выскочил Бунтаро с телохранителем, которых они не увидели, на минуту в доме наступило молчание, потом донесся звук захлопывающейся садовой калитки.

Блэксорн подошел к своей двери. Фудзико кинулась вперед, но он отстранил ее и открыл дверь.

Марико неподвижно стояла на коленях в углу следующей комнаты, со свежим рубцом на щеке, волосы всклокочены, кимоно в лохмотьях, на бедрах и внизу спины были заметны следы сильных ударов.

Он кинулся, чтобы поднять ее, но она закричала: – Уходите, пожалуйста, уходите, Анджин-сан!

Он увидел, что у нее из угла рта тонкой струйкой течет кровь: – Боже мой, как он вас...

– Я прошу вас не вмешиваться. Пожалуйста, уходите, – сказала она тем обычным спокойным голосом, который никак не вязался с яростью, бушевавшей в ее глазах. Потом она увидела Фудзико, которая оставалась в дверях. Марико заговорила с ней. Фудзико послушно взяла Блэксорна за руку, чтобы увести, но он вырвался: «Нет! Ие!»

Марико сказала: – Ваше присутствие здесь позорит меня, лишает меня покоя и чести. Уходите!

– Я хочу помочь. Вы меня понимаете?

– Разве вы не видите? У вас нет на это никаких прав. Это личная ссора между мужем и женой.

– Это не причина для избиения...

– Почему вы не слушаете меня, Анджин-сан? Он может избить меня до смерти, если пожелает. Он имеет на это право, и я хочу, чтобы он так сделал – даже так! Иначе бы я не смогла вынести этот стыд. Выдумаете, легко жить с таким позором. Вы не слышали, что я вам рассказывала? Я дочь Акечи Дзинсаи!

– Это не ваша вина. Вы ничем не провинились!

– Это моя вина, и я дочь моего отца, – здесь Марико нужно было остановиться, но, глядя на него и видя его жалость, заботу и любовь и зная, как высоко он ставит честность, она позволила себе немного приоткрыться, – сегодня вечером это была моя вина, Анджин-сан, – сказала она. – Если бы я вопила, просила прощения, как он этого хочет, съезжилась, ползала на коленях и пресмыкалась, как он желает, обнажила свои ноги в притворном ужасе, вообще применяла бы все эти женские штучки, тогда бы он вел себя как ребенок в моих руках. Но я так не хочу.

– Почему?

– Потому что это моя месть. Отплатить ему за то, что он оставил меня в живых после этой трагедии. Отплатить ему за то, что он отослал меня на восемь лет и сохранял мне жизнь все это время. И отплатить ему за то, что он приказал мне вернуться в общество и оставаться живой. – Она, видимо, очень мучаясь от боли, откинулась назад и оправила на себе кимоно. –

Я больше никогда ему не отдамся. Однажды я это сделала добровольно, хотя он всегда мне не нравился, с первого момента, как увидела его.

– Тогда почему вы вышли за него замуж? Вы говорили, что женщина у вас имеет право отказаться, что она не должна выходить замуж против своего желания.

– Я вышла замуж за него, чтобы угодить господину Городе и сделать приятное моему отцу. Я была тогда так молода и не знала тогда про Города, но если вы хотите знать правду, Города был самым жестоким, самым злым человеком из всех, которые когда-либо рождались на земле. Он вынудил моего отца пойти на эту измену. Вот в чем правда! Города! – Она выплюнула это имя, – но по отношению к нему мы должны были оставаться внимательными и почтительными. Я молюсь Богу, чтобы он попал в ад на вечные времена, – она осторожно подвинулась, чтобы облегчить боль в боку, – между мной и мужем одна только ненависть, это наша карма. Ему было так легко позволить мне забраться в свой маленький закуток смерти.

– Почему он не позволяет вам уйти? Развестись с вами? Даже предоставить вам то, что вы хотите?

– Потому что он мужчина, – волна боли прошла по ней, Марикио скривилась. Блэксорн стоял около нее на коленях, укачивая ее. Она отстранила его, пытаясь овладеть собой. Фудзико, стоя в дверях, терпеливо наблюдала за ними.

– Со мной все хорошо, Анджин-сан. Пожалуйста, оставьте меня одну. Вы не должны этого делать. Вы должны быть осторожны.

– Я его не боюсь.

Она устало откинула волосы от глаз и внимательно посмотрела на него. «Почему не дать Анджин-сану встретиться со своей кармой, – спросила себя Марикио. – Он не из нашего мира. Бунтаро убьет его запросто. До сих пор его защищало только личное распоряжение Торанаги. Ябу, Оми, Нага, Бунтаро – каждого из них так легко можно спровоцировать на убийство Блэксорна. Он ничего не сделал, но с его приездом начались неприятности, не так ли? Это все из-за его знаний. Нага прав: Анджин-сан может разрушить весь наш мир, если его не удержать. Что, если Бунтаро узнал правду? Или Торанага? О той ночи любви...»

– Вы сошли с ума? – спросила Фудзико в ту первую ночь.

– Нет.

– Тогда зачем вы собираетесь занять место служанки?

– Из-за саке и чтобы развлечься, Фудзико-сан, и из-за любопытства, – солгала она, скрыв настоящую причину: потому что он возбуждал ее, она хотела его, она никогда не имела любовника. Если не сегодня, то никогда, и это должен быть Анджин-сан и только Анджин-сан.

Она пошла к нему и осталась в восторге, а потом, вчера, когда пришла галера, Фудзико спросила у нее наедине:

– Вы собираетесь признаться, если узнаете, что ваш муж жив?

– Нет, конечно нет, – солгала она.

– Но теперь вы собираетесь сказать Бунтаро-саме, да? О ночи любви с Анджин-саном?

– Почему я должна это сделать?

– Я думала, у вас такой план. Если вы скажете об этом в нужную минуту Бунтаро, его гнев выльется на вас, и вы спокойно отправитесь на тот свет, прежде чем он поймет, что он сделал.

– Нет, Фудзико-сан, он никогда не убьет меня. К сожалению. Он отправит меня к эта, если у него будет достаточно оснований и если он сможет получить разрешение от Торанаги, но он никогда не убьет меня.

– Измена ему с Анджин-саном – разве этого недостаточно?

– О, да.

– Что тогда случится с вашим сыном?

– Он унаследует мой позор, если я опозорена.

– Пожалуйста, скажите мне, если вы подумаете, что Бунтаро-сама подозревает о том,

что случилось. Пока я его наложница, моя обязанность защищать Анджин-сана.

«Да, конечно, Фудзико, – подумала тогда Марико. – И это даст вам повод для открытой мести обвинителю вашего отца, чего вы так хотите. Но ваш отец был трус, простите меня, бедная Фудзико. Хиро-Мацу был там, иначе бы ваш отец был жив, а Бунтаро мертв, так как Бунтаро ненавидели больше, чем презирали вашего отца. Даже мечи, которые вы так цените, не были даны за храбрость, проявленную в битве, а куплены у раненого самурая. Извините, но я никогда не скажу вам, хотя это и правда».

– Я не боюсь его, – опять сказал Блэксорн.

– Я знаю, – сказала она, боль охватывала ее, – но, пожалуйста, бойся его ради меня.

Блэксорн направился к двери.

* * *

Бунтаро ждал его в сотне шагов от дома, стоя на тропинке, ведущей к деревне, – квадратный, огромный, смертельно опасный. Сбоку от него стоял телохранитель. Было облачное утро, рыбацкие лодки уже виднелись на отмелях, море было спокойно.

Блэксорн увидел в руках у Бунтаро мечи и вынутый из чехла лук, мечи были и у телохранителя. Бунтаро слегка покачивался, и это давало надежду, что он промахнется, а тогда можно будет и успеть скрыться. Около тропинки не было никаких укрытий. Демонстративно Блэксорн взвел курки обоих пистолетов и нацелился на эту пару.

«К дьяволу все эти укрытия», – подумал он, страстно желая крови, сознавая в то же время что он делает глупость, что у него нет шансов против двух самураев или дальнобойного лука, что у него нет прав во что-либо вмешиваться. И вдруг, пока он еще находился вне досягаемости пистолетного выстрела, Бунтаро низко поклонился ему, телохранитель его сделал то же самое. Блэксорн остановился, чувствуя ловушку. Он огляделся кругом, но поблизости никого не было. Словно во сне, он увидел, как Бунтаро тяжело рухнул на колени, положил лук в сторону, руки – плашмя на землю и поклонился ему, как крестьяне кланяются своему господину. Телохранитель сделал то же самое.

Блэксорн смотрел на него, оцепенев. Убедившись, что глаза не обманывают его, он медленно пошел вперед, держа пистолеты наготове, но не поднимая еще их для стрельбы, тем не менее ожидая подвоха. В пределах пистолетного выстрела он остановился. Бунтаро не двигался. Обычай требовал, чтобы он встал на колени и ответил на приветствие, так как они были равны или почти равны, но он не мог понять, почему надо будет участвовать в такой церемонии в ситуации, когда вот-вот прольется кровь.

– Вставай, сукин сын! – Блэксорн приготовился спустить оба курка.

Бунтаро ничего не сказал, не сделал ни одного движения, но продолжал держать голову наклоненной, руки были плотно прижаты к земле. Спина кимоно была мокрой от пота.

– Нан дза? – Блэксорн умышленно использовал самую оскорбительную форму вопроса «Что такое?», ожидая, что это заставит Бунтаро вскочить, чтобы начать схватку, так как понимал, что не сможет застрелить его в такой позе, с опущенной почти в пыль головой.

Затем, сознавая, что неприлично стоять, пока они на коленях, и что «нан дза» было почти невыносимым и, конечно, ненужным оскорблением, Блэксорн встал на колени и, не выпуская из рук пистолетов, положил обе руки на землю и поклонился в ответ.

Потом он сел на пятки: «Хай?» – спросил он с вынужденной вежливостью.

И сразу же Бунтаро начал что-то бормотать, жалко извиняясь. За что и почему, Блэксорн до конца не понял. Он мог только уловить отдельные слова, среди них много раз «саке», но это, очевидно, и было извинение и скромная просьба о прощении. Бунтаро все говорил и говорил. Потом он замолчал и опять опустил голову в пыль.

К этому времени ослепляющая Блэксорна ярость уже прошла. – Сигата га наи, – хрипло сказал он, что значило «ничем не могу помочь», или «что тут поделаешь», или «а что вы могли сделать?», не зная пока, было ли это извинение просто ритуалом перед атакой, – Сигата га наи. Хаккири вахараму га синпай сурукотовани? – Чем тут поможешь? Я не совсем

понял, но не беспокойтесь.

Бунтаро поднял глаза и снова сел. – Аригато-аригато, Ан-джин-сан. Домо гомен насаи.

– Сигата га наи, – повторил Блэксорн, и, когда стало ясно, что извинение было искренним, он возблагодарил Бога за то, что тот дал ему возможность обойтись без дуэли. Он знал, что у него нет никаких прав, что он вел себя как безумец, и что единственный способ покончить эту ситуацию с Бунтаро – вести себя согласно их правилам. А это значит – иметь дело с Торанагой.

Но почему вдруг извинения, страшно удивлялся он. Подумай. Ты должен научиться думать, как они.

Тут его осенило. «Это, должно быть, потому, что я хатамото, а Бунтаро гость, он нарушил мое «ва», гармонию моего дома, он оскорбил меня, следовательно, он вообще не прав, и он должен извиняться, что бы он на самом деле ни держал в душе. Извинения необходимы: одного самурая перед другим, гостя перед хозяином...

Жди! И не забывай, что согласно их обычаям всем людям можно напиться, это не считается большим грехом, и когда они пьяны, они не отвечают за свои действия. Не забывай, что если ты напиваешься до омерзения, ты еще не теряешь лицо. Помни, как легко отнеслись к этому на корабле Марико и Торанага, когда ты отключился. Они изумлялись, но не брезговали, как сделали бы мы. А разве ты сам не виноват? Разве не ты начал эту попойку? Не ты бросил вызов?»

– Да, – сказал он вслух.

– Нан дес ка, Анджин-сан? – спросил Бунтаро, глядя на него налитыми кровью глазами.

– Нани мо. Ватаси но каситсу дес. – Ничего. Это была моя вина.

Бунтаро покачал головой и сказал, что нет, это была только его вина, поклонился и снова извинился.

– Саке, – сказал Блэксорн, чтобы покончить с этим, и пожал плечами. – Сигата га наи. Саке!

Бунтаро поклонился и снова поблагодарил его. Блэксорн вернул поклон и встал. Бунтаро и телохранитель встали следом за ним. Оба поклонились еще раз, и он снова ответил на поклон.

Наконец Бунтаро повернулся и, шатаясь, пошел прочь. Блэксорн ждал, пока он не оказался за пределами выстрела из лука, ломая голову, правда ли, что этот человек был настолько пьян, как это представляется. Потом пошел домой.

Фудзико была на веранде, снова приветливая, улыбающаяся, как всегда. «Что вы на самом деле думаете?» – спросил он себя, здороваясь с ней и слушая ее утренние приветствия.

Дверь Марико была закрыта. Служанка стояла около нее.

– Марико-сан?

– Да, Анджин-сан?

Он подождал, но дверь не открывалась.

– У вас все нормально?

– Да, благодарю вас, – он услышал, что она прочищает горло, потом снова послышался ее слабый голос: – Фудзико послала сообщить Ябу-сану и господину Торанаге, что я сегодня нездорова и не смогу переводить.

– Вам лучше бы показаться доктору.

– О, спасибо, но Суво вполне меня устроит. Я послала за ним. Я... Я только немного вывихнула бедро. У меня, правда, все хорошо, вам не стоит беспокоиться.

– Слушайте, я немного разбираюсь в медицине. Вы не кашляете кровью?

– О, нет. Когда я поскользнулась, я просто ударилась щекой. Я, действительно, совсем здорова.

После паузы он сказал:

– Бунтаро извинился.

– Да, Фудзико видела от ворот. Я покорно благодарю вас за то, что вы приняли его извинения. Анджин-сан, я так сожалею, что мы побеспокоили вас... это непростительно, что

ваш покой... пожалуйста, примите мои извинения тоже. Мне не следовало быть такой несдержанной. Это очень невежливо. Эта ссора была моей ошибкой. Пожалуйста, примите мои извинения.

– За то, что вас избили?

– За то, что я не послушалась своего мужа, за то, что не помогла ему спокойно уснуть, за то, что не удовлетворила его, и за моего хозяина.

– Вы уверены, что я не могу вам ничем помочь?

– Нет-нет, благодарю вас, Анджин-сан. Это только сегодня.

Но Блэксорн не видел ее целых восемь дней.

Глава Тридцать Шестая

– Я пригласил тебя поохотиться, Нага-сан, а не повторять свои доводы, которые я уже слышал, – сказал Торанага.

– Я прошу вас, отец, в последний раз: прекратить эту подготовку, запретить употребление ружей, убить чужеземца, объявить эксперимент неудавшимся и покончить с этим мерзким делом.

– Нет в последний раз. – Сокол с надетым на голову колпачком, сидящий на рукавице Торанаги, беспокойно задвигался при звуках непривычно угрожающего голоса своего хозяина и встревоженно вскрикнул. Они были в кустах, загонщики и охрана находились за пределами слышимости, день был жаркий, влажный и облачный.

Нага вскинул голову:

– Очень хорошо. Но все же мой долг напомнить вам, что вы здесь в опасности, и попросить снова, со всей подобающей вежливостью, сейчас уже в последний раз, чтобы вы сегодня же уехали из Анджино.

– Нет. Также в последний раз.

– Тогда возьмите мою голову.

– Я уже имею твою голову!

– Тогда возьмите ее сегодня, сейчас, или позвольте мне покончить с жизнью, так как вы не следуете добрым советам.

– Научись терпению, щенок!

– Как я могу быть терпеливым, когда я вижу, как вы губите себя? Мой долг указать вам на это. Вы здесь охотитесь и теряете время, тогда как ваши враги ополчились на вас всем миром. Завтра встретятся регенты. Четыре пятых всех важных дайме Японии либо уже в Осаке, либо на пути туда. Вы единственный важный дайме, который отказался приехать. Теперь вас обвинят в измене. Тогда ничто не спасет вас. По крайней мере вам надо быть дома в Эдо, окруженным своими войсками. Здесь мы не сможем защитить вас. У нас едва ли тысяча человек, а разве Ябу не мобилизовал всю Идзу? У него более восьми тысяч человек в пределах двадцати ри отсюда, еще шесть тысяч закрывают границы. Вы знаете, наши шпионы говорят, что он держит суда, стоящие к северу отсюда, чтобы потопить вас, если вы попытаетесь спастись на галере! Вы опять его пленник, разве вы не видите этого? Один почтовый голубь от Ишидо, и Ябу может погубить вас, когда ему захочется. Разве вы не понимаете, что он готовит измену?

– Я уверен, что он думает об этом. Я бы думал, если бы я был на его месте, а ты?

– Нет, я бы не думал.

– Тогда бы ты вскорости и погиб, что было бы абсолютно заслуженно, но вместе с тобой и вся твоя семья, весь твой род и все твои вассалы, что было бы совсем непростительно. Ты глупец, поразительный глупец! Ты не используешь свой мозг, ты не слушаешь, ты не анализируешь, ты не сдерживаешь свой язык и характер! Ты позволяешь другим манипулировать тобой так по-детски и считаешь, что все может быть решено твоим мечом. Единственная причина, почему я не снес твою глупую голову или не позволил тебе покончить твою бесполезную жизнь – это то, что ты молод, потому что я думаю, что у тебя

большие способности, твои ошибки не предумышленны, в них нет обмана и твоя преданность бесспорна. Но если ты не научишься быстро терпению и самодисциплине, я отберу у тебя звание самурая и прикажу тебе и твоим потомкам перейти в класс крестьян! – правый кулак Торанаги стукнул по седлу, и сокол резко и нервно закричал. – Ты понимаешь?

Нага был в шоке. За всю свою жизнь Нага никогда не видел и даже не слышал, чтобы его отец кричал с такой злобой или вообще вышел из себя. Много раз ему доставалось за его язык, но всегда заслуженно. Нага знал, что он наделал много ошибок, но его отец всегда так поворачивал дело, что его действия не казались такими глупыми, как сначала. Например, когда Торанага показал ему, как он попал в ловушку Оми (или Ябу) в истории с Дзозеном, его пришлось силой удерживать от попытки сразу же убить их обоих. Но Торанага приказал своим личным телохранителям лить на Нагу холодную воду до тех пор, пока он не стал соображать, и спокойно объяснил ему, что он, Нага, очень помог своему отцу, устранив этого опасного Дзозена. – Но было бы гораздо лучше, если бы ты знал, что тобою манипулируют. Будь терпелив, мой сын, все приходит с терпением, – советовал Торанага. – Скоро ты будешь манипулировать ими. Что ты сделал, все было очень хорошо. Но ты должен научиться понимать, что в голове у людей, если ты собираешься использовать их для себя – или для своего господина. Мне нужны вожди. Фанатиков у меня достаточно.

Его отец всегда был рассудителен и все прощал, но сегодня... Нага спрыгнул с коня и униженно стал на колени: – Пожалуйста, простите меня, отец. Я не хотел вас рассердить... все это лишь потому, что я ужасно беспокоюсь о вашей безопасности. Пожалуйста, простите меня за то, что я нарушил гармонию...

– Придержи язык! – проревел Торанага, испугав свою лошадь.

Торанага безумным усилием сжал колени и натянул поводья правой рукой, лошадь рванулась вперед. Потеряв равновесие, его сокол начал злиться: спрыгивать с кулака, дико махать крыльями, издавать свой душераздирающий крик – хек-ек-ек-екек-ек, недовольный непривычной суетой вокруг. – Ну, моя красавица, ну, – отчаянно пытался успокоить соколиху Торанага, стараясь в то же время усмирить лошадь. Нага в это время прыгнул к ее морде. Он схватился за уздечку и не дал лошади понести. Сокол яростно закричал. Потом с большой неохотой он устроился опять на перчатке Торанаги, удерживаемый его опытной рукой за кожаные ремешки на ногах. Но крылья сокола все еще нервно дрожали, колокольчики на ногах резко и звонко бренчали.

– Хек-ек-ек-ек-еееееккк! – пронзительно раздалось в последний раз.

– Ну, ну, моя красавица. Все хорошо, – успокаивающе сказал Торанага, его лицо все еще было покрыто красными пятнами от злости, он повернулся к Наге, пытаясь не дать злобе прорваться, чтобы не пугать сокола. – Если ты испортишь ей сегодня работу, я...

В этот момент донесся предупреждающий крик одного из загонщиков. Торанага тут же сдернул колпачок с головы сокола, дал ему время осмотреться, потом выпустил его.

Это был длиннокрылый сокол-сапсан – самка по имени Тетсу-ко – Госпожа Сталь – она со свистом взмыла в небо, кружась, достигла своей обзорной высоты в шестьсот метров, подождала, пока не взлетит вспугнутая дичь, и сразу успокоилась. Потом, повернув на нисходящий поток, она увидела пущенных собак и выводок фазанов, рассеявшихся с диким хлопаньем крыльев. Сокол наметил себе добычу, накренился и стремительно полетел вниз, – сложив крылья и неотвратимо пикируя на добычу, – с уже готовыми для хватки когтями.

Сокол несся вниз, но старый фазан, вдвое больше его по размерам, метнулся в сторону и в панике бросился стрелой в рощицу в двухстах шагах от него. Сокол выправился, распахнул крылья и очертя голову бросился за своей жертвой. Он набрал высоту и, оказавшись выше петуха, снова устремился вниз, бешено хкая, и снова промахнулся. Торанага возбужденно подбадривал сокола криком, предупреждая об опасности впереди и совсем забыв про Нагу.

Бешено хлопая крыльями, петух стремился под защиту деревьев. Сокол, снова вихрем взмыв вверх, бросился камнем вниз. Но было слишком поздно. Хитрый фазан исчез. Пренебрегая собственной безопасностью, сокол с треском продирался сквозь листву и ветки,

яростно преследуя свою жертву, потом выскочил из чащи на открытое место и, пронзительно крича от ярости, устремился вверх над деревьями.

В этот момент стая куропаток взлетела и устремилась вдаль, держась низко над землей, ища спасения, искусно следуя вдоль контуров поверхности земли. Тетсу-ко наметила одну, сложила крылья и камнем упала на нее. На этот раз она не промахнулась. Один бешеный удар заднего когтя летящего сокола сломал шею куропатке. Она рухнула на землю в разлетающемся облаке перьев. Но вместо того чтобы продолжать преследование на земле или подхватить и приземлиться с добычей, птица с криком взлетела в воздух, поднимаясь все выше и выше.

Встревоженный Торанага вытащил приманку, маленькую дохлую птицу, привязанную на тонкой веревочке, и покрутил ею вокруг головы. Но Тетсу-ко не потянуло назад. Теперь она была маленьким пятнышком в небе, Торанага был уверен, что потерял ее, что она решила покинуть хозяина, вернуться в дикую жизнь, убивать по собственному желанию, а не по его прихоти, есть, когда захочет, а не когда он решит, и лететь, куда занесут ветры или фантазия, навеки стать свободной.

Торанага следил за ней, не опечаленный, но все-таки немного жалея. Это было дикое создание, и Торанага, как все соколятники, знал, что он был только временный земной хозяин. Когда-то он забрался на охотничий участок ее родителей в горах Хаконе и взял ее из гнезда только что оперившимся птенцом, готовил, лелеял и дал ей возможность убить первую добычу. Теперь он мог едва видеть ее, кружащуюся наверху, так величественно парящую в восходящих потоках теплого воздуха, и хотел, до боли хотел, чтобы он тоже мог парить в эмпиреях, вдали от земных несправедливостей.

Но тут старый фазан-петух спокойно взлетел с дерева, собираясь кормиться дальше. И Тетсу-ко бросилась, падая как свинец, маленьким обтекаемым орудием смерти, ее когти были готовы для нанесения смертельного удара.

Петух-фазан умер мгновенно, перья разлетелись при ударе, но сокол схватил его, падая с ним, крылья рассекали воздух, перед тем как бешено затормозить в самую последнюю секунду. Потом он сложил крылья и сел на свою жертву.

Он держал ее в когтях и начал ощипывать перед тем, как начать есть. Но еще до этого подъехал Торанага. Сокол остановился, недовольный. Его безжалостные коричневые глаза с желтой каймой следили за тем, как он спешился, его уши слушали, как хозяин воркующим голосом хвалил его искусство и смелость, и потом, поскольку он был голоден, а Торанага давал пищу, а также потому, что Торанага был терпелив и не делал резких движений, но мягко сел на колени, сокол позволил ему приблизиться.

Торанага осторожно расхваливал птицу. Он вынул свой охотничий нож и надрезал фазану голову, чтобы дать Тетсу-ко мозг. Когда птица уступила его прихоти и начала есть это лакомство, он отрезал голову и птицу удалось без всяких усилий заманить к нему на руку, где та привыкла принимать корм.

Торанага все время нахваливал птицу и, когда та кончила есть этот лакомый кусочек, он мягко погладил ей спину и продолжал расхваливать. Она раскачивалась и свистом выражала свое удовольствие, радуясь, что опять в безопасности сидит на руке, где можно поесть, так как с тех пор, как она была взята из гнезда, рука была единственным местом, где ей позволяли кормиться, пищу ей всегда давал только сам Торанага. И сокол начал чистить перья, готовясь к новой охоте.

Поскольку Тетсу-ко охотилась так успешно, Торанага решил дать ей переварить лакомство и больше в этот день не выпускать. Он вскрыл уже ощипанную маленькую птичку и отдал ее соколухе. Когда та полностью погрузилась в еду, Торанага натянул на нее колпачок, и птица продолжала есть через него. Когда она кончила есть и снова начала охорашиваться, Торанага поднял фазана, положил в мешок и поманил к себе сокольника, который ждал вместе с загонщиками. Опьяненные успехом, они обсуждали и подсчитывали добычу. Им удалось добыть зайца, пару перепелов и петуха-фазана. Торанага отпустил сокольника и загонщиков в лагерь, отдав им соколов. Телохранители ждали его,

укрывшись от ветра.

Теперь он смог опять заняться сыном: «Ну?» Нага стал на колени около его лошади, поклонился: – Вы совершенно правы, господин, в том, что вы сказали обо мне. Я приношу свои извинения за то, что оскорбил вас.

– А не за то, что дал мне плохой совет?

– Я прошу вас направить меня к кому-нибудь, кто может научить меня не давать вам плохих советов. Я никогда не хотел давать вам плохих советов, никогда.

– Хорошо. Ты будешь проводить часть дня, разговаривая с Анджин-саном, обучаясь тому, что он знает. Он может быть одним из твоих учителей.

– С ним?

– Да. Это сможет приучить тебя к дисциплине. И если ты сможешь научиться у него, несмотря на то что у тебя между ушами камень, ты, конечно, узнаешь ценные для тебя вещи. Ты можешь даже научиться чему-нибудь полезному для меня.

Нага угрюмо уставился в землю.

– Я хочу, чтобы ты узнал все, что он знает о ружьях, пушках и военном снаряжении. Ты будешь моим экспертом. И я хочу, чтобы ты стал очень знающим экспертом.

Нага ничего не ответил.

– И я желаю, чтобы ты стал его другом.

– Как я это смогу?

– Почему ты об этом не подумаешь сам? Почему ты не используешь свою голову?

– Я попытаюсь. Я клянусь, что попытаюсь.

– Я хочу, чтобы ты сделал даже лучше. Тебе приказано преуспеть в этом деле. Используй «христианское милосердие». Ты уже должен был достаточно хорошо научиться этому. Не так ли?

Нага посмотрел на него сердито.

– Этому невозможно научиться, сколько я ни пытался. Правда! Все, что ни говорил Тсукку-сан, это была догма и вздор, от которых человека тошнит. Христианство для крестьян, не для самурая. Не убий, не пожелай больше одной женщины и пятьдесят других глупостей. Я тогда послушался вас и теперь слушаюсь – я всегда слушаюсь! Почему просто не позволить мне делать то, что я могу, господин? Я стану христианином, если это то, чего вы хотите, но я никогда не смогу поверить в христианство – это все дерьмо и... прошу прощения за то, что я говорю. Я стану другом Анджин-сана. Я хочу этого.

– Хорошо. И помни, что он стоит в двадцать тысяч раз больше своего веса в сыром шелке и он знает больше, чем ты узнаешь за двадцать своих жизней.

Нага держал себя под контролем и послушно кивнул в знак согласия.

– Хорошо. Ты будешь командовать двумя батальонами, Оми-сан тоже двумя и один будет в резерве у Бунтаро.

– А еще четыре, господин?

– У нас для них не хватает ружей. Это был финт, чтобы сбить с толку Ябу, – сказал Торанага, озадачив сына.

– Что?

– Это просто предлог для того, чтобы привести сюда еще тысячу самураев. Они придут завтра. С двумя тысячами человек я могу заблокировать Анджино и уехать, если мне потребуется. Так?

– Но Ябу-сан может все-таки... – Нага замолчал, зная, что сразу, не подумав, он наверняка скажет что-то не то. – Почему я такой глупый? – спросил он с горечью. – Почему я не могу видеть все так, как вы? Или как Судару-сан? Я хочу помочь, быть вам полезным. Я не хочу все время подводить вас.

– Тогда научись терпению, мой сын, и обуздывай свой характер. Скоро придет твое время.

– Да?

Торанага внезапно надоело все время проявлять терпение. Он поглядел на небо: – Я

немного посплю пока.

Нага сразу же расседлал коня, снял и положил на землю попону, эту постель самурая. Торанага поблагодарил его и отправил расставить часовых. Удостоверившись, что все сделано правильно и он в безопасности, лег и закрыл глаза.

Но он не хотел спать, только спокойно подумать. Он знал, что то, что он вышел из себя, было плохим признаком. «Тебе повезло, что это было только перед Нагой, который многого не знает. Если бы это случилось при Оми или Ябу, они бы сразу поняли, что ты почти на грани безумия от беспокойства. И это могло легко толкнуть их на измену. На этот раз тебе повезло. Тетсу-ко все привела в норму. Что за красивый полет! Вспомни, как учил ее; и с Нагой нужно обращаться, как с соколом. Разве он не кричал и не злился, как самые лучшие из них! У Наги только одна трудность, его могут втянуть в неправильную игру. Его игра – сражение и внезапная смерть, и скоро этого будет достаточно».

К Торанаге снова вернулось беспокойство: «Что происходит в Осаке? Я сильно ошибся в даиме – кто примет и кто отвергнет вызовы. Я предан? Вокруг меня столько опасностей...

Что с Анджин-саном? Он тоже как сокол. Но он все-таки не сломается, чтобы сесть на кулак, как говорят Ябу-сан и Марико. Какова его «дичь»? Его дичь – Черный Корабль и кормчий Родригес, и этот уродливый высокомерный маленький адмирал, которому недолго предстоит жить на этой земле, все священники в черных сутанах, все эти священники с отвратительными волосами, все португалыцы, все испанцы, турки, мусульмане и, конечно, Оми, Ябу и Бунтаро, Ишидо и я».

Торанага повернулся, устраиваясь поудобнее, и улыбнулся про себя: «Но Анджин-сан не длиннокрылый сокол, кидающийся на приманку, которую бросают вверх. Он больше похож на короткокрылого ястреба, который летит с вашего кулака, чтобы убить все, что движется, скорее ястреб-тетеревятник, который берет куропатку, зайца в три раза больше себя, крыс, кошек, собак, вальдшнепа, скворцов, грачей, догоняя их фантастическими бросками и убивая одним ударом когтей, ястреб, который не любит колпачка на голове и не принимает его, просто сидит на вашей кисти, надменный, опасный, самодовольный, безжалостный, желтоглазый, прекрасный товарищ, с отвратительным характером, если на него что-то найдет. Да, Анджин-сан короткокрылый. На кого я напущу его? На Оми? Нет пока. Ябу? Также рано. Бунтаро?»

Почему на самом деле Анджин-сан пошел против Бунтаро с пистолетами? Из-за Марико, конечно. Они переспали? Возможностей у них было достаточно. Думаю, что да. «Чрезмерный», – сказала она тогда в первый день. Ничего плохого в этой их связи тогда не было – Бунтаро считался погибшим, и это обеспечивало им полную тайну. Но Анджин-сан глуп, что так рисковал из-за чужой женщины. Разве нет тысячи других, свободных и ничем не связанных, одинаково хорошеньких, маленьких или больших, тонких или толстых, знатного происхождения или нет, которых можно взять без опасений, что они принадлежат еще кому-то? Он вел себя как глупый ревнивый чужеземец. Помнишь кормчего Родригеса? Разве он не убил на дуэли другого чужеземца согласно своим обычаям только для того, чтобы взять себе дочку мелкого торговца, на которой потом женился в Нагасаки? Тайко тогда оставил это убийство безнаказанным вопреки моему совету, потому что это была только смерть чужеземца, а не одного из наших. Глупо иметь два закона – один для нас, другой для них. Следует придерживаться только одного закона.

Нет, я не выпущу Анджин-сана на Бунтаро, мне нужен этот глупец. Но спали или нет эти двое, я надеюсь, что мысль об этом никогда не посетит Бунтаро. Тогда мне придется быстро убить Бунтаро, потому что никакая сила на земле не удержит его от убийства Анджин-сана и Марико-сан, а они нужны мне больше, чем он. Не следует ли мне сейчас уничтожить Бунтаро?»

Как только Бунтаро протрезвел, Торанага послал за ним.

– Как осмелились вы поставить свои интересы выше моих! Сколько теперь времени Марико не сможет переводить?

– Доктор сказал, несколько дней, господин Торанага-сан. Я прошу прощения за

причиненное беспокойство!

– Я очень ясно объявил, что мне потребуются ее услуги еще двадцать дней. Вы не помните?

– Да. Я прошу прощения. Я очень виноват.

– Если она огорчит вас, достаточно будет несколько шлепков по ягодицам. Все женщины время от времени нуждаются в этом, но сверх того – это уже грубость. Вы эгоистично поставили под угрозу наши планы и вели себя, как тупой крестьянин. Без нее я не смогу разговаривать с Анджин-саном!

– Да. Я знаю, господин, прошу меня извинить. Это первый раз я поколотил ее. Я просто... иногда она меня сводит с ума, настолько, что я не могу владеть собой.

– Почему тогда вы не разведетесь с ней? Или не отошлете ее? Или не убьете ее, или не прикажете ей перерезать себе горло, когда она перестанет требоваться мне?

– Я не могу. Я не могу, господин, – сказал Бунтаро. – Она... я хотел ее с самого первого момента, как только ее увидел. Когда мы поженились, первое время, она была всем для меня. Я думаю, я был блаженным – вы помните, как каждый дайме в государстве хотел ее. Потом... потом я отослал ее ради ее же безопасности, чтобы защитить ее от грязных убийц, притворяющихся, что они возмущаются ею, а потом, когда Тайко сказал, чтобы она вернулась, она даже еще больше возбуждала меня. Честно говоря, я ожидал, что она будет более благодарной, и взял ее, как мне хотелось, и не заботился о тех пустячках, какие любят женщины, типа поэм и цветов. Но она изменилась. Она была верной, как всегда, но совершенно ледяной, все время просила смерти, чтобы я разрешил ей убить себя. Она испортила моего сына и отвратила меня от других женщин, но я не могу от нее избавиться. Я... Я пытался быть с ней добрым, но всегда наталкивался на этот лед, и это сводило меня с ума. Когда я вернулся из Кореи и узнал, что она перешла в эту бессмысленную христианскую религию, я удивлялся, к чему эта глупая религия? Я хотел подразнить ее, но прежде, чем я понял, что происходит, я оказался с ножом у ее горла и поклялся, что я зарежу ее, если она не откажется. Ну, конечно, она не отступила от своей религии, какой самурай отступится перед такой угрозой, не так ли? Она только поглядела на меня своими глазами и велела мне продолжать: «Пожалуйста, режьте меня, господин, – сказала она, – сейчас я подставляю вам горло. Я молюсь Богу, чтобы он благословил меня на смерть». Я не смог зарезать ее, господин. Я взял ее. Но я отрезал волосы и уши некоторым ее служанкам, которые последовали за ней и стали христианками, и выгнал их из дому. Я сделал то же самое с ее кормилицей и отрезал ей также нос, этой подлой зловредной ведьме! И тогда Марико сказала, что из-за этого... из-за того, что я наказал ее служанок, если в следующий раз я приду к ней в постель без разрешения, она совершит сеппуку, любым способом, как только сможет, сразу же... несмотря на ее обязанности передо мной, несмотря на ее долг перед семейством, даже несмотря на заповеди ее христианского Бога! – Он не замечал бегущих по его щекам слез бессильной ярости, – Я не могу убить ее, как бы ни хотел этого. Я не могу убить дочь Акечи Дзинсаи, как бы она этого не заслуживала...

Торанага дал Бунтаро выговориться, потом отпустил его, приказав ему вообще держаться подальше от Марико, пока он не решит, что все закончено. Он послал ей своего доктора для осмотра. Отчет доктора был благоприятен: ушибы, но без внутренних повреждений.

Чтобы обезопасить себя, поскольку ожидал измены, а время шло, Торанага решил, что всем им надо поднажать. Он приказал Марико перейти в дом к Оми с наказом оставаться в пределах этого дома, отдыхать и полностью исключить встречи с Анджин-саном. Потом он вызвал Анджин-сана и притворился очень недовольным, когда стало ясно, что они едва могут понять друг друга. Вся подготовка была ускорена, стала проводиться еще быстрее. Люди были посланы на форсированные марши. Наге было приказано идти с Анджин-саном. Но Нага не сделал этого.

Тогда он попробовал сам. Он одиннадцать часов вел батальон по горам. Анджин-сан выдержал, не в передних рядах, но все-таки он выдержал. Вернувшись опять в Анджино,

Анджин-сан сказал на своем плохом японском, который едва можно было выносить: – Торанага-сама. Я ходить могу. Я могу готовить стрелков. Простите, но невозможно делать два дела в одно и то же время, правда?

Торанага лежал и улыбался под облачным небом, ожидая дождя, довольный игрой, которая заставит Блэксорна сесть к нему на кулак. Он, конечно, короткокрылый. Марико такая же стойкая, такая же умная, но более яркая, и в ней есть та преданность, которой у него никогда не будет. Она как соколиха, как Тетсу-ко. Почему самка хищника, сокола, всегда больше и быстрее и сильнее, чем самец, всегда лучше самца?

Они все хищники – она, Бунтаро, Ябу, Оми, Фудзико, Ошиба, Нага и все мои сыновья и дочери, женщины, вассалы, все мои враги – все хищники или добыча для хищников.

Я должен поставить Нагу в положение хищника и дать ему броситься на добычу. Кто это будет? Оми или Ябу?

То, что Нага сказал относительно Ябу, оказалось верным.

– Ну, Ябу-сан, что вы решили? – спросил Торанага на следующий день.

– Я не собираюсь в Осаку, пока не поедете вы, господин. Я приказал мобилизовать все Идзу.

– Ишидо предъявит вам обвинение.

– Он сначала обвинит вас, господин, и если падет Кванто, падет и Идзу. Я сделал выбор и заключил сделку с вами одним. Я на вашей стороне. Касиги соблюдают свои договора.

– Я в равной мере считаю за честь иметь вас своим союзником, – солгал он, довольный, что Ябу еще раз сделал то, что для него запланировал Торанага. На следующий день Ябу собрал свое войско и просил его устроить смотр и затем перед своими людьми церемонно встал перед ним на колени и предложил себя в вассалы.

– Вы признаете меня своим сюзереном? – спросил Торанага.

– Да. И все люди Идзу. Господин, пожалуйста, примите этот дар как знак сыновьего долга, – все еще стоя на коленях, Ябу предложил ему меч работы Мурасама, – это меч, которым был убит ваш дед.

– Но этого не может быть!

Ябу рассказал ему историю меча, как он попал к нему через годы, и как только недавно он узнал о его подлинности. Он позвал Суво. Старик поведал, чему он был сам свидетелем, когда был очень маленьким мальчиком.

– Это правда, господин, – гордо сказал Суво, – никто не видел, как отец Обаты сломал меч или забросил его в море. И я клянусь своей надеждой стать самураем в новой жизни, что я служил вашему деду, господину Чикитади. Я верно служил ему до того дня, когда он погиб. Я был там, святая истина.

Торанага принял меч, который, казалось, трясся от злобы в его руке. Он всегда смеялся над легендой о том, что некоторые мечи обладают стремлением убивать сами по себе, что некоторым мечам надо выскакивать из ножен, чтобы напиться крови, но теперь Торанага поверил в это.

Торанага содрогнулся, вспомнив тот день. Почему мечи Мурасама ненавидят нас? Один убил моего деда. Другой чуть не отрубил мне руку, когда мне было шесть лет, необъяснимый инцидент, никого рядом не было, но все-таки моя рука с мечом была разрезана, и я чуть не истек кровью до смерти. Третий обезглавил моего первого сына.

– Господин, – сказал Ябу, – такой оскверненный меч не может жить дальше, правда? Позвольте мне выбросить его в море и утопить его, так чтобы по крайней мере этот меч никогда не мог угрожать вам или вашему потомству.

– Да, да, – пробормотал он, благодарный Ябу за то, что он предложил это. – Сделайте это сейчас же! – И только когда меч скрылся в самой глубине моря, сердце у Торанаги заработало нормально. Он поблагодарил Ябу, приказал ему удерживать налоги крестьянам на шестидесяти процентах, на сорока их господам и отдал ему Идзу как его собственный надел. Таким образом, все осталось как прежде, за исключением того, что вся власть в Идзу теперь принадлежала бы Торанаге, если бы он захотел ее взять.

Торанага повернулся, чтобы удобнее расположить руку с мечом, улегся получше, наслаждаясь близостью земли, как всегда, получая от нее силу и бодрость. «Этот клинок исчез и никогда больше не вернется. Хорошо, но вспомни, что предсказал старый китайский ясновидец, – подумал он, – что ты умрешь от меча. Но чьего меча и будет ли это от моей или чужой руки?»

– В свое время я узнаю, – сказал он себе без страха. «А теперь спать. Карма есть карма. Будь ты Дзенем. Помни, в покое Абсолют, Тао, внутри тебя, что никакой священник, никакой культ, догма, книга или слово, учение или учитель не стоят между тобой и этим. Войди в сферу, где нет страха смерти или надежды на следующую жизнь, где ты свободен от препятствий жизни или необходимости спасения. Ты сам Тао. Будь сейчас скалой, о которую тщетно разбиваются волны жизни».

Слабый крик вывел Торанагу из медитации, и он вскочил на ноги. Нага возбужденно показывал на небо. Все глаза были обращены на то, что он показывал.

С запада прямо на Анджиго летела почтовая голубка. На минуту она замахала крыльями у отдаленного дерева, присела отдохнуть, но тут же взлетела снова, так как начался дождь.

Далеко на западе, там, откуда она прилетела, была Осака.

Глава Тридцать Седьмая

Птичник у голубиной клетки держал птицу аккуратно, но твердо, пока Торанага снимал промокшую одежду. Он прискакал обратно под проливным дождем. Нага и остальные самураи тревожно толпились около дверей, не обращая внимания на теплый дождь, который стремительным потоком еще несся с неба, барабана по черепичной крыше.

Торанага осторожно вытер руки. Птичник протянул ему голубя. Два маленьких цилиндрика из кованого серебра были привязаны к лапкам. Торанага приложил много усилий, чтобы унять нервную дрожь в пальцах. Он отвязал цилиндрики, поднес их к свету у окна, чтобы посмотреть на маленькие печати, и узнал тайный шифр Кири. Нага и остальные напряженно следили за ним, но лицо Торанаги ничего не выражало.

Он не сломал сразу печати, как ему этого ни хотелось, а терпеливо подождал, пока не принесут сухое кимоно. Слуга принес большой зонтик из промасленной бумаги, и он прошел в свои помещения в крепости, где его уже ждали суп и зеленый чай. Торанага выпил их и послушал, как шумит дождь. Почувствовав, что совершенно успокоился, он расставил часовых и перешел во внутренние комнаты. Там в одиночестве сломал печати. Бумага в четырех рулончиках была очень тонкой, иероглифы мелкие, сообщение длинное и зашифрованное, а расшифровка очень трудоемкой. Когда она была завершена, он прочитал послание, затем перечитал его еще раз. Потом задумался.

Наступила ночь. Дождь прекратился. «О, Будда, пусть будет хороший урожай», – молился он. Это был сезон, когда рисовые поля были затоплены, и по всей стране на чистых от сорняков почти жидких полях выращивались бледно-зеленые рисовые ростки, чтобы через четыре или пять месяцев быть сжатыми. И по всей стране бедный и богатый, эта и император, слуга и самурай – все молились о правильном чередовании дождя и солнца, пришедшихся на этот сезон. И каждый человек, мужчина, женщина и ребенок, считали дни до жатвы,

«Нам потребуется хороший урожай в этом году», – подумал Торанага.

– Нага! Нага-сан!

Прибежал сын.

– Да, отец?

– В первый час после восхода позови Ябу и его советников на плато. И Бунтаро с нашими тремя капитанами. И Марико-сан. Приведи их всех на плато на рассвете. Пусть Марико-сан приготовит зеленый чай. И я хочу, чтобы у лагеря был и Анджин-сан. Охрана должна стоять кольцом на расстоянии в двести шагов.

– Да, отец, – Нага повернулся, чтобы идти выполнять приказ. Не в силах сдерживаться, он выпалил: – Война? Да?

Поскольку Торанаге нужен был такой источник оптимизма, он не выругал сына за недисциплинированность и нетерпеливость.

– Да, – сказал он, – но на моих условиях.

Нага закрыл седзи и выскочил из дому. Торанага знал, что лицо и поведение Наги теперь будут внешне спокойными, ничто не выдаст его возбуждения. Слухи и кривотолки промчатся по Анджири и всей Идзу с окрестностями с такой скоростью, как если бы их разносили специально.

– Ну вот и началось, – вслух сказал он цветам, которые спокойно стояли себе в токонома, тени метались в приятном свете свечей.

Кири писала: «Господин, я молюсь Будде, чтобы вы были в безопасности и покое. Это наш последний почтовый голубь, так что я тоже молю Будду довести его до вас – предатели убили всех других, устроив пожар на птичнике, а этот один уцелел, потому что был болен, и я выхаживала его отдельно.

Вчера утром господин Судзияма отказался от должности, как и планировалось. Но перед этим он мог успеть спастись, но был захвачен на окраине Осаки ронинами Ишидо. К несчастью, вместе с ним были захвачены и его родные – я слышала, что он был предан одним из своих людей. Ходит слух, что Ишидо предложил ему компромисс: если господин Судзияма отложит свою отставку до окончания собрания Совета регентов (до завтра), так чтобы вы могли быть законно обвинены, то Ишидо гарантирует, что Совет официально отдаст Судзияме всю провинцию Кванто и, как знак доброй воли, Ишидо сразу же выпустит его и его семью. Судзияма отказался предать вас. Ишидо приказал своим эта немедленно заставить его изменить решение. Они пытали детей, потом наложницу Судзиямы на его глазах, но он тем не менее не отказался от вас. Все они умерли в муках. Его смерть под самый конец тоже была ужасна.

Свидетелей этого злодеяния, конечно, не было. Только слухи, которым я верю. Конечно, Ишидо отрицает, что он что-либо знает об убийцах или людях, причастных к ним, клянется, что он найдет «убийц». Сначала Ишидо заявил, что Судзияма на самом деле не подавал в отставку и, следовательно, по его мнению. Совет все-таки может состояться. Я послала копии отказа Судзиямы другим регентам, Кийяме, Ито и Оноши, одну открыто послала Ишидо и распространила еще четыре копии среди дайме. (Как мудро вы, Тора-чан, предположили, что будут необходимы дополнительные копии). Так что со вчерашнего дня, как вы и планировали с Судзиямой, Совета формально больше нет – в этом вы полностью преуспели.

Хорошие новости: господин Могами благополучно вернулся из-за города со всем своим семейством и самураями. Теперь он открыто ваш союзник, так что ваши дальние северные границы в безопасности. Господа Маеда, Кукусима, Асано, Икеда и Окудьяра все спокойно выскользнули из Осаки прошлой ночью, а также и христианин господин Ода.

Плохие новости те, что семьи Маеды, Икеды, Оды и еще дюжины знатных дайме не спаслись, так же как и пятьдесят или шестьдесят менее знатных господ.

Плохие новости: ваш сводный брат Затаки, господин Синано, открыто заявил, что он за наследника Яэмона, против вас, обвинил вас в союзе с Судзиямой в подрыве Союза регентов путем создания хаоса в стране, так что теперь ваши северо-восточные границы открыты, и Затаки и его пятьдесят тысяч фанатиков будут воевать с вами.

Плохие новости в том, что почти каждый дайме принял императорское «приглашение».

Плохие новости и в том, что многие ваши друзья и союзники недовольны вами за то, что вы не сообщили им раньше о ваших планах, чтобы они могли подготовить пути отступления. Ваш старый друг, господин Симазу, один верен вам. Я слышала после полудня, что он открыто потребовал, чтобы все господа получили приказ императора стать на колени перед этим мальчиком, Яэмоном.

Плохая новость та, что госпожа Ошиба блестяще плетет свою паутину, обещая надёлы,

звания и придворные чины тем, кто не выступит против них. Тора-чан, очень жаль, что госпожа Ишидо не на вашей стороне, она достойный противник. Госпожа Ёдоко одна защищает и успокаивает, но никто не слушает, а госпожа Ошиба хочет ускорить начало войны, так как она чувствует, что вы слабы и изолированы. Так что, я сожалею, мой господин, но вы в изоляции и, я думаю, преданы.

Хуже всего то, что сейчас христиане-регенты Кийяма и Оноши вместе открыто и ожесточенно нападают на вас. Они выпустили совместное заявление сегодня утром, сожалея об «отступничестве» Судзиямы, заявив, что это действие ввергает государство в смуту, что «мы все должны быть сильными ради императора. Регенты несут большую ответственность. Мы должны быть готовы уничтожить любого феодала или группу феодалов, которые хотят отменить завешание Тайко или лишить власти законного наследника». (Не значит ли это, что они хотят встретиться как Совет четырех регентов?) Один из наших шпионов-христиан в штабе Черных Мантий шепнул, что священник Тсукку-сан тайно покинул Осаку пять дней назад, но мы не знаем, поехал ли он в Эдо или в Нагасаки, где ждут Черный Корабль. Вы знаете, в этом году он прибудет очень рано? Может быть, через двадцать или тридцать дней?

Господин, я всегда колебалась, прежде чем высказывала суждения, основанные на разговорах, слухах, шпионских донесениях или женской интуиции (как видите, Тора-чан, я научилась у вас), но времени мало, и я могу не успеть сказать вам еще раз: во-первых, здесь попались в ловушку многие семьи. Ишидо никогда не позволит им уехать (как он никогда не отпустит нас). Эти заложники таят в себе огромную опасность для вас. Мало господ имеют то же представление о долге или силе духа, что и Судзияма. Очень многие, я думаю, пойдут теперь с Ишидо, однако неохотно, только из-за этих заложников. Далее, я думаю, что Маеда выдаст вас, так же, как, видимо, и Асано. Я насчитала всего двести шестьдесят четыре дайме в нашей стране, только двадцать четыре из них наверняка пойдут за вами и, возможно, еще пятьдесят. Этого недостаточно. Кийяма и Оноши увлекут за собой всех или большинство дайме-христиан, и я считаю, что они теперь к вам не присоединятся. Господин Мори, самый богатый и крупный из всех, лично против вас, как всегда, и он потянет Асано, Кобайякаву и, может быть, Оду в свою сеть. С вашим сводным братом господином Затаки, который против вас, ваше положение ужасно ненадежно. Я советую вам объявить сразу «Малиновое небо» и напасть на Киото. Это ваша единственная надежда.

Что касается госпожи Сазуко и меня, то мы здоровы и довольны. Ребенок начинает шевелиться, и если этому ребенку суждено родиться, то пусть это случится. Мы в безопасности в нашем уголке замка, дверь хорошо закрыта, заградительная решетка тоже. Наши самураи преданы вам и вашему делу, и если наша карма – расстаться с этой жизнью, мы сделаем это спокойно. Ваша госпожа очень скучает по вас. Что касается меня, Тора-чан, я страстно хочу увидеть вас и посмеяться с вами и увидеть вашу улыбку. Моим единственным сожалением перед смертью будет то, что я не смогу больше делать это и смотреть на вас. Если есть загробная жизнь и Бог или Будда или карма существуют, я обещаю, что я как-нибудь склоню их на вашу сторону... хотя, может быть, сначала я попрошу их сделать меня стройнее, моложе и плодовитей для вас, тем не менее оставив мне радость наслаждаться едой. Ах, если бы действительно были небеса, чтобы можно было и есть, и все-таки вечно быть молодой и тоненькой!

Я посылаю свой смех. Может быть, Будда благословит тебя и твоих людей».

* * *

Торанага прочитал им это письмо, за исключением той личной приписки про Кири и госпожу Сазуко. Когда он кончил, все недоверчиво посмотрели на него и друг на друга, не только из-за того, что говорилось в письме, но и потому, что он впервые так открыто посвятил их в свои тайны.

Все сидели на матах, разложенных в центре плато, без охраны, не боясь подслушивания. Бунтаро, Ябу, Игураши, Оми, Нага, капитаны и Марико. Охрана была

расставлена в двухстах шагах.

– Я хочу посоветоваться, – сказал Торанага. – Мои советники в Эдо. Это дело срочное, и я хочу, чтобы все вы действовали на своих участках. Что произойдет и что мне, по-вашему, нужно делать, Ябу-сама?

Ябу был в смятении. Каждый путь, казалось, ведет к опасности.

– Сначала, господин, объясните, что такое «Малиновое небо»?

– Это условное название плана моей окончательной битвы, один стремительный бросок на Киото всех моих войск, в надежде на мобильность и внезапность, захват столицы у тех дьявольских сил, которые сейчас окружают ее, чтобы вырвать императора из грязных рук людей, руководимых Ишидо, которые обманули его. Освободив Сына Неба, тут же прошу его отменить мандат, выданный нынешнему Совету, члены которого – явные предатели или подчиняются предателям, и дать мне полномочия для создания нового Совета, который бы ставил интересы государства и наследника выше личных амбиций. Мне надо будет выставить от восьмидесяти до ста тысяч человек, оставив мои земли незащищенными, фланги неохраняемыми и отступление без прикрытия, – Торанага видел, что все смотрят на него в изумлении. Он не упомянул о самых отборных своих самураях, которые в течение многих лет усиленно внедрялись в замках и провинциях по стране, чтобы восстать всем одновременно, создавая хаос, очень важный для осуществления этого плана.

Ябу взорвался первым:

– Но вы должны будете сражаться на каждом шагу. В руках Икавы Джикья все Хоккайдо на сотню ри. В остальных местах масса укреплений Ишидо!

– Да. Но я собираюсь устремиться на северо-запад вдоль Косукайдо, потом ударить на Киото и уходить с побережья.

Многие сразу же закачали головами и начали говорить, но Ябу не обратил на них внимания:

– Но, господин, в письме говорится, что ваш родственник Затаки-сан уже перекинулся к врагу! Теперь ваш путь к северу тоже блокирован! Его провинция напротив Косукайдо. Вы должны будете пробиваться через всю Синано – это в горах, дорога очень тяжела, а его люди фанатически ему преданы. В этих горах вас изрежут на кусочки.

– Это единственный путь, где у меня есть шанс. Я согласен, что на прибрежной дороге будет слишком много врагов.

Ябу взглянул на Оми, желая с ним проконсультироваться, кляня это письмо и все сборище в Осаке, жалея, что заговорил первым и очень недовольный положением вассала, которое он принял по совету Оми.

– Это ваш единственный шанс, Ябу-сама, – настаивал Оми, – единственный способ избежать ловушки Торанага и сохранить пространство для маневра...

Его яростно прервал Игураши:

– Лучше напасть на Торанагу сейчас, пока у него здесь мало людей! Лучше всего убить его и отдать его голову Ишидо, пока еще есть время!

– Лучше подождать, потерпеть...

– А что будет, если Торанага прикажет нашему хозяину отдать Идзу? – закричал Игураши. – Как сюзерен, Торанага имеет такое право!

– Он никогда не сделает этого. Наш господин ему нужен сейчас более, чем когда-либо. Идзу – его южные ворота. Он не допустит, чтобы Идзу был на стороне врага! Он должен иметь нашего хозяина на своей...

– Что, если он прикажет господину Ябу уйти?

– Мы восстанем! Мы убьем Торанагу, если он будет здесь в это время, или будем воевать с любой армией, которую он пошлет против нас. Но он никогда не сделает этого, разве вы не понимаете? Как своего вассала, Торанага должен защищать...

Ябу не прерывал их спор, пока наконец не понял хитрость плана Оми.

– Очень хорошо. Я согласен! И предложу ему меч Мурасами: чтобы закрепить дух нашего соглашения, Оми-сан, – сказал он с тайным злорадством, – Именно дух. И конечно, я

более необходим Торанаге сейчас, чем когда-либо раньше. Оми прав, Игураши. У меня нет выбора. С этого момента я перехожу на сторону Торанага. Я его вассал!

– До начала войны, – умышленно добавил Оми.

– Конечно. Конечно, только до тех пор, пока не начнется война! Тогда я могу перейти на другую сторону – или сделать это дюжину раз. Вы опять правы, Оми-сан!

«Оми лучший из советников, какие у меня когда-либо были, – сказал он себе, – но самый опасный. Оми достаточно умен, чтобы захватить Идзу, если я умру. Но какое это имеет значение. Мы все смертны».

– Вы полностью заблокированы, – сказал он Торанаге, – вы изолированы.

– А есть какая-нибудь альтернатива? – спросил Торанага.

– Извините меня, господин, – сказал Оми, – но как долго займет подготовка к нападению?

– Сейчас уже все готово.

– В Идзу также все готово, господин, – сказал Ябу. – Ваша сотня, мои шестнадцать тысяч и мушкетный полк – этого достаточно?

– Нет. «Малиновое небо» – опасный план – все решает одно наступление.

– Вы должны рискнуть, как только прекратятся дожди, и мы начнем войну, – настаивал Ябу. – Какой выбор вы сделали? Ишидо создаст новый Совет сразу же, у них все еще есть мандат. Так что вас обвинят в измене – сегодня, завтра или на следующий день. Зачем ждать, пока вас съедят? Послушайте, может быть, полк сможет пробиться через горы! Объявите «Малиновое небо»! Все люди брошены в одно большое наступление. Это путь воина, это достойно самурая, Торанага-сама. Ружья, наши ружья снесут Затаки с нашего пути, и повезет вам или нет, какая разница? Попытка будет жить вечно!

Нага сказал:

– Да, но мы победим!

Некоторые из капитанов кивнули в знак согласия, довольные, что начнется война. Оми ничего не сказал. Торанага посмотрел на Бунтаро:

– Ну?

– Господин, я прошу меня извинить за то, что я не высказываю своего мнения. Я и мои люди сделают то, что вы решите. Это мой единственный долг. Мое мнение для вас не имеет значения, потому что я буду делать то, что решите вы один.

– Обычно я с этим согласен, но не сегодня!

– Тогда война. То, что сказал Ябу-сан верно. Давайте выступим на Киото. Сегодня, завтра или когда кончатся дожди. «Малиновое небо»! Я устал ждать.

– Что думает Оми-сан? – спросил Торанага.

– Ябу-сама прав, господин. Ишидо изменит завешание Тайко так, чтобы назначить новый Совет в самом скором времени. Новый Совет получит императорский мандат. Ваши враги будут аплодировать, а большинство ваших друзей начнет колебаться и потом предаст вас. Новый Совет сразу же предъявит вам обвинение. Тогда...

– Тогда «Малиновое небо»? – прервал Ябу.

– Если господин Торанага приказывает, то да. Но я не думаю, что приказ с обвинением имеет какую-либо силу. Вы можете забыть о нем!

– Почему? – спросил Торанага. Все внимание обратилось к Оми.

– Я согласен с вами, господин. Ишидо дьявол, не так ли? И дайме, которые согласились служить ему, такие же дьяволы. Настоящие мужчины знают, что из себя представляет Ишидо и что император был им обманут, – Оми осторожно пробирался через зыбучий песок, который, как он знал, мог поглотить его. – Я думаю, он сделал огромную ошибку, убив господину Судзияму. Из-за этих грязных убийств теперь все дайме будут ждать от Ишидо предательства и очень немногие за пределами непосредственной досягаемости Ишидо будут исполнять указы его «Совета». Вы в безопасности. На время.

– На какое время?

– Дожди будут еще идти в течение двух месяцев, около того. Когда они прекратятся,

Ишидо пошлет против вас одновременно Икаву Джикья и господина Затаки, чтобы взять вас в клещи, а основная армия Ишидо будет поддерживать их на хоккайдской дороге. Тем временем, пока не прекратятся дожди, все дайме, которые имеют зуб на какого-нибудь другого дайме, будут только на словах помогать Ишидо, пока он не сделает первого движения, потом, я думаю, они его забудут, и все начнут мстить или грабить территорию, на которую они зарятся. Империя будет разорвана, как это было до Тайко. Но вы, господин, вместе с Ябу-самой будете, к счастью, иметь достаточно сил, чтобы защитить подходы к Кванто и Идзу от первой волны и отогнать их. Я не думаю, что Ишидо сможет приступить к следующему наступлению – он не так силен. Когда Ишидо и другие растратят свою энергию, вы вместе с господином Ябу можете осторожно выйти из-за ваших гор и постепенно прибрать империю к рукам.

– Когда это будет?

– Во времена ваших детей, господин.

– Вы говорите, вести оборонительные сражения? – презрительно сказал Ябу.

– Я думаю, что вместе вы будете в безопасности за своими горами. Вы должны выиграть время, Торанага-сама. Вы ждете, пока у вас не станет больше союзников. Вы держите перевалы. Это можно сделать! Генерал Ишидо дьявол, но не настолько глуп, чтобы бросить все силы на одну битву. Он будет прятаться в Осаке. Так что какое-то время мы не должны использовать наш полк. Мы должны увеличить охрану и держать его как секретное оружие, всегда наготове, пока вы не выйдете из-за ваших гор, но сейчас я не вижу, как его можно использовать. – Оми признавал, что все глядят на него. Он поклонился Торанаге: – Пожалуйста, извините меня за многословие, господин.

Торанага внимательно посмотрел на него, потом взглянул на своего сына. Он видел, что юноша с трудом сдерживает возбуждение, и знал, что пришло время выпустить его на добычу:

– Нага-сан?

– То, что сказал Оми-сан, верно, – сразу же радостно произнес Нага, – большая часть того, что он сказал, но я считаю, что надо использовать эти два месяца для того, чтобы собрать союзников, еще больше изолировать Ишидо и, когда прекратятся дожди, напасть без предупреждения – план «Малиновое небо».

Торанага спросил:

– Вы не согласны с Оми-саном о длительности войны?

– Нет. Но разве... – Нага замолчал.

– Продолжайте, Нага-сан. Говорите прямо!

Нага промолчал, его лицо побледнело.

– Вам приказано продолжать!

– Хорошо, господин. Мне пришло на ум, что, – он опять остановился, потом сказал торопливо, – разве это не возможность для вас стать сегуном? Если вам удастся взять Киото и получить мандат, почему бы не собрать новый Совет? Почему не просить императора назначить вас сегуном? Это было бы лучше всего для вас и для всего государства, – Нага попытался изгнать страх из своего голоса, так как он тем самым замыслил измену против Яэмона, а большинство присутствующих здесь самураев – Ябу, Оми, Игураши и особенно Бунтаро – были открыто лояльны. – Я считаю, вы должны быть сегуном! – Он, оправдываясь, посмотрел на остальных. – Если эта возможность осуществится... Оми-сан, вы правы в том, что война обещает быть долгой, но я говорю, господин Торанага должен взять власть, добиться ее! Продолжительная война погубит империю, снова разделит ее на тысячи частей! Кто хочет этого? Господин Торанага должен быть сегуном. Дать империю Яэмону, господину Яэмону можно, только сначала обезопасив государство! Другой возможности не будет... – Его голос замер, он постарался встать так, чтобы обезопасить себя от удара в спину, напуганный тем, что сказал, одновременно радуясь тому, что сказал вслух то, что давно уже думал.

Торанага вздохнул:

– Я никогда не стремился стать сегуном. Сколько раз я должен это говорить? Я поддерживаю моего племянника Яэмона и уважаю волю его отца Тайко, – он посмотрел на окружающих, переводя взгляд с одного лица на другое. Остановился на Нате. Юноша вздрогнул. Но Торанага сказал с добротой в голосе, снова приманивая его к себе. – Твое усердие и молодость одни извиняют тебя. К сожалению, многие более старые и мудрые думают, что это мои притязания. Это не так. Есть один путь остановить этот вздор – привести к власти господина Яэмона. И это я намереваюсь сделать.

– Да, отец. Благодарю вас, – в отчаянии сказал Нага.

Торанага перевел взгляд на Игураши:

– Что вы посоветуете?

Одноглазый самурай почесался.

– По мне, я только солдат, не советник, но я бы посоветовал «Малиновое небо», если мы не можем воевать на наших условиях, как говорил Оми-сан. Я воевал в Синано много лет назад. Это плохая страна, а господин Затаки тогда был с нами. Я бы не хотел снова воевать в Синано и никогда бы не стал воевать против Затаки. А если вы подозреваете господина Маеду, то как вы можете планировать выиграть битву, если вас может предать ваш самый важный союзник? Господин Ишидо выставляет против вас две, три сотни тысяч человек и еще держит сотню тысяч для охраны Осаки. Даже с ружьями у нас не хватает людей для наступления. Но укрывшись за горами, используя ружья, мы сможем держаться вечно, если произойдет так, как говорит Оми-сан. Мы могли бы держать перевалы. У вас достаточно риса – разве не Кванто поставляет его для половины страны? Ну, а в-третьих, наконец, мы можем прислать вам столько рыбы, сколько вам будет надо. Вы будете в безопасности. Пусть господин Ишидо и этот дьявол Джикья приходят; если случится так, как сказал Оми-сан, то скоро враги будут есть друг друга. Если нет, держите наготове «Малиновое небо». Человек умирает за своего господина только однажды в жизни.

– Кто-нибудь хочет добавить? – спросил Торанага. Никто не ответил. – Марико-сан?

– Мне не место говорить здесь, господин, – ответила она. – Я уверена, что было сказано все, что должно быть сказано. Но, может быть, мне позволят спросить от имени всех ваших советников, которые присутствуют здесь. Как вы думаете, что должно произойти?

Торанага умышленно медленно подбирал слова:

– Я считаю, что произойдет то, что предсказал Оми-сан. С одним исключением: Совет не будет бессилён. У него будет достаточно влияния, чтобы собрать главные силы союзников. Когда кончатся дожди, они будут брошены на Кванто в обход Идзу. Будет проглочено Кванто, потом Идзу. Только после моей смерти дайте начнут воевать друг с другом.

– Но почему, господин? – отважился спросить Оми.

– Потому что у меня слишком много врагов. Я владею Кванто, я воевал более сорока лет и никогда не проигрывал сражений. Они все боятся меня. Я знаю, что первые падальщики объединятся, чтобы погубить меня. Позже они перебьют друг друга, но сначала они объединятся, чтобы убить меня, если смогут. Хорошо запомните, все вы, что только я – единственная реальная угроза Яэмону, даже если я и не угрожаю ему. В этом вся ирония. Они все считают, что я хочу быть сегуном. Я – нет. Это другая война, которая мне вовсе не нужна.

Нага нарушил молчание:

– Тогда что вы собираетесь делать, господин?

– Да?

– Что вы собираетесь делать?

– Очевидно, приму план «Малиновое небо», – сказал Торанага.

– Но вы сказали, что они съедят нас?

– Они бы съели, если бы мы дали им время. Но я не собираюсь давать им его. Мы начнем войну тотчас же!

– Но идут дожди!

– Мы придем в Киото мокрыми. Горячими, потными и мокрыми. Неожданность, мобильность, смелость, время выигрывают войны, не так ли? Ябу-сан был прав. Ружья проложат путь через горы.

* * *

В течение часа они обсуждали планы и возможности крупной войны во время сезона дождей – неслыханная вещь в военной стратегии. Потом Торанага отпустил их, за исключением Мариико, приказав Наге привести к нему Анджин-сана. Он посмотрел, как они расходились. Внешне они все были воодушевлены, так как решение уже было объявлено. Особенно Нага и Бунтаро. Только Оми оставался сдержанным и задумчивым. Торанага не обратил внимания на Игураши, так как знал, что на самом деле старый солдат будет делать то, что приказал Ябу, потому он отпустил Ябу как союзника, конечно, ненадежного, но все-таки заложника. «Оми – один достойный внимания из них, – подумал он. – Хотел бы я знать, сообразил ли он уже, что я собираюсь делать?»

– Мариико-сан, узнайте аккуратно, сколько стоит контракт куртизанки.

Она прищурилась:

– Кику-сан, господин?

– Да.

– Прямо сейчас, господин?

– Сегодня вечером это было бы прекрасно, – он поглядел на нее спокойными глазами. – Это не для меня, может быть, для одного из моих командиров.

– Я думаю, цена может зависеть от того, кто это будет.

– Я тоже так думаю. Но установите цену. Девушка, конечно, имеет право отказаться, если пожелает, когда будет названо имя самурая, но скажите ее владелице, что я не думаю, что девушка так невоспитанна, что не оправдает мой выбор. Скажите владелице также, что Кику – госпожа первого класса в Мисиме, а не в Эдо, Осаке или Киото, – Торанага добродушно добавил: – Так что я думаю, что мне придется платить по ценам Мисимы, а не Эдо или Осаки.

– Да, господин, конечно.

Торанага двинул плечом, чтобы облегчить боль, и поправил мечи.

– Может быть, сделать вам массаж, господин? Или прислать Суво?

– Нет, спасибо. Я позову Суво позднее, – Торанага встал и с большим удовольствием облегчился, потом снова сел. Он носил короткое, легкое шелковое кимоно с голубым рисунком и простые соломенные сандалии. Его голубой веер был украшен крестиками.

Солнце стояло низко, небо было плотно покрыто дождевыми облаками.

– Как прекрасно жить, – сказал он с удовольствием, – я почти слышу, как дождь готовится родиться.

– Да, – сказала она.

Торанага с мгновением размышлял. Потом прочитал стихотворение:

Небо,
Опаленное солнцем,
Обильными плачет слезами.

Мариико послушно заставила трудиться свои мозги, начиная с ним игру в стихосложение, столь популярную среди самураев, переставляя слова произнесенных им стихов, переиначивая их, заменяя и придавая им другой смысл. Через минуту она ответила:

Но лес,
Истерзанный ветром,
Мертвыми плачет листьями.

– Хорошо сказано! Да, очень хорошо сказано! – Торанага довольно посмотрел на нее, радуясь тому, что он увидел. Она была в бледно-зеленом кимоно с узорами в виде бамбука, темно-зеленом оби и держала в руках оранжевый зонтик от солнца. Чудесный свет исходил от ее иссиня-черных волос, собранных высоко под широкополой шляпой. Он ностальгически вспомнил, как все они – даже сам диктатор Города – желали ее, когда ей было тринадцать лет и ее отец, Акечи Дзинсаи, впервые представил ее, свою старшую дочь, ко двору Города. И как Накамура, ставший потом Тайко, просил ее у диктатора и как Города смеялся и публично обозвал его своим нищим сварливым генералом-обезьяной и сказал ему: «Старайся сунуться в бой, крестьянин, а не в благородные щели!» Акечи Дзинсаи открыто презирал Накамуру, своего соперника в борьбе за расположение Города, это была главная причина, почему Накамура так стремился победить его. И вот почему Накамура с удовольствием наблюдал за злоключениями Бунтаро, которому была отдана эта девушка для упрочения союза между Городой и Тодой Хиро-Мацу. «Хотел бы я знать, – игриво спросил себя Торанага, глядя на нее, – хотел бы я знать, если Бунтаро погибнет, станет ли она одной из моих наложниц?» Торанага всегда предпочитал опытных женщин, вдов или разведенных жен, но никогда не стремился к слишком красивым и слишком умным и молоденьким, или слишком благородного происхождения, с ними было больше неприятностей и приходилось тратить много времени на ухаживания.

Он хихикнул про себя: «Я никогда не спрошу ее, потому что у нее есть все, что я не люблю в наложницах, – кроме подходящего возраста».

– Господин? – спросила она.

– Я думаю о ваших стихах, Мариико-сан, – сказал он даже более чем вежливо. Потом добавил:

Почему так холодно?
Лето,
Увы, прошло, и осень
Наступает в своем блеске.

Она сказала в ответ:

Если б я могла использовать слова,
Похожие на падающие листья,
Что за костер
Стихи мои создали б!

Он засмеялся и поклонился с шутливым уважением:

– Я признаю победу за вами, Мариико-сама. Чем вас порадовать? Веер? Или повязку на волосы?

– Благодарю вас, господин, – ответила она. – Все, что вам доставит радость.

– Десять тысяч коку в год для вашего сына.

– О, господин, мы не заслужили такого благодеяния!

– Вы победили. Победа и долг должны вознаграждаться. Сколько лет теперь Сарудзи?

– Пятнадцать – почти пятнадцать.

– Ах, да – он был недавно помолвлен с одной из внучек господина Кийямы, да?

– Да, господин. Это было в одиннадцатом месяце прошлого года, месяце белых морозов. Он сейчас в Осаке с господином Кийямой.

– Хорошо. Десять тысяч коку, прямо с этой минуты. Я pošлю распоряжение с завтрашней почтой. Теперь хватит стихов, пожалуйста, выскажите мне свое мнение.

– Мое мнение, господин, что пока мы все в ваших руках, мы в безопасности, как и земля в безопасности в ваших руках.

– Я хочу, чтобы вы были серьезны.

– О, я очень серьезна, господин. Я благодарю вас за милость, оказанную моему сыну. Все будет прекрасно. Я верю, что бы вы ни сделали, все будет прекрасно. Клянусь Мадонной, что я верю в это.

– Хорошо. Но все-таки я намерен услышать ваше мнение.

Она тут же заговорила без опаски, как равная с равным:

– Во-первых, вам надо тайно склонить господина Затаки на вашу сторону. Я догадываюсь, что вы либо уже знаете, как это сделать, либо имеете секретную договоренность с вашим сводным братом и всем внушили его мифическое «отступничество», в первую очередь для того, чтобы потом поставить Ишидо в сложное положение. Далее: вам ни в коем случае нельзя нападать первым. Вы никогда этого не делали, вы всегда учили терпению и нападали только тогда, когда были уверены, что победите, так что при всех объявить «Малиновое небо» – это использовать еще одну уловку. Теперь дальше: время. Мое мнение, что вам следует делать то, что вы собираетесь делать, объявив план «Малиновое небо», но никогда к нему не приступать. Это приведет Ишидо в смятение, так как, очевидно, что его шпионы здесь и в Эдо сообщат о вашем плане и он рассредоточит свои силы, как стаю куропаток в плохую погоду, чтобы подготовиться к угрозе, которой на самом деле не существует. Тем временем вы проведете два месяца, собирая союзников, чтобы перехватить их у Ишидо и разрушить его коалицию, чего нужно добиться любыми средствами. И, конечно, вы должны выманить Ишидо из Осаки, из замка. Если вам не удастся этого сделать, он победит или по крайней мере вы потеряете сегунат. Вы...

– Я уже объяснял свою позицию в этом вопросе, – выкрикнул Торанага, уже не шутя. – Вы забываетесь.

Марико сказала беззаботно и счастливо:

– Мне сегодня доверили секреты о заложниках, господин. Они – нож в вашем сердце.

– Что с ними?

– Будьте терпеливы со мной, пожалуйста, господин. Я, возможно, никогда больше не смогу разговаривать с вами таким образом, который Анджин-сан называет «открытым английским личным разговором», – у нас не будет другого подобного случая. Я прошу вас извинить меня за плохие манеры, – Марико напряглась и, как ни удивительно, заговорила как равная с равным.

– Мое искреннее мнение, что Нага-сан прав. Вы должны стать сегуном, или вы не выполните своего долга перед империей и перед Миноварой.

– Как осмеливаетесь вы говорить такую вещь!

Марико осталась совершенно безмятежной, его явный гнев совершенно не трогал ее:

– Я советовала бы вам жениться на госпоже Ошибе. До совершеннолетия Яэмона еще восемь лет, до официального унаследования должности сегуна – это вечность! Кто знает, что может случиться за восемь месяцев, не говоря уже о восьми годах?

– Все ваше семейство можно уничтожить за восемь дней!

– Да, господин. Но это ничего не даст вам. Нага-сан прав. Вы должны взять власть, чтобы потом передать ее, – с шутовской серьезностью она добавила не дыша, – а теперь может ваш верный советник совершить сеппуку, или я могу сделать это позднее? – Она притворилась, что падает в обморок.

Торанага ошалело уставился на нее, ошарашенный невероятным хамством, потом разразился хохотом и стукнул кулаком о землю. Когда он смог говорить, он выдохнул:

– Я никогда не пойму вас, Марико-сан.

– Ах, нет, вы понимаете, господин, – сказала она, вытирая пот со лба, – вы так добры к этим вашим преданным вассалам, которые смешат вас, выслушиваете их требования, разрешаете им говорить то, что им вздумается. Простите меня за мою дерзость, пожалуйста.

– Почему я должен прощать? Почему? – улыбался Торанага, опять обретая добродушие.

– Из-за заложников, господин, – сказала она просто.

- Ах, из-за них, – он вдруг стал серьезным.
- Да. Я должна поехать в Осаку.
- Да, – ответил он, – я знаю.

Глава Тридцать Восьмая

Сопровождаемый Нагой, Блэксорн печально тащился вниз с холма по направлению к двум фигурам, сидящим на футонах в кольце из телохранителей. За телохранителями располагались подножия гор, которые устремлялись в облачное небо. День был душный. Голова у него болела от напряжения нескольких последних дней, из-за беспокойства за Марико и из-за того, что он так долго не мог говорить иначе, как по-японски. Теперь он увидел ее, и на душе у него стало спокойней.

Блэксорн много раз уже подходил к дому Оми, чтобы повидать Марико или узнать о ее здоровье. Самураи всегда вежливо, но твердо отказывали ему. Оми сказал ему как томодаси, другу, что у нее все нормально.

- Не беспокойтесь, Анджин-сан. Вы понимаете?
- Да, – сказал он, понимая только то, что он не может видеть ее.

Потом его послали к Торанаге, и он так много хотел сказать ему, но не смог из-за нехватки слов и только рассердил его. Фудзико несколько раз ходила повидать Марико. Возвращаясь обратно, она всегда говорила, что у Марико все прекрасно, добавляя свое вечное: «Синпай суруиа, Анджин-сан. Вакаримас? – Не беспокойтесь. Вы поняли?»

Бунтаро вел себя так, как будто ничего и не случилось. Встречаясь в течение дня, они обменивались вежливыми приветствиями. Кроме пользования баннным домиком, Бунтаро ничем не отличался от других самураев в Анджино, не испытывая ни дружбы, ни вражды.

С рассвета до сумерек Блэксорн был занят ускоренной подготовкой солдат. Он должен был подавлять свое недовольство попытками учить других и одновременно учить язык. К ночи был уже полностью измотан. Жара, пот и дождь. И одиночество. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким, не осознавал себя таким чужим в этом дружном мире.

Потом был этот ужас, начавшийся три дня назад. На заходе солнца он усталый приехал домой и сразу почувствовал беспокойство, пронизавшее весь его дом. Фудзико поздоровалась с ним очень нервно.

- Нан дес ка?
- Она ответила спокойно, обстоятельно, опустив глаза.

– Вакаримасен. Я не понял, – Нан дес ка? – спросил он опять, от усталости он стал раздражительным.

Тогда она попросила его пройти с ней в сад. Она показала на карниз, но крыша ему ни о чем не говорила. Еще несколько слов и жестов, и наконец его осенило, что она указывает на место, где он повесил фазана.

– Ах, я и забыл о нем! Ватаси... – но он не смог вспомнить слов и только устало пожал плечами, – вакаримасен. Нах десукидзи ка? Я понял. Так что с фазаном?

Слуги смотрели на него из дверей и окон, явно чем-то пораженные. Она опять о чем-то заговорила. Он сосредоточился, но не уловил смысла.

– Вакаримасен, Фудзико-сан. – Я не понял, Фудзико-сан. Она сделала глубокий вдох, потом неуверенно изобразила, как кто-то снимает фазана, уносит и закапывает его.

– Ах! Вакаримас, Фудзико-сан. Вакаримас! Это зашло так далеко? – спросил он. Поскольку он не знал японского слова, он зажал нос и изобразил зловоние.

– Хай, хай, Анджин-сан. Дозо гоман насаи, гомен насаи, – с помощью рук она изобразила рой летящих мух и их жужжание.

– Ах, со дес! Вакаримас. – Ему сразу надо было извиниться, и, если бы он знал слова, он бы сказал:

– Извините за неудобство. – Вместо этого он пожал плечами, попытался унять боль в спине и пробормотал:

– Сигата га най, – желая ускользнуть от них в блаженство ванны и массажа, единственные радости, которые делали жизнь здесь сносной.

– Дьявол с ним, – сказал он по-английски, отворачиваясь.

– Если бы я бывал здесь днем, я бы заметил. К черту его!

– Дозо, Анджин-сан?

– Сигата га най, – повторил он громче.

– Ах со дес, аригато годзиемасита.

– Таре тору дес ка? Кто убрал его?

– Ёки-я.

– Ох, этот старый пидор! – Ёки-я, садовник, добрый беззубый старик, который добрыми руками ухаживал за растениями и делал сад таким красивым. – Ие. Мотте куру Ёки-я. – Хорошо, сходи за ним.

Фудзико покачала головой. Ее лицо стало бледным, как мел.

– Ёки-я синда дес, синда дес! – прошептала она.

– Ёки-я га синдато? Дон ени? Досите? Досите синданода? – Как? Почему? Как он умер?

Она указала пальцем на то место, где был до этого фазан, и произнесла много мягких непонятных слов. Потом жестами изобразила удар меча.

– Боже мой! Вы приговорили старика к смерти из-за вонючего, Богом проклятого фазана?

Все слуги сразу же бросились в сад и упали на колени. Они все, даже дети повара, опустили голову в пыль и засохшую грязь.

– Какого черта, что здесь происходит? – неистовствовал Блэксорн.

Фудзико стойчески ждала, пока не собрались все слуги, потом тоже встала на колени и поклонилась, но как самурай, а не как крестьянка:

– Гомен насаи, досо гомен на...

– Чума на твои гомен насаи! Какое право ты имела так поступить? А? – И он начал грубо ее отчитывать.

– Почему, ради Бога, ты не спросила сначала меня? А? Он старался совладать с собой, сознавая, что все его слуги знали, что он запросто может разрубить Фудзико и всех их на кусочки прямо здесь в саду за причинение ему такого беспокойства или без всякой причины вовсе и что даже сам Торанага не сможет вмешаться в его действия в своем доме. Он увидел, что один ребенок дрожит от ужаса.

– Боже мой на небесах, дай мне силы... – Он схватился за столб, чтобы успокоиться.

– Это не ваша вина, – выдохнул он, не понимая, что говорит не по-японски. – Это ее! Это твоя вина! Ты убийца, сука!

Фудзико медленно подняла глаза. Она увидела обличающий перст и ненависть на его лице и шепотом отдала команду своей служанке, Нигатсу.

Нигатсу закачала головой и начала умолять ее.

– Има!

Служанка убежала и вернулась с боевым мечом, слезы струились по ее лицу. Фудзико взяла меч и предложила его Блэксорну обеими руками. Она что-то говорила, и, хотя он не понимал всех слов, он знал, что она говорит:

– Я виновата, пожалуйста, возьми мою жизнь, потому что я огорчила тебя.

– Ие! – он схватил меч и отбросил его в сторону.

– Ты думаешь, что ты вернешь Ёки-я к жизни?

Потом он внезапно понял, что он сделал и что делает сейчас. «О, Боже мой...»

Блэксорн ушел от них. В отчаянии он направился к скале над древней около гробницы ками, сбоку от древнего огромного кипариса и заплакал. Он плакал, потому что безвинно погиб хороший человек и потому что он знал, что это он убил его:

– Боже мой, прости меня. Я виноват – не Фудзико. Я убил его. Я приказал, чтобы никто не трогал фазана, кроме меня. Я спросил ее, все ли поняли, и она сказала, что да. Я приказал это шутя, но теперь это не имеет значения. Я отдавал приказы, зная их законы и обычаи.

Старик нарушил мой глупый приказ, так что еще могла сделать Фудзико-сан? Я тоже виноват.

Наконец слезы истощились. Наступила глубокая ночь, и он вернулся в свой дом.

Фудзико, как всегда, ждала его, но на этот раз она была одна. На коленях у нее лежал меч, который она опять предложила Блэксорну:

– Досо, Анджин-сан.

– Ие, – сказал он, беря меч, как и полагается его брат. – Ие, Фудзико-сан. Сигата га наи, нех? Карма, нех? – он, извиняясь, тронул ее рукой. Блэксорн знал, что она вынуждена выносить самые большие его глупости.

Фудзико заплакала:

– Аригато, аригато го – годзиемасита, Анджин-сан, – сказала она убито, – гомен насаи...

Он готов был отдать ей свое сердце.

«Да, – подумал Блэксорн с глубокой печалью, – да, это так, но это тебя не извиняет и не покончит с ее унижением, как и не вернет Ёки-я к жизни. Ты виноват. Должен был предусмотреть...»

– Анджин-сан! – окликнул его Нага.

– Да, Нага-сан? – он отвлекся от тяжелых дум и оглянулся на юношу, шедшего рядом с ним, – извините, вы что-то сказали?

– Я сказал, что надеюсь стать вашим другом.

– Благодарю вас.

– Да, и, может быть, вы, – далее пошел набор слов, которых Блэксорн не понял.

– Простите?

– Учить, так? Понимаете «учить»? Рассказывать о мире.

– Ах, да. Извините. Так чему учить?

– Рассказывать про другие страны – зарубежные страны. Мир, так?

– Теперь понял. Да, попробую.

В это время они уже подошли к охране. – Начнем завтра, Анджин-сан. Друзья, да?

– Да, Нага-сан. Попробуем.

– Хорошо, – очень довольный, Нага кивнул. Когда они подошли к самураям, Нага приказал им пропустить его, сделав Блэксорну знак идти одному. Он повиновался, чувствуя себя очень одиноким в кругу людей.

– Охае, Торанага-сама. Охае, Марико-сан, – сказал он, присоединяясь к ним.

– Охае, Анджин-сан, досо сувари. – Добрый день, Анджин-сан, пожалуйста, садитесь.

Марико улыбнулась ему:

– Охае, Анджин-сан. Икага дес ка?

– Ё, домо, – Блэксорн посмотрел на нее, он был очень рад увидеть ее. – Твое присутствие наполняет меня радостью, большой радостью, – сказал он по-латыни.

– И твое – я так рада видеть тебя. Но на тебе какая-то тень. В чем дело?

– Нан дза? – спросил Торанага.

Она рассказала ему, о чем они говорили. Торанага хмыкнул, потом ответил.

– Мой господин говорит, вы выглядите озабоченным, Анджин-сан. Я должна согласиться с ним. Он спрашивает, что вас беспокоит.

– Ничего. Домо, Торанага-сам. Нане мо, – Ничего.

– Нан дза, – прямо спросил Торанага. – Нан дза?

Блэксорн послушно ответил сразу же:

– Ёки-я, – сказал он беспомощно, – хай, Ёки-я.

– Ах, со дес! – Торанага долго говорил что-то Марико.

– Мой хозяин говорит, нет необходимости печалиться о старом садовнике. Он просит сказать вам, что все было проведено в официальном порядке. Старый садовник полностью осознавал, что он сделал.

– Я не понимаю.

– Да, для вас это должно быть очень трудно, но, видите ли, Анджин-сан, фазан сгнил на солнце. Собралось ужасно много мух. Под угрозой оказалось ваше здоровье, здоровье вашей наложницы и всех остальных, кто был в доме. А также, извините, были очень осторожные жалобы домоправителя Оми-сана и других. Одно из самых важных правил состоит в том, что отдельный человек никогда не должен нарушать гармонию группы, помните? Так что нужно было что-то делать. Вы понимаете, разложение, запах тления выводит нас из себя. Для нас это самый плохой запах в мире, извините меня. Я пыталась вам это объяснить, видите ли, это одна из вещей, которая всех нас немного сводит с ума. Ваш слуга...

– Почему кто-нибудь не пришел ко мне сразу? Почему просто не сказал мне? – спросил Блэксорн, – фазан для меня ничего не значил.

– А что было говорить? Вы отдали приказ. Вы глава дома. Они не знали ваших порядков. Что им оставалось делать, кроме как решить эту проблему по-своему, – она поговорила с Торанагой, объясняя, что говорил Блэксорн, потом снова повернулась к нему. – Это расстроило вас? Вы хотите, чтобы я продолжала?

– Да, пожалуйста, Марико-сан.

– Вы уверены?

– Да.

– Хорошо, потом ваш главный слуга, маленький зубастый повар, собрал всех ваших слуг, Анджин-сан. Попросили официально присутствовать Муру, старосту деревни. Решили, что просить убрать фазана деревенских эта не станут. Это была чисто домашняя проблема. Один из слуг хотел взять его и закопать, хотя вы и дали строгий приказ не трогать. Очевидно, что ваша наложница должна была следить, чтобы выполнялись все ваши приказы. Старый садовник спросил, позволят ли убрать ему. Последнее время он днем и ночью очень страдал от болей в животе, и работа была очень утомительна для него и не приносила ему удовлетворения. Третий помощник повара тоже предлагал свои услуги, говоря, что он очень молод и глуп. Он был уверен, что его жизнь ничего не стоит. Наконец, старому садовнику была оказана такая честь. Это действительно большая честь, Анджин-сан. С большой важностью все раскланялись друг с другом, а он с радостью унес его и закопал, чем доставил всем большое облегчение.

Когда он вернулся, то прямо пошел к Фудзико-сан и рассказал ей, что сделал, как он нарушил ваш запрет. Она поблагодарила его за это и велела ждать, а сама пошла ко мне за советом, что ей делать. Все дело было проведено официально, и его также официально нужно было и разбирать. Я сказала ей, что не знаю, Анджин-сан. Я спросила Бунтаро-сана, но он тоже не знал. Все было очень сложно из-за вас. Тогда он спросил господина Торанагу. Господин Торанага сам увиделся с вашей наложницей, – Марико повернулась к Торанаге и объяснила, до какого места она добралась в этой истории, так как он просил держать его в курсе всего рассказа.

Торанага быстро заговорил. Блэксорн наблюдал за ними: женщиной, такой маленькой, очаровательной и предупредительной, мужчиной, плотным, глыбообразным, с туго затянутым поясом на большом животе. Торанага при разговоре не жестикулировал, как большинство людей, левая рука у него неподвижно лежала на бедре, правую он всегда держал на рукоятке меча.

– Хай, Торанага-сама, хай, – Марико взглянула на Блэксорна и продолжала, как было ведено, – наш господин просит меня объяснить, что если бы вы были японцем, то никаких трудностей здесь бы не было, Анджин-сан. Старый садовник просто пошел бы и сделал это, чтобы получить освобождение. Но, извините меня, вы иностранец, хотя господин Торанага и сделал вас своим хатамото – одним из своих личных вассалов. Нужно было решить, являетесь ли вы самураем или нет. Я имею честь сказать вам, что вы произведены в самураи и с этого дня имеете все права самурая. Поэтому все и было решено сразу и обошлось очень легко. Было совершено преступление. Ваши приказы были умышленно нарушены. Закон ясен. Выбора не было, – теперь она была особенно серьезной. – Но господин Торанага знал о вашем особом неприятии убийства, поэтому, чтобы спасти вас от огорчения, он лично

приказал одному из своих самураев отправить старого садовника в Пустоту.

– Но почему никто не спросил меня сначала? Этот фазан для меня ничего не значил.

– Фазан здесь ни при чем, Анджин-сан, – объяснила она. – Вы глава дома. Закон говорит, что никто из членов вашего дома не может ослушаться вас. Старый садовник умышленно нарушил закон. Весь мир распадется на кусочки, если люди позволят себе попирать закон. Ваш...

Торанага прервал ее и о чем-то говорил некоторое время. Она слушала, отвечала на вопросы, потом он сделал ей знак продолжать.

– Хай. Господин Торанага хочет, чтобы я заверила вас, что он лично проследил за тем, чтобы старый садовник умер быстро, безболезненно и с почетом, как он того заслуживал. Он даже дал самураю свой собственный очень острый меч. И мне следует сказать вам, что старый садовник был очень горд, что в такие тяжелые для него дни он смог помочь вашему дому, Анджин-сан, и прежде всего, что помог вам установить ваш статус самурая. Больше всего он гордился оказанной ему честью. Мы не используем общественных палачей, Анджин-сан. Господин Торанага хочет, чтобы вы поняли это.

– Спасибо, Мариико-сан. Благодарю вас за то, что вы разъяснили мне, – Блэксорн повернулся к Торанаге и поклонился ему самым уважительным образом:

– Домо, Торанага-сам, домо аригато. Вакарима. Домо.

Торанага довольно поклонился в ответ:

– Ие, Анджин-сан. Синпай суру монодзами, нех? Сигата га наи, нех? – Хорошо, теперь вы довольны, да? Что еще можно сделать?

– Нане мо. – Ничего, – сказал Блэксорн, отвечая на вопросы Торанага о стрелковой подготовке, но ничего из того, о чем они говорили, не трогало его. Его голова шла кругом от того, что ему рассказали. Он оскорбил Фудзико перед всеми слугами, хотя Фудзико сделала только то, что было у них принято.

«Фудзико была не виновата. Они все не виноваты. За исключением меня. Я не могу изменить того, что сделано. Ни Ёки-я, ни ее. Никого из них. Как мне жить дальше?»

Он сел, скрестив ноги, перед Торанагой. Легкий ветер с моря трепал его кимоно, за пояс все также были заткнуты мечи. Он уныло слушал и отвечал, все было ему неинтересно.

– Скоро война, – говорила она ему.

– Когда? – спросил он.

– Очень скоро, так что вам нужно уехать со мной, вы будете сопровождать меня часть пути, Анджин-сан, потому что я собираюсь в Осаку, а вы поедете в Эдо по суше, чтобы приготовить ваш корабль к войне...

Вдруг наступила совершенная тишина.

Земля начала дрожать.

Он почувствовал, что его легкие сейчас лопнут, и каждая клеточка его существа панически завопила. Он пытался встать, но не смог, и видел, что все охранники тоже совершенно беспомощны. Торанага и Мариико отчаянно держались за землю руками и ногами. Грохочущий катастрофический рев шел с земли и с неба. Он окружил их, заполнил пространство, все нарастая и нарастая, до тех пор, пока их барабанные перепонки чуть не лопнули. Они стали частью этого безумия. На миг это сумасшествие прекратилось, но удары продолжались. Он почувствовал, как в нем поднимается рвота, его недоумевающий мозг кричал, ведь это была твердая и безопасная земля, а не море, где мир мог обрушиться в любой момент. Он сплюнул, чтобы убрать изо рта этот неприятный вкус, уцепился за дрожащую землю, снова и снова тужась, чтобы его вырвало.

Лавина камней тронулась с горы, находящейся севернее, и упала в долину ниже их, добавив еще больше грохоту. Часть лагеря самураев исчезла. Блэксорн пытался двигаться на карачках, Торанага и Мариико делали то же самое. Он слышал, что кто-то кричит, но ни с их, ни с его губ, казалось, не срывалось ни звука.

Дрожь прекратилась.

Земля опять стала твердой, такой же, как она была всегда, какой ей и положено быть.

Руки, ноги и все тело у него непроизвольно тряслись.

Но потом земля вновь застонала. Началась вторая волна землетрясения. Она была более сильной. На дальнем конце плато земля разорвалась. Трещина, расширяясь, поползла в их сторону с невероятной скоростью, прошла в пяти шагах от них и устремилась дальше. Не веря своим глазам, он смотрел, как Торанага и Мариико качаются на краю расщелины, где земле полагалось быть твердой. Как в ночном кошмаре, он видел Торанагу совсем рядом с бездной, он уже начал проваливаться в нее. Блэксорн вышел из своего ступора, кинулся вперед. Правой рукой он ухватился за пояс Торанаги, земля в это время дрожала, как лист на ветру.

Трещина была глубиной в двадцать шагов, шириной в десять и грозила смертью. Грязь и камни сыпались в нее, захватывая их с Торанагой.

Блэксорн искал опоры для рук и ног, отчаянно пытаясь помочь Торанаге. Все еще частично оглушенный, Торанага упирался пальцами ног в стенку и наполовину выполз, наполовину был вытащен Блэксорном. Задыхаясь, они свалились, наконец, в безопасном месте.

В этот момент случился еще один удар.

Земля снова раскололась. Мариико закричала. Она пыталась выкарабкаться, но эта новая трещина поглотила ее. Блэксорн в отчаянии подполз к ее краю, последующие толчки сбили его с ног. Он заглянул вниз. Она тряслась от страха на выступе в нескольких футах ниже, земля качалась, небо опустилось еще ниже. Расщелина была глубиной в тридцать шагов, шириной в десять. Узкий карниз под ним крошился. Он соскользнул вниз, грязь и камни почти ослепили его. Блэксорн схватил Мариико, стараясь втащить ее на более безопасный выступ. Они вдвоем старались удержать равновесие. Новый удар. Выступ под ними почти обрушился, они уже падали. Но тут железная рука Торанаги схватила его за пояс, не дав им сползти в этот ад.

– Ради Бога... – кричал Блэксорн, его руки почти вырывались из суставов, так крепко он держал ее, пытаясь найти опоры для ног и свободной руки. Торанага держал его до тех пор, пока они снова не оказались на узком уступе, тут пояс не выдержал и лопнул. Секундный перерыв в толчках дал Блэксорну время затащить ее на уступ, все это время на них дождем сыпались комья земли. Торанага выскочил на безопасное место, крича, чтобы они поторопились. Бездна угрожала им, ее края начали сходиться. Блэксорн и Мариико все еще находились в трещине. Торанага больше ничем не мог помочь. Ужас Блэксорна придал ему нечеловеческие силы, и он как-то умудрился вырвать Мариико из этой могилы и вытолкнуть ее наверх. Торанага схватил ее за запястье и втащил на свой выступ. Блэксорн выкарабкался за ней, но пошатнулся, когда под ним обрушилась опора. Дальняя стена трещины угрожающе приближалась. Летели камни и песок. На какой-то миг он подумал, что погиб, потом вырвался и наполовину выполз из своей могилы. Он упал на сотрясающемся краю трещины, не в силах отползти, легкие усиленно захватывали воздух, ноги еще свисали вниз. Промежуток смыкался. Потом сближение краев трещины прекратилось, ширина ее была около шести шагов, глубина – восемь.

Грохот стих. Земля опять стала неподвижной. Наступила тишина.

Они стояли на четвереньках и беспомощно ждали, что этот ужас начнется снова. Блэксорн, обливаясь потом, попробовал встать.

– Ие, – Торанага сделал ему знак оставаться в прежней позе, его лицо было в грязи, на виске, где он ударился о скалу, виднелась глубокая рана.

Все тяжело дышали, груди вздымались, во рту скопился желчь. Охрана приходила в себя. Некоторые побежали в сторону Торанаги.

– Ие! – прокричал он. – Мате! – Ждать!

Они повиновались и опять опустились на четвереньки. Ожидание, казалось, тянется вечно. Но вот на дереве закричала какая-то птица и наполнила воздух своими криками. Ее поддержала другая. Блэксорн потряс головой, чтобы освободить глаза от пота. Он увидел свои поломанные, кровоточащие ногти, которыми он хватался за землю. Потом заметил в

траве муравья, еще одного. И еще. Они начали искать пищу.

Все еще напуганный, он сел на пятки:

– Когда все это кончится?

Марико не ответила. Она была загипнотизирована этой трещиной в земле. Он потряс ее:

– У вас все нормально?

– Да, да, – сказала она, почти не дыша. Ее лицо было вымазано грязью. Кимоно изорвано и испачкано. Сандалий и одного носка не было. И зонтика. Он помог ей отойти от края расщелины. Она все еще не могла говорить.

После этого он поглядел на Торанагу: – Укага дес ка?

Торанага не мог говорить, его грудь судорожно поднималась и опускалась, руки и ноги были в кровоточащих царапинах. Он показал рукой. Трещина, которая чуть не поглотила его, была теперь узкой канавкой в почве. На севере она снова раскрывалась до ширины оврага, но уже была не так широка, как раньше, и гораздо менее глубока.

Блэксорн пожал плечами: – Карма.

Торанага встал, громко прочистил горло, а затем поток проклятий огласил окрестности. Неистово ругаясь и гримасничая, Торанага принялся бегать вдоль канавы. Он размахивал руками, кричал, плевался, совершая неопишуемые прыжки.

Трагикомизм ситуации потряс Блэксорна, а нелепый вид Торанаги окончательно добил его. Блэксорн разразился хохотом, он, наконец, почувствовал, что остался в живых. Глядя на него, засмеялись Торанага и Марико.

Торанага сделал знак Блэксорну приблизиться и пошел к расщелине, освободив набедренную повязку. Смех снова разобрал его. Блэксорн тоже снял набедренную повязку, и они вдвоем пытались помочиться в трещину. Но ничего не получилось, не пролилось ни капельки. Они очень старались, это их еще больше развеселило. Наконец они преуспели в своем деле, и Блэксорн присел, собираясь с силами, опираясь на руки. Когда он немного оправился, он повернулся к Марико:

– Это землетрясение – хороший знак, Марико-сан?

– До следующего удара да, – она продолжала счищать грязь с руки и кимоно.

– Это всегда так бывает?

– Нет. Иногда оно бывает еле заметным – просто легкий толчок. Порой серии ударов следуют друг за другом, подчас они повторяются через несколько часов или дней. В другой раз бывает только один удар. Вы никогда не знаете наперед, Анджин-сан. Это карма.

Охрана с каменными лицами, не двигаясь, следила за ними, ожидая приказа Торанага. На северной стороне холма, там где были сделаны временные навесы лагеря, бушевал пожар. Самураи боролись с пожаром и раскапывали каменную осыпь, ища погребенных под ней. На восточной – Ябу, Оми и Бунтаро стояли со своими людьми у дальнего конца трещины, невредимые, если не считать ушибов, и тоже ждали приказаний. Игураши исчез, его поглотила земля.

Блэксорн задумался. Его самоуничтожение прошло, и он чувствовал себя довольным и счастливым. Он пытался сосредоточиться на своем самураистве, на поездке в Эдо, своем корабле, войне, Черном Корабле, снова возвращался к самураиству. Мысли его перескакивали с одного на другое. Он взглянул на Торанагу, и ему захотелось задать ему тысячу вопросов, но он заметил, что дайме поглощен своими думами, и отвлекать его было бы невежливо. Он с удовольствием подумал, что для этого еще будет достаточно времени, и посмотрел на Марико. Она приводила в порядок лицо и волосы. Блэксорн деликатно отвернулся, растянулся на земле и стал смотреть в небо, земля согрела ему спину, он мог спокойно ждать.

Торанага заговорил с ним на этот раз серьезно:

– Домо, Анджин-сан, нех? Домо.

– Досо, Торанага-сама. Нено мо. Хомбун, нех? – Пожалуйста, Торанага-сама, ничего особенного. Это мой долг.

Потом, не находя нужных слов и желая быть точным, Блэксорн сказал:

– Мариико-сан, не объясните ли вы мне. Кажется, я понимаю теперь, когда вы и господин Торанага говорите о карме и о том, что глупо беспокоиться о том, что есть, что существует. Многое прояснилось. Я не знаю почему – может быть, потому, что я никогда не был так испуган, может быть, это прояснило мне голову, но, кажется, я кое-что понял. Например, старый садовник. Да, это была моя ошибка, и я был на самом деле виноват, и я, конечно, сожалею, но это была ошибка, не умышленный выбор таких поступков. Так уж случилось, и с этим ничего не сделаешь. Минуту назад мы все чуть не погибли. И все беспокойства и сердечная боль были напрасны, не так ли? Карма. Да, я понимаю теперь, что такое карма.

Она перевела это для Торанаги.

Он сказал:

– Чудесно, Анджин-сан. Карма – начало знания. Дальше идет терпение. Терпение очень важное качество. Сильные люди – терпеливые, Анджин-сан. Терпение – значит сдерживание себя при семи чувствах: ненависть, любовь, радость, беспокойство, гнев, огорчение, страх. Если вы не дадите себе воли в выражении этих семи чувств, вы терпеливы, тогда вы скоро поймете характер всех вещей и будете в гармонии с вечностью.

– Вы верите в это, Мариико-сан?

– Да, очень. Я также пытаюсь быть терпеливой, но это очень трудно.

– Согласен. Это также ваша гармония, ваше «спокойствие», да?

– Да.

– Скажите ему, я думаю, что он прав, в том что он сделал для старого садовника. Раньше я не верил, не от всего сердца. Скажите ему это.

– В этом нет нужды, Анджин-сан. Он знал об этом до того, как вы стали... таким вежливым.

– Как он узнал?

– Я сказала вам, что он самый мудрый человек в мире.

Он ухмыльнулся.

– Вот, – сказала она, – вы опять кажетесь молодым, – и добавила по-латыни: – Ты опять стал самым собой и лучше, чем был прежде!

– А ты красивая, как всегда.

Ее глаза потеплели, и она отвела их от Торанаги. Блэксорн заметил это и отметил ее осторожность. Он встал на ноги и посмотрел вниз в извилистую глубину трещины. Вдруг он прыгнул вниз и исчез.

Мариико сразу вскочила, испугавшись, но Блэксорн быстро оказался на поверхности. В руках у него был меч Фудзико. Он был все еще в ножнах, хотя и грязный и исцарапанный. Его короткий меч исчез.

Он встал на колени перед Торанагой и предложил ему свой меч, как и полагается предлагать его:

– Дозо, Торанага-сама, – сказал он просто. – Кара самурай ни самурай, нех? – Пожалуйста, господин Торанага, от самурая самурая.

– Домо, Анджин-сан, – владыка Кванто принял меч и засунул его за пояс. Потом он улыбнулся, наклонился вперед и сильно хлопнул Блэксорна по плечу. – Томо, нех? – Друг, да?

– Домо, – Блэксорн оглянулся назад. Его улыбка исчезла. Облачко дыма плыло над склоном выше деревни. Он спросил Торанагу, нельзя ли ему пока уйти, чтобы узнать, все ли в порядке у Фудзико.

– Он говорит да, Анджин-сан. И мы должны будем навестить его в крепости перед заходом солнца, чтобы вместе поужинать. Есть несколько вопросов, которые он хочет обсудить с вами.

Блэксорн возвращался в деревню. Она была разрушена, поворот дороги невозможно было узнать, вся поверхность изуродована. Но лодки были целы. Многие пожарища еще

тлели. Жители деревни носили ведра с песком и водой. Он завернул за угол. Дом Оми пьяно покосился на одну сторону. На месте его дома были сгоревшие обломки.

Глава Тридцать Девятая

Фудзико была ранена. Нигатсу, ее служанка, погибла. Первый же удар обрушил центральные столбы дома, углы кухонной печи осыпались. Фудзико и Нигатсу придавило одним из упавших брусьев, пламя превратило служанку в живой факел. Фудзико удалось выбраться из-под бруса. Убило также одного из детей повара, остальные слуги отделались только ушибами и вывихнутыми конечностями. Все были вне себя от радости, когда увидели живого и невредимого Блэксорна.

Фудзико лежала на футоне около оставшейся неповрежденной садовой ограды, в полубессознательном состоянии. Когда она увидела, что Блэксорн жив-здоров, она чуть не расплакалась:

– Я благодарю Будду, что вы не пострадали, Анджин-сан, – едва смогла она произнести.

Все еще находясь в полушоке, она пыталась встать, но он приказал ей не двигаться. Ее ноги и низ спины были очень сильно обожжены. Около нее уже хлопотал доктор, накладывая ей повязки, смоченные в чае и настоях целебных трав, чтобы унять боль. Блэксорн заметил, как он сосредоточен, и подождал, пока доктор не кончит, потом спросил у него наедине:

– Фудзико-сан, ен ка? – Госпожа Фудзико поправится?

Доктор пожал плечами:

– Хай. – Его губы снова раздвинулись, обнажая выступающие зубы. – Карма, понимаете?

– Хай, – Блэксорн видел достаточно много обгоревших матросов, чтобы знать, как опасны всякие сильные ожоги. Открытые раны почти всегда воспалялись, так как нечем было остановить инфекцию.

– Я не хочу, чтобы она умерла.

– Досо?

Он сказал это по-японски, и доктор уверил его, что госпожа наверняка поправится. Она молодая и сильная.

– Сигата га наи, – сказал доктор и приказал служанкам поддерживать бинты Фудзико влажными, дал настой трав Блэксорну от его царапин, сказал ему, что скоро вернется, потом поспешно отправился вверх по склону холма в сторону поврежденного дома Оми.

Блэксорн стоял у своих главных ворот, которые оказались целыми. Стрелы Бунтаро все еще торчали в левом столбе. Он рассеянно потрогал их:

– Карма, что она обгорела, – печально подумал он. Он повернулся к Фудзико и распорядился, чтобы принесли чай. Блэксорн напоил ее и держал ее за руку, пока она не заснула или не сделала вид, что спит. Вокруг кипела работа, его слуги собирали все, что можно было спасти, работали быстро, им помогали жители деревни. Все знали, что скоро должны пойти дожди. Четверо мужчин пытались поставить временный навес.

– Досо, Анджин-сан, – повар предложил ему свежий чай, пытаясь придать своему лицу менее грустное выражение – погибшая девочка была его любимицей.

– Домо, – ответил Блэксорн. – Сумимасен. Я очень сожалею.

– Аригато, Анджин-сан. Карма, да?

Блэксорн кивнул, взял чай и притворился, что не замечает горя повара, чтобы тот не стыдился его. Потом к ним на холм поднялся самурай, передал приглашение Торанаги Блэксорну и Фудзико ночевать в крепости, пока не будет отстроен заново их дом. Прибыло два паланкина. Блэксорн заботливо устроил ее в один из них и отправил со служанками. Свой паланкин он отпустил, сказав, что скоро придет.

Начался дождь, но он не обратил на него внимания, он смотрел на сад, которым уже

привык любоваться. Теперь все это имело вид места побоища. Маленький мостик был сломан, пруд вытек, ручеек исчез.

– Неважно, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – горы живы.

Ёки-я говорил ему, что сад должен устраиваться вокруг камней, что без них сад пустой – просто место для выращивания растений.

Один из камней был угловатый и самый обычный на вид, но Ёки-я с таким искусством расположил вокруг него цветы и травы, что если на него долго и внимательно смотреть перед заходом солнца, то из скрытых в его глубине прожилок и кристаллов начинал литься красноватый свет и можно было увидеть целый горный хребет с манящими долинами и глубокими озерами и, далеко вдаль, зеленеющий горизонт с надвигающейся там ночью.

Блэксорн дотронулся до камня:

– Я назову тебя Ёки-я-сама, – сказал он.

Это обрадовало его, и он понял, что Ёки-я жив, старик тоже был бы очень рад. Даже если он мертв, может быть, он все равно знает. Блэксорн сказал себе, наверное, его ками теперь здесь. Синтоисты верили, что, когда они умирали, они становились ками...

– Что такое ками, Марико-сан?

– Ками необъяснимо, Анджин-сан. Это похоже на дух, но это не дух, как душа, но не душа. Может быть, это бесплотная сущность вещи или человека... вы знаете, человек становится ками после смерти, но дерево, камень или растение, картина – тоже ками. Они существуют между небом и землей и навещают землю богов или покидают ее в одно и то же время.

– А Синто? Что такое Синто?

– Ах, это тоже невозможно объяснить. Это похоже на религию, но это не так. Сначала это не имело даже имени – мы только называли это Синто, Путь Ками, тысячу лет назад, чтобы отличать от Батсудо, Пути Будды. Но хотя это и неопределимо, Синто – это сущность Японии и японцев, и хотя оно не является ни теологией, ни божеством, ни верой, ни системой этики, оно служит нашим оправданием существования. Синто – это культ природы мифов и легенд, в которые никто не верит всем сердцем, но все-таки каждый в целом их почитает. Человек есть Синто в то же самое время, если он рожден японцем.

– Вы тоже Синто, несмотря на то что стали христианкой?

– О да, конечно...

Блэксорн снова тронул камень:

– Пожалуйста, ками Ёки-я, оставайся в моем саду. Забыв о дожде, он стал всматриваться в камень и видел цветущие долины и спокойное озеро, зеленеющий горизонт, где собиралась темнота.

* * *

Какой-то шорох заставил его обернуться. Он поднял глаза. За ним наблюдал Оми, спокойно сидящий на корточках. Все еще шел дождь, и новое глаженое кимоно Оми было прикрыто дождевиком из рисовой соломки, а вымытые волосы – широкой конической шляпой из бамбука.

– Карма, Анджин-сан, – сказал он, указывая на тлеющие обломки.

– Хай, Икага дес ка? – Блэксорн вытер дождь с лица.

– Йой, – Оми показал на свой дом. – Ватакаси ноуйуе ва ха-кайсарете имасен остукай ни наримасен-ка? – Моя баня не пострадала. Не хотите воспользоваться?

– Ах, со дес! Домо, Оми-сан, хай, домо. – Блэксорн с благодарностью пошел за Оми по извилистой тропинке в его садик. Слуги и деревенские мастера под надзором Муры уже что-то приколачивали, пилили, ремонт шел вовсю. Центральные столбы снова были на местах, крыша почти восстановлена.

Знаками, простейшими словами с большим терпением Оми объяснил, что его слуги вовремя успели погасить пожар. Через день или два, сказал он Блэксорну, дом будет снова

как новый, не стоит беспокоиться. Ремонт вашего займет больше времени, неделю, Анджин-сан. Не беспокойтесь, Фудзико-сан прекрасная хозяйка. Она своевременно оговорит с Мурой все расходы, и ваш дом будет даже лучше, чем раньше. Я слышал, она обгорела? Ну, это иногда бывает, но не тревожьтесь, наши доктора имеют большой опыт лечения ожогов.

Да, Анджин-сан, это было большое землетрясение, но все закончилось не очень плохо. Рисовые поля почти не затронуты и главные ирригационные системы не были повреждены. И лодки не пострадали, а это тоже очень важно. Осыпь погребла сто пятьдесят самураев. Что касается деревни, неделя – и вы не заметите, что здесь было землетрясение. Погибло пять крестьян и несколько детей – всего ничего! Анджино очень повезло, да? Я слышал, вы спасли Торанагу-саму от смертельной опасности. Мы все благодарны вам, Анджин-сан. Очень. Если бы мы потеряли его... Господин Торанага сказал, что он принял ваш меч – вы счастливчик, это большая честь. Да. Ваша карма сильная, могучая.

Мы вам очень благодарны. Слушайте, мы поговорим еще после того, как вы примете ванну. Я рад, что вы мой друг. Оми позвал своих банщиков:

– Исоги! Поторопитесь!

Слуги проводили Блэксорна в банный домик, который был поставлен в маленькой кленовой рощице и соединялся с главным домом красивой извилистой дорожкой, до пожара крытой. Баня была намного роскошней, чем его собственная. В одной стене образовалась сильная трещина, но крестьяне уже заделали ее. Крыша была цела, хотя и не хватало нескольких черепиц и в прохудившиеся места попадал дождь, но это не имело значения.

Блэксорн разделся и сел на уютное сидение. Слуги намылили его и вымыли под дождем. Уже чистым он прошел внутрь и немедленно погрузился в исходящую паром ванну. Все его беды тут же исчезли.

«С Фудзико все будет в порядке. Я удачливый человек – мне посчастливилось спасти Торанагу и Марику. Повезло, что Торанаге в свою очередь удалось вызволить нас».

Волшебник Суво, как всегда, ублажил его. Потом, когда Суво перевязал его ушибы и порезы, он надел чистую набедренную повязку, кимоно и таби, которые были оставлены для него, и вышел. Дождь прекратился.

В саду была возведена временная крытая постройка, пол которой был аккуратно устлан чистыми футонами, возле стояла ваза с букетом цветов. Оми ждал его вместе с беззубой старухой с жестким лицом.

– Пожалуйста, садитесь, Анджин-сан, – сказал Оми.

– Спасибо и благодарю за одежду, – ответил он на своем запинаящемся японском.

– Пожалуйста, даже и не упоминайте об этом. Чего бы вам хотелось, чаю или саке?

– Чаю, – решил Блэксорн, думая, что ему лучше иметь ясную голову для разговора с Торанагой. – Большое спасибо.

– Это моя мать, – церемонно сказал Оми, явно преклоняясь перед ней.

Блэксорн поклонился. Старуха жеманно улыбнулась.

– Это честь для нас, Анджин-сан, – сказала она.

– Это еще большая честь для меня, – сказал Блэксорн, соблюдая формальный ритуал вежливости, которому его научила Марику.

– Анджин-сан, мы так переживали, когда увидели, что горит ваш дом.

– Что можно было сделать? Это карма.

– Да, карма, – старуха оглянулась и нахмурилась: – Поторопитесь! Анджин-сан хочет получить свой чай теплым!

При виде девушки, стоящей около служанки с подносом, у Блэксорна перехватило дыхание. Потом он вспомнил ее. Не ее ли он видел с Оми в тот первый раз, когда проходил по деревенской площади по пути на галерею?

– Это моя жена, – представил ее Оми.

– Я польщен – сказал Блэксорн, когда она села рядом с ними на колени и поклонилась.

– Простите ее медлительность, – сказала мать Оми. – Чай достаточно теплый для вас?

– Спасибо, очень хорош, – Блэксорн заметил, что старуха избегала называть жену Оми по имени, как ей бы следовало. Но потом он вспомнил, что Марико говорила ему о главенствующем положении свекрови в японском обществе, и уже не удивлялся.

– Слава Богу, что в Европе не так, – сказал он ей.

– Свекровь может быть несправедлива. В конце концов, Анджин-сан, прежде всего родители выбирают жену своему сыну и что отец может выбрать, посоветовавшись в первую очередь со своей женой? Конечно, невестка должна повиноваться, и сын всегда делает то, что хотят его мать и отец.

– Всегда?

– Всегда.

– А что, если сын откажется?

– Это невозможно, все должны повиноваться главе дома. Первая обязанность сына – исполнять волю его родителей. Конечно, сыновьям матери дают все: жизнь, пищу, нежность, защиту. Они помогают им всю жизнь. Так что, конечно, это правильно, что сын должен заботиться о желаниях матери. Невестка должна повиноваться. Это ее обязанность.

– У нас не так.

– Трудно быть хорошей невесткой, очень трудно. Вас поддерживает мысль, что проживете достаточно долго, чтобы иметь много сыновей и самой стать свекровью.

– А ваша свекровь?

– Она умерла, Анджин-сан. Она умерла много лет назад. Я никогда не знала ее. Господин Хиро-Мацу, будучи мудрым человеком, никогда больше не женился.

– Бунтаро-сан его единственный сын?

– Да. У него пять сестер, но ни одного брата. Кстати, – пошутила она, – мы теперь родственники, Анджин-сан. Фудзико – племянница моего мужа. В чем дело, что вас так удивило?

– Я поражен, что вы никогда этого не упоминали, вот и все.

– Это все очень запутано, Анджин-сан, – Марико объяснила, что Фудзико фактически приемная дочь Нуматы Акинори, который женился на младшей сестре Бунтаро, и что настоящий отец Фудзико был внуком диктатора Городы от его восьмой наложницы, что Фудзико была удочерена Нуматой в детском возрасте по приказу Тайко, потому что Тайко хотел ближе связать потомков Хиро-Мацу и Городы...

– Что?

Марико засмеялась и сказала ему, что, действительно, японские семейные взаимоотношения очень запутаны, так как усыновление было нормальным явлением, семьи часто обменивались детьми, разводились, снова женились. При таком большом количестве официальных наложниц и легкости развода – особенно, если это приказ сюзерена, – все семьи скоро становились невероятно взаимосвязанными.

– Чтобы распутать семейные связи семьи господина Торанаги, потребуется несколько дней, Анджин-сан. Только подумайте, какие сложности: в настоящее время он имеет семь официальных наложниц, которые родили ему пять сыновей и трех дочерей. Некоторые из наложниц были вдовами или замужем до того и имели своих детей – некоторых из них Торанага усыновил, некоторых нет. В Японии вы не спрашиваете, приемный он или нет. Действительно, какое это имеет значение? Наследование всегда происходит по воле главы дома, так что приемный сын или нет, какая разница? Даже мать Торанаги была разведенной. Позже она снова вышла замуж и имела еще трех сыновей и двух дочерей от второго мужа, все они теперь тоже женаты! Ее старший сын от второго брака – Затаки, господин Синано.

Блэксорн задумался над этим. Потом он сказал:

– Развод для нас невозможен. Невозможен.

– Святые отцы говорят нам то же самое. Извините, но это неразумно, Анджин-сан. Случаются ошибки, люди меняются, это карма, да? Почему мужчина должен терпеть мерзкую жену или жена неприятного мужа? Глупо быть связанными навеки мужчине и женщине, правда?

– Да.

– В этом мы мудры, а святые отцы нет. Это одна из двух главных причин, почему Тайко не принял христианства, эта глупость с разводами и шестая заповедь – «Не убий». Отец-инспектор ездил в Рим, прося отменить для Японии правило о разводах. Но Его Святейшество папа ответил отказом. Если бы Его Святейшество согласился, я считаю, что Тайко бы крестился, дайте бы приняли теперь истинную веру и земля была бы христианской. Вопрос о «не убий» был бы неважен, потому что на самом деле на него никто не обращает внимания, по крайней мере христиане. Такая маленькая уступка, всего-то, так ведь?

– Да, – сказал Блэксорн. Здесь развод казался очень разумным. Почему же дома это был смертельный грех, который осуждали все христианские священники, католические и протестантские, от имени Бога?

– А какая была жена у Торанаги? – спросил он, желая просто слушать, как она говорит. В большинстве случаев она избегала темы Торанаги и его семейных историй, а Блэксорну было важно знать все.

По лицу Марики пробежала тень:

– Она умерла. Она была его второй женой и умерла десять или одиннадцать лет тому назад. Она была сводной сестрой Тайко. Господину Торанаге никогда не везло с его женами, Анджин-сан.

– Почему?

– О, вторая жена была старая, жадная, безумно любящая золото, но делающая вид, что оно ее не интересует, как и ее брата, самого Тайко. Бесплодная и с плохим характером. Это был политический брак, конечно. Ничто не радовало ее, и никто из юношей или мужчин не мог развязать узел в ее Золотом Павильоне.

– Что?

– Ее Нефритовые Ворота, Анджин-сан. Своими Черепаховыми Головками – своими Кипящими Стеблями. Не понимаете? Ее... эту штуку.

– Ах, понимаю. Да.

– Никто не мог развязать ее узел... не мог удовлетворить ее.

– И даже Торанага?

– Он никогда не спал с ней, Анджин-сан, – сказала она, крайне шокированная. – Конечно, после женитьбы ему ничего не оставалось, как отдать ей замок и слуг, ключи к его сокровищнице – а как иначе? Она была очень стара, она была до этого дважды замужем, но ее брат Тайко расстроил эти браки. Крайне неприятная женщина-все были очень довольны, когда она ушла в Великую Пустоту, даже Тайко, и все ее невестки и все наложницы Торанаги тайком жгли ладан с большим удовольствием.

– А первая жена Торанаги?

– Ах, госпожа Тасибана. Это тоже был политический брак. Когда они поженились, господину Торанаге было восемнадцать лет, ей пятнадцать. Она превратилась в ужасную женщину. Двадцать лет назад Торанага должен был отправить ее на смерть, потому что он обнаружил, что она была тайно связана с убийцей их сюзерена диктатора Городы, которого она ненавидела. Мой отец часто говорил мне, что им всем повезло остаться в живых – ему, Торанаге, Накамуре и всем генералам, потому что Города был безжалостен, неумолим и особенно подозрителен к своим ближайшим друзьям. Эта женщина могла погубить их всех, как бы они ни были не причастны к этому делу. Из-за ее участия в заговоре против господина Городы ее единственный сын, Нобунага, также должен был умереть, Анджин-сан. Она погубила собственного сына. Подумайте об этом, это так печально, так ужасно. Бедный Нобунага – он был любимым сыном Торанаги и его официальным наследником – смелый генерал, абсолютно преданный. Он был невиновен, но она все-таки втянула его в свой заговор. Ему было только девятнадцать лет, когда Торанага приказал ему совершить сеппуку.

– Торанага убил своего собственного сына? И свою жену?

– Да, он приказал им сделать это, но у них не было выбора, Анджин-сан. Если бы он этого не сделал, господин Города справедливо решил бы, что Торанага тоже участвует в заговоре, и тут же приказал бы ему вспороть живот. О, да, Торанага избежал гнева Города. Ему хватило мудрости приказать ей совершить сеппуку. Когда она умерла, ее невестки и все наложницы Торанаги испытали облегчение. Ее сын вынужден был отослать свою первую жену домой по ее приказу за ее воображаемую слабость – после того, как она родила ему двух детей. Она совершила сеппуку – я говорила вам, что дамы совершают сеппуку перерезанием горла, а не вскрытием живота, как мужчины? – но она пошла на смерть с радостью, довольная, что освобождается от жизни в слезах и горе, а следующая жена молила о смерти, ее жизнь сделалась также несчастной из-за свекрови...

Сейчас, глядя не свекровь Мидори, пролившую чай себе на подбородок, Блэксорн знал уже, что эта старая ведьма имеет власть над жизнью или смертью, разводом или изгнанием Мидори и поддерживается ее мужем, главой дома. И что бы они не решили, Оми их послушается.

«Как ужасно», – подумал он.

Насколько отвратительна была старуха, настолько грациозна и полна молодости и очарования была Мидори, у нее было овальное лицо и густые волосы. Она была красивее Марики, но без ее огня и силы, гибкая как папоротник и тонкая как паутина.

– А где закуски? Конечно, Анджин-сан, должно быть, голоден, да? – спросила старуха.

– О, извините, – сразу же ответила Мидори, – сходи за ними сейчас же, – сказала она служанке. – Поторопись! Простите, Анджин-сан!

– Простите, Анджин-сан, – повторила старуха.

– Пожалуйста, не извиняйтесь, – сказал Блэксорн Мидори и сразу же понял свою оплошность. Правила хорошего тона требовали, что это следовало говорить только свекрови, особенно если она имеет такую дьявольскую репутацию. – Извините, – сказал он, – я не голоден. Сегодня вечером я приглашен ужинать к господину Торанаге.

– Ах, со дес! Мы слышали, вы спасли ему жизнь. Вы должны знать, как мы вам благодарны – мы, все его вассалы! – сказала старуха.

– Это был мой долг. Я ничего не сделал особенного.

– Вы совершили все возможное, Анджин-сан. Оми-сан и господин Ябу очень высоко ценят ваш поступок, и мы все тоже.

Блэксорн заметил, что старуха смотрит на своего сына.

«Хотел бы я засунуть тебя на сажень в воду, старая сука, – подумал он. – Ты такой же дьявол, как и та, другая, Тасибана!»

Оми сказал:

– Мама, я счастлив иметь Анджин-сана своим другом.

– Мы все испытываем счастье, – сказала она.

– Нет, это я счастлив, – ответил Блэксорн, – я счастлив найти таких друзей, как семейство Касиги Оми-сан.

«Мы все врем, – подумал Блэксорн, – но я не знаю, почему это делают они. Я лгу с целью самозащиты и потому, что так принято. Но я никогда не забуду... Подожди-ка. Если честно, разве это не карма? Ты бы не сделал того, что сделал Оми? Это было очень давно – в предыдущей жизни, не так ли? Сейчас это ничего не значит».

Вверх на гору, цокая копытами, поднималась группа всадников во главе с Нагой. Он спешил и широкими шагами прошел в сад. Все деревенские сразу прекратили работы и встали на колени. Он велел им продолжать работу.

– Мне так неловко беспокоить вас, Оми-сан, но меня прислал господин Торанага.

– Пожалуйста, вы не беспокоили меня вовсе, присоединяйтесь к нам, – сказал Оми. Мидори сразу же подала свою подушку, низко поклонившись. – Не хотите ли чаю или sake, Нага-сама?

Нага сел.

– Ничего не надо. Спасибо, я не хочу пить. Оми вежливо его уговаривал, подчиняясь

ритуалу, хотя было видно, что Нага торопится.

– Как господин Торанага?

– Превосходно. Анджин-сан, вы оказали нам большую услугу. Я лично благодарю вас.

– Это был только мой долг, Нага-сан. Но я мало что сделал. Это господин Торанага спас меня – также вытащил меня из трещины.

– Да. Но это было после. Я очень вам благодарен.

– Нага-сан, могу ли я что-нибудь сделать для господина Торанага? – спросил Оми, правила этикета наконец позволили ему перейти к делу.

– Он хотел бы встретиться с вами сегодня после ужина. Будет совещание всех офицеров.

– Я почту за честь.

– Анджин-сан, вы должны поехать со мной сейчас же, если вам это удобно.

– Конечно, для меня это большая честь.

Снова поклоны и приветствия, и вот Блэксорн на лошади, они легким галопом спускаются с холма. Когда группа самураев выехала на площадь. Нага придержал коня.

– Анджин-сан!

– Хай?

– Я от всего сердца благодарю вас за спасение господина Торанаги. Позвольте мне быть вашим другом... – и последовал поток слов, непонятных Блэксорну.

– Извините, я не понял. «Карите иру?»

– Ах, извините. «Карите иру» – один человек карите иру другому человеку – как долг.

Вы понимаете «долг»...

«Обязан», – промелькнуло в голове Блэксорна. – Ах, со дес! Вакаримас.

– Хорошо. Я только сказал, что я вам обязан.

– Это был мой долг, не так ли?

– Да. Но все равно, я обязан вам жизнью.

* * *

– Торанага-сама говорит, что весь порох для пушек и заряды были погружены обратно на ваш корабль, Анджин-сан, здесь в Анджиро перед его отправкой в Эдо. Он спрашивает вас, сколько времени потребуется, чтобы приготовить его к выходу в море?

– Это зависит от его состояния, если за ним ухаживали, заменили мачту и провели все остальные работы. Господин Торанага представляет, в каком он состоянии?

– Ему показалось, что корабль в порядке, говорит он, но он не моряк, так что не может быть в этом уверен. Он не был на судне с тех пор, как оно было отбуксировано в Эдо. Тогда он дал указания ухаживать за ним. Если считать, что корабль готов к плаванию, он спрашивает, сколько займет времени подготовить его к бою?

Сердце Блэксорна дрогнуло.

– С кем я должен воевать, Мариико-сан?

– Он спрашивает, с кем бы вы хотели воевать?

– Я хотел бы захватить Черный Корабль этого года, – сразу ответил Блэксорн, приняв внезапное решение, отчаянно надеясь, что настал самый подходящий момент перед тем, как Торанага выложит свой план, который он тайно разрабатывал много дней. Он рискнул, надеясь, что спасение жизни Торанаги в это утро дает ему особые привилегии, они выручат его при слишком грубых ошибках.

Мариико была сильно удивлена:

– Что?

– Черный Корабль. Скажите господину Торанаге, что все, что он должен сделать – дать мне разрешение на это. Я сделаю остальное. С моим кораблем и совсем небольшой помощью... мы поделим груз, все шелка и слитки. Она засмеялась. Торанага нет.

– Мой господин говорит, что это был бы непростительный военный акт против

дружественной нации. Португальцы очень важны для Японии.

– Да, важны – но в данный момент. Я считаю, что они ее враги, так же, как и мои, и какие бы услуги они ни предоставляли, мы можем сделать лучше. За меньшую стоимость.

– Он говорит, может быть. Но он не верит, что Китай будет торговать с вами. Ни с англичанами, ни с нидерландцами, у них нет пока никаких сил в Азии, а мы нуждаемся в шелках сейчас, и нам нужно постоянное их поступление.

– Он прав, конечно. Но через год или два это изменится, и он тогда выгадает. В таком случае есть другое предложение. Я уже нахожусь в состоянии войны с португальцами. За пределами трехмильной границы международных вод. Законно, на основании своего каперского свидетельства, я могу захватить его как приз к могу отогнать его в любой порт и продать вместе с грузом. С моим кораблем и командой это будет легко выполнить. Через несколько недель или месяцев я могу передать Черный Корабль и все его содержимое в Эдо. Половина стоимости – таможенный сбор.

– Он говорит, то, что произойдет между вами и вашими врагами в море, его мало касается. Море принадлежит всем. Но это наша земля, здесь наши законы, и они не могут быть нарушены.

– Да, – Блэксорн знал, что он играет с огнем, но его интуиция подсказывала, что время выбрано удачно и что Торанага сведет все к шутке. – Это было только предположение. Он спросил меня, с кем бы я хотел воевать. Пожалуйста, простите меня, но иногда это хороший план против любой случайности. В этом, я считаю, господин Торанага заинтересован так же, как и я.

Марико перевела. Торанага буркнул и что-то коротко сказал.

– Господин Торанага ценит здравые предположения, Анджин-сан, типа ваших взглядов на военно-морское дело, но это смешно. Даже если интересы вас обоих и совпали бы, чего на самом деле нет, как могли бы вы и ваши девять человек команды атаковать такой огромный корабль с почти тысячей человек на борту?

– Я и не думал так поступать. Я наберу новую команду, Марико-сан. Восемьдесят или девяносто человек, опытных моряков и артиллеристов. Я найду их в Нагасаки на португальских кораблях, – Блэксорн сделал вид, что не заметил ее вздоха и того, что она перестала обмахиваться веером, – там можно найти несколько человек французов, двух англичан, если мне повезет, немцев и голландцев. Мне необходимо попасть в Нагасаки, некоторая протекция и немного серебра или золота. Во флоте противника всегда найдутся люди, готовые наняться к вам за большой куш или долю в добыче.

– Мой господин говорит, что командир, который собирается довериться в бою таким отбросам, – сумасшедший.

Блэксорн сказал:

– Согласен. Но я должен иметь команду, чтобы выйти в море.

– Он спрашивает, нельзя ли подготовить самураев и наших моряков, чтобы использовать их в качестве артиллеристов и других морских специалистов?

– Можно. Через какое-то время. Но это может занять месяцы. Конечно, они будут готовы к следующему году. А в этом году выступить против Черного Корабля нет шансов.

– Господин Торанага говорит, что он не планирует нападать на португальский Черный Корабль ни в этом, ни в следующем году. Они ему не враги, и он с ними не воюет.

– Я знаю. Но с ними воюю я. Конечно, это только обсуждение, но я должен увеличить свою команду еще на несколько человек, чтобы выйти в море по приказу господина Торанага, если он пожелает.

Они сидели в личных апартаментах Торанага, которые выходили окнами в сад. Крепость была почти не затронута землетрясением. Ночь была влажная, душная, дым от курильницы лениво поднимался вверх, отпугивая москитов.

– Мой господин хочет знать, – говорила Марико, – если бы у вас сейчас был корабль и несколько членов команды, которые приплыли с вами, могли бы вы пойти в Нагасаки, чтобы набрать еще людей, которые вам требуются?

– Нет, это было бы слишком опасно. Намного лучше было бы сначала набрать людей, привести их сюда, в ваши воды, в Эдо. Как только я наберу команду и вооружусь, враг не сможет ничего сделать со мной.

– Он и не подозревает, что вы с командой в девяносто человек можете захватить Черный Корабль.

– На «Эразмусе» я смогу догнать и потопить его. Конечно, Мариико-сан, я понимаю, что все это гадание на кофейной гуще, но я, если бы мне было позволено, сразу же как собрал команду, отплыл бы с приливом в Нагасаки. Если Черный Корабль был уже в порту, я бы вывесил боевые флаги и стал в море, чтобы блокировать его в гавани. Я бы дал ему закончить торговать, а потом, когда он при попутном ветре отправился бы домой, притворился бы, что мне нужны запасы, и выпустил бы корабль из порта. Я бы догнал его через несколько лиг, так как мой корабль быстрее, а мои пушки сделали бы все остальное. Как только они спустили бы флаг, я бы высадил на их борт свою команду и привел их обратно в Эдо. На этом судне должно быть больше трех сотен золотых слитков.

– Но капитан успеет потопить свое судно, если вы одержите победу, прежде чем вы подниметесь на борт.

– Обычно... – Блэксорн собирался сказать: «Обычно команда не подчиняется такому капитану-фанатику, но я никогда не видел сумасшедшего капитана. В большинстве случаев вы даете им небольшую долю, гарантируете им жизнь и безопасное плавание до ближайшего порта. Но к этому времени я договарюсь с Родригесом, я знаю его и могу предугадать его действия». Он подумал, что не стоит выдавать весь план.

– Обычно побежденный корабль сдается, Мариико-сан, – сказал он вместо этого, – таков обычай – избегать ненужных смертей.

– Господин Торанага говорит, извините, Анджин-сан, это отвратительный порядок. Если бы он располагал кораблями, они бы не сдавались в плен, – Мариико отпила немного чая, потом продолжала, – а если судно уже вышло из порта?

– Тогда бы я промчался по основным морским путям, чтобы перехватить его в нескольких лигах в международных водах. Легче поймать тяжело нагруженную и барахтающуюся посудину, но гораздо труднее привести ее в Эдо. Когда ожидается прибытие Черного Корабля?

– Мой господин не знает. Возможно, в течение тридцати дней, говорит он. Корабль в этом году придет рано.

Блэксорн знал, что он очень близок к цели, очень близок.

– Тогда нужно блокировать и захватить его в конце сезона.

Она перевела, и Блэксорну показалось, что он заметил разочарование, моментально отразившееся на лице Торанаги. Он подождал, словно перебирая варианты, потом сказал:

– Если бы это была Европа, был бы возможен другой способ. Вы могли бы подплыть ночью и взять его силой. Внезапной атакой.

Торанага сжал рукоятку меча.

– Он говорит, вы осмелились бы воевать на нашей земле против ваших врагов?

У Блэксорна пересохли губы.

– Нет. Конечно, это все предположения, но если бы состояние войны существовало между ним и Португалией и господин Торанага хотел бы повредить им, то есть возможность сделать это. Были бы две или три сотни дисциплинированных солдат, хорошая команда и «Эразмус», можно было бы легко подойти к борту Черного Корабля, высадиться и вывести его в море. Я мог бы выбрать время для внезапной атаки – если бы это была Европа.

Наступило длительное молчание.

– Господин Торанага говорит, это не Европа и нет состояния войны с Португалией, нет и не будет.

– Конечно. Одна последняя деталь, Мариико-сан: Нагасаки не находится под контролем господина Торанаги?

– Нет, Анджин-сан. Господину Хариме принадлежат порт и окрестности.

– Но разве не под контролем иезуитов порт и вся торговля? – Блэксорн отметил, что она как-то неохотно переводит, но продолжал настаивать. – Разве это не хонто, Мариho-сан? И разве господин Харима не католик? Разве большинство Кюсю не католическое? И соответственно разве не иезуиты в некоторой мере хозяева всего острова?

– Христианство – религия. Дайме владеют своей территорией, Анджин-сан, – сказала Мариho от себя.

– Но мне сказали, что Нагасаки на самом деле уже португальская земля. Сказали, что они действуют там, как будто это их страна. Разве отец господина Харимы не продал эту землю иезуитам?

Голос Мариho стал строже:

– Да. Но Тайко забрал все обратно. Ни одному иностранцу сейчас не дозволено владеть здесь землей.

– Но разве не Тайко отменил свои эдикты, так что теперь там без разрешения иезуитов ничего не делается? Разве не под контролем иезуитов все перевозки в Нагасаки? Разве не они ведут для вас всю торговлю и действуют как посредники?

– Вы очень хорошо информированы о Нагасаки, Анджин-сан, – сказала она с издевкой.

– Может быть, господину Торанаге следует взять под свой контроль порт. Может быть...

– Они ваши враги, не наши, Анджин-сан, – сказала она, нанеся наконец этот удар, – иезуиты являются...

– Нандза?

Она с виноватым видом обратилась к Торанаге и объяснила, что было сказано ими. Когда она закончила, он заговорил очень строго, явно выговаривая.

Мариho сказала:

– Господин Торанага напоминает мне, что мое мнение не имеет значения и что переводчик должен только переводить. Пожалуйста, простите меня.

Теперь Блэксорну следовало извиниться за то, что он подвел ее. Но сейчас это не пришло ему в голову, так как он своего добился. Он засмеялся и сказал:

– Хай, кавай Тсуку-сама. – Да, милая госпожа переводчица!

Мариho криво улыбнулась, разозлившись на себя, что не сдержалась, ее существо разрывалось между двумя кумирами.

– Ие, Анджин-сан, – сказал Торанага, более добродушно на этот раз.

– Мариho-сан кавайдесу йори Тсуку-сан анамсу ка нори масен, нех? И Мариho-сан много красивее старого мистера Тсуку, не так ли, и намного приятней?

Торанага засмеялся:

– Хай.

Мариho вспыхнула и налила чаю, немного успокоившись. Потом Торанага заговорил серьезно.

– Мой господин говорит, почему вы задаете так много вопросов о господине Хариме и Нагасаки?

– Только чтобы показать, что порт Нагасаки фактически контролируется иностранцами. Португальцами. И по моему закону я имею законные права атаковать врага в любом месте.

– Но это не «любое место», – говорит он, – это Страна Богов, и такое нападение немислимо.

– Я согласен всем сердцем. Но если господин Харима станет врагом или иезуиты, которые руководят португальцами, станут врагами, это способ бороться с ними.

– Господин Торанага говорит, что ни он, ни какой-либо другой дайме не позволят иностранцам сражаться друг с другом на японской земле или убивать кого-либо из наших людей. Против врагов императора – это другое дело. Что касается солдат и команды, тому, кто говорит по-японски, легко набрать любое их количество. На Кюсю много вако.

– Вако, Мариho-сан?

– Ах, извините. Мы называем корсаров вако, Анджин-сан. У них много укрытий вокруг

Кюсю, но в основном Тайко покончил с ними. Но еще можно найти оставшихся в живых, к сожалению. Вако терроризировали берега Китая в течение нескольких столетий. Это из-за них Китай закрыл для нас свои порты. – Она объяснила Торанаге, что она сказала. Он заговорил опять более выразительно. – Он говорит, что он никогда не позволит вам планировать или осуществлять ваши нападения на нашей земле, хотя, с вашей точки зрения, было бы вполне справедливо напасть на врагов вашей королевы в наших морях. Но он повторяет, что только не здесь, а где-нибудь в другом месте. Это Земля Богов. Вы должны быть терпеливы, как он говорил вам раньше.

– Да. Я намереваюсь быть терпеливым, по вашему обычаю. Я только хочу уничтожить врагов, потому что они враги. Я всем сердцем уверен, что они ваши враги тоже.

– Господин Торанага говорит, что португалец также считает вас своим врагом, и Тсукку-сан и отец-инспектор абсолютно уверены в этом.

– Если бы я мог захватить Черный Корабль в море и привести его как законную добычу в Эдо, под английским флагом, было бы мне разрешено продать его и все его содержимое в Эдо, согласно нашим порядкам?

– Господин Торанага говорит, что он не считает это невозможным.

– Если придется воевать, будет ли мне позволено напасть на врага, врага господина Торанага, используя мои методы?

– Он говорит, что это обязанность хатамото. Хатамото выполняет, конечно, личные приказы господина Торанага. Мой господин хочет, чтобы я объяснила вам, что дела в Японии никогда не будут решаться иначе, чем японскими методами.

– Да. Я полностью это понимаю. Со всем смирением я желал бы только указать, что чем больше я узнаю о его проблемах, тем больше я хочу ему помочь.

– Он говорит, что долг хатамото всегда помогать его господину, Анджин-сан, и он ответит на любые вопросы, которые у вас появятся позже.

– Спасибо. Могу я спросить его, хотел бы он иметь свой собственный военный флот? Как я предложил на галере?

– Он уже сказал, что он хотел бы иметь военный флот, современный флот, Анджин-сан, обслуживаемый его собственными людьми. Какой дайме не хотел бы этого?

– Тогда скажите ему: – Если мне удастся захватить вражеское судно, я приведу его в Эдо для ремонта и подсчета добычи. Потом я перегружу половину слитков на «Эразмус» и пошлю Черный Корабль обратно португальцам, или предложу его Торанаге-сама как подарок, или сожгу его – все, что он пожелает. Потом я отправлюсь домой. Через год я вернусь и приведу четыре военных корабля как дар королевы Великобритании господину Торанаге.

– Он спрашивает, какая ваша выгода в этом деле?

– Хонто есть, мне еще много чего останется, Марико-сан, после того как корабли будут куплены у Ее Величества. Далее, мне хотелось бы взять самого доверенного из ваших советников с собой как вашего посла к моей королеве. Ему может быть интересен договор о дружбе между нашими странами.

– Господин Торанага говорит, что это было бы слишком великодушно со стороны вашей королевы. Он добавляет, что если такая чудесная вещь и случилась бы и вы вернулись обратно с новыми судами, кто готовил бы его моряков, самураев и капитанов для управления ими?

– Я бы готовил сначала, если он не против, потом могли бы приехать и другие.

– Он спрашивает, что такое «сначала»?

– Два года.

Торанага мимолетно улыбнулся.

– Наш господин говорит, два года не достаточно «сначала». Однако, добавляет он, это все иллюзии. Он не воюет с португальцами или господином Харимой, хозяином Нагасаки. Он повторяет, что то, чем вы занимаетесь за пределами японских вод, на своем собственном корабле со своей командой, это ваше дело. – Марико казалась огорченной. – За пределами

наших вод вы иностранец, говорит он, но здесь вы самурай.

– Да. Я понимаю, какую честь он оказал мне. Могу я спросить, где самурай берет в долг деньги, Мариико-сан.

– У ростовщиков. Где же еще? У грязных торговцев-ростовщиков. – Она перевела его вопрос для Торанаги. – Зачем вам потребовались деньги?

– А есть ростовщики в Эдо?

– О, да. Ростовщики есть повсюду, не так ли? В вашей стране разве не то же самое? Спросите вашу наложницу, Анджин-сан, может быть, она сможет вам помочь. Это часть ее обязанностей.

– Вы говорите, мы выезжаем в Эдо завтра?

– Да, завтра.

– К сожалению, Фудзико-сан не сможет отправиться с нами.

Мариико поговорила с Торанагой.

– Господин Торанага говорит, что он пошлет ее галерой, когда она поправится. Он спрашивает, для чего вам надо занять денег?

– Я должен нанять новую команду, Мариико-сан, – чтобы плавать всюду, служить господину Торанаге, как он пожелает. Это возможно?

– Команду из Нагасаки?

– Да.

– Он даст вам ответ, когда вы приедете в Эдо.

– Домо, Торанага-сама. Мариико-сан, когда я попаду в Эдо, куда я должен идти? Там меня будет кто-нибудь сопровождать?

– О, вы не должны беспокоиться о таких вещах, Анджин-сан. Вы один из хатамото господина Торанаги. – В это время постучали во внутреннюю дверь.

– Войдите.

Нага отодвинул седзи и поклонился:

– Извините меня, отец, но вы приказали сказать, когда соберутся все офицеры.

– Спасибо, я скоро буду, – Торанага ненадолго задумался, потом поманил Блэксорна, на этот раз по-дружески: – Анджин-сан, отправляйтесь с Нага-саном. Он покажет вам вашу комнату. Спасибо за ваши советы.

– Я благодарен вам, что выслушали меня. Спасибо за ваши слова. Я постараюсь стать терпеливым и полезным вам.

– Благодарю вас, Анджин-сан, – Торанага смотрел, как он кланялся и уходил. Когда они остались одни, он повернулся к Мариико:

– Ну, что вы думаете?

– Две вещи, господин. Во-первых, его ненависть к иезуитам безмерна, даже сильнее его неприязни к португальцам, так что это козырь для вас, который можно использовать против кого-то из них или против обоих, если вам это будет нужно. Мы знаем, что он смел, так что он бесстрашно отразит любую атаку с моря. Во-вторых, деньги все еще его цель. В его оправдание, из того, что я узнала, деньги единственная реальная вещь, которую чужеземцы используют для достижения прочной власти. Они покупают земли и положение, – даже их королева действует как купец и покупает корабли и земли, вероятно. В остальном они не очень отличаются от нас, господин, за исключением этого. А также тем, что они не понимают власти, что война есть жизнь, а жизнь есть смерть.

– Христиане мне враги?

– Я так не считаю.

– А португальцы?

– Я думаю, что они поглощены только своей прибылью и распространением слова Божьего.

– Христиане – мои враги?

– Нет, господин. Хотя некоторые из ваших врагов могут быть христианами – католиками или протестантами.

– Вы не думаете, что Анджин-сан мой враг?
– Нет, господин, я считаю, он уважает вас и в свое время станет вашим фактическим вассалом.

– А христиане? Кто из них мои враги?
– Господа Харима, Кийяма, Оноши и некоторые другие самураи, которые стали выступать против вас.

Торанага засмеялся.
– Да, но священники воздействуют на них, как считает Анджин-сан?
– Мне так не кажется.
– Эти трое выступят против меня?
– Я не знаю, господин. Раньше они были друзьями-противниками по отношению к вам. Но если они станут на сторону Ишидо, это кончится очень плохо.

– Вероятно, вы правы. Мариико, вы ценный советник. Вам трудно быть христианкой-католичкой, другом с врагом, выслушивать вражеские идеи.

– Да, господин.
– Он поймал вас, да?
– Да. Но, по правде говоря, он прав. Я не исполнила того, что вы приказали. Я оказалась втянута в полемику между вами. Пожалуйста, примите мои извинения.

– Это будет продолжаться, и вам будет все труднее. Может быть, еще труднее.
– Да, господин. Но лучше знать обе стороны медали. Многое из того, что он сказал, оказывалось верным – например, что мир разделен испанцами и португальцами, о священниках, занимающихся контрабандой, хотя в это почти невозможно поверить. Вам не стоит сомневаться в моей лояльности, господин. Как бы плохо ни пришлось, я всегда выполню свой долг по отношению к вам.

– Спасибо. Но вас очень интересует то, что сказал Анджин-сан, да? Благодарю вас, Мариико-сан, я очень дорожу вами как советником. Может быть, разрешить вам развестись с Бунтаро?

– Что?
– Ну?
«О, быть свободной! – запела ее душа. – О, Мадонна, быть свободной! Помни, кто ты, Мариико. И не забывай, что «любовь» – это слово чужеземцев».

Торанага следил за ней в полном молчании. Москиты спиралью летели на дым ладана и стрелой улетали в безопасное место. «Да, она сокол, – думал он, – но против какого «зверя» бросить мне ее?»

– Нет, господин, – сказала Мариико. – Благодарю вас, не стоит беспокоиться.
– Анджин-сан странный человек не правда ли? Его голова полна несбыточными планами. Бессмысленно рассматривать возможность атаки на наших друзей португальцев или на их Черный Корабль. Верить в этот вздор – что уже через год у меня будет четыре боевых корабля.

Мариико заколебалась.
– Если он говорит, что военно-морской флот будет, господин, то я верю, что это возможно.

– Невероятно, – горячо сказал Торанага, – но вы совершенно правы, он – наш козырь против других, он и его боевой корабль. Абсолютно немыслимо, но как заманчиво. Как сказал Оми: «Сейчас нам нужен этот иностранец, чтобы учиться у него». И еще много чего нужно узнать, особенно от него, да?

– Да.
– Пришло время открыть империю, Мариико-сан. Ишидо закроет ее плотно, как устрицу. Если бы я снова стал президентом Совета регентов, я бы заключил договора со всеми государствами, если только они дружественные. Я бы посылал наших людей учиться у других народов, посылал бы послов. Королева, правящая мужчинами, была бы хорошим почином. К королеве я послал бы женщину-посла, если бы нашел достаточно умную и

хитрую.

– Она должна быть очень смелой и очень умной, господин.

– Да. Это будет опасное путешествие.

– Все путешествия опасны, – сказала Марико.

– Да, – Торанага переключился на другую тему. – Если Анджин-сан уплывет со своим кораблем, набитым золотом, вернется ли он обратно? Сам, по своей воле.

Спустя некоторое время она сказала:

– Я не знаю.

Торанага решил не давить на нее сейчас.

– Благодарю вас, Марико-сан, – сказал он дружески, отпуская ее, – я хочу, чтобы вы присутствовали на собрании, переводили то, что я скажу, для Анджин-сана.

– Все, господин?

– Да. И сегодня вечером, когда вы войдете в Чайный Домик покупать контракт Кику, возьмите с собой Анджин-сана. Прикажите его наложнице сделать все, что полагается. Он нуждается в поощрении, так ведь?

– Хай.

Когда она уже была у седзи, Торанага сказал:

– Как только появится связь между Ишидо и мною, вы получите развод.

Ее рука замерла на перегородке, она слегка кивнула благодаря, но не оглянулась. И закрыла за собой дверь.

Торанага несколько мгновений сидел, наблюдая за дымом благовоний в курительнице, потом встал и вышел в сад, чтобы зайти в уборную. Зажужжали москиты, Торанага рассеянно прихлопнул их рукой, продолжая думать о соколах и ястребах, зная, что даже самые большие соколы ошибаются, вот и Ишидо допустил ошибку, и Кири, и Марико, и Оми, и даже Анджин-сан.

* * *

Сто пятьдесят офицеров расположились ровными рядами, впереди сидели Ябу, Оми и Бунтаро. Марико сидела на коленях сбоку, около Блэксорна. Торанага, сопровождаемый личными телохранителями, прошел и сел на отдельную подушку, лицом к остальным. Он ответил на их поклоны, потом кратко проинформировал их о содержании пришедшего сообщения и выложил им, в первый раз при всех, свой окончательный план военных действий. Он снова не упомянул о том, что касалось секретных и тщательно планируемых восстаний, и тот факт, что наступление будет вестись по северной, а не по южной прибрежной дороге. И, к общей радости, так как все его военачальники были довольны, что наконец наступил конец неопределенности, он сказал им, что, когда прекратятся дожди, он произнесет условные слова «Малиновое небо», которые и означают наступление. – Тем временем, я думаю, Ишидо незаконно соберет новый Совет регентов. Я ожидаю, что меня незаконно обвинят в предательстве и против меня объявят незаконно войну. – Он наклонился вперед, его левый кулак характерным жестом упирался в бедро, правая вцепилась в рукоятку меча. – Слушайте. Я подтверждаю свою верность завещанию Тайко и признаю своего племянника Яэмона как Квампаку и наследника Тайко. Мне не нужны другие земли, мне не нужны новые посты. Но если изменники нападут на меня, я должен буду защищаться. Если они обманут Его Императорское Высочество и попытаются взять власть в стране, мой долг защищать императора и изгнать дьявола. Так?

Его поддержал одобрительный гул. Боевые крики «Касиги!» и «Торанага!» из комнаты разнеслись по всей крепости, вызвав отголоски эха.

– Штурмовой полк будет готовиться к отправке на галерах в Эдо под командованием Тода Бунтаро-сана и заместителя Касиги Оми-сана в течение пяти дней. Господин Касиги Ябу, мобилизуйте Идзу и прикажите шести тысячам человек выступить к проходам на границе на случай, если изменник Икава Джикья устремится на юг, чтобы отрезать наши

линии коммуникаций. Когда кончится сезон дождей, Ишидо нападет на Кванто...

Оми, Ябу и Бунтаро молча согласились с мудростью Торанаги, решившего умолчать о принятом в этот день решении начать войну прямо сейчас, в дождливый сезон.

«Это вызовет большую сенсацию», – подумал про себя Оми, при мысли о войне во время сезона дождей.

– Наши ружья проложат нам путь, – с энтузиазмом сказал Ябу в этот день.

– Да, – согласился Оми, вовсе не уверенный в этом плане, но не зная, что предположить еще. – «Это сумасшествие, – сказал он себе, хотя и был польщен тем, что его назначили помощником командира. – Я не понимаю, как Торанага может быть уверен, что при северном варианте есть какой-то шанс на победу. Здесь нет ни единого шанса», – снова сказал он себе и стал слушать вполуха энергичные призывы Торанага, чтобы сосредоточиться еще раз на проблеме мести. – «Конечно, атака на Синано даст дюжину возможностей покончить с Ябу без риска для себя. Война, любая война будет ему на пользу, при условии, что война не будет проиграна...»

Потом он услышал, как Торанага говорит:

– Сегодня я чуть не погиб. Спасибо, Анджин-сан вытащил меня из-под земли. Это второй раз, может быть даже третий, когда он спас мне жизнь. Моя жизнь ничего не значит по сравнению с будущим моего рода, и кто скажет, жил бы я или погиб без его помощи? Но хотя это и есть Бусидо, вассал никогда не ожидает награды за свою службу, долг сюзерена время от времени оказывать ему благодеяния.

Среди общих восклицаний Торанага сказал:

– Анджин-сан, сядьте здесь! Марико-сан, вы тоже. Оми ревниво следил, как высокий человек поднялся и сел на колени на место, указанное Торанагой, рядом с ним. В это время в комнате не было ни одного человека, который не хотел бы оказаться на месте чужеземца.

– Анджин-сану дается надел земли близ рыбацкой деревушки Йокогама к югу от Эдо с доходом в две тысячи коку ежегодно, право набирать двести слуг-самураев, полные права самурая и хатамото дома Ёси-Торанага-нох-Миновара. Далее, он также получает десять лошадей, двадцать кимоно, вместе с полным боевым снаряжением для его вассалов – и ранг главного адмирала и кормчего Кванто, – Торанага подождал, пока Марико не кончила переводить, потом позвал: – Нага-сан!

Нага послушно принес Торанаге покрытый шелком сверток. Там была пара мечей – один короткий, второй боевой.

– Заметив, что земля поглотила мои мечи и что я не вооружен, Анджин-сан еще раз спустился в трещину, нашел там свой меч и отдал его мне. Анджин-сан, я в свою очередь возвращаю вам эти. Они сделаны великим мастером, Ёри-я. Помните, меч – душа самурая. Если он забывает или теряет его, он никогда не может быть прощен.

Сопровождаемый еще большими восклицаниями и особой завистью, Блэксорн принял мечи, поклонился, засунул мечи за пояс, потом поклонился снова.

– Благодарю вас, Торанага-сама. Вы оказали мне большую честь. Благодарю вас.

Он собрался уходить, но Торанага приказал ему остаться:

– Нет, садитесь здесь, рядом со мной, Анджин-сан. – Торанага посмотрел на воинственные, фанатичные лица своих офицеров.

«Глупцы, – хотелось крикнуть ему, – вы не понимаете, что война, независимо от того, начнется ли она сейчас или после сезона дождей, будет только большим бедствием? Любая война с Ишидо – Ошибой – Яэмоном и их нынешними союзниками должна кончиться гибелью всех моих армий, всех вас и уничтожением меня и моего рода? Разве вы не понимаете, что я не имею шансов, кроме как ждать и надеяться, что Ишидо сам себя погубит?»

Вместо этого он еще больше поддерживал их воинственный дух, так как ему было очень важно вывести врага из равновесия.

– Слушайте, самураи: скоро вы сможете доказать вашу преданность, каждый человек, как ваши предки доказали свою преданность. Я сокрошу Ишидо и всех его изменников, и

прежде всего Икаву Джикья. Я сейчас всем официально заявляю, что отдам все его земли, обе провинции – Суругу и Тотоми, стоимостью триста тысяч коку, моему преданному вассалу господину Касиги Ябу и подтверждаю право его и его рода как верховных владык этих областей и Идзу.

Оглушительные приветствия. Ябу вспыхнул от восторга.

Оми стучал по полу, крича как в экстазе. Теперь его награда будет безмерна, так как, по обычаю, наследник Ябу будет наследовать все его земли.

«Как убить Ябу, не дожидаясь войны?»

Тут его глаза обратились на Анджин-сана, который бурно выражал свое одобрение. «Почему бы Анджин-сану не сделать это за тебя?» – спросил он себя и громко рассмеялся от этой идиотской мысли. Бунтаро наклонился и похлопал его по плечу. Он был в хорошем настроении и, конечно, ничего не понял, а принял его смех как радость за Ябу.

– Скоро вы тоже получите столько земли, сколько заслуживаете, не так ли? – прокричал Бунтаро сквозь шум. – Вы тоже заслуживаете поощрения. Ваши советы и идеи очень ценны.

– Благодарю вас, Бунтаро-сан.

– Не беспокойтесь, мы пробьемся сквозь горы.

– Да, – Бунтаро был отчаянный боевой генерал, и Оми знал, что они хорошо подходят друг другу: Оми смелый стратег, Бунтаро бесстрашный в наступлении командир. Если кто-нибудь и сможет провести войска через горы, так это он.

Раздался еще один взрыв ликования, когда Торанага приказал принести sake, закончив официальную часть совещания.

Оми выпил свою чашку и проследил, как Блэксорн осушил свою. Он сидел в опрятном кимоно, правильно расположив мечи, и спокойно разговаривал с Марико. «Ты сильно переменился, Анджин-сан, с того первого дня, – подумал он довольно, – многие из твоих бредовых идей еще сидят в твоей голове, но ты уже стал почти цивилизованным».

– В чем дело, Оми-сан?

– Ничего, так, Бунтаро-сан...

– У вас такой вид, словно эта сунул вам свой зад под нос.

– Ничего такого – вовсе нет! Э, совсем наоборот. У меня рождается одна замечательная мысль. Выпьем! Эй, Цветок Персика, принеси еще sake, чашка господина Бунтаро пуста!

Глава Сороковая

– Мне приказано узнать, свободна ли Кику-сан сегодня вечером, – сказала Марико.

– Ох, простите, госпожа Тода, но я не уверена, – Дзэко, Мама-сан, сказала это с обворожительной улыбкой. – А можно спросить, уважаемый клиент хочет госпожу Кику на вечер, часть вечера или до утра, если она еще не занята?

Мама-сан была высокая элегантная женщина немногим более пятидесяти лет с очень милой улыбкой. Но она пила слишком много sake, ее сердце было гораздо старше ее, и она обладала носом, который мог учуять запах единственной серебряной монеты даже за пятьдесят ри.

Обе женщины сидели в комнате, примыкающей к личным апартаментам Торанаги и предоставленной Марико. Окна комнаты выходили в маленький садик, прилегающий к первой внутренней стене крепости. Опять шел дождь, капли его блестили в пламени свечей. Марико вежливо сказала:

– Это решит клиент. Может быть, можно уже сейчас условиться и оговорить все до конца.

– Извините, пожалуйста, меня, я не знаю, как долго она занята сегодня. Она пользуется большим успехом, госпожа Тода. Вы понимаете меня?

– О, да, конечно. Нам действительно очень повезло, что госпожа таких достоинств сейчас здесь в Анджино, – Марико сделала акцент на «Анджино». Она послала за Дзэко,

выполняя распоряжение Торанаги. Нужно было сразу поставить ее на место, но ей не хотелось быть слишком грубой, и Марико была рада возможности вступить в борьбу с таким достойным соперником.

– Чайный Домик сильно поврежден? – спросила она.

– Нет, к счастью, чайная посуда и одежда не пострадала, хотя починить крышу и восстановить садовый домик будет стоить небольшого состояния. И за скорость придется очень дорого заплатить.

– Да, это очень трудоемкое дело.

– Так важна спокойная обстановка, правда? Клиент, может быть, почтит нас в Чайном Домике? Или он хочет, чтобы Кику-сан посетила его здесь, если она будет свободна?

Марико сжала губы, обдумывая: – В Чайном Домике.

– Ах, со дес! – На самом деле Маму-сан звали Хейкойси – Первая Дочь Строителя Стен. Ее отец и дед были специалистами по изготовлению садовых стен. В течение многих лет она была куртизанкой в Мисиме, столице Идзу, достигнув звания куртизанки второго класса. Но ей улыбнулись боги, и благодаря подаркам своего благодетеля она, имея острый деловой ум, скопила достаточно денег, чтобы выкупить свой контракт и в удобный момент стать хозяйкой нескольких женщин со своим Чайным Домиком, когда уже нужно стремиться иметь не красивое тело, а бойкий ум, которым судьба наградила ее. Теперь она называла себя Дзекко-сан, госпожа Удача. Когда она была начинающей куртизанкой четырнадцати лет, ей дали имя Тсукайко – госпожа Укротительница Змей. Ее владелец объяснил ей, что некий орган у мужчин может быть уподоблен змее, что змея – это удача, и что если бы она смогла стать укротителем в этом смысле, то могла бы очень преуспевать. Это имя могло также развеселить клиентов, а смех был важен в этом деле. Дзекко никогда не забывала о смехе.

– Саке, Дзекко-сан?

– Спасибо, госпожа Тода.

Служанка налила саке, и Марико отпустила ее. Некоторое время они молча пили саке, потом Марико снова наполнила чашечки.

– Какая милая керамика. Такая элегантная, – сказала Дзекко.

– Что вы, она совсем простая. Я прошу прощения, что мы пользуемся ею.

– Если бы я смогла освободить ее, пять кобанов⁹ было бы приемлемо?

– Извините, может быть, я выразилась недостаточно ясно? Я не хочу покупать весь Чайный Домик в Мисиме, только услуги госпожи в течение одного вечера.

Дзекко засмеялась:

– Ах, госпожа Тода, вы, как всегда, остроумны. Но могу ли я вам сказать, что Кику-сан – куртизанка первого класса. Гильдия присвоила ей это звание в прошлом году.

– Конечно, я уверена, что этот класс ею заслужен, даже в Киото, но, конечно, вы пошутили, простите.

Дзекко проглотила грубость, готовую сорваться с ее языка и добродушно улыбнулась:

– К сожалению, я должна возмещать убытки клиентов, которые уже записались к ней. Бедный ребенок, у нее пострадали четыре кимоно, когда водой заливали огонь. Трудные времена настали, госпожа, я уверена, вы понимаете. Пять – не слишком много.

– Конечно, нет. Пять было бы достаточно в Киото, за неделю пьянки с двумя госпожами первого класса. Но сейчас не обычные времена и надо делать скидку. Полкобана. Саке, Дзекко-сан?

– Спасибо, спасибо. Саке отличного качества. Еще одну чашечку, если можно, потом все. Если Кику-сан не свободна в этот вечер, я буду рада предоставить вам одну из других дам – может быть Акеко. Или, может быть, вас устроит другой день? Скажем, послезавтра?

Марико ответила не сразу. Пять кобанов было слишком дорого – столько платят за известных куртизанок первого класса в Эдо. Полкобана для Кику было более чем достаточно. Марико знала цены на куртизанок, так как Бунтаро пользовался их услугами

время от времени и даже купил контракт одной из них, а она должна была оплачивать счета, которые, конечно, шли прямо к ней. Глаза Марики следили за Дзекко. Женщина спокойно потягивала sake, рука ее не дрожала.

– Может быть, – сказала Марики, – но я думаю, что ни другая дама, ни следующий вечер... Нет, если сегодня вечером нельзя будет, я боюсь, что послезавтра будет слишком поздно. Что касается других дам... – Марики улыбнулась и пожала плечами.

Дзекко печально поставила свою чашку.

– Я слышала, что наши славные самураи оставляют нас. Какая жалость! Ночи здесь так приятны. В Мисиме у нас нет такого морского бриза, как здесь у вас. Я буду жалеть, когда тоже уеду отсюда.

– Может быть, один кобан. Если эта встреча будет удачна, я бы хотела обсудить, сколько может стоить ее контракт.

– Ее контракт!

– Да. Сакэ?

– Спасибо. Контракт – ее контракт? Ну, это другое дело. Пять тысяч коку.

– Это невозможно!

– Да, – согласилась Дзекко, – но Кики-сан мне как дочь, даже больше, чем моя собственная дочь. Я воспитываю ее с шести лет. Она самая подготовленная дама Ивового Мира во всем Идзу. О, я знаю, в Эдо больше дам, более мудрых, более светских, но это только потому, что Кики-сан не имела достаточных средств, чтобы общаться с людьми такого уровня. Но даже сейчас никто не может равняться с ней в пении или игре на сямисэне. Клянусь в этом всеми богами. Год в Эдо с хорошим хозяином и возможность учиться, и она с успехом будет конкурировать с любой куртизанкой в империи. Пять тысяч коку – немного за такой цветок. – Пот бусинками покрыл ее лоб. – Вы должны извинить меня, но я никогда не думала о продаже ее контракта. Ей только восемнадцать лет, само совершенство, единственная госпожа первого класса, которой мне повезло руководить. Я на самом деле даже не думала о том, чтобы я могла продать когда-нибудь ее контракт, даже за упомянутую цену. Я, наверное, передумаю и не продам его даже за эти деньги, так что извините. Может быть, мы сможем обсудить этот вопрос завтра. Потерять Кики-сан? Мою маленькую Кики-сан? – Слезы собрались в углах ее глаз, и Марики подумала: «Если это настоящие слезы, тогда, Дзекко, вы никогда не раскроетесь навстречу Великолепному Песту».

– Извините. Сигата га най, нех? – вежливо сказала Марики и не стала мешать ей стонать и плакать, каждый раз снова наполняя ее чашку. «Сколько же на самом деле стоит контракт, – спрашивала она себя, – пять тысяч коку было безумно много. Это зависит от интереса мужчины, который сам не выступает в данном случае. Конечно, это не господин Торанага. Для кого покупают контракт? Оми? Возможно. Но зачем Торанага примешал сюда Анджин-сана?»

– Вы согласны, Анджин-сан? – спросила она его с нервным смехом, среди галдящих пьяных офицеров.

– Вы говорите, господин Торанага заказал для меня даму? Часть моей награды?

– Да. Кики-сан. Вам трудно будет отказаться. Я... мне приказано переводить.

– Приказано?

– О, я буду счастлива перевести для вас. Но, Анджин-сан, вам на самом деле нельзя отказаться. Это будет ужасно невежливо после стольких почестей, правда? – Она подшучивала над ним, не боясь его, такого гордого и восхищенного невероятным великодушием Торанаги. – Пожалуйста, соглашайтесь, я никогда не заглядывала внутрь Чайного Домика до сих пор – я хочу посмотреть сама и поговорить с настоящей дамой Ивового Мира.

– Что?

– О, они называют это такими словами, потому что предполагается, что они грациозны, как ивы. Иногда это Плавающий Мир, потому что они напоминают лилии, плавающие в озере. Ну давайте, Анджин-сан, пожалуйста, соглашайтесь.

– А что скажет Бунтаро-сама?

– О, он знает, что я договаривалась для вас. Это официальная просьба господина Торанаги. Ну, давайте! Пожалуйста! – Тут она перешла на латынь, радуясь, – что никто больше в Анджино не говорит на этом языке. – Есть еще одна причина, о которой я скажу тебе позднее.

– Скажи мне сейчас.

– Позже. Но согласись с удовольствием. Потому что я прошу тебя.

– Ты – как я могу отказать тебе?

– Но с удовольствием. Это должно быть с удовольствием. Обещай!

– Со смехом. Я обещаю. Я попытаюсь. Я не обещаю тебе ничего другого, кроме того, что я постараюсь изо всех сил.

После этого она и ушла, чтобы обо всем договориться.

– Ох, я прямо в смятении при самой мысли о том, чтобы продать контракт моей красавицы, – стонала Дзэко. – Да, спасибо, еще немного sake, потом я действительно должна уходить, – она выпила чашку sake и устало протянула ее, чтобы снова наполнить. – Давайте договоримся на двух кобанах за этот вечер – только из-за моего желания сделать приятное даме таких достоинств.

– Один. Если это подходит, может быть, мы могли бы поговорить о контракте сегодня вечером, в Чайном Домике. Извините, что я так спешу, но время, вы понимаете... – Мариико неопределенно показала рукой в сторону комнаты, где собрались офицеры – дела государства... вы понимаете, Дзэко-сан.

– О, да, госпожа Тода, конечно, – Дзэко начала вставать, – мы сойдемся на одном кобане с половиной за вечер? Хорошо, тогда давайте...

– Один.

– Ох-ко, госпожа, половина – только видимость и вряд ли стоит вести о нем разговор, – Дзэко всхлипнула и возблагодарила богов за свою сообразительность, сохраняя притворную муку на своем лице... Полтора кобана были втрое больше обычной платы. Но особенно ценно было то, что это первое приглашение от настоящей знати Японии, за которой она охотилась, ради которой она с радостью посоветовала бы Кику-сан делать все бесплатно. – Клянусь всеми богами, госпожа Тода, я сдаюсь на вашу милость, кобан с половиной. Пожалуйста, подумайте еще о других моих питомцах, которых надо было одевать и учить годами и кормить много лет. Они не столь дороги, как Кику-сан, но которых надо лелеять, как и ее.

– Один кобан золотом, завтра. Идет?

Дзэко подняла фарфоровую бутылочку и налила две чашки. Одну она предложила Мариико, другую осушила и тут же снова ее наполнила.

– Один, – сказала она, чуть не подавившись.

– Благодарю вас, вы так добры и так заботливы. Да, времена сейчас трудные, – Мариико с удовольствием посасывала sake, – Анджин-сан и я скоро придем в Чайный Домик.

– А? Что вы сказали?

– Что Анджин-сан и я вскоре придем в Чайный Домик. Я буду переводить для него.

* * *

– Чужеземец? – задыхнулась Кику.

– Чужеземец. И он будет здесь очень скоро, если мы его не остановим – с этой самой жестокой, самой прожорливой гарпией, которую я когда-либо встречала в своей жизни. Может быть, в своем следующем рождении она будет проституткой пятнадцатого сорта для анального секса.

Несмотря на свой страх, Кику бурно рассмеялась:

– Ох, Мама-сан, пожалуйста, не волнуйтесь так сильно! Она кажется такой приятной госпожой, и к тому же целый кобан – вы действительно провели удачную сделку! Ну-ну, мы

теряем время. Сначала немного sake, чтобы убрать все ваши душевные огорчения. Ако, быстро, как колибри! Ако исчезла.

– Да, клиент – Анджин-сан, – Дзекo чуть не задохнулась. Кику обмахнула ее веером, а Хана, маленькая девочка-ученица, тоже обмахивала ее и держала у ее носа благовония.

– Я думала, она торговалась для господина Бунтарo – или самого господина Торанаги. Конечно, когда она сказала про Анджин-сана, я спросила ее сразу же, почему этим занимается она, а не его наложница госпожа Фудзико, как требуют этого правила хорошего тона, но все, что она сказала, что его госпожа очень страдает от ожогов, а ей приказал переговорить со мной сам господин Торанага.

– О! О, как я была бы счастлива служить самому великому господину.

– Ты будешь, дитя мое, ты будешь, если мы все хорошо продумаем. Но чужеземец! Что подумают все наши клиенты? Что они скажут? Конечно, я оставила все нерешенным, сказала госпоже Тоде, что я не знаю, свободна ли ты, так что можно еще отказаться, никого не обидев.

– Что могут сказать другие клиенты? Это приказал господин Торанага. Ничего нельзя сделать, не так ли? – Кику скрывала свой страх.

– О, ты можешь легко отказаться. Но ты должна поторопиться, Кику-чан. Ох-ко, мне нужно быть поумней – я должна была отказаться.

– Не беспокойтесь, Дзекo-сама. Все будет хорошо. Но мы должны все четко продумать. Это большой риск, не так ли?

– Да. Очень.

– Мы не сможем отказаться, если мы его примем.

– Да, я знаю.

– Посоветуйте мне что-нибудь.

– Я не могу, Кику-чан. Я чувствую, я попала в ловушку ками. Это ты должна решить.

Кику взвесила все минусы, потом все плюсы.

– Давайте рискнем. Примем его. В конце концов он самурай и хатамото и любимый вассал господина Торанаги. Не забывайте, что сказал прорицатель: что я помогу вам стать богатой и известной на века. Я молюсь о том, чтобы мне было позволено сделать что-нибудь, чтобы отплатить за всю вашу доброту.

Дзекo ласково потрепала волосы Кику:

– Ох, дитя, ты так добра, спасибо, спасибо. Да, я думаю, это разумно. Я согласна. Пусть он посетит нас, – она любовно ущипнула ее за щеку. – Ты всегда была моей любимицей! Но я бы потребовала двойную плату, если бы знала, что это иноземный адмирал.

– Но мы и получили вдвое больше, Мама-сан.

– Мы должны были получить втрое больше!.

Кику похлопала Дзекo по руке:

– Не беспокойтесь – это начало вашего везенья.

– Да, это верно, что Анджин-сан не обычный чужеземец, а самурай и хатамото. Госпожа Тода сказала мне, что ему дан надел в две тысячи коку, и он сделан адмиралом всех кораблей Торанаги, он моется каждый день, как цивилизованный человек, и больше не воняет...

Чуть слышно появилась Ако и налила вино, не пролив ни капли. Четыре чашки исчезли одна за другой. Дзекo почувствовала себя лучше.

– Сегодняшняя ночь должна быть прекрасной. Если это приказал господин Торанага, конечно, это должно быть исполнено. Он не приказал бы этого лично, если бы это не было важно для него самого, да? И Анджин-сан действительно как дайме. Две тысячи коку в год – клянусь всеми ками, нам очень повезло! Кику-сан, слушай! – Она придвинулась ближе, Ако тоже и смотрела во все глаза. – Я спросила госпожу Тода, так как она говорит на их противном языке, не знает ли она каких-нибудь обычаев или способов, рассказов или песен, поз, танцев, приспособлений или возбуждающих средств, которые предпочитает Анджин-сан.

– Ах, это было бы очень полезно, – сказала Кику, испугавшись, что она согласилась, и жалея, что у нее не хватило ума отказаться.

– Она не сказала мне ничего! Она говорит на их языке, но ничего не знает об их любовных приемах. Я спросила ее, не спрашивала ли она у него об этом, и она сказала, что да, спрашивала, но он ничего не рассказал, – Дзекко поведала о том происшествии в Осацком замке. – Можете вообразить, как это показалось мне странно!

– По крайней мере, мы знаем, что ему не надо предлагать мальчиков – это уже что-то.

– Кроме того, во всем его доме есть только одна служанка, с которой он имел дело!

– У нас есть время послать за ней?

– Я сходила к ней сама. Прямо из крепости. Даже месячное жалованье не открыло ей рта, глупая, маленькая, упрямая дрянь!

– Она была подходящей для этого?

– О, да, в качестве неподготовленной служанки-любительницы. Все, что она смогла сказать, что господин был сильный как мужчина, не тяжелый, что любил ее долго в самом обычном положении. И что он весьма одарен в этом смысле.

– Это не очень-то нам помогает, Мама-сан.

– Я знаю. Может быть, лучше всего – все приготовить заранее, на всякий случай, да? Все.

– Да. Я только должна быть очень осторожной. Очень важно, чтобы все было хорошо. Это будет очень трудно – если не невозможно, – правильно принять его, если я не смогу разговаривать с ним.

– Госпожа Тода сказала, что она будет переводить.

– О, как мило с ее стороны. Это очень поможет, хотя, конечно, не совсем то, что нужно.

– Да-да. Еще sake, Ако – грациозно, дитя, грациозно. Но Кику-сан, вы куртизанка первого класса. Импровизируйте. Этот адмирал-чужеземец сегодня спас жизнь господину Торананге и сидит рядом с ним. Наше будущее зависит от тебя! Я знаю, ты все проведешь красиво! Ако!

– Да, хозяйка!

– Проверь, чтобы все было в порядке. О цветах не беспокойся. Я сама займусь цветами! И повар, где повар? – она потрепала Кику по колену. – Надень золотое кимоно, а под него зеленое. Сегодня вечером мы должны поразить госпожу Тода. – Она выскочила, чтобы начать приводить дом в порядок, все дамы, служанки и воспитанницы весело суетились, чистили и помогали убираться, гордые таким событием в их доме.

Когда все было устроено, порядок работы других девушек установлен, Дзекко прошла в свою комнату и на минуту прилегла, чтобы собраться с силами. Она не сказала Кику о предложении насчет контракта.

«Я посмотрю и подожду, – подумала она. – Если я смогу добиться того, что хочу, тогда, может быть, я позволю моей милой Кику уйти. Но не прежде, чем я узнаю, к кому. Я довольна, что догадалась выяснить все у госпожи Тода. Почему ты плачешь, глупая старуха? Ты опять пьяна? Подумай о себе! Чем тебе плохо?»

– Хана-чан!

– Да, Мама-сама? – ребенок бегом кинулся к ней. Всего лишь шести лет от роду, с большими коричневыми глазами и длинными красивыми волосами, девочка носила новое кимоно из ярко-красного шелка. Дзекко купила ее два дня назад через местного торговца детьми и Муру.

– Как тебе нравится твое новое имя, детка?

– О, очень, очень нравится. Я рада, Мама-сама! Имя означало – Маленький Цветок, и Дзекко дала ей это имя еще в самый первый день. – Я теперь буду твоей матерью, – добродушно, но твердо сказала ей она в самый первый день, когда расплатилась и вступила в свои права, удивляясь, что будущая красotka родилась у такой грубой рыбачки, как колоннообразная жена Тамасаки. После четырех дней бурной торговли она заплатила кобан за услуги девочки, пока она не достигнет возраста двадцати лет, на эти деньги семья

Тамасаки могла прокормиться в течение двух лет.

– Принеси мне зеленого чая, гребень и немного ароматных чайных листьев, чтобы отбить запах саке.

– Да, Мама-сама, – она, не глядя, почти не дыша, бросилась бежать, стремясь угодить, и запуталась в тончайших юбках Кику, стоящей у дверей.

– Ох, ох, ох, извинитесь...

– Ты должна быть осторожней, Хана-чан.

– Извините, извините, старшая сестрица, – Хана-чан чуть не расплакалась.

– Почему ты так печальна. Маленький Цветок? Ну-ну, – сказала Кику, заботливо вытирая ей слезы. – В этом доме мы отбросили всю печаль. Помни, мы из Ивового Мира, мы никогда не грустим, дитя, зачем нам это? Грусть всегда рядом со слезами. Наша обязанность – радовать и быть веселыми. Бегай, дитя, но осторожно, осторожно, будь грациозной. – Кику повернулась и показалась пожилой женщине: – Нравится, хозяйка?

* * *

Блэксорн посмотрел на нее и пробормотал:

– Аллилуйя!

– Это Кику-сан, – церемонно сказала Марико, довольная реакцией Блэксорна.

Девушка вошла в комнату, шурша шелком, стала на колени и поклонилась, сказав что-то, чего Блэксорн не понял.

– Она говорит, что вам здесь рады, что вы оказали честь этому дому.

– Домо, – сказал он.

– До итасемасите. Саке, Анджин-сан? – сказала Кику.

– Хай, домо.

Он следил, как ее изумительные руки безошибочно нашли бутылочку, проверили, достаточно ли она подогрета, потом налили в чашку, которую он поднял и протянул к ней, как ему показывала Марико, причем сделал это так грациозно, что сам удивился.

– Вы обещаете, что будете вести себя как японец, да? – спросила Марико, когда они вышли из крепости, и она села в паланкин, а он пошел рядом вниз по дороге, которая вела к деревне и площади перед морем. Факельщики шли впереди и сзади. Десять самураев шли с ними в качестве почетной стражи.

– Во-первых, забудьте, что вы должны что-то делать, и только помните, что эта ночь – единственно для вашего удовольствия.

«Сегодня лучший день в моей жизни, – думал он. – А вечер, что будет за вечер сегодня?» – Он был возбужден вызовом и решил попытаться быть настоящим японцем, всем наслаждаться и не смущаться.

– А сколько... сколько этот вечер стоит? – спросил он.

– Это вопрос не японца, Анджин-сан, – сделала она ему замечание. – Какая разница? Фудзико-сан согласилась, что договор нормальный.

Он видел Фудзико перед тем, как ушел. Доктор посетил ее, сделал перевязку и дал целебных трав. Она была горда оказанными ему почестями и новым наделом и весело поговорила с ним, не показывая боли, радуясь, что он идет в Чайный Домик. Конечно, Марико-сан консультировалась с ней и все было оговорено. Как жаль, что она так пострадала и сама не может обо всем договориться. Он пожал Фудзико руку, довольный ею. Она поблагодарила его, извинилась еще раз и отпустила, надеясь, что он проведет замечательный вечер.

Дзекко и служанка церемонно встретили их у ворот Чайного Домика, чтобы поприветствовать.

– Это Дзекко-сан, она здесь Мама-сан.

– Я так польщена, Анджин-сан, так польщена.

– Мама-сан? Вы имеете в виду мама? Мать? В Англии то же самое, Марико-сан. Мама

– мамми – мать.

– Ох! Это почти одно и то же, но, простите, «Мама-сан» означает «сводная мать» или «приемная мать», Анджин-сан. Мать – «хаха-сан» или «оба-сан».

В этот момент Дзекко извинилась и убежала. Блэксорн улыбнулся Марику. Она была похожа на ребенка, рассматривающего что-то новое.

– Ох, Анджин-сан, я всегда хотела посмотреть изнутри одно из таких мест. Мужчинам так везет! Разве здесь не красиво? Разве не изумительно, даже в такой маленькой деревушке? Дзекко-сан должна была все это оговорить с плотниками! Поглядите, какое здесь дерево и – о, вы так добры, что позволили мне пойти с вами. У меня никогда не будет другой такой возможности... посмотрите на цветы... что за аранжировка... и, о, выгляните в сад...

Блэксорн был очень рад и сожалел, что в комнате была еще служанка и дверь в седзи открыта, так как даже здесь, в Чайном Домике, было неразумно и смертельно опасно для Марики оказаться с ним в одной комнате.

– Ты красивая, – сказал он по-латыни.

– И ты, – ее лицо светилось. – Я очень горжусь тобой, адмирал флота. И Фудзико – о, она была так горда, что едва смогла улежать на месте!

– Ее ожоги, видимо, очень опасны.

– Не беспокойся. Доктора очень опытные, она молодая, сильная и жизнестойкая. Сегодня вечером выброшу все из головы. Никаких больше вопросов об Ишидо или Икаве Джихья, битвах, паролях, наделах или кораблях. Сегодня вечером никаких забот – тебя ждут только чудеса.

– Для меня чудо – это ты.

Она стала обмахиваться веером, налила вина и ничего не сказала. Он наблюдал за ней, потом они вместе одновременно улыбнулись.

– Так как мы здесь не одни, а языки длинные, мы все-таки должны быть осторожны. Но я так счастлива за тебя, – сказала она.

– Послушай, а какая другая причина? Ты сказала, что есть еще причина, почему ты хотела, чтобы я был здесь сегодня вечером?

– Ах, да, другая причина, – его окутал тот же знакомый запах духов. – У нас есть древний обычай, Анджин-сан. Когда женщина принадлежит кому-то, а заботится о другом и хочет дать ему что-то такое, что запрещено давать, тогда она договаривается с другой, занимающей ее место, – как подарок, – самой лучшей куртизанкой, которую она может нанять.

– Вы сказали – когда женщина заботится о ком-то еще. Вы имели в виду «любит»?

– Да. Но только на этот вечер.

– Ты.

– Я, Анджин-сан.

– Почему ты сказала сегодня вечером, Марики-сан, почему не раньше?

– Сегодня волшебная ночь, и kami пришли к нам. Я хочу тебя.

В это время в дверях появилась Кику.

– Аллилуйя! – Ее поприветствовали и налили саке.

– Как мне сказать, что госпожа очень красива? Марики объяснила ему, и он повторил эти слова. Девушка весело засмеялась, принимая комплимент, и ответила на него.

– Кику-сан спрашивает, не желаете ли вы, чтобы она спела или станцевала для вас?

– Ты что предпочитаешь?

– Эта госпожа здесь для твоего удовольствия, самурай, не для моего.

– А ты? Ты здесь также для моего удовольствия?

– Да, некоторым образом – очень конфиденциально.

– Тогда, пожалуйста, попроси ее спеть.

Кику тихонько хлопнула в ладоши, и Ако принесла сямисэн. Это был длинный инструмент, по форме напоминающий гитару с тремя струнами. Ако приняла на полу нужную позу и подала Кику плектр из слоновой кости.

Кику сказала:

– Госпожа Тода, пожалуйста, скажите нашему почетному гостю, что сначала я спою «Песню стрекозы».

– Кику-сан, я почти за честь, если сегодня вечером здесь вы будете звать меня Марику-сан.

– Вы слишком добры ко мне, госпожа. Пожалуйста, извините меня. Мне не следовало быть такой невежливой.

– Пожалуйста.

– Я постараюсь, если вам будет приятно, хотя... – ее улыбка была прелестна. – Благодарю вас, Марику-сама.

Она тронула струну. С того момента, как гости прошли в ворота их дома, все ее чувства обострились. Она тайком следила за ними, и пока они были с Дзэко-сан, и когда остались одни, думая, как можно угодить ему или поразить госпожу Тода. Она не была готова к тому, что скоро сделалось очевидным:

Анджин-сан явно желал госпожу Тода, хотя он и скрывал это, как скрывал бы любой цивилизованный человек. Это само по себе было не удивительно, так как госпожа Тода была необыкновенно красивая и утонченная дама и, что самое важное, она одна могла разговаривать с ним. Что удивило ее, так это то, что госпожа Тода желала его так же, если не больше.

«Чужеземец самурай и госпожа тоже самурай, дочь аристократа убийцы Акечи Дзинсаи, жена господина Бунтаро! Эээээ! Бедные мои! Как печально. Конечно, это кончится трагедией».

Кику почувствовала, что готова заплакать при мысли о печалях жизни, ее тяжести. «О, как я хотела бы родиться самураем, а не крестьянкой, так чтобы я могла стать даже наложницей Оми-самы, а не просто временной игрушкой. Я бы с радостью отдала за это надежду на вторую жизнь. Отбрось печаль. Дари людям удовольствие, это твой долг».

Ее пальцы тронули вторую струну, струну, наполненную печалью. Тут она заметила, что, хотя Марику была увлечена ее игрой, Анджин-сана она не заинтересовала.

Почему? Кику знала, что дело было не в ее игре, так как она была уверена, что игра почти совершенна. Такое мастерство, как у нее, было дано немногим.

Третий, более красивый, аккорд, на пробу. «Ясно, – сказала она себе тут же, – его это не радует». Она позволила аккорду замереть и начала петь без аккомпанемента, ее голос метался, неожиданно меняя темп. Она училась этому годы. Марику опять была поражена, он – нет, так что Кику снова остановилась.

– Сегодняшний вечер не для музыки или пения, – заявила она. – Это вечер для счастья. Марику-сан, как мне сказать на их языке: «Пожалуйста, извините меня»?

– Пер фавор.

– Пер фавор, Анджин-сан, сегодня вечером мы должны только смеяться, да?

– Домо, Кику-сан. Хай.

– Трудно общаться без слов, но не невозможно, да? Ах, я знаю! – Она прыжком вскочила на ноги и начала изображать комические пантомимы – дайме, носильщика, рыбака, уличного торговца, чванливого самурая, даже старого крестьянина, и она делала это настолько хорошо, с таким чувством юмора, что Марику и Блэксон сразу же начали смеяться и хлопать в ладоши. Потом она подняла руку, стала с озорством изображать, как мужчина мочится, держа член в руках или отпуская его, схватывает, удивляется его малой величине или недоверчиво взвешивает в руках, во всякую пору своей жизни, начиная с ребенка, который только мочит постель и хнычет, потом спешащего молодого человека, потом еще одного, убирающего его, потом другого – с большим, потом еще одного с таким маленьким, до точки «откуда все идет», и, наконец, до очень старого человека, стонущего в экстазе от того, что вообще может помочиться.

Кику поклонилась на их аплодисменты и отпила чаю, смахивая капли пота со лба. Она заметила, что он поводит плечами и спиной, пытаясь облегчить боль:

– Ох, пер фавор, сеньор! – стала на колени за его спиной и начала массировать ему шею.

Ее умелые пальцы сразу нашли точки, принесшие ему облегчение.

– О, боже мой... это... хай... как раз там!

Она прошлась пальцами там, куда он указал:

– Вашей шее скоро будет лучше. Слишком много сидели, Анджин-сан!

– Очень хорошо, Кику-сан. Вы почти превзошли Суво!

– Ах, спасибо. Марико-сан, у Анджин-сана такие большие плечи, вы мне не поможете? Просто поработайте с его левым плечом, пока я займусь правым? Извините, но мои руки недостаточно сильны.

Марико позволила себя уговорить. Кику спрятала улыбку, когда он возбудился под пальцами Марико, и была рада своей изобретательности. Теперь клиент был доволен благодаря ее искусству и знаниям и им стало возможно управлять, как это и должно быть.

– Теперь лучше, Анджин-сан?

– Хорошо, очень хорошо, спасибо.

– О, я рада за вас. Мне это приятно. Но госпожа Тода намного искусней в этом деле, чем я, – Кику чувствовала, что они симпатизируют друг другу, хотя и пытаются это скрыть. – Теперь, может быть, немного поедим? – Еду тут же принесли.

– Для вас, Анджин-сан, – гордо сказала она. На блюде лежал небольшой фазан, нарезанный на мелкие кусочки, зажаренный на открытом огне, он был полит сладким соевым соусом. Она положила Блэксорну.

– Превосходно, превосходно! – сказал он. И это была правда.

– Марико-сан?

– Спасибо, – Марико взяла маленький кусочек, но не съела его.

Кику взяла кусочек своими палочками для еды и с удовольствием пожевала:

– Хорошо, правда?

– Да, Кику-сан, это превосходно! Прекрасно.

– Анджин-сан, возьмите еще, пожалуйста, – она взяла второй кусок, – здесь еще много.

– Спасибо. Как это делается – вот это? – он указал на густой коричневый соус.

Марико перевела для нее.

– Кику-сан говорит, что это сахар с соей и немного имбиря. Она спрашивает, в вашей стране есть сахар и соя?

– Сахар из свеклы делают, а сои нет. Кику-сан.

– О, как можно жить без сои? – Кику напустила на себя важность. – Пожалуйста, скажите Анджин-сану, что у нас сахар уже тысячу лет. Буддийский монах Гандзин привез его к нам из Китая. Все лучшее к нам пришло из Китая, Анджин-сан. Чай мы стали пить около пятисот лет назад. Буддийский монах Еисей принес несколько семян и посадил их в провинции Чихузен, где я родилась. Он также дал нам Дзен-Буддизм.

Марико перевела с такой же официальностью. Тут Кику расхохоталась:

– Ох, извините, Марико-сама, но вы оба выглядите такими серьезными. Я и притворилась такой важной с этим чаем – как будто это имеет значение. Я только хотела развлечь вас.

Они наблюдали, как Блэксорн справился с фазаном,

– Вкусно, – сказал он. – Очень вкусно. Пожалуйста, поблагодарите Дзэко-сан.

– Она будет польщена, – Кику налила им обоим еще чаю. Потом, зная, что наступил удобный момент, она невинно спросила:

– Можно у вас спросить, что случилось сегодня во время землетрясения? Я слышала, что Анджин-сан спас жизнь господину Торанаге? Я сочла бы за честь услышать это из первых уст.

Она терпеливо слушала, позволив Блэксорну и Марико наслаждаться рассказом, добавляя «ох» или «а что же дальше?» или наливая sake, не прерывая, как идеальный слушатель.

И когда они кончили, Кику восхитилась их смелостью и тем, как повезло господину Торанаге. Они поговорили еще немного, потом Блэксорн встал и служанке велели показать ему дорогу.

Марико нарушила молчание:

– Вы никогда не ели мяса до этого, Кику-сан, правда?

– Это моя обязанность – делать то, что будет ему приятно, только и всего, правда?

– Я никогда не догадывалась, как совершенна может быть дама. Я теперь понимаю, почему всегда должны быть Плавающий Мир, Ивовый Мир и как счастливы мужчины, и как плоха была я.

– О, это не было моей целью, Марико-сама. Мы здесь только для удовольствий, на короткое время.

– Да. Я восхищена вами. Мне хотелось бы быть вашей сестрой.

Кику поклонилась:

– Я недостойна такой чести.

Они ощутили, как между ними рождаются теплые чувства. Потом она сказала:

– Это очень потаенное место, можно довериться, здесь нет подглядывающих глаз. Комната для удовольствий в саду очень темная, если кому-нибудь требуется темнота. И тьма скроет все секреты.

– Единственный способ сохранить секрет – это быть одной и шептать под пустой стеной в глухую полночь, не так ли? – небрежно бросила Марико, выгадывая время, чтобы принять решение.

– Между сестрами не нужны стены. Я отпустила служанку до утра. Наша комната для удовольствий – очень уединенное место.

– Вы должны быть с ним одна.

– Я всегда могу быть одна, всегда.

– Вы так добры ко мне, Кику-сан, так предусмотрительны.

– Это волшебная ночь, да? И совершенно особенная.

– Волшебные ночи слишком скоро кончаются, сестричка. Волшебные ночи для детей, правда? Я не ребенок.

– Кто знает, что случится волшебной ночью? Темнота скрывает все.

Марико печально покачала головой и нежно коснулась Кику:

– Да. Но для него, если она вмещает вас, это уже достаточно.

Кику отступилась. Потом она сказала:

– Я – подарок для Анджин-сана? Он не сам попросился ко мне?

– Если он видел вас, как он мог не просить вас? Честно говоря, для него большая честь, что вы принимаете его. Я сейчас это поняла.

– Но он видел меня всего один раз, Марико-сан. Я стояла рядом с Оми-саном, когда он подходил к кораблю, чтобы плыть первый раз в Осаку.

– О, но Анджин-сан говорил, что он видел Мидори-сан около Оми-сана. Это были вы? Около паланкина?

– Да, на площади. О, да, это была я, Марико-сан, а не госпожа Мидори, жена Оми-самы. Он сказал мне: «Конити ва». Но, конечно, он не запомнил. Как он мог запомнить? Это было в прошлой жизни, да?

– О, он помнил красивую девушку с зеленым зонтиком. Он сказал, это самая красивая девушка, какую он когда-либо видел. Он говорил мне об этом много раз. – Марико внимательно посмотрела на нее. – Да, Кику-сан, вас легко было спутать тогда, под зонтиком.

Кику налила sake, и Марико была зачарована ее непринужденной элегантностью.

– Мой зонтик был цвета морской воды, – сказала она, очень довольная тем, что он помнил.

– Как тогда выглядел Анджин-сан? Совсем иначе? Ночь Стонов должна была пройти ужасно.

– Да, это так. И он тогда казался старше, кожа на лице напряжена... Но мы стали

слишком серьезны, старшая сестра. Ах, вы не знаете, как я польщена тем, что вы мне позволили так себя называть. Сегодня ночь только для удовольствий. Не надо больше серьезных вещей, да?

– Да, согласна.

– Теперь, возвращаясь к более простым вещам, вы не будете добры дать мне несколько советов?

– Пожалуйста, – сказала Мариико дружеским тоном.

– Скажите, может быть, люди его национальности при сексе предпочитают какие-нибудь приспособления или позы, вы что-нибудь знаете об этом? Извините меня, пожалуйста, но может быть, вы могли бы мне что-то подсказать.

Мариико потребовалась вся выдержка, чтобы оставаться спокойной.

– Нет, этого я не знаю. Анджин-сан очень стыдлив во всем, что касается секса.

– Его можно спросить как-нибудь окольным путем?

– Не думаю, что вы можете спросить об этом иностранца. Только, не Анджин-сана. И, извините, я не знаю, что это за приспособления, за исключением, конечно, харигаты.

– А! – интуиция Кику снова не подвела ее, и она спросила невинно: – Вы не хотели бы посмотреть их? Я могла бы показать вам их все, может быть, вместе с ним, тогда его не нужно будет спрашивать. Мы можем понять по его реакции.

Мариико заколебалась, любопытство пересилило ее убеждения.

– Если бы это можно было сделать как бы шутя...

Они услышали, как возвращается Блэксорн. Кику встретила его и налила вина. Мариико осушила свою чашку, радуясь, что она больше не одна, ей было нелегко сознавать, что Кику могла читать ее мысли.

Они болтали, играли в глупые игры, а потом, когда Кику сочла, что наступило подходящее время, она спросила, не хотели бы они поглядеть сад и комнаты для удовольствий.

Они вышли в ночной сад. Дорожка петляла вокруг маленького прудика и журчащего водопада. В конце тропинки в центре бамбуковой рощицы стоял маленький домик. Он поднимался над ухоженной лужайкой, к окружающей его веранде вели четыре ступеньки. Убранство двухкомнатного жилища было очень изысканное и отличалось большим вкусом. Красное дерево, тонкая работа, мягчайшие татами, красивые шелковые подушки, самые элегантные драпировки в таконома.

– Так мило, Кику-сан, – сказала Мариико.

– Чайный Домик в Мисиме намного изысканней, Мариико-сан. Пожалуйста, располагайтесь поудобнее, Анджин-сан! Пер фавор, вам удобно, Анджин-сан?

– Да, очень удобно.

Кику видела, что он все еще был под впечатлением новых знаний и ощущений и немного пьян, но обращал внимание только на Мариико. Ей очень хотелось встать и пройти во внутреннюю комнату, где были разложены футоны, выйти на веранду и уйти. Но она знала, что если она так сделает, то это будет с ее стороны нарушением закона. Более того, она сознавала, что такой поступок будет безответственным, так как в глубине души она чувствовала, что Мариико почти уже приняла решение.

«Нет, – подумала она, – я не должна толкать ее на такой трагически неблагоприятный поступок, как бы это ни было важно для моего будущего. Я предложила, но Мариико-сан сама отказалась. Мудро. Они любовники? Не знаю. Это их карма».

Она наклонилась вперед и заговорщически засмеялась:

– Послушайте, старшая сестра, пожалуйста, скажите Анджин-сану, что у меня здесь есть некие штучки. В их стране они есть?

– Он говорит, нет, Кику-сан. Извините, он никогда не слышал о таких.

– О! Ему неинтересно будет посмотреть на них? Они в соседней комнате, я могу сходить за ними – они действительно очень возбуждают.

– Вам не хотелось бы посмотреть на них, Анджин-сан? Она говорит, они, правда, очень

забавные, – Марико умышленно изменила слово.

– Почему бы нет? – сказал Блэксорн, его горло сжалось, он весь был напряжен, чувствуя их запах и осозная их женственность. – Вы используете какие-то приспособления при сексе? – спросил он.

– Кику-сан говорит, иногда. Она говорит – и это верно, – что наш обычай – всегда стараться продлить момент «Облаков и Дождя», так как мы считаем, что в этот короткий момент мы, смертные, находимся вместе с нашими богами, – Марико следила за ним. – Так что очень важно заставить его длиться как можно дольше, правда?

– Да.

– Она знает, что быть наедине с богами очень важно. Это хорошее поверье, хотя, возможно, вы так не думаете. Чувство Ливня из Облаков такое неземное и божественное. Не так ли? Так что любыми средствами оставаться с богами как можно дольше наш долг, правда?

– Несомненно.

– Не хотите ли sake, Анджин-сан?

– Спасибо.

Она обмахнулась веером.

– Ливень из Облаков и Облака и Дождь, или Огонь и Поток, как мы иногда это называем, это очень по-японски, Анджин-сан. Очень важно быть японцем в вопросах секса, да?

К ее облегчению, он ухмыльнулся и поклонился ей, как придворный:

– Да, конечно. Я – японец, Марико-сан. Хонто!

Кику вернулась с обшитым шелком ящиком. Она открыла его и вынула внушительного размера пенис, вырезанный из слоновой кости, и другой, эластичный, из материала, которого Блэксорн никогда не видел. Она небрежно отставила их в сторону.

– Это, конечно, обычные харигата, Анджин-сан, – сказала Марико, не задумываясь, ее глаза были прикованы к другим предметам.

– Это... на самом деле? – спросил Блэксорн, не зная, что еще сказать, – Матерь Божья!

– Но это только обычные харигата, Анджин-сан. Конечно, у ваших женщин тоже они есть!

– Конечно, нет! Нет, у них их нет, – добавил он, пытаясь не терять чувства юмора.

Марико не могла поверить в это. Она объяснила Кику, которая была не менее удивлена. Кику что-то долго говорила, Марико соглашалась.

– Кику-сан кажется это очень странным. Я должна согласиться, Анджин-сан. Здесь почти каждая девушка пользуется ими для обычного облегчения, без всякой задней мысли. Как еще девушка может оставаться здоровой, если она ограничена в своих возможностях там, где нет мужчин? Вы уверены, Анджин-сан? Вы нас не обманываете?

– Нет – я, э, уверен, что наши женщины их не имеют. Это было бы, Боже мой, это, ну, мы... они этого не имеют.

– Без них жизнь должна быть невероятно трудной. Мы говорим, что харигата подобен мужчине, но лучше его, потому что это точно как его лучшая часть, но без всего остального. Не так ли? И они также превосходны, потому что не все мужчины имеют такую силу, как харигата. Они нам преданы и никогда не устают от нас, как мужчины. Они могут быть какие угодно: грубые или мягкие – Анджин-сан, вы обещали, помните? Про юмор!

– Вы правы, – ухмыльнулся Блэксорн, – ей-богу, вы правы. Пожалуйста, извините меня, – он поднял харигата и внимательно рассмотрел его, невыразительно насвистывая. – Вы говорили, Учительница-сан, он может быть грубым?

– Да, – сказала она убежденно, – он может быть грубым или мягким, как вы пожелаете. Кроме того, харигата намного более вынослив, чем любой мужчина, и никогда не устают!

– О, это интересный факт!

– Да. Не забывайте, не каждой женщине повезло встретить сильного мужчину. Без помощи одной из этих штучек, удовлетворяющих обычные страсти, нормальная женщина

скоро теряет физическое равновесие, и это, конечно, нарушает ее настроение и тем вредит ей и ее окружению. Женщина не имеет той свободы, которую имеет мужчина – в большей или меньшей степени – и правильно, да? Мир принадлежит мужчинам, не так ли?

– Да, – он улыбнулся, – и одновременно нет.

– Извините, но мне жалко ваших женщин. Они ведь такие же, как и мы. Когда вернетесь домой, вы должны научить их, Анджин-сан. Ах, да, скажите королеве, она поймет. Мы очень чувствительны в вопросах секса.

– Я упомяну об этом Ее Величеству. – Блэксорн отложил харигата в сторону, сделав вид, что ему не хочется этого делать. – Что еще?

Кику вынула связку из четырех больших круглых бусин из белого нефрита, нанизанных через определенные промежутки на крепкую шелковую нить. Мариико внимательно слушала объяснения Кику, глаза ее раскрылись шире, чем когда-либо, веер замелькал. Когда Кику закончила, она с любопытством посмотрела на бусы:

– Ах, со дес! Ну, Анджин-сан, – твердо начала она, – эти бусы называются кономи-синзу, жемчужины наслаждения, и сеньор или сеньора могут одинаково пользоваться ими. Саке, Анджиин-сан?

– Спасибо.

– И женщина, и мужчина могут пользоваться ими, бусины аккуратно помещают в задний проход и потом, в момент Облаков и Дождя, бусины медленно, одну за другой, вытаскивают.

– Что?

– Да, – Мариико положила бусы перед ним на подушку, – госпожа Кику говорит, очень важно выбрать время, и всегда... Я не знаю, как вы это называете, ах, да, всегда надо использовать масляную смазку... для удобства, Анджин-сан, – она посмотрела на него и добавила, – она говорит также, что жемчужины наслаждения могут быть разных размеров и что если их правильно применять, они, правда, могут дать очень хороший результат.

Он шумно расхохотался и выразился по-английски:

– Ставлю бочонок дублонов против кучки свиного дерьма, что в это никто не поверит!

– Извините, я не поняла, Анджин-сан.

Когда он смог говорить, то произнес по-португальски:

– Я ставлю гору золота против травинки, Мариико-сан, что результат очень значительный на самом деле. – Он поднял бусы и внимательно их рассмотрел, не замечая, что насвистывает. – Жемчужины наслаждений, да? – Через минуту он отложил их. – Что там еще?

Кику была рада, что ее эксперимент удался. После этого она показала им химитсу-кава, секретную кожу:

– Это кольцо наслаждения, Анджин-сан, которое мужчина использует, чтобы поддерживать эрекцию, когда он устал. С ним, – говорила Кику, – мужчина может удовлетворять женщину, даже когда он прошел свой пик или его желание ушло. – Мариико следила за ним: – Не так ли?

– Абсолютно, – просиял Блэксорн, – господь Бог защищает меня от этого и от невозможности удовлетворить женщину. Пожалуйста, попросите Кику-сан купить мне три штуки – прямо в ящике!

Затем ему показали хиро-гумби, снаряжение для усталых, тонкие высушенные стебли растения, которые, если их намочить и обмотать вокруг Несравненного Песта, разбухали и делали его крепким на вид. Потом там были всякие стимулирующие средства – средства создавать или усиливать возбуждение, и всякие смазки – для увлажнения, для увеличения объема, для усиления.

– Никогда не ослабевает? – спросил он с еще большим весельем.

– О, нет, Анджин-сан, это неземное ощущение!

Затем Кику вынула другие кольца, которые используют мужчины: из слоновой кости или эластичные, шелковые кольца с шариками, щетинками, ленточками и расширениями и

отростками разных видов, сделанные из слоновой кости, конского волоса, семян или даже маленьких колокольчиков.

– Кику-сан говорит, что почти каждая из этих вещей превратит самую скромную даму в распутницу.

«О, Боже, как бы я хотел тебя, распутницу», – думал он.

– Но это только для мужчин, да? – спросил он вслух.

– Чем больше возбуждена госпожа, тем больше наслаждение мужчины, не так ли? – сказала Мариико. – Конечно, доставлять радость женщине – также долг мужчины. А с такими вещами, если он, к сожалению, слабый, старый, усталый, он все-таки может достаточно хорошо ее удовлетворить.

– Вы пользовались ими, Мариико-сан?

– Нет, Анджин-сан, я никогда не видела их раньше. Они предназначены не нам... жены не для удовольствия, их удел – растить детей и вести дом и хозяйство.

– Жены не ожидают, что их будут удовлетворять?

– Нет. Эти было бы необычно. Это для дам из Ивового Мира, – Мариико обмахнулась веером и объяснила Кику, что она сказала. – Она спрашивает, у вас то же самое? Долг мужчины доставлять удовольствие женщине, так же как ее долг доставлять удовольствие мужчине?

– Пожалуйста, скажите ей, что, к сожалению, у нас не так, а совсем наоборот.

– Она говорит, что это скверно. Еще sake?

– Переведите ей, что мы приучены стыдиться наших тел, секса, наготы и... прочим всяким глупостям. Только пребывание здесь заставило меня понять это. Теперь я немного цивилизованнее и знаю больше.

Мариико перевела. Он осушил свою чашку. Кику немедленно наполнила ее снова, наклонившись вперед и придерживая длинный рукав левой рукой, так чтобы не коснуться низкого лакированного столика, пока правой она наливала sake.

– Домо.

– До итасимасите, Анджин-сан.

– Кику-сан говорит, что ваше мнение так много значит для нас. Я согласна с ней, Анджин-сан. Вы сегодня заставили меня почувствовать гордость за нас, японцев. Но, конечно, это совсем не так ужасно, как вы рассказываете.

– Это хуже. Это трудно понять, еще труднее объяснить, если вы никогда не жили там. Видите ли, на самом деле... – Блэксорн обратил внимание, как они смотрят на него, терпеливо ждут, одетые в яркие разноцветные одежды, такие милые и чистые, комната такая яркая и опрятная, уютная. Мысленно он стал сравнивать все это с его английским домом: солома на земляном полу, дым из открытого кирпичного очага, поднимающийся к отверстию в потолке; только три новых очага с трубами было тогда во всей его деревне, и то только в самых богатых домах. В коттедже две маленькие спальни и одна большая неопрятная комната, служившая кухней, столовой и гостиной одновременно. Ты входил в морских сапогах, летом и зимой, не замечая грязи, навоза, садился на стул или скамейку, дубовый стол был захламлен так же, как и комната, здесь же три или четыре собаки и двое детей – его сын и дочь его умершего брата Артура, ползающих, падающих и играющих на полу. Фелисите готовит, ее длинное платье волочится по грязи и соломе, служанка шмыгает носом и путается под ногами, а Мэри, жена Артура, кашляющая в соседней комнате, лежит при смерти, но никак не умрет.

Фелисите, милая моя Фелисите. Ванна раз в месяц, и то летом, в медном корыте. Но лицо, руки и ноги она моет каждый день. Фелисите, всегда прячущая тело до шеи и запястий, закутанная в толстые шерстяные одежды, которые не стираются месяцами или годами, воняющая, как все, искушенная вшами, как все, страдающая от чесотки.

И все глупые поверья и убеждения, что чистота может убить, что вода может вызвать простуду и принести чуму, открытые окна могут привести к смерти, что вши и блохи, мухи и грязь, и болезни – все это Божье наказание за грехи на земле.

Блохи, мухи, свежая солома каждую весну, но каждый день – в церковь, а в воскресенье дважды, чтобы выслушать Слово, вкладываемое в вас: ничто не важно, кроме Бога и спасения.

Рожденная в грехе, живущая в стыде, обреченная на жизнь в аду, вымаливающая прощение и спасение, Фелисите столь предана Богу и так полна страха перед ним и так стремится на Небо. Потом идет домой обедать. Снимает кусок мяса с вертела и, если он падает на пол, поднимает его, стирает грязь и ест, если собаки не успеют схватить первыми, но всегда бросает им кости. Отбросы все на полу, откуда выметаются и выбрасываются на дорогу. Спит чаще всего в том, в чем ходит днем, и чешется, как собака, все время чешется. Старее такой молодой и так безобразна уже в молодости, а умрет совсем молодой. Фелисите. Сейчас ей двадцать девять, поседела, осталось уже мало зубов, старая, морщинистая и худая.

– Раньше времени, бедняга. Боже мой, как бессмысленно, – выкрикнул он в ярости, – все уходит даром!

– Нан дес ка, Анджин-сан? – сказали сразу обе женщины, выражение их лиц изменилось.

– Извините... просто... вы такие чистые, а мы такие грязные и все так впустую, бесчисленные миллионы, многие поколения, я тоже, вся моя жизнь... и только потому, что мы не знаем ничего лучше! Боже мой, как безнадежно! Эти священники – они образованные люди и наши учителя, ведут все обучение, всегда во имя Бога, грязь во имя Бога... Это правда!

– О, да, конечно, – успокаивающе сказала Марико, тронутая его страданием, – ради Бога, не расстраивайтесь так сейчас, Анджин-сан. Вот завтра...

Кику улыбалась, но была очень недовольна собой. «Тебе следовало быть более осторожней, – сказала она себе. – Какая глупость, глупость! Ты нужна Марико-сан! Теперь ты позволила загубить вечер, и все волшебство ушло, ушло, ушло!»

Действительно, тяжелое, почти осязаемое желание, захватившее их всех, исчезло. «Может быть, это как раз и хорошо, – подумала она. – По крайней мере Марико и Анджин-сан будут благоразумны еще одну ночь. Бедные, бедные. Так печально». Она смотрела, как они разговаривали, потом почувствовала, что в их тоне что-то изменилось.

– Сейчас я должна уйти от тебя, – сказала Марико на латыни.

– Давай уйдем вместе.

– Я прошу тебя остаться. Ради тебя и ее. И меня, Анджин-сан.

– Я не хочу этого подарка, – сказал он, – я хочу тебя.

– Я принадлежу тебе, Анджин-сан. Пожалуйста, оставайся, я умоляю тебя, и знай, что сегодня ночью я твоя.

Он не настаивал на том, чтобы она осталась.

* * *

После ее ухода он лег на спину, положил руки под голову и стал смотреть в окно на ночной сад. Дождь хлестал по черепице, с моря порывами долетал легкий ветерок.

Кику неподвижно сидела около него на коленях. Ноги у нее онемели. Ей тоже хотелось лечь и вытянуть ноги, но она не хотела отвлекать его ни малейшим движением. «Ты не устала. Твои ноги не болят. Слушай дождь и думай о приятных вещах. Думай об Оми-сане и Чайном Домике в Мисиме, и что ты жива, и что вчерашнее землетрясение было только очередным землетрясением. Думай о Торанаге-саме и невероятно высокой цене, которую в самом начале потребовала за твой контракт Дзекко-сан. Прорицатель был прав, это твоя счастливая карта, она сделает тебя такой богатой, что тебе и не снилось. А если эта часть предсказания верна, почему должно быть неверным все остальное? В один прекрасный день ты выйдешь замуж за самурая, родишь ему сына, ты будешь жить долго и умрешь в старости, в своем доме, в богатстве и почете, и, что вообще чудо из чудес, твой сын будет

расти достойно – самураем, как и его сыновья».

Кику просияла при мыслях о своем невероятном, замечательном будущем.

Спустя какое-то время Блэксорн с наслаждением потянулся, чувствуя приятную усталость. Он увидел ее и улыбнулся.

– Нан дес ка, Анджин-сан?

Он мягко покачал головой, встал и открыл седзи в следующую комнату. Служанки здесь не было. Он и Кику в этом роскошном маленьком жилище были одни.

Блэксорн вошел в спальню и начал снимать кимоно. Она поспешила помочь ему. Он полностью разделся, потом надел легкое шелковое спальное кимоно, которое Кику держала перед ним. Она заботливо приподняла перед ним москитную сетку, под которую он и лег.

После этого переоделась и сама Кику. Он смотрел, как она сняла оби и верхнее кимоно, нижнее кимоно бледно-зеленого цвета с ярко-красным обрамлением и, наконец, нижнюю рубашку. Потом она надела спальное кимоно персикового цвета, сняла искусно сделанный парик и освободила свои волосы. Они были иссиня-черного цвета и очень длинные.

Затем присела около москитной сетки снаружи полога:

– Дозо, Анджин-сан?

– Домо, – сказал он.

– Домо аригато годзиемасита, – прошептала она.

Кику проскользнула под сетку и легла рядом с ним. Ярко светили свечи и масляные лампы. Он был рад свету, она была такая красивая.

Его отчаянное желание исчезло, хотя боль и осталась. «Я не хочу тебя, Кику-сан, – подумал он. – Даже если бы ты была Марико, даже если бы ты была самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, еще более красивая, чем Мидори-сан, которая, я думаю, прекраснее любой богини. Я не хочу тебя. Позже, может быть, но не сейчас, извини».

Ее рука поднялась и дотронулась до него:

– Досо?

– Ие, – мягко ответил он, покачав головой. Он подержал ее руку, потом просунул свою руку под ее плечи. Она послушно устроилась около него, сразу все поняв. Ее духи смешались с ароматом простыней и футонов. «Так чисто, – подумал он, – такая невероятная чистота».

– Что сказал тогда Родригес? «Японское небо на земле, англичанин, если ты знаешь, куда смотреть» или «Это рай, англичанин»? Я не помню. Я только знаю, что это не там, за морем, как я думал.

Небо здесь, на земле.

Глава Сорок Первая

Гонец галопом промчался в темноте в сторону спящей деревни. Небо слегка окрасил рассвет, только что возвратились рыбацьи лодки, ставившие сети около отмелей. Он мчался без остановки из Мисимы через горные перевалы по плохим дорогам, меняя лошадей в каждом месте, где они только были.

Его лошадь прогрохотала копытами по улицам деревни – теперь за ним повсюду тайком уже следили – через площадь и вверх по дороге к крепости. На его знамени был вензель Торанаги, он знал пароль. Тем не менее, его четыре раза останавливали и проверяли, прежде чем разрешили войти и встретиться с начальником охраны.

– Срочное известие из Мисимы, Нага-сан, от господина Хиро-Мацу.

Нага взял свиток и заторопился во внутренние помещения. У седзи с усиленной охраной он остановился:

– Отец?

– Да?

Нага отодвинул дверь и ждал. Меч Торанаги скользнул обратно в ножны. Один из часовых принес масляную лампу.

Торанага сел под своей москитной сеткой и сломал печать. Две недели назад он приказал Хиро-Мацу во главе отборного полка выступить к замку Мисима, на Хоккайдской дороге, который охранял путь к перевалам, ведущим через горы к городам

Атами и Одавара на севере. Миную Одавара, нельзя было занять Кванто.

Хиро-Мацу писал: «Господин, ваш двоюродный брат Затаки, властелин Синано, прибыл сюда вчера из Осаки. Он просит обеспечить безопасный проезд его на встречу с вами в Анджино. Он едет с официальным поручением, в сопровождении сотни самураев и телохранителей под знаменем «нового» Совета регентов. Я должен сказать вам, что новости госпожи Киритсубо верны. Затаки оказался изменником и открыто заявил о своей верности Ишидо. Чего она не знала – что Затаки теперь регент вместо господина Судзиямы. Он показал мне свой официальный документ о назначении, по всем правилам заверенный Ишидо, Кийямой, Оноши и Ито. Все, что я мог сделать, – это удержать моих людей при его слишком высокомерном поведении и выполнить ваши приказы пропускать любого посланца со стороны Ишидо. Я хотел сразу убить этого говноеда. Вместе с ним едет чужеземный священник Тсукку-сан, который прибыл морем в порт Нумадзу из Нагасаки. Он просил разрешения повидать вас, поэтому я отправил его с этой партией. Их сопровождают две сотни моих людей. Все они через два дня придут в Анджино. Когда вы вернетесь в Эдо? Мне стало известно, что Джикия тайно проводит мобилизацию и что из Эдо прибывает все больше самураев из северных кланов, готовых перейти к Ишидо именно сейчас, когда против вас Затаки Синано. Я прошу вас сразу же оставить Анджино – отступить морем».

Торанага ударил кулаком по полу.

– Нага-сан, сходи за Бунтаро-саном, Ябу-саном и Оми-саном, попроси тотчас же явиться сюда.

Все собрались очень быстро. Торанага прочитал им послание.

– Нам лучше отменить все учения. Пошлите мушкетный полк, всех до одного человека, в горы. Нельзя, чтобы что-то стало известно.

Оми сказал:

– Прошу извинить меня, господин, но обдумайте возможность встретить всю эту партию в горах. Скажем, в Ёкосе. Пригласите господина Затаки, – он осторожно выбрал этот титул, – полечиться на минеральных водах одного из тамошних курортов, но встречу проведите в Ёкосе. После того как он передаст письмо, он и все его люди могут быть отправлены обратно и препровождены до границы или уничтожены, как вам будет угодно.

– Я не знаю Ёкосе.

Ябу важно произнес:

– Это красивое место, почти в центре Идзу, господин, среди гор, в долине. Рядом с рекой Кано. Кано течет на север и в конце концов, пройдя через Мисиму и Нумадзу, впадает в море. Ёкосе стоит на перекрестке дорог. Это хорошее место для встречи, господин. Курорт Чузензи – один из лучших. Вам следует посетить его, господин. Я думаю, Оми-сан подал превосходную мысль.

– А мы там сможем устроить оборону?

Оми быстро ответил:

– Да, господин. Там есть мост. Склон горы очень крутой. Все нападающие вынуждены будут продвигаться по извилистой дороге. Оба перевала легко блокировать небольшими силами. Засады против вас устроить невозможно. У нас более чем достаточно бойцов для вашей защиты, и можно перебить их людей вдесятеро против наших – если возникнет необходимость.

– Мы уничтожим их в любом случае, да? – с презрением спросил Бунтаро, – Но лучше там, чем здесь. Господин, пожалуйста, позвольте мне обеспечить безопасность этого места. Пятьсот лучников, ни одного с мушкетом – все на лошадях. С теми, что послал мой отец, нас будет более чем достаточно.

Торанага сверился с числами на письме.

– Когда они доберутся до Ёкосе?

Ябу посмотрел на Оми:

– Самое раннее сегодня вечером. Вероятно, завтра до рассвета.

– Бунтаро-сан, выезжайте тотчас же, – сказал Торанага. – Задержите их в Ёкосе, но не давайте им переправиться через реку. Я выеду завтра на рассвете еще с одной сотней людей. Мы будем там к полудню. Ябу-сан, вы берете на себя командование мушкетным полком на это время и обеспечиваете безопасность нашего отъезда. Устройте засаду на Хейкавской дороге у перевала, тогда мы сможем вернуться по ней, если возникнет необходимость.

Бунтаро направился к выходу, но остановился, когда Ябу с трудом проговорил:

– Какая может быть измена, господин? У них только сто человек.

– Я предвижу ее. Господин Затаки не сунется сюда, не имея какого-то плана, так как, конечно, я его арестую, если смогу, – сказал Торанага. – Если он не сможет вести своих фанатиков, нам будет намного легче пройти через горы. Но почему он всем рискует? Почему?

Оми осторожно сказал:

– Может быть, он снова собирается стать вашим союзником?

Они все знали о давнем соперничестве между сводными братьями. До сих пор оно было дружеским.

– Нет. Он – нет. Я никогда не доверял ему и раньше. А кто доверится ему теперь?

Все замотали головами. Ябу сказал:

– Конечно, он не представляет для вас никакой угрозы. Господин Затаки регент, да, но он только посланец, не так ли?

«Глупец, – хотел крикнуть ему Торанага, – неужели ты ничего не понимаешь?» Вслух он сказал:

– Мы скоро узнаем. Бунтаро-сан, выезжайте сразу же.

– Да, господин. Я тщательно выберу место для встречи, но не подпущу его ближе, чем на десять шагов. Я был с ним в Корее. Он слишком хорошо владеет мечом.

– Действуйте.

Бунтаро заторопился. Ябу сказал:

– Может быть, Затаки удастся склонить на нашу сторону – какими-нибудь подарками? На что он может клюнуть? Даже если не он будет командовать войсками. Синайские горы очень трудны для продвижения.

– Наживка очевидна, – сказал Торанага. – Кванто. Разве это не то, чего он хочет, чего всегда хотел? Разве это не то, чего жаждут все мои враги? Не то, чего желает сам Ишидо?

Ответа не последовало. Он был не нужен.

Торанага серьезно сказал:

– Мой Будда нам поможет. Мир, которого добился Тайко, кончился. Начинается война.

* * *

Уши моряка Блэксорна уловили тревогу в приближающемся цокоте копыт. Опасность. Он мгновенно очнулся от сна, готовый действовать, все его чувства напряглись. Копыта простучали мимо дома, потом цоканье удалилось вверх по холму в сторону крепости, и снова наступила тишина.

Он ждал. Звуков эскорта за ним не слышалось. «Возможно, одинокий гонец, – подумал он. – Откуда? Уже война?»

Приближался рассвет. Теперь Блэксорн уже мог видеть край неба. Оно было облачным, дождливым, воздух теплый с привкусом соли, время от времени ветерок колебал полог, снаружи которого слабо жужжали москиты. Он был рад, что находится внутри, в безопасности хотя бы в этот момент. «Радуйся миру и покою, пока они еще есть», – сказал он себе.

Кику спала возле него, свернувшись как котенок. Во сне она казалась ему еще более красивой. Он осторожно расслабился под стеганым одеялом на татами.

«Так намного лучше, чем на кровати. Лучше, чем на любой койке – Боже мой, да намного лучше! Но скоро снова на корабль. Скоро предстоит нападение на Черный Корабль. Я думаю, Торанага согласился, хотя он и не сказал об этом напрямую. Разве он не дал согласия на свой японский манер? Ничего и никогда не решится в Японии, если только не использовать японские приемы. Да, это так.

Я хотел быть лучше информированным. Разве он не приказал Марикио все переводить и разъяснять все их политические проблемы? Мне были нужны деньги, чтобы нанять новую команду. Разве он не дал мне новую команду? Я просил две или три сотни пиратов. Разве он не дал мне две сотни самураев со всем вооружением и всем, что мне нужно? Будут ли они повиноваться мне? Конечно. Он сделал меня самураем и хатамото. Так что они будут подчиняться мне до самой смерти, и я поведу их на свой корабль, «Эразмус», они станут моей абордажной командой и я пошлю их в атаку.

Мне невероятно повезло! У меня есть все, что я хочу. Кроме Марикио. Но я имею даже и ее. У меня в сердце ее любовь. И я обладал ее телом прошлой ночью, волшебной ночью, которой никогда не было. Мы любили без физической близости. Это совсем другое.

Между мной и Кику не любовь, просто желание. Для меня это было прекрасно. Надеюсь, что для нее тоже. Я пытался всеми силами быть японцем и выполнить свой долг, угодить ей, как она угодила мне».

Он вспомнил, как надевал кольцо наслаждений. Он чувствовал себя очень неуклюжим, стеснялся, отвернулся, чтобы надеть его, пораженный тем, что его силы иссякли, но оказалось, что это не так. И когда наконец кольцо оказалось на месте, они опять занялись любовью.

Ее тело содрогалось, изгибалось, и ее дрожь вознесла его на такую высоту, о которой он даже не подозревал.

Потом, когда он снова смог дышать, он начал хохотать, и она прошептала: «Почему ты смеешься?» А он ответил: «Не знаю, за исключением того, что ты сделала меня счастливым».

«Я никогда не смеялся в такой момент, никогда раньше. Я не люблю Кику-сан – я ее ласкаю. Я люблю Марикио-сан безоговорочно, и мне очень нравится Фудзико-сан.

А стал бы ты заниматься любовью с Фудзико? Нет. По крайней мере, думаю, что не мог бы.

Разве это не твой долг? Если тебе присвоили все привилегии самурая, ты требуешь, чтобы все другие обращались с тобой как с самураем во всем, что бы это ни значило, ты принимаешь всю ответственность и обязанности, не так ли? Это только честно и все? И почетно, да? Твой долг дать Фудзико сына

А Фелисите. Что сказала бы она?

А когда ты уплывешь, что будет с Фудзико и Марикио? Ты действительно вернешься сюда, несмотря на рыцарский титул и большие почести, к которым тебя наверняка представят, если ты прибудешь нагруженный сокровищами? Поплывешь ли ты еще раз в эти враждебные глубины, чтобы быть раздавленным леденящим ужасом пролива Магеллана, чтобы выдерживать штормы, цингу, бунты на корабле в течение шестисот девяноста восьми дней, чтобы во второй раз пристать к этому берегу? Снова выдержишь такую жизнь?

Решай!»

Потом он вспомнил, что сказала ему Марикио: «Стать японцем, Анджин-сан, вы должны, чтобы выжить. Делайте то же, что делаем мы, подчиняйтесь гармонии кармы, не стыдясь этого. Будьте в согласии с силами, которые не зависят от вас. Раскладывайте все по отдельным местам и уступите «ва», гармонии жизни. Не сопротивляйтесь, Анджин-сан, карма есть карма».

«Да, я решу, когда придет время. Сначала я должен собрать команду. Потом я захвачу Черный Корабль. Затем я преодолею расстояние в половину пути вокруг света, чтобы попасть в Англию. После я куплю и снаряжу корабли. И потом я буду решать. Карма есть карма».

Кику заворочалась, потом поглубже закуталась в одеяла, придвинувшись к нему

поближе. Он чувствовал тепло ее тела через шелк их кимоно и возбуждился.

– Анджин-сан, – пробормотала она, все еще не просыпаясь.

– Хай?

Но он не разбудил ее. Он довольствовался тем, что убаюкал ее и оставил в покое, восхищенный блаженством, которое дало ему обладание ею. Но перед тем, как заснуть, он поблагодарил Марику за то, чему она научила его.

* * *

– Да, Оми-сама, конечно, – сказала Дзекко. – Я схожу за Анджин-саном сейчас же. Ако, пошли со мной, – Дзекко послала Ако за чаем, потом заторопилась в сад, соображая, какие такие важные новости доставил прискакавший ночью гонец. «И почему Оми сегодня такой странный? – спросила она себя. – Почему такой надменный, грубый? И почему он пришел сам из-за такого пустяка? Почему не прислал кого-нибудь из самураев?

Ах, кто знает? Оми – мужчина. Разве мы можем понять их, особенно самураев? Но что-то не так. Не принес ли гонец объявление войны? Думаю, что да. Пусть будет война, она никогда не повредит нашему делу. Дайте и самураи все так же будут нуждаться в наших услугах – во время войны даже больше, а на войне деньги меньше значат для них, чем когда-либо. Все хорошо».

Она улыбнулась про себя: «Вспомни военные дни сорок с лишним лет назад, когда тебе было семнадцать, и старого пьяницу из Мисимы? Помнишь тот смех, и любовь, и славные ночи, переходящие в дни. Вспомни, как обслуживала самого Лысого Старика, отца Ябу, приятного пожилого мужчину, который любил варить преступников, как и его сын? Вспомни, как много тебе пришлось стараться, чтобы ублажить его, – в отличие от его сына! – Дзекко хихикнула. – Мы наслаждались три дня и три ночи, потом он на год стал моим хозяином. Хорошие времена – отличный мужчина. О, как мы наслаждались!

Война или мир – неважно! Сигата га наи? Достаточно вложено у ростовщиков, купцов, немного там, немного здесь. Потом фабрика sake в Одоваре, Чайный Домик в Мисиме процветает, а сегодня господин Торанага хотел купить контракт Кику!

Да, наступают интересные времена и какая фантастическая была прошлая ночь. Кику была прекрасна, вспышка Анджин-сана огорчительна. Кику совершила потом удивительный ход, как лучшая куртизанка страны. И после, когда госпожа Тода ушла, искусство Кику сделало все прекрасным, и ночь прошла в блаженстве.

Ах, мужчины и женщины. Как они предсказуемы. Особенно мужчины.

Всегда дети. Пустые, трудные, ужасные, нетерпеливые, слабые, противные, очень редко изумительные – но все рождены с одной все искупающей особенностью, которую мы в нашем деле называем Нефритовый Стержень, Черепашья Головка, Кипящий Ствол, Мужской Толкатель или просто Кусок Мяса. Как оскорбительно! И все-таки как правильно!»

Дзекко хихикнула и в десятитысячный раз спросила себя, клянясь всеми богами, живыми, мертвыми и теми, которые еще только должны родиться, что бы мы делали в этом мире без этого Куска Мяса?

Она снова ускорила шаг, стук ее подошв слышен был достаточно далеко, чтобы возвестить о ее приходе. Она взобралась по отполированным кедровым ступеням, очень осторожно постучала.

– Анджин-сан, Анджин-сан, извините, но господин Торанага послал за вами. Вам приказано сразу же вернуться в крепость.

– Что? Что вы говорите?

Она произнесла то же самое более простыми словами.

– А! Понятно! Хорошо, я буду там очень скоро, – услышала она, как говорит он со своим смешным акцентом.

– Извините, пожалуйста, меня. Кику-сан?

– Да, Мама-сан? – Через мгновение седзи открылись. Кику улыбнулась ей, она была в

облегающем кимоно, с растрепанными волосами: – Доброе утро, Мама-сан, надеюсь вы видели хорошие сны?

– Да, да благодарю вас. Кику-сан, не желаете ли свежего зеленого чаю?

– Ох! – улыбка Кику сразу исчезла. Это было условное предложение, которое Дзэко могла свободно использовать в любой обстановке, оно извещало Кику, что пришел ее самый важный клиент, Оми-сан. Кику всегда могла закончить свой рассказ, или песню, или танец побыстрее, чтобы пойти к Оми-сану, если ей этого хотелось. Кику спала очень с немногими, хотя и обслуживала значительное количество самураев – если они платили. Только некоторые могли получить от нее все услуги.

– Ну так что? – настойчиво спросила Дзэко.

– Ничего, Мама-сан. Анджин-сан, – весело позвала Кику, – простите, а вы не хотите чаю?

– Да, пожалуй.

– Сейчас принесут, – сказала Дзэко. – Ако! Поторопись, деточка.

– Да, хозяйка, – Ако принесла чай и две чашки на подносе, налила. Дзэко ушла, снова извинившись за беспокойство.

Кику сама подала чашку Блэксорну, тот жадно выпил, после этого она помогла ему одеться. Ако достала свежее кимоно и для нее. Кику была очень внимательна к Блэксорну, но вся поглощена мыслью о том, что скоро ей придется проводить Анджин-сана за ворота и раскланяться с ним, когда он будет уходить. Этой процедуры требовали хорошие манеры. Более того, это было ее привилегией и обязанностью. Только куртизанкам первого класса было разрешено выходить за порог, чтобы воспользоваться таким почетным правом, все другие должны были оставаться во дворе. С ее стороны было бы неразумно не закончить ночь так, как следует – это было бы ужасным оскорблением для гостя и все-таки...

Первый раз в своей жизни Кику не хотела кланяться гостю, провожая его перед другим гостем.

«Я не могу, только не Анджин-сан и не перед Оми-саном.

Почему? – спросила она себя, – потому что Анджин-сан иностранец, и ты стыдишься того, что весь мир узнает, что он тобой обладал? Нет. Вся Анджиро уже знает, а один мужчина похож на другого, большей частью. Этот мужчина самурай, хатамото, адмирал флота господина Торанаги! Нет, ничего подобного.

Что тогда? Наверное, то, что ночью я устыдилась того, как его опозорил Оми-сан. Нам всем было стыдно. Оми-сан никогда не должен был делать этого. Анджин-сан заклеимен, и мои пальцы, казалось, чувствовали клеймо через шелк его кимоно. Я сгорала от стыда за него, хорошего человека, с которым этого делать не следовало.

И я тоже испачкана?

Нет, конечно, нет, просто стыдно перед ним. И мне стыдно показать это Оми-сану».

Потом она услышала, как Мама-сан снова говорит:

– Дитя, дитя, оставь мужчинам их мужские дела. Смех – наше лекарство от них, от мира, богов и даже старости.

– Кику-сан?

– Да, Анджин-сан?

– Я сейчас ухожу.

– Да. Давайте выйдем вместе, – сказала она.

Он нежно взял ее лицо своими грубыми ладонями и поцеловал:

– Спасибо тебе. Не хватает слов для благодарности.

– Это мне следует благодарить вас. Пожалуйста, позвольте мне сделать это, Анджин-сан. Давайте сейчас выйдем вместе.

Она позволила Ако последний раз прикоснуться к своим волосам, оставив их распущенными, повязала пояс на свежем кимоно и вышла вместе с ним.

Кику шла рядом с ним, что было ее правом, в отличие от жены или наложницы, дочери или служанки, которые должны были идти на несколько шагов сзади. Он сразу положил

руку ей на плечо, и это ей не понравилось, так как они больше не были наедине в ее комнате. Потом у нее появилось внезапное ужасное предчувствие, что он поцелует ее при всех у ворот – это, как говорила Марико, было обычаем у чужеземцев. «О, Будда, пусть этого не случится», – подумала она, чуть не упав в обморок от испуга.

Его мечи лежали в приемной. По обычаю, все оружие оставалось под стражей, за пределами комнаты для удовольствий, чтобы избежать ссор со смертельным исходом между клиентами и чтобы не дать кому-нибудь из дам покончить с собой. Не все дамы Ивового Мира были счастливы или удачливы.

Блэксорн засунул мечи за пояс. Кику поклонилась ему через веранду, где он одевал свои сандалии, Дзэко и другие собрались, чтобы тоже поклониться почетному гостю. За воротами были деревенская площадь и море. Там слонялось много самураев, среди них был и Бунтаро. Кику не видела Оми, хотя и была уверена, что он откуда-нибудь наблюдает за ними.

Анджин-сан казался таким высоким, а она такой маленькой рядом с ним. Они пересекали двор, когда одновременно увидели Оми. Он стоял около ворот.

Блэксорн остановился:

– Доброе утро, Оми-сан, – сказал он ему как другу, не зная, что Оми и Кику были более, чем друзья. «Откуда он может это знать? – подумала она. – Никто не говорил ему – почему ему должны были сказать? И какое это имеет значение?»

– Доброе утро, Анджин-сан, – голос Оми тоже был дружелюбен, но она заметила, что его поклон был только обязательной вежливостью. Его угольно-черные глаза посмотрели на нее, она поклонилась, улыбнувшись своей безукоризненной улыбкой:

– Доброе утро, Оми-сан. Вы оказали честь нашему дому.

– Благодарю вас, Кику-сан.

Она чувствовала его изучающий взгляд, но притворилась, что ничего не замечает, и скромно опустила глаза. С веранды за ними наблюдали Дзэко, служанки и свободные куртизанки.

– Я иду в крепость, Оми-сан, – говорил Блэксорн. – Все в порядке?

– Да, господин Торанага послал за вами.

– Надеюсь, что мы скоро увидимся.

– Взаимно.

Кику подняла глаза. Оми все еще смотрел на нее. Она улыбнулась ему своей лучезарной улыбкой и посмотрела на Анджин-сана. Он внимательно следил за Оми, потом, чувствуя ее взгляд, повернулся к ней и улыбнулся. Улыбка показалась ей напряженной:

– Извините, Кику-сан, Оми-сан, я уже должен идти. Он поклонился Оми. Тот ответил. Он прошел в ворота. Едва дыша, она пошла за ним. Движение на площади прекратилось. В полной тишине она увидела, как он поворачивается, и в один ужасный момент она поняла, что он собирается обнять ее. Но, к ее огромному облегчению, он не сделал этого, а только остановился, ожидая, как и следовало поступить цивилизованному человеку.

Она поклонилась ему со всей нежностью, которую только смогла собрать в себе, глаза Оми впились в нее.

– Благодарю вас, Анджин-сан, – сказала она и улыбнулась ему одному. По площади пронесся вздох. – Благодарю вас, – потом добавила, как было принято: – Пожалуйста, навестите нас снова. Я буду считать минуты до нашей следующей встречи.

Он поклонился с нужной степенью небрежности, высокомерно зашагал крупными шагами, как и положено самураю его ранга. Тогда, так как он очень уважительно обращался с ней и чтобы отплатить Оми за его излишнюю холодность при поклоне, вместо того чтобы сразу же вернуться в дом, она осталась стоять на том же месте и следила, как уходит Анджин-сан, оказывая ему еще большее уважение. Она ждала, пока он не оказался у дальнего угла, и видела, как он оглянулся и махнул ей рукой. Кику поклонилась очень низко, польщенная всеобщим вниманием и притворяясь, что не замечает его. И только когда он действительно скрылся, она вернулась обратно. Гордая и очень элегантная. И пока не

закрылись ворота, все мужчины следили за ней, упиваясь ее красотой, завидуя Анджин-сану, который должен много значить для нее, если она так его провожает.

– Вы такая хорошенькая, – сказал Оми-сан.

– Я бы хотела, чтобы это было правдой, Оми-сан, – сказала она с улыбкой, менее лучистой, чем когда улыбалась Анджин-сану. – Хотите чаю, Оми-сама? Или позавтракать?

– С вами – да.

Дзэко со своим елеинным голосом тут же присоединилась к ним:

– Пожалуйста, извините меня за плохие манеры, Оми-сама. Не позавтракаете ли с нами? Или вы уже сыты?

– Нет, – пока нет, но я не голоден, – Оми взглянул на Кику в упор, – вы уже ели?

Дзэко решительно прервала его:

– Позвольте принести вам что-нибудь, что не будет слишком недостойно вас, Оми-сама. Кику-сан, когда вы переоденетесь, вы присоединитесь к нам, да?

– Конечно, прошу меня извинить, Оми-сама, за появление в таком виде. Извините, – девушка выбежала, притворяясь счастливой, чего на самом деле она не чувствовала, Ако последовала за ней.

Оми сказал коротко:

– Я хотел бы провести с ней сегодняшний вечер.

– Конечно, Оми-сама, – ответила Дзэко с низким поклоном, тем не менее зная, что Кику будет занята:

– Вы окажете нам большую честь. Кику-сан счастлива, что вы оказываете ей милость.

* * *

– Три тысячи коку? – Торанага был возмущен.

– Да, господин, – сказала Марико. Они сидели на уединенной веранде в крепости. Дождь уже начался, но дневная жара еще не спала. Она чувствовала вялость, усталость и очень хотела, чтобы скорее пришла осенняя прохлада. – Извините, я не смогла больше торговаться с этой женщиной. Я говорила с ней почти до вечера. Извините, господин, но вы приказали мне заключить договор на прошлую ночь.

– Но три тысячи коку, Марико-сан! Это грабеж! – на самом деле Торанага был рад, что у него появилась новая проблема, которая немного отвлечет его от вставших перед ним вопросов. Христианский священник Тсукку-сан путешествует с Затаки, новоиспеченным регентом, что рождает новое беспокойство. Он проанализировал все маршруты нападения и отступления, каждый способ бегства, которые только можно было вообразить, и вывод был неутешителен: если Ишидо будет наступать быстро, он погиб.

«Я должен выиграть время. Но как?

Если бы я был Ишидо, я бы выступил сразу, не дожидаясь конца сезона дождей.

Я ставлю людей в то же положение, что и Тайко, когда я разгромил Беппу. Тот же самый план всегда будет выигрывать – это так просто! Ишидо не может быть так глуп, чтобы не видеть, что единственный реальный путь защитить Кванто – это завладеть Осакой и всеми землями между Эдо и Осакой. Поскольку в Осаке враги, Кванто в опасности. Тайко понимал это, почему еще он отдал ее мне? Без Кийямы, Оноши и чужеземных священников...»

Торанага с трудом отложил этот вопрос на завтра и целиком сконцентрировался на этой чудовищной сумме денег:

– Три тысячи коку! Это выходит за всякие рамки!

– Я согласна, господин. Вы абсолютно правы. Это целиком моя вина. Я даже думала, что и пять сотен будет слишком много, но эта женщина, Дзэко, не снизила цену. Хотя с ее стороны и была одна уступка.

– Что?

– Дзэко просила оказать ей честь, позволить снизить цену до двух тысяч пятисот коку, если вы окажете ей такую милость, согласившись повидаться с ней наедине.

– Мама-сан отдаст пятьсот коку, только чтобы поговорить со мной?

– Да, господин.

– Почему? – подозрительно спросил он.

– Она объяснила мне, в чем причина, господин, но покорнейше просила, чтобы ей было позволено рассказать все вам самой. Я считаю, что ее предложение заинтересует вас, господин. И пять сотен коку... было бы сэкономлено. Ужасно, что я не смогла добиться лучшего соглашения, даже хотя Кику-сан – куртизанка первого класса и полностью заслуживает этот статус. Я знаю, что я подвела вас.

– Согласен, – угрюмо сказал Торанага. – Даже тысячи было бы слишком много. Это Идзу, а не Киото!

– Вы совершенно правы, господин. Я сказала этой женщине, что ее цена так нелепа, что я сама не могу с ней согласиться, хотя вы и дали мне прямые указания завершить сделку в этот вечер. Я надеюсь, вы простите мне мое непослушание, но я сказала, что я бы сначала хотела проконсультироваться с уважаемой госпожой Касиги, матерью Оми-сана, а уж потом подтвердить эту сделку.

Торанага просиял, его собственные тревоги забылись:

– Ах, так вы еще окончательно не договорились?

– Да, господин. Ничего не было окончательно договорено, пока я не смогу проконсультироваться с госпожой. Я сказала, что дам ответ сегодня в полдень. Пожалуйста, извините мою инициативу.

– Вам следовало заключить сделку, как я приказал! – Торанага в глубине души был доволен, что Мариико так искусно дала ему возможность согласиться или не согласиться, не потеряв лица. Ему было неразумно самому отказываться от такого простого дела из-за денег.

– Но ох-ко, три тысячи коку... Вы говорите, контракт девушки будет стоить столько риса, что им возможно будет в течение трех лет кормить тысячу семей?

– Она стоит каждого зерна этого риса, они пойдут за нужного человека.

Торанага проникательно посмотрел на нее:

– О? Расскажите мне о ней и о том, что там произошло.

Она рассказала ему все – за исключением ее чувства к Анджин-сану и глубине его чувства к ней. И того, что предложила ей Кику.

– Хорошо. Да прекрасно. Это было очень умно – сказал Торанага. – Он должен был очень ублажить ее, чтобы она в первый раз так стояла у ворот. – Большая часть Анджири ждала этого момента, чтобы посмотреть, как будут вести себя эти двое – чужеземец и госпожа первого класса из Ивового Мира.

– Да.

– Ему стоило за это потратить три коку. Его слава побежит теперь впереди него.

– Да, – согласилась Мариико, меньше всего гордясь успехом Блэксорна. – Она исключительная дама, господин.

Торанага был удивлен уверенностью Мариико в ее сделке. Но пять сотен коку было более чем много. Это было почти столько, сколько зарабатывают Мамы-сан за всю жизнь, а тут одна из них уступает пять сотен...

– Стоит каждого зерна, вы говорите? Мне трудно в это поверить.

– Для соответствующего человека, господин. Я верю этому. Не мне судить, кто будет этим человеком. В это время раздался стук в седзи.

– Да?

– Анджин-сан у главных ворот, господин.

– Приведи его сюда.

– Слушаюсь, господин.

Торанага обмахнулся веером. Он украдкой следил за Мариико и видел, как сразу же посветлело ее лицо. Он специально не предупредил ее, что послал за ним.

«Что делать? Все, что планировалось, все еще действует. Но теперь мне нужны и Бунтаро, и Анджин-сан, и Оми-сан даже больше, чем когда-либо. И Мариико очень нужна».

– Доброе утро, Торанага-сама.

Он ответил на поклон Блэксорна и отметил, как он обрадовался, когда внезапно увидел Марику. После взаимных приветствий он сказал:

– Марико-сан, скажите ему, что он выезжает со мной на закате. Вы тоже. Вы потом поедете дальше в Осаку.

Она почувствовала озноб:

– Да, господин.

– Я еду в Осаку, Торанага-сама? – спросил Блэксорн.

– Нет, Анджин-сан. Марико-сан, скажите ему, что я собираюсь на день или два в Чузензи, на водный курорт. Вы оба будете сопровождать меня туда. Затем вы поедете в Осаку. Он продолжит свой путь до границы, потом один поедет в Эдо.

Он внимательно следил, как Блэксорн быстро и настойчиво стал что-то ей говорить.

– Извините, Торанага-сама, но Анджин-сан почтительно просит разрешить ему занять меня еще несколько дней. Он говорит, что мое присутствие сильно ускорит его дело с кораблем. Потом, если вам будет угодно, он может сразу же взять одно из ваших небольших судов и отвезет меня в Осаку, а сам отправится в Нагасаки. Он считает, что это может сэкономить время.

– Я еще не решил, как поступить с его кораблем и командой. Может быть, ему не придется ехать в Нагасаки. Объясните ему хорошенько, что пока ничего не решено. Но я учту его предложение насчет вас и завтра сообщу о своем решении. Сейчас вы можете идти... О, да, последнее. Марико-сан, скажите ему, что меня интересует его генеалогия. Он может написать, а вы переведите, подтвердив ее правильность.

– Да, господин. Это срочно?

– Нет. Когда он приедет в Эдо, времени у него там будет достаточно.

Марику перевела Блэксорну.

– Зачем ему это нужно? – спросил тот. Марику удивленно посмотрела на него:

– У нас все самураи ведут свои генеалогические записи, Анджин-сан, где фиксируются также их поместья и земельные наделы. Как еще сюзерен может все согласовать между ними? Разве у вас не так? Здесь, по закону, все наши граждане заносятся в официальные списки, даже эта: отмечаются рождения, смерти, браки. Каждая деревня или поселок, городская улица имеют свой официальный свиток, куда все записывается. Как еще можно все это упорядочить?

– Мы таких записей не ведем, вернее, не всегда. И не всегда официально. Каждого записываете? Каждого?

– О, да. Даже эта, Анджин-сан. Это весьма важно, правда? Это облегчает поиск преступников, не позволяет смошенничать при женитьбе, не так ли?

Блэксорна не слишком занимала сейчас эта проблема. Он решил разыграть другую карту в игре, в которую он вступил с Торанагой и которая, как он надеялся, должна привести к гибели Черного Корабля.

Марику слушала его внимательно, задавая иногда вопросы, потом повернулась к Торанаге:

– Господин, Анджин-сан благодарит вас за ваши благодеяния и ваши многочисленные подарки. Он спрашивает, не окажете ли вы ему честь, выбрав ему двести вассалов. Он уверен, ваше руководство в этом деле будет для него очень ценным.

– Это стоит тысячу коку, – сразу сказал Торанага. Он заметил удивление на их лицах. «Я рад, что вы все еще так искренни, Анджин-сан, при всей вашей кажущейся цивилизованности», – подумал он. – «Если бы я был игроком, я бы мог держать пари, что это не ваша идея – просить меня выбрать вам вассалов».

– Хай, – услышал он уверенный ответ Блэксорна.

– Хорошо, – решительно сказал он. – Раз Анджин-сан так щедр, я приму его предложение. Тысячу коку. Это поможет другим самураям, которые нуждаются. Скажите ему, его люди будут ждать его в Эдо. Мы увидимся с вами завтра на закате, Анджин-сан.

– Да. Благодарю вас, Торанага-сама.

– Марико-сан, проконсультируйтесь с госпожой Касиги сразу же. Как только вы утвердите сумму, я думаю, Дзэко согласится с вашим предложением, как бы ужасно оно ни казалось. Я полагаю, ей надо будет заплатить эту невероятную сумму полностью до завтрашнего вечера. Пошлите кого-нибудь за ней сегодня вечером. Она может взять с собой куртизанку. Кику-сан сплет, пока мы будем разговаривать, да?

Он отпустил их, довольный, что удалось сэкономить полторы тысячи коку. – «Люди такие странные», – подумал он добродушно.

* * *

– У меня хватит денег, чтобы нанять команду? – спросил Блэксорн.

– О, да, Анджин-сан. Но он не соглашается отпустить вас пока в Нагасаки, – сказала Марико. – Пятьсот коку будет более чем достаточно, чтобы прожить год, а еще пятьсот дадут вам около ста восьмидесяти кобанов золотом, чтобы набрать команду. Это очень большие деньги.

Фудзико с трудом поднялась и заговорила с Марико.

– Ваша наложница говорит, что вам не стоит беспокоиться, Анджин-сан. Она может дать вам рекомендательные письма к ростовщикам, которые предоставят вам любой аванс, какой вы потребуете. Она все устроит.

– Да, но смогу ли я расплатиться со слугами? Как я заплачу за дом, Фудзико-сан, всем остальным?

Марико была поражена:

– Пожалуйста, извините, но это, конечно, не ваше дело. Ваша наложница сказала, что она обо всем побеспокоится. Она...

Фудзико прервала ее, и обе женщины какое-то время что-то обсуждали.

– Ах, со дес, Фудзико-сан! – Марико снова повернулась к Блэксорну. – Она говорит, вы не должны тратить время на обдумывание таких вещей. Сосредоточьтесь только на проблемах господина Торанаги. У нее есть ее собственные деньги, которые она может потратить, если будет нужно.

Блэксорн растерянно заморгал:

– Она одолжит мне свои деньги?

– Ох, нет, Анджин-сан, конечно, она отдаст их вам, если они потребуются. Не забывайте, это вопрос только этого года, – объяснила Марико, – на следующий год вы будете богаты, Анджин-сан. Что касается ваших слуг, то в течение года они получают по два коку каждый. Не забывайте, Торанага-сама дает вам вооружение и лошадей для них, и два коку достаточно, чтобы прокормить их вместе с лошадьми и семьями. И помните также, что вы отдали господину Торанаге половину своего годового жалованья, чтобы он подобрал вам людей лично сам. Это большая честь, Анджин-сан.

– Вы так думаете?

– О, конечно. Фудзико-сан всем сердцем согласна с этим. Вы очень предусмотрительны.

– Спасибо, – Блэксорн позволил себе немного показать, что он доволен. «Ты начинаешь опять напрягать мозги и думать как они, – с удовольствием сказал он себе, – да, это было мудро – объединиться с Торанагой. Теперь у тебя будут лучшие люди, чего бы ты никогда не добился сам. Что такое тысяча коку против Черного Корабля? И еще одну правильную вещь сказала Марико:

– Одна из слабостей Торанаги – его скупость.

Конечно, она не сказала этого прямо, только отметила, что Торанага сделал все, чтобы его огромное богатство стало больше, чем у любого другого дайме в государстве. Это замечание вместе с его собственными наблюдениями, – что одежда Торанаги была так же проста, как и его пища, что стиль его жизни мало отличался от жизни обычного самурая, –

дали ему еще один ключ к пониманию этого человека.

Хвала Господу за Марику и старого монаха Доминго!»

Память Блэксорна вернула его в тюрьму, и он подумал, как близко он был к смерти и тогда, и потом, и даже теперь, со всеми его почестями. Все, что дает Торанага, он может и отобрать.

«Ты думаешь, он твой друг, но если он убил свою жену и приговорил к смерти любимого сына, как ты можешь ценить его дружбу или свою жизнь? Я не могу, – сказал себе Блэксорн, вспоминая свой обет. – Это карма. Я ничего не могу сделать с кармой, я все время рядом со смертью, так что здесь нет ничего нового. Я отдался карме во всей ее прелести. Я принимаю карму во всем ее могуществе. Я доверяю карме всего себя на следующие полгода. Потом, к этому времени на следующий год я буду мчаться через Магелланов пролив, направляясь в Лондон, уходя из его рук...»

Фудзико что-то говорила. Он посмотрел на нее. Бинты все намокали. Она со страдальческим видом лежала на футонах, служанка обмахивала ее веером.

– Она все вам устроит к утру, Анджин-сан, – сказала Марики. – Ваша наложница говорит, что вам необходимы две скаковые лошади и одна вьючная. Один слуга и одна служанка...

– Будет достаточно одного слуги.

– Извините, но служанка должна ехать, чтобы ухаживать за вами. И, конечно, повар с помощником.

– Разве там не будет кухни, где мы... я могу есть?

– О, да. Но вы тем не менее должны иметь своих поваров, Анджин-сан. Вы хатамото.

Он понял, что спорить бесполезно:

– Я поручаю все сборы вам.

– О, это так мудро с вашей стороны, Анджин-сан, очень мудро. Теперь я должна пойти и улечься, пожалуйста, простите меня, – Марики ушла счастливой. У них было мало времени на разговоры, только успели на латыни дать понять друг другу, что волшебная ночь никогда не кончается и, как и другая ночь, никогда не обсуждается, и обе будут вечно жить в их воспоминаниях.

– Ты.

– Я.

– Я была так горда, когда услышала, что она так долго стояла у ворот. У тебя такое прекрасное лицо, Анджин-сан.

– На мгновение я почти забыл, что ты сказала мне. Я чуть не поцеловал ее при всех.

– Ох-ко, Анджин-сан, это было бы непростительным промахом!

– Ох-ко, ты права! Если бы не ты, я был бы без лица – червяк, извивающийся в пыли.

– А вместо этого ты большой, известный и, без сомнения, очень смелый. Тебе доставили удовольствие эти любопытные приспособления?

– Ах, прекрасная госпожа, в моей стране есть старый обычай: мужчина не обсуждает интимные вкусы одной дамы с другой.

– У нас тоже есть такой обычай. Но я спросила, доставили они тебе радость или нет, а не спросила, пользовались ли вы ими. Да, у нас есть точно такой же обычай. Я рада, что вечер тебе понравился. – Она дружески улыбнулась ему. – Это правильно – быть японцем в Японии, да?

– Я не могу достаточно отблагодарить тебя за то, чему ты научила меня, открыла мне глаза, – сказал он. – За... – он собирался сказать «за то, что любишь меня», но вместо этого добавил:

– За то, что ты есть.

– Я ничего не сделала. Ты все сам.

– Я благодарю тебя за все – и за твой подарок.

– Я рада, что ты получил большое удовольствие.

– Я жалею, что ты не получила удовольствия. Я так рад, что тебе тоже приказано ехать

на курорт. Но почему в Осаку?

– О, мне не приказывали ехать в Осаку. Господин Торанага позволил мне съездить туда. У нас там поместье и семейный бизнес. Теперь там также и мой сын. Кроме того, я также могу доставить личные письма Киритсубо-сан и госпоже Сазуко.

– Это не опасно? Помню твои слова – приближается война и Ишидо наш враг. Разве господин Торанага сказал не то же самое?

– Да. Но война пока еще не началась, Анджин-сан. И самураи не воюют со своими женщинами, если женщины не воюют с ними.

– Но как же ты? Помнишь мост в Осаке, через ров с водой? Разве ты не пошла тогда со мной, чтобы обмануть Ишидо? А не ты взяла в руки меч во время боя на корабле?

– Это только для того, чтобы защитить своего сюзерена и свою собственную жизнь, когда ей угрожали. Это был мой долг и ничего больше. Для меня там опасности не было. Я была фрейлиной госпожи Ёдоко, вдовы Тайко, даже госпожи Ошибы, матери наследника. Мне выпала честь быть их другом. Я – в совершенной безопасности. Именно поэтому господин Торанага позволяет мне поехать. Но для тебя в Осаке небезопасно из-за бегства Торанаги-самы и из-за того, как ты вел себя с господином Ишидо. Так что ты никогда не высаживайся там. Нагасаки для тебя будет менее безопасен.

– Так он согласился, что я могу уйти?

– Нет. Пока нет. Но когда он согласится, там будет безопасней. У него есть власть над Нагасаки.

Он хотел спросить:

– Больше, чем у иезуитов? – Вместо этого сказал только:

– Я молюсь о том, чтобы он приказал тебе плыть морем в Нагасаки – тут он увидел, как она слегка вздрогнула. – Что тебя тревожит?

– Ничего, за исключением... за исключением того, что море меня не радует.

– Но он прикажет?

– Я не знаю. Но... – Она снова перешла на игривый тон и португальский язык, – но для вашего здоровья нам следует взять с собой Кику-сан, да? Сегодня вечером вы опять войдете в ее Пунцовую Палату?

Он засмеялся вместе с ней:

– Это было бы прекрасно, хотя, – тут он остановился, с внезапной ясностью вспомнив взгляд Оми. – Вы знаете, Марико-сан, когда я был у ворот, я заметил что Оми-сан глядит на нее особым образом, как любовник. Ревнивый любовник. Я не знал, что они были любовниками.

– Я поняла, что он один из ее клиентов, Анджин-сан. Любимый клиент, да. Но почему это касается тебя?

– Из-за этого особенного взгляда. Очень странного.

– У него нет никаких особых прав на нее, Анджин-сан. Она куртизанка первого класса. Она вольна принимать или отвергать кого захочет.

– Если бы мы были в Европе и я спал с его девушкой – вы понимаете, Марико-сан?

– Думаю, что да, Анджин-сан, но почему это должно касаться вас. Вы не в Европе, я повторяю, у него нет на нее никаких формальных прав.

– Я сказал, что он был ее любовником, в нашем смысле слова. Я на это должен обратить внимание?

– А что делать с ее профессией, с тем фактом, что она должна спать с клиентами?

В конце концов он поблагодарил ее еще раз и оставил эту тему. Но голова и сердце предупреждали его:

«Это не так просто, Марико-сан, даже здесь. Оми по-особенному относится к Кику-сан, даже если у нее и нет такого чувства. Хотел бы я знать, был ли он ее любовником. Мне лучше иметь Оми другом, чем врагом. Может, Марико права? И секс и любовь у них действительно разные вещи?

Боже, помоги мне, я так запутался. Я должен научиться вести себя, как они, думать, как

они, чтобы выжить. Их мироощущение гармоничней, полней нашего, это соблазняет полностью стать одним из них, раствориться в их массе, и все-таки... дом там, за морем, где родились мои предки, где живет моя семья, Фелисите и Тюдор и Елизабет».

– Анджин-сан? Пожалуйста, не беспокойтесь о деньгах. Я не выношу, когда вижу вас озабоченным. Простите, что я не могу поехать с вами в Эдо.

– Но мы все равно скоро увидимся в Эдо, не так ли?

– Доктор говорит, что я быстро поправляюсь, и мать Оми с ним согласна.

– Когда к вам придет доктор?

– На заходе солнца. Еще раз простите за то, что не смогу поехать с вами завтра.

Он снова задумался о своих обязанностях перед наложницей. Потом он отложил это дело подальше, так как появилась новая идея. Он обдумал ее и нашел прекрасной. И срочной.

– Я сейчас уйду, но скоро вернусь. Вы отдыхайте, понятно?

– Да. Пожалуйста, извините меня за то, что я не встаю и за... извините.

Он прошел в свою комнату, вынул из тайника пистолет, проверил его заряд и засунул под кимоно. Потом в одиночку отправился к Оми, но того не оказалось дома. Его встретила Мидори, предложила чаю, от которого он вежливо отказался. На руках у нее был двухлетний малыш. Она сказала:

– Извините, Оми скоро вернется. Не хотите ли подождать? Казалось, что она чувствует себя неловко, хотя была вежлива и внимательна. Он снова отказался и поблагодарил ее, сказав, что вернется позднее, потом пошел вниз к своему дому. Крестьяне уже подготовили участок земли для постройки.

Кроме кухонной утвари во время пожара спасти ничего не удалось. Фудзико не сказала ему, сколько будет стоить восстановление построек.

– Оно обошлось очень дешево, – сказала она, – пожалуйста, не заботьтесь об этом.

– Карма, Анджин-сама, – сказал один из жителей.

– Да.

– Что здесь сделаешь? Не беспокойтесь, ваш дом скоро будет готов – лучше, чем прежний.

Блэксорн увидел, как Оми поднимается по холму, суровый и напряженный. Он пошел навстречу. Увидев его, Оми, казалось, несколько расслабился:

– Ах, Анджин-сан, – сказал он сердечно. – Я слышал, вы тоже выезжаете с Торанага-самой на рассвете. Отлично, мы можем поехать вместе.

Несмотря на все кажущееся дружелюбие Оми, Блэксорн был очень насторожен.

– Слушайте, Оми-сан, я сейчас пойду туда, – он показал в сторону плато, – может, пойдете вместе, а?

– Но сегодня там нет никаких учений.

– Понимаю, но, пожалуйста, пойдете со мной. Оми видел, что рука Блэксорна на рукоятке его боевого меча в характерной крепкой хватке. Потом его острые глаза заметили, что за поясом у того что-то заткнуто, и он сразу же понял по отдельным частям контура, что там спрятан пистолет.

– Человек, который имеет право носить два меча, должен уметь ими пользоваться, да? – спросил он с тонким намеком.

– Простите? Я не понял.

Оми сказал это снова, более простыми словами.

– Да, господин Ябу сказал: теперь вы самурай, поэтому вы должны научиться многому, для чего мы предназначены. Как действовать в качестве помощника при сеппуке, например, даже готовиться к своей собственной сеппуке, как мы все вынуждены делать. Да, Анджин-сан, вам следует научиться пользоваться своим мечом, да?

Блэксорн не понял половины слов. Но он знал, что говорил Оми.

«По крайней мере, – с усилием поправил себя он, – я знаю, что он говорил вслух».

– Да. Верно, – важно сказал он ему, – пожалуйста, как-нибудь, выучите – извините,

научите меня, может быть? Пожалуйста. Я буду польщен.

– Да, мне хотелось бы научить вас, Анджин-сан.

Волосы на затылке у Блэксорна от угрожающего голоса Оми поднялись дыбом.

«Осторожней, – поправил он себя, – не придумывай».

– Спасибо. А сейчас пойдем, может быть? Времени мало. Вы пойдете со мной? Да?

– Прекрасно, Анджин-сан. Но мы поедem. Я скоро присоединюсь к вам, – Оми пошел вверх по склону, во двор своего дома.

Блэксорн приказал слуге оседлать своего коня и неловко влез в седло с правой стороны, как это принято в Японии и в Китае.

«Не думай, что он возьмет и научит тебя пользоваться мечом», – сказал он себе, поправляя локтем руки спрятанный пистолет, его спокойная теплота придавала уверенности. Эта уверенность испарилась, когда снова появился Оми. С ним было четверо самураев на лошадях.

Все вместе они поскакали по разбитой дороге в сторону плато. По дороге им попало несколько отрядов самураев в полной военной амуниции, вооруженных, с командирами, на концах пик развевались флажки. Когда они подъехали к гребню хребта, перед ними оказался весь мушкетный полк, отправленный из лагеря походным порядком, каждый солдат стоял у своей лошади, навьюченной оружием, багаж был сзади, впереди стояли Ябу, Нага и другие офицеры. Пошел сильный дождь.

– А что, все войска выходят? – спросил удивленный Блэксорн, осадив лошадь.

– Да.

– Вы едете на курорт с Торанага-самой, Оми-сан?

– Я не знаю.

Инстинкт самосохранения Блэксорна говорил о том, что не нужно задавать других вопросов. Но на один вопрос ответ был нужен:

– А Бунтаро-сама, – спросил он безразличным голосом, – он едет с нами завтра, Оми-сан?

– Нет. Он уже уехал. Этим утром он был на площади, когда вы уходили из Чайного Домика. Вы не видели его там?

Блэксорн не смог заметить на лице Оми никаких особых чувств.

– Нет. Не видел, извините. Он тоже поехал на курорт?

– Думаю, что да. Но я не уверен, – дождь каплями стекал с конической шляпы Оми, завязанной у него на подбородке.

– А теперь скажите, зачем вы хотели, чтобы я приехал сюда с вами?

– Показать одно место, как я сказал, – прежде чем Оми смог спросить что-нибудь еще, Блэксорн прищипорил лошадь и пустил ее вперед. Имея большие навыки в ориентировке на местности, он вспомнил точную привязку того места, где была трещина в земле.

Здесь он и спешился, сделав знак Оми подойти:

– Пожалуйста.

– Что это, а? – голос Оми стал напряженным.

– Пожалуйста, сюда, Оми-сан. Один. Оми махнул рукой, приказав удалиться телохранителям, и ринулся вперед, пока не оказался над Блэксорном:

– Нан дес ка? – спросил он, рука его заметно сжала рукоятку меча.

– На этом месте Торанага-сама... – Блэксорн не смог вспомнить слова, поэтому объяснил некоторые вещи с помощью рук, – понятно?

– Здесь вы вытащили его из земли, да? Так? Блэксорн посмотрел на него, потом специально перевел взгляд на его меч, потом опять вверх на него, опять не сказав больше ничего, и стер капли дождя с лица.

– Нан дес ка? – повторил Оми еще более раздраженно. Блэксорн все еще не отвечал. Оми внимательно посмотрел вниз на трещину, потом снова Блэксорну в лицо, тут его глаза вспыхнули:

– Ах, со дес! Вакаримас! – Оми на мгновение задумался, потом крикнул одному из

своих охранников:

– Сходи сейчас же за Мурой. Пусть приведет двадцать человек с лопатами!

Самурай ускакал. Оми послал остальных обратно в деревню, потом спешился и встал около Блэксорна.

– Да, Анджин-сан, – сказал он, – это прекрасная мысль. Хорошая идея.

– Идея? Какая идея? – невинно спросил Блэксорн. – Я только показал вам место – подумал, что вы захотите увидеть то самое место, не так ли? Я вас, извините, не понимаю.

Оми сказал:

– Торанага здесь потерял свои мечи. Они очень ценные. Он будет счастлив получить их обратно. Очень счастлив, да?

– Ох-ко! Это не моя идея, Оми-сан, – сказал Блэксорн, – это идея Оми-сана.

– Конечно. Спасибо, Анджин-сан. Вы хороший товарищ и быстро соображаете. Мне следовало самому подумать об этом. Да, вы хороший друг, а нам потребуются хорошие друзья в ближайшее время. Война начинается, хотим мы этого или нет.

– Пожалуйста, извините. Я не понял, вы слишком быстро говорите. Повторите, пожалуйста.

– Рад, что мы друзья – вы и я. Поняли?

– Хай. Вы говорите война? Война сейчас?

– Скоро. Что мы можем сделать? Ничего. Не беспокойтесь, Торанага-сама победит Ишидо и всех изменников. Это правда, понятно? Не беспокойтесь, ладно?

– Понял. Я сейчас уйду домой. Все в порядке?

– Да. Увидимся на рассвете. Еще раз благодарю вас.

Блэксорн кивнул. Но не ушел.

– Она красивая, да?

– Что?

– Кику-сан. – Ноги Блэксорна были слегка расставлены, он готовился отпрыгнуть назад, вытащить пистолет, прицелиться и стрелять. Он отчетливо помнил тот невероятный, мгновенный выпад, когда Оми отрубил голову жителю деревни так неправдоподобно давно, и был готов ко всему. Он понял, что его единственным спасением было уладить дело с Кику. Оми никогда бы не простил этого. Оми считал бы такие плохие манеры глупостью. И, устыдившись своей слабости, он запрятал бы свою столь нетипичную для японца ревность далеко в тайники сознания. Из-за того, что это было настолько чуждое и постыдное чувство, эта ревность зрела бы до тех пор, пока однажды в наименее подходящее время Оми бы не взорвался, слепо и яростно.

– Кику-сан? – спросил Оми.

– Хай, – Блэксорн заметил, что Оми окаменел. И все равно был рад, что нашел время и место.

– Она хорошенькая, да?

– Хорошенькая?

– Хай.

Дождь усилился. Тяжелые капли падали в грязь. Лошади жалко дрожали. Оба мужчины промокли, но дождь был теплым и скатывался с них.

– Да, – сказал Оми, – Кику-сан очень красивая, – и затем разразился стремительным потоком слов, которых Блэксорн не уловил.

– Достаточно слов, Оми-сан, – все ясно, – сказал Блэксорн, – поговорим позже. А сейчас не надо. Понятно?

Оми, казалось, не слышал, но потом сказал:

– Будет еще много времени, очень много времени, Анджин-сан, чтобы поговорить о ней, о вас, обо мне и о карме. Но я согласен, сейчас не время, да?

– Думаю, что я вас понял. Я вчера не знал, что Оми-сан и Кику – хорошие друзья, – сказал он, продолжая гнуть свое.

– Она не моя собственность.

– Я теперь знаю, что она и вы хорошие друзья. Сейчас...

– Сейчас хватит. Это дело закрыто. Женщина ничего не значит. Ни-че-го.

Но Блэксорн упорно стоял на своем:

– В следующий раз я...

– Этот разговор окончен! Вы не слышите? Окончен!

– Ие, ие, ей-богу!

Рука Оми потянулась к мечу, Блэксорн, сам не заметив этого, отступил на два шага назад. Но Оми не вытащил меч и Блэксорн не достал пистолет, хотя оба и приготовились к этому, но никто не хотел начинать.

– Что ты хочешь сказать, Анджин-сан?

– В следующий раз я сначала спрошу – о Кику-сан. Если Оми-сан скажет «да», тогда да. Если нет – нет! Понятно? Как друг другу – да?

Оми слегка ослабил хватку на рукоятке меча.

– Я повторяю: она не моя собственность. Спасибо, что показали мне это место, Анджин-сан. До свидания.

Оми подошел к лошади Блэксорна и подержал ее, пока тот садился.

Он взглянул на Оми. Если бы он мог потом выбраться живым, он бы прямо тут же прострелил голову этому самураю. Это было бы самым безопасным для него.

– До свидания, Оми-сан, и благодарю вас.

– До свидания, Анджин-сан, – Оми посмотрел, как отъезжал Блэксорн, и не спускал с него глаз, пока тот не одолел весь склон. Он отметил точное место трещины камнями и потом, в смятении чувств, уселся ждать на земле, погрузившись в свои мысли.

Вскоре появились забрызганные грязью Мура с несколькими крестьянами.

– Торанага-сама попал в трещину точно в этом самом месте, Мура. Здесь остались его мечи. Принеси мне их до захода солнца.

– Слушаюсь, Оми-сама.

– Если бы у тебя были мозги, если бы ты был заинтересован во мне, своем господине, ты бы уже это сделал.

– Пожалуйста, извините меня за глупость.

Оми уехал. Они недолго следили, как он уезжал, потом встали вокруг камней и начали копать. Мура понизил голос:

– Уо, ты завтра поедешь с багажом.

– Да, Мура-сан, но как это сделать?

– Я предложу тебя Анджин-сану. Ему все равно.

– Но его наложница, ох-ко, она дошлая, – шепнул в ответ Уо.

– Она с ним не поедет. Я слышал, она сильно обожглась. Она потом поедет в Эдо на корабле. Ты знаешь, что делать?

– Один на один встретиться со святым отцом, ответить на его вопросы.

– Да, – Мура расслабился и заговорил в полный голос:

– Уо, ты можешь поехать с Анджин-саном, он хорошо заплатит. Постарайся быть ему полезным, но не слишком, чтобы он не забрал тебя насовсем в Эдо.

Уо засмеялся:

– Ой, я слышал, Эдо такой богатый город, что там все мочатся в серебряные горшки, даже эта. А у женщин кожа – как морская пена и совсем без волос на лобке.

– Это правда, Мура-сан? – спросил другой из деревенских. – У них нет волос на лобке?

– Эдо, это была только маленькая вонючая рыбацкая деревушка, ничем не лучше нашей Анджино, когда я попал туда первый раз, – ответил им Мура, не переставая копать. – Это было в тот раз, когда мы с Торанага-самой гонялись за Беппу. Мы тогда отрубили в общей сложности больше чем три тысячи голов. Что касается волос на лобке, то все девушки, которых я знал, были с волосами, кроме одной кореянки, но она сказала, что выщипала их все, волосок за волоском.

– Что только не сделают женщины, чтобы привлечь нас, да? – сказал кто-то.

– Как мне бы хотелось посмотреть на это, – шамкая, сказал Ниндзин. – Да, мне бы хотелось посмотреть на Нефритовые Ворота без кустиков.

– Ставлю лодку рыбы против ведра навоза, что выдрать эти волосы очень больно, – присвистнул Уо.

– Будь я ками, я бы посетил Небесный Павильон Кику-сан. Говорят, она родилась уже надушенной и без волос! Среди смеха Уо спросил:

– А есть разница, Мура-сан, когда лезешь в Нефритовые Ворота без зарослей?

– Так получается плотней, чем в других случаях. Эээ! Получается ближе и глубже, чем я пробовал до этого, а это важно, правда? Так я понял, что для женщины лучше, когда нет волос, хотя некоторые суеверные в этом вопросе и жалуются на зуд. Это все-таки ближе и тебе, и ей – это сближение делает все по-другому, правда? – Они засмеялись и нажали на работу. Яма под дождем становилась все глубже и глубже.

– Держу пари, Анджин-сан много раз подбирался к ней очень близко, раз она так провожала его до ворот! Эээ, что бы я ни отдал, чтобы быть на его месте, – Уо вытер пот с бровей. Как и все остальные, он носил одну набедренную повязку, бамбуковую коническую шляпу и был босиком.

– Эээ! Я был там, Уо, на площади, и все видел. Я видел, как она улыбалась, и меня проняло до кончиков пальцев.

– Да, – сказал другой, – я думаю, что одна ее улыбка сделала бы меня твердым, как дуб.

– Но не таким большим, как у Анджин-сана, да, Мура-сан? – хихикнул Уо. – Ну-ка, расскажи нам еще раз эту историю.

Мура обрадовался и снова рассказал про первую ночь и баню. Его рассказ раз от разу улучшался, но никто не возражал.

– О, надо же быть таким огромным! – Уо изобразил, как он несет такой член перед собой, и так расхохотался, что поскользнулся и грохнулся в грязь.

– Кто-нибудь из вас думал, что этот чужеземец попадет из того подвала прямо в рай? – Мура оперся на лопату, переводя дыхание. – Я никогда не поверил бы в это – как в древнюю легенду. Карма, правда?

– Может быть, он был одним из нас – в прежней жизни – и вернулся с тем же разумом, но с другой кожей.

Ниндзин кивнул:

– Возможно. Должно быть, по тому, что святой отец сказал, я думал, что он будет очень долго гореть в дьявольской топке в аду, разве святой отец не сказал, что он наложил на него особое проклятье? Я слышал, он напустил на Анджин-сана кару большого иезуитского ками, и, ох-ко, я был очень напуган, – он перекрестился, и другие не обратили на это внимания, – но если вы меня спросите, я думаю, что иезуитская Мадонна вряд ли накажет его.

Уо сказал:

– Ну, я не христианин, как вы знаете, но, извините, мне кажется, что Анджин-сан хороший человек и лучше, чем христианский отец, который воняет, ругается и пугает всех подряд. И он хорошо относится к нам, правда? Он по-доброму ведет себя с людьми – говорят, он друг господина Торанаги, его нужно также уважать, правда? И не забывайте, Кику-сан почтила его своей Золотой Щелью.

– Насчет золотой ты прав. Я слышал, ночь стоила ему пять кобанов.

– Пятнадцать коку за одну ночь? – выпалил Ниндзин. – Эээ, как повезло Анджин-сану! Его карма огромна назло врагам Бога Отца, Сына и Мадонны.

Мура сказал:

– Он заплатил один кобан – три коку. Но если вы думаете, что это много... – он остановился и заговорщически огляделся, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает, хотя он, конечно, знал, что под таким дождем никого нет – и даже если бы они были, какое это имеет значение?

Все тоже прекратили работу и придвинулись поближе к нему:

– Да, Мура-сан?

– Мне только что шепнули, что она собирается стать наложницей господина Торанаги. Он купил ее контракт сегодня утром. Три тысячи коку.

Это была умопомрачительная цифра, больше чем зарабатывала вся их деревня на рисе и рыбе за двадцать лет. Их уважение к ней увеличилось. И к Анджин-сану, который соответственно был последним человеком на земле, который наслаждался с ней как с куртизанкой первого ранга.

– Эээ! – промямлил Уо, не в силах говорить. – Столько денег – я не знаю, хочется ли мне плакать, мочиться или пукнуть.

– Не делай ничего, – лаконично ответил Мура. – Копай. Давай найдем мечи.

Все послушались его, каждый погрузился в свои мысли. Яма быстро углублялась.

Вскоре Ниндзин, снедаемый беспокойством, не смог больше сдерживаться и прекратил работу.

– Мура-сан, пожалуйста, извините меня, но что вы решили с новыми налогами? – спросил он. Остальные тоже прекратили копать.

Мура продолжал копать так же методично и непрерывно.

– Что решать? Ябу-сама говорит: «Плати», так мы и заплатим, правда?

– Но Торанага-сама срезал наши налоги на четыре десятых, а теперь он наш сюзерен.

– Верно. Но господину Ябу снова отдали Идзу, а также Суругу и Тотоми – и снова сделали нашим повелителем, так кто же наш сюзерен?

– Торанага-сама. Конечно, Мура-сан, Тора...

– Ты хочешь пойти пожаловаться ему, Ниндзин? Да? Проснись, Ябу-сама наш сюзерен, как было всегда. Ничего не изменилось. И если он обложит нас налогом, мы его заплатим. Конечно!

– Но это заберет все наши запасы. Все их, – в голосе Ниндзина прорывалась ярость, но все знали, что он говорит правду, – даже тот рис, что мы украли...

– Рис, который мы спасли, – цыкнул на него Уо, поправив его.

– Даже с ним будет недостаточно, чтобы протянуть зиму. Мы продадим лодку или две...

– Мы не продадим лодки, – сказал Мура. Он воткнул свою лопату в грязь и вытер пот со лба, перевязал тесемку шляпы и снова начал копать. – Работай, Ниндзин. Это все выскочит у тебя из головы завтра.

– Как мы протянем эту зиму, Мура-сан?

– Мы еще должны протянуть лето.

– Да, – с горечью согласился Ниндзин. – Мы заплатили больше чем за два года налогов вперед, и этого еще недостаточно.

– Карма, Ниндзин, – сказал Уо.

– Война идет. Может быть, у нас появится новый хозяин, который будет лучше? – сказал еще один.

– Хуже он не будет – никто не может быть хуже.

– Не спорьте об этом, – сказал им всем Мура. – Вы живы – а вы можете умереть очень быстро, и тогда не будет Золотых Щелей, ни с зарослями, ни без них. – Его лопата наткнулась на камень, и он остановился. – Дай мне руку, Уо, старый дружище.

Вдвоем они вытащили камень из грязи. Уо шепнул тревожно:

– Мура-сан, что если святой отец спросит об оружии?

– Скажи ему. И еще добавь, что мы готовы – что Анджиро готово.

Глава Сорок Вторая

Они добрались до Ёкосе в полдень. Бунтаро уже перехватил Затаки в предыдущий вечер и, как и приказал Торанага, встретил его с подчеркнутой официальностью:

– Я просил его стать лагерем за деревней, к северу от нее, господин, пока не будет подготовлено место для встречи, – сказал Бунтаро. – Официальная встреча будет проведена

здесь после полудня, если вам так захочется, – и он добавил в шутку, – я думаю, час козла будет самым удачным.

– Хорошо.

– Он хотел встретиться с вами вечером, но я отменил это. Я сказал, что вы будете «польщены» встретиться с ним сегодня или завтра, когда бы он ни пожелал, но не после того, как стемнеет.

Торанага что-то буркнул в знак согласия, но слезать со своей взмыленной лошади не стал. На нем были нагрудник, шлем и легкие бамбуковые доспехи, как и на его по-дорожному одетом эскорте. Он еще раз внимательно огляделся. Место было выбрано так, что засаду устроить было бы невозможно. На большом расстоянии не было ни домов, ни деревьев, где могли бы спрятаться лучники или мушкетеры. Сразу же на запад от деревни местность была ровная, постепенно повышаясь. С запада, севера и юга место было окружено деревней, над быстрой рекой был проложен мост. Здесь в узких местах река изобиловала водоворотами и камнями. На западе за Торанагой и его усталыми пропотевшими спутниками дорога круто поднималась к перевалу через хребет, скрытый в тумане в пяти ри отсюда. Вокруг везде возвышались горы, многие из них были вулканического происхождения, их вершины были покрыты туманом. В центре площадки на низких столбиках был специально устроен помост на двенадцать матов. В том, как он был построен, чувствовалась хорошая, неторопливая работа плотников. На татами друг против друга были положены две парчовые подушки.

– У меня поставлены люди там, там и там, – продолжал Бунтаро, показывая своим луком на все скалы с хорошим обзором, – вы можете обозревать окрестности на много ри во все стороны, господин. Хорошо обороняются также мост и вся деревня. Ваше отступление на восток обеспечивается еще большим количеством людей. Конечно, мост надежно перекрыт часовыми, и я оставил «почетную стражу» в сто человек в его лагере.

– Господин Затаки сейчас там?

– Нет, господин. Я выбрал для него и его придворных гостиницу на северной окраине деревни, достойную его ранга, и пригласил его понежиться в бане. Эта гостиница изолирована и охраняется. Я имел в виду, что вы приедете на курорт Чузензи завтра, и он будет вашим гостем, – Бунтаро указал на аккуратную, одноэтажную гостиницу на краю площадки, которая была обращена окнами в сторону с самым красивым видом, расположенную около горячего источника, бьющего из скалы и стекающего в естественную ванну. – Это ваша гостиница, господин. – Перед ней на коленях стояла группа людей, низко опустив головы, неподвижно склонившихся в их сторону. – Это староста и старейшины деревни. Я не знал, не потребуются ли они вам сразу же.

– Позже, – лошадь Торанаги устало заржала и вздернула голову, звякнув удилами. Он успокоил лошадь и, полностью удовлетворившись безопасностью места, сделал знак своим людям и спешил. Один из самураев Бунтаро подхватил поводья – самурай, как и Бунтаро, и все остальные, был в доспехах, вооружен и готов к бою.

Торанага с удовольствием потянулся и с хрустом расправил конечности, стараясь облегчить боль в сведенных судорогой спине и ногах. Он весь путь от Анджино прошел одним форсированным маршем, останавливаясь только для замены лошадей. Остальной обоз под командой Оми – паланкины и носильщики – все еще был далеко позади, петляя по дороге, спускавшейся с перевала. Дорога из Анджино сначала змеилась вдоль побережья, потом разветвлялась. Они направились по дороге, ведущей в глубь острова, и упорно двигались через девственные леса, изобиловавшие дичью, справа от них была гора Омура, слева – хребет Амади, пики вулканов которого вздымались почти на пять тысяч футов. Езда обрадовала Торанагу – наконец какое-то дело! Часть пути проходила через такие отличные места для соколиной охоты, что он пообещал себе поохотиться по всему Идзу.

– Хорошо, очень хорошо, – сказал он, наблюдая деловую суету людей, – вы все прекрасно устроили.

– Если вы хотите оказать мне милость, господин, я прошу вашего разрешения

разделаться с господином Затаки и его людьми немедленно.

– Он оскорбил вас?

– Нет, напротив, его манеры достойны любого придворного, но флаг, с которым он едет, это флаг измены.

– Терпение. Как часто я должен говорить вам это? – сказал Торанага, но не очень сердито.

– Боюсь, что всю жизнь, господин, – мрачно ответил Бунтаро, – прошу вас, извините меня.

– Вы же были ему другом.

– Он был и вашим союзником.

– Он спас вам жизнь в Одаваре.

– Тогда мы воевали на одной стороне, – уныло сказал Бунтаро, потом взорвался:

– Как он мог так поступить с вами, господин? Ваш собственный брат! Разве вы не любили его, не были с ним в одних рядах? – всю его жизнь?

– Люди меняются, – Торанага внимательно осмотрел помост. Со стропил над помостом свисали изысканные шелковые занавески, украшавшие платформу. Кисточки из парчи, гармонизовавшие с подушками, тянулись вокруг помоста в виде очень красивого оформления, более крупные кисточки были и на четырех угловых столбах.

– Слишком богато и придает нашей встрече излишнюю важность, – сказал он. – Сделайте попроще. Снимите занавески, все кисточки и подушки, верните их продавцам и, если они не вернут квартирмейстеру денег, скажите ему, пусть продаст их. Положите четыре подушки – простых, соломенных!

– Слушаюсь, господин.

Взгляд Торанаги остановился на источнике, и он задумался о нем. Горячая, сернистая вода, с бульканьем выходила из расщелины в скале. Его тело запросилось в ванну.

– А христианин? – спросил он.

– Что?

– Тсукку-сан, христианский священник?

– А, этот! Он где-то в деревне. Ему запрещено появляться здесь без вашего разрешения. Он сказал что-то о том, что хотел бы повидать вас, когда это будет вам удобно. Хотите принять его прямо сейчас?

– Он был один?

Бунтаро скривил губы:

– Нет. Его сопровождают двенадцать человек, все с тонзурами, как у него, – все с Кюсю, господин, все благородного происхождения и все самураи. Все на хороших лошадях, но без оружия. Я их обыскал. Тщательно.

– И его?

– Конечно, и его, – его тщательнее, чем всех остальных. У него в багаже было четыре почтовых голубя. Я их конфисковал.

– Хорошо. Прикончи их. Некоторые неумелые самураи делают это нечаянно, так что извинись, ладно?

– Я понял. Вы хотите, чтобы я послал за ним прямо сейчас?

– Позже. Я увижусь с ним позднее.

Бунтаро нахмурился:

– Мне не нужно было его обыскивать? Торанага покачал головой и рассеянно оглянулся на хребет, задумавшись. Потом он сказал:

– Пошли пару человек, которым мы можем доверять, пусть понаблюдают за мушкетным полком.

– Я уже сделал это, господин, – лицо Бунтаро осветилось довольной улыбкой, – и у господина Ябу в личной охране есть несколько наших глаз и ушей. Он не сможет и пукнуть без того, чтобы мы об этом не узнали, если вы этого захотите.

– Хорошо, – из-за поворота на извилистой дороге появилась головная часть обоза, все

еще очень далеко. Торанага разглядел три паланкина. Оми ехал верхом впереди, как и было приказано. Анджин-сан сейчас был рядом с ним, также непринужденно держась в седле.

Он повернулся к ним спиной:

– Со мной едет ваша жена.

– Да, господин.

– Она просила меня разрешить ей съездить в Осаку.

Бунтаро посмотрел на него, но ничего не сказал. Потом покосился назад на едва различимые фигуры.

– Я ей разрешил – при условии, конечно, что вы также дадите свое согласие.

– Если вы разрешили, господин, я тоже, – сказал Бунтаро.

– Я могу позволить ей ехать сушей из Мисимы, или она может с Анджин-саном ехать до Эдо и оттуда морем до Осаки. Анджин-сан согласился взять на свою ответственность – если вы разрешите.

– Морем было бы безопасней, – вяло сказал Бунтаро.

– Все будет зависеть от того, что за сообщение привез Затаки. Если Ишидо официально объявляет мне войну, тогда я, конечно, должен запретить. Если нет, ваша жена может выехать завтра или через день, если вы разрешите.

– Что бы вы ни решили, я согласен.

– Сегодня после обеда передайте ваши обязанности Нага-сану. У вас будет время установить мир с вашей женой.

– Прошу извинить меня, господин. Я бы хотел остаться с моими людьми. Я прошу вас позволить мне остаться с ними, пока вы не уедете.

– На сегодняшний вечер передайте свои обязанности моему сыну. Вы и ваша жена присоединитесь ко мне перед ужином. Вы остановитесь в гостинице. Помиритесь.

Бунтаро смотрел на землю, потом сказал с заметным усилием:

– Да, господин.

– Вам приказано попытаться помириться, – сказал Торанага. Он хотел добавить, что «достойный мир лучше войны, не так ли?» Но это было неверно и могло втянуть в длинные философские споры, а он устал и не хотел спорить, только принять ванну и отдохнуть.

– А сейчас приведите старосту!

Староста и старейшины деревни кинулись перед ним на колени, приветствуя его самым подобострастным образом. Торанага прямо сказал им, что счет, который они представят его квартирмейстеру при отъезде, должен быть, конечно, правильным и обоснованным:

– Ясно?

– Хай, – хором угодливо заявили они, благодаря своих богов за неожиданно свалившееся на них счастье и жирные барыши, которые наверняка принесет им этот приезд. С многочисленными поклонами и комплиментами, каждую минуту поминая, как они горды и польщены тем, что им позволили служить величайшему дайме в империи, старик-староста услужливо проводил их в гостиницу.

Торанага осмотрел ее всю, его встречали группы кланяющихся и улыбающихся служанок всех возрастов – цвет деревни. Гостиница включала в себя десять комнат, неопишимо красивый садик с Чайным Домиком в центре, кухнями на задах, в западном конце прилепилась к скалам большая баня с водой, поступающей прямо из источников. Вся она была обнесена аккуратным забором с крытым переходом к бане и удобна для обороны.

– Мне не нужна вся гостиница, Бунтаро-сан, – сказал он, остановившись снова на веранде, – три комнаты будет достаточно: одна для меня, одна для Анджин-сана и одна для женщины. Ты займешь четвертую. Не стоит платить за все остальные.

– Мой квартирмейстер говорил мне, что он очень выгодно снял всю гостиницу, господин, на все время, меньше чем за полцены, так как сейчас еще не сезон. Я утвердил эти расходы, исходя из соображений вашей безопасности.

– Хорошо, – неохотно согласился Торанага, – но пусть представит счет перед отъездом. Не стоит даром терять деньги. Вы лучше разместите в них охрану по четыре человека на

комнату.

– Да, господин, – Бунтаро и сам уже решил сделать это. Он проследил, как Торанага крупными шагами со своими двумя личными охранниками, в окружении четырех самых красивых служанок направился в свою комнату в восточном крыле. Он уныло размышлял: что за женщина? какой женщине нужна комната? Фудзико? «Неважно, – подумал он, – скоро я все узнаю точно».

Мимо него проскочила служанка. Она радостно улыбнулась ему, он ответил механической улыбкой. Она была молодая, хорошенькая, с мягкой кожей, он спал с ней прошлой ночью. Но это не доставило ему удовольствия, и, хотя она была ловка, полна энтузиазма и хорошо обучена, его страсть скоро исчезла – он не чувствовал никакого желания. Наконец, соблюдая правила хорошего тона, он сделал вид, что достиг полного блаженства, она тоже притворилась что достигла оргазма, после чего вскоре ушла.

Все еще в задумчивости, он вышел во двор и устался на дорогу.

Почему в Осаку?

* * *

В час козла часовые на мосту отступили в сторону. По мосту проходил кортеж. Сначала шли знаменосцы с флагами, украшенными знаком регентов, потом богатый паланкин и под конец охрана.

Жители деревни поклонились. Все встали на колени, втайне приятно взбудораженные таким богатством и помпой. Староста осторожно выведал, должен ли он по такому случаю собрать весь народ, но Торанага послал записку, что могут присутствовать те, кто не работает, и с согласия их хозяев. Поэтому староста с еще большей осмотрительностью отобрал депутацию, которая включала в основном стариков и самых дисциплинированных из молодежи, как раз столько, сколько нужно для приличия, хотя каждый взрослый тоже хотел бы присутствовать, но невозможно пойти против воли великого дайме. Все, кто мог, наблюдали из удобных мест, стоя в дверях или глядя в окна.

Сайгава Затаки, властелин Синано, был выше Торанаги и на пять лет моложе, такой же широкий в плечах, с таким же выдающимся носом. Но живот его был плоским, щетина на бороде черная и густая, глаза на лице казались только щелочками. Хотя между двоюродными братьями и было удивительное сходство, если рассматривать их по отдельности, сейчас, стоя вместе, они казались совершенно разными. Кимоно Затаки было богатым, доспехи блестели, как на параде, мечи были в прекрасном состоянии.

– Добро пожаловать, брат, – Торанага сошел с помоста и поклонился. На нем были самое простое кимоно и солдатские соломенные сандалии. И мечи. – Прошу извинить меня, что я принимаю тебя так неофициально, но я прибыл со всей возможной скоростью.

– Пожалуйста, извините, что я так вас беспокоил. Вы хорошо выглядите, брат. Очень хорошо, – Затаки вышел из паланкина и поклонился в ответ, начиная бесконечные скрупулезные формальности ритуала.

– Пожалуйста, займите эту подушку, господин Затаки.

– Пожалуйста, извините меня, я был бы счастлив, если бы вы заняли место первым, господин Торанага.

– Вы так добры. Но, пожалуйста, окажите мне честь, садитесь первым.

Они продолжали играть в эту игру, в которую они играли до этого случая так много раз, друг с другом, с друзьями, врагами, карабкаясь по лестнице власти, радуясь правилам, которые управляли каждым движением и каждой фразой, которые защищали их личную честь, так что никто не мог сделать ошибку и поставить под удар себя или свою миссию.

Наконец они сели друг против друга на подушки, на расстоянии двух мечей. Сзади и чуть левее Торанаги стоял Бунтаро. Главный помощник Затаки, пожилой седоволосый самурай, стоял сзади левее от него. Вокруг помоста на расстоянии двадцати шагов рядами расположились самураи Торанаги, все нарочно в тех же костюмах, как они были в дороге, но

с оружием в прекрасном состоянии. Оми сидел на земле у края помоста, Нага – на противоположной стороне. Люди Затаки были одеты в парадные одежды – очень богатые, с огромными крыльями накидки, застегнутые серебряными пряжками. И все они тоже были прекрасно вооружены. Их расположили тоже в двадцати шагах от помоста.

Марико угощала их полагающимся по ритуалу зеленым чаем, шел безобидный формальный разговор между двумя братьями. В нужный момент Марико откланялась и ушла, Бунтаро болезненно ощущал ее присутствие и безмерно гордился ее грацией и красотой. После этого слишком поспешно и резко Затаки произнес:

– Я привез приказы от Совета регентов.

На площади наступила внезапная тишина. Все, даже его собственные люди, были поражены грубостью Затаки, тем высокомерием, с которым он произнес «приказы», а не «послание», и тем, что он не дождался, пока Торанага спросит: «Чем могу служить?» согласно требованиям ритуала.

Нага бросил быстрый взгляд на отца, переключившись с руки Затаки, державшей меч. Он увидел, как к шее Торанаги прилила кровь, что было безошибочным признаком неминуемой вспышки. Но лицо его оставалось спокойным, и Нага удивился, услышав сдержанный ответ:

– Извините, у вас есть приказы? Кому, брат? Конечно, у вас письмо.

Затаки вытащил из рукава два небольших свитка. Рука Бунтаро чуть не выхватила давно ожидающийся меч, так как, по ритуалу, все эти движения полагалось совершать медленно и обдуманно. Торанага не двинулся.

Затаки сломал печать на первом свитке и прочитал громким, леденящим душу голосом: «По приказу Совета регентов, от имени императора Го-Нидзи, Сына Неба: Мы приветствуем нашего достопочтенного вассала Ёси-Торанагу-нох-Миновару, приглашаем его немедленно предстать перед нами в Осаке и предлагаем ему информировать нашего уважаемого посла, регента, господина Сайгаву Затаки, принято или отвергнуто наше приглашение – немедленно».

Он поднял глаза и добавил таким же громким голосом: – «Подписано всеми регентами и запечатано большой печатью государства», и высокомерно положил свиток перед собой. Торанага сделал знак Бунтаро, который тут же вышел вперед, низко поклонился Затаки, поднял свиток, повернулся к Торанаге, поклонился еще раз, тот взял свиток и сделал знак Бунтаро вернуться на свое место.

Бесконечно долго Торанага изучал этот свиток.

– Все подписи подлинные, – сказал Затаки, – вы принимаете приглашение или отказываетесь?

Приглушенным голосом, так что его могли слышать только те, кто был на помосте, и Оми с Нагой, Торанага сказал:

– Почему бы мне не отрубить вам голову за столь дурные манеры?

– Потому что я сын нашей матери, – ответил Затаки.

– Это не защитит вас, если вы пойдете и дальше этим путем.

– Тогда она умрет раньше времени.

– Что?

– Госпожа, наша мать, находится в Такато – неприступной крепости, расположенной в глубине провинции Синано и столице провинции Затахи. Очень жаль, что ее тело останется там навеки.

– Блеф! Вы так же почитаете ее, как я.

– Из-за ее бессмертной души, брат, так же как я чту ее, я ненавижу то, что делаете вы с государством, и даже еще больше.

– Я не стараюсь захватить новых земель и не...

– Вы стараетесь прервать династию.

– Опять неверно, и я буду всегда защищать моего племянника от предателей.

– Вы стремитесь к падению наследника, вот что я думаю, поэтому я решил постараться

остаться в живых, закрыть Синано и отрезать вам путь на север, чего бы мне это ни стоило, и я буду продолжать делать это, пока Кванто не окажется в дружеских руках – чего бы это ни стоило.

– В ваших руках, брат?

– В любых надежных руках, которые исключат ваши, брат.

– Вы доверяете Ишидо?

– Я не доверяю никому, вы научили меня этому. Ишидо есть Ишидо, но его лояльность несомненна. Даже вы признаете это.

– Я признаю, что Ишидо пытается погубить меня и расколоть государство, что он узурпировал власть и нарушил завещание Тайко.

– Но вы объединились с господином Судзиямой, чтобы погубить Совет регентов. Да?

Жила на лбу Затаки дергалась, как черный червяк.

– Что вы можете сказать? Один из его советников предположил измену: что вы объединились против него с Судзиямой, чтобы на ваше место потом выбрать господина Ито в день перед первым собранием и сбежать ночью, бросив тем самым государство в смуту. Я слышал признание, брат.

– Вы были одним из убийц?

Затаки вспыхнул:

– Судзияму убил слишком свирепый ронян, ни я, ни один из людей Ишидо в этом не участвовали.

– Интересно, что вы так быстро заняли его место, не так ли?

– Нет. Моя родословная такая же древняя, как и ваша. Но я не отдавал приказ о смерти, и Ишидо тоже – он клялся своей честью, как самурай. Я тоже. Судзияму убил ронин, но он заслужил смерть.

– С пытками, опозоренный в грязном погребке, видя, как рубили головы его детям и наложницам?

– Этот слух распространяется подлыми мятежниками и, может быть, вашими шпионами, чтобы дискредитировать господина Ишидо и через него госпожу Ошибу и наследника. Этому нет доказательств.

– Посмотрите на их тела.

– Ронины сожгли дом. Тела не сохранились.

– Так удобно, правда? Как можно быть таким доверчивым? Вы же не глупый крестьянин!

– Я не желаю сидеть здесь и выслушивать эту дерьмовую брехню. Дайте мне сейчас же ответ. И потом либо забирайте мою голову, и она умрет, либо отпустите меня, – Затаки наклонился вперед. – Сразу после того как моя голова расстанется с телом, на север в Такато полетит десять почтовых голубей. На севере у меня надежные люди, то же на востоке и на западе, в одном дневном переходе отсюда, и если им не повезет, то есть и еще в безопасных местах за границами вашей территории. Если вы отрубите мне голову, подстроите убийство или если я погибну в Идзу – по любой причине, госпожа тоже умрет. Так что сейчас либо убейте меня, либо давайте кончим передачу этих свитков, и я сразу же покину Идзу. Выбирайте!

– Ишидо убил господина Судзияму. Со временем у меня будут доказательства. Это важно, правда? Мне только нужно немного...

– У вас нет больше времени! Немедленно – так сказано в письме. Конечно, вы отказываетесь повиноваться, хорошо, дело сделано. Вот. – Затаки положил на татами второй свиток. – Здесь ваше официальное обвинение и приказ совершить сеппуку, к чему вы отнеслись с тем же презрением – может быть, господь наш Будда простит вас! Теперь все уже сделано. Я уезжаю сразу же, в следующий раз мы встретимся на поле битвы, и, клянусь Буддой, до захода солнца в этот день я увижу вашу голову на копье.

Торанага задержал взгляд на своем недруге:

– Господин Судзияма был другом и вам, и мне. Наш товарищ, достойнейший из

самураев. Правда о его смерти должна быть очень важна для вас.

– О вашей она мне более важна, брат.

– Ишидо прикормил вас как голодного ребенка у материнской груди.

Затаки повернулся к своему советнику:

– Скажи по чести, как самурай, что я оставил людей и что в письмах?

Седой, уважаемый старый самурай, глава советников Затаки, хорошо знакомый Торанаге как человек чести, чувствуя боль и стыд, как все, кто слышал эту громкую перебранку двух ненавидящих друг друга людей.

– Простите, господин, – сказал он сдавленным шепотом, кланяясь Торанаге, – но мой господин, конечно, говорит правду. Как можно спрашивать об этом? И, пожалуйста, извините меня, но это мой долг, при всем моем уважении и смирении, указать вам обоим, что такая... такая удивительная и позорная невежливость по отношению друг к другу недостойна вашего положения или важности события. Если ваши вассалы – если они услышат, – я сомневаюсь, смог бы потом кто-нибудь из вас удержать их у себя. Вы забываете ваш долг самурая и ваш долг по отношению к вашим людям. Пожалуйста, извините меня, – он поклонился им обоим, – но это должно быть сказано, – потом он добавил: – Все послания были одинаковы, господин Торанага, и сопровождалась официальной печатью господина Затаки: «Сразу же казнить госпожу, мою мать».

– Как я могу доказать, что я не собираюсь свергать наследника? – спросил Торанага своего брата.

– Немедленно отречься от всех своих титулов и власти в пользу своего сына и наследника господина Судары и сегодня же совершить сеппуку. Тогда я и все мои люди – до последнего – поддержим Судару как властелина Кванто.

– Я подумаю о том, что вы сказали.

– Что?

– Я подумаю над тем, что вы сказали, – повторил Торанага более твердо. – Мы встретимся завтра в это время, если вы не против.

Лицо Затаки скривилось:

– Еще один из ваших трюков? Зачем нам встречаться?

– По поводу того, что вы мне сказали, – Торанага поднял свиток, который он держал в руке. – Я дам вам свой ответ завтра.

– Бунтаро-сан! – Затаки сделал жест вторым свитком. – Пожалуйста, передайте это вашему господину.

– Нет! – голос Торанаги разнесся по всей поляне. Потом, с большими церемониями, он громко добавил: – Мне оказали честь, передав послание Совета, и я дам свой ответ достопочтенному послу, моему брату, властелину Синано, завтра в это время.

Затаки подозрительно уставился на него:

– Какой еще можно от...

– Пожалуйста, извините меня, господин, – спокойно, с мрачным достоинством прервал его старый самурай, вновь переводя разговор на конфиденциальную основу, – извините, но господин Торанага совершенно правильно предлагает такой вариант. Вы дали ему возможность принять важное решение, это решение в свитках отсутствует. Это честно и достойно, что он требует время на обдумывание, и это время ему нужно дать.

Затаки поднял второй свиток и заткнул его в рукав.

– Очень хорошо. Я согласен. Господин Торанага, пожалуйста, извините меня за грубость. И последнее, пожалуйста, скажите мне, где господин Касиги Ябу? У меня есть послание и для него. Для него только одно.

– Я пришлю его вам.

* * *

Сокол сложил крылья, упал из вечернего неба и врезался в летящего голубя, пустив по

ветру клубок его перьев, потом схватил его когтями и потащил к земле, все еще падая как камень, пока в нескольких футах от земли не выпустил уже мертвую добычу. Он сумел-таки мастерски опуститься на землю. «Ек-ек-ек-еккк!» – пронзительно кричал сокол, гордо ероша перья на шее, когти в экстазе победы терзали голубиную голову.

Подскакал Торанага с Нагой в качестве конюшего. Дайме тут же спрыгнул с лошади и осторожно позвал птицу к себе на руку. Птица послушно уселась ему на перчатку. И сразу же была вознаграждена кусочком мяса от предыдущей добычи. Он натянул на нее колпачок, закрепив ремни зубами. Нага поднял голубя и положил его в наполовину заполненный мешок для дичи, который висел на отцовском седле, потом повернулся и поманил к себе загонщиков и телохранителей.

Торанага снова сел в седло, сокол удобно устроился у него на перчатке, удерживаемый тонкими кожаными путами на ногах. Дайме взглянул в небо, определяя, сколько еще осталось светлого времени.

В самом конце дня сквозь тучи пробилось солнце, и теперь в долине, при быстро уходящем свете дня, когда солнце было полускрыто хребтом гор, была приятная прохлада. Облака тянулись на север, подгоняемые ветром, проплывая над горными пиками и окутывая большинство из них. На этой высоте, в глубине суши, воздух был чистый и сладкий.

– Завтра будет хороший день, Нага-сан. Я думаю, облаков не будет. Наверное, я поохочусь на рассвете.

– Да, отец, – Нага следил за ним, недоумевая, как всегда боясь задать вопросы и все-таки желая все знать. Он не мог понять, как его отец может так самозабвенно отключиться от этой ужасной встречи. Раскланявшись с Затаки, как положено, он сразу же послал за птицами, загонщиками и охраной и отправил их в холмы рядом с лесом, что казалось Наге неестественным проявлением самоконтроля. От одной мысли о Затаки по телу Наги поползли мурашки, он знал, что старый советник был прав: если бы хоть несколько фраз из разговора были подслушаны, самураям следовало бы броситься защищать честь своих господ. Если бы не угроза, которая нависла над головой его любимой бабушки, он бы сам бросился на Затаки. «Я полагаю, вот почему мой отец то, что он есть и где он есть», – подумал он.

Его глаза заметили всадников, выбирающихся из леса ниже по склону и галопом несущихся к ним через отроги холмов. На фоне темно-зеленого леса река казалась извилистой черной лентой. Свет в гостиницах напоминал светлячков.

– Отец!

– Что? Ах, да, я теперь тоже увидел. Кто это?

– Ябу-сан, Оми-сан и... восемь охранников.

– Твои глаза лучше моих. Ну вот, теперь и я узнаю.

Нага сказал, не подумав:

– Мне не следовало позволять Ябу-сану одному идти к Затаки без... – он остановился, стал запинаться, – отец, простите меня.

– Почему тебе не следовало посылать Ябу-сана одного?

Нага проклял себя за болтливость и спасовал:

– Пожалуйста, извините меня, потому что теперь я никогда не узнаю, какой секретный разговор они вели. Мне следовало держать их порознь. Я не доверяю ему.

– Если Ябу-сан и Затаки-сан планируют измену за моей спиной, они сделают это независимо от того, пошлю я свидетеля или нет. Иногда мудрее дать добыче дополнительную свободу – совсем как при ловле рыбы, да?

– Да, пожалуйста, извини меня.

Торанага подумал, что его сын ничего не понял и никогда не поймет, он всегда останется ястребом, бросающимся на врага, быстрым, беспощадным и смертоносным.

– Я рад, что ты понял, сын мой, – сказал он, чтобы подбодрить его, зная о его хороших качествах и ценя их. – Ты хороший сын, – добавил он, подразумевая это.

– Спасибо, отец, – сказал Нага, наполнившись гордостью от такого редкого

комплимента. – Я только надеюсь, что ты простишь мои глупости и научишь меня, как лучше служить тебе.

– Ты не глупый. – «Ябу глупый», – чуть не добавил Торанага. – Чем меньше людей знают, тем лучше, и нет необходимости напрягать твой ум, Нага. Ты молод – мой самый младший, не считая твоего единокровного брата, Тадатеру. Сколько же ему? Ах, семь, да, ему семь лет.

Некоторое время он смотрел на приближающихся всадников.

– Как твоя мать, Нага?

– Как всегда, самая счастливая госпожа в мире. Она все еще позволяет мне видеть себя только раз в год. Ты не можешь убедить ее изменить это решение?

– Нет, – сказал Торанага, – она никогда его не изменит. Торанага всегда чувствовал приятную теплоту в теле, когда думал о Чано-Тсубоне, своей восьмой официальной наложнице, матери Наги. Он смеялся про себя, когда вспоминал ее простонародный юмор, ямочки на щеках, нахальный зад, то, как она извивалась, и ее энтузиазм в постели.

Она была вдовой фермера из-под Эдо, увлекшей его двадцать лет назад, и оставалась с ним три года, потом попросила разрешения вернуться на землю. Он позволил ей уйти. Теперь она жила на богатой ферме около тех мест, где и родилась, – толстая и довольная величественная буддийская монахиня, почитаемая всеми и ни от кого не зависящая. Один раз за все время он навестил ее, и они, как старые друзья, весело хохотали без всякой причины.

– О, она хорошая женщина, – сказал Торанага.

Ябу и Оми подъехали и спешили. В десяти шагах они остановились и поклонились.

– Он дал мне свиток, – сказал Ябу, взбешенный, размахивая им: – «... Мы предлагаем вам сегодня же выехать из Идзу в Осаку и явиться в Осацкий замок для аудиенции, или все ваши земли будут конфискованы, а вы соответственно объявлены вне закона». Он смял свиток в кулаке и бросил его на землю, – Сегодня!

– Тогда вам лучше сразу же и выезжать, – сказал Торанага, нехорошо радуясь при виде глупости и бешенства Ябу.

– Господин, я прошу вас, – поспешно начал Оми, униженно падая на колени, – господин Ябу ваш преданный вассал, и я прошу вас покорнейше не смеяться над ним. Простите, что я так груб, но господин Затаки... Простите меня за грубость.

– Ябу-сан, пожалуйста, извините меня за это замечание, – оно только из доброго расположения к вам, – сказал Торанага, ругая себя за оплошность. – Нам всем следует иметь чувство юмора, когда речь идет о таких посланиях, правда? – Он подозвал своего сокольничего, передал ему птицу, отпустил его и загонщиков. Потом он сделал знак самураям, кроме Наги, уйти за пределы слышимости, сел на корточки и сделал им знак сделать так же.

– Может быть, вам лучше рассказать мне все, что случилось.

Ябу сказал:

– Рассказывать почти нечего. Я пошел к нему. Он принял меня с минимумом вежливости. Сначала были «приветствия» от господина Ишидо и прямые приглашения вступить в союз с ним, планируя немедленное ваше убийство и убийство всех самураев Торанага в Идзу. Конечно, я отказался его слушать и сразу же, сразу – без самого минимального ритуала вежливости – он протянул мне это! – Его палец воинственно ткнулся в сторону свитка. – Если бы я не имел вашего прямого приказа, защищающего его, я бы тут же разрубил его на куски! Я требую, чтобы вы отменили этот приказ. Я не могу жить с таким позором. Я должен отомстить!

– Это все, что произошло?

– Разве этого недостаточно?

Торанага пропустил мимо ушей грубость Ябу и сердито посмотрел на Оми:

– Это вы виноваты, не так ли? Почему у вас не хватило ума лучше защитить вашего властелина? Считалось, что вы его советник. Вам следовало быть его щитом, вам следовало

вывести господина Затаки на чистую воду, попытаться узнать, что на уме у Ишидо, чем он хочет подкупить, какие у них планы. Вы считались надежным советником. Вам дали прекрасную возможность, а вы ее упустили, как неопытный олух!

Оми наклонил голову:

– Прошу простить меня, господин.

– Я-то могу, но не понимаю, почему это должен делать господин Ябу. Сейчас ваш господин принял этот свиток с посланием. Теперь он уже сделал ход и должен выбрать тот или другой путь.

– Что? – спросил Ябу.

– Почему же еще я сделал то, что я сделал? Для отсрочки, конечно, чтобы выиграть время, – сказал Торанага.

– Но один день? Какое он имеет значение? – спросил Ябу.

– Кто знает? День для вас – на день меньше у врага, – глаза Торанага метнулись обратно к Оми. – Послание от Ишидо было устным или письменным?

Вместо него ответил Ябу:

– Устным, конечно.

Торанага не спускал своего пронизывающего взгляда с Оми:

– Вы не выполнили своего долга перед вашим господином и мной.

– Пожалуйста, извините...

– Что точно вы сказали?

Оми не ответил.

– Вы забыли и о вежливости? Что вы ответили?

– Ничего, господин. Я ничего не сказал.

– Что?

Ябу сказал:

– Он ничего не сказал Затаки, потому что он не присутствовал. Затаки хотел поговорить со мной одним.

– Да? – Торанага спрятал свое ликование, так как Ябу открыл ему то, о чем он и сам догадывался, и что открылась часть правды. – Пожалуйста, извините меня, Оми-сан. Я, естественно, считал, что вы присутствовали.

– Это была моя ошибка, господин. Я должен был настоять. Вы правы, я не смог защитить моего господина, – сказал Оми, – мне следовало быть более настойчивым. Пожалуйста, извините меня. Ябу-сама, пожалуйста, простите меня.

Прежде чем Ябу смог ответить, Торанага сказал:

– Конечно, вы прощены, Оми-сан. Разумеется, если ваш господин не взял вас с собой, это его право. Вы не взяли его с собой, Ябу-сама?

– Да, но я не думал, что это так важно. Вы думаете, я...

– Ну, беда уже произошла. Что вы планируете делать?

– Конечно, не обращать на него внимания, господин, – Ябу был обеспокоен, – Вы думаете, я мог избежать того, чтобы мне его вручили?

– Конечно. Вы могли поторговаться с ним, оттянуть на день. Может быть, и больше. Даже на неделю, – добавил Торанага, глубже засовывая нож в рану, злобно радуясь тому, что собственная глупость Ябу насаживает его на крючок, и вовсе не заботясь о том, что Ябу наверняка подкуплен, обманут, обласкан или запуган, – Извините, но дело уже сделано. Не ломайте голову, как вы однажды сказали: «Чем скорее каждый выберет свою сторону, тем лучше», – он встал. – Сегодня вечером нет необходимости возвращаться в полк. Вы оба приглашены ко мне на ужин. Я устраиваю сегодня вечеринку. – «Для всех», – подумал он про себя, с большим удовлетворением.

* * *

Ловкие пальцы Кику бегали по струнам, плектр сидел прочно. Потом она начала петь, и

ее чистый голос наполнил молчание ночи. Все сидели, как зачарованные, в большой комнате, которая выходила на веранду и в сад за нею, пораженные необычным эффектом, который она производила при мерцающем свете факелов, золотые нити в ее кимоно отблескивали при каждом наклоне над сямисэном.

Торанага быстро огляделся, почувствовав вечерний сквозняк. С одной стороны от него сидела Мариико между Блэксорном и Бунтаро. С другой – Оми и Ябу, бок о бок. Почетное место было еще пусто. Приглашали и Затаки, но он, конечно, с сожалением отклонил приглашение в связи с болезнью, хотя и видели, как он ускакал в горы с северной стороны деревни, а в настоящее время со всей своей легендарной силой отдавался любви. Вокруг располагались Нага с тщательно отобранной стражей, где-то внизу ждала Дзэко. Кику-сан сидела на веранде лицом к ним, спиной к саду – маленькая, беззащитная.

«Мариико была права, – подумал Торанага. – Куртизанка стоит этих денег». Он увлекся ею, его беспокойство, вызванное приездом Затаки, ослабло. Послать за ней сегодня вечером снова или спать одному? Его мужское естество оживилось, когда он вспомнил о прошедшей ночи.

– Так, Дзэко-сан, вы хотели меня видеть? – спросил он в своих покоях в крепости.

– Да, господин.

Он зажег отмеренный заранее кусок ладана.

– Пожалуйста, приступайте.

Дзэко поклонилась, но он едва ли заметил ее, так как впервые видел Кику так близко. Вблизи черты ее лица оказались еще прекрасней, так как на ней еще не было заметно отпечатка ее профессии.

– Пожалуйста, сыграйте нам что-нибудь, пока мы поговорим, – сказал он, удивленный тем, что Дзэко собиралась разговаривать при ней.

Кику сразу же послушалась, но ее тогдашняя музыка ничего не значила по сравнению с тем, что она исполняла сейчас. Прошлым вечером музыка была успокаивающая, аккомпанемент к деловому разговору. Сегодня вечером она была возбуждающая, пугающая и обещающая.

– Господин, – церемонно начала Дзэко, – можно мне сначала поблагодарить вас за ту честь, которую вы оказали мне, моему бедному дому и Кику-сан, первой из моих дам Ивового Мира. Цена, которую я запросила за контракт, чрезмерна, я знаю, невозможна, я уверена, не согласована до завтрашнего утра, когда ее определят госпожа Касиги и госпожа Тода. Если бы дело касалось вас, вы бы решили его уже давно, так как что такое эти презренные деньги для любого самурая, тем более величайшего дайме в мире?

Дзэко для пущего эффекта выждала паузу. Он не клюнул на приманку, но слегка взмахнул веером, что могло быть понято как раздражение ее экспансивностью, согласие с ее комплиментом, абсолютное неприятие ее цены – в зависимости от ее настроения. Оба прекрасно знали, кто действительно определяет цену.

– Что такое деньги? Ничего, только средство общения, – продолжала она, – как и музыка Кику-сан. Что на самом деле совершаем мы, дамы Ивового Мира, кроме того, что соединяем, развлекаем, освещаем душу мужчины, облегчаем его ношу... – Торанага подавил в себя ядовитое замечание, вспомнив, что эта женщина купила у него толику времени за пять сотен коку, и пять сотен коку стоят того, чтобы внимательно ее выслушать. Поэтому он позволил ей продолжать и слушал одним ухом, оставив другое наслаждаться гармонией совершенной музыки, которая проникала в его самое потаенное бытие, успокаивая до появления эйфории. Потом он был снова грубо втиснут в реальный мир фразой, что только что произнесла Дзэко.

– Что?

– Я только предложила вам взять Ивовый Мир под свою защиту и изменить весь ход истории.

– Как?

– Сделав то, что вы всегда делали, господин, заботясь о будущем всей империи –

прежде, чем о своем собственном.

Он пропустил это смехотворное преувеличение и сказал себе, что нужно отключиться от музыки – что он попал в первую ловушку, сказав, чтобы Дзэко привела девушку, во вторую, позволив себе наслаждаться ее красотой и славой, и в третью, позволив ей так соблазнительно играть, пока ее хозяйка говорила.

– Ивовый Мир? А что с Ивовым Миром?

– Две вещи, господин. Во-первых, Ивовый Мир в настоящее время тесно перемешан с реальным миром, что ухудшает тот и другой. Во-вторых, наши дамы не могут достичь такого совершенства, которого имеют право ожидать от них все мужчины.

– О? – Запах духов Кику, каких он не знал до этого, достиг его носа. Они были очень правильно выбраны. Он помимо своей воли взглянул на нее. На ее губах играла полуулыбка, предназначенная только для него. Она томно опустила глаза, ее пальцы забегали по струнам, и он представил их на своем теле в интимной обстановке.

Он попытался сосредоточиться:

– Извините, Дзэко-сан. Что вы сказали?

– Пожалуйста, извините меня, я говорю не очень ясно, господин. Во-первых: Ивовый Мир должен быть отделен от реального мира. Мой Чайный Домик в Мисиме расположен на одной из улиц в южной части города, другие рассеяны по всему городу. То же самое в Киото и Наре, и то же самое во всей империи. Даже в Эдо. Но я думаю, что Эдо может стать образцом для всего мира.

– Как? – его сердце пропустило удар, когда прозвучал совершеннейший аккорд.

– Все другие профессиональные гильдии очень мудро устроили, построив свои собственные улицы, свои собственные районы. Нам тоже надо разрешить иметь свое собственное место, господин. Эдо – новый город, вы можете рассмотреть устройство специального участка для Ивового Мира. Соберите все Чайные Домики в пределах этого района и запретите за его пределами устройство всяких Чайных Домиков, даже самых скромных.

Теперь он уже полностью сосредоточился, так как это была очень ценная мысль. Она была так хороша, что он выругал себя за то, что не подумал об этом сам. Все Чайные Домики и все куртизанки за одним забором, соответственно, очень легко работать полиции, следить, облагать налогом, все их клиенты легко доступны полиции, чтобы наблюдать за ними. Простота замысла поразила его. Он знал также, какое сильное влияние было в руках дам Ивового Мира.

Но его лицо не выдавало его заинтересованности.

– Какие же преимущества в этом, Дзэко-сан?

– Мы не имеем своей гильдии, господин, со всей защитой закона, которую подразумевает гильдия, реальная гильдия в одном месте, не раскиданная повсюду, так сказать, а гильдия, которой все будут подчиняться...

– Должны подчиняться?

– Да, господин. Должны подчиняться, для общего блага. Гильдия будет отвечать за то, чтобы цены были приемлемые и чтобы стандарты выдерживались. Ну, чтобы дама второго класса в Эдо была равна такой же в Киото и так далее. Если этот план окажется полезным в Эдо, почему он не годится в любом городе вашей провинции?

– Но те хозяева, которые окажутся в этом районе, будут командовать всеми. Они монополисты, да? Они могут назначить грабительские цены, могут закрыть двери перед теми, которые захотят работать и будут иметь законное право работать в Ивовом Мире, не так ли?

– Да, это может произойти, господин. И это будет происходить в некоторых местах какое-то время. Но легко издать ограничительные законы, чтобы обеспечить справедливость, и, видимо, хорошее перевесит плохое для нас и для наших уважаемых клиентов и посетителей. Второе: дамы...

– Давайте покончим с первым пунктом, Дзэко-сан, – сказал Торанага сухо, – а что

против вашего предложения, а?

– Да, господин. Возможно, любой дайме легко может распорядиться и по-другому. А он должен иметь дело только с одной гильдией в одном месте. Вы, господин, не должны беспокоиться. Каждый район, конечно, будет отвечать за мир в своем районе. И за налоги.

– Ах, да, налоги! Конечно, так будет гораздо легче собирать налоги. Это хороший довод в вашу пользу.

Глаза Дзэко остановились на кусочке ладана. Сгорело уже больше половины.

– В вашей власти объявить, что наш Ивовый Мир никогда не будет облагаться налогом, никогда. – Она открыто посмотрела на него, ее голос был бесхитростен: – В конце концов, господин, разве не наш мир также называют Плывающим Миром, разве не он единственный предлагает красоту? Это нечто плывущее и преходящее, как юность – священный подарок богов. Из всех мужчин, господин, вы-то должны лучше всех знать, как быстра и преходяща юность, особенно у женщин!

Музыка кончилась. Его глаза тянулись к Кику-сан. Она внимательно смотрела на него, слегка нахмутив бровь.

– Да, – сказал он честно, – я знаю, как быстро улетает юность, – он отхлебнул зеленого чая, – я подумаю над тем, что вы сказали. Второе?

– Второе, – Дзэко напрягла свой интеллект. – Второе и последнее, господин, в вашей воле изменить весь наш Ивовый Мир. Посмотрите на наших дам: Кику-сан, например, обучена пению, танцам, игре на сямисэне с шести лет. Каждый свободный миг она усиленно трудится, чтобы совершенствовать свое искусство. Видимо, за свои актерские качества она заслуженно получила звание госпожи первого класса. Но она еще и куртизанка, и некоторые клиенты надеются получить удовольствие не только от ее искусства, но и от ее тела. Я считаю, что нужно иметь дам двух классов. Первый класс, куртизанки – веселые, довольные, красивые. Второй, новый класс, может быть, назвать их гейшами – артистические личности, посвятившие себя искусству. От гейш нельзя ожидать секс-услуг как части их обязанностей. Они будут только развлекать, танцевать, петь, играть на музыкальных инструментах – и готовиться исключительно к этой профессии. Пусть гейши развлекают только умы и поднимают настроение мужчин своей красотой, грацией и артистичностью, а куртизанки удовлетворяют тело своей красотой, грацией и такой же артистичностью.

Он снова был поражен простотой и оригинальностью ее идеи.

– Как выбирать гейш?

– По их способностям. При достижении половой зрелости ее владелец решит ее будущее. И гильдия может утвердить или отменить решение, не так ли?

– Это необычайная идея, Дзэко-сан.

Женщина поклонилась и сказала:

– Пожалуйста, извините меня за многоречивость, господин, но бывает, что красота увядает, фигура расплывается, а девушка все-таки может иметь большое будущее и реальную ценность. Она не должна опускаться до накатанной дороги, по которой сегодня вынуждены идти все куртизанки. Я говорю от имени всех артистов среди них, от имени моей Кику-сан. Я призываю вас оказать немного милости в будущем и помочь им занять то положение, которое они заслуживают на этой земле. Чтобы уметь петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, требуется многолетняя практика. Секс нуждается в молодости, и нет ничего равного молодости. Не так ли?

– Нет, – Торанага внимательно рассматривал ее. – Гейша может обходиться и без секса с клиентами?

– Это не будет входить в ее обязанности, какие бы деньги ей ни предлагали. Гейша не будет обязана спать с клиентами, господин. Если гейша желает секса с каким-то отдельным мужчиной, это будет ее личное дело или может быть оговорено с разрешения ее хозяйки, цена будет столь высокой, какую только сможет предложить этот мужчина. Куртизанка обязана будет с артистизмом заниматься сексом с клиентами; гейша и ученицы гейш будут неприкасаемы. Пожалуйста, извините, что я говорю слишком долго, – Дзэко поклонилась,

Кику тоже. Оставался совсем маленький кусочек ладана.

Торанага расспрашивал их вдвое больше установленного времени, радуясь возможности больше узнать об их мире, их мыслях, надеждах и страхах. То, что он узнал, привело его в возбуждение. Он классифицировал полученную информацию для использования в будущем, потом отправил Кику в сад.

– Сегодня вечером, Дзеко-сан, мне бы хотелось, чтобы она осталась, если ей захочется, до рассвета, конечно, если она свободна. Вы не будете так добры спросить ее? Разумеется, я понимаю, что она сейчас, наверное, уже устала. В конце концов она так долго и так прекрасно играла, что я это пойму. Но может быть, она подумает о моей просьбе. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы спросили у нее.

– Конечно, господин, но я уверена, что она была бы польщена, получив ваше приглашение. Это наша обязанность – всеми силами служить вам, не так ли?

– Да. Но это, как вы справедливо указали, особый случай. Я пойму ее, если она скажет, что слишком устала. Пожалуйста, спросите у нее сейчас.

Он дал Дзеко маленький кожаный мешочек с десятью кобанами, сожалея о таком широком жесте, но зная, что этого требует его положение.

– Может быть, это компенсирует вам такой утомительный вечер и будет знаком моей благодарности за ваши идеи.

– Наш долг служить вам, господин, – сказала Дзеко. Он заметил, что она пытается удержать свои пальцы и не считать монеты через мягкую кожу и не может.

– Благодарю вас, господин. Пожалуйста, простите меня, я сейчас спрошу ее, – потом странным и неожиданным образом глаза ее наполнились слезами, – пожалуйста, примите благодарность от простой старой женщины за вашу любезность и за то, что выслушали нас. За все удовольствия нашей единственной наградой является только река слез. Честно говоря, трудно объяснить, как себя чувствует женщина... пожалуйста, извините меня...

– Послушайте, Дзеко-сан, я понимаю. Не беспокойтесь. Я обдумаю все, что вы сказали. О, да, завтра на рассвете вы обе поедете со мной. Несколько дней в горах будут для вас хорошей переменой обстановки. Я думаю, цена контракта к тому времени уже будет установлена, да?

Дзеко поклонилась, рассыпавшись в благодарностях, потом вытерла слезы и твердо сказала:

– Могу ли я теперь узнать имя благородного человека, для которого будет куплен контракт?

– Ёси-Торанага-нох-Миновара.

Сейчас, ночью под Ёкосе, в приятно прохладном воздухе, когда музыка и голос Кику-сан завладели их умами и сердцами, Торанага позволил себе помечтать. Он вспомнил наполненное гордостью лицо Дзеко и снова подумал о ставящей в тупик доверчивости людей. Как странно, что даже самые умные и хитрые люди часто видят только то, что они хотят видеть, и редко видят что-нибудь даже за самыми тонкими фасадами. Или они игнорируют реальность, гоня ее от себя. И потом, когда весь мир рассыпается на кусочки и они стоят на коленях, разрезав живот или вскрыв себе горло, или выскакивая в замерзающий мир, они будут рвать на себе волосы, оплакивать свою карму, порицать богов или kami, своих господ или мужей, вассалов – что-нибудь или кого-нибудь, но никогда себя. Удивительно.

Он посмотрел на своих гостей и увидел, что они все еще следят за девушкой, погружившись в свои мечты, их умы поглощены, захвачены ее артистизмом – все, кроме Анджин-сана, который раздражен и обеспокоен. «Ничего, Анджин-сан, – весело подумал Торанага, – это только недостаток культуры. Со временем это придет и даже это не имеет значения, поскольку ты мне повинешься. В какой-то момент мне потребуются твои обидчивость, гнев и ярость.

Да, вы все здесь. Оми, Ябу, Нага, Бунтаро, Марико, Кику-сан и даже Дзеко, все мои ястребы и соколы провинции Идзу. Все здесь, за исключением одного – христианского

священника. И скоро будет твоя очередь, Тсуку-сан. Или, может быть, моя».

* * *

Отец Мартин Алвито из Общества Иисуса был взбешен. Как раз в тот момент, когда он узнал, что ему надо готовиться ко встрече с Торанагой, на которой ему потребуется напрячь весь его ум, он столкнулся с новой мерзостью, которая не могла ждать.

– Что вы скажете в свое оправдание? – бросил он своему японскому помощнику, который в униженной позе, накинув капюшон, стоял перед ним на коленях. Остальные братья стояли полукругом, заняв всю маленькую комнату.

– Пожалуйста, простите меня, отец. Я согрешил, – заикаясь, произнес несчастный, – пожалуйста, простите...

– Я повторяю: это всемогущий Бог в своей мудрости прощает, не я. Вы совершили смертельный грех. Вы нарушили вашу святую клятву. Понятно?

Ответ был едва слышен:

– Извините, святой отец... – Мужчина был щуплый и болезненный. После крещения его звали Джозефом, ему было тридцать лет. Его товарищи, все братья Общества, были в возрасте от восемнадцати до сорока лет. У всех были выбриты тонзуры, все они были благородного самурайского происхождения из провинций острова Кюсю, все хорошо подготовлены к сану священника, хотя никто из них еще не был посвящен в духовный сан.

– Я исповедался, отец, – сказал брат Джозеф, склонив голову.

– Вы думаете, этого достаточно? – отец Алвито нетерпеливо отвернулся от него и подошел к окну. Комната была самой обыкновенной, маты в хорошем состоянии, бумажные стенки-седзи требовали ремонта. Гостиница была старая, третьего класса, но лучшая из того, что можно было найти в Ёкосе, остальное все было занято самураями. Он выглянул в сад, слыша, как далекий голос Кику перекрывает шум реки. Пока куртизанка не кончила петь, он был уверен, что Торанага не придет за ним. «Грязная шлюха», – сказал он почти себе самому, вопиющий диссонанс японского пения раздражал его больше обычного, увеличивая его гнев на отступника Джозефа.

– Послушайте, братья, – сказал Алвито остальным, повернувшись к ним. – Мы все осуждаем брата Джозефа, который вчера вечером в этом городе пошел к проститутке, нарушив святую клятву воздержания, нарушив свою святую клятву послушания, оскорбив свою святую душу, свое положение иезуита, свое место в церкви и все, что стоит за этим. Перед Богом я спрашиваю каждого из вас: совершал ли кто-нибудь из вас подобное?

Все замотали головами.

– Вы когда-нибудь совершали подобное?

– Нет, отец.

– Вы грешник! Перед Богом, вы признаете, что согрешили?

– Да, отец, я уже ис...

– Отвечайте мне перед Богом, это в первый раз?

– Нет, это было не впервые, – сказал Джозеф, – я... я был с другой четыре ночи назад – в Мисиме.

– Но... но вчера вы читали мессу! А как же ваша исповедь вчера и позавчера и еще... вы не признались. Вчера вы читали мессу! Ради Бога, скажите, вы приняли причастие, не исповедовавшись, полностью осознавая свой смертельный грех?

Брат Джозеф был серым от стыда. Он был с иезуитами с восемью лет.

– Это было... это было первый раз, отец. Только четыре дня назад. Я был безгрешен всю свою жизнь. Меня соблазняли – и, Святая Мадонна, прости меня, на этот раз я не устоял. Мне тридцать лет. Я мужчина... мы все мужчины. Пожалуйста, господин, отец Иисус прощал грешников, почему вы не можете простить меня? Мы все мужчины...

– Мы все священники!

– Мы не настоящие священники! Мы не исповедуем – мы даже не посвящены! Мы не

настоящие иезуиты. Мы не можем дать четвертый обет, как вы, отец, – уныло сказал Джозеф, – другие ордены посвящают своих братьев, но только не иезуиты. Почему бы не...

– Придержите ваш язык!

– Я не буду, – вспыхнул Джозеф. – Пожалуйста, извините меня, отец, но почему бы не посвятить нескольких из нас? – Он указал на одного из братьев, высокого, круглолицего человека, который спокойно наблюдал за происходящим, – Почему бы не посвятить брата Михаила? Он обучается у вас с двенадцати лет, сейчас ему тридцать шесть, и он настоящий христианин, почти священник. Он обратил в нашу веру тысячу человек, но все еще не посвящен, хотя...

– Ради Бога, вы будете...

– Ради Бога, ответьте мне, отец, почему никто из нас не посвящен. Кто-нибудь должен осмелиться спросить вас! – Джозеф вскочил. – Я готовился шестнадцать лет, брат Маттео – двадцать три, Джулиус еще больше – мы тратим все свои жизни – бесчисленные годы. Мы знаем молитвы, службы, псалмы лучше, чем вы, а Михаил и я даже и говорим на латыни и порту...

– Прекратите!

– Португальском, и мы читаем большую часть проповедей и ведем дебаты с буддистами и всеми остальными язычниками и принимаем в нашу веру больше всех остальных. Мы это делаем! Во имя Бога и Мадонны, чем мы плохи? Почему мы недостаточно хороши для иезуитов? Только потому, что мы не португальцы или испанцы или потому, что не такие круглоглазые и волосатые? Скажите ради Бога, отец, почему в иезуиты не посвящают японцев?

– Сейчас тебе следует прикусить язык!

– Мы даже были в Риме, Михаил, Джулиус и я, – взорвался Джозеф. – Вы никогда не были в Риме, не встречались с епископом или Его Святейшеством папой римским, как мы...

– Это еще одна причина, почему вам лучше не спорить. Вы дали обет воздержания, бедности и послушания. Вас выбрали среди многих, оказали вам милости по сравнению с другими, а вы позволили так погубить свою душу...

– Извините, отец, но я не думаю, что нам очень повезло, после того, как мы потратили восемь лет на поездку туда и обратно, если после нашего обучения, молитв, проповедей и ожидания никто из нас даже не посвящен, хотя нам это и обещали. Мне было двенадцать, когда я оставил свой дом. Джулиусу было один...

– Я запрещаю вам говорить! Я приказываю вам остановиться, – в наступившем после этого ужасном молчании Алвито поглядел на остальных, которые стояли по стенкам, смотрели и внимательно слушали их разговор. – Вы все будете посвящены в свое время. Но вы, Джозеф, перед Богом вы будете...

– Перед Богом, – взорвался Джозеф, – когда?

– Когда будет угодно Богу, – парировал Алвито, ошеломленный открытым неповиновением, – на колени!

Брат Джозеф пытался еще раз посмотреть на него, но не решился, его порыв прошел, он вздохнул, стал на колени и наклонил голову.

– Может быть, Бог смилостивится над вами. Вы сами признались в ужасном смертельном грехе, виновны в нарушении вашего святого обета воздержания, вашего обета послушания вашим наставникам. И виновны в немыслимом высокомерии. Как осмелились вы оспаривать приказы нашего епископа или политику нашей церкви? Вы рискуете своей бессмертной душой. Вы неблагодарны по отношению к вашему Богу, вашему Обществу, вашей церкви, вашей семье и вашим друзьям. Ваш случай так серьезен, что он будет рассматриваться самым отцом-ревизором. До этого времени вы не будете допущены к причастию, вам не разрешено принимать участие в службе – плечи Джозефа затряслись от угрызений совести, охвативших его, – Как начальная эпитимия, вам запрещается разговаривать, вы будете питаться только рисом и водой в течение тридцати дней, в течение тридцати суток вы каждую ночь будете проводить в молитвах святой Мадонне о прощении

вашего ужасного греха, а кроме того, вы будете наказаны. Тридцать ударов бичом. Снимите сутану.

Плечи Джозефа перестали дрожать. Он поднял глаза:

– Я принимаю все, что вы приказали, отец, – сказал он, – и я прошу прощения чистосердечно, от всей души. Я прошу вашего прощения, как я всегда буду просить божьего прощения. Но я не буду наказан бичом, как обычный преступник.

– Вы будете наказаны!

– Пожалуйста, извините меня, отец, – сказал Джозеф, – ради Святой Мадонны я могу вынести любую боль. Наказание мне не страшно, смерть мне не страшна. То, что я проклят и буду гореть на вечном огне в аду – может быть, это моя карма, и я это вынесу. Но я самурай. Я из семьи господ Харима.

– Ваша гордость ужасает меня. Вас наказывают не для того, чтобы причинить вам боль, но чтобы смирить вашу ужасную гордыню. Обычные преступники? Где ваше смирение? Наш господин Иисус Христос вынес все унижения. И умер с обычными преступниками.

– Да. Здесь наша общая проблема, отец.

– В чем она?

– Пожалуйста, простите мою прямооту, отец, но если бы король королей не умер как обычный преступник на кресте, самурай мог бы принять...

– Замолчите!

– Христианство более элементарно. Общество очень мудро избегает проповеди распятия Христа, как делают другие ордены...

Как ангел мщения, Алвито поднял свой крест перед собой, словно защищаясь им:

– Во имя Бога, молчи и смирись, или ты будешь отлучен от церкви! Разденьте его!

Остальные ожили и стали подходить к нему, но Джозеф встал, в руке его появился нож, выхваченный из-под одежды, он прижался спиной к стене. Все замерли. Кроме брата Михаила. Брат Михаил медленно и спокойно подходил к нему, протянув руку:

– Пожалуйста, отдай мне нож, брат, – спокойно сказал он.

– Нет. Пожалуйста, прости меня.

– Тогда молись за меня, брат, как я молюсь за тебя, – Михаил спокойно подходил к оружию.

Джозеф отскочил на несколько шагов назад, потом приготовился к смертельному удару:

– Прости меня, Михаил.

Михаил продолжал приближаться.

– Михаил, остановитесь. Оставьте его одного, – приказал Алвито.

Михаил повиновался, остановившись в нескольких дюймах от занесенного оружия.

Алвито сказал, мертвенно побледнев:

– Бог с тобой, Джозеф. Ты отлучен. Сатана завладел твоей душой на земле, так же как он овладеет ею после смерти. Уходи!

– Я отказываюсь от христианского Бога! Я японец – я синтоист. Моя душа теперь принадлежит только мне. Я не боюсь, – выкрикнул Джозеф. – Да, у меня есть гордость – в отличие от вас, чужеземцев. Мы – японцы, мы не иностранцы. Даже наши крестьяне не такие дикари.

Алвито с торжественным видом сделал знак крестом, как бы защищаясь от них всех и бесстрашно повернулся спиной к ножу.

– Давайте помолимся все вместе, братья. В наших рядах сатана.

Остальные тоже отвернулись, многие опечаленные, некоторые все еще в шоке. Только Михаил остался там, где он стоял, глядя на Джозефа. Джозеф снял четки и крест. Он собирался бросить их, но Михаил удержал его руку:

– Пожалуйста, брат, пожалуйста, отдай их мне – просто как подарок, – сказал он.

Джозеф долго смотрел на него, потом отдал.

– Пожалуйста, прости меня.

– Я буду молиться за тебя, – сказал Михаил.
– Ты не слышал? Я отказался от Бога!
– Я буду молиться, чтобы Бог не отказался от тебя, Урага-нох-Тадамаса-сан.
– Прости меня, брат, – сказал Джозеф. Он сунул нож за пояс, толкнул дверь и, как слепой, пошел по коридору на веранду. Все с любопытством смотрели на него, среди них был и рыбак Уо, который терпеливо ждал в тени. Джозеф пересек двор и направился к воротам. У него на дороге стоял самурай.
– Стой!
Джозеф остановился.
– Извините, куда вы направляетесь?
– Простите меня, пожалуйста, я... я не знаю.
– Я служу у господина Торанаги. Извините, я не мог не слышать того, что там происходило. Вся гостиница должна была слушать это. Поразительно плохие манеры... удивительные для вашего господина. Так кричать и нарушать тишину. И вы тоже. Я здесь на часах. Я думаю, вам лучше пойти к начальнику нашей стражи.
– Я думаю, что пойду другой дорогой. Пожалуйста, извините...
– Вы никуда не пойдете сейчас. Кроме как к нашему начальнику.
– Что? А, да. Да, извините, конечно, – Джозеф пытался заставить себя что-либо соображать.
– Хорошо. Спасибо, – самурай отвернулся к другому самураю, подходившему со стороны моста, и приветствовал его.
– Я пришел за Тсукку-саном, чтобы отвести его к господину Торанаге.
– Вас ждут.

Глава Сорок Третья

Торанага следил за тем, как высокий священник пересекал поляну, мигающий свет факелов делал его худое лицо еще более неподвижным, чем обычно, черная борода подчеркивала остроту его черт. Оранжевая буддистская накидка священника отличалась элегантностью, четки и крест висели на поясе.

В десяти шагах отец Алвито остановился, стал на колени и почтительно поклонился, начиная обычный ритуал обмена любезностями.

Торанага сидел на помосте один, охрана полукругом располагалась далеко за пределами слышимости. Только Блэксорн стоял поблизости, облокотившись на помост, как ему и было приказано, его глаза впились в священника. Появившийся Алвито не заметил его.

– Рад видеть вас, господин Торанага-сан, – сказал отец Алвито.

– И я тоже, Тсукку-сан, – Торанага предложил священнику усаживаться поудобнее на подушке, положенной на татами, лежащем на земле перед помостом. – Я давно вас не видел.

– Да, господин, можно так сказать, – Алвито вдруг осознал, что подушка лежала на земле, а не на помосте. Он также заметил то, как небрежно Блэксорн носит при Торанаге самурайские мечи и то, как он, ссутулившись, спокойно стоит перед ним, – я привез конфиденциальное послание от моего начальства, отца-инспектора, который выражает вам свое глубокое почтение.

– Благодарю вас, но сначала расскажите мне о своих делах.

– Хорошо, господин, – сказал Алвито, зная, что Торанага не мог не заметить смятения, которое охватило его, и того, как он пытается скрыть его, – сегодня я слишком хорошо осознал свои неудачи. Сегодня вечером я желал, чтобы мне позволили отложить мои земные обязанности и погрузиться в молитву, просить Бога о милости. – Он был пристыжен тем, что у него не хватило смирения. Хотя грех Джозефа был ужасен, Алвито вел дело чересчур поспешно, в злобе и глупости. Это была его вина, что душа была отброшена и пропала навеки, – Наш Господь однажды сказал:

– «Да минет меня чаша сия», – но даже он удержал чашу. Мы в миру пытаемся

следовать ему по мере наших слабых сил. Пожалуйста, извините меня, что я позволил себе говорить с вами о своих проблемах.

– А что у вас за «чаша», старина?

Алвито рассказал. Он знал, что скрывать факты не было смысла, так как Торанага скоро все равно узнал бы обо всем, если уже не знал всей истории, и много лучше для него было рассказать все самому, чем чтобы тот услышал искаженную версию.

– Очень жаль потерять брата, ужасно, что появится еще один отверженный, как бы велико ни было это преступление. Мне следовало быть более терпеливым. Это моя ошибка.

– Где он сейчас?

– Не знаю, господин.

Торанага окликнул часового:

– Сходите за этим отступником-христианином и приведите его сюда завтра в полдень. – Самурай поклонился.

– Я прошу вашей милости, господин, – быстро сказал Алвито, имея в виду этот случай. Но он знал, что чтобы он ни сказал, это не заставит Торанагу отступить от уже выбранного решения. Он опять пожалел, что Общество не имело здесь свой мирской орган, могущий арестовывать и наказывать отступников, как везде во всем мире. Он неоднократно рекомендовал его создать, но каждый раз это предложение отклонялось и здесь, в Японии, и в Риме главой Ордена. «Все-таки без своей собственной действующей в миру организации, – устало подумал он, – мы никогда не сможем поддерживать настоящей дисциплины ни среди братьев по Ордену, ни среди паствы».

– Почему в вашем Обществе нет посвященных в духовный сан, Тсукку-сан?

– Потому, господин, что среди новообращенных еще нет достаточно хорошо подготовленных. Например, абсолютно необходимо знание латыни, так как наши братья, согласно требованиям Ордена, в любое время могут быть отправлены в поездку в любую точку земли, а латынь, к сожалению, очень трудно выучить. Пока еще никто не подготовлен.

Алвито верил в это всем сердцем. Он также твердо противостоял иезуитскому духовенству, считающему, что надо посвящать в сан японцев, вопреки мнению отца-ревизора.

– Ваше высочество, – говорил он каждый раз, – я прошу вас простить меня, не обманывайтесь их скромным и благопристойным видом. Это все невероятные характеры, и в конце концов все равно победит их гордость и их японская природа. Они никогда не будут настоящими слугами общества или надежными солдатами Его Святейшества, наместника Бога на земле, послушного ему одному. Никогда.

Алвито мельком взглянул на Блэксорна, потом снова на Торанагу, который сказал:

– Но два или три из них, этих учащихся на священников, говорят по-латыни и по-португальски, не так ли? Этот человек сказал правду? Почему их не утвердили священниками?

– Извините, но епископ нашего Ордена не считает их достаточно подготовленными. Может быть, трагическое падение Джозефа и является таким примером.

– Плохо нарушать такую важную клятву, – сказал Торанага. Он вспомнил тот год, когда эти трое уплыли из Нагасаки на Черном Корабле, чтобы быть представленными при дворе испанского короля и дворе главного священника христиан, тот год, когда был убит Города. Они уехали наивными молодыми новообращенными христианами и вернулись точно такими же ограниченными и почти так же плохо информированными, как в момент отъезда.

– Глупая трата, – подумал Торанага, – потеря невероятных перспектив, от которых отказался Города, хотя возникали такие значительные преимущества.

– Нет, Тора-сан, нам нужно христиан противопоставить буддистам, – говорил Города, – многие буддистские священники и монахи – солдаты, не так ли? Большинство их. А христиане нет, так? Пусть этот длинный священник возьмет с собой трех юношей, которых сам выберет, они ведь все с Кюсю, эти заблудшие души? Я говорю вам, что мы должны поддержать христиан. Не надоедайте мне со своими долгосрочными планами, но сожгите все

буддистские монастыри, какие сможете. Буддисты только мухи на падали, а христиане всего лишь мешок ни с чем.

«Теперь уже нет, – подумал Торанага с растущим возмущением, – теперь они шершни».

– Да, – сказал он вслух, – очень плохо не сдерживать клятвы, кричать и нарушать покой гостиницы.

– Пожалуйста, извините меня, господин, и простите за то, что я докучаю вам своими проблемами. Спасибо, что вы меня выслушали, как всегда, ваше участие помогает мне лучше себя почувствовать. Можно, я поздороваюсь с кормчим?

Торанага согласился.

– Я должен поздравить вас, кормчий, – сказал Алвито по-португальски, – ваши мечи очень идут вам.

– Благодарю вас, отец, я учусь ими пользоваться, – ответил Блэксорн. – Но сожалею, что еще не очень хорошо ими владею. Я больше привык к пистолетам, абордажным саблям или пушкам, если уж приходится воевать.

– Я молюсь о том, чтобы вам не пришлось больше никогда сражаться, кормчий, и чтобы ваши глаза открылись для бесконечного милосердия божьего.

– Мои открыты, ваши затуманены.

– Ради спасения вашей собственной души, кормчий, откройте ваши глаза и ум. Возможно, что вы ошибаетесь. Но даже и в этом случае я благодарю вас за спасение жизни господина Торанаги.

– Кто вам рассказал об этом?

Алвито не ответил. Он повернулся обратно к Торанаге.

– О чем вы говорили? – нарушил молчание Торанага.

Алвито рассказал ему, добавив:

– Хотя он и враг моей веры и пират, я рад, что он спас вас, господин. Неисповедимы пути господни. Вы оказали ему большую честь, сделав его самураем.

– Он также и хатамото, – Торанага был доволен растущим удивлением священника, – Вы привезли словарь?

– Да, господин, и несколько карт, о которых вы просили, где указано несколько португальских баз на пути из Гоа. Книга у меня в багаже. Может быть, мне послать кого-нибудь за ней или я сам занесу ее попозже?

– Передадите ее кормчему. Сегодня вечером или завтра. Вы принесли отчет?

– О ружьях, которые, как говорят, привезли из Макао? Отец-инспектор готовит его, господин.

– А о числе наемников из Японии на каждой из ваших новых баз?

– Отец-инспектор затребовал современные данные о всех них, господин, которые он представит вам, как только они будут пополнены.

– Хорошо. Теперь скажите мне, как вы узнали о моем спасении?

– Разве все, что случается с Торанагой-нох-Миноварой, не становится темой слухов и легенд. Приехав из Мисимы, мы слышали, что вас чуть не поглотило землетрясение, господин, но что «Золотоволосый варвар» вытащил вас. А также что вы сделали то же самое для него и госпожи – я думаю, госпожи Марико?

Торанага коротко кивнул:

– Да. Она в Ёкосе.

Он немного подумал, потом сказал:

– Завтра ей бы нужно было исповедаться, согласно вашим обычаям. Но только о том, что не касается политики. Я думаю, сюда входит все, что она делала со мной и с моими хатамото, не так ли? Ей я это тоже объясню.

Алвито поклонился в знак того, что понял.

– С вашего разрешения, не могу ли я отслужить мессу для всех христиан, которые собрались здесь, господин? Это было бы самое обычное богослужение, конечно. Может

быть, завтра?

– Я подумаю об этом, – Торанага продолжил общий разговор о разных вещах, потом сказал: – У вас послание для меня? От вашего главного священника?

– Меня почтительно просили передать вам, что это было личное послание.

Торанага сделал вид, что думает над этим, хотя он точно срежиссировал ход этой встречи и уже дал специальные инструкции Анджин-сану, как вести себя и что говорить.

– Очень хорошо, – он повернулся к Блэксорну, – Анджин-сан, вы сейчас можете идти, мы поговорим потом.

– Да, господин, – ответил Блэксорн, – только извините, я о Черном Корабле. Он прибыл в Нагасаки?

– Ах, да, – ответил он, довольный тем, что вопрос Анджин-сана не прозвучал как заученный заранее. – Ну, Тсукку-сан, он уже причалил?

Алвито был поражен при звуках японской речи из уст Блэксорна и сильно удивлен этим вопросом.

– Да, господин. Он пришвартовался уже четырнадцать дней назад.

– Ах, четырнадцать? Вы поняли, Анджин-сан?

– Да, спасибо.

– Хорошо. Что вас еще будет интересовать, спросите у Тсукку-сана позднее, не так ли?

– Да, господин. Пожалуйста, извините меня, – Блэксорн встал, поклонился и вышел.

Торанага проводил его взглядом:

– Очень интересный человек для пирата. Теперь сначала расскажите мне о Черном Корабле.

– Он прибыл благополучно с самым большим грузом шелка, который он когда-либо привозил, – Алвито старался, чтобы его голос звучал как можно более уверенно. – Соглашение, достигнутое между господами Харимой, Кийямой, Оноши и вами, действует. Ваши доходы увеличатся на десять тысяч кобанов в этом году. Качество шелков самое прекрасное. Я привез копию описи деклараций судового груза для вашего казначея. Адмирал Феррьера шлет вам свои поклоны и надеется вскоре увидеться с вами лично. Это было причиной моей задержки. Отец-инспектор спешно отправил меня из Осаки в Нагасаки, чтобы проверить, все ли идет хорошо. Как раз когда я выезжал из Нагасаки, мы узнали, что вы выехали из Эдо в Идзу, поэтому я как можно быстрее поспешил сюда на самом быстроходном нашем судне, прибыл в порт Нимадзу, а дальше по суше. В Мисиме я встретился с господином Затаки и просил разрешения присоединиться к нему.

– Ваш корабль все еще в Нимадзу?

– Да, господин. Он будет ждать меня там.

– Хорошо, – Торанага подумал, не послать ли Марико в Осаку на этом корабле, потом решил подумать над этим позднее. – Пожалуйста, передайте декларацию судового груза моему квартирмейстеру сегодня вечером.

– Да, господин.

– На соглашении о грузе этого года стоит печать?

– Да. Совершенно точно.

– Хорошо. Теперь второй вопрос. Самый важный.

Алвито почувствовал сухость в руках.

– Ни господин Кийяма, ни господин Оноши не согласились оставить генерала Ишидо. Я сожалею. Они не согласились присоединиться к вашему знамени, несмотря на наши настоятельные предложения.

Голос Торанаги стал низким и жестким:

– Я уже указывал, что я требую не только предложений!

– Извините, что я принес вам такие плохие новости по этому делу, господин, но они не согласились ни открыто примкнуть к вам...

– Ах, открыто, вы говорите? А если сделать это негласно – секретно?

– Тайно они были также непреклонны, как и пуб...

– Вы говорили с ними порознь или с обоими сразу?
– Конечно и вместе, и отдельно, самым конфиденциальным образом, но ничего из того, что мы предложили...

– Вы только предложили им план действий? Вы не приказали им?

– Отец-ревизор сказал, господин, что мы не можем приказывать никому из дайме, ни...

– Но вы можете приказать своим братьям? Да?

– Да, господин.

– Вы не пригрозили им также отлучением от церкви?

– Нет, господин.

– Почему?

– Потому что они не совершили никакого смертельного греха, – твердо сказал Алвито, как решили они с дель Аквой, но его сердце забилося, он не хотел сообщать такие ужасные вести, которые теперь стали еще хуже, так как господин Харима, который официально владел Нагасаки, сказал ему по секрету, что все свое огромное состояние и влияние он поставит на службу Ишидо. – Простите меня, господин, пожалуйста, но я не достиг предложенной вами договоренности, тем более что если вы соблюдаете кодекс Бусидо, Путь самурая, то мы должны соблюдать правила о том, что...

– Вы отлучаете бедного глупца за такой естественный поступок, как переспать с женщиной, но когда двое из ваших верующих ведут себя так неестественно – да, даже предательски, – когда я жду от вас помощи, неотложной помощи – а я ваш друг, – вы только делаете «предложения». Разумеется, вы понимаете серьезность этого?

– Я прошу прощения, господин. Пожалуйста, извините меня, но...

– Может быть, я бы простил вас, Тсуку-сан. Еще раньше было сказано: «Сейчас каждый должен выбрать свою сторону», – сказал Торанага.

– Конечно, мы на вашей стороне, господин. Но мы не можем приказать господину Кийяме или господину Оноши что-то сделать...

– К счастью, я могу приказать моим христианам.

– Да, господин?

– Я могу освободить Анджин-сана. И отдать ему корабль. С его пушками.

– Опасайтесь его, господин. Кормчий дьявольски хитер, но он еретик, пират и ему нельзя доверять...

– У нас Анджин-сан самурай и хатамото. На море он, может быть, и пират. Если он пират, я могу предположить, что он соберет еще много корсаров. То, что чужеземцы делают на море, это их личное дело, да? Это всегда было нашей политикой. Не так ли?

Алвито оставался спокойным и пытался заставить себя все проанализировать. Никто не мог предположить, что англичанин станет так близок Торанаге.

– Эти два христианских дайме не сделали никаких шагов, даже каких-либо секретных?

– Нет, господин. Мы пытались каж...

– Никаких уступок, ничего?

– Нет, господин...

– Никакого обмена, никаких условий, компромиссов?

– Нет, господин. Мы пытались их и соблазнить, и убедить. Прошу вас, верьте мне, – Алвито знал, что он был в ловушке и по нему можно было видеть, что он в отчаянии, – Если бы дело касалось меня, то да. Я бы угрожал им отлучением, хотя это была бы ложная угроза, так как я никогда бы не мог выполнить ее, если бы они не совершили смертного греха и не признались в содеянном или раскаялись и подчинились. Но даже угроза для достижения каких-то мирских целей была бы очень большим проступком с моей стороны и грозила бы мне, господин, смертельным грехом. Я рисковал бы вечным проклятием.

– Вы говорите, если бы они согрешили против вашей веры, тогда бы вы отлучили их?

– Да. Но я не думаю, что это можно было бы использовать, чтобы привлечь их на вашу сторону, господин. Пожалуйста, извините меня, но они... они все против вас в данный момент. Я сожалею, но это правда. Они оба заявили об этом очень ясно, и вместе, и порознь.

Клянусь Богом, я молился, чтобы они передумали. Мы дали вам слово, что попробуем, ей-богу, отец-ревизор и я. Мы выполнили наше обещание. Клянусь Богом, мы пытались, но нам не удалось.

– Тогда я проиграл, – сказал Торанага, – вы знаете это, не так ли? Если они останутся в союзе с Ишидо, все христианские дайме будут с ним. Тогда я проиграл. Двадцать самураев против одного моего. Ясно?

– Да.

– А какой у них план? Когда они нападут на меня?

– Я не знаю, господин.

– А вы скажете мне, если узнаете?

– Да-да, если я буду знать.

«Сомневаюсь, – подумал Торанага и отвернулся, глядя в ночную темноту, почти раздавленный грузом своих беспокойств. – Стоит ли объявлять «Малиновое небо» после всего этого? – беспомощно подумал он, – Глупый, обреченный на неудачу удар по Киото?»

Он ненавидел ту позорную западню, в которую попал. Как Тайко и Города перед ним, он должен был терпеть христианских священников, потому что они были неотделимы от португальских торговцев, как мухи от лошади, имея абсолютную мирскую и светскую власть над своей непокорной паствой. Без священников не было бы торговли. Их польза была в том, что они были посредниками в торговле, и их роль при появлении Черного Корабля была жизненно важной, так как они знали языки и пользовались доверием обеих сторон, и если в империи полностью запрещали деятельность священников, все чужеземцы послушно уплывали и никогда не возвращались. Он помнил, как один раз Тайко пытался избавиться от священников и все-таки сохранить торговлю. Черный Корабль не приходил целых два года. Шпионы сообщали о том, как главный священник, сидящий, как ядовитый паук в Макао, приказал больше не торговать с Японией в ответ на запретительные указы Тайко, зная, что когда-нибудь Тайко вынужден будет смириться. На третий год он покорился неизбежности и пригласил священников обратно, забыв про собственные указы, измену и мятежи, которым сочувствовали священники.

«От реальности деться некуда, – подумал Торанага. – Никому. Я не верю тому, что говорит Анджин-сан: что торговля так же важна для чужеземцев, как и для нас, что их жадность заставит их торговать независимо от того, как мы поступим со священниками. Риск слишком большой, чтобы пробовать, времени нет, да и я не имею власти. Мы один раз попробовали и потерпели неудачу. Кто знает? Может быть, они будут ждать и десять лет, они достаточно бескорыстны. Если священники запретят торговать, я думаю, что торговли не будет. Мы не сможем ждать десять лет. Даже пять лет. И если мы прогоним всех иностранцев, то Англии потребуется двадцать лет, чтобы заполнить эту нишу, если все, что говорит Анджин-сан, – правда, и если – а это очень важно – если китайцы согласятся торговать с ними, несмотря на их отношения с южными чужеземцами. Я не верю, что китайцы переменят свои привычки. Они никогда не изменятся. Двадцать лет слишком много. Даже десять лет – чересчур много.

От реальности никуда не деться. Или самая худшая реальность, навязчивая идея, которая тайно страшила Городу и Тайко, вновь оживет: что фанатичные бесстрашные христианские священники, если их вынудить, приложат все свое влияние и торговую мощь, морские силы для помощи одному из самых крупных христиан-дайме. Затем они создадут армию вторжения из одетых в железо таких же фанатичных конкистадоров, вооруженных новейшими мушкетами, чтобы поддержать этого христианина-дайме, как они почти всегда делали в последнее время. Сами по себе любые армии вторгшихся чужеземцев и их священников не угрожают огромным объединенным силам. Мы разгромим их, как орды Кублай-хана, и можем сделать это с любым захватчиком. Но, объединившись с одним из наших крупных дайме-христиан, имеющих армию самураев, и ведя гражданскую войну по всему государству, они могут в конце концов добиться для такого дайме абсолютной власти над всеми нами.

Кийяма или Оноши? Сейчас очевидно, что таков план иезуитов. Рассчитано идеально. Но кто дайме?

Обоим, конечно, помогает Харима в Нагасаки. Но кто поднимет знамя в конце концов? Кийяма – потому что Оноши прокаженный и ему недолго осталось жить на этой земле, и очевидной наградой Оноши за поддержку его ненавистного врага и противника, Кийямы, будет гарантированная, безбедная, вечная жизнь на христианском небе с постоянным местом по правую руку от христианского Бога.

У них сейчас четыреста тысяч самураев. Их база в Кюсю, и этот остров гарантирует их от моего нападения. Вместе эти двое могут легко захватить весь остров, у них есть там бесчисленное количество воинов, пищи, суда, необходимые для вторжения, все шелка, весь Нагасаки. По стране можно набрать еще пять или шесть сотен тысяч христиан. Из них более чем половина – христиане, обращенные иезуитами, – самураи; все они рассеяны среди других воинов у остальных дайме, громадное количество возможных изменников, шпионов или убийц – в зависимости от того, что им прикажут священники. И почему бы им не приказать? Они получают все, чего хотят, кроме самой жизни, – абсолютную власть над всеми нашими душами, а тем самым и над душой этой Страны Богов, чтобы наследовать нашу землю и все, что она вмещает, точно так, как уже рассказывал Анджин-сан о том, что пятьдесят раз случалось в их Новом Мире... Они обратят в христианство императора, потом его используют против его же собственного семейства, пока не проглотят всю страну.

Так легко завоевать нас этой маленькой кучке чужеземных священников? Сколько их во всей Японии? Пятьдесят или шестьдесят? Но они имеют власть. И они веруют. Они готовы с радостью умереть за свою веру с именем Бога на устах. Мы видели это в Нагасаки, когда эксперимент Тайко показал, какая это ужасная ошибка. Никто из священников не отрекся, десятки тысяч обрекли себя на сожжение, десятки тысяч японцев крестились, и это мученичество дало такую славу христианской религии, что их священники с тех пор воспрянули духом.

По мне, священники потерпели поражение, но это не сбilo их с этого жесткого курса. Это тоже реальность.

Итак, это будет Кийяма.

Составлен ли уже план, направленный на обман Ишидо, госпожи Ошибы и Яэмона? А Харима? Он уже тайно втянут в это дело или нет? Стоит ли мне немедленно разрешить Анджин-сану напасть на Черный Корабль?

Что мне делать?

Ничего особенного. Быть терпеливым, стремиться к гармонии, отбросить все беспокойства, не думать о Жизни или Смерти, Гибели и Жизни после смерти, Сейчас или Потом и ввести в действие новый план. Какой план, – хотел он крикнуть в отчаянии. – Нет такого плана!»

– Мне очень жаль, что эти двое остаются с нашим врагом.

– Я клянусь, что мы попытались, господин, – с сожалением сказал Алвито, видя, как он расстроен.

– Да, я верю в это. Я верю вам и отцу-ревизору, что вы сдержали ваше обещание, поэтому я сдержу свое. Вы можете начинать строить свой храм в Эдо прямо сейчас. Земля уже отведена. Я не могу запретить другим священникам, другим «волосатым», появляться в империи, но я по крайней мере могу сделать их нежеланными гостями в моей провинции. Новые чужеземцы будут все одинаково нежеланными, если они когда-либо появятся. Что касается Анджин-сана... – Торанага пожал плечами, – но как долго все это продлится, ну, это же карма, не так ли?

Алвито от всей души возблагодарил Бога за его милость и помощь в таком неожиданном повороте судьбы:

– Благодарю вас, господин, – сказал он, с трудом выговаривая слова, – я знаю, вы не пожалеете об этом. Я молюсь о том, чтобы ваши враги были рассеяны и чтобы вы могли получить награду на небесах.

– Я сожалею о том, что говорил так резко. Я говорил в гневе. Есть так много... – Торанага с трудом встал. – Я разрешаю вам завтра утром провести службу, старина.

– Благодарю, вас господин, – сказал Алвито, чувствуя естественную жалость к этому незаурядному человеку. – Благодарю вас от всего сердца. Может быть, Боги благословят вас и возьмут на свое попечение.

Торанага устало пошел в гостиницу, охрана шла за ним.

– Нага-сан!

– Да, отец, – сказал молодой человек, торопясь на его зов.

– Где госпожа Марико?

– Там, господин, с Бунтаро-саном. – Нага показал на маленький Чайный Домик, освещенный фонарями в глубине сада, внутри которого были видны туманные фигуры. – Мне пойти прервать тя-но-ю¹⁰?

– Нет. Этому никто не должен мешать. Где Оми и Ябу-сан?

– Они в своей гостинице, господин. – Нага показал на длинное низкое строение на другой стороне реки, далеко по берегу.

– Кто выбрал им такую гостиницу?

– Я, господин. Прошу простить меня, вы просили найти им гостиницу с той стороны моста. Я не так понял вас?

– А Анджин-сан?

– Он в своей комнате, господин. Он ждет на случай, если будет нужен вам.

Торанага снова покачал головой:

– Я увижу его завтра, – После паузы он сказал тем же отсутствующим голосом: – Я хочу сейчас принять ванну. Потом я бы хотел, чтобы мне никто не мешал до утра, кроме...

Нага напряженно ждал, следя за тем, как отец невидящим взглядом уставился в пространство, очень обеспокоенный его поведением:

– С вами все в порядке, отец?

– Что? Ах, да-да, со мной все в порядке. А что?

– Ничего. Пожалуйста, извини меня. Ты еще хочешь поохотиться на рассвете?

– Поохотиться? Ах, да, это хорошая идея. Спасибо за предложение, это будет кстати. Посмотрим. Ну, спокойной ночи... Да, Тсукку-сан получил разрешение провести завтра службу. Могут пойти все христиане. Ты тоже пойдешь.

– Что?

– В первый день нового года ты станешь христианином.

– Я!

– Да. По своей собственной свободной воле. Скажи об этом Тсукку-сану наедине.

– ???

Торанага повернулся к нему:

– Ты глухой? Ты больше не понимаешь самых простых вещей?

– Прошу простить меня. Да, отец. Я понял.

– Хорошо. – Торанага впал опять в задумчивость, потом ушел, сопровождаемый телохранителем. Все самураи с уважением поклонились, но он даже не заметил их.

К Наге подошел офицер, также очень удивленный.

– Что произошло с нашим господином?

– Я не знаю, Ёсинака-сан, – Нага оглянулся назад на поляну. Алвито только что покинул ее, направляясь к мосту, его сопровождал только один самурай. – Может быть, из-за этого?

– Никогда не видел, чтобы господин Торанага ходил так тяжело. Никогда. Говорят, этот иностранный священник – колдун, чародей. Мог он навести порчу на нашего господина?

– Нет. Только не на моего отца.

– Чужеземцы меня сегодня озадачили, Нага-сан. Вы слышали этот гвалт – Тсукку-сан и его компания кричали и ссорились, как плохо воспитанные эта?

– Да. Отвратительно. Я уверен, что именно этот человек нарушил внутренних покой отца.

– Если бы спросили меня, я бы сказал, что стрела, пущенная в горло этого священника спасла бы нашего господина от многих неприятностей.

– Да.

– Может быть, сказать Бунтаро-сану о господине Торанаге? Он у нас старший.

– Согласен, но попозже. Мой отец ясно сказал, чтобы я не прерывал тя-но-ю. Я подожду, пока он не закончит.

* * *

В мире и спокойствии маленького домика Бунтаро с большим изяществом открыл маленькую керамическую коробку для чая династии Тцанг и поднял бамбуковую ложку, начиная финальную часть церемонии. Он ловко отмерил нужное количество зеленого порошка и пересыпал его в фарфоровую чашку без ручек. На жаровне кипел старинный литой чайник. С той же спокойной грацией Бунтаро налил пузырящейся воды в чашку, поставил чайник на подставку и аккуратно помешал воду с заваркой бамбуковой палочкой, добиваясь равномерного перемешивания.

Подлив полную ложку холодной воды, он поклонился Марико, сидящей на коленях напротив него, и протянул ей чашку. Она поклонилась и взяла ее с таким же утонченным изяществом, восхищаясь зеленой жидкостью, сделала три глотка, помедлила, потом глотнула снова и, допив чай, предложила чашку ему. Он повторил процедуру приготовления чая и снова предложил ей. Марико попросила попробовать чай ему самому. Бунтаро отхлебнул чаю, потом еще и постепенно допил его. После этого он приготовил третью чашку и четвертую. Затем после вежливого отказа Марико, согласно ритуалу, он заботливо вымыл чашку, вытерев ее чудесным хлопковым полотенцем, и разложил все по своим местам. После этого они обменялись поклонами. Тя-но-ю закончилась.

Бунтаро был доволен тем, что он сделал все как можно лучше и теперь на какое-то время между ними восстановился мир. В этот день после полудня они остались одни.

Он встретил ее у паланкина. Сразу же, как всегда, он почувствовал свою грубость и неотесанность по контрасту с ее хрупким совершенством – как один из этих диких, презренных, волосатых айнов, которые обитали в их стране, но были оттеснены на север, за проливы, на никому неизвестный остров Хоккайдо. Все его продуманные слова вылетели у него из головы, и он мрачно пригласил ее на чайную церемонию, добавив:

– Ведь прошли годы с тех пор, как мы... Я никогда не устраивал ее для вас, ко сегодня вечером будет подходящий момент. – Потом он выпалил, не зная, что сказать, только зная, что это глупо, невежливо и совсем не к месту: – Господин Торанага сказал, что нам надо поговорить.

– Но вы так не считаете, господин?

Несмотря на всю свою решительность, он вспыхнул, голос его зазвучал отрывисто:

– Мне бы хотелось согласия между нами. Я ведь несколько не изменился, да?

– Конечно, господин, почему бы вам меняться? Если что-то не так, то не из-за вас, а из-за меня, я прошу вас простить меня за это.

– Я прощаю вас, – сказал он, возвышаясь горой над ее паланкином, остро осознавая, что все смотрят на них, в том числе Анджин-сан и Оми. Она была необыкновенно прелестна, с высоко подобранными волосами, опущенные глаза казались такими покорными, а для него все-таки наполненными черным льдом, который всегда вызывал в нем ярость, слепое бессильное бешенство, зовущее его убивать, кричать, уродовать, бить, вообще вести себя так, как никогда не должен вести себя самурай.

– Я снял Чайный Домик на сегодняшний вечер, – сказал он ей, – на вечер после ужина.

Нам приказано сегодня ужинать с господином Торанагой. Я был бы польщен, если бы вы были моей гостьей после ужина.

– Это я буду польщена, – она поклонилась и ждала с так же опущенными глазами, а он хотел сбить ее на землю смертельным ударом, потом уйти и вонзить нож себе в живот крест накрест, чтобы эта боль сняла мучения с его души.

Он заметил, что она с пониманием посмотрела на него.

– Что-нибудь еще, господин? – спросила она заботливо. Пот бежал у него по спине и бедрам, кимоно потемнело, грудь и голова болели:

– Вы... вы останетесь в гостинице сегодня вечером.

После этого он оставил Марику и отправился сделать подробные распоряжения относительно всего обоза. Как можно скорее он передал свои обязанности Наге и с притворной суровостью быстро зашагал вниз по берегу реки, пока не остался один, и бросился голый в поток, пренебрегая опасностью, и боролся с течением до тех пор, пока голова не прояснилась, а донимавшая его боль не покинула измученное тело.

Приходя в себя, Бунтаро полежал на песке. Теперь, когда она приняла его приглашение, он должен был действовать. Времени было мало. Он собрался с силами и пошел обратно к черному ходу, который вел в сад, и постоял там некоторое время, обдумывая свой план. Он хотел, чтобы сегодня вечером все было идеальным. Очевидно, что дом был несовершенен, как и сад, – грубое провинциальное подобие настоящего Чайного Домика. «Ничего, – подумал он, полностью поглощенный теперь своей задачей, – все будет хорошо. Ночь спрячет многие недостатки, а фонари создадут недостающую форму».

Слуги уже принесли вещи, которые он заказал заранее – татами, глиняные масляные лампы, и чистили посуду – все самое лучшее в Ёкосе, все совершенно новое, но скромное, ненавязчиво приличное, без претензий.

Он скинул кимоно, положил мечи и начал убираться. Сначала небольшая приемная комната и кухня с верандой. Потом извилистая тропинка и камни мостовой, которые были уложены во мху, и наконец камни и окружающий их сад. Он тер, мел веником и щетками до тех пор, пока все не стало безукоризненно чистым, без единого пятнышка, захваченный смирением ручного труда, которое является началом тя-но-ю, где хозяин должен довести все до полного совершенства. Первым требованием была абсолютная чистота.

К сумеркам он закончил основные приготовления. Потом тщательно вымылся, выдержал ужин и пение у Торанаги и как можно скорее переоделся в более темное платье и поспешил в сад, заперев ворота. Прежде всего он поменял фитили в масляных лампах. Потом тщательно увлажнил камни мостовой и обрызгал водой деревья, чтобы они отсвечивали в разных местах, пока маленький сад не стал сказочной страной, с росинками, танцующими под теплым летним бризом. Бунтаро поменял местами несколько светильников и, наконец, удовлетворившись, отпер ворота и пошел в прихожую. Тщательно выбранные кусочки древесного угля, аккуратно уложенные в пирамиду, горели на белом песке так, как и было задумано. Цветы в токонома казались подобранными совершенно правильно. Он еще раз вымыл уже безупречно чистую посуду. Чайник завел свою песню, и он обрадовался этому звуку, который ему удалось довести до совершенства, тщательно расположив на дне несколько кусочков железа.

Все было готово. Первым условием совершенства тя-но-ю была чистота, вторым – полная простота. Последним, и самым главным, – соответствие конкретному гостю или гостям.

Он услышал ее шаги на камнях мостовой, плеск воды – она окунала, согласно ритуалу, руки в сосуд со свежей речной водой и встряхивала их, чтобы осушить. Три осторожных шага на веранду. Еще два шага к занавешенной двери. Даже она должна была наклониться, чтобы пройти через эту маленькую дверь, которую сделали такой низкой умышленно, чтобы заставить смириться каждого. В тя-но-ю все равны, гость и хозяин, самый высокий по рангу дайме и самый скромный самурай. Даже крестьянин, если его приглашали.

Сначала она рассмотрела составленную мужем композицию. Он выбрал цветок дикой

белой розы и капнул только одну капельку воды на зеленый лист, поставив его в красные камни. «Приходит осень, – хотел сказать он своей композицией, – не оплакивай время осени, время умирания, когда земля начинает засыпать, наслаждайся временем нового начала и переживай прекрасную прохладу осеннего воздуха в этот еще летний вечер... скоро слеза исчезнет, испарится, останутся только камни – скоро вы и я исчезнем, останутся только камни».

Он смотрел на нее, забывшись, глубоко погружившись теперь в состояние, близкое к трансу, которое иногда удается пережить устроителю чайной церемонии, оказавшемуся в полной гармонии со своим окружением. Она почтительно поклонилась цветку, подошла и села напротив него. На ней было темно-коричневое кимоно, прошитое нитками обожженного золота, оттенявшего белизну ее шеи и лица, ее оби темно-зеленого цвета соответствовало ее нижнему кимоно, волосы были просто подняты вверх и ничем не украшены.

– Добро пожаловать, – сказал он с поклоном, начиная ритуал.

– Вы оказали мне честь, – ответила она согласно ее роли.

Он подал ей легкий ужин на безупречном лакированном подносе, палочки для еды лежали в нужном положении, ломтики рыбы на рисе, которые он уложил, дополняли рисунок, и для завершения картины он разбросал в совершенном беспорядке несколько диких цветков, найденных им на берегу реки. Когда они покончили с едой, он поднял поднос – каждое его движение имело определенный смысл, который шел из глубины веков, и отнес его через низкую дверь в кухню.

Оставшись, наконец, одна, Марико критически оглядела огонь, угли под треножником лежали тлеющей горкой в море застывшего белого песка. Уши различали свистящий звук огня, сливающийся со звуком закипающего чайника над ним, и из невидимой кухни шуршание полотенца о фарфор и плеск воды. Некоторое время ее глаза блуждали по ряду изогнутых стропил, бамбуку и соломе, образующим крышу домика. Тени от нескольких ламп, которые он умышленно расставил в кажущемся беспорядке, делали маленькое большим и незначительное редким, изысканным, все вместе создавало удивительно гармоничное целое. После того как она все рассмотрела и приняла всей душой, Марико вышла в сад к маленькому бассейну, который природа веками выдалбливала в камне, и еще раз сполоснула руки и рот прохладной свежей водой, вытеревшись свежим полотенцем.

Когда она снова устроилась на своем месте, Бунтаро спросил:

– Не выпьете ли сейчас чаю?

– Это будет для меня большой честью. Но, пожалуйста, не надо так беспокоиться из-за меня.

– Вы оказываете мне большую честь. Вы моя гостя.

Так он угощал ее чаем. Но вот все подходило к концу. В молчании Марико минуту сидела не двигаясь, оставаясь спокойно на своем месте, не желая сознавать, что все кончилось, или нарушить мир, окружавший ее. В его глазах чувствовалось растущее напряжение. Тя-но-ю кончалась. Опять надо было начинать жить.

– Вы совершили эту церемонию мастерски, – прошептала она, печаль захватила ее целиком. Из глаз у нее выскользнула слеза и оторвала сердце от грудной клетки.

– Нет-нет. Пожалуйста, извините меня... это вы так совершенны... а с моей стороны все было так ординарно, – сказал он, вздрогнув от такой неожиданной похвалы.

– Это было лучшим из всего, что я когда-либо видела, – сказала она, тронутая его полнейшей откровенностью.

– Нет, пожалуйста, извините меня, если это и было прекрасно, то это было из-за вас, Марико-сан. Это было просто хорошо – вы бы сделали это гораздо лучше.

– Для меня это было безупречно. Все. Как печально, что другие, более достойные, чем я, не могли видеть этого тоже! – ее глаза блестели в мерцающем свете ламп.

– Вы видели это. Вот и все. Это было только для вас. Другие бы не поняли.

Она чувствовала, как слезы жгут ей щеки. Обычно она стыдилась их, но сейчас они не

беспокоили Марико.

– Спасибо, как я могу отблагодарить вас?

Он поднял веточку дикого тимьяна, наклонился и осторожно дрожащими пальцами подхватил на ветку ее слезину. Бунтаро молча смотрел на нее, веточка казалась совсем маленькой в его огромном кулаке.

– Моя работа – любая работа – несравнима с этой красотой. Спасибо.

Он смотрел на слезу на листе. Кусок угля скатился с горки углей, и, не раздумывая, он поднял клещи и положил его обратно. С вершины горки взлетели в воздух светящиеся искорки, показалось, что она превратилась в извергающийся вулкан.

Оба погрузились в сладкую печаль, объединенные простотой одной слезы, одинаково довольные покоем, захваченные смирением, зная, что то, что дано, вернется в еще большей чистоте.

Потом он сказал:

– Если бы наш долг не запрещал это, я просил бы вас соединиться со мной в смерти. Прямо сейчас.

– Я бы пошла с вами. С радостью, – сказала она сразу же. – Давайте умрем.

– Мы не можем. Из-за нашего долга перед господином Торанагой.

Она вынула нож из-под оби и аккуратно положила его на татами.

– Тогда, пожалуйста, позвольте мне подготовиться.

– Нет. Это будет нарушение нашего долга.

– Что будет, то и будет. Вы и я не можем перевесить чашу весов...

– Да. Но мы не должны уходить раньше нашего повелителя. Ни вы, ни я. Некоторое время он еще будет нуждаться в каждом преданном вассале. Пожалуйста, простите меня, но я должен вам запретить это.

– Я была бы рада уйти сегодня вечером. Я готова. Более того, я вообще желаю уйти в Пустоту. Моя душа наполнена радостью. – она нерешительно улыбнулась. – Пожалуйста, извините меня за такой эгоизм. Вы совершенно правы, когда говорите о нашем долге.

Острое, как бритва, лезвие блестело в свете ламп. Они смотрели на него, глубоко задумавшись. Потом он резко нарушил обаяние этой минуты:

– Почему вы едете в Осаку, Марико-сан?

– Там есть дела, которые уладить могу одна лишь я.

Его угрюмость усиливалась, по мере того как он следил за светом догоравшего фитиля, попавшим на слезу Марико и отражавшимся миллионами оттенков разных цветов.

– Какие дела?

– Дела, которые касаются будущего нашего дома и должны быть улажены мною.

– В таком случае вы должны ехать, – он изучающе посмотрел на Марико. – Но вы поедете одна?

– Да. Я хочу удостовериться в том, что все семейные договоренности между нами и господином Киймой относительно женитьбы Сарудзи достаточно надежны. Деньги, приданое, земли и тому подобное. Надо оформить увеличение его земельных владений. Господин Хиро-Мацу и господин Торанага требуют этого. Я несу ответственность за дом.

– Да, – медленно сказал он, – это ваш долг. – Его глаза смотрели в глаза Марико. – Если господин Торанага вас отпустит, тогда поезжайте, но не похоже, чтобы вам это позволили. Но все равно... вы должны вернуться побыстрее. Очень быстро. Неразумно будет оставаться в Осаке даже на минуту дольше, чем это необходимо.

– Да.

– Морем будет быстрее, чем сушей. Но вы всегда ненавидели море.

– Я все так же не люблю море.

– Но вы будете там недолго?

– Я не думаю, что полмесяца или месяц могут иметь значение. Может быть, я чего-то не знаю. Я просто чувствую, что я должна выехать сразу.

– Тогда давайте оставим выбор времени и необходимости поездки господину Торанаге

– если он позволит вам вообще поехать. После приезда сюда господина Затаки и обнаружения этих двух свитков единственный выход – война. Ехать сейчас будет слишком опасно.

– Да. Благодарю вас.

Радуясь тому, что все кончилось, он довольно оглядел комнату, не заботясь теперь о том, что его уродливая туша занимает все пространство, каждое из его бедер было шире ее талии, руки толще ее шеи.

– Это прекрасная комната, лучше чем я смел надеяться. Я наслаждался здесь, я опять вспомнил, что тело – ничто, только хижина в глуши. Благодарю вас за то, что вы были здесь. Я так рад, что вы приехали в Ёкосе, Мариико-сан. Если бы не вы, я бы никогда не провел здесь тя-но-ю и никогда бы не почувствовал глубины общения с вечностью.

Она поколебалась, потом с опаской подняла коробку для чая династии Тцанг. Это была простая покрытая глазурью банка без какого-либо орнамента. Оранжево-коричневая глазурь покрывала ее не полностью, оставляя внизу неровную каемку чистого фарфора, подчеркивая неуравновешенность гончара и его нежелание скрывать простоту материала. Бунтаро купил ее у Сен-Накады, самого знаменитого мастера чайных церемоний, за двадцать тысяч коку.

– Это так красиво, – пробормотала она, наслаждаясь прикосновением к ней, – так подходит для церемонии.

– Да.

– Вы были настоящим мастером сегодня, Бунтаро-сан. Вы дали мне так много счастья, – ее голос был низким и напряженным, она слегка подалась вперед. – Все было столь прекрасно: и сад, и то, как вы артистично скрыли эти трещины игрой света и тени. И это, – она опять дотронулась до чайницы. – Все чудесно, даже то, как вы написали на полотенце «ай» – любовь. Для меня сегодняшним вечером «любовь» было самым прекрасным словом, – слезы снова потекли по щекам. – Пожалуйста, извините меня, – сказала она, смахивая их.

Он поклонился, смущенный похвалой. Стараясь скрыть свои чувства, он начал заворачивать чайницу в кусок шелковой ткани. Закончив, Бунтаро положил ее в ящик и аккуратно поставил перед ней:

– Мариико-сан, если у нас в доме возникли денежные проблемы, возьмите это. Продайте.

– Никогда! – Это была единственная вещь, кроме мечей и большого лука, которой он очень дорожил. – Это будет последняя вещь, которую я продам.

– Пожалуйста, извините меня, но если платить за моих вассалов будет нечем, возьмите ее.

– Для них всех денег хватит с лихвой. И на самое лучшее оружие и лошадей. Нет, Бунтаро-сан, Тцанг ваша.

– Нам осталось жить немного времени. Кому мне завещать ее? Сарудзи?

Она посмотрела на угли и огонь, поглощающий миниатюрный вулкан, это зрелище успокоило ее.

– Нет. Не раньше, чем он станет настоящим мастером чайной церемонии, равным его отцу. Я советую вам оставить Тцанг господину Торанаге и попросить его перед смертью решить, достоин ли получить ее наш сын.

– А если господин Торанага проиграет и погибнет до зимы, как я считаю?

– Здесь, в этом уединенном месте, я могу спокойно сказать вам всю правду, не притворяясь, ведь откровенность – важная часть тя-но-ю? Да, он потерпит поражение, если не перетянет на свою сторону Кийяму и Оноши, а также Затаки. В таком случае, укажите в завещании, что Тцанг должна быть послана с охраной Его Императорскому Величеству с просьбой принять ее. Конечно, Тцанг достойна божества.

– Да. Это будет замечательный выбор, – он посмотрел на нож, потом мрачно добавил: – Ах, Мариико-сан, для господина Торанаги сделать уже ничего нельзя. Его карма уже записана. Он выиграет или проиграет. И если он выиграет, и если потерпит поражение, все

равно не избежать большой крови.

– Да.

Задумавшись, он отвел глаза от ее ножа и посмотрел на веточку дикого тимьяна, слеза на ней все еще оставалась чистой. Потом сказал:

– Если он потерпит поражение, то, прежде чем я умру – или если я умру, – я или один из моих людей убьем Анджин-сана.

В темноте ночи ее лицо казалось нереальным. Мягкий бриз трепал пряди волос, придавая еще больше сходство со статуей.

– Пожалуйста, извините меня, можно я спрошу, почему?

– Он слишком опасен, чтобы его оставлять в живых. Его знания, его идеи, даже его пятая конечность... он заражает государство, даже господина Яэмона. Господин Торанага уже попал под его влияние, не так ли?

– Господин Торанага использует его знания, – сказала Марико.

– Тот момент, когда умрет господин Торанага, это момент получения приказа о смерти Анджин-сана. Но я надеюсь, что глаза нашего господина раскроются еще до этого, – лампа с догоревшим фитилем затрещала и погасла. Он взглянул на Марику: – Вы тоже очарованы им?

– Он удивительный человек. Но его ум так отличается от нашего... его характер... да, так отличается от наших, что временами его почти невозможно понять. Один раз я пыталась объяснить ему тя-но-ю, но это выше его понимания.

– Видимо, это ужасно – родиться варваром, ужасно, – сказал Бунтаро.

– Да.

Его взгляд упал на лезвие ее ножа.

– Люди говорят, что Анджин-сан был японцем в предыдущей жизни. Он не похож на других варваров и он... он очень старается говорить и вести себя как один из нас, хотя это ему и не удастся, да?

– Я хотела бы, чтобы вы видели его в тот вечер, когда он чуть не совершил сеппуку, Бунтаро-сан. Я... это было очень необычно. Я видела, что смерть уже коснулась его, но была отведена рукою Оми. Может, он когда-то был японцем, именно это, я думаю, и объясняет многие вещи. Господин Торанага считает, что он очень полезен для нас именно сейчас.

– Вы как раз сейчас перестали учить его и стали опять японкой.

– Что?

– Я считаю, что господин Торанага находится под действием его чар. И вы тоже.

– Пожалуйста, извините меня, но я не думаю, что я оказалась под влиянием его чар.

– В ту другую ночь в Анджино, которая прошла так скверно, я чувствовал, что вы были с ним, против меня. Конечно, это была дьявольская мысль, но я чувствовал это.

Она перевела взгляд с лезвия на него, внимательно посмотрела и не ответила. Еще одна лампа коротко затрещала и погасла. Теперь в комнате осталась только одна горящая лампа, последняя.

– Да, я ненавижу его в ту ночь, – продолжал Бунтаро тем же спокойным голосом, – и хотел его смерти, и вашей, и Фудзико-сан. Мой лук нашептывал мне это, как это бывает временами, требуя убийства. И когда на рассвете следующего дня я увидел, как он спускается с холма с этими, недостойными мужчины маленькими пистолетами в руках, мои стрелы просили его крови. Но я отложил его убийство и смирился, ненавидя себя за его плохие манеры больше, чем его, стыдясь того, как вел себя, и за то, что выпил слишком много саке, – теперь стало видно, как он устал, – столько позора пришлось нам вытерпеть, и вам, и мне. Не так ли?

– Да.

– Вы не хотите, чтобы я убил его?

– Вы должны делать то, что считаете своим долгом, – сказала она, – как я буду делать то, что считаю своим.

– Мы остаемся в гостинице на сегодняшнюю ночь, – сказал он.

И тогда, так как она была хорошим гостем и тя-но-ю была лучшей церемонией из всех, какие он проводил, он одумался и снова дал ей время и покой, которые сам получил от нее.

– Идите в гостиницу. Спите, – сказал он. Его рука подняла нож и протянула ей. – Когда клены потеряют листву – или когда вы вернетесь из Осаки – мы начнем еще раз. Как муж и жена.

– Да. Благодарю вас.

– Вы соглашаетесь по доброй воле, Мариико-сан?

– Да.

– Перед вашим Богом?

– Да. Перед Богом.

Мариико поклонилась и взяла свой нож, запрытав его в укромное место, еще раз поклонилась и ушла.

Ее шаги замерли вдалеке. Бунтаро глянул на веточку, которая все еще была у него в кулаке, слеза еще не скатилась с маленького листочка. Когда он осторожно клал веточку на последний из оставшихся углей, пальцы его тряслись. Чистые зеленые листья стали изгибаться и обугливаться. Слеза исчезла с тихим шипением.

Через некоторое время, в тишине, он заплакал от ярости, внезапно почувствовав в глубине души, что она изменяла ему с Анджин-саном.

* * *

Блэксорн увидел, как она выходила из калитки и шла по хорошо освещенному саду. У него захватило дыхание при виде ее совершенной красоты. Рассвет медленно охватывал восточную часть неба.

– Хэлло, Мариико-сан.

– О, здравствуйте, Анджин-сан! Извините, вы напугали меня – я не заметила вас. Вы поздно ложитесь.

– Нет. Гомен насаи, я вовремя, – он улыбнулся и показал на небо, где чувствовалось наступление утра. – Эту привычку я приобрел на море, просыпаться до рассвета, в самый раз чтобы пройти на корму и приготовиться к встрече солнца, – его улыбка стала еще шире, – это вы поздно ложитесь!

– Я не заметила, что эта... эта ночь кончилась, – самураи, стоявшие на часах у ворот и у всех калиток, с любопытством наблюдали за ними, среди них был Нага. Ее голос стал почти неслышим, когда она переключилась на латынь: – Следи за своими глазами, прошу тебя. Даже в темноте ночи есть предвестники судьбы.

– Я прошу прощения.

Они оглянулись на стук конских копыт у главных ворот. Сокольничье, охотничья команда и охрана. Из ворот уныло вышел Торанага.

– Все готово, господин, – сказал Нага. – Можно мне поехать с вами?

– Нет, благодарю тебя. Ты немного отдохни. Мариико-сан, как прошла тя-но-ю?

– Необычайно красиво, господин. Очень, очень красиво.

– Бунтаро-сан – большой мастер. Вам повезло.

– Да, господин.

– Анджин-сан! Вы не хотели бы поехать поохотиться? Я бы поучил вас, как пускать соколов.

– Что?

Мариико сразу же перевела.

– Да, благодарю вас, – сказал Блэксорн.

– Хорошо, – Торанага указал ему на лошадь. – Вы поедете со мной.

– Да, господин.

Мариико смотрела, как они уезжали, и когда всадники, наконец, двинулись по тропинке, она отправилась к себе в комнату, служанка помогла ей раздеться, сняла макияж и

распустила волосы. После этого она сказала служанке, чтобы та осталась в комнате, что она не хочет, чтобы ей мешали до середины дня.

– Да, госпожа.

Марико легла и закрыла глаза, позволив своему телу опуститься в успокаивающую мягкость стеганого тюфяка. Она устала, но была в приподнятом настроении. Тя-но-ю подняла ее до удивительных высот покоя, очистила ее душу, и оттуда возвышенное, наполненное радостью решение пойти на смерть подняло ее к новым высотам, никогда не достигаемым раньше. Возвращение с этой вершины к жизни еще раз показало ей ее жуткую, невероятную красоту. Она, казалось, была не в себе, когда терпеливо отвечала Бунтаро, уверенная, что ее ответы и поведение безупречны. Она свернулась калачиком в постели, такая радостная, что мир еще существует... пока не облетела листва.

– О, Мадонна, – иступленно молилась она. – Благодарю тебя за твое милосердие, за то, что ты дала мне такую чудную отсрочку. Я благодарю тебя и молюсь тебе всем сердцем и всей душой и буду молиться целую вечность.

Она повторила «Аве Мария» в полном смирении и, прося прощения, согласно своему обычаю и исполняя волю сюзерена, на следующий день она отложила своего Бога в один из дальних закоулков своего сердца.

«А что бы я стала делать, – думала она перед тем, как сон завладел ею, – если бы Бунтаро попросил меня разделить с ним ложе? Я бы отказалась. А потом, если бы он настаивал, так как это его право? Я бы сдержала данное ему обещание. О, да. Ничего не изменилось».

Глава Сорок Четвёртая

В час козла кортеж вновь пересек мост. Все было, как и прежде, за исключением того, что Затаки и его люди были легко одеты для дороги – или схватки. Они все были полностью вооружены и, хотя соблюдали строгую дисциплину, все ждали смертельной схватки, которая могла произойти в самом скором времени. Все они тесно сгруппировались напротив самураев Торанаги, которые сильно превосходило их своей численностью. Среди зрителей в стороне стоял отец Алвито. И Блэксорн.

Торанага приветствовал Затаки с той же спокойной формальной вежливостью, с продолжительным церемонным рассаживанием. Сегодня оба дайме были на помосте одни, подушки отставлены друг от друга на большее расстояние. Над ними нависало низкое небо. Ябу, Оми, Нага и Бунтаро располагались за пределами помоста, окружая Торанагу, сзади Затаки сидели четверо его военных помощников.

В строго назначенное время Затаки вынул второй свиток:

– Я пришел за официальным ответом.

– Я согласен поехать в Осаку и отдаться на волю Совета регентов, – спокойно ответил Торанага и поклонился.

– Вы собираетесь предстать перед Советом? – начал Затаки, его лицо недоверчиво искривилось, – Вы, Торанага-нох-Миновара, вы собираетесь...

– Послушайте, – прервал его Торанага звучным командирским голосом, который разнесся по поляне, – Совет регентов требует, чтобы ему повиновались! Даже если он и незаконный, он создан и ни один дайме не должен нарушать спокойствие государства, как бы он ни был прав. У нас уже были прецеденты. Если один какой-нибудь дайме устраивает переворот, долг всех – уничтожить его. Я поклялся Тайко никогда не нарушать мира, даже если в стране появится сам дьявол. Я принимаю приглашение. Я выезжаю сегодня.

Все самураи пытались предугадать, что значит этот невероятный поворот событий. Все с болью в сердце осознали, что большинство из них, если не все, будут вынуждены стать ронинами, со всем, что под этим подразумевалось: потеря чести, доходов, семьи, будущего. Бунтаро знал, что он будет сопровождать Торанагу в его последней поездке и разделит его судьбу – смерть со всей своей семьей, всех ее поколений. Ишидо был слишком большим

врагом лично для него, чтобы простить, и вообще, кто захочет остаться в живых после того, как его законный господин откажется от честной битвы таким трусливым образом. «Карма, – горько подумал про себя Бунтаро. – Будда, дай мне силы! Теперь я должен буду сам лишиться жизни Марики и нашего единственного сына, прежде чем покончить с собой. Когда? Когда будет выполнен мой долг и мой господин с почетом отойдет в Пустоту. Ему будет нужен преданный помощник, не так ли? Все ушло, как листья осенью, все будущее и настоящее, «Малиновое небо» и судьба. Как раз вовремя. Теперь господин Яэмон наверняка будет наследником. Господин Торанага все-таки тайком в глубине души желал захвата власти, как бы он этого ни отрицал. Может быть, Тайко оживет в своем сыне, мы снова будем воевать с Китаем и на этот раз победим, чтобы встать на вершине мира, это наш божественный долг».

Нага был в недоумении. Не будет «Малинового неба»? Не будет честной войны? Не будет битвы до победы в горах Синано или на равнинах Киото? Не будет почетной смерти в бою, при героической защите знамени своего отца, не будет гор вражеских трупов, попираемых ногами во время последнего почетного выхода или после победы? Не будет даже выстрелов из этих низменных для самурая ружей? Ничего этого – только сеппука. Отрубленная голова на пике, выставленная на потеху простому народу? Только смерть и конец династии Ёси, так как, несомненно, каждый из них умрет – его отец, все его братья, сестры, кузины, племянники и племянницы, тети и дяди. Его глаза сфокусировались на Затаки. Жажда крови стала переполнять его...

Оми следил за Торанагой почти невидящим взглядом, ненависть захватила его. «Наш господин сошел с ума, – думал он, – как можно быть таким глупым? У нас сто тысяч людей, мушкетный полк и еще пятьдесят тысяч вокруг Осаки! «Малиновое небо» в миллион раз лучше, чем отвратительная смерть в одиночку!»

Его рука сильно сжала рукоятку меча, и в какой-то безумный момент он представил себе, как бросается вперед, чтобы отрубить голову Торанаге, протянуть ее регенту Затаки и так кончить эту позорную загадку. Потом умереть от своей собственной руки, с почетом, здесь перед всеми. Для какой цели жить ему теперь? Кику теперь стала недостижимой для него, ее контракт купил и владеет им Торанага, который предал их всех. Прошлой ночью, когда она пела, его тело словно жарилось на огне, так как он знал в глубине души, что ее песня предназначалась для него, одного лишь него. Незатухающий огонь – его и ее. Ждать – почему не покончить с собой вдвоем? Красиво умереть вместе, быть вместе целую вечность. О, как это было бы замечательно! Соединиться душами в момент смерти, как бесконечное доказательство нашей любви к жизни. Но сначала изменник Торанага, не так ли?

Оми стоило больших усилий отогнать от себя эти страшные мысли.

«Все скверно, – подумал он. – Нет мира в моем доме, злоба и ссоры, Мидори всегда в слезах. Не знаю, когда я отомщу Ябу. О чем вчера так долго говорили Затаки и Ябу? Сплошные проблемы. Никакие дела не решаются. Ничего хорошего. Даже когда Мура нашел мечи, они оба оказались так изуродованы силами земли, что Торанага возненавидел меня за них. И теперь наконец, эта трусливая, подлая капитуляция!

Похоже, что я – под чарами дьявола. Они напущены Анджин-саном? Может быть. Но все потеряно. Ни мести, ни тайного маршрута побега, ни Кику, ни будущего – ничего нет. Надо ждать. Смерть – это и будущее, и прошлое, и настоящее, и она будет чиста и проста...»

– Вы отказываетесь? Вы не собираетесь воевать? – проревел Ябу, осознавая, что это означает его смерть и смерть его потомков.

– Я принимаю приглашение Совета, – ответил Торанага, – как и вы принимаете приглашение Совета!

– Я не собирался...

Оми вышел из своей задумчивости с достаточным присутствием духа, чтобы сообразить, что он должен прервать Ябу и защитить его от угрозы немедленной смерти, к которой мог привести того любой спор с Торанагой. Но умышленно не раскрывал рта, ликуя про себя от радости, ожидая что этот дар небес погубит Ябу.

– Вы не сделаете этого? – спросил Торанага. Душа Ябу завопила, почувствовав

опасность. Он едва смог проворчать:

– Я... я, конечно, ваши вассалы должны будут подчиниться. Да... если вы так решили я... я сделаю.

Оми выругался про себя и заставил свое лицо принять прежнее тусклое выражение, его мозг все еще вяло работал после неожиданной капитуляции Торанаги.

Рассерженный Торанага позволил Ябу заикаться дальше, увеличивая его замешательство и вынуждая извиняться. Потом презрительно оборвал его:

– Хорошо, – он повернулся к Затаки, не ослабляя своего напора. – Так что, брат, ты можешь убрать второй свиток. – Краем глаза он заметил, как изменилось лицо Наги, и повернулся к нему: – Нага!

Юноша чуть не выпрыгнул из собственной кожи, но отпустил рукоятку меча, – Да, отец? – запинаясь, спросил он.

– Ступай и принеси мои письменные принадлежности! Сейчас же! – Когда Нага оказался за пределами досягаемости меча, Торанага облегченно выдохнул, поняв, что ему удалось остановить атаку на Затаки до того, как она началась бы. Теперь он внимательно следил за Бунтаро. И за Оми. Торанага подумал, что эти трое теперь контролируются достаточно строго и не сделают попытки совершить какую-нибудь глупость, которая вызовет немедленную стычку и большие жертвы.

Он еще раз обратился к Затаки:

– Я сейчас же дам вам мое письменное согласие на предложение Совета регентов. Это подготовит Совет к моему официальному появлению. Он понизил голос и заговорил так, что его слышал только один Затаки: – В пределах Идзу вы в безопасности, регент. За ее пределами это будет ваша проблема. До тех пор, пока моя мать не вырвется из вашего заточения, вы в безопасности. Только до этих пор. Эта встреча окончена.

– Хорошо. «Официальное появление»? – Затаки выказывал явное презрение. – Какое лицемерие! Никогда не думал, что наступит день, когда Ёси-нох-Миновара будет раболепствовать перед генералом Ишидо. Вы просто...

– Что более важно, брат, – спросил Торанага, – продолжение моего рода или сохранение государства?

* * *

Над долиной нависло уныние. С неба лило, облака висели так низко, едва ли не в трехстах футах от земли, полностью закрывая путь к перевалу. Площадь и двор гостиницы были заполнены толкающимися, хмурыми самураями. Лошади в возбуждении били копытами. Офицеры с излишней грубостью выкрикивали приказания. Испуганные носильщики метались, готовясь идти с отправляющейся колонной. До наступления темноты оставался всего лишь час.

Торанага написал цветистое послание и отправил его Затаки, невзирая на просьбы Бунтаро, Оми и Ябу, которыми они одолели его во время тайного совещания. Он молча выслушал их доводы и, когда они кончили, сказал:

– Я не хочу больше говорить. Я выбрал свой путь. Выполняйте приказы!

Он сказал им, что немедленно возвращается в Анджино, чтобы собрать остатки своих людей. Завтра он направится по дороге вдоль восточного побережья в сторону Атами и Одавара, потом через горные перевалы в Эдо. Бунтаро будет командовать сопровождающими его людьми. Завтра мушкетный полк должен погрузиться на галеры в Анджино и выйти в море, чтобы ждать его в Эдо, командиром будет Ябу. На следующий день Оми должен будет выступить к границе по центральной дороге, собрав всех имеющихся в Идзу воинов. Он должен помогать Хиро-Мацу, который был главнокомандующим, и следить за тем, чтобы враждебный им Икава Джикья не помешал нормальному продвижению. Сам Оми должен обосноваться в Мисиме на какое-то время, чтобы охранять эту часть дороги на Хоккайдо и готовить носилки и лошадей в количестве, достаточном для

Торанаги и большой свиты, необходимой для официального появления Торанаги.

– Предупредите все станции вдоль дороги и соответственно подготовьте их. Вы понимаете?

– Да, господин.

– Убедитесь, что все в полном порядке.

– Да, господин. Вы можете положиться на меня, – даже Оми вздрогнул под его грозным пристальным взглядом.

Когда все было готово к отправлению, Торанага вышел из своих комнат на веранду. Все поклонились. Он угрюмо сделал им знак продолжать свои занятия и послал за хозяином гостиницы. Тот услужливо подал счет, встав на колени. Торанага проверил его пункт за пунктом. Счет был составлен правильно. Он кивнул и передал кассиру для оплаты, потом позвал Марико и Анджин-сана. Марико было разрешено поехать в Осаку.

– Но сначала вы поедете отсюда прямо в Мисиму. Передайте это личное письмо Хиро-Мацу-сану, потом поезжайте в Эдо с Анджин-саном. Вы отвечаете за него, пока не приедете туда. Возможно, в Осаку вы поедете морем – это я решу позднее. Анджин-сан! Вы взяли словарь у священника?

– Повторите, пожалуйста. Простите, я не понимаю.

Марико перевела.

– Извините. Да, книгу я получил.

– Когда мы встретимся в Эдо, вы будете лучше говорить по-японски, чем сейчас. Вакаримас ка?

– Хай. Гомен насаи.

В отчаянии Торанага затопал ногами, выходя со двора, самураи держали над ним большой зонтик от дождя. Все как один – самураи, носильщики и крестьяне – еще раз поклонились. Торанага не обратил на них внимания, просто прошел в свой крытый паланкин во главе колонны и задвинул занавески.

Сразу же семь полуголых носильщиков подняли паланкин и вприпрыжку побежали вперед, их крепкие босые ноги расплескивали воду в лужах. Сопровождающие колонну самураи ехали верхом впереди, другие, тоже на лошадях, охраняли сам паланкин. Сменные носильщики и обоз шли сзади, все спешили, были напряжены и испуганы. Оми вел авангард, Бунтаро командовал арьергардом. Ябу и Нага уже направились к мушкетному полку, который все еще стоял в засаде, перекрыв дорогу и затаившись в ожидании, когда Торанага будет пересекать гребень хребта. Они должны были присоединиться после, образуя арьергард.

– Арьергард против кого? – ворчал на Оми Ябу в те редкие минуты, когда они оказывались наедине.

Бунтаро подошел к высоким резным воротам гостиницы, не обращая внимания на дождь:

– Марико-сан!

Она послушно заторопилась к нему, капли сильного дождя барабанили по ее оранжевому зонтику из промасленной бумаги.

– Да, господин?

Его глаза скользнули по лицу Марико, выглядывавшему из-под зонта, потом обратились к Блэксорну, наблюдавшему за ними с веранды:

– Скажите ему... – Он запнулся.

– Что?

Он снова пристально посмотрел на нее:

– Скажите ему, что я считаю его ответственным за вас.

– Да, господин, – сказала она, – но, пожалуйста, извините меня, я сама отвечаю за себя.

Бунтаро отвернулся и смерил глазами расстояние до вершины горы. Когда он снова обернулся к Марико, на лице его были заметны следы терзавших его мук:

– Теперь наши глаза никогда не увидят падающих листьев, да?

– Все в руках Бога, господин?

– Нет, все в руках господина Торанага, – сказал он надменно.

Она, не дрогнув, выдержала его взгляд. Дождь продолжал идти. Капли падали с краев ее зонтика, словно завеса слез. Низ ее кимоно был забрызган грязью. Бунтаро наконец сказал:

– Сайонара – до Осаки.

Она удивилась:

– О, извините, разве мы не увидимся в Эдо? Конечно, вы будете там с господином Торанагой, приедете туда почти одновременно со мной, да? Там я и увижу вас.

– И в Осаке, когда мы встретимся там, мы начнем все снова. Вот тогда я по-настоящему и увижу вас, правильно?

– А, я понимаю. Извините.

– Сайонара, Мариико-сан, – сказал он.

– Сайонара, мой господин, – сказала она и поклонилась. Он в последний раз поклонился и быстро зашагал по грязи к своей лошади, взлетел в седло и поскакал, не оглядываясь.

– Иди с Богом, – сказала она, провожая его взглядом.

* * *

Блэксорн видел, как она смотрит на Бунтаро. Он ждал, стоя под крышей. Дождь ослабевал, вершина исчезла в облаках, потом скрылся и паланкин Торанага, и он облегченно вздохнул, все еще пораженный поведением Торанага и всем этим так плохо начавшимся днем.

Охота с ястребами в этот день начиналась очень хорошо. Он выбрал небольшого длиннокрылого сокола, похожего на кречета, и пустил его на жаворонка. Стремительно несущийся сокол, увлекаемый ветром, оказался далеко на южной стороне неба. Ведя погоню, как ему и полагалось по правилам охоты, Блэксорн скакал через лес по хорошо утоптанной дорожке, где изредка попадались пешие крестьяне. Но вдруг измученный непогодой продавец масла на усталой взъерошенной лошади перегородил дорогу, ворча что-то про себя, не уступая ему. В горячке погони Блэксорн закричал на него, чтобы он убрался с дороги, но тот не двинулся с места, и Блэксорн грубо обругал его. Продавец масла ответил так же грубо, что-то прокричав в ответ, но тут рядом оказался Торанага, он указал на своего телохранителя и сказал:

– Анджин-сан, дайте-ка ему на минутку свой меч, – и что-то еще, чего Блэксорн не разобрал. Блэксорн тут же выполнил его просьбу. И прежде чем он понял, что происходит, самурай бросился на торговца. Его удар был так яростен и ловок, что продавец масла успел отступить на шаг, уже перерубленный надвое в талии.

Торанага стукнул кулаком по луке седла, на секунду восхитившись, потом снова впал в свою меланхолию, тогда как другие самураи, напротив, выражали громкое одобрение. Телохранитель Торанага аккуратно почистил лезвие о собственный шелковый пояс, чтобы не портилась сталь. Он с удовольствием вложил меч в ножны и вернул его, произнеся что-то, что потом объяснила ему Мариико.

– Он просто сказал, Анджин-сан, что гордится тем, что ему позволили попробовать такой клинок. Господин Торанага предложил вам назвать меч «Продавец масла», потому что такой удар и такую остроту меча будут вспоминать с уважением многие годы. Ваш меч теперь станет легендарным, правда?

Блэксорн припомнил, как он кивнул, стараясь спрятать свой ужас. Он носил теперь «Продавца масла» – этот меч теперь навсегда получил такое имя – тот самый меч, который ему подарил Торанага. «Я хотел бы, чтобы он никогда не давал его мне, – подумал он. – Но это не только их вина, но и моя тоже. Я кричал на этого человека, он грубил в свою очередь, а с самураем не могут обращаться так грубо. Как еще можно было поступить?» Блэксорн

знал, что иного выхода не было. И все равно происшедшее убило радость от охоты, хотя это и пришлось тщательно скрывать, так как Торанага весь день был в плохом настроении, с ним трудно было общаться.

Перед самым полуднем они вернулись в Ёкосе, там произошла встреча Торанага с Затаки, потом опять горячая ванна и массаж, и вдруг перед ним предстал отец Алвито, как дух мщения, с двумя неприязненно настроенными своими помощниками.

– Боже мой, убирайтесь немедленно!

– Нет необходимости бояться или богохульствовать, – сказал Алвито.

– Бог проклинает вас и всех священников! – сказал Блэксорн, пытаясь сдерживаться, зная, что он на вражеской территории. Перед этим он видел, как через мост прошло с полсотни христиан-самураев, они стекались во двор перед гостиницей Алвито, где, по словам Марико, должна была состояться месса. Рука Блэксорна потянулась к рукоятке меча, но он не носил его с купальным халатом, хотя в иных случаях и не расставался с ним, и Блэксорн выругал себя за глупость, недовольный, что оказался без оружия.

– Мой Бог простит вам ваше богохульство, кормчий. Может быть, он не только простит вас, но и откроет вам глаза. Я не держу на вас зла. Я принес вам подарок. Здесь вот подарок вам от Бога, кормчий.

Блэксорн подозрительно отнесся к подарку. Когда он вскрыл пакет и увидел португальско-латинско-японский словарь – грамматику, дрожь прошла по нему. Он перевернул несколько страниц. Печать была, конечно, лучшей из всего, что он видел, качество и подробность информации поразительны.

– Да, это подарок от Бога, конечно, но господин Торанага приказал вам дать его мне.

– Мы повинемся только приказам Бога.

– Торанага просил вас дать его мне?

– Да. Это было его требование.

– А «требование» Торанага не приказ?

– Это зависит, кормчий, от того, кто вы, как велика ваша вера. – Алвито показал на книгу. – Трое наших братьев потратили двадцать семь лет, готовя эту книгу.

– Почему вы даете ее мне?

– Нас попросили об этом.

– Почему вы послушались Торанага? Вы достаточно ловки, чтобы не выполнить его просьбу.

Алвито пожал плечами. Блэксорн быстро пролистал страницы, проверяя. Превосходная бумага, очень ясная печать. Номера страниц были в порядке.

– Книга в порядке, – сказал Алвито, развеселившись. – Мы не выпускаем бракованных книг.

– Это слишком ценная вещь, чтобы вы ее отдали просто так. Что вы хотите взамен?

– Он просил нас дать это вам. Отец-инспектор согласился. Вот вы и получили ее. Она отпечатана только в этом году, наконец-то. Красивая книга, да? Мы только просим вас беречь ее. Она стоит хорошего обращения.

– Она стоит того, чтобы за нее отдали жизнь. В ней бесценные знания, как в одном из ваших руттеров. Но она много ценнее. Что вы хотите за нее?

– Мы ничего не просим взамен.

– Я не верю вам, – Блэксорн взвесил том в своей руке, еще более насторожившись, – Вы должны понять, что это ставит меня на одну ногу с вами. Это дает мне все ваши знания и экономит нам десять, может быть, двадцать лет. Имея ее, я скоро буду говорить так же хорошо, как и вы. Как только я добьюсь этого, я смогу научить и других. Это ключ к Японии, не так ли? Через шесть месяцев я смогу говорить с самим Торанагой-самой.

– Да, может быть и сможете. Если у вас будут эти шесть месяцев.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего, кроме того, что вы уже знаете. Господин Торанага будет мертв задолго до того, как пройдут эти шесть месяцев.

– Почему? Какие новости вы принесли ему? С того момента, как он поговорил с вами, он выглядит как раненый бык. Что вы сказали ему, а?

– Мое послание было частным, от Его Святейшества к господину Торанаге. Извините, я только посол. Но генерал Ишидо контролирует Осаку, как вы, конечно, знаете, и когда господин Торанага прибудет туда, для него все кончится. И для вас.

Блэксорн почувствовал, как мороз пробрал его до костей:

– А почему для меня?

– Вам не уйти от вашей судьбы, кормчий. Вы помогали Торанаге в его действиях против Ишидо. Неужели забыли? Вы приложили руку к этому делу. Вы руководили прорывом из осацкого порта. Извините, но ни умение говорить по-японски, ни ваши мечи, ни статус самурая не помогут вам ни в коей мере. Может быть, это даже хуже, что вы стали самураем. Теперь вам прикажут совершить сеппуку и если вы откажетесь... – И Алвито прибавил тем же мягким голосом: – Я ведь говорил вам уже, они люди простые.

– Мы, англичане, тоже простые люди, – сказал он, нисколько не бравирюя. – Если мы умерли, то умерли, но до этого момента мы полагаемся на Бога и держим порох сухим. У меня еще осталось кое-что в запасе, не беспокойтесь.

– О, я не боюсь, кормчий. Я ничего не боюсь, ни вас, ни вашей ереси, ни ваших ружей. Это им не поможет – как и вам.

– Это карма – все в руках Бога – называйте это, как хотите, – ответил ему Блэксорн, взбешенный, – но, клянусь Богом, я еще получу обратно свой корабль и через пару лет приведу сюда эскадру кораблей и выброшу вас из Азии ко всем чертям.

Алвито заговорил опять со своим бесконечным спокойствием:

– Все в руках Бога, кормчий. Но смерть уже близка, и ничего из того, что вы говорите, не произойдет. Ничего, – Алвито глядел на него, как на покойника, – Может быть, Бог смилостивится над вами, так как, Бог мне судья, кормчий, но, я думаю, вы никогда не покинете этих островов. Блэксорн вздрогнул, вспомнив приговор, который уже предрек ему Алвито.

– Вам холодно, Анджин-сан? – На веранде рядом с ним оказалась Марико, отряхивающая в темноте свой зонтик.

– О, извините, нет, мне не холодно – я только задумался.

Он взглянул на перевал. Колонна вся уже скрылась за облачной грядой. Дождь немного ослаб, стал более редким и мелким. Несколько человек из деревни и слуги шлепали по лужам, торопясь домой. Двор опустел, сад был залит водой. По всей деревне загорелись фонари. У ворот теперь не было часовых, по сторонам моста тоже. Казалось, что в сумерках воцарилась пустота.

– Вечером намного приятнее, не правда ли? – спросила она.

– Да, – ответил он, поняв, что они остались вместе, одни и в безопасности, если они будут осторожны, и если она хочет того же, чего и он.

Подошла служанка, принесла сухие носки и забрала зонтик.

Она встала на колени и начала вытирать ноги Марико полотенцем.

– Завтра на рассвете мы тронемся в путь, Анджин-сан.

– Сколько времени займет эта дорога?

– Несколько дней, Анджин-сан. Господин Торанага сказал... – Марико оглянулась на Дзэко, подобострастно приближающуюся к ним из гостиницы. – Господин Торанага сказал мне, что времени будет достаточно.

Дзэко отвесила низкий поклон:

– Добрый вечер, госпожа Тода, прошу прощения, что я прерываю ваш разговор.

– Как у вас дела, Дзэко-сан?

– Прекрасно, спасибо, хотя я бы и хотела, чтобы этот дождь прекратился. Я не люблю, когда такая сырость. Но потом, когда кончатся дожди, начнется жара, а это еще хуже, не так ли? Но осень не за горами... о, нам так везет, что бывает осень и такая прекрасная весна, правда?

Марико не ответила. Служанка завязала ей таби и встала.

– Спасибо, – сказала Марико, отпуская ее. – Так что, Дзекo-сан? Я могу что-нибудь сделать для вас?

– Кику-сан спрашивала, не хотите ли, чтобы она развлекала вас за ужином, танцевала или пела вечером. Господин Торанага дал ей указания занимать вас, если вы пожелаете.

– Да, он говорил мне, Дзекo-сан. Это было бы очень хорошо, но, может быть, не сегодня вечером. Мы должны выехать на рассвете, я очень устала. Будут же и еще вечера, правда? Пожалуйста, принесите ей мои извинения и скажите, что я очень хотела бы видеть вас и ее моими спутницами в дороге. – Торанага приказал Марико взять с собой обеих женщин, и она поблагодарила его, довольная, что они будут сопровождать ее.

– Вы так добры, – сказала Дзекo медоточивым голосом, – но для нас это большая честь. Мы сразу поедem в Эдо?

– Да, конечно. А почему вы спрашиваете?

– Просто так, госпожа Тода. Но, в таком случае, может быть мы могли бы остановиться в Мисиме на денек или два? Кику-сан хотела бы взять кое-что из одежды – она не считает, что достаточно хорошо одета для господина Торанага, и я слышала, что в Эдо летом очень душно и много moskitов. Нам надо забрать всю ее одежду, какой бы она ни была.

– Договорились. У вас обеих будет достаточно времени. Дзекo не смотрела на Блэксорна, хотя обе они ощущали его присутствие.

– Это... это очень печально для нашего господина, да?

– Карма, – ровным голосом ответила Марико. Потом она добавила со всей женской сладкоголосой коварностью: – Но ничего не изменилось, Дзекo-сан. Вам будет заплачено в тот день, когда вы приедете, как оговорено в контракте.

– Ох, извините, – сказала старуха, притворяясь обиженной. – Извините, госпожа Тода, но при чем тут деньги? Я меньше всего думала о них. Нисколько! Я только обеспокоена будущим нашего господина.

– Он сам хозяин своего будущего, – легко сказала Марико, больше не веря в это, – но ваше будущее прекрасно, не так ли, что бы ни случилось. Вы теперь богаты. Все ваши невзгоды позади. Скоро вы будете иметь власть в Эдо, с этой вашей новой гильдией куртизанок, кто бы ни правил в Кванто. Скоро вы будете самой важной из всех Мама-сан, что бы ни случилось. Кику-сан все равно ваша подопечная, ее не тронут, если только не ее карма. Правда?

– Я только беспокоюсь о господине Торанаге, – ответила Дзекo с хорошо разыгранной печалью, ее анус подергивался при мысли о двух тысячах пятистах коку, которые были уже почти у нее в кармане. – Если бы я хоть как-нибудь могла помочь ему, я бы...

– Как вы великодушны, Дзекo-сан! Я передам ему ваше предложение. Да, если вы сбавите цену на тысячу коку, это очень поможет ему. Я приму это от его имени.

Дзекo заработала своим веером, напустив на себя радостный вид, и умудрилась не завопить вслух от своей глупости, попав в ловушку, как ребенок:

– Ох, нет, госпожа Тода, как можно помочь деньгами такому великодушному господину? Нет, деньги ему, конечно, не помогут, – забормотала она, пытаясь выкрутиться, – Нет, деньги не помогут. Скорее информация, помощь или...

– Пожалуйста, извините меня, какая информация?

– Нет-нет, не сейчас. Я только использовала это как оборот речи, извините. Но деньги...

– Хорошо, я расскажу ему о вашем предложении. И от его имени благодарю вас.

Дзекo поклонилась на прощание и убралась обратно в гостиницу.

Марико тихонько рассмеялась.

– Что смешного, Марико-сан?

Она рассказала ему, о чем был разговор.

– Мама-сан, видимо, одинаковы во всем мире. Она беспокоится только о деньгах.

– Господин Торанага заплатит, даже если... – Блэксорн запнулся. Марико умышленно

молчала, ожидая, что он скажет. Тогда, под ее взглядом, он продолжал: – Отец Алвито сказал, что, когда господин Торанага окажется в Осаке, с ним будет покончено.

– О, да, Анджин-сан, это так, – сказала Марико с легкостью, которой она не чувствовала. Потом она отогнала от себя мысли о Торанаге и Осаке и опять успокоилась. – Но Осака за много лиг отсюда, и до нее еще много времени, и пока это время не пришло, что будет, не знают ни Ишидо, ни этот добрый отец, ни мы – никто не знает, что случится на самом деле. Не так ли? Кроме господина Бога. Но он нам не скажет, правда? До тех пор, пока это не произойдет. Да?

– Хай, – он засмеялся вместе с ней. – Вы так мудры.

– Благодарю вас. У меня есть предложение, Анджин-сан. На время путешествия давайте забудем все посторонние проблемы. Все до одной.

– Ты, – сказал он на латыни, – Так хорошо видеть тебя.

– И тебя. Но крайне необходимо быть чрезвычайно осторожными перед этими двумя женщинами.

– Это зависит от вас, госпожа.

– Я постараюсь.

– Сейчас мы почти одни, да? Ты и я.

– Да. Но этого не было и никогда не случалось.

– Да. Ты опять права. И так красива.

В ворота крупными шагами прошел самурай и отсалютовал Марико. Он был в годах, с седеющими волосами, его лицо было все изрыто оспой, он слегка хромал.

– Пожалуйста, извините меня, госпожа Тода, мы выезжаем на рассвете, да?

– Да, Ёсинака-сан. Но это не очень страшно, если мы отложим и до полудня, если вы пожелаете. У нас масса времени.

– Да. Если вам так угодно, мы можем выехать и в полдень. Добрый вечер, Анджин-сан. Разрешите представиться. Я Акира Ёсинака, командир вашей охраны.

– Добрый вечер, командир.

Ёсинака повернулся к Марико:

– Я отвечаю за вас и за него, госпожа, так что, пожалуйста, скажите ему, я приказал двум своим людям спать в его комнате, как личной охране. На часах будет каждую ночь стоять по десять человек. Они все будут около вас. У меня всего сто человек с собой.

– Очень хорошо, капитан. Но, извините, лучше не ставить пост в комнате Анджин-сана. У них – варваров – принято спать одному или вместе с дамой. Возможно, что с ним будет моя служанка. Пожалуйста, держите часовых кругом, но не очень близко, тогда он не будет обижаться.

Ёсинака поскреб в затылке и нахмурился:

– Слушаюсь, госпожа. Да, я согласен с вами, хотя мой способ охраны более надежен. И потом, пожалуйста, попросите его не совершать эти его ночные прогулки. Пока мы не прибудем в Эдо, я отвечаю за него, а когда я отвечаю за что-то важное, например, за очень важных людей, я очень нервничаю. – Он поклонился и ушел.

– Капитан просит вас не ходить гулять во время нашей поездки. Если встанете ночью, всегда берите с собой самурая, Анджин-сан. Он говорит, так ему будет легче выполнить свое задание.

– Хорошо, – сказал Блэксорн, глядя, как он уходит. – Что еще он говорил? Я что-то уловил про сон? Я не очень его понял, – он остановился. Из гостиницы вышла Кику. На ней был купальный халат, полотенце, красиво обмотанное вокруг головы. Босая, она ленивым шагом направилась в сторону бани, отвесив им полупоклон и весело помахав рукой. Они ответили на приветствие.

Блэксорн уставился на ее длинные ноги и колышущуюся походку и не отрывал взгляда, пока она не скрылась в бане. Он почувствовал, что Марико внимательно смотрит на него, и оглянулся.

– Нет, – успокаивающе сказал он и покачал головой.

Марико засмеялась:

– Я думаю, вам будет трудно – просто ехать с ней после такой замечательной ночи любви.

– Нет, напротив. У меня остались очень приятные воспоминания. Я рад, что она теперь принадлежит господину Торанаге. Это все облегчает – и ей, и ему. И всем, – он собирался добавить: «Всем, кроме Оми», – но придумал более интересный конец, – для меня она в конце концов была только необычайным, удивительным подарком. И ничего больше.

Он захотел дотронуться до Марико, но не сделал этого. Вместо этого он отвернулся и посмотрел на перевал, не уверенный в том, что он увидел в ее глазах. Теперь перевал скрывала ночь. И облака. С крыши с приятным звуком капала вода.

– Что еще сказал капитан?

– Ничего интересного, Анджин-сан.

Глава Сорок Пятая

Дорога в Мисиму заняла девять дней, и каждую ночь они тайком были вместе. Сам того не желая, Ёсинака помог им. В каждой гостинице он, естественно, выбирал для всех них соседние комнаты.

– Я надеюсь, вы не будете возражать, госпожа, но так легче обеспечить безопасность, – говорил он каждый раз.

Марико соглашалась и занимала центральную комнату,

Кику с Дзэко с одной стороны от нее, Блэксорн с другой. Потом, под покровом ночи, она оставляла свою служанку, Дзиммоко, и уходила к нему. Смежные комнаты, обычный гвалт, пение, пьяный галдеж других путешественников, бдительность часовых снаружи очень устраивали их. Только Дзиммоко была посвящена в их тайну.

Марико понимала, что в конце концов Дзэко, Кику и все женщины в их группе догадаться об их отношениях. Но это не беспокоило ее. Она была самураем, а они нет. Ее слово значило больше, чем их, если только она не будет поймана с поличным, и ни один самурай, даже Ёсинака, никогда не осмелится ночью открыть ее дверь без приглашения. Что касается Блэксорна, то все считали, что он делит свою постель с Дзиммоко или одной из служанок в гостинице. Это было его личное дело. Так что выдать ее могла только женщина и, если бы так случилось, ее предательница и все женщины из их группы умерли бы даже более мучительной и медленной смертью, чем она, за такое позорное предательство. Кроме того, все знали, что если бы она захотела, она могла бы послать их на смерть по своему желанию за малейшую неосторожность, реальную или мнимую, еще до того, как они достигнут Мисимы или Эдо. Марико была уверена, что Торанага не возражал бы против этого. Конечно, он бы приветствовал смерть Дзэко и, как считала Марико, в глубине души не возражал бы против смерти Кику. За две с половиной тысячи коку можно было купить много куртизанок первого класса.

Так что она не чувствовала опасности со стороны женщин. Но не со стороны Блэксорна, как бы сильно она ни любила его сейчас. Он не был японцем. Он не был с самого рождения обучен строить свои внутренние, непроницаемые для других стены, за которыми можно было бы спрятаться. Его лицо, манеры, поведение могли выдать их. Она не боялась за себя. Только за него.

– Наконец, я узнала, что такое любовь, – пробормотала она в первую ночь. И потому что она больше не сопротивлялась любовному натиску, но отдалась его неотразимости, страх за него полностью захватил ее. – Я люблю тебя, поэтому и боюсь за тебя, – шептала она, вцепившись в него, переходя на латынь, язык любовников.

– Я люблю тебя, о, как я люблю тебя.

– Я погубила тебя, моя любовь, с самого начала. Мы обречены. Я погубила тебя – это правда.

– Нет, Марико, что-то случится и все образуется.

– Мне не нужно было начинать. Это моя ошибка.

– Не беспокойся, прошу тебя. Карма есть карма.

В конце концов она сделала вид, что он ее убедил, и расслабилась в его руках. Но она была уверена, что у него есть свои собственные боги судьбы. За себя она не боялась.

Ночи были радостными. Одна другой нежнее и прекраснее. Днем ей было легко, ему тяжело. Он постоянно был насторожен, стремясь ради нее не допустить ошибок.

– Никаких ошибок не будет, – говорила она, когда они ехали рядом на лошадях, на безопасном расстоянии от остальных, притворяясь совершенно уверенными в себе после ее преступления в первую ночь. – Ты сильный. Ты самурай и не сделаешь никаких ошибок.

– А когда мы приедем в Эдо?

– Будь что будет. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя.

– Тогда почему такая печаль?

– Не печаль, госпожа. Просто это молчание наполнено болью. Я хочу кричать о своей любви с вершины горы.

Они наслаждались в своем уединении и были уверены, что их тайна еще не раскрыта.

– Что будет с ними, Дзэко-сан? – тихо спросила Кику, когда они сидели в паланкине в первый день их поездки.

– Беда, Кику-сан. Для них нет будущего. Он хорошо прячет свои чувства, но она.. Ее лицо кричит о ее чувствах. Поглядите на нее! Как юная девушка! О, как она глупа!

– Но и красива, правда? Как хорошо быть такой совершенной красавицей, да?

– Да, но я очень не хотела бы, чтобы они погибли.

– Что будет делать Ёсинака, когда уличит их? – спросила Кику.

– Может быть, он и не узнает. Я молюсь о том, чтобы он не догадался. Мужчины такие глупые и недалёковидные. Они могут не заметить самых простых вещей, слава Будде, будь свято его имя. Давайте помолимся о том, чтобы их не обнаружили до тех пор, пока мы не кончим своих дел в Эдо. Давайте помолимся о том, чтобы нам не нести ответственности. О, конечно! А сегодня после полудня, когда мы остановимся, найдем святые гробницы, и я зажгу десять палочек ладана, моля у богов милости. Клянусь всеми богами, я даже пожертвую Храму всех богов по три коку в год в течение десяти лет, если мы спасемся и я получу свои деньги.

– Но они так чудесно смотрятся вместе, правда? Я никогда не видела такой красивой женщины.

– Да, но она будет как растоптанная камелия, когда про нее донесут Бунтаро-сану. Их карма – это их карма, и мы ничего не можем сделать для них. Или для господина Торанаги, или даже для Оми-сана. Не плачь, дитя.

– Бедный Оми-сан.

Оми догнал их на третий день. Он остановился в их гостинице и после ужина разговаривал с Кику наедине, прося ее официально соединиться с ним навеки.

– Охотно, Оми-сан, охотно, – ответила она сразу, дав волю слезам, так как он ей очень нравился, – но мой долг по отношению к господину Торанаге, который так милостив ко мне, и к Дзэко-сан, которая воспитала меня, запрещает мне это.

– Но господин Торанага лишился всех прав на вас. Он побежден. Он конченный человек.

– Но его контракт еще действителен, Оми-сан, как бы мне ни хотелось этого. Его контракт законен и налагает обязательства. Пожалуйста, извините меня, я должна отказаться.

– Не отвечайте мне сейчас, Кику-сан. Подумайте об этом. Пожалуйста, я прошу вас. Дайте мне ответ завтра, – сказал он и ушел от нее.

Но ее ответ сквозь слезы был все тот же:

– Я не могу быть такой эгоистичной, Оми-сан. Пожалуйста, простите меня. Мой долг перед Дзэко-сан и господином Торанагой не позволяет, как бы мне этого ни хотелось. Пожалуйста, простите меня.

Он продолжал спорить. Хлынули еще более обильные слезы. Они поклялись в вечной

любви, после чего она отправила его с обещанием:

– Если контракт будет аннулирован или господин Торанага умрет и я освобожусь, тогда я сделаю все, что вы хотите, я повинуюсь любому вашему приказу.

Он уехал из гостиницы и направился в Мисиму с недобрыми предчувствиями, а она вытерла слезы и привела в порядок макияж. Дзеко хвалила ее:

– Вы так мудры, дитя. О, как бы я хотела, чтобы госпожа Тода имела хоть половину вашей мудрости.

Ёсинака неторопливо двигался от гостиницы к гостинице по течению реки Кано, которая, извиваясь, текла в сторону моря, к северу, смиряясь с отсрочками, которые происходили все время, совсем не думая о времени. Торанага наедине сказал ему, что торопиться нет никакого смысла, поставив условие, чтобы он в целости и сохранности доставил своих подопечных в Эдо к началу нового месяца:

– Я предпочитаю, чтобы это было скорее позже, чем раньше, Ёсинака-сан. Вы понимаете?

– Да, господин, – ответил он. Теперь он благодарил охраняющих его ками за то, что они дали ему передышку. В Мисиме перед господином Хиро-Мацу или в Эдо перед господином Торанагой он должен был бы сделать обязательный отчет, устный и письменный. Тогда он должен будет решить, рассказать ли ему о том, что он так старался не замечать. «Э, – сказал он себе в смятении, – конечно, я ошибся. Госпожа Тода? Она и какой-то мужчина, тем более чужеземец!»

«Разве не твой долг следить, – спросил он себя, – чтобы получить доказательства? Поймать их за закрытыми дверями, спящими вместе. Ты будешь презирать себя за их сговор, если не поймашь, не так ли? А подловить их так легко, даже если они очень осторожны».

«Да, но только глупец будет сообщать такие известия, – подумал он, – Не лучше ли изобразить тупицу и молиться, чтобы никто не выдал их и таким образом не выдал тебя? Ее жизнь кончена, мы все обречены, так какая разница? Не обращай внимания. Оставь их их карме. Какое это имеет значение?» Но всем своим сердцем самурай чувствовал, что это означает очень многое.

* * *

– А, доброе утро, Мариико-сан. Какой сегодня чудесный день, – сказал отец Алвито, подходя к ним. Все стояли около гостиницы, готовые к началу дневного перехода. Он перекрестил Мариико: – Боже, благослави ее и поддержи в ней веру.

– Благодарю вас, отец.

– Доброе утро, кормчий. Как вы себя чувствуете сегодня?

– Хорошо. Спасибо. А вы?

Их группа и иезуиты часто сталкивались во время движения. Иногда они останавливались в одной гостинице. Иногда ехали вместе.

– Вам не хотелось бы ехать вместе со мной сегодняшним утром, кормчий? Я был бы счастлив продолжить уроки японского, если вы в настроении.

– Спасибо. Да, мне бы этого хотелось.

В первый же день Алвито предложил научить Блэксорна японскому языку.

– В обмен на что? – настороженно спросил Блэксорн.

– Ни на что. Это поможет мне скоротать время, и сказать вам правду, иногда меня печалит моя жизнь, и я чувствую себя очень старым. А также, может быть, чтобы извиниться за мои жестокие слова.

– Я не жду от вас извинений. У вас свой путь, у меня свой. Нам не идти одной дорогой.

– Наверное, но в вашем путешествии мы можем чем-то поделиться, не так ли? Мы просто путники. Мне хотелось бы помочь вам.

– Почему?

– Знание принадлежит Богу. Не человеку. Мне хотелось бы помочь вам, как бы сделать

подарок – ничего взамен.

– Спасибо, но я не доверяю вам.

– Тогда, если вы настаиваете, взамен вы могли бы рассказать мне о вашем мире, что вы видели и где бывали. Все, что хотите, но только то, что хотите. Истинную правду. Это действительно интересует меня, и это был бы честный обмен. Я приехал в Японию, когда мне было тринадцать или четырнадцать лет, и ничего другого на свете не видел. Мы могли бы даже установить перемирие на время путешествия, если вы не против.

– Но только без разговоров о религии, политике или папских доктринах.

– Меня не изменить, кормчий, но я попробую.

Так они осторожно стали обмениваться знаниями. Для Блэксорна это казалось нечестным обменом, эрудиция Алвито была огромной, он был прекрасный учитель, в то время как Блэксорн считал, что он знает только то, что должен знать кормчий.

– Но это неверно, – сказал Алвито. – Вы уникальный кормчий, вы добились невероятных успехов. Вы один из полдюжины на всей земле, правда!

Постепенно между ними наступило перемирие, и это радовало Марику.

– Это дружба, Анджин-сан, или начало ее, – сказала Марики.

– Нет, не дружба, я не доверяю ему, как и он мне. Мы вечные враги. Я ничего не забыл, он тоже. Это временная отсрочка, может быть, со специальной целью, о которой он никогда не скажет, если я и буду спрашивать. Я понял его, опасности нет, поскольку я не расстанусь со своей стражей.

Пока он проводил время с Алвито, она лениво ехала с Кикю и Дзёко и разговаривала о сексе и о том, как ублажать мужчин, и об Ивовом Мире. Она, в свою очередь, рассказывала им о своем мире, о том, чему была свидетелем, в чем участвовала или о чем слышала. О диктаторе Городе, Тайко и даже о господине Торанаге, благонамеренные рассказы о могущественных людях, которых никогда не слышали простые смертные.

В нескольких милях к югу от Мисимы река сворачивала к западу, спокойно устремляясь к берегу моря и большому порту Нумадзу, и они покинули эту овражистую местность и потащились через плоские рисовые поля вдоль широкой оживленной дороги, идущей к северу. Здесь было много ручьев, притоков, которые нужно было переходить вброд. Некоторые из них были мелководными, некоторые глубокие и очень широкие, их нужно было пересекать на плоскодонных баржах. Немногие из них перекрывались мостами. Обычно их всех переносили на плечах носильщики, которые всегда держались вокруг с этой целью, болтая и ругаясь.

Это произошло на седьмой день после выхода из Ёкосе. Дорога разветвлялась, и здесь отец Алвито сказал, что он должен покинуть их. Он собирался отправиться по западной дороге, чтобы вернуться на свой корабль на день или около того, но он бы встретил их и присоединился к ним снова на дороге из Мисимы в Эдо, если ему это позволит.

– Конечно, я буду рад, если вы оба пожелаете поехать со мной.

– Спасибо, но, извините, у меня есть дела в Мисиме, – сказала Марики.

– Анджин-сан? Если госпожа Марики будет занята, мы будем рады вам. У нас очень хороший повар, прекрасные вина. Видит Бог, вы будете в безопасности и сможете уходить и приходить, когда вам захочется. Родригес сейчас на борту.

Марики видела, что Блэксорн почти готов принять приглашение. «Как он может? – спрашивала она себя, расстроившись. – Как он может уехать от меня, когда осталось так мало времени?»

– Пожалуйста, Анджин-сан, – сказала, она, – это будет очень полезно для вас, и неплохо бы вам повидать Родригеса, правда?

Но Блэксорн не поехал, как бы ему ни хотелось этого. Он не доверял священнику. Даже из-за Родригеса он не стал совать голову в эту западню. Он поблагодарил Алвито и отказался.

– Давай сейчас остановимся, Анджин-сан, – сказала Марики, хотя едва наступил полдень. – Давай не будем торопиться, ладно?

- Прекрасно. Да, мне тоже бы хотелось этого.
- Отец хороший человек, но я рада, что он уехал.
- Я тоже. Но он не хороший человек. Он священник.

Она была ошеломлена его страстностью:

- О, извините, Анджин-сан, пожалуйста, извините меня за эти слова...
- Неважно, Марики-сан. Я сказал вам – ничто не забыто. Он все время будет за мной охотиться. – Блэксон пошел поискать капитана Ёсинаку.

Расстроившись, Марики посмотрела на западное ответвление дороги.

Лошади группы отца Алвито неторопливо шли среди других путников. Некоторые проходящие мимо кланялись маленькому кортежу, многие смиренно становились на колени, некоторые любопытствовали, кое-кто провожал его недовольным взглядом. Но все вежливо уступали дорогу. Кроме самураев даже самого низшего ранга. Когда отец Алвито встречал самурая, он переходил на другую сторону дороги, и его спутники делали то же самое.

Он был рад оставить Марики и Блэксона. Ему нужно было отправить срочные послания отцу-инспектору, которые он не смог отослать раньше, так как его почтовые голуби в Екосе все погибли. Нужно было решить так много проблем: Торанага, рыбак Уо, Марики и этот пират. И Джозеф, который продолжал отслеживать его.

– Что он делает здесь, капитан Ёсинака? – выпалил он в первый день, как только заметил Джозефа среди охраны, одетого в форменное кимоно и неуклюже носящего мечи.

– Господин Торанага приказал мне взять его в Мисиму, Тсуку-сан, там я должен направить его к господину Хиро-Мацу. Простите, вам неприятно его видеть?

– Нет-нет, – неуверенно заявил он.

– А, вы смотрите на его мечи? Не беспокойтесь. Это только одни рукоятки, без клинков. Так приказал господин Торанага. Поскольку он, видимо, был посвящен в ваш Орден таким молодым, то неясно, следует ли ему давать настоящие мечи или нет, имеет ли он на это право. Кажется, он вступил в ваш Орден в детском возрасте, Тсуку-сан. Ведь не может быть самурая без мечей, правда? Урага-нох-Тадамаса, конечно, самурай, хотя он и был священником у чужеземцев целых двадцать лет. Наш господин мудро принял это компромиссное решение.

– Что же будет с ним?

– Я передам его господину Хиро-Мацу. Может быть, он отошлет его обратно к дяде, чтобы тот решил его судьбу, может быть, он останется с нами. Я только повинуюсь приказам, Тсуку-сан.

Отец Алвито хотел поговорить с Джозефом, но Ёсинака вежливо остановил его:

– Извините, но мой хозяин приказал ему держаться одному. Никого рядом. Особенно христиан. До тех пор, пока господин Харима не примет решение, сказал мой хозяин. Урага-сан – вассал господина Харимы, правда? Господин Харима тоже христианин, так? Господин Торанага говорит, что с отступниками-христианами должен иметь дело дайме-христианин. В конце концов господин Харима – дядя и глава дома и это он в первую очередь приказал ему идти к вам.

Хотя ему и запретили, Алвито этим же вечером снова попытался поговорить с Джозефом с глазу на глаз, просить его отказаться от своего святотатства и на коленях просить прощения у отца-инспектора. Однако юноша холодно удалился, не слушая его. После этого случая Джозефа всегда отправляли далеко вперед.

«Как, Святая Мадонна, мы должны вернуть его Богу, – мучительно думал Алвито. – Что я могу сделать? Может быть, отец-инспектор догадается, как вести себя с Джозефом. Да если и догадается, что делать с этим невероятным решением Торанага подчиниться решению Совета, что они на своем тайном совещании расценили как невозможное».

– Нет, это вообще противоречит характеру Торанага, – сказал дель Аква, – он будет воевать. Когда кончатся дожди или даже еще раньше, если он убедит Затаки отречься от Ишидо и выдать его. Мой прогноз – он будет ждать как можно дольше и попытается вынудить Ишидо сделать первый шаг – его обычная выжидательная позиция. Что бы ни

произошло, пока Кийяма и Оноши поддерживают Ишидо и Осаку, Кванто захватят, а Торанага погибнет.

– А Кийяма и Оноши? Они забудут свою вражду ради общего блага?

– Они все убеждены, что победа Торанага будет похоронным звоном по Святой Церкви. Сейчас, когда Харима на стороне Ишидо, я боюсь, что Торанага – это разбитая мечта.

«Опять гражданская война, – думал Алвито. – Брат против брата, отец против сына, деревня против деревни. Анджино готово к восстанию, вооружено краденными ружьями, как сказал рыбак Уо. И другие страшные новости: тайный мушкетный полк почти готов! Современный, в европейском стиле кавалерийский отряд более чем на две тысячи мушкетов, готовый к войне в японских условиях. О, Мадонна, защити истинно верующих и прокляни еретиков...

Какая жалость, что у Блэксорна такой неуступчивый нрав: он мог бы быть ценным союзником. Я никогда не думал об этом, но это так. Смелый и умный, честный в своей ереси, прямой и бесхитростный. Ему ничего не надо повторять дважды, его память удивительна. Он так много рассказал мне о мире. И о себе самом. Неужели правда? – печально подумал Алвито, повернувшись, чтобы в последний раз махнуть рукой Марико, – Надо ли учить своего врага и взамен учиться самому? Правильно ли закрывать глаза на смертный грех?»

На третий день после выезда из Ёкосе его поразило открытие брата Михаила.

– Вы считаете, что они любовники?

– Что такое Бог, если не любовь? Разве это не слово господина нашего Иисуса? – ответил он. – Я только упомянул, что видел, как они глядят друг на друга, и на это не надоедает смотреть. Об их телах я не знаю, отец, и, честно говоря, не интересуюсь. Но их души касаются друг друга, и я, кажется, из-за этого стал лучше понимать Бога.

– Вы, разумеется, ошибаетесь относительно их. Она никогда не сделает этого! Это против всего ее воспитания, их законов и закона Бога. Она истинная христианка. Она знает, что супружеская неверность – страшный грех.

– Да. Но ее брак был синтоистский, не освящен перед нашим господом Богом, так что какая это супружеская измена?

– Вы также сомневаетесь в Слове? Вы заражены ересью Джозефа?

– Нет, отец, прошу извинить меня, никогда я не сомневался в Слове. Только в том, что сделал человек.

С тех пор он стал следить более внимательно. Конечно, мужчина и женщина очень нравились друг другу. А почему бы и нет? Здесь нет ничего плохого! Постоянно вместе, учась друг у друга, женщине приказано забыть свою религию, мужчина не знает никакой, только налет лютеранской ереси, про которую дель Аква сказал, что она свойственна всем англичанам.. Оба сильные, здоровые люди, однако плохо подходящие друг другу.

На исповеди она не сказала ничего. Он не настаивал. Ее глаза не сказали ему ничего и в то же время выдали все, но ничего конкретного, за что можно было осудить, там не было. Он слышал, как объясняет дель Акве:

«Михаил, должно быть, ошибся, Ваше Святейшество.

– Но она совершила грех супружеской измены? Были какие-нибудь доказательства?

– К счастью, никаких доказательств».

Алвито натянул поводья и, мгновенно обернувшись, увидел, что она стоит на пологом склоне, кормчий разговаривает с Ёсинойкой, старая госпожа и ее раскрашенная проститутка лежат в своем паланкине. Он мучительно хотел спросить: «Вы блудили с кормчим, Марико-сан? Еретик обрек вашу душу на вечную муку? Вы, которую мы готовили к монашеской жизни и посту нашей первой местной аббатисы? Вы живете в мерзком грехе, не исповедуясь, оскорбительно пряча свои прегрешения от вашего духовника и тем самым вы тоже осквернились перед Богом?»

Он видел, что она махнула ему рукой, но на этот раз сделал вид, что не заметил, вонзил шпоры в бока лошади и заторопился прочь.

* * *

В эту ночь их сон был нарушен.

– Что это, любовь моя?

– Ничего, Мариико-сан. Спи.

Но она не уснула, он тоже. Она намного раньше обычного ускользнула обратно в свою комнату, он встал, оделся и сел во дворе, читая словарь при свете свечи до самого рассвета. Когда взошло солнце и потеплело, их ночные страхи исчезли, и они мирно продолжали свое путешествие. Вскоре обоз дотащился до большой проезжей Хоккайдской дороги, восточное Мисимы. Пешеходы стали гораздо многочисленнее. Подавляющее большинство их было, как всегда, пешком с пожитками за спиной. На дороге попадались отдельные выючные лошади и совсем не было экипажей.

– О, экипажи – это что-то с колесами, да? В Японии ими не пользуются, Анджин-сан. Наши дороги слишком крутые и все время пересекают реки и ручьи. Колеса также портят их, так что экипажи запрещены для всех, кроме императора, и он проезжает несколько церемониальных ри в Киото по специальной дороге. Нам они тоже не нужны. Как мы сможем ехать на этих колесах через все реки и ручьи – их очень много, слишком много, чтобы построить всюду мосты. Отсюда до Киото, может быть, надо пересечь шестьдесят ручьев, Анджин-сан. Сколько мы уже пересекли? Дюжину, да? Нет, мы все ходим пешком или ездим верхом. Конечно, лошадей и особенно паланкины могут иметь только важные люди, дайме и самураи, и даже не все самураи.

– Что? Даже если вы имеете возможность, вы не можете нанять паланкин?

– Нет, если вы не имеете соответствующего ранга, Анджин-сан. Это очень мудрое правило, вы так не думаете? Доктора и очень старые люди могут путешествовать на лошади или в паланкине, или очень больные люди, если они имеют письменное разрешение от своего сюзерена. Паланкинами и лошадьми не разрешено пользоваться крестьянам или простолюдинам, Анджин-сан. Это может приучить их к дурным привычкам, правда? Для них более полезно ходить пешком.

– А также это держит их на своем месте. Да?

– О, да. Но это все делается для мира, порядка и «ва» – гармонии. Только купцы имеют деньги, чтобы их можно было на это тратить, а кто они такие, если не паразиты, которые ничего не создают, ничего не выращивают, ничего не делают, а только кормятся за счет чужого труда? Конечно, они все должны ходить пешком, не так ли? Это очень мудро.

– Я никогда не видел так много движущихся людей, – сказал Блэксорн.

– О, это еще ничего. Подождите, когда мы приблизимся к Эдо. Мы любим путешествовать, Анджин-сан, но редко делаем это в одиночку. Мы любим ездить группами.

Но толпы народа не мешали их продвижению. Шифр Торанаги на их знаменах, личный знак Тода Мариико и старательность Акиры Ёсиаки, а также гонцы, которых он отправлял, чтобы оповещать, кто идет, обеспечивали им лучшие комнаты для ночлега в лучших гостиницах, а также беспрепятственный проход. Все другие путники и даже самураи быстро отступали в сторону и низко кланялись, ожидая, пока они пройдут.

– Они все останавливаются и кланяются каждому?

– О, нет, Анджин-сан. Только дайме и важным людям. И большинству самураев – да, это мудрое правило для простолюдинов. Если бы простые люди не уважали самураев и самих себя, как бы соблюдался закон и осуществлялось управление государством? Потом, это же касается всех. Мы останавливаемся и кланяемся и позволяем пройти посланцу императора, разве не так? Все должны быть вежливыми, правда? Дайме более низкого ранга должен спешиться и поклониться более важным дайме. Обычай правит всей нашей жизнью.

– Скажем, а если два дайме одного ранга встретятся?

– Тогда они оба должны будут спешиться и одновременно поклониться и пойти каждый своим путем.

- Скажем, встретятся господин Торанага и генерал Ишидо?
- Марико незаметно перешла на латынь:
- Кто они, Анджин-сан? Этих имен не произносите.
- Ты права. Пожалуйста, прости меня.
- Послушай, любимый, давай пообещаем друг другу, что если нам улыбнется Мадонна и мы благополучно уедем из Мисимы, то только в Эдо, у первого моста, только тогда мы покинем наш тайный мир. Давай?
- Какая такая особая опасность в Мисиме?
- Там наш капитан должен представить рапорт господину Хиро-Мацу. Я тоже должна буду увидаться с ним. Он мудрый человек, всегда настороже. Нам будет очень просто выдать себя перед ним.
- Мы должны быть осторожны. Давай просить Бога, чтобы твои страхи были безосновательны.
- О себе я не беспокоюсь, только о тебе.
- А я о тебе.
- Давай сделаем вид, что этот реальный мир – наш единственный мир.

* * *

- Вот Мисима, Анджин-сан, – сказала Марико. Вытянутый в длину город с замком, который вмещал почти шестьдесят тысяч человек, был почти скрыт низким утренним туманом. Было видно только несколько крыш и каменный замок. За ним виднелись горы, понижающиеся к морю на западе. Далеко на северо-западе была видна величественная гора Фудзи. На севере и востоке горные хребты возносились почти до неба.
- Что теперь?
- Сейчас Ёсинака найдет самую хорошую гостиницу на расстоянии не более десяти миль, и мы остановимся там на два дня. Это будет самое большое, что могут потребовать мои дела. Дзекко и Кику-сан покинут нас на это время.
- Тогда поехали. Что говорит вам ваш здравый смысл о Мисиме?
- Здесь хорошо и безопасно, – ответил он, – а что будет потом, после Мисимы?
- Она нерешительно показала рукой на северо-восток:
- Потом мы поедем этой дорогой. Там перевал, который петляет по горам в сторону Хаконе. Это самая тяжелая часть Хоккайдской дороги. Потом дорога спускается к городу Одавара, который намного больше Мисимы, Анджин-сан. Это уже на побережье. Путь оттуда до Эдо – только вопрос времени.
- Сколько его у нас?
- Недостаточно.

Глава Сорок Шестая

Генерал Тода Хиро-Мацу взял личное послание, привезенное Марико, и сломал печати Торанаги. В свитке коротко сообщалось о том, что произошло в Ёкосе, подтверждалось решение Торанаги предстать перед Советом регентов, Хиро-Мацу предписывалось охранять границу и перевалы в сторону Кванте от любого нападения до прибытия Торанаги (но не мешать, а помогать любому посланцу от Ишидо или идущим с востока) и давались инструкции об отступнике-христианине и Анджин-сане.

- А теперь расскажите мне все, что вы видели в Ёкосе или слышали относительно господина Торанаги. Марико выполнила его просьбу.
- Скажите мне, что вы думаете обо всем этом. Марико опять выполнила его просьбу.
- Что случилось между вами и моим сыном во время тя-но-ю?
- Она рассказала ему в точности, что происходило.
- Мой сын уверен, что наш господин потерпит поражение до второй встречи с

господином Затаки?

– Да, господин.

– Вы так думаете?

– О, да, господин.

В комнате, расположенной на самом верху главной башни замка, который господствовал над всем городом, наступило долгое молчание. Хиро-Мацу встал и подошел к бойнице для лучников, проделанной в толстой каменной стене, спина и суставы у него болели, меч свободно покоился в руках.

– Я не понял.

– Что?

– Ни моего сына, ни нашего господина. Мы можем разбить любую армию Ишидо, какую он только может бросить в битву. А что касается решения предстать перед Советом регентов...

Она играла своим веером, любуясь вечерним небом, густо усыпанным звездами, наслаждаясь этим зрелищем.

Хиро-Мацу внимательно посмотрел на нее.

– Вы очень хорошо выглядите, Марико-сан, стали будто моложе, чем раньше. В чем секрет?

– У меня нет никаких секретов, господин, – ответила она, ее горло внезапно пересохло. Она ждала, что мир сейчас разлетится вдребезги, но этот момент прошел, и старик снова повернул свои пронизательные глаза на город, раскинувшийся под ними.

– А теперь расскажите мне, что случилось с тех пор, как вы уехали из Осаки. Все, что вы видели, слышали или в чем принимали участие, – сказал он.

Когда она кончила, была уже глубокая ночь. Она сообщила ему обо всем очень точно, за исключением того, как далеко они зашли с Анджин-саном. Даже здесь она была достаточно осторожна, чтобы не прятать своего восхищения им, его умом и смелостью. Или того, как его ценит Торанага.

Тем временем Хиро-Мацу продолжал расхаживать по комнате, движение облегчало ему боль. Все совпадало с отчетом Ёсинаки и Оми – и даже тирада Затаки перед тем, как этот дайме кинулся в Синано. Теперь он понял многие вещи, которые раньше были ему неясны, и получил достаточно информации, чтобы принять обоснованное решение. Кое-что из того, что она рассказала, возмутило его и даже заставило еще больше невзлюбить своего сына, он мог понять его мотивы, но это не имело значения. Что-то возмущало его в чужеземце, а кое-что заставляло восхищаться им.

– Вы сами видели, как он вытолкнул нашего господина на безопасное место?

– Да. Господин Торанага давно уже был бы мертв, господин, если бы не он. Я совершенно уверена. Он три раза спасал нашего господина: при бегстве из Осацкого замка, на борту галеры в гавани Осаки и во время землетрясения. Я видела мечи, которые выкопал Оми-сан. Они были изогнуты, как лапша, и совершенно никуда не годились.

– Вы думаете, Анджин-сан действительно мог совершить сеппуку?

– Да. Клянусь своим христианским Богом, я считаю, что он принял такое решение. Только Оми-сан помешал ему. Господин, я считаю, что он достоин быть самураем, достоин быть хатамото.

– Я не спрашивал вашего мнения.

– Прошу простить меня, господин, конечно, вы не спрашивали. Но этот вопрос все еще у вас в голове.

– Вы стали не только учительницей кормчего, но и читаете чужие мысли?

– О, нет, пожалуйста, извините меня, господин, конечно, нет, – сказала она самым умильным голоском, – Я только ответила вождю нашего рода как могла лучше, старалась в меру своих слабых способностей. Интересы нашего господина у меня в голове на первом месте. Ваши только на втором после его интересов.

– А это так?

– Пожалуйста, извините меня, но об этом нет необходимости и спрашивать. Прикажите мне, господин, я все выполню.

– Почему вы такая гордая, Мариико-сан? – спросил он испытующе.

– Прошу извинить меня, господин. Я была груба. Я не заслужила такого...

– Я знаю! Никто из женщин не заслужил! – Хиро-Мацу засмеялся. – Но бывают времена, когда мы нуждаемся в вашей женской холодной, жестокой, злобной, изощренной, практичной мудрости. Вы, женщины, намного умнее нас, правда?

– О, нет, господин, – сказала она, соображая, что у него на уме.

– Это просто потому, что мы сейчас одни. Если повторить это перед всеми, то сказали бы, что старый Железный Кулак отжил свое, что ему пора положить свой меч, побрить голову и начать читать молитвы Будде, прося прощения за души тех людей, которых он отправил в Пустоту. Они были бы правы.

– Нет, господин. Об этом правильно сказал ваш сын. Пока наш господин не кончил свою жизнь, вы не можете отступать. Ни вы, ни господин, мой муж. Ни я.

– Да, но все равно я был бы очень рад положить свои мечи и просить мира у Будды для себя и тех, кого я убил.

Он некоторое время всматривался в темноту ночи, тяжело ощущая свой возраст, потом снова посмотрел на нее. Ему было очень приятно смотреть на нее, приятней, чем на любую другую женщину из тех, кого он знал.

– Что?

– Ничего, Мариико-сан. Я вспомнил, как первый раз увидел вас.

Это было в то время, когда Хиро-Мацу тайком заложил душу Городе, чтобы получить эту маленькую изящную девушку в жены сыну, тому самому сыну, который зарубил свою собственную мать, единственную женщину, которую когда-либо по-настоящему любил Хиро-Мацу.

«Почему я добивался для него Мариико? Потому что я хотел досадить Тайко, который тоже хотел ее. Досадить противнику и ничего более. А была ли неверна мне моя наложница? – спрашивал себя старик, тревожа старую рану, – О, Боже, когда я гляну тебе в лицо, я потребую у тебя ответ и на этот вопрос. Я хочу знать, да или нет; Я требую правды! Я думаю, это ложь, но Бунтаро сказал, что она была наедине с этим мужчиной в комнате, с распущенными волосами, развязанным кимоно, это было задолго до того, как мне вернуться. Это могла быть и ложь, не правда ли? Или правда, да? Это должна быть правда – конечно, мой сын не отрубил бы голову своей матери, если бы не был уверен?»

Мариико смотрела на морщины, покрывающие лицо Хиро-Мацу, его кожа натянулась, местами шелушилась от возраста. Она чувствовала былую силу его рук и плеч.

«О чем вы думаете? – хотела спросить она, ей нравился этот человек: – Вы все-таки видите меня насквозь? Вы теперь знаете обо мне и Анджин-сане? Вы знаете, что я прямо трепещу от любви к нему? Что когда мне надо будет выбирать между ним, вами и Торанагой, я выберу его?»

Хиро-Мацу стоял у бойницы и смотрел на город под ним, его пальцы поглаживали ножны и рукоятку меча, он совсем забыл о ней. Хиро-Мацу задумался о Торанаге и о том, что с негодованием сказал ему несколько дней назад Затаки, с негодованием, которое он разделял.

– Да, конечно, я хочу завоевать Кванто и вывесить мое знамя на стенах замка в Эдо и сделать его своим. Я никогда не хотел этого раньше, но теперь хочу, – сказал ему Затаки. – Но таким путем? В этом нет никакого благородства! Никаких почестей не достанется ни моему брату, ни вам, ни мне! Никому! Кроме Ишидо, а этот крестьянин не заслуживает этого.

– Тогда поддержите господина Торанагу. С вашей помощью Тора...

– Зачем? Тогда мой брат станет сегуном и уберет наследника?

– Он сто раз говорил, что поддерживает наследника. Я считаю, это так и есть. И у нас будет вождем Миновара, а не выскочка-крестьянин и ведьма Ошиба, не так ли? Эти глупцы

будут править страной восемь лет, пока Яэмон не достигнет совершеннолетия, если умрет Торанага. Почему не дать господину Торанаге восемь лет, он – Миновара! Он тысячу раз говорил, что передаст власть Яэмону. Где у тебя мозги, в заднице? Торанага не враг тебе или Яэмону!

– Миновара не станет на колени перед этим крестьянином! Ссал он на его честь и честь всех нас. Вашу и мою!

Они ругались, проклинали друг друга и, будучи одни, чуть не подрались.

– Ну, давай, – издевался он над Затаки, – вытаскивай свой меч, предатель! Ты предал своего брата, главу рода!

– Я глава своего собственного рода. У нас одна мать, а не отец. Отец Торанаги с позором прогнал мою мать. Я не буду помогать Торанаге, но если он отречется и вспорет себе живот, я поддержу Судару...

«Нет необходимости делать это, – сказал себе Хиро-Мацу, все еще разъяренный, – Не стоит делать этого, пока я еще живой, или смиренно представлять перед Советом регентов. Я главнокомандующий. Мой долг защищать честь и дом моего господина, даже от него самого. Так что я теперь решил: – Послушайте, господин, пожалуйста, извините меня, но на этот раз я ослушаюсь. На этот раз я обману вас. Сейчас я хочу объединиться с вашим сыном и наследником, господином Сударой, и его женой, госпожой Дзендзико, и вместе мы объявим «Малиновое небо», как только прекратятся дожди, и начнем войну. И до тех пор, пока не умрет последний человек в Кванто, сражаясь с врагом, я буду надежно охранять вас в замке Эдо, что бы вы ни говорили, чего бы это ни стоило».

* * *

Дзекко была в восторге, оказавшись опять дома в Мисиме среди своих девушек и grosбухов, счетов, полученных долговых расписок и заемных писем.

– Вы хорошо поработали, – сказала она своему главному бухгалтеру.

Сморщенный маленький человечек благодарно откланялся и захромал домой. Она же угрожающе повернулась к своему главному повару:

– Тринадцать серебряных чодзинов, двести медных монет за еду на одну неделю?

– О, пожалуйста, извините меня, хозяйка, но слухи о войне очень взвинтили цены, – агрессивно начал толстый повар. На все. Рыба, рис, овощи – даже соевый соус стал стоить вдвое дороже за последний месяц, а sake и того больше. Работа в этой горячей душной кухне, которую всю, конечно, не переделаешь. Дорого! Ха! За одну неделю я накормил сто семьдесят два гостя, десять куртизанок, одиннадцать голодных учениц, четырех поваров, шестнадцать служанок и четырнадцать слуг! Прошу извинить меня, хозяйка, простите, но моя бабушка очень больна, так что я должен уехать на десять дней и прошу вас об этом...

Дзекко начала рвать на себе волосы так, чтобы показать свои чувства, но недостаточно, чтобы испортить свою внешность, и отослала его, сказав, что она разбита, что она вынуждена закрыть самый известный Чайный Дом в Мисиме без такого прекрасного главного повара и что все это его вина – что она должна выкинуть на улицу в снег всех этих таких преданных ей девушек и честных, но несчастных слуг.

– Не забывай, что идет зима, – выкрикнула она напоследок. Потом, совершенно одна, она сопоставила доходы с расходами, и оказалось, что доходы были вдвое больше того, что она ожидала. Sake на вкус показался ей лучше, чем когда-либо, и хотя цены на продукты подскочили, то же будет и с sake. Она сразу же написала своему сыну в Одавату, где у нее был винокурный завод, приказав удвоить выпуск sake. Потом она разобралась в неизбежных ссорах среди девушек, выгнала трех, наняла еще четырех, отправила человека за своей сводней и подписала контракты еще с семью куртизанками, которые ей очень нравились.

– И когда бы вы хотели принять этих почтенных дам, Дзекко-сан? – жеманно улыбнулась старуха, радуясь значительным комиссионным.

– Сейчас же. Ну, давай поторопись.

После этого она позвала плотника и составила с ним планы расширения своего Чайного Домика, чтобы устроить помещения для новых дам.

– На Шестой улице, наконец, продается тот участок, госпожа. Вы хотите, чтобы я взял его сейчас?

Несколько месяцев она ждала этого, но сейчас замотала головой и отправила его с инструкциями выбрать четыре гектара пустующих земель на холме к северу от города.

– Но не делай этого сам, используй посредников. Не жадничай. И я не хочу, чтобы стало известно, что покупается для меня.

– Но четыре гектара? Это...

– По меньшей мере четыре, может быть и пять через пять месяцев, но только выбери... понимаешь? Их надо будет оформлять на этих людей.

Она передала ему список надежных лиц, через которых нужно будет устраивать эту сделку, и поспешила выпроводить его, видя мысленно уже обнесенный стенами городок в пределах процветающего города. От радости Дзэко даже рассмеялась.

После этого она посылала за каждой куртизанкой, хвалила их, бранила, ругалась с ними или плакала. Некоторые были повышены в классе, некоторые понижены, цены на их услуги тоже повышались или снижались. В самый разгар всех этих дел заявился Оми.

– Извините, но Кику-сан плохо себя чувствует, – сказала она. – Ничего серьезного. Она просто плохо реагирует на перемену погоды, бедняжка.

– Я настаиваю на том, чтобы увидеться с ней.

– Извините, Оми-сан, но вы, конечно, не настаиваете? Кику-сан принадлежит вашему сюзерену, не так ли?

– Я знаю, кому она принадлежит, – закричал Оми. – Я хочу видеть ее, только и всего.

– О, извините, разумеется, вы имеете полное право кричать и ругаться, извините, пожалуйста. Но, простите, она нездорова. Сегодня вечером, или может быть позднее, или завтра, но что я могу сделать, Оми-сан? Если ей станет лучше, может быть, я смогу известить вас, если вы скажете мне, где вы остановились...

Он назвал ей адрес, поняв, что ничего не добился, и выскочил из дому, желая разнести в щепки всю Мисиму.

Дзэко подумала об Оми. Потом она послала за Кику и сообщила ей программу, которую она наметила для нее на эти два вечера в Мисиме.

– Может быть, мы сможем убедить нашу госпожу Тода отложить выезд на четыре или пять вечеров, дитя. Я знаю с полдюжины мужчин, которые заплатят царские суммы за то, чтобы вы развлекали их на вечеринках. Ха! Теперь, когда такой великий дайме купил вас, никто не осмелится тронуть вас, ни разу, так что вы можете только петь, танцевать, представлять пантомимы и станете нашей первой гейшей!

– А бедный Оми-сан, хозяйка? Я никогда до этого не слышала, чтобы он был такой сердитый, извините, но он так кричал на вас.

– Ха! Что такое его крики, когда вы теперь, наконец, наложница дайме и самого богатого из богатых торговцев рисом и шелком. Сегодня вечером я скажу Оми, где вы будете петь в последний раз, но вряд ли он станет ждать. Я устрою его в соседней комнате. Тем временем он выпьет очень много sake., а обслужит его Акико. Потом полезно будет спеть ему одну или две печальные песни – мы все еще не уверены в Торанаге-сэме, правда? Мы еще не получили утренней платы, чтобы совсем рассчитаться.

– Пожалуйста, извините меня, но, может, лучше Чоко? Она красивее, моложе и приятнее. Я уверена, он будет больше доволен ею.

– Да, дитя, но Акико сильная и очень опытная. Когда мужчинами овладевает безумие такого рода, они все становятся очень грубыми. Грубее, чем вы можете себе вообразить. Даже Оми-сан. Я не хочу, чтобы Чоко пострадала. Акико любит опасность, ей нужно некоторое насилие, чтобы она хорошо работала. Она вынет жало из его Прекрасной Колюшки. Теперь поторопись, надень самое лучшее кимоно и достань самые хорошие духи.

Дзекко отправила Кику готовиться и снова заторопилась с распоряжениями по дому. Потом, когда она управилась со всем остальным – даже с официальным приглашением на чай восьми самых влиятельных в Мисиме владельцев Чайных Домиков, чтобы обсудить одно крайне важное дело, – она с удовольствием окунулась в ванну: «Ах!»

Наконец в нужный момент – прекрасный массаж. Духи, пудра, макияж и прическа, новое просторное кимоно редкого жатого шелка. Потом появился ее любовник. Это был восемнадцатилетний юноша, студент, сын обедневшего самурая по имени Инари.

– О, как вы прекрасны – я сразу кинулся сюда, как только принесли от вас записку, – сказал он чуть дыша. – Вы удачно съездили? Я так рад, что вы вернулись! Спасибо, благодарю вас за подарки – меч прекрасен, кимоно тоже! Как вы добры ко мне!

«Да, я добра», – подумала она про себя, хотя обычно полностью отрицала это. Скоро она уже лежала рядом с ним, потным и вялым. «Ах, Инари, – думала она удивленно, – твой Прозрачный Пест совсем не такой, как у Анджин-сана, но то, что ты потерял в размере, ты, конечно, добирал своей ошеломляющей энергией!»

– Почему ты смеешься?! – спросил он сонно.

– Потому что ты сделал меня счастливой, – вздохнула она, радуясь, что ей повезло, и она получила образование в этих вопросах. Она весело поболтала, похвалила его и ласкала, пока он не уснул, ее руки и голос, привычные к таким вещам, легко помогли им достичь того, чего они желали. Мысли ее в это время были далеко. Она размышляла о Марико и ее любовнике, обдумывая разные варианты. Насколько можно позволить себе надавить на Марико? И кому она их выдаст, или кем будет ей угрожать, очень осторожно, конечно: Торанагой, Бунтаро или кем-нибудь еще? Христианским священником? Какая в этом выгода? Или господином Кийямой – ведь любой скандал, связывающий великую госпожу Тода с чужеземцем, лишит ее сына шансов на брак с внучкой Кийямы. А эта угроза склонит ее к выполнению моих требований? Или мне ничего не надо делать – это чем-нибудь тоже может быть выгодно?

Жаль Марико. Такая красивая женщина! О, она могла бы стать прекрасной куртизанкой! Жаль и Анджин-сана. О, он так умен – на нем можно было бы пожить тоже.

Как мне лучше всего использовать их тайну, чтобы получить выгоду до того, как они погибнут?

Будь осторожной, Дзекко, предостерегла она себя, осталось так немного времени, чтобы решить все это, и как поступите с этими новыми секретами – о ружьях и снаряжении, спрятанном крестьянами в Анджино, например, или о новом мушкетном полку – его численности, командирах, организации и количестве ружей. Или о Торанаге, который той ночью в Ёкосе с таким удовольствием развлекался с Кику, используя классический ритм – по шесть мелких и пять глубоких проникновений в течение ста проникновений с силой тридцатилетнего мужчины, а потом спал как ребенок. Разве так ведет себя человек, которого что-то беспокоит, а?

А как мучился этот девственник-священник с тонзурой, когда голым стал на колени и сначала молился своему любимому христианскому Богу, прося прощения за грех, который он собирался совершить с девушкой, и за другой грех, настоящий, который он совершил в Осаке, – странные тайные известия, которые прошептал ему на «исповеди» прокаженный, а он потом предательски сообщил господину Хариме. Что делать с этим Торанаге? Бесконечные рассказы о том, что шепталось ему на исповеди, затем молитва с плотно закрытыми глазами – перед бедной обезумевшей глупо распростершейся перед ним девушкой.

А как быть с тем, что сказал второй повар Оми служанке, которая шепнула об этом своему любовнику, а тот Акико, что он подслушал, как Оми и его мать планировали убить Касиги Ябу, их сюзерена? Ха! Этот секрет выдать – все равно что пустить кошку среди голубей Ябу! Так, может, эту тайну про Оми и Ябу предложить Затаки или шепнуть Торанаге. А слова Затаки, которые он пробормотал во сне и которые запомнила его девушка

и продала мне на следующий день за целый серебряный чодзин – слова, которые означают, что генерал Ишидо и госпожа Ошиба едят вместе, спят вместе, и что Затаки сам слышал, как они мычали, стонали и кричали, как Янь, пронзающий Инь прямо до самого Дальнего Поля! Удивительно, правда, такие высокопоставленные люди!

А такой удивительный факт – в момент Облака и Дождя и несколько раз до этого господин Затаки называл свою девушку «Ошиба». Любопытно, правда?

Сможет ли так необходимый всем Затаки переменить свою песню, если Торанага предложит ему как награду саму Ошибу? Дзэко хихикнула, радуясь всем этим удивительным тайнам, которые так ценны и которые мужчины так легко выдают вместе со своим Соком Радости.

– Он изменился, – пробормотала она уверенно. – О, да, очень.

– Что?

– Ничего, ничего, Инари-чан. Ты хорошо поспал?

– Что?

Она улыбнулась и дала ему снова уснуть. Потом, когда он снова собрался с силами, она стала ласкать его руками и губами, доставляя ему наслаждение. И себе тоже.

* * *

– А где сейчас англичанин, отец?

– Я точно не знаю, Родригес. Он должен быть в одной из гостиниц к югу от Мисимы. Я послал слугу узнать, где именно, – Алвито подобрал остатки подливки коркой свежего хлеба.

– Когда вы будете знать?

– Завтра наверняка.

– Кхе ва, мне хотелось бы повидать его еще раз. Он в порядке? – спокойно спросил Родригес.

– Да, – судовой колокол ударил шесть раз. Три часа дня.

– Он рассказывал вам, что случилось после того, как он уехал из Осаки?

– Я знаю отдельные вещи. От него и от других. Это длинная история, и тут есть что порассказать. Сначала я разберусь со своими письмами, а потом мы поговорим.

Родригес откинулся на спинку кресла в своей маленькой каюте на корме.

– Хорошо. Это очень хорошо. – Он посмотрел в резко очерченное лицо иезуита, коричневые глаза с желтыми крапинками. Кошачьи глаза. – Послушайте, отец, – сказал он, – англичанин спас мне жизнь и корабль. Конечно, он враг, уверен, что он еретик, но он кормчий, один из лучших в мире. Ничего нет плохого в том, чтобы уважать врага, даже такого, как он.

– Господь наш Иисус простил своих врагов, но они тем не менее распяли его, – Алвито спокойно выдержал взгляд кормчего, – но мне он тоже нравится. По крайней мере, я его хорошо понимаю. Давайте пока оставим его на какое-то время.

Родригес кивнул, соглашаясь. Он заметил, что тарелка священника пуста, потянулся через стол и подвинул ее поближе:

– Отец, здесь еще есть немного каплуна. Хотите хлеба?

– Спасибо. Я съем. Я и не понимал, как голоден, – священник с удовольствием отломил себе еще одну ногу, взял шалфея и луку, кусок хлеба, потом вылил на все это остатки густой подливки.

– Вина?

– Да, спасибо.

– А где остальные ваши люди, отец?

– Я оставил их в гостинице около порта.

Родригес выглянул в окно кормовой рубки, которое выходило в сторону Нумадзу, пристани и порта, справа по борту было видно устье реки Кано, где вода была темнее, чем в море. Взад-вперед курсировали рыбацкие лодки.

– Этот ваш слуга, которого вы послали, отец, – ему можно доверять? Вы уверены, что он найдет нас?

– О, да. Они, конечно, пробудут там по крайней мере два дня, – Алвито решил не говорить о том, что он, или, точнее, напомнил он себе, брат Михаил, заподозрил Блэксорна и Марику, поэтому он только добавил: – Не забываете, они путешествуют с большой помпой. При том положении, какое занимает Тода Марику, и знаменах Торанаги, их везде очень почитают. О них будут знать вокруг на четыре мили, кто они и где остановились.

Родригес рассмеялся:

– Англичанин в почете? Кто поверит в это? Какой-нибудь сифилитичный дайме!

– Это совсем не так, кормчий. Торанага сделал его самураем и хатамото.

– Что?

– Теперь главный кормчий Блэксорн носит два меча. Со своими пистолетами. И теперь он доверенное лицо Торанаги, в какой-то мере и его протеже.

– Англичанин?

– Да, – Алвито замолчал и продолжал есть.

– Вы знаете, почему? – спросил Родригес.

– Да, отчасти. Ему повезло, кормчий.

– Тогда расскажите мне, хотя бы вкратце, а подробности потом.

– Анджин-сан спас Торанаге жизнь, даже три раза. Дважды во время бегства из Осаки, последний раз в Идзу во время землетрясения, – Алвито с удовольствием обглаживал мясистое бедрышко каплуна. Капли сока стекали по его черной бороде.

Родригес ждал продолжения, но священник не сказал больше ни слова. Его взор опустился на бокал с вином, который он держал в руках. Поверхность густого красного вина поблескивала. После долгой паузы он сказал:

– Для нас очень плохо, что этот чертов англичанин так втерся в доверие к Торанаге. Нам этого совсем не надо.

– Я с вами согласен.

– И все равно, мне бы хотелось повидаться с ним. – Священник не сказал ничего. Родригес молча дал ему доестъ все на тарелке, веселое настроение покинуло его. Было покончено с последним крылышком, священник выпил еще один бокал вина. Потом, под конец, еще немного прекрасного французского коньяка, который отец Алвито достал из буфета.

– Родригес? А вам не хотелось бы рюмочку?

– Благодарю вас, – моряк посмотрел, как Алвито наливал орехово-коричневый напиток в хрустальный сосуд. Все вино и коньяк прислали из личных запасов отца-инспектора как личный дар его другу иезуиту.

– Конечно, Родригес, вы можете тоже пользоваться этими запасами наряду с отцом Алвито, – сказал тогда дель Аква. – Идите с Богом, может быть, он присмотрит за вами и поможет благополучно вернуться в порт и домой.

– Благодарю вас, ваше святейшество.

«Да, благодарю, но не за то, – горько подумал Родригес, – что вы приказали моему адмиралу принять на борт проклятую лодку под командованием этого иезуита, который разлучил меня с женой, бедной крошкой. Мадонна, жизнь так коротка, слишком коротка и слишком ненадежна, чтобы тратить ее на сопровождение этих противных священников, даже отца Алвито, который из них самый приличный человек и из-за этого самый опасный. Мадонна, помоги мне!»

– О! Вы уезжаете. Род-сан? Уезжаете так быстро? О, как жаль...

– Я скоро вернусь, моя дорогая.

– О, извините... я буду скучать, и я, и дитя. На миг он задумался, не взять ли ее с собой на борт «Санта-Филиппы», но сразу же отбросил эту мысль, зная, как это будет опасно для нее, для него и корабля:

– Извини, я скоро вернусь.

– Мы будем ждать, Род-сан. Пожалуйста, прости меня, что я так расстроена, извини.

Хотя и с трудом, с сильным акцентом, она все же пыталась говорить на португальском, настаивая, чтобы он называл ее христианским именем Грэйси, а не так мило звучащим Ньян-нья, что означает «Кошечка» и так подходит ей, а главное, гораздо больше нравится ему.

Он покинул Нагасаки с большим нежеланием, проклиная всех священников и адмиралов, страстно желая, чтобы поскорее кончились лето и осень и он смог поднять якорь Черного Корабля, трюмы которого уже распирали от слитков, и направиться, наконец, домой, богатым и независимым. А что потом? Вечный вопрос, полностью завладевший им. Что с ней и ребенком? «Мадонна, помоги мне решить этот вопрос».

– Прекрасный обед, Родригес, – сказал Алвито, играя хлебным мякишем.

– На доброе здоровье, – Родригес сразу стал серьезным. – Какие у вас планы, отец? Мне хотелось бы... – он остановился на середине предложения и выглянул в окно. Потом, не удовлетворившись этим, он встал из-за стола и, мучаясь, прохромал к иллюминатору, выходящему на берег, и посмотрел в него.

– В чем дело, Родригес?

– Я подумал, что прилив переменялся. Сейчас хочу проверить со стороны моря, – он дальше отодвинул занавеску, но все еще не мог разглядеть носовой якорь, – Извините меня, я на секунду, отец.

Он вышел на палубу. Вода плескалась о якорную цепь, которая углом поднималась из мутной воды. Никакого движения. Потом появился легкий след и корабль начал слегка освобождаться, занимая новое положение по мере убывания воды. Он проверил, как он стоит, потом посты. Все было в полном порядке. Поблизости не было ни одной лодки. День был прекрасный, туман давно рассеялся. До берега было около кабельтова, достаточно далеко, чтобы не допустить внезапного вторжения на борт, но и далеко в стороне от морских путей, ведущих к пристаням.

Его корабль представлял собой лорчу – японский корпус, приспособленный для современных португальских парусов и такелажа: быстроходный двухмачтовый, с такелажем, как у шлюпа. На нем было четыре пушки в центре корабля, по два маленьких носовых и кормовых орудия. Он назывался «Санта-Филиппа», команда состояла из тридцати человек.

Родригес осмотрел город и холмы за ним.

– Песаро!

– Да, сеньор.

– Приготовьте баркас. Я собираюсь попасть на берег еще засветло.

– Хорошо. Он будет готов. Когда вы вернетесь?

– На рассвете.

– Ну и отлично! Я поведу береговую партию – десять человек.

– Не спускайтесь на берег, Песаро. Киндзиру! Мадонна, что с твоими мозгами? – Родригес широко расставил ноги и облокотился о планшир.

– Скверно, что все так страдают, – сказал боцман Песаро, опустив крупные мозолистые руки. – Я поведу всю группу и обещаю, что все будет спокойно. Мы уже две недели сидим здесь, как в клетке.

– Портовые власти сказали «киндзиру», так что прости, но это все-таки «киндзиру», будь оно проклято! Помнишь? Это тебе не Нагасаки.

– Да, клянусь кровью Христа, очень жаль! – Здоровяк-боцман обиделся. – Подумаешь, прикончили одного японца.

– Одного убили, двух тяжело ранили, массу народу покалечили, изуродовали девушку, прежде чем самураи остановили вашу схватку. Я предупреждал вас перед выходом на берег: «Нумадзу не Нагасаки – так что ведите себя прилично!» Мадонна! Нам повезло, что удалось сбежать, потеряв только одного нашего моряка. Они имели законное право убить вас всех пятерых.

– Их закон, кормчий, это не наш закон. Проклятые обезьяны! Это был обычный

скандал в борделе.

– Да, но его начали вы, власти наложили запрет на мой корабль, и вы все под домашним арестом. Вы тоже! – Родригес переставил ногу, чтобы облегчить боль. – Потерпи, Песаро. Как только отец уедет, мы уйдем отсюда.

– С приливом? На рассвете? Это приказ?

– Нет. Пока нет. Пока только приготовь баркас. Со мной поедет Гомес.

– Возьмите меня тоже, а? Пожалуйста, кормчий. Я загнусь от того, что меня засунули на эту проклятую посудину.

– Нет. И вам лучше не сходить на берег сегодня вечером, вам или еще кому-нибудь из наших.

– А если вы не вернетесь на рассвете?

– Вы будете гноить здесь якорь, пока я не вернусь. Ясно?

Недовольство боцмана усилилось. Он поколебался, потом ответил:

– Да, ясно, клянусь Богом.

– Хорошо, – Родригес спустился вниз. Алвито спал, но проснулся сразу же, как только кормчий открыл дверь каюты.

– Ну, все нормально? – спросил он.

– Да. Просто прилив сменяется отливом, – Родригес проглотил немного вина, чтобы отбить противный вкус во рту. Так было всегда после попытки мятежа. Если бы Песаро не повиновался сразу же, Родригес должен был прострелить ему лицо, заковать в кандалы или приказать дать ему пятьдесят линьков, протащить под килем или применить еще одно из ста наказаний, предусмотренных морскими законами для поддержания дисциплины. Без дисциплины любой корабль погибает. – Какой план дальше, отец? Мы выходим на рассвете?

– А как с почтовыми голубями?

– Они в хорошей форме. У нас их шесть штук – четыре из Нагасаки, два из Осаки.

Священник посмотрел на солнце. До захода еще четыре или пять часов. Времени для отправки птиц с первым зашифрованным сообщением достаточно, он его так долго обдумывал: «Торанага выполняет приказ Совета регентов. Я собираюсь в Эдо, потом в Осаку. Буду сопровождать Торанагу в Осаку. Он разрешил строить собор в Эдо. Детальное сообщение перешлю с Родригесом».

– Вы не попросили бы немедленно подготовить двух птиц для Нагасаки и одну для Осаки? – сказал Алвито. – Потом мы поговорим. Я не поплыву с вами обратно. Я думаю попасть в Эдо сушей. Это потребует от меня всю ночь и завтрашний день. А сейчас я сажусь писать подробное сообщение, которое вы отвезете отцу-инспектору, только лично ему в руки. Вы сможете отплыть сразу же, как только я кончу письма?

– Хорошо. Если будет слишком поздно, я подожду до рассвета. Здесь на десять лиг кругом полно отмелей и перемещающихся песков.

Алвито согласился. Еще двенадцать часов ничего не решат. Он знал, что было бы намного лучше, если бы он мог сообщить эти новости прямо из Ёкосе, покарай Боже того дьявола, который повредил там его птиц! «Потерпи, – сказал он себе. – К чему такая спешка? Разве это не главное правило нашего Ордена? Терпение. Все приходит к тому, кто ждет – и работает. Что значат двенадцать часов или даже восемь дней? Они не могут изменить ход истории. Смерть была предопределена еще в Ёкосе».

– Вы поедете вместе с англичанином? – спросил Родригес. – Как раньше?

– Да. Из Эдо я отправлюсь в Осаку. Буду сопровождать Торанагу. Мне хотелось, чтобы вы заехали в Осаку с моим письмом, если вдруг отец-инспектор окажется там, или он отправится туда, покинув Нагасаки до вашего приезда, или если он сейчас едет туда. Письмо вы можете отдать отцу Солди, его секретарю – только ему.

– Хорошо. Я буду рад уехать. Мне здесь не нравится.

– С божьей милостью мы можем все здесь изменить, Родригес. Если нам поможет Бог, мы обратим здесь в нашу веру всех язычников.

– Аминь. – Родригес переменил положение ноги, уменьшив нагрузку, и пульсирующая

боль в ней сразу прекратилась. Он выглянул в окно, потом нетерпеливо встал:

– Я схожу за голубями сам. Пишите свое письмо, потом мы поговорим. Об англичанине.

Родригес вышел на палубу и выбрал голубей в корзинах. Когда он вернулся, священник уже достал ручку с острым пером, чернила и записывал свое закодированное послание на тонких листочках бумаги. Алвито положил их в маленькие патрончики, запечатал и выпустил птиц. Все три птицы сделали круг над кораблем, потом цепочкой направились на запад, отблескивая под полуденным солнцем.

– Мы поговорим здесь или спустимся ниже?

– Здесь. Здесь прохладнее, – Родригес показал на ют, где нельзя было подслушать. Алвито сел.

– Сначала о Торанаге.

Он коротко рассказал кормчему о том, что случилось в Ёкосе, опустив инцидент с братом Джозефом и свои подозрения о Мариико и Блэксорне. Родригес был не менее его ошеломлен известием о том, что Торанага собрался явиться на встречу с Советом регентов.

– Без сопротивления? Это невозможно! Теперь мы полностью вне опасности, наш Черный Корабль в безопасности, церковь станет богаче, мы разбогатеет... Слава Богу, всем святым и Мадонне! Это самая лучшая новость, какую вы только могли принести, отец. Мы в безопасности!

– Если так захочет Бог. Торанага меня обеспокоил только одним своим заявлением. Он сказал следующее: «Я могу приказать освободить моего христианина – Анджин-сана. С его кораблем и с его пушками».

Хорошее настроение Родригеса сразу испарилось. Он просил:

– «Эразмус» все еще в Эдо? Он в распоряжении Торанаги?

– Это очень опасно, если освободят англичанина?

– Серьезно? Этот корабль вдребезги разнесет нас, если застигнет посреди пути между Японией и Макао, имея на борту Блэксорна и мало-мальски приличную команду. Мы же только маленький фрегат и не можем противостоять «Эразмусу»! Он сможет танцевать вокруг нас, и мы должны будем спустить свои флаги.

– Вы уверены?

– Да. Перед Богом клянусь – это будет убийство, – Родригес сердито стукнул кулаком, – но подождите секунду – англичанин сказал, что он прибыл сюда не более чем с двенадцатью людьми, не все из них моряки, многие были купцами и большинство их болело. Так мало народу не смогут управлять кораблем. Единственное место, где он может набрать команду – Нагасаки или Макао. В Нагасаки он сможет набрать сколько угодно народу! Там есть такие, что ему лучше держаться подальше оттуда и от Макао!

– Ну, а скажем, он получит команду из местных жителей?

– Вы имеете в виду кого-нибудь из головорезов Торанага? Или «вако»? Вы думаете, что Торанага явится перед Советом регентов и все его люди станут ронинами? Да? Если у этого англичанина будет достаточно времени, он сможет обучить их. С легкостью. Боже мой... прошу меня извинить, отец, но если англичанин получит самураев или «вако»... Нельзя так рисковать – он слишком опасен. Мы все видели это в Осаке! Освободить его на этой помойке в Азии с самурайской командой...

Алвито следил за Родригесом, еще более озабоченный.

– Я думаю, лучше послать еще одно сообщение отцу-инспектору. Ему надо сообщить, вдруг это окажется очень серьезно. Он будет знать, что делать.

– Я знаю, что делать! – Родригес с размаху стукнул кулаком по планширу. Он встал и повернулся к нему спиной. – Слушайте, отец, слушайте мою исповедь: в первую ночь – самую первую ночь, он стоял сбоку меня на галере в море, когда мы уходили из Анджино, сердце подсказывало мне, что его нужно убить, потом еще раз во время шторма. Господь Бог помог, это было в тот раз, когда я послал его вперед и умышленно отклонился по ветру без предупреждения, он был без страховки, я сделал это, чтобы убить его, но англичанин не упал

за борт, как случилось бы с любым другим. Я думаю, это была рука Бога, и понял это до конца, когда позже он оказался умелым рулевым и спас мой корабль, и потом, когда мой корабль оказался в безопасности, а меня смыло волной и я тонул, моей последней мыслью было также, что мне наказание божье за то, что я пытался его убить. «Ты не должен был так поступать с кормчим – он никогда бы так не поступил!» Я заслужил это в тот раз и потом, когда я остался жив, а он склонился надо мной, помогая мне напиться, я был так пристыжен и снова просил прощения у Бога и клялся, дал святой обет помочь ему. Мадонна! – он запнулся, испытывая сильнейшие душевные муки. – Этот человек спас меня, несмотря на то, что я пытался неоднократно убить его. Я видел это по его глазам. Он спас меня и помог мне выжить, а сейчас я собираюсь убить его.

– Почему?

– Адмирал был прав: нам может помочь только Бог, если англичанин выйдет в море на «Эразмусе», вооруженный, с мало-мальски приличной командой.

* * *

Блэксорн и Марико спали спокойно в своем маленьком домике, одном из многих, которые составляли гостиницу «Камелии» на Девятой Южной улице. В каждом таком домике было по три комнаты. Марико занимала одну комнату с Дзиммоко, Блэксорн – следующую, третья, которая имела выходы на веранду и на улицу, пустовала и была предназначена под гостиную.

– Вы думаете, это безопасно? – спросил Блэксорн озабоченно. – Не надо, чтобы здесь спали еще Ёсинака, служанки или охрана?

– Нет, Анджин-сан. На самом деле нет никакой опасности. Будет приятно побыть одним. Эта гостиница считается самой красивой в Идзу. Здесь чудесно, не так ли?

Это было правдой. Каждый маленький домик был поставлен на красивых сваях, окружен верандами с четырьмя ступеньками, все сделано из прекрасного дерева, отполировано и блестело. Каждый из них стоял отдельно, в пятидесяти шагах друг от друга, был окружен собственным подстриженным садиком в пределах большого сада, обнесенного высокой бамбуковой стеной. В нем были устроены ручейки, маленькие прудики с лилиями и водопады, было много цветущих деревьев с ночными и дневными цветами, приятно пахнущими и очень красивыми. Чистые каменные дорожки, заботливо снабженные навесами, вели к ваннам, холодным, горячим и очень горячим, питаемым природными источниками. Разноцветные фонари, вышколенные слуги и служанки, никогда громко не разговаривающие, чтобы не заглушать шум деревьев, журчание воды и пение птиц.

– Конечно, я попросила два домика, Анджин-сан, – один для вас и один для меня. К сожалению, свободен был только один. Ёсинака даже был доволен, так как ему не придется распылять своих людей. Он поставил часовых на каждой тропинке, так что мы совершенно в безопасности и нас никто не побеспокоит, как бывало в других местах. Что плохого в том, что у нас одна комната здесь, одна там, а Дзиммоко делит со мной спальню?

– Действительно, ничего. Я никогда не видел такого красивого места. Как вы умны и как красивы!

– А вы так добры ко мне, Анджин-сан. Примем ванну, потом поужинаем – можно будет выпить саке сколько угодно.

– Прекрасная перспектива на вечер.

– Отложите свой словарь, Анджин-сан, пожалуйста.

– Но вы всегда заставляете меня заниматься.

– Если вы отложите вашу книгу, я... я открою вам одну тайну.

– Какую?

– Я пригласила Ёсинаку-сана поужинать с нами. И нескольких дам. Чтобы немного развлечься.

– Ох!

– Да. После этого, когда я уйду, вы выберете себе одну из них, ладно?
– Но это может помешать вам спать.
– Обещаю, что я буду крепко спать, моя любовь. Серьезно говоря, перемена будет только к лучшему.

– Да, но на следующий год, не сейчас.
– Будь серьезным.
– Я и так серьезен.
– Ах, тогда в таком случае, если вы случайно вдруг передумаете и вежливо отошлете ее – после того как Ёсинака уйдет со своей партнершей, – ах, кто знает, какой ночной ками может разыскать тебя тогда?

– Что?
– Я сегодня ходила по магазинам.
– Да? И что вы купили?
– Очень интересные вещицы.

Она купила набор сексуальных приспособлений, которые им показала Кику, и, много позже, когда Ёсинака ушел, а Дзиммоко караулила на веранде, она преподнесла его Блэксорну с глубоким поклоном. Полушутя, он принял его с такой же официальностью, и они вдвоем подобрали кольцо удовольствия.

– Это выглядит не очень острым, Анджин-сан, да? Вы уверены, оно подойдет?
– Да, если вы не против, но перестаньте смеяться или все испортите. Уберите свечи.
– Ох, нет, пожалуйста, я хочу посмотреть.
– Ради Бога, перестань смеяться, Марико!
– Но вы тоже смеетесь.
– Неважно, убери свет или... Ну, теперь гляди, что ты наделала...
– Ох!
– Перестань смеяться! Нехорошо прятать голову в футоны... – Потом, позднее, тревожно: – Марико...

– Да, мой любимый?
– Я не могу найти его.
– Ох! Дай я помогу тебе.
– А, все нормально, нашел, я лежал на нем.
– Ох, так вы не против?
– Нет, если только чуть-чуть, ну, не встает, все из-за этих разговоров, придется подождать. Ладно?

– О, я не против. Это я виновата, что смеялась. Анджин-сан, я люблю тебя, пожалуйста, извини.

– Я тебя прощаю.
– Мне нравится трогать тебя.
– Я никогда не знал ничего подобного твоим прикосновениям.
– Что ты делаешь, Анджин-сан?
– Надеваю его.
– Это трудно?
– Да, перестань смеяться!
– Ой, прости меня, пожалуйста, может быть, я...
– Перестань смеяться!
– Пожалуйста, прости меня...

Потом она мгновенно уснула, полностью вымотавшись. А он нет. Это было прекрасно, но не совершенно. Он слишком заботился о ней, и на этот раз это было для ее удовольствия, а не для его.

«Да, это было для нее, – подумал он, любя ее. – Но одно абсолютно точно: я знаю, что полностью удовлетворил ее. В этот раз я совершенно уверен».

Он заснул. Позднее сквозь сон до него стали доноситься голоса, перебранка и слова на

португальском языке. Сначала он подумал, что это ему снится, потом узнал голос: – Родригес!

Марико что-то пробормотала, полностью погруженная в сон.

Заслыша звук шагов на тропинке, он, шатаясь, встал на колени, борясь с охватившей его паникой, поднял ее, словно куклу, и подошел к седзи, остановившись на миг, так как дверь открылась снаружи. Голова служанки была опущена, глаза закрыты. Он бросился за ней с Марико на руках и аккуратно положил ее на одеяла, все еще полусонную, и тихо пробрался обратно в свою комнату. Его бил озноб, хотя ночь была теплой. Блэксорн ощупью нашел свое кимоно и заторопился опять на веранду. Ёсинака поднялся уже на вторую ступеньку.

– Нан доска, Ёсинака-сан?

– Гомен насаи, Анджин-сан, – сказал Ёсинака, он указал на фонари в дальнем проходе к гостинице и добавил много слов, которых Блэксорн не понимал. Но смысл был в том, что там у ворот стоял человек, чужеземец, который хотел повидать его, а когда ему велели подождать, он повел себя как дайме, хотя и не был им, сказал, что не может ждать, и пытался пройти силой, но его остановили. Он сказал, что он его друг.

– Эй, англичанин, это я, Васко Родригес!

– Эй, Родригес, – радостно закричал Блэксорн. – Все нормально. Хай, Ёсинака-сан. Каре ва ватаси но ичи юдзин дес. Он мой друг.

– Ах, со дес!

– Хай. Домо.

Блэксорн бегом спустился по ступеням и пошел к воротам. Сзади себя он услышал голос Марико: «Нан дза, Дзиммоко?» и ответный шепот, после чего она властно позвала: «Ёсинака-сан!»

– Хай, Тода-сама!

Блэксорн оглянулся. Самурай подошел к лестнице и направился в комнату Марико. Ее дверь была закрыта. Снаружи стояла Дзиммоко. Ее скомканная постель была сейчас около двери, так как она там и должна была спать, потому что ее хозяйка, конечно, не желала ночевать с ней в одной комнате. Ёсинака поклонился двери и начал рапортовать. Блэксорн шел по дорожке со все возрастающим ощущением радости, босиком, глядя на Родригеса с приветственной улыбкой, свет факелов отражался на серьгах португальца и в изгибах его богатой шляпы.

– О, Родригес! Как хорошо снова повидать тебя. Как нога? Как ты меня отыскал?

– Мадонна, ты вытянулся, англичанин, похудел! Да, сильный и здоровый и ведешь себя как этот чертов дайме! – Родригес обнял его по-медвежьи, Блэксорн ответил ему тем же.

– Как твоя нога?

– Болит, дерьмо проклятое, но работает, а нашел я тебя, потому что везде спрашивал, где этот знаменитый Анджин-сан – большой чужестранец, бандит и негодяй с голубыми глазами!

Они дружно хохотали, обменивались похабными шуточками, не обращая внимания на самураев и слуг, окруживших их. Блэксорн тут же послал за саке и повел его с собой. Они шли своей моряцкой походкой, правая рука Родригеса по привычке была на рукоятке рапиры, большой палец другой засунут за широкий пояс, около пистолета. Блэксорн был выше на несколько дюймов, но португалец был даже шире его в плечах и имел более мощную грудную клетку.

Ёсинака ждал на веранде.

– Домо аригато, Ёсинака-сан, – сказал Блэксорн, снова благодаря самурая, и показал Родригесу на одну из подушек. – Давай поговорим здесь.

Родригес уже занес ногу на ступеньку, но остановился, так как Ёсинака встал перед ним, указал на рапиру и пистолет и вытянул вперед левую руку ладонью вверх:

– Дозо!

Родригес нахмурился:

– Ие, самурай-сама, домо ари...
– Дозо!
– Ие, самурай-сама, ие! – повторил Родригес более резко, – ватаси юдзин Анджин-сан, нех?

Блэксорн выступил вперед, все еще забавляясь неожиданной стычкой.

– Ёсинака-сан, сигата га най, нех? – сказал он с улыбкой. – Родригес ватаси юдзин, вата...

– Гомен насаи, Анджин-сан. Киндзиру! – Ёсинака крикнул что-то повелительное, самураи мгновенно сделали выпад вперед, угрожающе обступили Родригеса, он опять протянул руку:

– Дозо!

– Эти дерьмом набитые проститутки очень обидчивы, англичанин, – сказал Родригес, широко улыбаясь. – Отошли их, а? Я еще никогда не отдавал своего оружия.

– Подожди, Родригес! – торопливо сказал Блэксорн, чувствуя, что он что-то задумал, потом обратился к Ёсинаке: – Домо, гомен насаи, Родригес юдзин, вата...

– Гомен насаи, Анджин-сан. Киндзиру, – потом грубо к Родригесу: – Има!

Родригес рывкнул в ответ:

– Ие! Вакаримас ка?

Блэксорн поспешно встал между ними:

– Ну, Родригес, что тут такого, правда? Пусть Ёсинака возьмет их. Мы тут ничего не можем поделать. Это из-за госпожи Тода Марико-самы. Она здесь. Вы знаете, как они чувствительны в отношении оружия, когда дело касается дайме и их жен. Мы проспорим всю ночь, вы же их знаете? Какая разница?

Португалец с трудом заставил себя улыбнуться:

– Конечно, почему бы и нет? Хай. Сигата го най, самурай-сама. Со дес!

Он поклонился, словно придворный, но без всякой искренности, вытащил рапиру в ножнах и пистолет, протянул их охране. Ёсинака сделал знак самураю, который взял оружие и побежал к воротам, где и положил их, встав рядом, как часовой. Родригес начал подниматься по лестнице, но Ёсинака снова вежливо и твердо попросил его подождать. Другой самурай вышел вперед с намерением обыскать его. Взбешенный Родригес отскочил назад:

– Ие! Киндзиру, клянусь Богом! Что за...

Самураи налетели на него, крепко схватили за руки и тщательно обыскали. Они нашли два ножа в голенищах сапог, еще один был привязан к его левой кисти, два маленьких пистолета – один был спрятан в складках плаща, другой под рубашкой, и маленькую оловянную фляжку на поясе.

Блэксорн осмотрел его пистолеты. Оба были заряжены.

– А тот пистолет тоже был заряжен?

– Да, конечно. Это ведь враждебная нам страна, разве ты не заметил, англичанин? Прикажи им отпустить меня!

– Это необычный способ посещать друзей ночью, правда?

– Я уже сказал тебе, что это враждебная нам страна. Я всегда так вооружаюсь. Что тут необычного? Мадонна, вели этим негодяям отпустить меня.

– Это последний? Все?

– Конечно, пусть они отпустят меня, англичанин!

Блэксорн отдал пистолеты самураям и подошел к Родригесу. Его пальцы тщательно прощупали внутреннюю часть широкого кожаного пояса португальца. Из потайного чехла он вытащил стилет, очень тонкий, очень упругий, сделанный из лучшей дамаскской стали. Ёсинаки обругал самурая, который проводил обыск. Они извинились, но Блэксорн только посмотрел на Родригеса.

– А еще? – спросил он, держа стилет в руке.

Родригес смотрел на него с каменным выражением на лице.

– Я скажу им, где смотреть – и как смотреть, Родригес. Как это делают испанцы – некоторые из них. А?

– Ми каго ен ла лече, че каброн!

– Куева, лече! Поторопись! – Все еще без ответа. Блэксорн выступил вперед с ножом в руке. – Дозо, Ёсианака-сан. Ватас...

Родригес хрипло сказал:

– У меня в шляпе, – и он остановился.

– Хорошо, – сказал Блэксорн и взял его широкополую шляпу.

– Ты не будешь... не будешь учить их этому делу?

– Почему бы и нет?

– Будь осторожней с кожей, англичанин, я ею дорожу. Лента была широкая и жесткая, кожа высокого качества, как и сама шляпа. В ленте был спрятан тонкий стилет, маленький, специально сделанный, высококачественная сталь легко принимала форму любой кривой. Ёсианака еще раз зло обругал своих самураев.

– Перед Богом спрашиваю, это все, Родригес?

– О, Мадонна, я же сказал тебе.

– Поклянись.

Родригес повиновался.

– Ёсианака-сан, има иси-бан. Домо, – сказал Блэксорн. – С ним теперь все нормально. Благодарю вас.

Ёсианака отдал приказ. Его люди освободили Родригеса, тот потер руки, стараясь облегчить боль.

– Теперь можно сесть, англичанин?

– Да.

Родригес вытер пот красным платком, потом поднял свою оловянную фляжку и сел, скрестив ноги, на подушки. Ёсианака остался неподалеку на веранде. Все самураи, кроме четверых, вернулись на свои посты.

– Почему вы такие грубые – и они, и ты, англичанин? Я никогда не сдавал своего оружия раньше. Разве я убийца?

– Я спросил вас, сдали ли вы все оружие, и вы солгали.

– Я не слышал. Мадонна! Вы что, обращались со мной как с обычным преступником? – Родригес был вне себя. – Да в чем дело, англичанин, что тут такого? Вечер испортили... Но подожди. Я их прощаю. И я прощаю тебя, англичанин. Ты был прав, а я нет. Извини. Я рад видеть тебя, – он отвинтил крышку и предложил ему фляжку. – Вот – здесь прекрасный бренди.

– Вы пейте первым.

Лицо Родригеса мертвенно побледнело:

– Мадонна, ты думаешь, я принес тебе яду?

– Нет. Но вы пейте первым.

Родригес выпил.

– Еще!

Португалец повиновался, потом вытер рот тыльной стороной руки. Блэксорн взял фляжку. – Салют! – Он наклонил ее и сделал вид, что глотает, украдкой заткнув горлышко фляжки языком, чтобы не дать жидкости попасть в рот, как ни хотелось ему выпить.

– Ах! – сказал он, – Это было прекрасно.

– Возьми ее себе, англичанин, это подарок.

– От доброго святого отца? Или от тебя?

– От меня.

– Ей-богу?

– Клянусь Богом, святой Девой, тобой и ими! – сказал Родригес. – Это подарок от меня и от отца! Он владеет всеми запасами спиртного на «Санта-Филиппе», но его святейшество сказал, что я могу распоряжаться ими наравне с ним, на борту еще дюжина таких фляжек.

Это подарок. Где твои хорошие манеры?

Блэксорн притворился, что пьет, и вернул ее обратно:

– Вот, давай еще.

Родригес чувствовал, как спиртное растекается по жилам, и порадовался, что после того, как взял у Алвито полную фляжку, он вылил содержимое, промыл как можно лучше и наполнил ее бренди из своей бутылки.

– Мадонна, прости меня, – взмолился он, – прости меня за то, что я усомнился в святом отце. О, Мадонна, Бог и Иисус, ради любви к Богу, приди снова на землю и измени ее, эту планету, где мы иногда еще осмеливаемся не доверять священникам.

– В чем дело?

– Ничего, англичанин. Я только подумал, что мир – это грязная помойная яма, если не можешь доверять никому. Я пришел к тебе по-дружески, пообщаться, а теперь мир для меня раскололся.

– Ты пришел с миром?

– Да.

– С таким вооружением?

– Я всегда так вооружен. Поэтому еще и жив. Салют! – Здоровяк мрачно поднял свою фляжку и снова отпил бренди, – Черт бы побрал этот мир, черт бы забрал все это.

– Ты говоришь, черт со мной?

– Англичанин, это я, Васко Родригес, кормчий португальского военного флота, не какой-то зачуханный самурай. Я обменялся с тобой многими оскорблениями, но все по-дружески, пойми. Сегодня вечером я пришел повидаться с другом, и вот теперь у меня его нет. Это чертовски печально.

– Да.

– Мне не следует горевать, но я горюю. Дружба с тобой очень осложняет мне жизнь. – Родригес встал, пытаясь унять боль в спине, потом снова сел, – Ненавижу сидеть на этих проклятых подушках! Мне нужны стулья. На корабле. Ну, салют, англичанин.

– Когда вы повернули по ветру, а я был на миделе, ты сделал это, чтобы сбросить меня за борт. Так?

– Да, – сразу же ответил Родригес. Он встал на ноги. – Да, я рад, что ты спросил меня об этом, так как это ужасно гложет мою совесть. Я рад извиниться перед тобой, так как мне самому было трудно в этом признаться. Да, англичанин. Я не прошу прощения, понимания или чего-то еще. Но я рад признаться в этом позоре прямо перед тобой.

– Вы думаете, я бы поступил так же?

– Нет. Но потом, когда наступит такой момент... Никогда не знаешь, как поведешь себя в момент испытаний.

– Вы пришли сюда, чтобы убить меня?

– Нет. Не думаю. Это не было у меня самой главной мыслью, хотя для моего народа и для моей страны, как мы оба знаем, было бы лучше, если бы тебя не было в живых. Жаль, но это так. Как глупа жизнь, да, англичанин?

– Я не хочу, чтобы ты умер, кормчий, мне нужен только твой Черный Корабль.

– Слушай, англичанин, – сказал Родригес без всякой злобы. – Если мы встретимся в море, ты на своем корабле, вооруженный, я на своем, сам забота о своей жизни. Я пришел сказать тебе об этом – только об этом. Я думаю, можно сказать тебе это как другу, мне все-таки хочется остаться твоим другом. Кроме встречи на море, я навеки у тебя в долгу. Салют!

– Надеюсь, что я захвачу твой Черный Корабль в море. Салют, кормчий.

Родригес гордо удалился. Ёсинака и самураи проводили его. У ворот Родригес получил свое оружие и вскоре исчез в ночной темноте...

Ёсинака подождал, пока часовые не встали на свои места. Убедившись, что все в безопасности, он пошел к себе. Блэксорн сидел на одной из подушек, через несколько минут служанка, которую он послал за sake, улыбаясь, прибежала с подносом. Она налила ему

чашку и осталась ждать, чтобы и дальше обслуживать его, но Блэксорн ее отпустил. Теперь он был один. Ночные звуки снова окружили его, шорохи, звуки водопада, копошение ночных птиц. Все было как раньше, но все необратимо изменилось.

Опечаленный, Блэксорн потянулся налить себе чашку саке, но послышалось шуршание шелка, бутылочку взяла рука Мариико. Она налила ему, еще одну чашку налила себе.

– Домо, Мариико-сан.

– До итасимасите, Анджин-сан, – она устроилась на другой подушке. Они выпили горячего вина.

– Он хотел убить вас, не так ли?

– Не знаю, я не уверен в этом.

– А что значит – обыскивать по-испански?

– Некоторые из них раздевают своих пленных, потом ищут в укромных местах. И не очень осторожно. Они называют это «обыскивать кон сигнифика», со значением. Иногда для этого используют ножи.

– Ох, – она пила и слушала, как вода плещется среди камней. – Здесь то же самое, Анджин-сан. Иногда. Вот почему глупо допускать, чтобы тебя поймали. Если ты схвачен, ты так сильно обесчестишь себя, что чтобы ни сделали поймавшие... Лучше не давать себя схватить. Правда?

Он посмотрел на нее при свете фонарей, раскачивающихся под легким прохладным ветерком.

– Ёсинака был прав. Обыск был необходим. Это была ваша идея, да? Вы приказали Ёсинаке обыскать его?

– Пожалуйста, простите меня, Анджин-сан, я надеюсь, это не создало для вас никаких затруднений. Я просто боялась за вас.

Спасибо тебе, – сказал он, снова перейдя на латынь, хотя он и жалел, что обыск был сделан. Без него он все еще имел бы друга. «Может быть», – предупредил он себя.

– Ты вежливый, – сказала она, – но это был мой долг.

На Мариико было надето ночное кимоно и верхнее кимоно голубого цвета, волосы небрежно заплетены в косы, спадающие до пояса. Она оглянулась на ворота вдалеке, их было видно сквозь деревья.

– Вы очень умно поступили с этим спиртным, Анджин-сан. Я чуть не ущипнула себя от злости, забыв предупредить об этом Ёсинаку. Очень умно, что вы заставили его выпить дважды. У вас там часто пользуются ядами?

– Иногда. Кое-кто применяет яды. Это грязный прием.

– Да, но очень эффективный. У нас так тоже бывает.

– Ужасно, правда, не доверять никому.

– О, нет, Анджин-сан, извините, – ответила она. – Это только одно из самых важных жизненных правил – ни больше, ни меньше.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава Сорок Седьмая

«Эразмус» стоял у пристани в Эдо, сверкая под высоким полуденным солнцем, в полном своем великолепии.

– Боже мой, Мариико, вы только посмотрите на него! Видели вы что-нибудь подобное? Взгляните на обводы!

Корабль его был закрыт, окружен на расстоянии ста шагов барьерами, прикреплен к пристани новыми канатами, – весь этот участок усиленно охранялся: на палубе множество самураев, повсюду висят плакаты, предупреждающие: вход – только по личным пропускам Торанаги! «Эразмус» свежепокрашен и осмолен, палубы без единого пятнышка, корпус

проконопачен, такелаж починен. Даже фок-мачта, потерянная в последний шторм, заменена – нашли-таки в трюме последнюю из запасных – и стоит под правильным углом. Концы канатов аккуратно заделаны, пушки блестят защитным слоем смазки. Над всем этим гордо возвышается разъяренный английский лев...

– Эгей! – радостно закричал он, дойдя до ограждения, но никто ему не ответил. Только часовой из охраны объяснил, что чужеземцев сегодня на борту нет.

– Сигата га наи, – откликнулся Блэксорн. – Домо. – Он унял охватившее его желание сразу же подняться на борт и сияя обращался к Мариико, но видел только корабль. – Да он словно только что из ремонта в доке Портсмута, Мариико-сан. А пушка-то – парни, должно быть, работали как собаки. Красивое судно, правда? Не дождусь, когда снова увижу Баккуса и Винка, да и остальных... Вот уж не ожидал увидеть корабль таким... Боже мой, судно прекрасно смотрится, правда?

Мариико смотрела на него, а не на корабль: она поняла, что о ней забыли, на ее место пришло другое. «Не переживай, – сказала она себе. – Наше путешествие окончено».

Утром этого дня они наконец прибыли на заставу в окрестностях Эдо. Еще раз у них проверили проездные документы. Их снова принимали очень вежливо, но на этот раз дали почетный караул, ожидавший их.

– Они проводят нас в замок, Анджин-сан. Вы останетесь там, а сегодня вечером мы встретимся с Торанагой.

– Ну, тогда еще масса времени. Смотрите, Мариико-сан, доки отсюда не далее чем в миле, да? Там где-то и мой корабль. Вы не попросите капитана Ёсинаки, нельзя ли нам съездить туда?

– Он говорит, к сожалению, у него нет инструкций на этот случай, Анджин-сан. Он должен доставить нас в замок.

– Пожалуйста, скажите ему... нет, может быть, лучше мне самому попытаться... Тайчо-сан! Окасира, сукочи но айда вата-куси ва ихитай но дес. Ватахучи но фунега асоко ни аримасу. Капитан, я хочу сходить туда на некоторое время. Там мой корабль.

– Ие, Анджин-сан, гомен насаи. Има...

Мариико с удовлетворением и усмешкой слушала, как Блэксорн вежливо, но твердо спорил, настаивал, пока наконец недовольный Ёсинака не позволил им сделать крюк («Только на один момент, да? И только потому, что Анджин-сан имеет положение хатамото, которое дает определенные неотъемлемые права, и указал на то, что такое быстрое ознакомление с объектом важно для господина Торанаги, что это сэкономит много времени, столь ценного для нашего господина, и важно для встречи сегодня вечером. Да, Анджин-сан может взглянуть на него, но пусть он простит, конечно, на корабль подняться без пропуска, подписанного лично господином Торанагой, никак нельзя, и вообще это можно только в течение одной минуты, так как нас ожидают, прошу прощения»).

– Домо, Тайчо-сан, – с жаром ответил на это Блэксорн, более чем удивленный, что он все лучше понимает язык и те способы убеждать, которые считаются здесь правильными.

Прошлую ночь и большую часть вчерашнего дня они провели в гостинице не более чем в двух ри к югу вниз по дороге, – Ёсинака, как и прежде, дал им побездельничать. «О, это была прекрасная ночь», – подумала Мариико.

Таких прекрасных дней и ночей она могла вспомнить много. Все было хорошо кроме первого дня после выезда из Мисимы, когда отец Тсукку-сан опять встретился с ними и непрочное перемирие между мужчинами кончилось. Их ссора началась внезапно, яростно, и виной тому – инцидент с Родригесом, к тому же они слишком много выпили. Обмен угрозами, проклятия... А потом отец Алвито кинулся в Эдо... Смутное чувство недовольства осталось после этого эпизода и омрачило их дальнейшее путешествие.

– Мы не должны были допустить этого, Анджин-сан.

– Но этот человек не имел права...

– О да, я согласна. И конечно, вы правы. Но пожалуйста... если вы позволите тому, что произошло, разрушить вашу гармонию – вы пропадете и я тоже. Пожалуйста, я умоляю вас,

будьте японцем! Отбросьте этот инцидент – вот и все, один инцидент из десяти тысяч! Вы не должны позволять нарушать вашу гармонию. Отбросьте его в самый дальний уголок сознания.

– Как? Как мне это сделать? Взгляните на мои руки! Я так чертовски зол, что не могу унять дрожь!

– Посмотрите на этот камень, Анджин-сан! Послушайте, как он растет.

– Что?

– Прислушайтесь к росту камня, Анджин-сан. Сосредоточьте свое внимание на этом – на гармонии камня. Прислушайтесь к камню этого камня. Слушайте мою любовь – ради жизни! И ради меня...

Так она старалась и понемногу преуспела в этом, и на следующий день они опять были друзьями, опять любовниками, опять в мире, она продолжала учить его, пытаясь подготовить помимо его воли к созданию внутреннего «восьмирядного заслона», помогая строить внутренние стены и бастионы, которые были для него единственным путем к гармонии и выживанию.

– Я так рада, что священник ушел и не возвращается, Анджин-сан.

– Да.

– Лучше, чтобы не было ссор. Я боюсь за вас.

– Ничего не меняется – он всегда был моим врагом, всегда и будет. Карма есть карма. Но не забывайте – никто и ничто не существует вне нас. Пока не существует. Ни он, ни кто-нибудь еще. И ничего другого. До приезда в Эдо. Да?

– Да. Вы так мудры. И опять правы. Я так счастлива быть с вами...

Дорога из Мисимы быстро вышла из плоских равнин и запетляла по горам к перевалу Хаконе. Два дня они отдыхали на вершине горы, радостные и довольные; гора Фудзи блистала перед ними на восходе и закате солнца, вершина скрывалась в кольце облаков.

– Горы всегда такие?

– Да, Анджин-сан, большую часть времени они закрыты. Но это делает вид ясной и чистой Фудзи-сан еще прекраснее, правда? Вы можете подняться до вершины, если хотите.

– Давай сделаем это сейчас!

– Не сейчас, Анджин-сан. Но однажды мы это сделаем, – мы ведь должны оставить что-нибудь на будущее, да? Мы заберемся на Фудзи-сан осенью...

Им всегда доставались красивые уединенные гостиницы, на всем пути по равнинам Кванто. И всегда приходилось пересекать реки, ручьи, речушки, стремящиеся к морю, которое сейчас было справа от них. Их процессия двигалась на север по извилистой, оживленной, суетливой Токайдо, через самую большую рисовую житницу империи. Плоские аллювиальные равнины изобиловали водой, каждый дюйм земли здесь возделывался. Воздух теперь был горячий и влажный, тяжелый от зловония человеческих испражнений, которые крестьяне разводили водой, заботливо поливая посадки.

– Рис дает нам пищу, Анджин-сан, татами для сна, сандалии для ходьбы, одежду, чтобы укрываться от дождя и холода, солому, чтобы утеплять наши дома, бумагу для письма. Без риса мы не могли бы существовать.

– Но такая вонь, Марико-сан!

– Это небольшая цена за такую щедрость, да? Просто делайте как мы – открывайте свои уши, глаза и голову. Слушайте ветер и дождь, насекомых и птиц, слушайте рост насекомых и мысленно представляйте ваших потомков, приближающихся к концу жизни. Если вы это сделаете, Анджин-сан, вы скоро начнете чувствовать красоту жизни. Это требует практики... но вы станете совсем японцем, не так ли?

– Ах, благодарю вас, госпожа моя! Но должен признаться, что я уже начинаю любить рис, – да-да, я, пожалуй, предпочитаю его картофелю... И вы знаете еще, что я не так скучаю без мяса, как раньше. Разве это не странно? И я не так голоден, как был.

– А я голодна, как никогда в жизни.

– Да я говорю о пище.

– Ах, я тоже...

За три дня до перехода через перевал Хаконе у нее начались месячные и она попросила его взять себе на ночь одну из служанок в гостинице («Это будет разумно, Анджин-сан»).

– Предпочитаю обойтись без них, извини меня.

– Пожалуйста, прошу тебя. Это для безопасности. Так благоразумней.

– Если вы так хотите – тогда да. Но завтра ночью, не сегодня. Сегодня вечером давайте просто ляжем спать в мире и спокойствии, вместе.

«Да, – подумала Марико, – эту ночь мы проспали спокойно, а рассвет завтра был так прекрасен, что я покинула его теплую постель, села на веранде с Дзиммоко и следила, как рождается новый день».

– Ах, доброе утро, госпожа Тода, – у входа в сад стояла Дзэко, кланяясь ей, – какой чудесный рассвет.

– Да, красивый.

– Простите, можно я вам помешаю? Могу я поговорить с вами наедине – о делах?

– Конечно. – Марико сошла с веранды, не желая прерывать сон Анджин-сана. Она отправила Дзиммоко за зеленым чаем и приказала постелить одеяла на траве, поближе к водопаду.

Когда они остались одни и пришло время начинать разговор, Дзэко сказала:

– Я думаю, как бы мне лучше помочь Торанаге-сама.

– Тысяча коку – более чем великодушно с вашей стороны.

– Еще ценнее могут быть три секрета.

– Даже один, Дзэко-сан, если он настоящий.

– Анджин-сан – хороший человек, да? О его будущем тоже надо позаботиться, правда?

– У Анджин-сана своя карма, – ответила она, зная, что придется пойти на сделку: что же ей уступить – если она вообще что-нибудь уступит? – Мы говорим о господине Торанаге, да? Или один из ваших секретов касается Анджин-сана?

– О, нет, госпожа. Как вы сказали, у Анджин-сана своя карма, так что, я думаю, у него есть и свои секреты. Мне только кажется, что Анджин-сан – один из любимых вассалов господина Торанаги и любая защита нашего господина – это и способ помочь его вассалам, правда?

– Согласна. Конечно, долг вассалов – передавать любую информацию, которая может помочь их господину.

– Верно, госпожа, очень верно. Ах, это такая честь для меня – служить вам. Хонто. Могу я выразить вам, как я польщена тем, что мне позволено путешествовать вместе с вами, разговаривать с вами, есть и смеяться с вами, случайно действовать как скромный советник, как бы плохо я ни была подготовлена – за это я прошу у вас прощения. Ваша мудрость так же велика, как ваша красота, и ваше мужество так же безмерно, как ваши титулы.

– Ах, Дзэко-сан, пожалуйста, извините меня, вы так добры, так заботливы. Я просто жена одного из генералов моего господина. Так что вы говорили? Четыре секрета?

– Три, госпожа. Я подумала, не походатайствуете ли вы за меня перед господином Торанагой? Неразумно мне самой шептать прямо ему о том, что я считаю правдой. Это было бы очень дурным тоном – я не смогу выбрать правильных слов, найти способ изложить перед ним информацию. Ведь в любом случае, в деле любой важности наш обычай использовать посредников намного лучше, правда?

– Кику-сан, конечно, больше подошла бы для этого дела. Я не знаю, когда за мной пришлют, или через сколько времени у меня будет аудиенция, или даже найдет ли он нужным выслушать то, что я захочу ему сказать.

– Пожалуйста, извините меня, госпожа, но намного больше подошли бы вы. Вы можете судить о ценности информации, она – нет. Вас он слушает, с ней занимается другими вещами.

– Я не советник, Дзэко-сан, и не могу оценить вашу информацию.

– Я говорю – эти новости стоят тысячу коку.

– Со дес ка?

Дзэко еще раз проверила, не подслушивают ли их, потом стала рассказывать: отлученный христианский священник пробормотал вслух то, что прошептал ему в исповедальне господин Оноши, – он связан со своим дядей, господином Харимой; второй повар Оми подслушал о заговоре Оми и его матери против Ябу; наконец, она узнала о Затаки, о его явной страсти к госпоже Ошибе, и об Ишидо и госпоже Ошибе.

Марико внимательно слушала, не высказывая своего мнения – хотя ее и неприятно поразило нарушение тайны исповеди, – ум ее метался, перебирая массу возможностей, открывшихся вместе с тем, что она только что узнала. Потом она устроила Дзэко перекрестный допрос, желая удостовериться, все ли правильно поняла и отложила в памяти. А когда убедилась: да, она запомнила все, что Дзэко приготовилась открыть ей в этот момент (она, конечно, понимала: если человек торгует – у него всегда много чего есть в запасе), – то послала за свежим чаем. Марико сама наполнила Дзэко чашку, и они спокойно пили чай – обе осторожные, уверенные в себе.

– Не знаю, как определить, насколько ценна эта информация, Дзэко-сан.

– Конечно, Марико-сан.

– Думаю, что эти сведения – и тысяча коку – очень обрадуют господина Торанагу.

Дзэко удержала ругательство, готовое сорваться с губ. Она ожидала значительного снижения первоначально запрошенной суммы.

– Простите, но деньги не имеют значения для такого дайме, хотя это целое состояние для такой крестьянки, как я, – тысяча коку делают меня основоположницей состояния целого рода, правда? Каждый должен знать свое место, госпожа Тода, не так ли? Ее тон был очень язвительен.

– Да. Хорошо знать, кто вы и что вы, Дзэко-сан. Это одно из редких преимуществ, которые мужчина уступил женщине. К счастью, я знаю, кто я. О, конечно, знаю. Пожалуйста, переходите к тому, чего вы хотите.

Дзэко не дрогнула от такой угрозы, но бросилась в атаку с соответствующей грубой прямоотой:

– А суть моего разговора в том, что обе мы знаем жизнь и понимаем смерть – обе считаем, что везде и все зависит от денег – даже в аду.

– Вы так думаете?

– Да. Но, простите, я считаю, что тысяча коку – слишком много.

– Смерть предпочтительнее?

– Я уже написала свои предсмертные стихи, госпожа:

«Когда я умру,

Не сжигайте меня,

Не хороните никак.

Просто бросьте на поле тело мое —

Накормить пустобрюхих собак».

– Это можно устроить. Очень просто.

– Да. Но у меня длинные уши и надежный язык, а это может быть очень важно.

Марико налила еще чаю – себе.

– Извините, что вы сказали?

– О да, конечно. Пожалуйста, извините меня, но это не хвастовство, что я хорошо подготовлена, госпожа, – в этом и во многом другом. Смерти я не боюсь. Написала завещание, дала сыну подробные инструкции на случай моей неожиданной смерти. Заключила мир с богами задолго до этой минуты и на сорок дней после смерти... Я уверена – мне удастся возродиться. А если и нет, – она пожала плечами, – тогда я стану ками... – Веер ее замер. – Так я могу надеяться, что возможность передать это господину Торанаге представится в течение месяца, да? Пожалуйста, простите, что я вам напоминаю, но я как вы: я ничего не боюсь. Но в отличие от вас мне в этой жизни нечего терять.

– Так много разговоров об ужасных вещах, Дзэко-сан, в такое приятное утро. Ведь так

приятно, правда? – Марико собралась спрятать коготки. – Я предпочитаю видеть вас живой, процветающей почтенной дамой, одним из столпов вашей новой гильдии. Ах, это была очень тонкая мысль. Хорошая идея, Дзекo-сан.

– Благодарю вас, госпожа. Я бы также хотела, чтобы вы были счастливы и невредимы и процветали во всем, что вам захочется. Со всеми забавами и почестями, которые вам потребуются.

– «Забавами»? – повторила Марико, снова почувствовав опасность.

Дзекo была похожа на хорошо натасканную собаку, идущую по следу за зверем.

– Я только крестьянка, госпожа, так что не знаю, какие почести требуются вам, какие забавы доставляют удовольствие вам. Или вашему сыну.

Ни та ни другая не заметили, как между пальцами Марико сломалась тонкая деревянная планка веера. Бриз прекратился. Теперь в саду, выходящем к морю, на котором не было ни малейшего волнения, висел влажный, горячий воздух. Стаями летали мухи, усаживались, снова взлетали.

– Ну а каких «забав и почестей» хотели бы вы для себя? – Марико с недоброй улыбкой рассматривала эту пожилую женщину, ясно поняв теперь, что она должна ее убрать, иначе погибнет ее сын.

– Для себя – ничего. Господин Торанага оказал мне почести и одарил богатствами, о которых я и не мечтала. Но для своего сына? О да, он мог бы помочь ему.

– Чем помочь?

– Двумя мечами.

– Это невозможно.

– Знаю, госпожа. Простите. Так легко это предоставить, и все-таки нельзя. Но идет война. Для боев потребуется много воинов.

– Сейчас войны не будет. Господин Торанага едет в Осаку.

– Два меча. Это не такая большая просьба.

– Это невозможно. Извините, это присуждаю не я.

– Простите, но я не прошу вас о чем-нибудь таком... Это единственное, что в силах меня обрадовать. Да. Ничего другого. – Капля пота упала с лица Дзекo на колено. – Я хотела бы предложить господину Торанаге пятьсот коку с цены контракта как знак моего уважения в эти трудные времена. Другие пятьсот коку пойдут моему сыну. Самурай нуждается в наследственном состоянии, правда?

– Вы обрекаете своего сына на смерть. Все самураи Торанаги очень скоро погибнут или станут ронинами.

– Карма. У моего сына уже есть сыновья, госпожа. Они расскажут своим сыновьям, что когда-то мы были самураями. В этом все дело.

– Не я даю звание самурая.

– Конечно. Простите меня. Но именно это могло бы меня удовлетворить.

* * *

Торанага раздраженно покачал головой:

– Ее информация, вероятно, интересна, но не стоит того, чтобы сделать ее сына самураем.

Марико возразила:

– Она кажется преданным вассалом, господин. Она сказала, что будет польщена, если вы еще на пятьсот коку снизите цену контракта, отдав эти деньги нуждающимся самураям.

– Это не благородство. Нет, совсем нет. Это только признание вины за то, что сначала она запросила такую грабительскую цену.

– Возможно, это стоит рассмотреть, господин. Ее идея о гильдии, о гейшах и новых классах куртизанок будет иметь далеко идущие последствия, правда?

– Не согласен. Нет. И почему ее следует вознаградить? Нет оснований предоставлять ей

такие почести. Бессмысленно! Она, конечно, не просила вас об этом, не так ли?

– Для нее это было бы чересчур дерзко, господин. Я просто предложила это, считая, что она может быть вам очень полезна.

– Лучше бы она уже это доказала. Не исключено, что ее секреты тоже вранье. В эти дни я не получал ничего, кроме вранья. – Торанага позвонил в колокольчик – у дальней двери тут же появился его конюший.

– Господин?

– Где куртизанка Кику?

– В ваших покоях, господин.

– А эта женщина – Дзэко – с ней?

– Да, господин.

– Отправьте их обеих из замка. Немедленно! Отправьте их обратно в... Нет, поместите их в гостинице – третьеразрядной гостинице – и скажите, чтобы ждали, пока я пришлю за ними. – Когда самурай исчез, Торанага раздраженно сказал:

– Отвратительно! Сводня, желающая стать самураем! Грязные крестьяне не знают больше, где их место!

Марико смотрела, как он сидит на подушке, машинально помахивая веером. Она была ошеломлена тем, как он изменился: мрачность, раздражение, капризы... А ведь раньше всегда была только жизнерадостная уверенность. Он с интересом выслушал все тайны Дзэко, но не с тем возбуждением, которого она от него ожидала. «Бедняга, – подумала она с сожалением, – он сдался. Что толку для него в этой информации? Может быть, он достаточно мудр, чтобы отбросить в сторону все мирское и готовиться к неизвестному? Лучше бы ты и сама так сделала, – думала она, умирая понемногу в глубине души. – Да, но ты не можешь, не сейчас, – ты должна защитить своего сына!»

Они находились на шестом этаже высокой крепостной башни, чьи окна смотрели на весь город в три стороны света. Заход солнца был мрачен, кусочек луны висел низко над горизонтом, сухой воздух был душен, хотя здесь, почти в ста футах от основания крепостных стен, улавливалось каждое дуновение ветра. Помещение низкое, сильно укрепленное, занимало половину всего этажа; остальные комнаты выходили на другую сторону башни.

Торанага поднял письмо, присланное с Марико Хиро-Мацу, и еще раз прочитал. Она заметила, что у него дрожит рука.

– Зачем он хочет приехать в Эдо? – Торанага нетерпеливо отбросил свиток в сторону.

– Простите, господин, но я не знаю. Он только просил меня передать вам это письмо.

– Вы разговаривали с этим христианином-отступником?

– Нет, господин. Ёсинака сказал, что вы приказали никому не разрешать этого.

– Как вел себя в пути Ёсинака?

– Очень энергичен, господин, – Она терпеливо ответила на вопрос во второй раз. – Очень деловой. Он прекрасно нас охранял и доставил точно вовремя.

– Почему священник Тсукку-сан не вернулся вместе с вами этим путем?

– По дороге из Мисимы, господин, он и Анджин-сан поссорились, – пояснила Марико, не зная, что наговорил Торанаге отец Алвито, если Торанага уже вызывал его. – Отец решил ехать отдельно.

– Из-за чего произошла ссора?

– Частично из-за меня, из-за моей души, господин. В основном из-за вражды их религий и потому, что между их правителями идет война.

– Кто начал ссору?

– Они одинаково виноваты. Ссора началась из-за фляжки спиртного, – Марико рассказала, что произошло с Родригесом, потом продолжала: – Тсукку-сан принес вторую фляжку в подарок, желая как он выразился, извиниться за Родригеса-сана, но Анджин-сан сказал – поразительно откровенно, – что не хочет никакого «папистского спиртного», предпочитает саке и не доверяет священникам. Святой отец вспыхнул и тоже говорил удивительно откровенно, – он никогда не имел дела с ядом, впредь не собирается и в жизни

этого не забудет.

– Ах, яд? Они используют яд как оружие?

– Анджин-сан говорил мне, что некоторые у них применяют яд, господин. Это привело их к еще более грубым выражениям, и они начали колотить друг друга из-за того, что одни католики, а другие – протестанты... Я ушла, чтобы как можно скорее привести Ёсинаку-сава, и он прекратил эту ссору.

– Чужеземцы не приносят вам ничего, кроме беспокойства. Христиане не дают ничего, кроме обид. Правда?

Она не ответила – ее расстроила его раздражительность. Это было так непохоже на него, – казалось, не было причины, для того чтобы он настолько потерял свой легендарный самоконтроль. «Может быть, поражение так на него подействовало, – подумала она, – Без него мы все погибнем – мой сын погибнет, и Кванто скоро будет в других руках». Его мрачность заразила и ее. Она заметила на улицах и в замке как бы завесу, которая, казалось, висела над всем городом – городом, который славился своим весельем, дерзким юмором и умением наслаждаться жизнью.

– Я родился в тот год, когда у нас появились первые христиане. С тех пор они околдовали всю страну, – произнес Торанага. – Все пятьдесят восемь лет ничего, кроме беспокойства...

– Сожалею, что они оскорбили вас, господин. Что-нибудь еще? С вашего разреше...

– Садитесь. Я еще не кончил. – Торанага опять позвонил в колокольчик – дверь открылась. – Пошлите за Бунтаро-саном.

Вошел Бунтаро. Сохраняя на лице свирепое выражение, он встал на колени и поклонился. Марико поклонилась ему, не вымолвив ни слова, но он, казалось, ее не заметил.

Незадолго перед этим Бунтаро встретил их кортеж у ворот крепости. После краткого приветствия он сказал, чтобы она сразу же шла к господину Торанаге. За Анджин-саном пошлют потом.

– Бунтаро-сан, вы просили у меня встречи в присутствии вашей жены, и как можно быстрее.

– Да, господин.

– Что вы хотели?

– Я смиренно прошу разрешения на голову Анджин-сана, – сказал Бунтаро.

– Почему?

– Пожалуйста, простите меня, но я... мне не нравится, как он смотрит на мою жену, я хотел... Я хотел сказать это ей первый раз в вашем присутствии. Кроме того, он оскорбил меня в Анджиру и я не могу жить с таким позором.

Торанага посмотрел на Марику, – та, казалось, окаменела.

– Вы обвиняете ее в том, что она дала ему для этого повод?

– Я... Я прошу разрешения на его голову.

– Вы обвиняете ее в том, что она его поощряла? Отвечайте на вопрос!

– Прошу извинить меня, господин, но если бы я так думал, то был бы обязан тут же отрубить ей голову, – ответил Бунтаро с холодным безразличием, опустив глаза на татами. – Этот чужеземец постоянно нарушает мой покой. Считаю, что он отрицательно влияет и на вас. Разрешите мне отрубить ему голову, прошу вас. – Он поднял глаза, – его толстые щеки были не бриты, глаза ввалились, – Или позвольте мне забрать жену и сегодня вечером мы уйдем перед вами – готовить путь.

– Что вы скажете на это, Марию-сан?

– Он мой муж. Все, что он решит, я сделаю, – если вы не откажете ему в этом, господин. Это мой долг.

Торанага переводил глаза с мужчины на женщину. Потом его голос стал тверже – на мгновение он стал прежним Торанагой:

– Марику-сан, через три дня вы уедете в Осаку. Вы будете готовить для меня этот путь и дождетесь меня там. Бунтаро-сан, вы будете сопровождать меня как командир моего

эскорта, когда отправлюсь туда я. После того как вы выполните свой долг как мой помощник, вы или один из ваших людей можете сделать то же самое с Анджин-саном – с его согласия или без него.

Бунтаро прочистил горло:

– Господин, пожалуйста, объявите «Малиновое...»

– Придержите язык! Вы забываетесь! Я три раза сказал вам: «Нет!» В следующий раз, если у вас хватит дерзости предложить нежеланный совет, вы вскроете свой живот над помойкой в Эдо!

Голова Бунтаро снова коснулась татами.

– Прошу меня извинить, господин. Прошу прощения за дерзость.

Марико была не меньше, чем дерзостью Бунтаро, смущена грубым, постыдным срывом Торанаги и тоже низко поклонилась, чтобы спрятать смуту. Торанага тут же опомнился:

– Пожалуйста, извините мою несдержанность. Ваша просьба будет удовлетворена, Бунтаро-сан, но только после того, как вы выполните роль моего помощника при сеппуку.

– Благодарю вас, господин. Пожалуйста, извините меня, если я вас оскорбил.

– Приказываю вам обоим помириться друг с другом. Вы это сделаете?

Бунтаро коротко кивнул. Марико тоже.

– Хорошо. Марико-сан, вы вернетесь сегодня вечером вместе с Анджин-саном, в час собаки. Теперь вы можете идти.

Она поклонилась и оставила их. Торанага посмотрел на Бунтаро.

– Ну? Вы обвиняете ее?

– Это... это невозможно, чтобы она предала меня, господин, – уныло ответил Бунтаро.

– Я согласен. – Торанага взмахнул веером, отгоняя муху; у него был очень усталый вид. – Ну, скоро вы сможете получить голову Анджин-сана. Еще некоторое время она будет нужна мне у него на плечах.

– Благодарю вас, господин. Еще раз прошу простить, что расстроил вас.

– Сейчас такие времена. Грязные времена. – Торанага наклонился вперед. – Послушайте, я хочу чтобы вы сразу же выехали на несколько дней в Мисиму – сменить там вашего отца. Он просит разрешения приехать сюда и проконсультироваться со мной. Я не знаю, что... В любом случае я должен иметь в Мисиме кого-нибудь, кому могу доверять. Не могли бы вы выехать на рассвете, но по дороге через Такато?

– Господин? – Бунтаро видел, что Торанага сохранял спокойствие огромным усилием воли и все же голос его дрожал.

– У меня личное письмо к моей матери в Такато. Не говорите никому, что вы туда собираетесь. Но сразу же, как только выедете из города, срезайте путь и берите на север.

– Я понимаю.

– Господин Затаки, возможно, попытается помешать вам передать письмо. Вы должны отдать его только ей лично, в руки. Вы понимаете? Ей одной. Возьмите двадцать человек и скачите туда. Я pošлю почтового голубя и позабочусь о его пути.

– Ваше послание будет на словах или письменное?

– Письмо.

– А если я не смогу передать его?

– Вы должны передать его, – конечно, вы должны... Почему я выбрал вас? Но... если вы будете преданы, как я... уничтожьте его, перед тем как сделать сеппуку. В тот момент, как я услышу эти ужасные новости, голова Анджин-сана покинет плечи. И если... что с Марико-сан? Что делать с вашей женой, если дело пойдет плохо?

– Пожалуйста, отправьте ее в Великую Пустоту, господин, прежде чем умрете. Я буду польщен, если... Она заслуживает достойного помощника.

– Она не умрет в бесчестье, я вам это обещаю. Я прослежу за этим, лично. Теперь еще. На рассвете возвращайтесь за моим письмом. Не подведите меня – только в руки моей матери!

Бунтаро поблагодарил еще раз, – ему было стыдно, что Торанага выказал свой страх.

Оставшись один, Торанага вынул платок и вытер пот с лица. Пальцы у него дрожали. Он пытался удержать их, но не мог. У него отняла все силы необходимость вести себя как последний тупица, прятать свое безграничное возбуждение, после того как он узнал эти тайны, которые, как это ни невероятно, обещали долгожданные перемены.

– Возможные перемены, только возможные – если они верны... – произнес он вслух, с трудом соображая; эта поразительная, такая благоприятная для него и нужная информация, которую принесла Мариико от этой женщины, Дзекко, все еще звучала у него в мозгу.

«Ошибка, – злорадно подумал он, – так эта гарпия – та самая приманка, на которую мой брат выскочит из своего горного убежища... Мой брат хочет Ошибу. Но теперь очевидно и то, чего он хочет больше, чем ее, и больше, чем только Кванто, – он хочет все государство. Он ненавидит Ишидо, не любит христиан и теперь страдает от ревности к Ишидо из-за его хорошо известной страсти к Ошибе. Так что он разошелся с Ишидо, Кийямой и Оноши... Потому что мой неверный брат действительно хочет стать сегуном. Он Миновара, со всеми необходимыми родственными связями, всей амбицией, но без мандата или Кванто. Сначала он должен получить Кванто, чтобы потом получить все остальное». Торанага радостно потер руки, соображая, какие прекрасные новые возможности воздействовать на брата открываются перед ним благодаря этим новостям.

И Оноши замешан! «Капля меда в уши Кийяме в подходящий момент, – подумал он. – Плюс основные события, изложенные этим отступником, слегка искаженные, немного подправленные, – и Кийяма может собрать свои войска и сразу кинуться на Оноши с мечом и огнем. «Дзекко совершенно уверена, господин. Новообращенный брат Джозеф сказал: господин Оноши признался на исповеди, что заключил тайный договор с Ишидо против дайме-христианина, и просил прощения. В договоре определенно говорилось о том, что за поддержку теперь Ишидо обещал, что в день вашей смерти этому христианину будет предъявлено обвинение в измене и предложено сейчас же отправиться в Пустоту, – если надо, то и в принудительном порядке, – а сын Оноши будет наследником всех его земель. Имя христианина не называлось, господин».

«Кийяма или Харима из Нагасаки? – спрашивал себя Торанага. – Неважно. Для меня это должен быть Кийяма».

Он встал шатаясь, несмотря на свое ликование, ощупью подошел к окну, тяжело наклонился, опершись на деревянный подоконник, и посмотрел на небо: звезды казались тусклыми в лунном свете, собирались дождевые облака.

– Будда, все боги, любые из богов! Пусть мой брат клонет на эту приманку – и пусть слова этой женщины окажутся правдой!

Но на небе не появилось ни одной падающей звезды, что подтвердило бы ему: его послание принято богами. Не подул ветер, внезапные облака не закрыли полумесяца... А если бы и был какой-нибудь небесный знак, он принял бы его за простое совпадение.

«Будь терпелив, считайся только с фактами. Сядь и подумай», – сказал он себе.

Он знал – начинает сказываться напряжение, но самое главное, что ни один из его близких или подчиненных – а значит, ни один из целой армии болтливых глупцов или шпионов в Эдо – ни на миг не заподозрил, что он только прикидывается проигравшим и играет роль потерпевшего поражение. В Ёкосе он сразу понял, что, если получит из рук брата второе послание, – это для него похоронный звон. И тогда решил, что его единственный, слабый шанс выжить – убедить всех, даже самого себя, что он абсолютно смирился с поражением. На самом деле это только маскировка, чтобы выиграть время, – он продолжает пользоваться своей всегдашней манерой: торговаться, откладывать, как будто отступать, терпеливо ждать, а когда над шеей противника будет занесен меч – спокойно, без колебаний наносить решающий удар.

С тех пор он ждал – часами, один, ночью и днем, – и каждый час терпеть было труднее... Ни охоты, ни шуток, никаких замыслов и планов, ни плавания, ни танцев и пения в театральных пьесах – ничего, что так восхищало его всю жизнь. Только одна и та же скучная роль, самая трудная в его жизни: унылый, сдавшийся, нерешительный, явно

беспомощный, сам установивший для себя этот аскетичный, «полуголодный» образ жизни. А чтобы время шло побыстрее, он продолжал доделывать завещание. Это был тайный частный свод правил для его потомков, который он готовил целый год, – порядок и способ управления после него. Судару уже поклялся соблюдать завещание, как надлежит каждому наследнику. «При таком подходе будущее клана гарантировано (может быть гарантировано, напомнил себе Торанага, – он часто поправлял себя: менял или добавлял, убирал слово, предложение, опускал параграф, формулировал новый) при условии, что я выберусь из ловушки, в которую попал».

Завещание начиналось словами: «Долг правителя провинции – обеспечивать мир и безопасность населения, а не прославлять своих предков или обеспечивать потомков». Одна из максим гласила: «Помните, что везение и невезение должны быть оставлены на волю небес и зависят от законов природы. Они не покупаются молитвами или хитроумными интригами, придуманными людьми или мнимым святым». Торанага подумал и вместо «людьми или мнимым святым» написал «людьми, какими бы они ни были».

Обычно он радовался, заставляя себя писать ясно и коротко, но в последние дни и ночи все его самообладание уходило на то, чтобы играть столь несвойственную ему роль. То, что это ему так удавалось, обрадовало, но и напугало: как люди могут быть столь доверчивы? «Слава богам, что это так, – ответил он сам себе в миллионный раз. – Приняв «поражение», ты дважды избежал войны. Ты все еще в ловушке, но теперь твоё терпение принесло плоды и у тебя есть новый шанс... Нет, возможно, будет еще один шанс, – поправил он себя. – Если только все это правда, если эти секреты не подсунул враг, чтобы совсем тебя запутать».

Боль в груди, слабость и головокружение обрушились на него неожиданно – пришлось сесть и глубоко дышать, как много лет назад обучили его монахи, исповедовавшие религию дзен: «Десять глубоких, десять медленных мелких, погрузите свой разум в пустоту... Там нет прошлого и будущего, тепла и холода, боли и радости – из ничего в ничто...» Скоро ясность мысли вернулась к нему. Тогда он встал, подошел к столу и начал писать. Он просил мать быть посредницей между ним и сводным братом и представить ему предложения о будущем клана. Первая просьба, с которой он обращался к брату, – подумать о женитьбе на госпоже Ошибе:

«... Конечно, с моей стороны это неразумно, брат. Многих дайме разъярит моя «поразительная амбиция». Но такая связь с Вами упрочит мир в государстве и подтвердит наследование Яэмона – в Вашей лояльности никто не сомневается, хотя некоторые ошибочно сомневаются в моей. Вы, несомненно, можете взять и более подходящую жену, но госпоже Ошибе вряд ли удастся найти лучшего мужа. После того как будут убраны все изменившие Его Императорскому Величеству, я снова займу свое законное место президента Совета регентов. Тогда я приглашу Сына Неба и попрошу его потребовать этого брака, если Вы согласитесь нести такую ношу. Я всей душой чувствую, что такая жертва – единственный путь, которым мы можем обеспечить продолжение нашей династии и выполнить наш долг перед Тайко. Это первое. Во-вторых, Вам предлагаются все земли христиан-изменников Кийямы и Оноши. В настоящее время они вместе с иностранными священниками замышляют предательскую войну против всех нехристиан-дайме; война будет поддержана вторжением вооруженных мушкетами чужеземцев – все так, как они когда-то уже делали против нашего сюзерена Тайко. Далее, Вам предлагаются все земли других христиан острова Кюсю, которые встанут на сторону изменника Ишидо в последней битве со мной. (Известно ли Вам, что этот крестьянин, этот выскочка, был столь дерзок – и это перестало быть секретом, – что планировал роспуск Совета регентов и женитьбу на матери наследника?)

И взамен всего этого, брат, мне нужны тайный договор о союзнничестве сейчас, гарантирующий безопасный проход моих армий через горы Синано, и совместная атака под моим руководством против Ишидо – выбор времени и способа остается за мной.

Как знак моего доверия я сразу же посылаю моего сына Судару, его жену, госпожу Дзендзико, и их детей, включая моего единственного внука, к Вам в Такато...»

– «Это не действия побежденного, – сказал себе Торанага, запечатывая свиток. – Затаки сразу же поймет это. Да, но теперь капкан поставлен. Дорога через Синано – мой единственный путь, и брат – мой первый шаг на пути к равнинам Осаки. Но верно ли, что Затаки нужна Ошиба? Не слишком ли многим я рискую, полагаясь только на глупую болтовню слуг, которые вечно где-то слоняются и что-то подслушивают, на шепот в исповедальне и бормотание отлученного священника? А если Дзеко, эта пиявка, просто солгала ради каких-то своих выгод... Два меча – вот настоящий ключ, чтобы открыть все ее секреты. У нее наверняка есть улики против Мариико и Анджин-сана. Почему бы еще Мариико пришла ко мне с этой просьбой? Тогда – Мариико и чужеземец! Чужеземец и Бунтаро! Э-э-э, жизнь такая странная вещь...»

Знакомая боль опять подступила к груди. Через несколько минут он написал письмо для почтового голубя и с трудом потащился вверх по лестнице на голубятню. В одной из клеток он тщательно выбрал голубя на Такато и прикрепил ему на ногу маленький цилиндр с письмом. Голубя он посадил в открытой клетке наверху – улетит сразу же, как рассветет.

В послании к матери он просил разрешить безопасный проезд Бунтаро, который везет важное послание ей и его брату. И подписано оно было, как и само письмо: Ёси-Торанага-нох-Миновара. Этот титул он использовал впервые в жизни.

– Лети спокойно и уверенно, маленькая птичка, – напутствовал он голубя, погладив его оброненным пером. – Ты несешь наследство династии на десять тысяч лет...

Глаза Торанага еще раз опустились на расстилающийся внизу под ним город. Узенькая полоска света видна была на горизонте с западной стороны. Внизу, около домов, он мог разобрать крошечные, с булавоочный укол факелы, что окружали корабль чужеземцев.

«Вот еще один ключ», – подумал он и стал снова и снова обдумывать эти три секрета. Он знал, что ему чего-то не хватает...

– Хотел бы я, чтобы Кири была здесь, – сказал он ночи.

* * *

Мариико стояла на коленях перед зеркалом из полированного металла. Наконец она отвела взгляд и посмотрела на нож, который держала в руках. Лезвие отражало свет масляной лампы.

– Мне бы надо воспользоваться тобой, – сказала она, охваченная горем. Ее глаза обратились к Мадонне с младенцем в нише, украшенной изумительно красивой веточкой цветов, и наполнились слезами: «Я знаю, что самоубийство смертный грех, но что я могу сделать? Как мне жить с таким позором? Лучше сделать это, пока я еще не предана».

Комната была очень тихая, как и весь их семейный дом, построенный внутри кольца укреплений и широкого рва с водой вокруг всего замка; здесь имели право жить только самые любимые и надежные хатамото. Через разбитый у дома сад с бамбуковым забором бежал маленький ручей, отведенный от одной из многих окружающих замка речек.

Услышав, что заскрипели, открываясь, передние ворота и слуги сходятся, приветствуя хозяина, Мариико быстро спрятала нож и вытерла слезы. Вот раздались шаги... она открыла дверь и вежливо поклонилась Бунтаро. Он явно был в мрачном расположении духа. Торанага, сообщил он ей, опять передумал и приказал ему выехать немедленно.

– Я еду на рассвете. Хотел пожелать вам спокойного путешествия... – Он запнулся и взглянул на нее. – Почему вы плачете?

– Прошу извинить меня, господин. Только потому, что я женщина и жизнь кажется мне такой трудной. И из-за Торанаги-сама.

– Он ненадежный человек. Мне стыдно это говорить. Ужасно, но вот чем он стал. Мы должны вести воину. Намного лучше начать войну, чем знать, что единственное, что ждет тебя в будущем, – это увидеть перед собой грязное лицо Ишидо, смеющегося над моей кармой!

– Да, простите. Я желала бы чем-нибудь помочь. Не хотите ли чаю или саке?

Бунтаро повернулся и рывкнул на служанку, которая смотрела на них стоя в дверях:

– Приноси саке! Быстро!

Бунтаро вошел в ее комнату. Мариико закрыла дверь. Теперь он стоял у окна, откуда видны были стопы замка и главная башня за ними.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, господин, – сказала она успокаивающе. – Ванна готова, и я пошлю за вашей любимой наложницей.

Он все смотрел на главную башню замка, стараясь сдержать закипающее раздражение.

– Торанаге следовало бы отказаться в пользу господина Судару, если он хочет остаться в живых, – ведь будет драка за положение главы рода. Господин Судару – его сын и законный наследник, не так ли?

– Да, господин.

– Или он мог бы сделать лучше, так, как предлагал Затаки, – совершить сеппуку. Тогда вместе с нами сражался бы Затаки со всеми его армиями. С ними и с мушкетами мы прорвались бы до Киото, – я знаю, что это нам бы удалось. А если мы и проиграли – все же это лучше, чем сдаваться, как грязные, трусливые любители чеснока! Наш хозяин потерял все права! Правда ведь? – налетел он на Мариико.

– Пожалуйста, извините меня – я не могу так говорить. Он наш сюзерен.

Бунтаро стоял задумавшись, не в силах отвести взора от главной башни, словно она излучала гипнотическую силу. На всех этажах светились огни, ярче всего – на шестом.

– Мой совет его Совету – предложить ему покончить с собой, если он не захочет – помочь ему. Таких прецедентов достаточно! Многие разделяют мое мнение, господин Судару – пока еще нет. Может быть, он действует тайно, – кто его знает, что он на самом деле думает? Когда встретите его жену, когда вы встретите госпожу Дзендзико, – поговорите с ней, убедите ее. А она убедит его, – она водит его за нос, правда? Вы ведь подруги, она вас послушается. Убедите ее.

– По-моему, очень плохо так поступать, господин. Это предательство.

– Я приказываю вам поговорить с ней!

– Я выполню вашу просьбу.

– Да, вы выполните приказ, не так ли? – прорычал он. – Подчинитесь? Почему вы всегда такая холодная и печальная? А? – Он поднял зеркало и протянул его Мариико. – Посмотрите на себя!

– Пожалуйста, извините меня, если я огорчила вас, господин, – она говорила ровным голосом, глядя мимо зеркала ему в лицо. – Я не хотела рассердить вас.

Он какое-то время угрюмо наблюдал за ней, потом положил зеркало на лакированный столик. – Я не обвиняю вас. Если бы я думал, что я... я бы не колебался.

Мариико как бы со стороны услышала, как она непримиримо бросила ему в ответ: «Не колебались бы сделать это? Убить меня, господин? Или оставить меня жить с еще большим позором?»

– Я не обвиняю вас, только его! – проревел Бунтаро.

– Но я обвиняю вас! – крикнула она в ответ. – И вы обвинили меня!

– Придержите язык!

– Вы опозорили меня перед нашим господином! Вы обвинили меня и не выполнили ваш долг. Вы испугались! Вы трус! Грязный, пропахший чесноком трус!

Его меч выскользнул из ножен, – она обрадовалась, что наконец-то осмелилась вывести его из себя. Но меч остался в воздухе. – Я... Я имею ваше... Вы обещали, клялись своим Богом, в Осаке. Прежде чем мы... пойдем на смерть... Вы мне обещали, и я... Я настаиваю!

Раздался ее издевательский смех, пронзительный и злобный.

– О да, могущественный господин! Вашей подушкой я стану лишь однажды, но торжество ваше сухое, горькое – подпорченное!

Обеими руками Бунтаро изо всех сил рубанул мечом по угловому столбу – лезвие почти перерубило выдержанный брус толщиной в фут. Он потянул меч на себя, но тот

крепко сидел в дереве. В неистовстве Бунтаро что есть мочи тянул и расшатывал меч... пока не сломал клинок... Выругался в последний раз, кинул рукоятку через бумажную стенку и как пьяный зашагал к двери. Там стоял дрожащий от страха слуга, держа поднос с саке. Бунтаро ударом кулака вышиб поднос из рук слуги – тот мгновенно упал на колени, уперся головой в пол и замер...

Бунтаро кинулся в разбитую вдребезги дверную раму.

– Подождите!.. Подождите до Осаки! – Слышно было, как он выбежал из дома.

Некоторое время Марико оставалась неподвижной, как бы в трансе... Постепенно смертельная бледность исчезла с ее лица, глаза снова обрели способность ясно видеть все вокруг. Она молча вернулась к зеркалу, минуту изучала в нем свое отражение – и совершенно спокойно занялась макияжем.

* * *

Блэксорн бежал по главной лестнице башни, перескакивая через две ступеньки, за ним торопились охранники. Он был рад, что у него отобрали мечи, – послушно отдал их во дворе первым часовым, которые к тому же и обыскали его, вежливо, но тщательно. Лестница и площадки на ней освещались факелами. На четвертой площадке он остановился, чуть ли не разрываясь от сдерживаемого возбуждения, и позвал, обернувшись:

– Марико-сан, как вы, нормально?

– Да, да. Я прекрасно, спасибо, Анджин-сан.

Блэксорн начал взбираться дальше, чувствуя себя легким и сильным, пока не достиг последней площадки на шестом этаже. Этот этаж, как и все другие, тщательно охранялся. Сопровождавшие его самураи подошли к тем, что стояли у последней, обитой железом двери, и поклонились. Им ответили и сделали Блэксорну знак подождать.

Все в замке, что было сделано из дерева и железа, казалось, нельзя выполнить лучше. Большие, с тонкими переплетами окна башни могли все же служить бойницами для лучников, а тяжелые, окованные железом ставни, снабженные приспособлениями для быстрой установки, – отличной защитой.

Марико обогнула последний поворот на этой лестнице, так хорошо оборудованной для обороны, и подошла к Блэксорну.

– Вы в порядке?

– О да, благодарю вас, – ответила она, слегка запыхавшись. Но он сразу заметил: она все еще хранит ту же безмятежность и отстраненность, на которую он обратил внимание, когда они встретились во дворе, – раньше он как-то не наблюдал у нее такого состояния. «Ничего, – подумал он уверенно, – это просто вид крепости так действует, а тут еще Торанага и Бунтаро, да и вообще пребывание здесь, в Эдо. Я знаю, что сейчас нужно сделать».

С тех пор как он увидел «Эразмус», чувство безграничной радости не оставляло его. Не ожидал он, никак не ожидал найти свой корабль таким прекрасным – ухоженным, чистым, нарядным, надежно охраняемым. «Теперь нет смысла оставаться в Эдо. – подумал он. – Мне только нужно заглянуть в трюм... попробовать дно... немножко понырять сбоку до киля... потом проверить пушки, пороховой склад, снаряжение, заряды, паруса...» По дороге в Эдо он все размышлял, из чего сшить паруса: Марико сказала, что брезента в Японии нет, – придется взять плотный шелк или хлопчатое полотно. «Нужно купить паруса, – буркнул он тогда, – и все другое, что нужно в запас... В Нагасаки ехать, как можно скорее».

– Анджин-сан! – Это вернулся один из самураев.

– Хай.

– Досо.

Укрепленная дверь без звука повернулась и открылась. В дальнем конце квадратной комнаты, на приподнятой площадке, устланной татами, сидел Торанага – один.

Блэксорн стал на колени и низко поклонился, положив ладони плашмя на пол.

– Конбанва, Торанага-сама. Икага дес ка?

– Окагесана де дзснки дес. Аната ва?

Торанага казался старше, и бесстрастнее, и намного тоньше, чем раньше. «Сигата га наи, – сказал про себя Блэксорн. – Карма Торанаги не тронула «Эразмус» – он собирается быть его спасителем, ей-богу». Отвечая на стандартные вопросы Торанаги на простом, но с правильным акцентом японском языке, он использовал упрощенную речь, которую освоил с помощью Алвито. Торанага похвалил его успехи и стал говорить быстрее. Тогда Блэксорн вспомнил одну из главных фраз, которую он освоил с помощью Алвито и Марики:

– Пожалуйста, извините меня, господин, – так как мой японский недостаточно хорош, не могли бы вы говорить медленнее и употреблять простые слова, – извините, пожалуйста, что причиняю вам такое беспокойство.

– Да, конечно. Хорошо. Скажите мне, как вам понравилось в Ёкосе?

Блэксорн отвечал, держась близко к уровню Торанаги, хотя ответы его были неуверенны, а словарный запас еще очень ограничен. Но вот Торанага задал очередной вопрос, а он не успел уловить ключевых слов.

– Дозо? Гомен насаи, Торанага-сан, – произнес он извиняющимся тоном. – Вакаримасен. Я не понимаю.

Торанага повторил сказанное более простыми словами, но Блэксорн опять не все понял и взглянул на Марику:

– Простите, Марики-сан, что такое «сонхей су беки уми»?

– Мореходное, Анджин-сан.

– Ах, домо. – Блэксорн опять схватил нить разговора: дайме спрашивал, сможет ли он быстро определить, в достаточно ли хорошем состоянии его корабль, и сколько именно времени это потребует.

– Да, господин, смогу, конечно, это нетрудно, – всего полдня.

Торанага мгновение подумал, потом приказал сделать это завтра утром и дать свое заключение в обед, в час козла.

– Вакаримас?

– Хай.

– Тогда вы сможете встретиться и со своими людьми, – добавил Торанага.

– Простите, господин?

– С вашими вассалами. Я послал за вами, чтобы сказать, что завтра у вас будут ваши вассалы.

– Ах, простите. Теперь я понял. Самураи, вассалы. Двести человек.

– Да. Спокойной ночи, Анджин-сан. Я увижу вас завтра.

– Прошу меня извинить, господин, могу ли я почтительно спросить у вас о трех вещах?

– Каких?

– Первое: пожалуйста, не разрешите ли вы мне повидать мою команду? Мы сэкономим на этом время, не так ли?

Торанага согласился и коротко приказал одному из самураев сопровождать Блэксорна:

– Возьмите десять человек, отведите туда Анджин-сана и приведите обратно в замок.

– Да, господин.

– Что еще, Анджин-сан?

– Пожалуйста, можно поговорить наедине? Очень недолго. Прошу простить, если я позволил себе какую-то бестактность. – Блэксорн пытался не выказывать беспокойства, когда Торанага осведомился у Марики, о чем пойдет речь. Она ответила правду: знает только, что Анджин-сан хотел поговорить о чем-то личном, но она не спросила его, о чем.

– Вы уверены, что мне удобно просить его, Марики-сан? – засомневался Блэксорн, когда они поднимались по лестнице.

– О да. При условии что вы дождетесь, когда он кончит. Но будьте уверены, что точно знаете, о чем собираетесь говорить, Анджин-сан. Он... он не так терпелив, как обычно. – Марики не задала ему никакого вопроса, а он предпочитал умолчать.

– Очень хорошо, – позволил Торанага, – пожалуйста, подождите снаружи, Мариико-сан. – Она поклонилась и вышла. – Да?

– Простите, но я слышал, что господин Харима в Нагасаки теперь наш враг.

Торанага был поражен: даже он услышал, что Харима открыто заявил о переходе на сторону Ишидо, только когда сам попал в Эдо.

– Где вы получили такую информацию?

– Простите?

Торанага повторил вопрос медленнее.

– А! Понятно. Слышал о господине Хариме в Хаконе, Дзеко-сан нам сказала. Дзеко-сан слышала в Мисиме.

– Эта женщина хорошо информирована. Может быть, даже слишком хорошо.

– Простите, господин?

– Ничего. Продолжайте. Так что о господине Хариме?

– Господин, могу я со всем почтением сказать вам: мой корабль намного лучше вооружен, чем Черный Корабль, не так ли? Если я быстро захвачу Черный Корабль, священники будут очень недовольны, так как христиане здесь другими способами денег не получают – и в других местах денег для португальцев не будет. В прошлом году здесь не было Черного Корабля и денег тоже, не так ли? Если сейчас быстро захватить Черный Корабль, причем очень быстро захватить, и на следующий год тоже, – все священники очень испугаются. Это правда, господин. Подумайте – священникам придется подчиниться, если перед ними возникнет такая опасность. Священники уступят Торанаге-сама? – Блэксорн сжал руку в кулак, подчеркивая сказанное.

Торанага внимательно слушал, следя за его губами, как делал и сам Блэксорн.

– Я слушаю вас, но куда вы клоните, Анджин-сан?

– Простите, господин?

Торанага стал говорить в той же манере, что и Блэксорн, используя всего несколько самых необходимых слов:

– Получить что? Захватить что? Взять что?

– Господина Оноши, господина Кийяму и господина Хариму.

– Так вы хотите вмешаться в нашу политику, как священники? Думаете, что вы тоже знаете, как управлять нами, Анджин-сан?

– Извините меня... пожалуйста, извините, – я не понял.

– Неважно. – Торанага долго думал, потом заявил: – Священники утверждают: у них нет такой власти, чтобы приказать дайме-христианам.

– Неверно, господин, пожалуйста, простите меня. Деньги имеют большую власть над священниками. Это правда, господин. Если в этом году не будет Черного Корабля и на следующий год не будет Черного Корабля, – это верное разорение. Очень, очень плохо для священников. Это правда, господин. Деньги – это власть. Пожалуйста, подумайте: что, если в одно время с «Малиновым небом» или до того я нападу на Нагасаки? Нагасаки сейчас враждебен вам, да? Я возьму Черный Корабль и атакую морские дороги между Кюсю и Хонсю. Может быть, такой угрозы достаточно, чтобы превратить врага в друга?

– Нет. Священники прекратят торговать. Я не воюю со священниками или с Нагасаки. Или с кем-нибудь еще. Я собираюсь в Осаку. «Малинового неба» не будет. Вакаримас?

– Хай. – Блэксорн не удивился. Он знал: теперь Торанага точно усвоил – такая тактика возможна, и она, конечно, перетянет большую часть сил Кийямы – Оноши – Харимы, которые базируются на Кюсю. И «Эразмус», конечно, нарушит крупномасштабные морские перевозки войск с этого острова на главный остров. «Будь терпелив, – предостерег он себя. – Пусть Торанага обдумает этот план. Возможно, будет так, как сказала Мариико: между сейчас и Осакой много времени и кто знает, что может случиться? Готовьтесь к лучшему, но не бойтесь и худшего».

– Анджин-сан, почему вы не изложили этого при Мариико-сан? Бойтесь, что она передаст священникам? Вы думали об этом?

– Нет, господин. Просто хотел поговорить напрямую. Война – не женское дело. Еще одна, последняя просьба, Торанага-сан. – Блэксорн настроился на выбранный курс. – Бывает, что хатамото просит о милости, иногда. Пожалуйста, простите меня, господин, могу ли я изложить мою просьбу об оказании мне милости?

Торанага перестал обмахиваться веером.

– Какой милости?

– Я знаю, у вас легко развести супругов по приказанию господина. Я прошу вас, помогите мне жениться на Тода Марико-сан. – Торанага был ошарашен, и Блэксорн испугался, что зашел слишком далеко. – Прошу извинить мою дерзость, – добавил он.

Торанага быстро пришел в себя:

– Марико-сан согласна?

– Нет, Торанага-сан. Это мой секрет. Я ничего не говорил ни ей, ни кому-либо другому. Это моя тайна. Тода Марико-сан я ничего не говорил. Никогда. Киндзиру, да? Но я знаю, что они между собой очень ругаются. У вас в Японии развод – легкое дело. Я решил просить господина Торанагу. Очень большая тайна. Пожалуйста, извините меня, если я позволил себе что-то лишнее.

– Это слишком неуместная просьба для иностранца. Неслыханно! Поскольку вы хатамото, мой долг обязывает меня рассмотреть ее, хотя вы и не должны говорить о ней ни при каких обстоятельствах ни Марико-сан, ни ее мужу. Вам это ясно?

– Простите? – Блэксорн ничего не понял, мысли его спутались, он едва способен был что-нибудь сообразить.

– Вы очень плохо спросили и плохо думали, Анджин-сан. Понятно?

– Да, господин, изви...

– Поскольку Анджин-сан – хатамото, я не сержусь. Подумаю. Понятно?

– Да, думаю, что да. Благодарю вас. Пожалуйста, простите мне мой плохой японский.

– Не говорите с ней, Анджин-сан, о разводе. Ни с Марико-сан, ни с Бунтаро-саном. Киндзиру, вакаримас?

– Да, господин, понял. Это тайна между мною и вами. Тайна. Благодарю вас. Пожалуйста, извините меня за нетактичность, благодарю вас за ваше терпение. – Блэксорн старательно поклонился и почти как во сне вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась.

На площадке все смотрели на него с насмешкой. Ему хотелось поделиться с Марико своей победой, но нельзя – она так спокойна, и здесь столько посторонних...

– Извините, что я заставил вас так долго ждать. – Это было все, что он догадался вымолвить.

– О нет, вовсе не долго, – ответила она как о чем-то неважном.

Они стали спускаться по лестнице. Пройдя один пролет, Марико сказала:

– Ваш упрощенный стиль речи странен, но хорошо понятен, Анджин-сан.

– Я слишком много раз терял нить разговора. То, что вы присутствовали, очень помогало.

– Здесь нет моей заслуги.

Дальше они шли молча, Марико – немного сзади, как положено по обычаю. На каждом этаже они проходили через пост из нескольких самураев. Но вот на повороте лестницы край ее кимоно зацепился за перила, и она споткнулась. Блэксорн подхватил ее, помог удержать равновесие, и это внезапное прикосновение принесло радость обоим. Она поблагодарила – и смутилась, когда он ее отпустил. Теперь они чувствовали большую близость друг к другу, чем когда-либо за этот вечер.

На улице, во дворе, освещенном факелами, – повсюду слонялись самураи. У них еще раз проверили пропуска и, освещая дорогу факелами, по извилистому проходу – настоящему лабиринту между высокими каменными стенами – повели к главным воротам замка, а потом – к следующим воротам, ведущим к рву с водой и деревянным мостом. Семь рвов образовывали кольца внутри замкового комплекса: искусственные или прорытые на месте зарастающих ручьев и рек. Пока они шли к главным воротам с южной стороны, Марико

рассказала Блэксорну о крепости: через два года она будет закончена и вместит сто тысяч самураев и двадцать тысяч лошадей со всеми припасами, необходимыми на год осады.

– Тогда она станет самой большой в мире, – подумал вслух Блэксорн.

– Это был план господина Торанаги, – ее голос звучал очень серьезно, – сигата га нан, нех.

Наконец они достигли последнего моста.

– Там, Анджин-сан, вы можете увидеть, что замок – это центральная ось Эдо. Центр сети улиц, которые расходятся лучами, образуя город. Десять лет назад здесь была только маленькая рыбацкая деревушка. А теперь кто знает, сколько здесь народу... Двести тысяч? Триста? Четыреста? Господин Торанага не проводил еще переписи. Но все они здесь только с одной целью – служить замку, который защищает порт и равнины, а они, в свою очередь, кормят армии.

– Больше ни для чего?

– Ни для чего.

«Не стоит беспокоиться, Марико, и глядеть так официально, – радостно думал он. – Со всем этим я сумею справиться. Торанага удовлетворит все мои просьбы».

На противоположной стороне освещенного факелами Ичи-баси – Первого Моста, который вел непосредственно в город, – она остановилась.

– Теперь я должна вас покинуть, Анджин-сан.

– Когда я смогу увидеть вас?

– Завтра. В час козла. Я буду ждать вас на переднем дворе.

– Я не могу встретиться с вами ночью? Если рано вернусь?

– Нет, простите, пожалуйста, не этим вечером. – Марико церемонно поклонилась. – Конбанва, Анджин-сан.

Он поклонился как самурай и смотрел, как она возвращалась через мост. Ее сопровождали несколько человек с факелами, вокруг факелов, укрепленных на столбах, кружились насекомые... Марико вскоре затерялась среди пешеходов. Тогда, чувствуя нарастающее возбуждение, он повернулся спиной к замку и пошел за своим провожатым.

Глава Сорок Восьмая

– Чужеземцы живут там, Анджин-сан. – Самурай показал вперед.

Блэксорн напряженно всматривался в темноту, ощущая, как душен и зноен воздух.

– Где? В этом доме? Там?

– Да. Это здесь, прошу прощения. Вы видите?

Еще одно скопление домишек среди аллей – в ста шагах перед ними, за клочком голой болотистой земли; над всей местностью возвышается большой дом, смутно выделяясь на черном небе.

Блэксорн некоторое время осматривался, выискивая хоть какие-нибудь ориентиры и отмахиваясь от налетающих на него насекомых. Вскоре после Первого Моста он совсем запутался в этих лабиринтах. Они шли по многочисленным улицам и проулкам, сначала в сторону берега, забирая к востоку, через мосты и маленькие мостики, потом повернули севернее, опять вдоль берега ручья, который петлял по окраинам города. Местность здесь была низменная и сильно увлажненная. Чем дальше от замка, тем хуже становились дороги, беднее жилища; люди, которые попадались навстречу, вели себя подобострастно; все реже пробивалось сквозь седзи мерцание света. Эдо представляло собой сплошной массив деревень, разделяемых только дорогами и ручьями. Здесь, на юго-востоке города, все было заболочено, дороги оказались неимоверно грязными. Зловоние заметно усиливалось – миазмы морских водорослей, осадков, грязи и ила перебивались резким сладким запахом, которого Блэксорн не мог определить, но он казался ему знакомым.

– Вонь как на Биллингс-гейт во время отлива, – пробормотал он, хлопнув себя по щеке – очередная ночная муха. Все его тело стало липким от пота.

Тут он услышал едва донесшийся до него отрывок разухабистой морской песни на голландском – и тут же все его недовольство исчезло: «Это Винк?» Сразу повеселев, он заторопился на звук голосов, – носильщики заботливо освещали ему дорогу, самураи торопились следом. Подойдя ближе, он увидел одноэтажное строение, частично японское, частично европейское. Оно возвышалось на сваях, было огорожено высоким покосившимся бамбуковым забором, обозначающим границы участка, и казалось новым по сравнению с хижинами, сгрудившимися вокруг него. Ворота в заборе не было, просто маленькая щель, крыша из соломы, передняя дверь очень прочная, стены толстые, на окнах ставни, похожие на голландские. Повсюду из щелей струился свет. Пение и веселая болтовня в доме стали слышнее, но голосов он еще не узнавал. Каменные плиты вели через неухоженный сад прямо к ступеням веранды, где у входа был привязан короткий флагшток. Блэксорн остановился и рассмотрел его: небольшой сшитый вручную флаг Нидерландов висел совершенно без движения, – при виде его сердце Блэксорна забилось чаще... Передняя дверь резко распахнулась от толчка, на веранду устремился столб света. У порога появился пьяный Баккус Ван-Некк, с полужакрытыми глазами, споткнулся, вытащил гульфик и стал мочиться высокой изогнутой струей.

– Аххх... – пробормотал он со вздохом наслаждения, – что может быть приятнее...

– Что такое? – по-голландски окликнул его Блэксорн от ворот, – Почему не пользуешься парашей?

– А? – Ван-Некк близоруко мигал, всматриваясь в темноту и не видя Блэксорна, который стоял под факелами самураев. – Бог мой, самураи! – Он, ворча, подобрал брюки и неуклюже поклонился в пояс, – Гомен насаи, самурай-сама. Исибон гомен насаи всем обезьянам-сама.

Он выпрямился, выдал из себя болезненную улыбку и пробормотал почти про себя:

– Видно, я здорово пьян. Показалось мне, что этот негодяй, этот сукин сын говорит по-голландски! Гомен насаи, нех? – Он откинулся к стене дома, почесываясь и что-то на ощупь нашаривая в гульфике.

– Эй, Баккус, ты не придумал ничего лучше, чем гадить у себя в доме?

– Что? – Ван-Некк вздрогнул, огляделся кругом и слепо уставился на факелы, изо всех сил пытаясь что-нибудь рассмотреть. – Кормчий? – выдохнул он. – Это вы, кормчий? Черт бы побрал мои глаза, ничего не могу там увидеть... Кормчий, ради Бога, это вы?

Блэксорн захохотал. Его старый друг казался таким беззащитным, не одетым, таким глуповатым, со своим свисающим членом.

– Да, это я!

Потом обратился к самураям, наблюдавшим за этой сценой с плохо скрываемым презрением:

– Матге курасаи. Подождите меня, пожалуйста.

– Хай, Анджин-сан.

Блэксорн подошел ближе: падающий из двери свет выделил кучи мусора на раскиданных носилках. Он брезгливо скинул сандалии и взбежал по ступенькам.

– Эй, Баккус, ты стал еще толще, чем при отъезде из Роттердама, верно? – Он тепло похлопал его по плечам.

– Боже мой, это правда вы?

– Ну, конечно, я.

– Мы давно уже считаем вас мертвым. – Ван-Некк подошел и потрогал Блэксорна, чтобы удостовериться, что он не во сне. – Боже мой, ты услышал мои молитвы! Кормчий, что с вами случилось, оттуда вы взяли? Чудеса! Это и правда вы?

– Да, да. Теперь, пожалуйста, заправь свой гульфик и давай зайдем в дом, – ответил Блэксорн, чувствуя себя самураем.

– Что? Ох! Ох, извините, я... – Ван-Некк поспешно привел себя в порядок, по щекам его побежали слезы. – О Боже, кормчий... Я думал, это джин опять вытворяет со мной свои шуточки. Пойдемте, но дайте мне сначала сказать им про вас, а?

Покачиваясь, он зашагал в дом – хмель от радости сразу улетучился. Блэксорн шел за ним. Ван-Некк оставил ему дверь открытой, потом закричал, перекрывая хриплое пение: «Ребята! Посмотрите, кого привел нам рождественский Дед Мороз!» Он хлопнул дверью, закрывая ее за Блэксорном, чтобы усилить эффект. Мгновенно наступило молчание...

Блэксорну потребовалось несколько мгновений, чтобы зрение привыкло к свету. Смерд в комнате чуть не вызвал у него обморока. Он увидел, что все в изумлении уставились на него, как будто он какое-нибудь дьявольское отродье. Потом удивление прошло и на него обрушились крики радости, приветствия, все его тискали, хлопали по спине, и все говорили почти разом:

– Кормчий, откуда вы?
– Вьпей-ка!
– Боже, разве такое может быть?..
– Черт-те что, я так рад вас видеть!
– А мы вас мертвым считали...
– Брось, у нас все нормально... ну, в основном-то!
– Убери стул, гад-сама, кормчему – самый лучший!
– Эй, грогу! Ну-ка, давай быстро, черт возьми! Мои проклятые глаза сейчас лопнут, если я не пожму ему руку! Наконец Винк завопил:

– Погодите, ребята! Вы мешаете ему что-нибудь сказать! Стул кормчему и выпить, ради Бога! Да я думаю, он к тому же и самураем был...

Кто-то протянул ему деревянный кубок, Блэксорн сел на расшатанный стул, все подняли бокалы, и на него опять посыпались вопросы... Блэксорн огляделся. Комната, освещенная несколькими свечами и масляными лампами, была заставлена скамьями и грубо сколоченными стульями и столами. На грязном полу – огромный бочонок с sake. На одном из столов – грязные тарелки с полупрожаренным мясом, усеянным мухами. Шесть неопрятно одетых женщин стояли на коленях на полу, они поклонились и опять откинулись к стене. Его команда, сияя, ждала, когда он начнет рассказ: повар Сонк, Джохан Винк, помощник боцмана и главный артиллерист, Саламон, юнга Круук, парусный мастер Джинсель, Баккус Ван-Некк, главный купец и казначей, и, наконец, Жан Ропер, еще один купец, сидевший, как всегда, в сторонке все с той же улыбкой на худом, строгом лице.

– Где адмирал? – спросил Блэксорн.
– Умер, кормчий, умер, – ответили все шесть голосов, перекрикивая друг друга, – ничего нельзя было понять, пока Блэксорн не поднял руку:

– Баккус, говори ты!
– Он умер, кормчий. Даже не вылез из этого погреба. Помните, он болел? После того, ну, когда увели вас, той ночью, – мы слышали, как он задыхался в темноте. Так, ребята? – Хор голосов ответил утвердительно, и Ван-Некк добавил: – Я сидел рядом с ним, кормчий. Он пытался найти воду, но ничего не было... Он задыхался и стонал не знаю сколько времени – мы все были до смерти напуганы, но в конце концов он задохнулся, потом наступила смерть. Это было ужасно, кормчий...

Жан Ропер добавил:

– Да уж, скверней некуда. Видно, наказание Божье. Блэксорн по очереди всмотрелся в лица.

– Кто-нибудь подошел к нему? Попытался помочь?
– Нет, нет, ох нет! – Это простонал Ван-Некк. – Он просто хрипел. Его оставили в яме вместе еще с одним, японцем, – вы помните его? Тот, который пытался утопиться в параше... Потом господин Оми приказал им принести Спилбергена и они сожгли его. А тот несчастный так и остался внизу. Господин Оми просто дал ему нож, тот вспорол себе живот, и его чертовы кишки расползлись по всему погребу... Вы помните его, кормчий?

– А что с Маetusкером?

– Лучше ты расскажи, Винк.

– Малыш с крысиным лицом сгнил, кормчий... – начал Винк; остальные тоже

закричали, передавая подробности и пересказывая события; крик стоял до тех пор, пока Винк не заревел:

– Баккус попросил меня рассказать, так дайте же мне, ради Бога! Потом все расскажете по очереди! Голоса стихли, и Сонк сказал ободряюще:

– Расскажи ты, Винк.

– Кормчий, у него начала гнить рука. Он порезал ее в той схватке – помните эту драку, когда вас утащили? Боже мой, кажется, это было так давно! Вот тут у него и стала гноиться рука. Я пустил ему кровь на следующий день, потом еще через день, а после она стала чернеть. Я предложил вскрыть рану или вообще отнять руку – говорил сто раз, мы все ему говорили, но он не слушался. На пятый день рана стала ужасно пахнуть. Мы держали его силой, а я срезал ему большую часть того, что уже гнило, но получилось неудачно. Я знал, что плохо, но кое-кто считал, что попробовать стоило. Несколько раз приходил этот негодяй, желтокожий доктор, но он ничего не смог сделать. Крысеныш протянул еще день или два, но нагноение зашло слишком глубоко и он начал буйствовать в бреду. Перед концом нам даже пришлось его связать.

– Это правда, кормчий, – сказал Сонк, уютно почесываясь. – Мы должны были его связать.

– А что с его телом? – спросил Блэксорн.

– Они отнесли его на гору и там тоже сожгли. Мы хотели устроить ему и адмиралу настоящее христианское погребение, но они нам не дали. Только сожгли их.

Наступила тишина:

– Вы не дотронулись до выпивки, кормчий!

Блэксорн поднес свою чашку ко рту и попробовал: чашка была такая грязная, что его чуть не стошнило, чистый спирт ожег ему горло. Запах немытых тел и пропотевшего, нестиранного белья вдруг ударил ему в нос.

– Как грог, кормчий? – горделиво осведомился Ван-Некк.

– Отличный, отличный...

– Расскажи ему, Баккус, расскажи!

– Ну, мы сделали его уже целую бочку. – Ван-Некк был очень горд, остальные тоже сияли. – Рис, фрукты и воду оставляем на брожение, ждем около недели и потом, с помощью небольшого колдовства... – Толстяк захохотал и с удовольствием почесался. – Конечно, лучше выдержать год-другой, но мы выпиваем его быстрее, чем... – Он не договорил. – Вам не по вкусу?

– О, прости, он замечательный... – Блэксорн заметил вошь в редких волосах Ван-Некка.

Жан Ропер спросил вызывающе:

– Ну, а вы, кормчий? У вас все прекрасно, не так ли? Как у вас дела?

Посыпался град вопросов – и замер, когда Винк закричал:

– Дайте же ему возможность сказать!

Тут прорвался счастливый голос человека с морщинистым лицом:

– Боже, когда я увидел, что вы стоите у двери, я подумал, что это одна из их обезьян, – честно-честно!

Раздался одобряющий гул голосов, и Ван-Некк прервал их:

– Это правда. Проклятые глупые кимоно – вы похожи на женщину или на одного из этих полумужчин! Гнусные педерасты, черт побери! Среди японцев полно гомосексов, ей-богу! Один все бегал за Крууком... – Крики и похабные шуточки перебили Ван-Некка. – Вам нужна одежда, кормчий. Послушайте, мы же принесли сюда вашу одежду. В Эдо мы приплыли на «Эразмусе». Они отбуксировали его сюда, и нам разрешили взять с собой на берег нашу одежду – ничего, кроме нее. Взяли и вашу, они позволили нам это, держим ее для вас. Мы принесли мешок с вещами – всю вашу морскую одежду. Сонк, сходи за ним, а?

– Конечно, схожу, но попозже, а, Баккус? Мне не хочется ничего пропустить.

– Ладно уж.

Тонкая усмешка Жана Ропера показалась Блэксорну очень ехидной:

– Мечи, кимоно... все как у настоящего язычника... Может, ты теперь вообще предпочитаешь все языческое, а, кормчий?

– В этом прохладнее, лучше, чем в нашем, – смущенно ответил Блэксорн. – Я уже и забыл, что одевался по-другому, – столько всего случилось... Мне давали носить только это, вот я и привык. Никогда по-настоящему об этом не задумывался. Эта одежда, между прочим, намного удобнее.

– А мечи настоящие?

– Да, конечно, а почему бы нет?

– Нам не дают оружия! Никакого оружия! – Жан Ропер, казалось, злится, – Почему вам разрешают его носить? Словно какому-нибудь их самураю...

Блэксорн расхохотался.

– Ты не изменился, Жан Ропер, не так ли? Все такой же святоша? Ну, всему свое время, мы еще поговорим о моих мечах, но сначала – хорошие новости для вас. Послушайте, скоро мы снова будем в открытом море.

– Боже мой, что ты имеешь в виду, кормчий? – спросил Винк.

– Именно то, что сказал.

Раздался одобрителный рев и новый ворох вопросов и ответов:

– Я говорил, что мы выберемся!

– Я говорил, что Бог на нашей стороне!

– Дайте ему сказать – пусть кормчий расскажет! Наконец Блэксорн поднял руку. Он показал на женщин, которые не двигаясь стояли на коленях; когда на них обратили внимание, они сделались, казалось, еще более жалкими.

– Кто они?

Сонк рассмеялся.

– Это наши любовницы, кормчий. Наши проститутки, и дешевые, ей-богу, они стоят не больше пуговицы в неделю. У нас рядом их дом, и их еще много в деревне.

– Они тараторят, как горностаи, – вмешался Круук. А Сонк возразил:

– Они хоть маленькие и болтливые, но зато здоровые – сифилисом не больны. Вам нужна будет одна, кормчий? У нас у всех свои койки, мы не как обезьяны, – у нас у всех свои койки и комнаты...

– Попробуйте толстозадую Мэри, кормчий, она как раз для вас, – предложил Круук.

Всех перекрыл голос Жана Ропера:

– Кормчий не хочет ни одной из наших шлюх – у него есть своя. Так, кормчий?

Все оживились:

– Правда, кормчий? У тебя есть баба? Ну, расскажи нам, а? Эти обезьянки лучше всех остальных, да?

– Расскажи нам о своих шлюхах, кормчий, – Сонк опять почесал искусанное вшами место.

– Тут можно много чего рассказывать, но это дело личное. Чем меньше ушей, тем лучше, не так ли? Отправьте куда-нибудь своих женщин, и мы поговорим более откровенно.

Винк ткнул в них большим пальцем:

– Да черт с ними, а?

Женщины поклонились, пробормотали слова благодарности, извинились и вышли, тихонько закрыв за собой дверь.

– Сначала о корабле. Это невероятно. Я хочу поблагодарить вас – за все, что вы сделали, – и поздравить. Когда мы вернемся домой, я потребую, чтобы вам дали тройные доли премиальных за все, что вы сделали, а премия составит кроме... – Он заметил, что все удивленно смотрят друг на друга: в чем, мол, дело, про что это толкует кормчий?

Ван-Некк сконфуженно признался:

– Это не мы, кормчий. Это сделали люди короля Торанаги. Они все сделали, Винк только показывал им как, но мы ничего не делали...

– Что?!

– Нас не пускали на борт сначала. Кроме Винка, на борт не пускали никого, а он поднимался туда раз в десять дней или около того. Мы ничего не делали...

– Только один он, – подтвердил Сонк, – Джохан показал им.

– Но как ты объяснялся с ними, Джохан?

– А есть один самурай, который говорит по-португальски, так мы и разговаривали с ним – довольно прилично понимали друг друга. Этому самураю, Сато-сама, было поручено заниматься кораблем, когда мы приехали сюда. Он спросил, кто у нас офицеры, кто моряки, мы сказали про Джинсея, но он только артиллерист, обо мне и Сонке, который...

– Который самый плохой повар, который...

– Заткнись, ради Бога, Круук!

– Паршивец, ты не мог готовить на берегу, так устроился на корабль, ей-богу!

– Перестаньте, вы оба! – велел Блэксорн, – Продолжай, Джохан.

Винк продолжал:

– Сато-сама спросил меня, что с кораблем, и я объяснил ему, что корабль надо килевать и чистить, а также ремонтировать. Ну, я сказал им все, что знал, и они занялись им. Они неплохо выполнили килевание и почистили дно, проскребли его, как дом какого-нибудь принца, – самураи командовали, остальные обезьяны работали как демоны – сотни этих педерастов. Черт побери, кормчий, вы никогда не видели таких работников!

– Это верно, – согласился Сонк, – работали как демоны!

– Я делал все, что мог, до того дня... Боже мой, кормчий, вы правда думаете, что мы можем выплыть?

– Да, если будем терпеливы и если...

– Если этого захочет Бог, кормчий. Только тогда.

– Да-а, может быть, вы и правы... – протянул Блэксорн, не понимая, в чем дело, почему Ропер такой фанатик. Он нужен, все они нужны. И помощь Бога. – Верно, помощь Бога нам не помешает. – Он повернулся к Винку: – А как днище?

– Чистое и гладкое, кормчий. Они сделали все даже лучше, чем я мог подумать. Эти негодяи так ловки – как лучшие плотники, корабелы и канатчики в Голландии. Такелаж в порядке – полностью.

– Паруса?

– Кое-какие они смастерили из шелка – прочного, как брезент. И запасные. Они сняли наши и точно скопировали, кормчий. Пушки все в полном порядке, лучшего не пожелаешь, и все снова на борту, там же и порох, и ядра. Судно готово плыть, как только будет прилив, и даже ночью, – прямо сегодня, если потребуются. Конечно, в море оно еще не проверено, мы не знаем, как поведут себя паруса, если свежий ветер или шторм. Но я готов поставить на спор свою жизнь, что обшивка такая же крепкая, как в момент спуска на воду в Зейдер-Зе, – даже лучше, потому что дерево выдержано, слава Богу! – Винк перевел дыхание. – Когда мы выйдем в море?

– Через месяц. Или около того.

Они подталкивали друг друга локтями, переполненные радостью, и шумно провозглашали тосты за кормчего и за корабль.

– А что вражеские корабли? Здесь есть что-нибудь близко? Как насчет добычи, кормчий? – полубопытствовал Джинсель.

– Много – ты о стольких и не мечтал. Мы все богачи.

Новые крики радости:

– Как раз вовремя!

– Богаты, да? Я куплю себе замок!

– Боже мой всемогущий, когда я вернусь домой...

– Богаты! Молодец, кормчий!

– Перебить кучу папистов? Хорошо, – осторожно сказал Жан Ропер. – Очень хорошо.

– Какой у вас план, кормчий? – задал вдруг вопрос Ван-Некк, и все сразу замолчали.

– Я перейду к этому через минуту. У вас есть охрана? Вы можете свободно ходить, когда вам захочется? Как часто? Винк быстро начал:

– Мы можем свободно передвигаться по деревне, ну, может, на пол-лиги вокруг нее. Но нам нельзя выходить в Эдо и...

– И пересекать мост! – радостно перебил Сонк. – Расскажи ему о мосте, Джохан!

– О, ради Бога, я и собирался как раз о мосте, Сонк. Ради Бога, не прерывай! Кормчий, вот там, в полумиле к юго-западу отсюда, есть мост, на нем масса всяких объявлений. Вот до него нам и можно топать, за него заходить нельзя. «Киндзиру», ей-богу, – так говорят самураи. Ты понимаешь, что значит «киндзиру», кормчий?

Блэксорн кивнул, но ничего не ответил.

– Кроме этого, мы можем ходить куда нам захочется. Но только до оград. Эти ограды – кругом, на расстоянии полумили... Боже мой, разве можно поверить – скоро домой!

– Расскажите ему о докторе и о...

– Самурай прислал нам однажды доктора, кормчий, нас заставили раздеться, и он нас осматривал...

– Да. Достаточно человеку устроиться до ветру, и какой-нибудь негодяй туземец уже на тебя глазеет.

– Кроме этого, кормчий, они не докучали нам, кроме того, что...

– Эй, не забывай, что доктор дал нам эту чертову противную молотую траву под названием «чар», – противная, ее, наверно, надо было бы настаивать в горячей воде, но мы ее выкинули. Когда болеем, старина Джохан пускает нам кровь – и все в порядке.

– Верно, – кивнул Сонк, – мы выбросили этот чар.

– Ну, вот так и было, за исключением...

– Здесь нам повезло, кормчий, не так, как сначала...

– Это верно. Сначала...

– Скажи ему про инспекцию, Баккус!

– Я собираюсь к этому перейти, – ради Бога, потерпите, не сбивайте. Как я могу ему что-то рассказать, если вы все болтаете! Налейте мне выпить! – взмолился Ван-Некк и продолжал: – Каждые несколько дней сюда приходят самураи, мы выстраиваемся снаружи, и они нас пересчитывают. Потом дают нам мешки с рисом и деньги, медную мелочь. Этого хватает на все, кормчий. Мы меняем рис на мясо и другие продукты – фрукты и все остальное... И женщины делают все, что мы хотим. Сначала мы...

– Но так было не все время. Расскажи ему, Баккус!

Ван-Некк сел на пол:

– Боже, дай мне силы!

– Ты заболел, бедняга? – заботливо проворковал Сонк. – Тебе лучше всего не пить больше, или ты опять допьешься до чертиков, а? Он раз в неделю напивается до чертиков, кормчий. Мы все – тоже.

– О господи, да помолчи ты, дай мне рассказать вес кормчему...

– Это ты мне? Да я не сказал ни слова... Я тебя не прерывал... На вот твой стакан!

– Спасибо, Сонк! Ну, кормчий, сначала они засунули нас в дом в западной части города...

– Внизу, уже около полей.

– Черт возьми, тогда давай ты рассказывай эту историю, Джохан!

– Хорошо. О Боже, кормчий, это было ужасно... Ни еды, ни выпивки, и эти чертовы бумажные дома – как будто живешь в поле: ни помочиться, ни в носу поковырять – ничего не сделаешь, чтоб за тобой кто-нибудь не подсматривал, да? Самый слабый шум – и тут же собираются все соседи, и уже самурай на крыльце, а кому нужно, чтобы вокруг слонялись эти мерзавцы, а? Они размахивали перед нами своими мечами, кричали и вопили – просили нас вести себя спокойно. Однажды ночью кто-то уронил свечу – так эти обезьяны прямо обмочились! Боже мой, вы бы это слышали! Они прибежали из своих деревянных домов с ведрами воды, проклятые Богом сумасшедшие, шикали, кланялись и ругались... Всего-то

одна паршивая стена сгорела. А сбежались они прямо сотнями, как тараканы. Негодяи! Вы...

– Ага, дальше!

– Ты хочешь рассказать?

– Ну, Джохан, не обращай на него внимания. Он всего только паршивый повар.

– Что-что-о?..

– Ох, заткнись! Ради Бога! – Ван-Некк поспешил продолжить рассказ: – На следующий день, кормчий, они выпроводили нас оттуда в другой дом, у пристани. Там было так же плохо. Потом, через несколько недель Джохан наткнулся на это место. Ему единственному из нас разрешали выходить, на этот раз из-за корабля. Они каждый день забирали его и вечером приводили обратно. Он ходил на рыбалку – мы были всего в нескольких сотнях ярдов от моря... Лучше ты расскажи об этом, Джохан.

Блэксорн почувствовал зуд в босой ноге и машинально почесал ее. Но стало еще хуже. Тут он увидел пестрое пятно на ноге от блошиных укусов, а Винк гордо продолжал:

– Все так и было, как говорил Баккус, кормчий. Я спросил Сато-сама, нельзя ли нам переехать, и он сказал – да, почему бы и нет. Они обычно отпускали меня ловить рыбу на одной из своих маленьких лодок, чтобы я мог убить время. Вот мой нос и привел меня сюда, кормчий. Старый нос привел меня к крови!

Блэксорна осенило: «Бойня! Бойня и дубильня! Вот оно что!» Он замолчал и поблелел.

– Что такое? В чем дело?

– Так здесь деревня эта? Боже мой, эти люди – эта?

– Так что тут плохого? – удивился Ван-Некк, – Верно, здесь живут эта.

Блэксорн отмахивался от moskitov, заполнивших все пространство, по его коже побежали мурашки.

– Проклятые жучки! Они... они же гнилые, не так ли? Здесь же дубильня, да?

– Да. Несколько улиц наверху, ну и что?

– Ничего. Я не узнал запаха, вот и все.

– А что тебе эта?

– Я... Я, дурак, не понял. Если бы я видел мужчин, я бы догадался по коротким волосам. А с женщинами никогда не знаешь... Извини. Ну, продолжай свою историю, Винк.

– Ну, тогда они сказали...

Жан Ропер прервал их:

– Подожди минутку, Винк! Так что тут такого, кормчий? Что плохого в эта?

– Только то, что японцы считают их другими существами. Они палачи, живодеры, имеют дело с трупами. – Он чувствовал, что на него все смотрят, особенно Жан Ропер. – Эта – живодеры, это их работа, – повторил он, пытаясь говорить как можно беззаботнее. – Они убивают старых лошадей и быков и имеют дело с мертвецами.

– Но что тут плохого, кормчий? Ты сам не меньше дюжины раз хоронил людей, клал их в саваны, обмывал – мы все так делали, да? Мы сами разделяваем мясо, всегда так делали. Джин-сель, вот он, – он был палачом... Что тут плохого?

– Ничего, конечно, – Блэксорн знал, что это так, и все же чувствовал себя оскверненным. Винк фыркнул:

– Эта – лучшие из всех язычников, которых мы встречали. Они больше похожи на нас, чем все остальные ублюдки. Нам чертовски повезло, что мы здесь, кормчий, – нет проблем со свежим мясом или жиром: они дают нам все, и не надо ни о чем заботиться.

– Правильно. Если бы вы жили с эта, кормчий...

– Боже мой, да кормчему приходилось все время жить с другими негодьями! Он не знает никого лучше их. А что, сходить за толстозадой Мэри, Сонк?

– Или Двухзадой?

– Нет уж, не ее, не эту старую шлюху! Кормчему захочется чего-нибудь особенного. Давай спросим Мама-сан...

– Бьюсь об заклад, он изголодался по настоящей жратве! Эй, Сонк, отрежь-ка ему кусок

мяса.

– Вот еще грог...

– Трижды ура кормчему!..

В этом веселом гвалте Ван-Некк хлопал Блэксорна по плечам:

– Вы дома, кормчий, старина! Теперь вы вернулись к нам, наши молитвы услышаны, и теперь все хорошо! Вы дома, старина... Слушайте, ложитесь на мою койку! Я требую!...

* * *

Блэксорн приветливо помахал рукой в последний раз. Из темноты в дальнем конце моста послышались ответные крики. Как только он отвернулся, его вынужденная сердечность испарилась; он повернул за угол, стража из десяти самураев шла за ним.

По дороге обратно в замок он погрузился в мучительные раздумья. Ничего плохого нет в эта, и все-таки все здесь не так... А его команда, его собственные люди... А эти язычники, иностранцы, враги...

Он плохо различал улицы, мосты и переулки, которыми они проходили. Вдруг он поймал себя на том, что засунул руку в карман кимоно и чешется – и тут же остановился как вкопанный.

– Эти чертовы грязные... – Он распустил пояс, содрал с себя промокшие от пота кимоно и, как если бы оно было грязное, скомкал и бросил в канаву.

– Досо, нан дес ка, Анджин-сан? – обратился к нему один из самураев.

– Нани мо! Ничего, ей-Богу! – Блэксорн двинулся дальше со своими мечами.

– Ах! Эта! Вакаримас! Гомен насаи! – Самураи залопотали что-то между собой, но он не обращал на них внимания.

«Так-то лучше», – подумал он про себя с деланным облегчением, не заметив, что идет почти раздетым, – зато кожа перестала чесаться, когда он сбросил кимоно с набившимися туда блохами.

– Боже мой, как бы я хотел прямо сейчас принять ванну!

Он поведал команде о своих приключениях, но не о том, что стал самураем и хатамото, или о том, что он один из любимчиков Торанаги, или о Фудзико. И о Марики тоже. И что они должны будут пристать в Нагасаки и штурмом брать Черный Корабль, и что он будет командовать самураями... «Это можно сделать позднее. – сказал он себе устало. – Как и все остальное. Смогу ли я когда-нибудь рассказать им о Марики-сан?»

Его деревянные башмаки простучали по деревянным планкам Первого Моста. Часовые-самураи, также полуголые, сидели в небрежных позах, пока не увидели его, – они сразу же встали и вежливо раскланялись, напряженно следя за Блэксорном, пока он проходил мимо: им казалось невероятным, что этому чужеземцу так симпатизировал господин Торанага и, это совсем уж невероятно, удостоил его никогда ранее не дававшегося варварам звания хатамото и самурая.

У главных южных ворот замка его ждал еще один сопровождающий. Блэксорна проводили в дом, расположенный в пределах внутреннего кольца. Ему отвели комнату в одном из укрепленных, хотя и очень симпатичных гостевых домиков, но он вежливо отказался сразу же идти туда.

– Пожалуйста, сначала в баню, – сказал он самураю.

– Ах, понятно... Это очень предусмотрительно с вашей стороны. Банный домик вот там, Анджин-сан. Да, жаркий сегодня денек, не так ли? И я слышал, вы спускались к этим грязнулям... Остальные гости в вашем домике оценят вашу предусмотрительность. Я благодарю вас от их имени.

Блэксорн не уловил всей этой любезной речи, но понял слово «грязнулям». «Так называют моих людей и меня – нас, а не их, бедняг, не эта».

– Добрый вечер, Анджин-сан, – приветствовал его главный банщик. Это был огромный, средних лет мужчина с большим животом и мощными бицепсами. Его только что разбудила

служанка – прибыл поздний посетитель. Он хлопнул в ладоши. Появились банщицы, Блэксорн прошел за ними в мыльную: его сполоснули, намылили, он попросил повторить все снова, потом, уже в ванной комнате, влез в очень горячую воду и терпел сколько мог и, наконец, отдался умопомрачающей хватке массажиста – сильные руки мяти его, втирали в кожу ароматное масло, раскручивали мускулы и шею... Потом его провели в комнату отдыха, где подали выстиранное, просушенное на солнце кимоно. Блэксорн прилег, глубоко вздохнул и полностью отдался необыкновенно приятному ощущению возвращающейся бодрости и одновременно расслабленности.

– Дозо гомен насай – хай, Анджин-сан?

– Хай, домо.

Принесли зеленый чай. Он сказал служанке, что останется здесь на ночь – не хочет идти к себе. Потом один, в полном спокойствии, он пил чай, чувствуя, как этот напиток окончательно очищает его. «... Противного вида обугленная трава...» – с отвращением вспомнил он, но тут же поправил себя вслух: «Будь терпелив, не давай разрушить свою внутреннюю гармонию. Они только бедные, невежественные глупцы, которые не знают ничего лучшего, ты был таким же когда-то. Ничего, теперь ты можешь показать им, да?» Он сумел выкинуть все это из головы и достал словарь. Но сегодня вечером, в первый раз с тех пор, как получил этот словарь, он осторожно отложил его в сторону и задул свечу. «Я слишком устал, – утешил он себя. – Но уж не настолько, чтобы не ответить на простой вопрос, – напомнил ему внутренний голос. – Они и вправду невежественные глупцы или это ты дурачишь себя? Ну, будет, я отвечу позже, когда придет время... Сейчас я уверен в одном: не хочу, чтобы они были поблизости...» Он повернулся к стене и отогнал эти мысли в дальний угол сознания – ему просто необходимо выспаться...

* * *

Проснувшись, Блэксорн почувствовал себя отдохнувшим. Чистое кимоно и набедренная повязка с таби лежали рядом. Ножны обоих мечей были тщательно вычищены. Он быстро оделся и вышел на улицу, где его уже ждали самураи. Они поднялись и отвесили поклоны.

– Сегодня мы охраняем вас, Анджин-сан.

– Спасибо. Мы идем на верфь?

– Да, вот ваш пропуск.

– Благодарю вас. Могу я узнать ваше имя?

– Мусаси Митсутоки.

– Спасибо, Мусаси-сан. Пошли?

Они спустились к верфям. «Эразмус» крепко держался на якоре на глубине трех саженей, трюмы – в превосходном состоянии. Блэксорн нырнул с борта и проплыл под килем: обрастание днища минимальное – несколько ракушек. Теперь – на борт: что ж, руль в полном порядке; на складе сухо и чисто; он нашел кресало и выбил искру на пробную порцию пороха – воспламенение мгновенное, порох в прекрасной сохранности. Так, полетом на небо – с верхушки фок-мачты он поискал, нет ли угрожающих трещин, поломок, обрывов: нет, ни там, ни по пути на мачту, ни где-либо еще в рангоуте ничего подозрительного. Правда, многие веревки, гардели и ванты сращены неправильно, но это пустяк – исправим за полчаса.

Оказавшись снова на юте, он позволил себе широко улыбнуться. «Корабль выглядит как... как что?» Блэксорн не придумал подходящего слова, он только засмеялся. Ему хотелось еще побывать в своей каюте, и он опять спустился вниз. Но здесь, в этой знакомой тесноте, он вдруг почувствовал себя чужим и одиноким... Мечи его лежали рядом, на койке. Он потрогал их, вынул «Продавца масла» из ножен: работа изумительная, жало лезвия наточено отлично. Он разглядывал меч с чувством удовольствия – подлинное произведение искусства. «Да, но смертельного искусства, – подумал он, поворачивая меч на свету. Эти

мысли всегда приходили ему в голову, когда он смотрел на мечи. – Сколько смертей на тебе за все твои двести лет? Сколько еще будет, до того как погибнешь сам? Неужели мечи живут своей жизнью, как говорила Мариико-сан? Мариико... Что с ней?..» Отблески с поверхности моря проникли в каюту и прыгнули на сталь – вся его меланхолия тут же исчезла. Он убрал «Продавца масла», стараясь не трогать лезвие пальцами – малейшее прикосновение, согласно понятиям японцев, могло повредить такую совершенную вещь.

Блэксорн, облокотившись на койку, вглядывался в пустынную поверхность моря... «Так что с руттерами? И навигационными инструментами? – обратился он к своему отражению в медной морской лампе, тщательно начищенной, как и все кругом. Но отражение молчало. – купишь в Нагасаки, когда будешь набирать команду. И позаимствуешь у Родригеса. Да-да. Тебе же придется захватить его, перед тем как напасть на корабль, не так ли? – Он видел в медном «зеркале», что улыбается. – Ты уверен, что Торанага даст тебе уйти, да? – И ответил уверенно: – Да. Поедет ли он в Осаку или нет, я получу все, что мне надо. И Мариико тоже».

Довольный, он засунул мечи за пояс и поднялся на палубу, – там пришлось подождать, пока снова опечатают двери...

Когда Блэксорн вернулся в Эдо, было еще очень рано – удалось заехать в отведенное ему помещение перекусить: немного рису, две порции рыбы, поджаренной на углях, с соевым соусом – удалось научить этому своего повара, – маленькая бутылочка саке, потом чай.

– Анджин-сан?

– Хай?

Седзи распахнулись – за ними кланялась застенчиво улыбающаяся Фудзико.

Глава Сорок Девятая

– Я забыл о вас, – сказал он по-английски, – боялся, что вы умерли.

– Досо го иемасига, Анджин-сан, нан дес ка?

– Нани мо, Фудзико-сан, – сказал он, устыдившись, – Гомен уреси. – Пожалуйста, простите меня... сюрприз, да? Рад видеть вас. Садитесь, пожалуйста.

– Домо аригато годзиемасита, – откликнулась Фудзико. Она размеренно сообщила ему своим тонким, высоким голосом все, что считала нужным: как она рада его видеть; как сильно продвинулся он в японском языке; как прекрасно он выглядит и как хорошо, что она здесь.

Он посмотрел на ее колено, неловко положенное на подушку.

– Ноги... – Он искал в памяти слово «ожоги», но не мог припомнить и сказал так: – Огонь повредил ноги. Еще болит?

– Нет, но пока еще, извините, немного мешает сидеть, – Фудзико сосредоточенно следила за его губами, – ноги повреждены, извините.

– Пожалуйста, покажите мне.

– Пожалуйста, извините меня, Анджин-сан, не хочу вас затруднять, у вас свои проблемы. Я...

– Не понял. Простите меня, слишком быстро.

– Ах, извините! С ногами все нормально. Не беспокоят, – умоляла она.

– Беспокоят. Вы наложница, не так ли? Не стесняйтесь, покажите сейчас же!

Она послушно встала. Очевидно, она стеснялась, но сразу же начала развязывать оби.

– Пожалуйста, позовите служанку, – приказал он. Она повиновалась. Седзи сразу же открылись, ей кинулась помогать женщина, которую он не узнал.

Сначала они развязали жесткий оби, служанка отложила его в сторону вместе с кинжалом.

– Как вас зовут? – спросил он резко, как и полагается, настоящему самураю.

– Ох, пожалуйста, извините меня, господин, простите меня. Мое имя Хана-иси.

Он буркнул что-то одобрительное. Мисс Первый Цветок – прекрасное имя! Все служанки согласно обычаю назывались мисс Хвостик, Журавль, Рыбка, Вторая Ива, Четвертая Луна, Звезда, Дерево, Веточка и тому подобное.

Хана-иси была женщина средних лет, очень серьезная. «Бьюсь об заклад, что она старая домашняя служанка, – решил Блэксорн. – Не исключено, что вассал покойного мужа Фудзико. Муж! Я совсем забыл о нем и о ребенке, которого казнили – казнили по приказу этого злого духа Торанаги, который на самом деле не злой дух, а дайме и хороший, может быть, великий вождь. Быть может, муж ее заслужил такую судьбу... если бы знать всю правду... Но не ребенок, за это нет прощения».

Фудзико спокойно дала распахнуться верхнему кимоно, зеленому с узором, но, когда развязывала тонкий шелковый пояс желтого нижнего кимоно и откидывала его в сторону, пыльцы ее задрожали. Кожа у нее была чистая, сквозь складки шелка виднелся край груди – маленькой и плоской. Хана-иси встала на колени, развязала ленты на нижней рубашке и стянула ее с пояса на пол, чтобы хозяйка могла переступить и выйти из нее.

– Йе, – приказал он. Она подошла и подняла кайму. Ожоги начинались с задней стороны ног, у икр, – Гомен насаи.

Она стояла не двигаясь. Капли пота стекали по ее щекам, нарушая макияж. Он поднял рубашку повыше. Кожа обгорела везде с задней стороны ног, но заживление, видимо, шло отлично: уже образовались рубцы, инфекции, нагноений не видно, только немного чистой крови там, где новая, молодая ткань лопнула, когда Фудзико садилась на колени.

Он отодвинул кимоно в сторону и распустил ленту на поясе. Ожоги кончались в верхней части ног, обходили крестец, где ее придавило бревном и тем спасло от ожогов в этом месте, и затем снова начинались на пояснице. Бугры от ожогов, шириной в полруки, шли вокруг талии. Рубцовая ткань уже перешла в постоянные шрамы. Да, неприятное зрелище... Но заживает на удивление.

– Очень хороший доктор. Лучший из всех, кого я видел! – Он отпустил кимоно, – Прекрасно, Фудзико-сан! Шрамы, конечно, ну и что? Ничего. Я видел много пострадавших от ожогов, понимаете? Вот и хотел сам посмотреть, чтобы понять, как дела. Очень хороший доктор. Будда помогал вам. – Он положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза. – Не беспокойтесь. Сигата га наи, да? Вы поняли? У нее хлынули слезы.

– Пожалуйста, извините меня, Анджин-сан, мне так стыдно. Пожалуйста, простите мою глупость, что я была там, попалась, как полоумная эта. Мне следовало быть с вами, защищать вас, а не толкаться со слугами в доме. Мне нечего было делать в доме, не было причин там находиться...

Сочувственно ее обнимая, он дал ей выговориться, хотя почти ничего не понял из ее речи. «Мне бы надо найти, чем лечил ее этот доктор, – возбужденно подумал он. – Это самое быстрое и хорошее заживление, какое я встречал. Каждый капитан ее королевского величества должен владеть этим секретом, да что там, – любому европейскому капитану он необходим... Постой... А кто бы отказался заплатить за это несколько золотых гиней? Ты же можешь сделать целое состояние! Нет уж, не таким путем, – только не так. Наживаться на страданиях моряков... Нет!»

Фудзико повезло, что обгорели только задние поверхности ног. Лицо все такое же квадратное и плоское, острые зубы – как у хорька, но глаза излучают такую теплоту, что, пожалуй, язык не повернется назвать ее непривлекательной. Он еще раз обнял ее.

– Ничего, Фудзико, не надо плакать. Это мой приказ!

Блэксорн отправил служанку за свежим чаем и саке, приказал принести побольше подушек и помог Фудзико расположиться на них. Она все стеснялась и то и дело спрашивала:

– Как смогу я отблагодарить вас?

– Не надо благодарностей. Давайте снова, – Блэксорн на мгновение задумался, но не нашел в памяти японских слов «помогать» или «помнить», тогда он вытащил словарь и поискал их там. – Помогать – о-негаи... Помнить – омой дасу... Хай, мон-досо о негаи! Оми

дес ка? – Помогайте мне снова. – Помните? – Он поднял кулаки, изобразил пистолеты и нацелился ими. – Оми-сан, помните?

– О, конечно! – воскликнула она, потом, заинтересовавшись, попросила посмотреть книгу. Она никогда не видела раньше латыни, и колонки японских слов против латинских ничего не сказали ей, но она быстро ухватила их смысл:

– Это книга всех наших слов... простите. Книга слов, да?

– Хай.

– Хомбун? – спросила она.

Он показал ей, как найти это слово на латыни и по-португальски: хомбун – это долг, потом добавил по-японски:

– Я понял, что такое долг. Долг самурая, не так ли?

– Хай! – Она захлопала в ладоши, как будто ей показали чудесную игрушку.

«Но это чудо, – сказал он себе. – Подарок судьбы. Это поможет мне лучше понять и ее, и Торанагу, и скоро я буду неплохо владеть языком».

Она задала ему еще несколько слов, и он нашел их на английском, латинском и португальском; слово, которое она выбирала, каждый раз было понятно и он находил его – словарь ни разу не подвел.

Он искал слово:

– Мадсутси дес, нех? Это чудесно, правда?

– Да, Анджин-сан, книга чудесная. – Она отпила чаю. – Теперь я смогу разговаривать с вами, по-настоящему.

– Понемногу. Только медленно, вы понимаете меня?

– Да. Пожалуйста, будьте терпеливы со мной. Прошу вас, извините меня.

Громадный колокол на главной башне замка пробил час козла, ему отозвались все замки в Эдо.

– Сейчас мне надо уходить. Я иду к господину Торанаге. – Он пристроил книгу за рукав.

– Можно я подожду здесь, пожалуйста?

– А где вы остановились?

Она показала:

– О, там, моя комната – за следующей дверью. Прошу извинить мою нетактичность!

– Медленно. Говорите, пожалуйста, медленно. И простыми словами!

Она повторила медленно, особенно тщательно – слова извинений.

– Благодарю вас. Мы с вами еще увидимся. Она хотела было подняться, но он покачал головой и вышел во двор. День был облачный, в воздухе стояла духота. Охрана уже дожидалась его. Скоро Блэксорн уже был во дворе главной башни, где встретил Мариико – еще более прекрасную, воздушную, лицо ее под золотисто-красным зонтиком казалась алебастровым. На ней было темно-коричневое кимоно, окаймленное ярко-зеленым узором.

– Охайо, Анджин-сан. Икага дес ка? – Она церемонно раскланялась.

Он отвечал в тон ей, что чувствует себя прекрасно, и продолжал говорить по-японски, – они условились раньше, что он будет пытаться это делать, пока у него хватает сил. На португальский он переходил, когда уж совсем уставал от усилия припоминать японские слова и еще когда хотел сказать ей что-нибудь не предназначенное для чужих ушей.

– Ты, – произнес он осторожно, когда они поднимались по лестнице башни.

– Ты, – откликнулась Мариико и немедленно перешла на португальский, с той же серьезностью, что и в прошлую ночь: – Извините, пожалуйста, но давайте не будем сегодня говорить на латыни, Анджин-сан, сегодня латынь не подходит – она не может служить тем целям, для которых мы ею пользуемся, правда?

– Когда я смогу поговорить с вами?

– Это очень трудно, простите. У меня есть обязанности...

– Все нормально, да?

– О да, – сказала она, – пожалуйста, извините меня, но что может случиться? Ничего

плохого.

Они поднялись еще на один пролет не разговаривая. На следующем этаже, как обычно, у них проверили пропуска, охрана шла впереди и сзади. Пошел сильный дождь, влажность в воздухе уменьшилась.

– Этот дождь на несколько часов, – заметил Блэксорн.

– Правда, но без дождей не будет риса. Скоро дожди прекратятся, через две или три недели, тогда будет жарко и влажно до самой осени. – Она выглянула из окна и показала ему на лохматые облака. – Это очень живописное зрелище, Анджин-сан, вам нравится?

– Да, – он смотрел на «Эразмус», который был далеко отсюда, у пристани. Но дождь скоро скрыл от него корабль. – После того как мы побеседуем с господином Торанагой, нам придется ждать, пока кончится дождь, – нет ли здесь места, где мы могли бы поговорить?

– Это связано с трудностями, – Она уклонилась от прямого ответа, и он нашел это странным. Обычно она была очень решительна и излагала свои вежливые «предположения» как приказы – так они и воспринимались. – Прошу простить меня, Анджин-сан, но у меня сейчас трудное положение и мне нужно много всего сделать. – Она на мгновение остановилась и переложила зонтик в другую руку, придерживая нижнюю кайму кимоно. – Как у вас прошел вечер? Как ваши друзья, ваша команда?

– Прекрасно. Все было прекрасно, – сказал он.

– Действительно «прекрасно»? – переспросила она.

– Прекрасно, но очень странно. – Он оглянулся на нее. – Вы что-то заметили, да?

– Нет, Анджин-сан. Но вы не упомянули о них, а вы же много о них думали в последнюю неделю. Я не волшебница, извините.

После паузы он решился:

– А у вас все хорошо? С Бунтаро-саном ничего не возникло? – Он никогда не говорил с ней о Бунтаро и после Ёкосе не упоминал его имени. Они согласились на том, что никогда не будут обсуждать ее семейную жизнь.

– Это мое единственное требование, Анджин-сан, – прошептала она в первую ночь. – Что бы ни случилось во время нашего путешествия до Мисимы или, если позволит Мадонна, до Эдо. – для нас не будет иметь никакого значения, да? Мы не будем обсуждать между собой то, что происходит, да? Не будем... Пожалуйста.

– Я согласен. Клянусь.

– И я тоже. В конце концов, наше путешествие кончается в Эдо, у Первого Моста.

– Нет.

– Но конец должен быть, дорогой. У Первого Моста наше путешествие кончается. Пожалуйста, или я умру от страха за вас, от мыслей об опасности, в которую я вас втянула...

Вчера утром он стоял у входа на Первый Мост и у него внезапно стало тяжело на душе, – не спас даже тот подъем, что он испытал при виде «Эразмуса».

– Сейчас мы должны пересечь мост, Анджин-сан, – сказала Мариико.

– Да, но это всего лишь мост, один из многих. Иди, Мариико-сан, иди рядом со мной через этот мост. Рядом со мной, пожалуйста. Давай пройдем вместе, – добавил он по-латыни, – и верь, что ты прошла и что мы рука об руку идем к началу чего-то нового.

Она вышла из паланкина и пошла рядом с ним, пока они не перешли по мосту на ту сторону. Там она снова села в паланкин с занавешенными окнами, и они стали подниматься по пологому склону. Блэксорн помнил, как молился Богу, чтобы с неба ударила молния.

– Так с ним ничего не возникло? – повторил он все же свой вопрос, когда они подходили к последней площадке. Мариико покачала головой.

* * *

Торанага начал беседу:

– Корабль вполне готов, Анджин-сан? Это точно?

– Точно, господин. Корабль в прекрасном состоянии.

– Сколько еще надо людей... – Торанага взглянул на Мариико, – пожалуйста, спросите его, сколько человек команды требуется дополнительно, чтобы корабль нормально плавал. Я хочу быть совершенно уверен: он понял, что именно я хочу знать.

– Анджин-сан говорит: для того чтобы выйти в плавание на корабле, необходимо тридцать моряков и двадцать артиллеристов. Сначала его команда состояла из ста семи человек, включая повара и купцов. Чтобы плавать и воевать в этих морях, достаточно двухсот самураев.

– И он считает, что тех, кто ему потребуется, он может найти в Нагасаки?

– Да, господин.

Торанага произнес будто про себя:

– Я вовсе не доверяю наемникам...

– Прошу меня простить, господин, вы хотите, чтобы я перевела эти ваши слова?

– Что? О нет, не обращайтесь внимания. Торанага встал, все еще делая вид, что чем-то недоволен, и посмотрел в окно на дождь: ливень не позволял рассмотреть город. «Пусть дождь идет еще несколько месяцев, – подумал он. – О Боги, все, какие только есть, – сделайте так, чтобы дожди шли до Нового года! Когда Бунтаро сможет встретиться с моим братом?»

– Скажите Анджин-сану, что завтра я передам ему его вассалов. Сегодня ужасная погода – этот дождь будет идти весь день, нигде нет ни клочка сухой земли.

– Да, господин, – донесся до него голос Мариико. Он иронически улыбнулся. Никогда еще за всю его жизнь ему не мешала погода. «Она, конечно, уверена, как и остальные, кто сомневается, что я постоянно меняюсь к худшему», – думал он, зная, что не может уклониться от выбранного курса, – Завтра или через день – какая разница? Скажите ему, что, когда я буду готов, я пошлю за ним. До этого времени он должен оставаться в замке. Он слышал, как Мариико перевела его слова Анджин-сану.

– Да, господин Торанага, я понял, – Блэксорн отвечал сам, без Мариико, – но вы не против, если я задам вопрос: можно ли быстро выехать в Нагасаки? Думаю, что это важно, прошу меня извинить.

– Я решу это позднее, – Голос Торанаги прозвучал резко, – он не старался сохранять обходительность и сделал знак, что аудиенция окончена, – До свидания, Анджин-сан, я скоро решу, что делать с вами. – Он видел, что тот хочет настаивать на своей просьбе, но постарался от него отделаться. «Боже мой, – подумал он о Блэксорне, – наконец-то этот чужеземец научился вежливости!» – Скажите Анджин-сану, что ему нет нужды ждать вас, Мариико-сан. До свидания, Анджин-сан.

Мариико выполнила его просьбу. Торанага, отвернувшись, смотрел на город, на ливень, что обрушился на него, прислушивался к шуму воды. Дверь за Анджин-саном закрылась.

– Так что за ссора? – Торанага обратился к Мариико не глядя на нее.

– Простите, господин?

Его настороженный слух тут же уловил слабое дрожание в ее голосе.

– Ссора, разумеется, между Бунтаро и вами, или вы участвовали в другой, которая касается меня? – добавил он с горьким сарказмом, – этот оттенок в голосе казался ему необходимым... да-да, это ускорит дело. – С Анджин-саном, может быть, или с моими врагами – христианами, или с Тсукку-саном?

– Нет, господин, пожалуйста, извините меня. Это началось, как всегда, как начинаются обычно ссоры между мужем и женой. Фактически из-за ничего. Потом внезапно, как обычно и бывает, все стало разрастаться и подействовало и на него и на меня – под соответствующее настроение.

– И у вас было такое настроение?

– Да. Пожалуйста, простите меня. Я немилосердно провоцировала своего мужа. Это полностью моя вина. Сожалею, господин, но в таких случаях люди говорят дикие вещи.

– Ну, давайте выкладывайте, что за «дикие вещи»? Мариико побледнела, – да, она перед ним теперь как загнанная лань; конечно, она догадывалась: шпионы уже сообщили ему, о

чем именно кричали в тишине их дома... Она пересказала ему все, что тогда говорилось, стараясь излагать как можно полнее, потом добавила:

– Я считаю, что мой муж пребывал в состоянии дикого гнева, который спровоцировала я. Он предан вам, – я знаю, что предан. Если нужно кого-то наказать, то, конечно, меня, господин. Я вызвала это его сумасшествие.

Торанага, прямой как струна, снова сел на подушку, лицо его окаменело.

– Что сказала госпожа Дзендзико?

– Я не разговаривала с ней, господин.

– Но вы собираетесь с ней поговорить или собирались?

– Нет, господин. С вашего разрешения, я намеревалась сразу же уехать в Осаку.

– Вы поедете когда я скажу, не раньше. Измена – самое отвратительное из всего, что может быть!

Она поклонилась, стыдясь его язвительных слов.

– Да, господин. Пожалуйста, простите меня, это моя ошибка.

Он позвонил в маленький ручной колокольчик – дверь распахнулась, появился Нага.

– Слушаю, господин.

– Позови сейчас же господина Судару с госпожой Дзендзико.

– Да, господин. – Нага повернулся, чтобы уйти.

– Подожди! Потом собери мой совет, Ябу и всех... и всех старших генералов. Они должны быть здесь в полночь. Освободи этот этаж от всех часовых. Возвращайся с Судару.

– Да, господин. – Побледневший Нага закрыл за собой дверь.

Торанага услышал шум на лестнице, подошел к двери и открыл ее – на площадке никого не было. Он захлопнул дверь, взял другой колокольчик и позвонил. Открылась внутренняя дверь в дальнем конце комнаты – едва заметная, так ловко замаскировали ее мастера в деревянной панели стены. На пороге стояла полная женщина средних лет, в накидке с капюшоном одежде буддийской монахини.

– Слушаю вас. Великий Господин.

– Будь добра, зеленого чаю, Чано-чан, – попросил Торанага.

Дверь закрылась, Торанага снова посмотрел на Марико.

– Так вы думаете, что он предан мне?

– Я это знаю, господин. Пожалуйста, простите меня, это была моя вина, не его. – Она отчаянно пыталась убедить Торанагу. – Я его спровоцировала.

– Да, это вы. Отвратительно! Ужасно! Непростительно! – Торанага вынул бумажный платок и вытер бровь. – Но удачно.

– Простите, господин?

– Если бы вы его не спровоцировали, я, может быть, никогда не узнал бы об измене. Если бы он сказал все это без всякого повода, это было бы одно, а так... вы дали мне еще один вариант.

– Господин?

Он не ответил. Он думал: «Хотел бы я, чтобы здесь был Хиро-Мацу – хоть один человек, которому я полностью доверял».

– А как насчет вашей преданности?

– Пожалуйста, господин, я отвечаю искренне: вы знаете, что я вам предана.

Торанага не ответил. Взгляд его был безжалостен. Открылась внутренняя дверь, и Чано, монахиня, уверенно, не постучав, вошла в комнату с подносом в руках.

– Вот, Великий Господин, я вам приготовила. – Она по-крестьянски встала на колени. Руки у нее были большие, грубые, как у крестьянки, но в ней чувствовалась самоуверенность и самодовольство. – Пусть Будда благословит вас с миром. – Она повернулась к Марико, поклонилась ей, как кланяются крестьянки, и снова удобно устроилась на полу. – Не окажете ли вы мне любезность, госпожа, не нальете ли чаю? Вы ведь прекрасно с этим справитесь, ничего не прольете, верно? – Глаза ее светились, она явно была довольна.

– С удовольствием, Оку-сан. – Марико, скрыв свое удивление, назвала монахиню по

религиозному ее имени. Она никогда не видела раньше мать Наги, хотя знала большинство других женщин, имевших при Торанаге официальное положение, – ей доводилось встречать их на различных торжествах. Но хорошие отношения она поддерживала только с Киритсубо и госпожой Сазуко.

– Чано-чан, это госпожа Тода Марико-нох-Бунтаро, – представил Торанага.

– Ах, со дес, простите, я подумала, что вы одна из почтенных дам моего великого господина. Прошу простить меня, госпожа Тода, можно мне передать вам благословение Будды?

– Благодарю вас. – Марико предложила чашку Торанаге, он взял ее и выпил.

– Налейте, Чано-сан, и себе, – предложил он.

– Простите, Великий Господин, с вашего разрешения, мне не надо, от такого количества чая у меня уже плавают зубы, а туалет слишком далек для моих старых костей.

– Упражнение тебе поможет, – утешал Торанага, радуясь, что послал за ней, когда вернулся в Эдо.

– Да, Великий Господин, вы правы – как всегда. – Чано удостоила своим вниманием Марико: – Так вы дочь господина Акечи Дзинсаи?

Чашка Марико застыла в воздухе.

– Да. Прошу извинить меня...

– О, вам нечего извиняться, дитя. – Чано добродушно рассмеялась, ее живот заходил вверх-вниз, – Я не узнала вас, пока не назвали по имени, прошу извинить меня, но в последний раз я видела вас на свадьбе.

– Да?

– О да, я видела вас во время венчания, но вы не видели меня. Я подсматривала за вами через седзи. Да, за вами и за всеми знатными людьми, диктатором Накамурой, то есть Тайко, и всеми дворянами. О, я была так застенчива, что стеснялась присоединиться к этой компании. Но для меня это было очень хорошее время. Лучшее в моей жизни. Это был второй год, как Великий Господин оказал мне свою милость, я была беременна, хотя все еще оставалась крестьянкой, какой была всегда. – Глаза у нее затуманились, и она добавила: – Вы очень мало изменились с тех пор, – все еще одна из отмеченных Буддой.

– Ах, как бы я хотела, чтобы это было так.

– Это правда. Вы знали, что избраны Буддой?

– Нет, Оку-сан, как бы мне ни хотелось этого.

Торанага сказал:

– Она христианка.

– Ах, христианка, – какое это имеет значение для женщины, христианка или буддистка, Великий Господин? Иногда никакого, хотя женщинам нужны определенные боги. – Чано радостно хихикнула. – Мы, женщины, нуждаемся в боге, Великий Господин, чтобы он помог нам иметь дело с мужчинами.

– А мы, мужчины, нуждаемся в терпении как у богов, чтобы иметь дело с женщинами.

Чано засмеялась, и это неожиданно как бы согрело комнату и на мгновение ослабило дурные предчувствия Марико.

– Да, Великий Господин, – продолжала Чано, – и все из-за Небесного Павильона, который не имеет будущего, – в нем мало тепла и в основном преисподняя.

Торанага буркнул:

– А что вы на это скажете, Марико-сан?

– Госпожа Чано мудра со времен своей молодости, – ответила Марико.

– Ах, госпожа, вы говорите приятные вещи старой, глупой женщине. Я так хорошо помню вас. Ваше кимоно было голубого цвета, с изумительным рисунком – серебряными журавлями, красивее я никогда не видела. – Она опять посмотрела на Торанагу, – Ну, Великий Господин, я просто хотела посидеть минутку. Прошу извинить меня.

– Еще есть время. Оставайся где сидишь.

– Да, Великий Господин. – Чано тяжело встала на ноги. – Мне следовало бы

повиноваться, но природа требует своего. Я не люблю огорчать вас. Время идти. Все приготовлено, пища и sake готовы, будут поданы, как только вы пожелаете, Великий Господин.

– Благодарю вас.

Дверь бесшумно закрылась. Мариико подождала, пока у Торанаги опустела чашка, и наполнила ее.

– О чем вы думаете?

– Я ждала, господин.

– Чего, Мариико-сан?

– Господин, я хатамото. Никогда раньше не просила я у вас милости. Я хочу просить у вас милости как хата...

– А я не хочу, чтобы вы просили милости как хатамото, – возразил Торанага.

– Тогда просьба на всю жизнь.

– Я не муж, чтобы выполнять ее.

– Иногда вассал может просить сюзерена...

– Да, иногда, но не сейчас! Сейчас придержите язык – о просьбе ли на всю жизнь, о благодеянии, требовании или о чем-нибудь еще.

Просьба на всю жизнь – это милость, которую, согласно древнему обычаю, жена могла просить – без потери лица – у мужа, сын у отца, а иногда и муж у жены с условием: если просьба удовлетворялась, это обязывало никогда в этой жизни не просить о другой милости. По обычаю же вопросов при такой просьбе не задавалось и о ней никогда потом не упоминалось.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Откройте, – приказал Торанага. Мариико повиновалась. Вошли Судару с женой, госпожой Дзендзико, и Нага.

– Нага-сан, займите пост этажом ниже и не пускайте никого без моего приказа. Нага вышел.

– Мариико-сан, закройте дверь и садитесь сюда, – Торанага указал место недалеко от себя, спереди, лицом к остальным.

– Я приказал вам обоим прийти сюда, так как есть срочные семейные дела частного порядка, которые мы должны обсудить.

Глаза Судару невольно обратились к Мариико, потом снова к отцу. Госпожа Дзендзико не шелохнулась.

Торанага резко сказал:

– Она здесь, мой сын, по двум причинам: во-первых, я хотел, чтобы она была здесь, и, во-вторых, потому, что я хотел, чтобы она была здесь!

– Да, отец. – Судару был пристыжен невежливым поведением отца по отношению к ним ко всем. – Могу я спросить, чем я так оскорбил вас?

– А есть какие-то причины, по которым я должен оскорбиться?

– Нет, господин, – если только мое стремление обезопасить вас и мое нежелание позволить вам покинуть эту землю вызвали вашу обиду.

– А что вы скажете о заговоре? Я слышал, вы осмелились предположить, что можете занять мое место как вождь нашего города!

Лицо Судару побелело, да и у госпожи Дзендзико – тоже.

– Я никогда не делал ничего подобного – ни в мыслях, ни на словах, ни на деле. И никто из членов моей семьи, и никто другой в моем присутствии.

– Это правда, господин, – подтвердила госпожа Дзендзико. Судару, второй из пятерых оставшихся в живых сыновей Торанаги, – гордого вида худощавый мужчина двадцати четырех лет, с узкими холодными глазами и тонкими, никогда не улыбающимися губами, прекрасный воин, – обожал своих детей и, преданный жене, не имел наложниц.

Дзендзико, маленького роста женщина, на три года старше мужа, очень полная после того, как родила ему четверых детей, сохранила еще прямую спину и всю гордость своей

сестры Ошибы, беззаветную преданность семье и ту же скрытую ярость, которой был известен ее дед – Города.

– Каждый, кто обвиняет моего мужа, – лжец, – заявила она.

– Мариико-сан, – потребовал Торанага, – расскажите госпоже Города, что ваш муж приказал вам ей передать.

– Мой господин, Бунтаро, просил меня, приказал мне убедить вас вот в чем: пришло время господину Судару взять власть; другие в Совете разделяют мнение моего мужа; если господин Торанага не желает отдать власть – следует взять ее силой.

– Никогда никто из нас и в мыслях этого не держал, отец, – сказал Судару. – Мы преданы тебе, и я никогда...

– Если я передам тебе свою власть, что ты сделаешь? – спросил Торанага.

Дзендзико ответила сразу:

– Как может господин Судару знать, если никогда не думал о таком кошунстве? Извините, господин, но он не может ответить, так как ему никогда такого и в голову не приходило. Как он мог подумать об этом? А что касается Бунтаро-сана, очевидно, им овладел ками.

– Бунтаро заявил, что другие тоже разделяют его мнение.

– Кто же это? – ядовито спросил Судару. – Скажите мне – и они тут же погибнут. Кто? Знай я таких, господин, – уже сообщил бы вам.

– А вы бы не убили его сначала?

– Ваше первое правило – терпение, второе – терпение. Я всегда следовал вашим правилам. Я подождал бы и сообщил вам. Если я обидел вас, прикажите мне совершить сеппуку. Я не заслужил вашего гнева, господин, обрушившегося на меня, и мне трудно снести его, – я не участвую ни в каком заговоре.

Госпожа Дзендзико горячо поддержала мужа:

– Да, господин, пожалуйста, простите меня, но я полностью согласна с моим мужем. Он ни в чем не виноват, и все наши люди – тоже. Мы честны: что бы ни случилось, что бы вы ни приказали – мы сделаем.

– Так! Вы преданные вассалы, да? Послушные? Вы всегда выполняете мои приказы?

– Да, господин.

– Хорошо. Тогда ступайте и убейте своих детей. Сейчас. Судару отвел глаза от отца, посмотрел на жену, та слегка повела головой и кивнула, соглашаясь.

Судару поклонился Торанаге, сжал рукоятку меча и встал. Уходя, он тихонько прикрыл за собой дверь. Стояла мертвая тишина... Дзендзико взглянула на Мариико и снова опустила глаза. Колокола пробили половину часа козла. Воздух в комнатах, казалось, стал плотнее. Дождь на короткое время перестал, потом пошел снова, более сильный. Сразу после того, как колокола пробили следующий час, раздался стук в дверь.

– Да?

Это был Нага.

– Прошу простить меня, господин, мой брат... Господин Судару хочет войти еще раз.

– Впустите его – потом возвращайтесь на свой пост. Судару вошел, встал на колени и поклонился. Он был мокр, волосы от дождя слиплись, плечи слегка дрожали.

– Мои... мои дети... Вы уже забрали их, господин. Дзендзико вздрогнула и чуть не упала вперед, но поборола свою слабость и прошептала мужу побелевшими губами:

– Вы... вы не убили их?

Судару покачал головой. Торанага свирепо произнес:

– Ваши дети в моих апартаментах ниже этажом. Я приказал Чано-сан забрать их, когда вызвал вас сюда. Мне нужно было проверить вас обоях. Жестокие времена требуют жестоких мер. – Он позвонил в колокольчик.

– Вы... вы отменяете ваш... приказ, господин? – Дзендзико отчаянно пыталась сохранить холодное достоинство.

– Да. Мой приказ отменяется. На этот раз. Это было необходимо, чтобы понять вас. И

моего наследника.

– Благодарю вас, благодарю вас, господин! – Судару униженно склонил голову.

Открылась внутренняя дверь.

– Чано-сан, приведите сюда на минутку моих внуков, – распорядился Торанага.

Три скромно одетые воспитательницы и кормилица вошли с детьми: девочками, четырех, трех и двух лет, в красных кимоно, с красными лентами в волосах, и младшим сыном, – ему было всего несколько недель, он спал на руках у кормилицы. Воспитательницы стали на колени и поклонились Торанаге, их подопечные с серьезным видом скопировали эти действия и опустили головы на татами – кроме самой маленькой девочки, которой потребовалась помощь заботливой, хотя и твердой руки.

Торанага с важным видом ответил им таким же поклоном. Потом, выполнив эту скучную обязанность, дети бросились к нему в объятия – кроме самого маленького, которого взяла на руки мать.

* * *

В полночь Ябу с высокомерным видом прошествовал по двору перед главной башней замка. На постах всюду стояли самураи из отборных частей личной охраны Торанага. Луна едва светила, стоял туман, звезд почти не было видно.

– А, Нага-сан! В чем дело?

– Не знаю, господин, но всем приказано идти в зал для собраний. Прошу меня извинить, но вы должны оставить мне все свои мечи.

Ябу вспыхнул при таком неслыханном нарушении этикета, но тут же передумал, почувствовав холодную напряженность юноши и нервозность стоящей рядом охраны.

– А по чьему это приказу, Нага-сан?

– Моего отца, господин. Так что извините. Если не хотите идти на собрание – как вам угодно, но я обязан сказать, что вам приказано явиться без мечей, и, простите, вы должны так и поступить. Прошу меня простить, но я не могу иначе.

Ябу заметил, что у караульного домика, сбоку от огромных главных ворот, уже сложено много мечей. Он взвесил, насколько опасно ему отказываться, и, решив, что это неприемлемо, неохотно оставил свои мечи в общей куче. Нага вежливо поклонился, и сбитый с толку Ябу вошел в огромную комнату с окнами-амбразурами, каменным полом и деревянными перекрытиями.

Вскоре все собрались – пятьдесят старших генералов и семь дружественно настроенных дайме из мелких северных провинций. Все были встревожены и нервно ерзали на своих местах.

– О чем пойдет разговор? – мрачно спросил Ябу, заняв свое место.

Генерал пожал плечами:

– Возможно, о походе на Осаку.

Другой изучающе посмотрел по сторонам:

– Или планы изменились, а? Он собирается объявить «Малиновое...»

– Извините, но вы витаєте в облаках. Наш господин решил: он едет в Осаку, и все. А вы, Ябу-сама, когда приехали сюда?

– Вчера. Больше двух недель торчал со своими самураями в маленькой грязной деревне, Йокогаме, – чуть южнее ее. Порт прекрасный, но клопы! Ужасные москиты и клопы – в Изу таких злых сроду не было.

– Вы уже знаете новости?

– Вы имеете в виду – плохие? Выезжаем через шесть дней, да?

– Да. Ужасно! Позор!

– Конечно, но сегодня вечером – еще хуже, – мрачно сказал генерал. – От меня никогда не требовали оставлять мечи, никогда!

– Это оскорбление! – не без умысла добавил Ябу. Все посмотрели на него.

– Я тоже так думаю, – нарушил общее молчание генерал Кьесио. Серата Кьесио был седой, резкий человек, командующий Седьмой армией. – Я еще ни разу не появлялся на людях без мечей. Я похож на какого-то вонючего торговца! Я думаю... Э-э-э... приказ есть приказ, но некоторые приказы лучше бы не отдавать.

– Совершенно верно, – поддакнул кто-то. – Что бы сделал Железный Кулак, если бы он был здесь?

– Он распорол бы себе живот, прежде чем оставил свои мечи! Сделал бы это сегодня же вечером на переднем дворе! – предположил Серата Томо, молодой человек, старший сын генерала, помощник командира Четвертой армии. – Хотел бы я, чтобы здесь был Железный Кулак! Он мог бы сразу понять... он первым вскрыл бы себе живот!

– Я думал над этим, – Генерал Кьесио хрипло откашлялся. – Кто-то должен отвечать – выполнять свой долг! Кто-то должен сказать, что сюзерен – это значит ответственность и долг!

– Простите, но вам лучше придержать язык, – посоветовал Ябу.

– Какая польза в языке для самурая, если ему запрещено быть самураем?

– Никакой, – подтвердил Исаму, старый советник. – Я согласен – лучше умереть.

– Простите, Исаму-сан, но это в любом случае наше ближайшее будущее, – выразил свое мнение Серата Томо. – Мы подсадные голуби для какого-то подлого ястреба!

– Пожалуйста, придержите все же языки, – повторил Ябу, пряча свое торжество, и осторожно добавил: – Он наш сюзерен, и, пока господин Судару или Совет открыто не возьмут на себя ответственность, он останется сюзереном и мы обязаны ему повиноваться.

Генерал Кьесио посмотрел на него, невольно пытаясь нащупать рукоятку меча:

– Что вы слышали, Ябу-сама?

– Ничего.

– Бунтаро-сан сказал, что... – начал советник. Генерал Кьесио вежливо прервал его:

– Простите меня, пожалуйста, Исаму-сан, но что сказал или не сказал генерал Бунтаро – это неважно. Верно то, что говорит Ябу-сама. Сюзерен есть сюзерен. При этом у самурая есть свои права и у вассала есть своя права. Даже у дайме, не так ли?

Ябу оглянулся на него, определяя серьезность этого вызова.

– Изу – провинция господина Торанаги. Я больше не дайме Изу – только ее управляющий. – Он осмотрел огромное помещение: – Все здесь, да?

– Кроме господина Нобору, – уточнил генерал, – он имел в виду старшего сына Торанаги, которого все не любили.

– Да, так и есть. Ничего, генерал, китайская болезнь скоро прикончит его и мы навсегда распрощаемся с его грязными шутками, – заметил кто-то.

– И этой вонью.

– Когда он возвращается обратно?

– Кто знает? Мы даже не знаем, почему Торанага-сама отправил его на север. Лучше бы он оставался там.

– Если бы вы были с такой болезнью, вы бы так же плохо шутили.

– Да, Ябу-сан. Да, я бы тоже. Жаль, что он болеет сифилисом, он хороший генерал – лучше, чем Холодная Рыба, – добавил генерал Кьесио, назвав тайную кличку Судару.

– Э-э-э, – присвистнул советник. – Это дьяволы воздуха заставили вас распустить языки. Или sake?

– А может, китайская болезнь? – съязвил генерал Кьесио с горьким смехом.

– Спаси меня Будда от этого! – поостерегся Ябу. – Если бы только господин Торанага передумал насчет Осаки!

– Я бы покончил с собой, если бы его это устроило, – заявил молодой человек.

– Не обижайся, сынок, но ты витаешь в облаках. Он никогда не передумает.

– Да, отец. Но я совершенно не понимаю его...

– Мы все поедem с ним? Тем же составом? – осведомился Ябу немного погодя.

Исуми, старый советник, внес полную ясность:

– Да. Мы поедем как сопровождающие. И две тысячи человек с полным парадным снаряжением и обмундированием. Чтобы добраться туда, нам потребуется тридцать дней. Выезд через шесть дней.

– Времени немного. Не так ли, Ябу-сама? – спросил генерал Кьесио.

Ябу не ответил. В этом не было необходимости – генерал и не ждал ответа. Все примолкли и погрузились в размышления. Открылась боковая дверь, вошел Торанага, сопровождаемый Судару. Все принужденно поклонились, Торанага поклонился в ответ и сел лицом к присутствующим. Судару, как предполагаемый наследник, сел немного впереди него, также лицом к остальным. Нага вошел через главную дверь и закрыл ее.

Мечи были только у Торанаги.

– Мне сообщили, что кое-кто из вас говорит об измене, думает об измене и замышляет измену, – холодно сказал он.

Никто не ответил и не двинулся с места. Медленно, неумолимо Торанага переводил взгляд с одного на другого. Все сидели без движения. Потом генерал Кьесио заговорил:

– Могу ли я почтительно спросить у вас, господин, что имеется в виду под изменой?

– Любые сомнения в приказе, решении, позиции любого сюзерена в любое время являются изменой, – бросил ему Торанага.

Спина генерала напряглась:

– Тогда я виновен в измене.

– Тогда выйдите и совершите сеппуку – сразу же.

– Я это сделаю, господин, – гордо отвечал старый солдат, – но сначала я публично напоминаю о своем праве произнести речь перед вашими преданными вассалами, офицерами и...

– Вы лишаетесь всех прав!

– Очень хорошо. Тогда я, как хатамото, заявляю о своей воле умирающего – за мной двадцать восемь лет безупречной службы!

– Говорите, но покороче.

– Я скажу, господин. – В голосе генерала Кьесио звучал холод. – Прошу разрешения заявить следующее. Первое: поездка в Осаку на поклон к этому крестьянину Ишидо – измена вашей чести, чести вашего клана, чести ваших преданных вассалов, вашей традиции и вообще Бусидо. Второе: я обвиняю вас в этой измене и утверждаю, что вы в связи с этим лишаетесь права быть нашим сюзереном. Третье: я заявляю, что вы должны немедленно отречься в пользу господина Судару и достойно уйти из этой жизни – или побрить голову и удалиться в монастырь, это как вам будет угодно. – Генерал чопорно поклонился и снова сел на землю.

Все ждали почти не дыша, поняв, что невероятное вдруг стало реальностью. Торанага резко бросил:

– Так чего вы ждете?

Генерал Кьесио внимательно посмотрел на него.

– Ничего, господин. Прошу извинить меня. Его сын собрался было встать.

– Нет! Я приказываю вам оставаться здесь! – отчеканил генерал. Он последний раз поклонился Торанаге, встал и с большим достоинством покинул зал. Многие нервно задвигались, но всеобщее волнение и шум снова были перекрыты хриплым голосом Торанаги:

– Есть кто-нибудь еще, кто считает, что есть измена? Кто осмеливается нарушить Бусидо? Кто решается обвинять сюзерена в измене?

– Прошу простить меня, господин. – Исуми, старый советник, произнес это совершенно спокойно. – Но я вынужден сказать, что, если вы собираетесь в Осаку, – это измена вашим предкам.

– В тот день, когда я поеду в Осаку, вы покинете эту землю.

Седой человек вежливо поклонился:

– Да, господин.

Торанага безжалостно оглядел всех присутствующих. Кое-кто неловко заерзал под его взглядом и поднял на него глаза. Самурай, который много лет назад утратил желание воевать, обрил голову, пошел в монахи-буддисты и теперь был членом гражданской администрации Торанаги, безмолвствовал, во власти страха, который он отчаянно пытался скрыть.

– Чего вы боитесь, Нумата-сан?

– Ничего, господин. – Тот опустил глаза.

– Хорошо. Тогда пойдите и совершите сеппуку: вы – лжец, и ваш страх отравляет здесь воздух.

Нумата всхлипнул и спотыкаясь побрел к дверям. Ужас охватил присутствующих. Торанага смотрел и ждал. Воздух стал плотным, слабое потрескивание факелов в наступившей тишине казалось неестественно резким. Судару повернулся к отцу и поклонился – он знал, что это его долг, что на нем лежит ответственность.

– Пожалуйста, господин, можно мне почтительно сделать заявление?

– Какое заявление?

– Господин, я считаю, что нет... что здесь больше нет изменников и что больше не будет из...

– Я не разделяю вашего мнения.

– Пожалуйста, простите меня, господин, вы знаете, я повинуюсь вам. Мы все повинемся вам. Мы стремимся только к лучшему.

– Лучшее – это мое решение. Что я решу, то и есть самое лучшее.

Судару беспомощно поклонился в знак согласия и умолк. Торанага, казалось, забыл о нем, его речь, как и его взгляд, была непреклонна:

– Вы больше не будете моим наследником.

Судару побледнел. Торанага ослабил напряжение, повисшее над залом, словами:

– Я здесь сюзерен, – Он выждал минуту, затем в полной тишине встал и с надменным видом покинул место собрания, – дверь за ним закрылась. Все беспомощно пытались нащупать рукоятку меча... но никто не покинул своего места.

– Сегодня... сегодня утром я слышал от нашего главнокомандующего, – заговорил наконец Судару, – что господин Хиро-Мацу будет здесь через несколько дней. Я хочу... я буду говорить с ним. Молчите, терпите, будьте лояльны к нашему сюзерену. А сейчас давайте пойдем и отдадим последние почести генералу Серата Кьесио...

Торанага поднимался по лестнице... Одиночество поглотило его... На самом верху он остановился и на мгновение облокотился о стену, тяжело дыша. Боль охватила его грудь, он пытался растереть ее, чтобы хоть немножко ослабить.

– Это только нехватка физических упражнений, – пробормотал он, – только слабость, вот и все.

Отдохнув, он тронулся дальше.

Он ясно и безжалостно сознавал: опасность велика. Измена и страх заразительны, и то и другое следует выжигать без всякой жалости в тот самый момент, когда они появляются. И все равно ты не можешь быть уверен, что они искоренены. Да, борьба, в которую он ввязался, не детская игра. Слабый – пища для сильного, сильный – добыча для очень сильного. Если бы Судару публично заявил, что берет на себя всю власть, он, Торанага, был бы бессилён что-либо сделать. Пока не ответит Затаки, ему остается только ждать.

Он закрыл и запер дверь и подошел к окну: внизу его генералы и советники расходились по домам. Город за стенами крепости лежал почти в полной темноте, луна едва проглядывала сквозь облака и туман, ночь была спокойная, почти без звуков. Ему казалось, что с небес на него опускается его судьба.

Глава Пятидесятая

Блэксорн в одиночестве сидел под утренним солнцем – здесь, в углу сада перед своим

домиком, он отдыхал после обеда со словарем в руках. Был прекрасный, безоблачный день – первый за много недель, – и пятый день с тех пор, как он последний раз видел Торанагу. Все это время он провел в стенах замка, не имея возможности увидеть Марику или навестить свой корабль или команду, посмотреть город, поохотиться, проехаться на лошади. Раз в день он плавал в одном из крепостных рвов с другими самураями и проводил время, обучая их плаванию и нырянию.

Но ожидание от этого не становилось легче.

– Простите, Анджин-сан, но сейчас у всех то же самое, – успокоила его Марику вчера, когда он случайно встретил ее в замке. – Даже господин Хиро-Мацу должен ждать – он приехал и все еще не может увидеться с господином Торанагой. Никто не может его увидеть.

– Но это важно, Марику-сан. Я думал, он понимает, что важен каждый день. А ему нельзя послать письмо?

– О да, Анджин-сан, это просто. Вы только напишите. Если вы скажете мне, что вы хотите передать, я напишу для вас. Все должны писать ему, если хотят получить аудиенцию, – так он теперь требует. Пожалуйста, потерпите – это все, что остается.

– Тогда, пожалуйста, попросите его о встрече. Я буду признателен...

– Не беспокойтесь, я сделаю это с удовольствием.

– Где вы сейчас? Уже четыре дня, как я вас не видел.

– Пожалуйста, извините меня, но я должна столько всего сделать. Это... Это мне трудновато, так много приготовлений...

– Что происходит? Весь этот замок вот уже целую неделю словно потревоженный улей

– Ох, простите, все прекрасно, Анджин-сан.

– Да? Извините, но генерал и главный управляющий совершили сеппуку во дворе перед главной башней. Это нормально? Господин Торанага замкнулся в башне из слоновой кости, заставляя всех ждать его без видимых причин, – это тоже обычно? А что с господином Хиро-Мацу?

– Господин Торанага – наш повелитель. Что он ни делает, все правильно.

– А вы, Марику-сан? Почему я не вижу вас?

– Прошу извинить меня, но господин Торанага приказал мне предоставить вас вашим занятиям. Я сегодня навещу вашу наложницу, Анджин-сан, – я не собираюсь навещать вас.

– Почему он возражает против этого?

– По одной причине, мне кажется: чтобы вам приходилось говорить только на нашем языке. Это продлится всего несколько дней, не так ли?

– Когда вы поедете в Осаку?

– Не знаю. Я думала выехать три дня назад, но господин Торанага еще не подписал мой пропуск. Я уже договорилась о носильщиках и лошадях, и ежедневно отдаю мои путевые документы на подпись секретарю, но они всегда возвращаются обратно: «Принесите завтра».

– Думаю, что я поеду в Осаку морем. Он не говорил, чтобы я взял вас с собой?

– Да-да, говорил, но... ну, вы же знаете, Анджин-сан, с нашим сюзереном никогда не знаешь ничего заранее. Он меняет свои планы.

– Он всегда был такой?

– И да и нет. С поездки в Ёкосе он охвачен... как бы это сказать... меланхолией, да? Да, меланхолией. И стал совсем другим. Да, он теперь другой.

– С тех пор как мы пересекли Первый Мост, вы тоже во власти меланхолии и совсем другая. Я вижу – вы теперь совсем другая.

– Первый Мост был конец и начало, Анджин-сан, и наше обещание. Да?

– Да. Пожалуйста, извините меня.

Она печально поклонилась и ушла, а потом, отойдя на безопасное расстояние, не поворачиваясь прошептала: «Ты...» Это слово задержалось в коридоре вместе с запахом ее духов...

За вечерней едой Блэксорн пытался допросить Фудзико. Но она также не знала ничего интересного или не могла, не хотела объяснить ему, что творится в крепости.

– Дозо гомен насаи, Анджин-сан.

Спать он отправился раздраженным: его не устраивала эта отсрочка, он не мог проводить ночи с Мариико. Всегда очень обидно сознавать, что она рядом, что Бунтаро уехал из города... А сейчас это «ты...» говорило и о ее желании, таком же сильным, как и у него. Несколько дней назад он отправился к ее дому под предлогом, что ему нужно помочь с японским. Самурай из охраны выразил сожаление: Мариико-сан нет дома. Он поблагодарил и вяло побрел к главным южным воротам – отсюда он мог видеть океан. Но земля была такая плоская, что не удалось разглядеть ни верфей, ни доков, хотя, казалось ему, он различал вдалеке высокие мачты своего судна...

Океан притягивал его... Величавая вода, дальний горизонт, таинственная глубина... Так хотелось вновь почувствовать: попутный ветер обвеивает голову, глаза щурятся от ветра, а язык ощущает вкус соли, кренится под ногами палуба... Рангоут, такелаж и гардели потрескивают и стонут под давлением парусов, а их треплет крепкий бриз, когда меняет направление... И свобода... Это куда важнее всего остального. Свобода идти куда хочешь при любой погоде и при первом желании... Свобода стоять на юте и быть судьей, как здесь единственный судья – Торанага...

Блэксорн взглянул на верхушку замковой башни: солнце отражалось в причудливо изогнутых черепицах крыши. Он не заметил там никакого движения, хотя и знал, что каждое окно ниже самого верхнего этажа тщательно охраняется. Колокола пробили, отмерив очередной час. Сначала он подумал, что это середина часа лошади, а не восемь ударов этого часа – времени высокой луны. Он засунул словарь в рукав, радуясь, что наступило время первой настоящей еды. Сегодня это был рис со слегка поджаренными креветками, рыбный суп и маринованные овощи.

– Не хотите ли еще, Анджин-сан?

– Спасибо, Фудзико. Да, пожалуйста, рису. И немного рыбы. Хорошо, очень... – Он поискал слово «превосходно» и произнес его несколько раз, чтобы запомнить: – Да, превосходно, превосходно.

Фудзико была обрадована:

– Спасибо. Эта рыба – с севера. На севере вода холоднее, понимаете? Она называется курима-эби.

Он повторил название и постарался удержать его в памяти. Когда он кончил есть, она налила чаю и вынула из рукава сверток.

– Здесь деньги, Анджин-сан. – Она показала ему золотые монеты, – Пятьдесят кобанов. Стоимостью сто пятьдесят коку. Они вам не потребуются? На моряков. Простите, вы меня понимаете?

– Да, спасибо.

– Пожалуйста. Достаточно?

– Да, думаю, что да. Где вы их взяли?

– Главный... у Торанаги-сама... – Фудзико пыталась найти способ объяснить проще. – Я пошла к важному человеку у Торанаги-сама. Главному. Как Мура, понимаете? Не самураю – просто кассиру. Расписалась за вас.

– Ах, понятно. Спасибо. Мои деньги? Мои коку?

– О, да.

– Этот дом, еда, слуги... Кто платит?

– О, я плачу. Из ваших... из ваших коку за один год.

– А этого достаточно? Достаточно коку?

– О, да. Да, думаю, что хватит, – сказала она.

– А почему беспокойство? Вы выглядите обеспокоенной.

– О, прошу меня простить, Анджин-сан. Я не обеспокоена. Не беспокоюсь...

– Болит? Ожоги?

– Не болит. Смотрите... – Фудзико осторожно встала с толстой подушки, которую приказал принести для нее Блэксорн. Она встала на колени прямо на татами, не выказывая

никакого неудобства, потом опять опустилась на пятки и устроилась на подушке поудобнее. – Вот, все хорошо.

– Э-э-э, очень хорошо, – порадовался он за нее, – покажите-ка, ну?

Она осторожно встала и подняла край юбки, показав ему ноги сзади: рубцовая ткань не лопалась, нагноений не было.

– Очень хорошо, скоро будет похоже на кожу новорожденного, правда?

– Спасибо, да. Мягкая. Благодарю вас, Анджин-сан.

Он обратил внимание, что ее голос слегка изменился, но ничего не сказал. Этой ночью он не отпустил ее... Она была ничего себе – не более того. У него не осталось приятных воспоминаний, радостной усталости... «Так плохо, – подумал он, – но все-таки не совсем плохо...»

Прежде чем уйти, она стала на колени и поклонилась, потом положила руки ему на лоб.

– Я благодарю вас от всей души. А теперь, пожалуйста, усните, Анджин-сан.

– Спасибо, Фудзико-сая. Я посплю позже.

– Пожалуйста, усните сейчас. Это мой долг и доставит мне большую радость.

Прикосновение ее руки было теплым и сухим и не доставило ему никакого удовольствия. Тем не менее он сделал вид, что заснул. Она ласкала его неумело, хотя и с большим терпением, потом тихонько ушла в свою комнату. Оставшись один и радуясь этому, Блэксорн подпер голову руками и лежал так, глядя в темноту и вспоминая...

Вопрос о Фудзико он обсуждал с Марико во время путешествия из Ёкосе в Эдо.

– Это ваш долг, – сказала ему Марико, лежа в его объятиях.

– Я думаю, это было бы неправильно, да? Если у нее родится ребенок, а я поплыву домой и вернусь обратно через четыре года. Бог знает, что может случиться за это время. – Он помнил, как вздрогнула при этом Марико.

– Ох, Анджин-сан, это так долго.

– Ну, три года. Но вы поедете со мной. Я возьму вас с собой.

– Ты обещаешь, милый? Ничего такого не произойдет, правда?

– Ты права. Но с Фудзико может произойти столько неприятностей. Я не думаю, чтобы она хотела от меня ребенка.

– Вы этого не знаете. Я не понимаю вас, Анджин-сан. Это ваш долг. Она всегда может не доводить до ребенка, правда? Не забывайте – она ваша наложница. Вы поистине опозоритесь, если не будете спать с ней. В конце концов, Торанага лично приказал ей прийти в ваш дом.

– Почему он сделал это?

– Я не знаю. Неважно. Он приказал – значит, и для нее и для вас это самое лучшее. Это хорошо, правда? Она выполняет свой долг как может лучше. Прошу меня извинить, вам не кажется, что и вам следует выполнить свой?

– Хватит читать лекции. Любите меня и не разговаривайте.

– Как мне любить тебя? Ах, как мне сегодня объясняла Кику-сан?

– Как это?

– Вот так...

– Это очень хорошо, даже очень хорошо...

– Ох, я забыла, пожалуйста, зажги лампу, Анджин-сан. Я хочу кое-что показать тебе.

– Потом, сейчас я...

– Ох, пожалуйста, извините меня, это надо сейчас... Я купила для вас... Это книга о сексе... Картинки очень смешные...

– Я не хочу сейчас смотреть эту книгу...

– Простите меня, Анджин-сан, но, может быть, одна из этих картинок возбудит вас... Как можно научиться сексу без книги по этому делу?

– Я уже возбужден...

– Но Кику-сан сказала, что это первый и самый лучший способ выбора позы. Их всего сорок семь. Некоторые из них кажутся удивительными и очень трудными, но она сказала,

что важно попробовать все... Почему вы смеетесь?

– Вы смеетесь – почему бы мне тоже не посмеяться?

– Но я смеюсь потому, что вы хихикаете и я чувствую, как трясется ваш желудок, а вы не даете мне встать... Пожалуйста, позвольте мне встать, Анджин-сан!

– Ах, но вы не сможете так сесть, Марико, моя любимая. Нет такой женщины в мире, которая могла бы так сесть.

– Но Анджин-сан, пожалуйста, вы должны дать мне встать... Я хочу показать вам...

– Хорошо. Но если это...

– Ох, нет, Анджин-сан, я не хотела... вы не должны... вы не можете просто оставить меня... пожалуйста, пока не надо... ох, пожалуйста, не оставляй меня... ох, как я люблю тебя так...

Блэксорн вспомнил, что Марико во время любви возбуждала его больше, чем Кику, а Фудзико не с кем было и сравнивать. А Фелисите?.. «Ах, Фелисите, – подумал он, сосредоточившись на этой мысли, – Я должен был сойти с ума, чтобы любить Марико и Кику... И все-таки, если говорить честно, она не может сравниться даже с Фудзико... Фудзико была чистой... Бедная Фелисите... Я никогда не смогу рассказать ей, но у меня мурашки по спине, когда вспоминаю о нас... как мы совокуплялись, словно пара горностаев, в сене или под грязными одеялами... Теперь я многое знаю лучше... Теперь я могу научить ее... Но захочет ли она учиться? И как мы сможем стать такими чистыми, оставаться чистыми и жить чистыми? Мой дом – это грязь на грязи, но там моя жена и мои дети и я им принадлежу».

– Не думай о том доме, Анджин-сан, – прошептала Марико сразу же, как только над ним опустились сумерки воспоминаний, – настоящий дом здесь, другой далеко... Реальность здесь... Ты сойдешь с ума, если будешь искать «ва» в таком невозможном положении. Слушайте, если вы хотите мира, вы должны научиться пить чай из пустой чашки, – Она показала ему как, – Вы думаете, что в чашке реальность, вы думаете, что там чай – бледно-зеленый напиток богов. Если вы предельно сконцентрируетесь... О, учителя дзен могут вам это показать, Анджин-сан. Это самое трудное, но это и так легко. Как бы мне хотелось достаточно искусно показать вам это – тогда все в мире может быть вашим, что бы ни попросить... даже самые недостижимые дары... такие, как совершенное спокойствие.

Он пробовал много раз, но никогда не мог потянуть жидкость, если ее там не было.

– Ничего, Анджин-сан. Потребуется очень много времени, чтобы мучиться, но когда-нибудь вы сможете.

– А вы можете?

– Редко. Только в моменты печали или одиночества. Но вкус несуществующего чая, кажется, придает смысл жизни. Это трудно объяснить. У меня получалось раз или два. Иногда вы достигаете «а» с одной попытки.

Сейчас, лежа в темноте замка совсем без сна, он зажег свечу и сосредоточился на маленькой фарфоровой чашке, которую дала ему Марико и которую он теперь все время держал у своей постели. Он пробовал целый час, но так и не смог очистить голову. Неизменно одна за другой начинали появляться все те же мысли: «Я хочу уехать... хочу остаться... Я ненавижу и то и другое... стремлюсь и к тому и к другому. А как живут эта... Если бы дело касалось меня одного, я бы не уехал... пока бы не уехал... Но здесь замешаны и другие, а они не эта и я дал обещание, я кормчий: «Перед лицом Господа нашего я обещаю вести корабли и с Божьей милостью привести их обратно». Я хочу Марико... Я хочу увидеть земли, которые мне дал Торанага... Мне нужно остаться здесь и насладиться плодами моего везения еще некоторое время... Да, но есть еще долг и он превышает всего...»

На рассвете Блэксорн знал, что, хотя он и делает вид, что снова отложил решение, на самом деле он решил. Окончательно.

– Помоги мне Бог – раз и навсегда я все же кормчий!

* * *

Торанага развернул маленький обрывок бумаги, который прибыл через два часа после рассвета. Послание от его матери было очень простым: «Ваш брат согласен, мой сын. Его письмо с подтверждением будет выслано сегодня с гонцом. Официальный визит господина Судару и его семейства должен начаться в течение десяти дней».

Торанага сел, – он как-то сразу вдруг ослаб. Голуби вспархивали со своих насестов, потом снова усаживались. На голубятню проникало ласковое утреннее солнышко, хотя дождевые облака снова пригоняло ветерком... Собрав все свои силы, он заторопился вниз по ступенькам в свои апартаменты.

– Нага-сан!

– Да, отец?

– Пошли за Хиро-Мацу. После него приведи моего секретаря.

– Да, отец.

Старый генерал пришел сразу же. Суставы его скрипели от такого карабканья по лестнице. Он низко поклонился, как всегда, держа меч в руках. Лицо его казалось свирепее, старше и решительнее, чем когда-либо.

– Добро пожаловать, старый дружище!

– Спасибо, господин. – Хиро-Мацу поднял на него глаза. – Я опечален, увидев на вашем лице все заботы мира.

– И я опечален, увидев и услышав о стольких заговорах против меня.

– Да, измена – ужасная вещь.

Торанага заметил, как рассматривают его непримиримые глаза старика.

– Вы можете говорить свободно, друг мой.

– Вы знали, что я здесь? – Старик был мрачен.

– Прошу простить, что заставил вас ждать.

– Извините, что я беспокою вас. Чему вы радуетесь, господин? Пожалуйста, сообщите мне свое решение о будущем вашего дома. Это окончательное решение – ехать в Осаку, склониться перед этой навозной кучей?

– А вы знаете какое-нибудь мое окончательное решение по какому-нибудь вопросу?

Хиро-Мацу нахмурился, потом осторожно выпрямил спину, чтобы облегчить боль в плечах.

– Я всегда знал, что вы терпеливы и решительны и всегда выигрываете. Вот поэтому я и не могу понять вас сейчас. Непохоже, чтобы вы сдались.

– Разве судьба государства не важнее моего будущего?

– Нет.

– Ишидо и другие регенты все еще официальные правители страны, согласно завещанию Тайко?

– Я вассал Ёси Торанаги-нох-Миновара и не признаю никого больше.

– Хорошо. Послезавтра – день, выбранный мною для выезда в Осаку.

– Да, я слышал это.

– Вы будете командовать эскортом, Бунтаро – ваш помощник.

Старый генерал вздохнул.

– Я тоже знаю это, господин. Но с тех пор, как я вернулся сюда, господин, я поговорил со старшими советниками и генералами.

– Да, ну и каково же их мнение?

– Что вам не следует оставлять Эдо. Что ваши приказы необходимо временно отменить.

– Кому?

– Мне. Моими приказами.

– Это то, чего они хотят? Или это то, что вы решили?

Хиро-Мацу положил меч на пол, поближе к Торанаге, и, оставшись беззащитным, прямо посмотрел на него.

– Пожалуйста, извините меня, господин, я хотел спросить вас, что мне следует делать.

Мой долг, казалось бы, говорит мне, что мне следует взять на себя командование и не допустить вашего отъезда. Это вынудит Ишидо сразу же двинуться на нас. Мы, конечно же, проиграем, но это, видимо, единственный достойный путь.

– Но глупый, правда?

Серо-стальные брови генерала нахмурились.

– Нет. Мы умрем в бою, с почетом. Мы выиграем «ва». Кванто проиграет войну, но у нас в этой жизни не будет другого хозяина. Сигата га нам.

– Я никогда не радовался, бессмысленно губя своих людей. Я никогда не проиграл ни одной битвы и не вижу причины, почему мне надо начинать это теперь.

– Потерпеть поражение в бою не позор, господин. Разве сдаться лучше?

– Вы все сошлись в этом сговоре?

– Господин, прошу меня извинить, я разговаривал только с отдельными людьми и только с военной точки зрения. Нет никакой измены или сговора.

– И все-таки вы прислушивались к заговорщикам.

– Прошу меня извинить, но, если я соглашусь как ваш главнокомандующий, – тогда это уже не будет изменой, а станет законной государственной политикой.

– Принимать решения без вашего сюзерена – измена.

– Господин, известно много случаев свержения сюзерена. Это делали вы, Города, Тайко – мы все делали вещи и похуже. Победитель никогда не считается преступником.

– Вы решили свергнуть меня?

– Я прошу вас помочь мне в этом решении.

– Вы единственный человек, которому, я думал, можно доверять!

– Клянусь всеми богами, я просто хотел быть вашим самым преданным вассалом. Я только солдат и хотел бы выполнить свой долг перед вами. Я думаю только о вас. Я заслужил ваше доверие. Если это вам поможет – возьмите мою жизнь. Если это склонит вас к бою – я с радостью отдам мою жизнь, жизнь моего рода, сегодня, при всех, или наедине, или как вы пожелаете, – разве не так поступил наш друг генерал Кьесио? Простите, но я не понимаю, почему мне следует позволить вам одним махом отбросить всю жизнь.

– Так вы отказываетесь выполнять мои приказы и возглавить эскорт, который послезавтра отправится в Осаку?

Облако закрыло солнце, и оба они выглянули в окна.

– Скоро опять будет дождь, – предположил Торанага.

– Да, в этом году слишком много дождей. Дожди должны скоро прекратиться, или весь урожай погибнет. Они посмотрели друг на друга.

– Ну?

Железный Кулак спокойно произнес:

– Я официально прошу вас, господин, отдать мне приказ сопровождать вас послезавтра в поход на Осаку.

– Поскольку это противоречит мнению всех моих советников, я принимаю их и ваш совет и откладываю свой выезд.

Хиро-Мацу был совсем не готов к этому.

– Так вы не уезжаете, господин?

Торанага засмеялся. Теперь можно сбросить маску, – он снова стал прежним Торанагой:

– Я никогда и не собирался ехать в Осаку. Почему я должен быть таким глупым?

– Что?

– Мое соглашение в Ёкосе ни что иное, как уловка, чтобы выиграть время, – дружелюбно объяснил Торанага. – Этот дурак Ишидо клюнул на приманку: он ожидает меня в Осаке через несколько недель. Заглотнул ее и Затаки. И вы, и мои храбрые недоверчивые вассалы – все кинулись на нее. Без всяких серьезных усилий я выиграл время – целый месяц, – поверг Ишидо и его грязных союзников в смятение. Я слышал, они уже передрались между собой за Кванто. Его обещали и Кийяме, и Затаки...

– Вы не собирались ехать в Осаку? – Хиро-Мацу покачал головой. По мере того как очевидность этой идеи стала доходить до него, он расплылся в довольной улыбке. – Это все просто хитрый ход?

– Конечно. Поймите, все должны были попасться на эту хитрость! Затаки, все, даже вы! Иначе шпионы донесли бы Ишидо, он сразу выступил бы против нас – и никто, ни на земле, ни на небесах, никакие боги не предотвратили бы мою гибель.

– Это верно... Ах, господин, простите меня. Я так глуп. Я заслуживаю того, чтобы мне отрубили голову! Так все это вздор, всегдашний вздор... Но... но что же с генералом Кьесио?

– Он сказал, что виновен в измене. Мне не нужны генералы-изменники, – мне нужны послушные вассалы.

– Но почему такие нападки на господина Судару? Почему вы лишили его всех ваших милостей?

– Потому что мне так хотелось, – хрипло выговорил Торанага.

– Да. Прошу меня извинить. Это ваше право. Простите, что я так засомневался в вас.

– Почему я должен прощать вас за то, что вы были самим собой, старина? Вы мне нужны, чтобы делать то, что вы делаете, и говорить то, что вы сказали. Сейчас вы мне нужны более чем когда-либо. Я должен иметь кого-нибудь, кому я могу доверять. Вот поэтому я выбрал вас в доверенные лица. Это должно остаться тайной между нами.

– О господин, вы осчастливили меня...

– Да, – перебил его Торанага, – это единственное, чего я боюсь.

– Простите, господин?

– Вы главнокомандующий. Вы один можете нейтрализовать этих глупых, недоумевающих мятежников, пока я жду. Я доверяю вам, и я должен доверять вам. Мой сын не может держать моих генералов в узде, хотя и никогда не выдал бы своей радости, знай он эту тайну. Если бы он знал ее... Но ваше лицо – ворота вашей души, старый дружище.

– Тогда возьмите мою жизнь, дайте только мне разобраться с генералами.

– Это не поможет. Вы должны держать их вместе все время до моего предполагаемого отъезда. Вы должны следить за своим лицом и сном, как никогда. Вы один во всем мире, кто знает! Вы единственный, кому я должен доверять!

– Простите мне мою глупость. Я не уловил. Объясните мне, что я должен делать.

– Скажите моим генералам правду: что вы убедили меня послушаться вашего совета, – ведь это и их совет? Я официально прикажу отложить мой отъезд на семь дней. Потом я отложу его снова. На этот раз – из-за болезни. Вы один знаете это.

– Потом? Потом будет «Малиновое небо»?

– Не так, как планировалось сначала. «Малиновое небо» всегда остается на самый крайний случай.

– Да. А что с мушкетным полком? Может он прорваться через горы?

– Часть пути преодолеет. Но не весь путь до Киото.

– Убейте Затаки.

– Может быть, и придется. Но Ишидо и его союзники все еще непобедимы. – Торанага рассказал об аргументах Оми, Ябу, Игураши и Бунтаро в день землетрясения. – В тот раз я приказал объявить «Малиновое небо» просто как еще один финт, чтобы ввести в заблуждение Ишидо... а также позаботился передать определенную часть наших разговоров тем, кому они не предназначались. Но войско Ишидо все еще непобедимо.

– Как же нам расколоть их? Что с Кийямой и Оноши?

– Эти двое непреклонно настроены против меня. И все христиане против меня – кроме моего христианина, и я скоро смогу очень хорошо использовать его и его корабль. Больше всего мне нужно время. У меня есть союзники и тайные друзья по всей империи, и если у меня будет время... Каждый день я выигрываю, а Ишидо слабеет. Таков мой военный план. Каждый день отсрочки очень важен. Послушайте, после дождей Ишидо выступит против Кванто – одновременный удар с двух сторон – Икаю Джикья нацелится на юг, Затаки – на

север. Мы задержим Джикью в Мисиме, потом отбросим к перевалу Хаконе и Одаваре, где у нас будет последняя стоянка. На севере мы будем держать Затаки в горах вдоль дороги Хосокайдо, где-то около Микавы. Игураши и Оми верно сказали: «Мы можем отбить первое наступление, но другого большого наступления не должно быть. Мы воюем и ждем их за южными горами. Мы воюем, тянем время и ждем, а потом, когда созреет урожай для жатвы, – «Малиновое небо».

– Эх, скорее бы наступил этот дань!

– Послушайте, старый дружище, только вы сможете держать моих генералов в узде. Со временем, когда Кванто будет в безопасности, полностью в безопасности, – мы сможем выдержать первое наступление и тогда союзники Ишидо начнут отходить от него. Когда это случится, будущее Яэмона гарантировано и завещание Тайко останется неизменным.

– Вы не возьмете единоличную власть, господин?

– Говорю вам в последний раз: закон может быть выше причины, но повод никогда не должен быть выше закона, или все наше общество расплывется, как старый татами. Закон может использоваться для отвода причины, причина не должна отвергать закон. Завещание Тайко – это закон.

Хиро-Мацу поклонился в знак согласия.

– Очень хорошо, господин. Больше я никогда не позволю себе упомянуть об этом. Прошу меня извинить. Сейчас... – он позволил себе улыбнуться, – как мне вести себя сейчас?

– Сделать вид, что вам удалось убедить меня отложить отъезд. Просто держите их в вашем железном кулаке.

– Сколько времени я должен притворяться?

– Этого я не знаю.

– Я не доверяю себе, господин. Могу ошибиться, сам того не желая. Думаю, что смогу поддерживать на своем лице радостное выражение несколько дней. С вашего разрешения, мои «боли» станут столь сильными, что я буду вынужден полежать в постели – и без посещений, да?

– Хорошо. Сделаете так через четыре дня. Пусть боли начнутся уже сегодня. Это будет нетрудно?

– Нет, господин. Простите. Я рад, что битва будет в этом году. В следующем... возможно, я уже не в силах буду вам помочь.

– Ерунда. Но она будет в этом году независимо от того, хочу я этого или нет. Через шестнадцать дней я уеду из Эдо в Осаку. К этому времени вы дадите ваше «вынужденное согласие» и возглавите движение. Только вы и я знаем, что будут еще отсрочки и задолго до того, как мы достигнем наших границ, я вернусь в Эдо.

– Пожалуйста, простите мои сомнения в вас. Если бы я не должен был помогать вашим планам, я не смог бы жить, с моим стыдом.

– Не стоит стыдиться, старина. Если бы вы не были так уверены в этом, Ишидо и Затаки разгадали бы этот трюк. О, кстати, как Бунтаро-сан, когда вы видели его?

– Злой, господин. Хорошо, что ему предстоит участвовать в битве.

– Он не предлагал сместить меня как вашего сюзерена?

– Если бы он сказал это мне, я «сместил» бы его голову! Тут же!

– Я вызову вас через три дня. Запрашивайте меня о встрече ежедневно, но я пока буду отказывать.

– Да, господин. – Старый генерал униженно поклонился. – Пожалуйста, простите старого дурака. Вы снова дали мне цель в жизни. Благодарю вас. – Он вышел.

Торанага вынул из рукава маленький клочок бумаги и с огромным удовлетворением перечитал письмо матери. При возможности прохода на севере – если там предадут Ишидо – положение его значительно улучшалось. Бумага изогнулась и превратилась в пепел. Довольный, он растер пепел в пыль. «Так кого же теперь сделать главнокомандующим?» – спросил он себя.

* * *

В полдень Марико прошла через передний двор главной башни замка, через ряды безмолвных часовых и вступила внутрь башни. Секретарь Торанаги ждал ее в одной из приемных на первом этаже.

– Сожалею, что пришлось послать за вами, госпожа Тода, – вяло сказал он.

– Я только рада, Каванаби-сан.

Каванаби, пожилой самурай с бритой головой и резкими чертами лица, был когда-то буддийским священником. Уже много лет он вел всю корреспонденцию Торанаги. Обычно веселый и оживленный, сегодня он, как и большинство людей в замке, был сильно не в своей тарелке. Он протянул ей небольшой бумажный свиток:

– Здесь ваши проездные документы на поездку в Осаку, все правильно оформлено. Вы должны выехать завтра и прибыть туда как можно скорее.

– Благодарю вас. – Голос Марико звучал необычно тихо.

– Господин Торанага говорит, что у него могут быть личные письма, которые вы должны передать госпоже Киритсубо и госпоже Кото. А также господину генералу Ишидо и госпоже Ошибе. Их передадут вам завтра на рассвете, если... простите, если они будут готовы, я прослежу, чтобы вам их передали.

– Благодарю вас.

Из множества свитков, аккуратно разложенных на низком столике, Каванаби выбрал официальный документ.

– Мне приказано передать вам это. Это об увеличении владений вашего сына, как обещал господин Торанага. Десять тысяч коку в год. Он датирован последним днем последнего месяца и... ну, вот он.

Марико взяла, прочитала и проверила официальные печати – все в порядке. Но это не принесло ей счастья. Оба считали, что это просто бумага. Если ее сыну сохранят жизнь, он станет просто ронином.

– Спасибо. Пожалуйста, поблагодарите господина Торанагу за честь, оказанную нам. Мне не разрешат повидаться с ним до отъезда?

– О да. Отсюда вас просили пойти на корабль чужеземцев. Вам приказано ждать его там.

– Я... я буду переводить?

– Господин Торанага не сказал. Думаю, что да, госпожа Тода. – Секретарь покосился на список, который держал в руке, – Капитан Ёсинака получил приказ командовать эскортом по дороге в Осаку, если это вас устроит.

– Почту за честь снова быть на его попечении. Спасибо. Могу я узнать, как чувствует себя господин Торанага?

– Видимо, достаточно хорошо, но для такого активного человека, как он, запереться на столько дней... Что я могу сказать? – Он беспомощно раскинул руки. – Простите. По крайней мере он виделся с господином Хиро-Мацу и согласился отложить выезд. Он согласился также заняться некоторыми другими делами... цены на рис должны быть сейчас стабилизированы – на случай плохого урожая... Но дел так много... Это непохоже на него, госпожа Тода. Времена плохие, правда? И ужасные прогнозы: предсказатели говорят, что в этом году погибнет урожай.

– Я им не верю – пока не придет время уборки урожая.

– Мудро, очень мудро. Но немногие из нас доживут до времени уборки урожая. Я еду с ним в Осаку. – Каванаби вздрогнул и нервно подался вперед. – Я слышал, что между Киото и Осакой опять началась эпидемия – оспа. Это еще один знак того, что боги отворачиваются от нас.

– Непохоже, чтобы вы верили небесным предзнаменованиям, Каванаби-сан, или полагались на слухи. Вы знаете, что господин Торанага думает об этом.

– Знаю, простите. Но, ну... никто не кажется нормальным в эти дни, не так ли?

– Может быть, слухи неверны – я молюсь, чтобы это была неправда. – Она отбросила все свои предчувствия. – Есть какие-нибудь новые сведения о времени отъезда?

– Как я понял, господин Хиро-Мацу говорит об отсрочке на семь дней. Я так рад, что вернулся наш главнокомандующий и убедил... По мне, лучше, этот выезд был бы отложен навсегда. Лучше сражаться здесь, чем с позором погибнуть там.

– Да, – согласилась она, зная, что не было никакого смысла притворяться дальше, что ни у кого в голове не роятся эти предчувствия, – сейчас, когда вернулся господин Хиро-Мацу, наш господин, наверное, поймет, что сдать – не самый лучший выход.

– Госпожа, только для вас. Господин Хиро-Мацу... – Он остановился, поднял глаза и изобразил на лице улыбку – в комнату входил Ябу. – Ах, господин Касиги Ябу, как приятно вас видеть. – Он поклонился, поклонилась и Марико, последовал обмен любезностями, потом Каванаби сказал: – Господин Торанага ждет вас, господин. Прошу вас сразу же идти вверх.

– Хорошо. По какому вопросу он хотел меня видеть?

– Простите, господин, он сказал мне только, что хочет повидать вас.

– Как он?

Каванаби помешкал.

– Без изменений, господин.

– А его отъезд – назначен новый срок?

– Я понял, что это будет через семь дней.

– А господин Хиро-Мацу не убедит его еще отодвинуть этот срок?

– Это хорошо было бы для нашего господина.

– Конечно, – Ябу вышел.

– Вы говорили о господине Хиро-Мацу...

– Только для вас, госпожа, так как Бунтаро-сан сейчас отсутствует, – прошептал секретарь. – Когда старый Железный Кулак вышел после встречи с господином Торанагой, ему пришлось отдыхать почти час – у него были очень сильные боли, госпожа.

– Ох, как ужасно, если о нем что-нибудь случится именно теперь!

– Да, без него будет переворот... Эта отсрочка ничего не решает. Это только небольшое перемирие. Настоящая проблема... Я... я боюсь... С тех пор как господин Судару действовал как официальный помощник генерала Кьесио, наш господин каждый раз при упоминании имени господина Судару очень сердится... Это ведь только господин Хиро-Мацу убедил его отложить выезд, и это единственное, что... – Слезы потекли по щекам секретаря, – Что случилось, госпожа? Он теряет над собой контроль?

– Нет, я убеждена – все будет хорошо. – Марико произнесла это твердо, но сама не очень верила в то, что говорила. – Благодарю вас за то, что вы мне рассказали. Я постараюсь повидаться с господином Хиро-Мацу до отъезда.

– Идите с Богом, госпожа.

Она вздрогнула.

– Я не знала, что вы были христианином, Каванаби-сан.

– Я – нет, госпожа. Просто знаю, что у вас так говорят.

Марико вышла во двор, на солнышко, волнуемая разнообразными чувствами. Ее очень расстроила недобрая весть о здоровье Хиро-Мацу, и в то же время она благословляла Бога, что ожидание ее кончилось и завтра она может уехать. А теперь – в паланкин, эскорт ожидает ее.

– Ах, госпожа Тода. – Это Дзэко вышла из тени и стала у нее на пути.

– Доброе утро, Дзэко-сан, как я рада вас видеть. Надеюсь, у вас все хорошо? – Марико почувствовала внезапный озноб, машинально начав этот обычный любезный разговор.

– Боюсь, что совсем не хорошо, извините. Очень жаль, но наш господин, кажется, нас не любит – Кику-сан и меня. Когда мы приехали, нас засадили в грязный номер третьеразрядной гостиницы, – я не поместила бы туда и своих людей восьмого класса.

– Ох, простите, я уверена, что это какая-то ошибка.

– Ах да, ошибка. Конечно, я надеюсь, что это так, госпожа. Сегодня мне наконец повезло – разрешено прийти в замок, получен ответ на мою просьбу посетить Великого Господина и разрешено снова поклониться Великому Господину, немного попозже. – Дзэко криво улыбку ей. – Я слышала, вы тоже приходили к господину секретарю, и подумала: стоит подождать вас, чтобы приветствовать. Надеюсь, вы не возражаете?

– Благодарю, я рада вас видеть, Дзэко-сан. Я хотела бы навестить вас и Кику-сан или пригласить вас обеих к себе, но, к сожалению, не представилось возможности.

– Да, так печально. Сейчас плохие времена. Плохие для дворян, плохие для крестьян. Бедная Кику-сан совсем заболела от расстройства, что попала в немилость к нашему господину.

– Я уверена, что это не так, Дзэко-сан. Господин Торанага сейчас столкнулся с массой срочных проблем.

– Верно, верно. Не выпить ли нам сейчас чаю, госпожа Тода? Мне было бы так лестно немного поболтать с вами.

– Простите, но мне приказано идти по одному делу, а то и я была бы рада такой возможности.

– Ах да, вам же нужно на корабль Анджин-сана! Простите, забыла. А как Анджин-сан?

– Думаю, хорошо. – Марико взбесилась от того, что Дзэко посвящена в ее личные дела. – Я видела его только раз и всего несколько минут – с тех пор как мы прибыли сюда.

– Интересный мужчина, очень. Жаль, когда не видишься с друзьями, правда?

Обе женщины продолжали улыбаться, речи их были вежливы, голоса беззаботны, – обе они сознавали, что за ними наблюдают и их подслушивают ожидающие Марико нетерпеливые самураи.

– Я слышала, Анджин-сан посетил своих друзей – свою команду. Как он нашел их?

– Он ничего не сообщил мне об этом, Дзэко-сан, – мы ведь виделись всего несколько минут. Простите, но я должна бежать...

– Печально, когда не видишься с друзьями. Может быть, я могу рассказать о них. Например, что они живут в деревне с эта.

– Что?

– Да-да. Кажется, его друзья специально попросили разрешения жить там – предпочли деревню эта цивилизованным местам. Любопытно, да? Они не такие, как Анджин-сан, он совсем другой. По слухам, они говорят, что это больше напоминает им собственный дом. Любопытно, да?

Марико вспомнила, каким странным был Анджин-сан, когда она в тот день встретила с ним на лестнице. «Теперь все понятно, – подумала она. – Эта! Мадонна, вот бедняга! Как он должен был стыдиться».

– Простите, Дзэко-сан, что вы сказали?

– Просто удивительно, что Анджин-сан так отличается от остальных.

– А вы видели их? Остальных? Какие они?

– Нет, госпожа, я не бывала там. Что мне с ними делать? Или с эта? Я должна думать о своих клиентах и о моей Кику-сан. И о сыне.

– Ах да, ваш сын.

Лицо Дзэко опечалилось под зонтиком, но глаза оставались жесткими, коричневыми, как ее кимоно.

– Пожалуйста, извините меня, но я думаю, вы не знаете, почему мы потеряли расположение господина Торанаги.

– Нет. Я уверена, что вы ошибаетесь. Контракт утвержден? В соответствии с договоренностью?

– Да, спасибо. У меня письмо о кредите рисовым торговцам в Мисиме с оплатой по требованию. На меньшую сумму, чем мы договорились. Но деньги меня интересуют меньше всего. Что деньги, когда мы потеряли милость нашего господина – кто бы он ни был.

– Я уверена, вы снова обретете его расположение.
– Ах, его расположение... Я беспокоюсь о вас тоже, госпожа Тода.
– Я всегда к вам хорошо относилась. По-дружески, Дзекo-сан. Мы могли бы поговорить в другое время, а сейчас я действительно должна идти, так что извините, пожалуйста...
– Вы так добры, меня это радует. – И когда Марико уже повернулась, чтобы уйти, Дзекo добавила своим самым медовым голосом:
– Ведь у вас будет время? Вы едете завтра в Осаку, не так ли?
Марико внезапно почувствовала, как в грудь ей вонзилась холодная игла и ловушка захлопнулась.
– Что-нибудь не так, госпожа?
– Нет-нет, Дзекo-сан. Вам будет удобно в час собаки сегодня вечером?
– Вы слишком добры, госпожа, о да. Вы сейчас собираетесь встретиться с нашим господином, вы бы не походатайствовали за нас? Нам нужна такая малость.
– Буду рада. – Марико немного подумала. – О некоторых благодеяниях можно и попросить, но ничего нельзя гарантировать.
Дзекo на секунду замерла.
– Ах! Вы уже просили его... просили его о милости для нас?
– Конечно, почему бы и не попросить? Разве Кику-сан не фаворитка, а вы не преданный вассал? Разве в прошлом вам не были оказаны милости?
– Мои желания всегда так скромны. Все, что я ни говорила, мне предоставляется, госпожа. Может быть, и больше.
– О пустобрюхих собаках?
– О длинных ушах и надежных языках.
– Ах да. И о тайнах.
– Мне так легко доставить радость. Милости моего господина и моей госпожи – это ведь не такая большая просьба?
– Нет, но только если представится случай... Я ничего не могу обещать.
– До вечера, госпожа.
Они раскланялись, и никто ничто не заметил. Сопровождаемая поклонами, Марико села в паланкин, пряча охватившую ее дрожь, и кортеж тронулся. Дзекo смотрела ему вслед.
– Ты, женщина! – грубо окликнул ее проходивший мимо молодой самурай. – Чего ты ждешь? Давай проходи!
– Ха! – презрительно откликнулась Дзекo, к удивлению окружающих. – Женщина, да? Щенок! Если бы я пошла по твоим делам, мне пришлось бы здорово их поискать – ведь ты еще даже не такой мужчина, чтобы иметь хотя бы соломенную крышу!
Все расхохотались. Тряхнув головой, Дзекo бесстрашно удалилась.

* * *

– Привет, – сказал Блэксорн.
– Доброе утро, Анджин-сан. Вы прямо сияете!
– Спасибо. Это потому, что я вижу такую красивую женщину.
– Ах, спасибо, – просияла Марико. – Как ваш корабль?
– Первый класс. Вы не хотели бы подняться на борт? Я показал бы вам все на корабле.
– А это можно? Мне приказано встретиться здесь с господином Торанагой.
– Мы все ждем его. – Блэксорн повернулся и заговорил со старшим в порту самураем: – Капитан, я отведу туда госпожу Тода, покажу ей корабль. Как только появится господин Торанага, вы позовете, да?
– Как вам будет угодно, Анджин-сан.
Блэксорн увел Марико с пристани. Везде стояли самураи; охрана и заграждения на берегу и на палубе были серьезнее, чем обычно. Сначала он провел ее на ют.

– Это мое, все мое, – гордо произнес он.

– А из вашей команды здесь есть кто-нибудь?

– Нет, никого. Сегодня никого, Марико-сан. – Он как мог быстро показал ей все, потом повел вниз. – Это моя каюта. – Верхние окна-фонари смотрели в сторону берега. Он закрыл дверь. Теперь они были совсем одни.

– Это ваша каюта? – спросила она. Он кивнул, глядя на нее. Марико кинулась ему в объятия. Блэксорн крепко обнял ее.

– О, как мне не хватало тебя.

– И мне не хватало тебя...

– Мне так много надо сказать тебе... И спросить тебя – начал он.

– Мне нечего сказать кроме того, что я люблю тебя всем сердцем, – Она задрожала в его руках, пытаясь забыть тот ужас, что охватил ее при мысли о Дзеко. – Я так боюсь за тебя.

– Не бойся, Марико, моя любимая, все будет хорошо...

– То же я говорю и себе. Но сегодня нельзя принять карму и волю Бога.

– Вы так отдалились в последнее время.

– Это Эдо, моя любовь. И за Первым Мостом...

– Это из-за Бунтаро-сана. Да?

– Да, – просто показала она. – Это и решение Торанаги сдаться. Это такая бесчестная бессмыслица... Я никогда не думала, что скажу это вслух, но я должна. Извини меня, – Она плотнее угнездилась под защитой его плеча. – Род Тода слишком мощный и важный. В любом случае меня не оставят в живых.

– Тогда вы должны уехать со мной. Мы сбежим. Мы будем...

– Извините, но бежать некуда.

– Даже если Торанага позволит?

– Почему бы ему не позволить?

Блэксорн быстро пересказал ей, о чем он говорил с Торанагой, кроме того, что просил насчет нее.

– Я знаю, что могу вынудить священников убедить Кийяму или Оноши принять его сторону, если он позволит мне захватить Черный Корабль, – возбужденно закончил он. – Я могу это сделать!

– Да, это должно сработать, Анджин-сан, Харима сейчас враждебен, так что нет причины, почему бы Торанага-сама не приказал провести этот захват, если мы собираемся воевать, а не сдаваться. – Она радовалась за церковь, но ведь ему придется ждать решения Торанаги. Она еще раз проверила его план и нашла его безупречным.

– Если господин Кийяма, или господин Оноши, или оба они присоединятся к нему, чаша весов склонится в нашу сторону?

– Да, если еще перейдет Затаки и мы выиграем время. – Она уже объясняла стратегическую важность контроля Затаки северного пути. – Но Затаки настроен враждебно к Торанаге-сама.

– Послушайте, я могу прижать священников. Простите, но они мои враги, хотя и ваши священники. Я могу управлять ими как он захочет, и как я тоже. Вы можете мне помочь ему?

Она посмотрела на него.

– Но как?

– Помогите мне уговорить его дать мне шанс и убедите отложить отъезд в Осажу.

Послышался стук конских копыт и голоса людей, въезжающих на пристань. Блэксорн и Марико подошли к окнам: самураи оттащивали в сторону одно из ограждений – в освободившийся проход въехал на лошади отец Алвито.

– Чего он хочет? – недовольно пробормотал Блэксорн. Они увидели, как священник спешился, вынул из рукава свиток и отдал его старшему из самураев. Тот прочитал. Алвито взглянул на корабль.

– Чего бы он ни хотел, это официальный визит, – пояснила Марико.

– Я не против церкви, Мариико-сан. Церковь не может быть дьявольской – только священники. И они не все плохие. Алвито не плохой, хотя и фанатик. Ей-богу, я верю, что иезуиты подчинятся Торанаге, если я захвачу их Черный Корабль и буду угрожать им тем же и на следующий год. Им ведь нужны денежные поступления – португальцы и испанцы должны получать деньги. Торанага более важен. Вы можете мне?

– Да, да, я буду вам помогать, Анджин-сан. Но, прошу меня извинить, я не могу предавать церковь.

– Все, что я прошу вас сделать, – это поговорить с Тораногой или помочь мне добиться разговора с ним, если вы думаете, что это лучше.

Издалека слышался звук горна. Они снова выглянули из окон. Все смотрели на запад: со стороны замка приближалась голова колонны самураев, окружающих носилки с занавешенными окнами.

Открылась дверь каюты.

– Анджин-сан, выходите, пожалуйста, – позвал самурай. Блэксорн вышел на палубу и, спустившись на пристань, холодно-вежливо кивнул Алвито, священник ответил с такой же ледяной вежливостью. Но с Мариико Алвито был ласков:

– Привет вам, Мариико-сан. Как приятно вас видеть.

– Благодарю вас, отец, – ответила она, низко кланяясь.

– Примите мои благословения. – Он перекрестил ее, – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Благодарю вас, отец. Алвито взглянул на Блэксорна.

– Ну, кормчий, как ваш корабль?

– Уверен, что вы уже знаете.

– Да, знаю. – Алвито оглядел «Эразмус», лицо его стало строгим, – Может быть. Бог проклянет этот корабль и всех, кто плавает на нем, если его используют против дела веры и Португалии!

– Вот зачем вы приехали сюда? Добавить еще яду?

– Нет, кормчий. Меня просили приехать сюда, чтобы встретиться с господином Тораногой. Я нашел ваше присутствие здесь столь же неприятным, сколь и вы – мое.

– Ваше присутствие здесь не неприятно, отец. Неприятен только дьявол, которого вы здесь представляете.

Алвито вспыхнул, и Мариико быстро сказала:

– Пожалуйста... Нехорошо ссориться при посторонних. Я прошу вас обоих быть осмотрительнее.

– Да, пожалуйста, извините меня, Мариико-сан. Я приношу свои извинения. – Отец Алвито отвернулся и уставился на носилки с занавесками, проходящие через ограждение. Ветер развеивал личный флаг Торанаги, самураи в коричневой форме шли впереди и сзади, окруженные пестрой беспорядочной группой других самураев.

Паланкин остановился, занавески распахнулись, вышел Ябу. Все были поражены, но тем не менее поклонились. Ябу высокомерно ответил на приветствие.

– Ах, Анджин-сан! – сказал он. – Как вы?

– Хорошо, благодарю вас, господин. А как вы?

– Прекрасно, благодарю вас. Господин Торанага болен. Он просил меня прийти вместо него. Вы понимаете меня?

– Да, понимаю, – ответил Блэксорн, пытаясь скрыть свое разочарование отсутствием Торанаги. – Так жаль, что господин Торанага болен.

Ябу пожал плечами, уважительно поздоровался с Мариико, притворяясь, что не замечает Алвито, и некоторое время рассматривал корабль. Он криво улыбнулся и обратился к Блэксорну:

– Со дес, Анджин-сан. Ваш корабль стал другим, с тех пор как я в последний раз видел его. Да, корабль другой, все другое, даже наш мир стал другим.

– Простите, я не понял, господин. Прошу меня извинить, но вы говорите слишком

быстро. Что касается меня... – Блэксорн начал заготовленную фразу, но Ябу хрипло прервал его:

– Марико-сан, пожалуйста, переведите нам.

Она перевела. Блэксорн кивнул и медленно сказал:

– Да. Другим, Ябу-сама.

– Совсем другим – вы больше не чужеземец, но самурай, то же самое и с вашим кораблем.

Блэксорн увидел улыбку на толстых губах, вызывающую позу – и сразу же вернулся мыслями в Анджино, обратно на берег... Вот он сам стоит на коленях... Круук в котле... Крики Пьетерсуна зазвенели в ушах, запах погреба ударил в ноздри... Разум его завопил: «Так неужели все это зря – все страдания и ужас, Пьетерсун, Спилберген, Маесуккер, тюрьма, эта и неволя?! И все это твоя вина!»

– У вас все нормально, Анджин-сан? – спросила Марико, заглянув ему в глаза и испугавшись.

– Что? Ох, да... Да, у меня все нормально...

– Что с ним? – спросил Ябу.

Блэксорн потряс головой, усилием воли пытаясь остановить этот поток воспоминаний, стереть с лица его следы, – наверняка выражение ненависти уже выдало его.

– Простите, пожалуйста, я сожалею. Я... все нормально. Просто вдруг стало плохо с головой – бессонница. Простите. – Он поглядел в глаза Ябу, проверяя, скрыл ли свой опасный промах. – Жаль, что Торанага-сама болен. Надеюсь, ничего серьезного, Ябу-сама?

– Нет, беспокоиться не стоит, Анджин-сан. – «Да беспокойство – это вы! – подумал Ябу. – Ничего, кроме беспокойства, у меня не осталось, с тех пор как вы и ваш грязный корабль прибыли к моим берегам. Изу ушло, мои ружья ушли, вся честь ушла, и теперь под угрозой моя голова из-за этого труса». – Все хорошо. – Тон его был очень любезен. – Торанага-сама просил меня передать вам ваших вассалов, как он обещал. – Глаза Ябу обратились к Алвито. – Так-так, Тсукку-сан! Почему же вы стали врагом Торанага-сама?

– Я не враг, Касиги Ябу-сама.

– Но ваши христианские дайме – враги, не так ли?

– Прошу извинить меня, господин, но мы священники, и только, мы не отвечаем за политические взгляды тех, кто исповедует истинную веру, и не осуществляем контроль за теми дайме, которые...

– Истинная вера этой Земли Богов – это Синто, вместе с Тао, Путем Будды!

Алвито не ответил. Ябу презрительно отвернулся и выкрикнул приказ. Группа оборванных самураев, не вооруженных, некоторые – со связанными руками, начала строиться в одну шеренгу перед кораблем. Алвито выступил вперед и поклонился.

– Простите меня, господин. Я пришел, чтобы повидать господина Торанагу. Так как он не прибыл...

– Господин Торанага желает, чтобы вы переводили его беседу с Анджин-саном, – прервал его Ябу с умышленной грубостью, как приказал ему Торанага. – Вы один можете делать это так хорошо – сразу и без запинки. Конечно, вы не откажетесь сделать для меня то, что желает господин Торанага?

– Нет, конечно, нет господин.

– Так. Марико-сан! Господин Торанага просил вас проследить за тем, чтобы ответы Анджин-сана правильно переводились.

Алвито побагровел, но сдержался.

– Да, господин. – Марико сразу возненавидела Ябу. Ябу отдал еще один приказ. Два самурая подошли к носилкам и вернулись с корабельным сейфом – они тащили его с трудом.

– Тсукку-сан, начинайте переводить. Во-первых, Анджин-сан, господин Торанага просил меня вернуть вашу собственность. Откройте, – приказал он самураям. – Ящик, до краев наполненный золотыми монетами, вернулся в неприкосновенности.

– Благодарю вас. – Блэксорн едва верил своим глазам: теперь, имея возможность

расплачиваться наличными, он мог нанять самую лучшую команду.

– Отнести в корабельный сейф?

– Да, конечно.

Ябу махнул рукой самураям – поднимайтесь, мол, на борт – и продолжил свою речь (Алвито пришлось ее переводить, и ярость его все возрастала): – Во-вторых, господин Торанага предоставляет вам выбор – свободно отплыть или остаться. Если вы останетесь на нашей земле, то вы – самурай, хатамото и подчиняетесь самурайским законам. На море, за пределами наших берегов, вы вправе вести себя как прежде, до того как прибыли к нам, и подчиняетесь своим, чужеземным законам. Вам пожизненно предоставлено право заплывать в любой порт, находящийся под контролем господина Торанаги, без обращения к портовым властям. И последнее: эти двести человек – ваши вассалы. Господин Торанага официально поручил мне препроводить их к вам – с оружием, как и обещал.

– Я могу отплыть, когда захочу? – недоверчиво спросил Блэксорн.

– Да, Анджин-сан, вы можете отплыть – господин Торанага дал согласие.

Блэксорн посмотрел на Мариико, но она избегала его взгляда.

– Я могу это сделать прямо завтра?

– Да, если пожелаете, – подтвердил Ябу. – Так об этих людях: все они ронины, из северных провинций. Все согласились поклясться в вечной преданности вам и вашему потомству. Хорошие воины. Никто не совершил преступления, в котором был бы уличен. А ронинам стали потому, что их сюзерены убиты, умерли или низвергнуты. Многие воевали на море против вако, – Ябу глумливо улыбнулся. – Кое-кто и сам мог быть вако, – вы понимаете, что значит «вако»?

– Да, господин.

– Те, что связаны, могут быть бандитами или вако. Все эти люди пришли одной группой, как банда, и пожелали бесстрашно служить, если им простят прошлые преступления. Они клялись господину Нобору – он собрал их по приказу господина Торанаги, – что никогда не совершали преступлений против господина Торанаги или его самураев. Вы можете принять их каждого в отдельности или всей группой или отказаться от них. Понимаете?

– Я могу отказаться от кого-нибудь из них?

– А зачем вам это делать? – удивился Ябу. – Господин Нобору очень тщательно их отбирал.

– Ох, конечно, простите, – устало откликнулся Блэксорн, понимая, что дайме Ябу просто зло шутит над ним. – Я понял. Но вот что будет с теми, которые связаны, – если я от них откажусь?

– Им отрубят головы. Обязательно. Что еще с ними делать?

– Ах так... Простите.

– Пойдемте, – Ябу крупно зашагал к носилкам. Блэксорн взглянул на Мариико:

– Я могу отплыть! Вы слышали!

– Да.

– Это значит... Это похоже на сон. Он сказал...

– Анджин-сан!

Блэксорн послушно заторопился вслед за Ябу. Теперь паланкин играл роль помоста. Чиновник поставил маленький столик, разложил на нем свитки с записями. Немного дальше, в стороне, самураи охраняли кучу длинных и коротких мечей, копий, щитов, топоров, луков и стрел – всем этим оружием были навьючены лошади, и теперь носильщики его выкладывали. Ябу сделал знак Блэксорну сесть рядом, Алвито – впереди, а Мариико усадил с другой стороны от себя. Чиновник выкрикивал имена, каждый выходил вперед, торжественно кланялся, называл свое имя и фамилию, клялся в верности, подписывал документ и вместо печати выдавливал на бумагу каплю крови из пальца – писарь привычно прокалывал его иглой. Каждый в последний раз становился перед Блэксорном на колени и, встав, торопился к оружейнику – получить сначала боевой меч, потом короткий. Все

почтительно брали мечи, дотошно осматривали, выражали одобрение, убедившись в их высоком качестве, и со свирепой радостью засовывали за пояс. Теперь еще другое оружие, боевой щит – и можно занять свое место: ронины опять превращались в самураев. В полном вооружении они казались сильнее, стройнее и еще свирепее. Оставались еще тридцать связанных ронинов. Блэксорн настоял на том, чтобы лично разрезать на каждом веревки. Один за другим они клялись ему в верности наравне с остальными:

– Честью самурая клянусь, что ваши враги – мои враги, а я – ваш верный слуга.

После клятвы каждый получал оружие. Ябу выкликнул:

– Урага-нох-Тадамаса!

Вперед выступил молодой человек, без оружия, в простом кимоно и бамбуковой шляпе. Алвито почувствовал боль в сердце – брат Джозеф! А он и не заметил его среди самураев. Ябу ухмыльнулся – он-то сразу ухватил реакцию Алвито – и повернулся к Блэксорну.

– Анджин-сан, это Урага-нох-Тадамаса. Самурай, теперь ронин. Вы узнаете его? Поняли слово «узнать»?

– Да, понял. Узнаю.

– Прекрасно. Когда-то он был священником у христиан?

– Да, это так.

– А теперь нет. Понятно? Теперь ронин.

– Понятно, Ябу-сама.

Ябу следил за Алвито: священник неотрывно смотрел на отступника – тот в свою очередь с ненавистью уставился на него.

– Ах, Тсукку-сан, вы тоже его узнали?

– Да, я узнал его, господин.

– Вы готовы переводить – или у вас заболел желудок?

– Готов. Пожалуйста, продолжайте, господин. Ябу махнул рукой в сторону Ураги.

– Господин Торанага отдает вам, Анджин-сан, этого человека, если он вам нужен. Когда-то он был христианским священником – начинающим. А теперь он отказался от фальшивого иностранного Бога и вернулся к истинной вере – Синто... – Он замолчал, так как священник тоже перестал говорить. – Вы точно переводите, Тсукку-сан? Истинной вере – Синто!

Священник не отвечал. Он вздохнул и перевел абсолютно точно, добавив:

– Это он так говорит, Анджин-сан, мой Бог простит его.

Марико пропустила это без комментариев, еще больше возненавидев Ябу и обещая себе отомстить ему в скором времени. Ябу посмотрел на них, потом продолжал:

– Так что Урага-сан – бывший христианин. Теперь он готов служить вам. Он может говорить на языках чужеземцев – он был среди тех четырех юношей самураев, которых посылали в ваши края. Он даже встречался с самым главным христианином из всех христиан – как они его называют? – но теперь ненавидит всех, совсем как вы. – Глаза Ябу метались от Алвито, за которым он следил, к Марико – она все так же внимательно вслушивалась в его слова. – Вы же ненавидите христиан, Анджин-сан?

– Большинство католиков – мои враги, – не стал отрицать Блэксорн, вполне отдавая себе отчет в том, как остро воспринимает это Марико, хоть и наблюдает за ними внешне бесстрастно, с отсутствующим видом. – Испания и Португалия – враги моей страны, это точно.

– Христиане и наши враги тоже. Да, Тсукку-сан?

– Нет, господин. И христианство дает вам ключ к бессмертию.

– Это так, Урага-сан? – тут же задал вопрос Ябу. Урага покачал головой, голос его был холоден:

– Я больше так не думаю, господин. Нет.

– Скажите это Анджин-сану.

– Сеньор Анджин-сан, – начал Урага – его акцент был чудовищен, но португальские слова правильны и понятны. – Я не думаю, что католицизм – замок... простите, ключ к

бессмертию.

– Согласен, – откликнулся Блэксорн.

– Отлично, – подхватил Ябу. – Так вот, господин Торанага предлагает этого ронина вам, Анджин-сан. Он ренегат, но из хорошей самурайской семьи. Урага клянется, что, если вы примете его, он будет вашим секретарем, переводчиком и всем чем хотите. Вы дадите ему мечи. Что еще, Урага? Скажи сам.

– Сеньор, прошу простить меня. Во-первых... – Урага снял шляпу: волосы у него уже отрастали, голова пострижена как у самурая, но косички еще не было, – во-первых, я стыжусь того, что у меня такая прическа и нет косы, как у самурая. Но волосы у меня отрастут и я не стал от этого более плохим самураем. – Он надел шляпу и перевел Ябу то, о чем говорил Блэксорну. Ронины, стоявшие рядом, внимательно слушали то, что он говорил. – Во-вторых, пожалуйста, простите меня, но я не умею обращаться с оружием – с любым оружием, никогда этому не учился. Но научусь, верьте мне, научусь. Клянусь вам в абсолютной преданности и прошу вас принять меня... – По лицу и по спине юноши обильно струился пот.

Блэксорн сочувственно произнес:

– Сигата га наи, нех укери анатава дес, Урага-сан. Какое это имеет значение? Я принимаю вас, Урага-сан.

Урага поклонился, потом объяснил Ябу, о чем они говорили. Никто не смеялся, кроме Ябу, но смех его тут же оборвался: между двумя оставшимися ронинами началась перебранка при выборе мечей.

– Эй, вы там, заткнитесь! – прикрикнул Ябу. Ронины обернулись, и один из них проворчал:

– Вы не мой хозяин! Откуда у вас такие манеры? Объясните, пожалуйста, или сами заткнитесь!

Ябу мгновенно вскочил на ноги и яростно замахнулся мечом на оскорбившего его ронина. Все бросились врассыпную, а ронин ускользнул от удара. У края пристани он выхватил меч, резко повернулся и устремился в атаку, издав ужасный боевой клич. Тут же, с мечами наготове, сбежались все его друзья – на выручку, и Ябу оказался в ловушке. Ронин атаковал, Ябу избежал сокрушительного удара меча, ответил ударом, но промахнулся – противник его в это мгновение нырнул вперед, изгибаясь, чтобы нанести смертельный удар... Самураи Торанаги помчались вперед, но слишком поздно – всем было ясно: Ябу обречен.

– Сто-о-о-й!! – завопил Блэксорн по-японски. Все замерли, пораженные силой его голоса. – Назад! – Он показал на линию, где они выстраивались перед этим. – Сию секунду! Приказываю вам!

На мгновение все на пристани замерло... и вновь задвигалось. Остолбенение проходило медленно. Ябу снова кинулся на ронина. Тот отпрыгнул назад, отступил в сторону, меч взметнулся над головой – громадное двуручное чудовище, бесстрашно ждущее следующей атаки... Друзья ронина заколебались.

– Разойдитесь! Немедленно! Вы слышали – это приказ! – надрывался Блэксорн.

Неохотно, но послушно ронины освобождали пространство, прятали мечи в ножны. Ябу и ронин медленно кружили напротив друг друга...

– Эй, ты! – Блэксорн обращался к воинственному ронину. – Стой! Брось меч! Я тебе приказываю!

Ронин не спускал злобного взгляда с Ябу, но приказ возымел действие: он облизал губы, сделал обманное движение влево, потом вправо... Ябу отступил, ронин ускользнул от него, подскочил ближе к Блэксорну и опустил перед ним меч:

– Я повинуюсь, Анджин-сан. Я не нападал на него.

Ябу по-змеиному снова стал приближаться, но ронин уклонился и бесстрашно отступил – он был легче, моложе и быстрее Ябу,

– Ябу-сан! – отчаянно воззвал к нему Блэксорн. – Простите, может, тут недоразумение?

Может...

Но Ябу разразился потоком брани и понесся на ронина – тот, без всякого страха, избежал и второго удара.

Алвито, взиравший на это безумие с холодным любопытством, перевел:

– Ябу-сан сказал, что это не ошибка. Этот ронин непременно умрет, – ни один самурай не может вынести такого оскорбления!

Блэксорн чувствовал, что все смотрят на него, и отчаянно пытался сообразить, что же делать... Ябу неуклонно преследует этого человека, он не оставит его в живых... Слева от Блэксорна самураи Торанаги приготовили свои луки... Слышалось только тяжелое дыхание, сопение, беготня и страшная ругань двух мужчин. Ронин отступал, поворачивался, убегал – кружа по свободному пространству, прыгая в сторону, нагибаясь – и не переставая извергал поток грубых ругательств в адрес Ябу...

Алвито объяснил: он дразнит господина Ябу, Анджин-сан. Он говорит: «Я самурай – я не убиваю безоружных людей, как ты! Ты не самурай, ты – воняющий дерьмом крестьянин, вот ты кто... Ты не самурай – ты эта. Твоя мать была эта, твой отец был эта, и...» Тут священнику пришлось умолкнуть: Ябу заревел от ярости, показал на одного из самураев и что-то прокричал. – Господин говорит: «Ты, дай ему его меч!»

Самурай заколебался и поднял глаза на Блэксорна, ожидая приказа. Ябу повернулся к Блэксорну и прокричал:

– Дайте ему меч!

Блэксорн поднял меч.

– Ябу-сан, прошу вас, не надо... – Сам он желал Ябу смерти, но умолял: – Пожалуйста, прошу вас...

– Дайте ему меч! – В голосе Ябу звучала беспощадность. Люди Блэксорна недовольно загалдели. Он поднял руку:

– Приказываю вам молчать! – Посмотрел на своего вассала – ронина. – Подойдите сюда, пожалуйста!

Тот следил за Ябу – вот он сделал обманное движение влево, затем вправо... Ябу раз за разом налетал на него с дикой яростью, но ронин все ускользал... отбегал и наконец подбежал к Блэксорну. На этот раз Ябу его не преследовал. Он просто стоял, ждал и следил, как сумасшедший бык, готовясь к нападению. Ронин поклонился Блэксорну и взял меч. Потом повернулся к Ябу и с устрашающим боевым кличем сам бросился в атаку. Мечи клацали от ударов... Теперь противники топтались друг возле друга в полном молчании... Вот начался бешеный обмен ударами, запели мечи... Ябу вдруг споткнулся – и ронин кинулся вперед, надеясь на легкую победу. Но Ябу ловко отступил в сторону и ударил... Руки, все еще сжимающие меч, оказались отрубленными... Какое-то мгновение ронин с диким криком глядел на обрубки, пока Ябу не отрубил ему голову...

Наступила мертвая тишина... Потом Ябу услышал одобрительный рев и еще раз ударил мечом по дергающемуся телу... Чтобы уж до конца потешить свою гордость, он взял голову за косу, аккуратно плюнул в лицо и отбросил в сторону... Спокойным шагом он подошел к Блэксорну и поклонился.

– Прошу простить мои плохие манеры, Анджин-сан. Спасибо, что дали ему меч, – Голос его был вежлив; Алвито переводил, как всегда. – Прошу прощения, что мне пришлось кричать. Благодарю вас за то, что вы позволили мне с таким почетом опробовать этот меч. – Его глаза опустились на семейное наследие Торанаги, подаренное ему. Убедившись после тщательного осмотра, что лезвие в прекрасном состоянии, он развязал шелковый пояс, чтобы вытереть лезвие. – Никогда не трогайте лезвие пальцами, Анджин-сан, это испортит его. Лезвие должно чувствовать только шелк и тело врага, – Он замолчал и посмотрел в лицо Блэксорну. – Могу я смиренно попросить вас: позвольте вашим вассалам опробовать их лезвия. Это будет для них хорошей приметой.

Блэксорн повернулся к Ураге:

– Скажи им.

* * *

Когда Ябу вернулся домой, день уже кончался. Слуги приняли у него пропитанное потом кимоно, дали свежую домашнюю одежду, надели на ноги чистые таби. Юрико, его жена, ждала его на прохладной веранде с чаем и саке, нагретым так, как он любил.

– Саке, Ябу-сан? – Юрико была высокая, худощавая женщина с прядями седины в волосах. Темное кимоно, из самых дешевых, красиво облегло ее фигуру.

– Спасибо, Юрико-сан, – Ябу с наслаждением смочил сладким, терпким напитком пересохшую глотку.

– Все прошло хорошо, я слышала.

– Да.

– Как невозможен этот ронин!

– Он сослужил мне неоценимую службу, госпожа. Я омочил наконец в крови меч Торанаги, и теперь он действительно мой. – Ябу допил чашку, и жена снова наполнила ее. Рука Ябу нежно погладила рукоятку меча. – Но этот бой не доставил бы вам радости: совсем ребенок – попался на первый же финт.

Она нежно прикоснулась к нему:

– Я рада, что все обошлось, муж мой.

– Спасибо, но я даже не успел толком вспотеть. – Ябу засмеялся. – Видели бы вы священника! Прямо удовольствие было смотреть, как потел этот чужеземец – я никогда не видел его таким злым. Ярость так его душила, что он чуть не задохнулся, пытаясь сдержаться. Людоед! Они все людоеды! Жаль, что нельзя вышвырнуть их отсюда до того, как мы покинем эту землю.

– Вы думаете, Анджин-сан смог бы?

– Он хочет попробовать. Имея десять кораблей и десять таких, как он, я мог бы контролировать моря отсюда до Кюсю. Имея его одного, я разгромил бы Кийяму, Оноши и Хариму, Джикию и главенствовал в Изу! Нам только нужно немного времени и чтобы каждый дайме наметил, с каким врагом ему сражаться, и выполнял свою задачу. Это обеспечит безопасность Изу и он опять станет моим! Я не понимаю, почему Торанага собирается отпустить Анджин-сана. Еще одна глупая потеря! – Он сжал кулак и ударил по татами. Служанка невольно вздрогнула. Юрико не шелохнулась, по лицу ее скользнула легкая улыбка.

– Как Анджин-сан воспринял свою свободу и своих вассалов? – задала она вопрос.

– Он казался таким счастливым, что напоминал старика, которому приснилось, что у него четырехзубый Янг. – Ябу нахмурился, вспоминая. – Но одного момента я не понял. Когда эти вако меня окружили, я считал себе конченым человеком – без сомнения. Но Анджин-сан остановил их и вернул меня к жизни. У него вроде не было причины так поступать... Совсем незадолго перед этим я видел ненависть на его лице...

– Он спас вам жизнь?

– О да. Странно, не правда ли?

– Да. Происходит много странного, муж мой. – Юрико отпустила служанку, потом тихонько спросила: – Что на самом деле затеял Торанага?

Ябу подался вперед и прошептал:

– Я думаю, он хочет, чтобы я стал главнокомандующим.

– Почему бы ему хотеть этого? Разве Железный Кулак при смерти? А что с господином Судару? Или Бунтаро? Или с господином Нобору?

– Кто знает, госпожа? Они все в немилости. Торанага так часто меняет свои решения, что никто не сможет предсказать, что он собирается делать. Сначала он попросил меня пойти вместо него на пристань и подробно объяснил, как мне там себя вести, потом потолковал о Хиро-Мацу, как он постарел, и спросил, что я действительно думаю о мушкетном полке.

– Может быть, он снова готовит «Малиновое небо»?

– Все уже наготове, но он не получил от этого никакой выгоды. Здесь потребуется руководство и умение. Когда-то у него все это было – теперь нет. Он только тень того Миновары, каким слыл когда-то. Меня поразило, как он скверно выглядит... Извините, но я сделал ошибку: мне следовало поставить на Ишидо.

– Думаю, вы все же выбрали правильно. Может быть, вы отправитесь в баню, потом... мне кажется, у меня есть для вас подарок.

– Какой подарок?

– Ваш брат Мисуно придет к нам после ужина.

– Это подарок? – Ябу весь ошетинился. – Зачем мне сдался этот дурак?

– Какая-то информация или совет, даже от глупца, может быть так же полезна, как и от настоящего советника. Иногда даже и более.

– Какая информация?

– Сначала баня, потом ужин. Сегодня вечером вам понадобится холодная голова, Ябу-сан.

Ябу хотел было настоять на своем, но баня соблазнила его, – и правда, он был во власти приятного утомления, которого давно не испытывал. Отчасти это состояние было обусловлено уважением, оказанным ему Торанагой, отчасти – уважением генералов, которое он чувствовал несколько последних дней. Но в основном – взрывом радости после совершенного убийства. Этот импульс передался от меча – к руке, от руки – к голове. О, убить так чисто, как мужчина мужчину, перед мужчинами, – это радость, доставшаяся лишь немногим, очень редкая. Достаточно редкая, чтобы оценить ее и долго смаковать...

Поэтому он ушел от жены и продолжал и дальше расслабляться в своей радости. Он позволил сделать себе массаж, после чего, освеженный и обновленный, снова прошел на веранду. Лучи заходящего солнца озаряли все небо. Тонкий серп луны висел низко над горизонтом. Одна из личных служанок Ябу, двигаясь бесшумно и изящно, подала ему ужин. Ел он очень умеренно, в полном молчании – немного супа, рыбы, маринованных овощей. Девушка соблазнительно улыбнулась:

– Опустить футоны, господин?

Ябу покачал головой.

– Позже. Сначала скажите моей жене, что я хочу ее видеть. Вошла Юрико, в старом, но опрятном кимоно.

– Со дес ка? Ваш брат ждет вас. Нам следует повидаться наедине. Сначала поговорите с ним, господин, потом мы побеседуем, вы и я, наедине. Прошу вас, будьте терпеливым, хорошо?

Касиги Мисуно, младший брат Ябу и отец Оми, был маленький человек с круглыми глазами, высоким лбом и редкими волосами. Его мечи, казалось, не подходили для него, и вряд ли он умел обращаться с ними. Даже с луком и стрелами он не казался бы более мужественным. Все поведение его свидетельствовало о желании угодить хозяину.

Мисуно поклонился и похвалил искусство Ябу, проявленное сегодня днем, – весть об этом подвиге быстро распространилась по всему замку и его окрестностям, еще более укрепив репутацию Ябу как сильного фехтовальщика. Затем он перешел к цели визита:

– Сегодня, господин, я получил шифрованное письмо от сына. Госпожа Юрико считает, что лучше лично передать его вам. – Он протянул Ябу свиток с расшифровкой.

Послание от Оми гласило: «Отец, пожалуйста, передай господину Ябу, быстро и секретно, следующее.

Первое. Господин Бунтаро секретно, через Такато, приехал в Мисиму. Один из его людей сболтнул об этом во время вечеринки с выпивкой, которую я устроил в их честь.

Второе. По дороге, во время секретного же визита в Такато, который длился три дня, Бунтаро дважды видел господина Затаки и трижды – госпожу, мать Затаки.

Третье. Перед тем как господин Хиро-Мацу покинул Мисиму, он сказал своей новой наложнице, госпоже Око, что она может не беспокоиться: «Пока я жив, господин Торанага не покинет Кванто».

Четвертое...»

Ябу поднял глаза:

– Как мог Оми-сан узнать, о чем тайком сказал Железный Кулак своей наложнице? У нас нет никого в его доме.

– Теперь есть, господин. Пожалуйста, читайте дальше. Ябу вернулся к чтению свитка: «Четвертое. Хиро-Мацу решил, если потребуется, устроить заговор, не выпускать Торанагу из Эдо и объявить «Малиновое небо» вопреки его воле, с согласия господина Судару или, если так придется, без оногo. Пятое. Все эти сведения достоверны: дело в том, что личная служанка госпожи Око – дочь воспитательницы моей тещи и была представлена госпоже Око, когда здесь, в Мисиме, скончалась, к сожалению, ее собственная служанка – от странным образом появившейся у нее болезни.

Шестое. Бунтаро-сан стал как безумный: задумчив, зол, сегодня совершенно без всякой причины вызвал на поединок и зарубил самурая – и при этом проклинал Анджин-сана.

И, наконец, последнее. Шпионы сообщают, что Икава Джикья собрал в Суруге десять тысяч человек и готов напасть на наши границы. Пожалуйста, передайте от меня приветы господину Ябу...» Остальная часть письма не представляла интереса для Ябу.

– Джикья, опять! Неужели я умру, не отомстив этому дьяволу!

– Пожалуйста, будьте терпеливы, господин, – успокоила его Юрико. – Скажите ему, Мисуно-сан.

– Господин, – начал коротышка, – несколько месяцев мы пытались осуществить ваш план – тот, что вы предлагали, когда прибыл первый чужеземец. Вы помните: увидев все эти серебряные монеты, вы сказали, что сотня или даже пять сотен, врученных нужному повару, удалят Икаву Джикья раз и навсегда. – Глаза Мисуно, казалось, еще больше стали похожи на лягушачьи. – У Муры, старосты Анджино, есть двоюродный брат, а его брат в свою очередь – лучший сейчас повар в Суруге. Я слышал сегодня, что его взяли в дом к Джикье. Ему надо дать двести сотен вперед, а всего придется заплатить пять со...

– У нас нет таких денег! Невозможно! Где я возьму пять сотен – я кругом в долгах и не могу достать даже сотни!

– Пожалуйста, извините меня, господин. Простите, но деньги уже есть. Не все деньги чужеземцев остались в сейфе. Тысяча монет случайно оказалась неучтенной. Простите.

Ябу удивленно посмотрел на него.

– Как это?

– Видимо, Оми-сан приказал сделать это от вашего имени. Деньги тайно привезли сюда для госпожи Юрико, у которой сначала запросили и получили разрешение, чтобы, не дай Бог, не навлечь на себя ваш гнев.

Ябу долго размышлял.

– Кто это приказал?

– Я. После получения разрешения.

– Спасибо, Мисуно-сан. Благодарю вас, Юрико-сан. – Ябу поклонился обоим. – Так! Джикья хочет напасть? Что ж, наконец-то мы с ним посчитаемся! – Он дружески похлопал коротышку брата по плечу – тот был в восторге. – Вы поступали очень правильно, брат. Я пришлю вам несколько рулонов шелка из хранилища. Как ваша жена?

– Хорошо, господин, очень хорошо. Она просила принять ее самые лучшие пожелания.

– Мы непременно как-нибудь поужинаем вместе. Теперь о письме: а что вы обо всем этом думаете?

– Ничего, господин. Мне, напротив, важно ваше мнение.

– Во-первых... – начал было Ябу, но тут же осекся, поймав предостерегающий взгляд жены, и с ходу переменял тему: – Во-первых и в-последних, это значит, что Оми, ваш сын, – прекрасный, преданный вассал. Если я сохраню свое положение, то не забуду его, – он заслуживает повышения.

Мисуно, разумеется, рассыпался в изъявлениях благодарности. Ябу был с ним необычайно терпелив, поговорил, снова похвалил и, насколько позволяла вежливость,

быстро его выпроводил. Юрико послала за чаем. Когда они остались одни, Ябу вопросительно посмотрел на жену:

– Что еще вы хотели мне сказать?

Обычно сдержанная Юрико явно была чем-то возбуждена.

– Пожалуйста, извините меня, господин, но я хочу поделиться с вами мыслью, которая у меня возникла: Торанага всех нас дурачит – он никогда не имел и не имеет намерения ехать в Осаку и сдаваться Совету регентов!

– Ерунда!

– Позвольте мне изложить свои доводы... О, господин, как вам повезло с вашим вассалом Оми и этим глупым братом, который украл тысячу монет. Мою гипотезу подтверждают такие факты: Бунтаро-сан, доверенный человек, тайно отправляется к Затаки. Почему? Очевидно, чтобы передать ему новое предложение. Что может соблазнить Затаки? Кванто, только Кванто. Так что предлагается Кванто – в обмен на преданность: тогда Торанага опять президент Совета регентов – нового Совета, с новым мандатом. – Она подождала, потом продолжала все так же сосредоточенно: – Если Торанага убедит Затаки предать Ишидо, он на четверти пути к столице – Киото. Как можно закрепить соглашение между братьями? С помощью заложников! Сегодня после обеда я слышала, что господин Судару, госпожа Дзендзико, их дочери и сын собираются через десять дней посетить свою почтенную бабушку в Такато.

– Все они?

– Да. Затем Торанага отдает обратно Анджин-сану его корабль – в отличном состоянии, с пушками и порохом, – посылает к нему двести фанатиков и возвращает все эти деньги, которых, конечно, хватит, чтобы оплатить чужеземцев-наемников, вако, подонков из Нагасаки. Зачем? Чтобы позволить ему напасть и захватить Черный Корабль чужеземцев. Нет Черного Корабля – нет денег, у христианских священников масса неприятностей, а они контролируют Кийяму, Оноши и всех негодяев – дайме-христиан.

– Торанага никогда не осмелится это сделать! Тайко пытался и не смог, а он был всемогущ. Чужеземцы могут обидеться и уплыть, и мы никогда не будем торговать.

– Да. Если это сделаем мы. Но на этот раз чужеземцы против чужеземцев... Нас это не касается. И если, скажем, Анджин-сан атакует Нагасаки и сожжет его – разве Харима теперь не наш враг, и Кийяма, и Оноши, и, из-за них, большая часть дайме Кюсю? Скажем, Анджин-сан сжигает несколько других их портов, совершает набеги на другие их корабли и в это же самое время...

– И в это же самое время Торанага объявляет «Малиновое небо»! – взорвался Ябу.

– Да, о да! – радостно согласилась Юрико. – Разве это не объясняет действий Торанага? Разве эта интрига не подходит к нему, словно его кожа? Разве он не делает того, что он делал всегда: просто ждет, иной раз играет – день здесь, день там, а скоро уже месяц, – и опять у него подавляющее преимущество, и он сметет всех своих противников. Он выиграл почти месяц с тех пор, как Затаки привез ему вызов в Ёкосе.

Ябу чувствовал, как кровь пульсирует у него в ушах.

– Тогда мы спасены?

– Нет, но и не погублены. Я верю, что он не сдастся. – Она заколебалась. – Но все обмануты. О, он так же ловок, как был. Обманывал всех, как и нас. До сегодняшнего вечера – Оми дал мне все улики против него. Мы все забыли, что Торанага – великий актер театра Но, который, если понадобится, может носить собственное лицо как маску.

Ябу безуспешно пытался привести мысли в порядок.

– Значит, на стороне Ишидо вся Япония – против нас!

– Да. Кроме Затаки. Могут быть и другие союзники. Торанага и вы можете держать перевалы столько, сколько нужно.

– У Ишидо замок в Осаке, наследник и все ценности Тайко.

– Это так. Но он остается в нем как в убежище. Кто-нибудь выдаст его.

– Что же мне делать?

– Противостоять Торанаге. Пусть он продолжает выжидать – вы должны ускорить ход событий!

– Но как! Как!

– Первое, господин, вот что. Торанага упустил одну деталь, которую заметили вы сегодня утром, – Тсукку-сан в ярости. Почему? Потому что Анджин-сан угрожает будущему христиан. Вы должны взять Анджин-сана под свою защиту, и как можно скорее, иначе священники или их марионетки убьют его через несколько часов. Дальше: Анджин-сану нужно, чтобы вы направляли его, помогали ему набрать новую команду в Нагасаки. Без вас и ваших людей у него ничего не получится. Без него и его корабля, с пушками, с иностранцами на борту, Нагасаки не загорится, а это должно произойти. Или Кийяма, Оноши и Харима с этими грязными священниками не будут напуганы настолько, чтобы временно перестать поддерживать Ишидо. Тем временем Торанага – он уже получил, непонятно как, поддержку Затаки с его фанатиками, – при вашем руководстве мушкетным полком, устремится через перевалы Синано на равнины Киото.

– Да-да, вы правы, Юрико-сан! Это выход. О, как вы умны, как дальновидны!

– Мудрость и удачный план немногого стоят, если нет способов претворить их в деяние, господин. Вы один можете это сделать – вы командир, боец, боевой генерал – какой и должен быть у Торанага. Вам бы повидать его сегодня вечером...

– Не могу же я пойти к Торанаге и объявить ему, что я разгадал его хитрость...

– Нет, конечно, но вы попросите его разрешения поехать с Анджин-саном, и поехать немедленно. Мы придумаем правдоподобное объяснение.

– Но если Анджин-сан атакует Нагасаки и Черный Корабль, они не перестанут торговать и уплывут?

– Да, возможно. Но это будет на следующий год. Торанага уже будет регентом, президентом Совета регентов. А вы – его главнокомандующим.

Ябу спустился с облаков на землю.

– Нет! Как только он захватит власть, он прикажет мне совершить сеппуку. – В этом Ябу был уверен твердо.

– Задолго перед этим у вас будет Кванто.

Он вздернул подбородок, как будто его ударили.

– Но каким же образом?

– Торанага никогда не отдаст Кванто своему законному сводному брату. Затаки для него вечная угроза: человек необузданный, преисполненный гордости. Торанаге будет легко маневрировать им, поставить его в бою на главное место. А вдруг Затаки будет убит... шальная пуля или стрела? Вы поведете в бой мушкетный полк, господин.

– А я гарантирован от шальной пули?

– Ничем, господин. Но вы не родственник Торанаги и, следовательно, не угрожаете его власти. Вы – его самый преданный вассал. Ему нужны боевые генералы. Вы заслужите Кванто – это ваша единственная цель. Он отдаст его вам, когда Ишидо будет предан, потому что себе он возьмет Осаку.

– Вассал? Но вы сказали – ждать, и скоро я не...

– Сейчас я советую вам поддерживать его всеми силами. Не слепо выполнять его приказы, как старый Железный Кулак, но с умом. Не забывайте, Ябу-сан: во время битвы, как в любом бою, солдаты могут промахнуться... ну и шальные пули... Пока вы командуете полком – выбор ваш, и в любое время!

– Да, верно. – Он почувствовал, что боится ее.

– Помните: Торанага достоин будущего. Он – Миновара. Ишидо – крестьянин, Ишидо – глупец, теперь я это вижу. Ему следовало уже вломиться в ворота Одавара независимо от того, идут дожди или нет. Разве Оми-сан не говорил то же самое несколько месяцев назад? Разве в Одаваре не мало людей? Разве Торанага не изолирован?

Ябу с восхищением стукнул кулаком по полу.

– Тогда все-таки война! Как вы умны, что раскусили его! Так он все время нас дурачил?

– Разумеется, – подтвердила Юрико удовлетворенно.

* * *

Между тем Марико, размышляя наедине с собой, пришла к такому же заключению, хотя и не знала всего, что было известно Юрико и Ябу, и мысль эта немало ее поразила. Торанага притворяется, ведет тайную игру, поняла она. Это единственное возможное объяснение его странного поступка: дать корабль Анджин-сану, вернуть деньги, пушки, свободу действий перед Тсукку-саном. Теперь Анджин-сан наверняка выступит против Черного Корабля. Он захватит его, создаст угрозу на будущий год и, следовательно, нанесет ужасный вред Святой Церкви и вынудит святых отцов добиться от Кийямы и Оноши предательства Ишидо...

Если это верно, думала она, недоумевая, и Торанага лелеет такой далеко идущий план, тогда, конечно, он не сможет ехать в Осаку и кланяться Ишидо. Он должен... А! Так что же тогда с сегодняшней отсрочкой, на которую уговорил его пойти Хиро-Мацу? Ох, Мадонна, Торанага и не думал появляться в Осаке! Это всего лишь хитрый ход! Зачем? Чтобы выиграть время. Чтобы закончить... что? Чтобы ждать и сочинять еще тысячу трюков, неважно каких, лишь бы остаться тем, чем он был всегда, – великим кукольником.

Сколько времени пройдет, прежде чем у Ишидо лопнет терпение, он поднимет боевое знамя и двинется против нас? Месяц, самое большее два. Тогда к девятому месяцу этого пятого года Кейчо начнется битва за Кванто! Но что выгадает Торанага за два месяца? «Не знаю, – решила Марико, – знаю только, что теперь мой сын имеет шанс наследовать свои десять тысяч коку и жить, как ему и подобает, вырастить своих детей. Может быть, теперь род моего отца не исчезнет на земле.» Она радовалась этому своему новообретенному знанию, наслаждаясь им, рассматривая его с разных сторон, находя его логически безупречным. «Но как вести себя в период между сейчас и потом? – спрашивала она себя. – Ничего, кроме того, что ты уже делала и решила делать!»

– Госпожа?

– Да, Дзиммоко?

– Там Дзекко-сан. Она говорит, что вы с ней условились о встрече.

– Ах да, я забыла тебе сказать. Согрей sake, принеси и пригласи ее сюда.

Марико вспомнила сегодняшний день, вспомнила его руки, обнимавшие ее, – такие надежные, теплые и сильные... «Увидимся сегодня вечером?» – осторожно спросил он, когда Ябу и Тсукку-сан наконец покинули их. «Да, – порывисто обещала она. – Да, мой дорогой. О, как я счастлива за тебя! Скажи Фудзико-сан... Попроси ее послать за мной после часа свиньи». В тишине дома у нее вдруг перехватило горло. Так глупо и опасно...

Она проверила перед зеркалом прическу и косметику и попыталась успокоиться. Послышались шаги, распахнулись седзи.

– Ах, госпожа, – Дзекко низко кланялась, – как вы добры, что позволили мне повидать вас.

– Добро пожаловать, Дзекко-сан.

Они выпили sake, Дзиммоко снова налила.

– Какая красивая посуда, госпожа, просто прелесть.

Они вели безразлично-вежливый разговор, потом Марико отослала Дзиммоко.

– Извините меня, Дзекко-сан, но наш господин сегодня днем не приезжал. Я не видела его, хотя и надеялась повидаться перед отъездом.

– Да, я слышала, что Ябу-сан приезжал вместо него на пристань.

– Когда я увижу Торанагу-сама, я еще раз попрошу его. Но думаю, что его ответ будет таким же. – Марико налила sake им обеим. – Простите, он может не удовлетворить мою просьбу.

– Да, я верю вам. Может, – если его очень не попросить...

– Но я никак не могу на него повлиять, так что извините.

– Я тоже прошу меня извинить, госпожа.

Марико поставила свою чашку.

– Тогда вы решили, что некоторые языки опасны...

Дзэко резко произнесла:

– Если бы я собиралась кому-то выдавать ваши тайны, зачем бы я говорила вам об этом? Думаете, я так наивна?

– Может быть, вам лучше покинуть меня – мне еще так много надо сделать...

– Да, госпожа, я тоже так думаю! – согласилась Дзэко. Голос ее стал вдруг жестким. – Господин Торанага просил меня лично рассказать ему все, что я знаю о вас и Анджин-сане. Сегодня днем. Я склонила его к мысли, что между вами ничего нет. Я сказала так: «О да, господин, до меня тоже дошли эти грязные слухи, но в них нет ни слова правды. Я клянусь в этом жизнью моего сына и его сыновей! Если кому и знать, то, конечно же, мне. Положитесь на меня: все это злобная ложь – сплетни, сплетни ревнивцев, господин...» О да, госпожа... Для меня ведь тоже это было неожиданно, но моя игра убедила его и он мне поверил. – Дзэко залпом выпила саке и горько добавила: – Теперь мы все погибнем, если у него появятся доказательства, а ведь это нетрудно сделать...

– Сейчас?

– Конечно. Подвергнуть Анджин-сана пыткам – китайскими методами. Дзиммоко – тоже, меня, Кику-сан, Ёсинаку... извините, даже и вас, госпожа, – китайскими методами...

Марико сделала глубокий вдох.

– Могу я... могу я спросить у вас, почему вы пошли на такой риск?

– Потому что в определенных ситуациях женщины должны защищать друг друга от мужчин. Потому что на самом деле я ничего не видела. Потому что вы не причинили мне вреда. Потому что мне нравитесь вы и Анджин-сан и я верю, что у вас обоих своя карма. И потому, что я хотела бы видеть вас живой и своим другом, а не мертвой, и потому, что интересно смотреть, как вы, мотыльки, кружитесь в пламени жизни.

– Я не верю вам.

Дзэко тихонько рассмеялась.

– Благодарю вас, госпожа. – Овладев ситуацией, она говорила теперь с полной искренностью. – Очень хорошо, я скажу вам настоящую причину: мне нужна ваша помощь. Да, Торанага-сама не удовлетворил мои требования, но вы, наверное, сможете придумать, как этого добиться. Вы – единственный шанс, который я имела и могу еще иметь в этой жизни, и я не в силах так легко от него отказаться. Ну, теперь вы знаете. Пожалуйста, я почтительно прошу вас помочь мне с моей просьбой, – она положила на футон обе руки и низко поклонилась. – Пожалуйста, извините мою несдержанность, госпожа Тода, но все, что я имею, будет ваше, если вы мне поможете. – Она снова уселась, оправила складки кимоно и допила свое саке.

Марико пыталась все обдумать. Интуиция подсказывала ей, что этой женщине можно довериться, но ум все еще был затуманен только что пришедшей ей в голову разгадкой поступков Торанаги и ее облегчением от того, что Дзэко не выдала ее, как она думала, поэтому она решила отложить свое решение, обдумать его как следует в спокойном состоянии,

– Я постараюсь. Прошу вас, дайте мне время.

– Я могу вам дать даже больше, чем это. Вот факт: вы знаете секту Амида Тонга? Убийц?

– Да, а что они...

– Помните тот случай в Осацком замке, госпожа? Он тогда покушался на Анджин-сана, не на Торанагу-сама. Дворецкий господина Кийямы заплатил две тысячи коку за эту попытку

– Кийямы? Но почему?

– Он христианин. Анджин-сан был врагом даже тогда. А если тогда, то что же говорить про теперь? Теперь, когда Анджин-сан – самурай, свободен, имеет свой корабль...

– Еще один Амида, здесь?

Дзэко пожала плечами.

– Кто знает? Но я бы не дала набедренной повязки за жизнь Анджин-сана за пределами крепости, если он не будет беречься.

– Где он сейчас?

– В своем помещении, госпожа. Вы хотели вскоре посетить его? Может быть, самое время его предупредить.

– Похоже, вы знаете все о том, что и где происходит, Дзэко-сан!

– Я держу свои уши открытыми, госпожа, и глаза тоже.

Марико сделала над собой усилие, чтобы отбросить мгновенно возникшее беспокойство за Блэксорна.

– Вы говорили с Торанагой-сама об этом?

– О да, я ему сказала. – Уголки глаз у Дзэко изогнулись, она отпила саке. – Не думаю, чтобы он удивился. Это любопытно, вы не находите?

– Может быть, вы ошиблись?

– Может быть. В Мисиме я слышала, что против господина Кийямы составлен заговор, его хотят отравить. Ужасно, правда?

– Какой заговор?

Дзэко сообщила подробности.

– Невозможно. Ни один христианин-дайме не поступит так с другим.

Марико снова наполнила чашки.

– Могу я спросить, что еще сказал он и что сказали вы?

– Часть разговора – это моя просьба вернуть нам его милости и забрать нас из этой блошиной гостиницы, и он согласился. Сейчас у нас приличные помещения в замке, около Анджин-сана, в одном из домиков для гостей, и я могу приходить и уходить когда пожелаю. Он просил Кику-сан развлечь его сегодня вечером, и это еще один шаг к лучшему, хотя его, видимо, ничто уже не выведет из меланхолии, как вы думаете? – Дзэко выжидательно взглянула на Марико. Марико ответила ей бесхитростным взглядом и только кивнула. Ее собеседница вздохнула и продолжала: – Да, очень печально. Жаль. Часть времени мы провели, обсуждая те три секрета. Он просил меня повторить то, что я сказала вам.

«А, – подумала Марико, – вот и еще одна улика легла точно на свое место. Ошибка? Вот и приманка для Затаки. И Торанага получил возможность при необходимости влиять на Оми, и оружие против Оноши с Харимой или даже Кийямы».

– Вы улыбаетесь, госпожа?

Марико так хотелось поделиться с Дзэко своей радостью, сказать ей: «Как ценна ваша информация для нашего хозяина! Как он должен отблагодарить вас! Вас саму теперь следовало бы сделать дайме! И как удивительно: Торанага слушал все это и делал вид, что ему неинтересно. Как он загадочен!»

Но Тода Марико-нох-Бунтаро только покачала головой и спокойно произнесла:

– Сожалею, но ваши сведения не взбудрили его.

– Да, то, что я сообщила, не улучшило его настроения – он был скучен и потерян. Печально, не так ли?

– О да, такая жалость.

– Да, – Дзэко шмыгнула носом, – еще одна новость, прежде чем я уйду, госпожа, чтобы заинтересовать вас и упрочить нашу дружбу. Возможно, Анджин-сан очень плодит.

– Как?

– Кику-сан беременна.

– От Анджин-сана?

– Да. Или от господина Торанага. Может быть, и от Оми-сана. Все были с ней в соответствующий отрезок времени. Конечно, она предохранялась после Оми-сана, как обычно, но, как вы знаете, ни один метод не совершенен, ничего нельзя гарантировать, случаются и ошибки... Она забыла предохраняться после Анджин-сана, но не уверена, – это

был тот самый день, когда из Анджирио приехал курьер, и она была взволнована и отъездом в Ёкосе, и покупкой контракта. Все это так понятно... – Дзэко подняла руки, очень огорченная. – После господина Торанага, по моим представлениям, она принимала меры. Мы обе жжем ладан и молимся, чтобы родился мальчик.

Мариико рассматривала узор на своем веере.

– Кто? На кого вы думаете?

– Это сложно, госпожа. Не знаю. Я была бы рада вашему совету.

– Беременность надо прервать. Несомненно. Для нее нет никакого риска.

– Я согласна. К сожалению, Кику не соглашается.

– Что? Я поражена, Дзэко-сан! Конечно, она должна это сделать. Или надо сказать господину Торанаге. В конце концов, это случилось до того, как он...

– Может быть, это случилось до него, госпожа.

– Надо сказать господину Торанаге. Почему Кику-сан так непослушна и глупа?

– Карма, госпожа. Она хочет ребенка.

– Чьего ребенка?

– Этого она не сказала. Только – что это кто-то из них троих.

– У нее должно хватить ума прервать беременность и впредь быть осмотрительнее.

– Согласна. Я думаю, вам надо было знать, если... Пройдет еще много дней, прежде чем что-нибудь станет заметно или ей будут опасны неосторожные движения. Может быть, она еще передумает. В этом случае я не могу ее принуждать. Она больше не моя собственность, хотя я все время буду пытаться присматривать за ней. Было бы прекрасно, если бы ребенок оказался от господина Торанага. Но вдруг у него окажутся голубые глаза... Один совет, госпожа: скажите Анджин-сану, чтобы он не очень доверял Ураге-нох-Тадамаса, особенно в Нагасаки. Там – ни в коем случае. Этот человек в конце концов будет сохранять верность своему дяде, господину Хариме.

– Как вы узнали об этом, Дзэко-сан?

– Мужчинам необходимо делиться секретами, госпожа, вот почему они совсем не похожи на нас. Взвалить на кого-нибудь свои тайны... А мы, женщины, открываем их, чтобы получить какие-нибудь преимущества. Немного серебра и чуткое ухо, а у меня есть и то и другое... Это все очень легко. Мужчина должен делиться секретами. Вот почему мы одерживаем над ними верх и они всегда оказываются в нашей власти.

Глава Пятьдесят Первая

В темноте, перед самым рассветом, решетка боковых ворот без малейшего звука поднялась, по узкому подъемному мосту через внутренний ров с водой бесшумно проскочили десять человек. Железная решетка захлопнулась за ними. На противоположном конце моста бдительные часовые умышленно повернулись спиной и позволили им беспрепятственно пройти. Все они были в темных кимоно и конических шляпах, все крепко держали в руках мечи: Нага, Ябу, Блэксорн, Урага-нох-Тадамаса и шестеро самураев. Вел всех Нага – через лабиринт поворотов, вверх и вниз по лестницам и редко используемым переходам. Где бы они ни встречали патрулей и часовых, всегда бывших на чеку, Нага вынимал серебряный значок – и отряд проходил без остановок.

Хитрыми обходными путями он привел их к главным южным воротам – они были единственным путем через первый большой ров с водой. Здесь их ждал небольшой отряд самураев. Эти люди молча окружили группу Наги, закрыли ее со всех сторон, и все они вместе быстро перешли через мост. Их опять никто не окликнул. Они продолжили путь по слабо заметному спуску вниз, в сторону Первого Моста, держась так близко, как только можно, к теням факелов, которых так много было вокруг крепости. Перейдя мост, они повернули на юг и исчезли в лабиринте переулков, направляясь к морю.

Сразу за ограждением, окружающим «Эразмус» и пристань, сопровождавшие группу самураи остановились и сделали десятерым знак идти вперед, потом отдали честь,

повернулись и исчезли в темноте. Нага прошел через все барьеры – на пристань они попали спокойно. Там оказалось еще больше факелов и охранников, чем обычно.

– Все готово? – спросил Ябу, снова принимая командование.

– Да, господин, – ответил старший из самураев.

– Анджин-сан, вы все поняли?

– Да, благодарю, Ябу-сан.

– Вам лучше поторопиться.

Блэксорн увидел своих самураев – они собрались на пустой площади, с одной стороны, – и махнул на них Ураге, как было условлено заранее. Глаза его не переставали, проверяя и перепроверяя, ощупывать корабль и когда он взбирался на него и когда, ликующий, стоял на юте. Небо все еще было темным, рассвета не чувствовалось. По всем приметам день ожидался хороший, волны – небольшие. Он оглянулся на пристань: Ябу и Нага, казалось, были поглощены разговором; Урага объяснял его вассалам, что надо делать. Потом барьеры снова раздвинули и на свободное место вышли Баккус Ван-Некк и остальные из его команды – все явно испуганные. Их окружали часовые – они не отказывали себе в удовольствии поиздеваться над ошеломленными людьми. Блэксорн подошел к планширу и окликнул их:

– Эй, поднимайтесь на борт!

Когда команда увидела Блэксорна, все, видимо, немного успокоились и заторопились на корабль, но часовые набросились на них с ругательствами и те, смешавшись, остались на своих местах.

– Урага-сан! – крикнул Блэксорн, – Прикажите им сейчас же пропустить моих людей на борт! – Урага с готовностью повиновался. Самураи выслушали его и поклонились в сторону корабля, пропустив команду.

Первым на борт поднялся Винк; последним ощупью взбирался Баккус. Люди были все еще напуганы, но никто не поднялся на ют, который снова стал территорией Блэксорна.

– Боже мой, кормчий, – выдохнул Баккус, перекрыв гул вопросов, – что здесь происходит?

– Что случилось, кормчий? – вместе с другими повторил Винк. – Бог мой, мы спали, – видно, что-то случилось: дверь распахнулась, и эти обезьяны привели нас сюда...

Блэксорн поднял руку:

– Слушайте меня! – Когда установилась тишина, он спокойно заговорил: – Мы отведем «Эразмус» на безопасную стоянку...

– У нас не хватит людей, кормчий, – тревожно заговорил Виик, – Мы не...

– Слушай меня, Джохан! Нас потянут на буксире. В любой момент сюда может подойти еще один корабль. Джинсель, иди вперед – ты будешь бросать лот! Винк, становись к штурвалу! Жан Ропер и Баккус, становитесь к переднему вороту! Саламон и Круук, – на корму! Сонк, спускайся вниз и проверь наши припасы! Открой бочонок с грогом, если найдешь! Давай!

– Подождите минутку, кормчий! – начал Жан Ропер. – К чему такая спешка? Куда мы идем и почему?

Блэксорн почувствовал, как его охватило возмущение при таком допросе, но напомнил себе: они имели право знать – это не его вассалы и не эта, а его команда, его моряки и в некотором отношении его партнеры. Что ж, он объяснит.

– Приближается начало сезона штормов. Они называют их тайфунами – большими штормами. Это место стоянки небезопасно. За гаванью, в нескольких лигах к югу, – самая лучшая и безопасная стоянка. Это около деревни под названием Иокогама. «Эразмус» будет там в надежном месте и выдержит любой шторм. Так что давайте!

Никто не двинулся с места. Ван-Некк уточнил:

– Всего в нескольких лигах, кормчий?

– Да.

– А что потом? И к чему такая спешка?

– Господин Торанага разрешил мне сделать это сейчас. – Блэксорн сообщил им только половину правды. – И я решил: чем скорее, тем лучше – он ведь может передумать. В Июкогаме... – Он посмотрел назад: Ябу поднимался на корабль с шестью телохранителями, которые расчищали ему путь.

– Боже, – задохнулся Винк, – это он! Тот негодяй, который погубил Пьетерсуна!

Ябу подошел ближе к юту, широко улыбнулся, не заметив ужаса, охватившего команду, когда его узнали. Он показал на море:

– Анджин-сан, посмотрите туда!

Галера, как какое-то морское чудовище, двигалась к ним с запада, из крошечной темноты.

– Да, вижу, Ябу-сама! Вы хотите остаться здесь?

– Потом об этом, Анджин-сан. – Ябу отошел к началу лестницы.

Блэксорн опять обратился к своим людям:

– Давай вперед! По двое! И думайте, что болтаете! Говорите только по-голландски – здесь, на борту, есть человек, который понимает португальский! Поговорим, когда тронемся! Давай!

Моряки разошлись, радуясь, что избавились от Ябу. Урага и двадцать самураев Блэксорна взбежали на борт. Остальные выстроились на пристани – принимать галеру.

– Если пожелаете, сеньор, это ваша личная охрана, – представил Урага.

– Обращайтесь ко мне по имени – Анджин-сан, а не «сеньор».

– Прошу извинить, Анджин-сан. – Урага стал подниматься по ступенькам.

– Стой! Оставаться внизу! Никто не войдет на ют без моего разрешения! Скажи им!

– Да, Анджин-сан. Пожалуйста, извините меня.

Блэксорн подошел к борту – проследить как пристает галера, оказавшаяся западнее их.

– Джинсель! Спускайся на берег и проследи, как они примут наши канаты! Посмотри, чтобы они их хорошенько закрепили! Гляди веселей!

Полностью взяв корабль под контроль, Блэксорн внимательно осмотрел свою двадцатку.

– Почему из тех, связанных, выбрали именно их, Урага-сан?

– Они все из одного рода, Анджин-сан. Как братья, господин. Они просили оказать им такую честь – защищать вас.

– Анатава, анатава, анатава... – Блэксорн наугад отобрал десять человек и приказал отправить их на берег и заменить другими вассалами, тоже wybranнми Торанагой наугад.

– Скажите им, Урага-сан, моим вассалам: все они должны быть как братья – или сразу могут совершить сеппуку.

– Вакаримас, Анджин-сан. Гомен насаи.

Между тем носовые концы уже были переданы на борт другого судна. Блэксорн сам все проверил, определил направление ветра: его познания в морском деле говорили ему, что даже в ласковых водах такой большой гавани, как Эдо, внезапный шквал может сделать плавание очень опасным.

– Отдать концы! – крикнул он. – Има, капитан-сан!

Помощник потихоньку пустил от пристани галеру, на которой поплыли самураи и оставшиеся вассалы Блэксорна; с ними на борту был Нага. Ябу стоял рядом с Блэксорном на юте «Эразмуса». Корабль слегка накренился и задрожал, почувствовав силу течения. Блэксорн и его команда ликовали, – радостное возбуждение, вызванное выходом в море, пересилило все тревоги. Джинсель свесился с края аккуратной, укрепленной на тросах платформы у правого борта и бросал лот, выкрикивая глубину. Пристань отходила все дальше.

– Эй, впереди, юккури сей! Тише ход!

– Хай, Анджин-сан! – донесся ответный крик. Оба корабля вместе прощупывали свой путь, отыскивая течение, проходящее по заливу, – ориентиром служили огни на верхушках мачт.

– Хорошо, Анджин-сан! – Ябу был доволен. – Очень хорошо!

Ябу подождал, пока они вышли в море, потом отвел Блэксорна в сторону.

– Анджин-сан, – начал он осторожно. – Вчера вы спасли мне жизнь, отозвав ваших ронинов...

– Это мой долг, только и всего.

– Нет, не долг. В Анджино... Вы помните того человека, моряка... помните?

– Да, помню, конечно.

– Сигата га наи, нех? Карма? Это было до того, как вы стали самураем и хатамото... – Глаза Ябу блестели в свете морского фонаря, он продолжал тихо и четко: – То, что было перед «Продавцом Масла», помните? Как самурай самурая прошу забыть все, что было раньше. Начнем снова. С сегодняшнего дня. Пожалуйста. Вы меня поняли?

– Да, понял.

– Вы нуждаетесь во мне, без меня у вас не будет чужеземных вако. Один вы их не найдете. Ни в Нагасаки, нигде. Я могу их найти – помочь вам их найти. Теперь мы воюем на одной стороне – на стороне Торанаги. На одной стороне! Без меня не будет вако. Вы поняли мои слова?

Блэксорн посмотрел на галеру, идущую впереди, на палубу и на своих моряков, потом ответил:

– Да. Понял.

– Вы понимаете слово «ненависть»?

– Да.

– Ненависть идет от страха. Я не боюсь вас. Вам не нужно бояться меня. Никогда больше не нужно бояться. Я хочу того же, что и вы, ваш новый корабль здесь, вы здесь – капитан новых кораблей. Я могу во многом вам помочь. Сначала Черный Корабль... Да-да, Анджин-сан. – Ябу увидел радость на лице Блэксорна. – Я уговорю господина Торанагу. Вы знаете, я – воин! Я возглавлю нападение на корабль. Я на земле помогу вам взять Черный Корабль. Вместе вы и я сильнее, чем по отдельности.

– Да. Можно будет получить еще людей? Кроме моих двух сотен?

– Если вам потребуется две тысячи... пять тысяч!.. Не беспокойтесь, вы ведите корабль – я буду вести бой. Согласны?

– Да. Это честная игра. Спасибо. Я согласен.

– Хорошо, очень хорошо, Анджин-сан. – Ябу знал, что такое взаимодействие будет выгодно им обоим, как бы ни ненавидел его чужеземец. Логика Юрико снова оказалась безупречной.

В начале этого вечера Ябу встречался с Торанагой и просил разрешения сразу же выехать в Осаку, чтобы подготовить для него дорогу.

– Пожалуйста, извините меня, но я думаю, дело достаточно срочное. В конце концов, господин, – Ябу говорил уважительно, как задумали они с женой, – вам ведь нужен кто-нибудь из высокопоставленных чинов – удостовериться, что все ваши условия выполнены. А Ишидо крестьянин, он не понимает всех правил и церемоний, на которые уходят недели. – Он был обрадован той легкостью, с которой Торанага дал себя убедить. – И еще одно, господин, – о корабле чужеземцев. Надо сейчас же отвести его в Иокогаму – на случай тайфуна. С вашего разрешения, я сам прослежу за этим, до того как уеду. Мушкетный полк может его охранять – это как раз его дело. Потом я бы поплыл на галере прямо в Осаку. Морем надежнее и быстрее.

– Очень хорошо, Ябу-сан, если вы думаете, что так будет разумнее, так и сделайте. Но возьмите с собой Нагу-сана. Оставьте его командовать в Иокогаме.

– Да, господин. – Ябу рассказал Торанаге о том, как был разгневан Тсуку-сан; о том, как набрать людей в Нагасаки, если Торанага хочет, чтобы Анджин-сан был в безопасности, а корабль спущен на воду – здесь важна быстрота, отправлять его придется без промедлений. – Думаю, священник может направить своих обращенных в христианство последователей против Анджин-сана.

– Вы уверены?

– О да, господин. Может быть, мне следует на это время взять Анджин-сана под свою защиту. – Потом, как если бы у него возникла внезапная мысль, Ябу добавил: – Самым простым было бы взять Анджин-сана с собой. Я могу начать подготовку в Осаке, продолжить в Нагасаки, взяв там новых чужеземцев, а завершить все приготовления на обратном пути.

– Делайте как находите нужным, – разрешил Торанага. – Я оставляю за вами право решать, мой друг.

Ябу был счастлив, что наконец-то может действовать. Не было запланировано только присутствие Наги, но это не имело значения, да, в конце концов, и разумно иметь его в Йокогаме.

А теперь, на «Эразмусе», Ябу наблюдал за Анджин-саном: такой высокий и сильный, ноги слегка расставлены, легко покачивается вместе с качкой судна, как бы следуя за ударами волн, – он, казалось, составлял единое целое с кораблем, был его неотъемлемой принадлежностью. Да, здесь он совсем другой, чем на берегу... Облик Анджин-сана – кормчего произвел глубокое впечатление на Ябу, и он стал вполне сознательно подражать ему – старался принимать такую же высокомерную позу, тщательно копировал его гордую осанку...

– Я хочу больше, чем Кванто, Юрико-сан, – шепнул он жене перед самым отъездом из дому. – Я хочу еще одно – командовать на море! Быть господином адмиралом! Все доходы от Кванто мы пустим на выполнение плана Оми – отправить чужеземца домой, чтобы он купил корабли и вернулся с ними сюда. А Оми поедет с ним.

– Что ж, – Юрико эта «морская» идея Ябу, видимо, пришлась по душе, – мы можем ему доверять.

* * *

Пристань в Эдо опустела. Последние самураи из охраны скрылись в закоулках, ведущих к замку. Из темного двора вышел отец Алвито, сопровождаемый братом Михаилом. Алвито посмотрел на море.

– Пусть Бог проклянет этот корабль и тех, кто плывет на нем!

– Кроме одного, отец. На этом корабле уплыл один из наших людей. И Нага-сан. Нага-сан поклялся, что станет христианином в первый же месяц Нового года.

– Если у него будет этот следующий год. – Алвито терзали дурные предчувствия. – Я ничего не знаю про Нагу – собирается он стать христианином или нет. Зато этот корабль собирается нас уничтожить, а мы ничего не можем сделать.

– Бог нам поможет.

– Да, но пока мы, солдаты Бога, должны помогать ему. Отца-инспектора надо сразу уведомить о происходящем, да и адмирала тоже. Вы нашли почтового голубя, чтобы отправить в Осаку прямо сейчас?

– Нет, отец, никакие деньги не помогли. Даже до Нагасаки не нашел. Несколько месяцев назад Торанага приказал передать ему всех голубей.

Мрачное настроение Алвито усилилось.

– Должен же быть у кого-то хоть один голубь! Заплатите сколько потребуют. Этот еретик может нам очень навредить, брат Михаил.

– А может быть, и нет, отец.

– Зачем они отправили этот корабль? Конечно, для страховки, а главное – чтобы убрать его подальше от нас. Зачем Торанага дал еретику двести вако и вернул деньги? Конечно, чтобы использовать его для нападения, а деньги – нанять еще пиратов: моряков и артиллеристов. Почему он отпустил Блэксорна? Чтобы погубить нас, напав на Черный Корабль. Боже, помоги нам, Торанага предает нас!

– Мы предали Торанагу, отец.

– Мы ничем не можем ему помочь! Мы пытались, как только могли, уговорить дайме. Мы бессильны!

– Если бы мы молились усерднее, Бог, возможно, указал бы нам путь.

– Я молюсь и молюсь, но... видно. Бог и в самом деле оставил нас, брат Михаил, – мы недостойны его милости. Я знаю, что недостойн.

– Неизвестно еще, найдет ли Анджин-сан артиллеристов и моряков, доберется ли до Нагасаки...

– С его серебром он купит всех, кто ему нужен, – даже католиков, даже португальцев. Люди зря думают об этой жизни, а не о будущей, не открывают глаз, так легко продают свои души... Молюсь, чтобы Блэксорн или его посланцы никогда не добрались до Нагасаки. Не забывайте – ему совсем не обязательно ехать туда самому. Его люди могут и нанять всех и привезти куда потребуется. Ну что же, пойдемте домой. – Удрученный Алвито направился к миссии иезуитов, находившейся примерно в миле на запад, рядом с доками, за одним из больших складов, где хранились сезонные запасы шелка и риса. Эти склады составляли часть торгового комплекса – иезуиты управляли им по поручению продавцов и покупателей.

Они пошли вдоль берега: Алвито остановился и снова взглянул на море: начинался рассвет, кораблей он не рассмотрел. Вчера Михаил сказал ему, что один из новых вассалов Блэксорна – христианин. Прошедшим вечером, когда по закоулкам Эдо пронеслась весть – что-то там происходит с Анджин-саном и его кораблем, Алвито торопливо набросал зашифрованное послание дель Акве, сообщая все последние новости, и попросил этого вассала, если он попадет в Осаку, тайком передать письмо. Но кто может знать, дойдет ли оно... Незаметно для себя он задал этот вопрос вслух.

– Письмо дойдет, – успокоил его брат Михаил. – Наш человек знает, что он едет с врагом.

– Всевидящий Бог даст ему силы и проклянет Урагу. – Алвито, казалось, ждал поддержки от этого юноши. – Почему? Почему он стал отступником?

– Он говорил вам, отец. Он хотел стать священником – посвященным в нашем обществе. Он немногого просил для гордого слуги Бога.

– Он был слишком горд, брат. Бог в своей мудрости искушал его и догадался о его помыслах.

– Молюсь, чтобы у меня не оказалось таких желаний, когда придет моя очередь.

Алвито прошел к большому участку земли за миссией. Торанага отвел этот участок для строительства собора, – скоро он восстанет из земли во славу Господа. Иезуит уже мысленно представлял его себе: высокий, величественный и в то же время тонко и строго соразмерный, он властвует над городом; представительные бронзовые двери всегда открыты для истинно верующих; звонят на все лады чудные колокола, отлитые в Макао, или Гоа, или даже в Португалии... Он ощущал запах ладана, слышал звуки песнопений на латыни... «Но война погубит все эти мечты, – сказал он себе. – Снова придет война, чтобы погубить эту землю, и все будет как прежде».

– Отец! – прошептал брат Михаил, предупреждая его. Перед ними, вместе с двумя служанками, стояла дама, под вуалью, в богатой одежде, рассматривая место, где собирались заложить фундамент, провели разметку и уже начали копать котлован. Алвито ждал не двигаясь, всматриваясь в полуосвещенное пространство. Наконец брат Михаил зашевелился и его нога подцепила камень, тот упал на невидимую в темноте железную лопату – раздался резкий металлический звук. Женщина настороженно повернулась – Алвито узнал ее.

– Марико-сан? Это я, отец Алвито.

– Отец Алвито? О, я была... я просто приходила навестить вас перед отъездом... хотела поговорить...

Алвито подошел к ней.

– Очень рад встрече с вами, Марико-сан. Я слышал, вы уезжаете... Несколько раз пытался я вас повидать, но меня все еще не пускают в замок. – Алвито посмотрел на брата Михаила, который также был озадачен тем, что такая важная дама почти без провожатых

пришла сюда столь рано и без предварительной договоренности.

– Вы здесь только для того, чтобы повидать меня, Марико-сан?

– Да, и посмотреть, как уходил корабль.

– Чем я могу быть вам полезен?

– Я хочу исповедаться.

– Тогда пусть это будет здесь. Вы будете здесь первой, хотя это место только что освящено.

– Пожалуйста, простите меня, но не могли бы вы отслужить здесь мессу, отец?

– Здесь нет ни церкви, ни алтаря, ни ризы, ни причастия. Я могу сделать это в нашей часовне...

– Можно ли напиться чаю из пустой чашки, отец? Пожалуйста, извините меня за такую просьбу, – тихонько попросила она, – это займет немного времени.

Алвито согласился – он сразу понял ее и прошел туда, где в нефе, под сводчатой крышей, виделся ему будущий алтарь. Сегодня крыша – светлеющее небо, хор – пение птиц и звуки прибоа... Он начал мессу, брат Михаил помогал ему, – вдвоем они смогли придать ей должную величественность. Но прежде чем вручить Марико предполагаемое причастие, он остановился.

– Теперь я должен услышать вашу исповедь, Мария. – Он сделал брату Михаилу знак удалиться, сел на камень, заменивший ему скамью в воображаемой исповедальне, и закрыл глаза.

Она стала на колени.

– Перед Богом... Прежде исповеди, отец, я прошу о милости.

– У меня или у Бога, Мария?

– Я прошу милости у Бога.

– Какой милости ты хочешь?

– Жизнь Анджин-сана в обмен на сведения.

– Не мне давать ему жизнь и забирать ее.

– Да. Но, извините меня, среди всех христиан можно разослать приказ, что его смерть негодна Богу.

– Анджин-сан – враг. Страшный враг нашей веры.

– Да. И все равно я прошу сохранить ему жизнь. В обмен... в обмен, может быть, я могу оказать большую помощь.

– Какую?

– Мне окажут эту милость, отец? Обещаете перед Богом?

– Я не могу вам обещать такое. Не в моей власти брать или давать жизнь. Нельзя торговаться с Богом.

Марико колебалась, стоя перед ним на коленях на каменистой земле. Потом она поклонилась и поднялась.

– Очень хорошо, прошу вас простить меня...

– Я передам вашу просьбу отцу-инспектору, – пообещал Алвито.

– Этого недостаточно, отец, простите меня.

– Я изложу вашу просьбу и попрошу ее рассмотреть.

– Если то, что я скажу, окажется очень важным, поклянетесь ли вы именем Бога, что сделаете все, что в ваших силах, – все... чтобы помочь ему, оберегать его, – конечно, если это не будет направлено непосредственно против церкви?

– Если это не повредит церкви, – да.

– И, простите, вы согласны передать мою просьбу отцу-инспектору?

– Клянусь Богом!

– Благодарю вас, отец. Тогда слушайте... – Она рассказала ему о своих предположениях по поводу Торанаги и устроенной им мистификации.

Для Алвито все внезапно встало на свои места.

– Вы правы, вы, должно быть, правы! Боже, прости меня, как мог я быть так глуп?

– Пожалуйста, слушайте дальше, отец, вот еще факты. – Она прошептала ему о Затаки и Оноши.

– Это невозможно!

– Ходят также слухи, что господин Оноши хочет отравить господина Кийяму.

– Невероятно!

– Прошу меня простить, но очень возможно. Они старые враги.

– Кто сказал вам все это, Мария?

– Ходят слухи, что Оноши отравит господина Кийяму в этом году, во время праздника благословенного святого Бернарда. – Марико не ответила на его вопрос. – Сын Оноши станет новым хозяином всех земель Кийямы. Генерал Ишидо согласен с этим, предполагая, что мой хозяин уже ушел в Великую Пустоту.

– Доказательства, Марико-сан! Где доказательства?

– Простите, у меня их нет. Но господин Харима скоро узнает.

– Откуда вам это известно? И как узнает Харима? Вы говорите, он участвует в заговоре?

– Нет, отец. Он просто знает эту тайну.

– Невероятно! Оноши слишком скрытен и слишком умен. Если бы он планировал такое, никто бы не проведал. Вы, наверное, ошибаетесь. Кто вам это сообщил?

– Извините, я не могу открыть, простите меня. Но я считаю, что это правда.

Алвито стал перебирать все варианты. И тут же его озарило:

«Урага! Конечно же! Урага исповедовал Оноши! О Матерь Божья, Урага нарушил тайну исповеди и рассказал своему сюзерену...»

– Может быть, все эти тайны и не соответствуют действительности, отец. Но я считаю, что это все правда. Только Бог знает истину...

Марико не подняла вуали, и Алвито ничего не мог заметить по ее лицу. На небе уже занимался рассвет... Священник посмотрел на море: на горизонте можно было различить оба корабля – они направлялись на юго-запад, весла галеры взлетали в унисон, ветер легкий, море спокойно... У Алвито заболела грудь, голова гудела от всего, что он узнал... Он молил Бога о помощи и пытался отделить факты от выдумки. В глубине души он чувствовал: все верно, и доводы ее безупречны.

– Вы сказали, что Торанага перехитрит Ишидо – что он победит?

– Нет, отец, никто не победит. Но без вашей помощи господин Торанага проиграет. Затаки доверять нельзя – он всегда будет угрозой нашему господину. Затаки осознает это и понимает, что обещания Торанаги – пустой звук: Торанага в конце концов попытается его уничтожить. Если бы я была на месте Затаки, я уничтожила бы Судару, и госпожу Дзендзико, и всех их детей сразу же, как только они попали в мои руки, и сразу же двинулась бы против Торанаги со стороны северных границ. Я бросила бы свои войска с севера, что вывело бы Ишидо, Икаву Дзикью и всех остальных из их дурацкой летаргии. Торанагу слишком легко уничтожить, отец.

Алвито подумал немного, потом сказал:

– Поднимите вуаль, Мария. – Он увидел, что ее лицо превратилось в маску, – Зачем вы рассказали мне все это?

– Чтобы спасти жизнь Анджин-сана.

– Вы совершаете преступление ради него, Мария? Вы, Тода-Марико-нох-Бунтаро, дочь генерала Акечи Дзинсан, – вы совершаете преступление из-за иностранца? Вы просите меня поверить в это?

– Нет, простите, также... также чтобы защитить церковь. Прежде всего чтобы защитить церковь, отец... Я не знаю, что делать. Я думала, вы... Господин Торанага – единственная надежда церкви. Я надеялась, вы как-то поможете ему... защитить церковь. Господину Торанаге сейчас нужно помочь, он хороший и умный человек, и церковь при нем будет процветать. Я знаю, что ее настоящий враг – Ишидо.

– Большинство дайме-христиан верят, что Торанага уничтожит церковь и наследника,

если победит и получит власть.

– Это не исключено, но я сомневаюсь. Он честно ведет себя с церковью – и всегда это было так. Ишидо – ярый противник христиан. И госпожа Ошиба – тоже.

– Все крупные дайме-христиане против Торанаги.

– Ишидо – крестьянин. Торанага-сама честный и мудрый, он хочет торговать.

– Торговать будут всегда, кто бы ни стал правителем.

– Господин Торанага во всех делах проявлял себя как ваш друг, и, если вы честны с ним, он будет честен с вами. – Марико показала на начатый фундамент, – Это ли не свидетельство его честности? Он охотно отдал вам эту землю – даже когда вы подвели его – и потерял все, и вашу дружбу тоже.

– Может быть.

– И еще одно, отец: только Торанага-сама в силах предотвратить эту бесконечную войну – вы ведь знаете. Как женщина, я прошу Бога, чтобы вечная война прекратилась.

– Да, Мария, он, наверное, единственный, кто это может.

Он отвел от нее глаза: брат Михаил стоял на коленях, погруженный в молитвы, две служанки терпеливо ждали у берега. Иезуит был ошеломлен всем услышанным, нервы его устали, но он чувствовал подъем, прилив сил.

– Я рад, что вы пришли сюда и открыли мне все это. Благодарю вас от имени церкви и от себя, слуги церкви. Я сделаю все, что обещал.

Она наклонила голову и ничего не сказала.

– Вы передадите мое послание отцу-инспектору, Марико-сан?

– Да, если он в Осаке.

– Личное письмо?

– Да.

– Оно будет на словах: вы расскажете ему все, что сказали мне и что я сказал вам. Это все.

– Очень хорошо.

– Обещаете мне перед Богом?

– Вам нет нужды говорить мне это, отец. Я согласилась. Он заглянул ей в глаза – взгляд ее был тверд и решителен.

– Прошу простить меня, Мария. Теперь давай перейдем к твоей исповеди.

Она опустила вуаль.

– Я тоже прошу меня простить, отец, я недостойна даже того, чтобы исповедаться.

– Все мы достойны перед Богом.

– Кроме меня. Я недостойна, отец.

– Вы должны исповедаться, Мария. Я не могу продолжать мессу – вам надо предстать перед Ним очищенной.

Она стала на колени.

– Простите меня, отец, так как я согрешила, но я могу только признаться, что недостойна исповеди, – прошептала она прерывающимся голосом.

Отец Алвито сочувственно положил руку ей на голову.

– Дочь моя, позволь мне просить у Бога прощения за твои грехи. Позволь мне от Его имени дать тебе прощение и представить тебя перед Ним. – Он благословил ее и продолжал свою мессу в воображаемом соборе, под рассветным небом... службу более реальную и более красивую, чем те, которые они воочию видели в своей жизни.

* * *

«Эразмус» поставили на якорь достаточно далеко от берега, чтобы оставалось вдоволь свободного пространства, и настолько близко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Блэксорн не помнил такой защищенной от штормов стоянки: шесть саженей чистой воды и прочный грунт под ними, и все кругом, кроме узкого прохода, окружено высокими горами,

способными укрыть от самых страшных ураганов.

Дневной переход из Эдо не ознаменовался никакими происшествиями, хотя и был утомителен. В половине ри к северу, у пирса рыбацкой деревушки Йокогама, стояла на якоре галера; на борту «Эразмуса» они остались одни – Блэксорн со своей командой и вассалами. Ябу и Нага спустились на берег, чтобы провести инспекцию мушкетного полка, получившего приказание вскоре присоединиться к ним. На западе низко над горизонтом висело раскаленное солнце, ярко-розовое небо обещало на следующий день хорошую погоду.

– Почему сейчас, Урага-сан? – спросил Блэксорн с юта. Кормчий все время недосыпал, здорово устал, и глаза у него были красные. Только что он приказал команде, да и всем остальным идти спать, а тут Урага... Попросил отложить отдых – желает узнать, есть ли среди его вассалов христиане, – Вы не можете подождать до завтра?

– Нет, господин, извините, – Урага взглянул на него, стоя перед собравшимися самураями; голландская команда беспокойной толпой сгрудилась у релинга. – Пожалуйста, извините меня, но это очень важно определить сразу же. Вы их самый большой враг, – значит, должны их знать, чтобы принять меры вовремя. Я обязан защитить вас. Это ведь недолго.

– Все на палубе?

– Да, господин.

Блэксорн подошел ближе к релингу и спросил по-японски:

– Есть здесь кто-нибудь из христиан? – Ответа не последовало. – Приказываю христианам выйти вперед, – Никто не двинулся. Тогда он повернулся к Ураге: – Поставь десять человек на охрану палубы, и распусти остальных.

– С вашего разрешения, Анджин-сан. – Урага вынул из-под кимоно маленькую нарисованную маслом икону, которую захватил в Эдо, и бросил ее на палубу изображением вверх, потом наступил на нее... Блэксорн и его команда были встревожены таким святотатством – все, кроме Жана Ропера, – Пожалуйста, пусть все ваши вассалы сделают так же, – предложил Урага.

– Зачем?

– Я знаю христиан, – Глаза Ураги были наполовину спрятаны под полями шляпы. – Пожалуйста, господин. Важно, чтобы это сделал каждый. И именно сейчас, вечером.

– Хорошо, – неохотно согласился Блэксорн. Урага повернулся к вассалам Блэксорна.

– По моему предложению наш господин требует, чтобы каждый из вас сделал так же.

Самураи принялись гомонить, потом один из них заявил:

– Мы ведь уже сказали, что мы не христиане. Что это докажет, если мы будем топтать картину варварского бога? Ничего!

– Христиане – враги нашего хозяина! Христиане – изменники! Но христиане есть христиане. Прошу простить меня, я знаю христиан, – к моему стыду, я предал наших настоящих богов. Считаю, что это необходимо для безопасности нашего господина.

– Раз так, говорить больше не о чем, – Самурай вышел вперед и наступил на икону. – Я не исповедую религию чужеземцев! Ну, давайте все! Делайте, что вам сказали!

Один за другим самураи выходили вперед... Блэксорн смотрел молча, но церемония эта ему не нравилась... Ван-Некк обеспокоился.

– По-моему, это не дело.

Винк поднял глаза на ют.

– Негодяи! Они перережут нам глотки не задумываясь! Вы уверены, что им можно доверять, кормчий?

– Да, уверен.

– Да-а, – протянул Джинсель, – ни один католик не пошел бы на это, а, Джохан? Хитер этот Урага-сан...

– Какая разница, окажутся эти педерасты папистами или нет, – все равно они поганые самураи.

– Вот уж правда, – вставил свое слово Круук.

– Пусть даже и так, все равно не годится поступать по-свински, – повторил Ван-Некк.

Самураи, двигаясь беспорядочной толпой, один за другим наступали на икону, которая валялась на палубе. Зрелище не из приятных... Блэксорн уже жалел, что согласился, – до темноты предстояло еще переделать столько важных дел... Мысли его отвлеклись от этого глупого топтания, глаза обратились к деревне, окруженной горами. На склонах холмов рассыпались сотни соломенных навесов – лагерь мушкетного полка. «Скорее бы на берег! – подумал он. Так хотелось осмотреть эту землю – она теперь его, похвастаться наделом, который дал ему Торанага и куда входила Йокогама. – Бог мой! – сказал он себе. – Я – хозяин одной из самых больших гаваней в мире!» Он совсем забыл о том, что происходит на палубе.

Один самурай вдруг обошел икону, выхватил меч и бросился на Блэксорна. Дюжина встревоженных самураев тут же смело выскочила перед ними и загородила ют. Блэксорн вернулся на землю из страны своих мечтаний... Он мгновенно выхватил пистолет, взвел курок и прицелился... Все рассыпались по палубе, толкаясь, спотыкаясь и в общей суматохе мешая друг другу. Самурая юзом протащило по палубе до полной остановки, он яростно заревел, переменил направление и рубанул мечом, целясь в Урагу, который чудом избежал удара. На него накинулась кучка самураев, но он увернулся, бросился к борту и прыгнул в море... Четверо самураев, умевшие плавать, бросили боевые мечи, зажали во рту ножи и прыгнули вслед за ним, остальные вместе с голландцами столпились у борта.

Блэксорн спрыгнул на планшир: сначала он ничего не мог разглядеть внизу, потом различил в воде кружащиеся темные тени. Один самурай вынырнул, глотнул воздуха и опять ушел вниз... Скоро на поверхности появились четыре головы, – между ними плавал труп с ножом в горле...

– Простите, Анджин-сан, это его собственный нож! – крикнул один из них, перекрывая крики остальных.

– Урага-сан, скажите им – пусть обыщут, потом оставят на корм рыбам!

Обыск ничего не дал. Когда все опять собрались на палубе, Блэксорн указал на икону заряженным пистолетом:

– Все самураи, идите еще раз! – Ему подчинились мгновенно, и он удостоверился, что испытание прошли все до одного. Потом, чтобы поощрить и отблагодарить Урагу, он приказал и своей команде сделать то же самое. Послышались протесты.

– Без разговоров! – прорычал Блэксорн. – Быстро! Или я подгоню вас ногой под зад!

– Не стоит так, кормчий, – миролюбиво произнес Ван-Некк, – мы ведь не вонючие местные язычники!

– Они не вонючие местные язычники! Они самураи, клянусь Богом!

Все уставились на него. Гнев, подхлестнутый страхом, вырвался наружу. Ван-Некк продолжал что-то возражать, но тут вмешался Джинсель:

– Самураи – язычники, негодяи! Они – или такие, как они, – убили Пьетерсуна, нашего адмирала и Маетсуккера!

– Но без этих самураев мы никогда не вернемся домой, поняли?

Теперь за командой наблюдали все самураи. Они угрожающе двинулись в сторону Блэксорна, явно показывая намерение его защитить. Ван-Некк плюнул.

– Да ладно, черт с ними! Мы все немного обидчивы и прилично устали – ночью нам досталось! Мы здесь не хозяева, ни один из нас – даже кормчий. Он знает что делает, – он командир! Теперь же он у нас адмирал!

– Оно так, но он не прав, что становится на их сторону, а не на нашу... И, ей-богу, он не король – мы такие же, как он, – прошипел Жан Ропер. – Если он вооружен как они и может говорить с этими гомосеками, это еще не делает его командиром над нами! Мы с ним наравне перед нашим и его законом, ей-богу, хоть он и англичанин! Он поклялся соблюдать правила! Что, кормчий, разве не так?

– Верно, – отвечал Блэксорн. – В море это наш закон – там мы хозяева, и там нас много.

Теперь – не то. Делайте, что я сказал, и быстро!

Команда продолжала роптать, но все повиновались.

– Сонк! Ты нашел грог?

– Ничего нет, черт бы их взял!

– Я пришлю sake на борт. – Перейдя на португальский, Блэксорн добавил: – Урага-сан, вы пойдете со мной на берег и возьмете с собой кого-нибудь из гребцов. Вы четверо, – сказал он по-японски, указывая на тех, кто нырял с борта, – теперь капитаны. Понятно? Возьмите каждый по пятьдесят человек.

– Хай, Анджин-сан.

– Как вас зовут? – спросил он одного из них, высокого, спокойного мужчину со шрамом на щеке.

– Нава Сисато, господин.

– Вы сегодня капитан всего корабля – пока я не вернусь.

– Да, господин.

Блэксорн подошел к трапу, где внизу была привязана шлюпка.

– Куда вы собираетесь, кормчий? – встревоженно спросил Ван-Некк.

– На берег. Вернусь позднее.

– Хорошо, мы поедем все!

– Ей-богу, я вернусь с...

– И я. Я поеду... Боже мой, не оставляй меня...

– Нет! Я поеду один!

– А как же с нами! – вскинулся Ван-Некк, – что нам делать? Не покидай нас, кормчий!

Что мы...

– Просто ждите! – ответил Блэксорн. – Я поищу еду и выпивку и пришлю на борт.

Джинсель воинственно налетел на Блэксорна:

– Я думал, мы собираемся вернуться вечером... Почему мы не возвращаемся обратно? Сколько времени мы собираемся оставаться здесь, кормчий. Сколько? Да, а что с Эдо? – Джинсель еще возвысил голос. – Долго нам торчать здесь, с этими проклятыми обезьянами?

– Да, обезьянами, – с удовольствием повторил Сонк. – А наши пожитки, соседи?

– Что с нашими эта? Кормчий, а как же наши приятели, женщины?

– Они придут завтра, – пришлось пообещать Блэксорну. – Потерпите, я вернусь быстро. Баккус, ты остаешься старшим! – Он опять пошел к трапу.

– Я с тобой! – резко заявил Жан Ропер, направляясь за ним следом. – Мы в гавани, уже были всякие случаи – надо взять какое-нибудь оружие.

Блэксорн резко повернулся к нему – и сразу же вскинулось больше дюжины мечей, готовых разрубить Жана Ропера.

– Еще слово и ты покойник! – предупредил Блэксорн.

Высокий, худой купец вспыхнул – и остановился.

– Придерживай язык, когда ты рядом с самураями, – каждый из них может отсечь тебе голову раньше, чем я успею его остановить. Вот что значит невоспитанность! Ну-ка, может еще кто попробует? Самураи так обидчивы, а с вами и я становлюсь обидчивым. А оружие вы получите, когда потребуется. Все ясно?

Жан Ропер уныло кивнул и отошел – запал его явно иссяк. Самураи все еще сохраняли настороженность... Блэксорну пришлось принять меры: он успокоил их несколькими японскими словами и четко отдал приказ: под страхом смерти оставить его команду в покое! Он спустился по трапу и сел в лодку, за ним – Урага и один самурай. Сисато, оставленный капитаном, приблизился к Жану Роперу, заметно унявшемуся после речи Блэксорна, поклонился, отошел – и тут же словно забыл о только что разыгравшейся сцене. ... Когда лодка была уже далеко от корабля, Блэксорн поблагодарил Урагу за поимку шпиона.

– Пожалуйста, не благодарите. Это только наш долг.

Блэксорн сказал по-японски, чтобы понял и другой самурай:

– Да, долг. Но ваше жалованье теперь изменится – вы будете получать сто коку в год, а

не двадцать.

– О, господин, благодарю вас. Я не заслужил этого. Я только выполнял свой долг...

– Говорите медленно. Не понимаю.

Урага извинился и повторил медленнее.

Блэксорн счел необходимым повторить свои похвалы. Вдруг усталость охватила его, – он поудобнее уселся на корме и едва преодолевал дремоту, глаза закрывались сами собой... Надо все же еще раз убедиться, что корабль хорошо поставлен... Ван-Некк и остальные стояли у планшира, он пожалел, что взял их на борт, хотя и знал, что выбора не было: без них этот переход был бы небезопасным. «Взбалмошный народ... Какого черта я с ними связался... Все мои вассалы знают про деревню эта, а моряки мои такие же противные, как... Боже, о чем это я! Карма...» Он все же вздремнул... Когда лодка ткнулась носом в берег у пирса, Блэксорн вернулся к реальности – и не сразу сообразил, где он... Во сне он пребывал в замке, в объятиях Марико – совсем как в прошлую ночь... ... Прошлой ночью, после любви, они лежали в полусне... Фудзико стерегла их покой, Дзиммоко стояла на страже, когда Ябу и его самураи постучали у дверей... Вечер начинался так приятно: Фудзико благоразумно пригласила Кику, и он никогда не видел Кику такой красивой и жизнерадостной... Когда колокола пробили час кабана, точно как обещала, прибыла Марико.

Было очень весело, много sake, но вскоре Марико нарушила все очарование этого вечера:

– Извините, но вы в большой опасности, Анджин-сан... – Она рассказала то, что узнала от Дзэко об Ураге. И Кику и Фудзико – обе были одинаково возмущены и встревожены.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, я прослежу за ним, – успокаивал их Блэксорн.

Но Марико продолжала:

– Возможно, вам следует остерегаться и Ябу-сама тоже, Анджин-сан.

– Что вы говорите?

– Сегодня днем я видела ненависть на вашем лице. Он тоже ее заметил.

– Ерунда! Сигата га наи, нех?

– Нет, простите, вы совершили одну большую ошибку. Зачем вы остановили своих людей, когда они в самом начале окружили Ябу-сама? Они быстро расправились бы с ним, и ваш враг погиб бы без всякого риска для вас!

– Это было бы нечестно, Марико-сан! Все – против одного! Это подло!

Марико объяснила Кику и Фудзико, о чем они говорят, и опять обратилась к нему:

– Пожалуйста, извините меня, Анджин-сан, но мы все считаем, что так думать очень опасно, и просим вас вести себя по-другому. Опасно, неправильно и наивно! Прошу извинить мне такую прямоту. Ябу-сан погубит вас!

– Нет, пока нет, я все еще очень нужен ему. И Оми-сану.

– Кику-сан говорит: пожалуйста, передайте Анджин-сану, чтобы он опасался Ябу и этого Ураги тоже. Анджин-сану трудно судить о том, что здесь может оказаться важным.

– Я согласна с Кику-сан, – заявила Фудзико. Кику вскоре ушла, чтобы провести вечер с Торанагой. Тут Марико снова нарушила покой и согласие, царившие в этой комнате:

– Сегодня вечером я должна сказать – сайонара, Анджин-сан. Я уезжаю на рассвете.

– Не надо сейчас прощаться, – попробовал возражать Блэксорн. – Все теперь может измениться. Завтра я увижу Торанагу. Мне ведь разрешено ехать куда хочу – я возьму вас в Осаку. Мне дадут галеру или маленькую лодку. В Нага...

– Нет, Анджин-сан! Простите, я должна ехать как мне приказано! – Никакие доводы ее не тронули.

Он чувствовал, что молчаливая Фудзико наблюдает за ним, сердце щемило при мысли об отъезде Марико... Блэксорн взглянул на Фудзико, та извинилась и вышла, закрыв за собой седзи. Они остались одни – Фудзико не вернется, некоторое время они в безопасности... Их страсть была бурной и быстрой... Но вот послышались шаги, голоса... они едва успели привести себя в порядок, как через внутреннюю дверь к ним пробралась Фудзико и вошел Ябу с приказами Торанаги о немедленном тайном отъезде:

– Июкогама, Анджин-сан, потом Осака – краткая остановка, – потом опять Нагасаки, обратно в Осаку и снова сюда, домой! Я послал за вашей командой, чтобы ее доставили на корабль.

Возбуждение охватило Блэксорна от этой посланной небом удачи.

– Да, Ябу-сан. Но Марико-сан... Марико-сан тоже едет в Осаку... Ей бы лучше с нами – быстрее, безопаснее...

– Невозможно, прошу прощения. Нужно торопиться! Собирайтесь! Прилив, понимаете? Прилив, Анджин-сан!

– Хай, Ябу-сан. Но Марико-сан едет в Осаку...

– Прошу меня извинить, но у нее приказы, как у нас всех. Марико-сан! Объясните ему! Скажите, чтобы он торопился!

Ябу был неумолим, и так поздно ночью нельзя было пойти к Торанаге, чтобы попросить его отменить приказ. Не было возможности еще поговорить с Марико или Фудзико, оставалось только торопливое официальное прощание. Но они скоро встретятся в Осаке.

– Очень скоро, Анджин-сан, – так с ним простилась Марико.

«Господи, Боже мой, не дай мне потерять ее!» – взмолился Блэксорн. Морские чайки кричали над берегом – их крики еще больше усиливали тоску расставания.

– Потерять... кого, господин?

Блэксорн опомнился от своих мечтаний и показал на видневшийся вдали корабль.

– Мы называем корабль – «она», мы думаем о нем, как о женщине. Вакаримас ка?

– Хай.

Блэксорн еще мог различать на борту маленькие фигурки – это его команда... Перед ним сразу же встала неразрешимая задача... «Они нужны тебе на борту, – сказал он себе, – и еще много таких, как они! И новые моряки не станут лучше относиться к самураям – большинство ведь тоже католики... Как же мне управляться с ними? Марико была права. Если рядом будут католики – я покойник!»

– Даже я, Анджин-сан... – шепнула она прошлой ночью.

– Нет, Марико-сан, только не вы!

– Вы сказали сегодня днем, что мы – ваши враги.

– Я сказал, что большинство католиков – мои враги.

– Они убьют вас, если смогут.

– Возможно... Но ты... мы правда встретимся в Осаке?

– Да, я люблю тебя! Анджин-сан, помните: бойтесь Ябу-сана...

«Они все правы насчет Ябу, – думал Блэксорн. – Что бы он ни говорил, что бы ни обещал – я и правда сделал большую ошибку... Зачем остановил своих людей, когда он так попался?... Этот негодяй пока притворяется, но тут же перережет мне глотку, как только я перестану быть ему полезным. И все-таки Ябу тоже прав: и он мне нужен. Никогда я не попал бы в Нагасаки и не вернулся бы живым без защиты! Он, конечно, помог убедить Торанагу... Если он будет командовать своими двумя тысячами фанатиков, мы сможем разнести Нагасаки и, кто знает, даже Макао... Мадонна! Один я беспомощен!» Тут он вспомнил: Дзэко сказала Марико про Урагу – ему нельзя доверять. «Нет, Дзэко ошиблась в нем... В чем еще она ошибается?»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава Пятьдесят Вторая

Блэксорн вновь почувствовал давящую громаду города, оказавшись в забитой людьми Осаке после долгого путешествия на галере. Огромные городские валы были завалены мусором – его нанес тайфун, кое-где еще валялись головешки, следы недавних пожаров, но

величия у Осаки не убавилось, и замок все так же величественно возвышался над ней. Даже с расстояния более чем в лигу виден был колоссальный пояс высокой первой стены, вздымающиеся вверх зубчатые гребни. Но зловещая громада главной башни замка довлела даже над ними.

– Ну и громадина! – нервно протянул Винк, стоявший рядом с Блэксорном на носу корабля. – И не вообразить такую! Амстердам рядом с этим чудищем – мушиное пятнышко!

– Пожалуй... Шторм и здесь много чего разрушил, но не так сильно, как везде. А замок – он вообще вечен – ничего не боится.

Тайфун пришел с юго-запада две недели назад, и о приближении его свидетельствовало много примет – низкая облачность, чайки, дождь: когда он обрушился, галера уже укрылась в бухте, где они пять дней пережидали бурю. Океан бушевал вовсю, а ветры так ярились и свирепствовали, как никогда на памяти Блэксорна.

– Боже, как бы я хотел быть дома, – затосковал Винк. – Мы ведь должны были вернуться еще год назад...

Блэксорн взял Винка с собой в Иокогаму, а остальных отправил обратно в Эдо, оставив «Эрзамус» на безопасной стоянке под охраной Наги. Его команда была рада уехать, как и он был счастлив от них освободиться. В тот вечер опять начались дикие ссоры и споры по поводу корабельных денег. Деньги принадлежали компании, а не ему. Ван-Некк был казначеем экспедиции и главным торговцем и вместе с адмиралом официально распоряжался ими. Когда сосчитали и пересчитали еще раз, нашли, что все цело, кроме тысячи монет. Ван-Некк, поддержанный Жаном Ропером стал спорить о том, сколько денег он может взять с собой для найма новых моряков.

– Вы собираетесь слишком много платить, кормчий! Предложите им поменьше!

– Да сколько ни попросят – придется заплатить! Мне нужны моряки и артиллеристы! – Блэксорн стукнул кулаком по столу – спор происходил в кают-компании. – Как вы думаете вернуться домой?

Наконец он убедил их, но был недоволен, что его вывели из себя этими мелкими делами, всякими придирками... На следующий день он отправил их обратно в Эдо, поделив между ними десятую часть денег, хранящихся в корабельной кассе, как плату за обратный путь, а остальные деньги оставил на корабле.

– Как мы узнаем, все ли здесь нормально? – Жан Ропер сердито глядел на него.

– Ну, тогда оставайся и карауль сам! Но никто не захотел оставаться на борту. Ехать с Блэксорном согласился Винк.

– Почему ты берешь его, кормчий? – поинтересовался Ван-Некк.

– Потому что он моряк, и мне потребуется его помощь.

Сразу же, как только Блэксорн, облегченно вздохнув, распростился с командой и она вышла в море, он начал учить Винка японским обычаям. Винк был стоик, но он доверял Блэксорну, с которым проплавал столько лет, и знал ему цену:

– Кормчий, ради тебя я буду принимать ванну и мыться хоть каждый день, но будь я проклят, если надену эту чертову ночную рубашку!

Через десять дней Винк враскачку шел по городу, полуголый, перетянув брюхо широким кожаным ремнем, кинжал в ножнах болтался за спиной, один из пистолетов Блэксорна надежно спрятан под чистой, хотя и рваной, рубахой.

– Мы не пойдем в замок, да, кормчий?

– Нет.

– Я вообще предпочел бы смыться отсюда!

День был ясный, отражение высокого солнца блистало в спокойном море. Сильные гребцы работали слаженно.

– Винк, вот где засада!

– Бог мой, посмотрите на эти мели!

Блэксорн рассказал Винку обо всем – обстоятельствах бегства, сигнальных огнях на стенах, о грудах мертвых на берегу, о вражеском фрегате, что на него нацеливался.

– А, Анджин-сан, – подошел к ним Ябу. – Хорошо, правда? – Он показал на следы разрушений.

– Плохо, Ябу-сама.

– Но это же все наделали враги.

– Народ – не враги. Враги только Ишидо и самураи.

– Этот замок вражеский. – Ябу выдал свое беспокойство и беспокойство тех, кто был на борту. – Здесь все вражеское.

Блэксорн заметил, что, когда Ябу кланяется, кимоно распахивается от ветра, обнажая мощный торс.

Винк понизил голос:

– Я хочу убить этого подонка, кормчий.

– И я не забыл о старом Пьетерсуне, не думай.

– Не я. Бог ему судья. Меня прямо всего колотит, когда я слышу, как вы с ним разговариваете на их языке. Что он сказал?

– Он просто проявил вежливость.

– Какие у вас планы?

– Мы причаливаем и ждем. Он походит здесь день или два, а мы будем сидеть и ждать. Торанага послал письма, чтобы нас свободно пропускали, но все равно нам лучше затаиться и оставаться на борту. – Обшарив взглядом суда и море, Блэксорн не заметил ничего опасного, но все же сказал Винку: – Лучше измерь глубину, на всякий случай!

– Ладно!

Ябу посмотрел, как Винк бросает лот, и вернулся к Блэксорну:

– Анджин-сан, может быть, вам лучше взять галеру и пойти в Нагасаки? Не ждать нас, а?

– Хорошо, – охотно согласился Блэксорн, не захватывая приманку.

Ябу засмеялся:

– Вы мне нравитесь, Анджин-сан! Но, извините меня, в одиночку вы сразу погибнете. Нагасаки – очень плохое место для вас.

– Осака – плохое, здесь – плохое! Везде...

– Карма... – Ябу улыбнулся. Блэксорн сделал вид, что эта шутка ему понравилась.

За время путешествия они все время, с разными вариациями вели одни и те же разговоры. Блэксорн много узнал про Ябу и возненавидел его еще сильнее, но и уважать стал больше, и не доверять – он понял, что кармы их взаимосвязаны.

– Ябу-сан прав, Анджин-сан, – поддержал Ябу Урага, – он может защитить вас в Нагасаки – я не смогу.

– Из-за вашего дяди, господина Харимы?

– Да, из-за него. Может быть, меня уже объявили вне закона. Мой дядя – христианин, хотя я думаю, что христианин он неискренний.

– Как это?

– Нагасаки – это его владение. Здесь большая гавань, но на побережье Кюсю не самая лучшая. Так он быстро сообразил, что к чему. Он становится христианином, приказывает всем своим вассалам креститься, мне тоже стать христианином и отправляет в иезуитскую школу. Ну а потом, как одного из христианских посланцев, – за море. Он предоставил иезуитам земли и, как вы говорите, подлизывается к ним. Но сердцем он японец.

– Иезуиты знают, что вы об этом думаете?

– Да, конечно.

– Они верят, что он истинный христианин?

– Они не говорят нам, своим послушникам, во что они верят на самом деле, Анджин-сан. И даже самим себе в большинстве случаев. Они специально учатся хранить секреты, использовать всякие тайны, любят их, но никогда не открывают. Это очень по-японски.

– Вам лучше оставаться здесь, в Осаке, Урага-сан.

– Прошу меня извинить, господин, но я ваш вассал, – если вы едете в Нагасаки, я поеду с вами.

Блэксорн чувствовал, что Урага становится бесценным помощником. Этот человек открывал ему так много иезуитских тайн: как, почему и когда производятся торговые операции, организуются внутренние движущие силы и невероятные международные махинации. Урага в равной мере был осведомлен о Хариме и Кийяме и о том, как мыслят дайме-христиане, и почему они встали на сторону Ишидо. «Теперь я знаю много такого, что было бы важно в Лондоне, – думал он. – И мне предстоит еще больше узнать. Но как передать все это? Ну, хотя бы, что торговля с Китаем, один только импорт шелка в Японию, оценивается в десять миллионов золотом в год... Что даже сейчас иезуиты имеют одного из самых образованных священников при дворе императора в Пекине: этот священник удостоен придворного ранга, советник правительства, говорит по-китайски, как китаец... Вот если бы я мог послать письмо... если бы у меня был такой посланец...»

В обмен на все эти сведения Блэксорн начал учить Урагу навигации, рассказывал о главных религиозных учениях, о парламенте. Еще он учил его и Ябу стрелять – оба оказались способными учениками. «Урага – хороший человек, – решил Блэксорн, – если не считать того, что он стыдится отсутствия самурайской косички. Что ж, она скоро вырастет». Раздался предупреждающий крик вперёдсмотрящего с полуяута.

– Анджин-сан! – Японский капитан указывал вперед на элегантный корабль с двадцатью гребцами, который приближался к ним со стороны правого борта. На верхушке мачты развевался флаг Ишидо, а рядом с ним – вымпел Совета регентов, тот самый, с которым навстречу своей смерти приезжали в Анджиро Небару Дзозен и его люди.

– Кто это? – Блэксорн чувствовал, что беспокойство охватило весь корабль – люди напряженно всматривались в даль.

– Простите, пока не могу разобрать, – отвечал капитан.

– А вы, Ябу-сан?

Ябу пожал плечами:

– Власти плывут.

Когда катер приблизился, Блэксорн увидел на корме пожилого мужчину: он сидел под балдахинном, в нарядной, торжественной одежде и крылатой накидке. Мечей у него не было. Вокруг стояли люди в серой униформе Ишидо.

Барабанщик перестал отбивать ритм для гребцов, катер встал рядом. Все кинулись помогать именитому чиновнику подниматься на борт. Вслед за ним вспрыгнул японский кормчий и после многочисленных поклонов принял формальное командование галерой. Ябу и чиновник держались очень официально и скрупулезно соблюдали все церемонии. Наконец они расселись на подушках в соответствии со своими рангами – чиновник занял самое почетное место на корме. Самураи Ябу и серые сели вокруг них, скрестив ноги или на колени – на главной палубе для них оставались новые почетные места.

– Совет приветствует вас, Касиги Ябу, от имени Его Императорского Величества, – провозгласил невысокий, плотный, несколько изнеженный на вид человек – старший советник регентов по протоколу; он обладал еще рангом придворного советника императорского двора. В обязанности Огаки Такамото, принца седьмого ранга, входило посредничество между двором Его Императорского Величества, Сына Неба и регентами. Согласно обычаю придворных, существовавшему уже несколько веков, зубы у него были выкрашены черным.

– Благодарю вас, принц Огаки. Мне оказана честь быть здесь по поручению господина Торанаги, – Ябу поразила оказанная ему честь.

– Да, конечно. Я думаю, у вас здесь есть и свои дела? – сухо осведомился Огаки.

– Конечно. Когда приедет господин Торанага? Простите, но тайфун задержал меня на пять дней и я не знаю ничего, с тех пор как выехал.

– Ах да, тайфун. Совет был весьма доволен, когда стало известно, что шторм вас не тронул. – Огаки откашлялся. – Что касается вашего властелина, я с сожалением должен

довести до вашего сведения, что он еще не добрался даже до Одавара. Какие-то бесконечные отсрочки, потом болезнь. Огорчительно, правда?

– О да, очень. Ничего серьезного, надеюсь? – Ябу радовался, что ему известна тайна Торанаги.

– Нет, к счастью, ничего серьезного, – Снова сухое покашливание. – Господин Ишидо считает, что ваш властелин завтра прибудет в Одавару.

Ябу был удивлен. Двадцать один день назад, когда я уезжал, все было готово к его немедленному отбытию, потом заболел господин Хиро-Мацу.

– Я знаю, что господин Торанага был серьезно обеспокоен, но не изменил своего намерения. Я собираюсь начать приготовления к его приезду.

– Все подготовлено, – заявил коротышка чиновник.

– Совет, конечно, не будет возражать, если я проверю все приготовления? – Ябу был предельно дружелюбен. – Важно, чтобы эта церемония была достойна Совета и такого случая.

– Достойна Его Императорского Величества, Сына Неба. Теперь это его вызов.

– Конечно, но... – Ябу растерялся. – Вы имеете в виду... что Его Императорское Величество будет присутствовать?

– Его Величество согласился с почтительной просьбой регентов лично осуществить участие в принятии клятвы новым Советом – всеми главными дайме, включая господина Торанагу, его семью и вассалов. Старшие советники Его Императорского Величества выбрали благоприятный день для такого... э... ритуала. Двадцать второй день этого месяца, в этот, пятый год эры Кейно.

Ябу был поражен:

– Через... через девятнадцать дней?

– В полдень. – Утонченным движением Огаки вынул из рукава бумажный платок и осторожно высморкался. – Прошу меня извинить. Да, в полдень. Все предзнаменования благоприятны. Господин Торанага был проинформирован посланцем императора четырнадцать дней назад. Его немедленное почтительное согласие пришло в Совет регентов три дня назад. – В руках Огаки появился маленький свиток. – Здесь ваше приглашение, господин Касиги Ябу, на церемонию.

Ябу вздрогнул, увидев императорскую печать в виде хризантемы с шестнадцатью лепестками, – он знал, что никто, даже сам Торанага, не сможет отказаться от такого приглашения. Отказ будет несомненным признаком оскорбления Божества, открытым мятежом. Все земли принадлежат императору – сразу же будет объявлено о немедленной конфискации всех земель и о предложении императора сразу совершить сеппуку. Такие решения передавались по его поручению регентами и подтверждались Большой печатью. Они всегда окончательны и обязательны к выполнению. Ябу лихорадочно пытался успокоиться.

– Простите, вам нехорошо? – заботливо спросил Огаки.

– Простите... – Ябу заикался, – но никогда в самых смелых своих мечтах... никто не мог себе представить, чтобы Его Величество... оказало нам такую честь.

– О да, я согласен. Необычайно!

– Удивительно... что Его Величество... покинет Киото и приедет в Осаку.

– Согласен. Тем не менее на двадцать второй день Его Величество, с регалиями будет здесь.

Без императорских регалий ни одно поколение императоров не считалось правомочным. Три Священных Ценности признаны божественными – они, как все верили, были принесены на землю богом Ниниги-нох-Микото и переданы им лично своему внуку, Дзимму Тенно, первому земному императору. Он же лично передал их своим наследникам, и так до нынешнего их держателя – императора Го-Нидзи. Всем известны эти Три Священные Ценности – меч, бриллиант и зеркало. Священные меч и бриллиант всегда путешествовали по государству вместе с императором, куда бы он не уезжал из своего дворца с ночевкой;

зеркало оставалось во внутреннем хранилище при большой синтоистской гробнице в Изу. Меч, зеркало и бриллиант принадлежали Сыну Неба. Они были символами законной власти, знаками ее божественности. Сын Неба брал их с собой, – таким образом он брал с собой всю свою власть.

Ябу засомневался:

– Почти невероятно, чтобы к приезду императора были закончены все приготовления.

– О, господин генерал Ишидо по поручению регентов обратился к Его Величеству сразу же, как только узнал от господина Затаки в Ёкосе, что господин Торанага согласился – это удивительно – прибыть в Осаку и покориться неизбежному. Только великая честь, оказанная вашим хозяином регентам, побудила их просить Сына Неба оказать нам такую милость и присутствовать. – Снова сухое покашливание. – Пожалуйста, извините меня, но не дадите ли вы мне, когда вам будет угодно, ваше официальное письменное подтверждение, что приглашение получено?

– Могу я сделать это прямо сейчас? – Ябу почувствовал внезапную слабость.

– Я уверен, регенты оценят это.

Ябу слабым голосом послал за письменными принадлежностями. В мозгу его продолжало стучать: «Девятнадцать!.. Девятнадцать дней! Торанага может тянуть только девятнадцать дней, а потом тоже должен быть здесь! У меня хватит времени съездить в Нагасаки и благополучно вернуться в Осаку, но не достанет, чтобы устроить нападение на Черный Корабль и захватить его... Нет времени прижать Хариму, Кийяму, Оноши, священников-христиан! Нет времени объявить «Малиновое небо»! Весь план Торанага только иллюзии!.. Торанага проиграл! Мне следовало знать это! Спокойно! Передо мной дилемма: либо я слепо верю Торанаге, что он выскользнет из этой сети, и помогаю Анджин-сану, как задумано, – как можно быстрее набираем людей для захвата Черного Корабля; либо я еду к Ишидо, говорю ему все, что знаю, и пытаюсь выторговать жизнь себе и Изу. Так что же выбрать?..»

Принесли бумагу, тушь и кисточку. Ябу на минуту отбросил терзавшие его сомнения и сосредоточился на письме, стараясь выводить иероглифы как можно правильнее и красивее. Зря он отвечает Присутствию в таком смятенном состоянии, но что делать? Пока он писал, пришло окончательное решение – принять совет Юрико. Сразу словно свалился тяжелый груз – внутреннее равновесие восстановилось, и он почувствовал себя намного лучше. Свое имя он подписал уже с высокомерной вычурностью.

«Как стать лучшим вассалом Торанаги? Стереть Ишидо с лица земли! Но есть ли способ сделать это и оставить время для собственного спасения?» – Тут он услышал, как Огаки говорит:

– Вы приглашены на официальный прием, который генерал Ишидо устраивает завтра в честь дня рождения госпожи Ошибы.

* * *

Все еще измотанная дорогой, Марико обняла сначала Кири, потом обнялась с госпожой Сазуко, порадовалась на ребенка и снова занялась Кири. Ее личные служанки суетливо бегали вокруг них, приносили чай и sake, уносили подносы, вбегали с подушками и благовониями, открывали и закрывали седзи, выходившие во внутренний садик их части Осацкого замка, обмахивались веерами, болтали, смеялись и плакали.

Наконец Кири хлопнула в ладоши, отпуская служанок, и тяжело опустилась на специальную подушку, едва справившись с возбуждением и радостью – лицо у нее было очень красное. Марико и госпожа Сазуко торопливо обмахивали ее веерами, хлопотали вокруг нее, но только после трех больших чашек sake она снова могла более или менее свободно дышать.

– Ох, вот так лучше! Да, спасибо, детка, давай еще! Ох, Марико-сан, вы и правда здесь?

– Да-да. Действительно здесь, Кири-сан. Сазуко, выглядевшая гораздо моложе своих

семнадцати лет, поделилась со старшими подругами:

– Ох, мы так беспокоились из-за этих слухов...

– Да, это только слухи, Мариико-сан, – прервала Кири. – Я так много хочу узнать, что чувствую – скоро будет обморок...

– Бедная Кири-сан, вот, возьмите саке, – заботливо сказала Сазуко. – Может быть, распустить вам пояс...

– Я совсем хорошо себя чувствую! Пожалуйста, не суетитесь, детка. – Кири вздохнула и сложила руки на огромном животе. – Ох, Мариико-сан, так хорошо видеть лица друзей, а не просто тех, кто живет в этом Осацком замке.

– Да, – подтвердила Сазуко, устраиваясь поближе к Мариико, и быстро заговорила: – Когда бы мы ни вышли за ворота, серые увиваются вокруг нас, словно пчелы вокруг матки. Нам нельзя выходить из замка – никому из дам, – кроме как с разрешения Совета, а он почти никогда не собирается и они что-то мямлят, так что не дают никаких разрешений, а доктор говорит, что мне еще нельзя ехать, хотя я чувствую себя прекрасно, и ребенок чувствует себя хорошо, и... Но сначала расскажите нам...

Кири перебила:

– Сначала расскажите нам, как наш хозяин.

Девушка засмеялась, ее веселое настроение не омрачилось:

– Я собиралась спросить о том же, Кири-сан!

Мариико ответила так, как ей велел Торанага:

– Он выбрал свой путь – он идет по нему и доволен своим решением. В дороге она много раз репетировала про себя этот ответ, но уныние, которое ее при этом охватило, чуть не вынудило ее сказать правду. – Простите, – прошептала она.

– Ох! – Сазуко старалась не выдать своего страха. Кири приподнялась, усаживаясь поудобнее:

– Карма есть карма...

– Так что же, никаких перемен, никакой надежды? – Сазуко была обескуражена.

Кири похлопала ее по руке:

– Верьте, что карма есть карма, дитя, а наш господин Торанага – самый великий, самый умный из всех живущих на земле, остальное все обман. Мариико-сан, вы привезли нам письма?

– Ох, простите! Да, вот они. – Мариико вынула из рукава три свитка. – Да – вам, Кири-сан: одно от нашего господина, одно от господина Хиро-Мацу. Это для вас, Сазуко, от вашего господина, но он просил меня сказать вам, как он скучает и как хочет увидеть своего последнего сына. Он заставил меня выучить это и повторить вам три раза. Он очень скучает без вас и так хочет видеть своего самого младшего сына. Ему очень не хватает вас...

По щекам девушки побежали слезы, она пробормотала извинения и выбежала из комнаты, зажав свиток в руке.

– Бедное дитя! Ей здесь очень трудно. – Кири не стала распечатывать свой свиток. – Вы знаете о том, что будет присутствовать Его Императорское Величество?

– Да. – Мариико тоже была мрачна. – Гонец от господина Торанаги встретился со мной неделю назад. В послании нет никаких подробностей и назван день прибытия сюда. Вы слышали от господина Торанаги?

– Не совсем, не лично от него – я не имела от него вестей уже месяц. Как он? На самом деле?

– Уверен в себе, – Она отпила немного саке. – Ох, можно я налью вам?

– Благодарю вас.

– Деятнадцать дней не много, правда, Кири-сан?

– Времени достаточно, чтобы съездить в Эдо и вернуться обратно – если поторопиться; достаточно, чтобы прожить целую жизнь; если хотите – более чем достаточно, чтобы выиграть битву или потерять империю, – хватит времени для миллиона вещей, но мало, чтобы съесть все редкие блюда или выпить все саке... – Кири слабо улыбнулась. – Я,

конечно, не собираюсь следующие двадцать дней сидеть на диете. Я... – она спохватилась. – Ох, пожалуйста, извините меня – вы слушаете мою болтовню, а ведь вы даже не переоделись и не помылись. У нас еще будет масса времени поговорить.

– О, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимание. Я не устала.

– Но вы не могли не устать. Вы остановитесь у себя дома?

– Да. То есть где мне разрешит пропуск генерала Ишидо, – Марико горько улыбнулась. – Его приветствие было очень цветисто!

Кири сердито посмотрела на нее.

– Сомневаюсь, чтобы он хоть кого-нибудь встретил с радостью, даже в аду.

– О? Простите, а что теперь?

– Ничего нового. Я знаю, что он приказал убить и пытать господина Судзияму, хотя у меня и нет доказательств. На прошлой неделе наложницы господина Ода со своими детьми пытались выбраться под видом дворников. Часовые застрелили их – «по ошибке».

– Как ужасно!

– Конечно, масса извинений! Ишидо говорит, что безопасность важнее всего. Была инсценирована попытка убить наследника – это его оправдание.

– Ну а почему дамы не уезжают открыто?

– Совет приказал женам и семьям ждать мужей, которые должны приехать на церемонию. Великий господин генерал чувствует «ответственность за их безопасность и относится к ней слишком серьезно, чтобы позволить им заблудиться». Замок заперт плотнее, чем старая устрица.

– За пределами замка то же самое, Кири-сан. На Токкайдо намного больше застав, чем раньше, в пределах пятидесяти ри свирепствует служба безопасности Ишидо. Повсюду патрули.

– Все им запуганы кроме нас и нескольких наших самураев, а мы боимся его не больше, чем прыща на спине дракона.

– Даже наши доктора?

– Они тоже. Да, они все еще советуют нам не выезжать, даже если будет разрешение, а мы его никогда не дождемся.

– Госпожа Сазуко здорова, ребенок здоров, Кири-сан?

– Да, вы могли видеть это сами. И я тоже. – Кири вздохнула. Снова стало заметно, как она напряжена, и Марико отметила, что в волосах у нее прибавилось седины. – Ничего не изменилось с тех пор, как я написала господину Торанаге в Анджино. Мы заложники, и мы останемся заложниками вместе со всеми – до Дня. Потом все решится.

– Теперь, когда прибывает Его Императорское Величество... наступает решительный момент.

– Видимо так. Отдохните, Марико-сан, но приходите поужинать с нами. Тогда и поговорим. О, кстати, еще новость для вас. Известный вам чужеземный хатамото – благослови его Господь за спасение нашего господина, – как мы слышали, благополучно приплыл в гавань вместе с Касиги Ябу-саном.

– О! Я так беспокоилась за них! Они отплыли за день до моего отъезда. Мы тоже попали около Нагой в тайфун, но не очень сильный. Я боялась плыть по морю... О, теперь хорошо...

– Здесь было все терпимо – кроме пожаров. Много тысяч домов сгорело, а погибли всего две тысячи человек. Мы сегодня слышали, что основная тяжесть тайфуна пришлась на Кюсю, на Восточное побережье, и часть – на Сикоку. Там погибли десять тысяч. А полных сведений о всяких ущербах еще нет.

– А урожай? – быстро спросила Марико.

– Здесь очень много риса полегло – целые поля. Крестьяне надеются, что рис выправится, но кто знает? Если в этом сезоне Кванто не пострадает, их рис прокормит всю империю и этот год и следующий.

– Лучше бы такой урожай контролировал Торанага, а не Ишидо.

– Это так. Но, простите, девятнадцать дней мало, чтобы собрать урожай, даже если весь мир будет молиться об этом. Кири предположила:

– Если их корабль отплыл за день до вашего отъезда, вы, наверное, торопились.

– Я подумала, что лучше не прохлаждаться, Кири-сан. Мне не нравится путешествовать таким образом.

– А Бунтаро-сан? У него все хорошо?

– Да. Он сейчас в Мисиме и на границе по заданию господина Торанага. Я повидала его, когда сюда приехала. Вы не знаете, где остановился Касиги Ябу-сама? У меня для него письмо.

– В домике для гостей. Я узнаю, в каком, и сразу же извещу вас. – Кири выпила еще вина. – Благодарю вас, Марико-сан. Я слышала, Анджин-сан все еще на галере.

– Он очень интересный человек, Кири-сан. Он стал более чем просто полезен нашему господину.

– Я слышала об этом. Я хотела бы послушать обо всем – о нем, о землетрясении, обо всех ваших новостях... Ах да, завтра вечером официальный прием в честь дня рождения госпожи Ошибы устраивает господин Ишидо. Конечно, вас пригласят. Я слышала, что собираются пригласить и Анджин-сана. Госпожа Ошиба любопытствует, как он выглядит. Вы помните, наследник один раз с ним встречался. Вы тогда тоже в первый раз его увидели?

– Да. Бедняга, так его будут показывать, как пойманного кита?

– Именно. – И Кири невозмутимо добавила: – Вместе со всеми нами. Мы все пленники, Марико-сан, нравится вам это или нет.

* * *

Урага изо всех сил торопился вниз по переулку в сторону моря. Ночь была темная, небо – звездное и ясное, воздух свеж. На нем была свободная оранжевая одежда буддийского священника, неизменная шляпа и дешевые соломенные сандалии. Позади него располагались склады и высокое, почти европейского типа здание миссии иезуитов. Он завернул за угол и удвоил скорость. Группа серых, несущих факелы, патрулировала берег. Он вежливо замедлил шаг, приближаясь к ним, хотя и сохраняя обычный для священников высокомерный вид. Но самураи не обратили на него внимания.

Он уверенно шел по берегу мимо вытасненных из воды рыбачьих лодок. Легкий ветерок доносил густые запахи с моря и с берега, отлив был в самом разгаре. По берегу и в зоне отлива разбрелись ночные рыбаки, – при свете факелов они, словно светлячки, охотились на рыбу с острогами. В двухстах шагах выше – верфи, пристани, обросшие ракушками. У одной стояло прикрепленное канатами судно с европейскими обводами и китайскими парусами, над ним развевались флаги Португалии и компании иезуитов; у схода с факелами толпились серые. Урага переменил направление, чтобы обойти корабль, направился обратно в город, удалился на несколько кварталов, пересек Девятнадцатую улицу, повернул в извилистый переулок и снова вышел на дорогу, ведущую к пристани.

– Эй, ты! Стой! – послышался приказ из темноты. Урага остановился, внезапно испугавшись. Серые вышли на свет и окружили его:

– Куда направляешься, священник?

– В Восточную часть города, – запинаясь, объяснил Урага, у него вдруг пересохло во рту. – К нашим ничиренским святыням.

– А, ты ничиренин, да?

Какой-то самурай грубо заявил:

– Я не из этих. Я дзен-буддист, как и господин генерал.

– Дзен... ах да, дзен лучше всего, – откликнулся другой. – Хотел бы я хоть что-нибудь понимать в этом. Слишком трудно для моей старой головы...

– Он немного потлив для священника. Почему так потеешь?

– Вы имеете в виду, что священники не потеют?

Они посмеялись, кто-то поднес факел к нему поближе.

– А с чего бы им потеть? – ударился в рассуждения грубый самурай. – Они только и делают, что спят весь день и развлекаются всю ночь: с монашками, детьми, собаками, сами с собой – со всем, что они могут получить, и все время набивают брюхо едой, хотя ее и не зарабатывают. Священники – паразиты, все равно что блохи.

– Эй, оставьте его!

– Сними шляпу, священник!

Урага окаменел:

– Почему? И чем вам плох человек, который служит Будде? Будда не сделал вам ничего дурного.

Самурай воинственно вышел вперед:

– Я сказал – сними шляпу!

Урага повиновался. Его голова была свежевыбрита, как это делают священники, и он благословил Kami, или духа, или озарение Будды, которые побудили его принять дополнительные меры предосторожности, на случай, если его остановят за нарушение комендантского часа. Всем самураям Анджин-сана еще начальством пристани было приказано оставаться на судне – по распоряжению свыше.

– У вас нет никакой причины вести себя так грубо, – заявил он с не осознанной им самим властью иезуитов. – Служение Будде – почетно, и становится священником – обязанность каждого самурая в конце жизни. Или вы не знакомы с Бусидо? Где ваше воспитание?

– Что? Вы самурай?

– Конечно, я самурай. Как бы иначе я осмелился говорить с самураем о плохих манерах? – Урага надел шляпу. – Лучше бы вы патрулировали, чем приставать и обижать невинных священников! – И он заносчиво, с высокомерным видом удалился, хотя у него и дрожали колени.

Самураи некоторое время смотрели ему вслед, потом один сплюнул:

– Священники! Тоже мне – самурай!

– Он прав, – угрюмо произнес старший. – Где ваши манеры?

– Я виноват. Прошу извинить.

Урага шел, очень довольный собой. Ближе к галере он опять стал осторожничать и даже прятался в тени здания. Потом, решившись, выступил на освещенную площадку.

– Добрый вечер, – вежливо приветствовал он серых, которые слонялись у схода, потом добавил религиозное благословение: – Наму Амида Бутсу. Именем Будды Амида.

– Спасибо. Наму Амида Бутсу. – Серые пропустили его беспрепятственно. Им было приказано пропускать на берег всех чужеземцев и самураев, кроме Ябу и его телохранителей. О буддийском священнике, который плыл на этом корабле, указаний не было.

Сразу ощутив сильную усталость, Урага поднялся на главную палубу.

– Урага-сан! – тихонько окликнул его Блэксорн с юта. – Идите сюда.

Урага прищурился, привыкая к темноте. Он увидел Блэксорна и, почувствовав запах немытого тела, отдающий латуню, догадался, что вторая тень принадлежит другому чужеземцу, с непронизимой фамилией, который также знал португальский язык. Он почти забыл этот чужеземный запах, который был частью его жизни. Анджин-сан – единственный из встреченных им чужеземцев, который не вонял, – это сыграло свою роль в решении служить у него.

– Ах, Анджин-сан! – прошептал он и пробрался к нему, коротко поздоровавшись с десятью самураями, охранявшими палубу.

Он подождал внизу лестницы, пока Блэксорн сделал знак, приглашая его подняться на ют.

– Все прошло очень...

– Подождите, – тихонько предупредил его Блэксорн и показал на берег. – Смотрите

туда. Дальше, около склада. Видите его? Нет, немного севернее, вон там, теперь видите? – Тень слегка сдвинулась, потом опять исчезла во тьме.

– Кто это был?

– Я следил за вами с того момента, как вы появились на дороге. Он крался за вами. Вы его не заметили?

– Нет, господин. – К Ураге вернулись его опасения. – Я никого не видел и не слышал.

– У него не было мечей, так что это не самурай. Иезуит?

– Не знаю. Не думаю, что он чем-нибудь поживился, – я был очень осторожен. Прошу простить, но я его не заметил.

– Ничего. – Блэксорн взглянул на Винка. – Ступай вниз, Джохан. Я достояю эту вахту и разбуджу тебя на рассвете. Спасибо, что посидел со мной.

Винк дотронулся до волос на лбу и ушел вниз. С ним исчез и тяжелый запах.

– Я начинал уже беспокоиться о вас. Что случилось?

– Ябу-сама не скоро передал мне письмо. Вот мой отчет: я пошел с Ябу-сама и ждал около замка с полдня, пока не стемнело, тогда...

– Что вы делали все это время? Точно?

– Точно, господин? Я выбрал тихое местечко на рыночной площади, у Первого Моста, и погрузился в медитацию – иезуитская школа, Анджин-сан, – но не о Боге, а только о вас, о Ябу-сама и о вашем будущем, господин, – Урага улыбнулся. – Многие прохожие клали мне в миску монеты. Я дал отдохнуть своему телу и позволил своему мозгу странствовать, хотя все время следил за Первым Мостом. Посланник от Ябу-сама пришел, когда уже стемнело, и делал вид, что молится вместе со мной, пока мы не остались одни. Посланец прошептал следующее: «Ябу-сама говорит, что он остается в замке на ночь и вернется завтра утром». Еще – завтра вечером в замке официальное мероприятие, приглашены и вы, устраивает господин генерал Ишидо. И, наконец, вам следует иметь в виду – «семьдесят». – Урага взглянул на Блэксорна, – Самурай повторил это дважды, – какой-то ваш шифр, господин?

Блэксорн кивнул, но не сказал, что это один из многих заранее оговоренных сигналов между ним и Ябу. «Семьдесят» означает, что ему следует подготовить корабль к немедленному выходу в море. Но корабль был уже готов к отплытию: все самураи, моряки и гребцы собраны на борту. Каждый понимал, что они находятся во вражеских водах, все были очень этим встревожены, и Блэксорн знал, что вывести корабль в море не составит особого труда.

– Продолжайте, Урага-сан.

– Это все, кроме еще одного, что я хотел сказать вам: сегодня приехала госпожа Тода Марико-сан.

– А! А не слишком ли быстро она добралась сюда из Эдо сушей?

– Да, господин. Пока я ждал, я видел, как они проехали по мосту, это было после обеда, в середине часа козла. Лошади взмыленные, очень грязные, носильщики такие усталые... Их вел Ёсинака-сан.

– Они вас видели?

– Нет, господин. Думаю, что нет.

– Сколько их было?

– Около двухсот самураев, с носильщиками и вьючными лошадьми. Еще вдвое больше серых в качестве эскорта. На одной из вьючных лошадей – садки с почтовыми голубями.

– Хорошо. Что еще?

– Я ушел как можно быстрее. Там у миссии есть лавка, где продают лапшу, туда ходят купцы, торговцы рисом, шелком, те, кто работает в миссии. Я зашел туда, поел и послушал, о чем говорят: отец-инспектор опять в резиденции; в Осаке много новообращенных христиан; получено разрешение провести через двадцать дней большую мессу в честь господ Кийяма и Оноши.

– Это важное мероприятие?

– Да, и удивительно, что такая служба разрешена открыто. Празднуется день Святого

Бернарда. Двадцать дней – это следующий день после церемонии поклонения перед Возвышенным.

Ябу через Урагу рассказывал Блэксорну об императоре. Новости распространялись по всему кораблю, увеличивая общее ощущение беды.

– Что еще?

– На рынке ходит много разных слухов, в основном – плохие предсказания. Ёдоко-сама, вдова Тайко, очень больна. Это плохо, Анджин-сан, потому что к ее советам всегда прислушивались – они очень разумны. Одни говорят, что господин Торанага около Нагой, другие – что он не добрался еще и до Одавара, непонятно, кому верить. Все согласны, что урожай здесь, в Осаке, будет очень плохой, а это значит, что Кванто станет еще важнее. Большинство считают, что гражданская война начнется сразу после смерти господина Торанаги, когда крупные дайме начнут воевать друг с другом. Цена золота очень высока, и ссудные ставки поднялись до семидесяти процентов.

– Это невероятно высоко, вы, наверное, ошиблись, – Блэксорн встал, чтобы дать отдохнуть спине, потом устало облокотился на планшир. Самураи и Урага из вежливости тоже встали. Считалось плохим тоном сидеть, если господин стоит.

– Прошу простить меня, Анджин-сан, – говорил Урага. – Но никак не меньше, чем пятьдесят процентов, а обычно – шестьдесят пять и даже до восьмидесяти. Почти двадцать лет назад отец-инспектор просил святого от... просил папу разрешить нам – разрешить обществу – ссужать под десять процентов. Он был прав в своем предположении – оно подтвердилось, Анджин-сан; это прославило христианство и привело много новых верующих – ведь только христиане могли получать займы, всегда умеренные. Вы, в вашей стране, не платите такие высокие проценты?

– Редко. Это ростовщичество! Вы понимаете, что значит «ростовщичество»?

– Понимаю. Но у нас ссуда не считается ростовщичеством, если процент менее ста. Сейчас рис дорог, и это плохой признак – цена его удвоилась, с тех пор как я был здесь – несколько недель назад. Земля дешевая, самый подходящий момент покупать землю. Или дом. Во время тайфуна и пожаров сгорело, может быть, десять тысяч домов и погибли две или три тысячи человек. Вот и все, что я хотел вам сообщить, Анджин-сан.

– Очень хорошо. Вы прекрасно справились. Вы упустили свое настоящее призвание!

– Господин?

– Нет, ничего. – Блэксорн еще не знал, насколько можно шутить с Урагой. – Вы все сделали очень хорошо.

– Благодарю вас, господин.

Блэксорн некоторое время размышлял, потом осведомился о завтрашнем мероприятии, и Урага посоветовал ему все, что мог. Потом он рассказал, как спастся от патруля.

– Они отпустили вас из-за волос? – спросил Блэксорн.

– О да. Достаточно было их офицеру на меня взглянуть, – Урага вытер пот со лба. – Простите, здесь жарко.

– Очень, – вежливо согласился Блэксорн. Ему нужно было как следует обдумать полученную информацию. Он взглянул на море, машинально оценивая его состояние, также как неба и ветра. Все было нормально, рыбацкие лодки спокойно дрейфовали, подчиняясь приливу, на разных расстояниях от корабля, на носу каждой стояли под фонарями гарпунщики и время от времени кидали в воду свое оружие, и не зря – то и дело на гарпунах извивались и дергались прекрасные лещи, кефали или красные бериксы.

– И последнее, господин. Я пошел к миссии, прошелся вокруг. Стража очень строгая, и мне сперва не удалось туда войти – по крайней мере, думаю, что не смог бы, если бы как-то случайно не проскочил, минуя стражу. Пока я там стоял – видел, как внутрь вошла Дзиммоко, служанка госпожи Тода.

– Вы уверены?

– Да. С ней была другая служанка. Я думаю...

– Госпожа Марико? Тайком?

– Нет, господин. Я уверен, что нет. Эта вторая служанка была очень высокая.
Блэксорн посмотрел на море и пробормотал про себя: «Что же все это значит?»
Урагу продолжал:

– Госпожа Марико хрис... она католичка, да? Она прекрасно знает отца-инспектора. Это он ее крестил. Госпожа Марико самая важная, самая известная в стране после трех самых-самых знатных: госпожи Ошибы, госпожи Дзендзико и Ёдоко-сама, жены Тайко.

– Марико-сан, быть может, пожелала исповедаться? Или послушать мессу? Собрание прихожан? И послала Дзиммоко договориться об этом?

– Об этом или обо всем, Анджин-сан. Все госпожи дайме, обе подруги генерала и те, кто могут быть настроены против него, строго ограничены в передвижениях за пределами замка. Как только они приезжают туда, они остаются в нем, как рыба в золотом садке, ожидающая гарпуна.

– Хватит! Достаточно этих мрачных разговоров!

– Простите. Я думаю, Анджин-сан, госпожа Тода теперь уже больше не выйдет оттуда. До тех пор, пока не наступит девятнадцатый день.

– Я просил вас – перестаньте, пожалуйста! Я понял про заложников и про последний день. – На палубе было тихо, голоса умолкли. Охрана спокойно отдыхала, дожидаясь своей вахты. О корпус бились мелкие волны, такелаж уютно поскрипывал.

Через минуту Урага опять заговорил:

– Возможно, Дзиммоко принесла приглашение – просьбу встретиться с ней отцу-инспектору. Она, конечно, была под наблюдением сразу после пересечения Первого Моста. Конечно, Тода-Марико-нох-Бунтаро-нох-Джинсаи была под охраной с того момента, как пересекла границу владений господина Торанаги.

– Можно нам будет узнать, если отец-инспектор пойдет в замок?

– Да. Это легко.

– А узнать, что он сказал – или что сделал?

– Это очень трудно. Прошу простить меня, но они будут говорить по-португальски или на латыни. А кто говорит на этих двух языках кроме вас и меня? Меня узнают оба, – Урага показал на замок и город, – Там много христиан. Многие хотели бы оказать ему такую услугу – убрать вас или меня.

Блэксорн молчал – отвечать не было нужды. Он смотрел на главную башню крепости – она четко выделялась на фоне звезд – и вспоминал то, что Урага рассказывал ему о легендарных, безграничных сокровищах, собранных Тайко по всей империи путем грабительских налогов, все эти богатства хранились в башне. Еще он размышлял о возможных действиях Торанаги и гадал, где теперь Марико и какова цель ее поездки в Нагасаки. «Так вы говорите, девятнадцатый день – последний день, день смерти, Ябу-сан?» – повторил он про себя, почти ощутив тошноту от мысли, что петля, накинутая на Торанагу, а стало быть, и на него и на «Эразмус», затягивается.

– Сигата га наи! Мы поплывем очень быстро в Нагасаки и обратно. Быстро, понимаете? Всего четыре дня, чтобы набрать людей. Потом вернемся.

Но зачем? Когда Торанага окажется здесь, все погибнут... Но Ябу сошел на берег, сказав ему, что послезавтра они уплывут. В волнении Блэксорн смотрел тогда, как уходит Ябу, и думал, насколько лучше был бы для него «Эразмус», а не галера. «Эразмусом» он обошел бы Осаку и отправился прямо в Нагасаки, а может, даже скрылся бы, нашел уютную гавань и там, на свободе, обучил бы своих вассалов работать на корабле.

«Ты дурак! – обругал он себя. – С такой маленькой командой, как у тебя сейчас, тебе не удалось бы даже поставить корабль на стоянку, если бы ты и нашел такую гавань, чтобы переждать этот дьявольский шторм. Ты был бы уже покойник».

– Не беспокойтесь, господин, – утешил Урага. – Карма.

– А, карма... – Внезапно, каким-то шестым чувством Блэксорн уловил опасность, идущую с моря, – тело его рванулось прежде, чем сработал мозг, он изогнулся, и стрела пролетела сзади, заставив его укрыться в рубке. Он толкнул Урагу в безопасное место, но тут

другая стрела, из того же самого залпа, со свистом вонзилась в горло Ураги и пронзила его... После первого залпа все легли на палубу и оказались невредимы. Урага пронзительно закричал, самураи вопили, вглядываясь из-за планшира в море. Серые, шнырявшие на берегу, кинулись на борт, из ночной тьмы со стороны моря раздался еще один залп – все рассыпались в поисках укрытия. Блэксорн подполз к планширу, заглянул через шпигат и увидел рядом рыбацью лодку – гребцы окунали в воду факелы, стремясь скорее раствориться во тьме... То же делали и на других лодках. В какое-то мгновение Блэксорн ухватил еще отблески света на мечях и луках...

Крик Ураги перешел в бормотание, хрип агонии... Серые уже кинулись на ют с луками наготове... На корабле раздавался их топот и сопение. На палубу выскочил Винк с пистолетами наготове, пригибаясь на бегу:

– Боже, что здесь происходит? С вами все в порядке, кормчий?

– Пока да. Смотри – они в рыбацких лодках! – Блэксорн пополз назад к Ураге, который в агонии загребал рукой у горло, пытаясь вытащить древко стрелы, – кровь сочилась из носа, рта и ушей...

– Боже! – задохнулся Винк.

Блэксорн одной рукой взялся за наконечник стрелы, положил другую на теплое, пульсирующее тело и со всей силой потянул. Стрела вышла легко, но вслед за ней хлынул пульсирующий поток крови... Урага стал задыхаться.

Их окружили серые и самураи Блэксорна. Некоторые принесли щиты и закрывали Блэксорна, не заботясь о собственной безопасности. Другие сидели в укрытиях и тряслись, хотя опасность уже миновала. Кто-то яростно стрелял в ночь и кричал, приказывая исчезнувшим рыбацким лодкам вернуться...

Блэксорн беспомощно держал Урагу на руках, – он должен что-то сделать, но что? Ужасный запах крови и смерти забивал ему ноздри, а инстинкт его, как всегда и у каждого в таких случаях, непроизвольно вопил: «Слава Богу! Это не я! Не моя кровь! Не я... Слава Богу!»

Он видел – глаза Ураги молили, рот двигался, но не издавал ни звука, только хрип, грудь вздымалась... Потом Блэксорн заметил, как задвигались его собственные пальцы, крестя Урагу, почувствовал, как тело Ураги задрожало, забилося, рот беззвучно завопил, напоминая ему загарпуненную рыбу... В этот ужасный момент Урага расстался с жизнью.

Глава Пятьдесят Третья

Блэксорн шел в замок со своей охраной из двадцати вассалов, окруженный в десять раз большим эскортом серых. Он гордо выступал в своей новой форме, коричневом кимоно с пятью нашивками – вензелем Торанаги, – и в первый раз в официальной, с огромными крыльями накидке. Золотистые вьющиеся волосы были заплетены в аккуратную тугую косичку. Мечи, которые подарил ему Торанага, по всем правилам были заткнуты за пояс. На ногах – таби и кожаные сандалии.

На каждом перекрестке встречалось множество серых, они усеяли и все стены, демонстрируя силу Ишидо каждому дайме и генералу, всем крупным самурайским офицерам, приглашенным сегодня вечером в Большой зал, построенный Тайко в пределах внутреннего кольца укреплений. Солнце садилось, быстро наступала ночь.

«Ужасная потеря – смерть Ураги, – думал Блэксорн, все еще не представляя, была ли эта атака направлена против Ураги или против его самого. – Я потерял лучший источник знаний, какой только мог иметь».

– В полдень вы едете в замок, Анджин-сан, – сказал Ябу в это утро, когда вернулся на галеру. – За вами придут серые.

– Да, Ябу-сан.

– Сейчас совершенно безопасно. Я сожалею, что произошло это нападение. Сигата га наи! Серые переведут вас в безопасное место. Сегодня вечером вы останетесь в замке, в

части замка, принадлежащей господину Торанаге. А на следующий день мы поедем в Нагасаки.

– У нас есть разрешение?

Ябу сердито покачал головой.

– Сделаем вид, что идем в Мисиму забрать господина Хиро-Мацу. А также и господина Судару с семьей. Пока отдыхайте, Анджин-сан. Не думайте о новом нападении. Сейчас всем лодкам приказано держаться подальше отсюда.

– Понимаю. Пожалуйста, извините меня, а что будет сегодня ночью? Зачем меня зовут в замок?

Ябу улыбнулся своей кривой улыбкой.

– Вы будете представлены Ишидо, он хочет посмотреть на вас. Как гостю вам не грозит никакая опасность, – добавил он и сразу же покинул галеру.

Блэксорн спустился вниз, оставив Винка на вахте, но в тот момент, когда он крепко уснул, Винк растолкал его и он снова кинулся на палубу.

Небольшой двадцатипушечный португальский фрегат на всех парусах, кренясь от сильного ветра, входил в гавань, впритирку к скалам у входа.

– Этот негодяй торопится. – Винк вздрогнул.

– Видимо, это Родригес. Никто другой не вошел бы сюда под всеми парусами.

– Будь я на вашем месте, кормчий, я бы забрал нас всех и кинулся отсюда ко всем чертям по приливу или даже без прилива. Да мы здесь как мотыльки в бутылке с грогом. Надо убираться!

– Мы останемся! Тебе придется вбить это себе в башку! Мы останемся, пока нам не разрешат уйти. Мы останемся пока Ишидо не скажет, что мы можем уйти, даже если Папа и испанский король выйдут на берег вместе со всей Богом проклятой Армадой!

Он опять спустился вниз, но сон не шел. В полдень прибыли серые, и в сопровождении большого эскорта он поехал в замок. Они петляли по городу, миновали место казней, где все еще стояло пять крестов, – у каждого креста по два человека с копьями, людей все еще привязывали и снимали, толпа внимательно наблюдала за происходящим. Блэксорн вновь пережил агонию и страх того нападения, ощущение руки на мече, прикосновение кимоно... Присутствие вассалов не уменьшило ужаса от этого воспоминания.

Серые провели его в ту часть замка, где раньше жил Торанага, – он посетил ее впервые. Теперь здесь жили Киритсубо и госпожа Сазуко с ребенком, здесь же помещались и оставшиеся самураи Торанаги. Блэксорн принял ванну и переоделся в приготовленную для него одежду.

– Госпожа Марико здесь?

– Нет, господин, извините, – ответил ему слуга.

– Тогда где мне ее найти? У меня для нее срочное сообщение.

– К сожалению, Анджин-сан, я не знаю. Прошу меня извинить.

Никто из слуг не мог ему помочь. Все говорили: «Извините, я не знаю».

Блэксорн оделся, полистал словарь, вспоминая ключевые слова, которые могли понадобиться, и готовясь как можно лучше их использовать, потом вышел в сад понаблюдать, как растут камни, – но они и не думали расти... Он пересек внутренний ров – везде горели факелы. Отбросив все свои страхи, он сошел с моста. Многочисленные гости, окруженные серыми, направлялись в ту же сторону, – чувствовалось, что все украдкой наблюдают за ним... Уже почти автоматически он миновал последнюю опускающую решетку. Серые провели его по лабиринту переходов к огромной двери и оставили перед ней. Его самураи отошли к другой стороне двери и остались ждать вместе с другими охранниками, а он прошел внутрь... То, что он увидел, поразило бы кого угодно.

Огромный зал, высокие, с золотыми украшениями потолки, колонны под золочеными панелями на стропилах из редких пород отполированного дерева, роскошные шелковые драпировки на стенах... Нарядные, одетые по всей форме самураи – их было не менее пятисот – со своими дамами заполняли помещение. Дамы, в великолепных кимоно, под

зонтиками самых фантастических оттенков, похожи были на яркие экзотические цветы. Аромат их духов тонко сочетался с благовониями драгоценных древесных форм, клубившимися в изящных настенных курильницах. Глаза Блэксорна пытались найти среди этой массы людей Мариико, или Ябу, или хоть какое-нибудь знакомое лицо, но никто ему не попадался. По одной стороне стояла очередь гостей, ждавших возможности поклониться перед возвышением в дальнем конце зала, где стоял важный придворный чин – сам принц Огаки Такамото. Блэксорн узнал Ишидо – высокого, худого, с царственной осанкой, – тоже стоявшего у возвышения, и живо вспомнил ослепляющую силу удара по лицу и собственные пальцы, вцепившиеся в горло...

На возвышении в одиночестве, удобно расположившись на подушке, сидела госпожа Ошиба. Даже на таком расстоянии Блэксорн обратил внимание на ошеломляющее богатство ее кимоно – редчайшего темно-голубого шелка, расшитого золотыми нитями. «Высочество» – так называл ее Урага, с опаской рассказывая ему во время поездки о ней и ее истории. Теперь он мог видеть ее воочию: легкая, почти девичья фигура, белая светящаяся кожа, черные глаза кажутся огромными под изогнутыми, искусно подведенными бровями, блестящие волосы уложены в виде крылатого шлема...

Процессия гостей продвигалась вперед. Блэксорн устроился в стороне, в самом светлом месте, на голову возвышаясь над окружающими его гостями. Вежливо отступив в сторону, чтобы дать дорогу другим гостям, он заметил, что глаза Ошибы снова направлены в его сторону. Теперь и Ишидо смотрел на него. Ошибка и Ишидо что-то сказали друг другу, задвигался трепетный веер... Блэксорн неловко направился к стене, чтобы быть менее заметным, но серые преградили ему дорогу.

– Дозо. – Самурай вежливо показал на очередь.

– Хай, домо. – Блэксорн присоединился к очереди. Те, кто стояли впереди и сзади него, кланялись, он отвечал на их поклоны. Постепенно гул голосов затих и совсем замер – все смотрели на него. Дамы и самураи смущенно уступили ему дорогу. Между ним и возвышением не осталось уже никого... Мгновение Блэксорн был неподвижен – и вот в напряженном молчании выступил вперед. Перед самой платформой он стал на колени и чопорно поклонился, один раз – Ошибе и один раз – Ишидо: он видел, что так делали все. Поднимаясь, он больше всего боялся, что упадут его мечи или он поскользнется и опозорится, но все прошло, слава Богу, удачно и он стал уже отходить в сторону.

– Подождите, пожалуйста, Анджин-сан. – Это произнесла Ошибка.

Блэксорн остановился. Ее сияние, казалось, увеличилось и она стала еще женственнее. Он чувствовал необычайную чувственность, исходящую от нее, хотя она, казалось, вовсе об этом не заботилась.

– Говорят, вы знаете наш язык? – Ее голос звучал необыкновенно интимно.

– Прошу извинить меня, ваше высочество, – начал Блэксорн, используя свой проверенный временем запас выражений и слегка, запинаясь, так как очень нервничал, – простите, но я вынужден употреблять только короткие фразы и почтительно прошу вас обращаться ко мне с самыми простыми словами, чтобы я имел честь понять вас. – Он заметил, что всеобщее внимание сосредоточилось на них и что Ябу пробирается к нему, осторожно раздвигая толпу, – Могу я почтительно поздравить вас с днем рождения и молиться, чтобы вы счастливо прожили еще тысячу лет?

– Это не очень простые слова, Анджин-сан, – госпожа Ошибка была поражена.

– Прошу меня извинить, ваше высочество, я учил их всю прошлую ночь. Все ли я правильно сказал?

– Кто учил вас этому?

– Урага-нох-Тадамаса, мой вассал.

Она нахмурилась, потом взглянула на Ишидо, который наклонился вперед и заговорил так быстро, что Блэксорн не уловил ничего, кроме слова «стрелы».

– А, это тот отступник, христианский священник, которого убили прошлой ночью на вашем корабле?

– Простите, ваше высочество?
– Самурай, которого убили стрелой прошлой ночью на корабле.
– Да, это он, – ваше высочество, – Блэксорн взглянул на Ишидо, потом снова на нее. – Прошу меня извинить, ваше высочество, не разрешите ли вы приветствовать господина генерала?

– Да, разрешаю.
– Добрый вечер, господин генерал, – Блэксорн был заученно вежлив, – В прошлую встречу я был очень не в себе. Весьма сожалею.

Ишидо небрежно ответил на поклон:

– Да, помню. Вы были весьма невежливы. Надеюсь, вы не выйдете из себя и не выкинете ничего такого сегодня вечером.

– Я был очень не в себе той ночью, прошу меня извинить, – повторил Блэксорн.

– А что, такие вспышки безумия обычны среди чужеземцев?

Такая грубость по отношению к гостю, при посторонних, была очень плохим признаком. Глаза Блэксорна на миг обратились к госпоже Ошиба, он увидел в них удивление и решил рискнуть:

– Ах, господин генерал, вы в значительной степени правы. Чужеземцы всегда немного сумасшедшие. Но, простите, теперь я самурай, хатамото, и это большая, очень большая честь для меня. Я больше не чужеземец.

Он заговорил тем голосом, каким привык командовать с юта, и голос этот, без особых усилий с его стороны, заполнил всю комнату. – Теперь я понял правила хорошего тона самураев – и немного Бусидо. И ва. Прошу прощения, я больше не варвар. – Последнее слово он произнес как вызов, без страха: он знал, что японцы понимают толк в мужестве и гордости и уважают эти качества. Ишидо засмеялся.

– Так, самурай Анджин-сан. – Казалось он развеселился. – Я принимаю ваши извинения. Слухи о вашей смелости верны. Хорошо, очень хорошо. Я тоже прошу прощения. Ужасно, что эти презренные ронины смогли сделать такое – вы меня понимаете? Это ночное нападение...

– Да, господин, понимаю. Очень плохо. Погибло четыре человека. Один из них – мой, трое – серые.

– Это плохо, очень плохо. Не беспокойтесь, Анджин-сан. Больше этого не будет. – Ишидо задумчиво осмотрел зал, и все хорошо поняли, что он имел в виду. – Я отдал приказы охране, понимаете? Очень хорошей охране. Никаких нападений. Ни с какой стороны. Теперь вас будут очень хорошо охранять. В замке совершенно безопасно.

– Благодарю вас. Простите за беспокойство.

– Ничего. Вы важный человек, вы самурай. У вас особое, самурайское положение при господине Торанаге. Я не забываю, не бойтесь.

Блэксорн еще раз поблагодарил Ишидо и повернулся к госпоже Ошибе.

– Ваше Высочество, в нашей стране есть королева – наша королева. Пожалуйста, извините меня за плохой японский... Да, в моей стране правит королева. В нашей стране есть обычай – всегда дарить дамам на день рождения подарки. Даже королеве. – Из кармана в рукаве он извлек розовый цветок камелии, который срезал в саду. Он положил его перед собой, боясь, что перестарался. – Прошу меня извинить, если у меня не очень хорошие манеры.

Она посмотрела на цветок... Пятьсот человек, затаив дыхание, ждали, как она ответит на такую смелость и галантность чужеземца – и ловушку, в которую он, скорее всего ненамеренно, заманил ее.

– Я не королева, Анджин-сан, – медленно ответила Ошиба. – Только мать наследника и вдова господина Тайко. Я не могу принимать дары как королева: я не королева, никогда не стану королевой, не хочу делать вид, что я королева, и быть королевой. – Она улыбнулась всем сразу и сразу для всех нежно промолвила: – Но как дама, в свой день рождения, быть может, я могу просить разрешения принять подарок Анджин-сана?

Все разразились аплодисментами. Блэксорн поклонился и поблагодарил ее, поняв только, что его подарок принят. Когда все утихомирились, госпожа Ошибка окликнула:

– Марико-сан, ваш ученик оправдывает ваши усилия?

Марико пробиравлась между гостями, рядом с ней шел юноша, еще Блэксорн узнал Киритсубо и госпожу Сазуку и заметил, что юноша улыбается молоденькой девушке, но тут же забыл об этом – моментально переключился на Марико:

– Добрый вечер, госпожа Тода. – И вдруг добавил по-латыни – это было рискованно, но успех опьянил его: – Этот вечер стал еще более прекрасным, когда появились вы.

– Благодарю вас, Анджин-сан, – ответила она по-японски, слегка покраснев. Марико подошла к возвышению – юноша остался среди наблюдающих со стороны – и поклонился Ошибе. – Моих трудов здесь мало, Ошибка-сан. Это все заслуга Анджин-сана и книги, которую ему дали святые отцы.

– Ах да, словарь! – Ошибка сделала Блэксорну знак показать ей книгу и с помощью Марико быстро разобралась в ней. Она была в восторге, Ишидо тоже.

– Мы должны сделать копии, господин генерал. Пожалуйста, прикажите им сделать для нас сотню книг. С их помощью наши юноши скоро научатся языку чужеземцев.

– Хорошая идея, госпожа. Чем скорее у нас будут собственные переводчики, тем лучше, – Ишидо засмеялся. – А христианам придется пережить, что мы нарушим их монополию.

Седой самурай лет шестидесяти, который стоял впереди всех гостей, выразил свое мнение:

– Христиане не владеют монополией, господин генерал. Мы просим отцов-христиан, фактически мы настаиваем, чтобы они были переводчиками и торговцами, – ведь только они могут говорить с обеими сторонами и пользуются доверием у тех и других. Этот обычай завел господин Города и продолжил господин Тайко.

– Конечно, господин Кийяма, я не имел в виду обидеть тех дайме или самураев, которые стали христианами. Я говорил только о монополии священников-христиан, – отвечал Ишидо. – Для нас было бы лучше, если бы наши люди, а не иностранные священники – какие бы то ни было – контролировали нашу торговлю с Китаем.

– Но ведь ни разу не было случаев обмана, господин генерал, – возразил Кийяма. – Цены правильные, торговля идет легко и выгодно, отцы-священники своих людей контролируют. Без южных варваров не было бы ни шелка, ни торговли с Китаем. Если бы не святые отцы, мы имели бы много осложнений – очень много осложнений. Прошу простить, что упоминаю об этом.

– Ах, господин Кийяма, – пропела госпожа Ошибка, – я уверена, господин Ишидо польщен тем, что вы его поправили, не так ли, господин генерал? Что значил бы Совет регентов без советов господина Кийямы?

– Безусловно, – согласился Ишидо. Кийяма с усилием поклонился, хотя он-то не был обижен. Ошибка взглянула на юношу и взмахнула веером:

– А что вы скажете, Сарудзи-сан? Стали бы вы учить чужеземный язык?

Юноша вспыхнул под ее ослепляющим взглядом. Хрупкий, красивый, он очень старался выглядеть мужественнее, чем был в свои неполные пятнадцать лет.

– О, я надеюсь, мне не придется этим заниматься, Ошибка-сама... Но, если мне прикажут, – я попробую. Буду очень стараться.

Всех тронула его непосредственность. Марико гордо сказала по-японски:

– Анджин-сан, это мой сын, Сарудзи.

Блэксорн сосредоточенно слушал всю предыдущую беседу, но большая часть ее оставалась для него непонятна – быстрая разговорная речь сильно отличалась от литературной. Но он уловил имя – Кийяма – и тревога покинула его. Он поклонился Сарудзи, и тот церемонно ответил на его поклон.

– Прекрасный молодой человек. Хорошо иметь такого сына, Марико-сан.

Он украдкой посмотрел на правую руку юноши, заметно искривленную, и тут же

вспомнил: Марико однажды рассказывала ему о своих родах, очень долгих и трудных. «Бедняга, – подумал он, – как же он сможет пользоваться мечом?» Он вовремя отвел глаза, никто не заметил этого его взгляда – кроме самого Сарудзи. На лице юноши отразились смущение и боль.

– Хорошо иметь такого сына, Марико-сама, но ведь это совершенно невозможно, чтобы у вас был такой взрослый сын, – сами вы так молоды.

Ошиба тут же задала вопрос:

– Вы всегда так галантны, Анджин-сан?

– Простите?

– Ах, всегда вы так любезны? Compliments! Понимаете меня?

– Нет, простите, пожалуйста, не понял. – Голова у Блэксорна уже раскалывалась от постоянного напряжения. Тем не менее, когда Марико объяснила, о чем речь, он ответил с шутиливой торжественностью:

– Ах, прошу прощения, Марико-сан. Если Сарудзи действительно ваш сын, пожалуйста, скажите госпоже Ошибе: я не знал, что дамы здесь выходят замуж в десять лет.

Она перевела, потом добавила что-то, что всех рассмешило.

– Что вы сказали?

– Ах! – Марико заметила, что Кийяма зло смотрит на Блэксорна. – Прошу прощения, господин Кийяма, могу я представить вам Анджин-сана?

Кийяма вежливо ответил на очень почтительный поклон Блэксорна.

– Я слышал, что вы христианин...

– Ах, извините, господин Кийяма, – ответил тот по-японски. – Да. Я тоже христианин, но другой секты.

– Вашу секту не любят в моей провинции. И в Нагасаки, и на Кюсю, да, думаю, ни в одной из провинции, где дайме – христиане.

Марико с усилием удержала на лице улыбку, – дома она много размышляла, пытаясь определить, сам ли Кийяма нанял убийц Амида и организовал нападение прошлой ночью. А теперь в переводе она постаралась смягчить грубость Кийямы. Все внимательно слушали разговор.

– Я не священник, господин. – Блэксорн обратился непосредственно к Кийяме. – Если и окажусь в ваших краях, то только по торговым делам. Никаких разговоров о религии или проповедей своего учения. Почтительно прошу только разрешения торговать.

– Я не хочу, чтобы вы торговали! Не желаю, чтобы вы появлялись в моих землях! Вам запрещено появляться в моих землях под страхом смерти! Вы понимаете?

– Да, понимаю. Очень сожалею.

Кийяма надменно повернулся к Ишидо.

– Нам следовало бы полностью запретить эту секту и этих чужеземцев во всей империи. Я предложу это на следующей встрече Совета. А пока открыто заявляю: господину Торанаге дали плохой совет – сделать иностранца, тем более такого человека, самураем. Очень опасный прецедент!

– Ну, это не так уж важно! Ошибки нынешнего правителя Кванто очень скоро будут исправлены.

– Людям свойственно делать ошибки, господин генерал. – Кийяма стоял на своем. – Только Господь Бог все видит и все может. Единственная настоящая ошибка господина Торанаги – что он поставил свои интересы выше интересов наследника.

– Да, – согласился Ишидо.

– Прошу меня извинить, – вмешалась Марико, – но это неправда. Сожалею, но вы оба ошибаетесь в моем господине. Кийяма очень вежливо повернулся к ней.

– Вы заняли совершенно правильную позицию, Марико-сан. Но, пожалуйста, давайте не будем обсуждать это сегодня вечером. Да, господин генерал, а где сейчас господин Торанага? Каковы последние вести?

– Вчера с почтовым голубем пришло уведомление, что он в Мисиме. Теперь я жду

ежедневных сообщений о его передвижении.

– Что ж, значит, через два дня он пересечет границы своей провинции, – подытожил Кийяма.

– Да, господин Икава Джикья готов приветствовать его в соответствии с его положением.

– Будем надеяться, – Кийяма улыбнулся Ошибе, – он очень благосклонно относился к ней. – В этот день, госпожа, в честь такого случая, можно ли попросить вас о позволении регентам приветствовать наследника?

– Наследник почтет это за честь, господин, – ответила она, к всеобщему одобрению. – А потом не соблаговолите ли вы и все здесь присутствующие быть его гостями на состязании поэтов? А регенты – стать судьями?

Все бурно заплодировали.

– Благодарю вас, но не предпочтительнее ли, чтобы роль судей выполнили вы и принц Огаки с кем-нибудь из дам?

– Очень хорошо, если вы так пожелаете.

– Тогда, госпожа, какую же выбрать тему? И первую строку стихотворения? Поэтический дар Кийямы славился не менее, чем его искусное владение мечом и отвага в боях.

– Пожалуйста, Марико-сан, может быть, вы ответите господину Кийяме? – Все опять восхитились находчивостью Ошибы, – она была посредственной поэтессой, тогда как Марико – искусной, что известно всем.

Марико это обращение польстило. Она задумалась на минуту.

– Тема – о сегодняшнем вечере, госпожа Ошиба, и первая строка – «На ветке без листьев...»

Ошиба и остальные похвалили ее выбор. Кийяма подобрел:

– Превосходно, но мы будем очень стараться выиграть у вас, Марико-сан.

– Надеюсь, вы простите меня, господин, но я не стала бы участвовать в состязании.

– Конечно, вы должны участвовать! – Кийяма не принял ее слов всерьез, – Вы одна из лучших поэтесс в государстве. Без вас совсем не то.

– Прошу меня извинить, господин, но, к сожалению, меня здесь не будет.

– Не понимаю.

Ошиба спросила:

– Что это значит, Марико-сан?

– О, пожалуйста, извините меня, госпожа, завтра я покидаю Осаку – вместе с госпожой Киритсубо и госпожой Сазуко.

Улыбка Ишидо исчезла.

– И куда же вы направляетесь?

– Встретить своего сюзерена, господин.

– Господин Торанага будет здесь через несколько дней, разве не так?

– Госпожа Сазуко уже несколько месяцев не видела своего мужа, а господин Торанага еще не имел удовольствия видеть своего последнего сына. Конечно, госпожа Киритсубо будет сопровождать нас. Господин очень давно не видел и хозяйку своих дам.

– Господин Торанага будет здесь так скоро, что вам нет надобности встречать его.

– Но я думаю, что это необходимо, господин генерал.

Ишидо решительно сказал:

– Вы только что прибыли, и мы соскучились по вашему обществу, Марико-сан. Особенно госпожа Ошиба. Я согласен с господином Кийямой, – конечно, вы должны участвовать в соревновании.

– Простите, но меня здесь не будет.

– Очевидно, вы устали, госпожа. Вы только что прибыли. Конечно, сейчас неподходящее время обсуждать такие личные вопросы. – Ишидо повернулся к Ошибе. – Может быть, госпожа Ошиба, вам следует поприветствовать остальных гостей?

– Да, да, конечно! – вспыхнула Ошиба.

Сразу же послушно образовалась очередь, начался выжидательный гул, но сразу наступила тишина, когда раздался голос Марико:

– Благодарю вас, господин генерал. Я согласна, но это не личное дело и здесь нечего обсуждать. Завтра я уезжаю, чтобы засвидетельствовать свое почтение моему сюзерену, с его дамами.

Ишидо холодно произнес:

– Вы здесь, госпожа, по личному приглашению Сына Неба, а также и регентов. Пожалуйста, потерпите. Ваш господин тоже будет здесь, и очень скоро.

– Согласна, господин. Но Его Императорское Величество приглашает только через двадцать два дня. В приглашении нет приказа мне или кому-то еще оставаться в Осаке до этого срока. Или есть?

– Вы забываете о своих манерах, госпожа Тода.

– Прошу меня извинить, я меньше всего этого хотела. Простите, я приношу свои извинения. – Марико повернулась к Огаки, придворному. – Господин, приглашение Возвышенного требует, чтобы я оставалась здесь до его приезда?

Улыбка Огаки была безукоризненно отрепетирована:

– Приглашение на двадцать второй день этого месяца, госпожа. Оно требует вашего присутствия в этот день.

– Благодарю вас, господин, – Марико поклонилась и снова повернулась лицом к возвышению. – Оно требует моего присутствия в это время, господин генерал, но не ранее. Так что завтра я выезжаю.

– Пожалуйста, будьте терпеливы, госпожа. Регенты рады вашему приезду, здесь нужно провести много всяких приготовлений, потребуется ваша помощь до приезда Возвышенного. Сейчас госпожа Оши...

– Простите, господин, но приказы моего сюзерена для меня важнее. Я должна выехать завтра.

– Вы не поедете завтра, и вас просят... нет, обращаются к вам с просьбой принять участие в соревнованиях у госпожи Ошибы. Сейчас госпожа...

– Тогда я, значит, здесь в заключении – против моей воли?

Ошиба сказала:

– Марико-сан, давайте пока отложим этот вопрос, прошу вас.

– Простите, Ошиба-сан, но я простой человек. Я открыто заявила, что у меня есть приказы моего сюзерена. Если я не могу их выполнить, я должна знать почему. Господин генерал, я заключена здесь до двадцать второго дня? Если так, то по чьему приказу?

– Вы здесь почетный гость, – осторожно сказал Ишидо, желая ее успокоить. – Я повторяю, госпожа, ваш господин скоро будет здесь.

Марико чувствовала его власть, но пыталась сопротивляться.

– Простите, но я еще раз хочу смиренно задать вопрос: я здесь, в Осаке, в заключении на следующие восемнадцать дней и если да, то по чьему приказу?

Ишидо не спускал с нее глаз.

– Нет, вы не в заключении.

– Благодарю вас, господин. Прошу простить, что я говорила так откровенно, – Между тем многие дамы стали открыто шептаться: всех их держат здесь против воли, и если Марико-сан может уехать, то и они тоже... Можно выехать прямо завтра – о, как замечательно!..

Шепот был перекрыт голосом Ишидо:

– Что ж, госпожа Тода, коли вы выбрали такой бесцеремонный тон, я чувствую, что мой долг – просить регентов о формальном отказе, на случай если другие разделят ваше непонимание сути вопроса. – Он грустно улыбнулся в мертвой тишине, – До этого времени вам придется оставаться здесь, чтобы быть готовой ответить на их вопросы и выслушать их решение.

Марико заявила:

– Я была бы польщена, господин, но мой долг – это в первую очередь долг перед моим сюзереном.

– Конечно. Но это займет всего несколько дней.

– Простите, господин, но мой долг перед моим сюзереном требует моего отсутствия на несколько ближайших дней.

– Вам нужно запастись терпением, госпожа. Это займет немного времени, так что дело закончено. Сейчас господин Ки...

– Простите, я не могу отложить свой отъезд.

Ишидо повысил голос:

– Вы отказываетесь подчиниться Совету регентов?

– Нет, господин, – гордо отвечала Марико. – Нет, – если они не требуют нарушения моего долга перед сюзереном, а это высший долг самурая!

– Вы останетесь здесь и будете ждать, пока состоится встреча с регентами.

– Простите, мне приказано моим сюзереном сопровождать его дам на встречу с ним. И без промедления. – Марико вынула из рукава свиток и церемонно протянула его Ишидо.

Он надорвал его, развернул, посмотрел.

– Все равно – вы должны ждать разрешения регентов. Марико с надеждой подняла взор на госпожу Ошибу, – но встретила только мрачное неодобрение, обернулась к Кийяме, – но он хранил невозмутимое молчание.

– Пожалуйста, извините меня, господин генерал, но сейчас нет войны. Мой господин подчиняется регентам, так что в течение следующих восемнадцати дней...

– Этот вопрос закрыт!

– Этот вопрос будет закрыт, если вы, господин генерал, проявите вежливость и дадите мне закончить! Я не какая-нибудь крестьянка, чтобы попираť мои права. Я Тода Марихо-нок-Бунтаро-нох-Хиро-Мацу, дочь господина Акечи Дзинсаи; и я заявляю, что никогда не буду пленницей, заложницей или содержаться в неволе. Следующие восемнадцать дней и до того самого дня, назначенного Возвышенным, я свободна ходить куда пожелаю – как и все остальные.

– Наш господин, Тайко, был когда-то крестьянином. Многие самураи – крестьяне, были крестьянами. Каждый дайме был когда-то в прошлом крестьянином. Даже первый Такасима, все когда-то были крестьянами. Слушайте внимательно: вы будете ждать, сколько потребуется регентам.

– Нет! Простите меня, мой первый долг – послушание моему сюзерену!

Взбешенный Ишидо двинулся к ней.

Хотя Блэксорн почти ничего не понял из их разговора, его правая рука незаметно скользнула в левый рукав, чтобы достать спрятанный там метательный нож.

Ишидо наступал на нее:

– Вы будете...

В этот момент началось какое-то шевеление у дверей. Заплаканная служанка пробилась через толчею и подбежала к Ошибе.

– Пожалуйста, простите меня, госпожа, – захныкала она, – но Ёдоко-сан... она просила вас... она... Вы должны поторопиться, наследник уже там...

Обеспокоенная Ошибка оглянулась на Марико и Ишидо, скользнула по лицам гостей, обращенным к ней, сделала им полупоклон и заторопилась к выходу.

– Я поговорю с вами позднее, Марико-сан, – бросил Ишидо и последовал за Ошибой; его шаги тяжело отдавались на татами. При его приближении шепот стихал – и тут же начинался снова. Колокола прозвонили наступление следующего часа.

Блэксорн приблизился к Марико:

– Марико-сан, что случилось?

Она продолжала не дыша смотреть на возвышение. Кийяма снял сведенную судорогой руку с рукоятки меча.

– Марико-сан!
– Да, господин?
– Могу я предложить вам вернуться домой? Не разрешите ли вы мне побеседовать с вами позднее – скажем, в час свиньи?
– Да, да, конечно, пожалуйста. Извините меня, но я должна была... – Она замолчала.
– Сегодня плохой день, Марико-сан. Может быть, Бог заберет вас в свои владения. – Кийяма повернулся к ней спиной и властно произнес на весь зал: – Я предлагаю всем разойтись по домам и ждать... ждать и молиться, чтобы Бесконечность могла взять госпожу Ёдока-сан быстро и легко и с почестями проводить ее в свой мир, если пришло ее время. – Он глянул на Сарудзи, который все еще был ошеломлен. – Вы пойдете со мной! – И вышел.

Сарудзи направился за ним, ему не хотелось оставлять мать, но он подчинился приказу, смущенный оказанным ему вниманием.

Марико простилась с гостями общим полупоклоном и двинулась в сторону выхода. Кири облизывала пересохшие губы, госпожа Сазуко, дрожащая от испуга, стояла рядом. Кири взяла госпожу Сазуко за руку и обе женщины последовали за Марико. Ябу вышел с Блэксорном раньше, теперь они сопровождали дам, вдруг осознав, что из всех присутствующих они единственные самураи, носящие форму Торанаги. Снаружи их ждали серые.

* * *

– Чего ради вы вдруг заупрямились? Глупо ведь... – налетел на нее Ябу.
– Простите, – Марико прятала настоящую причину. Ей хотелось, чтобы Ябу оставил ее в покое, – она была взбешена его грубостью. – Так получилось, господин. В какой-то момент это было празднование дня рождения, а потом... Я не знаю. Пожалуйста, извините меня, Ябу-сама. Пожалуйста, извините меня, Анджин-сан.

Блэксорн попытался что-то говорить, но Ябу сразу перестал обращать на него внимание и он прислонился к раме окна; он был зол, голова болезненно пульсировала от напряженных усилий понять, о чем идет речь.

– Простите, Ябу-сан! – Боже, как надоедливы эти мужчины, все им нужно объяснять, со всеми подробностями... Они не видят даже собственных ресниц...

– Вы подняли бурю, которая погубит всех нас! Глупо!

– А справедливо то, что мы заперты?! Господин Торанага отдал мне приказ...

– Эти приказы бессмысленны. Его головой, видно, завладели дьяволы! Вам следует извиниться и взять свои слова обратно. Теперь охрана будет плотнее – комар не пролетит! Ишидо, конечно, отменит наши разрешения на выход, и вы все погубили, – Он посмотрел на Блэксорна. – Что нам теперь делать?

– Простите?

Они втроем находились в главной приемной комнате дома Марико, располагавшегося во внутреннем кольце укреплений. Серые – их было даже больше, чем обычно, – проводили их сюда, а теперь расположились за воротами. Кири и госпожа Сазуко отправились в свои апартаменты под такой же «почетной» охраной, и Марико обещала им, что посетит их после встречи с Кийямой.

– Но охрана вас не выпустит, Марико-сан, – пролепетала напуганная Сазуко.

– Не беспокойтесь, ничего не изменилось. В пределах замка мы можем передвигаться свободно, хотя и с охраной.

– Они остановят вас! О, зачем вы...

– Марико-сан права, дитя мое. – На Кири все это не подействовало. Не беспокойтесь. Мы скоро увидимся, Марико-сан. – И Кири отправилась в свое крыло замка, коричневые закрыли за ней ворота. Марико перевела дыхание и пошла к себе, сопровождаемая Ябу и Блэксорном. Ей вспомнилось, как она стояла одна против Ишидо и заметила, что правая рука Блэксорна нащупывает метательный нож, – это придало ей новых сил. «Да, Анджин-сан, –

подумала она, – вы единственный, на кого я могу положиться».

Она перевела взгляд на Ябу, который сидел напротив нее со скрещенными ногами и ухмылялся, обнажая зубы. То, что Ябу при всех встал на ее сторону и вышел вместе с ней, приятно ее удивило. Благодарная ему за поддержку и стесняясь того, что так вышла из себя, она отбросила свое обычное высокомерие и резкость и решила потешить его гордыню:

– Пожалуйста, извините меня за мою глупость, Ябу-сама. – Голос ее был полон раскаяния, она, казалось, едва преодолевала слезы. – Конечно, вы правы. Простите меня, я только глупая женщина.

– Согласен – глупо идти против Ишидо в его собственном гнезде.

– Да-да, простите. Можно предложить вам саке или чаю? – Марико хлопнула в ладоши, сразу же открылась внутренняя дверь и появилась Дзиммоко, с растрепанными волосами и испуганным, опухшим от слез лицом. – Принесите чаю и саке для моих гостей. И перекусить. И приведите себя в порядок! Как вы осмелились появиться в таком виде! Вы что, думаете, это крестьянская хижина? Вы позорите меня перед господином Касиги!

Дзиммоко залилась слезами.

– Простите, господин, пожалуйста, извините ее за такое непристойное поведение.

– Э, это неважно. А вот как быть теперь с Ишидо? Э-э-э, госпожа... ваша шпилька о крестьянах оставит отметку надолго – ведь это удар по самолюбию господина генерала. У вас появился теперь такой враг! Ваши слова его оскорбили и унизили перед всеми!

– О, вы так думаете? Пожалуйста, извините меня, я не хотела его оскорблять.

– Эх, он крестьянин, всегда им был и останется, и всегда будет ненавидеть нас, настоящих самураев.

– О, господин, как вы умны, что поняли это. Благодарю вас за то, что вы мне это сказали. – Марико поклонилась и сделала вид, что вытирает слезы, потом добавила: – Пожалуйста, можно я вам скажу, что чувствую себя теперь такой защищенной – вашей силой... Если бы не вы, думаю, что я просто потеряла бы сознание.

– Глупо было нападать на Ишидо перед всеми, – Ябу уже несколько успокоился.

– Да, вы правы. Как жаль, что не все наши вожди так сильны и умны, как вы, господин, а то наш господин Торанага не попал бы в такую беду.

– Согласен. Но вы все же поступили опрометчиво.

– Прошу меня простить. Да, это моя вина. – Марико все еще мужественно сдерживала слезы. Она опустила глаза и прошептала: – Благодарю вас, господин, что вы приняли мои извинения... Вы так великодушны...

Ябу кивнул: он заслужил эти похвалы, и ее раскаяние и покорность в порядке вещей, – конечно же, он необыкновенно умен. Марико продолжала его ублажать и льстить ему. Скоро он стал абсолютно податлив.

– Можно мне объяснить все про мою глупость Анджин-сану? А он предложит какой-нибудь выход... – Она заставила себя произнести все это затихающим, раскисающим голосом.

– Да, очень хорошо.

Марико благодарно поклонилась ему, повернулась к Блэксорну и заговорила по-португальски:

– Пожалуйста, слушайте, Анджин-сан, – слушайте и не задавайте вопросов. Простите, но сначала я должна была успокоить этого злобного негодяя, как вы его называете. – Она быстро рассказала ему, о чем говорилось и почему так заторопилась Ошиба.

– Это все очень серьезно, – Он внимательно смотрел на нее.

– Господин Ябу спрашивает вашего совета. Что нужно сделать, чтобы выпутаться оттуда, куда я затащила всех своей глупостью?

– Какой глупостью? – Блэксорн наблюдал за ней, и его беспокойство все увеличивалось. Она опустила взгляд вниз, на татами. Он заговорил с Ябу напрямую:

– Я еще не разобрался, господин. Сейчас пойму – надо подумать.

Ябу угрюмо ответил:

– О чем тут думать? Мы в ловушке.

Марико перевела не поднимая глаз.

– Это верно, Марико-сан? – спросил Блэксорн. – Это всегда было так?

– Да, к сожалению.

Он отвернулся, глядя в ночь. Факелы были установлены в нишах каменных стен, окружающих передний садик. Свет отражался на листьях и растениях, которые для этого специально поливали водой. На востоке от них находились обитые полосами железа ворота, охраняемые самураями в коричневой форме.

– Ты... – услышала она его голос, он говорил не оборачиваясь. – Я должен поговорить с тобой наедине.

– Ты... Да, я тоже. – Она отвернулась от Ябу, – она не доверла ему. – Сегодня вечером я найду тебя. – Она взглянула на Ябу. – Анджин-сан согласен с вами, господин, по поводу моей глупости, прошу меня извинить.

– Ну и что же теперь делать?

– Анджин-сан, – ее голос был сух и деловит, – сегодня, позднее, я пойду к Киритсубо-сан. Я знаю, где вы живете, и найду вас.

– Да, благодарю вас. – Он все еще сидел отвернувшись от Марико.

– Ябу-сан, – почтительно обратилась Марико, – сегодня вечером я собираюсь зайти к Киритсубо-сан. Она умная женщина, – может быть, она найдет выход.

– Выход только один, – отрезал Ябу с убежденностью, от которой ей стало нехорошо, – глаза его горели, как уголья, – завтра вы извинитесь. И останетесь.

* * *

Кийяма прибыл очень точно. С ним был Сарудзи, и сердце у Марико упало.

Покончив с формальными приветствиями, Кийяма угрюмо произнес:

– Ну а теперь, Марико-сан, объяснитесь, пожалуйста.

– Войны нет, господин. Нас не следует здесь задерживать, или обращаться с нами как с заложниками, поэтому я могу идти куда захочу.

– Необязательно вести войну, чтобы брать заложников. Вы это знаете. Госпожа Ошибка была заложницей в Эдо для безопасности вашего господина, когда он находился здесь, и никакой войны тогда не было. Господин Судару и его семья сейчас заложники у его брата, а они не воюют.

Марико сидела молча, опустив голову.

– Здесь многие – заложники того, что их господа будут выполнять решения Совета регентов, настоящего правителя государства. Это мудро, это обычный прием.

– Да, господин.

– Будьте добры, изложите мне настоящую причину.

– Господин?

Кийяма не сдержал раздражения:

– Не дурачьте меня! Я не какой-нибудь крестьянин! Я хочу знать, почему вы так вели себя сегодня вечером! Марико подняла глаза:

– Простите, господин генерал просто разозлил меня своим высокомерием. У меня есть приказы. Нет ничего плохого в том, что Кири и госпожа Сазуко отлучатся на несколько дней, чтобы встретиться с нашим господином.

– Вы очень хорошо знаете, что это невозможно! Господин Торанага тоже должен знать его, даже лучше вас.

– Извините, но мой господин отдал мне такие приказы. Самурай не обсуждает приказы своего господина.

– Да, но я обсуждаю их, потому что они бессмысленны! Ваш господин не должен нести чушь или делать ошибки! И я настаиваю на том, что имею право задать этот вопрос.

– Прошу меня извинить, господин, но здесь нечего обсуждать.

– Нет, здесь есть о чем поговорить. Вот о Сарудзи. А также о том, что я имел честь знать вас всю вашу жизнь. Хиро-Мацу-сама – самый старый из оставшихся моих друзей, и ваш отец был самым лучшим моим другом и верным союзником до последних четырнадцати дней своей жизни.

– Самурай не задает вопросов о приказах своего сюзерена.

– Сейчас вы можете сделать одно из двух. Мариико-сан. Вы извинитесь и останетесь или попытаетесь уехать. Если вы попытаетесь уехать, вы будете остановлены.

– Да, я понимаю.

– Вы извинитесь завтра. Я соберу собрание регентов, и они примут решение по этому вопросу. Потом вам будет разрешено поехать, с Киритсубо и госпожой Сазуко.

– Пожалуйста, извините меня, сколько времени это все займет?

– Не знаю. Несколько дней.

– Простите, у меня нет этих нескольких дней, мне приказано выехать сразу же.

– Посмотрите на меня! – Она повиновалась. – Я, Кийяма Уконно-Оданага, господин Хиго, Сатсумы и Осуми, регент Японии из династии Фудзимото, глава дайме-христиан Японии, – я прошу вас остаться.

– Извините. Мой сюзерен запрещает мне оставаться.

– Вы понимаете, о чем я вам говорю?

– Да, господин. Но у меня нет выбора, прошу меня извинить.

Он показал на ее сына.

– Помолвка моей внучки и вашего сына Сарудзи... Я вряд ли пойду на это, если вы попадете в опалу.

– Да, господин, – ответила Мариико с болью в глазах. – Я поняла это. – Она видела, что мальчик в отчаянии. – Прости, мой сын, но я должна выполнить свой долг.

Сарудзи подумал.

– Прошу извинить меня, мама, но разве... разве ваш долг по отношению к наследнику не более важен, чем ваши обязанности перед господином Торанагой? Наследник – наш настоящий сюзерен.

– Да, мой сын. И нет. Господин Торанага имеет надо мной власть, наследник – нет.

– Это не значит, что господин Торанага имеет власть над наследником тоже?

– Нет. Извини, нет.

– Пожалуйста, мама, извини меня, я не понял, но мне кажется, если наследник отдает приказ, то этим приказом отменяются приказы господина Торанага.

Она не ответила.

– Ответьте ему? – рявкнул Кийяма.

– Это ты сам придумал, мой сын? Или кто-нибудь тебе это внушил?

Сарудзи нахмурился, пытаясь вспомнить.

– Мы... господин Кийяма и... и его госпожа – мы говорили об этом. И отец-инспектор. Я не помню... Думаю, я сам додумался. Отец-инспектор сказал, что я был прав, да, господин?

– Он сказал, что наследник более важен в нашем государстве, чем господин Торанага. По закону. Пожалуйста, ответьте ему прямо, Мариико-сан.

Мариико сказала:

– Если бы наследник был мужчина, в возрасте, Квампаку, официальный глава государства, как им был Тайко, его отец, – тогда я повиновалась бы ему через голову господина Торанага. Но Яэмон – дитя, фактически и по закону, следовательно, недееспособен. По закону. Тебя устраивает такой ответ?

– Но... но он все же наследник, не так ли? Регенты слушают его... господин Торанага признает его. Это... это год, несколько лет, да, мама? Если вы не извинитесь, – прошу меня простить, но я боюсь за вас. – Губы юноши задрожали.

Мариико хотелось подойти, обнять и защитить его, но она не сделала этого.

– Я не боюсь, мой сын! Я ничего не боюсь на этой земле! Я боюсь только Божьего

суда. – Она обращалась к Кийяме.

– Да, – заметил Кийяма, – я это знаю. Может быть, Мадонна благословит вас. – Он помолчал. – Марико-сан, вы извинитесь перед господином генералом публично?

– Да, с радостью, при условии что он уберет всех своих самураев с моей дороги и даст письменное разрешение мне, госпоже Киритсубо и госпоже Сазуко выехать завтра утром.

– Вы подчинитесь приказу регентов?

– Прошу простить меня, господин, но в этом случае – нет.

– Вы удовлетворите их просьбу?

– Прошу меня извинить, но в этом случае – нет.

– Вы согласны с требованием наследника и госпожи Ошибы?

– Прошу простить, с каким требованием?

– Посетите их, оставайтесь с ними несколько дней, пока мы не решим это дело.

– Прошу меня извинить, господин, но что здесь решать?

Терпение Кийямы кончилось, и он закричал:

– Будущее и порядок в государстве – во-первых, будущее матери-церкви – во-вторых, и вдобавок еще и ваше будущее! Ясно, что этот ваш тесный контакт с чужеземцем испортил вас, отравил ваши мозги – теперь я в этом убедился!

Марико ничего не ответила, только смотрела на него.

Усилием воли Кийяма взял себя в руки.

– Прошу извинить меня... мою несдержанность. И мою невежливость, – с усилием произнес он. – Меня извиняет то, что я очень беспокоюсь. – Он с достоинством поклонился. – Я прошу меня извинить.

– Это моя вина, господин. Прошу извинить, что я нарушила ваше спокойствие и причинила вам беспокойство. Но у меня нет выхода.

– Ваш сын дал вам один выход, я предложил вам несколько.

Она не ответила.

В комнате стало душно, хотя ночь была прохладной, а ветер заметно колебал пламя факелов.

– Так вы решили?

– У меня нет выхода, господин.

– Очень хорошо, Марико-сан. Мне больше не о чем говорить. Кроме как еще раз сказать, что я приказываю вам не спешить с решением – и я прошу вас об этом.

Она наклонила голову.

– Сарудзи-сан, пожалуйста, подожди меня за дверью! – приказал Кийяма.

Юноша был в смятении, едва мог говорить:

– Да, господин, – Он поклонился Марико. – Прошу извинить меня, мама.

– Может быть, Бог о тебе позаботится.

– И о тебе.

– Аминь! – сказал Кийяма.

– Спокойной ночи, сын!

– Спокойной ночи, мама!

Как только они остались одни, Кийяма начал:

– Отец-инспектор очень обеспокоен.

– Мною, господин?

– Да. И он беспокоится о святой церкви и о чужеземце. И о корабле чужеземцев. Сначала расскажите мне об Анджин-сане.

– Он необычный человек – очень сильный и очень умный. На море он... он живет морем. Он кажется частью корабля и моря, и на море нет человека, который может сравниться с ним в смелости и ловкости.

– Даже Родригес-сан?

– Анджин-сан дважды одолевал его. Один раз – здесь, один раз – на пути в Эдо. – Она рассказала ему о ночном визите Родригеса во время их остановки в Мисиме, о спрятанном

оружии и обо всем, что она услышала, – Если бы их корабли были одинаковыми, Анджин-сан победил бы. Даже если бы они не были одинаковыми, я думаю, он все равно победил бы.

– Расскажите мне о его корабле.

Она повиновалась.

– Расскажите мне о его вассалах.

Марико подробно изложила, как они появились.

– Почему господин Торанага дал ему этот корабль, вассалов, деньги и свободу?

– Мой господин никогда не говорил мне об этом.

– А что вы сами об этом думаете?

– Возможно, он освободил Анджин-сана для войны со своими врагами, – отвечала Марико, потом добавила не извиняясь: – Раз уж вы меня спрашиваете, скажу, что особые враги Анджин-сана те же, что и враги моего господина: португальцы, святыя отцы, помогающие португальцам, господа Харима, Оноши и... вы... господин.

– Почему Анджин-сан считает нас своими особыми врагами?

– Нагасаки, торговля и ваш контроль побережья Кюсю, господин. И потому, что вы – главный дайме католиков.

– Церковь не враг господина Торанаги. И святыя отцы – тоже.

– Простите, но господин Торанага считает, что святыя отцы поддерживают господина генерала Ишидо, как и вы.

– Я на стороне наследника. Я против вашего господина, потому что он не на его стороне и потому что он разрушит нашу веру здесь.

– Простите, но это не так. Мой сюзерен настолько выше этого господина генерала! Вы в двадцать раз больше выступали на его стороне, чем против него, и вы знаете, что ему можно доверять. Почему вы перешли на сторону его заклятого врага? Господин Торанага всегда хотел торговать, и он не противник христиан, как господин генерал и госпожа Ошиба.

– Прошу извинить меня, Марико-сан, но, ей-богу, я считаю, что господин Торанага тайно ненавидит нашу христианскую веру, не любит нашу церковь и в душе готов прекратить эту династию и уничтожить наследника и госпожу Ошибу. Его магнит – сегунат, только он! Он втайне хочет стать сегуном, планирует стать сегуном, и все нацелено только на это.

– Ей-богу, господин, я не верю в это!

– Я знаю, но это не делает вас правой, – Он мгновение смотрел на нее. – Вы допускаете, что Анджин-сан и его корабль очень опасны для церкви? Родригес согласен с вами, что, если Анджин-сан встретится с Черным Кораблем в море, это очень опасно для него.

– Да, я тоже так считаю, господин.

– Это очень повредит нашей матери-церкви, не так ли?

– Да.

– Но вы тем не менее не поможете матери-церкви?

– Он не против матери-церкви, господин, и на самом деле не против святых отцов, хотя и не доверяет им. Он только против врагов своей королевы. А Черный Корабль нужен ему из-за денег.

– Но он против истинной веры и, следовательно, еретик.

– Да. Но я не верю, что все, что нам говорят святыя отцы, верно. И многое никогда не будет нам известно. Тсукку-сан допускал многое. Мой сюзерен приказал мне стать его доверенным лицом и другом, учить его нашему языку и обычаям, учиться у него тому, что может быть полезно для нас. И я нашла...

– Вы имеете в виду – полезно для Торанаги.

– Господин, повиновение сюзерену – главное в жизни самурая. Разве не этого повиновения вы требуете от всех своих вассалов?

– Да. Но ересь ужасна и мне кажется, что вы объединились с чужеземцем против нашей церкви и заражены его ересью. Я молюсь, чтобы Бог открыл вам глаза, Марико-сан, прежде

чем вы лишите себя спасения. Теперь последнее: отец-инспектор сказал, что у вас есть для него какая-то личная информация.

– Господин? – Это было совершенно неожиданно.

– Он сказал, что несколько дней назад было письмо от Тсукку-сана. Со специальным гонцом из Эдо. У вас есть информация о моих союзниках.

– Я просила отца-инспектора о свидании завтра утром.

– Да. Он поделился со мной. Ну?

– Прошу меня извинить, но завтра, после того как я увижусь с ним, я...

– Не завтра, – сейчас! Отец-инспектор сказал, это связано с господином Оноши и касается церкви и вы должны будете сразу мне все открыть. Ей-богу, это его слова. Неужели пришли такие времена, что вы мне не доверяете?

– Простите. Я договорилась с Тсукку-саном. Он просил меня откровенно побеседовать с отцом-инспектором.

Марико поняла, что у нее нет выбора. Она рассказала Кийяме о заговоре против него все, что знала. Он так же смеялся над этим, как над слухами, пока не узнал об источнике этой информации.

– Его исповедник? Он?

– Да. Прошу прощения.

– Жаль, что Урага погиб. – Кийяма еще более огорчился, что ночное нападение на Анджин-сана оказалось столь же неудачным, как и другая стычка, и убит единственный человек, который мог доказать, что его враг Оноши был изменником. – Урага будет вечно гореть в аду за такое святотатство. Он сделал ужасную вещь. Он заслуживает отлучения от церкви и адского огня, но тем не менее сослужил мне большую службу, рассказав об этом, – если только это правда. – Кийяма посмотрел на нее – он вдруг как-то сразу как будто состарился. – Мне не верится, что Оноши сделал это. Или что господин Харима был участником.

– А могли бы вы... могли бы вы спросить господина Хариму, правда ли все это?

– Да, но он никогда не откроет истины. Я бы не признался, а вы? Печально все это... Как ужасны иной раз поступки людей.

– Да, я согласна с вами.

– Я не могу вам поверить, Марико-сан. Урага мертв, мы не можем получить никаких доказательств. Я приму меры, но... но я не могу поверить...

– Одна мысль, господин. Вам не кажется странным, что господин генерал приставил охрану к Анджин-сану?

– Почему – странным?

– Зачем его охранять, когда он его так ненавидит? Очень странно. Может быть, теперь господин генерал видит, что Анджин-сан – это возможное оружие против дайме-католиков?

– Не понимаю вас.

– Если, не дай Бог, вы погибнете, господин, – господин Оноши станет верховным правителем на Кюсю. Что мог бы предпринять господин генерал, чтобы усмирить Оноши? Ничего, – только, может быть, использовать Анджин-сана.

– Это возможно, – не сразу согласился Кийяма.

– Есть только один довод за охрану Анджин-сана – потом его использовать. Где? Только против португальцев, а тем самым против христиан-дайме с Кюсю.

– Так-так...

– Я думаю, что Анджин-сан так же важен для вас, как для Оноши, Ишидо или моего господина. Важен живым. Его познания огромны. Только знания могут защитить нас от чужеземцев, даже от португальцев.

Кийяма презрительно заявил:

– Мы можем сокрушить их, уничтожить, как только захотим. Они докучают нам, как комары лошади, и только.

– Если святая мать-церковь победит и все земли станут христианскими, о чем мы

молимся, – что тогда? Сохранятся ли наши законы? Останется ли бусидо, противоречащий заповедям? Думаю, нет, как и везде в католическом мире, если святые отцы захватывают власть. Нам следует к этому подготовиться.

Кийяма не ответил.

Тогда она осторожно предложила:

– Господин, я прошу вас, пусть Анджин-сан расскажет вам, что происходит в мире.

– Нет, не согласен. Мне кажется, он очаровал вас, Мариико-сан. Я верю святым отцам. Думаю, ваш Анджин-сан подстрекается сатаной и его ересь, прошу вас это понять, уже заразила и вас. Три раза вы упомянули католиков, когда имели в виду христиан. Разве это не значит, что вы согласны с ним: есть две веры, две одинаково правильные версии о святой вере? Разве не вы угрожали сегодня вечером ножом в животе наследника. И вопреки интересам церкви? – Он встал. – Благодарю вас за информацию. С Богом.

Мариико достала из рукава небольшой, тонкий запечатанный свиток.

– Господин Торанага просил меня передать вам это.

Кийяма взглянул на нетронутую печать.

– Вы знаете, о чем это, Мариико-сан?

– Да, мне приказано уничтожить послание и передать его устно, если меня будут обыскивать.

Кийяма вскрыл печать. В письме еще раз повторялись заверения Торанаги о стремлении к миру между ними, о полной его поддержке наследника и всей династии и давалась краткая информация об Оноши. Оно кончилось словами: «У меня нет других доказательств об Оноши кроме тех, что сообщил Урага-нох-Тадамаса, – вы, конечно, сможете увидеть его в Осаке и поговорить с ним, если пожелаете. Однако у меня есть доказательства, что Ишидо нарушил тайное соглашение с вами, отдающее Кванто вашим потомкам после моей смерти. Кванто тайно обещали моему брату Затаки, если он предаст меня, что он уже и сделал. Прошу меня извинить, старина, но вы тоже преданы. После моей смерти вы и ваша семья будете изолированы и уничтожены, как и вся христианская церковь. Я прошу вас подумать об этом. Скоро у вас будут доказательства моей правоты».

Кийяма перечитал письмо, а Мариико внимательно наблюдала за ним, как ей и приказал Торанага: «Внимательно понаблюдайте за ним, Мариико-сан. Я не уверен в его соглашении с Ишидо по поводу Кванто. Об этом сообщали мои агенты, но я не уверен. Вы поймете все по тому, что он сделает – или не сделает, – если отдадите ему это письмо в подходящий момент». Она уловила реакцию Кийямы. «Так, значит, это тоже верно», – подумала она.

Старый дайме поднял глаза и сказал решительно:

– А вы – доказательство его искренности, да? Жертвенный агнец на закланье?

– Нет, господин.

– Я вам не верю. И ему не верю. В измену Оноши – может быть. Но в остальном... Господин Торанага просто прибегает к своим старым трюкам, мешая полуправду, мед и деготь. Боюсь, что предали вас, Мариико-сан.

Глава Пятьдесят Четвёртая

– Мы выезжаем в полдень.

– Нет, Мариико-сан. – Госпожа Сазуко была близка к слезам.

– Нет, конечно, – И Кири приуныла.

– Они остановят нас! – разрыдалась девушка. – Все так бессмысленно!

– Нет, – успокоила ее Мариико, – вы не правы, Сазуко-сан, это очень нужно.

– Нам надо так немного, правда?

– Да.

– Очень немного! – согласилась Сазуко. – Простите, но это глупо, они нас остановят!

– Может быть, и нет, дитя мое, – поддержала Кири. – Мариико-сан говорит, они дадут нам уехать. Господин Торанага думает, что они позволят нам уехать. Давай думать, что нас

отпустят. Ступай и отдохни, ну же! Я должна поговорить с Мариико-сан.

Девушка ушла в большом волнении.

Кири сложила руки:

– Да, Мариико-сан?

– Я отправлю с почтовым голубем зашифрованное письмо о том, что случилось сегодня вечером. Он улетит на рассвете. Люди Ишидо, конечно, попытаются завтра же уничтожить всех моих птиц, если догадаются, а я не смогу принести их сюда. Нет у вас письма, которое вы хотели бы отправить прямо сейчас?

– Да, я напишу его. Что, по-вашему, будет дальше?

– Господин Торанага уверен, что они дадут нам уехать, если я буду очень настойчива.

– Я так не думаю. И, пожалуйста, извините меня, но я не думаю, что вы сами в это очень верите.

– Вы не правы... О, конечно, они могут задержать нас завтра утром, и, если они так сделают, будет большой скандал, угрозы... но все это не имеет значения. – Мариико засмеялась. – О, угрозы, Кири-сан, будут продолжаться весь день и всю ночь. Но в полдень следующего дня нам разрешат выехать.

Кири покачала головой.

– Если нам позволят уехать, все остальные заложники в Осаке тоже разъедутся. Ишидо будет нанесен сильный удар, и он потеряет лицо. Он этого не допустит.

– Конечно. – Мариико, похоже, была очень довольна. – Все равно он в ловушке.

Кири посмотрела на нее.

– Через восемнадцать дней наш хозяин будет здесь. Он должен быть здесь.

– Верно.

– Простите, тогда почему нам так важно сразу же уехать?

– Он считает, что это достаточно важно. Кири-сан. Достаточно важно, чтобы приказать нам это.

– Ах, так у него есть план?

– У него всегда много планов.

– Но с того момента, как Возвышенный согласился присутствовать, разве наш господин не в ловушке?

– Пожалуй...

Кири взглянула на дверь – она была закрыта. Подавшись вперед, Кири тихонько спросила:

– Тогда почему он тайно попросил меня внушить это госпоже Ошибе?

Уверенность Мариико начала таять:

– Он просил вас сделать это?

– Да. Из Ёкосе, после того как первый раз поговорил с Затаки. Почему он сам прыгнул в эту ловушку?

– Не знаю...

Кири задумчиво покусывала губы.

– Хотела бы я знать... Мы скоро узнаем... Но вы не говорите мне все, что знаете, Мариико-сан.

Мариико стала было протестовать, но Кири дотронулась до ее рукава, снова призывая к осторожности, и прошептала:

– В его письме ко мне говорится, что вам можно полностью доверять, – давайте больше не будем рассуждать на эту тему. Я доверяю вам, Мариико-сан, но это не мешает мне размышлять.

– Пожалуйста, извините меня.

– Я так горжусь вами! – Голос Кири окреп, – Стоять так перед Ишидо и остальными! Хотела бы я, чтобы у меня было столько же мужества...

– Мне это было легко: наш господин сказал, что мы должны уехать.

– Думаю, это очень опасно – то, что мы делаем. Чем я могу помочь?

– Поддерживайте меня.
– Я вас поддерживаю. Вы всегда можете на это рассчитывать.
– Я останусь здесь, у вас, до рассвета, Кири. Но сначала я должна поговорить с Анджин-саном.

– Да. Я лучше пойду с вами.

Вдвоем они вышли из комнаты Кири, сопровождаемые коричневыми, прошли мимо самураев в коричневой форме, которые, явно гордясь Марико, отвесили церемонные поклоны. Кири провела ее по коридорам, огромной комнате для приемов и прошла за ней во внешний коридор. Здесь в карауле стояли коричневые и серые. При виде Марико ей одинаково почтительно поклонились и те и другие. И Марико и Кири – обе были ошеломлены, заметив серых на своей территории, но скрыли свое разочарование и промолчали.

Кири показала на дверь.

– Анджин-сан? – окликнула Марико.

– Хай? – Дверь открылась, показался Блэксорн, за ним – двое серых. – Привет, Марико-сан!

– Привет. – Марико посмотрела на серых, – Я должна поговорить с Анджин-саном наедине.

– Пожалуйста, госпожа, – с глубоким уважением ответил ей капитан. – К сожалению, господин Ишидо приказал нам под страхом немедленной смерти ни в коем случае не оставлять его одного.

Ёсинака, назначенный дежурным офицером на этот вечер, подошел к ним.

– Прошу меня извинить, госпожа Тода, я согласен с этими двадцатью охранниками Анджин-сана. Это личное требование господина Ишидо. Извините.

– Если господин Ишидо беспокоится только о безопасности Анджин-сана, это можно только приветствовать, – торжественно ответствовала Марико, в глубине души не очень-то обрадовавшись.

Капитан серых получил распоряжение от Ёсинаки:

– Я отвечаю за Анджин-сана, пока с ним говорит госпожа Тода. А вы подождите снаружи!

– Извините, – твердо отвечал капитан серых, – У меня и моих людей нет другого выхода, как наблюдать лично.

Кири заявила:

– Я с радостью останусь здесь. Конечно, необходимо, чтобы кто-то здесь оставался.

– Простите, Киритсубо-сан, но мы должны присутствовать. Извините, госпожа Тода, – капитану, видимо, было неловко, – никто из нас не говорит на языке чужеземца.

– А мы и не думали, что вы столь невежливы, чтобы подслушивать. – Марико чуть не вышла из себя. – Но обычаи чужеземцев отличаются от наших.

– Серые должны повиноваться своему господину, – рассудил Ёсинака. – Вы были совершенно правы сегодня вечером, госпожа Тода: первая обязанность самурая – его долг перед сюзереном, и вы справедливо указали на это публично.

– Совершенно верно, госпожа, – с тем же чувством гордости согласился капитан серых. – В жизни самурая нет ничего выше.

– Благодарю вас. – Марико импонировало их отношение к долгу самурая.

– Нам следует уважать и обычаи Анджин-сана, капитан. – Ёсинака показалось, что он нашел выход. – Пожалуйста, пойдите со мной. – Он привел их обратно в зал для приемов. – Пожалуйста, госпожа, пригласите Анджин-сана сюда и располагайтесь, – Он указал на возвышение в дальнем углу. – Охрана Анджин-сана останется у дверей и будет выполнять свой долг перед сюзереном, мы – свой, а вы сможете говорить сколько пожелаете согласно обычаям Анджин-сана.

Марико перевела Блэксорну предложение Ёсинаки и благоразумно продолжала на латыни:

– Они ни за что не оставят тебя одного сегодня ночью. У нас нет выхода – если только ты не хочешь, чтобы я приказала сразу же их убить.

– Я хочу поговорить с тобой наедине, – ответил Блэксорн, – но не ценой жизнью. Благодарю тебя за то, что ты пришла.

Марико обратилась к Ёсинаке:

– Благодарю вас, Ёсинака-сан. Не будете ли вы так добры послать за курильницами с благовониями – отогнать москитов?

– Конечно. Извините меня, госпожа, нет ли известий о госпоже Ёдоко?

– Нет, Ёсинака-сан. Я слышала, что она все еще лежит, но более нет. – Марико улыбнулась Блэксорну. – Пойдемте сядем там, Анджин-сан?

Он пошел за ней следом. Кири вернулась в свои апартаменты, серые расположились у дверей зала для приемов. Капитан серых встал около Ёсинаки, в нескольких шагах от остальных.

– Не нравится мне все это! – громко прошептал он.

– Неужели госпожа Тода собирается вытащить меч и убить его? Не обижайтесь – ну где ваши мозги?

Ёсинака захромал дальше, проверяя посты. Капитан посмотрел в угол зала: Марико и Анджин-сан сидели друг против друга, ярко освещенные факелами. Он не мог слышать, о чем они говорят, и сосредоточился на их губах, но это было ненамного лучше, хотя он обладал хорошим зрением и говорил по-португальски. «Наверно, опять говорят на языке святых отцов. Ужасный язык, его невозможно постичь!» И все-таки что тут такого? Почему бы ей и не побеседовать с еретиком наедине – если ей это доставляет удовольствие? Ничто не вечно на этой земле! Это так печально! О Святая Мадонна, позаботься о ней за ее смелость!»

* * *

– Латынь безопаснее, Анджин-сан. – Веер Марико разогнал гудящих перед ней москитов.

– Они могут услышать нас отсюда?

– Думаю – нет, если мы будем говорить, как ты меня учил, чуть-чуть двигая губами, и не повышать голос.

– Попробуем. Так что случилось с Кийямой?

– Я люблю тебя...

– Ты...

– Я скучаю по тебе...

– И я по тебе... Как бы нам встретиться наедине?

– Сегодня вечером это невозможно. Завтра ночью – сможем... У меня есть план, любовь моя!

– Завтра? А что с твоим отъездом?

– Завтра они могут задержать меня, Анджин-сан, – пожалуйста, не тревожься. На следующий день мы все уедем, куда захотим. Завтра ночью, если меня задержат, мы будем с тобой.

– Каким образом?

– Мне поможет Кири. Не спрашивай меня, как, что и почему. Это будет легко. – Она замолчала – подошли служанки с курильницами для отпугивания насекомых. Извилистые нити дыма скоро отогнали ночных чудовищ. Оставшись опять одни, они заговорили о своей поездке, счастливые просто тем, что снова вместе, любя друг друга без прикосновений, избегая разговоров о Торанаге и о том, что должно произойти завтра. Потом он спросил:

– Ишидо – мой враг. Почему же вокруг меня столько охраны?

– Чтобы защитить тебя. Но также и чтобы лучше удержать тебя. Я думаю, Ишидо захочет использовать тебя и против Черного Корабля, Нагасаки и господ Кийяма и Оноши.

– А, да. Я тоже думал об этом.
Она заметила, как он рассматривает ее.
– В чем дело, Анджин-сан?
– Вопреки тому, что считает Ябу, я не думаю, что ты глупая, – ведь сегодня вечером все было преднамеренно, умышленно, так спланировано – по приказам Торанаги.
Она разгладила складку на своем парчовом кимоно.
– Он дал мне поручения. Да.
Блэксорн перешел на португальский:
– Он предал вас. Вы только приманка – знаете вы это? Вы только наживка на одном из его крючков.
– Почему вы так говорите?
– Вы приманка. Так же как я. Это очевидно. И Ябу приманка. Торанага послал нас всех сюда на заклятие.
– Нет, вы не правы, Анджин-сан. Простите, но вы не правы.
Он сказал по-латыни:
– Я говорю тебе, что ты красивая, и я люблю тебя, но ты лжешь.
– Никто не говорил мне этого раньше.
– Ты должна признать, что никто раньше не говорил тебе «я люблю тебя».
Она опустила глаза на веер:
– Давай поговорим о чем-нибудь другом.
– Что выиграет Торанага, пожертвовав нами?
Она не ответила.
– Марико-сан, я имею право спросить тебя. Я не боюсь – просто хочу знать, чего он этим добьется?
– Я не знаю.
– Ты! Поклянись своей любовью и своим Богом!
– Даже ты? – с горечью ответила она по-латыни. – Ты тоже со своим «поклянись перед Богом!» И вопросы, вопросы, вопросы?
– Это твоя жизнь и моя жизнь, и я ценю их обе. Еще раз: что он на этом выиграет? Ее голос стал громче:
– Слушай же: да, это так – я выбрала время, и я не глупая женщина, и...
– Осторожнее, Марико-сан, пожалуйста, потише, а то...
– Извините. Да, это было сделано умышленно, при всех, как того пожелал Торанага.
– Зачем?
– Потому что Ишидо – крестьянин, и он должен дать нам уехать. Вызов нужно было сделать перед его соратниками. Госпожа Ошиба одобряет наше желание ехать встречать господина Торанагу. Я говорила с ней, и она не возражала. Тебе не о чем беспокоиться.
– Мне не нравится, что ты вызываешь огонь на себя. Или яд. Или злобу. Где твое спокойствие? Где твои манеры? Может быть, тебе нужно поучиться наблюдать, как растут камни?
Марико перестала сердиться и расхохоталась:
– Ах ты... Ты прав, прав. Пожалуйста, извини меня. – Она опять почувствовала себя полной сил, вновь стала сама собой. – О, как я люблю тебя, уважаю и как гордилась тобой сегодня вечером, – я чуть не расцеловала тебя там перед всеми, как это у вас принято.
– Мадонна, это все равно что поджечь пороховой склад!
– Если бы мы были одни, я бы целовала тебя, пока крики о помощи не заполнили бы всю вселенную!
– Благодарю тебя, госпожа, но ты – здесь, а я – там и между нами – вся вселенная.
– О нет, между нами нет всей вселенной! Моя жизнь полна, потому что есть ты!
Через минуту он сказал:
– А приказы Ябу – извиниться и остаться?
– Они не могут быть выполнены, извините.

- Из-за приказов Торанаги?
- Формально – да, но на самом деле – нет, это только мое желание. Все это предложила ему я. И это я просила разрешения приехать сюда, мой любимый. Ей-богу, это правда.
- Что же будет завтра?
- Она рассказала ему, о чем говорила с Кири, добавив:
- Все идет лучше, чем задумывалось. Разве Ишидо уже не твой патрон? Клянусь, я не понимаю, как господин Торанага может быть таким умным и всевидящим. Перед моим отъездом он объяснил мне, что произойдет – что может произойти. Он знал, что Ябу не имеет никакой власти в Кюсю. Только Ишидо или Кийяма могут защитить тебя здесь. Мы не приманки, – мы под его защитой. Мы в совершенной безопасности.
- А эти девятнадцать дней... теперь уже восемнадцать... Торанага ведь должен быть здесь?
- Да.
- Тогда это, может быть, как говорит Ишидо, только пустая трата времени.
- Наверняка я не знаю. Знаю только, что девятнадцать, восемнадцать или даже три дня могут равняться вечности.
- Или завтра?
- Завтра тоже. Или следующий день.
- А если Ишидо завтра тебя не выпустит?
- Это наш единственный шанс. Ишидо нужно уговорить.
- Ты уверена?
- Да, ей-богу, Анджин-сан.

* * *

Блэксорн во сне пытался освободиться от ночного кошмара, но в тот момент, когда он проснулся, тревожные тени сразу исчезли. День только начинался, через москитную сетку на него смотрели серые.

– Доброе утро, – приветствовал он их, хотя ему и не нравилось, что за ним наблюдали во время сна.

Блэксорн выбрался из-под сетки, вышел в коридор, спустился вниз по лестнице и направился в уборную во дворе. Охранники, и серые и коричневые, шли рядом, но он не обращал на них внимания. Рассвет был мгlistый. Небо на востоке уже очистилось от тумана, пахло солью и сыростью с океана. Уже появились стаи мух. «День будет жаркий», – подумал он.

Послышались звуки приближающихся шагов – через отверстие в двери он заметил Дзиммоко. Она терпеливо дожидалась его, болтая с охранниками, и усердными поклонами приветствовала его в дверях.

- Где Марики-сан? – спросил Блэксорн.
- Она у Киритсубо-сан, Анджин-сан.
- Спасибо. Когда уезжаете?
- Скоро, господин.
- Передайте, что я хотел бы пожелать ей доброго утра перед отъездом. – Он сказал это еще раз, хотя Марики уже пообещала, что найдет его перед тем, как вернется домой собраться в дорогу.
- Да, Анджин-сан.

Он кивнул, как подобает самураю, и пошел умыться и принять ванну. Здесь не было заведено принимать по утрам горячую ванну, но он каждое утро обливался холодной водой.

– Э-э, Анджин-сан, – всякий раз говорили телохранители и случайные свидетели, – это, конечно, очень полезно для вашего здоровья.

Одевшись в коричневое кимоно, с мечами и пистолетом за поясом, Блэксорн пошел к стене, возвышающейся над двором этого крыла замка. Коричневые на постах приветствовали

его как равного, но серые проявляли беспокойство: на крепостной стене сгрудилась масса серых, не упускавших из поля зрения ничего, что происходило за воротами.

– Много серых, намного больше, чем обычно. Вы меня поняли, Анджин-сан? – Это Ёсинака вышел на балкон.

– Да.

Капитан серых приблизился к ним:

– Пожалуйста, не подходите слишком близко к краю, Анджин-сан. Извините.

Солнце встало над горизонтом, лучи его приятно согревали кожу. На небе не виднелось ни облачка, ветер стихал. Капитан серых показал на меч Блэксорна:

– Это «Продавец масла», Анджин-сан?

– Да, капитан.

– Не разрешите ли посмотреть на клинок?

Блэксорн вытянул часть клинка из ножен. Согласно обычаю меч не следовало вытаскивать полностью, если вы не собирались им пользоваться.

– Красивое зрелище! – восхитился капитан. Все, кто был рядом, коричневые и серые, толпились вокруг, одинаково пораженные. Блэксорн убрал меч, – нельзя сказать, чтобы он был недоволен.

– Я польщен тем, что мне позволили носить «Продавца масла».

– А вы умеете пользоваться мечом, Анджин-сан? – спросил капитан.

– Нет, капитан. Не так хорошо, как самураи. Но я учусь.

– Это очень хорошо.

На переднем дворе, двумя этажами ниже, тренировались серые – там все еще держалась тень, солнышко не дошло туда. Блэксорн понаблюдал за ними.

– Сколько здесь самураев, Ёсинака-сан?

– Четыре сотни и три, Анджин-сан, включая те две сотни, что пришли со мной.

– А снаружи?

– Серых? – Ёсинака засмеялся. – Много, очень много...

Капитан серых в ухмылке обнажил зубы.

– Почти сто тысяч, Анджин-сан. Вы поняли – сто тысяч?

– Понял, спасибо.

Все, кто был во дворе, смотрели вниз: из-за дальнего угла выходил и приближался к их тупику кортеж в сопровождении стражи – носильщики, выючные лошади и три паланкина. Проход был все еще в тени, между высокими защитными стенами, в нишах стен горели факелы. Даже с такого расстояния заметно было, как нервничали носильщики, а серые, что шли за ними, казались притихшими и настороженными. Притаились и коричневые, стоявшие на страже. Высокие ворота крепости открылись, впуская кортеж, сопровождавшие его серые остались снаружи, и ворота снова закрылись. Гигантский железный засов лег на свое место в причудливых скобах, глубоко заделанных в гранитные стены. Опускные решетки на этом входе отсутствовали.

Ёсинака обратился к Блэксорну:

– Анджин-сан, пожалуйста, извините меня, я должен проверить все ли в порядке.

– Я подожду здесь.

– До встречи, – Ёсинака ушел.

Капитан серых, подойдя к парапету, свесил голову вниз. «Боже мой, – подумал Блэксорн, – надеюсь, Мариико права и Торанага прав... Теперь недолго...» Он посмотрел, высоко ли поднялось солнце, и невнятно пробормотал про себя по-португальски:

– Скоро отправятся.

Не осознав этого, капитан буркнул что-то утвердительное, и Блэксорну стало ясно, что тот понял его фразу на португальском, – значит, он христианин и еще один возможный его враг... Он задумался о прошедшей ночи. Как будто он говорил с Мариико только по-латыни... Но ведь она сказала на латыни: «... чтобы я приказала сразу же их убить». Говорит ли он на латыни, как тот, другой капитан, один из тех, кто был убит при первом бегстве из Осаки?

Солнце уже набрало силу, и Блэксорн отвел взгляд от капитана серых. «Если ты не убил меня ночью, – может быть, и никогда не сделаешь этого», – подумал он и сразу выбросил его из головы. Внизу он разглядел Кири: она вышла на передний двор, командуя служанками, несущими корзины и ящики для погрузки на вьючных лошадей. На главных ступенях лестницы она казалась такой маленькой... Когда-то Сазуко умышленно поскользнулась здесь, отвлекая внимание, что и использовал Торанага... Недалеко от этого места, немного севернее, был разбит уютный садик и стоял маленький каменный дом, где он впервые увидел Марику и Яэмона, наследника... Мысленным взором он проследил, как кортеж в полдень покидает замок, кружит по лабиринтам, беспрепятственно выезжает из крепости, едет лесами и спускается к морю... Он молился, чтобы Марику и ее спутники поскорей оказались в безопасности. Как только они уедут, отбудут и они с Ябу – сядут на галеру и выйдут в море.

Отсюда, со стены, море казалось совсем близким – оно манило, дразнило горизонтом...

– Конбанва, Анджин-сан!

– Марику-сан! – Она, как всегда, неотразима...

– Конбанва. – Блэксорн сразу, без дальнейших вежливых фраз перешел на латынь: – Берегитесь этого капитана серых – он понимает португальский. – И тут же продолжал на португальском, давая ей время прийти в себя: – Не понимаю, как вы можете быть так прекрасны после бессонной ночи, – Он взял ее за руку и повернул спиной к капитану, подводя ближе к парапету: – Смотрите – там Киритсубо-сан!

– Спасибо. Да-да, благодарю вас.

– Почему вы не помашете Киритсубо-сан?

Она помахала и окликнула ее по имени. Кири заметила их и помахала в ответ.

Через минуту, расслабившись и овладев собой, Марику оценила его усилия:

– Благодарю вас, Анджин-сан. Вы очень ловки и очень умны. – Она, как обычно, поздоровалась с капитаном, прошла к выступу в стене и присела, предварительно убедившись, что здесь чисто. – День обещает быть хорошим.

– Да... Как вам спалось?

– Я не спала, Анджин-сан. Кири и я проболтали всю ночь, и я видела, как восходит солнце. Я люблю рассветы... А вы?

– Мой сон был нарушен, но...

– Ох, извините...

– Я прекрасно чувствую себя – правда. Вы сейчас уезжаете?

– Да, но я вернусь в полдень, чтобы захватить Кири-сан и госпожу Сазуко. – Она отвернулась от капитана и сказала по-латыни: – Ты... Помнишь Гостиницу Цветов?

– Конечно. Как я могу ее забыть?

– Если сегодня будет задержка... сегодняшний вечер будет таким же – так же прекрасен и спокоен.

– Ах, хорошо бы! Но я предпочел бы, чтобы ты оказалась в безопасности.

Марику продолжала на португальском:

– Мне сейчас надо идти. Вы извините меня?

– Я провожу вас до ворот.

– Нет, пожалуйста. Смотрите на меня отсюда. Вы и капитан можете все видеть и отсюда.

– Конечно, – согласился Блэксорн, сразу все поняв. – Идите с Богом!

Он остался на парапете. Пока он ждал, во двор проник солнечный свет – теней как не бывало. Внизу появилась Марику. Он увидел, как она поздоровалась с Кири и Ёсинака... вот они заговорили... Серых вокруг них не видно... Потом они поклонились. Она подняла глаза на Блэксорна, закрыв их от солнца, и весело помахала ему рукой, он помахал в ответ. Ворота распахнулись, и вместе с Дзиммоко, идущей в нескольких шагах позади, она вышла из ворот в сопровождении десяти коричневых. Ворота сразу закрылись, на какое-то время Марику исчезла из виду, а когда стала видна снова, их как почетный караул сопровождали пятьдесят

серых, появившихся с той стороны ворот. Кorteж уходил вниз по улице, не освещенной солнцем. Блэксорн следил за ним, пока он не скрылся за углом... Марико ни разу не обернулась...

– Пойдемте сейчас поедим, капитан, – предложил Блэксорн.

– Да, конечно, Анджин-сан.

Блэксорн проследовал к себе позавтракать: рис, маринованные овощи, несколько кусочков вареной рыбы, а потом ранние фрукты с Кюсю – свежие маленькие яблоки, абрикосы и твердые сливы. Под конец он с наслаждением полакомился фруктовым пирогом с чаем.

– Еще, Анджин-сан? – предложил слуга.

– Нет, спасибо.

Он предложил фрукты своим охранникам, те охотно приняли угощение. Подождав, пока они кончат есть, Блэксорн отправился на освещенную солнцем крепостную стену: ему хотелось проверить, хорошо ли заряжен спрятанный им пистолет, но так, чтобы не привлекать внимания. Он уже проверил его ночью, под простыней и москитной сеткой, но не имел возможности как следует рассмотреть – нет уверенности в пыже и кремне. «Больше делать нечего, – подумал он, – Ты марионетка. Потерпи, Анджин-сан, твоя вахта кончается в полдень». Он определил высоту солнца. Было начало двухчасового периода змеи, после змеи придет лошадь, в середине часа лошади наступает полдень. Колокола в замке и по всему городу стали отбивать час змеи, и он обрадовался своей точности. На зубчатой стене он обнаружил небольшой камушек и, аккуратно установил его на выступе в амбразуре, под солнцем, поудобнее оперся спиной, примостил ноги и стал смотреть на камень. Серые следили за каждым его движением. Капитан нахмурился. Немного погодя он задал вопрос:

– Анджин-сан, что значит этот камень?

– Простите?

– Камень. Зачем этот камень, Анджин-сан?

– Ах! Я слежу, как он растет...

– О, простите, теперь я понял. – Капитан явно чувствовал себя виноватым. – Прошу простить, что побеспокоил вас.

Блэксорн посмеялся про себя и потом снова уставился на камень. «Расти, мерзавец!» – велел он, но, как он ни ругал камень, ни приказывал, ни льстил ему, – тот не рос... «Ты действительно надеешься, что увидишь, как растет камень? – спросил он себя. – Нет, конечно, но это помогает убить время и успокоиться, У тебя не может быть достаточно ва... Откуда же будет следующий удар? Нет защиты от убийцы, если убийца готовится к смерти...»

* * *

Родригес проверил запал у мушкета, взятого им наугад с полки у кормового орудия. Оказалось, что кремнь был изношен, истерт и, следовательно, пользоваться им опасно. Не говоря ни слова, он бросил мушкет обратно артиллеристу. Тот с трудом успел схватить его, едва избежав удара прикладом в лицо.

– Кормчий! – воскликнул он. – Стоило ли?

– Слушай, ты, дерьмо, в следующий раз, если я найду неполадки в мушкете или пушке во время твоей вахты, ты получишь пятьдесят линьков и лишишься трехмесячной зарплаты. Боцман!

– Да, кормчий? – Пезаро, боцман, придвинул свою тушу поближе и сердито посмотрел на молодого артиллериста.

– Собери обе вахты! Проверьте каждый мушкет и пушку, все! Бог его знает, когда они могут нам потребоваться...

– Я прослежу за этим, кормчий, – Боцман повернулся к артиллеристу. – Я подпорчу твой грог сегодня вечером, Гомес, за всю дополнительную возню, что ты нам устроил, тебе

придется проглотить его с улыбкой! А ну, за работу!

На главной палубе располагалось восемь небольших пушек, четыре справа и четыре с левого борта, и носовое орудие. Достаточно, чтобы отбиться от пиратов, не имеющих пушек, но недостаточно, чтобы отразить атаку настоящего корабля. Маленький двухмачтовый фрегат назывался «Санта-Луз».

Родригес подождал, пока обе вахты не приступили к работе, потом отвернулся и облокотился на планшир. Замок угрюмо блестел на солнце старым оловом, только главная башня с ее голубыми и белыми стенами и золотой крышей, весело сияла в лучах. Он сплюнул в воду и следил, куда поплывет плевок – в сторону свай на пристани или в море. Его понесло в море.

– Черт! – пробормотал он, не обращаясь, собственно, ни к кому, – ему хотелось иметь сейчас, здесь свой фрегат, «Санта-Марию». Как не повезло, что он в Макао, когда так нужен здесь...

Несколько дней назад в Нагасаки его вытащили из теплой постели в доме, выходящем окнами на город и пристань.

– Что случилось, адмирал?

– Я должен немедленно попасть в Осаку! – заявил Феррьера, кичливый и высокомерный, как бентамский петух, даже в столь ранний час. – Поступило срочное сообщение от дель Аква.

– Что там еще?

– Он сказал только, что это жизненно важно для будущего Черного Корабля.

– Мадонна, что за глупости? Чем это «жизненно важно»? Наш корабль крепок, как полагается быть кораблю, днище чистое, такелаж в порядке. Торговля идет лучше, чем можно было ожидать, обезьяны ведут себя прекрасно, этот свиной зад Харима надежен... – Он остановился – его озарила неожиданная мысль. – Англичанин! Он вышел в море?

– Я не знаю, но если он вышел...

Родригес посмотрел на бухту – он уже готов был увидеть «Эразмус», блокировавший выход и поднявший флаг ненавистой Англии. Он ведь знал: эти бешеные собаки ждут не дождутся, когда корабль отправится морем в Макао и домой. «Боже, Мать Божья и все святые, не допустите, чтобы это случилось!» – взмолился он про себя.

– На чем быстрее всего туда добраться?

– На «Санта-Лузе», адмирал. Мы можем отплыть в течение часа. Послушайте, англичанин ничего не сможет сделать без команды. Не забывайте...

– Мадонна! Да он говорит теперь на их языке! Почему бы не использовать этих обезьян? Хватает и японских пиратов – набирай хоть двадцать команд.

– Но среди них нет ни артиллеристов, ни моряков, а подготовить японцев у него нет времени. Разве что к следующему году – тогда уж не против нас.

– Зачем, ответьте мне, ради Бога, Мадонны и всех святых, священники отдали ему все словари?! Никогда я этого не пойму! Негодяи, суются не в свое дело! Дьявол в них вселился. Похоже, что и англичанина охраняет сам дьявол!

– Говорю вам, он просто очень умен и удачлив!

– Есть много таких, что пробывали здесь по двадцать лет и ни слова не могут выговорить на их тарабарском языке, а англичанин может! Уж поверьте – он продал душу сатане, и за эти черные дела тот его защищает. Как еще вы объясните это? Сколько лет вы пробуете говорить на их языке и даже живете с одной из них... Сволочь, он легко мог бы использовать японских пиратов.

– Нет, адмирал, он будет набирать людей отсюда, мы ждем его, – вы ведь уже посадили одного подозреваемого в кандалы.

– Имея двадцать тысяч серебром и долю добычи на Черном Корабле, он может купить всех, кто ему нужен, включая тюремщиков с тюрьмами! Черт возьми, и вас тоже!

– Придержите язык!

– Вы испанец, без роду и племени, Родригес! Вы виноваты в том, что он до сих пор

жив, вы отвечаете за это! Вы два раза дали ему уйти! – Адмирал в ярости угрожающе направился в его сторону, – Вы должны были убить его, когда он был в нашей власти!

– Может быть, но это идет вразрез с моим представлением о чести, – горько сказал Родригес. – Я убью его, когда смогу.

– И когда же это будет?

– Я говорил вам двадцать раз! Вы не слушаете! Или у вас, как всегда, во рту и ушах одна испанская труха! – Он взялся за пистолет, адмирал выхватил шпагу, но тут между ними появилась перепуганная японская девушка, – Пожаруйста, Род-сан, не сердитесь, не ссорьтесь, пожаруйста! Ради Бога, пожаруйста!

Слепая ярость, охватившая обоих, спала... Феррьеера проворчал:

– Перед Богом вам говорю, Родригес, англичанин – отродье дьявола! Я чуть не убил вас, Родригес, а вы – меня. Он напустил на всех нас какое-то колдовство, особенно на вас! Теперь я это ясно понял.

Сейчас, в Осаке, под солнцем, Родригес сжал рукой распятие, которое носил на шее, и стал отчаянно молиться, пытаясь спастись от колдунов и избавить свою бессмертную душу от сатаны.

– Разве адмирал не прав, разве это не единственный возможный ответ? – наполненный мрачными предчувствиями, повторял он вновь и вновь свои доводы. – Жизнь англичанина заколдована! Он приближенный этого сатанинского Торанаги; он получил обратно свой корабль и деньги, вако, несмотря ни на что; он говорит как один из них, а этот язык невозможно выучить так быстро, даже со словарем... А он и словарь получил, и такую бесценную помощь! Иисус Христос и Мадонна, отведите от меня этот дьявольский глаз!

– Зачем вы отдали англичанину словарь, отец? – спросил он Алвито, встретив его в Мисиме. – Вам нужно было как можно дольше тянуть с этим делом.

– О нет, Родригес, – горячо ответил ему отец Алвито, – мне не следовало отступать со своего пути – я должен помочь ему! Убежден, что есть возможность обратить его в нашу веру! На Торанагу теперь нет надежды... А англичанин – это еще один человек, еще одна душа... Мой долг – попытаться спасти его!

«Священники! – подумал Родригес. – Черт бы их всех побрал! Но только не Дель Аква и отца Алвито! О Мадонна, прости мне эти дьявольские мысли! Прости мне и похорони англичанина до того, как я с ним встречусь! Я не хочу убивать его, я дал святую клятву, но тебе я говорю – он должен умереть как можно быстрее...»

Штурвальный, стоявший на вахте, перевернул склянки и отбил восемь ударов – полдень.

Глава Пятьдесят Пятая

Марико в бледно-зеленом кимоно, белых перчатках и широкополой темно-зеленой дорожной шляпе, подвязанной под подбородком золотым газовым шарфом, шла по освещенному солнцем, заполненному народом переулку к воротам в тупике. За ней следовали десять телохранителей в коричневой униформе.

Вот радужный зонтик Марико уже у ворот – они распахнулись и остались открытыми.

В переулке было тихо. По обеим сторонам выстроились серые, они же стояли на всех крепостных стенах. Она рассмотрела Анджин-сана на стене, за ним – Ябу, во дворе ее ждала вся их дорожная колонна, с Кири и госпожой Сазуко. Все коричневые, во главе с Есинойкой, были при полном снаряжении, кроме двадцати, стоявших с Блэксорном на крепостной стене, и двух у каждого окна во двор. В отличие от серых, никто из коричневых не имел доспехов или луков, единственным их оружием были мечи.

Много женщин-самураев наблюдали за происходящим: кто из окон домов, выстроившихся вдоль переулочка, кто с крепостных стен, а кто стоял во дворе среди серых, захватив с собой ярко одетых детишек. Все женщины прятались от солнца под зонтиками; у тех, кто имел на это право, были самурайские мечи.

Кийяма стоял у ворот во главе полусотни своих людей – серой формы на них не было.

– Доброе утро, господин, – приветствовала его Марико и поклонилась. Он ответил поклоном, и Марико прошла под аркой.

– Привет, Кири-сан, Сазуко-сан! Вы обе прекрасно выглядите! Все готово?

– Да-да! – ответили они с напускной живостью. Марико вошла в открытый паланкин и села, выпрямив спину.

– Ёсинака-сан! Пожалуйста, трогаемся!

Капитан сразу же прохромал вперед и стал выкрикивать приказы. Двадцать самураев в коричневой форме вышли вперед в качестве авангарда и тронулись в путь. Носильщики подняли открытый паланкин Марико и последовали за коричневыми через ворота, за ними вплотную понесли паланкины Кири и госпожи Сазуко – молодая женщина держала на руках ребенка.

Как только паланкин Марико появился на освещенном солнцем пространстве за крепостными стенами, между авангардом и паланкином появился капитан серых и стал прямо на пути. Авангард остановился, носильщики тоже.

– Прошу меня извинить, могу я посмотреть ваши документы? – обратился он к Ёсинаке.

– Простите, капитан, но мы ни в ком не нуждаемся, – ответил Ёсинака среди внезапно наступившей тишины.

– Прошу прощения, но господин генерал Ишидо, правитель замка, командир телохранителей наследника, с согласия регентов ввел пропуска для выхода из замка, которые должны быть оформлены.

Марико официальным тоном заявила:

– Я – Тода-Марико-нох-Бунтаро, и мне приказано моим сюзереном, господином Торанагой, сопровождать его дам для встречи с ним. Будьте добры пропустить нас!

– Я был бы рад, госпожа, – гордо ответил самурай, выбирая более удобную позу, – но у нас приказ: без документов нашего господина никого из Осацкого замка не выпускать. Прошу меня извинить.

– Капитан, скажите, пожалуйста, ваше имя, – попросила Марико.

– Сумиори Донзенси, капитан четвертого легиона; мой род не менее древний, чем ваш.

– Извините, капитан Сумиори, но, если вы не уйдете с дороги, я прикажу вас убить.

– Все равно вы не пройдете без документов!

– Пожалуйста, убейте его, Ёсинака-сан.

Ёсинака не колеблясь сделал выпад, его меч описал дугу, и он ударил ошеломленного капитана серых. Лезвие глубоко вонзилось в бок, мгновенно было выдернуто, и второй, еще более яростный удар отрубил ему голову, которая, прежде чем остановиться, еще немного прокатилась в пыли...

Ёсинака начисто вытер лезвие и вложил меч в ножны.

– Вперед! – приказал он идущим впереди. – Поторопитесь!

Стоящие впереди опять построились и с громким топотом зашагали. Вдруг, неизвестно откуда, в грудь Ёсинаки вонзилась стрела. Кorteж смешался и остановился. Ёсинака молчал дергал древко стрелы, но через мгновение глаза его остекленели и он повалился на землю.

С губ Кири сорвался слабый стон... Ветер трепал концы тонкого шарфа Марико... Где-то в переулке шикали на кричащих детей... Все, затаив дыхание, ожидали.

– Казуко-сан! – окликнула Марико. – Пожалуйста, примите командование!

Казуко, молодой, высокий, горделивого вида юноша с чисто выбритыми впалыми щеками, вышел из группы самураев в коричневой форме, стоявших рядом с Кийямой у ворот. Обогнул носилки Кири и Сазуко, встал рядом с Марико и церемонно поклонился.

– Да, госпожа. Благодарю вас. Эй вы! – крикнул он людям впереди. – Трогайся!

Сбросив оцепенение, они повиновались, постепенно заражаясь напряжением предстоящей борьбы. Процессия тронулась. Казуко шел рядом с носилками Марико. Но двигались они недолго... В ста шагах впереди от плотных рядов самураев отделились

двадцать человек в серой форме и молча встали поперек дороги, промежуток заняли самураи в коричневом. Кто-то споткнулся, и идущие впереди постепенно остановились.

– Уберите их с дороги! – прокричал Казуко. Тут же вперед кинулся самурай в коричневом, за ним – остальные, и началось быстрое и жестокое убийство... Каждый раз, едва падал один серый, из толпы ожидающих выходил другой и присоединялся к сражающимся. Все происходило со страшной скоростью, четкостью и согласованностью движений: вот бьется воин против воина, пятнадцать против пятнадцати, восемь против восьми... Несколько раненых серых сражаются в пыли... Трое коричневых – против двоих серых... Выходит еще один серый... Скоро он остается один на один с последним коричневым – забрызганным кровью, раненым, победившим уже в четырех схватках... Последний серый легко убивает его и остается один среди поверженных тел... Смотрит на Казуко...

Все коричневые погибли. Четверо серых были ранены, восемнадцать убиты...

Казуко вышел вперед, обнажая свой меч в ужасной тишине...

– Подождите! – прозвучал голос Марико. – Пожалуйста, подождите, Казуко-сан!

Он остановился, но не спускал глаз с серого, готовясь к схватке. Марико вышла из паланкина и вернулась к Кийяме.

– Господин Кийяма, я официально прошу вас разрешить пройти этим людям.

– Извините, Тода-сан, приказы по замку должны выполняться. Они вполне законны. Но если вы хотите, я созову собрание регентов и попрошу принять специальное решение.

– Я – самурай. Отданные мне приказы ясны, соответствуют Бусидо и освящены нашим кодексом. Они должны выполняться и отменяют любой официально установленный другими порядок. Закон может отклонить причину, но причина не может отменить закона. Если мне не позволяют выполнять приказы сюзерена, я не смогу жить с таким позором!

– Я немедленно соберу собрание!

– Прошу извинить меня, господин, то, что вы сделаете, – это ваше дело. Я думаю только о приказах моего господина и о своем позоре. – Она повернулась и спокойно прошла в голову колонны, – Казуко-сан! Я приказываю вам вывести нас из замка!

Казуко вышел вперед:

– Я – капитан Казуко из рода Серато, Третья армия господина Торанаги. Прошу вас, освободите дорогу!

– Я – Бива Дзиро, капитан, гарнизон господина Ишидо. Моя жизнь не имеет никакого значения, тем не менее вы не пройдете, – отвечал человек в серой форме.

С внезапным ревом «Торанага-а-а-а!» Казуко кинулся в бой. Мечи яростно зазвенели, нанося и парируя удары, бойцы заметались по кругу. Серый был сильным бойцом, но Казуко ему не уступал. Мечи звенели при каждом ударе... Остальные замерли. Казуко одержал верх, но был тяжело ранен и стоял над своим врагом, едва держась на ногах... Здоровой рукой он поднял меч к небу и издал боевой клич, торжествуя победу:

– «Торанага-а-а-а!» Никто его не поддерживал, – все знали, что это не соответствует ритуалу, в который они все втянуты. Казуко с трудом сделал шаг... другой... спотыкаясь, приказал:

– Следуйте за мной! – И тут голос его прерывался. Никто не видел, откуда вылетели стрелы, но они поразили его сразу. Фатализм коричневых быстро сменился яростью: так обойтись с Казуко-героем: умирающий, он один выполнял свой долг – выводил их из замка! Вперед выбежал офицер коричневых, с ним – двадцать человек, они сформировали новый передовой отряд. Остальные столпились вокруг Марико, Кири и госпожи Сазуко.

– Вперед! – прокричал офицер.

Он двинулся вперед, за ним – двадцать его самураев. Как лунатики, носильщики подняли свои ноши и, спотыкаясь, стали пробираться среди трупов... Впереди, в сотне шагов от стоящих в ожидании самураев, отделилось еще двадцать человек в серой форме, с офицером впереди, и вышли навстречу... Носильщики остановились, передовая группа убила шаг.

– Стойте! – офицеры коротко поклонились друг другу и представились.
– Пожалуйста, освободите нам путь!
– Пожалуйста, покажите мне ваши бумаги! На этот раз коричневые сразу бросились вперед с криками «Торанага-а-а!», в ответ раздалось «Яэмо-о-он!» – и началась кровавая бойня... Каждый раз, когда падал серый, на его место спокойно выходил другой, пока не погибли все коричневые.

Последний серый вытер свой меч, вложил его в ножны и встал, преграждая путь. Из стоящих за носильщиками коричневых вышел офицер с двадцатью самураями.

– Подождите! – приказала Марико. Мертвенно бледная, она вышла из паланкина, подняла меч Ёсинаки, вынула из ножен и одна пошла вперед...

– Вы знаете, кто я! Пожалуйста, уйдите с моего пути!

– Я – Кодзима Харутомо, шестой легион, капитан. Пожалуйста, извините меня, вам нельзя здесь пройти, госпожа! – гордо заявил серый.

Она кинулась вперед, но ее удар был остановлен. Серый отступил и занял оборонительную позицию, хотя легко мог убить Марико. Он медленно отступал по переулку, она шла следом за ним, но он легко парировал все ее удары... Она еще несколько раз пыталась втянуть его в схватку, наносила рубящие, режущие удары, все время пыталась яростно атаковать, но самурай каждый раз ускользал, уклонялся от ударов, сдерживал ее, сам не атаковал, давая ей полностью себя измотать. Делал он это серьезно, с достоинством, оказывая ей всевозможные знаки уважения, которых она заслуживала. Она атаковала еще раз, но он парировал ее выпад, который прикончил бы менее искусного фехтовальщика, и отступил еще на шаг. С Марико градом струился пот. Один из коричневых выступил было вперед, пытаясь ей помочь, но командир приказал ему остановиться, зная, что никто не должен вмешиваться. Самураи с обеих сторон ждали сигнала, страстно желая вмешаться в битву...

Мальчик, стоявший в толпе, спрятал лицо в маминых юбках, но она мягко отстранила его и встала на колени.

– Смотри, пожалуйста, мой сын, – пробормотала она, – ты самурай!

Марико понимала, что долго она не выдержит... Она уже изнемогала и к тому же чувствовала окружавшее ее мрачное недоброе жетальство... Впереди и по бокам колонны от стен к ней быстро подтягивались, петля вокруг стала быстро сужаться... Вышли несколько серых, пытаясь окружить ее, она перестала продвигаться вперед – слишком легко попасть в ловушку, лишиться оружия, быть схваченной! Это сразу бы все погубило! К ней подходили коричневые, остальные заняли боевые позиции у носилок. Переулок зловеще ошетинился, приготовился к бою, ноздри уже чуяли сладкий запах крови... Колонна выходила из ворот, и Марико поняла, как легко будет серым отсечь их и оставить стоять на дороге...

– Подождите! – крикнула она.

Все остановились. Марико коротко поклонилась своему противнику, потом, высоко подняв голову, повернулась к нему спиной и направилась к Кири.

– Простите... простите... Но сейчас нам не удастся пробиться сквозь этих людей... – объяснила она. Грудь ее высоко вздымалась. – Мы... мы должны на некоторое время вернуться обратно. – Пот струился у нее по лицу. Марико прошла мимо шеренги самураев и, подойдя к Кийяме, поклонилась.

– Эти люди не дали мне выполнить мой долг, не позволили выполнить приказ моего сюзерена! Я не могу жить с таким позором, господин! Я совершу сеппуку сегодня на закате солнца и официально прошу вас быть моим секундантом.

– Нет! Вы не сделаете этого!

Глаза Марико вспыхнули, она бесстрашно заявила:

– Если мне не позволили выполнить приказы моего сюзерена, на что я имею право, – я совершу сеппуку на закате солнца!

Она поклонилась и направилась к воротам. Кийяма поклонился ей, все его люди последовали его примеру. Все стоявшие в переулке, на крепостных стенах и в окнах домов

тоже с уважением поклонились ей. Мариико миновала арку, двор, вышла в сад и направилась к уединенному Чайному Домику, построенному в деревенском стиле. Она вошла внутрь и, оставшись наконец одна, горько заплакала – по всем погибшим в этот день.

Глава Пятьдесят Шестая

– Красиво, да? – Ябу махнул рукой вниз, в сторону мертвых.

– Простите? – переспросил Блэксорн.

– Это было как стихи... Вы понимаете слово «стихи»?

– Да, я понимаю, что значит это слово.

– Это было как стихи, Анджин-сан... Видите?

Если бы у Блэксорна хватило японских слов, он бы сказал: «Нет, Ябу-сан. Но я увидел, что у нее на уме, только в тот момент, когда она отдала первый приказ и Ёсинака убил первого самурая. Стихи? Это был отвратительный, мужественный, бессмысленный, страшный ритуал, где смерть неизбежна, как испанская инквизиция, и все смерти – только прелюдия к смерти Мариико. Теперь все обречены, Ябу-сан: вы, я, замок, Кири, Ошиба, Ишидо – все... все, потому что она решилась сделать то, что считает необходимым. А когда она это решила? Уже давно, конечно? О, правильнее сказать – решение принял за нее Торанага».

– Простите, Ябу-сан, но слов вашего языка у меня недостаточно.

Ябу плохо его слышал. На стенах стояла тишина, тихо было и в переулке, все были неподвижны, как статуи. Потом переулок ожил, голоса затихли, движение стало спокойнее. Солнце било вниз, все постепенно выходило из транса.

Ябу вздохнул, охваченный меланхолией:

– Это было как стихи, Анджин-сан, – повторил он, словно эхо, и ушел.

Когда Мариико подняла меч и одна выступила вперед, Блэксорн хотел спрыгнуть вниз и броситься на ее противника, снести ему голову, помешать ее убить... Но он ничего не сделал, не потому, что боялся, – он больше не боялся умереть. Ее мужество показало ему, как бесполезен страх, он разобрался в себе уже давно, еще тогда, ночью, в деревне, когда пытался покончить с собой... «Я собирался в ту ночь вонзить нож себе в сердце, – вспомнил он, – С того времени мой страх смерти исчез... Она и говорила: «Только живя на грани смерти, можно понять – неопишимо радостна жизнь...» Я не осознал, как Оми остановил мой удар... В памяти осталось только чувство перерождения, когда проснулся на следующее утро...» Он снова и снова смотрел на мертвых в переулке... «Я мог бы, конечно, убить того серого... И, может быть, еще одного или даже нескольких, но на их месте тут же появились бы другие и моя смерть ничего бы не изменила. Я не боюсь умереть, – мне только страшно, что я ничем не смогу помочь ей...»

Серые убрали трупы и серых и коричневых, обращаясь с ними одинаково уважительно. Многие серые покидали место сражения, в том числе и Кийяма со своими людьми; расходились женщины и дети, поднимая пыль на дороге... Блэксорн чувствовал острый, отдающий смертью запах, смешанный с соленым запахом моря... Его поразило мужество Мариико, – оно поддерживало его в эти ужасные моменты... Блэксорн посмотрел на солнце и решил, что до захода солнца еще шесть часов. Он направился к лестнице, ведущей вниз.

– Анджин-сан? Простите, а куда вы собрались? Он повернулся, вспомнив про своих охранников. На него внимательно смотрел капитан.

– Ах, простите! Пойдемте туда! – Он указал на двор. Капитан на мгновение задумался, потом неохотно согласился:

– Хорошо. Прошу вас, идите за мной.

Во дворе Блэксорн сразу почувствовал враждебность коричневых по отношению к серым. Ябу стоял у ворот, наблюдая за возвращающимися в крепость. Кири и госпожа Сазуко обмахивались веерами, няня кормила ребенка. Все они сидели на одеялах и подушках, разостланных в тени на веранде. Носильщики плотной испуганной группой

столпились в углу, у багажа и вьючных лошадей. Он направился в сад, но охранники замотали головами:

– Простите, Анджин-сан, но пока туда нельзя.

– Да, конечно, – согласился он и повернул обратно. Переулок опустел, хотя оставалось еще более пятисот серых – они сидели полукругом на корточках или скрестив ноги и поглядывали в сторону ворот. Оставшиеся коричневые уходили под арку.

Ябу приказал:

– Закройте ворота на засов!

– Прошу меня извинить, Ябу-сан, – ответил офицер, – но госпожа Тода сказала, что они должны быть открыты. Мы их охраняем, но ворота должны быть открыты.

– Вы уверены?

Офицера, подтянутого, бородатого мужчину лет тридцати с лишним, с жестким лицом и выступающим подбородком, возмутил этот вопрос.

– Прошу прощения, – конечно же, уверен.

– Благодарю вас. Я не хотел вас обидеть. Вы здесь старший?

– Да, госпожа Тода оказала мне такую честь. Конечно, я понимаю, что вы для меня тоже старший.

– Я командую, но здесь старший – вы.

– Благодарю вас, Ябу-сан, но здесь распоряжается госпожа Тода. Вы старший офицер, с вашего разрешения, я сочту за честь быть вашим помощником.

Ябу мрачно приказал:

– Я разрешаю, капитан. Я очень хорошо знаю, кто здесь командует нами. Сообщите мне, пожалуйста, ваше имя.

– Семиери Табито.

– А первый из серых сегодня тоже был Самиери?

– Да, Ябу-сан. Он мой двоюродный брат.

– Когда все приготовите, капитан Семиери, пожалуйста, соберите всех офицеров на совещание.

– Конечно, капитан. С разрешения госпожи Тода.

Оба самурая оглянулись: во двор крепости, хромая и опираясь на трость, входила очень старая, седая дама-самурай – она направлялась прямо к Киротсубо. Служанка несла зонтик, закрывая ее от солнца.

– Ах, Киритсубо-сан, – заговорила она ластиво, – я Маэдо Эцу, мать господина Маэды, я разделаю взгляды госпожи Тода. С ее разрешения, не окажут ли мне честь подождать ее?

– Прошу вас, садитесь, мы вам рады, – откликнулась Кири. Служанка принесла еще подушку и помогла старой даме устроиться поудобнее.

– Ах, так лучше, намного лучше... Госпожа Эцу старалась не застонать от боли. – Суставы у меня болят, с каждым днем – все больше... О, вот так лучше... Благодарю вас.

– Вам не хотелось бы зеленого чая?

– Сначала чая, потом sake, Киритсубо-сан, много-много sake. После таких усилий необходимо освежиться.

Из толпы, покидающей двор, отделились женщины-самураи и через ряды серых прошли в затененное место, спасаясь от солнца. Кто-то из них заколебался, кто-то передумал, но вскоре на веранде оказались уже четырнадцать дам, две принесли с собой детей.

– Простите, я Ачико, жена Кийямы Нагамассы, и тоже хочу уехать домой, – стесняясь, обратилась к Кири молодая женщина, держа за руку маленького сына. – Мне нужно вернуться домой, к мужу. Могу я попросить разрешения подождать с вами?

– Но господин Кийяма будет очень недоволен, госпожа, если вы останетесь.

– О, извините, Киритсубо-сан, но дедушка вряд ли узнает. Я всего-навсего жена младшего внука. Я уверена, что он не обратит внимания, а я несколько месяцев не видела мужа и мне все равно, что он скажет. С нашей госпожой все в порядке?

– Все в полном порядке. Ачиико-сан, – ответствовала старая госпожа Эцу, твердо захватывая роль главы компании. – Конечно, мы с радостью примем вас, дитя мое. Проходите, садитесь вот здесь, рядом со мной. Как зовут вашего мальчика? Какой прекрасный ребенок!

Все дамы хором с ней согласились. Тут раздался жалобный голос мальчика лет четырех:

– По-жалуй-ста... я тоже плекласный лебенок... Все дружно засмеялись, и всем стало легче.

– Ты и правда прекрасный мальчик! – согласилась госпожа Эцу и снова засмеялась. Кири вытерла слезы.

– Ну, вот так-то лучше, а то я стала уж слишком серьезной. Ах, милые дамы, я так польщена, что мне позволили приветствовать вас от имени госпожи Тода. Вы, наверное, проголодались... Вы правы, госпожа Эцу, – сегодня такой день, что просто нельзя не освежиться. – Она отправила служанок за едой и напитками, познакомила тех, кто еще не был знаком, похвалив у кого кимоно, у кого зонтик с красивым рисунком... Вскоре женщины, отдохнувшие и оживленные, болтали как стайка попугаев...

– Ну, кто может понять женщин? – поразился Самиери.

– Да уж! – согласился Ябу.

– Только что они были напуганы и все в слезах и вот... Когда я увидел, как госпожа Марико подняла меч Ёсинаки, я подумал, что умру от гордости за нее.

– Да. Жаль, что последний серый был так ловок. Мне хотелось бы посмотреть, как она его убьет. Менее ловких она уже убивала.

Самиери поскреб бороду, – пот, подсыхая, раздражал кожу на лице.

– Что бы вы сделали на его месте?

– Я бы убил ее, а потом принял командование над коричневыми. Слишком много крови пролито. Это все, что можно было сделать, не перебив всех серых на стене.

– Иногда убивать – хорошо. Очень хорошо! Иной раз это совсем особенное ощущение – намного острее, чем наслаждаться с женщиной...

Оттуда, где собрались дамы, донесся взрыв смеха: это дети в своих развевающихся ярко-красных кимоно, стали важно вышагивать взад-вперед между мамами.

– Славно, что здесь опять появились дети. Я рад бы снова оказаться в Эдо...

– Да-а... – Ябу задумчиво смотрел на женщин.

– Я думаю о том же самом, – спокойно сказал Самиери.

– И что вы решили?

– Ответ может быть только один: если Ишидо позволит нам уйти – прекрасно. Если же сеппуку госпожи Марико окажется бесполезным – тогда... тогда мы поможем этим дамам отправиться в Пустоту и начнем сражение. Они не захотят жить.

Ябу заметил:

– Ну, кто-нибудь захочет...

– Мы решим это позднее, Ябу-сан. Для нашего господина лучше, если они все совершат здесь сеппуку. Вместе с детьми.

– Да, конечно.

– Потом все мужчины выйдут на стены, на рассвете мы откроем ворота и будем сражаться до полудня, а те, что останутся в живых, вернутся обратно и устроят пожар в этой части замка. Если я останусь в живых, сочту за честь принять ваши услуги помощника при совершении сеппуку.

– Можете на меня рассчитывать.

Самиери ухмыльнулся:

– Это всхолмит всю страну... Все это сражение, сеппуку... Распространится как пожар, захватит всю империю... Вы думаете, это отложит приезд Возвышенного? У нашего господина именно такой план?

– Не знаю... Самиери-сан, я на несколько минут пойду к себе. Если госпожа вернется,

сразу же пошлите за мной.

Ябу направился к Блэксорну, который, задумавшись, сидел на ступеньках главной лестницы.

– Анджин-сан, – многозначительно зашептал он, – у меня, кажется, появился план... Тайный... Понимаете?

Колокола отбили очередной час. Все в крепости внимательно прислушивались к бою часов: начинался час обезьяны – шесть ударов после полудня, три часа. Многие поворачивались к солнцу и, не отдавая себе в том отчета, проверяли по нему время.

– Да, я понял ваши слова. А какой план?

– Поговорим позднее... Будьте где-нибудь поблизости... Ни с кем не разговаривайте... Понятно?

– Да-да.

Ябу с десятью коричневыми направился к воротам. К ним тут же подошли двенадцать серых, и все зашагали вниз по переулку. Серые остановились, не заходя в ворота. Ябу сделал коричневым знак ждать его в саду и один вошел в здание.

* * *

– Это невозможно, господин генерал, – убеждала Ошиба. – Вы не можете допустить, чтобы дама с таким положением совершила сеппуку. Простите, но вы попали в западню.

– И я так считаю, – заявил Кийяма.

– Прошу прощения, госпожа, но что бы я ни сказал и ни сделал, – это для нее значит не более, чем отбросы последнего эта, – отпарировал Ишидо. – По крайней мере Торанага так решил.

– Конечно, его воля стоит за поведением Марико. – Пока Кийяма говорил, Ошиба пыталась прийти в себя от грубости Ишидо. – Извините, но он снова вас переиграл! И все-таки вы не можете позволить ей совершить сеппуку!

– Почему?

– Простите, пожалуйста, господин генерал, но мы должны говорить потише, – напомнила Ошиба: они ждали в просторной комнате на втором этаже главной башни замка. Тяжко болела госпожа Ёдоко, они пришли сюда ради нее. – Я уверена, что это не ваша вина и есть какой-то выход.

Кийяма спокойно произнес:

– Нельзя дать ей выполнить свою угрозу, генерал, это всколыхнет всех женщин в замке.

Ишидо сердито посмотрел на него:

– Вы, видимо, забыли о тех двух, что были случайно застрелены... И никаких волнений, зато и никаких попыток убежать.

– Это жестокая случайность, господин генерал, – заметила Ошиба.

– Согласен, но мы на войне. Торанага все еще не в наших руках, а пока он жив, вы и наследник постоянно в опасности.

– Извините, я беспокоюсь не о себе – только о сыне. Через восемнадцать дней все они сюда вернутся. Советую дать им возможность уехать.

– Это ненужный риск, простите. Мы не уверены, что она поступит именно так.

– Она это сделает, – презрительно бросил Кийяма, – он ненавидел Ишидо за его неуместное присутствие в роскошных, богато обставленных апартаментах замка, которые так напоминали ему Тайко, его друга и уважаемого им военачальника. – Она – самурай.

– Простите, но я согласна с господином Кийяма, – не сдавалась Ошиба. – Марико-сан осуществит свое намерение. Там еще эта ведьма Эцу! Маэда слишком горды...

Ишидо подошел к окну и посмотрел вниз.

– Насколько я себе представляю, они попытаются устроить пожар. Эта Тода... она же христианка? Разве самоубийство не противоречит ее религии? Ведь это самый страшный грех?

– У нее будет помощник – это уже не самоубийство.
– А если у нее не получится?
– Как же это?
– Ну, она будет обезоружена и не окажется помощника?
– Как вы это сделаете?
– Захватим ее в плен, окружим специально подобранными служанками и будем следить за ней, пока Торанага не пересечет наших границ... – Ишидо зловеще улыбался. – А уж потом – пусть делает что хочет – буду рад ей помочь!
– Как вы возьмете ее в плен? – усомнился Кийяма. – У нее всегда будет время совершить сеппуку или воспользоваться ножом.
– Ну... предположим, она будет схвачена, разоружена и ее продержат так несколько дней. Разве эти несколько дней не жизненно важны? Разве не поэтому она настаивает на выезде именно сегодня, прежде чем Торанага пересечет наши границы и сдастся нам?
– А это разве возможно? – удивилась Ошиба.
– Не исключено, – ответил Ишидо. Кийяма немного подумал.
– Через восемнадцать дней Торанага – здесь. Он может задержаться на границе еще на четыре дня. Ее придется задержать максимум на неделю.
– Или навсегда, – уточнила Ошиба. – Торанага настолько уже опоздал, что, думаю, никогда не появится.
– Он должен быть здесь на двадцать второй день, – возразил Ишидо. – Ах, госпожа, это была замечательная идея!
– Конечно, ваша идея, господин генерал? – Голос Ошибы звучал успокоительно, хотя она страшно устала после бессонной ночи, – А что с господином Судару и моей сестрой? Они приедут вместе с Торанагой?
– Нет, госпожа, еще нет. Они прибудут морем.
– Ее нельзя трогать! – заявила Ошиба. – Ни ее, ни ребенка!
– Ее ребенок – прямой наследник Торанаги, из рода Миновары. Мой долг перед наследником, госпожа, заставляет меня еще раз напомнить вам это.
– Мою сестру трогать нельзя! И ее ребенка – тоже!
– Как пожелаете.
Она обратилась к Кийяме:
– Господин, и все же Марико-сан – хорошая христианка?
– Это, конечно, так, – согласился Кийяма. – Она знает, что пострадает ее бессмертная душа. Но не думаю...
– Тогда можно сделать проще, – Ишидо, казалось, больше не раздумывал. – Попросите главу христиан, чтобы он на нее повлиял – пусть не мешает законным правителям империи!
– У него нет такой власти, – съязвил Кийяма. И добавил еще более ехидно: – Это вмешательство в политические дела, а ведь вы всегда были против этого, и совершенно справедливо!
– По-моему, христиане вмешиваются только в тех случаях, когда это им выгодно, – отразил нападение Ишидо. – Я только предложил эту идею на обсуждение.
Открылась внутренняя дверь, вошел пожилой врач, мрачный, от усталости казавшийся старше своих лет.
– Простите, госпожа. Едока-сан просит вас...
– Она умирает? – спросил Ишидо.
– Она близка к смерти, господин генерал, но когда это произойдет, не знаю.
Ошиба заторопилась... Она грациозно пересекла всю комнату и скрылась за внутренней дверью. Но казалось, ее темно-голубое кимоно, плотно облегавшее прекрасное, стройное тело, все еще изящно колышется при ходьбе... Мужчины, провожавшие ее взглядами, старались не смотреть друг на друга... Когда дверь бесшумно закрылась, Кийяма задал последний вопрос:
– Вы действительно считаете, что госпожу Тода можно арестовать?

– Конечно! – Ишидо все еще не отрывал глаз от двери...

* * *

Ошиба пересекла роскошно обставленную комнату и стала на колени перед футонами. Их окружали служанки и доктора. Солнечный свет проникал сквозь бамбуковые жалюзи и отражался от золотых и красных гравированных украшений на балках, столбах и дверях. Ёдоко, в своей удобной постели за инкрустированными ширмами, казалось, спит – и не спит... Бледное, бескровное лицо окружено капюшоном буддийской накидки, тонкие руки – в узловатых венах... «Как печально, что приходится стареть, – думала Ошиба. – Возраст беспощаден и несправедлив к женщинам! Не к мужчинам – только к женщинам... Боги, защитите меня от старости! – молилась она, – Будда, защити моего сына и помоги ему получить власть! Помоги мне, чтобы я могла защитить его и помогать ему!» Она взяла Ёдоко за руку, приветствуя ее.

– Госпожа?

– О-чан? – прошептала Ёдоко, называя ее по-домашнему.

– Да, госпожа.

– Ах, какая ты хорошенькая... Ты всегда такая хорошенькая... – Ёдоко подняла руку и погладила блестящие волосы Ошибы. Молодой женщине было это приятно – она очень любила Ёдоко. – Такая молодая и красивая... так сладко пахнешь. – Повезло тогда Тайко...

– У вас что-нибудь болит, госпожа? Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет, ничем... Я хотела только поговорить... – Глаза у старухи ввалились, но взгляд был ясный, осмысленный. – Отошлите всех отсюда...

Ошиба сделала знак всем выйти.

– Да, госпожа? Мы одни, я слушаю вас.

– Милая моя, заставьте господина генерала отпустить ее...

– Он не может, госпожа, – тогда и все другие заложники уедут и мы потеряем такое преимущество. Все регенты с ним согласны.

– Регенты! – В голосе Ёдоко слышался оттенок презрения. – А вы согласны?

– Да, госпожа. Вчера вечером вы тоже говорили, что ее нельзя отпускать.

– Теперь вы должны отпустить ее, или остальные последуют ее примеру и совершат сеппуку, а вы и ваш сын будете опозорены из-за ошибки Ишидо.

– Господин генерал верен нам, госпожа, Торанага – нет, прошу прощения.

– Вы можете доверять господину Торанаге, а не ему.

Ошиба покачала головой.

– Простите, но я убеждена, что Торанага решил стать сегуном и уничтожить нашего сына.

– Вы не правы. Он говорил тысячу раз... Другие дайме пытаются использовать его для удовлетворения собственных амбиций, они всегда так хотели. Торанага был любимцем Тайко. И он всегда любил наследника. Торанага из рода Миновары. Не поддавайтесь на уговоры Ишидо или регентов. У них свои собственные кармы, свой тайны, О-чан... Почему бы не отпустить ее? Это все так просто. Запретите ей плыть морем, тогда ее можно задержать где-нибудь на нашей территории. Она все еще в сети вашего генерала, вместе с Кири и всеми остальными. Она будет окружена серыми. Подумайте, как поступил бы Тайко или Торанага. Вы и ваш сын будете втянуты... – Голос прервался, глаза замигали. Старая госпожа собрала с силами и закончила: – Марико-сан не сможет возражать против охраны. Я знаю, она сделает то, что обещает. Пусть она уходит.

– Конечно, мы подумаем об этом, госпожа, – успокоила ее Ошиба, голос ее был мягок и ровен. – Но за пределами замка у Торанага есть тайные банды самураев, спрятанные вокруг Осаки, – мы не знаем, сколько их, – и у него есть союзники – мы не уверены, кто они. Она сможет бежать. Как только она уйдет, за ней последуют остальные и мы потеряем заложников. Вы же согласились, Ёдоко-сан, – разве вы не помните? Простите, но я

спрашивала вас вчера вечером, – разве вы не помните?

– Помню, дитя. – Ёдоко все время отвлекалась, ей было трудно говорить. – О, как я хотела бы, чтобы здесь снова появился Тайко, чтобы руководить вами... – Дыхание ее прервалось.

– Можно я дам вам чаю или немного саке?

– Чаю, да... пожалуйста, немного зеленого чаю...

Она помогла ей напиться.

– Благодарю вас, дитя. – Голос стал слабеть, напряжение от разговора оказалось для Ёдоко непосильным. – Послушайте меня, дитя... вы должны довериться Торанаге. Выходите за него замуж, заключите с ним такой договор, чтобы сохранить наследника.

– Нет, о нет! – запротестовала пораженная Ошиба.

– Яэмон может потом править вместо него... А потом – дети от вашего брака. Сыновья вашего сына торжественно поклянутся в дружбе с детьми Торанаги...

– Торанага всегда ненавидел Тайко, вы знаете это, госпожа. Торанага – источник всех несчастий, и уже много лет. И вы предлагаете именно его!

– А вы? Ваша гордость, дитя мое?

– Он враг. Наш враг.

– У вас два врага, дитя, – ваша гордость... и необходимость найти мужчину, который был бы ровней вашему мужу... Пожалуйста, послушайтесь меня: вы молоды, красивы, можете иметь детей и заслуживаете мужа... Торанага достоин вас, вы стоите его... Торанага – единственный шанс, оставшийся, у Яэмона...

– Нет, он враг!

– Он был лучшим другом вашего мужа и самым верным вассалом. Без... без Торанаги... вы разве не видите... ведь Торанага вам помогал... понимаете? Вы сможете влиять на него... руководить им.

– Простите, но я ненавижу его – он не любит меня, Ёдоко-сан.

– Многие женщины... О чем я говорила? Ах да, многие женщины выходят замуж за мужчин, которые их не любят. Хвала Будде, что я не пережила этого... – Старуха улыбнулась и вздохнула. Это был долгий, печальный вздох, он длился так долго, что Ошиба подумала – уже наступила смерть. Но глаза открылись и опять появилась слабая улыбка, – Разве не так?

– Да-да...

– Ну, вот и вы... Ну пожалуйста...

– Я подумаю об этом.

Старые пальцы пытались собраться в кулак.

– Я прошу – обещайте мне, что вы выйдете замуж за Торанагу, и я отойду к Будде, зная, что род Тайко будет жить вечно, как и его имя... его имя будет жить...

По лицу Ошибы потекли слезы, она нежно погладила замерзшие руки Ёдоко. Умирающая как будто впала в беспамятство... Но вот ресницы ее задрожали... она прошептала:

– Ты должна дать уйти Акечи Мариико. Не дай ей... не дай ей отомстить нам за то, что Тайко сделал... сделал... с ее отцом... Ошиба была застигнута врасплох.

– Что вы говорите?

Ответа не последовало. Ёдоко вдруг забормотала:

– Милый Яэмон, мой милый сын... ты такой хороший мальчик... но у тебя так много врагов... такой глупый... Разве ты тоже так думаешь, разве...

Снова начался спазм... Ошиба гладила и гладила ее руки – так ласково, как только могла.

– Наму Амида Бутсу! – прошептала она с великим почтением.

Прошел еще один спазм, и старуха внятно произнесла:

– Прости меня, О-чан!

– Мне не за что вас прощать, госпожа.

– Прости меня за многое. – Голос стал еще слабее, лицо угасало. – Слушай... обе... обещай насчет Торанаги, Ошибка-сама... Это важно... пожалуйста... ты можешь ему довериться... – Старые глаза умоляли, приказывали...

Ошибка не хотела этого воспринимать, не хотела подчиняться, хотя и знала, что должна повиноваться Ёдоко. Она не поняла того, что ей сказали про Акечи Марики, но в голове у нее все еще звучали слова Тайко, которые он повторял ей тысячи раз: «Вы можете довериться Ёдоко-сама, О-чан, она мудрая женщина-никогда не забывают этого! Она почти всегда видит правильный путь, и вы всегда можете доверить ей свою жизнь, и жизнь моего сына, и мою собственную».

И Ошибка уступила.

– Я обещаю... – Она резко оборвала фразу.

Лицо Ёдоко осветилось последний раз, и все кончилось.

– Наму Амида Бутсу! – Ошибка поднесла ее руку к губам, поклонилась, положила руки умершей на одеяло и закрыла ей глаза, вспоминая смерть Тайко – единственную смерть, которую она тоже видела так близко. Тогда глаза умершему закрыла госпожа Ёдоко – так как это было привилегией жены – и все происходило в той же самой комнате. Торанага ожидал снаружи, как сейчас Ишидо и Кийяма, продолжая бодрствование, начатое еще в предыдущую ночь.

– Но зачем посылать за Торанагой, господин? – спросила она тогда. – Вам следует отдохнуть.

– Я отдохну, когда умру, О-чан, – ответил ей Тайко. – Я должен позаботиться о наследнике, пока у меня еще есть силы.

Так к ним присоединился Торанага – сильный, цветущий, пышущий энергией. Теперь их было четверо: Ошибка, Ёдоко, Торанага и Накамура Тайко, властелин Японии, лежащий на смертном одре. Все ждали последних распоряжений.

– Ну, Тора-чан, – сказал Тайко, обращаясь к нему по имени, которое Торанаге когда-то дал Города. Глубоко посаженные глаза Тайко смотрели с маленького, обветренного лица обезьяны, принадлежавшего такому же маленькому телу – телу, которое имело крепость стали, пока несколько месяцев назад не начался этот процесс разложения.

– Я умираю. Из ничего – в ничто... Но вы все будете жить, рядом с моим беспомощным сыном...

– Не беспомощным, господин. Все дайте будут почитать вашего сына, как они почитали вас.

Тайко это было смешно:

– Да уж, они будут... Сегодня, пока я жив, – конечно! Но как мне устроить, чтобы Яэмон правил после меня?

– Назначьте Совет регентов, господин.

– Регенты! – презрительно процедил Тайко. – Может быть, я бы сделал вас моим наследником и дал вам судить, достоин ли Яэмон править после вас.

– Я недостойн этого, ваш сын должен сменить вас.

– Да, и сыновьям Города тоже следовало править после него.

– Нет. Они нарушили мир.

– И вы уничтожили их по моему приказу.

– У вас был мандат императора. Они восстали против вашего законного мандата, господин. Дайте мне сейчас ваши приказы, и я буду их исполнять.

– Вот поэтому я и позвал вас сюда.

И Тайко произнес следующее:

– Редко бывает, чтобы сын родился в пятьдесят семь лет, и ужасно, что сын – единственный и надо умирать в шестьдесят три, а других родственников нет и вы властелин Японии...

– Да, господин, – отвечал Торанага.

– Может быть, было бы лучше, если бы у меня вообще не было сына, тогда я мог бы

передать государство вам, как мы и договаривались. У вас больше сыновей, чем у португальцев вшей.

– Карма.

Тайко засмеялся, изо рта у него потянулась нитка слюны с примесью крови. Ёдоко осторожно вытерла слюну, и он улыбнулся жене:

– Благодарю тебя, Ёдоко-сан, благодарю. Потом его взгляд обратился на Ошибу... Она улыбнулась ему, но его глаза теперь не улыбались, только спрашивали, проверяли, задавали вопрос – тот самый, который он никогда не осмеливался произнести вслух, но который, она уверена, всегда был у него в голове:

«А на самом деле – сын ли мне Яэмон?»

– Карма, О-чан, правда? – Это было сказано очень мягко, но Ошиба так боялась, что этот вопрос зададут в открытую, что сразу же в глазах у нее заблестели слезы.

– Нет нужды плакать, О-чан. Жизнь только сон в пределах другого сна. – Старик с минуту лежал задумавшись, потом снова посмотрел на Торанагу и с внезапной, неожиданной теплотой, которой он славился, заговорил: – Э-э-э, старина, что за жизнь у нас была, а? Одни сражения. Сражались бок о бок – вместе мы были непобедимы, мы делали невозможное. Вместе мы усмиряли сильных и плевали на их задранные зады, а они пресмыкались еще больше. Мы... мы делали это – крестьянин и представитель рода Миновара! – Старик хмыкнул. – Послушайте, еще несколько лет и я разгромил бы этих любителей чеснока. Потом с нашими и корейскими легионами резкий бросок на Пекин – и мы на Троне Дракона в Китае. Потом я отдал бы вам Японию, которую вы так хотели иметь, а я бы имел то, что хотел. – Голос у него был сильный вопреки всей его хрупкости. – Крестьянин может взойти на Трон Дракона с почестями и уважением не так, как здесь!

– Да, в Китае они придумали умно. Начинал династию всегда крестьянин или сын крестьянина, трон захватывался силой, кровавыми руками. Там не было наследственного замка... Не в этом ли сила Китая? Сила и окровавленные руки, крестьянское происхождение – это я. Правда?

– Да. Но вы к тому же и самурай. Здесь вы изменили правила. Вы первый в династии.

– Я всегда любил вас, Тора-сан. – Старик с довольным видом прихлебнул чаю, – Да, представьте себе: я – на Драконовом Троне! Подумайте об этом! Император Китая! Ёдоко – императрица, за ней – Ошиба Прекрасная, после меня – Яэмон, и Китай с Японией навеки вместе, как им и следует быть. Ах, это было бы так легко! Потом с нашими войсками и ордами китайцев я бросился бы на северо-запад и юг – и, как проститутки десятого класса, все государства мира лежали бы, изнемогая, в грязи, с широко расставленными ногами, чтобы мы могли взять все, что пожелаем... Мы непобедимы, вы и я, – были непобедимы! Японцы непобедимы! Конечно же, мы знаем, в чем смысл жизни!

– Да, знаем.

У Тайко странно блеснули глаза:

– В чем же?

– Долг, дисциплина и смерть! – произнес Торанага. Снова хмыканье, старик, казалось, стал еще меньше, еще морщинистее... И тут же, с той же печалью, которой он тоже славился, сразу потеряв всю свою теплоту, он спросил:

– А что регенты? – Голос его стал ядовит и тверд. – Кого бы вы взяли?

– Господ Кийяма, Ишидо, Оноши, Тода Хиро-Мацу и Судзияма.

Лицо Тайко искривилось в зловещей усмешке.

– Вы самый умный человек в империи – после меня! Объясните дамам, почему вы выбрали именно этих пятерых.

– Потому что они ненавидят друг друга, но вместе могут управлять и уничтожать любую оппозицию.

– Даже вас?

– Нет, не меня, господин. – Торанага посмотрел на Ошибу и обращался теперь непосредственно к ней. – Чтобы Яэмон унаследовал власть, вы должны продержаться еще

девять лет. Чтобы добиться этого, вам надо кроме всего остального сохранять мир, который установил Тайко. Кийяму я назвал потому, что он главный из дайме-христиан, крупный генерал и самый преданный вассал. Далее, Судзияма – он самый богатый дайме в стране, его семья самая древняя, он всей душой ненавидит христиан и больше всех выиграет, если Яэмон получит власть. Оноши: ненавидит Кийяму, мешает ему властвовать. Он тоже христианин, но словно прокаженный, который хватается за жизнь, – проживет еще лет двадцать... ненавидит всех остальных лютой ненавистью, особенно Ишидо. Ишидо; он разносит наши планы – ведь он крестьянин, ненавидит потомственных самураев и ярый противник христиан. Тода Хиро-Мацу: честен, исполнитель, предан и верен как солнце и подобен самому лучшему мечу работы мастера-кузнеца. Ему следует стать председателем Совета.

– А вы?

– Я совершу сеппуку вместе со своим старшим сыном, Нобору. Мой сын Судару женат на сестре госпожи Ошибы, так что он не опасен, никогда не сможет быть угрозой. Он может наследовать Кванто, если вам будет угодно, при условии что поклянется в вечном подчинении вашему дому.

Никто не удивился тому, что предложил Торанага, – очевидно, то же было на уме у Тайко: Торанага один среди дайме представлял собой реальную угрозу. Тут она услышала, как ее муж спрашивает:

– О-чан, а что вы посоветуете?

– Все то же, что сказал господин Торанага, господин, кроме того, что вам следует приказывать моей сестре развестись с Судару, которому следует совершить сеппуку. Господину Нобору следует стать наследником господина Торанага и наследовать две провинции – Мусаси и Химоза, – а оставшаяся часть Кванто должна отойти вашему наследнику, Яэмону. Я советую вам отдать этот приказ прямо сегодня.

– Ёдоко-сама?

К ее удивлению, Ёдоко сказала:

– Ах, Токиси, вы знаете, что я от всего сердца восхищаюсь и вами, и О-чан, и Яэмоном – как своим собственным сыном. Я бы посоветовала сделать Торанагу единоличным регентом.

– Что?

– Если вы приказываете ему умереть, я думаю, вы убиваете и нашего сына. Только один господин Торанага достаточно умен, авторитетен и опытен, чтобы наследовать ваш Пост. Отдайте Яэмона под его опеку, пока он не подрастет. Прикажите господину Торанаге официально усыновить нашего сына. Пусть Яэмон будет подготовлен Торанагой и наследует после него вас.

– Нет, этого делать нельзя, – запротестовала Ошиба.

– Что вы скажете на это, Тора-сан? – спросил Тайко.

– При всем моем смирении я должен отказаться, господин. Я не могу принять этого и прошу разрешения совершить сеппуку и уйти из жизни раньше вас.

– Вы будете единоличным регентом.

– Я никогда не отказывался подчиняться вам со времени совершения нашего договора. Но этот приказ я не выполняю.

Ошиба помнила, как она пыталась убедить Тайко позволить Торанаге покончить с собой, хотя она и знала, что Тайко уже все решил. Но тот передумал, принял наконец частично то, что посоветовала Ёдоко, и нашел компромисс: Торанага будет регентом и председателем Совета регентов. Торанага поклялся в вечной верности Яэмону, но сейчас он ткал паутину, которая опутывала их всех, как последствия этого происшествия с Марико.

– Я знаю – это по его приказам, – бормотала Ошиба, поняв, что госпожа Ёдоко хотела, чтобы она полностью доверилась Торанаге.

«Выйти замуж за Торанагу? Будда, защити меня от такого позора, от того, чтобы принимать его, чувствовать его вес и как он впрыскивает в меня свое семя! Позор? Ошиба, а

разве это не правда? – спросила она себя. – Ты ведь хотела его однажды, еще до Тайко... Мудрая опять была права в том, что гордость – твой враг и тебе необходимо иметь мужчину, мужа. Почему не принять Ишидо? Он уважает и желает тебя, хочет добиться своего. Им будет легко управлять... Разве не так? Нет, только не этого грубого обитателя рисовых болот! О, я знаю о тех грязных слухах, что распространяют мои враги... Неслыханные дерзости! Клянусь, что скорее лягу со своими слугами, чем оскорблю память моего господина с Ишидо: будь честной, Ошиба, подумай о Торанаге! Неужели ты и правда ненавидишь его, потому что он мог видеть тебя в тот безумный день?»

Это случилось более шести лет назад на Кюсю, когда она со своими дамами была на соколиной охоте с Тайко и Торанагой. Их охотничья компания разъехалась по большой территории, она ускакала за одним из своих соколов, отбившись от остальных... Оказавшись одна среди лесистых холмов, она внезапно наткнулась на этого крестьянина, собиравшего ягоды сбоку от заброшенной тропинки. Ее первый, слабый здоровьем сын уже два года, как умер, и с тех пор в ее лоне еще не было ни малейших движений, несмотря на все используемые ею позиции, уловки, диеты, обеты, зелья и молитвы, к которым она прибегала, чтобы удовлетворить страстное желание своего господина иметь наследника.

Встреча с этим крестьянином была совершенно внезапной. Он глазел на нее, словно она была ками, а она – на него, потому что он был копией Тайко: маленький, похожий на обезьяну... Но он был молод... Ум ее кричал, что это дар богов, о котором она молилась, поэтому она спешила, взяла его за руку, они углубились в лес на несколько шагов, и она повела себя как сука в течке...

Все было словно во сне, – безумие, страсть и грубость, лежание на земле, и даже сегодня она все еще могла ощущать струящийся из него жидкий огонь, его сладкое дыхание, стиснувшие ее руки... Потом она сразу почувствовала его тяжесть, дыхание его стало зловонным, все показалось ей отвратительным – кроме той влаги, и она спихнула его с себя. Он захотел еще, но она стукнула его, обругала – пусть он благодарит Богов, что она не обращает его в дерево за его наглость, – и бедный дикарь упал на колени, моля о прощении, – конечно, она была ками... Почему бы еще такая красавица корчилась в грязи с таким, как он?..

Ошиба с трудом залезла в седло и уехала в полном смятении, скоро потеряв из виду человека на поляне и размышляя, было ли это все сном или явью, не настоящий ли ками этот крестьянин, молясь, чтобы он был ками, его данной Богами сущностью, и принес ей еще одного сына во славу ее господина, принес пир, которого заслужил ее господин... На противоположном краю леса она увидела ожидающего ее Торанагу. Панический ужас охватил ее. «Неужели он... видел?» – пронеслось у нее в голове.

– Я беспокоился о вас, госпожа, – объяснил он.

– Я... все в порядке, благодарю вас.

– Но ваше кимоно все порвано, в волосах и на спине у вас папоротник...

– Меня сбросила лошадь – ничего страшного. – И она предложила ему скорее скакать домой, чтобы доказать ему, что все нормально. Она мчалась как ветер, хотя спина и болела от укулов ежевики. Спину скоро залечили с помощью разных снадобий. В ту же ночь она была близка со своим господином и хозяином и через девять месяцев, на радость ему и себе, родила Яэмона.

– Наш муж, конечно, отец Яэмона, – уверенно ответила Ошиба на вопрос Ёдоко. – Он отец обоих моих детей – другой был только сон.

«Зачем обманывать себя? Это был не сон, – подумалось ей. – Это случилось на самом деле. Тот крестьянин не был ками. Вы совокупились в грязи с крестьянином – вам надо было родить сына, чтобы привязать к себе Тайко. Он мог бы взять и другую наложницу... А как родился ваш первенец?»

– Карма... – Ошиба пыталась отогнать от себя эту тайную боль.

– Выпей это, дитя, – попросила ее Ёдоко, когда ей исполнилось шестнадцать лет, через год после того, как она стала официальной наложницей Тайко. Она выпила этот странный,

согревающий травяной настой, ее сразу же потянуло в сон, а на следующий вечер, когда она снова проснулась, вспомнила только незнакомые ей раньше эротические сновидения, и причудливые цвета, и пугающую потерю ощущения времени... Ёдоко была с ней при пробуждении и когда она засыпала, как всегда, внимательная, обеспокоенная тем, чтобы не нарушать гармонии их господина. Девять месяцев спустя Ошиба родила – первая из всех женщин Тайко. Но ребенок был очень слабый и умер в раннем детстве.

«Карма», – подумала она.

Они с Ёдоко не сказали друг другу ни слова – ни о том, что случилось, ни о том, что могло случиться во время этого длительного глубокого сна. Ничего, кроме... «прости меня», сказанного несколько минут назад, и «не за что».

– Вы не виновны, Ёдоко-сама, и ничего не случилось, никаких тайных поступков – ничего. А даже если что-то и было – покойся в мире, старая женщина, теперь твоя тайна уйдет вместе с тобой. Она посмотрела на это мертвое лицо, такое хрупкое и торжественное теперь, совсем как у Тайко при его кончине... Он свой вопрос так и не задал. «Карма, что он умер, – подумала она бесстрастно, – Если бы он жил еще десять лет, я стала бы императрицей Китая, а сейчас... сейчас я одна».

– Странно, что вы умерли до того, как я успела пообещать, госпожа... – прошептала Ошиба; запах ладана и смерти окружил ее. – Я бы пообещала, но вы умерли еще до этого... В этом тоже моя карма? Должна ли я выполнить эту просьбу и произнесенное обещание? Что мне следует делать? Сын мой, сын мой, я чувствую себя такой беспомощной.

Потом она вспомнила, что сказала Мудрая:

– Думай, как поступил бы Тайко – или Торанага.

Ошиба почувствовала, как в нее вливаются новые силы. Она села и хладнокровно стала готовиться к выполнению обещания.

* * *

Во внезапно наступившей тишине Джиммоко подошла к небольшим воротам в саду и, приблизившись к Блэксорну, поклонилась:

– Анджин-сан, пожалуйста, извините меня, моя хозяйка хочет видеть вас. Если вы немного подождете, я провожу вас.

– Хорошо. Спасибо. – Блэксорн уже давно сидел глубоко задумавшись, но так и не пришел к окончательному ответу на вопрос – что же такое судьба.

Тени становились все длиннее и захватили уже часть двора. Серые подобрались, собираясь идти с ним. Джиммоко подошла к Самиери.

– Прошу меня извинить, капитан, но моя госпожа просит вас все приготовить.

– Где она собирается это сделать?

Служанка указала на площадку перед аркой:

– Там, господин.

Самиери поразился.

– При всех? Не в уединенном месте с несколькими свидетелями? Она сделает это для того, чтобы все видели?

– Да.

– Но, если... если это будет здесь... Ее... ее... А кто у нее будет помощником?

– Она считает, что ей окажет честь господин Кийяма.

– А если он не станет?

– Я не знаю, капитан. Она... она мне не сказала. – Джиммоко поклонилась, пересекла веранду и снова поклонилась – Киритсубо-сан, моя госпожа говорит, она скоро вернется.

– У нее все хорошо?

– О да. – В голосе Джиммоко звучала гордость. Кири и остальные успокоились. Услышав разговор с капитаном, они все переполошились.

– Она знает, что все дамы ждут, чтобы поприветствовать ее?

– О да, Киритсубо-сан. Я... я следила и передала ей. Она сказала, что польщена их присутствием и скоро лично поблагодарит их. Пожалуйста, извините меня.

Все следили, как она прошла к воротам, и сделала знак Блэксорну следовать за ней. Серые хотели идти за ним, но Дзиммоко покачала головой и сказала, что ее хозяйка не звала их. Капитан позволил Блэксорну пойти одному. За воротами сада был совершенно другой мир – зеленый и спокойный: солнце освещало верхушки деревьев, щебетали птицы, кормились насекомые, ручей журчал и впадал в пруд с листьями... Но он никак не мог избавиться от мрачного настроения. Дзиммоко остановилась и показала ему на маленький домик для тя-но-ю. Дальше он пошел один. Сняв сандалии, он поднялся по трем ступенькам – пришлось согнуться, чуть ли не встать на колени, чтобы пройти в маленькую зашторенную дверь, и вот он оказался внутри...

– Ты, – сказала Марико.

– Ты, – сказал Блэксорн.

Она стояла на коленях лицом к двери, со свежей косметикой на лице, с малиновыми губами, искусно причесанная, в свежем темно-голубом, с зеленой каймой кимоно с зеленым же, но более светлом оби и тонкой зеленой лентой в волосах.

– Ты красивая.

– И ты. – Робкая улыбка. – Извини, что тебе пришлось такое увидеть.

– Это был мой долг.

– Нет, я не ожидала... не планировала... что будет так много смертей.

– Карма, – Блэксорн заставил себя выйти из транса и перестал говорить по-латыни. – Вы планировали все это уже давно – ваше самоубийство?

– Моя жизнь никогда не была моей собственностью, Анджин-сан. Она всегда принадлежала моему сюзерену и после него – моему господину. Таков наш закон.

– Это плохой закон.

– Да. И нет. – Она оторвала глаза от татами, – Мы будем спорить о вещах, которых нам не изменить?

– Нет. Пожалуйста, извини меня.

– Я люблю тебя, – сказала она по-латыни.

– Да. Теперь я знаю это. И я люблю тебя. Но ты стремишься к смерти, Марико-сан.

– Ты не прав, мой милый. Моя цель – жизнь нашего господина. И твоя жизнь. Мадонна наверняка простит, благословит меня за это, – сейчас пришло время, когда твоя жизнь более важна.

– Но сейчас нет способа спастись. Ни для кого.

– Потерпи, солнце еще не село.

– Я не уверен в этом солнце, Марико-сан. – Он протянул руки и прикоснулся к ее лицу: – Гомен насаи.

– Я обещала тебе, что сегодня все будет как в Гостинице Цветов. Потерпи... Я знаю Ишидо, Ошибу и других.

– Плевать мне на других! – ответил он по-португальски, – у него испортилось настроение. – Ты имеешь в виду, что блефуешь, а Торанага знает, что делает?

– Какой у тебя черный юмор... – мягко произнесла она. – Этот день слишком короткий...

– Извини, ты опять права. Сегодня не время для черного юмора. – Он внимательно рассматривал Марико: на лицо ее падали полосы теней, создаваемых бамбуковыми планками, служившими защитой от солнца. Тени ползли вверх и исчезали, по мере того как солнце опускалось за крепостную стену...

– Чем я могу тебе помочь?

– Верить в то, что будет завтра.

В какой-то момент он уловил выражение ужаса на ее лице, – он протянул к ней руки, обнял ее и держал так, пока она не справилась с этим чувством.

Послышались приближающиеся шаги.

– Да, Дзиммоко?
– Время, госпожа.
– Все готово?
– Да, госпожа.

– Подождите меня около пруда с лилиями, – Шаги удалились, Марико повернулась к Блэксорну и нежно поцеловала его.

– Я люблю тебя, – сказала она.
– Я люблю тебя, – ответил он.

Она поклонилась и вышла через дверь, он – следом.

Марико остановилась у пруда с лилиями, развязала оби и дала ему упасть. Дзиммоко помогла ей снять голубое кимоно. Под ним на Марико было ослепительно белое кимоно и оби, которые Блэксорн уже видел, – принятое всеми одеяние смертника. Она развязала ленту на волосах и отбросила ее в сторону, потом, оставшись в одном белом, пошла, не глядя на Блэксорна.

За садом все оставшиеся в живых коричневые выстроились по трем сторонам квадрата вокруг восьми татами, лежащих в центре главных ворот. Ябу и Кири с остальными дамами сидели в ряд на почетном месте, повернувшись лицом на юг. В переулке так же церемонно выстроились серые, вперемишку с ним располагались остальные самураи – мужчины и женщины. По знаку Самиири все поклонились, она ответила поклоном. Вперед вышли четыре самурая и растянули поверх татами малиновое одеяло.

Марико подошла к Киритсубо и поклонилась ей и остальным дамам. Они ответили на ее приветствие поклоном и заговорили, рассыпаясь в церемонных фразах. Блэксорн ждал у ворот. Он следил за тем, как она отошла от дам, приблизилась к малиновому квадрату и стала на колени в центре его, перед маленькой белой подушкой. Правой рукой она достала из-за оби узкий нож и положила его на подушку перед собой. Дзиммоко вышла вперед и, также встав на колени, протянула ей маленькое чистое белое покрывало и бечевку. Марико тщательно расправила подол кимоно – служанка помогала ей, – потом бечевкой повязала одеяло вокруг груди. Блэксорн знал: это делалось для того, чтобы уберечь подол от крови и не измять во время предсмертной агонии...

Успокоившись и полностью приготовившись, Марико подняла взгляд на главную башню замка... Солнце все еще освещало верхний этаж, отражаясь в золотых черепицах, промелькнул спиралью отблеск пламени и тут же исчез...

* * *

Марико сидела не двигаясь и казалась очень маленькой белой каплей на малиновой квадрате. В переулке уже потемнело, слуги зажигали факелы. Покончив с этим делом, они исчезли так же молча и быстро, как и появились. Марико подалась вперед, взяла нож, приготовила его и посмотрела через ворота в дальний конец переулка, но он был тих и пуст, как и раньше. Она снова посмотрела на нож.

– Касиги Ябу-сама!
– Да, Тода-сама?

– По-моему, господин Кийяма не хочет помогать мне. Пожалуйста, я была бы польщена, если бы вы стали моим помощником.

– Это честь для меня, – отвечал Ябу. Он поклонился, встал и зашел сзади, слева от нее. Его меч зазвенел, скользя по ножнам. Ябу твердо поставил ноги и двумя руками поднял меч.

– Я готов, госпожа, – заявил он.

– Пожалуйста, подождите, пока я не сделаю второй разрез. Она посмотрела на нож, правой рукой перекрестила грудь, потом подалась вперед и подняла нож, поднеся его к губам недрогнувшей рукой, словно пробуя вкус полированной стали... Потом взяла нож поудобнее и теперь держала его правой рукой с левой стороны горла... В этот момент из-за угла в дальнем конце переулка показалось несколько факелов – приближалась группа людей

во главе с Ишидо. Она не опустила ножа. Ябу все еще был как сжатая до предела пружина...

– Госпожа, – спросил он, – вы ждете или продолжаете? Я хочу помочь вам как можно лучше.

Марико с трудом удержалась от того, чтобы переступить последнюю грань.

– Я... мы подождем... мы... Я... – Ее рука с ножом опустилась, теперь она задрожала. Ябу медленно расслабился. Меч со свистом вошел в ножны, сам он вытер руки о бока.

Ишидо остановился в воротах.

– Солнце еще не зашло, госпожа. Солнце все еще выше горизонта. Вы так стремитесь умереть?

– Нет, господин генерал. Просто повиноваться моему господину... – Она старалась унять дрожь в руках, сжав их.

Среди коричневых раздался возмущенный ропот, вызванный грубостью Ишидо. Ябу приготовился к выпадку, но остановился, услышав, как Ишидо громко произнес:

– Госпожа Ошиба от имени наследника просила регентов сделать в вашем случае исключение. Мы согласились удовлетворить ее просьбу. Здесь разрешение для вас на выезд завтра утром. – Он сунул документы в руки Сумиери, стоявшего поблизости.

– Господин? – спросила Марико, ничего не понимая, уставшим голосом.

– Вы можете ехать. На рассвете.

– И... и Киритсубо-сан, и госпожа Сазуко?

– Разве это не часть вашего долга? Их пропуска здесь же.

Марико пыталась сосредоточиться:

– И... и ее сын?

– На него тоже есть пропуск, госпожа. – Ишидо презрительно ухмылялся. – И на всех ваших людей. Ябу, запинаясь, произнес:

– ... Пропуска на всех?

– Да, Касиги Ябу-сан, – сказал Ишидо. – Вы у них главный офицер, не так ли? Пожалуйста, отправляйтесь сразу же к моему секретарю. Он оформляет все ваши пропуска, хотя я не знаю, почему наши уважаемые гости хотят нас покинуть. Трудно управиться за оставшиеся семнадцать дней, правда?

– А я, господин генерал? – старая госпожа Эцу говорила очень осторожно, – ей хотелось проверить, насколько серьезна победа Марико; сердце у нее заболело, пульс участился. – Я... я могу тоже уехать?

– Конечно, госпожа Маэда. Почему мы должны держать здесь кого-то против воли? Разве мы тюремщики? Ничего подобного! Если гостеприимство наследника так для вас оскорбительно, что вы хотите уехать, – уезжайте. Хотя я не понимаю, как вы собираетесь за семнадцать дней проехать четыреста ри до дома и столько же обратно.

– Пожалуйста, извините меня, гостеприимство наследника не оскор...

Ишидо прервал ее ледяным голосом:

– Если вы хотите уехать, обратитесь к секретарю за разрешением, как положено. Это займет день или около того, но мы проследим, чтобы вы могли ехать, ничего не опасаясь, – Обращаясь ко всем собравшимся, он добавил: – Могут ехать все женщины, все самураи. Я уже говорил, что глупо уезжать за семнадцать дней, это обижает наследника. Это просто насмешка над наследником, его гостеприимством, гостеприимством госпожи Ошибы и регентов! – Он снова зло посмотрел на Марико. – Или попытка спекуляции угрозами совершить сеппуку... Сеппуку дама должна совершать в уединенном месте, а не устраивать оскорбительный для всех спектакль! Мне не нужны смерти женщин, – я борюсь с врагами наследника, но если женщины – его открытые враги, то скоро я смогу плюнуть на их трупы!

Ишидо повернулся на пятках, прокричал приказы серым и удалился. Офицеры стали повторять его приказы. Для остальных самураев, строить их и уводить от ворот, оставив у коричневых несколько человек в качестве почетной стражи.

– Госпожа, – хрипло сказал Ябу, снова вытирая вспотевшие руки, – горький привкус рвоты стоял у него во рту, так переживал он несостоявшееся сеппуку, – госпожа, все

кончилось. Вы... вы выиграли... Вы победили...

– Да, да, – ответила Марико. Обессиленными руками она пыталась развязать узлы на бечевке. Дзиммоко подошла, распустила узлы, убрала покрывало и сошла с малинового квадрата. Все смотрели на Марико, ожидая момента, когда она сможет уйти.

Марико пыталась встать на ноги, но у нее ничего не получалось. Она пыталась во второй раз – снова не удалось. Повинуясь первому порыву, Кири подошла ей помочь, но Ябу покачал головой и сказал:

– Нет, она должна это сделать сама!

Кири пришлось отойти, затаив дыхание.

Блэксорн, стоявший у ворот, был вне себя от радости: Марико спасена? Он вспомнил, как сам был обессилен в ту ночь, когда чуть не совершил самоубийство, и должен был встать как мужчина, и идти домой без посторонней помощи, как мужчина, и стал самураем... У нее не хватает мужества... Что ж, все равно – он понимал ее и гордился ею...

Он видел, как Марико снова взялась руками за малиновое одеяло, оттолкнулась от него руками... На этот раз она заставила себя встать... Ее качало, она чуть не упала, но все-таки заставила ноги слушаться и зашагала... Медленно сошла с малинового квадрата и, шатаясь, направилась к главному входу... Блэксорн решил, что она сделала достаточно – вытерпела свою меру и проявила немалое мужество, – он вышел вперед, подхватил ее на руки и поднял в тот самый момент, когда она потеряла сознание... Несколько секунд он стоял во дворе один, гордясь тем, что он один, и тем, на что он отважился. В его руках она казалась сломанной куклой... Постояв так, он направился в дом, и никто не тронулся с места и не помешал ему.

Глава Пятьдесят Седьмая

Нападение на занимаемую коричневыми часть замка началось в самое темное время ночи – за два-три часа до рассвета. Первая группа, из десяти ниндзя – подлых тайных убийц, – поднялась на крыши противоположной стены, которую перестали охранять серые. Ниндзя – наемники, мастера в воровстве, специалисты во всяких малопочетных занятиях – шпионаже, проникновении в охраняемые места, организации внезапных смертей.

Эти десятеро бросили обмотанные тряпками крюки-кошки с веревками на соседнюю крышу и переправились через улицу между этими домами как черные пауки по паутине: плотно обтягивающие черные кимоно с черными же таби, черные маски, руки и лица покрыты черной краской... Легкое вооружение – ножи с цепочкой и хариканы, маленькие, в форме звезды метательные приспособления с игольно острыми, намазанными ядом концами, и диски размером с ладонь – облегчало их задачу и не мешало переправе, как и рюкзаки на спинах и короткие тонкие дубинки.

Все десять бесшумно достигли цели. Они собрали кошки, четверо опять забросили кошки за выступ и тут же скользнули вниз на веранду, в двадцати футах под ними. Как только они оказались там, все так же не произведя ни малейшего звука, их товарищи отцепили крюки, бросили вниз и двинулись по черепицам дальше... Но вот черепица под ногой одного треснула – и все мгновенно замерли. Во дворе, тремя этажами и шестидесятью футами ниже, Сумиери, делавший обход часовых, остановился и посмотрел вверх... Глаза его впились в темноту, он ждал не шевелясь, приоткрыв рот, чтобы лучше слышать, и медленно обводил крышу взглядом... Крыша, где затаились ниндзя, была в тени, луна светила очень слабо, звезды едва видны во влажном воздухе... Темные фигуры стояли абсолютно неподвижно, бездыханно, почти столь же безжизненные, как и черепицы под их ногами...

Сумиери опять обвел все глазами, настороженно прислушиваясь, потом снова, все еще не убедившись, вышел на середину двора – отсюда лучше видно. Теперь в поле его зрения попали четверо ниндзя на веранде, но они были так же неподвижны, как все вокруг, и Сумиери их не заметил.

– Эй! – окликнул он часовых у ворот – засовы надежно заперты. – Вы ничего не видели и не слышали?

– Нет, капитан, – отвечали встревоженные часовые. – Черепицы на крыше часто потрескивают, – может, от сырости или от жары сдвигаются...

Сумиери приказал одному из них:

– Поднимись наверх и посмотри! Поосторожней! Скажи часовым на верхнем этаже – пусть пошарят там на всякий случай!

Часовой убежал. Сумиери еще раз внимательно посмотрел наверх, пожал плечами и, несколько успокоившись, продолжал обход. Самураи разошлись по своим местам, следя за тем, что происходит снаружи.

На коньке крыши и на веранде ниндзя лежали все в том же положении, замерев как вкопанные, – они даже не моргали: их обучали часами оставаться в неподвижности – это входило в программу постоянных тренировок. Но командир сделал знак – они сразу задвигались, с помощью крюков и веревок спокойно пробрались на следующую веранду, откуда проскользнули внутрь через узкие окна в гранитных стенах. Ниже этого верхнего этажа все остальные окна – укрытия для лучников – были так узки, что через них не прополз бы и уж. По следующему сигналу пробрались одновременно еще две новые группы...

Обе комнаты были в темноте, аккуратными тесными рядками здесь спали десять коричневых. Их убили быстро и почти бесшумно, большинству хватило одного удара ножом в горло – убийцы были хорошо подготовлены, безошибочно нашли своих жертв... Через минуту лишь один самурай начал отчаянно отбиваться, но его тревожный крик был заглушен в самом начале. Проверили всю комнату, двери, командир вынул кремень и трут, зажег свечу и, прикрывая ее руками, осторожно поднес к окну, откуда трижды просигналил в ночь. За его спиной ниндзя еще дважды убедились, что все коричневые наверняка мертвы. Командир повторил сигнал, отошел от окна и, сделав знак, чтобы все подошли к нему, заговорил на языке жестов...

Ниндзя развязали мешки и приготовили оружие для нападения – короткие ножи серповидной формы, обоюдоострые ножи с цепочкой, прикрепленные на конце рукоятки, с грузом на другом конце, и хариканы – метательное оружие. По следующему приказу некоторые достали и вынули из чехлов дубинки – это оказались телескопические пики и воздушные ружья, которые с удивительной скоростью вытягивались на полную длину. Закончив приготовления, каждый сел на колени, устраивался лицом к двери и без видимых усилий замирал в неподвижности... Наконец все подготовились и командир задул свечу.

Когда городские колокола отбили середину часа тигра – четыре часа, час до рассвета, – в замок просочилась вторая половина ниндзя. Они бесшумно выскользнули из заброшенной водопропускной трубы – по ней когда-то поступала вода для искусственных ручейков в саду. Эти ниндзя вооружены были мечами, как и остальные, спрятавшиеся в тени, они заняли позиции среди кустов и мелких деревьев, сразу же став неподвижными и почти невидимыми. В это же самое время еще одна группа, из двадцати человек, забросила с земли веревки с крюками и стала забираться на стену, откуда просматривались двор и сад.

На стенах двое коричневых внимательно наблюдали за пустыми крышами через дворовый проход. Один оглянулся и увидел сзади крючья... Встревожившись, он показал на них товарищу, тот открыл было рот, чтобы закричать, но молниеносно в амбразуру проник ниндзя... Хлещущим движением кисти он бросил вертящийся харикан в искаженное от крика лицо самурая... Мгновенно он бросился к другому самураю – его вытянутая рука представляла собой страшное оружие – вытянул большой и указательный пальцы и парализовал противника ударом в шею... Еще один страшный удар с сухим треском сломал ему шею... Ниндзя прыгнул на первого, агонизирующего самурая, уцепившегося за харикан – колючки глубоко впились ему в рот и лицо, яд уже оказывал свое действие... Последним, нечеловеческим усилием умирающий самурай выхватил короткий боевой меч и нанес удар... Ниндзя, несмотря на глубокую рану и на то, что стал задыхаться, ударил коричневого в

шею... Голова самурая откинулась назад, позвоночник сломался... Самурай умер, будучи еще на ногах...

Ниндзя истекал кровью, но не издал ни звука и все еще держал мертвого коричневого... Он стал осторожно опускать его на каменные плиты, становясь рядом с ним на колени. К этому времени все ниндзя уже поднялись и стояли на стене. Они обошли раненого товарища и убедились, что на стене больше никого нет. Раненый все еще стоял на коленях около мертвых коричневых, держась за бок. Командир осмотрел его рану – она сильно кровоточила. Он покачал головой и что-то сказал ему на языке жестов, ниндзя кивнул и с трудом пробрался в угол, оставляя за собой широкий кровавый след. Там он устроился поудобнее, облокотившись на камень, и вынул харикан. Несколько раз оцарапав тыльную сторону руки шипами с ядом, он достал нож, нащупал нужную точку внизу горла и обеими руками, изо всех сил вонзил его снизу вверх...

Командир убедился, что он мертв, вернулся к тяжелым укрепленным дверям, которые вели внутрь, и осторожно открыл их... Послышались приближающиеся шаги – все отпрянуло назад, заняв позиции для боя... По этому коридору в западном крыле замка шел Сумиери с десятком коричневых. Двоих он оставил у дверей на стену и без задержки пошел дальше. Эти двое часовых вышли на стену в тот момент, когда Сумиери заворачивал за дальний угол коридора и начинал спускаться по винтовой лестнице. Внизу был еще один караул, двое самураев, стоявших на посту, поклонились ему, их тоже сменили.

– Соберите остальных и возвращайтесь к себе, отдохните. Вас разбудят на рассвете, – распорядился Сумиери.

– Да, капитан.

Оба самурая пошли назад по лестнице, радуясь, что дежурство кончилось. Сумиери отправился вниз по следующему коридору, меняя часовых. Наконец он остановился перед наружной дверью и постучал. С ним было двое часовых.

– Ябу-сан?

– Да? – раздался сонный голос.

– Извините, смена караула!

– Ах, спасибо, прошу вас, входите!

Сумиери открыл дверь, но настороженно остановился на пороге. Ябу был взъерошен, он лежал под одеялом, опираясь на локоть, держась другой рукой за меч. Убедившись, что это Сумиери, он успокоился и зевнул.

– Что-нибудь новенькое, капитан?

Сумиери тоже почувствовал облегчение, покачал головой и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь. Комната была большая, опрятная, на футонах постелена еще одна постель с гостеприимно распахнутым одеялом. Окна, предназначенные для лучников, возвышались над землей на тридцать футов и потому позволяли следить за тем, что происходит в переулке и в городе.

– Все спокойно. Она сейчас спит... По крайней мере ее служанка, Дзиммоко, сказала, что спит. – Он подошел к низкому шкафчику, где потрескивала масляная лампа, и налил себе из кувшина холодного зеленого чая. Рядом с кувшином лежал пропуск, принесенный Ябу из конторы Ишидо.

Ябу еще раз зевнул и с наслаждением потянулся:

– А что делает Анджин-сан?

– Когда я последний раз проверял, он не спал. Это было в полночь. Он просил меня не проверять до рассвета – что-то такое связанное с их обычаями. Я не понял всего, что он сказал, но это не страшно – здесь кругом очень много охраны, Киритсубо-сан и остальные дамы успокоились, хотя сама Киритсубо-сан большую часть ночи не спала.

Ябу встал с постели – на нем была только набедренная повязка.

– Что она делала?

– Просто сидела у окна, глядя на улицу. Но там ничего не происходило. Я предложил ей лучше пойти поспать. Она вежливо поблагодарила, согласилась со мной, но осталась на

том же месте. Женщина, что с нее взять?

Ябу несколько раз согнул и разогнул плечи и локти яростно потер их, стремясь усилить кровообращение, потом стал одеваться.

– Ей следует отдохнуть. – Сегодня ей предстоит длинное путешествие.

Сумиери поставил чашку.

– Думаю, все это хитрая уловка.

– Вы о чем?

– Я не верю, что Ишидо нас отпустит.

– У нас оформленные разрешения – вот они. Перечислены все наши люди. Вы проверили фамилии. Как он может пойти на попятную, объявив публично о нашем выезде вместе с госпожой Тода? Невозможно!

– Не знаю, не знаю... Извините меня, Ябу-сан, но я думаю, что это какой-то трюк.

Ябу медленно завязывал пояс.

– Какой трюк?

– Мы попадем в засаду.

– Когда выйдем из замка?

Сумиери кивнул:

– Да, именно так.

– Он не посмеет.

– Посмеет. Он перебьет нас или задержит. Не могу себе представить, чтобы он отпустил ее, или госпожу Киритсубо, или госпожу Сазуко с ребенком. Даже старую госпожу Эцу с остальными.

– Нет, вы не правы.

Сумиери печально покачал головой:

– Было бы лучше, если бы она совершила сеппуку, а вы ей помогли. А так ничего не решается.

Ябу поднял мечи и засунул их за пояс. «Да, – подумал он, – Я с вами согласен. Ничего не решилось, и она не выполнила свой долг. Вы знаете это, я знаю это, Ишидо тоже это понял. Позор! Если бы она была мертва – тогда мы бы все уцелели! А так, как сейчас... Она вернулась из-за той грани и опозорила нас, а также и себя. Сигата га наи, нех? Глупая женщина!»

Но Сумиери он сказал:

– А я считаю – госпожа Тода выиграла, она победила Ишидо. Он не осмелится напасть на нас. Спите спокойно, я разбужу вас на рассвете.

Сумиери снова покачал головой:

– Нет, спасибо, Ябу-сан, я лучше сделаю еще один обход.

Он подошел к окну и выглянул на улицу:

– Что-то не так!

– Все нормально. Пойдите, подождите секундочку! Вы слышите?

Ябу подошел к Сумиери и притворился, что смотрит наружу, напряженно прислушиваясь, потом внезапно выхватил короткий меч и тем же молниеносным движением вонзил его в спину Сумиери, другой рукой схватив его за голову и сжимая рот, чтобы не дать ему закричать... Капитан умер мгновенно... Ябу изо всех сил держал его на вытянутых руках, чтобы не испачкаться кровью, потом перенес Сумиери на futony, положив его так, словно он спит... Ябу вытащил меч и стал его чистить, досадуя, что интуиция Сумиери вынудила его совершить незапланированное убийство. «Что ж, – подумал Ябу, – зато теперь он не будет здесь разнюхивать».

Еще раньше, когда Ябу вернулся из конторы Ишидо со своими пропусками, он столкнулся с самураем, которого раньше никогда не видел.

– Вас приглашают к сотрудничеству, Ябу-сан.

– Какому и кто?

– Тот, кому вы сегодня сделали предложение.

– В обмен на безопасный выход вас и Анджин-сана вы проследите, чтобы она была обезоружена при нападении на вас во время поездки... Пожалуйста, не хватайтесь за меч, Ябу-сан, – там четверо лучников только и ждут, когда вы что-нибудь затеете!

– Как вы осмеливаетесь делать мне такое предложение? Какое нападение? – блефовал он, чувствуя, как ослабели ноги, – он не сомневался: посланный – от Ишидо: вчера после полудня через посредников он сделал Ишидо тайное предложение в отчаянной попытке хоть как ослабить урон, который нанесла Мариико его планам относительно Черного Корабля и всего его будущего. К этому времени Ябу понял, что разоружить ее, оставив в живых, было бы трудно, если не невозможно – эта попытка опасна для обеих сторон...

– Ничего не знаю ни о каком нападении! – закричал он, страстно желая, чтобы рядом с ним была Юрико – вот кто помог бы выбраться из этой ловушки.

– Тем не менее вас приглашают к нему, хотя и не так, как вы планировали.

– Кто вы?

– За это вы получите Изу, чужеземца и его корабль – в тот момент, когда голова главного врага окажется в пыли. При условии, конечно, что она будет захвачена живой, а вы останетесь в Осаке до главного дня и поклянетесь в верности.

– Чья голова? – Ябу пытался заставить свои мозги работать, но понимал только, что Ишидо использовал просьбу прийти за пропусками как предлог, чтобы сделать ему тайное предложение и поторговаться.

– Так да или нет? – спросил самурай.

– Кто вы и о чем говорите? – Он поднял свиток, – Здесь пропуска господина Ишидо! Даже господин генерал не сможет отобрать их после всего, что произошло!

– Все так говорят. Но, извините, скорее волны начнут гадить золотым песком, чем вам или еще кому-то позволят оскорблять господина Яэмона. Пожалуйста, не беритесь за меч!

– Тогда следите за тем, что говорите!

– Конечно, прошу прощения. Вы согласны?

– Я уже владею Изу, и мне обещали отдать Тотомии и Суругу, – начал Ябу, собираясь поторговаться: он знал, что, хотя он и в ловушке, как и Мариико, и Ишидо, вопрос о пленении Мариико все еще оставался открытым.

– Вы правы, – отвечал самурай, – но я не уполномочен торговаться. Условия только такие. Так да или нет?

Ябу кончил чистить меч и натянул простыню на лежащего, словно во сне, Сумиери. Потом полотенцем вытер пот с лица и рук, постарался успокоиться и открыл дверь. В нескольких шагах в коридоре ждали двое коричневых, они поклонились.

– Я разбуду вас на рассвете, Сумиери-сан, – бросил Ябу в темноту. Потом приказал одному из самураев: – Встаньте здесь! Никого не пускайте! Никого! Посмотрите, чтобы капитана не беспокоили – ему нужно отдохнуть.

– Да, господин.

Самурай занял свой новый пост, а Ябу, с другим часовым, пошел вниз по проходу и поднялся на несколько ступенек – здесь было главное помещение этого этажа. Он пересек его направляясь в расположенную в восточном крыле, комнату для приемов, и вскоре оказался уже в ведущем туда тупиковом коридоре. Охранники поклонились и пропустили его. Еще один самурай открыл коридорную дверь, ведущую в ряд помещений. Ябу постучал.

– Анджин-сан? – тихонько позвал он.

Ответа не было. Он открыл дверь: комната была пуста, внутренние седзи слегка приоткрыты. Он нахмурился, потом сделал сопровождавшему его охраннику знак подождать и быстро прошел через комнату в плохо освещенный внутренний коридор. Остановила его Дзиммоко, в руке она держала нож. Постель ее была разложена как раз в этом коридоре, у входа в одну из комнат.

– Ах, простите, господин, я задремала... – Тон у нее был извиняющийся, она опустила нож, но не уступала дороги.

– Я ищу Анджин-сана.

– Он и моя хозяйка разговаривают с Киритсубо-сан и госпожой Ачико.
– Пожалуйста, спросите, не смогу ли я повидать его на минутку.
– Конечно, господин. – Дзиммоко вежливо поманила Ябу обратно в другую комнату, подождала, пока он не зайдет, и закрыла внутреннюю дверь.

Охранник в главном коридоре вопросительно смотрел на них. Через несколько секунд седзи распахнулись и вошел Блэксорн. Он был одет, с коротким мечом на поясе.

– Добрый вечер, Ябу-сан, – поздоровался он.
– Простите, что беспокою вас, Анджин-сан. Я только хотел убедиться, все ли в порядке. Вы понимаете меня?

– Да, спасибо, не беспокойтесь.
– С госпожой Тода все в порядке? Она не заболела?
– Сейчас все прекрасно. Очень устала, но все нормально. Скоро уже рассвет, наверное? Ябу кивнул:
– Да. Я просто хотел убедиться, что все нормально. Вы меня понимаете? – повторил он на всякий случай.

– Да. Сегодня после обеда вы сказали – «план», Ябу-сан. Помните? Объясните, пожалуйста, что такое «секретный план»?

– Не секретный, Анджин-сан, – поправил Ябу, сожалея, что был так откровенен в тот момент. – Вы неправильно поняли. Я сказал, что нужно иметь план... из Осаки очень трудно выбраться. Или бежать, или... – Ябу провел ножом поперек горла. – Вы поняли?

– Да. Но теперь есть пропуск, не так ли? Теперь можно безопасно выбраться из Осаки.
– Да, скоро выезжаем. На корабле очень удобно. Скоро будем набирать людей в Нагасаки. Вы понимаете?

– Да.
Проявляя все признаки дружелюбия, Ябу удалился. Блэксорн закрыл за ним дверь и вернулся через внутренний коридор, оставив внутреннюю дверь полуоткрытой. Он прошел мимо Дзиммоко в следующую комнату. Марико сидела, облокотившись на футоны: еще более тонкая и красивая, чем всегда, она как будто стала меньше... Кири стояла на коленях на подушке. Сбоку, свернувшись клубочком, спала Ачико.

– Что он хотел, Анджин-сан? – спросила Марико.
– Просто посмотреть, все ли в порядке.
Марико перевела его ответ Кири.
– Кири говорит, что вы спрашивали его о «плане»?
– Да, но он ушел от ответа. Видно, передумал – не знаю. Возможно это моя фантазия...
Показалось сегодня днем он что-то замышлял или даже имел какой-то план.

– Выдать нас?
– Конечно. Но я не знаю, как.
Марико улыбнулась ему:
– А вы не ошиблись – мы же теперь в безопасности...

Ачико что-то пробормотала во сне, все посмотрели на нее: это она и во сне просила разрешения остаться с Марико... Того же хотела и старая госпожа Эцу, громко храпевшая в соседней комнате. Остальные дамы на закате солнца разошлись по своим помещениям. Все направили официальные просьбы разрешить им немедленный выезд. По мере того как смеркалось, по замку распространялись слухи, что завтра о том же попросят еще сто пятьдесят человек. Кийяма послал за Ачико, женой своего внука, но она не захотела покинуть Марико. Дайме сразу же отказался от нее и потребовал вернуть сына. Она отдала сына. Ее долго мучили ночные кошмары наконец она снова уснула.

Марико взглянула на Блэксорна:
Когда она проснулась и оказалась живой, а не мертвой, настроение ее передалось и ему. Первый час, пока они были одни, она лежала у него на руках.
– Ты жива, Марико, жива! Я уже видел тебя мертвой...
– Я думала, что умерла... Я еще не могу поверить, что Ишидо сдался. Никогда за

двадцать жизней... О, как я люблю, когда ты обнимаешь меня... ты такой сильный...

– Я думал, что в этот день, с того момента, как ты отдала приказ Ёсинаки, я не увижу ничего, кроме смертей... твоей, своей... всех... Я участвовал в вашем плане, в его выполнении?

– Со дня землетрясения, Анджин-сан. Пожалуйста, простите меня, но я не хотела... не хотела пугать вас. Боялась, что вы не сможете понять... Да, с того дня я знала, что моя карма – спасти заложников в Осацком замке. Только я могла сделать это для господина Торанаги. И теперь это сделано. Но какой ценой! Мадонна простит меня...

Потом пришла Кири и они сели порознь, но это не имело никакого значения. Достаточно было улыбки, взгляда, слова...

Кири подошла к окнам-бойницам: все просматривалось до самого моря, где светились огоньки рыбацких лодок, возвращавшихся в гавань. – Скоро рассвет, – сказала Кири задумчиво.

– Да, – откликнулась Мариико. – Сейчас я встану.

– Скоро, но не сейчас. Пожалуйста, отдохните, Мариико-сама. Вам нужно собрать все свои силы.

– Хотела бы я, чтобы здесь был господин Торанага...

– Да-а...

– Вы подготовили письмо о... о нашем отъезде?

– Да, Мариико-сама, еще один голубь вылетит на рассвете. Господин Торанага услышит о вашей победе сегодня, – пообещала Кири. – Он будет гордиться вами.

– Я так рада, что он оказался прав...

– О, пожалуйста, простите меня за то, что я сомневалась в вас и в нем...

– В глубине сердца я тоже сомневалась в нем. Простите и меня.

Кири снова повернулась к окну и посмотрела на город.

– Торанага не прав! – хотелось крикнуть ей. – Мы никогда не уедем из Осаки, как бы мы ни притворялись! Наша карма – остаться, его карма – терять...

* * *

В западном крыле Ябу остановился у караулки. Самураи, сменяющие часовых, были уже наготове.

– Я собираюсь провести срочную проверку.

– Да, господин.

– Вы все подождете меня здесь. Вы пойдете со мной. Он спустился по главной лестнице, сопровождаемый только одним охранником. Внизу лестницы стояли еще часовые – в главной прихожей, снаружи был сад и главный двор. Беглый взгляд показал, что все в порядке. Тогда он вернулся в крепость и тут же переменял направление. К удивлению охранника, он спустился вниз, в помещение для слуг. Перепуганные слуги с трудом отрывались от сна, торопливо кланялись, опуская головы на каменные плиты. Ябу почти не замечал их. Он направлялся все глубже в недра крепости, вниз по лестнице, по редко используемым, но хорошо освещенным сводчатыми переходам с мокрыми, сильно заплесневелыми каменными стенами. В этих погребах не стояли часовые – нечего охранять. Вскоре они стали снова подниматься вверх, приближаясь к наружным стенам.

Ябу внезапно остановился:

– Что это? Коричневый самурай остановился, прислушался – и тут же погиб. Ябу вытер меч и затащил тело в темный угол, потом поспешил к плохо заметной, сильно укрепленной маленькой железной двери в стене, – ему сообщил об этой тайной двери посредник Ишидо. Пришлось долго открывать проржавевшие болты, но вот звякнул последний отвернутый болт и дверь распахнулась. Снаружи потянуло холодным воздухом... К горлу его потянулось копьё, но остановилось в самый последний момент... Ябу не двигался, почти парализованный. С оружием наготове на него внимательно смотрел ниндзя, почти не

выделяясь среди абсолютной темноты за дверью.

Ябу поднял трясущуюся руку и сделал условный знак.

– Я Касиги Ябу!

Одетый в черное, с капюшоном на голове, почти невидимый, главарь кивнул, но продолжал держать копье наготове. Он сделал знак Ябу, и тот послушно отступил на шаг. Главарь, высокий, широкоплечий, с большими плоскими глазами под маской, прошел в середину коридора. Вид у него был очень усталый. Одним движением кисти он вонзил копье в мертвого коричневого, вытащил его, потянув за цепь, прикрепленную к концу копья, подобрал цепь и постоял, внимательно слушая, нет ли опасности. Наконец, удостоверившись в этом, он сделал знак в темноту. Сразу же двадцать человек бросились вверх по ступеням давно забытого хода на верхние этажи. Эти ниндзя несли с собой орудия убийств – цепные ножи, мечи и харикианы. Посредине их черных капюшонов был нашит красный лоскут. Вожак не обращал на них внимания, но не спускал глаз с Ябу и начал медленно считать на пальцах левой руки:

– Один... два... три...

Ябу чувствовал, что из прохода за дверью за ним наблюдает множество глаз, но сам никого не видел.

Теперь люди с красными нашивками поднимались по лестнице парами; наверху пролета они остановились – дорогу преграждала дверь. Они подождали с минуту, потом попытались осторожно открыть ее, но она не поддавалась. Подошел один, со специальным инструментом, поддел дверь коротким стальным ломиком с крючком на одном конце и лопаточкой на другом и открыл. За дверью был еще один проход, более узкий, – все молча устремились по нему дальше. На следующем углу им пришлось остановиться. Идущий впереди осмотрелся и сделал знак рукой идти по другому коридору. В дальнем конце через специальное отверстие в плотной деревянной панели, скрывавшей потайную дверь, просачивался свет. Ниндзя приложил глаз к отверстию и различил широкую комнату для приемов... двух серых и двух коричневых, охраняющих вход в жилые помещения. Он оглянулся и кивнул остальным. Двумя этажами ниже, в подвале, вожак все еще считал на пальцах, синхронно со счетом ушедших. Все глаза сосредоточились на считавшем. Пальцы вожака отмечали секунды, а глаза не отрывались от Ябу... Ябу смотрел и ждал, вспотев от страха. Но вот пальцы замерли, кулак сжался – вожак показал вниз коридора. Ябу кивнул, повернулся и медленно пошел тем же путем, что пришел сюда. Сзади опять начался неумолимый счет:

– Один, два, три... Ябу знал, какому огромному риску он подвергается, но у него уже не было выбора и он еще раз проклял Марико за то, что она вынудила его встать на сторону Ишидо. Частью сделки было его обязательство открыть потайную дверь.

– Что за дверью? – подозрительно спросил он тогда.

– Друзья. Вот условный сигнал, а пароль – ваше имя.

– А потом они убьют меня, да?

– Нет. Вы слишком нужный человек, Ябу-сан: вы должны обеспечить проникновение внутрь.

Он согласился... Но на сделку с ниндзя – ненавидимыми и страшными полулегендарными наемниками, преданными только своей тайне, тесно сплоченной семейной организации, он никогда бы не пошел. Ниндзя только кровных родственников посвящали в свои секреты: как плавать под водой на большие расстояния, влезать на почти гладкие стены, делаться невидимыми и оставаться день и ночь без движения, убивать голыми руками или ногами и всеми видами оружия, включая яд, огонь и взрывы. Единственной целью жизни ниндзя было убийство за деньги.

Ябу старался идти размеренным шагом, грудь у него все еще болела – так больно поразило его, что нападающие – ниндзя, а не ронины. «Ишидо сошел с ума...» – думал Ябу. Все чувства его смешались, каждую минуту он ждал пику, стрелу или удавку... Но вот он оказался почти в самом углу – обернулся, убедился, что наконец в безопасности, крутанулся

на пятках и помчался по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки... Вот он наверху... коридор со сводчатым верхом, поворот за угол, к помещениям для слуг...

Пальцы вожака все еще отбивали секунды, потом счет прекратился. Он сделал резкое движение рукой, сигнализируя что-то в темноту, и бросился следом за Ябу. Из темноты к нему присоединились двадцать ниндзя, еще пятнадцать заняли оборону в двух концах коридора, охраняя путь к отступлению: под замком пчелиными сотами лепилась сеть заброшенных погребов и коридоров – они вели к одному из секретных проходов Ишидо, проложенных под рвом с водой и выводящих в город. ... Ябу побежал еще быстрее, споткнулся в проходе, но сумел устоять на ногах и ураганом пронесся через помещения для прислуги, раскидывая горшки и чашки, бочонки и бутылки...

– Ниндзя-я-я-я! – ревел он.

Это была его собственная идея, чтобы спастись, если он попадет под подозрение, – в уговор это не входило. Слуги разбежались в истерике, вопили, пытались спрятаться под скамьями и столами... Ябу проскочил все помещение, пулей вылетел с другой стороны и по ступенькам понесся к главным коридорам – встретить коричневых, уже выхвативших мечи.

– Поднимайте тревогу! – орал Ябу, – Ниндзя!.. Там, среди слуг, оказались ниндзя!

Один самурай кинулся к главной лестнице, второй, подняв меч, смело бросился вперед, став у винтовой лестницы, ведущей вниз. Увидав его, слуги встали как вкопанные – и с криками ужаса растянулись, закрыв глаза, на камнях с поднятыми над головой руками... Ябу достиг главных дверей и через них выскочил на лестницу.

– Объявите тревогу! На нас напали! – кричал он, как было договорено, – тем самым он сигнализировал нападающим снаружи, чьей задачей было отвлечь внимание: главные силы атаковали через потайную дверь, чтобы проскочить в комнату для приемов, захватить Марику и скрыться до того, как этот план будет разгадан.

Самураи вертели у ворот и на переднем дворе, не зная, откуда ждать нападения; тем временем атакующие выбирались в сад из укромных мест и окружали коричневых. Ябу отступил внутрь здания, коричневые самураи спускались из караулки вниз, стремясь прийти на помощь своим товарищам на улице.

К Ябу подбежал капитан.

– Что происходит?

– Ниндзя на улице и среди слуг! Где Самиери?

– Не знаю, наверное, у себя.

Ябу устремился вверх по ступенькам, в то время как все стремились вниз. В этот момент первые ниндзя, выбравшиеся из погреба, бросились в атаку. Харикан с шипами вывел из строя одинокого защитника; слуг кололи копьями... Нападающие бросились в главный коридор, устроив шумную свалку и сбив с толку взбешенных коричневых не знающих, откуда ждать следующей атаки. На верхнем этаже ожидающие ниндзя при первых криках открыли дверь, бросились на спешивших вниз коричневых и тут же их перебили. Разбрасывая отравленные стрелы и хариканы, ниндзя продолжали наступление, перепрыгивая через трупы – их целью было захватить главный коридор на следующем этаже. Бешеную атаку подоспевших на помощь коричневых ниндзя быстро отбили: они раскручивали цепи с грузом и бросали их в противников, душили их или обматывали цепи вокруг мечей, а это облегчало дело ниндзя, использующим обоюдоострые ножи. Хариканы летали по комнате, моментально выводя из строя уцелевших самураев, – коричневые скоро были уничтожены. Среди ниндзя было несколько раненых, они ползали, как погибающие бешеные звери, переставая нападать лишь после того, как падали замертво.

В саду ниндзя легко остановили первую волну подкрепления – коричневые выскочили в главную дверь, – но вторая волна, мужественно кинулась в атаку и смела бандитов значительным численным превосходством. Злоумышленники отступили и сразу затерялись в темноте в своей угольно-черной одежде. Обрадованные коричневые кинулись за ними, но попали в засаду и были перебиты.

Ниндзя с красными нашивками на одежде все еще лежали у комнаты приемов в

терпеливом ожидании. Командир их следил за событиями в комнате через потайной глазок: охранники из коричневых и серые, сопровождающие Блэксорна, охраняют тяжелую дверь в коридор, тревожно прислушиваются к происходящему под ними побоищу; перед дверью столпились охранники, серые и коричневые; не в силах больше ждать, офицеры обеих групп приказывают всем своим людям выйти из комнаты для приемов и занять оборону в дальнем конце коридора... Теперь путь чист! Дверь во внутренний коридор открылась – за ней только капитан серых, он уже уходит... И вдруг вожак с красной нашивкой увидел женщину... она подбегает к порогу, за ней – высокий чужеземец, вслед спешит еще одна женщина... Он нашел ту, которая нужна! Выполнить задание! Помочь родственникам внизу! Охваченный жаждой убийства, вожак с красной нашивкой отдал приказ и кинулся в дверь за ними... Слишком рано!

Блэксорн увидел, как он приближается, машинально вынул из-под кимоно пистолет и выстрелил. Затылок у вожака вдруг исчез, и вся атака мгновенно прекратилась. Одновременно капитан серых бросился назад и яростно атаковал, зарубив одного ниндзя. На него тут же набросилась целая группа ниндзя – капитан погиб, но этих нескольких секунд Блэксорну хватило, чтобы затащить Марику в укрытие и захлопнуть дверь. Он схватил железный брус и всунул его на место как раз тогда, когда часть ниндзя обрушилась на дверь, а остальные бросились защищать главный вход.

– Боже мой! Что здесь происходит?

– Ниндзя! – закричала Марико.

Кири, госпожа Сазуко, Эцу, Ачико, Дзиммоко и остальные служанки в ужасе выскакивали из своих комнат. На дверь обрушился град ударов.

– Быстрее, давай туда! – Кири устремилась в глубь помещения.

Женщины гурьбой устремились за ней, две служанки помогали идти госпоже Эцу. Блэксорн следил за дверью: под бешеными ударами ломов ниндзя она начала заметно поддаваться – отдельные доски уже раскололись... Он бросился к себе за мечами и пороховницей.

В зале для приемов ниндзя уже разделались с шестью коричневыми и серыми у главного выхода и сломили сопротивление тех, кто оказался в коридоре, но в ходе этой схватки сами потеряли двоих убитыми и двоих ранеными. Им удалось закрыть и надежно запереть двери,

– Быстрее! – рявкнул новый командир ниндзя с красной нашивкой. Его люди с ломами не нуждались в подстегиваниях – они бешено надели на дверь в попытках ее взломать. Вожак мгновение постоял над телом брата, ожесточенно пнул его ногой – внезапность атаки не удалась из-за его нетерпеливости – и присоединился к своим людям.

В коридоре Блэксорн лихорадочно пытался зарядить пистолет, слушая, как трещит дверь под ударами. «Насыпать пороха, забить пыж... поаккуратней... Вот уже одна филенка треснула... Еще пыж... забить его потуже, потом пулю, еще пыж... И петля не выдержала – конец лома появился... Дальше надо аккуратно сдуть с кремня лишний порох...»

– Анджин-сан! – откуда-то из внутренних комнат закричала Марико. – Скорее!

Но Блэксорн не обращал внимания на крики... Он подошел к двери и, приложив ствол к трещине в двери на высоте живота, спустил курок. С другой стороны раздался крик, удары по двери прекратились. Он отступил и снова стал заряжать пистолет. «Сначала порох, потом примять его... Дверь опять затряслась, опять они ломаются... плечами, кулаками, ногами – чем придется. Снова пыж и пуля, еще бумаги для запыживания...» Дверь затрещала и поддалась, болт отскочил, зазвенел упав...

Кири торопилась вниз по внутреннему проходу, судорожно хватая ртом воздух, остальные почти несли на руках госпожу Эцу, Сазуко плакала.

– Куда мы, здесь уже некуда идти... – Но Кири, спотыкаясь, вбежала еще в одну комнату, пересекла ее и распахнула седзи: в каменной стене – обитая железом дверь... Она легко распахнулась, хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

– Это... это потайное убежище моего господина... – задыхаясь, объяснила она, входя

внутри, но внезапно остановилась: – Где Марико?

Дзиммоко развернулась и бросилась назад.

В первом коридоре Блэксорн аккуратно сдул лишний порошок с кремня и опять подошел к двери: она почти развалилась, но еще создавала некоторую защиту. Он выстрелил еще раз. Снова раздались крики... минутное замешательство – удары возобновились! Отскочил еще один болт, вся дверь мелко затряслась... Блэксорн снова стал перезаряжать пистолет...

– Анджин-сан! – отчаянно звала его Марико из дальнего конца коридора.

Он бросил свое занятие, подхватил мечи и кинулся к ней. Марико побежала, увлекая его за собой... Дверь наконец развалилась, появились ниндзя и устремились в погоню...

Марико бежала что было сил, Блэксорн следовал за ней по пятам. Она пронеслась через комнату, зацепилась юбками и упала. Он схватил ее и протащил через комнату. Навстречу выступила Дзиммоко.

– Быстрей! – кричала она, дожидаясь, пока они пробегут мимо. Немного пробежав за ними, она повернула назад и стала, приготовив нож... В комнату ворвались ниндзя. Дзиммоко, вытянув руку с ножом, бросилась на первого из нападавших, тот легко отразил удар и, словно куклу, откинул ее в сторону, стремясь догнать Блэксорна и Марико. Последний ниндзя ногой переломил Дзиммоко шею и бросился вслед за остальными...

Юбки мешали Марико бежать, хотя Блэксорн и пытался помочь как мог. Они пересекли комнату, свернули вправо, в другую, и он увидел дверь, за которой их ждали вконец перепуганные Кири и Сазуко. Спрятавшись за ними, Ачико и служанки суетились вокруг старухи. Блэксорн втолкнул Марико в укрытие и остановился у входа с незаряженным пистолетом в одной руке и мечом в другой, ожидая Дзиммоко... Ее нет? Он поспешил назад, но услышал – бегут ниндзя – остановился и бросился назад в комнату. Едва Блэксорн захлопнул дверь, как на нее обрушился шквал копий и харикианов, скользящих по железу. Опять едва хватило времени вставить на место засовы, как нападающие со всей силой обрушились на дверь...

Блэксорн поблагодарил Бога за спасение и, убедившись в прочности двери – ломами нелегко ее разбить, у них есть какое-то время, – поблагодарил Бога еще раз. Пытаясь успокоить дыхание, он огляделся: Марико, стоя на коленях, судорожно глотает воздух... шестеро служанок... Ачико, Кири, Сазуко... рядом, с посеревшим лицом, почти без сознания, лежит старая госпожа Эцу... Комната маленькая, стены каменные, боковая дверь ведет на маленькую веранду в крепостной стене... Он пробрался к окну и выглянул: угловой выступ, над которым сооружена веранда, нависает над переулком и двором, снизу слышны звуки битвы, стоны, крики, истерические боевые кличи... В переулке и на противоположной защитной стене – несколько серых, самураи без формы... Ворота внизу заперты, их обороняют ниндзя...

– Что происходит, черт побери? – У Блэксорна вдруг защемило сердце.

Никто ему не ответил, он вернулся к Марико, стал около нее на колени и осторожно потряс ее за плечо:

– Что здесь происходит?

Но она не в силах была что-нибудь произнести.

* * *

Ябу бежал вниз по широкому коридору в западное крыло, где располагались спальни. Завернув за угол, он вынужден был остановиться: впереди большая толпа самураев с боем отступала под яростной контратакой нападающих сверху ниндзя.

– Что здесь происходит? – закричал Ябу, перекрывая шум. Ниндзя ведь должны быть только внизу...

– Они напали на нас! – задыхаясь, ответил один из самураев. – Спустились сверху...

Ябу выругался, поняв, что его обманули – не раскрыли всего плана атаки.

– Где Самиери?

– Видимо, погиб... Они захватили все крыло, господин! Вам повезло – вы спаслись... Они напали после того, как вы ушли... Что надо этим ниндзя?

Их внимание привлекли новые крики: в дальнем конце коричневые предприняли атаку из-за угла, прикрывающего самураев с пиками. Они оттеснили ниндзя назад и бросились их преследовать, но их накрыло целым облаком хариканов... Несколько минут – и преследователи погибли, перекрыв своими телами проход... Они погибали в страшных конвульсиях, под действием яда... Остаткам коричневых пришлось отступить и перегруппироваться.

Ябу, остановившийся на безопасном расстоянии, кричал:

– Пришлите лучников!

Тут же несколько человек бросились выполнять его приказание.

– Из-за чего такое нападение? Почему их так много? – снова спросил самурай с лицом, вымазанным кровью – она лилась из раны на щеке. – Эти презренные... эти ниндзя атакуют всегда в одиночку или небольшими группами... Исчезают так же быстро, как и появляются – если достигают своей цели...

– Не знаю... – ответил Ябу.

Эта часть замка была заполнена людьми, живыми и мертвыми, стоял страшный шум... Коричневые все еще не скоординировали свои действия, пораженные ужасающей стремительностью и неожиданностью нападения.

– Если бы... если бы здесь был господин Торанага, я бы мог понять, – значит, Ишидо приказал провести эту внезапную атаку. Но почему же сейчас? – размышлял самурай. – Здесь нет ничего и никого... – Внезапно он замолчал, сразу все поняв. – Госпожа Тода! – Ябу пытался не обращать на него внимания, но тот заревел: – Они охотятся за ней, Ябу-сан! Они должны захватить госпожу Тода! – и устремился в восточное крыло здания. Ябу поколебался и последовал за ним.

По пути в восточное крыло им предстояло пересечь центральную лестничную площадку... Здесь теперь хозяйничали ниндзя... Повсюду лежали мертвые самураи – они погибли совсем недавно... Получив известие, что их любимый вождь в опасности, они в бешеной атаке пробились через ниндзя, но скоро все были уничтожены... И вот появились с громкими криками их товарищи, новость об их прибытии тут же распространилась среди сражающихся, и они удвоили усилия. Ябу с ходу кинулся в атаку, стараясь, насколько возможно, оставаться в безопасности. Один ниндзя открыл заплечную сумку, поджег тыквенную фляжку с порохом и бросил ее в самую гущу коричневых. Она ударилась о стенку и взорвалась, заполнив все огнем и дымом... Ниндзя тут же пошли в контратаку, отбросив коричневых в самый огонь. Под покровом дыма к ниндзя устремилось пополнение с нижнего этажа.

– Отступить и перегруппироваться! – прокричал Ябу в одном из коридоров, ведущих от главной лестничной площадки. Ему хотелось оттянуть время – он надеялся, что Мариико уже схвачена и унесена через погреб вниз, и ожидал сигнального рожка: цель достигнута, всем ниндзя прекратить атаку и отступить! Но тут группа коричневых бросилась сверху по лестнице и в смертельной атаке пробила брешь в обороне ниндзя. Они погибли все... Но остальные тоже не выполнили приказа Ябу и начали атаку. Ниндзя бросили еще несколько фляжек, подожгли драпировки на стенах... Пламя уже лизало стены, искрами подожгло татами... Вдруг вспышка огня охватила группу ниндзя, превратив ее в вопящий человеческий факел... Огонь охватил кимоно самурая, тот бросился к ниндзя и сгорел вместе с ними... Один из самураев, самый здоровенный, пользуясь мечом как боевым топором, проложил себе путь среди свалки... За ним последовали еще десять человек, и, хотя двое при этом были убиты, а четверо – смертельно ранены, остальные пробiliсь и открыли себе путь в восточное крыло здания. Вскоре за ними пробiliсь еще десять человек. Ябу без особой опасности для себя возглавил следующую атаку: оставшиеся ниндзя стали в строгом порядке отходить на нижний этаж по заранее подготовленному пути. Началась битва за тупик в восточном крыле здания...

* * *

В это время в маленькой комнате с каменными стенами все напряженно смотрели на дверь... Все слышали, как нападающие скрежещут чем-то по полу и петлям... Вот раздался стук и звуки глухого голоса... Двое служанок зарыдали.

– Что он сказал? – спросил Блэксорн. Марико облизала сухие губы.

– Он сказал, чтобы мы открыли дверь и сдались, или он взорвет ее.

– Они могут сделать это, Марико-сан?

– Не знаю... Они могут, конечно, применить порох. – Рука Марико потянулась к поясу, но вернулась пустой. – Где мой нож?

Все женщины стали проверять, есть ли у них ножи: у Кири не было, у Сазуко – тоже, ни у Ачико, ни у госпожи Эцу... У Блэксорна – пистолет и длинный боевой меч. Короткий меч выпал при стремительном бегстве. Глухой голос раздался снова – он стал еще более злым и требовательным... Все глаза в комнате обратились к Блэксорну. Но Марико знала, что ее предали и время ее кончилось...

– Он говорит: если мы откроем дверь и сдадимся, все будут свободны кроме вас. – Марико отбросила прядь волос от глаз. – Он говорит: вы нужны им как заложник, Анджин-сан. Это все, что им нужно...

Блэксорн подошел, собираясь открыть дверь, но Марико в отчаянии преградила ему путь.

– Нет, Анджин-сан, это только хитрость! Простите меня, но им нужны не вы, – они хотят меня! Не верьте им! Я им не доверяю!

Он улыбнулся ей, слегка похлопал по плечу и взялся за один из засовов.

– Дело не в вас, – им нужна я, это только хитрость! Клянусь вам! Не верьте им, пожалуйста. – Она взялась за его меч. Ей удалось наполовину вытащить его, прежде чем он понял, что она делает. Блэксорн схватил ее за руку.

– Нет! – приказал он. – Прекратите!

– Не отдавайте меня в их руки! У меня нет ножа! Пожалуйста, Анджин-сан! – Она пыталась освободиться от его руки, но он перенес ее в сторону, освободил себе дорогу и положил руку на верхний засов.

– Дозо! – сказал он остальным, пока Марико отчаянно пыталась остановить его.

Ачико вышла вперед, убеждая Блэксорна вместе с ней, Марико пыталась освободиться и кричала:

– Пожалуйста, Анджин-сан, это только хитрость! Ради Бога! Его рука толчком освободила верхний засов.

– Им нужно захватить меня живой! – отчаянно кричала Марико. – Разве вы не видите? Взять меня в плен – разве непонятно? Они хотят взять меня живой, и тогда все будет зря... Завтра Торанага пересечет границу! Я прошу вас! Это всего лишь хитрость! Ради Бога!

Ачико обхватила Марико руками и умоляла вместе с ней, отталкивала ее, делая ему знак открыть дверь:

– Исоги, исого, Анджин-сан!..

Блэксорн открыл центральный засов.

– Ради Бога, не превращайте все смерти в бессмыслицу! Помогите мне! Помните вы обещали!

На этот раз реальность того, о чем взывала Марико, дошла до него и Блэксорн в панике начал задвигать засовы...

Его остановили яростные удары, обрушивавшиеся на дверь – железо звенело о железо, потом послышался голос – короткое яростное крещендо... И вдруг все звуки за дверью оборвались... Женщины отскочили к дальней стене и съежились там...

– Уходите от двери! – закричала Марико, бросаясь за ними. – Он собирается взорвать дверь!

– Задержите его, Марико-сан! – Блэксорн подскочил к боковой двери, которая вела к крепостным стенам. – Скоро здесь будут наши люди! Придумайте что-нибудь с засовами... что они застревают... что-нибудь... – Он налег на верхний засов боковой двери, но тот сильно заржавел. Марико послушно подбежала к двери и стала создавать видимость, что пытается открыть центральный засов, умоляя ниндзя с другой стороны. Потом она начала греметь нижним засовом...

Снова голос – еще яростнее... Марико удвоила свои слезные мольбы...

Блэксорн бил рукой по верхушке задвижки, но она не поддавалась. За ним беспомощно следили женщины. Наконец засов с шумом сдвинулся с места. Марико пыталась отвлечь внимание от этого звука, а Блэксорн принялся за последний... Руки у него были мокры и кровоточили... Вожак ниндзя за дверью возобновил свои грозные предупреждения. Блэксорн в отчаянии схватил меч и начал бить по засову рукояткой, как дубинкой, не заботясь уже о шуме... Марико как могла старалась заглушить его... Болт казался приваренным...

За дверью вожак ниндзя с красной нашивкой чуть не сошел с ума от ярости: это потайное укрытие было совершенно не предусмотрено. Вождь их рода приказал ему захватить живой Тода Марико, убедиться, что она безоружна, и передать ее серым, которые будут ждать у выхода из погреба. Он знал, что время уходит, слышал звуки ожесточенного сражения в коридоре, снаружи комнаты для приемов и с досадой подумал, что они были бы уже в безопасности в погребе, выполнив свою задачу, если бы не эта тайная крысиная нора и его чересчур ретивый дурак братец, который начал слишком рано...

– Карма иметь такого брата!

С зажженной свечой в руке он насыпал порох в виде длинной дорожки, ведущей к маленьким мешочкам с порохом, – они принесли их в заплечных сумках на случай отступления – чтобы взрывать секретные проходы в подвалах. Теперь нужно решить – взрывать ли дверь. С одной стороны, это единственный способ проникнуть внутрь, с другой – эта женщина, Тода, – за дверью. Взрыв, наверняка, убьет ее вместе со всеми, кто там засел, – он не выполнит свою задачу, и все жертвы окажутся напрасными. Донесся шум топотливых шагов, появился один из его помощников.

– Быстрее – прошептал он. – Мы не можем больше их удерживать! – И убежал.

Вожак с красной нашивкой решился. Махнув рукой своим людям, чтобы они спрятались, он закричал, предупреждая тех, кто за дверью:

– Отойдите подальше! Я взрываю дверь! Он поджег пороховую дорожку и отпрыгнул в безопасное место. Порох затрещал, вспыхнул, и огонек побежал к мешкам...

Блэксорну удалось наконец справиться с последним засовом, боковая дверь распахнулась... В комнату ворвался свежий ночной ветер... Женщины устремились на веранду. Старая госпожа Эцу упала, он подхватил ее и вытащил наружу, потом вернулся за Марико, но она прижалась спиной к двери и твердо заявила:

– Я, Тода Марико, протестую против этого подлого нападения своей смертью...

Он прыгнул к ней, но его отбросило в сторону взрывной волной... Дверь сорвало с петель... Взрывная волна проникла в комнату и отразилась от противоположной стены... Взрывом сбило с ног Кири и остальных женщин, хотя они и были снаружи, на крепостной стене, но серьезно никто не пострадал. В комнату сразу потянулся дым, но быстрее него ворвались ниндзя... Искореженная железная дверь валялась в углу...

Вожак с красной нашивкой стал на колени около Марико, остальные рассыпались кругом, заняв оборонительную позицию. Он сразу понял, что она сильно пострадала от взрыва и скоро умрет. «Карма», – подумал он и вскочил на ноги. В углу лежал оглушенный Блэксорн, струйка крови тянулась у него из носа и ушей, он с трудом приходил в себя. Рядом валялся погнутый пистолет, теперь совершенно бесполезный... Вожак с красной нашивкой сделал шаг вперед – и остановился. В дверях появилась Ачико... Ниндзя посмотрел на нее и тут же понял, кто это. Потом снова опустил глаза на Блэксорна, презирая его за стрельбу из пистолета – подлую стрельбу из-за двери, – что стоило ему жизни одного из его людей и раны у другого. Потом снова посмотрел на Ачико и вынул нож... Она отчаянно защищалась,

но он ударил ее ножом в левую грудь... Она умерла мгновенно, пока падала на пол... Ниндзя без всякой злобы вытащил нож из скрюченного трупа... Он выполнил последний из полученных им приказов – он думал, что это приказал Ишидо, хотя никогда бы не мог этого доказать: если им не повезет и госпожа Тода сумеет покончить с собой, он должен оставить ее нетронутой и не предъявлять ее голову; спасти чужеземца; оставить живыми всех женщин кроме Кийямы Ачико. Он не знал, почему ему приказали убить ее, но приказ был, заплачено, так что ей пришлось умереть...

Ниндзя подал сигнал к отходу. Один из его людей поднес к губам изогнутый рог и издал пронзительный звук, который эхом отозвался по всему замку и разнесся далеко в ночи... Вожак еще раз осмотрел Марику... Последний раз убедился, что девушка мертва... И, наконец, проверил, жив ли чужеземец – Смерти его он так хотел в этот момент! Потом развернулся и начал отступать через комнаты и коридоры в сторону зала для приемов. Ниндзя защищали центральный вход, пока не прошли все нападавшие с красными нашивками, потом метнули в коридор еще несколько дымовых и зажигательных фляжек и начали отступление. Их прикрывал вожак нападавших с красными нашивками. Дождавшись, пока все окажутся в безопасности, он раскидал несколько горстей едва заметных проволочных ежей – маленьких колючих шариков со смертельным ядом на шипах – и ускользнул, как только коричневые ворвались в зал для приемов. Несколько человек бросились за ним, остальные свернули в коридор. Раздались стоны и крики – его преследователи наступали подошвами на острия ежей и тут же погибали.

Единственным звуком в маленькой комнате было тяжелое дыхание Блэксорна... На крепостной стене стояла Кири, ее шатало, кимоно было порвано, локти и кисти рук кровоточили... Она накренилась в сторону, уткнувшись взглядом в Ачико и закричала... Потом качнулась в сторону Марики и опустилась возле нее на колени... Еще один взрыв где-то в замке поднял в комнате пыль, слышались крики и отдаленные возгласы:

– Пожар! В комнату повалил дым. Сазуко и служанки вскочили на ноги. Сазуко была вся в синяках и ссадинах, лицо и плечи разбиты, кисть сломана... Увидев Ачико, она в ужасе открыла глаза и рот и закричала...

Кири молча посмотрела на нее и показала на Блэксорна... Молодая женщина, спотыкаясь, направилась к Кири, увидела Марику и зарыдала... Но ей все же удалось овладеть собой. Она вернулась к Блэксорну и попыталась помочь ему встать на ноги. Служанки кинулись помогать ей. Он схватился за них и пытался удержаться на ногах, но зашатался и упал с кашлем и рвотой, кровь все еще сочилась у него из ушей... Ворвавшиеся в комнату коричневые в ужасе озирали комнату...

Кири стояла на коленях около Марики. Один из самураев поднял ее, остальные столпились вокруг... Вдруг вошел мертвенно-бледный Ябу – все расступились... Увидев, что Блэксорн жив, Ябу сразу успокоился.

– Приведите доктора! Быстро! – приказал Ябу и опустился на колени около Марики. Лицо у нее почти не пострадало, но все тело было изуродовано. Ябу сорвал с себя кимоно и накрыл Марику.

– Быстрее за доктором! – отрывисто приказал он, потом повернулся к Блэксорну и помог ему поудобнее устроиться у стены.

– Анджин-сан! Анджин-сан!

Блэксорн все еще был в шоке, в ушах у него звенело, глаза едва что-то различали, на лице ушибы и пороховые ожоги. Потом в глазах у него просветлело, как будто разглядел Ябу, но фигуру его пьяно качало перед глазами... Запах порохового дыма действовал одуряюще – Блэксорн не мог понять, где он, кто он... Чувствовал только, что он на борту корабля... ведет бой... его корабль поврежден и нуждается в нем... Но тут взгляд его упал на Марику и он все вспомнил... Шатаясь, Блэксорн встал с помощью Ябу и подошел к ней... Казалось, Марику спокойно спит... Блэксорн тяжело встал на колени и откинул в сторону кимоно... но снова быстро накрыл ее. Пульс почти не прослушивался, потом вовсе прекратился... Некоторое время Блэксорн оставался в том же положении – глядя на нее,

шатаясь, чуть не падая... Появился доктор, покачал головой и что-то сказал – Блэксорн не расслышал, не понял... Он знал только, что смерть настигла ее и он теперь тоже умер.

Блэксорн перекрестил Марику, произнес по-латыни слова, необходимые, чтобы успокоить ее душу, и стал молиться о ней, хотя изо рта не вылетало ни единого слова. Исполнив свой долг, он снова постарался встать и даже выпрямился... Но тут голова его как бы взорвалась, в глазах вспыхнул пурпуровый свет и Блэксорн рухнул на пол... Его заботливо подхватили, уложили на полу и оставили приходить в себя.

– Он умер? – спросил Ябу.

– Почти. Непонятно, что у него с ушами, Ябу-сама, – ответил доктор, – Возможно, еще и внутреннее кровотечение.

Один из самураев нервно произнес:

– Нам бы лучше поторопиться, вынести их отсюда... Огонь может распространиться во все стороны, и мы окажемся в ловушке.

– Да, – согласился Ябу. Еще один самурай срочно позвал его на стену, и ему пришлось уйти.

Старая госпожа Эцу лежала у стены, за ней ухаживала служанка. Лицо у госпожи Эцу было серо, глаза слезились... Она внимательно посмотрела на Ябу, с трудом узнавая, кто это.

– Касиги Ябу-сама?

– Да, госпожа.

– Вы здесь старший офицер?

– Да, госпожа.

Старая женщина сказала служанке:

– Пожалуйста, помоги мне встать.

– Но вам лучше бы подождать, доктор...

– Помогите мне встать!

Самураи на крепостной стене смотрели, как она встает, поддерживаемая служанкой.

– Послушайте, – заговорила она в абсолютной тишине хриплым, прерывающимся голосом. – Я, Маэда Эцу, жена Маэды Париноси, владыки Нагато, Ивами и Аки, свидетельствую, что Тода Марики-сама лишила себя жизни, чтобы избежать позорного плена, которым угрожали ей эти ужасные негодяи. Я свидетельствую, что... Кийяма Ачики выбрала нападение на ниндзя, лишив себя жизни, чтобы не подвергаться риску попасть в плен... Что, если бы не смелость этого самурая – иностранца, госпожа Тода была бы захвачена в плен и опозорена. Все мы, кто остался в живых, должны быть благодарны ему и наши господа должны быть благодарны ему за то, что он спас нас от позора... Я обвиняю господина генерала Ишидо в том, что он организовал это позорное нападение... и предал наследника и госпожу Ошибу... – Старая дама покачнулась и чуть не упала, служанка зарыдала и подхватила ее под руки. – И-и господин Ишидо предал их и Совет регентов. Я прошу вас быть свидетелем того, что я больше не могу жить с таким позором...

– Нет, нет, хозяйка, – всхлипывала – служанка. – Я не позволю вам...

– Отойди! Касиги Ябу-сан, пожалуйста, помогите мне! Отойди, женщина!

Ябу подхватил госпожу Эцу вместо служанки – старая женщина была почти невесома – и приказал служанке отойти. Та повиновалась. Госпожу Эцу мучили сильные боли, она дышала с трудом...

– Я подтверждаю, что все это правда, своей смертью, – произнесла она слабым голосом и подняла глаза на Ябу. – Я почла бы за честь, если бы вы помогли мне. Пожалуйста, помогите мне выйти на стену.

– Нет, госпожа, вам незачем умирать. Она спрятала лицо от остальных и прошептала ему на ухо:

– Я уже умираю, Ябу-сама. Я меня внутреннее кровотечение – что-то там лопнуло при взрыве... Помогите мне выполнить мой долг... Я старая, от меня нет никакой пользы, последние двадцать лет меня преследуют боли... Пусть моя смерть тоже поможет нашему господину... – В ее тусклых глазах мелькнул блик.

Он осторожно поднял ее и гордо стал рядом с ней на контрфорсе, двор был далеко внизу, под ними... Ябу поддерживал ее, пока все присутствующие низко кланялись старой госпоже.

– Я сказала правду. Я свидетельствую это своей смертью, – заявила она, одиноко возвышаясь над бездной, – голос ее прерывался. Она закрыла глаза, прощаясь со всеми, и шагнула вниз навстречу своей смерти.

Глава Пятьдесят Восьмая

Регенты собрались в Большом зале на втором этаже главной башни: Ишидо, Кийяма, Затаки, Ито и Оноши. Рассветное солнце отбрасывало длинные тени, запах пожара все еще висел в воздухе. Присутствовала здесь и сильно встревоженная госпожа Ошиба.

– Извините, господин генерал, я не согласен, – говорил Кийяма своим невыразительным, скрипучим голосом. – Невозможно не заметить, что госпожа Тода совершила сеппуку. Невозможно не заметить смелости моей внучки. Свидетельства госпожи Маэда и ее смерти. Смерти ста сорока семи самураев Торанаги. Ну, и того, что эта часть замка почти вся выгорела! Это нельзя оставить просто так!

– Я тоже так думаю, – заявил Затаки. Он прибыл вчера утром из Такато и, когда узнал все подробности противоборства Марико с Ишидо, втайне восхитился. – Если бы вчера мы разрешили ей уехать, как я советовал, мы не попали бы сегодня в такую ловушку.

– Все это не так страшно, как вы думаете. – Рот Ишидо превратился в одну жесткую складку, – Ошиба в этот момент возненавидела его и за неудачу, и за то, что он втянул их всех в эту историю. – Ниндзя напали только с целью грабежа.

– А добыча – это чужеземец? – насмешливо осведомился Кийяма. – Они предприняли такое нападение ради одного этого варвара?

– Почему бы и нет? Его могли потом выкупить. – Ишидо обернулся назад и посмотрел на даиме, который сидел рядом с Ито Терузуми и Затаки. – Христиане в Нагасаки много заплатили бы за него, живого или мертвого.

– Возможно, – согласился Затаки. – Чужеземцы воюют именно таким образом.

Кийяма жестко произнес:

– Вы полагаете официально, что христиане задумали и оплатили это позорное нападение?

– Я сказал, что это возможно. И это действительно возможно.

– Да, хотя и непохоже, – вмешался Ишидо, не желая открытой ссорой нарушать установившееся среди регентов равновесие сил. Он все еще был взбешен, что шпионы не предупредили его о тайном убежище Торанаги. Он не понимал, как это убежище устроили столь скрытно, что даже слухов никаких не было. – Я считаю, что ниндзя собирались просто пограбить.

– Весьма разумно, очень правильно, – поддакнул со злобным блеском в глазах Ито, маленький, средних лет человек с прекрасными, богато украшенными мечами. Хотя его, как и всех, только что подняли с постели, он был раскрашен, как женщина, зубы выкрашены черным. – Да, господин генерал. А что если ниндзя собирались требовать выкупа не в Нагасаки, а в Эдо, у господина Торанаги? Ведь он все еще его вассал?

При упоминании этого имени брови Ишидо нахмурились.

– Я думаю, нам лучше тратить время, обсуждая господина Торанагу, а не этих ниндзя. Возможно, он и отдал приказ об этом нападении. Он для этого достаточно вероломен.

– Нет, он никогда не использует ниндзя! – отрезал Затаки. – Шпионов – да, но не такую грязь! Это могли сделать купцы или иностранцы. Не господин Торанага.

Кийяма посмотрел на Затаки ненавидящим взглядом.

– Наши португальские друзья ни за что бы так не поступили, – они не стали бы вмешиваться в наши дела. Ни за что!

– Вы верите, что они или их священники тайно замышляют, с одним из даиме-христиан

с Кюсю, начать войну с нехристианами – войну, поддержанную вмешательством иностранцев?

– Кто, скажите мне? У вас есть доказательства?

– Еще нет, господин Кийяма. Но уже появились слухи и когда-нибудь у меня будут доказательства. – Затаки повернулся к Ишидо. – Что нам делать с этим нападением? Как выйти из положения? – Он взглянул на Ошибу: она следила за Ишидо, затем перевела взгляд на Кийяму, и он вдруг понял, что никогда еще она не была для него так желанна... Кийяма попытался подвести итог:

– Мы все согласны в одном: очевидно, что это господин Торанага затеял поймать нас в ловушку с помощью Тода Марико-сама – как бы ни была она смела, предана долгу и достойна уважения. Смилуйся над ней, Господь Бог, и упокой ее душу. – Он расправил складки на своем безупречном кимоно. – Неужели вы не понимаете, что атаковать своего вассала таким образом просто хитрый ход господина Торанаги? О, господин Затаки, я знаю, он никогда не прибегал к услугам ниндзя. Но он очень умен, способен внушить свои идеи другим и заставить поверить, что это их собственные мысли.

– Все может быть... Но он никогда не любил ниндзя, – он слишком умен, чтобы использовать их для своих целей или поручить кому-нибудь делать это. Им же нельзя доверять! И зачем захватывать Марико-сама? Намного лучше было бы ждать и дать нам совершить эту ошибку. Мы уже попались в ловушку.

– Да, мы все еще в западне. – Кийяма взглянул на Ишидо. – Кто бы ни затеял это нападение – он совершил глупость и нисколько не помог нам.

– По-моему, господин генерал прав – все это не так серьезно, как мы думаем, – умиротворяюще произнес Ито. – Но так печально – такая некрасивая смерть для нее, бедняги.

– Это ее карма, мы здесь ни при чем, – Ишидо оглянулся на Кийяму. – Ей повезло с этой потайной комнатой, иначе эти мерзавцы захватили бы ее.

– Но они не захватили ее, господин генерал, она совершила своего рода сеппуку. Так же поступили и другие. А теперь, если мы не позволим остальным уехать, будет еще много смертей в знак протеста и мы не сможем помешать этому, – возразил Кийяма.

– Не согласен. Всем следует оставаться здесь – по крайней мере до тех пор, пока Торанага-сама не пересечет наших границ, – Ито улыбнулся. – Это будет памятный день.

– А вы думаете, он их не пересечет? – поинтересовался Затаки.

– Неважно, что я думаю, господин Затаки. Мы скоро узнаем, что он собирается делать. В любом случае это не имеет значения. Торанага должен умереть, если наследник – наследовать, – Ито посмотрел на Ишидо. – Чужеземец уже мертв, господин генерал?

Ишидо покачал головой и посмотрел на Кийяму:

– Нехорошо было бы, если бы он сейчас умер или был ранен – такой смелый мужчина...

– Я думаю, он очень вреден и чем скорее он умрет, тем лучше. Вы забыли?

– Он может быть нам полезен. Я согласен с господином Затаки и с вами – Торанага не дурак. Есть какая-то веская причина, почему Торанага так заботится о нем.

– Вы опять правы, – поддержал Ито. – Анджин-сан неплохо приспособился для варвара. Торанага совершенно прав, что сделал его самураем. – Он взглянул на Ошибу. – Когда он подарил вам цветок, госпожа, я подумал, что этот поэтический жест достоин придворного.

С этим все согласились.

– А как же то поэтическое состязание, госпожа? – вспомнил Ито.

– К сожалению, его отменили, – отвечала Ошиба.

– Совершенно верно, – подтвердил Кийяма.

– А вы решили, с чем выступать, господин? – поинтересовалась она.

– Тогда – нет, но теперь...

На высохшую ветвь
Вдруг буря налетела...
И лето льет тайные слезы...

– Пусть это послужит ее эпитафией. Она была самурай, – спокойно вымолвил Ито. – Я разделяю эти слезы лета.

– Что касается меня, – заявила Ошиба, – я бы предпочла другое окончание:

На высохшей ветви
Задумался снег
О мертвом молчанье зимы.

Но я согласна с вами, господин Ито. Я тоже думаю, что мы все разделим эти тайные слезы лета.

– Простите, госпожа, но вы не правы, – заявил Ишидо. – Слезы, конечно, будут, но прольют их Торанага и его союзники. – Он постарался побыстрее закончить собрание. – Я немедленно начну расследование по поводу нападения ниндзя. Сомневаюсь, чтобы мы когда-нибудь узнали правду. Пока из соображений безопасности, придется, к сожалению, закрыть все проходы и запретить до двадцать второго все выезды.

– Нет! – Это Оноши, последний из регентов, – прокаженный – говорил со своего специального места в другом углу комнаты: он лежал в паланкине, за плотными занавесями невидимый членам Совета. – Извините, но это как раз то, чего мы никак не должны делать. Надо разрешить выехать! Всем!

– Почему?

Голос Оноши был зол и бесстрашен.

– Во-первых, если вы это сделаете, вы унизите самую бесстрашную даму в государстве – вы опозорите госпожу Кийяму Ачико! И госпожу Маэда! Упокой, Господи, их души... Когда этот низкий поступок станет известен всем, только Бог может вообразить, как это повредит наследнику – и всем нам... если мы не проявим особой осторожности.

Ошиба почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Год назад, когда Оноши пришел отдать дань уважения умирающему Тайко, охрана настояла на том, чтобы открыли занавески паланкина – вдруг там спрятано оружие! Она увидела его тогда: обезображенное лицо, без носа и ушей, все в струпьях, горящие глаза фанатика... обрубок левой руки и здоровая правая, сжимающая короткий боевой меч. Ошиба молилась, чтобы ни она, ни ее Яэмон не заразились проказой... Ей тоже хотелось поскорее закончить это собрание – она уже решила, что делать: с Торанагой, с Ишидо...

– Во-вторых, – продолжал Оноши, – если вы используете эту грязную атаку как повод, чтобы держать их всех здесь, вы тем самым покажете, что никогда и не собирались их отпустить, хотя и дали одно письменное разрешение. В-третьих...

Ишидо прервал его:

– Весь Совет согласился дать им пропуска!

– Извините, весь Совет согласился с разумным предложением госпожи Ошибы предоставить пропуска, подразумевая, как и она, что уехать удастся немногим и, даже если они уедут, возможны всякие задержки.

– Вы считаете, что женщинам Торанаги и Тода Марико не следовало уезжать, а остальным – следовать их примеру?

– То, что случилось с этими женщинами, ни на йоту не отклонило господина Торанагу от его цели. А нам теперь следует позаботиться о своих союзниках! Без атаки ниндзя и трех сеппуку все это было бы просто вздором!

– Я не согласен.

– Итак, третье, и последнее: если сейчас, после того, о чем публично объявила госпожа Эцу, вы не разрешите всем уехать, то убедите всех дайме, что отдали приказ об этом

нападении – хотя и не публично. Мы все тогда рискуем разделить судьбу этих женщин, – вот уж будет слез...

– Мне нет необходимости полагаться на ниндзя.

– Разумеется. – Голос Оноши звучал ядовито. – Этого не сделал ни я, ни кто-нибудь другой из здесь присутствующих. Но мой долг – вам напомнить: есть двести шестьдесят четыре дайме; сила наследника – в союзе, вероятно, сотен двух из них. Наследник не может и предположить, что вы, самый верный его знаменосец и главнокомандующий, виновны в использовании таких грязных методов и таких чудовищно неудачных нападений.

– Вы утверждаете, что я приказал совершить это нападение?

– Конечно, нет, прошу меня извинить. Я сказал только, что вы будете признаны не выполняющим свои обязательства, если не дадите всем им уехать.

– Кто-нибудь еще здесь думает, что это я устроил это нападение?! – Никто не принял вызова Ишидо в открытую – доказательств не было: он благоразумно не советовался ни с кем, даже с Киймой и Ошибой, выражал свои намерения только туманными намеками. Хотя все знали и все одинаково недовольны были тем, что он имел глупость потерпеть неудачу, – все кроме Затаки. Однако Ишидо был пока хозяином Осаки и распоряжался сокровищами Тайко – его нельзя сместить или еще как-то затронуть.

– Прекрасно. – Ишидо ничего другого и не ожидал. – Ниндзя напали с целью грабежа. По поводу пропусков мы проголосуем. Я голосую за то, чтобы их отобрать.

– Я не согласен, – заявил Затаки.

– Простите, но я тоже против, – присоединился Оноши. Ито покраснел под их внимательными взглядами.

– Я должен согласиться с господином Оноши... В то же самое время... ну... трудно сказать...

– Голосуйте! – мрачно потребовал Ишидо.

– Я согласен с вами, господин генерал.

Кийма высказался последним:

– Простите, я не согласен.

– Это решено, – подхватил Оноши. – Но я солидарен с вами в том, господин генерал, что у нас есть и другие срочные проблемы. Надо знать, что будет делать теперь господин Торанага. Как вы считаете?

Ишидо уставился на Кийму, лицо его было неподвижно.

– А вы что думаете?

Кийма пытался выбросить из головы все страхи, ненависть, злобу, беспокойство... Надо собраться с духом и сделать окончательный выбор – Ишидо или Торанага... Пришло время этого решения! Он живо вспомнил, как Марико говорила об измене Оноши, предательстве Ишидо, и что у Торанаги есть доказательства... О чужеземце и его корабле... О том, что может случиться с наследником и с церковью, если во главе государства окажется Торанага... Что может случиться с их законом, если страной станут править святые отцы... Наплывали и другие мысли... Почему отец-инспектор так беспокоился об еретике и его корабле, о том, что случится, если Черный Корабль будет захвачен... А вот адмирал убежден, что Анджин-сан – порождение сатаны. И правда – как он заколдовал Марику и Родригеса...

«Бедная Марику, – печально думал Кийма. – Умереть таким образом после стольких страданий, без причастия, без последних обрядов, без священника... Лишиться бесконечного Божьего милосердия... Мадонна сжалится над ней... Так много слез лета...

А Ачико! Намеренно ли убил ее вожак ниндзя или это просто еще одно убийство? Как смело она бросилась в атаку, не испугалась... Бедное дитя! Почему чужеземец все еще жив? Почему ниндзя не убил его? Если это грязное нападение задумано Ишидо, ему приказали бы убить и его. Ишидо должно быть стыдно, что у них ничего не получилось... Такая неудача! Но как мужественна Марику, как умна, заманив нас в свою западню!

И чужеземец! Будь я на его месте, никогда не сумел бы задержать ниндзя, проявить

столько мужества... Защитить Марику от ужасного, позорного плена... И Киритсубо, Сазуко, госпожу Эцу и даже Ачико... Если бы не чужеземец и не это тайное убежище, госпожа Марику была бы захвачена... Вместе с остальными... Как самурай я должен засвидетельствовать Анджин-сану свое почтение – он истинный самурай!

Боже, прости мне то, что я не стал помощником Марику при сеппуку, как того требовал мой христианский долг! Еретик помог ей и возвысил ее, как Иисус Христос помог и возвысил других! Еретик, а не я! Я предал ее... Кто же из нас христианин? Не знаю... Но все равно – он должен умереть...»

– А как быть с Торанагой, господин Кийяма? – упорствовал Ишидо, уставившись на него. – С нашим врагом?

– А как быть с Кванто? – Кийяма в свою очередь внимательно следил за Ишидо.

– Когда Торанага будет уничтожен, предлагаю отдать Кванто одному из регентов.

– Кому же?

– Вам, – успокоил его Ишидо. – Или, может быть, Затаки, господину Синано.

Кийяма считал это правильным: Затаки очень нужен, пока жив Торанага; Ишидо уже говорил ему, что Затаки просит отдать ему Кванто за союз с Ишидо. Вдвоем они пришли к решению пообещать это Затаки, но каждый знал, что это только пустые посулы. Оба согласны: при первом удобном случае Затаки за такую дерзость лишится не только провинции – жизни.

– Вряд ли я заслуживаю такой чести. – Кийяма пытался потихоньку сообразить, кто здесь за него, а кто против. Оноши не скрыл своего неодобрения:

– Это предложение, конечно, ценно, достойно обсуждения, но на будущее. А вот что собирается делать сегодняшний властелин Кванто?

Ишидо все еще не сводил взора с Кийямы.

– Ваше слово, господин Кийяма.

Кийяма чувствовал враждебность Затаки, хотя лицо его врага ничего не отражало. «Двое против меня, – подумал он. – И Ошиба, хотя она не голосует. Ито проголосует по указке Ишидо, так что я выигрываю – если Ишидо действительно имеет в виду то, что говорит. А так ли это?» – спросил он себя, всматриваясь в непроницаемое, с жестким выражением лицо сидящего перед ним и пытаясь определить, правду ли он говорит. Наконец он решился:

– Господин Торанага никогда не приедет в Осаку.

– Тогда он изолирован, объявлен вне закона и для подписи Возвышенного уже заготовлено императорское предложение совершить сеппуку! И это конец Торанага и всей его династии! Навсегда! – Ишидо, казалось, добился своего.

– Если Сын Неба прибудет в Осаку, – вставил Кийяма.

– Что-о?

Кийяма предпочитал все же иметь Ишидо союзником, а не врагом, но это не значит, что он не предусмотрел всех возможностей...

– Господин Торанага хитрейший из людей. Думаю, он достаточно хитер, даже чтобы расстроить прибытие Возвышенного.

– Это невозможно!

– А что если визит будет отложен? – Кийяма внезапно обрадовала растерянность Ишидо, – он ненавидел его за неудачу.

– Сын Неба будет здесь, как запланировано!

– А если Сын Неба не приедет?

– Говорю вам – он прибудет!

– А если нет?

– Но как может господин Торанага этого добиться? – усомнилась Ошиба.

– Не знаю... Но если Возвышенный захочет, к примеру, отложить свой визит на месяц... мы ничего не сможем сделать. Ведь Торанага не последний мастер устраивать всякие такие подрывные штуки... Он на все способен – даже плести интриги против Сына

Неба.

Наступило мертвое молчание – всех охватил ужас при мысли об этом и о возможных последствиях...

– Прошу меня простить, но... какой же тогда выход? – Ошиба ждала ответа от всех этих мужчин.

– Война! – решительно произнес Кийяма. – Мы мобилизуемся сегодня – тайком! Мы ждем, пока визит будет отложен, – первый сигнал, что Торанага плетет интриги против самого Высочайшего. В тот же день мы выступаем на Кванто – прямо во время сезона дождей.

Внезапно начал дрожать пол. Первый, слабый толчок, всего несколько мгновений – и застонали все балки... Толчки продолжались, все сильнее, сильнее... Трещина в каменной стене поползла вверх... Поднялась пыль, стропила и брусья затрещали, с крыши посыпалась черепица...

Ошиба чувствовала слабость и тошноту... Быть может, ее карма – быть похороненной под камнями?.. Она встала, согнувшись, на дрожащем полу, и ждала... Как и все в замке, в городе, на кораблях в гавани, ждала, когда обрушится удар. Но нет, дрожание прекратилось... Жизнь возобновляется! Радость жизни овладела ими снова, их смех эхом отозвался по всему замку... На этот раз – в это время, в этот час, в этот день – гибель их миновала...

– Сигата га наи... – Ишидо все еще дрожал.

– О, все кончилось. – Радость обрушилась на Ошибу.

– Давайте проголосуем, – почти дружески предложил Ишидо, счастливый, что жив. – Я голосую за войну!

– И я!

– И я!

– И я!

– И я!

* * *

Придя в сознание, Блэксорн услышал, что Мариико мертва, узнал, как она умерла и почему... Он лежал на футонах, охраняемый серыми, над ним нависал бревенчатый потолок. Вдруг в глаза ударил ослепительный солнечный свет, – тишина показалась зловещей. Первый из больших страхов покинул его.

– Я вижу!

Доктор улыбнулся и что-то сказал, но Блэксорн его не услышал... Он попробовал встать, но почувствовал такую боль, что сразу ослеп, в ушах зашумело... Во рту все еще стоял кислый вкус пороха, все тело ломило от боли... На мгновение он снова потерял сознание, потом почувствовал, как чьи-то заботливые руки поднимают ему голову, подносят ко рту чашку... горько-сладкий травяной настой с привкусом жасмина устранил неприятное ощущение пороха во рту... Блэксорн заставил себя открыть глаза. Доктор опять что-то сказал, и опять он не услышал... Снова навалился ужас, но он отогнал его... Он вспомнил взрыв, увидел ее мертвой и как он, не имея на то права, давал ей перед смертью отпущение грехов... Усилием воли Блэксорн заставил себя переключиться на другой взрыв – когда он был выброшен за борт, а Альбану Карадоку оторвало ноги... Точно такой же стоял звон в ушах, та же боль и глухота... слух вернулся только через несколько дней...

«Не стоит тревожиться, – успокоил он себя. – Пока еще рано...» Блэксорн заметил тень от солнца и обратил внимание на характер освещения. «Раннее утро... – догадался он, – Слава Богу, зрение не пострадало...» Губы у доктора шевелились, но сквозь звон в ушах Блэксорну не пробивалось ни единого слова. Он осторожно ощупал лицо, рот, челюсти... Боли не чувствовалось, ран не было... Проверил шею, руки, грудь... Все в порядке... Заставил руки опуститься ниже, под набедренную повязку, – о счастье: жив, не изуродован!

А ведь могло случиться то же, что с бедным Альбаном Карадоком... Мгновение он лежал, собираясь с силами, с ужасной головной болью... Потом ощупал ступни, голени... Целы! Тогда он осторожно положил руки на уши и надавил, приоткрыл рот, сглотнул и слегка зевнул, пытаясь прочистить уши, но боль только увеличилась. «Потерпи дня полтора! – приказал он себе. – И в десять раз больше – если потребуется! И потом – пока не перестанешь бояться! Вот доктор, он меня все ощупывает, губы его шевелятся...»

– Прошу прощения, но я не слышу, – спокойно сказал Блэксорн, – только собственные слова раздавались у него в голове.

Доктор кивнул и продолжал что-то говорить. Теперь Блэксорну удалось разобрать по губам: «Я вас понял. Пожалуйста, постарайтесь сейчас уснуть». Но Блэксорн знал, что спать ему не следует, – он должен составить план. Ему надо встать и поехать из Осаки в Нагасаки – набирать там артиллеристов и моряков, чтобы захватить Черный Корабль. Думать больше не о чем, вспоминать нечего... Больше нет причин играть в самурая или вообще в японца... Теперь он освободился, все долги и друзья исчезли – она погибла...

Снова он поднял голову – и снова почувствовал ослепляющую боль. Справился с ней, сел... Комната кружилась... Смутно вспомнился сон: он снова в Анджино, землетрясение, земля качается... Он бросается в трещину – спасти Торанагу и ее, Марику, прежде чем земля проглотит их. Он все еще чувствует холодную липкую влажность, ощущает запах смерти, струящийся из трещины... А огромный, чудовищный Торанага, до сих пор смеется в его снах...

Блэксорн заставил глаза видеть, комната перестала вращаться, тошнота почти прошла...

– Ча, дозо, – попросил он, снова почувствовав во рту запах пороха.

Чьи-то руки помогли ему напиться... Он вытянул свои руки, и ему помогли встать... Один он бы упал... Тело Блэксорна представляло собой один большой ушиб... Но теперь он удостоверился, что ничего не сломано, нет сильных внутренних повреждений – разве что уши... Отдых, массаж и время вылечат его... Ему повезло, опять повезло – ни слепота, ни уродство не грозят ему, он будет жить! Серые помогли ему снова сесть, потом лечь... Он лежал, казалось, так недолго... а солнце за это время успело передвинуться на целых девяносто градусов. «Интересно... – подумал он, измерив высоту тени и не поняв, что проспал столько времени, – Я мог бы поклясться, что только что рассвело... Глаза сыграли со мной злую шутку. Ведь уже почти полдень...» Он опять вспомнил Альбана Карадока и снова ощупал себя... Кто-то дотронулся до него, Блэксорн поднял глаза: смотрящий на него сверху вниз, что-то говорит...

– Извините, – медленно начал Блэксорн. – Я не слышу вас, Ябу-сан, но скоро это пройдет. Уши повреждены, понимаете меня?

Он увидел: Ябу кивнул, нахмурился, поговорил с доктором, знаками объяснил ему, что скоро вернется – пусть Блэксорн пока отдыхает, – и вышел.

– Ванну, пожалуйста, и массаж, – попросил Блэксорн. Его подняли и повели... Он то спал, то с наслаждением барахтался в воде, пока теплые заботливые пальцы прощупывали все его тело, втирали благовонные масла... И все это время обдумывал, что ему делать дальше... Потом опять уснул. Пока он спал, пришли серые, подняли его и перенесли в дальние помещения главной башни замка. Он так и не проснулся, одурманенный усталостью и лекарствами...

– Теперь он будет безопасности, госпожа, – сказал Ишидо

– От Кийямы?

– От всех христиан, – Ишидо сделал знак охране быть особенно бдительной и вышел из комнаты в прихожую, потом в сад, освещенный солнцем.

– Ачико была убита потому же? За то, что она христианка?

Ишидо отдал приказ убить Ачико в надежде, что ее дед, Кийяма, убьет Блэксорна.

– Не имею представления, – был его ответ.

– Они держатся вместе, как пчелы в рою. Как можно исповедовать такую нелепую

религию?

– Скоро их всех выгонят.

– Каким образом, господин генерал? Как вы добьетесь этого – ведь очень многое зависит от их доброй воли?

– Обещаниями – пока не покончим с Торанагой. Потом один за другим они будут уничтожены. Мы будем разделять и властвовать... Разве не так делал Торанага, не так поступал господин Тайко? Кийяме нужен Кванто. Ради Кванто он будет делать все, что ни прикажу. Оноши? Кто знает, чего хочет этот сумасшедший... Кроме как плюнуть перед смертью на головы Торанаги и Кийямы.

– А если Кийяма узнает о вашем обещании Оноши – отдать ему все земли Кийямы? А если вы сдержите свое обещание Затаки, а не ему?

– Ложь, госпожа, распространяется врагами. – Ишидо значительно посмотрел на нее, – Оноши хочет голову Кийямы. Кийяма хочет Кванто. То же самое хочет и Затаки.

– А вы, господин генерал? Что вы хотите?

– Прежде всего – чтобы наследник уверенно дожил до пятнадцати лет, а потом стал править государством. Надежно обезопасить вас на это время. Больше ничего.

– Ничего?

– Нет, госпожа.

«Лжец», – подумала Ошиба. Сорвав две ароматные цветущие ветки, она понюхала их и протянула одну Ишидо. – Приятный запах, правда?

– Очень милый. – Ишидо принял ветку. – Благодарю вас.

– Красивые похороны получились у Ёдоко-сама. Вас следует поздравить, генерал.

– Я очень сожалею, что она умерла. – Ишидо проявил отменную вежливость. – Ее советы были всегда так ценны.

Они прошли еще немного.

– Все уже уехали? Киритсубо, госпожа Сазуко и ее сын? – поинтересовалась Ошиба.

– Нет, они уезжают завтра. После похорон госпожи Тода. Многие уедут завтра, и это плохо.

– Простите, но какое это имеет значение? Теперь, когда мы все согласились с тем, что Торанага-сама здесь не появится?

– Я так думаю. Но это неважно, пока мы удерживаем Осацкий замок. Нам нужно запастись терпением, госпожа, как предложил господин Кийяма. Будем ждать, пока не придет тот день. Тогда мы выступим.

– Зачем ждать? Разве мы не можем выступить сейчас?

– Потребуется время, чтобы собрать наших заложников.

– Сколько человек можно выставить против Торанаги?

– Триста тысяч. По крайней мере в три раза больше, чем у него.

– А мой гарнизон?

– Я оставляю в замке восемьдесят тысяч отборных солдат. Еще пятьдесят тысяч будут оборонять перевалы.

– А Затаки?

– Он предаст Торанагу. В конце концов он изменит ему.

– Вам не кажется любопытным, что господин Судару, моя сестра и все дети гостят у Токато?

– Нет. Конечно, Затаки делает вид, что ведет какие-то секретные дела со своим сводным братом. Но это только уловка, ничего более. Он предаст его.

– У него та же гнилая кровь, что и у всего этого рода. – В голосе ее слышалось отвращение. – Но я буду очень огорчена, если с моей сестрой и ее детьми что-нибудь случится.

– Я уверен, госпожа, – с ними ничего не произойдет.

– Если Затаки готов был убить собственную мать... Вы уверены, что он не предаст вас?

– Не предаст. В конечном счете – нет. Он ненавидит Торанагу сильнее, чем меня,

почитает вас и больше всего на свете жаждет Кванто. – Ишидо улыбнулся, озирая возвышающиеся над ними этажи главной башни. – Пока замок у нас в руках и можно отдать ему Кванто – бояться нечего.

– Сегодня утром я испугалась... – Она поднесла к лицу ветку, быть может, наслаждение запахом поможет ей похоронить страх, все еще напоминающий о себе. – Я хотела сбежать, но потом вспомнила предсказателя...

– Ах, этого! Я о нем и забыл. – Ишидо удивился. Этот предсказатель, посол из Китая, напроорочил всего... Тайко умрет в своей постели, оставив после себя здорового сына... Торанага умрет от меча в расцвете сил... Ишидо умрет очень старым, будучи самым знаменитым генералом в стране и твердо стоя на земле... Госпожа Ошибка кончит свои дни в Осацком замке, окруженная самыми благородными людьми империи, – Совсем забыл... Торанага как раз средних лет...

Ошибка почувствовала его пристальный взгляд... Бедра ее повлажнели при мысли о настоящем мужчине... он лежит на ней... входит в нее... обнимает... берет ее... впрыскивает в нее новую жизнь... Законный ребенок, не как тогда... Не забыть, как она в ужасе гадала, на кого он будет походить.

«Как ты глупа, Ошибка! – твердила она себе, пока они ходили по тенистым, благоухающим тропинкам. – Отбрось свои глупые кошмары – все, что так пугали тебя! Ты должна думать о мужчине!» Внезапно ей представилось: Торанага, а не Ишидо здесь, рядом с ней... Торанага – хозяин Осацкого замка, сокровищ Тайко... Торанага – защитник наследника и главный генерал армий запада... Торанага, а не Ишидо! Тогда и проблем бы не возникло! Вместе они владели бы государством... А вот сегодня, сейчас, она поманила бы его в постель или на эту прелестную полянку... А завтра или через день они бы поженились... Но вот сейчас... что бы там ни случилось в будущем, сейчас она обладала бы мужчиной, а он – ею и наступил бы мир...» Она поднесла цветущую ветку к лицу, вдыхая сладкий, глубокий аромат... «Брось свои мечтания, Ошибка! Будь реалисткой – как Тайко... или Торанага...»

– Что вы собираетесь делать с Анджин-саном? – вдруг спросила она.

Ишидо засмеялся.

– Сохранить его. Возможно, позволить ему захватить Черный Корабль... Или использовать его, чтобы припугнуть Кийяму или Оноши, если потребуется... Они оба ненавидят его. Он – меч у их глоток... и у их грязной церкви.

– В этой шахматной игре, наследника с Торанагой, как вы сможете судить о том, чего стоит Анджин-сан, господин генерал? Заложник? Рыцарь, может быть?

– Ах, госпожа, в великой игре он только заложник. Но в игре наследника против христиан – крепость, целая крепость... Даже две.

– Вы не думаете, что эти игры пересекаются?

– Они взаимосвязаны. Но великую игру будут вести дайме против дайме, самурай – против самурая, меч – против меча. Конечно, в обеих играх вы – королева.

– Нет, господин генерал, прошу меня извинить, но не королева, – запротестовала она. Потом, чтобы почувствовать себя увереннее, переменяла тему разговора: – Ходит слух, что Анджин-сан и Марико-сан были в любовной связи.

– Да-да, я тоже слышал. Вы хотите знать правду об этом?

Ошибка покачала головой:

– Невероятно...

Ишидо внимательно наблюдал за ней:

– Вы думаете, стоит опозорить ее? Сейчас? И вместе с ней – Бунтаро-сана?

– О, я вовсе ничего не имела в виду, господин генерал, ничего подобного! Просто женская глупость. Только, как сказал сегодня утром господин Кийяма, слезы лета... Печально...

– Я предпочел ваши стихи, госпожа. Обещаю вам, что слезы прольют те, кто на стороне Торанаги.

– Что касается Бунтаро-сана... В главной битве ни он, ни господин Хиро-Мацу участвовать не будут...

– Это точно?

– Нет, господин генерал, не точно, но вполне возможно.

– Вы что-нибудь можете сделать?

– Ничего, кроме как обратиться к ним с просьбой поддержать наследника – ко всем генералам Торанаги, – когда будет принято решение о битве.

– Решение уже принято: обхват с севера и с юга и потом бросок на Одаварау.

– Но ведь еще не окончательно... Пока армии не стали друг против друга... Простите, а вы уверены, что это правильно – чтобы наследник вел войско?

– Армии поведу я, но наследник должен присутствовать. Тогда Торанага не сможет победить. Даже Торанага никогда не сможет атаковать знамя наследника.

– Не будет ли для наследника безопаснее остаться здесь – из-за тайных убийц... этих, из Амида... Мы не можем рисковать его жизнью. У Торанаги длинные руки...

– Но не настолько длинные. И личное знамя наследника делает наши действия законными, а Торанаги – незаконными. Я знаю Торанагу. В конце концов, он уважает закон. Одно это приведет к тому, что его голова окажется на пике. Он мертв, госпожа! Как только он погибнет, я уничтожу христианскую церковь – всех их! Тогда вы и наследник будете в безопасности.

Ошиба медленно подняла на него глаза – в них сказанное обещание:

– Я буду молиться за вас – и за ваше благополучное возвращение...

Ему сжало грудь, – он так долго ждал этого.

– Благодарю вас, госпожа, благодарю. Он понял ее. – Я вас не подведу.

Она поклонилась и пошла по саду. «Что за дерзость! – стучало у нее в висках. – Как будто я взяла в мужья крестьянина! Теперь мне следует отказаться от Торанаги?..»

* * *

Дель Аква стоял на коленях перед молитвенником, – землетрясение не повредило алтаря, он уцелел среди обломков маленькой часовни, хотя большая часть крыши и часть одной из стен обрушились. Нетронутым осталось и окно с изумительными цветными стеклами и резная фигура Мадонны – гордость отца-инспектора.

Через сломанные балки просвечивало полуденное солнце. В саду рабочие убирали камни, что-то ремонтировали, и кроме их болтовни дель Аква слышал крики чаек с берега, ощущал запах ветра, соленый и дымный, напоенный водорослями и приправленный глиной... Это напомнило ему родной дом, большой и уютный, в его поместье в пригороде Неаполя: запахи моря, аромат лимонов и апельсинов, дух свежего, теплого хлеба, и помидоров, и чеснока, и жарящейся на углях аббаччио, до него как будто доносились голоса его матери, братьев, сестер и их детей – счастливых, радостных, греющихся под солнцем...

– О Мадонна, отпусти меня домой! – молился он. – Я слишком долго отсутствовал... Без дома и без Ватикана... Мадонна, сними с меня эту ношу! Прости меня, но я до смерти устал от японцев и Ишидо, от убийств, от сырой рыбы... от Торанаги, Кийямы, липовых христиан и от попыток сохранить твою церковь... Дай мне силы!

И защити нас от испанских епископов. Испанцы не понимают Японию и японцев. Они погубят все то, что мы начали в честь тебя. И прости твою слугу госпожу Марию, и возьми ее под свою опеку. Проследи за ней! – Он слышал – кто-то вошел в неф. Кончив молиться, он встал и повернулся.

– Прошу простить, что помешал, Ваше Святейшество. – Это был отец Солди. – Вы просили предупредить вас тотчас же, – Пришла срочная шифровка от отца Алвито. Из Мисимы. Голубь только что прилетел.

– И?..

– Он только сообщает, что сегодня увидит Торанагу. Прошлой ночью не удалось,

потому что Торанага не был в Мисиме, но он собирается вернуться сегодня в полдень. Письмо датировано сегодняшним днем, отправлено на рассвете.

Дель Аква пытался скрыть разочарование, он посмотрел на облака, на море, надеясь успокоиться. Сообщения о нападении ниндзя и о смерти Марики были отправлены Алвито на рассвете, для надежности послали с двумя голубями.

– Новости от нас туда уже поступили, – добавил Солди.

– Да-да, надеюсь, что это так.

Дель Аква направился из часовни к себе в кабинет. Солди, маленькому, похожему на птичку, пришлось прилагать много усилий, чтобы приноровиться к крупным шагам отца-инспектора.

– Есть еще важные дела, Ваше Святейшество. Наши информаторы сообщают, что сегодня, сразу после рассвета, регенты решили начать войну.

Дель Аква остановился:

– Войну?

– Видимо, они поняли, что Торанага или император никогда не появятся в Осаке. Поэтому они собираются объединенными силами выступить против Кванто.

– Это точно?

– Да, Ваше Святейшество. Это война. Кийяма послал через брата Михаила сообщение, его подтверждает и другой наш источник информации. Михаил только что вернулся из замка. Голосование было анонимным.

– Когда?

– В момент, когда они поймут, что император сюда не приедет.

– Эта война никогда не прекратится. Боже, смилуйся над нами! И благослови Марику, – по крайней мере Кийяма и Оноши были предупреждены о вероломстве Торанаги.

– А что Оноши, Ваше Святейшество? Насчет его измены по отношению к Кийяме?

– У меня нет доказательств, Солди. Что-то непонятно. Не могу я поверить, что Оноши пошел на это.

– Но если это так, Ваше Святейшество?

– Именно сейчас это невозможно, даже если он и намерен так поступить. Они слишком нужны друг другу.

– Ну да, пока не потребуется делить наследство Торанаги...

– Вы не должны напоминать мне о том, как они не любят друг друга, или о том, как далеко они могут зайти, – Бог простит их обоих. – Он пошел дальше.

Солди подскочил к нему.

– Можно послать эту информацию отцу Алвито?

– Нет. Пока нет. Сначала я должен решить, что делать. Торанага узнает об этом достаточно скоро из своих источников. Бог возьмет эту землю на свое попечение и сжалится над всеми нами.

Солди открыл для отца-инспектора дверь.

– Еще известие: Совет официально отказался выдать нам тело госпожи Марии. Она будет погребена завтра, со всеми почестями, мы не приглашены.

– Этого следовало ожидать. Но это прекрасно, что они хотят почтить ее память таким образом. Пошлите одного из наших людей принести часть ее праха – это они разрешат. Прах ее будет захоронен в освященной земле в Нагасаки, – Он автоматически поправил икону и сел за стол. – Я произнесу прощальную проповедь – настоящий реквием, со всеми почестями и церемониями, какие мы только сумеем совершить, – когда ее останки будут официально преданы земле. Она будет похоронена на территории собора как самая почитаемая дочь церкви. Распорядитесь об украшениях, наймите лучших художников, каллиграфов – все должно быть самое лучшее.

– Да, Ваше Святейшество.

– Ее мужество и преданность нашим святыням окажут огромное влияние на паству. Очень важно почтить ее, Солди.

– А внучка Кийямы, господин? Власти отдадут нам ее тело, он настаивал.

– Надо сразу отправить ее останки в Нагасаки. Я посоветуюсь с Кийямой о том, как он хочет устроить ее похороны.

– Вы проведете службу. Ваше Святейшество?

– Да, если меня выпустят отсюда.

– Господин Кийяма будет очень рад такой чести.

– Да, но мы должны проследить, чтобы служба по ней не отвлекла от похорон госпожи Марии. Мария очень, очень важна в политическом отношении.

– Конечно, Ваше Святейшество. Я это хорошо понимаю. Дель Аква внимательно посмотрел на своего секретаря.

– Почему вы не доверяете Оноши?

– Простите, Ваше Святейшество, – может быть, потому, что он прокаженный и пугает меня. Простите...

– Всем должно быть стыдно перед ним, Солди, он не виноват в своей болезни. У нас нет доказательств заговора.

– Все остальное, о чем нам сообщала эта дама, оказалось правдой. Почему бы и здесь...

– У нас нет доказательств, только предположения.

– Да, предположения.

Дель Аква передвинул стеклянный графин, любуясь игрой преломленных лучей.

– Когда я молился – я чувствовал запах цветущих апельсиновых деревьев, свежего хлеба... Так захотелось домой... Солди вздохнул:

– Я мечтаю об аббаччио, Ваше Святейшество, и пиццайоле, о бутылке «Лакрима-Кристи» и... Боже, прости меня, голодного из голодных! Скоро мы сможем вернуться домой, Ваше Святейшество. На следующий год. К тому времени здесь все успокоится.

– К следующему году ничего здесь не успокоится. На нас обрушится война... Она много-много навредит нам: и церкви, и нашей вере...

– Нет, Ваше Святейшество, Кюсю будет христианским, кто бы ни выиграл. – Солди своей уверенностью желал подбодрить отца-инспектора. На этом островке еще наступят хорошие времена для нашей веры. Дел и на Кюсю более чем достаточно, Ваше Святейшество. Обратив в нашу веру три миллиона душ, направлять полмиллиона верующих... А еще Нагасаки, и торговля... Они же должны как-то торговать. Ишидо и Торанага будут разрываться на куски. Но какое это имеет значение? Оба они против христианства, оба язычники и душегубы!

– Да... К сожалению, то, что происходит в Осаке и в Эдо, имеет значение и для Кюсю. Что делать, что делать? – Дель Аква старался прогнать грустные мысли. – Что с англичанином, где он теперь?

– Все еще под охраной в главной башне замка.

– Оставьте меня пока одного, мне надо подумать. Решить, что делать. Окончательно. Церковь в большой опасности. – Дель Аква выглянул из окна во двор: к входу приближался монах Перес. Солди подошел к дверям перехватить монаха. – Нет, я поговорю с ним сейчас.

– Ах, Ваше Святейшество, доброе утро, – начал монах, машинально оправляя рясу, – Вы хотели меня видеть?

– Да, Солди, сходите, пожалуйста, за письмом.

– Я слышал, ваша часовня разрушена, – заметил монах.

– Повреждена. Садитесь, пожалуйста. – Дель Аква сел у стола, на свой стул с высокой спинкой, монах расположился напротив. – Никто не пострадал, слава Богу. Через несколько дней она будет как новая. А что с вашей миссией?

– Не тронута. – Монах не скрывал своего торжества. – Вокруг нас после землетрясения столько пожаров и человеческих жертв... Но мы невредимы... Бог не оставляет нас. – Тут он таинственно добавил: – Я слышал, прошлой ночью в замке язычники перебили друг друга.

– Да, это так. В схватке была убита одна из наших знатных прихожанок, госпожа

Мария.

– Ах да, мне тоже поступило сообщение. «Пожалуйста, убейте его, Ёсинака», – сказала госпожа Мария. Так началась эта кровавая баня. Я слышал, она даже сама пыталась убить нескольких человек, перед тем как совершила самоубийство.

Дель Аква вспыхнул:

– Вы ничего не понимаете в японцах после стольких лет жизни здесь! Вы даже едва говорите на их языке!

– Я понимаю, что такое ересь, глупость, убийство и вмешательство в политические дела. А на этом языческом наречье я говорю, и неплохо. И многое понимаю в этих язычниках.

– Но не в хороших манерах!

– Слово Божье этого не требует. Это Слово... Я даже понимаю в адюльтере. Что вы думаете об адюльтере и проститутках, Ваше Святейшество?

Открылась дверь, Солди предложил дель Акве письмо от папы и вышел. Отец-инспектор передал письмо монаху, торжествовавшему победу.

– Это от Его Святейшества. Прибыло вчера со специальным посланцем из Макао.

Монах стал читать папский ордер. Всем священникам всех религиозных орденов предписывалось, с формального разрешения короля Испании, посещать Японию только через Лиссабон, Гоа и Макао. Под страхом немедленной смертной казни запрещалось всем отправляться в Японию из Манилы. Последним пунктом всем священникам кроме иезуитов официально предлагалось сразу же выехать из Японии в Манилу, откуда они могли, если так желало их начальство, вернуться в Японию, но только через Лиссабон, Гоа и Макао. Монах Перес изучил печать, подпись, дату, перечитал ордер еще раз, очень внимательно... Потом язвительно усмехнулся почти бросил на стол.

– Я этому не верю!

– Это ордер Его Святейшества...

– Еще одна ересь против собратьев Бога, против нас или всех других монахов нищенствующего ордена, которые несут слово Божье язычникам. Нам навсегда закрывают Японию! Португальцы, кое-кем подстрекаемые, будут увиливать от ответа и никогда не дадут нам пропусков или виз. Если это письмо подлинное, оно только доказывает то, что мы говорим уже многие годы: иезуиты могут победить даже папу римского!

Дель Аква сдержал свой гнев.

– Вам приказано уехать! Или вы будете казнены.

– Угрозы иезуитов бессмысленны, Ваше Святейшество. Вы не говорите языком Бога, никогда не говорили и никогда не сможете. Вы не солдаты Христа! Вы служите папе, Ваше Святейшество, – человеку. Вы политики, люди земли, люди с корыстными интересами, – вашими языческими шелками, землями, властью, богатствами и влиянием... Господь наш Иисус Христос пришел на землю в обличье простого человека, он чесался и ходил босиком, от него плохо пахло. Я никогда не уеду, и братья мои тоже!

Дель Аква впервые был так резок:

– Вы уедете из Японии!

– Перед Богом клянусь – не уеду! Но здесь я в последний раз. Если захотите меня видеть, пожалуйста в нашу святую миссию – приходите: ухаживайте за бедными, больными, отверженными, как это делал Иисус Христос! Мойте им ноги, как это делал Он и спасете вашу душу, пока еще не поздно!

– Вам приказано под страхом смертной казни немедленно покинуть Японию!

– Послушайте, Ваше Святейшество, меня пока не казнили и вряд ли когда-нибудь казнят. Конечно, я приму этот документ, если он не устарел. Он же датирован шестнадцатым декабря тысяча пятьсот девяносто восьмого года – почти два года назад. Это нужно проверить, он слишком важен, чтобы принимать его так просто, – а это займет четыре года как минимум.

– Конечно, он не устарел!

– Вы не правы. Бог мне судья, я верю, что это так. Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев у нас наконец будет архиепископ Японии. Испанский епископ! Письма, которые я получаю из Манилы, говорят, что королевское постановление ожидается с ближайшей почтой.

– Невозможно! Это территория Португалии и наша провинция!

– Была – Португалии. Была – иезуитов. Но теперь все изменилось. С помощью наших братьев и Божьего напутствия король Испании победил вашего генерала в Риме!

– Это вздор! Ложь и слухи! Ради своей бессмертной души подчинитесь распоряжениям наместника Христа!

– Я подчинюсь. Я напишу ему сегодня же, обещаю вам. Тем временем мы ждем испанского епископа, вице-короля Испании и нового капитана Черного Корабля – тоже испанца! Это оговорено в королевском указе. И у нас есть друзья на высоких постах, и они, наконец, пересилили иезуитов, раз и навсегда! Я иду с Богом, Ваше Святейшество, прощайте. – Монах Перес встал, открыл дверь и вышел.

В комнате перед кабинетом дель Аквы Солди проводил монаха взглядом и поспешил войти. Напуганный цветом лица дель Аквы, он налил немного бренди из графина.

– Ваше Святейшество?

Дель Аква покачал головой и снова невидящим взглядом уставился в пространство... За последний год от делегатов ко двору Филиппа Испанского в Мадриде доходили тревожные новости о растущем влиянии врагов общества.

– Это неправда, Ваше Святейшество, испанцы не смогут прийти сюда! Это неправда!

– Это может быть правдой, очень даже легко! Слишком легко! – Дель Аква прикоснулся к папскому ордену. – Этот папа может умереть, наш глава ордена может умереть... даже король Испании... Тем временем... – Он встал во весь свой рост. – Тем временем мы должны готовиться к худшему и делать что можем. Пошлите сразу же брата Михаила, чтобы он привел сюда Кийяму.

– Да, Ваше Святейшество. Но Кийяма никогда здесь не бывал. Вряд ли он захочет прийти сюда теперь...

– Скажите Михаилу – пусть говорит все что угодно, но он должен привести сюда Кийяму до захода солнца! Потом немедленно отправьте Мартину новости о войне, чтобы он тут же передал их Торанаге. Вы сообщите ему о деталях, но я тоже хочу отправить с ним личное сообщение. Еще: пошлите кого-нибудь – нужно, чтобы сюда пришел Феррьера.

– Да, Ваше Святейшество. Но что касается Кийямы, Михаил, конечно, не сможет...

– Скажите Михаилу – пусть прикажет ему прийти сюда! Именем Господа Бога, если потребуется! Мы – солдаты Христа, мы собираемся воевать – воевать за нашего Бога! Поторопитесь!

Глава Пятьдесят Девятая

– Анджин-сан? – Сквозь сон Блэксон услышал имя. Оно донеслось до него издалека, отзываясь в вечности.

– Хай? – ответил он. Затем он услышал, как его имя повторили еще несколько раз. Кто-то прикоснулся к нему рукой... Он открыл глаза. В предраусветной тьме все вокруг постепенно обретало четкие очертания. Сознание вернулось к нему, удалось сесть... Перед кроватью на коленях сидел доктор, рядом стояли Кирицубо и госпожа Ошиба, глядя на него сверху вниз. Серые вокруг заполняли всю комнату. Масляные лампы бросали теплый свет. Доктор заговорил с ним... В ушах все еще стоял звон, голос доносился очень слабо, но ошибки теперь быть не могло – он снова мог слышать... Непроизвольно он поднес руки к ушам, прижал их... В голове сразу же взорвалась боль, посыпались искры и цветные огоньки, началась бешеная пульсация...

– Простите... – пробормотал он, дожидаясь, когда утихнет боль, отчаянно приказывая, чтобы она утихла. – Извините, уши болят... Но я теперь слышу – вы понимаете, доктор-сан?

Я теперь слышу – немного... Простите, что вы говорите? – Он следил за губами доктора, стараясь разобрать слова.

– Госпожа Ошибка и Киритсубо-сан хотят знать, как вы себя чувствуете.

– Ах! – Блэксорн посмотрел на них. Теперь он заметил, что они одеты по всем правилам: Киритсубо вся в белом, только зеленый шарф на голове. Кимоно Ошибы темно-зеленое без рисунка и украшений, на ней еще большой платок из тонкой белой ткани.

– Лучше, благодарю вас... – На душе у него при виде одежд белого цвета стало тревожно. По освещению снаружи он понял, что время подходит к рассвету, а не к сумеркам. – Доктор-сан, скажите, пожалуйста, я что, спал целый день и целую ночь?

– Да Анджин-сан. День и ночь. Ложитесь, прошу вас, – Доктор взял Блэксорна за кисть своими длинными пальцами и сжал их, щупая пульс, – кончиками пальцев он пробовал девять ударов: три на поверхности, три в середине и три в глубине, как учила с незапамятных времен китайская медицина.

Все в комнате ждали его решения. Доктор удовлетворенно кивнул.

– Кажется, все хорошо, Анджин-сан. Тяжелых повреждений нет, вы меня понимаете? Сильные головные боли, да? – Он подробно объяснил все госпоже Ошибе и Киритсубо.

– Анджин-сан, – обратилась к нему госпожа Ошибка. – Сегодня похороны Марико-сама. Вы поняли – похороны?

– Да, госпожа.

– Хорошо. Сразу после того, как рассветет. Вы имеете право пойти, если хотите. Вы понимаете?

– Да... Думаю, что да... Если можно, я бы пошел.

– Очень хорошо. – Ошибка поговорила с доктором, попросила его еще лучше следить за состоянием больного. Потом, вежливо поклонившись Киритсубо, улыбнулась Блэксорну и вышла.

Киритсубо подождала, пока она уйдет.

– Как вы, Анджин-сан? Как себя чувствуете?

– Голова болит, госпожа... Прошу меня извинить...

– Простите меня, я только хотела поблагодарить вас. Вы меня понимаете?

– Это долг... Я только выполнял свой долг... Не повезло... Марико-сан погибла...

Кири почтительно поклонилась ему.

– Нет, повезло... Ох, нет, не повезло... Благодарю вас, Анджин-сан. За нее... за себя... за всех... Мы еще с вами поговорим. Благодарю вас. – Она вышла.

Блэксорн собрался с силами и встал на ноги. Боль в голове была так чудовищна, что вызвала желание закричать... Он сжал губы в тонкую линию... В груди ломило, желудок бурлил... Но через некоторое время желудок пришел в норму, тошнота прошла... Правда, во рту остался противный привкус... Он направился вперед, подошел к окну, взялся за подоконник, стараясь перебороть тошноту, подождал, прошелся туда-сюда... Головная боль и тошнота не проходили.

– Все нормально, спасибо... – Он с облегчением снова сел.

– Вот выпейте это – вам станет лучше. Установите хара. – У доктора была добрая улыбка. Блэксорн выпил и задержал дыхание, – запах был как у древнего птичьего помета и заплесневелых водорослей, смешанных с гниющими листьями, в жаркий летний день, вкус был еще хуже.

– Пейте. Сразу станет лучше, а пока прошу меня извинить.

Блэксорн снова сжался, но заставил себя сделать глоток.

– Скоро станет лучше, извините.

Пришли женщины-служанки, причесали его, уложили волосы, парикмахер побрил. На руки и лицо положили горячие полотенца. После всего этого он почувствовал себя намного лучше. Другие слуги помогли ему одеться в обычное кимоно и крылатую накидку. Принесли новый короткий меч в ножнах.

– Подарок, господин. Подарок от Киритсубо-сама, – объяснила служанка.

Блэксорн принял меч и засунул за пояс вместе с боевым мечом, тем самым, который подарил ему Торанага, – рукоятка была расщеплена и чуть не сломана – он ведь бил ею о засов. Он вспомнил, как Мариико стояла спиной к двери... Потом ничего не мог вспомнить до того момента, как он стоял над ней на коленях и смотрел, как она умирала... И снова провал – вот до этого момента...

– Простите, мы в главной башне? – спросил он капитана серых.

– Да, Анджин-сан. – Капитан с почтением поклонился, короткий и толстый, как обезьяна, и, пожалуй, не менее опасный.

– Почему я здесь?

Капитан улыбнулся и вежливо перевел дыхание.

– Так приказал господин генерал.

– Но почему – здесь?

Самурай повторил, словно попугай:

– Так приказал господин генерал. Извините, вы меня понимаете?

– Да, благодарю вас, – устало ответил Блэксорн. Когда он наконец был готов, то почувствовал себя ужасно. Зеленый чай немного помог ему, потом слабость снова навалилась и его все-таки вырвало в блюдо, которое подставила служанка... Грудь и голова при каждом спазме пронзались горячими красными иголками...

– Извините, – терпеливо предложил доктор, – вот, пожалуйста, выпейте...

Он выпил еще этого варева, но оно не помогло. К этому времени рассвет уже разлился по всему небу. Слуги сделали ему знак и помогли выйти из большой комнаты. Охрана шла впереди, остальные – сзади. Так они спустились по лестнице и вышли во двор, где их ждали носилки с новой охраной. Он с удовольствием вошел в паланкин. По приказу капитана серых носильщики подняли паланкин, и, сопровождаемые охраной, они присоединились к процессии из паланкинов, пеших самураев и дам, тянувшейся по лабиринту улиц замка к выходу. Все были одеты в самое лучшее. Некоторые женщины – в кимоно темных цветов, с белыми шарфами на голове, другие – во всем белом, только шарфы цветные.

Блэксорн отдавал себе отчет в том, что за ним наблюдают. Он сделал вид, что не замечает этого, пытался выпрямить спину и придать лицу равнодушное выражение, молясь, чтобы его не настигла снова та же слабость и он не опозорился, но боли все усиливались...

Кортеж петлял между укреплениями крепости, вдоль тысяч самураев, вытянувшихся молчаливыми рядами... Никого не окликали, не требовали документов. Похоронная процессия проходила один пост за другим, не останавливаясь у опускных решеток и рвов с водой. Когда миновали ворота и, оказались за основными укреплениями, Блэксорн вдруг заметил, что серые стали более бдительными, внимательно изучали всех, оказавшихся поблизости, старались держаться к нему вплотную. Он немного успокоился, – вспомнил, что бросается в глаза. Наконец процессия пересекла открытый участок, прошла по мосту и поднялась к назначенному месту – на площадке, недалеко от берега реки. Площадка имела размеры триста на пятьсот шагов. В центре – яма в виде квадрата, со стороной пятнадцать шагов и глубиной пять, заполненная дровами. Над ямой устроена высокая крыша из циновки, покрытых белым шелком, кругом – стены из белых холстов, висящих на бамбуковых шестах; стены указывали точно на восток, север, запад и юг; в середине каждой стены – маленькие деревянные ворота.

– Ворота для того, чтобы душа могла проходить в них при полете на небо, – объяснила ему Мариико в Хаконе.

– Давай лучше поплаваем или поговорим о чем-нибудь более веселом.

– Вот и дай мне закончить – это как раз очень весело. Наши похороны очень важны для нас, так что вам следует все знать о них, Анджин-сан.

– Да, Мариико. Но почему ворот четыре? Почему не один?

– У души должен быть выбор. Это мудро. О, мы очень мудры... Я говорила тебе сегодня, что я люблю тебя? – вдруг спросила она. – Мы очень мудрая нация и позволяем душе иметь выбор – Большинство душ выбирают южные ворота, Анджин-сан. Это важные

ворота, – там ставят столы со свежими гранатами и другими фруктами, редисом и другими овощами и связками рисовой рассады, если это происходит в соответствующий сезон. И всегда миску свежеприготовленного риса, Анджин-сан, – это самое важное. Видите ли, душа, может быть, захочет поесть, перед тем как отправиться в путь...

– Что касается меня, положите жареного фазана или...

– Извините, ничего мясного, даже ничего рыбного... Мы серьезно относимся к таким вещам, Анджин-сан. На столе также должна быть маленькая жаровня с тлеющими углями из ценных пород деревьев и благовонные снадобья, дающие такой приятный запах...

Блэксорн почувствовал, как глаза его наполняются слезами.

– Я хочу, чтобы мои похороны были на рассвете – искренне призналась она. – Я больше всего люблю рассвет... Ну и если бы это было можно, то осенью...

«Бедняжка, – подумал он. – Ты давно знала, что осени уже никогда не будет».

Его паланкин остановился на почетном месте – в переднем ряду, близко от центра, так близко, что видны были брызги воды на цветах. Все было так, как она говорила. Вокруг – сотни паланкинов, площадь заполнена тысячей самураев с женщинами, пришедшими пешком. Все стоят молча, без единого движения. Он узнал Ишидо и рядом с ним – Ошибу. На него никто не обращал внимания. Все сидели в своих роскошных паланкинах и смотрели на белые холщовые стены, колышущиеся от легкого ветерка... Кийяма сидел рядом с Ошибой, Затаки – около них, вместе с Ито. Закрытый паланкин Оноши – там же. Все окружены несколькими рядами охраны. На самураях Кийямы – кресты, у Оноши – тоже.

Блэксорн оглянулся: а где же Ябу? Он нашел его. Не было и коричневых... Вообще ни одного дружеского лица... Вдруг он заметил: Кийяма, с каменным выражением лица, внимательно на него смотрит. Блэксорн невольно порадовался, что с ним охрана... Тем не менее он сделал легкий поклон... Каменный взгляд Кийямы не изменился, на поклон он не ответил и тут же отвернулся. Блэксорну стало легче дышать...

Воздух разорвали звуки барабанов, колокольчиков и удары металла о металл – не в лад, очень резко. Все глаза обратились к самому большому крытому паланкину, который держали восемь синтоистских священников. В нем восседал высокий священник, похожий на изваяние Будды. Впереди и позади от его носилок еще несколько священников били в металлические барабаны... Вот к носилкам подходит целая процессия – сотни две буддийских священников в оранжевых одеждах и столько же, нет даже больше одетых в белое синтоистских священников. Вот наконец несут и носилки с телом Марико – богато украшенные всем белым, с крышей... Она одета тоже во все белое, устроена в сидячем положении, со слегка наклоненной вперед головой... На лице безукоризненный макияж, волосы тщательно уложены... Носильщики – десятеро коричневых. Перед носилками два священника раскидывают мелкие лепестки бумажных роз, которые тут же подхватываются и разносятся ветром, – символ эфемерности жизни. Позади два священника несут две пики древками вперед: указание на то, что покойная – самурай и ее верность долгу так же сильна, как крепость стальных лезвий. За ними – четыре священника с незажженными факелами. Сарудзи, ее сын, идет следом, лицо его того же белого цвета, что и кимоно... Далее – Киритсубо и госпожа Сазуко, все в белом, распущенные волосы повязаны кисейными платками. Волосы младшей спускаются до груди, у Киритсубо – еще ниже. За ними – небольшой промежуток, а дальше идут самураи Торанаги – те, что остались... Среди коричневых – раненые, многие хромают...

Блэксорн видел только ее: казалось, она просто молится – смерть не оставила на ней никаких отметин. Он держался прямо, зная, что вся эта церемония, с Ишидо и Ошибой в качестве главных свидетелей, устроена в честь нее... Но это не облегчало его боли.

Более часа высокий священник распевал какие-то заклинания, барабаны били не переставая. Потом внезапно наступила тишина. Сарудзи вышел вперед, взял незажженный факел и подошел к каждому из ворот – восточным, северным, западным и южным, – чтобы убедиться, что они свободны. Блэксорн видел, что мальчик весь дрожит... Вот он возвращается к носилкам, глаза потуплены... Поднимает белую веревку, привязанную к

носилкам, и ведет носильщиков через южные ворота... Носилки аккуратно ставят на дрова. Еще одно заклинание – и Сарудзи пропитанным маслом факелом дотрагивается до углей в жаровне... Факел вспыхивает... Мальчик колеблется, потом возвращается один через южные ворота и бросает факел в подготовленный погребальный костер... Пропитанные маслом дрова сразу же загораются и скоро превращаются в ревущую топку... Пламя достигает десяти футов в высоту... Жар отесняет Сарудзи назад, он идет за благовониями и подбрасывает их в огонь... Сухое как трут дерево взрывается, огонь охватывает полотняные стены... Теперь вся площадь ямы – ревущая, неугасимая огненная масса – корчится и трещит... Обрушиваются подпорки крыши... По рядам зрителей проносится вздох... Вперед выходят священники и подбрасывают еще дров в погребальный костер – пламя поднимается еще выше, дым накатывает волнами... Теперь остаются только ворота, – Блэксорн видит, что их опалает жаром... Вот и их окутывает пламя...

В этот момент Ишидо, главный свидетель, вышел из паланкина и прошел вперед, подложив согласно ритуалу еще дров и благовоний в костер. Он церемонно поклонился, снова сел в свой паланкин, носильщики по его приказу подняли носилки и понесли в замок. За ним последовала Ошиба и стали расходиться все остальные.

Сарудзи в последний раз поклонился языкам пламени, повернулся, подошел к Блэксорну, встал перед ним и поклонился.

– Благодарю вас, Анджин-сан, – произнес он и ушел вместе с Кири и госпожой Сазуко.

– Все кончено, Анджин-сан. – Капитан серых ухмылялся. – Ками теперь в безопасности. Мы идем в замок.

– Подождите, прошу вас.

– Извините, нам приказано... – Капитан встревожился, остальные охранники подошли поближе.

– Прошу вас, подождите.

Не обращая внимания на их беспокойство, Блэксорн вышел из паланкина, чуть не ослепнув от боли... Самураи разошлись вокруг, охраняя его. Он подошел к столу, взял несколько кусочков камфарного дерева и бросил в огонь... Сквозь завесу пламени ничего не было видно...

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! – пробормотал он, незаметно перекрестил ее, повернулся и пошел прочь от костра...

* * *

Когда Блэксорн проснулся, ему было намного лучше, но он чувствовал себя опустошенным, в висках все еще пульсировала тупая боль, болел лоб.

– Как себя чувствуете, Анджин-сан? – Доктор сверкнул белозубой улыбкой. Голос его был едва слышен. – Вы долго спали.

Блэксорн приподнялся на локте и посмотрел сонными глазами на тень от солнца. «Наверное, уже пять часов пополудни, – подумал он. – Я спал больше шести часов».

– Простите, я проспал целый день? Доктор улыбнулся.

– Вчера весь день, ночь и большую часть сегодня. Вы меня понимаете?

– Понимаю, конечно. – Блэксорн откинулся назад, заметив, как блестит от пота его кожа. «Хорошо... – подумал он, – это самое лучшее... Когда спишь – не думаешь, что у тебя там цело, что – нет... Ни о чем не думаешь...»

Его постель, из мягких стеганых одеял, с трех сторон была огорожена инкрустированными слоновой костью и красиво расписанными картинами природы и морскими пейзажами передвижными ширмами. В окна напротив проникает солнечный свет, жужжат насекомые, комната большая, уютная, спокойная... С улицы доносятся обычные звуки мирной жизни замка, – он различал стук неподкованных конских копыт, звон уздечек... Слабый бриз доносит запах дыма... «Не знаю, хотел бы я, чтобы меня сожгли, – подумал он. – Но постой, а разве лучше, если тебя положат в ящик, зарюют, а потом к тебе

заберутся червяки... Стоп! – приказал он себе, чувствуя как его тянет вниз по спирали. – Беспокоиться не о чем! Карма есть карма, когда ты мертв, – ты мертв и что дальше – тебе неизвестно... А когда тонешь, вода заполняет тебя всего, тело распухает, крабы... Стоп!»

– Выпейте, пожалуйста. – Доктор опять предложил ему своего отвратительного варева. Он промолчал, но опустил чашку.

– Чаю, пожалуйста.

Служанка, круглолицая женщина средних лет, с морщинами вокруг глаз и застывшей равнодушной улыбкой, налила зеленого чая, он поблагодарил. После трех чашек во рту стало легче.

– Пожалуйста, Анджин-сан, расскажите, как у вас с ушами.

– Все так же. Слышу как будто издалека... все на расстоянии, понимаете? Как с большого расстояния...

– Понятно. Покушаете, Анджин-сан?

Маленький поднос был уставлен рисом, супом и жаренной на углях рыбой. Он мучился спазмами в желудке, но вспомнил, что не ел по-настоящему целых два дня... Сел и заставил себя съесть немного риса и выпить рыбного супа. Желудок успокоился, Блэксорн поел еще и постепенно покончил со всем, пользуясь палочками как продолжением своих пальцев, без всяких усилий.

– Спасибо. Оказывается, я был очень голоден.

Доктор выложил на стол около постели холщовую сумку с травами.

– Делайте чай из трав, Анджин-сан. Раз в день, пока все не пройдет. Понятно?

– Да, спасибо.

– Я считал за честь лечить вас. – Старик сделал знак служанке, та унесла пустой поднос. Он поклонился и вышел за ней в ту же дверь. Блэксорн остался один. Он удобно лежал на спине, на футонах... Сил как будто прибавилось.

– Просто я был голоден, – произнес он вслух. На нем была только набедренная повязка. Его обычная одежда валялась кучей там, где он ее оставил, – это его удивило, – хотя чистое коричневое кимоно вот оно, рядом с мечами. Блэксорн решил: дам себе спокойно полежать... Внезапно он почувствовал в комнате чужого... С трудом сел, потом встал на колени и поглядел на ширмы, но, прежде чем он успел что-либо сообразить, уже стоял на ногах... Голова раскалывалась от боли – такое внезапное движение... На него смотрел иезуит-японец с тонзурой на голове... Монах неподвижно стоял на коленях у главного входа, в руке распятие и четки...

– Кто ты? – спросил он, преодолевая боль.

– Я брат Михаил, сеньор. – Угольно-черные глаза были неподвижны. Блэксорн отошел от ширмы и встал около мечей. – Что ты хочешь от меня?

– Меня послали узнать, как вы себя чувствуете, – спокойно отвечал Михаил на хорошем португальском, хотя и с сильным акцентом.

– Кто?

– Господин Кийяма.

Блэксорн внезапно понял, что они остались одни:

– Где моя охрана?

– С вами никого не было, сеньор.

– У меня была охрана! Двадцать серых! Где мои серые?

– Когда я пришел, здесь никого не было, сеньор, извините меня. Вы там спокойно спали. – Михаил с серьезным видом показал за дверь. – Может быть, вам следует спросить этих самураев?

Блэксорн поднял меч:

– Пожалуйста, отойдите от двери.

– У меня нет оружия, Анджин-сан.

– Все равно, не подходите ко мне. Священники действуют мне на нервы.

Михаил послушно встал и отошел с тем же невозмутимым спокойствием. За дверью, у

балюстрады лестничной площадки, прохлаждались двое самураев.

– Добрый день, – вежливо приветствовал их Блэксорн, – они были ему незнакомы. Никто из них не поклонился.

– Добрый день, Анджин-сан, – ответил один.

– Простите, а где моя охрана?

– Вся охрана была снята в час зайца, сегодня утром. Вы поняли, что значит «час зайца»? Мы не ваша охрана, Анджин-сан. Здесь наш обычный пост.

Блэксорн почувствовал, как по спине у него заструился холодный пот:

– По чьему приказу убрана охрана?

Оба самурая захохотали. Тот, что повыше, сказал:

– Здесь, в главной башне замка, Анджин-сан, приказы отдает только господин генерал или госпожа Ошиба. Как вы сейчас себя чувствуете?

– Лучше, благодарю вас.

Высокий самурай что-то прокричал в холл. Через несколько минут из комнаты появился офицер с четырьмя самураями. Он был молод и строг. Увидев Блэксорна, он оживился, глаза у него вспыхнули:

– Ах, Анджин-сан. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, благодарю вас. Прошу меня простить, но где моя охрана?

– Мне приказано сказать вам, когда вы проснетесь, что вы должны вернуться на ваш корабль. Вот ваш пропуск. – Капитан вынул из рукава листок бумаги и передал его Блэксорну, потом презрительно показал на Михаила:

– Этот вас проводит.

Блэксорн пытался заставить свою голову работать, мозг его вопил об опасности:

– Да, благодарю вас, но сначала, пожалуйста, дайте мне возможность повидать господина Ишидо. Это очень важно.

– Простите, но вам приказано вернуться на корабль, как только вы проснетесь. Вы меня поняли?

– Да. Прошу меня извинить, но мне очень важно повидать господина Ишидо. Пожалуйста, скажите вашему начальству. Сейчас. Я должен перед уходом повидать господина Ишидо. Прошу прощения, но это очень важно.

Самурай почесал оспинки на подбородке.

– Я спрошу. Пока можете одеться.

К большому облегчению Блэксорна, он ушел. Остались четверо самураев. Блэксорн вернулся к себе и быстро оделся. Самурай наблюдали за ним. Священник ждал в коридоре.

«Будь терпелив, – сказал он себе. – Не думай и не беспокойся. Это ошибка. Ничего не изменилось. У тебя еще есть все твои прежние привилегии».

Он засунул за пояс мечи и выпил оставшийся чай. Потом посмотрел на пропуск: печать, подписи – все на месте. Нет, это ошибка». Чистое кимоно уже удобно облегало его.

– Послушайте, Анджин-сан, – сказал один из самураев, – Я слышал, вы убили пятерых ниндзя. Это очень хорошо.

– Прошу прощения, но только двоих, от силы троих. – Блэксорн покачал головой из стороны в сторону, пытаясь облегчить боль и гул в висках.

– Я слышал, там было пятьдесят семь мертвых ниндзя и сто шестнадцать коричневых. Это правда?

– Не знаю. Прошу прощения.

В комнату вернулся капитан.

– Вам приказано идти на корабль, Анджин-сан. Вас проводит этот священник.

– Да. Спасибо. Но сначала я, извините, должен повидать госпожу Ошибу. Это очень, очень важно. Пожалуйста, попросите вашего начальника.

Капитан повернулся к Михаилу и заговорил гортанно и очень быстро. Михаил поклонился все так же невозмутимо и перевел Блэксорну:

– Извините, сеньор. Он говорит, его начальник спросит своего начальника, но вы тем

временем должны немедленно уйти и пойти со мной на галеру.

– Има! – добавил капитан для большей важности. Блэксорн понял, что он уже покойник. Он услышал свои слова:

– Благодарю вас, капитан. Скажите, пожалуйста, где моя охрана?

– У вас больше нет никакой охраны.

– Пожалуйста, пошлите на мой корабль. Пожалуйста, приведите сюда моих вассалов...

– Вам приказано немедленно отправиться на корабль! Поняли? – Это прозвучало весьма невежливо и бесповоротно. – Идите на корабль! – добавил капитан с кривой улыбкой, дожидаясь, пока Блэксорн поклонится первым.

Блэксорн заметил это, и все превратилось в какой-то ночной кошмар, все замедлилось и затуманилось... Отчаянно затошнило... надо бы утереть пот и поклониться... Но капитан вряд ли ответит ему поклоном или сделает это невежливо, не как равный с равным... Тогда он будет опозорен перед всеми. Ему стало ясно, что он выдан и продан своему врагу – христианину, что Кийяма, Ишидо и священники были частью этого предательства и, какова бы ни была причина, цена, – он бессилен... Он может только утереть пот, поклониться и уйти... От него ждали именно этого...

Вдруг он почувствовал рядом с собой Марику, вспомнил ее ужас, и все, что она имела ввиду, и все, что она сделала и должна была сделать, и все, чему она его научила... Он с силой сжал сломанную рукоятку меча и вызывающе отставил ногу... Что ж, судьба его решена, карма определена... Если он должен умереть, он предпочел бы достойно умереть сейчас, а не потом...

– Я – Джон Блэксорн, Анджин-сан, – гордо произнес он. Это решительное заявление придало ему незнакомую уверенность и неожиданную жесткость, – Командир корабля господина Торанаги. Всего корабля. Самурай и хатамото. А вы кто?

Капитан вспыхнул:

– Сайго Масакатсу из Кати, капитан гарнизона господина Ишидо.

– Я – хатамото. А вы – хатамото? – Тон Блэксорна был еще более груб. Он не воспринял и не осознал имени своего противника, только видел его с поразительной, нереальной четкостью – каждую пору на лице, каждый торчащий волосок, каждое пятнышко в окраске неприязненных коричневых глаз, каждую жилу на запястье руки, сжимающей рукоятку меча...

– Нет, не хатамото.

– Вы самурай или ронин? – Последнее слово выскочило само собой и хлестнуло. Блэксорн почувствовал, что за ним кто-то стоит, но это его не испугало. Он только следил за капитаном, ожидая внезапного смертоносного удара, который потребует всей его харагеи, всей его внутренней энергии, чтобы вернуть удар с той же ослепляющей силой. Обоюдная почетная смерть покончит и с ним, и его врагом.

К своему удивлению, он увидел, что выражение глаз капитана изменилось, – он вдруг как-то съехался... и поклонился, низко и почтительно, так и оставшись в наклоненном положении.

– Пожалуйста... пожалуйста, простите мои плохие манеры. Я был ронином, но господин генерал дал мне второй шанс. Пожалуйста, извините меня за мои плохие манеры, Анджин-сан. – Голос его прерывался, ему было стыдно.

Невероятно! Блэксорн все еще был готов к схватке, ожидал смерти, а не победы. Он взглянул на других самураев. Они все как один поклонились и стояли, как их капитан, признавая победу за Блэксорном.

Спустя мгновение Блэксорн с усилием поклонился, но не как равный. Они продолжали кланяться, пока он не отвернулся и не пошел по коридору. Михаил шел за ним. Они спустились по главной лестнице, прошли через крыльцо во двор. Теперь он не чувствовал боли, только сильный жар. Серые смотрели ему вслед. Группа самураев провожала его и Михаила до первого контрольного поста, держась за пределами досягаемости меча. Один из самураев торопливо побежал вперед.

У следующего поста офицер поклонился вежливо, как равный, и он поклонился в ответ. Пропуск был проверен очень дотошно, но корректно. Еще один эскорт провел их до нового поста, где все повторилось. Там был самый первый ров с водой, потом – еще один. Их никто не останавливал. Вряд ли кто из самураев вообще обратил на них внимание. Постепенно Блэксорн почувствовал, что его голова почти не болит, пот высох... Он расслабил пальцы на рукоятке меча, остановился у фонтана, бьющего из стены, напился и сполоснул голову. Сопровождающие его самураи остановились и вежливо подождали, а Блэксорн все это время соображал, почему он потерял благорасположение и защиту Ишидо и госпожи Ошибы. «Ничего же не изменилось!» – в отчаянии думал он. Потом поднял глаза и увидел, что Михаил внимательно смотрит на него.

– Что ты хочешь?

– Ничего, сеньор, – вежливо ответил Михаил. Потом широко улыбнулся – улыбка у него была очень теплая. – Ах, сеньор, вы доставили мне большое удовольствие, заставив этого ублюдка с плохими манерами напиться собственной мочой! Это было очень приятно видеть! Ты, – добавил он по-латыни. – Я благодарю тебя.

– Я ничего не сделал для вас, – возразил Блэксорн на португальском, не желая разговаривать на латыни.

– Все равно – дай вам Бог счастья, сеньор. Знайте, что пути Господни неисповедимы. Вы оказали услугу всем людям. Этот ронин был опозорен, и он заслужил это. Нельзя нарушать Бусидо.

– Вы тоже самурай?

– Да, сеньор, мне оказали эту честь. Мой отец – кузен господина Кийямы, мой род из провинции Хизен на Кюсю. Как вы догадались, что он был ронином?

Блэксорн пробовал вспомнить.

– Я не уверен... Может быть, потому, что он сказал – он из Кага, а это далеко... Марико – госпожа Тода – говорила, что Кага далеко на севере. Не знаю... я даже не помню, что я говорил.

К ним вернулся сопровождающий их офицер:

– Прошу прощения, Анджин-сан, этот парень не надоед вам?

– Нет-нет, благодарю вас. – Блэксорн тронулся дальше. Пропуск проверили еще раз, очень любезно, и они прошли дальше.

Солнце к этому времени уже снижалось, до захода все еще оставалось несколько часов, потоки нагретого воздуха закручивали аккуратные пылевые спирали. Они прошли несколько конюшен: все лошади были выведены наружу, пики, шпоры, седла уже приготовлены для немедленного отъезда; самураи ухаживали за лошадьми, чистили снаряжение. Блэксорна удивило, что их так много.

– Сколько же здесь лошадей, капитан? – поинтересовался он.

– Тысячи, Анджин-сан. Десять, двадцать, тридцать тысяч – здесь и по всему замку.

Когда они пересекли предпоследний ров с водой, Блэксорн поманил к себе Михаила.

– Вы поведете меня на галеру?

– Да. Именно это мне и приказано сделать, сеньор.

– И больше никуда?

– Нет, сеньор.

– А кто приказал?

– Господин Кийяма. И отец-инспектор, сеньор.

– Ах, этот! Я предпочитаю, чтобы меня звали Анджин-саном, а не сеньором, отец.

– Прошу меня извинить, Анджин-сан, но я не отец. Меня не посвящали в священники.

– А когда посвятят?

– В свое время, – уверенно ответил Михаил.

– А где Ябу-сан?

– Прошу прощения, но я не знаю.

– Вы должны просто отвести меня на мой корабль, и больше никуда?

– Да, Анджин-сан.

– И тогда я буду свободен? Свободен идти туда, куда захочу?

– Меня просили узнать, как вы себя чувствуете, потом проводить вас на корабль, и больше ничего. Я только посланец, провожатый.

– Богом клянётесь?

– Я только провожатый, Анджин-сан.

– Где вы так хорошо научились говорить по-португальски? И по-латыни?

– Я был одним из четверых... четверых крещеных японцев, посланных в Рим отцом-инспектором. Мне было тринадцать, Ураге-нох-Тадамаса – двенадцать.

– А! Теперь я вспомнил! Урага-сан говорил мне, что вы были среди них. Вы были другом Ураги-сана. Вы знаете, что он погиб?

– Да, я очень огорчился, когда узнал об этом.

– Это сделали христиане.

– Это сделали убийцы, Анджин-сан. Убийцы. Не беспокойтесь, их будут судить.

Через мгновение Блэксорн спросил:

– Как вам понравился Рим?

– Я ненавидел его. Мы все ненавидели... Все в нем... Эту еду, грязь... безобразный вид... Они там все это – невероятно! У нас заняло восемь лет, чтобы добраться туда и вернуться обратно, и как я был благодарен Мадонне, когда наконец вернулся домой.

– А церковь? Святые отцы?

– Отвратительны. Многие из них отвратительны. Меня просто потрясли их нравы: любовницы, жадность, пышность, лицемерие, невоспитанность... У них две морали – одна для паствы, другая для пастырей. Все это было нам ненавистно... И все-таки я нашел Бога в некоторых из них, Анджин-сан. Так странно... Я нашел правду – в соборах и крыльях аркад... среди священников. – Михаил бесхитростно посмотрел на него – он был переполнен нежностью. – Правда, редко, Анджин-сан, очень редко я находил такие проблески. Но я нашел истину и Бога и знаю, что христианство – это путь к вечной жизни... прошу меня простить, католическое христианство.

– Вы видели аутодафе... инквизицию... Суды, казни ведьм?

– Я видел много ужасных вещей. Очень мало мудрых людей – большинство грешники... Самые дьявольские дела совершаются именем Бога. Но не Богом! Этот мир – юдоль слез и только подготовка к миру вечному. – Он молился про себя некоторое время, потом, набравшись силы в молитве, поднял глаза, – Даже среди еретиков могут быть хорошие люди.

– Возможно... – Блэксорну начинал нравиться этот человек.

Последний ров с водой, последние ворота – главные южные ворота, последний пункт проверки документов – и вот ему отдали бумаги. Михаил прошел под последней опускной решеткой, за ним – Блэксорн. Около замка ждали сто самураев, люди Кийямы. Он увидел распятия... Настроены они явно враждебно. Он остановился. Михаил продолжал идти. Офицер сделал знак Блэксорну выйти из ворот, он повиновался. Самураи сомкнулись за ним и вокруг него, зажав его в середине. Носильщики и торговцы на дороге расступились в стороны и кланялись, не поднимая головы, пока они не проходили. Некоторые с торжественным видом поднимали кресты, и Михаил благословлял их. Они спустились пологим склоном позади похоронной площадки – яма уже не дымилась, – пересекли мост, вошли в город и направились в сторону моря. Среди пешеходов, идущих из города, попадались серые и просто самураи; они неблагоприятно поглядывали на Михаила и наверняка задирали бы его, если бы с ним не было столько самураев Кийямы.

Блэксорн шел за Михаилом. Он не боялся, хотя и не прочь был бы сбежать от них всех. Но бежать ему здесь некуда, спрятаться негде, – во всяком случае, на земле. Его единственное спасение – попасть на борт «Эразмуса», пробиться в море – с полной командой, провизией и вооружением.

– Что случилось на галере, брат?

– Я не знаю, Анджин-сан.

* * *

И вот они оказались на улицах города, выходящих к морю. Михаил завернул за угол и вышел на открытый рыбный рынок. Хорошенькие служаночки, толстые бабы, старые дамы, юноши, взрослые мужчины и дети, покупатели и продавцы – все они сначала глазели на него, потом начинали поспешно кланяться. Блэксорн шел за самураями мимо палаток, корзин, бамбуковых лотков: всевозможная рыба – пальчатые и обыкновенные креветки, омары, лангусты, – аккуратно разложенная, иногда плавающая в специальной посуде, еще сохраняла свежесть моря. «В Лондоне, – подумал он, – никогда не бывает так чисто... Ни среди тех, кто продает, ни среди того, что продается». Потом с одной стороны он увидел ряд палаток с едой, в каждой – маленькая жаровня: он сразу уловил запах печеного лангуста...

– Боже мой! – не раздумывая, он свернул в эту сторону. Самураи сразу же преградили ему путь.

– Гомен насаи, киндзиру, – заявил один из них.

– Ие! – резко ответил Блэксорн. – Ватаси табетай дес! Нех? Ватаси Анджин-сан! Нех? Я проголодался! Я, Анджин-сан!

Блэксорн начал протискиваться среди них. Старший из офицеров поспешил его остановить. Михаил быстренько вернулся к ним и стал успокаивающе объяснять что-то, попросил разрешения, и оно было неохотно дано.

– Пожалуйста, Анджин-сан, офицер говорит, что вы можете поесть, если вам хочется. Что бы вы хотели?

– Вот это, пожалуйста. – Блэксорн указал на гигантских креветок, обезглавленных и расколотых вдоль, – мясо было бело-розовым, панцирь вскрыт с большим искусством. – Вот этого. – Он не мог оторвать от них глаз. – Пожалуйста, скажите офицеру, что я не ел почти два дня и внезапно проголодался. Простите.

Продавец, старый человек с тремя зубами и обветренной кожей, в одной набедренной повязке, надулся от гордости, что выбрали его палатку, выложил на поднос пять лучших креветок с аккуратными палочками для еды, а остальные поставил подогреваться.

– Дозо, Анджин-сан!

– Домо. – Блэксорн почувствовал, как у него заныл желудок. Его мутило. Новыми деревянными палочками для еды он взял одну креветку, опустил в соус и с удовольствием съел. Ощущения изумительные...

– Брат Михаил? – предложил он, протягивая тарелку. Михаил взял одну, но только ради приличия. Офицер отказался, хотя и поблагодарил.

Блэксорн расправился со своей тарелкой и взял еще две. Он мог бы съесть и еще пару, но решил воздержаться – из приличия и потому, что не хотел перенапрягать желудок.

– Домо. – Он возвратил тарелку с обязательной вежливой отрыжкой. – Бими дес! Превосходно!

Старый продавец просиял и поклонился, все продавцы вокруг тоже поклонились, и тут Блэксорн, к своему ужасу, понял, что у него нет денег. Он покраснел.

– В чем дело? – поинтересовался Михаил.

– Я... э-э-э... у меня нет с собой денег или чего-нибудь, что можно отдать этому человеку. Вы не могли бы одолжить мне немного, пожалуйста?

– У меня нет денег, Анджин-сан. Мы не носим денег. Наступило неловкое молчание. Продавец ухмылялся, терпеливо ожидая денег. Михаил смущенно обратился к офицеру, но просьбу изложил спокойно. Офицер был взбешен поведением Блэксорна и что-то резко сказал одному из своих людей. Тот вышел вперед и красивым жестом протянул деньги. Михаил многословно поблагодарил и, красный, вспотевший, повел их дальше. Блэксорн подошел к Михаилу:

– Извините, что так получилось, но это... со мной этого никогда не было! Я первый раз

покупал здесь что-нибудь для себя! У меня никогда не было денег, как ни странно это звучит, и я никогда не думал... Я никогда не пользовался здесь деньгами...

– Пожалуйста, забудьте об этом, Анджин-сан. Ничего страшного.

– Прошу вас, скажите офицеру, что я расплачусь с ним, когда попаду на корабль.

Михаил выполнил его просьбу. Некоторое время они шли молча, Блэксорн пытался на ходу определить направление. В конце улицы виднелся морской берег, спокойное и тихое под лучами солнца море. Тут он понял, куда они идут, и показал налево, на широкую улицу, которая шла с востока на запад:

– Давайте пойдем этой дорогой!

– Здесь быстрее, Анджин-сан.

– Да, но этим путем мы будем проходить через миссию иезуитов и мимо португальского корабля – лорчи. Я предпочел бы сделать круг и обойти длинным путем.

– Мне сказали идти здесь.

– Давайте пойдем другой дорогой. – Блэксорн остановился. Офицер спросил, в чем дело, Михаил объяснил. Офицер махнул рукой в ту сторону, куда предлагал пойти Михаил.

Блэксорн взвесил все последствия своего отказа: его заставят, или свяжут и понесут, или поволокут... Нет уж, лучше уступить... Он пожал плечами и зашагал... Они вышли на широкую дорогу, что вилась вдоль берега. На расстоянии в половину ри отсюда – иезуитская пристань со складами, в ста шагах дальше можно разглядеть португальский корабль. За ним, еще в ста шагах, стоит его галера. До нее еще слишком далеко и разобрать, есть ли кто на палубе, невозможно. Блэксорн поднял камушек и бросил его в море.

– Давайте немного пройдемся по берегу.

– Конечно, Анджин-сан. – Михаил сошел с дороги на песок. Блэксорн зашел в море на мелкое место, наслаждаясь его прохладой и звуками слабого прибоя.

– Славно здесь, на море, в это время...

– Ах, Анджин-сан! – Дружелюбие Михаила, казалось, прорвалось внезапно. – Много раз, прости меня. Мадонна, мне хотелось быть не священником, а просто сыном своего отца, одним из сыновей...

– Почему?

– Увести бы вас тайком, вас и ваше странное судно, в Йокогаму, в Хизен, нашу большую гавань в Сасебо. Вот там я попросил бы вас поменяться со мной – показать мне и нашим морским капитанам, как плавают по морю ваши суда, какими путями вы плаваете... В свою очередь, я предложил бы вам лучших учителей в королевстве, знатоков Бусидо, тя-но-ю, харагей, ки, медитации сасен, аранжировки цветов... всех тех особых, уникальных знаний, которыми мы обладаем.

– Вот это по мне. Почему бы нам этим не заняться?

– Сегодня – невозможно. Но вы уже многому и за столь короткое время научились... Марико-сама была прекрасным учителем. Вы достойный самурай! И вы обладаете качеством, которое так редко здесь, – непредсказуемостью. Им обладал Тайко, оно присуще также Торанаге. Видите ли, обычно мы очень предсказуемые люди.

– Вы?

– Да.

– Тогда подскажите, как мне избежать ловушки, в которую я попал.

– Простите, Анджин-сан, но это не так, – возразил Михаил.

– Я не верю в это. Как вы узнали, что мой корабль в Йокогаме?

– Это все знают.

– Да?

– О вас знают почти все – и как вы защищали господина Торанагу и госпожу Марию, госпожу Тода, – об этом хорошо известно. И все вас уважают.

– Я ничему этому не верю, – Блэксорн подобрал еще один плоский камушек и бросил его так, что он полетел, подпрыгивая, над водой.

Они продолжали идти, Блэксорн мурлыкал матросскую песню... Этот Михаил ему

симпатичен... Они обошли волнолом, вставший на их пути, и снова оказались на дороге. Склады иезуитов и миссия высоко выдавались над ними на фоне краснеющего неба. Он увидел братьев в оранжевых одеждах, охраняющих арочные каменные ворота, и почувствовал их враждебность, но его это не трогало. Вот голова снова начала болеть – это хуже... Как Блэксорн и рассчитывал, Михаил сразу направился к воротам миссии. Он приготовился к тому, что им придется избить его до бессознательного состояния, прежде чем он войдет внутрь, и они заставят его сдать оружие.

– Вы только проводите меня на галеру?

– Да, Анджин-сан. – К его удивлению, Михаил сделал ему знак остановиться у ворот. – Ничего не изменилось. Мне сказали известить отца-инспектора, когда мы будем проходить здесь. Простите меня, но вам придется немного подождать.

Остановленный стражей, Блэксорн смотрел, как Михаил вошел в ворота. Он ждал, что миссия окажется концом его путешествия: сначала инквизиция и суд, потом пытки и передадут его в руки адмирала... Блэксорн посмотрел на лорчу в ста шагах от него: Феррьера и Родригес – на корме, вооруженные до зубов, моряки, тоже с оружием, толпятся на нижней палубе. За кораблем дорога к пристани изгибается, видно его галеру... У планшира стоят люди, – ему показалось, что он видит Ябу и Винка... На борту – несколько женщин... Кто это? Вокруг галеры – серые, много серых...

На лорче артиллеристы слоняются около двух небольших пушек, направленных в сторону берега, – они уже зарядили и нацелили эти пушки. Он узнал огромную тушу Пезаро, боцмана, спускающегося по сходням с группой моряков, посмотрел, куда они идут, и кровь застыла у него в жилах... На утоптанной площадке в дальнем конце пристани был установлен высокий столб, вокруг основания столба навалена целая куча дров...

– А, кормчий! Ну, как у вас дела? – Это дель Аква вышел из ворот – он кажется особенно высоким рядом с Михаилом. На этот раз отец-инспектор в рясе иезуита. «Такой рост и роскошная серо-белая борода придают ему вид библейского патриарха, инквизитора до мозга костей... внешне такого доброго...» – подумал Блэксорн. Он посмотрел в его карие глаза, – странно, что у кого-то есть такие глаза... Еще более странно, что в этих глазах, кажется, мелькнуло сочувствие... Но ни жалости, ни сострадания тут не будет – это ясно. Да он и не ждет ничего такого...

– А, отец-инспектор! – Блэксорн приветствовал его, – креветки сразу колом встали у него в желудке.

– Может быть, пройдемся?

– Почему бы и нет?

«Ну, значит, допрос будет вестись на борту, – подумал Блэксорн, отчаянно жалея, что с ним нет пистолетов. – Вам следовало бы умереть первым. Ваше Святейшество...»

– Оставайтесь здесь, Михаил, – предложил дель Аква. Он посмотрел в сторону португальского фрегата, лицо его окаменело.

Блэксорн заколебался. Михаил и самураи смотрели на него со странным выражением.

– Сайонара, Анджин-сан, – произнес Михаил. – Идите с Богом!

Блэксорн коротко кивнул и тронулся вперед между самураями, каждую секунду ожидая, что на него нападут, отнимут мечи... Но его беспрепятственно пропустили. Тогда он остановился и оглянулся с бешено бьющимся сердцем... В какой-то момент появилось искушение вытащить меч и атаковать первым... Но тогда нет никакой возможности спастись – они не станут сражаться с ним... У многих пики, так что им ничего не стоит схватить и обезоружить его, а потом связать и отнести... «Я не пойду связанным», – пообещал он себе. Единственный путь для него – вперед, а там его мечи беспомощны против пушек. Он мог бы напасть и на пушки, но ему только перебьют ноги и свяжут...

– Капитан Блэксорн, пойдете? – окликнул дель Аква.

– Да, сейчас... Подождите минутку, пожалуйста. – Блэксорн сделал знак Михаилу. – Послушайте, брат, спускаясь к берегу, вы сказали, что я был достойный самурай...

– Да, Анджин-сан, я это сказал.

– Тогда я прошу вас об одолжении, как самурай. – Он был спокоен, но настойчив.
– О каком одолжении, Анджин-сан?
– Умереть как самурай.
– Ваша смерть не в моей власти. Она в руках Бога, Анджин-сан.
– Да, но я прошу вас об одолжении. – Блэксорн махнул рукой в сторону столба. – Это нечестно! Это подло!

В недоумении Михаил посмотрел в сторону лорчи. Потом впервые увидел столб.

– Боже мой...

– Капитан Блэксорн, пойдёмте, пожалуйста, – позвал его дель Аква.

Блэксорн попросил, еще более настойчиво:

– Объясните офицеру. У него здесь достаточно самураев, чтобы он мог настоять на этом. Объясните ему. Вы были в Европе. Вы знаете, как это там происходит. Я ведь немного прошу, правда? Пожалуйста, я же самурай! Один из них может быть мне помощником.

– Я... я спрошу. – Михаил вернулся к офицеру и стал переговариваться с ним негромко, но настойчиво.

Блэксорн сконцентрировал свое внимание на корабле – ему пришлось немного пройти вперед. Дель Аква ждал его. Впереди Блэксорн увидел Феррьеру, с гордым видом спускающегося с полюта на главную палубу, – за поясом пистолеты, на боку рапира. Родригес следит за ним, держа правую руку на длинноствольном дуэльном пистолете. Пезаро и десять других моряков уже стояли на пристани, опираясь на мушкеты с прижатыми штыками. Тень от столба передвинулась и теперь тянулась в его сторону.

– О, Боже! Мне бы пару пистолетов и десяток моряков с одной пушкой... – подумал он, глядя, как неотвратимо сокращается расстояние, – О Боже, не дай мне пережить такой позор!..

– Добрый вечер, Ваше Святейшество. – Феррьера не спускал глаз с Блэксорна. – А, вот и англичанин...

– Добрый вечер, адмирал. – Дель Аква сердито посмотрел на столб. – Это ваша идея?

– Да, Ваше Святейшество.

– Возвращайтесь на борт своего корабля!

– Это военное мероприятие,

– Отправляйтесь на борт!

– Нет! Пезаро! – Пезаро со своей командой тут же выступил вперед и направился к Блэксорну. Феррьера выхватил пистолет. – Ну, англичанин, вот мы и встретились снова...

– Меня это как раз меньше всего радует, – Блэксорн вытащил меч. Он неловко держал его двумя руками, сломанная рукоятка царапала руку.

– Сегодня ты будешь радоваться в аду! – хрипло проворчал Феррьера.

– Если у вас есть хоть капля мужества, вы будете сражаться со мной – один на один. Но вы не мужчина, – вы трус, испанский трус и кастрат!

– Разоружить его! – приказал Феррьера.

Тут же вперед вышли десять матросов, наставив штыки на уровне груди. Блэксорн попробовал отступить назад, но он был уже окружен, байонеты нацелились ему в ноги. Блэксорн замахнулся на нападающего мечом, но в это время его атаквали сзади... Дель Аква вышел из себя:

– Опустите ружья! Именем Бога, – я приказываю вам опустить ружья!

Моряки остановились в замешательстве... Все мушкеты были направлены на Блэксорна... Он беспомощно стоял на берегу бухты, высоко подняв меч.

– Отойдите, все отойдите! – приказал дель Аква. – Назад! Богом заклинаю, отойдите! Люди вы или звери? Феррьера заявил:

– Мне нужен этот человек!

– Я уже говорил вам, чтобы вы не смели его трогать! Ни вчера, ни сегодня! Вы слышите? Боже, дай мне терпение! Прикажите вашим людям подняться на борт!

– Я приказываю вам повернуться и уйти!

– Вы приказываете мне?

– Да, я приказываю вам! Я адмирал, губернатор Макао, главнокомандующий войск Португалии в Азии! Этот человек угрожает государству, церкви, Черному Кораблю и Макао!

– Ей-богу, я уничтожу вас и всю вашу команду, если вы тронете этого человека! Вы поняли? – Дель Аква повернулся к мушкетерам, которые в испуге отошли назад – все, кроме Пезаро: он с вызывающим видом стоял на том же месте, небрежно держа в руке пистолет, и явно ждал, что сделает Феррьера. – Отправляйтесь на корабль и уступите дорогу!

– Вы ведете себя неправильно! – взорвался Феррьера. – Он опасен! Я военный главнокомандующий в Азии, и я заявляю...

– Это дело церкви, а не военное!

Блэксорн застыл в оцепенении, не способный думать и видеть... голова разрывалась от боли... Все происходило так быстро – то он под стражей, то нет, то его выдают инквизиции, то спасают, то снова выдают... То главный инквизитор защищает его... Все потеряло смысл...

Феррьера кричал:

– Я еще раз вас предупреждаю! Бог мне судья, – но вы делаете ошибку! Я сообщу об этом в Лиссабон!

– Хорошо! А пока прикажите вашим людям подняться на борт, или я лишу вас командования Черным Кораблем!

– Вы не имеете такого права!

– Если вы не прикажете вашим людям подняться на борт и разоружите англичанина, я распоряжусь вас уничтожить – и всех, кто у вас под началом, и всю команду – и прокляну вас и всех, кто у вас служит! Именем Бога!

– Клянусь Мадонной!.. – Феррьера вдруг остановился. За себя он не боялся, но под угрозой – его Черный Корабль... Если сейчас он не повинуется священнику, большая часть команды разбежится... Какое-то время он размышлял, не подстрелить ли священника... Но это не снимет с него проклятия. Ладно, он уступит...

– Всем возвращаться на борт, всем! Уходите! Люди его послушно разошлись, – гнев священника миновал их, и слава Богу! Блэксорн видел все как в тумане... Цела ли еще его голова?.. В суматохе все забыли о Пезаро... Он поднял пистолет и прицелился... Мгновение – и дель Аква, заметив это, бросился вперед и закрыл Блэксорна своим телом... Пезаро уже нажимал на курок... и в этот момент его пронзило несколько стрел... Пистолет выстрелил, не причинив никому вреда... Пезаро рухнул на землю с криком боли и ярости... Блэксорн обернулся: шестеро лучников Кийямы приготовили новые стрелы, рядом с ними стоит Михаил. Офицер что-то хрипло проговорил... Пезаро издал последний стон, конечности его дернулись... он отдал Богу душу.

Михаил, весь дрожа, первым заговорил в наступившей тьме:

– Офицер говорит: извините, но он боялся за жизнь отца-инспектора. – Михаил просил Бога простить его за то, что он дал сигнал стрелять. «Пезаро был предупрежден, – доказывал он себе. – Это мой долг – следить, чтобы приказы отца-инспектора выполнялись... чтобы его жизни ничто не угрожало... чтобы убийцы были наказаны и никто не пострадал!»

Дель Аква стал на колени у трупа Пезаро, осенил его крестом и прочитал молитву. Португальцы, стоявшие вокруг него, с ненавистью следили за самураями, страстно желая расправиться с этими убийцами... Самураи Кийямы, остававшиеся до этого у ворот миссии, спешили к ним... Масса серых устремила сюда от галеры, пытаясь выяснить, что происходит на берегу бухты.

Феррьера, несмотря на слепящую его ярость, понимал: вступить в схватку прямо здесь и сейчас – невозможно!

– Всем подняться на борт! Забрать Пезаро! Высадившаяся на берег команда неохотно начала выполнять приказание.

Блэксорн опустил меч, но не убрал в ножны... Он ждал, ошеломленный, ожидая

подвоха... Вот сейчас его схватят и потащат на борт корабля... На юте Родригес распорядился:

– Занять боевые места! Осторожно, Бога ради! – Его люди кинулись на боевые позиции. – Прикрывать адмирала! Приготовить баркас!

Дель Аква повернулся к Феррьере, вызывающе стоявшему у сходен, готовясь защищать свой корабль:

– Вы виновны в смерти этого человека! – выкрикнул отец-инспектор. – Ваша фанатичная мстительность, ваше...

– Прежде чем вы при всех скажете что-нибудь, о чем после пожалеете, я советовал бы вам подумать! – прервал его Феррьера. – Я выполнил ваш приказ, хотя и знаю: вы делаете ужасную ошибку! Вы слышали приказ всем моим людям вернуться на корабль! Пезаро не послушался вас, а не меня! Ответственность – на вас... Если вообще кто-то виноват... Вы не дали ему и всем нам выполнить наш долг! Этот англичанин – наш враг! Это военный вопрос! Я сообщу в Лиссабон. – Теперь ему оставалось проверить готовность корабля к бою, выяснить, сколько самураев к ним приближаются.

Родригес подошел к сходням главной палубы.

– Адмирал, я не смогу выйти в море при таком ветре и приливе.

– Приготовьте баркас, чтобы нас вывезти, если потребуется!

– Уже готовится.

Феррьера закричал морякам, несущим Пезаро:

– Быстрее, быстрее!

Все поднялись на борт. Пушки готовы, каждый положил около себя по два заряженных мушкета. Слева и справа на пристань подтягивались самураи, но никто не пытался вмешаться.

С палубы Феррьера угрожающе заявил Михаилу:

– Скажи им, чтобы они разошлись! Им здесь нечего делать! Произошла ошибка, очень жаль... Они были правы, стреляя в боцмана... Скажи им, чтобы они разошлись! – Бог видит, как тяжело просить об этом, но он почти физически чувствовал запах опасности и ничего не мог сделать – только отступить...

Михаил подчинился. Офицеры не тронулись с места.

– Вам лучше уйти. Ваше Святейшество, – горько сказал Феррьера. – Но это не последняя встреча – вы еще пожалеете, что спасли его!

Дель Аква тоже понимал – тучи вокруг них сгущаются, но его это не беспокоило. Он осенил себя крестным знаменем, прочитал краткую молитву...

– Пойдемте, кормчий.

– Почему вы позволяете мне уйти? – Блэксорн не осмеливался верить, боль в голове усилилась... – Почему? Не понимаю...

– Я тоже! – крикнул Феррьера. – Мне хотелось бы знать настоящую причину, Ваше Святейшество. Разве он не угрожает нам и церкви?

Дель Аква спокойно смотрел на него. «Угрожает, да, – хотелось сказать ему. Снять выражение высокомерия с лица этого щеголя... – Но еще большая угроза – немедленная война... Как мне выиграть время для нас и еще пятидесяти рейсов Черного Корабля? Кого выбрать – Торанагу или Ишидо? Вы ничего не смыслите в наших проблемах, Феррьера... В том, с какими препятствиями мы сталкиваемся... Сколь деликатно наше положение здесь... Какие опасности нас подстерегают...»

Вчера дель Аква в беседе с Киймой использовал Михаила как переводчика, не доверяя своему знанию японского языка – хотя владел им очень хорошо.

– Пожалуйста, подумайте еще, господин Кийма, – просил он дайме. – Я предлагаю вам в этой ситуации сделать ставку на Торанагу.

– Это недопустимое вмешательство в дела Японии, оно выходит за пределы ваших полномочий. К тому же чужеземец должен умереть.

Дель Аква приложил все свое дипломатическое искусство, но Кийма был непреклонен

и отказался подумать или изменить свою позицию. Сегодня утром, когда он пошел к Кийяме сообщить, что благодаря воле Божьей англичанин нейтрализован, появился проблеск надежды.

– Я все же подумал о том, что вы вчера сказали, – заявил ему Кийяма. – Я не буду вступать в союз с Торанагой. С сегодняшнего дня и до главной битвы я буду следить за обоими соперниками и сделаю выбор в нужный момент. Я согласен отпустить этого чужеземца... не потому, что вы меня об этом попросили, а из-за госпожи Марики, чтобы почтить ее память... и потому, что Анджин-сан – самурай...

Феррьера все еще ждал он него ответа...

– Желаю вам безопасного плавания, адмирал, помощи вам Бог! Кормчий, я провожу вас на галеру... Как вы себя чувствуете?

– У меня... моя голова... Я думаю, все из-за этого взрыва... Вы действительно разрешаете мне уйти? Почему?

– Из-за госпожи Марии, госпожи Марики, – она просила меня поберечь вас, – Дель Аква направился к галере.

– Но это не причина! Вы бы не сделали этого только по ее просьбе.

– Тут я с ним согласен... – пробормотал Феррьера. – Ваше Святейшество, почему не сказать ему всю правду?

Дель Аква не остановился... Блэксорн направился вслед за ним, но старался не поворачиваться к кораблю спиной – он все еще ожидал подвоха...

– Не заботьтесь об этом! – бросил он Феррьере. – Вы же знаете, я все равно уничтожу вас! Я захвачу ваш Черный Корабль!

Феррьера презрительно захохотал:

– Это каким же образом, англичанин? У тебя нет корабля!

– Что вы имеете в виду?

– У тебя нет корабля! Он погиб! А то я не дал бы тебе уйти, как бы там ни угрожал мне Его Святейшество!

– Это неправда!...

Сквозь туман в голове Блэксорн слышал, как Феррьера повторил это еще раз и захохотал еще громче... Еще что-то о несчастном случае и воле Божьей... И что корабль сгорел полностью... Ему теперь никогда не удастся навредить Черному Кораблю. Хотя он не перестал быть врагом, – он еретик и все еще угроза для веры... Блэксорн разглядел жалость на лице Родригеса, почуял, как его губы шепчут:

– Да, англичанин, это правда...

«Нет, нет! – кричало у него внутри. – Это не может быть правдой!»

И тут отец-инспектор, с расстояния в тысячи лиг, произнес:

– Я получил утром письмо от отца Алвито. Это произошло во время землетрясения... Приливная волна...

Но Блэксорн уже не слушал... «Твой корабль погиб! Ты позволил ему погибнуть! Твой корабль мертв! У тебя нет корабля... нет корабля... нет корабля...»

– Это неправда! Вы лжете! Мой корабль в безопасности, он в гавани, его охраняют четыре тысячи самураев! Он не может пострадать!

– Если только на то не будет воли Господа! – раздалась чьи-то слова.

Инквизитор продолжал:

– Приливная волна наклонила ваш корабль... Говорят, что лампы на палубе опрокинулись, огонь распространился... Ваше судно сгорело...

– Ложь! А палубная вахта? Там всегда стоит вахтенный! Это невозможно! – закричал Блэксорн... Но он уже понял, что ценой его жизни был его корабль...

– Ты списан на берег, кормчий! – глумился Феррьера. – Ты теперь на якоре! Останешься здесь на всю жизнь, тебе никогда не дадут пропуска на наши корабли! Ты навеки останешься здесь, на берегу!

Это продолжалось без конца... Он стал тонуть... Потом глаза его прояснились... Он

услышал крики чаек, почуял запах мусора на берегу, увидел Феррьеру, увидел всех своих врагов и понял: все это ложь... Ложь, чтобы вывести его из равновесия... Он понял это очень четко и решил, что священник тоже участвует в этом заговоре.

– Черт бы тебя побрал! – закричал он и бросился на Феррьеру, высоко подняв меч... Но этот бросок он совершил только в мыслях... Он не успел... Его легко остановили и отобрали мечи... Он идет между двумя серыми, среди всей собравшейся толпы... Так его довели до схода галеры, вернули мечи и дали возможность двигаться самому.

Он едва видел, почти не слышал... Мозг едва что-то соображал сквозь заполнившую его боль... Конечно, это уловка, чтобы свести его с ума, и они бы преуспели, если бы он поддался... «Боже, помоги мне! – взмолился он. – Кто-нибудь, помогите мне!». Вдруг рядом с ним оказались Ябу, Винк, его вассалы... Он не мог уже разобрать, на каких языках с ним говорили... Его проводили на борт... Кири, Сазуко... Ребенок плачет на руках у няньки... На палубе толпятся остатки самураев в коричневой форме, гребцы, моряки... Ябу и Винк что-то говорят ему... Чтобы сосредоточиться, ему потребовалось много времени...

– Кормчий, ради Бога, объясните, почему они дали вам уйти?

– Я... они... – он не мог сказать ни слова.

Вот он на полуяте, и Ябу командует капитану немедленно выходить в море, прежде чем Ишидо передумает отпустить их всех... Прежде чем серые на пристани передумают... Он приказывает капитану полным ходом идти в Нагасаки... Кири говорит:

– Простите, Ябу-сама, сначала в Эдо, нам надо в Эдо... Небольшое суденышко легко несется на веслах от верфи, против приливного течения и ветра, и выходит на большую воду... Чайки кричат им вслед... Блэксорн наконец справился со своим оцепенением настолько, что смог связно произнести:

– Нет, извините! Давайте в Иокогаму! Нужно попасть в Иокогаму!

– Сначала отправим людей в Нагасаки, Анджин-сан, вы меня понимаете? Это важно. Сначала людей. У нас есть план. – Это Ябу.

– Нет, плывем в Иокогаму. Мой корабль... Мой корабль в опасности...

– В какой опасности? – требует ответа Ябу.

– Христиане говорят... говорят – он сгорел!

– Что?

– Ради Бога, кормчий, это не ошибка? – кричит Винк. Блэксорн дрожащей рукой показывает на лорчу:

– Они мне сказали... Они говорят – «Эразмус» погиб, Джохан... Наш корабль пропал... сгорел. – Тут он не выдерживает и кричит: – О Боже! Сделай так, чтобы это было вранье!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава Шестидесятая

Он стоял на мелководье и смотрел, как легкий прибой омывает обугленный остов корабля, наклонившегося и севшего на дно. Судно застряло в семидесяти ярдах от берега. Мачты исчезли, палубы не было... Сгорело все кроме киля и торчащих в небо шпангоутов.

– Эти обезьяны пытались вытащить его на берег, – уныло сказал Винк.

– Нет, это его прибоем так вытащило.

– Боже мой, зачем вы так говорите, кормчий? Если бы вы здесь были при этом дьявольском пожаре и у этого Богом проклятого берега – вы бы вытащили его на берег, чтобы здесь бороться с пожаром! Даже эти обезьяны знали! – Винк сплюнул на песок. – Вам не следовало доверять им корабль... Что мы теперь будем делать? Как попадем домой? Вам надо было для надежности отправить корабль в Эдо, и нас тоже, вместе с эта.

Жалобные ноты в голосе Винка раздражали Блэксорна, – каждая мелочь в Винке теперь его раздражала. Трижды за последнюю неделю он чуть не приказал своим вассалам тихонько

прикончить Винка и выбросить за борт. Он сам был в таком состоянии, что не мог выносить нытья, раздражения, досады... Но каждый раз сдерживался и уходил на палубу или спускался в трюм, отыскивая Ябу. При нем Винк не издавал ни звука – боялся и не без оснований... На борту корабля сдерживаться легче, – здесь, на берегу, перед этим голым скелетом, непросто сохранять спокойствие.

– Может быть, они и вытащили его на берег, Джохан. – Он чувствовал смертельную усталость.

– Вы готовы поспорить, что эти негодяи вытащили его на берег! Но они же не погасили пожар, черт бы их всех побрал! Не следовало допускать на корабль этих япошек... противных япошек... этих грязных обезьян...

Блэксорн перестал его слушать и сосредоточился на галере. Она стояла на якоре ближе к пристани, в нескольких сотнях шагов от Иокогамы. Навесы мушкетного полка все еще сохранялись на берегу и у подножия гор, люди маршировали, куда-то торопились, чувствовалось какое-то беспокойство... Стоял теплый, солнечный день без малейшего ветерка. Откуда-то доносился запах мимозы... Он разглядел на полуяте Кири и госпожу Сазуко – они беседовали под оранжевыми зонтиками... А, вот почему мимоза... Потом увидел Ябу и Нагу, расхаживающих по пристани: Нага говорил, а Ябу слушал, оба были захвачены разговором... Вот они посмотрели на него, – видимо, чем-то встревожены...

Когда галера два часа назад повернула к деревне, Ябу высказался определенно:

– Зачем подходить к нему, Анджин-сан? Корабль мертв, все кончено. Поедьте в Эдо! Нужно готовиться к войне, а времени у нас немного.

– Прошу прощения, давайте остановимся здесь. Я должен глянуть повнимательнее. Пожалуйста.

– Поедьте в Эдо. Корабль мертв – с ним покончено.

– Если хотите, идите, – я доберусь вплавь.

– Постойте, но разве я не прав, что корабля больше нет?

– Извините, я прошу вас остановиться. Ненадолго. Потом поплывем в Эдо.

Ябу наконец согласился, они причалили, их встретил Нага с красными от недосыпания глазами.

– Прошу прощения, Нага. Пожалуйста, объясните, что здесь происходит?

– Простите, не знаю. Не хонто. Меня здесь не было, понимаете? Меня на несколько дней посылали в Мисиму. Когда я вернулся, мне сказали, что ночью было землетрясение... Все произошло ночью, понимаете? Вы поняли – землетрясение, Анджин-сан?

– Да, понял, пожалуйста, продолжайте.

– Землетрясение, не такое уж сильное. Ночью. Одни говорят – был большой прилив, другие – только одна большая волна... В ту ночь был шторм. И тайфун. Вы поняли – тайфун?

– Да-да.

– Ах, извините. Очень темная ночь. Большая волна, опрокинулись масляные лампы, корабль охватило огнем... Все сгорело – очень быстро...

– А охрана, Нага-сан? Палубные матросы?

– Очень темно. Огонь... Он распространился очень быстро, понимаете? Извините. Сигата ганаи? – добавил он с надеждой.

– Палубные матросы, Нага-сан, где они были? Я оставил стражу.

– Когда через день я вернулся мне было очень жаль. Корабль уже догорал там, на отмелях, у берега. С кораблем было покончено. Я собрал всех людей с корабля и весь береговой патруль, дежуривший в ту ночь, просил их дать мне отчет. Никто не мог сказать наверняка, как это случилось. – Наги потемнел лицом. – Я приказал собрать все, что можно найти, и принести. понимаете? Все! Теперь все там – наверху, в лагере. – Он указал на плато. – Под охраной. Моей охраной. Потом я казнил их и поспешил снова в Мисиму, сообщить господину Торанаге.

– Казнили? Всех на смерть?

– Да, они не выполнили свой долг.

– Что говорит господин Торанага?

– Очень сердит. Он прав, что рассердился. Я предлагал совершить сеппуку. Господин Торанага отказался дать разрешение. Э-э-э! Господин Торанага очень сердит, Анджин-сан. – Нага нервно махнул рукой, показывая на берег. – Весь полк в немилости, Анджин-сан. Все главные офицеры разжалованы, отправлены в Мисиму. Пятьдесят восемь уже совершили сеппуку.

Блэксорн подумал об этих пятидесяти восьми, и ему захотелось кричать от боли... Пять тысяч... и пятьдесят... Разве это вернет к жизни его корабль?!

– Плохо, – произнесли его губы. – Очень плохо.

– Да, Анджин-сан. Лучше отправляйтесь в Эдо. Сегодня. Война может начаться сегодня, завтра, послезавтра, на следующий день. Прошу прощения.

Нага стал настойчиво доказывать что-то Ябу, а Блэксорн, плохо соображая, ненавидел эти неприлично звучащие слова... ненавидел Нагу, Ябу, всех остальных... Он почти не понимал, о чем речь, хотя и видел, что беспокойство Ябу увеличивается. Нага снова повернулся к нему и сказал решительно:

– Сожалею, Анджин-сан, но больше я ничего не мог сделать. Хонто.

Блэксорн заставил себя кивнуть.

– Хонто. Домо, Нага-сан. Сигата га наи.

Он еще поизвинялся и ушел к кораблю, чтобы побыть одному, – вряд ли ему удастся и дальше сдерживать свой гнев... Ничего он не может поделать, никогда он не узнает всей правды – почему он потерял корабль... Возможно, священники умудрились нанять за деньги людей или обманом, угрозами заставили участвовать в таком подлом деле... Он медленно и прямо пошел прочь от Ябу и Наги, но, прежде чем ему удалось покинуть пристань, Винк бросился за ним.

– Кормчий, не оставляйте меня здесь одного! – Блэксорн видел, что Винка обуревают страхи, – пусть торчит рядом, надо просто полностью от него отключиться...

Неожиданно они вышли на берег к тому месту, где эти ужасные останки человеческих голов... Более сотни... Скрытые от пристани дюнами, они возвышались над песком на специально вбитых кольях... Когда Блэксорн и Винк приближались, поднялось целое кричащее облако белых морских птиц... Когда уходили – птицы тут же уселись обратно, продолжая кричать и ссориться...

Захваченный одной мыслью, Блэксорн смотрел на остов своего корабля. «Марико... Она все видела, понимала истинное положение вещей... Он так и слышит, как она шепнула священникам или Кийяме: «Без корабля Анджин-сан ничем не сможет повредить церкви. Прошу вас: оставьте его в живых... А корабль...» Она была права: это самое простое решение проблемы, возникшей из-за меня у католиков. Но ведь они и сами могли додуматься... А как они пробрались – четыре тысячи охраны?! Кого удалось подкупить? Как? Впрочем, теперь это неважно...»

– Боже, помоги мне! Без моего корабля я мертв! Я не могу помочь Торанаге, и его война погубит всех нас... – Бедный корабль... Прости меня, прости... Погибнуть так бессмысленно... Сколько расстояний мы прошли с тобой?

– Что вы, кормчий? – спросил Винк.

– Ничего. Прости, мой корабль... Никогда бы я не пошел на такую сделку – ни с ней, ни с кем-нибудь еще... Бедная Марико! Прости и ее тоже!

– Что вы сказали, кормчий?

– Ничего, я только подумал вслух.

– Я слышал – вы что-то говорили, ей-богу!

– Ради того же Бога, заткнись!

– Заткнуться? Мы застряли здесь до конца наших дней, с этими проклятыми японцами! Так?

– Да, так.

– Нам придется унижаться перед этими проклятыми Богом паршивыми язычниками до конца своих проклятых дней... А ведь они только и говорят, что о войне, о войне...

– Верно...

– Ах верно? – Винк трясся всем телом. Блэксорн насторожился. – Это ваша вина! Вы сказали – пойдём в Японию, и мы пришли сюда. А сколько умерло по дороге? Это ваша вина!

– К сожалению, ты прав...

– Вы сожалеете, кормчий? А как мы вернёмся домой? Эта ваша работа – привести нас домой! Как вы собираетесь это сделать?

– Не знаю... Сюда придут и другие наши корабли, Джохан. Мы только должны подождать...

– Ждать?! Сколько же времени ждать? Пять лет... Двадцать? Боже мой, вы сами сказали, что эти дерьмоголовые готовятся воевать! – Мозг Винка переключился на другое. – Они собираются отрубить нам головы, насадить их на колья... Мы будем как те, что там... И птицы будут выклеивать нам глаза... – Взрыв безумного смеха всколыхнул все его тело, он полез рукой под свою рваную рубаху...

Блэксорн видел конец пистолета... Ему ничего не стоило сбить Винка с ног и отобрать пистолет, но он не сделал ни малейшей попытки защититься... Винк размахивал пистолетом у него перед носом, топая вокруг него со зловещей безумной ухмылкой... Блэксорн ждал, – он не испытывал страха, он надеялся на пулю... Вдруг Винк повернулся и побежал к воде. Птицы взмывали перед ним в воздух с визгом и стонами... Винк в безумном темпе пробежал шагов сто – и упал, перевернувшись на спину... Ноги у него еще двигались, руки вздымались, он выкрикивал какие-то ругательства... Вот он перевернулся на живот, крикнул в последний раз, повернувшись лицом к Блэксорну, и замер... Наступила тишина. Когда Блэксорн подошел к Винку, пистолет был направлен прямо на него, глаза смотрели с бешеной злобой, зубы осерены... Винк был мертв... Блэксорн закрыл ему глаза, поднял его, взвалил на плечо и пошел обратно. К нему уже бежали самураи во главе с Нагой и Ябу.

– Что случилось, Анджин-сан?

– Он сошел с ума...

– Как это? Он мертв?

– Да. Сначала надо похоронить, потом поедём в Эдо.

– Хай.

Блэксорн послал за лопатой и попросил оставить его одного. Он похоронил Винка выше линии прилива, на гребне, откуда видны были останки корабля. Он прочитал молитву и соорудил над могилой крест из двух обломков плавника – досок, прибитых к берегу течением. Читать молитву над покойником – это было для него привычным делом: много, много раз приходилось ему стоять так над телами своих товарищей... Только в этом плавании – больше ста раз, с тех пор как они покинули Нидерланды. Из всей его команды выжили только Баккус Ван-Нек и юнга Круук. Остальные пришли с других кораблей: помощник капитана Саламон, Жан Ропер, кок Сонк, парусный мастер Джинсель... Пять кораблей и четыреста девяносто шесть человек... И вот еще Винк... «Все умерли кроме нас семерых. А за что?... Чтобы быть первыми, обогнувшими земной шар?»

– Не знаю. – сказал он могиле. – Теперь уже с этим покончено...

Блэксорн привел могилу в порядок, попрощался: «Сайонара, Джохан!», спустился к морю и, раздевшись, поплыл к останкам корабля – помыться. Он сказал Наге и Ябу, что у них такой обычай – мыться после похорон на берегу одного из команды. Капитан делает это как бы украдкой, в одиночку, если больше нет никого из команды, и море очищает его перед Богом, который тоже христианский Бог, но не совсем такой, как у христиан-иезуитов.

Он уцепился за шпангоут судна и заметил, что там уже начинают скапливаться рачки... Песок заполнил все пространство, похоронив киль на три сажени. Скоро море предъявит свои права на него, и корабль исчезнет совсем... Он бесцельно посмотрел по сторонам. «Спасать уже нечего...»

Блэксорн поплыл к берегу, где его уже ждали вассалы со свежим бельем. Он оделся, засунул за пояс свои мечи и пошел обратно к галере. Около пристани его окликнул один из вассалов:

– Анджин-сан!

Почтовый голубь, преследуемый ястребом, бешено махал крыльями – он искал спасения в клетке, висевшей на чердаке самого высокого деревенского дома, расположенного на спуске к морю, – своего дома. Когда до клетки осталось ярдов сто, ястреб высоко в небе сложил крылья над своей добычей и камнем устремился вниз... Атака его не удалась, – только облако перьев разлетелось от удара... Голубь падал и кричал, словно смертельно раненный, но перед самой землей выправился, полетел и проскользнул в отверстие в сетке... Ястреб кричал свое «ек-ек-ек» совсем рядом, в нескольких шагах... Все зрители обрадовались – кроме Блэксорна: его не тронули ум и смелость голубя, теперь его ничего не трогало...

– Вот здорово! – не удержался один из его вассалов, хотя и смущенный суровостью хозяина.

Блэксорн вернулся на галеру и застал там Ябу, госпожу Сазуко, Кири и капитана. Все было готово к отплытию.

– Ябу-сан, има Эдо ка? – спросил Блэксорн. Но Ябу не отвечал, Блэксорна просто никто не заметил, – все смотрели на берег: к деревне торопливо шел Нага, из дома навстречу ему – владелец голубя. Нага сломал печать, вскрыл письмо и посмотрел на листок бумаги: «Галера и все находящиеся на борту должны оставаться в Иокогаме до моего прибытия. Торанага».

* * *

Ранним утром по гребню холма мчались всадники. Впереди – пятьдесят сопровождающих и разведчики авангарда под командованием Бунтаро. За ними – большой военный отряд во главе с Оми. Следом – отец Алвито – Тсукку-сан и десять его монахов, державшиеся плотной группой. Затем – небольшой арьергард, с ним несколько охотников с соколами на перчатках, – соколы с колпачками на головах кроме одного, большого желтоглазого ястреба-тетеревятника. Все самураи – вооруженные до зубов, в кольчугах, с боевым кавалерийским оружием.

Торанага ехал легко... При взгляде на него никто не узнал бы сурового, печального дайме, каким мы его оставили. Это был другой человек – сильный, бодрый, уверенный в своей цели и не таящий ее от других. Поездка его идет к концу, и он рад этому. Прошло два с половиной дня с тех пор как он приказал Наге задержать галеру в Иокогаме и выступил из Мисимы форсированным маршем. Ехали очень быстро, меняя лошадей через каждые двадцать ри. На одной станции, где не оказалось свежих лошадей, ответственный за это самурай был смещен, жалованье его было отдано другому, а ему приказано совершить сеппуку или побрить голову и стать монахом. Самурай выбрал смерть.

«Глупец был предупрежден, – думал Торанага. – Все Кванто мобилизовалось и готовилось воевать. И все-таки этот человек погиб не совсем зря. Весть о том, что произошло на этой станции, облетела все мои владения – больше задержек не будет. Так много еще надо сделать...»

Голова шла кругом от фактов, планов, альтернатив... Через четыре дня наступит Тот день – двадцать второй день месяца любования луной. Сегодня в Осаке придворный Огаки Такамото нанесет официальный визит Ишидо и с сожалением известит его, что Сын Неба из-за болезни принужден на несколько дней отложить свой визит в Осаку.

Устроить эту отсрочку оказалось очень легко. Огаки, принц седьмого ранга, девяносто пятый в династии, ведущий происхождение от императора Го-Секо, как и все члены императорского двора, был беден. Двор не имел собственных доходов – ими располагали только самураи – и в течение сотен лет существовал на весьма скудное содержание, выдаваемое сегуном, квампаку или правящей хунтой сегодняшнего дня. К тому же

содержание это тщательно контролировалось. Торанага почтительно и осторожно, действуя через посредников, выделил для Огаки десять тысяч коку в год. Огаки пожелал передавать эти деньги нуждающимся родственникам. Торанага скромно откликнулся: будучи Миновара и, стало быть, тоже ведя свой род от Го-Секо, он рад, что может услужить. И доверительно сообщил: климат в Осаке, особенно вовремя двадцать второго дня, так ненадежен... Возвышенному позаботиться бы о своем драгоценном здоровье...

Конечно, гарантий не было – вдруг Огаки не убедит, не отговорит Возвышенного – но Торанага догадывался, что советников Сына Неба и самого Сына Неба задержка обрадует – даст надежду, что потом можно и вообще отменить поездку... Только раз за три столетия, правящий император оставлял свою резиденцию в Киото: четыре года назад он соблаговолил прибыть по приглашению Тайко – посмотреть, как цветут вишни у Осацкого замка. Его визит совпал с передачей Яэмону титула квампаку, – таким образом, предполагалось, что новая династия сегунов будет подтверждена императорской печатью.

При обычных обстоятельствах ни один дайме, даже Торанага, не осмелился бы сделать такое предложение кому-нибудь из придворных – это оскорбляло вышестоящие власти, в данном случае Совет регентов, лишало их многих привилегий и немедленно расценивалось как измена, – да так и было на самом деле. Но Торанага знал, что он уже все равно обвинен в измене...

«Завтра Ишидо и его союзники выступят против меня. Сколько времени мне осталось? Где следует быть битве? В Одаваре? Победа зависит от времени и места, а не от числа воюющих. Соотношение сил у меня и у них – один к трем. Ничего... Ишидо выберется из Осацкого замка! В шахматной борьбе за власть я пожертвовал своего ферзя, но Ишидо потерял две ладьи... Но в последней игре я утратил больше чем ферзя. Я лишился корабля. Ферзь может быть добычей, корабль – нет!»

Они спускались с холма быстрой, тряской рысью. Внизу рокотало море. После поворота тропинки появилась Иокогама, вдалеке в море, у берега, – останки корабля. Торанага видел: на плато в боевом порядке выстроился мушкетный полк с лошадьми и снаряжением – мушкеты убраны в чехлы, почетный караул – самураи, прекрасно вооруженные, выстроились в ряд по линии его следования. На окраине деревни жители аккуратными рядами стояли на коленях, приготовившись приветствовать его, Торанагу. На галере вместе с капитаном, дожидались моряки. С обеих сторон пристани в идеальном порядке тянулись вытасенные на берег рыбацьи лодки... Торанага решил сделать замечание Наге: он приказал полку приготовиться к немедленному выходу, но отрывать рыбаков и крестьян от рыбной ловли и работы на полях – зачем это?

Он повернулся в седле и подозвал самурая.

– Передайте Бунтаро: пусть выезжает вперед и проверит, все ли благополучно и готово к моему приезду. Потом отправляйтесь в деревню и пошлите жителей на работу, кроме старосты.

– Да, господин. – Самурай вонзил шпоры в бока лошади и ускакал.

К этому времени Торанага подъехал к плато так близко, что мог различить лица; Анджин-сан, Ябу... Кири и госпожа Сазуко... Возбуждение его росло, настроение было приподнятое...

* * *

Мрачный Бунтаро скакал вниз по дороге с луком и двумя колчанами стрел за спиной, шестерка самураев мчалась за ним по пятам. Свернув с дороги, их группа оказалась на плато. Он сразу же увидел Блэксорна и лицо его стало еще суровее; он натянул поводья и осмотрелся: лицом к полку была устроена крытая обзорная площадка с подушкой на помосте; еще одна подушка, поменьше, лежала ниже – там ждали Кири и госпожа Сазуко. Ябу, как старший офицер, стоял перед полком, Нага – справа от него, Анджин-сан – слева. Решив, что здесь все в порядке, Бунтаро сделал знак подъезжать основной партии. На рысях

подъехали всадники авангарда, спешили и встали защитной цепью вокруг обзорной площадки. Вот в центр площадки выехал Торанага... Нага высоко поднял боевое знамя и четыре тысячи самураев грянули:

– Торана-а-а-га-а-а!.. – И все поклонились... Торанага не ответил на приветствие. В полной тишине он оперся на седло и озираал всех: Бунтаро украдкой следит за Анджин-саном; Ябу держит меч – его подарок и, видимо, очень нервничает; поклон Анджин-сана корректен, но невыразителен, рукоятка меча у него сломана; Кири и самая младшая его наложница стоят на коленях, положив руки ладонями на татами, лица скромно опущены... Глаза его моментально смягчились... Но вот полк... Все еще стоят согнувшись в поклоне... Он так и не ответил поклоном, только коротко кивнул и почувствовал, как по рядам прошел шорох – выпрямляются после поклона... Он ловко спрыгнул с лошади, радуясь, что они боятся его кары... Самурай взял поводья и увел лошадь, а он повернулся спиной к полку и, весь в пятнах пота, что обычно было в этом влажном климате, подошел к своим женщинам:

– Ну вот, Кири-сан, добро пожаловать домой!

Обрадованная Кири изящно поклонилась.

– Спасибо, господин. Я уж и не думала, что буду иметь удовольствие увидеть вас еще раз.

– Я тоже, госпожа, – Торанага позволил себе показать, как он счастлив, потом взглянул на молодую женщину: – Ну, Сазуко-сан? А где мой сын?

– С кормилицей, господин. – Она боялась дышать, счастливая его явным расположением.

– Пожалуйста, пошлите кого-нибудь принести сюда нашего ребенка.

– О, пожалуйста, господин. С вашего разрешения, можно мне принести его самой?

– Да, госпожа, если хотите. – Торанага улыбнулся и с любовью посмотрел на нее. Потом перевел взгляд на Кири. – «У вас все хорошо?» – тайком спросили его глаза.

Она поняла его.

– О да, господин, благодарю вас. Мне так отрадно видеть вас сильным и бодрым.

– Вы похудели, Кири-сан, и выглядите моложе чем когда-либо.

– Ах, простите, господин, это не так, но все равно – спасибо.

Он улыбнулся ей.

– Как бы потом ни пошли дела, вам это идет. Трагедия, уединенность, заброшенность... Я рад видеть вас, Кири-сан.

– Я так счастлива, господин, что повиновение вам госпожи Тода и такая ее жертва открыли Осаку. Ей было бы очень приятно, господин, знать, что все так удалось.

– Сначала я разберусь с этой толпой, потом мы поговорим. Нам надо поговорить.

– Да, о да! – Глаза Кири сверкнули. – Сын Неба откладывает свой визит?

– Это было бы разумно.

– У меня для вас личное письмо от госпожи Ошибы.

– Благодарю, это подождет. – Он помедлил. – Госпожа Мариико погибла с честью? По своему выбору или несчастный случай, ошибка?

– Мариико-сан выбрала смерть. Это было сеппуку. Если бы она не сделала то, что сделала, они бы захватили ее. О, господин, она держалась так безупречно в эти дьявольские дни, так мужественно. И Анджин-сан – тоже. Если бы не он, ее схватили бы и опозорили. Мы все были бы пойманы и обещены.

– Ах да, ниндзя! – вздохнул Торанага. Глаза его потемнели, и Кири вздрогнула. – Ишидо за многое придется ответить, Кири-сан. А теперь пожалуйста, извините меня. – Он подошел к обзорной площадке и сел, приняв суровый, грозный вид. Его плотно окружали телохранители.

– Оми-сан!

– Господин? – Оми вышел вперед и поклонился; он выглядел теперь старше и казался худощавее.

– Проводите госпожу Киритсубо в ее помещения и проследите за ними. Я останусь здесь ночевать.

Оми отсалютовал и ушел, а Торанага порадовался, что внезапное изменение планов не вызвало у Оми ни малейшего удивления. «Оми обучается, – подумал он, – или его шпионы сообщили ему, что я тайно приказал Судару и Хиро-Мацу прибыть сюда. Может быть, я и останусь здесь до завтра».

Теперь он все внимание обратил на полк. По его сигналу вперед вышел Ябу и отсалютовал. Торанага вежливо обратился к нему:

– Я рад, Ябу-сан, что вы вернулись.

– Благодарю вас, господин. Разрешите вам сказать: я счастлив, что избежал ловушки Ишидо.

– Рад за вас. В Осаке дела не очень хороши?

– Мой покой нарушен, господин. Я надеялся выбраться из Осаки и спокойно привести сюда обеих ваших дам, госпожу Тода, Анджин-сана и моряков для корабля. К несчастью, прошу прощения, нас дважды предали – и здесь и там.

Торанага посмотрел на остов корабля, омываемый морем. Лицо его исказилось гневом, и все приготовились к взрыву... Но все обошлось.

– Карма... – неожиданно спокойно произнес Торанага. – Карма, Ябу-сан. Что можно сделать против стихии? Небрежность – это другое дело... Теперь относительно Осаки. Я хотел бы услышать обо всем, что произошло, в деталях – как только мы распустим полк и я приму ванну.

– У меня есть для вас письменный отчет, господин.

– Благодарю вас, но сначала я бы хотел, чтобы вы сами мне рассказали.

– Это верно, что Возвышенный не поедет в Осаку?

– Это решает сам Возвышенный.

– Вы хотели бы устроить смотр полку, перед тем как отпустить его? – церемонно осведомился Ябу.

– Почему я должен оказывать эту честь? Разве вы не знаете, что они провинились?

– Да, господин, я сожалею. – Ябу безуспешно пытался понять, что на уме у Торанага. – Я был в ужасе, когда услышал, что случилось. Это кажется почти невероятным.

– Согласен. – Лицо Торанаги потемнело, он посмотрел на Нагу и плотные ряды самураев за ним. – Я все еще не могу понять, как могла произойти такая оплошность. Мне нужен этот корабль!

Нага возмутился:

– Прошу меня простить, господин, – желаете, чтобы я провел еще одно дознание?

– Что ты можешь сделать сейчас, чего еще не сделал?

– Не знаю, господин, ничего, господин, прошу меня извинить.

– Твое расследование было достаточно тщательным?

– Да, господин, пожалуйста, простите мою глупость.

– Это не твоя вина. Тебя здесь не было. И ты не командовал. – Торанага нетерпеливо повернулся к Ябу. – Любопытно, даже загадочно, что береговой патруль в лагере, палубная вахта, командир – все в эту ночь были с острова Изу... Кроме нескольких ронинов Анджин-сана.

– Да, господин. Любопытно, но не загадочно, прошу прощения. Вы совершенно правы, возложив ответственность на офицеров, а Нага-сан – что наказал остальных. Извините, но я, как только приехал, сразу же провел свое расследование, но у меня нет дополнительной информации, мне нечего добавить. Вы правы – карма... Карма помогла этим проклятым христианам. Но все равно – извините.

– Вы считаете, что это был злой умысел?

– Доказательств нет, господин, но приливная волна и пожар слишком легкое объяснение. Конечно, любой пожар должен быть потушен. Я еще раз прошу прощения.

– Я принимаю ваши извинения, но, пожалуйста, скажите, как мне возместить эту

потерю. Мне нужен этот корабль!

Ябу почувствовал неприятный холодок в животе.

– Да, господин, знаю. Жалею, но заменить его нельзя. Однако Анджин-сан по дороге сказал нам, что скоро сюда придут и другие боевые корабли из его страны.

– Как скоро?

– Он не знает, господин.

– Год? Десять лет? У меня вряд ли есть и десять дней.

– Простите, я тоже хотел бы знать. Не спросите ли вы его сами, господин?

Торанага в первый раз впрямую посмотрел на Блэксорна: здоровяк англичанин стоял в одиночестве, с мрачным лицом:

– Анджин-сан!

– Да, господин?

– Плохо, да? Очень плохо. – Торанага показал вниз, на остов корабля.

– Да, очень плохо, господин.

– Как скоро могут прийти сюда другие корабли?

– Мои корабли, господин?

– Да.

– Когда этого захочет Будда.

– Мы поговорим сегодня вечером. Сейчас можете быть свободны. Благодарю вас за Осаку. Да. Пойдите на галеру – или в деревню. А вечером поговорим. Вы меня поняли?

– Да, поговорим вечером, я вас понял, господин. Спасибо. А когда вечером?

– Я пришлю за вами. Благодарю вас. За Осаку.

– Это мой долг. Но я мало что сделал. Всего добилась Тода Мариико-сама. Все – для Торанаги-сама.

– Да, это так. – Торанага с уважением ответил на поклон. Анджин-сан пошел было, но остановился. Торанага посмотрел на дальний конец плато: туда только что поднялись на лошадях и спешили Тсукку-сан и его приближенные. Он не беседовал со священником в Мисиме, хотя и сообщил ему о гибели корабля, решив поговорить после того, как его людям удастся выехать из Осаки и галера благополучно придет в Анджино. Тогда он решил только, что пригласит священника с собой, чтобы дать возможность Блэксорну встретиться с ним в нужное время. Он увидел, что Блэксорн направился в сторону священника.

– Нет, Анджин-сан, позднее, не сейчас. Сейчас идите в деревню! – приказал он.

– Но, господин! Этот человек погубил мой корабль! Он – враг!

– Идите туда! – Торанага указал на деревню. – Подождите там, пожалуйста. Сегодня вечером мы поговорим.

– Господин, пожалуйста, этот человек...

– Нет. Вы пойдете на галеру! Пойдете сейчас! Пожалуйста... «Это лучше, чем приучать сокола садиться на руку, – подумал Торанага. – Я приложу все усилия, чтобы повлиять на него. Он так же дик, опасен и непредсказуем... Непонятен, уникален... Не похож ни на одного из тех, кого я знаю...»

Краем глаза он заметил, как Бунтаро выходит на дорогу перед Анджин-саном, готовый заставить его послушаться. «Как глупо, – мелькнуло у него в голове, – и как напрасно». Он все так же не сводил взора с Блэксорна и почувствовал, что тот повинует.

– Хорошо, иду, господин Торанага. Прошу прощения, сейчас иду, – согласился Блэксорн. Он вытер пот с лица и собрался идти в другую сторону.

– Спасибо, Анджин-сан. – Торанага не выдавал своего торжества. Он смотрел, как Блэксорн послушно уходит прочь – злой, сильный, опасный, но управляемый теперь его волей. А впрочем... Почему бы и нет? Торанага вдруг передумал. – Анджин-сан! – окликнул он. Да, настало время ослабить путы и пустить птицу в свободный полет – последнее испытание, – Послушайте, да, идите, если хотите. Я думаю, лучше не убивать Тсукку-сана, но, если вы хотите его убить, – убейте. Но лучше не убивайте. – Он сказал это медленно, тщательно выговаривая слова и повторил еще раз. – Вакаримас ка?

– Хай.

Торанага посмотрел в эти невероятно голубые глаза, заполненные слепой злобой, и задумался... Убьет или нет эта дикая птица, пущенная на волю, свою жертву, или вернется на руку, не попробовав мяса?

Торанага махнул рукой, отпуская его. Блэксорн повернулся и направился в северном направлении, в сторону Тсукку-сана. Бунтаро отступил с его дороги. Блэксорн не замечал никого, кроме священника. День, казалось, стал еще более жарким...

– Итак, Ябу-сан, что он собирается делать? – задал вопрос Торанага.

– Убить. Конечно, он убьет его, если сможет поймать. Священник заслуживает смерти. Все христианские священники заслуживают смерти. Все христиане. Я уверен, они устроили это несчастье с кораблем – священники или Кийяма, – хотя и не могу доказать.

– Вы ручаетесь своей жизнью, что он убьет Тсукку-сана?

– Нет, господин, – поспешил ответить Ябу. – Нет, я бы не стал, прошу меня простить. Он варвар, – оба они варвары.

– Нага-сан?

– На его месте я убил бы священника и всех их – теперь, когда вы дали разрешение. Не знаю никого, кого бы я так ненавидел. Последние два дня Анджин-сан стал как безумный – ходит взад-вперед, бормочет что-то, смотрит на остатки корабля, спит там, свернувшись калачиком на песке, плохо ест... – Нага еще раз посмотрел на Блэксорна. – Я согласен, что в гибели корабля природа не виновата. Я знаю священников, – каким-то образом они стоят за этим делом... – Доказать тоже не могу, но... Я не верю, что пожар начался из-за бури.

– Ну, так говори – что он будет делать?

– Он взорвется. Посмотрите, как он идет... Я думаю, он убьет, – я надеюсь, что он убьет.

– Бунтаро-сан?

Бунтаро повернулся к ним, – тяжелые его щеки были не бриты, он твердо упирался в землю мускулистыми ногами, держа лук наготове.

– Вы посоветовали ему не убивать священника, – вы не хотите, чтобы он погиб. Убьет его Анджин-сан или нет, мне все равно, господин. Меня интересует, как это касается вас. Можно я остановлю его, если он вас слушается? На таком расстоянии мне это легко.

– Можете вы гарантировать, что только раните его?

– Нет, господин.

Торанага тихонько засмеялся и прекратил обсуждение.

– Анджин-сан не убьет его. Он будет кричать и возмущаться, шипеть как змея и размахивать мечом... А Тсукку-сан – надуваться «святым» фанатизмом, совершенно не испугавшись, и отвечать: «Это была случайность. Я не трогал ваш корабль!» Тогда Анджин-сан обзовет его вруном, Тсукку-сан еще больше переполнится усердием, и повторит свое заявление, и поклянется, что это правда, именем Бога... Возможно, проклянет его еще раз... И они будут ненавидеть друг друга еще двадцать жизней. Никто не погибнет. По крайней мере не теперь.

– Откуда вы знаете все это, отец?! – воскликнул Нага.

– Наверняка не знаю, мой сын. Но что я говорю – то и случится. Всегда важно не жалеть времени, изучая людей. Важных людей... Врагов и друзей. Чтобы понять их. Я наблюдал за ними обоими. Они оба очень нужны мне. Что вы об этом думаете, Ябу-сан?

– Я согласен с вами, господин, – Ябу внезапно встревожился.

Нага бросил быстрый взгляд на Анджин-сана: тот все еще идет своей неторопливой походкой, он уже в семидесяти шагах от Тсукку-сана... Священник ожидает его со своими собратьями... Легкий ветерок колышет их оранжевые накидки.

– Но, отец, они же не трусы? Почему же... как они могут с честью выйти из этого положения?

– Он не убьет по трем причинам. Первая: Тсукку-сан безоружен и не будет сопротивляться, даже если дойдет до рукопашной. А убивать невооруженного человека – это

противоречит его принципам, это позор, грех по их христианской религии. Вторая – он христианин. А третья – я решил, что еще не время.

Бунтаро выразил свое мнение:

– Пожалуйста, извините меня, я могу понять третье и даже первое. Но не то ли настоящая причина их ненависти, что оба считают – другой поклоняется не Христу, а сатане? Они ведь так его называют?

– Да, но их Бог Иисус учил – или считается, что учил, – надо прощать своих врагов. Это сущность христианства.

– Но ведь это глупо-о... – протянул Нага. – Прощать врага глупо.

– Я согласен. – Торанага посмотрел на Ябу. – Глупо прощать врага. А ваш взгляд, Ябу-сан?

– Да, я тоже так думаю.

Торанага посмотрел на север: две фигуры теперь совсем близко друг от друга... Торанага проклинал свою неосмотрительность. Ему все еще были очень нужны они оба, не стоило рисковать ни одним... Он отпустил Анджин-сана, просто чтобы погасить его возбуждение... Он не посылал его убивать... Он сожалел о своей глупости. Теперь он ждал, захваченный происходящим, как и все... Но случилось так, как он и предсказывал: их столкновение было коротким, резким, злым – это заметно даже с такого расстояния. Торанага радовался про себя, – ему стало гораздо легче. Э-э-э, слышать бы, что там говорится... Знать бы наверняка, что он Прав... Ага, вот Анджин-сан уходит... Тсукку-сан за его спиной вытирает лоб цветным носовым платком...

– Вот вам! – с восхищением воскликнул Нага, – Как мы можем проиграть в войне при таком командире?

– Слишком легко, мой сын, если это моя карма. – Настроение у Торанаги изменилось. – Нага-сан, прикажи самураям, которые вернулись на галере из Осаки, идти в мой дом.

Нага бросился исполнять приказание.

– Ябу-сан, я рад, что вы благополучно вернулись обратно. Распустите полк, – после ужина мы с вами поговорим. Могу я послать за вами?

– Конечно. Благодарю вас, господин, – Ябу отсалютовал и ушел.

Оставшись один – охранников он отослал на такое расстояние, чтобы они не могли подслушать, – Торанага уставил внимательный взгляд на Бунтаро: он неспокоен, как собака, на которую долго смотрят. Наконец он не выдержал:

– Господин?

– Как-то вы просили его голову...

– Да... да, господин.

– Ну?

– Он... он оскорбил меня в Анджино. Я... я все еще опозорен.

– Я приказываю забыть об этом позоре!

– Тогда это было забыто, господин. Но она изменила мне с ним, и это нельзя простить, пока он жив. У меня есть доказательства. Я хочу его смерти. Сейчас. Он... Пожалуйста... Его корабля нет... Какая от него теперь польза, господин? Я прошу об одной милости на всю жизнь.

– А какие доказательства?

– Всем известно. По пути из Ёкосе. Я говорил с Ёсинакой. Об этом все знают, – упрямо добавил он.

– Ёсинака видел их вместе? Он обвиняет ее?

– Нет, но то, что он сказал... – Бунтаро поднял глаза – в них застыла боль. – Я знаю, и этого достаточно. Пожалуйста, я прошу об этом как о единственной милости на всю жизнь. Я никогда ни о чем не просил вас...

– Он нужен мне живым. Не будь его, ниндзя захватили бы ее и обесчестили, а значит, опозорили бы и вас.

– Одна просьба на всю жизнь... Я прошу вас. Его корабль пропал, – он исполнил все,

что ему назначено. Я прошу вас.

– У меня есть доказательства того, что он не опозорил вас и ее.

– Простите, какие доказательства?

– Послушайте меня – это только для вас. У нас с ней было соглашение. Я приказал ей подружиться с Анджин-саном. – Торанага уже устал от Бунтаро. – Они стали друзьями. Анджин-сан боготворил ее, но он никогда не опозорил вас с ней или она – вас с ним. В Анджино, как раз перед землетрясением, когда она первой предложила поехать в Осаку, освободить всех заложников – публично бросив вызов Ишидо, а затем усилив кризис совершением сепукку, чтобы он ни пытался сделать, – в этот день...

– Это планировалось еще тогда?

– Конечно. Разве вы не знали? В этот день я приказал ей развестись с вами.

– Как?

– Развестись. Вы не понимаете слов?

– Да, но...

– Развестись. Она много лет терпела ваши безумства, вы плохо обращались с ней. А как вы вели себя с ее кормилицей, с другими женщинами? Разве я не говорил вам, что она была нужна мне, чтобы переводить язык Анджин-сана? А вы все равно не сдержались и поколотили ее, – чуть не убили ее в тот раз... Так ведь?

– Да, простите...

– Пришло время покончить с этим браком. Я приказал его кончить, прекратить. Тогда же.

– Она просила развода?

– Нет. Я сам решил и приказал ей это. Но ваша жена просила меня отменить приказ. Я не выполнил просьбы. Тогда жена ваша заявила, что тут же совершит сепукку, и без моего позволения, прежде чем ее заставят опозорить вас таким образом. Я настаивал на повиновении. Она не согласилась. Ваша жена заставила меня, своего сюзерена, отменить мой официальный приказ. Убедила меня привести его в действие только после Осаки, – мы оба знали, что Осака для нее значит смерть. Вы понимаете?

– Да, я понял вас.

– В Осаке Анджин-сан спас ее честь и честь моих женщин и моего младшего сына. Без него они и все остальные заложники в Осаке там бы и остались, я погиб бы или оказался в руках Икавы Джикья, – возможно, в цепях, как преступник!

– Пожалуйста, извините меня... но почему она так поступила? Она же ненавидела меня... Почему она отложила развод? Из-за Сарудзи?

– Ради вашего имени. Так она понимала свой долг. Ваша жена заботилась о вашей чести – даже после своей смерти. Часть нашего соглашения – что это должно быть тайной между нею, вами и мною. Никто этого знать не должен: ни Анджин-сан, ни ее сын – никто, даже ее христианский исповедник.

– Что?

Торанага объяснил все еще раз... Бунтаро не сразу, но как будто разобрался во всем, и Торанага его отпустил. Наконец-то один... Можно встать, потянуться, не думать ни о чем... Как он утомился от всех этих дел, навалившихся на него после приезда сюда... Солнце все еще высоко, хотя после полудня прошло немало времени. Он почувствовал жажду и выпил поданного телохранителем холодного чая. А теперь – к берегу. Скинув пропотевшее кимоно, Торанага поплыл и ушел на глубину... Но долго оставаться так нельзя – стража сразу забеспокоится. Он вынырнул и поплыл на спине, глядя в небо... Ему так нужно скопить сил для предстоящей долгой ночи...

«Ах Марико, – думал он, – какая вы удивительная женщина. Да, удивительная... Даже сейчас, потому что, конечно, будете жить вечно. Где вы – на вашем христианском небе, с вашим христианским Богом? Надеюсь, что нет. Это было бы ужасной потерей... Я надеюсь, что ваша душа ждет сорокового дня, чтобы, согласно Будде, заново родиться где-нибудь здесь. Я молюсь о том, чтобы дух ваш пришел в мою семью... Но снова в виде женщины – не

мужчины... Мы не можем вообразить вас мужчиной. Слишком большая потеря, если вы вдруг будете мужчиной...» Он улыбнулся. Все, что он рассказал Бунтаро, так и произошло в Анджино, хотя она и не вынуждала его отменить свой приказ. «Как могла она заставить меня сделать то, чего я не хочу?» – задал он вопрос небу. Она почтительно и корректно просила его не сообщать о разводе до возвращения из Осаки. «Но, – успокоил он себя, – она совершила бы сеппуку, если бы я отказал ей. Она бы настаивала. Непременно бы настаивала, и это все бы испортило. Заранее согласившись, я только спас ее от позора и препирательств, а себя – от беспокойства. А теперь я держу это в тайне, как она, конечно, и пожелала бы... Мы все от этого только выиграем. Я рад, что уступил...» – размышлял он, потом громко рассмеялся. Тут его накрыло небольшой волной, – он набрал полный рот воды и закашлялся...

– С вами все в порядке, господин? – Встревоженный охранник плыл рядом.

– Да-да, конечно, – Торанага сплюнул воду. «С водой надо поосторожнее, – подумал он. – Будет мне наука... Сегодня это уже вторая ошибка».

Он увидел остов корабля. «Давай – кто кого!» – окликнул он телохранителя. Соревноваться с Торанагой значило на самом деле соревноваться. Однажды некий генерал нарочно позволил ему победить, надеясь завоевать его расположение. Эта ошибка стоила ему очень дорого... Телохранитель выиграл. Торанага поздравил его и уцепился за остов судна, ожидая, когда успокоится дыхание, потом огляделся – он был очень любопытен, – ушел под воду, осмотрел киль «Эразмуса»... В лагерь он вернулся освеженный и готовый к дальнейшему...

Для него на удачно выбранном месте был уже построен временный дом под широкой тростниковой крышей, на толстых бамбуковых столбах. Стены из седзи и перегородки поставили на поднятом от земли и покрытом татами деревянном полу. Часовые – на местах, приготовлены комнаты для Кири и Сазуко, помещения для слуг и поваров, соединенные сетью тропинок, устроенных на временных сваях.

Своего сына Торанага увидел в первый раз. Госпожа Сазуко не могла же быть так невежлива, чтобы принести ребенка на плато, – она боялась помешать важным делам, – хотя он-то был рад... Ребенок его очень порадовал.

– Чудный мальчик, – похвалил он, привычно держа его на руках, – И вы, Сазуко, моложе и красивее, чем были раньше. Надо вам еще ребенка... Материнство вам идет.

– О, господин, я боялась, что больше никогда вас не увижу, не смогу показать вам младшего сына... Как мы старались спастись из этой ловушки... И войска Ишидо...

– Посмотрите, какой прекрасный ребенок! На следующей неделе я построю храм в его честь и обеспечу его... – он остановился, уполовинил цифру, которую собирался было назвать, и тут же разделил ее еще пополам, – двадцатью коку в год.

– О, господин, как вы великодушны! – Она радовалась от всего сердца.

– Вполне достаточно для этого несчастного священника, чтобы он мог сказать несколько раз «Наму Амида Бутсу».

– О да, господин. Храм будет построен около замка в Эдо? О, как замечательно! Вот если бы он стоял на реке... хотя бы на ручейке!

Он согласился неохотно, – даже такой проект стоил бы дороже, чем он хотел заплатить за такую ерунду. «Но мальчик хорош, я могу проявить в этом году такое великодушие», – подумал он.

– О, спасибо, господин... – Госпожа Сазуко запнулась. На тенистую веранду, где они так уютно расположились, спешил Нага.

– Прошу простить меня, отец, но что делать с вашими самураями, которые вернулись из Осаки? Как бы вы хотели их повидать – всех вместе или поодиночке?

– Поодиночке.

– Да, господин. Еще: священник Тсуку-сан хотел бы повидать вас, когда вам будет удобно.

– Скажи, что я пошлю за ним, как только представится такая возможность. – Торанага

снова заговорил со своей наложницей, но она вежливо и безоговорочно попросила у него прощения и ушла, зная, что он хотел бы немедленно поговорить с самураями. Он просил ее остаться, но она просила разрешения уйти, и он согласился.

Торанага дотошно допросил всех своих людей, размышляя над их рассказами; как бы случайно вызывал их еще раз; проводил перекрестную проверку... К заходу солнца он уже ясно представлял себе, что случилось на самом деле или что они думали об этом... Потом он быстро и совсем немного поел, впервые за весь день, и послал за Кири, отправив телохранителей за пределы слышимости разговора.

– Сначала расскажите мне, Кири-сан, что вы делали, что видели, чему были свидетельницей.

Ночь наступила задолго до того, как Торанага счел – с него достаточно, хотя Кири хорошо подготовилась к этому разговору.

– Э-э-э, – сказал он наконец, – это было рискованное дело, Кири-сан, очень рискованное.

– Да, – ответила Кири, сложив руки на своем обширном животе. И добавила с большой нежностью: – Все боги, большие и малые, охраняли вас, господин, и нас. Прошу извинить меня за то, что я сомневалась в исходе дела, сомневалась в вас. Боги нас опекали.

– Видимо, вы правы. – Он смотрел в темноту. Пламя факелов колебалось под легким ветром с моря, отгонявшим ночных насекомых, – это делало ночь еще приятнее. На небе поднялась яркая луна... Темные пятна были на ней так хорошо заметны... Торанага рассеянно подумал: интересно, так ли все, как считают: пятна эти – суша, а остальное – лед и снег... И кто там живет... «О, как много есть неизвестного, непознанного... И как хотел бы я это постичь», – подумал он.

– Можно мне задать вопрос, Тора-сан?

– Какой вопрос, госпожа?

– Почему Ишидо нас отпустил? Он же не должен был этого делать? Будь я на его месте, я бы никогда не допустила... Почему?

– Сначала – какое послание от госпожи Ошибы.

– Госпожа Ошиба сказала: «Пожалуйста, передайте господину Торанаге, что я почтительно прошу его найти какой-нибудь способ решить его разногласия с наследником. Как доказательство хорошего отношения к нему наследника я хотела бы уверить Торанагу-сана: наследник много раз выражал свое нежелание вести какие-то армии против своего дяди, господина...»

– Она это сказала?

– Да, о да!

– Она ведь знает, как и Ишидо: если Яэмон поднимет против меня свое знамя, я проиграю!

– Она так сказала, господин.

Торанага сжал мозолистый кулак и стукнул им по татами.

– Если это настоящее предложение, а не какая-то хитрость – я на полпути к Киото и даже на один шаг дальше.

– Да, – подтвердила Кири.

– А какая цена?

– Мне это неизвестно. Больше она ничего не передавала, господин, – кроме пожеланий всего хорошего своей сестре.

– Что я могу дать Ошибе такого, чего у нее еще нет? Осака – ее, все сокровища – у нее, Яэмон всегда был для меня наследником правителя государства. Эта война не нужна! Что бы ни случилось, через восемь лет Яэмон станет квампаку и унаследует страну – всю страну. Мне больше нечего ей дать...

– Может быть, она хочет выйти замуж?

Торанага энергично замотал головой:

– Нет, только не брак! Эта женщина никогда не вышла бы за меня замуж.

– Для нее, господин, это было бы идеальным решением.

– Она никогда так не думала. Ошибка – моя жена? Она четыре раза просила Тайко, чтобы он предложил мне отправиться в потусторонний мир.

– Да, но тогда он был жив...

– Я сделаю все, чтобы объединить государство, укрепить мир и сделать Яэмона квампаку. Она этого хочет?

– Это укрепило бы династию. Она об этом мечтает.

Торанага опять уставился на луну, но теперь он сосредоточился на этой задаче... Он вспомнил, что сказала ему госпожа Ёдоко в Осаке... Тогда немедленного ответа не требовалось, и он отложил этот вопрос, сосредоточившись на более важных текущих делах.

– Я думаю, она опять придумала какую-нибудь хитрость. Кийяма сказал вам, что корабль варваров сгорел?

– Нет, господин.

Торанага нахмурился.

– Это удивительно – он должен был знать об этом. Я сказал Тсукку-сану, как только услышал, – он сделал все, чтобы сразу послать почтового голубя. Но это только подтвердило бы то, что они и так уже знали.

– Ведь это злодейство должно быть наказано. И поджигатели, и глупцы, которые это позволили.

– Со временем они все получают по заслугам, Кири-сан. Я слышал, что заявляют священники-христиане – это «перст Божий».

– Какое лицемерие и глупость!

«Да, очень глупо... с одной стороны, – думал Торанага. – Но не с другой...»

– Благодарю вас, Кири-сан. Скажу еще раз, – я безмерно рад, что вы благополучно вырвались оттуда. Мы останемся здесь на всю ночь. А сейчас, пожалуйста, извините меня... Пошлите за Ябу-саном, когда он придет, подайте чай, саке и оставьте нас одних.

– Да, господин. Могу я задать теперь один вопрос?

– Тот же самый?

– Да, господин. Почему Ишидо дал нам уехать?

– Ответ таков, Кири-сан: я не знаю. Он допустил ошибку.

Кири поклонилась и ушла – ее устроил ответ Торанаги.

* * *

Ябу ушел почти в полночь. Торанага раскланялся с ним как с равным, еще раз поблагодарил за все, пригласил на тайный военный совет завтра, утвердил как генерала мушкетного полка и письменно подтвердил его владение Тотоми и Суругой – как только они будут завоеваны и окажутся в безопасности от врагов.

– Теперь полк абсолютно готов к войне, Ябу-сан. Вы один ответственный за его подготовку и боеспособность. Оми-сан будет посредником между нами. Используйте знания Анджин-сана во всех областях.

– Это очень правильно, господин. От всей души благодарю вас.

– Вы оказали мне большую услугу, доставив сюда моих женщин и Анджин-сана в целости и сохранности. Ужасная история получилась с кораблем, – это карма... Будем надеяться, что скоро придет еще один. Спокойной ночи, мой друг, – Торанага отхлебнул чаю. Теперь он почувствовал, что сильно устал.

– Нага-сан?

– Господин?

– Где Анджин-сан?

– Все у корабля, со своими вассалами.

– Что он там делает?

– Просто смотрит на то, что осталось от корабля, – Нага почувствовал себя неловко под

пронзительным взглядом отца. – Извините, отец, что-нибудь не так?

– Что? А, нет, ерунда... Где Тсукку-сан?

– В одном из домиков для гостей, господин.

– Ты сказал ему, что в следующем году хочешь креститься?

– Да, господин.

– Хорошо. Сходи за ним.

Через несколько минут Торанага увидел: священник направляется к нему – высокий, худой, строгое лицо исчерчено морщинами, черная голова с тонзурой, без малейших признаков седины... Слуги идут за ним с факелом. Внезапно Торанага вспомнил про Ёкосе.

– Терпение – великая вещь, Тсукку-сан...

– Да, конечно. Но почему вы заговорили об этом, господин?

– А я думал про Ёкосе. Тогда было все по-другому – совсем недавно...

– Пути Господни неисповедимы, господин. Я так рад, что вы еще не выехали за пределы своих границ.

– Вы хотели меня видеть? – Торанага смеялся про себя над японским, каким говорил священник, но и завидовал в глубине души – редкие способности к языкам...

– Только чтобы просить извинения за случившееся.

– Что сказал Анджин-сан?

– Много злых, несправедливых слов... Обвинения... Что я поджег его корабль.

– Вы поджигали?

– Нет, господин.

– А кто?

– На то воля Божья. Была буря, и корабль загорелся.

– Это не дело рук Бога. Вы говорите, что не участвовали в этом – вы, или кто-нибудь из священников, или еще кто-то из христиан?

– О, я помогал как мог, господин. Я молился, мы все молились... Ей-богу, я считаю, что этот корабль был орудием дьявола, – я много раз говорил это. Знаю, что вы так не думаете, и еще прошу меня простить, что выступаю здесь против вас. Но не думаете ли вы, что это стихийное бедствие помогло, а не помешало вам?

– Как это?

– Отец-инспектор больше не будет отвлекаться, господин, и сконцентрируется на господине Кийяме и господине Оноши.

Торанага без обиняков заявил:

– Все это я слышал и раньше, Тсукку-сан. Какую практическую помощь может оказать мне главный священник христиан?

– Господин, доверьтесь... – Алвито спохватился, потом искренне произнес: – Извините меня, пожалуйста, господин, но я чувствую, что, если вы доверитесь Богу, он поможет вам.

– Я так и делаю, но больше верю в себя. А тем временем узнаю, что Ишидо, Кийяма, Оноши и Затаки собрали свое войско. Ишидо выставит против меня триста или четыреста тысяч...

– Отец-инспектор выполнит свое соглашение с вами, господин. В Ёкосе я потерпел неудачу, – теперь, я думаю, появилась надежда.

– В бою мне вряд ли удастся использовать эту надежду.

– Да, но Бог может победить при любом перевесе сил.

– Да... Если Бог существует, он может победить при любом перевесе сил. – Голос Торанага стал резче. – О какой надежде вы говорите?

– Честно говоря, я не знаю, господин. Но разве Ишидо не выступает против вас? Разве он не выбрался из Осацкого замка? Разве это не еще одна случайность?

– Нет, но вы поняли важность его решения?

– Да, очень хорошо. Я уверен: отец-инспектор тоже понял.

– Может быть, Ишидо передумает, сделает господина Кийяму главнокомандующим, спрячется в Осаке и направит против меня Кийяму и наследника?

– Я не могу ответить на этот вопрос, господин. Но если Ишидо покинет Осаку – это будет чудо.

– Вы серьезно сочтете это чудо еще одним делом рук вашего христианского Бога?

– Ничто не случается без его ведома...

– Даже если мы умрем – то ничего не будем знать о Боге! Я слышал, отец-инспектор выехал из Осаки. – Торанага возликовал: по лицу Тсукку-сана пробежала тень... Эта новость пришла в день, когда они покидали Мисиму.

– Да, это так, – признался священник. – Он отправился в Нагасаки, господин. – Опасения его усилились.

– Провести погребение Тоды Марико-сама?

– Ах, господин, вы уже все знаете! Мы все – глина на гончарном круге, который вы вертите.

– Не люблю пустую лесть... Вы забыли?

– Нет, господин, прошу меня извинить. Я не то имел в виду. – Алвито уже почти пал духом в этой беседе. – Вы против такого погребения, господин?

– Я тут ни при чем. Она была особенной женщиной, и пример ее заслуживает любых почестей.

– Да, господин, благодарю вас. Отец-инспектор будет очень рад. Он убежден – это очень важно.

– Конечно. Она была моим вассалом и христианкой, – ее пример не останется незамеченным другими христианами. Или теми, кто хочет перейти в христианство.

– Я бы сказал – не это не останется незамеченным... Конечно, она заслуживает всяческих похвал за свое самопожертвование.

– За то, что отдала свою жизнь, чтобы другие могли жить? – загадочно поинтересовался Торанага, не упоминая о сеппуку, просто о самоубийстве...

– Да, за это.

Торанага улыбнулся про себя, заметив, что Тсукку-сан ни словом не обмолвился о другой женщине, Кийяме Ачико, – о ее смелости, ее смерти, о захоронении. – Оно тоже должно проводиться с большим почетом и положенными церемониями. Голос его стал строже:

– Вы, стало быть, не знаете, кто распоряжался или помогал в этой диверсии на моем судне?

– Нет, господин. Мы только молились...

– Я слышал, строительство вашей церкви в Эдо подвигается...

– Да, господин. Еще раз благодарю вас.

– Ну, Тсукку-сан, я надеюсь, что труды главного священника христиан скоро принесут свои плоды. Мне нужна больше чем надежда, и у меня долгая память. А сейчас у меня к вам просьба – мне нужна ваша помощь как переводчика. – Внезапно он почувствовал, что священнику это очень не по нутру. – Вам нечего бояться.

– О, господин, я не боюсь его... Прошу меня простить, – я просто не хочу иметь с ним дела.

Торанага встал.

– Я требую, чтобы вы уважали Анджин-сана! Его мужество не требует доказательств – он несколько раз спасал жизнь Марико-сан. Он сейчас не в себе, – его можно понять... Потерял свой корабль...

– О да, такая жалость...

Торанага направился к берегу, телохранители с факелами освещали ему путь.

– Когда ваше руководство даст мне отчет о том случае с передачей оружия?

– Как только будет получена вся информация из Макао.

– Пожалуйста, попросите ускорить отчет.

– Да, господин.

– Кто из дайме-христиан связан с этим делом?

– Простите, не знаю. Не знаю даже, участвовал ли кто-то из них.

– Жаль, что не знаете, Тсукку-сан... Это сэкономило бы мне много времени. В том, чтобы узнать правду об этом деле, заинтересованы многие дайме.

«Ах, Тсукку-сан, – думал Торанага, – вы прекрасно понимаете, я мог бы загнать вас в угол... И вы бы извивались и метались, как змея, и я бы вынудил вас именем вашего христианского Бога, и вам пришлось бы признаться: «Кийяма, Оноши и, возможно, Харима». Но время еще не пришло... Вы еще не готовы узнать: я считаю, что вы, христиане, не повинны в диверсии с кораблем, – ни Кийяма, ни Харима, ни даже Оноши. Я уверен в этом! И все-таки это не просто случайность, воля providения. Это дело рук Торанаги... «Но почему?» – можете вы спросить.

Кийяма мудро отказался от предложения в том моем письме, которое передала ему Марико. У него не было доказательств моей искренности. Чем еще мог я поступиться, кроме корабля – и этого варвара, – что доставляло беспокойство вам, христианам? Я думал – лишусь и того и другого... Удалось пожертвовать только одним... Сегодня в Осаке посредники скажут Кийяме и главному вашему священнику об этом моем добровольном пожертвовании – доказательстве моей искренности: я не против церкви, – только против Ишидо. А вот и доказательство? «Да, но можно ли доверять Кийяме?» – спросите вы совершенно обоснованно. – Нет, нельзя. Но Кийяма прежде всего японец, а потом уже христианин. Об этом вы всегда забывали. Кийяма поймет, что я искренен. Пожертвовать кораблем – это нечто единичное, как пример Марико или смелость Анджин-сана... – «А как вам удалось устроить этот поджог?» – наверняка спросите вы. «Какая вам разница, Тсукку-сан? Достаточно того, что мне это удалось. И никого не оказалось хитрее меня, нескольких надежных людей и самого поджигателя. Кто им был? Ишидо нанял ниндзя. Почему бы и мне так не сделать? Только я нанял одного человека и мне удалось. А Ишидо потерпел неудачу».

– Проигрывать глупо! – произнес он вслух.

– Что вы сказали, господин? – переспросил Алвито.

– Глупо, если не удастся скрыть правду в таком щекотливом деле, как контрабанда мушкетеров, – отрезал Торанага. – И подстрекательство дайме-христиан на восстание против их сюзерена Тайко.

– Да, господин, – если это было на самом деле.

– О, я уверен, что так и было, Тсукку-сан. – Торанага дал разговору постепенно иссякнуть, увидев, что Тсукку-сан явно возбужден и готов переводить не за страх, а за совесть.

К этому времени они уже спустились на берег, и Торанага, отбросив усталость, уверенной поступью пересек несколько дюн... На самом берегу он заметил, как Тсукку-сан в страхе перекрестился, и подумал, – как глупо быть таким суеверным и бояться непонятно чего. – Задолго до того, как они появились, вассалы Анджин-сана уже вскочили на ноги и кланялись. Анджин-сана с ними не было, он все еще сидел в сторонке, невидящим взглядом уставившись в море.

– Анджин-сан! – негромко окликнул его Торанага.

– Да, господин? – очнулся Блэксорн, вскакивая на ноги, – Простите, вы хотите поговорить со мной?

– Да, пожалуйста. Я привел с собой Тсукку-сана, – мне хочется, чтобы все было ясно. Понимаете? Быстро и точно.

Торанага заметил при свете факелов, что глаза у него совершенно неподвижны, а сам он крайне истощен. Торанага оглянулся на Тсукку-сана.

– Вы понимаете, что я говорю? – Он подождал, пока священник начал переводить, и внимательно прослушал все на этом дьявольски звучащем языке. Анджин-сан кивнул. Его обвиняющий взгляд не смягчился.

– Да, господин, – сказал наконец священник.

– Теперь переводите для меня, Тсукку-сан, как раньше. Все точно: слушайте,

Анджин-сан, я привел с собой Тсукку-сана, так что мы можем говорить прямо и быстро, не теряя значения ни одного слова. Для меня это так важно, что я прошу вас потерпеть. Я думаю, так будет лучше всего.

– Да, господин.

– Тсукку-сан, сначала поклянитесь вашим христианским Богом, что ничего, что вы здесь услышите, вы никому не передадите – как на исповеди... Мне и ему!

– Но, господин, это не...

– Вы это сделаете. Сейчас. Или я перестану, вам помогать, навсегда, – вам и вашей церкви.

– Очень хорошо, господин. Я согласен. Перед Богом клянусь.

– Хорошо. Спасибо. Объясните ему, что вы согласились. – Алвито повиновался. Тогда Торанага уселся на песчаной дюне и стал отмахиваться опахалом от налетевших насекомых.

– Теперь, пожалуйста, расскажите мне, Анджин-сан, о том, что случилось в Осаке.

Блэксорн начал говорить запинаясь, но постепенно стал оживать, и скоро речь хлынула потоком – отец Алвито с трудом поспевал за ним. Торанага слушал в молчании, не прерывая этого потока, лишь иногда вставляя осторожные подбадривающие замечания, – он был идеальным слушателем.

Закончил Блэксорн уже на рассвете. К этому времени Торанага знал все... все, что хотел ему поведать Анджин-сан, поправил он себя. Священник это понимал. А Торанага был уверен: не сказано ничего, что Кийяма или католики могли бы использовать против Марики или него самого... Анджин-сан теперь почти не замечал священника...

– Вы уверены, что адмирал собирался поставить вас к этому столбу, Анджин-сан? – переспросил он.

– О да. Если бы не этот иезуит. Я еретик в его глазах – предполагается, что огонь очищает душу.

– Почему отец-инспектор спас вас?

– Не знаю. Это как-то связано с Марики-сан. Без моего корабля я им не опасен. О, они продумали все очень тщательно, но она, наверное, намекнула им, как это сделать.

– Каким образом? Что она знала о поджогах кораблей?

– Мне это не известно. В замок проникли ниндзя. Возможно, ниндзя побывал и здесь и поджег мой корабль. В день смерти Марики-сама виделась с отцом-инспектором в замке. Думаю, она подсказала ему, как сжечь «Эразмус» – в обмен на мою жизнь. Но я не могу жить без своего корабля, господин...

– Вы не правы, Анджин-сан. Благодарю вас, Тсукку-сан. – Торанага отпустил его. – Я очень ценю вашу помощь. Пожалуйста, теперь вы можете отдыхать.

– Да, господин. Благодарю вас. – Алвито заколебался. – Я хотел бы просить извинения за адмирала. Мужчины рождены в грехе, большинство их и живут в грехе, хотя и становятся христианами.

– Христиане рождаются в грехе, мы – нет. Мы цивилизованные люди, которые понимают, что такое грех на самом деле, а не неграмотные крестьяне, которые не знают ничего лучшего. Тем не менее, Тсукку-сан, будь я на месте вашего адмирала, я не дал бы уйти Анджин-сану, если бы он попался мне в руки. Это было бы военное решение, правильное решение. Я думаю, он будет жить, сожалея, что не настоял, и ваш отец-инспектор – тоже.

– Вы хотите, чтобы я перевел и это, господин?

– Это – для вас. Благодарю вас за помощь. – Торанага ответил на поклон священника и приказал одному из своих людей проводить его обратно в домик для гостей, потом повернулся к Блэксорну.

– Анджин-сан, давайте сначала поплаваем.

– Простите, господин?

– Поплаваем! – Торанага разделся и вошел в воду. Уже светлело... За ним вошли в воду Блэксорн и телохранители. Торанага сильными гребками поплыл в море, потом повернул и

поплыл вокруг остова корабля. Блэксорн все время плыл вслед за ним. Холод освежил его. Вскоре Торанага повернул к берегу. Слуги стояли с полотенцами наготове, со свежими кимоно, чаем, саке и завтраком.

– Поедим, Анджин-сан.

– Прошу прощения, я не голоден.

– Ешьте!

Блэксорн сделал несколько глотков, потом икнул:

– Извините.

– Глупо. Вы проявляете слабость. Слабость – как эти чесночники корейцы. Неприличное поведение для хатамото...

– Простите, господин?

Торанага повторил еще раз – жестко. Потом показал в сторону корабля, поняв, что теперь полностью завладел вниманием Блэксорна:

– Это все ерунда. Сигата га наи. Неважно. Слушайте: Анджин-сан – хатамото, верно? Не кореец. Понятно?

– Да, извините меня.

Торанага поманил телохранителя, тот протянул ему запечатанный свиток.

– Вот, Анджин-сан, Мариико-сама перед отъездом из Эдо дала мне это. Мариико-сама просила меня, если вы будете живы после Осаки – если вы останетесь живы, понимаете? – передать это вам.

Блэксорн взял предложенный ему свиток и, мгновение помешкав, сломал печать.

* * *

– Что в этом письме, Анджин-сан? – поинтересовался Торанага.

Мариико писала по-латыни:

«Ты. Я люблю тебя. Если ты читаешь это письмо, значит, я погибла в Осаке и, может быть, из-за меня твой корабль тоже погиб. Я могу пожертвовать этой самой ценной частью твоей жизни из-за своей веры, чтобы спасти свою церковь, но больше всего – чтобы спасти твою жизнь, которая мне дороже всего, даже интересов моего господина – Торанаги. Это может привести к необходимости выбора – ты или твой корабль. Извини, но я выбрала тебе жизнь. Этот корабль так или иначе обречен – с тобой или без тебя. Я уступаю твой корабль твоему врагу за то, чтобы ты мог жить. Этот корабль – ничто. Построй себе другой. Ты можешь это сделать – разве ты не учился строить корабли, а не только водить их? Думаю, Торанага даст тебе всех необходимых ремесленников, плотников и кузнецов, сколько понадобится, – ему нужен ты и твои корабли, – и из своих личных денег я завещаю тебе все необходимое.

Построй себе новый корабль и устрой себе новую жизнь, мой любимый. Захвати на следующий год Черный Корабль и живи вечно. О мой дорогой, моя христианская душа молится о том, чтобы повстречать тебя на христианском небе; моя японская хара молится, чтобы в следующей жизни я была бы кем угодно, только чтобы радовать тебя и быть с тобой, где бы ты ни был. Прости меня, но твоя жизнь – важнее всего. Я люблю тебя».

– О чем говорится в письме, Анджин-сан?

– Прошу прощения, господин. Мариико-сама говорит, что этот корабль был не нужен. Говорит, что я должен построить новый корабль. Говорит...

– А! Это можно? Можно, Анджин-сан?

Блэксорн заметил, как заинтересовался дайме.

– Да. Если иметь... – Он не мог вспомнить, как по-японски будет «плотник». – Если Торанага-сама даст мне людей, умеющих строить корабли.

В голове его новый корабль стал обретать форму. Меньше, намного меньше, чем «Эразмус». От девяноста до ста тонн водоизмещением – это все, что он сможет сделать: никогда раньше не видел он, как строят, и не строил сам всего корабля, хотя Альбан

Карадок, конечно, готовил его и в корабели, а не только в кормчие. «Боже, воздай Альбану! – воскликнул он мысленно. – Да, девяносто тонн для начала. «Золотая лань» Дрейка была примерно такой, а вспомнить, сколько она вынесла... Я могу взять на борт двадцать пушек, этого будет достаточно, чтобы... Боже мой, пушки!...»

Он обернулся, опять на остов своего корабля, увидел, что на него смотрит Торанага, смотрят все его люди, – и понял, что говорил с ними по-английски.

– Ах, извините, господин. Думал слишком быстро. Большие ружья – там, в море. Нужно быстро их достать!

Торанага поговорил со своими людьми и обратился к Блэксорну:

– Самураи говорят, что все с корабля перенесено в лагерь. Кое-что выловлено в море, на мелком месте, во время отлива. Теперь пойдёмте в лагерь.

Блэксорн почувствовал облегчение.

– Корабль построить можно. Если будут большие ружья, можно воевать с врагами. Торанага-сама может достать порох?

– Да. Сколько нужно плотников? Как много плотников?

– Сорок плотников и кузнецов, дуб для шпангоутов – у вас здесь растёт дуб? Потом, нужно железо, сталь... я сделаю, кузницу... мне потребуется мастер... – Блэксорн понял, что опять заговорил по-английски. – Извините, я напишу на бумаге. Все точно. И все обдумаю. Пожалуйста, дайте мне человека в помощь.

– Любых людей, любые деньги! И немедленно. Мне нужен корабль. Как можно быстрее! За какой срок мы сможем его построить?

– Шесть месяцев с того дня, когда заложим киль.

– А быстрее нельзя?

– Нет, прошу прощения.

– Позже мы ещё поговорим об этом подробнее, Анджин-сан. Что ещё говорит Мариико-сама?

– Ещё мало что, господин. Говорит, что оставляет мне денег, чтобы строить корабль, – своих денег. Также просит прощения за то, что... помогла моим врагам погубить корабль.

– Каким врагам? Каким образом?

– Не говорит – кто, не говорит – как, господин. Ничего определенного. Только просит прощения, – если такое случится. Мариико-сама говорит – «сайонара». Надеется, ее сеппуку поможет господину Торанаге.

Торанага улыбнулся ему.

– Рад, что теперь все хорошо, Анджин-сан. Э-э-э, Мариико-сама была права. Не беспокойтесь об этом! – Торанага показал на остов корабля. – Начинайте строить новый корабль! Боевой корабль! Вы понимаете?

– Понимаю, очень хорошо.

– Этот новый корабль... может этот новый корабль победить Черный Корабль?

– Да, конечно.

– Ах! Черный Корабль! На следующий год?

– Возможно.

– А как насчет команды?

– Простите?

– Команда – моряки, артиллеристы?

– К будущему году можно подготовить моих вассалов – сделать из них артиллеристов. Моряков не получится.

– Вы можете взять всех моряков в Кванто.

– Тогда – на следующий год. – Блэксорн улыбнулся. – На следующий год – можно. А война?

Торанага пожал плечами:

– Война, не война – все-таки попробуйте. Это ваша цель – понятно? Цель! И наша тайна. Только между мною и вами! Черный Корабль!

– Священники скоро разгадают нашу тайну.

– Может быть. Но на этот раз не будет никакой приливной волны или тайфуна, мой друг. Вы будете следить, я тоже.

– Да, господин.

– Захватите один раз Черный Корабль, потом поплывете домой. Приведете мне целый военный флот. Поняли?

– О, да.

– Если я проиграю – что ж, карма. Если нет, тогда – все, Анджин-сан. Все как вы сказали. Все: Черный Корабль, посол, договор, корабли! Поняли?

– Да. О да! Благодарю вас.

– Благодарите Мариико-сама. Без нее... – Торанага тепло попрощался с ним, на этот раз как с равным, и ушел, сопровождаемый телохранителями. Вассалы Блэксорна отвесили поклоны, совершенно завороченные почестями, оказанными их хозяину.

Блэксорн, уже совсем в другом настроении, смотрел, как уходит Торанага. И вдруг вспомнил про еду, – вот теперь можно поесть. Слуги начинали уже убирать.

– Подождите. Пожалуйста, оставьте...

Он ел аккуратно, медленно, соблюдая хорошие манеры, его люди ссорились из-за привилегии услужить ему. В уме он перебирал все те огромные возможности, которые открыл перед ним Торанага. «Ты выиграл!» – сказал он себе, готовый плясать от радости. Но плясать, конечно, не стал, еще раз перечитал ее письмо... И еще раз отдал ей должное...

– Идите за мной! – приказал он своим людям и повел их к лагерю. Голова его уже было занята строительством корабля и тем, как сделать на нем орудийные порталы.

«Боже, помоги Торанаге выгнать Ишидо из Кванто и Изу и будь добр – благослови Мариико, где бы она ни была! Пусть пушки не слишком проржавеют! Мариико права: «Эразмус» был обречен – со мной или без меня! Она вернула меня к жизни. Я могу создать новую жизнь. И новый корабль! Девяносто тонн! Мой корабль будет остроносой плавающей боевой платформой, обтекаемой, как борзая, классом лучше, чем «Эразмус», с гордо выступающим бушпритом, под ним красивая выточенная фигурка, а лицо... лицо напоминает ее... ее раскосые глаза, высокие скулы. Мой корабль будет... Да, с этого остова я спасу еще с тонну материала! Можно использовать часть киля, несколько шпангоутов... собрать вокруг гвоздей... Оставшуюся часть киля укрепить скобами и стяжками... И все, что мне будет нужно... если у меня будет время...

Да, мой корабль будет похож на нее! – пообещал он себе. – Он будет аккуратный, миниатюрный – идеальный, как клинок Ёситомо... Лучший в мире! И очень опасный... На следующий год он получит приз в двадцать раз больше собственного веса, как Мариико в Осаке, и вышвырнет врага из Азии! А через год или два я поплыву на нем вверх по Темзе до Лондона, с полными трюмами золота, оставив за собой семь морей...»

– Я назову свой корабль «Леди», – он сказал это вслух – не удержался.

Глава Шестьдесят Первая

Спустя двое суток Торанага проверял подпруги своего седла. Он ловко ткнул лошадь коленом в живот, мускулы у нее расслабились, и ему удалось затянуть ремень еще на две дырки. «Глупое животное! – подумал Торанага. Он презирал лошадей за их постоянные хитрости и уловки, от их неуравновешенного характера только возникают опасности. – На этот раз здесь я, Ёси Торанага-нох-Миновара, а не какой-нибудь пустоголовый младенец!» Он подождал и снова сильно ударил лошадь коленом. Та фыркнула, звякнув уздечкой, и он затянул ремни до отказа.

– Хорошо, господин! Очень хорошо, – одобрил его главный охотник, грубый старик, старый и обветренный, как мешалка для рассола. – Многие перестали бы подтягивать после первого раза.

– Потом седло бы соскочило и этот дурак свалился, а может, к обеду и сломал бы себе

позвоночник – Самурай засмеялся:

– И заслуженно, господин!

Вокруг конюшни суетились телохранители, сокольник несут ястребов и соколов с колпачками на головах. Тетсу-ко – сокол-сапсан, самка, – сидела на почетном месте и рядом с ней, подчеркивая ее размеры, – единственная самка ястреба-перепелятника Кого с незакрытой головой, – ее золотистые безжалостные глаза внимательно осматривали все вокруг.

– Доброе утро, отец. – обратился к нему Нага, подводя свою лошадь.

– Доброе утро, мой сын. Где твой брат?

– Господин Судару ждет в лагере, отец.

– Хорошо. – Торанага улыбнулся юноше. Потом, чувствуя к нему особую симпатию, отвел его в сторону, – Слушай, мой сын: вместо того, чтобы ехать на охоту, напиши боевые приказы, а я подпишу их, когда вернусь сегодня вечером.

– О, отец! – Нага чуть не лопался от гордости – ему оказали честь формально поднять перчатку, брошенную Ишидо: собственным почерком тот изложил решение вчерашнего военного совета – армиям выдвинуться к перевалам, – Спасибо, отец, спасибо!

– Далее: мушкетному полку приказано на рассвете выступить в Хаконе. Еще: обоз из Эдо придет завтра после обеда. Проверить, чтобы все было готово!

– Да, конечно. Когда мы начнем бой?

– Очень скоро. Вчера вечером я получил известие; Ишидо и наследник выехали из Осаки – провести смотр войскам. Началось...

– Пожалуйста, простите меня, что я не могу полететь в Осаку, как Тетсу-ко, и убить его, Кийяму и Оноши – решить всю эту проблему так, чтобы не беспокоить вас.

– Спасибо, мой сын! – Торанага не собирался говорить ему о тех чудовищных проблемах, которые на самом деле надо решить, прежде чем эти убийства осуществятся. Он осмотрелся вокруг. Все сокольник готовы, телохранители – тоже. Он окликнул главного охотника:

– Сначала я заеду в лагерь, потом мы проедем по дороге вдоль берега, на четыре ри к северу.

– Но загонщики уже в горах... – Главный охотник проглотил окончание своей возмущенной фразы и попытался исправиться: – Прошу меня простить... Э-э-э... я, наверное, съел что-то несвежее.

– Да, наверное. Может быть, вам стоит передать ваши обязанности кому-нибудь другому? Или на вашу голову действует геморрой, прошу прощения? – Если бы Торанага не использовал охоту как прикрытие, он сразу сменил бы его.

– Прошу прощения, господин. – Старый самурай был смущен. – Могу я спросить... э... вы собираетесь охотиться в тех местах, что выбрали вчера вечером, или, э... хотели бы поохотиться вдоль побережья?

– Вдоль побережья.

– Конечно, господин. Прошу меня простить, теперь я могу внести все изменения. – Он кинулся исполнять. Торанага проводил его взглядом. «Пора ему в отставку», – подумал он беззлобно. Потом заметил Оми: он входил на конюшню вместе с сильно хромящим молодым самураем, с глубокой свежей раной на лице – след схватки в Осаке.

– Ах, Оми-сан! – Торанага ответил на его приветствие. – Это тот человек?

– Да, господин.

Торанага отвел их обоих в сторону и со знанием дела допросил самурая. Он делал это из любезности к Оми: он уже говорил с этим самураем, еще в первый вечер, и пришел к твердому выводу; он и Анджин-сана спрашивал, что в письме Марико, из вежливости, – он знал во всяком случае то, что сообщил ему Анджин-сан.

– Пожалуйста, изложите мне все своими словами, Марико-сан, – потребовал он, перед тем как она выехала из Эдо в Осаку.

– Я собираюсь отдать корабль его врагам. Это правильно, господин?

– Нет, госпожа. – Он видел, как ее глаза наполняются слезами. – Нет. Я повторяю: вы должны сообщить все эти секреты, о которых рассказали мне, Тсуку-сану – здесь, в Эдо; потом – главному священнику и Кийяме в Осаке; скажите всем, что без корабля Анджин-сан им не опасен. Я вам предлагаю – напишите ему сейчас письмо.

– Тогда они уничтожат корабль.

– Они попытаются сделать это. Они ведь все равно об этом думают, вы не сообщите им ничего нового.

– Вы можете спасти его корабль, господин?

– Я буду охранять его четырьмя тысячами самураев.

– Но если им это удастся... Анджин-сан никому не нужен без своего корабля. Я буду просить, чтобы ему сохранили жизнь.

– Вы не должны этого делать, Мариико-сан. Заверяю вас, что мне он нужен, с кораблем или без корабля. Обещаю вам. В письме напишите ему: если корабль будет уничтожен, – пожалуйста, постройте новый.

– Что, господин?

– Вы говорили мне – он это умеет. Вы уверены? Если я дам ему плотников и кузнецов?

– О да. О, как вы умны! Да, он много раз говорил, что учился строительству кораблей...

– Вы совершенно уверены, Мариико-сан?

– Да, господин. Так вы думаете, что священники-христиане добьются своего, несмотря на четыре тысячи человек охраны?

– Да. Прошу прощения, но они ни за что не оставят корабль в покое или его – в живых, пока он может выйти в море. Это будет слишком большая угроза им. Этот корабль обречен – придется уступить его им. Но только вы и я знаем и должны учитывать: его единственная надежда – построить новое судно. Я единственный человек, который может помочь ему в этом. Решите для меня это дело с Осакой, и я прослежу, чтобы он построил свой корабль.

«Я сказал ей правду... – подумал Торанага теперь, в Иокогаме, на рассвете, среди запаха лошадей, навоза и пота... Он едва слушал теперь раненого самурая и Оми, – он тосковал о Мариико. – Жизнь так печальна... Он устал от этих людей, от Осаки, от игр, которые приносят столько страданий живым... Но ставки в этих играх очень велики...»

– Благодарю вас, Косами. – Он дождался, когда самурай кончил свой рассказ. – Вы хорошо со всем справились. Пожалуйста, пойдете со мной, вы оба.

Торанага подошел к своей кобыле и еще раз пнул ее коленом в живот. Она тихонько заржала, но подтянуть подпругу он уже не смог.

– Лошади еще ненадежнее, чем люди! – пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь, вскочил в седло и поскакал, сопровождаемый телохранителями, Оми и Косами.

На плато он остановился. Все приветствовали его: Бунтаро с соколом на руке, Ябу, Хиро-Мацу и Судару.

– Доброе утро! – бодро ответил он и сделал знак Оми, что хочет с ним поговорить.

Он уже знал, что все готово, Судару послал своих людей в горы, проверить, как ведут себя загонщики. И вот теперь он заявил Судару:

– Благодарю тебя, мой сын, но я решил поохотиться на побережье.

Судару отправил гонца верхом – снимать всех с гор и перебрасывать на побережье.

– Извините, отец, мне следовало бы об этом подумать и подготовиться. Прошу меня простить.

– Да, мой сын. Так что, Хиро-Мацу, как идет подготовка?

Старый генерал, с неизменным мечом в руках, был зол.

– Думаю, все это бесчестно и не нужно. Скоро мы забудем об этом. Мы плюнем на Ишидо и без такого предательства.

Ябу возразил:

– Прошу меня извинить, но без этих ружей и нашей стратегии, Хиро-Мацу-сан, мы проиграем. Это современная война, таким способом мы имеем шанс ее выиграть, – Он оглянулся на Торанагу, который еще не слезал с лошади. – Я слышал сегодня ночью, что

умер Джикья.

– Вы уверены? – Торанага притворился удивленным. Он получил эту секретную информацию в день отъезда из Мисимы.

– Да, господин. Кажется, он болел. Мой источник сообщает, что он умер два дня назад. – Ябу открыто торжествовал. – Его наследник – сын, Хикодзу.

– Этот щенок? – презрительно процедил Бунтаро.

– Да, я согласен, – он ничего собой не представляет, – Ябу казался на несколько дюймов выше, чем обычно. – Господин, не открывает ли нам это путь с юга? Почему не атаковать по Такайдской дороге? После того, как сдох этот старый лис, Изу теперь безопасна, а Суруга и Тотоми беспомощны, как выброшенный на берег разошедшийся бочонок.

Торанага спешился. Он, казалось, задумался.

– А ваше мнение? – спокойно спросил он Хиро-Мацу.

– Если мы захватим дорогу на всем протяжении до перевала Утсунойя, все мосты и быстро возьмем Тенриу – обеспечив коммуникации надежной защитой, – то проскользнем прямо в сердце Ишидо. Запереть в горах Затаки, усилить нападение по Токайдо и обрушиться на Осаку! Мы будем тогда хозяевами положения.

– Если армии Ишидо поведет наследник, нас разгромят, – Судару говорил уверенно и спокойно.

– Не согласен, – заявил Хиро-Мацу.

– Я тоже, прошу прощения, – поддержал его Ябу.

– Но я согласен! – возразил Торанага твердо. Он еще не говорил им о возможном договоре с Затаки, о том, что тот в нужный момент предаст Ишидо. «Зачем? – думал он, – Это еще не факт. Пока. Но как мне совместить две проблемы? Мое соглашение со сводным братом отдать ему в жены Ошибу, если он нас поддержит, – это как раз факт. А что если условие Ошибы будет – чтобы я сам женился на ней? Это тонкий вопрос, – сказал он себе. – Непохоже, чтобы Ошиба предала Ишидо. Но коли так – ответ прост: мой брат подчинится неизбежному».

Вдруг он заметил, все взоры устремлены на него.

– В чем дело?

Все молчали. Бунтаро спросил:

– Что произойдет, господин, если мы выступим против знамени наследника?

Никто из них никогда не задавал этого вопроса напрямую, при всех и так официально.

– Если это произойдет, я проиграл. – Торанага был серьезен и тверд. – Я совершу сеппуку, а те, кто чтят завещание Тайко и несомненное право Яэмона наследовать звание сегуна явятся к нему и почтительно попросят у него прощения. Кто не сделает это – будет опозорен.

Все внимательно слушали, все молча торжественно кивнули. Торанага опять стал легок и добродушен:

– Однако, мы пока не на поле битвы, – давайте продолжать, как планировали. – Он обращался к Ябу. – Да, Ябу-сан, теперь возможен и южный путь наступления. Отчего умер Джикья?

– От болезни, господин.

– От болезни за пятьсот коку?

Ябу засмеялся, но в глубине души был взбешен, что Торанага раскрыл его тайную шпионскую сеть.

– Думаю, что так, господин. Вам рассказал мой брат?

Торанага кивнул и попросил объяснить всем остальным. Ябу это не огорчило – план был умный и сложный: Мисуно, его брат, на деньги, полученные от Анджин-сана, подобрался к помощнику повара, внедрившемуся на личную кухню Джикья...

– Не так уж дорого! – похвастался Ябу. – Пять сотен коку за возможность зайти с юга!

Хиро-Мацу жестко сказал Торанаге:

– Прошу меня простить, но я думаю, что это грязная история.
Торанага улыбнулся:
– Измена – оружия войны.
– Но не для самурая.
Ябу возмутился:
– Простите, господин Хиро-Мацу, думаю, вы не имели в виду оскорбить меня?
– Он не имел в виду оскорбить вас. Не так ли, Хиро-Мацу-сама? – вмешался Торанага.
– Нет, господин, – проворчал старый генерал. – Прошу прощения.
– Яды, заговоры, предательство, убийства всегда служили оружием в войнах, старина, – примирительно подвел итог Торанага. – Джикья был врагом и глупцом. Пять сотен коку за южный путь – ничто! Ябу-сама сослужил мне хорошую службу. Здесь и в Осаке.
– Я всегда готов верно служить вам, господин.
– Благодарю вас. Объясните, пожалуйста, почему вы убили капитана Самиери перед нападением ниндзя, – потребовал Торанага.
Выражение лица Ябу не изменилось. С ним, как всегда, меч Ёситомо, рука, как всегда свободна, на рукоятке:
– Кто это говорит? Кто обвиняет меня в этом, господин?
Торанага указал на группу коричневых в сорока шагах:
– Эти люди! Косами-сан, подойдите сюда, пожалуйста. Молодой самурай спешился, хромая, подошел и поклонился. Ябу пристально посмотрел на него:
– Кто вы, приятель?
– Сокура Косами, из десятого полка; назначен телохранителем госпожи Киритсубо в Осаке, господин. Вы поставили меня на пост у входа в вашу комнату – и комнату Самиери-сана – в ночь нападения ниндзя.
– Не помню вас. Вы осмелились сказать, что я убил Самиери?
Юноша заколебался. Торанага потребовал:
– Скажите ему!
Косами заговорил:
– У меня едва хватило времени, господин, перед тем как ниндзя на нас напали, открыть дверь и крикнуть Самиери-сану: «Тревога!» Но он не двигался, – прошу прощения, господин. – Он обратился к Торанаге, чувствуя себя неуютно под направленными на него пристальными взглядами. – Он был... он всегда так чутко спал, господин, хватало одного мгновения... Вот и все, господин.
– Вы вошли в комнату? Пытались растолкать его? – настаивал Ябу.
– Нет, господин. Ниндзя наступали так быстро, что мы отошли и контратаковали. Все было, как я сказал...
Ябу посмотрел на Торанагу:
– Самиери-сан был на посту два дня. Он был очень истощен, – мы все устали. Что это доказывает? – задал он вопрос всем.
– Ничего, – все еще дружелюбно согласился Торанага. – Но потом, Косами-сан, вы вернулись в комнату?
– Да, господин. Самиери-сан все еще лежал на футонах, как я застал его в прошлый раз, и... в комнате все было в полном порядке, совсем все, господин. А он был зарезан ножом, господин, ударом в спину. Я думал тогда – ниндзя – и ни о чем не помышлял, пока меня не допросил Оми-сан.
– Ах! – Ябу повернулся к племяннику, вся его внутренняя энергия сконцентрировалась на том, кто его выдал, – он прикидывал расстояние между ними. – Так вы допрашивали его?
– Да, господин, – ответил Оми. – Господин Торанага просил меня проверить все показания. Здесь была одна странность, о которой я должен был сообщить нашему господину.
– Одна странность? А есть и еще?
– Согласно приказам господина Торанага я опросил всех слуг, которые уцелели после

нападения ниндзя, господин. Таких оказалось двое. Извините, но они оба говорят, что вы прошли через их комнату с одним самураем и вскоре вернулись один, крича: «Ниндзя!» Потом они...

– Они бросились на нас и убили беднягу пикой и мечом и чуть не догнали меня. Я должен был отступить, чтобы поднять тревогу, – Ябу следил за Торанагой, осторожно переставляя ноги, чтобы занять более удобную позицию для атаки. – Я уже говорил вам об этом, господин, и в разговоре, и в письменном рапорте. Что эти слуги могли иметь общего со мной?

– Ну, Оми-сан? – потребовал Торанага.

– Простите, Ябу-сама, – продолжал Оми, – но они оба видели, как вы открывали засовы на секретной двери в главной башне, и слышали, как вы говорили: «Я – Касиги Ябу». Это позволило им спрятаться от бойни.

Лицо Ябу ничего не выражало. Внезапно Судару бросился перед Торанагой, чтобы защитить его. В тот же миг меч Хиро-Мацу блеснул у шеи Ябу.

– Стойте! – приказал Торанага.

Меч Хиро-Мацу замер – старик изумительно контролировал свои действия. Ябу не шелохнулся. Он гордо смотрел на них, потом надменно расхохотался.

– Разве я грязный ронин, чтобы нападать на своего сюзерена? Я – Касиги Ябу, владыка Изу, Суруги и Тотоми. – Он прямо посмотрел на Торанагу. – В чем меня обвиняют, господин? В помощи ниндзя? Чушь! Что мне эти фантазии слуг? Они лжецы! Или этот парень, который намекает на что-то, чего я не могу опровергнуть, а он – доказать?

– Доказательств нет, Ябу-сама, – ответил Торанага. – Я полностью с вами согласен: доказательств нет никаких.

– Ябу-сама, но вы все это совершили? – спросил Хиро-Мацу.

– Конечно, нет!

Торанага ответил:

– А я думаю, что да. Все ваши земли конфискуются. Пожалуйста, совершите сеппуку – сегодня же. До середины дня.

Приговор был окончательным. Это был главный момент, к которому Ябу готовился всю свою жизнь.

«Карма, – подумал он. Мозг его лихорадочно работал. – Я ничего не могу поделать – приказ законен... Торанага – мой сюзерен. Они могут отрубить мне голову, или я могу умереть с достоинством... Все равно я уже покойник. Оми выдал меня... Значит, такова моя карма. Всех слуг должны были убить, это входило в план, но вот двое выжили... Это моя карма. Веди себя достойно! – приказал он себе, собирая все свое мужество. – Думай и поступай соответствующим образом».

– Господин, – начал он с показной смелостью, – прежде всего, я не виновен в этих преступлениях – Косами ошибается, а слуги врут. Кроме того, я лучший из боевых генералов, которые у вас есть. Я прошу оказать мне честь возглавить атаку на Токкайдо или позволить занять место в первых рядах в первой же битве – тогда моя смерть принесет вам непосредственную пользу.

Торанага дружелюбно сказал:

– Это хорошее предложение, Ябу-сан, и я от всего сердца с вами согласен, что вы лучший генерал мушкетного полка. Но, прошу прощения, я не доверяю вам. Пожалуйста, совершите сеппуку до полудня.

Ябу сумел подавить ослепившую его злобу и выполнить свой долг самурая и главы рода. Он собрал все свое самообладание:

– Я официально прощаю моего племянника Касиги Оми-сана, освобождаю его от всякой ответственности за его предательство и официально назначаю своим наследником.

Торанага, как и все остальные, был поражен.

– Очень хорошо, – похвалил он. – Я думаю, это очень мудро. Согласен.

– Изу – наследственный удел рода Касиги. Завещаю его Оми-сану.

– Изу больше не ваш, чтобы вы могли кому-то его передать. Вы – мой вассал. Изу – одна из моих провинций. Я отдам его кому захочу.

Ябу пожал плечами:

– Я хотел отдать ему, даже несмотря на то... – Он засмеялся. – Это просьба на всю жизнь...

– Просить – можно. В вашей просьбе отказано. Ябу-сан, все ваши последние приказы подвергаются моему утверждению. Бунтаро-сан, вы будете официальным свидетелем. Теперь, Ябу-сан, – кого вы хотите себе в помощники?

– Касиги Оми-сана.

Торанага взглянул на Оми. Тот поклонился, лицо его побледнело.

– Для меня это большая честь!

– Тогда все оговорено.

Хиро-Мацу уточнил:

– И атака на Токкаидо – тоже?

– Нам будет безопаснее за нашими горами. – Торанага ответил на поклоны, вскочил на лошадь и пустил ее рысью. Судару вежливо кивнул и поехал за ним. Как только Торанага и Судару отъехали достаточно далеко, Бунтаро и Хиро-Мацу расслабились, но не Оми, – нет... Каждый не сводил взгляда с меча и руки Ябу.

Бунтаро осведомился:

– Где вы хотите сделать это, Ябу-сама?

– Здесь, там, внизу, на берегу, или на какой-нибудь навозной куче – мне все равно! Мне не нужны церемониальные одежды! Но, Оми-сан, вы не должны наносить свой удар, пока я не сделаю два разреза.

– Да, господин.

– С вашего разрешения, Ябу-сан, я тоже буду свидетелем, – предложил Хиро-Мацу.

– А ваш геморрой не против?

Ябу точно рассчитал – генерал разозлился.

– Пожалуйста, пошли за мной, когда он будет готов, – обратился он к Бунтаро. Ябу сплюнул:

– Я уже готов. А вы?

Хиро-Мацу повернулся на пятках. Ябу подумал, потом вынул из-за пояса свой меч Ёситомо в ножнах.

– Бунтаро-сан, не окажете ли вы мне любезность? Передайте это Анджин-сану... – Он протянул ему меч, потом нахмурился, – Вообще-то, подумав, я бы просил: если вас не затруднит, пошлите за ним – я хотел бы сам его отдать.

– Конечно.

– И, пожалуйста, сходите за этим противным священником, чтобы я мог поговорить с Анджин-саном напрямую.

– Хорошо. Какие еще распоряжения вы желаете сделать?

– Только бумагу, тушь и кисточку для моего завещания и предсмертного стихотворения и пару татами – не стоит пачкать колени или становиться ими в грязь, как какой-нибудь крестьянин, – Ябу явно бравировал.

Бунтаро подошел к одному из самураев, которые переминались с ноги на ногу, пытаясь сдержать возбуждение. Ябу беззаботно сел со скрещенными ногами и взял в зубы травинку. Оми слонялся вокруг, стараясь не подходить ближе чем на расстояние удара меча.

– Э-э-э! – завопил вдруг Ябу. – Я был так близок к успеху! – Он вытянул ноги и стал бить ими по земле в приступе злобы. – Так близок! Карма! – Он расхохотался, отхаркнулся и сплюнул, гордый тем, что во рту еще есть слюна. – Это на всех богов, живущих, мертвых и тех, что еще только родятся! И все же, Оми-сан, я умираю счастливым – Джикья мертв! Когда я пересеку Последнюю Реку и увижу его ожидающим там – я буду вечно плевать ему в глаза!

Оми, как ястреб, не спускал с него глаз:

– Вы оказали большую услугу господину Торанаге, господин. Теперь открыт путь вдоль берега. Вы правы, господин, а Железный Кулак и Судару не правы. Нам следует атаковать сразу – ружья помогут нам пробиться.

– Эта старая навозная куча! Глупец! – Ябу снова засмеялся. – Вы видели, как он надулся, когда я сказал про геморрой? Ха! Я думал, он взорвется. Самурай? Я больше самурай, чем он! Я ему покажу! Вы не должны рубить, пока я не прикажу.

– Можно мне почтительно поблагодарить вас за такую честь, а также за то, что вы хотели сделать меня своим наследником? Я официально заявляю вам, что честь рода Касиги в моих руках будет в безопасности.

– Если бы я так не думал, – не предложил бы этого, – Ябу понизил голос, – Вы правы, что выдали меня Торанаге. На вашем месте я сделал бы то же самое. Хотя все это враки... Это извиняет Торанагу. Он всегда был ревнив к моим боевым успехам, моему пониманию ружей и значения этого корабля. Это все мои идеи.

– Да, господин, я помню.

– Вы спасете наш род. Вы умны, как старая шелудивая крыса. Вы вернете обратно Изу и многое другое – это теперь очень важно – и удержите это для своих сыновей. Вы понимаете в ружьях. И в Торанаге...

– Клянусь, что постараюсь, господин.

Глаза Ябу опустились на руку Оми с мечом, отметив, как он насторожен.

– Вы думаете, я нападу на вас?

– Простите, конечно, я так не думаю, господин.

– Я рад, что вы настороже. Мой отец был похож на вас. Да, вы очень похожи на него.

Не делая резких движений, он отложил оба меча так, что больше не мог их достать. – Вот! Теперь я беззащитен. Несколько минут назад я хотел убить вас, но теперь – нет. Теперь вам не нужно меня бояться.

– Вас всегда надо бояться, господин.

Ябу опять захохотал и взял в рот еще травинку, потом отбросил ее в сторону.

– Послушайте, Оми-сан. Вот мои последние приказы как главы рода Касиги. Вы возьмете моего сына к себе в дом и будете обходиться с ним как он того заслуживает. Далее: найдите достойных мужей для моей жены и наложницы и как следует отблагодарите – они хорошо мне служили. О вашем отце, Мисуно: ему приказывается сразу же совершить сеппуку.

– Могу я потребовать, чтобы он вместо этого побрил голову и стал священником?

– Нет. Он слишком глуп, вы никогда не сможете доверять ему... Как осмелился он сообщить Торанаге мои секреты! И он всегда будет мешаться у вас на дороге! Что касается вашей матери... – Ябу оскалил зубы. – Я приказываю ей побрить голову и стать монахиней в одном из монастырей за пределами Изу и провести остаток дней, молясь о будущем рода Касиги. Буддийском или синтоистском. Я предпочитаю синтоистское. Вы согласны на синтоистское?

– Да, господин.

– Хорошо. Так она перестанет, – добавил Ябу со злой радостью, – отвлекать вас от дел рода Касиги своим постоянным нытьем.

– Это будет сделано.

– Хорошо. Вам я приказываю отомстить за их ложь про меня – этому Косами и этим предателям слугам. Рано или поздно, мне все равно, но вы должны это сделать – до того как умрете сами.

– Я выполню вашу просьбу;

– Есть что-нибудь еще, что я забыл?

Оми тщательно проверил, не подслушивают ли их.

– А что вы скажете о наследнике? – осторожно спросил он. – Ведь если наследник выйдет против нас на поле битвы, мы проиграем?

– Возьмите мушкетный полк, прорвитесь и убейте его, что бы ни говорил Торанага.

Яэмон – ваша главная цель.

– Я тоже так думаю. Благодарю вас.

– Но лучше, не дожидаясь этого момента, назначить тайную цену за его голову и предложить ниндзя... или Амиде Тонга.

– Как с ними связаться? – В голосе Оми послышалась дрожь.

– Эта старая ведьма Дзеко, Мама-сан, – она знает как. Но берегитесь ее и Амидов. Не пользуйтесь часто их услугами, Оми-сан. Никогда не обижайте ее, всегда защищайте. Она знает слишком много секретов и может достать каждого даже с того света. Целый год она была тайной наложницей моего отца... Возможно даже, ее сын – мой сводный брат... Берегитесь ее – она слишком много знает...

– Но где взять для этого денег?

– Это уж ваше дело. Но достаньте. Где-нибудь, как-нибудь.

– Да, спасибо. Я сделаю.

Ябу наклонился вперед. Оми сразу же подозрительно ощетинился, чуть ли не собираясь выхватить меч из ножен. Ябу был доволен, что даже в таком беззащитном состоянии его все еще боятся.

– Запрячьте эту тайну подальше. И слушайте, племянник, – будьте другом Анджин-сану. Постарайтесь контролировать корабли, которые он приведет сюда однажды. Торанага не понял настоящей цены Анджин-сана, но он прав, что хочет остаться за горами. Это дает время и ему и вам. Мы выйдем с гор и отправимся в море – и Касиги должны быть там в командирах! Касиги должны выйти в море, стать его хозяевами! Я приказываю вам это!

– Да, о да! Доверьтесь мне. Это будет!

– Хорошо. Последнее. Никогда не доверяйте Торанаге.

Оми серьезно ответил:

– А я и не доверяю, господин. Никогда не доверял и никогда не буду доверять.

– Так! И эти грязные лжецы... не забывают – с ними надо разделаться! И с Косами, – Ябу вздохнул, успокоившись. – Теперь извините меня – я должен написать свои предсмертные стихи...

Оми встал, отошел подальше на приличное расстояние, поклонился и удалился еще на двадцать шагов. Здесь сел и стал ждать.

* * *

Торанага с группой охотников рысью ехал вдоль береговой дороги, огибавшей большую бухту. Справа от них море почти вплотную подступало к дороге, берег был низменный, болотистый, с обширными илистыми отмелями. В нескольких ри к северу дорога соединялась с главной веткой дороги Токайдо. В двадцати ри к северу лежало Эдо.

С ним была сотня самураев, десять сокольников, каждый с птицей на перчатке. Судару, в сопровождении двадцати телохранителей, двигался в авангарде, – с ними было три птицы.

– Судару! – окликнул его Торанага, как будто бы это только что пришло ему в голову. – Остановись у следующей гостиницы – я не прочь позавтракать.

Судару махнул рукой, показывая, что понял, и поскакал вперед. К тому времени, когда подъехал Торанага, служанки уже кланялись и улыбались, хозяин со всеми своими людьми суеился вокруг гостей. Телохранители закрыли движение с севера и юга, укрепили знамя.

– Доброе утро, господин, пожалуйста! Что предложить вам перекусить? – Их встретил хозяин. – Благодарю вас за честь, оказанную моей бедной гостинице.

– Чаю, пожалуйста, и немного лапши с соевым соусом.

– Да, господин.

Еда, в тонкой миске, подана была мгновенно и приготовленная точно так, как он любил, – хозяин гостиницы был предупрежден Судару. Не церемонясь Торанага присел на корточки на веранде и с удовольствием поглощал простое крестьянское кушанье, наблюдая

за дорогой. Гости раскланялись и разошлись по своим делам, гордые тем, что останавливались в одной гостинице с таким крупным дайме. Судару обошел посты, удостоверился, что все в порядке.

– А где теперь загонщики? – поинтересовался он у начальника охоты.

– Кто на севере, кто на юге, а сюда, в горы я дополнительно направил людей. – Старый самурай, с несчастным видом, весь в поту, показал назад, в глубь материка, по направлению к Йокогаме. – Прошу простить меня, нельзя ли спросить у вас, куда собирается поехать дальше наш господин?

– Не имею понятия. Но не делайте сегодня больше таких ошибок.

– Да, господин.

Судару кончил свой обход и вернулся к Торанаге.

– Все в порядке, господин. Что еще сделать для вас?

– Ничего, спасибо, – Торанага покончил с лапшой и допил остатки супа. Потом сказал без всякого выражения: – Вы были правы относительно наследника.

– Прошу меня извинить, я боялся, что могу обидеть вас, сам того не желая.

– Вы были правы – так почему я должен обидеться? Когда наследник выступит против меня – что вы будете делать тогда?

– Выполнять ваши приказы.

– Пожалуйста, пришлите сюда моего секретаря и возвращайтесь с ним тоже.

Судару повиновался. Каванаби, секретарь – одновременно самурай и священник, всегда сопровождавший Торанагу в поездках, – быстро появился вместе со своим дорожным ящичком для бумаги, туши, печатей и кисточек для письма, который он возил с собой в корзине, привязанной к седлу.

– Господин?

– Пишите следующее: «Я, Ёси Торанага-нох-Миновара, восстанавливаю в правах моего сына, Ёси Судару-нох-Миновару, как своего наследника, с восстановлением во всех званиях и доходах».

Судару поклонился.

– Благодарю вас, отец, – Голос его был тверд, но в глубине души он недоумевал – почему все это?

– Поклянись торжественно, что будешь выполнять все мои распоряжения, завещания и беречь мое наследство.

Судару повиновался. Торанага молча ждал, пока Каванаби напишет бумагу, подписал ее и заверил своей печатью – маленьким квадратным кусочком слоновой кости с выгравированным на одном конце его именем. Он прижал печать к почти высохшей красной туши, потом к концу листа рисовой бумаги. Отпечаток получился идеальным.

– Спасибо, Каванаби-сан, датировать его вчерашним числом. Пока все.

– Прошу меня извинить, но потребуется еще пять копий, господин, чтобы ваше решение считалось окончательным: одна – для господина Судару, одна – для Совета регентов, одна – для Дома регистрации, одна – для вашего личного делопроизводства и одна – для архивов.

– Сделайте их сразу. И дайте мне дополнительно еще одну копию.

– Да, господин. – Секретарь ушел. Теперь Торанага мог взглянуть на Судару и рассмотреть его узкое, бесстрастное лицо. Когда он, умышленно внезапно сделал это объявление, на лице Судару ничего не отразилось, руки не задрожали. Ни радости, ни благодарности, ни гордости – даже ни удивления, и это огорчило его. «Но с другой стороны, – подумал Торанага, – почему тебе огорчаться? У тебя есть другие сыновья, они улыбаются, смеются, ошибаются, кричат, злятся, любят женщин... Нормальные сыновья... Этот сын пойдет за тобой, – вождь после твоей смерти, он будет держать всех Миновара в кулаке и править всей Кванту и всеми Миновара. Такой же холодный и расчетливый, как ты! Нет, не как я... – честно признался он себе, – Я могу и посмеяться, пожалеть, люблю подурачиться, спать с женщинами, кричать, танцевать, играть в шахматы и в пьесах Но...

иные люди радуют меня – такие, как Нага, Кири, Чоно, Анджин-сан... Я привязан к охоте... Люблю побеждать... побеждать... побеждать... Но тебя ничто не радует, Судару, извини. Ничто... Кроме твоей жены, госпожи Дзендзико. Госпожа Дзендзико – единственная слабое звено в твоей цепочке».

– Господин? – окликнул его Судару.

– Я пытался вспомнить, когда последний раз видел тебя смеющимся.

– Вы хотите, чтобы я смеялся, господин?

Торанага покачал головой: он учил Судару быть идеальным сыном, если надо, он засмеется.

– Сколько тебе потребуется времени, чтобы убедиться, что Джикья действительно мертв?

– Перед выездом из лагеря я послал в Мисиму первоклассного голубя, на случай если бы вы еще не знали, верно это или нет, отец. Я получу ответ в течение трех дней.

Торанага благословил богов за то, что уже был осведомлен Касиги Мисуно о заговоре против Джикья и за несколько дней узнал о смерти своего врага. Он снова и снова размышлял над своим планом, искал и не находил в нем изъяна... Эти колебания даже его довели до полуобморочного состояния, но он принял решение:

– Прикажи одиннадцатому, шестнадцатому, девяносто четвертому и девяносто пятому полкам в Мисиме приготовиться к немедленному выступлению. Через четыре дня поведешь их вниз по Токайдо.

– «Малиновое небо»? – Судару на этот раз все же был выведен из равновесия. – Вы атакуете?

– Да, я не жду, когда они атакуют меня.

– Так Джикья мертв?

– Да.

– Могу я предложить вам добавить еще двадцатый и двадцать третий?

– Нет. Десяти тысяч человек должно хватить – при внезапности нападения. Надо еще охранять границы – на случай неудачи или какого-нибудь подвоха. И сдерживать Затаки.

– Верно, – согласился Судару.

– Кто возглавит это наступление?

– Господин Хиро-Мацу. Это как раз для него.

– Почему?

– Прямой, простой, старый способ ведения войны, приказы совершенно четкие, отец. Он подходит для этой кампании.

– Но он больше не годится для роли верховного главнокомандующего?

– Прошу прощения, Ябу-сан был прав – ружья изменили мир. Железный Кулак сейчас уже устарел.

– Кто тогда?

– Только вы, господин. До тех пор пока битва не произойдет, я советую вам никого не допускать между вами и битвой.

– Я подумаю об этом. Сейчас отправляйтесь в Мисиму. Подготовьте там все. Ударным силам Хиро-Мацу будет дано двадцать дней, чтобы пересечь реку Тенрю и взять под контроль дорогу Токайдо.

– Прошу прощения, могу я предложить сделать последним пунктом назначения для них склон Шими? И дать им тридцать дней?

– Нет. Если я отдам такой приказ, гребня достигнут немногие, а большинство погибнет. Мы не сможем отразить контратаку, удары врага, если наши силы будут отступать.

– Но вы, конечно, пошлете сразу же вслед за ними подкрепления?

– Наше главное наступление будет проходить через горы Затаки. Это только отвлекающий момент. – Торанага внимательно посмотрел на сына, но Судару никак не отреагировал на это заявление – не удивился, не одобрил, но и не выразил неодобрения.

– Ах, извините. Прошу меня простить, господин.

– Кто будет командовать мушкетным полком без Ябу?

– Касиги Оми.

– Почему?

– Он в них разбирается. Кроме того, он современный, очень смелый, умный, терпеливый – и такой же опасный, даже более опасный, чем его дядя. Я бы советовал, если вы победите, и он выживет, найти повод, чтобы предложить ему отправиться в Пустоту.

– Если я выиграю?

– Малиновое Небо всегда было последним планом. Вы говорили это сотни раз. Если мы потерпим поражение на Токайдо, Затаки вырвется на равнины. Пушки там не помогут. Это последний план. Вам никогда не нравились последние планы.

– А Анджин-сан? Что вы посоветуете по поводу его?

– Я согласен с Оми-саном и Нага-саном. Его следует изолировать. Его люди ничего собой не представляют – они эта и скоро перебьют друг друга. Они ничто. Я советую всех иностранцев или изолировать, или выкинуть из страны. Они как чума – и обращаться с ними надо так же.

– Тогда не будет торговли шелком...

– Если такова цена, то я бы заплатил. Они – чума.

– Но нам нужен шелк... Чтобы защищаться, мы должны знать о них, учиться тому, что они знают...

– Их следует ограничить в проживании одним Нагасаки, держать под надежной охраной, число их строго ограничивать. Торговать они могут только раз в год. Разве деньги не их главный мотив? Разве не это говорит Анджин-сан?

– Ах, так он все-таки полезен?

– Да, очень. Он показал нам, как мудры были эдикты об изгнании. Анджин-сан очень мудр, очень смел. Но он игрушка. Он развлекает вас, господин, как Тетсу-ко, – он полезен, но только как игрушка.

Торанага завершил беседу:

– Благодарю за высказанные вами мнения. Когда начнется наступление, вы вернетесь в Эдо и будете ждать дальнейших приказов. – Он сказал это твердо и со скрытым смыслом: Затаки все еще держал госпожу Дзендзико, сына и трех дочерей Судару заложниками в своей столице Такато. По просьбе Торанаги, Затаки дал Судару разрешение на отъезд, но только на десять дней. Судару официально дал согласие на сделку и обещал вернуться в этот срок. Затаки был известен своими глупыми понятиями о чести, мог запросто уничтожить их всех назависимо от того, был ли этот договор тайным или явным. И Торанага и Судару знали: Затаки обязательно это сделает, если Судару не вернется, как обещал.

– Да, господин.

– Вы поедете в Мисиму сразу же.

– Тогда я сэкономлю время, если поеду этим путем. – Судару указал на перекресток впереди.

– Да, завтра я пришлю вам письмо.

Судару поклонился, подошел к своей лошади и вскоре уехал с двадцатью телохранителями.

Торанага поднял миску и подобрал лапшу, уже остывшую.

– О, господин, прошу прощения, вы желаете еще? – К нему подбежала молоденькая служанка, круглолицая, не очень хорошенькая, но живая и исполнительная, – как раз таких он любил среди служанок и своих женщин.

– Нет, благодарю. Как твое имя?

– Юки, господин.

– Скажи своему хозяину, что он делает хорошую лапшу, Юки.

– Да, господин, благодарю вас, господин, за то, что вы оказали честь нашему дому. Только дайте знак – и мы тут же сделаем все, что вам потребуется.

Он подмигнул ей, она засмеялась, подобрала поднос и убежала. Сдерживая нетерпение,

он следил за поворотом дороги... Потом осмотрелся вокруг: гостиница в хорошем состоянии, крыта черепицей, стены чистые, везде опрятно, подметено... Вокруг двора и дальше, в окрестностях гостиницы, терпеливо дожидаются его телохранители, но главный охотник нервничает... Он решил: этот день – последний день его работы. Если всерьез отдаваться охоте, придется отправить этого человека в Эдо, с хорошей пенсией, и назначить на его место другого.

«Вот в чем разница между мной и Судару, – подумал он без всякой досады. – Судару не колебался бы. Судару приказал бы этому человеку тут же совершить сеппуку – это сэкономило бы ему пенсию и дальнейшие хлопоты и увеличило старательность его заместителя. Да, мой сын, я хорошо тебя знаю. Ты для меня самый главный из моих детей.

И еще больной вопрос – Дзендзико и ее дети... Если бы госпожа Дзендзико не была сестрой Ошибы – ее любимой и почитаемой сестрой, – я хоть и с большими сожалениями, позволил бы Затаки уничтожить их всех и спасти Судару в будущем от большого риска... А если я скоро умру? Они – его единственное слабое место... Но, к счастью, Дзендзико – сестра Ошибы и очень важная часть большой игры. Я не могу этого допустить. Надо бы, но не могу... На этот раз я должен выиграть! Не забывай, что Дзендзико ценна и по-другому: ум у нее острый, как шипы акулы, она рождает прекрасных детей и фанатично безжалостна, как и Ошиба, ко всему кроме своей семьи. С одной огромной разницей: Дзендзико в первую очередь предана мне, а Ошиба – своему сыну, наследнику Тайко.

Решено! До истечения десятого дня Судару должен вернуться в распоряжение Затаки! А если потянуть? Нет, это побудит Затаки сделаться еще подозрительнее, а мне меньше всего хотелось бы, чтобы он меня подозревал...

Ты мудро поступил, завещав власть Судару. Если будущее наступит, в его руках и руках Дзендзико оно будет надежным – при условии что они будут следовать завещанию. Назначить его главным наследником именно сейчас – это правильное решение и оно обрадует Ошибу».

Он уже написал Ошибе письмо, которое отправит вечером вместе с копией завещания. Да, он вытащит одну рыбью кость у нее из глотки – кость эта давно уже засунута именно для того, чтобы беспокоить ее. Хорошо сознавать, что Дзендзико – слабое звено Ошибы, – может быть, единственное... А вот какое слабое место у Дзендзико? Похоже – никакого. По крайней мере он еще не нашел, но, если оно есть, – найдет.

Торанага внимательно осмотрел своих соколов: они подпрыгивали, чистились, издавали какие-то звуки... в отличном состоянии, все – с колпачками на головах, кроме Кого, – ее большие желтые глаза метались из стороны в сторону... Кого, как и его самого, все интересовало...

«Что бы ты сказала, моя красавица, – мысленно спросил ее Торанага, – если бы я заявил тебе, что должен быть нетерпеливым и вырваться отсюда; что главный мой бросок будет вдоль Токайдо, а не через горы Затаки, как я сказал Судару? Ты, возможно, спросила бы почему... А я ответил бы, что не доверяю Затаки так же, как не могу летать. А летать я не могу совсем...»

Тут он заметил, что глаза Кого метнулись в сторону дороги. Он посмотрел туда – и улыбнулся, увидев паланкины и лошадей с багажом, появившихся из-за поворота.

* * *

– Ну, Фудзико-сан, как вы?

– Хорошо, благодарю вас, господин, очень хорошо. – Она еще раз поклонилась, и он заметил, что видимо, шрамы от ожогов уже не болят, ноги слушаются как прежде, а на щеках появился приятный румянец.

– Могу я спросить, как Анджин-сан? – поинтересовалась она. – Я слышала, переезд из Осаки был очень тяжелым, господин.

– Он теперь вполне здоров.

– О, господин, это лучшая новость, какую вы могли мне сообщить.

В следующем паланкине его приветствовала с веселой улыбкой Кику.

– Ах, как мне приятно видеть вас, господин, я так скучала. Это тянулось так долго...

– Да, прошу меня извинить, я сожалею. – Он был согрет ее удивительной красотой и скопившейся в ней внутренней радостью, – это отвлекло его от нахлынувших тревог. – Очень рад видеть вас. – Тут он увидел последние носилки. – Ах, Дзекo-сан, сколько времени прошло! – заметил он довольно сухо.

– Благодарю вас, господин, я заново родилась, когда увидела вас своими старыми глазами. – Поклон Дзекo был безупречен, она была одета особенно тщательно – он уловил что-то розовое под ее кимоно из самого дорогого шелка. – Ах, какой вы сильный, господин, – прямо гигант среди других мужчин! – пропела она.

– Благодарю вас, вы тоже выглядите прекрасно. Кику захлопала в ладоши при этом обмене любезностями, и все засмеялись вместе с ней.

– Я распорядился, чтобы вы пока оставались здесь. – Он был полон радостью при виде Кику. – А вы, Фудзико-сан, пожалуйста, пойдете со мной.

Он отвел Фудзико в сторону. Когда она напилась чаю, освежилась и они поболтали о всяких пустяках, он перешел к главному:

– Вы дали согласие на полгода, и я согласился на полгода. Извините, но сегодня я должен знать, не хотите ли вы изменить это соглашение.

Маленькое квадратное личико Фудзико сразу потеряло всякую привлекательность, как только его покинула радость. Кончиком языка она на момент прикоснулась к зубам.

– Как я могу изменить это соглашение, господин?

– Очень легко. Оно кончилось. По моему приказу.

– Прошу меня извинить, господин, – начала Фудзико, голос ее был сух и невыразителен. – Я не это имела в виду. Я добровольно и со всей ответственностью заключила это соглашение перед Буддой и духом моего мертвого мужа и сына. Его нельзя изменить.

– Я приказываю его изменить.

– Простите, господин, прошу меня простить, но тогда Бусидо освобождает меня от повиновения вам. Ваш контракт одинаково важен и обязателен, и любые изменения должны быть согласованы обеими сторонами на добровольной основе.

– Вы довольны Анджин-саном?

– Я его наложница. Это я должна доставлять ему удовольствие.

– Вы можете продолжать жить с ним, если не будет другого соглашения?

– Жизнь с ним очень, очень трудна, господин. Все очень официально, чрезвычайно вежливо... Все обычаи, которые делают жизнь надежной, достойной, удобной и спокойной, приходится отбрасывать или обходить. Дом его не безопасен, там нет ва, – нет гармонии для меня... Почти невозможно заставить слуг или меня понять... Но... да, я могу и дальше выполнять свои обязанности по отношению к нему.

– Я прошу вас прервать это соглашение с ним.

– Мой первый долг – это долг перед вами. На втором месте – долг перед моим мужем.

– Я думал, Фудзико-сан, что Анджин-сану следует жениться на вас. Тогда вы не были бы его наложницей.

– Самурай не может служить двум властелинам или жена – двум мужьям. Мой долг – долг перед моим мертвым мужем. Прошу меня простить, я не могу изменить соглашения.

– Если потерпеть, все можно изменить. Скоро Анджин-сан больше будет знать о наших обычаях, в его доме тоже появится ва. Он невероятно многому обучился, с тех пор как стал...

– Ох, пожалуйста, не запутывайте меня, господин. Анджин-сан – самый необычный мужчина, которого я только знала. Конечно, он самый добрый. Он оказал мне большую честь... О да, я знаю, его дом скоро станет настоящим домом, но... пожалуйста, простите меня, я должна выполнять свой долг. Мой долг – это долг по отношению к моему мужу,

моему единственному мужу... – Она овладела собой. – Он должен соблюдаться, должен, господин, или... все... весь позор, все страдания и бесчестье не имели смысла? Его смерть... смерть моего ребенка... его сломанные мечи... похороны в деревне эта... Без долга перед ним разве весь наш Бусидо не становится вечной насмешкой?

– Сейчас вы должны ответить на один вопрос, Фудзико-сан: разве у вас нет долга по отношению ко мне, вашему сюзерену? И к нему, удивительно смелому человеку, – он становится одним из нас и вашим хозяином. И, быть может, – добавил он, решив, что догадался о причине румянца на ее лице, – ваш долг перед неродившимся ребенком... Разве все это не выше того вашего долга?

– Я... я не ношу его ребенка, господин.

– Вы уверены?

– Нет, не уверена.

– У вас задержка?

– Да... но только небольшая и это может быть...

Торанага смотрел на нее и терпеливо ждал. Ему еще много что нужно было сделать перед отъездом отсюда... Перед тем моментом, когда он пустит Тетсу-ко или Кого... Он страстно желал поскорее выбраться отсюда... Но ведь это для него одного и, стало быть, не имеет значения. Фудзико имеет значение, и он пообещал себе, что по крайней мере сегодня он сделает вид, что уже победил, у него есть время – он позволит себе быть терпеливым и решать вопросы, которые он и должен решать.

– Так как же?

– Простите, господин, нет.

– Ну, нет так нет, Фудзико-сан. Прошу простить меня за такой вопрос, но это было необходимо. – Торанага не рассердился и не обрадовался. Фудзико старалась вести себя достойно, и он знал, когда устраивал эту сделку с ней, что ничего изменить не удастся. Это и делает нас такими разными, – с удовлетворением подумал он. – Сделка со смертью считается священной. – Торанага церемонно поклонился Фудзико. – Я высоко ценю ваше понимание чести и чувство долга по отношению к вашему мужу, Усаги Фудзико, – заявил он, назвав ее именем, которое перестало существовать.

– О, благодарю вас, господин! – с достоинством ответила она на похвалу. От полноты чувств у нее хлынули слезы, – она поняла, что этот простой жест снял клеймо позора с ее бывшего мужа – единственного в ее жизни.

– Послушайте, Фудзико, за двадцать дней до последнего дня вы должны уехать в Эдо – что бы ни случилось со мной. Ваша смерть может произойти во время путешествия и должна выглядеть несчастным случаем.

– Да, да, господин.

– Это будет нашей тайной. Только моей и вашей.

– Да, господин.

– До этого времени вы должны оставаться хозяином его дома.

– Да, господин.

– А теперь, пожалуйста, скажите Дзэко, чтобы она зашла ко мне. Я пошлю за вами, до того как уеду. Мне нужно еще кое-что обсудить с вами.

– Да, господин. – Фудзико поклонилась как можно ниже. – Я благословляю вас за то, что вы освободили меня от жизни. – С этими словами она покинула Торанагу.

«Любопытно, – подумал Торанага, – как женщина может меняться, словно хамелеон, – то безобразная, то привлекательная, иногда даже красивая, хотя на самом деле это и не так...»

– Вы посылали за мной, господин?

– Да, Дзэко-сан. Какие у вас новости для меня?

– Разные, господин. – Лицо Дзэко, с прекрасно выполненным макияжем, было бесстрашно, глаза блестели. Но в глубине души она была встревожена: эта встреча не случайное совпадение – инстинкт подсказывал ей, что Торанага стал еще опаснее... –

Устройство Гильдии куртизанок идет успешно, правила и основные законы разработаны и отдаются вам на утверждение. К северу от города есть прекрасный участок, который следует...

– Участок, который я уже выбрал, расположен ближе к берегу. Это Ёсивара.

Она похвалила его выбор, охнув про себя. Ёсивара, тростниковая заросль на торфянике, – болото, изобилующее мостиками... Его надо осушать, рекультивировать, прежде чем обнести забором и что-то строить...

– Превосходно, господин. Далее: подготовлены правила поведения и требования к гейшам, – вы можете их рассмотреть и утвердить.

– Прекрасно. Сделайте их покороче и изложите по пунктам. Какую надпись вы хотите поместить над воротами в Ёсиваре?

– «Страсти не надо сдерживать – их надо удовлетворять». Он засмеялся, она тоже улыбнулась, но не потеряла бдительности, только добавила с серьезным видом:

– Могу я поблагодарить вас от имени будущих поколений, господин?

– Я согласился не для вас и не для них, – ответил Торанага и процитировал одно из своих примечаний к завещанию: «Добродетельные мужчины во все времена запрещали публичные дома и места свиданий, но люди не добродетельны. Если вождь запрещал публичные дома или любовь, он оставался в дураках, так как вскоре появлялось еще больше напастей, они наваливались, как чума из нарывов».

– Как вы мудры.

– «Поместив все места развлечений в одном районе, мы можем следить за всеми недобродетельными мужчинами, облагать их налогами и обслуживать в одно и то же время». Вы совершенно правы, Дзекo-сан: «Страсти не надо сдерживать... Это скоро даст свои плоды. Дальше?

– Кику-сан совсем поправила свое здоровье, господин. Полностью.

– Да, я видел. Как она восхитительна! Жаль, в Эдо летом так жарко и неприятно... Вы уверены, что она здорова?

– Да, о да. Но ей не хватало вас, господин. Мы поедем с вами в Мисиму?

– Какие еще слухи вы хотите мне сообщить?

– Только что Ишидо покинул Осацкий замок. Регенты официально объявили вас вне закона. Что за дерзость, господин!

– В каком направлении они собираются меня атаковать?

– Я не знаю, господин. – Ответ ее был осторожен. – Но думаю, они собираются взять вас в клещи, вдоль Токайдо. Икава Хикодзу, после смерти своего отца, господина Икавы Джикья. И вдоль Косукайдо, из Синано, – господин Затаки сделал большую глупость и принял сторону господина Ишидо против вас. Я уверена – вы доживете до зрелого возраста. С вашего разрешения, я переведу все свои дела в Эдо.

– Конечно. Тем временем посмотрим, не сможете ли вы определить, откуда будет нанесен главный удар.

– Я попытаюсь, господин. Наступили ужасные времена, господин, когда брат пойдет против брата, сын – против отца.

Глаза Торанаги затуманились... Ему следует усилить наблюдение за Нобору, своим старшим сыном, – верен Тайко.

– Да, – согласился он, – ужасные времена. Времена больших перемен. Но чем-то и хорошие. Вот, например, вы, – вы теперь богаты. И ваш сын, например. Он ведь управляющий вашей фабрикой sake в Одаваре.

– Да, господин. – Дзекo посерела под своими румянами.

– Он получает большие доходы?

– Он, конечно, считается лучшим управляющим в Одаваре, господин.

– Я слышал об этом. У меня есть для него работа. Анджин-сан собирается строить новое судно. Я обеспечиваю его строителями и материалами и хочу, чтобы дела велись как можно лучше.

Дзекко чуть не упала от радости. Она думала, что Торанага уничтожит их всех, перед тем как пойдет на войну, или лишит ее жизни: она ведь врала ему – и об Анджин-сана и госпоже Тоде, и о неудачной беременности Кику это не случайность, как со слезами сообщила она ему, а специально подстроено, по ее настоянию и при согласии Кику

– О, господин, когда вы хотите видеть моего сына в Йокогаме? Он сделает так, что это будет самое дешевое судно из всех, какие когда-нибудь строили.

– Я вовсе не хочу, чтобы оно было дешевым. Я хочу, чтобы оно было самым лучшим – за самую справедливую цену. Он будет надсмотрщиком, отвечать ему придется перед Анджин-саном.

– Господин, я гарантирую вам своим будущим, своими надеждами на будущее – все будет так, как вы хотите.

– Если корабль будет построен должным образом, точно так, как этого хочет Анджин-сан, за шесть месяцев с первого дня строительства, – я сделаю вашего сына самураем.

Она отвесила низкий поклон и в первый момент лишилась дара речи.

– Прошу простить бедную дурочку, господин. Благодарю вас, благодарю.

– Он должен узнать о строительстве кораблей, все, что знает Анджин-сан, чтобы научить других, когда тот уедет.

– Это будет сделано.

– Следующее: Кику-сан. Ее таланты заслуживают лучшего будущего, чем просто быть одной из многих женщин.

Дзекко взглянула на него, ожидая худшего:

– Вы собираетесь продать ее контракт?

– Нет, она больше не будет куртизанкой или даже одной из ваших гейш. Ее место – в доме, как одной из немногих дам, очень немногих.

– Но, господин, увидев вас, даже случайно, – как может она надеяться потом на хорошую жизнь?

Он позволил ей сделать ему комплимент и сделал комплимент ей и Кику, потом сказал:

– Честно говоря, Дзекко-сан, я все больше люблю ее, но не могу позволить себе отвлекаться. Она слишком хороша для меня, чересчур хороша... Прошу меня извинить, но это будет еще одним нашим секретом.

– Конечно, господин, я согласна со всем, что вы говорите, – пылко заявила Дзекко, отмечая все сказанное как попытку затуманить ей мозги и скрыть настоящую причину. – Если найдется человек, который будет восхищаться Кику, я умру спокойно.

– Но только после того, как увидите корабль Анджин-сана под всеми парусами и через шесть месяцев, – охладил он ее восторги.

– Да, о да! – Дзекко заработала веером – солнце уже припекало, а воздух стал вязким и душным. Ей хотелось определить, почему Торанага так великодушен к ним обоим. Она понимала, что цена за это будет большой, очень большой. – Кику-сан будет огорчена, если ей придется покинуть ваш дом.

– Да, конечно. Я думаю, необходимо как-то ей компенсировать такое послушание мне, ее сюзерену. Предоставьте это мне – и не упоминайте об этом при ней.

– Да, господин. Когда вы хотите, чтобы мой сын приехал в Йокогаму?

– Я дам вам знать перед отъездом.

Она поклонилась и заковыляла прочь. Торанага отправился поплавать. Небо на севере было темное – он знал, что там идет сильный дождь. Заметив, что со стороны Йокогамы подъезжает небольшая группа всадников, Торанага вернулся к гостинице.

Оми спешил и распаковывал голову.

– Господин Касиги Ябу выполнил ваш приказ, господин, точно перед полуднем.

Голова была свежeweымыта, волосы приведены в порядок и насажена на кол, укрепленный на небольшом основании – его обычно использовали для осмотра.

Торанага оглядел врага, как делал это десятки тысяч раз за свою жизнь. Он всегда в

таких случаях думал: «Какова-то будет моя собственная голова?.. Вот ее рассматривает его враг, его победитель... Что она выражает? Ужас, боль, гнев, страх? А может, все сразу? Или вообще ничего... Хорошо бы – достоинство... На мертвом лице Ябу читалась лишь только его безумная ярость, губы раскрылись в отчаянном вызове...»

– Он умер хорошо?

– Лучше всех, кого я когда-либо видел, господин. Господин Хиро-Мацу сказал то же самое. Два разреза, потом третий – в горло. Без посторонней помощи и без звука. Вот его завешание.

– Вы снесли ему голову одним ударом?

– Да, господин. Я просил у Анджин-сана разрешения воспользоваться мечом господина Ябу.

– Ёситомо? Тем, что я подарил Ябу? Он отдал его Анджин-сану?

– Да, господин. Он разговаривал с ним через Тсукку-сана и сказал: «Анджин-сан, я дарю вам его в память о вашем прибытии в Анджино и как благодарность за удовольствие, что подарил мне тот маленький варвар». Сначала Анджин-сан отказывался его брать, но Ябу просил его и сказал: «Никто из этих мерзавцев не заслуживает такого клинка!» Наконец Анджин-сан согласился.

«Любопытно, – подумал Торанага. – Я думал, Ябу отдаст клинок Оми».

– Каковы были его последние поручения? – поинтересовался он.

Оми рассказал ему все с точностью. Если бы они не были записаны в завещании, составленном в открытую, при официальном свидетеле, Бунтаро, он обошел бы их и, конечно же, придумал что-нибудь другое. «Ябу был прав! – в ярости думал он. – надо всегда помнить, что перо – длинная рука из могилы».

– Чтобы почтить мужество вашего дяди в смерти, я должен выполнить его предсмертные пожелания. Они все, без изменения? – испытывая его, спросил Торанага.

– Да, господин.

– Юки!

– Да, господин, – отозвалась служанка.

– Принеси чаю, пожалуйста.

Она убежала, и Торанага задумался о последних желаниях Ябу. Все они были разумны. Мусино был дурак и мешал Оми. Мать была взбалмошной, елейной старой каргой, и тоже мешала Оми.

– Очень хорошо, раз вы согласны, я их утверждаю. Все. И хочу утвердить также предсмертные пожелания вашего отца, прежде чем они станут окончательными. В награду за вашу преданность вы назначаетесь командиром мушкетного полка.

– Благодарю вас, господин, но я не заслуживаю такой чести, – заявил Оми, вздохнув.

– Нага будет вашим помощником. Далее: вы назначаетесь главой рода Касиги, и ваш новый надел – земли Изу, от Атами на востоке до Нимазу на западе, включая столицу, Мисиму. Годовой доход – тридцать тысяч коку.

– Благодарю вас, господин. Я не знаю, как благодарить вас. Я недостойн такой чести.

– Могу вас заверить, что вы достойны, Оми-сама, – добродушно пророкотал Торанага. – Сразу же вступайте во владение замком в Мисиме. Уезжайте из Йокогамы сегодня же. Сообщите господину Судару в Мисиму. Мушкетный полк будет отправлен в Хаконе и придет туда через четыре дня. Далее, секретно, только вам: я посылаю Анджин-сана в Анджино. Он будет строить там новый корабль. Вы передадите ему ваши земли там. Сразу же.

– Да, господин. Могу я отдать ему свой дом?

– Да, можете, – разрешил Торанага, хотя надел, конечно, и так включал все – дома, владения, крестьян, рыбаков, лодки. Внезапно оба подняли глаза, услышав волнуемый смех Кику: она играла в какую-то игру с бросанием веера. Ее напарницей была служанка Суйсе, чей контракт Торанага тоже выкупил, чтобы сделать подарок Кику и утешить ее после выкидыша.

На лице Оми было заметно восхищение, как ни старался он его скрыть, – слишком неожиданным было ее появление. Они заметили, как она бросила взгляд в их сторону. Прелестная улыбка озарила ее лицо, она весело махнула рукой, Торанага ответил, и она вернулась к игре.

– Хороша, не правда ли?

Оми почувствовал, как у него загорелись глаза:

– Да, господин, очень.

Торанага сначала купил ее контракт для того, чтобы отлучить от нее Оми, – она была одной из его слабостей и явной наградой ему. Эту награду можно было дать, а можно и нет, пока Оми не доказал своей настоящей преданности и не помог в удалении Ябу. Он помогал самым лучшим образом и доказывал ее много раз. Многие, если не все, прекрасные идеи Ябу шли от Оми. Месяц назад Оми получил никому не известные подробности о тайном заговоре Ябу с офицерами мушкетного полка, выходцами из Изу; об убийстве Наги и других офицеров Торанаги во время битвы.

– Здесь нет ошибки, Оми-сан? – спросил он тогда. – Оми тайно доложил ему об этом в Мисиме, пока они ждали результатов от Марикио.

– Нет, господин. Там, около дома Кивами Матано из третьего полка Изу.

Офицер с Изу, плотно сложенный человек среднего возраста, выдал весь заговор, сообщил пароли и объяснил, как должен сработать этот план.

– Я не мог жить с таким позором, зная это, господин. Вы – наш сюзерен. Честно говоря, этот план был составлен только на случай необходимости. Я думаю, это значит – на случай если бы Ябу-сама решил изменить внезапно, во время битвы. Простите, но вы были первой целью, потом – Нага-сан. Потом – господин Судару.

– Когда впервые был оглашен этот план и кто о нем знает?

– Вскоре после создания полка. Нас знают о нем пятьдесят четыре человека – я дал Оми-сан имена в письменном виде. План, с условным названием «Слива», был утвержден лично Касиги Ябу-сама, перед тем как он последний раз уехал в Осаку.

– Благодарю вас. Я ценю вашу верность. Вы должны хранить эту тайну до тех пор, пока я вам не скажу. Тогда вы получите участок земли стоимостью в пять тысяч коку.

– Прошу меня простить, я ничего не заслужил, господин. Я прошу разрешения совершить сеппуку за то, что столько времени хранил эту позорящую меня тайну.

– В разрешении отказано. Будет так, как я решил.

– Извините меня, я не заслуживаю такой награды. По крайней мере позвольте мне остаться таким, как есть. Это мой долг, и он не требует награды. На самом деле я должен быть наказан.

– Какой у вас сейчас доход?

– Четыре сотни коку, господин. Этого достаточно.

– Я подумаю о ваших словах, Кивами-сан.

После того как офицер ушел, он спросил:

– Что вы пообещали ему, Оми-сан?

– Ничего, господин. Он пришел ко мне вчера по своему собственному желанию.

– Честный человек? Вы сказали мне, что он честный человек.

– Я этого не знаю, господин. Но он пришел ко мне вчера, и я поспешил сюда, чтобы сообщить вам.

– Тогда он действительно должен быть вознагражден. Такая преданность намного важнее всего остального.

– Да, господин.

– Никому ничего об этом не рассказывайте.

Оми ушел, а Торанага задумался, не придумали ли Мусано и Оми заговор, чтобы дискредитировать Ябу. Он сразу же направил своих шпионов выяснить истину. Но заговор действительно существовал. Поджог корабля оказался прекрасным предлогом для уничтожения пятидесяти трех предателей – все они оказались в охране тем вечером. Кивами

Матано он отправил на крайний север с хорошим, хотя и скромным наделом земли.

– Конечно, этот Кивами самый опасный из всех, – заявил Судару, единственный, кому было рассказано о заговоре.

– Да. Всю жизнь за ним будут следить, не доверять... Но обычно есть хороший среди плохих и плохой среди хороших. Выбирать хороших и избавляться от плохих, не жертвуя хорошими, – это искусство. В моих землях нет мерзавцев, которых можно было бы легко сбросить со счетов.

«Да, – удовлетворенно подумал Торанага вспомнив все это, – вы, конечно, заслуживаете награды, Оми».

– Сражение начнется через несколько дней, Оми-сан. Вы мне так верно служите. На поле последней битвы, после моей победы, я назначу вас господином Изу и снова сделаю род Касиги наследственными дайме.

– Прошу прощения, господин, пожалуйста, извините меня, но я не заслужил такой чести.

– Вы молоды, но вы многое обещаете в дальнейшем. Ваш дед был очень похож на вас, очень умен, но у него не хватало терпения. – Снова раздался женский смех, и Торанага посмотрел на Кику. Он все пытался решить ее судьбу... Первоначальный свой план он уже отбросил.

– Можно спросить, что вы имеете в виду под терпением, господин? – Оми инстинктивно чувствовал: Торанага хотел, чтобы ему задали такой вопрос.

Торанага все еще глядел на девушку, у него потеплело на душе...

– Терпение означает умение себя сдерживать. Существует семь эмоций; вы знаете: радость, гнев, беспокойство, обожание, печаль, страх и ненависть. Если человек не дает им вырваться, он терпелив. Я не так силен, как мог бы быть, но я терпелив. Вы поняли?

– Да, господин. Очень хорошо понял.

– Терпение для вождя необходимо.

– Да.

– Это госпожа, например... Она отвлекает меня, – слишком для меня красива, слишком идеальна. Я чересчур прост для такого редкого создания. Я решил: пусть она принадлежит кому-нибудь другому.

– Но, господин, даже как одна из ваших младших дам... – Оми произносил обычные вежливые слова, которые оба они считали притворством, хотя и обязательным. Оми все время молился, как он никогда не молился раньше... Он знал; попросить можно, но он никогда этого не сделает, никогда...

Торанага смотрел, как Кику бросает веер, ловит веер служанки и смеется, заражая всех своим весельем... Но тут обе дамы скрылись за лошадьми. «Извините, Кику-сан, – подумал он, – но я должен как можно быстрее отдалить вас от себя. Честно говоря, я действительно все больше влюбляюсь в вас, хотя Дзекко никогда не поверит этому, да и Оми тоже, и вы сами».

– Я совершенно согласен, но большой талант заслуживает жертв. Кику-сан достойна собственного дома. И мужа.

– Лучше быть содержанкой самого мелкого самурая, чем женой крестьянина или торговца, даже богатого.

– Я не согласен.

Для Оми с этими словами все закончилось. «Карма, – сказал он про себя, переполненным своим несчастьем. – Отбрось свою печаль, глупец. Твой сюзерен решил, – значит, с этим все кончено. Мидори – идеальная жена. Твоя мать становится монахиней, так что теперь в твоём доме будет полная гармония. Столько печали сегодня. И счастья: будущий дайме Изу, командир полка... Анджин-сан будет жить в Анджино. Следовательно, первый корабль будет построен в Изу – на моей земле... Отбрось свою печаль. Вся жизнь – печаль. У Кику-сан своя карма, у меня – своя, у Торанага тоже своя, а мой властелин Ябу показал, как глупо беспокоиться об этом или о чем-то еще».

Оми взглянул на Торанагу. Мысли его очистились, все было расставлено по своим местам.

– Прошу прощения, господин, пожалуйста, извините. Я не подумал.

– Вы можете проститься с ней перед отъездом.

– Благодарю вас, господин. – Оми развернул голову Ябу. – Вы хотите, чтобы я закопал ее или увез с собой?

– Насадите на кол лицом к остаткам корабля.

– Да, господин.

– А что он написал перед смертью?

Оми прочитал:

«Что – облака,

Если не оправдание?

Что – наша жизнь,

Если не бегство от смерти?»

Торанага улыбнулся.

– Интересно, – заметил он.

Оми поклонился и передал завернутую голову одному из своих людей, а сам прошел между лошадьми и самураями в дальний конец двора.

– Ах, госпожа, – церемонно обратился он к Кику. – Я так рад видеть вас здоровой и счастливой.

– Я со своим господином, Оми-сан, а он здоров и доволен. Как могу я не быть счастливой?

– Сайонара, госпожа.

– Сайонара, Оми-сан. – Она поклонилась, осознав теперь, что все кончилось, – раньше она этого не осознавала. Появилась слеза. Кику смахнула ее и еще раз поклонилась ему вслед.

Она смотрела, как он идет широким, уверенным шагом, и чуть не зарыдала, сердце ее готово было разорваться, но потом, как всегда, она услышала добрый, мудрый голос и так много раз произносившиеся слова: «Почему ты плачешь, дитя? Мы, дамы Плывающего Мира, живем одним моментом, отдавая все наше время радостям от цветения вишни, снега, листьев вяза, звуков сверчка, от красоты луны, ее роста, и убывания, и нового рождения, от пения наших песен, питья чая и саке, ощущения благовоний и прикосновений шелка, от ласк для удовольствия и плавания, всегда плавания. Слушай, дитя: никогда не печалься, всегда плыви, как лилия на быстрине потока жизни. Как тебе повезло, Кику-сан, ты принцесса Юкью, Плывающего Мира, – плыви, живи мгновением...»

Кику смахнула вторую слезинку – последнюю. «Глупая девочка, зачем плакать? Не плачь! – приказала она себе. – Ты так невероятно удачлива! Ты наложница самого крупного дайме, хотя и очень незначительная, неофициальная, но какое это имеет значение – твой сын родится самураем. Разве это не замечательный подарок? Разве предсказатель не обещал такого необыкновенного счастья, в которое невозможно поверить? Если ты должна плакать, то есть более важные вещи. О семени, росшем в твоём чреве, которое изгнал тот отвар со странным вкусом. Но почему ты плачешь об этом? Это было только «оно», а не ребенок, да и кто был его отец? Если честно?»

– Я не знаю, не наверняка, Дзэко-сан, прошу меня извинить... Мне кажется, что отец – мой господин, – вымолвила она наконец – ей очень хотелось сына-самурая.

– Ну а если ребенок родится с голубыми глазами и светлой кожей, а? Посчитайте дни.

– Я считала и считала... О, как я считала!

– Тогда будьте честны сами с собой. Извините, но и ваше и мое будущее зависит от вас. У вас впереди еще много лет, чтобы рожать детей. Вам ведь только восемнадцать. Лучше быть полностью уверенной.

«Да, – снова подумала она, – как вы мудры, Дзэко-сан, и как глупа и очарована была я. Это было только «оно»... И как мы, японцы, зная, что ребенок – не настоящий ребенок, пока

ему не исполнится тридцать дней. Тогда его дух укрепляется в теле и окончательно определяется его карма. О, как мне повезло! И я хочу сына, и еще одного сына, и еще одного сына, и совсем не хочу девочку... Бедные дочки! О боги, благословите предсказателя, и благодарю вас, благодарю вас за мою карму, за то, что меня любит великий дайме, что мои сыновья будут самураями... О, пожалуйста, сделайте меня достойной такого суда...»

– В чем дело, госпожа? – маленькая Суйсе испугалась радости, что прямо струилась с лица Кику. Кику удовлетворенно вздохнула.

– Я думала о прорицателе, о моем господине и моей карме... И прямо плыла, плыла...

Она прошла дальше в сад, закрываясь от солнца ярко-красным зонтиком, – она разыскивала Торанагу. Он почти полностью был закрыт от нее самураями, лошадьми и соколами, но она все же увидела его на веранде: он пил чай перед склонившейся в поклоне Фудзико. «Скоро наступит моя очередь, – решила она. – Может быть, сегодня вечером мы сможем зачать нового Это. О, пожалуйста!...» Успокоившись, Кику вернулась к игре.

За воротами Оми сел на лошадь и поскакал со своими телохранителями – все быстрее и быстрее... Скорость освежала и очищала его, едкий запах лошадиного пота радовал. Он не оглянулся на нее, в этом не было необходимости. Он знал, что бросил к ее ногам страсть, какой у него больше не будет, все, что любил в этой жизни... Он уверен: никогда больше не будет у него новой страсти, того экстаза при соединении душ, который воспламеняет мужчину и женщину... Но это его не огорчало. «Напротив, – с неожиданной холодной ясностью понял он. – Я благодарен Торанаге – он освободил меня от этого рабства. Теперь меня ничто не связывает. Ни отец, ни мать, ни Кику... Теперь я тоже могу быть терпеливым. Мне двадцать один год, я почти дайме Изу, мне еще предстоит завоевать весь мир...»

* * *

– Да, господин? – Фудзико готовилась слушать Торанагу.

– Вы должны ехать отсюда прямо в Анджино. Я решил заменить надел земли для Анджин-сана – Июкогаму на Анджино. Двадцать ри в каждом направлении от деревни, с годовым доходом четыре тысячи коку. Вы получите дом Оми-сана.

– Можно мне поблагодарить вас от его имени, господин? Извините, я правильно поняла, что он еще не знает об этом?

– Нет. Я скажу ему сегодня. Я приказал ему построить другой корабль, Фудзико-сан, вместо уничтоженного, и Анджино будет идеальным местом для строительства, намного лучше Июкогамы. Я договорился с Дзэко, что ее старший сын будет прорабом у Анджин-сана. Все материалы, строители будут оплачены из моей казны. Вы должны помочь ему организовать управление этим делом.

– О, господин, – она сразу посерьезнела, – у меня осталось так мало времени для Анджин-сана...

– Я найду ему другую наложницу – или жену.

Фудзико посмотрела на него, глаза у нее сузились. Немного помолчав, она сказала:

– Чем я могу помочь?

Торанага спросил:

– Кого бы вы предложили? Я хочу, чтобы Анджин-сан был доволен. Довольный человек работает лучше.

Фудзико старалась собраться с мыслями. «Кто может сравниться с Марико-сама?» Она улыбнулась.

– Господин, нынешняя жена Оми-сана, Мидори-сан. Его мать ненавидит ее, как вы знаете, и хочет, чтобы Оми развелся. Извините, но у нее такие удивительно плохие манеры, что она заявила об этом даже мне. Мидори-сан – прелестная женщина и очень умна.

– Вы думаете, Оми хочет развестись? – Еще один кусок головоломки встал на место.

– О нет, господин, я уверена – он не хочет. Какой мужчина хочет слушаться своей матери? Но это наш закон – ему придется развестись при первом же слове родителей. Даже

при том, что у его матери очень плохой характер, она, конечно, знает, что для него лучше подходит. Простите, я хочу быть точной в этом важном деле. Конечно, я не хотела сказать ничего оскорбительного, господин, но сыновний долг перед родителями – краеугольный камень нашего закона.

Торанага обдумывал эту новую мысль, как будто удачную.

– А Анджин-сан? Как он отнесется к Мидори-сан?

– О, господин, если вы прикажете ему жениться... то плохо. Но, прошу прощения, вам нет необходимости ему приказывать.

– Как так?

– Лучше всего... придумать способ, чтобы он сам об этом задумался. А Оми-сану вы, конечно, просто прикажете.

– Конечно. Вы одобряете Мидори-сан?

– О да. Ей семнадцать лет, ее сын – здоровый мальчик, она из хорошей самурайской семьи... родит Анджин-сану прекрасных сыновей. Я думаю, родители Оми-сана будут настаивать, чтобы Мидори отдала своего сына Оми-сану. Если нет – Анджин-сан усыновит его. Я знаю, мой господин симпатизирует ей – Марики-сан поддразнивала его ею. Она очень благоразумная, умная. О да, с ней он будет в безопасности. Ее родители умерли – некому препятствовать ее браку с Анджин-саном.

Торанага обрадовался этой идее. «Я, конечно, огорчу Оми, – подумал он. – Молодой Оми слишком легко станет занозой у меня в боку. Ну, тогда я сам ничего не буду делать, чтобы устроить развод Мидори. Отец Оми изъявит совершенно четкое последнее желание, перед тем как совершит сеппуку... Жена его, конечно, настоит: последнее и важное, что сделает он на этой земле, – добьется, чтобы сын его правильно женился. Мидори будет разведена через несколько дней...»

– А если не она, Фудзико-сан? Что вы скажете о Кику-сан?

Фудзико уставилась на него:

– О, прошу прощения, господин, вы хотите отказаться от нее?

– Я могу это сделать. Так что вы скажете?

– Думаю, Кику-сан может стать идеальной неофициальной наложницей, господин. Она такая красивая и умная... Я понимаю, что она хороша для многих обычных людей... Но извините, пройдут еще годы, прежде чем Анджин-сан сможет получать удовольствие от ее редких талантов – пения, танца, ума... А как жена... – Одним тоном она подчеркивала свое полное неодобрение. – Дамы Плывающего Мира обычно не подготовлены так, как... другие, господин. Их таланты проявляются в другом... Быть ответственным за финансовое положение, вообще за дела самурайского дома – этому не научишься в Плывающем Мире.

– А она может научиться?

Фудзико долго колебалась, что ответить.

– Идеалом для Анджин-сана была бы жена Оми, Мидори-сан, и Кику-сан – в качестве наложницы.

– Могли бы они научиться жить со всеми его... э-э... необычными привычками?

– Мидори-сан – самурай, господин. Это будет ее долгом. Вы прикажете ей. Кику-сан – тоже.

– Но не Анджин-сану?

– Вы знаете его лучше, чем я, господин. Но в вопросах интимных и... ему было бы лучше, конечно, обдумать и решить все самому.

– Тогда Марики-сама была бы для него идеальной женой, верно?

– Это неожиданная мысль, господин, – не моргнув глазом ответила Фудзико. – Конечно, они оба чувствовали огромное уважение друг к другу.

– Да, – сухо заметил он. – Спасибо, Фудзико-сан. Я подумаю о том, что вы сказали. Он будет в Анджири примерно через десять дней.

– Благодарю вас, господин. Если можно, я бы предложила, чтобы во владения Анджин-сана включили порт Ито и курорт Ёкосе.

– Зачем?

– Ито – просто на случай, если порт в Анджиро будет недостаточно большим. Для такого большого корабля может потребоваться стапель побольше.

– Вы уверены?

– Да, господин.

– Вы были там?

– Нет, господин, но Анджин-сан интересовался морем, Вы тоже интересуетесь. Моим долгом было попытаться узнать все о кораблях и мореходстве. Когда мы узнали, что корабль Анджин-сана сгорел, мне захотелось уяснить, можно ли будет построить еще один и если да, то где и как. Изу – прекрасный выбор, господин. Там легко задержать армии Ишидо.

– А почему Ёкосе?

– А Ёкосе – потому, что хатамото следует иметь место в горах, где он мог бы проводить время так, как имеет право ожидать.

Торанага внимательно посмотрел на нее. Фудзико казалась такой послушной и скромной... Но он знал, что она столь же негибкая, как он, и не отступит ни на йоту, пока ей не прикажут.

– Я согласен. И учту то, что вы сказали о Мидори-сан и Кику-сан.

– Благодарю вас, господин, – почтительно ответила она, радуясь, что выполнила свой долг и перед своим властелином, и перед Марико. Ито было выбрано за его стапель, а Ёкосе – потому, что Марико сказала, что их любовь по-настоящему началась именно там...

– Мне так повезло, Фудзико-сан, – призналась ей Марико в Эдо. – Наша поездка дала мне больше радости, чем я могла ожидать за двадцать жизней.

– Я прошу вас защитить его в Осаке, Марико-сан. Мне очень жаль, что он не похож на нас, не так цивилизован, как мы, бедняга. Его нирвана – жизнь, а не смерть.

«Это все еще верно, – снова подумала Фудзико, вспомнив Марико. – Марико спасла Анджин-сана, а не кто-нибудь другой: не христианский Бог, не другие боги, не сам Анджин-сан, даже не Торанага – никто, только одна Марико... Его спасла Тода Марико-нох-Акечи Дзинсаи.

Прежде чем я умру, я заложу храм в Ёкосе и сделаю завещание – поставить еще храмы в Осаке и Эдо. Это будет одним из моих предсмертных желаний, Торанага-сан, – пообещала она про себя, смиренно взглянув на него и радуясь другим приятным делам, которые она сделает для Анджин-сана. – Конечно, женой должна быть Мидори, никак не Кику... Уж если взять ее, то наложницей, и не обязательно главной. И земли его должны простираться до Симады на самой южной части Изу».

– Вы хотите, чтобы я уехала сразу, господин?

– Оставайтесь здесь на ночь, тогда вы сможете выехать утром. Но не через Йокогаму.

– Да, я понимаю. Простите, а я могу вступить во владение новыми землями моего властелина от его имени – и всем, что на них – в тот момент, как я туда приеду?

– Каванаби-сан даст вам необходимые документы до отъезда. А сейчас, пожалуйста, пришлите ко мне Кику-сан.

Фудзико поклонилась и вышла. Торанага что-то буркнул про себя. «Жаль, что эта женщина собирается покончить с собой. Она слишком ценна, чтобы потерять ее, и слишком умна. Ито и Ёкосе? Ито – еще можно понять. Но почему Ёкосе? И что еще было у нее на уме?»

Тут он увидел Кику, пересекающую раскаленный солнцем двор, взглянул на ее маленькие ножки в белых таби, – она шла, как бы танцуя, такая милая и элегантная в своем шелковом кимоно, с ярко-красным зонтиком... Мечта каждого мужчины, если он на нее смотрит... «Ах, Кику! – подумал он. – Я не могу удержать людей от этой зависти, как мне ни жаль. Я не могу выпустить вас в эту жизнь, простите меня. Вам следовало остаться там, где вы и были, в Плывущем Мире, – куртизанкой первого класса. Или, еще лучше, гейшей. Что за прекрасную идею подала эта старая карга! Там вы были в безопасности... Собственность многих, причина самоубийств, диких ссор, участница прекрасных любовных свиданий,

почитаемая и внушающая страх, осыпаемая деньгами, с которыми вы бы так презрительно обращались, легенда... Пока продлилась бы ваша красота... А сейчас? Сейчас я не смогу сохранить вас, как мне ни жаль. Любой самурай, которому я отдам вас в наложницы, положит себе в постель обоюдоострый нож – полное отвращение с вашей стороны и зависть всех мужчин... Немногие согласятся на вас, – извините, но это так, сегодня день для того, чтобы говорить правду... Вас не учили вести хозяйство самурая. Как только ваша красота пройдет – о, ваш голос продержится, дитя, и ваш ум, – вы будете выброшены на задворки этой блестящей жизни. Простите, но это тоже правда. Другая состоит в том, что самые блестящие дамы Плывущего Мира оставляют все в своем Мире и по достижении старости переходят в другие дома – оплакивать бывших любовников и ушедшую молодость, топить горе в баррелях sake, разбавленных слезами... Немногим удастся стать в лучшем случае женой крестьянина, рыбака, купца, торговца рисом или ремесленника... В такой семье родились и вы – неожиданный цветок среди этой дикости, появившийся без всякой причины, только благодаря своей карме, чтобы мгновенно отцвести и исчезнуть... Так печально, очень печально... Как мне дать вам детей-самураев?

Держи ее при себе до конца жизни, – подсказал ему внутренний голос. – Она этого заслуживает. Не дурачь себя, как дурачишь других. Ведь ты легко можешь удержать ее, мало что ей давая, оставляя ее, когда тебе захочется, как своих любимиц Тетсу-Ко или Кого. Разве Кику для тебя не то же, что и сокол? Только сокол, которого вы кормите с руки, пускаете на добычу и отзываете приманкой, используете год-другой, а потом он исчезает навеки... Почему бы не поддержать ее? Она просто еще один сокол, хотя и совсем особый... Очень высоко летающий, яркий, так радующий глаз, но ничего более... Редкая, необыкновенная и... такая искусная в любви...»

– Почему вы смеетесь? Чему вы так радуетесь, господин?

– Потому что рад видеть вас, госпожа...

* * *

Блэксорн и самураи работали с останками «Эрзамуса». Блэксорн изо всех сил тянул за один из трех канатов, привязанных к основанию кия.

– «Хиппару-у-у!» – кричал он. – Тяни!

Сотня самураев, раздетых до набедренных повязок, с усилием тянула за канаты. Стояла вторая половина дня, отлив, и Блэксорн надеялся, что сдвинет с места остов корабля и вытащит его на берег, чтобы использовать то, что удастся. Он изменил свой первоначальный план, узнав, к великой своей радости, что на следующий день после несчастного случая из моря удалось вытащить все пушки, да в таком хорошем состоянии, словно они только что выпущены из литейного цеха близ Чатема, в его родном графстве Кент. Удалось еще спасти почти тысячу пушечных ядер, цепи, немного картечи и всякие металлические детали. Все это погнуто, поцарапано... Но теперь у него есть детали для корабля, о которых он и не мечтал.

– Чудесно, Нага-сан! Чудесно! – радовался он.

– О, благодарю, Анджин-сан. Извините. Мы о-очень старались! Жаль, что так мало спасли...

– Не извиняйтесь. Теперь все хорошо!

«Теперь «Леди» может быть чуть длиннее и чуть шире, – радовался он, – но она все еще последняя из самых паршивых судов. Эх, Родригес, – подумал он беззлобно. – Я рад, что вы в безопасности и в этом году спокойно отсюда уберетесь, а на следующий год я потоплю другого капитана. Если снова появится адмирал Феррьера, это будет дар небес, но я на него не рассчитываю. А за вас я рад. Я обязан вам жизнью, и вы хороший кормчий».

– Хиппару-у-у! – закричал он снова.

Канаты дернулись, вода катилась с них, словно пот, но остов не стронулся. С тех пор как на берегу появился Торанага с письмом Марики в руках, а вскоре нашлись пушки, ему не хватало времени в сутках. Он составил первоначальные планы, а потом все менял и дополнял

их, тщательно продумывал списки необходимых людей и материалов, стремясь не ошибиться. И после такого дня еще допоздна работал со словарем: при объяснениях с ремесленниками потребуются новые слова, – надо же понять, что они уже сделали, и объяснить, что еще надо сделать. Много раз в отчаянии он хотел попросить священника о помощи, но знал – ее не будет, вражда их непримирима...

– Карма, – утешил он себя, нисколько не страдая от этого и жалея священника за его дурацкий фанатизм.

– Хиппару-у-у!

Самураи еще раз напряглись, пытаясь преодолеть сопротивление песка и моря. Раздалась команда, и они начали тянуть все одновременно. Остов чуть-чуть сдвинулся, люди удвоили усилия – тут трос сорвался, и все повалились на песок. Смеясь и подшучивая друг над другом, встали и снова налегли на канаты. Но теперь... остов держался еще крепче, чем раньше.

Блэксорн показал им, как тянуть то с одной, то с другой стороны, пытаясь накренить остов то на одну сторону, то на другую, но он держался как заякоренный.

– Я привяжу его к плоту, и тогда прилив сам выполнит всю работу и вытащит его из песка, – негромко сказал Блэксорн вслух по-английски.

– Дозо? – спросил Нага, заинтересовавшись.

– Ах, гомен насаи, Нага-сан. – С помощью знаков и рисунков на песке он объяснил, проклиная свой бедный словарь, как сделать плот и привязать его к килю во время отлива, как потом во время прилива тот всплывет и они смогут оттащить его и вытянуть на берег. А в следующий отлив – на катках передвинуть в нужное место.

– Ах, со дес! – Нага был потрясен.

Когда он объяснил идею остальным офицерам, все восхитились, а вассалы Блэксорна заметно заважничали. Блэксорн наставил на одного из них палец:

– Где ваши манеры?

– О, извините, господин, простите, что я оскорбил вас.

– Сегодня – прощу, завтра – нет. Плывите к кораблю – надо отвязать этот канат.

Ронин-самурай дрогнул и отвел глаза:

– Простите, господин, но я не умею плавать.

На берегу воцарилось молчание. Блэксорн понял: ждут, чем все это кончится. Он разозлился на самого себя: приказ есть приказ, и он, сам того не желая, объявил смертный приговор, на этот раз совершенно не заслуженный.

– Торанага-сан приказал, чтобы все мужчины учились плавать. Все мои вассалы должны научиться плавать за тридцать дней. Понятно? Лучше начните плавать еще раньше. А вы идите в воду – прямо сейчас устроим первый урок.

Самурай с опаской направился к морю, чувствуя себя уже покойником. Блэксорн присоединился к нему. Когда голова его скрылась под водой, он, не особенно миндальничая, вытолкнул его наверх и заставил плыть... Тот вволю побарахтался, но под руководством Блэксорна без особого риска для жизни добрался до остова судна. Самурай кашлял и отплевывался, но держался на воде. Блэксорн потянул его к берегу и в двадцати ярдах от мелкого места оттолкнул от себя:

– Плыви!

Самурай казался похожим на полузахлебнувшуюся кошку. Впредь он решил никогда не задаваться при своем господине. Приятели громко его подбадривали, те, кто умел плавать, катались по песку от хохота...

– Очень хорошо, Анджин-сан, – одобрил Нага. – Очень мудро. Я пошлю людей за бамбуком для плота. Завтра попробуем доставить все сюда.

– Благодарю вас.

– Еще попробуем тащить сегодня?

– Нет-нет, благодарю вас... – Блэксорн запнулся и прикрыл глаза, – на дюне стоял отец Алвито и глядел на них. – Благодарю вас, Нага-сан. На сегодня мы здесь закончим. Извините

меня, я на секундочку. – Он направился к тому месту, где оставил мечи и одежду, но ему уже несли все необходимое. Блэксорн не торопясь оделся и засунул мечи за пояс.

– Добрый день! – приветствовал он Алвито. Священник выглядел усталым, но выражение лица у него было дружелюбное, такое, как раньше – до той их дикой ссоры после Мисимы. Блэксорн насторожился.

– Добрый день, кормчий. Я сегодня уезжаю. Мне только хотелось немного поговорить с вами. Вы не возражаете?

– Нет, совсем нет.

– Что вы собираетесь делать – пытаетесь поднять эту громадину?

– Да, пробуем.

– Боюсь, что это вам не поможет.

– Неважно. Все равно – попробуем.

– Вы действительно верите, что сможете построить еще один корабль?

– Ну да, – терпеливо ответил Блэксорн, гадая, чего на самом деле хочет от него Алвито.

– Вы хотите вызвать сюда и остаток вашей команды, чтобы они помогли вам?

– Нет. – Блэксорн мгновение помедлил. – Им лучше оставаться в Эдо. Когда дело подойдет к завершению и корабль будет почти готов... Словом, еще много времени, чтобы привести их сюда.

– Они живут с эта?

– Да.

– Так вы поэтому не хотите, чтобы они переехали сюда?

– Это одна из причин.

– Я вас не осуждаю. Говорят, они стали очень сварливы и большую часть времени пьянствуют. Вы слышали, неделю назад там произошли беспорядки и их дом сгорел. До вас дошло это известие?

– Нет... Кто-нибудь пострадал?

– Никто. Но только чудом. В следующий раз... Кажется, один из них сделал самогонный аппарат. Ужасно, что пьянка делает с человеком...

– Да-а... Жаль их дом... Но они построят себе другой.

Алвито кивнул и оглянулся на шпангоуты – волны ласково плескались о них.

– Я хотел сказать вам, прежде чем уеду, что мне понятно, что значила для вас Марико-сан. Я был очень расстроен вашим рассказом про Осаку, но в некотором роде эта история воодушевляет. Я понимаю, что значит ее жертва... Она рассказывала вам о своем отце, об этой трагедии?

– Да, кое-что.

– А, тогда вы понимаете все это. Я очень хорошо знал Дзу-сан Кубо.

– Кого? Вы имеете в виду Акечи Дзинсаи?

– О, простите! Под этим именем он известен и сейчас. Разве вам не говорила об этом Марико-сан?

– Нет.

– Тайко в насмешку прозвал его Дзу-сан Кубо – «сегун тринадцати дней». Его мятеж – от выступления его людей до массовых сеппуку – длился всего тринадцать дней. Он был прекрасный человек, хотя и ненавидел нас – не потому, что мы христиане, а потому, что иностранцы. Я часто думал, не стала ли Марико христианкой, чтобы, лучше изучив наш образ действий, потом уничтожить нас... Он говорил, что я настроил Города против него.

– А вы настроили?

– Нет.

– Какой он был из себя?

– Низенький, лысый мужчина, очень гордый. Прекрасный генерал и замечательный поэт. Так жаль, что они так кончили... все Акечи. И теперь последняя из них... Бедная Марико... но ведь она сделала это, чтобы спасти Торанагу – если так захочет Бог. – Алвито коснулся своих чепок, – Еще, кормчий, перед тем как уехать, я хотел бы извиниться перед

вами за... в общем, я рад, что отец-инспектор был там и ему удалось спасти вас. Не за «Эрзамус» – хотя я ничего не сделал с ним. Я прошу извинения только за этих людей – Пезаро и адмирала. Я рад, что ваш корабль сгорел.

– Сигата га наи, отец. Скоро я построю другой.

– Какого типа судно вы хотите построить?

– Достаточно большое и хорошо вооруженное.

– Чтобы атаковать Черный Корабль?

– Чтобы уплыть домой, в Англию, – и защититься от любых врагов.

– Это напрасные траты – весь этот труд.

– А что, еще раз «воля Божья»?

– Ну да. Или диверсия.

– Если так, и мой новый корабль тоже погибнет – я построю другой... А с ним не повезет – еще один. Я хочу построить корабль или получить место на чужом корабле. Когда вернусь в Англию – выпрошу, одолжу, куплю или украду каперское судно и вернусь обратно.

– Да, я понимаю. Вот почему вы никогда отсюда не уедете. Вы знаете слишком много, Анджин-сан. Я говорил вам это и раньше и говорю снова, без всякой злобы. Правда. Вы смелый человек, умный враг, достойный уважения, и я стараюсь, чтобы между нами сохранился мир. Мы будем много раз встречаться друг с другом, многие годы – если переживем войну.

– Вы так думаете?

– Да. Вы слишком ценный человек для японцев. Скоро вы станете личным переводчиком Торанаги. Нам не следует враждовать – вам и мне. Думаю, наши судьбы пересекаются. Мариико-сама говорила вам об этом? Мне – говорила.

– Нет, никогда. Что еще она говорила вам?

– Она просила меня стать вашим другом, защищать вас, если я могу. Анджин-сан, я пришел сюда не для того, чтобы раздражать вас или ссориться, но попросить вас о мире перед отъездом.

– Куда вы направляетесь?

– Сначала в Нагасаки, на корабле из Мисимы. Там надо заключить несколько торговых сделок. Потом – туда, где будет Торанага, либо туда, где будет битва.

– Они позволяют вам свободно разъезжать, несмотря на войну?

– О да. Они нуждаются в нас – любой из тех, кто выиграет. Мы можем проявить благоразумие и заключить мир – вы и я. Я прошу вас об этом из-за Мариико-сан.

Блэксорн ответил не сразу.

– Как-то у нас было перемирие – потому что она этого хотела. Я предлагаю его вам. Перемирие – не мир. При условии что вы не подойдете ближе чем на пятьдесят миль к тому месту, где я буду строить корабль.

– Согласен, кормчий! Конечно, я согласен! Но вам нечего бояться меня! Ну что ж, давайте в память о ней заключим перемирие, – Алвито протянул руку. – Благодарю вас.

Блэксорн крепко пожал ему руку.

– Скоро в Нагасаки устроят ее похороны. В соборе. Службу проведет сам отец-инспектор, Анджин-сан. Часть ее праха будет погребена там.

– Ей это было бы приятно... – Блэксорн засмотрелся на останки корабля. – Еще один момент... Я не рассказывал о нем Торанаге. Как раз перед тем, как она погибла, я благословил ее как священник и исполнил последний обряд – я старался, как только мог. Больше никого не было, а она была католичкой. Я не думаю, что она слышала меня, не знаю, была ли она в сознании... То же самое я сделал при кремации. Было ли это... подействовало ли это так, как нужно? Приемлемо ли это? Я старался сделать это из-за Бога... Не из-за вас или меня... Только из-за Бога...

– Нет, Анджин-сан. Нас учат, что это не так. Но за два дня до смерти она просила и получила отпущение грехов от отца-инспектора.

– Тогда... тогда она знала, что должна умереть... Что бы ни было, она была жертвой.
– Да. Бог благословляет ее и берет под свою защиту.
– Спасибо, что рассказали мне об этом. Я... я всегда беспокоился – вдруг такое мое вмешательство не поможет, хотя я... Спасибо...

– Сайонара, Анджин-сан. – Алвито протянул руку
– Сайонара, Тсукку-сан. Пожалуйста, зажгите ей свечу от моего имени.
– Обязательно.

Блэксорн пожал ему руку и смотрел, как священник уходил от него – высокий и сильный... Достойный враг... «Мы всегда будем врагами, перемирие или нет... Что бы вы сказали, если бы знали, что планирует Торанага или что планирую я? Правда всего лишь то, чем вы уже угрожали... Мы понимаем друг друга. Перемирие не повредит. Но мы немного ждем друг от друга, Тсукку-сан. Пока строится мой корабль, я займу ваше место переводчика при Торанаге и регентах, и скоро вы будете отстранены от торговли, даже если шелк и будут перевозить португальские корабли. И все остальное тоже изменится. Мои корабли будут только началом. Через десять лет этими морями будет править английский лев. Но сначала – «Леди», все остальное – потом».

В бодром состоянии духа Блэксорн вернулся к Наге и составил планы на следующий день, потом поднялся наверх, к своему временному дому рядом с домом Торанаги. Он поел риса и мелко нарезанной сырой рыбы, приготовленных его поварами, и нашел их превосходными. Попросил вторую порцию и расхохотался.

– Господин?

– Нет-нет, ничего... – Мысленно он видел Марики и слышал, как она говорит: «О, Анджин-сан, однажды, может быть, вам даже понравится сырая рыба, и тогда вы будете на пути в нирвану – «идеальный мир».

«Ах, Марики, – подумал он, – я так рад, что ты получила настоящее отпущение грехов. И я благодарю тебя». «За что, Анджин-сан?» – услышал он ее вопрос. «За жизнь, Марики, моя дорогая...»

Много раз за эти дни и ночи он так разговаривал с ней, оживляя отдельные сцены их встреч, и размышлял о сегодняшних событиях, чувствуя ее так близко... Даже оглядывался через плечо... Вот она стоит рядом...

«Вот и сегодня утром, Марики, я опять оглянулся... Но вместо вас – Бунтаро, а рядом – Тсукку-сан... Оба пристально смотрят на меня. У меня был меч, но Бунтаро держал свой громадный лук наготове... О, моя любимая, мне пришлось призвать все свое мужество, чтобы подойти и церемонно, как полагается, приветствовать его. Вы видели? Вам следовало бы гордиться мной – таким спокойным, настоящим самураем. Он говорил напыщенно, Тсукку-сан переводил: «Госпожа Киритсубо и госпожа Сазуко рассказали мне, как вы спасли честь моей жены и их честь тоже. Как вы спасли ее и их от позора. Я благодарю вас, Анджин-сан. Прошу простить, что до этого я был так несдержан. Я прошу меня извинить и благодарю вас». Он поклонился мне и ушел... А я так хотел, чтобы это вы были рядом... Вы бы поняли: скрыто, и никто никогда не узнает...»

Блэксорн много раз так оглядывался... Но его не огорчало, когда ее не было... и не могло быть... Она и так с ним повсюду... Он любил ее и в хорошие, и в тяжелые, и даже в самые трагические времена. Она всегда приходила в его снах... И теперь сны эти светлые... Сны о ней вдруг оборачивались рисунками и планами... резной фигурой на носу судна... парусами... мыслями о том, как сделать киль и как построить корабль... А потом он с радостью видел готовую «Леди» – под парусами, надувшимися от свежего юго-западного ветра.. Она плывет через Ла-Манш... Фалы хлопают, рангоут напрягается и потрескивает при перемене курса, раздается крик: «Спустить паруса! Топсели, гроты, бом-брам-стенги и брам-стенги!» Освободившись от шкотов, завоевывая каждый дюйм, под канонаду парусов меняется курс... По команде «Так держать!», на которую отзываются паруса, неопиcуемой красоты корабль поворачивает у Бич-Хид влево, держа курс на Лондон...

Торанага, окруженный телохранителями, поднимался в гору у лагеря. На рукавице у него сидела Кого. Он охотился на берегу моря, а теперь направлялся в горы над деревней. Оставалось еще два часа до захода солнца, и он не хотел терять времени – когда еще выдастся денек для охоты...

«Сегодня – мой день, – размышлял он. – Завтра я начну войну. А сегодня нужно привести в порядок свой дом, делая вид, что Кванто и Изу ничто не грозит и что мой род в безопасности... Я выживу, увижу еще одну зиму и весну, буду охотиться на досуге... Славный сегодня получился денек...»

Он дважды успешно пускал Тетсу-Ко на добычу... – Она налетала как в сказке, раньше ей так не удавалось, даже когда они с Нагой охотились у Анджино – то прекрасное, незабываемое пикирование хитрого старого петуха – фазана. Сегодня она несколько раз добывала журавлей не меньше ее самой по размерам и каждый раз послушно возвращалась к нему на приманку. Фазана выгнали собаки... Торанага пустил сокола... Тот стал кругами подниматься вверх... Фазан взлетел и стал набирать высоту... Сокол вошел в пики, – казалось, оно длится вечно.. Удар был прекрасен... Тетсу-Ко снова вернулась к приманке и с гордым видом поела, сидя у него на перчатке.

Теперь они охотились за зайцем. Ему пришло в голову, что Анджин-сан любит мясо... Вместо того, чтобы закончить на этом, довольный Торанага решил добыть еще еды и погнал лошадь, стараясь не упустить светлое время.

Передовая часть его отряда уже объехала лагерь и поднималась по извилистой дороге на гребень, Торанага ехал сзади, радуясь удачному дню.

Критически оглядев лагерь с точки зрения безопасности, он ничего не обнаружил. Повсюду самураи занимались боевой подготовкой – учения полка и стрельбы до отъезда Тсукку-сана были запрещены, – и это ему понравилось. Блестели на солнце двадцать пушек, спасенных с таким трудом... Вот Анджин-сан – он сидит на земле со скрещенными ногами, сосредоточившись над работой за низким маленьким столиком... Ниже, на берегу, виднеется остов судна. Торанага понял, что сдвинуть его не удалось, и подумал: как же Анджин-сан вытащит его на берег, если и с места не стронул...

«И все же, Анджин-сан, я верю – вы сумеете вытащить его на берег, – подумал Торанага. – Вы построите ваш корабль, и я покончу с ним так же, как погубил и этот, или дам его угнать, как еще одну подачку христианам, которые мне важнее, мой друг, чем ваши корабли. И ваши, и те, что ждут вас на родине. Ваши соотечественники еще приплывут ко мне с договором вашей королевы. Но не вы... Вы нужны мне здесь...

В нужное время, Анджин-сан, я расскажу вам, почему я должен был поджечь ваш корабль, и вы не будете возражать, – ваши мысли будут заняты другим. Вы поймете: то, что я вам сказал, все еще верно – нужно было выбирать между вашим кораблем и вами. Я выбрал вам жизнь. Это правильно. Тогда мы вместе посмеемся по поводу этой «случайности». О, это было так легко... Поставить стражу из надежных людей с тайными приказами рассыпать повсюду порох. В назначенную ночь, предупредив Нагу – в это время Оми уже сообщил о заговоре Ябу, – так расставить всех заговорщиков, чтобы слежение за берегом и вахту на корабле осуществляли только люди с Изу – те пятьдесят три заговорщика. Потом один ниндзя с кресалом пробрался туда в темноте – и ваш корабль превратился в факел. Конечно, ни Оми, ни Нага в этой диверсии не замешаны.

Прошу прощения, Анджин-сан, но это было необходимо. Я спас вам жизнь – вы хотели этого больше, чем своего корабля. Раз пятьдесят или даже больше я решал, не лишит ли вас жизни, но каждый раз мне удавалось этого избежать. Надеюсь, удастся и дальше. Почему? Сегодня день правды... Ответ такой: вам удастся заставить меня расхохотаться, и я нуждаюсь в друге. Я не осмеливаюсь заводить друзей среди своих людей или среди португальцев. Да – я говорю об этом только в полночь, когда я наверняка один, – я нуждаюсь в друге. А также и в ваших знаниях. Мариико-сан еще раз оказалась права. Прежде чем вы нас

покинете, я хочу узнать все, что знаете вы. Я сказал вам, что у нас масса времени – у вас и у меня.

Я хочу знать, как вести корабль вокруг земли, и понять, как маленькая островная нация может отражать натиск огромной империи. Может быть, ответ применим к нам и Китаю... Тайко во многом был прав.

Первый раз, увидев вас, я сказал: «Для мятежа нет оправдания!» – а вы сказали: «Только одно – если вы выиграли!» Да, Анджин-сан, я полюбил вас с того раза. Все правильно, если вы побеждаете. Проигрывать – глупо! Непростительно! Вы не проиграли и будете жить благополучно и счастливо на своей земле в Анджиро, где Мура-рыбак будет охранять вас от христиан и продолжать пичкать их всякой ерундой по моей подсказке. Как наивен был Тсукку-сан – поверил, что один из моих людей, пусть и христианин, украл ваши руттеры и тайно отдал их священникам, не сообщив об этом мне и не получив моего разрешения. Ах, Мура, ты тридцать или даже больше лет честно служил мне и скоро получишь свою награду! Что скажут священники, когда узнают, что твое настоящее имя – Акира Тономото, ты самурай и мой шпион, а не рыбак, староста и христианин?

Не беспокойтесь, Анджин-сан, я думаю о вашем будущем. Вы в хороших, сильных руках, и я планирую вам чудесное будущее».

– Я буду наложницей чужеземца? Ох, ох, ох! – громко застонала Кику.

– Да, через месяц. Фудзико-сан официально согласилась. – Он рассказал свой план Кику и Дзэко, не обращая внимания на расстроенную девушку. – И тысячу коку в год после рождения первого сына Анджин-сана.

– О, что вы сказали?

Он повторил обещание и добродушно добавил:

– В конце концов самурай есть самурай и два меча есть два меча. Его сыновья будут самураями. Он хатамото, один из моих самых важных вассалов, адмирал всех моих судов, близкий мне личный советник, даже друг.

– Прошу прощения, но господин...

– Сначала вы будете просто его наложницей.

– Простите – сначала, господин?

– Может быть, вы станете его женой. Фудзико-сан сказала мне, что она не хочет выходить замуж еще раз, но я думаю, что ему следует жениться. Почему не на вас? Если вы ему понравитесь, а я думаю, что вы ему понравитесь, и спокойно, старательно будете помогать ему строить корабль... Да, я думаю, вам следует стать его женой...

– О, да, да! – Она обняла его и извинилась за свою порывистость и плохие манеры, за то, что прерывала и не слушала. Она прошла в четырех шагах от того места, где только что хотела броситься с ближайшего утеса.

«Вот вам – женщины! – подумал Торанага, удивившись и обрадовавшись. – Теперь она получила все, чего хочет, как и Дзэко, – если корабль будет построен вовремя. А он будет построен. Да и священники...»

– Господин!

Кто-то из охотников показал на кусты у дороги. Он натянул поводья и приготовился пустить Кого, освободив ее от пут, которыми она была привязана к руке.

– Ну! – Негромко подал он команду. Тут же вперед пустили собаку.

Заяц выскочил из кустов и бросился вперед, ища укрытия, – в этот же момент Торанага выпустил Кого. Мощными ударами крыльев о воздух птица набрала скорость и бросилась в погоню за зайцем – прямая как стрела... В ста шагах впереди на неровной местности виднелись заросли куманихи, и заяц стремился туда, молниеносно петляя. Кого сокращала расстояние, срезая углы, разрезая воздух в нескольких футах от земли... Вот она оказалась над своей добычей, ударила – заяц вскрикнул, кинулся назад и снова, стрелой, вперед. Кого мчалась вдогонку, крича свое «ек-ек-ек», недовольная, что промахнулась. Заяц еще раз крутанулся в последней броске к спасению и закричал – Кого ударила и уцепилась когтями за шею и голову, бесстрашно держась за него... Она сложила крылья, держа зайца за шею и

не обращая внимания на неистовые дерганья и кувыркания... Последний вскрик зайца... Кого отпустила его, на мгновение взмыла в воздух, одним резким движением расправила взъерошенные перья – и снова упала на теплое, дергающееся тело, сжав когти в смертельной хватке... И только потом издала свой победный клич и довольно засвистела, поглядывая на хозяина...

Торанага рысью подъехал ближе и спешился, показывая ей приманку. Ястреб послушно оставил свою добычу и, когда он ловко спрятал приманку, послушно уселся на протянутую перчатку. Торанага ухватился пальцами за ремешки на ногах у птицы и через кожу, в которой были проложены стальные полосы, почувствовал, как она сжала ему руку...

– Э-э-э, хорошая работа, моя красавица. – Он наградил птицу лакомством – частью заячьего уха, отрезанного загонщиком. – Ну, перекуси, но не слишком много – тебе еще нужно будет поработать...

Улыбаясь, загонщик поднял зайца.

– Господин! Он наверное, раза в три-четыре тяжелее, чем она... Лучше всех, кого мы ловили за последнее время...

– Да. Отправь его в лагерь Анджин-сану, – Торанага снова сел в седло и махнул остальным, чтобы они ехали вперед – еще один загон.

«Да, все выполнено прекрасно, но не так волнующе, как тогда, когда убивал сокол. Ястреб есть ястреб – птица-мясник, убийца, рожденный убивать всюду и всех, кто движется. Как ты, Анджин-сан... Да, ты короткокрылый хищник... Вот Мариико была соколом...»

Он отчетливо представил себе Мариико, и ему страстно захотелось, чтобы не надо ей было ехать в Осаку и затем отправляться в Пустоту. «Но это необходимо, – терпеливо повторил он себе. – Надо было освободить заложников. Не только моего сына, а всех остальных. Теперь у меня еще пятьдесят союзников, тайных друзей. Ваше мужество и мужество госпожи Эцу вынудили перейти на мою сторону их всех и всех Маэда, а вместе с ними и все западное побережье. Ишидо придется выйти из своего недоступного логова, регенты разделятся, а Ошиба и Кийяма кинутся ко мне на руку. Вы сделали все это и даже более того: вы дали мне время, позволяющее создать ловушку и кинуть туда приманку.

Ах, Мариико-сан, кто бы мог подумать, что такая маленькая, изящная женщина, как вы, дочь Дзу-сан Кубо, моего старого противника, изменника Акечи Дзинсаи, могла сделать так много и так красиво! С таким достоинством отомстить Тайко, врагу и убийце своего отца! Один стремительный бросок, словно Тетсу-Ко, – и вы поразили вашего врага, который в то же время и мой враг.

Так печально, что вас больше нет. Такая верность заслуживает особых милостей».

Торанага тем временем поднялся на гребень, остановил лошадь и крикнул, чтобы ему дали Тетсу-ко. Сокольник взял у него Кого, Торанага погладил птицу, в последний раз сидевшую у него на перчатке с колпачком на голове, снял колпачок и бросил ее вверх... Потом долго следил, как она поднимается кругами, высматривая добычу... «Свобода Тетсу-ко – это мой подарок вам, Мариико-сан. – Он мысленно обращался к ней, наблюдая, как сокол спиралью уходит все выше... – Чтобы почтить вашу преданность мне, вашу преданность родителям и нашему важному правилу: любящий сын или дочь не могут спокойно жить под одним небом с убийцей своего отца».

– Ах, как мудро, господин! – обратился к нему сокольник.

– Что?

– Отпустить Тетсу-ко, освободить ее. Последний раз, когда вы отпустили ее, я думал, она не вернется, хотя и не был уверен. Ах, господин, вы лучший сокольник в нашем государстве, лучший, – если смогли определить наверняка, когда нужно отпустить ее на волю.

Торанага позволил себе бросить на него сердитый взгляд. Сокольник побледнел, не поняв причины гнева, быстро передал обратно Кого и поспешно ретировался.

«Да, Тетсу-ко была мне предана, – раздраженно подумал Торанага. – Тем более она символический дар духу Мариико и мера ее мести. Но как быть со всеми сыновьями всех

мужчин, которых вы убили? Ну, это совсем другое, все эти люди заслуживали смерти. Тем не менее вы всегда настороженно относитесь к тем, кто оказывается в пределах выстрела из лука... Что ж, это нормальная осторожность». Такое заключение устроило Торанагу, и он решил вставить его в завещание.

Торанага еще раз посмотрел вверх, на сокола, который больше не принадлежал ему. Какое красивое создание, особенно теперь – там, в вышине, где она парила свободно... Вот что-то, видно, отвлекло ее – она повернула на север и скрылась из виду...

– Благодарю тебя, Тетсу-ко. Выхаживай теперь дочерей, и побольше, – напутствовал ее Торанага, переключаясь на то, что происходит внизу, на земле.

Деревня в лучах заходящего солнца казалась такой опрятной... Анджин-сан все еще сидел за своим столом, самураи занимались боевой подготовкой, от кухонных плит поднимались дымки... За бухтой, примерно в двадцати милях, лежал Эдо, в сорока ри к юго-востоку – Анджино, на западе, в двухстах девяноста ри, – Осака, а на север оттуда, на расстоянии едва ли в тридцать ри, – Киото.

«Вот где должна быть основная битва... – подумал он, – Около столицы. Севернее, в районе Дзифу, Огаки или Хасимы, у Накасенде. Большой северной дороги. А может быть, там, где дорога поворачивает на юг, к столице, – у маленькой деревушки Секигахара, в горах. Где-нибудь там... – О, я много лет был в безопасности за своими горами, но сейчас представился шанс, которого я давно ждал: горло Ишидо оказалось незащищенным.

Мой главный удар будет нанесен вдоль Северной дороги, а не Токайдо, прибрежной дороги, хотя до поры до времени я буду делать вид, что пятьдесят раз меняю свое решение. Мой брат пойдет со мной. Да, я думаю, Затаки убедил себя: Ишидо предпочел ему Кийяму. Мой брат не дурак, и я сдержу свою торжественную клятву добиться для него Ошибы. Во время битвы Кийяма перейдет на мою сторону, – думаю, что перейдет, – и, когда это случится, нападет на своего ненавистного врага – Оноши. Это будет сигналом пустить в дело ружья, я атакую их внутренние фланги и одержу победу... Я выиграю битву – Ошибка предусмотрительно не позволит наследнику выйти против меня на поле битвы. Она знает: если она так сделает, я, к сожалению, вынужден буду убить ее сына... – Торанага тайком улыбнулся. – Как только я одержу победу, я отдам Кийяме все земли Оноши и предложу ему назначить своим наследником Сарудзи. В тот момент, как я стану президентом нового Совета регентов, мы рассмотрим предложение Затаки госпоже Ошибе, которая будет так оскорблена его притязаниями, что для успокоения первой дамы в государстве и наследника регентам придется, к сожалению, предложить моему брату отправиться в Пустоту... Кто займет его место регента? Касиги Оми. Кийяма будет следующей жертвой Оми... Да, это разумно и так легко... Кийяма, главный среди всех наших христиан, конечно, будет превозносить свою религию, а она все еще у нас вне закона... Эдикты Тайко все еще действуют... Оми и все остальные будут говорить: «Я голосую за то, чтобы эдикты вступили в действие». И Кийяма уйдет – регентов-христиан больше не будет. Постепенно наше давление на эту глупую, но опасную чужеземную религию усилится... Она угрожает нашей Земле Богов, всегда угрожала нашему ваи, следовательно, должна быть уничтожена... Мы, регенты, предложим соотечественникам Анджин-сана отобрать у португальцев их торговлю. Как можно быстрее мы, регенты, прикажем ограничить всю торговлю и проживание всех иностранцев одним только Нагасаки – маленькой частью Нагасаки – и очень серьезно будем наблюдать, как это выполняется. Мы закроем для них нашу землю навсегда! Для них, их ружей и их ядов!

Так много всего еще нужно сделать, после того как я выиграю битву, – если выиграю... Но мы, японцы, очень предусмотрительные люди...

Это будет золотой век. Ошибка и наследник будут держать пышный двор в Осаке, время от времени мы будем раскланиваться перед ними, а править от их имени – за пределами Осацкого замка. Через три года или примерно так Сын Неба предложит мне распустить Совет и стать сегуном на время до совершеннолетия племянника. Регенты будут убеждать меня принять это предложение, и я, без всякой охоты соглашусь... Через год или два, без

всякой помпы, я уступлю свой пост Судару, сохраню за собой власть, буду внимательно следить за Осацким замком... Я буду терпеливо ждать... В какой-нибудь день два узурпатора, живущие в нем, сделают ошибку – и тогда они уйдут... Каким-нибудь образом исчезнет и Осацкий замок – совсем как сон во сне... И реальная награда в той Великой Игре, награда, о которой я начал думать, как только смог думать, которая стала возможна в момент смерти Тайко, – реальная награда будет получена. Эта реальная награда – сегунат.

Именно за нее я боролся, ее я планировал всю свою жизнь. Я, один, наследую все государство! Я буду сегуном! И начну новую династию... Это стало возможно сейчас – благодаря Марико-сан и варвару чужеземцу, пришедшему из восточного моря...

Марико-сан, ваша карма была умереть со славой – и жить вечно... Анджин-сан, мой друг, ваша карма – никогда не покидать эту страну. Моя карма – быть сегуном. – Кого, ястреб, встрепенулся на его руке и устроился поудобнее, наблюдая за Торанагой. Тот улыбнулся птице. – Я не выбирал, кем мне быть. Это моя карма!»

В этот год, на рассвете двадцать первого дня десятого месяца, месяца без богов, началось сражение между главными силами. Это случилось в горах около Секигахары, на Большой северной дороге. Погода стояла отвратительная – туман, потом дождь со снегом... К самому концу дня Торанага выиграл битву. Началась резня – было отрублено сорок тысяч голов...

Спустя три дня Ишидо схватили живым. Торанага остроумно напомнил ему о предсказании китайского посла и в цепях отправил в Осаку для публичного обозрения. Он приказал эта закопать господина генерала Ишидо в землю, оставив одну голову, и предложить прохожему попилить самую знаменитую в стране шею бамбуковой пилой... Ишидо умирал целых три дня и умер очень старым...